ПУТЬ МОЕЙ ЖИЗНИ

ВОСПОМИНАНІЯ МИТРОПОЛИТА ЕВЛОГІЯ

ИЗЛОЖЕННЫЯ ПО ЕГО РАЗСКАЗАМЪ Т. МАНУХИНОЙ

YMCA-PRESS
PARIS

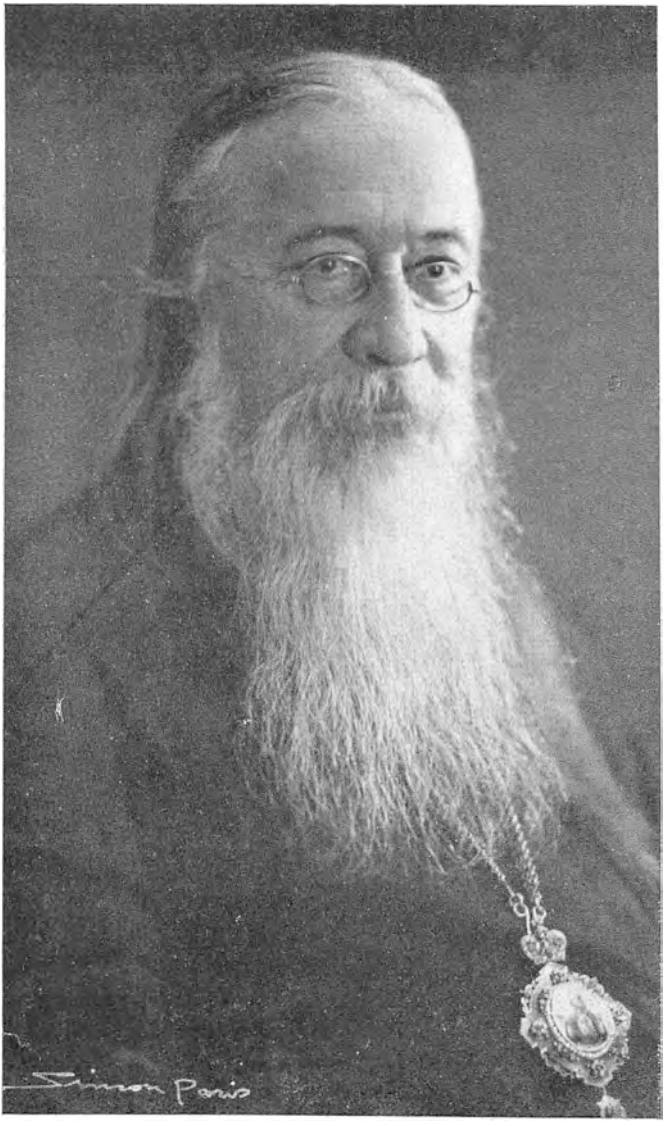
ПУТЬ МОЕЙ ЖИЗНИ

Воспоминанія Митрополита Евлогія

Изложенныя
по его разсказамъ
Т. Манухиной

YMCA-PRESS
PARIS

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ
МИТРОПОЛИТЪ ЕВЛОГІЙ.

Путь моей жизни

Воспоминанія
Митрополита Евлогія

Изложенныя
по его разсказамъ
Т. МАНУХИНОЙ

YMCA-PRESS
ПАРИЖЪ

Copyright 1947 by YMCA-PRESS.
Société a responsabilité limitée, Paris.
Tous droits reservés.

ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНІЙ

Въ февралѣ 1935 года И. П. Демидовъ сообщилъ мнѣ, что ему удалось уговорить Митрополита Евлогія припомнить всѣ свои автобіографическіе разсказы, чтобы составить изъ нихъ книгу, и просилъ меня, отъ имени Владыки, обдумать, не согласна-ли я изложить ихъ въ формѣ послѣдовательнаго повѣствованія.

Это заданіе показалось мнѣ немного сложнымъ, но все же выполнимымъ. Осуществленіе его зависѣло отъ того, сумѣю ли я, не пользуясь стенографіей, передать не только содержаніе разсказовъ Митрополита, изложивъ ихъ отъ перваго лица, но и запечатлѣть его тихую, спокойную и художественно-образную рѣчь, разнообразные оттѣнки мыслей, тонкую простоту и глубокую правдивость его повѣствовательнаго дара. Эти характерныя черты разсказовъ Митрополита я подмѣчала, и не разъ, за годы встрѣчъ съ нимъ въ Парижѣ и теперь поняла, что мнѣ надо, въ мѣру возможнаго, приблизить текстъ къ живой рѣчи, чтобы сохранилась свѣжесть «сказаннаго» слова. Лишь при соблюденіи этого условія воспоминанія, не будучи продиктованными записями, не превращаясь и въ историко-біографическій трудъ, могли быть названы «автобіографіей».

Помню, въ ближайшій понедѣльникъ послѣ бесѣды съ И. П. Демидовымъ, въ назначенный мнѣ часъ я пріѣхала къ Митрополиту. Въ этотъ день было положено начало тѣмъ «понедѣльникамъ», которые продолжались въ теченіе трехъ лѣтъ изъ недѣли въ недѣлю. Исключенія составляли лѣтнія каникулы, поѣздки Митрополита по епархіи и какія-нибудь непредвидѣнныя препятствія.

Съ первыхъ же встрѣчъ былъ выработанъ порядокъ занятій. Къ каждому понедѣльнику у Владыки въ записной книжкѣ уже былъ готовъ краткій планъ очередныхъ разсказовъ. Живая память Владыки и подлинный талантъ художественнаго изображенія ярко и легко возсоздавали прошлое, а свѣтлый разумъ умѣлъ вдумчиво и глубоко смыслъ пережитаго изъяснять. Краснорѣчиво-связными его разсказы не были, но, даже немного разрозненные, они давали превосходный матеріалъ для послѣдовательнаго изложенія.

Послѣ понедѣльника я вручала Владыкѣ мой текстъ для про-

смотра и утвержденія. Иногда онъ добавлялъ къ нему то, что сказать забылъ, или что я случайно пропустила; вносилъ болѣе точныя детали, а иногда, наоборотъ, опускалъ какія-нибудь подробности, считая ихъ лишними.

Когда по ходу автобіографіи Митрополитъ дошелъ до своей государственной и церковно-административной дѣятельности, онъ счелъ необходимымъ пользоваться нѣкоторыми историческими и архивными источниками. При описаніи возникновенія въ эмиграціи храмовъ и приходовъ, онъ затребовалъ изъ архивовъ Епархіальнаго Управленія всѣ необходимые документы и уже по нимъ подготовлялъ свои разсказы. Къ этому отдѣлу Митрополитъ относился съ живѣйшимъ вниманіемъ и старался не забыть ни одной церкви, ни одной церковной общины... Возникновеніе множества церквей и приходовъ въ своей Западно-Европейской епархіи онъ считалъ вѣрнымъ признакомъ религіознаго воодушевленія, проявленіемъ соборныхъ усилій русскихъ людей въ разсѣяніи сохранить свое драгоцѣннѣйшее достояніе — Православную Церковь. Особое мѣсто въ этомъ отдѣлѣ Митрополитъ отвелъ Сергіевскому Подворью и Богословскому Институту. Существованію храма-прихода имени Преподобнаго Сергія и Богословскому Институту, ихъ сочетанію, ихъ духовнымъ взаимоотношеніямъ онъ придавалъ огромное значеніе — видѣлъ въ нихъ средоточіе религіознаго просвѣщенія и православной богословской науки въ эмиграціи, свѣтильникъ Православія, который удалось возжечь на чужбинѣ среди инославнаго міра.

Послѣдовательная работа надъ воспоминаніями окончилась весной 1938 г. Заключительнымъ важнымъ событіемъ была Эдинбургская Конференція Христіанскихъ Церквей въ августѣ 1937 г. Прошлое было исчерпано. За два послѣдующихъ года 1938-1940 текстъ удалось дополнить еще нѣкоторыми данными преимущественно изъ области церковно-приходскаго строительства и Экуменическаго Движенія.

Ни міровая война, ни германская оккупація, ни послѣдующія политическія и церковныя событія никакого слѣда въ воспоминаніяхъ не оставили. Въ этотъ послѣдній періодъ жизни Митрополитъ ничего записывать не хотѣлъ. Въ 1938 г. онъ уже считалъ трудъ оконченнымъ, и тогда былъ поднятъ вопросъ о заключительной главѣ. Я спросила Владыку: не посвятитъ ли онъ ее завѣтамъ паствѣ? Мнѣ казалось, что его долгая жизнь, преисполненная самоотверженнаго служенія Церкви, столь исключительная по обилію событій, встрѣчъ, наблюденій, давала ему на это право... Владыка отвѣтилъ уклончиво: «завѣты... какіе я могу оставлять завѣты!», а потомъ, помолчавъ: «ну, я подумаю, подумаю... я что-

нибудь скажу». Въ слѣдующую встрѣчу онъ сообщилъ мнѣ основныя мысли своего «Заключенія». — «Здѣсь не завѣты, сказалъ онъ, а самое мое завѣтное о Церкви и о Христовой свободѣ...». Этими страницами трехлѣтній трудъ и закончился. Митрополитъ тогда же озаглавилъ его «ПУТЬ МОЕЙ ЖИЗНИ» и просилъ меня никому до его смерти о воспоминаніяхъ не говорить.

Т. Манухина.
(Т. Таманинъ.)

Парижъ, 1947.

Дѣтство

(1868 — 1877)

ГЛАВА I

Родился я 10-го апрѣля въ 1868 г. на Пасхѣ въ захолустномъ селѣ Сомовѣ, Одоевскаго уѣзда, Тульской губерніи, расположенномъ на большакѣ между Бѣлевымъ и Одоевымъ. При св. крещеніи я былъ названъ Василіемъ. Отецъ мой, Семенъ Ивановичъ Георгіевскій, былъ сельскій священникъ. По натурѣ веселый, жизнерадостный, общительный, онъ имѣлъ душу добрую, кроткую и поэтическую, любилъ пѣніе, музыку, стихи... нерѣдко цитировалъ отрывки изъ до-пушкинскихъ поэтовъ. Когда на душѣ у него бывало тяжело, онъ своихъ переживаній на людяхъ не выявлялъ, умѣлъ ихъ прятать, хотя характера былъ экспансивнаго и легко раздражался. По своему развитой и въ общеніи пріятный, онъ пользовался расположеніемъ окрестныхъ помѣщиковъ, и его приглашали въ помѣщичьи семьи обучать дѣтей. Съ теченіемъ времени онъ нѣсколько свою жизнерадостность утратилъ, — тяжесть жизни, нужда его придавили, — но порывы ея остались до конца дней. Зато въ практическихъ дѣлахъ онъ былъ легкомысленъ, его нетрудно было обмануть, обсчитать: то сѣмена продешевитъ, то цѣловальникъ на телушкѣ обманетъ... Мать моя нерѣдко укоряла его за излишнюю къ людямъ довѣрчивость. Я отца очень любилъ: милая, добрая натура.

Мать моя, Серафима Александровна, по природѣ своей была глубже отца, но болѣзненная, нѣсколько нервная, она имѣла склонность къ меланхоліи, къ подозрительности. Сказалась, быть можетъ, и тяжелая ея жизнь до замужества: она была сирота, воспитывалась въ семьѣ стараго дяди, который держалъ ее въ черномъ тѣлѣ. Печать угнетенности наложила на нее и смерть первыхъ четырехъ дѣтей, которыя умерли въ младенчествѣ: съ этой утратой ей было трудно примириться. Потерявъ четырехъ дѣтей въ теченіе восьми лѣтъ, она и меня считала обреченнымъ: я родился тоже слабымъ ребенкомъ. Какъ утопающій хватается за соломинку, такъ и она рѣ-

шила поѣхать со мною въ Оптину пустынь къ старцу Амвросію, дабы съ помощью его молитвъ вымолить мнѣ жизнь.

Старецъ Амвросій былъ уже извѣстенъ, а посѣщеніе оптинскихъ старцевъ стало народнымъ явленіемъ. Съ нами поѣхала и наша няня, преданнѣйшая семьѣ безродная старушка. Мнѣ было тогда годъ и три мѣсяца. Пути отъ насъ до Оптиной 62 версты. Смутно помню я это путешествіе — остановку въ Бѣлевѣ, гдѣ на постояломъ дворѣ Безчетвертнаго мы кормили лошадей: шумъ... музыка... какіе-то невиданные люди... — впечатлѣніе веселаго праздника. Такъ запечатлѣло мое сознаніе остановку на постояломъ дворѣ — толчею въ горницѣ, гармонику и постояльцевъ въ городскомъ, не крестьянскомъ, платьѣ.

Скитъ Оптиной пустыни, гдѣ проживалъ старецъ Амвросій, отстоялъ отъ монастыря въ полутора верстахъ. Раскинулся онъ въ сосновомъ бору, подъ навѣсомъ вѣковыхъ сосенъ. Женщинъ въ скитъ не пускали, но хибарка, или келья, старца была построена въ стѣнѣ такъ, что она имѣла для нихъ свой особый входъ изъ бора. Въ сѣняхъ толпилось всегда много женщинъ, среди нихъ не мало бѣлевскихъ монашекъ, которыя вызывали досаду остальныхъ посѣтительницъ своей привилегіей стоять на церковныхъ службахъ впереди и притязать на внѣочередной пріемъ.

Моя мать вошла въ пріемное зальце о. Амвросія одна, а няню со мной оставила въ сѣняхъ. Старецъ ее благословилъ, молча повернулся и вышелъ. Мать моя стоитъ, ждетъ... Проходятъ десять, пятнадцать минутъ, — старца нѣтъ. А тутъ я еще поднялъ за дверью крикъ. Что дѣлать? Уйти безъ наставленія не смѣетъ, оставаться — сердце материнское надрываетъ крикъ... Она не вытерпѣла и пріоткрыла дверь въ сѣни. «Что-жъ ты, няня, не можешь его успокоить?..» — «Ничего не могу съ нимъ подѣлать», — отвѣчаетъ няня. Какія то монашенки за меня вступились: «Да вы возьмите его съ собой, старецъ дѣтей любитъ...». Мать взяла меня — и я сразу затихъ. Тутъ и о. Амвросій вышелъ. Ничего не спросилъ, а отвѣчая на затаенное душевное состояніе матери, прямо сказалъ:

— Ничего, будетъ живъ, будетъ живъ.

Далъ просфору, иконку, какую-то книжечку, благословилъ, — и отпустилъ.

Вернулась домой моя мать ликующая. Вѣрю и я, что молитвами старца дожилъ до преклонныхъ лѣтъ.

Когда я сталъ уже сознательнымъ мальчикомъ, мать разсказала мнѣ про старца Амвросія. Она ѣздила къ нему каждые два-три года; его наставленія были ей просто необходимы. Жизнь ея была полна заботъ, тревогъ и болѣзней: послѣ меня у нея было еще девять че-

ловѣкъ дѣтей; трое изъ нихъ умерли младенцами, шесть выжили: пять братьевъ и одна сестра. Иногда въ эти поѣздки она брала съ собою и меня.

Жили мы въ сельскомъ домикѣ, сложенномъ изъ цѣльныхъ некрашеныхъ бревенъ. Въ комнатахъ пахло сосной. Помню большіе часы, съ боемъ и съ огромнымъ маятникомъ...

Въ дѣтствѣ мнѣ всѣ предметы представлялись одушевленными. Лежу, бывало, въ постели, и все мнѣ кажется живымъ. О чемъ думаютъ бревна? О чемъ думаютъ часы? недоумѣваю я. Листикъ ли упадетъ на землю, — онъ тоже для меня живой, и мнѣ его жаль, что онъ, безпріютный, безпомощный, гонимый вѣтромъ, куда-то не по своей волѣ носится...

Укладъ нашей жизни былъ религіозный, патріархальный; отражалъ характерныя черты быта русской крестьянской жизни и положеніе сельскаго духовенства. Подъ его воздѣйствіемъ и слагалась моя духовная личность.

Въ раннемъ дѣтствѣ направленіе моего развитія обусловили два вліянія: 1) религіозная вѣра и ея церковно-бытовыя формы благочестія, 2) природа.

Все вокругъ меня дышало религіозной вѣрой. Я былъ какъ бы погруженъ въ ея стихію. Мать моя, экспансивная, набожная, въ простотѣ сердечной вѣрующая душа, находила смыслъ жизни лишь въ Богѣ и семьѣ. Обязательства, связанныя съ необходимостью принимать гостей, поддерживать или заводить знакомства, были ей въ тягость. Отецъ, если и любилъ общаться съ людьми, поговорить, посмѣяться, въ глубинѣ души былъ истинный пастырь, съ головой уходившій въ свою дѣятельность. Иногда я недоумѣвалъ, почему онъ, то шутитъ, смѣется, какъ всѣ мірскіе, то вдругъ дѣлается строгимъ, серьезнымъ, и тогда мы, дѣти, его побаиваемся. Бывало, засыпаешь и въ полуснѣ видишь: отецъ передъ иконами молится... Проснешься утромъ — онъ уже на молитвѣ, правило свое читаетъ. Былъ онъ строгъ къ себѣ, но строго выговаривалъ и крестьянамъ, которые не бывали у исповѣди, грозилъ не исполнять требъ, если не одумаются. Случалось мнѣ ребенкомъ быть свидѣтелемъ этихъ строгихъ выговоровъ, когда на Пасхѣ отецъ ходилъ съ крестнымъ ходомъ по крестьянскимъ избамъ и служилъ молебны.

— Если не придешь и въ Петровъ постъ или до него, смотри, не будетъ для тебя требы, — не приду. Ты тогда не прихожанинъ мнѣ... — грозилъ онъ провинившемуся.

Пасхальные крестные ходы были любимымъ развлеченіемъ для насъ, деревенскихъ мальчишекъ. Обходили до 1.000 домовъ, шли отъ

деревни къ деревнѣ, кое-гдѣ отстоявшихъ другъ отъ друга на 5-6 верстъ, пробирались по грязи, по дорогамъ, когда ни на телѣгѣ ни на саняхъ не проѣхать. Крестные ходы эти были многолюдны. Нарядные парни несли крестъ, иконы: Спасителя, Божьей Матери, св. Николая Чудотворца, св. Георгія Побѣдоносца, свв. Флора и Лавра, покровителей животныхъ, св. Іоанна Предтечи... зачастую по обѣту, дабы Богъ далъ хорошихъ невѣстъ. Шли съ пѣніемъ «Христосъ Воскресе», въ домахъ служили молебны съ акафистами (отцу случалось служить въ день до 100 молебновъ). Мы, мальчишки, слѣдовали всюду за толпой, подпѣвали, помогали... намъ давали по копѣечкѣ, по красному яичку, и кое-гдѣ на нашу долю перепадало угощенье.

Эти пасхальные крестные ходы я очень любилъ. Они развивали любовь къ церкви, къ богослуженію, которая возникла во мнѣ въ раннемъ дѣтствѣ; проспать утреню я всегда боялся, и въ 5-6 лѣтъ была у меня одна тревога: а вдругъ старшіе обманутъ, не разбудятъ? Стихія церковныхъ службъ наполняла душу священной поэзіей и радостью сопребыванія съ людьми. Однажды я опоздалъ къ утренѣ въ Великую Пятницу (это богослуженіе въ деревнѣ совершалось рано утромъ, кажется, въ 5 часовъ утра); когда я вошелъ, всѣ стояли съ зажженными свѣчами, слушая Страстное Евангеліе; у меня свѣчи не было, и я готовъ былъ разрыдаться отъ горя; но церковный староста замѣтилъ, и далъ мнѣ свѣчку съ позолотою, къ великому моему счастью. Особенно волновался я передъ Пасхой, что меня не возьмутъ къ заутренѣ. Въ Великую Субботу подъ вечеръ окрестные помѣщики съѣзжались къ намъ и отъ насъ уже отправлялись къ заутренѣ (таковъ ужъ былъ мѣстный обычай). Сидятъ, бывало, на диванѣ въ горницѣ нашей хаты, курятъ, чай пьютъ, а я за перегородкой въ спальнѣ наблюдаю, слушая, о чемъ они разговариваютъ. Лампады, свѣчи горятъ... Меня ко сну клонитъ, — подъ говоръ легко уснуть, — но я стараюсь одолѣть дремоту...

Когда я сталъ сознательнымъ мальчикомъ, но въ школу еще не поступилъ, меня возили на исповѣдь къ сосѣднему священнику, строгому, суровому старичку. Везли меня къ нему зимой, на санкахъ, и ѣхалъ я съ трепетомъ, со страхомъ, подъ впечатлѣніемъ наставленій матери, которыми она меня напутствовала. Церковная дисциплина соблюдалась въ домѣ по указаніямъ Св. Церкви; особенно строго соблюдались правила о постѣ: весь Великій постъ (кромѣ праздниковъ Благовѣщенія и Вербнаго воскресенья) мы не вкушали даже рыбы, не говоря уже о молокѣ; въ рождественскій сочельникъ ничего не ѣли до появленія «звѣзды». Я рѣшалъ трудную проблему: можно ли наканунѣ св. Пасхи изъ приготовленнаго и вкусно пахнущаго кулича изъять и съѣсть запеченную въ него изюминку — скоромная она или

нѣтъ? Каждое принятіе пищи — обѣдъ или ужинъ, — было окружено благоговѣніемъ, молитвеннымъ настроеніемъ; ѣли съ молитвою, въ молчаніи; хлѣбъ въ нашемъ пониманіи это былъ даръ Божій. Сохрани Богъ, бросить крошки подъ столъ или оставить кусокъ хлѣба, чтобы онъ попалъ въ помойную яму.

Если церковь будила и развивала мою душу въ раннемъ дѣтствѣ, питая ее священной поэзіей и насаждая первые ростки сознательной нравственности, — соціальное положеніе моего отца крѣпко связало меня еще ребенкомъ съ народной жизнью. Общеніе съ народомъ было живое, непосредственное, то, котораго ни искать, ни добиваться не надо, такъ органически оно входило въ судьбу семьи сельскаго священника. Друзьями моими были крестьянскіе мальчишки, съ ними я игралъ, рѣзвился. Это были дѣтскія радости крестьянской жизни. Однако, рано позналъ я и ея горести...

Жили мы бѣдно, смиренно, въ зависимости отъ людей съ достаткомъ, съ вліяніемъ. Правда, на пропитаніе хватало, были у насъ свой скотъ, куры... покосъ свой былъ, кое-какое домашнее добро. Но всякій лишній расходъ оборачивался сущей бѣдой. Надо платить за наше ученье въ школу — отецъ чешетъ въ головѣ: гдѣ добыть 10-15 рублей? Требы отцу давали мало. Ходитъ-ходитъ по требамъ, а дома подсчитаетъ, — рубля 2 принесъ, да изъ нихъ-то на его долю приходилось 3 части, а остальныя 2 — двумъ псаломщикамъ. Годовой доходъ не превышалъ 600 рублей на весь причтъ. Много ли оставалось на долю отца? Были еще доходы «натурой» (ихъ тоже дѣлили на 5 частей). Крестьяне давали яйца, сметану, зерно, ленъ, печеный хлѣбъ (на храмовой праздникъ и на Пасху), куръ (на святкахъ), но эти поборы съ населенія были тягостны для обѣихъ сторонъ. Священнику — униженіе матеріальной зависимости и торга за требы, крестьянамъ — тягостное, недоброе чувство зависимости отъ «хищника», посягающаго на крестьянское добро*). Бабы наровили дать, что похуже: яйца тухлыя, куру старую... Мой дядя, священникъ, разсказывалъ случай, когда баба, пользуясь темнотой въ клѣти, подсунула ему въ мѣшокъ, вмѣсто курицы, ворону. Теперь это похоже на анекдотъ, а тогда подобный поступокъ былъ весьма характернымъ для взаимоотношеній священника и прихожанъ.

Вопросъ о государственномъ жалованьѣ духовенству былъ поднятъ лишь при Александрѣ III и рѣшенъ поначалу въ пользу бѣднѣйшихъ приходовъ; положено было жалованье духовенству этихъ приходовъ отъ 50-ти до 150-ти руб., причемъ годовой бюджетъ Синода былъ установленъ въ размѣрѣ 500.000 руб. съ тѣмъ, чтобы въ даль-

*) Отсюда обидная деревенская поговорка: «Попы и съ живого и съ мертваго деругъ».

нѣйшемъ увеличивать его ежегодно на ½ милліона. Приходовъ въ Россіи было около 72.000. При такомъ ихъ количествѣ, судьба бѣднѣйшаго духовенства, которое переходило на государственное жалованье, оставалась надолго завидной долей для остальныхъ. Побѣдоносцевъ былъ противъ этой реформы: содержаніе духовенства за счетъ прихожанъ, по его мнѣнію, обезпечивало его сліяніе съ народомъ и не превращало въ чиновниковъ. Но если бы самъ онъ попробовалъ жить въ тѣхъ условіяхъ, на которыя обрекалъ рядовое духовенство!

Необходимость доставать нужныя деньги дѣтямъ на школу заставляла отца прибѣгать къ крайней мѣрѣ — займу у цѣловальника, у кулака. Приходилось соглашаться на огромные безчеловѣчные проценты. За 10-15 руб. займа кулакъ требовалъ 1/5 урожая! Мать упрекала отца, зачѣмъ онъ скоро согласился, зачѣмъ неискусно торговался. Но было нѣчто и похуже этихъ безсовѣстныхъ процентовъ — самые переговоры съ кулакомъ о займѣ. Я бывалъ ихъ свидѣтелемъ, и многое запало въ мое сердце...

Когда наступало время ѣхать намъ въ школу, отецъ ходилъ грустный и озабоченный, потомъ, скрѣпя сердце, приглашалъ кулака. Заготовляли чай, водку и угощенье — и для отца начиналась пытка. Съ тѣмъ, кого слѣдовало обличать, приходилось говорить ласково, оказывая ему знаки вниманія и доброжелательнаго гостепріимства. Отецъ унижался, старался кулака задобрить, заискивалъ, — и, наконецъ, съ усиліемъ высказывалъ просьбу. Кулакъ ломался, дѣлалъ видъ, что ничего не можетъ дать, и лишь постепенно склонялся на заемъ, предъявляя неслыханныя свои условія. Отецъ мучительно переживалъ эти встрѣчи: душа у него была тонкая.

Какъ ни тягостны были ежегодные переговоры съ кулакомъ, они не могли сравниться съ той бѣдой, которая вдругъ свалилась на нашу семью. Мнѣ было тогда 11 лѣтъ. Случилось это на Пасхѣ, въ ночь со среды на четвергъ. Въ тотъ день мы ходили по приходу съ крестнымъ ходомъ, была грязь, мы измучились, пришли домой усталые и заснули мертвымъ сномъ. Вдругъ среди ночи отецъ меня будитъ: «Идемъ въ сарай спать на сѣно...» — «Какъ на сѣно? И подушку взять?» — «Да». — «И одѣяло?» — «Да»... Выхожу... — сѣни въ огнѣ. Я схватилъ сапоги, и побѣжалъ будить псаломщиковъ, — а уже крыша горитъ! Крики... шумъ... Отецъ бросился спасать скотъ. Но спасти его было невозможно: съ воротъ, черезъ которыя выгоняли скотъ, пожаръ и начался. Коровы ревѣли, лошади взвивались... Я видѣлъ, какъ огненные языки лизали докрасна раскаленныя стѣны, слышалъ ревъ коровъ (и сейчасъ его помню)... Погибло все наше добро, весь скотъ, буквально все, до нитки.

Этотъ пожаръ одно изъ самыхъ сильныхъ впечатлѣній моего дѣт-

ства. Я былъ нервный, впечатлительный мальчикъ, и ужасъ, въ ту ночь пережитый, потрясъ меня до глубины души.

Насъ подпалилъ мужикъ: онъ выкралъ что-то изъ закромовъ сосѣдней помѣщицы, старой дѣвы. Его судили. Отбывъ наказаніе въ тюрьмѣ, онъ рѣшилъ отомстить. Потерпѣвшая помѣщица отвела отъ себя его злобу, оговоривъ моего отца: «на тебя попъ донесъ». Мужикъ поджогъ ворота нашего скотнаго двора. Отецъ сталъ нищимъ. Правда, кое-кто изъ крестьянъ отозвался на бѣду: привели свинью, пригнали корову... Помѣщица, оклеветавшая отца, — можетъ быть, совѣсть ее замучила, — приняла въ насъ участіе, но все это не могло вернуть намъ того самаго скромнаго благополучія, которымъ наша семья пользовалась. Это бѣдствіе отца подкосило.

Тяжелыя впечатлѣнія ранняго моего дѣтства заставили меня еще ребенкомъ почувствовать, что такое соціальная неправда. Впослѣдствіи я понялъ, откуда въ семинаріяхъ революціонная настроенность молодежи: она развивалась изъ ощущеній соціальной несправедливости, воспринятыхъ въ дѣтствѣ. Забитость, униженное положеніе отцовъ сказывались бунтарскимъ протестомъ въ дѣтяхъ. Общеніе съ народомъ привело меня съ дѣтскихъ лѣтъ къ сознанію, что интересы его и наши связаны.

Не менѣе глубокое вліяніе, чѣмъ церковь и бытъ, оказывала на мое дѣтское сознаніе наша русская природа. Неизъяснимое чувство прелести простора, полей, луговъ... волновало и радовало душу. Какое было наслажденье — весной, послѣ надоѣвшаго снѣга, выбраться на проталинку и побѣгать босикомъ взапуски съ мальчишками! Потомъ дома кашель.... мать сердится: «Опять ты гонялъ босикомъ?!» Какое приволье на нашей рѣчкѣ Мисгеѣ! Какое удовольствіе ловить рыбу на мельницѣ! Ходить гурьбой въ лѣсъ за грибами, за ягодами... Весной полоть лугъ — драть плевелы... А еще лучше ѣздить съ отцомъ на покосъ! Отецъ созывалъ на деревнѣ косцовъ за выпивку. Ихъ набиралось человѣкъ 30-40, и они въ часъ-два скашивали нашъ лугъ. Какая красота! Косцы идутъ рядами; впереди пускаютъ молодыхъ парней лѣтъ 17-18-ти, нашихъ деревенскихъ «жениховъ», кто постарше — сзади. Надъ неловкимъ или слабымъ всѣ насмѣхаются: «Куда ему жениться, — ишь, рубашка мокрая!» Мѣряются другъ съ другомъ силою, хвастаются ловкостью. Косцамъ привозили на покосъ обѣщанное угощенье. Рано утромъ, на росѣ, отецъ нагружалъ телѣгу. Солонина, хлѣбъ, огурцы, ½ ведра водки... — и вотъ, мы съ нимъ веземъ все это добро... Я умѣлъ косить, и участіе въ общей работѣ было мнѣ очень пріятно. Вмѣстѣ съ мужиками я и косилъ, и сгребалъ, и свозилъ сѣно.

Лѣтомъ по ночамъ я съ братьями сторожилъ яблоки. Лежишь,

бывало, въ шалашѣ: звѣзды, луна, ночная свѣжесть... Мальчишки насъ боялись и уже въ тѣ ночи воровать не осмѣливались. А если-бъ смѣльчакъ и нашелся, мы бы его проучили, — рѣшено было посѣчь его крапивой или крыжовникомъ.

Жизнь на лонѣ природы была полна для насъ такого очарованія, что мы унывали всякій разъ, когда приходилось съ нею разставаться, и ѣхали въ городъ, въ школу, повѣся головы, точно насъ везли въ тюрьму.

Ранній періодъ дѣтства я провелъ въ родной семьѣ, никогда съ ней не разлучаясь. Наши родственники непосредственнаго вліянія на насъ, дѣтей, не имѣли, и я упомяну лишь дядю, брата моей матери, — Кузьму Александровича Глаголева.

Онъ учился въ семинаріи вмѣстѣ съ моимъ отцомъ, и благодаря его посредничеству, кажется, и состоялся бракъ моихъ родителей. Кузьма Александровичъ въ молодости придерживался направленія либеральнаго, а времена были строгія; по окончаніи семинаріи онъ пріѣхалъ къ сестрѣ, и случилось ему войти въ церковь съ палкой: набалдашникъ былъ у нея въ видѣ собачьей головы. Какая-то помѣщица эту подробность примѣтила и написала жалобу въ консисторію: семинаристъ вноситъ въ церковь собачью голову. На Кузьму Александровича была наложена епитимья — 10 поклоновъ въ церкви передъ богослуженіемъ. Этому строгому постановленію онъ покориться не хотѣлъ, а тутъ одинъ мелкій помѣщикъ ему посовѣтовалъ: «Плюньте вы на консисторію, и поѣдемте со мною въ Западный край». Такъ дядя и сдѣлалъ, — сталъ учителемъ въ семьѣ этого помѣщика; потомъ уѣхалъ за-границу — и пропалъ. Памятью о немъ осталась пѣсня, которую мой отецъ, сидя вечеромъ на крылечкѣ, любилъ напѣвать. Кто ея авторъ, неизвѣстно. Ее можно назвать «Пѣснь эмигранта»:

Ночь тихая... Прелестью полны...
И горы, и миртовый лѣсъ,
И мѣсяцъ въ лазурныя волны
Глядится съ высокихъ небесъ.

Порою мелькаетъ гондола,
Блестя серебристой струей,
И лишь вдалекѣ баркаролла
Ночной нарушаетъ покой...

Все такъ... но зачѣмъ же невольно
Сердце сжимаетъ печаль?

И бьется оно какъ-то больно
И просится будто бы въ даль?

На сѣверъ печальный, угрюмый,
Печальный, но сердцу родной,
Туда же несутся и думы,
Туда я стремлюся душой...

Туда, гдѣ не миртъ расцвѣтаетъ,
Но ель одиноко растетъ,
И сѣрый гранитъ омывая,
Балтійское море реветъ...

Духовное училище

(1877 — 1882)

ГЛАВА II

Грамотѣ я хорошо выучился еще въ дошкольномъ возрастѣ: насъ, дѣтей, обучалъ отецъ. Когда-же пришла пора отдать меня въ школу, меня отвезли въ духовное училище въ Бѣлевъ, сосѣдній уѣздный городъ, расположенный на высокомъ берегу Оки. Мнѣ было 9 лѣтъ.

«Бурса» была бѣдная, простая, помѣщалась въ старомъ, пыльномъ монастырскомъ зданіи, со стертыми полами. Но мы, ученики, жили не въ училищѣ, а на вольныхъ квартирахъ, иногда по нѣсколько человѣкъ у однихъ хозяевъ. Меня отецъ водворилъ къ одному діакону. Насъ проживала у него цѣлая «коммуна» — нѣсколько мальчиковъ отъ 9-ти до 14-ти лѣтъ. Заботиться о пропитаніи надо было самимъ; мы устраивали складчину, выбирали казначея и поочереди ѣздили за покупками. Остатки отъ бюджета тратили на угощенье. Ѣли въ мѣру нашихъ матерьяльныхъ возможностей, но соображаясь съ постами, въ заговѣнье обычно наѣдались втрое. Спали мы, одни — на койкахъ, а другіе, по 2-3 человѣка, — на нарахъ. Жили бѣдно, патріархально, внѣ всякихъ формальныхъ правилъ поведенія, но весьма самостоятельно. Это имѣло, можетъ быть, и свою хорошую сторону, но, несомнѣнно, имѣло и дурную. За отсутствіемъ правильнаго педагогическаго наблюденія мы своевольничали и подчасъ, отъ послѣдствій нашего своеволія, жестоко страдали.

Какъ-то разъ мы, всѣ 8-9 человѣкъ, послѣ бани напились воды прямо изъ бочки, что стояла подъ водосточной трубой — и всѣ поголовно заболѣли тифомъ. Насъ свезли въ больницу. Я былъ на волоскъ отъ смерти, долго не могъ оправиться, даже разучился ходить. Рождественскія каникулы для насъ пропали. Лежимъ мы, — въ городѣ праздникъ, колокола звонятъ... — и нѣтъ для насъ ни рождественскихъ радостей ни святочныхъ забавъ. Если никто попечительно отъ бѣды насъ не уберегъ, зато много мы видѣли во время болѣзни доброй отеческой заботы со стороны учителя М. И.

Успенскаго, завѣдующаго больницей, и самоотверженной сидѣлки, которая, выходивъ всѣхъ насъ, отъ насъ же заразилась тифомъ и умерла.

Случилась съ однимъ ученикомъ бѣда и похуже тифа. На берегу Оки пекли на жаровнѣ оладьи на постномъ маслѣ, и продавались онѣ по копѣйкѣ за пару. Мальчикъ вздумалъ съ торговкой держать пари: «20 штукъ съѣмъ, и тогда оладьи даромъ, а нѣтъ, — заплачу». Съѣлъ всѣ 20 — и умеръ отъ заворота кишекъ.

А я едва не утонулъ. Ока рѣка опасная. Намъ позволяли купаться въ присутствіи надзирателя, но мы, пользуясь свободой безпризорности, бѣгали на рѣку и купались иногда по нѣсколько разъ въ день. Я уже шелъ ко дну. Журчанье воды... на мигъ сознаніе, что гибну... потомъ — состояніе равнодушія и ощущеніе сліянія съ природой... Только самоотверженная энергія одного старшаго ученика, отличнаго пловца, спасла меня: онъ бросился ко мнѣ, я уцѣпился за него мертвой хваткой, онъ съ силой оттолкнулся отъ бревна, случайно нащупавъ его ногой на днѣ, и подтянулъ меня къ берегу. Всѣхъ насъ, участниковъ купанья, въ тотъ день наказали, — поставили на колѣни, — и хотя я былъ хорошій ученикъ, ко мнѣ отнеслись, какъ и ко всѣмъ, безъ снисхожденья.

Наша вольная жизнь, внѣ стѣнъ училища, давала не мало поводовъ для проявленія нашей распущенности. Мы любили травить собакъ, бѣгали по городу босикомъ, играли на улицахъ въ бабки... благопристойностью и воспитанностью не отличались. Была въ насъ и просто дикость. Проявлялась она въ непримиримой враждѣ къ гимназистамъ и къ ученикамъ Бѣлевскаго техническаго училища имени Василія Андреевича Жуковскаго. Они насъ называли «кутейниками», мы ихъ — «селедками». Ежедневно враждебное чувство находило исходъ въ буйныхъ столкновеніяхъ на мосту. Мы запасались камнями, палками, тѣ тоже, и обѣ стороны нещадно избивали другъ друга. Какъ-то разъ я попался въ плѣнъ и вернулся весь покрытый синяками. На эти побоища старые учителя смотрѣли сквозь пальцы, даже не безъ интереса относились къ проявленіямъ нашей удали; лишь впослѣдствіи начальство разъяснило намъ всю дикость подобныхъ схватокъ.

Бывали у насъ развлеченія и иного — мирнаго свойства. Въ часы досуга, собравшись всѣ вмѣстѣ, мы пѣли пѣсни. Голоса у насъ были свѣжіе, хорошіе, но репертуаръ очень небогатый; болѣе всего пѣли пѣсни военныя и вообще патріотическія: «Славься ты, славься нашъ русскій Царь», «Мать Россія, Мать Россійская земля», «Было дѣло подъ Полтавой» и др.; особенно любили пѣсню про освобожденіе крестьянъ: «Ахъ, ты, воля, моя воля, золотая ты

моя». Это былъ отголосокъ духовнаго переживанія народомъ недавно совершившейся крестьянской освободительной реформы. Теперь я вспоминаю, какъ глубоко переживалась въ народѣ эта реформа, какъ захватила она его душу... По Россіи ходила легенда о «Золотой граматѣ», которую Царь далъ народу. Эта грамата была окружена свѣтлымъ ореоломъ; ее изучали въ школѣ съ первыми начатками грамотности, о ней горячо, съ необыкновеннымъ волненіемъ, говорили, спорили въ семьѣ и школѣ. Отраженіе этого настроенія мы находимъ въ чудномъ стихотвореніи А. Н. Майкова, гдѣ говорится, какъ при свѣтѣ огонька въ деревенской избѣ, при всеобщемъ напряженномъ вниманіи «съ трудомъ отъ слова къ слову, пальчикомъ водя, по печатному читаетъ мужикамъ дитя... про желанную свободу дорогую вѣсть», т. е. читаетъ манифестъ 19 февраля. Какъ извѣстно, этимъ настроеніемъ воспользовались революціонеры; переодѣвшись въ генеральское платье, они разъѣзжали по деревнямъ и подъ видомъ царской «Золотой граматы» распространяли свои прокламаціи о «черномъ передѣлѣ» земли и проч.

Учителя нашего училища по своему образованію дѣлились на «семинаристовъ» и «академиковъ». «Семинаристы» были проще, доступнѣе, лучше къ намъ относились, «академики» смотрѣли сверху внизъ. Среди учителей было распространено пьянство. Въ приготовительномъ классѣ учитель нашъ былъ талантливъ и имѣлъ на насъ хорошее вліяніе, — потомъ онъ спился. Учитель греческаго языка страдалъ алкоголизмомъ. Пили и другіе. Подтянулъ училище новый смотритель М. А. Глаголевъ. Питомецъ Кіевской Академіи, франтъ и крикунъ, онъ подтягивалъ и учителей, и учениковъ, и квартирныхъ хозяевъ. За провинности сажалъ насъ въ карцеръ (тѣлесныя наказанія въ училищѣ не примѣнялись), но учебная наша жизнь въ общемъ оставалась прежней.

Изъ учителей помню учителя чистописанія Ивана Андреевича Сытина, старичка діакона, въ совершенствѣ писавшаго прописью гусиными перьями. Я учился хорошо, а писалъ плохо, и добрый о. діаконъ позвалъ меня (и еще одного ученика) къ себѣ на домъ подучиться. Жилъ онъ съ діаконицей на рѣдкость опрятно: полы всюду тщательно вымыты, вездѣ чистенькіе половички... Діаконица, не полагаясь на чистоту нашихъ сапогъ, велѣла намъ въ сѣняхъ разуться. Не каково было ея негодованіе, когда обнаружилось, что мы, стараясь преуспѣть въ каллиграфіи, усердно чистили наши перья, по привычкѣ отряхивая чернила прямо на полъ! Провинность была столь серьезна, что уроки прекратились.

Помню учителя пѣнія о. діакона Бимберекова. Мы сложили о немъ пѣсенку и распѣвали ее, поджидая его въ классъ:

Утъ, утъ, — козелъ тутъ...
Ре, ре, — на дворѣ...
Ми, ми, — за дверьми...

Учитель русскаго языка далъ мнѣ первый толчокъ къ ознакомленію съ русской литературой. Внѣ уроковъ мы зачитывались «Задушевнымъ словомъ», «Семейными вечерами», «Дѣтскимъ чтеніемъ», — прекрасными дѣтскими журналами, а также Майнъ-Ридомъ, Куперомъ... Учитель мнѣ далъ «Мертвыя души». «Что же — понравилось? Понялъ, какія души?», — спросилъ меня учитель. Идею я не понялъ, но отдѣльные эпизоды, все смѣшное: Селифанъ, тарантасъ, Коробочка... мнѣ очень понравились. По настоящему, глубоко и съ разумѣньемъ, я полюбилъ русскую литературу лишь въ семинаріи.

Упомяну и про сторожа, стараго николаевскаго солдата, котораго мы прозвали «Зиверко» («сиверко»). Онъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ нашимъ благодѣтелемъ. Мы устраивали складчину, подкупали его за 2-3 копѣйки, и онъ въ воскресенье, когда учителей въ школѣ не было, открывалъ учительскую, а мы подглядывали въ журналъ, дабы узнать наши отмѣтки (отмѣтки отъ насъ скрывали). Кончилось плохо: одинъ ученикъ не только свою отмѣтку подглядѣлъ, но ее и подправилъ... Это обнаружилось — произошелъ скандалъ.

Составъ учениковъ былъ пестрый. Были мальчики и хорошіе и дурные. Мнѣ случилось жить на квартирѣ съ сыномъ состоятельнаго священника; онъ кралъ у хозяйки по мелочамъ, а какъ-то разъ ночью выкралъ у хозяйкинаго брата изъ бумажника 5 рублей. Поначалу вора не могли найти, началось строгое разслѣдованіе, и мнѣ пришлось пережить испытаніе: вмѣстѣ со всѣми я, примѣрный ученикъ, былъ подвергнутъ допросу. Послѣ долгаго запирательства мальчикъ сознался. Его очень сторого наказали, но воровать онъ продолжалъ. За нимъ такъ и установилась кличка: воръ! воръ! Психологически непонятна была его склонность къ воровству: онъ не нуждался, какъ многіе другіе ученики.

Если пребываніе въ духовномъ училищѣ бѣдно свѣтлыми воспоминаніями, все же они у меня есть. Такимъ воспоминаніемъ остались «маевки». Мы отправлялись съ учителями въ дальнюю прогулку за городъ, — напримѣръ, въ село Мишенское, гдѣ родился и жилъ В. А. Жуковскій. Послѣ осмотра дома, мы играли въ лапту въ паркѣ, на лужкѣ; насъ угощали калачами; набѣгавшись вволю, мы возвращались довольные дальней и пріятной прогулкой. Эти «маевки» завелъ у насъ новый смотритель М. А. Глаголевъ, за что мы съ благодарностью его вспоминали.

Самое свѣтлое воспоминанье тѣхъ школьныхъ лѣтъ — наша ежегодная весенняя радость, ожидавшая насъ по окончаніи учебна-

го года. Возвращеніе домой, въ родныя семьи, на лѣтнія каникулы... Что могло съ этой радостью сравниться! Мы шли босикомъ, веселой компаніей, пробираясь по зеленѣющимъ заливнымъ лугамъ Оки... Чувство природы, воли, радости существованья наполняло наши души какой-то особой, чудной поэзіей. «Тюрьма» съ ея учебой и сердитыми (хотя и добрыми по природѣ) учителями забывалась, лѣтній отдыхъ казался безконечнымъ, и мы шли домой, словно спѣшили на веселый, свѣтлый праздникъ...

Когда я вернулся послѣ перваго учебнаго года на лѣто домой, моя мать сказала мнѣ: «Ѣдемъ къ старцу!» Съ этого лѣта и до кончины старца Амвросія я побывалъ въ Оптиной пустыни разъ пять. Эти поѣздки съ матерью я очень любилъ. Поля, луга, цвѣты, монастырская гостиница... все меня развлекало. Когда я пріѣжалъ къ о. Амвросію девятилѣтнимъ мальчикомъ, старецъ со мной шутилъ: поставитъ на колѣни и, бывало, скажетъ: «Ну, разсказывай грѣхи». Меня это смущало. А когда я сталъ постарше, старецъ Амвросій самъ меня исповѣдывалъ.

Лишь эти свѣтлыя воспоминанія и освѣщаютъ школьный періодъ моей жизни. Я окончилъ духовное училище въ 1882 г. первымъ ученикомъ. Мнѣ было 14 лѣтъ.

Семинарія

(1882 — 1888)

ГЛАВА III

По окончаніи Бѣлевскаго духовнаго училища, я поступилъ въ Тульскую семинарію. Въ ней я пробылъ шесть лѣтъ: съ 14-ти до 20-ти лѣтъ. Эти годы имѣли важное значеніе для моего духовного развитія. Насколько условія семинарской жизни ему помогали или мѣшали, будетъ видно изъ послѣдующаго моего разсказа.

Жили семинаристы по квартирамъ на окраинахъ города, въ темныхъ улочкахъ, гдѣ грязи по колѣно (лишь стипендіаты, а поначалу я къ нимъ не принадлежалъ, жили въ интернатѣ). Свободой они пользовались полной, но зачастую пользовались дурно: нерѣдко обманывали начальство, прибѣгая ко всякимъ уловкамъ, чтобы не приходить на уроки, устраивали попойки, шумѣли, распѣвая пѣсни...

Пѣть мы всѣ очень любили и умѣли пѣть удивительно. Церковныя службы семинарскіи хоръ пѣлъ отлично, пѣлъ и въ своей церкви и по приходамъ. Мы много и охотно тратили время на спѣвки. Сочные, звучные семинарскіе басы приглашались въ городѣ на свадьбы, дабы оглушительно прогремѣть: «Жена да боится своего мужа». Я пѣлъ средне: на правый клиросъ меня не пускали.

Попойки, къ сожалѣнію, были явленіемъ довольно распространеннымъ, не только на вольныхъ квартирахъ, но и въ интернатѣ. Пили по разному поводу: празднованіе именинъ, счастливыя событія, добрыя вѣсти, просто какая-нибудь удача... были достаточнымъ основаніемъ, чтобы «выпить». Старшіе семинаристы устраивали попойку даже по случаю посвященія въ стихарь (это называлось «омыть стихарь»). Вино губило многихъ. Сколько опустилось, спилось, потерявъ изъ-за пагубной этой страсти охоту и способность учиться!

Распущенность проявлялась не только въ пьянствѣ, но и въ неуважительномъ отношеніи къ учительскому персоналу. Заглазно учителей именовали: «Филька», «Банька», «Николка»... искали случая надъ ними безнаказанно поиздѣваться. Напримѣръ, ученики 4-го

класса поставили учителю на край кафедры стулъ съ тѣмъ расчетомъ, чтобы онъ, сѣвъ, на стулъ полетѣлъ на полъ. Такъ и случилось. Классъ разразился хохотомъ. «Учитель упалъ, а вы смѣетесь? Какое хамство!» Ученики смутились...

Къ вѣрѣ и церкви семинаристы (за нѣкоторыми исключеніями) относились въ общемъ довольно равнодушно, а иногда и вызывающе небрежно. Къ обѣднѣ, ко всенощной ходили, но въ заднихъ рядахъ, въ углу, иногда читали романы; нерѣдко своимъ юнымъ атеизмомъ бравировали. Не пойти на исповѣдь или къ причастію, обманно получить записку, что говѣлъ, — такіе случаи бывали. Одинъ семинаристъ предпочелъ пролежать въ пыли и грязи подъ партой всю обѣдню, лишь бы не пойти въ церковь. Къ церковнымъ книгамъ относились безъ малѣйшей бережливости: ими швырялись, на нихъ спали...

Таковы были нравы семинаристовъ. Они объяснялись безпризорностью, въ которой молодежь пребывала, той полной свободой, которой она злоупотребляла, и конечно, и отсутствіемъ благотворнаго воспитательнаго вліянія учителей и начальствующихъ лицъ.

Начальство было не хорошее и не плохое, просто оно было далеко отъ насъ. Мы были сами по себѣ, оно тоже само по себѣ. Судить никого не хочу. Среди нашихъ руководителей люди были и добрые, но вся ихъ забота была лишь о томъ, чтобы въ семинаріи не происходило скандаловъ. Провинившагося въ буйномъ пьянствѣ сажали въ карцеръ и выгоняли изъ семаниріи. Реакція на зло была только внѣшняя.

Ректоръ семинаріи, важный, заслуженный, маститый протоіерей, жилъ во дворѣ семинаріи, въ саду. Онъ любилъ свой садъ, поливалъ цвѣты. У насъ появлялся рѣдко. Свои обязанности понималъ такъ: «Мое дѣло, — говорилъ онъ, — лишь подать идею». Примѣнять его идеи должны были другіе: инспекторъ и его помощники. Отъ насъ онъ былъ слишкомъ далекъ и, повидимому, насъ презиралъ. Когда впослѣдствіи, уже будучи назначенъ инспекторомъ Владимірской семинаріи, я зашелъ къ нему проститься и просилъ дать наставленіе, онъ сказалъ: «Семинаристы — это сволочь», — и спохватился: «ну, конечно, не всѣ...». Къ сельскому духовенству онъ относился свысока, третировалъ, какъ низшую расу («попишки»). Отъ него мы не слышали ни одной проповѣди, тогда какъ семинаристы въ послѣднемъ классѣ обязаны были обучаться проповѣдничеству, и посвященные въ стихарь произносили въ церкви «слово». Обычно это «слово» вызывало иронію слушателей-товарищей.

Инспекторъ былъ свѣтскій человѣкъ, помѣщикъ, и часто уѣзжалъ въ свою усадьбу. За нимъ пріѣзжалъ кабріолетъ. Стоило намъ издали его экипажъ примѣтить (послѣдніе годы я былъ стипендіа-

томъ и жилъ въ интернатѣ) — и мы ликовали: сейчасъ уѣдетъ! Къ намъ онъ относился тоже формально, не шелъ дальше наблюденій за внѣшней дисциплиной; живого, искренняго слова у него для насъ не находилось.

Начальство преслѣдовало семинаристовъ за усы (разрѣшалось одно изъ двухъ: либо быть бритымъ, либо не бритымъ, а усы безъ бороды не допускались), но каковы были наши умственные и душевные запросы, и какъ складывалась судьба каждаго изъ насъ, этимъ никто не интересовался.

Кормили насъ хорошо, но не всегда досыта. Нашей мечтой былъ обычно кусокъ мяса, такъ малы были его порціи, такъ жадно мы дѣлили кусочекъ отсутствующаго ученика. Бѣлый (пшеничный) хлѣбъ былъ лакомствомъ.

Сочетаніе всѣхъ этихъ условій семинарской жизни обрекало молодежь на тяжкое испытаніе: мы обладали свободой при полномъ неумѣніи ею пользоваться. Многіе, особенно въ началѣ семинарскаго курса, въ возрастѣ 14-17 лѣтъ, вынести этого не могли и погибали. Изъ 15-ти человѣкъ, окончившихъ курсъ Бѣлевскаго училища, до 6-го класса семинаріи дошло только 3 ученика. Кто отсталъ, кто выскочилъ изъ семинаріи, кто опустился, забросилъ ученье и уже не могъ выкарабкаться изъ трясины «двоекъ». Жизнь была сѣренькая. Изъ казенной учёбы ничего возвышающаго душу семинаристы не выносили. Отъ учителей дружеской помощи ожидать было нечего. Юноши, нравственно покрѣпче, поустойчивѣй, шли ощупью цѣпляясь за что попало, и какъ умѣли, удовлетворяли свои идеалистическіе запросы. Отсутствіе стѣсненій при благопріятныхъ душевныхъ данныхъ развивало иниціативу, закаляло, вырабатывало ту внутреннюю стойкость, которую не достичь ни муштрой, ни дисциплиной, но для многихъ свобода оборачивалась пагубой. При такихъ условіяхъ ни для кого семинарія «alma mater» быть не могла. Кто кончалъ, — отрясалъ ея прахъ. Грустно вспомнить, что одинъ мой товарищъ, студентъ-медикъ Томскаго университета, черезъ годъ по окончаніи семинаріи пріѣхалъ въ Тулу, и, встрѣтившись со своими товарищами, сказалъ: «Пойдемъ въ семинарію поплевать на всѣ ея четыре угла!».

Такова была семинарія, въ которую я попалъ.

Первые годы были для меня какіе-то пустые. Жилъ я жизнью глупой, пошлой, разсѣянной, въ соотвѣтствіи съ бытомъ и нравами, которые царили вокругъ меня. Я вырвался на полный просторъ и поначалу, какъ и многіе мои товарищи, плохо использовалъ свою свободу.

Прежде всего сталъ учиться курить, но втянуться въ куренье не

могъ: оно мнѣ было противно. Изъ удали раза два-три напился, чтобы доказать, что не хуже другихъ могу осушить чайный стаканъ водки, игралъ иногда въ карты, ученье забросилъ, распустился... При переходѣ во второй классъ едва не провалился на экзаменѣ по исторіи. Кто бы узналъ во мнѣ перваго ученика Бѣлевскаго училища!

Во второмъ классѣ казенной наукой я попрежнему мало занимался, зато страстно полюбилъ читать книжки. Записался въ городскую библіотеку и читалъ все безъ разбора: Шпильгагена, Вальтеръ-Скотта, Шекспира, Диккенса, Зола, русскихъ классиковъ... Несмотря на это хаотическое чтеніе, у меня образовался инстинктъ къ хорошей книгѣ, — литературный вкусъ. Иностранную литературу я воспринималъ плохо, а рускую литературу горячо полюбилъ. Помню «Обрывъ» Гончарова, «Дворянское Гнѣздо» Тургенева, «Рыбаки» Григоровича произвели на меня прекрасное, сильное впечатлѣніе. Я сталъ усердно относиться къ урокамъ русской литературы, и если остальные предметы казались мнѣ попрежнему скучными, русской словесностью я сталъ заниматься съ увлеченіемъ. Преподаватель литературы былъ живой, интересный человѣкъ, и я значительно ему обязанъ тѣмъ, что онъ укрѣпилъ во мнѣ любовь къ русской поэзіи и прозѣ. При всей моей бѣдности я купилъ дешевое изданіе Пушкина, такъ велико было мое восхищеніе пушкинской поэзіей. На экзаменѣ во 2-мъ классѣ мнѣ попался Пушкинъ, и я отлично сдалъ «Евгенія Онѣгина». Чтеніе стало моей страстью. Зайдешь, бывало, куда нибудь въ садъ, въ малину, — и читаешь... Воспитательное значеніе литературы для молодежи огромно. Трудно даже учесть мѣру ея благотворнаго вліянья. Она повышала самосознаніе, спасала отъ грубости, распущенности, безобразія поступковъ, питала склонность юношеской души къ идеализму. Я сталъ выправляться, хорошо учиться. У меня появились умственные запросы, болѣе серьезные интересы. Въ этомъ состояніи душевнаго просвѣтленія я перешелъ въ 3-ій классъ.

Мое увлеченіе литературой во 2-омъ классѣ подготовило почву для дальнѣйшаго душевнаго развитія; въ 3-емъ классѣ на нее пали сѣмена тѣхъ политическихъ ученій, которыя стали проникать въ нашу среду. Это была пора царствованія Александра III, послѣ убійства Александра II. Въ подпольѣ развивался политическій протестъ, возникали нелегальныя организаціи. Мѣстные тульскіе революціонеры завербовывали юнцовъ изъ учащейся молодежи и охотились на семинаристовъ. Вождемъ этого соціалистическаго движенія былъ секретарь консисторіи В. Поначалу молодежь собиралась на невинные литературные вечера по субботамъ, передъ всенощной. Читали доклады о Достоевскомъ, о Пушкинѣ... издавали журнальчикъ, мальчишки писали стихи. Никому въ голову не могло придти, что во главѣ кружка с.-р. организація. Власти ее накрыли. В. и многихъ членовъ кружка

арестовали (среди нихъ были и гимназисты). Нѣкоторые семинаристы оказались подъ подозрѣніемъ. Въ семинарію нагрянули съ обыскомъ, кое-кого перехватали, кое-кого повыгнали или лишили казеннаго содержанія. Мой товарищъ Пятницкій, сынъ бѣднаго діакона, талантливый юноша, музыкантъ, поклонникъ Шекспира, — застрѣлился. Въ ночь передъ смертью онъ написалъ слѣдующіе стихи:

Когда холодное дуло
Къ виску горячему приставлю,
Что думать я себя заставлю?
Когда-жъ гашетку револьвера
Рука нажметъ сама собой,
Что станется тогда со мной?..

Пятницкій старался бравировать своимъ атеизмомъ и революціонными идеями. Но если судить по этимъ стихамъ, сколько религіозныхъ сомнѣній таилось въ его юной душѣ! И какой религіозный человѣкъ изъ него могъ бы выйти, когда бы въ немъ перебродили юношескія, незрѣлыя настроенія!

Литературныя собранія я посѣщалъ, былъ лишь наблюдателемъ, нагрянувшая гроза меня не коснулась. Слѣдъ все же на многихъ изъ насъ она оставила. Мы сдѣлались сознательнѣй, невольно стали сопоставлять революціонныя политическія чаянія съ опытомъ соціальной неправды, которую сами наблюдали, — и въ насъ возникалъ безформенный протестъ, образовывалась накипь...

Въ первыхъ двухъ классахъ я учился посредственно; «тройка» — этотъ баллъ «душевнаго равновѣсія», какъ выражался одинъ нашъ учитель, — былъ довольно обычной моей отмѣткой. Въ 3-емъ классѣ я подтянулся настолько, что перешелъ въ 4-ый классъ первымъ ученикомъ.

Во время моей отроческой безпризорности главное, что меня спасло, это духовное вліяніе и руководство старца о. Амвросія. Теперь, когда я, будучи семинаристомъ, пріѣзжалъ въ Оптину пустынь, я каялся о. Амвросію въ семинарскихъ грѣхахъ, а онъ меня журилъ и ставилъ на поклоны. Его благодѣтельная рука хранила меня отъ дурныхъ путей, чудесно оберегала отъ всякой нечистоты.... да и до сихъ поръ я живу его святыми молитвами. Я въ это вѣрю.

Лѣтнія каникулы, которыя я ежегодно проводилъ дома, въ родномъ с. Сомовѣ, а затѣмъ въ с. Апухтинѣ, куда перевели моего отца, въ кругу моей семьи, оказывали на меня тоже самое благотворное вліяніе. Благодаря мистической настроенности моей матери, жизнь въ нашемъ семейномъ гнѣздѣ дышала простой, но горячей вѣрой, упованіемъ на Промыслъ Божій, на Божье милосердіе... О такой вѣрѣ

не спорятъ, ее не обсуждаютъ, — ею живутъ. Въ обстановкѣ крѣпкаго, благочестиваго строя съ меня быстро сбѣгало все наносное, налипшее за зиму въ семинаріи, и я возвращался къ безхитростной, живой вѣрѣ моего дѣтства.

Въ первыхъ двухъ классахъ семинаріи преподавали множество предметовъ, которые опредѣлялись однимъ наименованіемъ: «словесность»; въ 3-емъ и въ 4-омъ — «философію», обнимавшую логику, психологію и обзоръ философскихъ ученій; въ 5-омъ и въ 6-омъ — богословіе.

Въ 4-омъ классѣ я серьезно увлекся философіей, но и литературы не оставлялъ, — по собственной иниціативѣ принялся за Бѣлинскаго. Преподаватель философіи, старый, опытный педагогъ, читалъ свой предметъ увлекательно, съ ясностью и простотой. Онъ поручилъ мнѣ отвѣтственную работу: я долженъ былъ записывать каждый его урокъ и давать ему записки на просмотръ. По этимъ запискамъ классъ и учился. Эта работа была хорошимъ упражненіемъ. Я научился систематической мысли, логическому построенію доказательствъ, пріобрѣлъ навыкъ ясно и кратко излагать то, что продумалъ, сталъ понимать значеніе точнаго и стройнаго мышленія. Я научился разсуждать. Сухую логическую схему мысли я не любилъ, но разсужденія на свободныя литературныя темы мнѣ очень нравились.

Имѣлъ вліяніе на наше развитіе и преподаватель Священнаго Писанія, магистръ богословія; онъ училъ насъ правильно говорить и писать; но у него была маленькая слабость: онъ любилъ подпустить красивой фразеологіи иногда и безъ особой попечительности объ ея соотвѣтствіи съ глубиной содержанія.

Упомяну еще о молодомъ образованномъ учителѣ исторіи. Онъ окончилъ Петербургскую Духовную Академію; всегда мягкій, спокойный, онъ внесъ въ нашу среду какой-то новый духъ, не сразу нами понятый. Помню, что на его деликатный вопросъ одному моему товарищу: «Не угодно ли вамъ отвѣтить?», послѣдовалъ спокойный отвѣтъ: «Нѣтъ, не угодно». Учитель страшно сконфузился отъ этой грубости.

Въ 4-омъ классѣ мы стали увлекаться театромъ и бѣгали тайкомъ въ Кремлевскій садъ на спектакли (посѣщать театръ намъ было запрещено). Потомъ рѣшили поставить любительскій спектакль, сыграть въ семинаріи своими силами «Трудовой хлѣбъ» Островскаго. Цѣлый мѣсяцъ тайно отъ начальства шла подготовка. Мнѣ дали роль стараго чиновника, лысаго, въ парикѣ. Для спектакля выбрали день именинъ архіерея, когда вся семинарская корпорація отправлялась къ нему на дачу. Пользуясь этимъ счастливымъ обстоятельствомъ, мы вечеромъ благополучно сыграли нашу пьесу. Узналъ

объ этомъ стороной только инспекторъ (попалась ему въ руки наша афиша), но онъ, поиздѣвавшись надъ нами, особенно надъ исполнителями женскихъ ролей, все же офиціально въ правленіе не донесъ, и наше театральное увлеченіе никакихъ непріятныхъ послѣдствій не имѣло.

Общеобразовательный отдѣлъ предметовъ заканчивался въ 4-омъ классѣ, и нѣкоторые ученики семинарію покидали. Одни, поспособнѣе, держали экзамены на «аттестатъ зрѣлости» и поступали въ университетъ; другіе, къ наукѣ не склонные и мечтавшіе о мундирахъ и шашкахъ, шли въ военные училища. Въ семинаріи оставались лишь ученики, пріуготовлявшіе себя къ религіозно-церковному пути.

Въ 5-омъ и въ 6-омъ классахъ намъ читали теоретическіе богословскіе предметы: догматическое богословіе, нравственное богословіе, истолкованіе Свящ. Писанія Новаго Завѣта, церковную исторію; и практическіе: гомилетику, литургику, практическое руководство для пастырей.

Хотя никто надъ нами не работалъ и насъ не развивалъ, само собой въ эти годы начинали къ намъ прививаться пастырскіе интересы, которые иногда переплетались съ юношескими народническими мечтами о служеніи меньшему брату. Многіе изъ насъ вынесли изъ своихъ семей, изъ селъ и деревень, гдѣ протекало дѣтство въ непосредственномъ общеніи съ народомъ, смутныя чаянія, мечтанья, а также запасъ воспоминаній о горькихъ обидахъ и униженіяхъ. Сочетаніе богословскихъ занятій, пріуготовлявшихъ насъ къ пастырству, и соціальныхъ идей породило то своеобразное «народничество», къ которому и я тяготѣлъ тогда всей душой. Народъ вызывалъ во мнѣ глубокую жалость. Меня тревожило, что онъ пропадаетъ въ грязи, темнотѣ и бѣдности. Это настроеніе раздѣляли и другіе семинаристы. Въ нашей семинаріи учились Глѣбъ и Николай Успенскіе. «Народничество» въ произведеніяхъ Глѣба Успенскаго, вѣроятно, связано съ тѣми настроеніями, которыя онъ воспринялъ въ семинарской средѣ. Съ Николаемъ мы были даже знакомы, — онъ встрѣчался съ семинаристами, былъ женатъ на дочери нашего сельскаго священника. Судьба его грустная: онъ впослѣдствіи опустился, спился, бродилъ по ярмаркамъ съ дочерью своей и какимъ-то крокодиломъ, дѣвочка плясала и собирала мѣдяки въ шляпу отца...

Своеобразная идеологія «народничества» внушала горячее желаніе послужить народу, помочь его культурному и хозяйственному развитію, хотѣлось поскорѣй стать сельскимъ священникомъ и приняться за духовно-просвѣтительную работу. Къ сожалѣнію, въ этихъ нашихъ запросахъ мы были предоставлены самимъ себѣ, наши

воспитатели и преподаватели мало намъ помогали, чтобы не сказать больше...

Преподаватель практическихъ предметовъ по пастырству, хотя и добрый, религіозный человѣкъ, но какъ свѣтскій не внушалъ намъ большого довѣрія. Когда онъ въ вицмундирѣ иногда горячо говорилъ намъ о задачахъ пастырства или училъ церковному проповѣдничеству, невольно въ душѣ возникалъ искусительный вопросъ: почему же онъ, такъ просто трактующій о пастырствѣ, самъ не идетъ по этому пути? Когда одинъ изъ нашихъ преподавателей на нашихъ глазахъ сдѣлался священникомъ, мы почувствовали къ нему особое уваженіе, которымъ онъ дотолѣ у насъ не пользовался.

При такихъ условіяхъ, естественно, въ нашихъ планахъ о будущемъ былъ значительный разбродъ. Одни думали о духовной академіи, другіе — объ университетѣ, третьи — о священствѣ, и, наконецъ, четвертые не задавались идеальными стремленіями, а мечтали о личномъ благополучіи.

Послѣдніе два года я усердно занимался. Изученіе Слова Божьяго — Свящ. Писанія, вопросы морали, пастырства глубоко меня интересовали. Помимо официальныхъ занятій, я съ любовью читалъ сочиненія еп. Феофана Затворника, протопресвитера І. Л. Янышева, духовно-богословскіе журналы. Складывалось православное церковное міровоззрѣніе и загоралось желаніе служить именно св. Церкви и черезъ Церковь нести свѣтъ православной вѣры нашему народу.

Приближалась пора окончанія семинаріи и я сталъ болѣе опредѣленно думать о будущемъ. Мнѣ хотѣлось служить народу, но какъ свое желаніе лучше осуществить, я не зналъ. Избрать ли скромную долю сельскаго пастыря, идти по стопамъ отца? Поступить ли въ академію, дабы впослѣдствіи во всеоружіи высшаго образованія служить той же цѣли? Я колебался. — Въ этомъ состояніи раздумья я и кончилъ семинарію въ 1888 году первымъ въ нашемъ выпускѣ.

Академія

(1888 — 1892)

ГЛАВА IV

Лѣто по окончаніи семинаріи я провелъ, какъ всегда, въ родной семьѣ. Въ теченіе ближайшихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ мнѣ предстояло рѣшить свою дальнѣйшую судьбу. Академія меня влекла, но отсрочивала осуществленіе моихъ народническихъ стремленій. Идиллическая мечта — стать сельскимъ священникомъ, создать свою семью и служить народу — исключала высшее образованіе. Мать моя академическимъ планамъ моимъ не сочувствовала.

— Захирѣешь ты тамъ, здоровья ты слабаго, — зачѣмъ тебѣ идти въ Академію? Архіерей дастъ приходъ, женишься, и наладится твоя жизнь... — убѣждала она меня.

Я не зналъ, что мнѣ дѣлать и рѣшилъ съѣздить въ Оптину пустынь посовѣтоваться со старцемъ Амвросіемъ.

Къ о. Амвросію приходили за духовной помощью люди всѣхъ классовъ, профессій и состояній. Онъ несъ въ своемъ родѣ подвигъ народническій. Зналъ народъ и умѣлъ съ нимъ бесѣдовать. Не высокими поученіями, не прописями отвлеченной морали назидалъ и ободрялъ онъ людей, — мѣткая загадка, притча, которая оставалась въ памяти темой для размышленія, шутка, крѣпкое народное словцо... — вотъ, были средства его воздѣйствія на души. Выйдетъ, бывало, въ бѣломъ подрясникѣ съ кожанымъ поясомъ, въ шапочкѣ — мягкой камилавочкѣ, — всѣ бросаются къ нему. Тутъ и барыни, и монахи, и бабы... Подчасъ бабамъ приходилось стоять позади — гдѣ-жъ имъ въ первые ряды пробиться! — а старецъ, бывало, прямо въ толпу — и къ нимъ, сквозь тѣсноту палочкой дорогу себѣ прокладываетъ... Поговоритъ, пошутитъ, — смотришь, всѣ оживятся, повеселѣютъ. Всегда былъ веселый, всегда съ улыбкой. А то сядетъ на табуреточку у крыльца, выслушиваетъ всевозможные просьбы, вопросы и недоумѣнія. И съ какими только житейскими дѣлами, даже пустяками, къ нему ни приходили! Какихъ только отвѣтовъ и совѣтовъ ему ни доводилось давать! Спрашиваютъ его и о замужествѣ, и о дѣтяхъ, и

можно ли послѣ ранней обѣдни чай пить? И гдѣ въ хатѣ лучше печку поставить? Онъ участливо спроситъ: «А какая хата-то у тебя?». А потомъ скажетъ: «Ну, поставь печку тамъ-то...».

Мнѣ все это очень нравилось.

Я повѣдалъ старцу мое желаніе послужить народу, а также и мое сомнѣніе: на правильный ли я путь вступаю, порываясь въ Академію?

— Да, хорошо служить народу, — сказалъ о. Амвросій, — но вотъ, была купчиха, сынъ стремился учиться въ высшемъ учебномъ заведеніи, а мать удерживала: «Обучайся, молъ, у отца торговлѣ, ему помогать будешь, привыкнешь, въ дѣло войдешь...». Что же? Захирѣлъ онъ въ торговлѣ, затосковалъ и померъ отъ чахотки.

Старецъ ничего больше не добавилъ, но смыслъ словъ я понялъ и сказалъ матери, что ѣхать въ Академію мнѣ надо.

Неизвѣстно, что меня ожидало, если бы я не послѣдовалъ указанію о. Амвросія. Съ молодыми либеральными батюшками тогда не стѣснялись, впослѣдствіи многіе оказались со сломанными душами, случалось попадали подъ судъ и, не выдержавъ тяжелыхъ испытаній, кончали идеалисты пьяницами, погибали... Мое рѣшеніе поступить въ академію было теперь безповоротно и я сталъ готовиться къ конкурснымъ экзаменамъ.

Въ Московскую Духовную Академію насъ съѣхалось на конкурсъ человѣкъ 75. Приняли 50. Когда послѣ экзаменовъ пришелъ инспекторъ съ листомъ и сталъ перечислять принятыхъ въ Академію, и я разслышалъ свою фамилію, — какое это было радостное потрясенье! Какая блаженная минута! Я студентъ! Передо мной открывается широкая жизненная дорога...

Поначалу въ Академіи я не зналъ, за что взяться. Все меня влекло, все казалось интереснымъ. Лишь постепенно я сталъ разбираться въ разнообразіи предметовъ и ихъ соотвѣтствіи съ моими склонностями. Академическая наука пришлась мнѣ по сердцу. Я душевно расцвѣлъ.

Въ Академіи предметы дѣлились на 2 группы: 1) предметы общебогословскаго содержанія (общеобязательные); 2) предметы спеціальные; они распадались на 2 отдѣленія: историческое и литературное. Студентамъ предоставлялся выборъ одного изъ нихъ. Я выбралъ литературное отдѣленіе: мнѣ хотѣлось впослѣдствіи стать преподавателемъ словесности. Изъ языковъ выбралъ греческій и нѣмецкій, послѣдній потому, что для изученія богословія при современномъ состояніи богословской науки, по мнѣнію нашихъ профессоровъ, нѣмецкій былъ необходимъ.

Въ занятіяхъ нашихъ самое важное были сочиненія. Отмѣтки за

сочиненія считались въ четыре раза выше отмѣтокъ за устные экзамены. Это различіе правильно. Въ сочиненіяхъ студентъ обнаруживаетъ весь свой научный багажъ и всю мѣру своего развитія. Первое сочиненіе было мной написано на слѣдующую тему: «Измѣненіе идеаловъ искусства подъ вліяніемъ началъ внесенныхъ въ міръ христіанствомъ». Тема широкая, литературная. Я работалъ надъ ней съ подъемомъ, съ наслажденіемъ. Мнѣ пришлось ознакомиться съ разными образцами дохристіанскаго языческаго искусства, прослѣдить, какъ преобразился идеалъ красоты земной въ идеалъ красоты небесной, какъ Афродита небесная восторжествовала надъ Афродитой земной. Для христіанской эры искусства мнѣ пришлось прочитать произведенія многихъ великихъ поэтовъ и писателей: «Потерянный рай» Мильтона, «Мессіаду» Клопштока и др... Мой трудъ увѣнчался успѣхомъ, за сочиненіе я получилъ 5.

Въ первый годъ спеціально богословскихъ вопросовъ у меня не возникало, а запросы общаго характера, умственные и душевные, я имѣлъ полную возможность удовлетворять.

Академія помѣщалась въ Троице-Сергіевской Лаврѣ. Тихая обитель, мощи Преподобнаго Сергія, монахи, паломники, колокольный звонъ... Чувствовалось, что въ Лаврѣ, какъ въ фокусѣ, собраны лучи русскаго благочестія. Все кругомъ было овѣяно религіозной красотой. Образъ Преподобнаго, казалось, витаетъ надъ Лаврой... Я зналъ студентовъ и профессоровъ, которые ежедневно передъ началомъ занятій молились у св. мощей. Атеистической похвальбѣ уже здѣсь не было мѣста.

Снова меня окружала атмосфера религіозной вѣры, молитвенной настроенности, тишины, народнаго благочестія. Чудесныя праздничныя службы, несмѣтныя толпы богомольцевъ... Какъ я любилъ забраться въ самую ихъ гущу, въ самую-то давку. Несетъ, бывало, тебя волна людская, и ты плывешь съ нею по теченью въ такой тѣснотѣ, что ноги земли не касаются. Я любилъ ощущать общность, совмѣстность, чувство людского единства. Что пріобрѣлъ я въ этой сермяжной массѣ — не учесть и словами не опредѣлить. Точно какіе-то флюиды исходили отъ этихъ толпъ... Соучастіе въ религіозномъ порывѣ народа къ святынѣ оставляло неизгладимое впечатлѣніе на тѣхъ изъ насъ, кто его воспринять хотѣлъ, кто внимательно присматривался къ тому, что вокругъ происходитъ.

Великое преимущество Московской Академіи именно въ томъ и заключалось, что она помѣщалась въ Сергіевской Лаврѣ. Сколько разъ ее ни собирались перевести въ Москву, митрополитъ Филаретъ этому противился. Петербургская Академія давала чиновниковъ синодальнаго вѣдомства. Протекція, карьеризмъ, свѣтскій столичный духъ... — характерныя ея черты. Наша Академія — «деревенская», нѣсколько

грубоватая, была лишена благородныхъ развлеченій столичнаго центра и свѣтскихъ городскихъ интересовъ, зато научно стояла высоко: лучшіе научные труды вышли изъ нашей Академіи. Этому способствовала ея уединенность, досуги, которые въ Сергіевомъ посадѣ было тратить негдѣ, отсутствіе городской суеты. Однако, наша уединенность не мѣшала притоку разнообразныхъ впечатлѣній (благодаря близости Лавры къ Москвѣ). Мы ѣздили въ театръ: въ драму, въ оперу. Не забыть мнѣ перваго моего посѣщенія Большого театра! Это было 30-го августа, въ день именинъ Государя. Давали «Жизнь за Царя». Впечатлѣніе чудесной волшебной сказки...Мы любили театръ.Ради него отказывали себѣ въ послѣднемъ. При полномъ содержаніи намъ еще полагалось отъ Академіи 3 руб. «чаевыхъ», на мелкіе расходы, но мы предпочитали не пить чаю, лишь бы пойти въ театръ. Знакомые студенты Московскаго университета и семинаріи помогали намъ доставать билеты, простаивая въ очередяхъ, дабы получить дешевые, на галлерею. Оперу я очень любилъ, но еще больше меня привлекалъ Малый театръ и я нерѣдко посѣщалъ его хотя и цѣною нѣкоторыхъ жертвъ. Мы были вынуждены возвращаться изъ Москвы съ послѣднимъ поѣздомъ, а ворота въ Лаврѣ запирались въ 11 часовъ. Кто не попадалъ къ сроку, — ночуй, гдѣ хочешь. Пріѣдешь, бывало, въ полночь и до 3½ час. дремлешь, гдѣ-нибудь близъ Лавры на скамеечкѣ. Но все тогда было хорошо, все было весело... Однажды въ театрѣ у меня украли обратный желѣзнодорожный билетъ, и я, не имѣя копѣйки въ карманѣ, всю ночь проходилъ по улицамъ Москвы, чтобы утромъ занять у товарища денегъ.

Въ Москву мы ѣздили не только въ театръ.У насъ завязались знакомства со студентами Московскаго Университета разныхъ факультетовъ. Моими пріятелями были студенты-медики. Они водили меня въ анатомическій театръ. Трупный запахъ, видъ распластанныхъ, разрѣзанныхъ тѣлъ... ужасное зрѣлище! Я не могъ его вынести, а пріятели надо мною потѣшались.

Любили мы ѣздить и на университетскіе диспуты и на защиту диссертацій. Были любознательны, образованность весьма цѣнили и, хотя сами еще стояли на первыхъ ея ступеняхъ, мы уже были непрочь покичиться при случаѣ своими скороспѣлыми познаніями.

Помню, вкусивъ премудрости научной психологіи, мы вздумали посмѣяться надъ нашимъ старымъ служителемъ — истопникомъ Андреемъ. Однажды вечеромъ, когда онъ пришелъ посмотрѣть, какъ топится печь, мы, съ нѣкоторой важностью, задаемъ ему вопросъ: «Скажи, Андрей, въ чемъ превосходство человѣка надъ собакой?», а онъ подумавъ, говоритъ: «Да, вѣдь, господа, смотря по тому, какой человѣкъ и какая собака...». Этотъ остроумный отвѣтъ простого чело-

вѣка, такъ насъ озадачилъ, что мы не нашлись, что ему отвѣтить, и это отбило у насъ охоту кичиться своею «образованностью».

Полная новыхъ впечатлѣній жизнь, въ сочетаніи съ интересной научной работой, раздвигала умственные горизонты. Началась работа мысли надъ выработкой міросозерцанія, инстинктивные поиски его гармоніи, его единства. Матеріалистическій позитивизмъ меня органически отталкивалъ, но этого было мало, хотѣлось найти серьезные доводы для его опроверженія. На первомъ курсѣ я взялъ темой у профессора В. Д. Кудрявцева: «О самопроизвольномъ зарожденіи». Я былъ ею захваченъ. Какъ этотъ тезисъ опровергнуть? Какъ объяснить многозначительный фактъ: въ закупоренной бутылкѣ самопроизвольно возникаетъ жизнь? Теорій существовало много. Это былъ 88-ой годъ — періодъ жгучихъ споровъ объ открытіи микроорганизмовъ Пастеромъ. Въ научныхъ кружкахъ кипѣли дебаты за и противъ его открытія. Сторонникомъ механическаго происхожденія жизни я не былъ. Изъ мертвой матеріи живой клѣточки не создать. Это положеніе я считалъ истиной. Всѣ мои усилія были направлены къ тому, чтобы его философски обосновать, и я усердно занимался у профессора В. Д. Кудрявцева.

На 1-омъ курсѣ я освоился съ Академіей, и сталъ настоящимъ студентомъ. Однако, новое состояніе меня до дна еще не захватило. На первыя Рождественскія каникулы я рѣшилъ поѣхать на родину, чтобы повидаться съ родителями и показаться впервые среди родныхъ и знакомыхъ въ званіи студента. Не скрою, что это званіе льстило моему самолюбію Въ Тулѣ пришлось встрѣтиться съ своими прежними товарищами по семинаріи, пріѣхавшими изъ Кіевской Духовной Академіи, а также и съ тѣми, кто не поѣхалъ въ высшія учебныя заведенія, а остался въ епархіи, поступивъ на службу псаломщиками или учителями. Это была пріятная, радостная встрѣча; безконечны были бесѣды, въ которыхъ мы дѣлились впечатлѣніями своей новой жизни; конечно, оставшіеся на епархіальной службѣ съ нѣкоторою завистью, даже почтеніемъ, смотрѣли на насъ, юныхъ студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній. Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ Тулѣ, я уѣхалъ въ деревню къ родителямъ. И здѣсь повышенное, горделивое ощущеніе своего студенчества переживалось еще въ большей степени, чѣмъ въ Тулѣ. Всѣ окружающіе священники (не исключая даже и моего отца) съ оттѣнкомъ какой-то почтительности встрѣчали меня; уѣздныя и сельскія дѣвицы и ихъ мамаши нашего духовнаго круга проявляли ко мнѣ особое вниманіе, быть можетъ, видѣли во мнѣ завиднаго жениха. Я чувствовалъ себя какъ-то легко, весело, жизнерадостно... Отецъ совѣщался со мною по служебнымъ дѣламъ. У него создались непріятныя отношенія съ церковнымъ старостою, мѣстнымъ огородникомъ и кулакомъ, который за

большіе проценты давалъ ссуды крестьянамъ и держалъ ихъ въ своихъ рукахъ. Староста велъ агитацію противъ моего отца среди прихожанъ, подстрекнулъ ихъ написать жалобу епархіальному начальству; пришлось давать объясненія консисторіи. Отецъ жаловался, какъ иногда трудно бываетъ священнику ладить со старостами, особенно если на эту должность попадаетъ такой зазнавшійся «міроѣдъ». Въ доказательство онъ разсказалъ мнѣ очень интересный въ бытовомъ отношеніи случай въ сосѣднемъ селѣ.

Мѣстный священникъ, любитель родной старины, хотѣлъ при ремонтѣ храма помѣстить въ иконостасѣ образъ св. священномученика Кукши, просвѣтителя вятичей, жившихъ по р. Окѣ, ибо приходъ этотъ былъ расположенъ на притокѣ Оки, р. Унѣ. Староста, не имѣвшій, разумѣется, никакого понятія ни о Кукшѣ, ни о вятичахъ, ни за что не хотѣлъ помѣщать въ церкви этого образа: ему не нравилось и казалось неблагозвучнымъ самое имя Кушки. «Какую-такую кукшу выдумалъ нашъ попъ?», говорилъ онъ прихожанамъ. Дабы разрѣшить споръ, священникъ вмѣстѣ со старостой поѣхалъ къ мѣстному архіерею. Престарѣлый архіепископъ Никандръ сталъ вразумлять несговорчиваго старосту: «Почему ты не хочешь поставить въ церкви икону св. Кукши? Вѣдь онъ просвѣтилъ вѣрой Христовой вятичей, нашихъ предковъ; вѣдь мы происходимъ отъ вятичей». Староста очень обидѣлся и говоритъ: «Не знаю, можетъ быть Вы, Ваше Высокопреосвященство, вятичъ, а я, слава Богу, православный русскій человѣкъ!» Что было дѣлать: пришлось любознательному священнику отказаться отъ мысли имѣть въ своемъ храмѣ икону священномученика Кукши...

Среди этого беззаботнаго студенческаго веселья меня подстерегало тяжелое семейное горе. Я заболѣлъ скарлатиной, хотя форма заболѣванія была легкая, и скоро поправился, но я заразилъ ею свою маленькую сестру, 9-лѣтнюю Машу. Это была очень добрая, ласковая, кроткая дѣвочка, общая наша любимица. Особенно нѣжно ее любила мать какъ самую младшую и единственную дочь среди остальныхъ пятерыхъ сыновей. Я видѣлъ, какъ Маша, вся красная отъ жара задыхалась, стонала, изнемогая въ борьбѣ съ ужасною болѣзнью. Въ такомъ состояніи я простился съ нею и уѣхалъ въ Академію. Черезъ недѣлю Маша скончалась.... Невыразимо жалко было мнѣ нашей милой малютки... Можно себѣ представить, какой это былъ огромный ударъ для нашихъ бѣдныхъ и уже старѣющихъ родителей, особенно для матери....

Въ концѣ перваго учебнаго года, когда я уѣхалъ на лѣтнія каникулы, меня начали тревожить сомнѣнья. Не бросить ли Академію? Стоитъ ли отдаваться наукѣ? Какой я ученый! Мнѣ каза-

лось, что я лишенъ нужныхъ дарованій, что я къ научному пути не предназначенъ. Твердой увѣренности въ себѣ у меня вообще никогда не было, я всегда сомнѣвался въ соотвѣтствіи моихъ природныхъ данныхъ съ моими стремленіями. Тутъ вмѣшались и переживанія лирическаго свойства. У моего товарища К. была сестра. Она мнѣ была пріятна, я любилъ съ ней бесѣдовать. Отношенія наши были чистыя, цѣломудренныя. Однажды я осмѣлился поцѣловать ей руку — и потомъ ужасался своей дерзости. Такъ я идеализировалъ женскій образъ... Невольно возникалъ передо мной вопросъ: не жениться ли? Не лучше ли соединить свою жизнь съ прекрасной дѣвушкой, основать съ ней семью? Однако, порвать съ Академіей и сдѣлать безповоротный шагъ я все же не рѣшался. Нашелъ выходъ въ отсрочкѣ рѣшенія. Подожду еще годъ, она кончитъ епархіальное училище, а я перейду на 3-ій курсъ — тамъ видно будетъ...

Эта отсрочка имѣла неожиданныя послѣдствія. Въ Академіи въ ту зиму произошли перемѣны, которыя повліяли на судьбу многихъ студентовъ, въ томъ числѣ и на мою. Прежній ректоръ епископъ Христофоръ былъ смѣщенъ, его мѣсто занялъ молодой архимандритъ Антоній (Храповицкій).

Ректоръ епископъ Христофоръ и инспекторъ архимандр. Антоній, наше высшее начальство, — и мы, студенты, до той поры были два разныхъ міра. Ни близости, ни общаго у насъ не было. Ректоръ былъ сухой и безсердечный человѣкъ. Его квартира была для насъ недоступна. Всегда къ нему нельзя, все онъ чѣмъ-то занятъ, — словомъ, его, бывало, не добьешься. Недоступность внѣшняя сочеталась со склонностью къ строгому формализму. Помню нашу первую съ нимъ встрѣчу. Мы, туляки, пріѣхали держать конкурсные экзамены; предварительно мы должны были вручить ему наши документы; (жили мы въ Академіи) видимъ, ректоръ по саду ходитъ, мы попросту и поспѣшили къ нему. — «Что вамъ угодно?» — сухо спросилъ онъ. — «Прошенія...» — «Да кто же въ саду подаетъ прошенія?..» — повернулся и пошелъ. Такъ же холодно, формально относился онъ и къ провинностямъ студентовъ. Напримѣръ, однажды въ Академіи, на 4-омъ курсѣ, произошла подлинная катастрофа. Студенты выпили, пошумѣли, но въ свое время, правда, тоже съ шумомъ, пошли спать. Ректоръ услышалъ шумъ и послалъ помощника инспектора іеромонаха Макарія узнать въ чемъ дѣло. Студенъ Глубоковскій (крупное сейчасъ богословское имя), кричитъ товарищамъ: «Макаръ пришелъ!» (не «о. Макарій», какъ бы слѣдовало). Іеромонахъ Макарій — къ ректору съ жалобой. Тотъ велѣлъ вызвать къ себѣ 4-5 студентовъ, которые оказались въ тотъ вечеръ навеселѣ, и приказалъ безъ пощады: «Завтра вы всѣ подадите прошеніе объ увольненіи». (Среди изгнанныхъ оказался и Глубоковскій). Ника-

кіе доводы, никакія оправданія не подѣйствовали, — студентовъ выгнали. (Черезъ годъ ихъ приняли обратно).

Былъ намъ чуждъ и инспекторъ о. Антоній (онъ былъ не изъ духовнаго званія). Человѣкъ мелко придирчивый, тоже узко-формальный, онъ старался ввести въ Академію дисциплину кадетскаго корпуса, допекалъ насъ инструкціями. Мы не имѣли права даже выйти за ворота. Студенты, конечно, это постановленіе нарушали. Возникали скандалы. Вздумалъ онъ также провѣрять, всѣ ли студенты посѣщаютъ лекціи. Этой мелочной строгостью онъ насъ раздражалъ. Бывали иногда до того скучныя лекціи (мы ихъ называли лекціями «о библейскихъ клопахъ»), что студенты всячески ихъ избѣгали, предпочитая работать надъ своими курсовыми сочиненіями. Инспекторъ разыскивалъ ослушниковъ и сгонялъ ихъ въ аудиторію. Какъ-то разъ онъ накрылъ насъ, небольшую группу. Мы спохватились: «Идемъ, идемъ на лекцію»... — и вдругъ въ шкафу — скрипъ... Инспекторъ — къ шкафу. Отворилъ дверцу... а въ шкафу — огромный, весь красный отъ смущенья студентъ Петръ Полянскій*) (впослѣдствіи митрополитъ Крутицкій). Хохотъ... Даже инспекторъ разсмѣялся.

---

*)Петръ Федоровичъ Полянскій окончилъ Воронежскую семинарію и служилъ гдѣ-то въ Тамбовской епархіи псаломщикомъ; его устроилъ на это мѣсто его дядя, Тамбовскій архіерей. Вообще среди высшаго духовенства у него было много вліятельной родни. Прошло нѣсколько лѣтъ, — его потянуло въ Академію. Но свѣжесть знаній у него уже поблекла, не такъ-то легко ему было вновь засѣсть за книги. На конкурсныхъ экзаменахъ онъ не преуспѣлъ, но обезпеченный матеріально своимъ дядей, онъ остался вольнослушателемъ. Петръ Полянскій былъ старше насъ, ему было подъ 30 лѣтъ; намъ 21-22 года. Внѣшность у него была уже солидная: большой, толстый, съ брюшкомъ, онъ производилъ на многихъ впечатлѣніе добродушнаго простака, можетъ быть, и потому, что любилъ напускать на себя топъ простачка. «Скажите на милость, — восклицаетъ онъ, бывало, — что въ этой философіи? Хоть убей, не разберу!» На дѣлѣ онъ былъ неглупый. Звали мы его всѣ попросту «Пётра», любовались его дорогой енотовой шубой, подаренной ему дядей-архіереемъ, старинными часами, — доставшимися ему отъ какого-то родственника, — собственностью чуть ли не самого митрополита Московскаго Филарета. Кончилъ онъ Академію средне. Сильная протекція, восходившая до митрополита Московскаго Леонтія, пріуготовила ему мѣсто помощника инспектора Академіи. Съ этой должностью, надзирательной по обязанностямъ, сочеталось то преимущество, что онъ могъ жить въ Академіи, пользоваться библіотекой, совѣтами профессоровъ, а также имѣлъ достаточно досуга, чтобы написать магистерское сочиненіе. Онъ избралъ тему по эгзегетикѣ: «О пастырскихъ посланіяхъ ап. Павла». Окончивъ эту работу, онъ покинулъ Академію и сталъ смотрителемъ Жировецкаго духовнаго училища (Гродненской губ.). На этомъ посту проявилъ большія административныя способности — привелъ училище, дѣйствительно, въ прекрасное состояніе. Ревизоръ Нечаевъ, отличавшійся большой строгостью, далъ о Петрѣ Полянскомъ блестящій отзывъ. Вскорѣ его пригласили членомъ учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ для ревизіи духовно-учебныхъ заведеній. Тутъ онъ пробылъ до 1917 года. Когда грянула революція, онъ принялъ, по предложенію Патріарха Тихона, монашество, и Патріархъ

Передъ началомъ лекцій въ аудиторіяхъ инспекторъ тоже завелъ провѣрку. Войдетъ, бывало, нервный, раздраженный и кричитъ: «Встаньте, — кого нѣтъ!». Встать, конечно, некому, — и мы потѣшаемся надъ нелѣпымъ окрикомъ. А онъ вновь въ запальчивости: «Встаньте, — кого нѣтъ!».

Его досадительныя преслѣдованія привели къ прискорбному концу. Какъ-то разъ, подъ Покровъ, студенты, проходя навеселѣ подъ окнами его квартиры, перебили камнями всѣ стекла. На слѣдующій день его квартира представляла картину разрушенія. Съ этой дикой выходкой связаны стишки, изъ которыхъ можно привести лишь первыя строчки:

Набилъ карманъ камнями туго
И думалъ: угощу я друга...

Инспекторъ куда-то временно скрылся, но въ полночь, когда участники буйства, уже пьяные, лежали по кроватямъ, онъ нагрянулъ съ фонаремъ, въ сопровожденіи помощниковъ, сторожей, — и сталъ смотрѣть, кто изъ студентовъ въ какомъ видѣ. Угаръ у многихъ еще не прошелъ, инспекторскій обходъ лишь сильнѣе ихъ озлобилъ. Кое-кто готовъ былъ броситься и избить начальство...

Расправа съ виновниками безпорядка была короткая: около 20 студентовъ выгнали. (Ихъ приняли потомъ другія академіи). Вскорѣ послѣ этой печальной исторіи ректора еп. Христофора и инспектора убрали; вотъ тогда-то намъ и назначили новаго ректора — архим. Антонія (Храповицкаго).

Можно сказать безъ преувеличенія: для Московской Духовной Академіи начался какой-то новый періодъ существованія. Вліяніе архим. Антонія на насъ было огромно.

Молодой, высокообразованный, талантливый и обаятельный, съ десятилѣтняго возраста мечтавшій стать монахомъ, — архим. Антоній былъ фанатикомъ монашества. Его пламенный монашескій духъ заражалъ, увлекалъ, зажигалъ сердца... Монашество въ на-

---

сдѣлалъ его викаріемъ — епископомъ Подольскимъ. А когда помощникъ Патріарха, архіепископъ Крутицкій Иларіонъ, былъ арестованъ (управленіемъ Московской епархіей вѣдалъ не Патріархъ, а Крутицкій архіепископъ), Патріархъ Тихонъ взялъ епископа Петра на мѣсто архіепископа Иларіона, потомъ возвелъ его въ санъ митрополита. Въ своемъ завѣщаніи Патріархъ Тихонъ назначилъ своими преемниками: 1) Кирилла, Митрополита Казанскаго, 2) Агафангела Митрополита Ярославскаго и 3) Петра Митрополита Крутицкаго. Кириллъ Митрополитъ Казанскій былъ сосланъ, Агафангела Митрополита Ярославскаго не допустилъ въ Москву. Оставался Петръ Митрополитъ Крутицкій. На этомъ новомъ посту онъ проявилъ себя человѣкомъ доблестнымъ, стойкимъ, не склоннымъ къ компромиссамъ. Большевики разгадали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, — и отправили въ ссылку.

шемъ представленіи благодаря нему возвысилось до идеала сплоченнаго крѣпкаго братства, ордена, рати Христовой, которая должна спасти церковь отъ прокуратуры, вернуть подобающее ей мѣсто независимой воспитательницы и духовной руководительницы русскаго народа. Передъ нашимъ взоромъ развертывались грандіозныя перспективы: возстановленіе патріаршества, введеніе новыхъ церковныхъ началъ, переустройство Академіи въ строго-церковномъ духѣ...

Мы были замкнуты, знали одни книжки, лекціи, экзамены, а къ общественной дѣятельности были равнодушны. Архим. Антоній насъ всколыхнулъ, возжегъ въ сердцахъ рвеніе къ церковно-общественной работѣ, пробудилъ сознаніе долга служить Церкви и обществу, идти съ церковнымъ знаменемъ на арену общественной жизни.

Идею монашества архим. Антоній пропагандировалъ среди насъ поистинѣ фанатически. Въ немъ она сочеталась съ женоненавистничествомъ. Онъ рисовалъ намъ картины семейной жизни и супружескихъ отношеній въ мрачныхъ, даже грязныхъ, тонахъ, — и его пропаганда имѣла успѣхъ. Ей способствовала и душевная близость, установившаяся между нимъ и студентами.

Въ противоположность предшественнику еп. Христофору, архим. Антоній широко открылъ намъ двери ректорской квартиры, располагалъ насъ къ себѣ простотой обхожденія и доступностью. Онъ устраивалъ у себя собранія для студентовъ, гостепріимно угощалъ чаемъ: на столѣ появлялся самоваръ (его называли: «самоваръ пропаганды»), всевозможныя варенья, бублики, булки... Цѣлый вечеръ велись горячія бесѣды о монашествѣ. Рѣчи принимали порой оттѣнокъ цинизма. Врядъ ли кто-либо изъ женщинъ могъ выслушать все, что тогда говорилось. Одна игуменья случайно оказалась среди насъ, — и поспѣшила исчезнуть... Послѣ собранія расходились не сразу. Нѣкоторые его участники еще долго прогуливались группами и парами по ректорскимъ заламъ. Тутъ говорили уже интимно, обсуждая личныя судьбы и волнующія душевныя переживанія.

Не одни собранія сближали насъ съ архим. Антоніемъ, — онъ входилъ въ наши дѣла, интересовался нашими занятіями, спрашивалъ: «Что вы пишете? Что вы дѣлаете?..». Создавалась какая-то семейная атмосфера. Высоко поднялъ онъ и богослуженіе въ нашемъ академическомъ храмѣ, который онъ, на пожертвованныя московскими купцами средства, обновилъ, расширилъ и украсилъ; завелось прекрасное пѣніе, всегда была живая проповѣдь; внѣ богослуженій — бесѣды.

Слѣдствіемъ этого новаго духа въ Академіи была волна постриженій. Съ именемъ Антонія Храповицкаго и Антонія Вадковскаго (Петербургскаго митрополита) связано возрожденіе монашест-

ва въ Россіи. Въ академіяхъ на лучшихъ студентовъ и раньше смотрѣли, какъ на будущихъ монаховъ, но монашескій путь уже давно пересталъ привлекать молодежь, а отдѣльные постриги движенія не создавали. Теперь на этотъ путь устремилась 23-24-лѣтняя молодежь. Архим. Антоній постригалъ неразборчиво и исковеркалъ не одну судьбу и душу... Нѣкоторые изъ его постриженниковъ потомъ спились. Мой товарищъ по курсу о. Іоаннъ Рахмановъ, вслѣдствіе неудачнаго пострига, окончилъ жизнь босякомъ. Іеромонахъ Тарасій, даровитый, идеалистъ, блестяще кончившій Казанскую Академію, отвергъ карьеру и уѣхалъ въ Зарентуйскую тюрьму; жизнерадостный, веселый, онъ окончилъ жизнь трагически: сталъ пить и его нашли мертвымъ (отъ угара) въ его комнатѣ, когда онъ былъ смотрителемъ Заиконоспасскаго духовнаго училища въ Москвѣ. «Случалось, что и у меня на плечѣ плакали послѣдователи арх. Антонія», говорилъ Петербургскій митрополитъ Антоній Вадковскій. Одинъ изъ видныхъ петербургскихъ протопресвитеровъ отозвался съ насмѣшливой укоризной о постригѣ студента (Тимофѣева) до того еще юнаго, что ему можно было дать прозвище «красной дѣвицы»: «О. Антоній, вы до сихъ поръ постригали мальчиковъ, а теперь уже дѣвочекъ стали постригать...».

Очень импонировала намъ высокодаровитая личность архим. Антонія, его широкое богословское и философское образованіе, въ частности и его дружественныя отношенія съ Владиміромъ Соловьевымъ, Гротомъ, Лопатинымъ, съ группой мыслителей и философовъ, объединившихся вокругъ журнала «Вопросы философіи и психологіи». Черезъ него мы какъ-бы тоже соединялись съ ними.

Помню, высокій, неуклюжій, безпомощный В. Соловьевъ и маленькій, юркій Гротъ — пріѣхали къ намъ говѣть. Имъ прислуживалъ молодой монахъ на квартирѣ архим. Антонія. Потомъ онъ подтрунивалъ надъ студентами, поклонниками Соловьева, и, шутки ради, раздавалъ имъ пузырьки съ мыльной водой, которой умывался В. Соловьевъ. Впослѣдствіи архим. Антоній разошелся съ В. Соловьевымъ и отзывался о немъ отрицательно и притомъ весьма рѣзко, не довѣряя его аскетизму и по своему толкуя его ученіе о Софіи. А Соловьевъ укорялъ его въ измѣнѣ либерализму и переходѣ въ станъ консерваторовъ: съ архим. Антоніемъ, яко-бы произошло то же самое, что произошло со славянофилами, когда свѣтлое теченіе Кирѣевскаго, Аксакова, Хомякова, Самарина смѣнила реакціонная идеологія Каткова. «Исповѣданіе истины должно быть одинаково дорого и философу и священнику, — писалъ впослѣдствіи архим. Антонію проф. Гротъ, — а вы испугались насупленныхъ бровей К. П. Побѣдоносцева», (который, кстати, очень не любилъ арх. Антонія).

Въ нашей средѣ архим. Антоній вызывалъ къ себѣ два противоположныхъ отношенія. Одни подпадали подъ его вліяніе и имъ восхищались, другіе его ненавидѣли. Нѣкоторые не довѣряли ни его ласкѣ, ни его интересу къ судьбѣ каждаго изъ насъ, ни даже его монашеской ревности. «Онъ играетъ на юношескомъ идеализмѣ» — возмущались они. Сторонниковъ ректора они брали подъ подозрѣніе, даже считали шпіонами.

Горячей молодежи нравилось въ архим. Антоніи его неуваженіе къ авторитетамъ, даже столь безспорнымъ, какъ Филаретъ митрополитъ Московскій, не говоря уже о современныхъ профессорахъ, которыхъ онъ честилъ самыми грубыми эпитетами; молодежью считалось это смѣлой независимостью въ сужденіяхъ. Хлесткія, неразборчивыя словечки передавались изъ устъ въ уста, и студенты привыкли безцеремонно отзываться о профессорахъ. Объ этомъ знали сами профессора и, конечно, очень не долюбливали своего несдержаннаго на языкъ молодого ректора и въ свою очередь жестоко его критиковали.

Если духъ учебнаго заведенія въ какой-то мѣрѣ зависитъ отъ личности главнаго начальствующаго лица, то личность преподавателей воздѣйствуетъ на учащихся независимо отъ предметовъ, которые они преподаютъ. Въ Академіи были преподаватели, которые запомнились не только какъ лекторы-спеціалисты своего предмета, но и какъ люди.

Прежде всего упомяну проф. Виктора Дмитріевича Кудрявцева. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ ученыхъ, которые оказываютъ на своихъ учениковъ всесторонне-благотворное вліяніе, хотя, быть можетъ, въ годы ученія оно для ихъ сознанія и неуловимо. Изъ профессоровъ онъ былъ старѣйшій. Въ русской философіи В. Д. Кудрявцеву по праву принадлежитъ почетное мѣсто защитника христіанскихъ основъ въ философіи. Въ его сочиненіяхъ разработана цѣлая религіозно-философская система, цѣлое міровоззрѣніе. Его ученость, его знаменитость намъ импонировали. Сочетаніе учености съ глубокой религіозностью, съ практикой благочестія свидѣтельствовала о томъ, что наука и вѣра не противоположны. Мы внимательно прислушивались ко всему, что онъ говоритъ, и вѣрили въ необманность его словъ. Какъ былъ онъ не похожъ на тѣхъ духовныхъ лекторовъ, которые говорили: «Насъ обманывали, и мы обманываемъ...». Онъ былъ не только назидателенъ, но и обворожителенъ. Что-то было прелестное въ этомъ старикѣ. Помню, когда впервые намъ предстояло говорить съ нимъ, мы шли къ нему со страхомъ: какъ-то онъ насъ приметъ? И вдругъ намъ навстрѣчу спѣшитъ старичокъ въ бѣломъ пиджачкѣ — и привѣтливо: «Пожалуйте, пожа-

луйте...». За всякой службой мы могли наблюдать, какъ онъ со своей супругой-старушкой, войдя въ храмъ, ставятъ свои двѣ свѣчки, а потомъ усердно молятся у праваго клироса.

В. Д. Кудрявцевъ умеръ, когда я былъ на 3-емъ курсѣ. Дня 3-4 онъ лежалъ безъ признаковъ тлѣнія. Жена его не могла повѣрить, что онъ, дѣйствительно, умеръ и, кажется, настояла, чтобы нашъ докторъ передъ погребеньемъ прокололъ ему сердце.

Замѣчательный человѣкъ былъ и проф. Дмитрій Федоровичъ Голубинскій (сынъ знаменитаго философа протоіерея Ѳ. А. Голубинскаго). Онъ читалъ «естественно-научную апологетику» — предметъ, который ему было поручено читать пожизненно. Это былъ живой святой. Онъ напоминалъ юродиваго. Одѣвался плохо, носилъ костюмъ фасона прошлаго вѣка; былъ другомъ всей нищей братіи въ Сергіевскомъ посадѣ, которая ходила за нимъ толпой. Каждое утро онъ молился у гроба Преподобнаго Сергія. Смиреніемъ онъ отличался необычайнымъ.

Одинъ студентъ пріѣхалъ впервые въ Академію, вошелъ въ ворота, и видитъ: — невзрачный старичокъ... Студентъ ему и крикнулъ: «Сторожъ, донеси-ка мои чемоданы!». Старичокъ донесъ. А потомъ на экзаменѣ — о ужасъ! — онъ за экзаменаціоннымъ столомъ...

Былъ Д. Ф. Голубинскій большой любитель астрономіи. Въ морозную, звѣздную ночь, весь завернутый въ платки, уставитъ бывало, на дворѣ телескопъ и зоветъ насъ: «Идите, идите смотрѣть, луна видна, горы на ней..».

Помню, показывалъ онъ намъ волшебный фонарь — портреты знаменитыхъ людей: профессоровъ, ученыхъ, святителей... а потомъ показалъ Малешота, Карла Фогта, Штрауса... и при этомъ сдѣлалъ заключеніе: «Смотрите, какъ невѣріе и соединенная съ нимъ безнравственная жизнь искажаетъ лицо человѣка». Студентамъ это показалось убѣдительнымъ, и они разразились аплодисментами.

Всѣ надъ нимъ подсмѣивались, а благотворное вліяніе онъ все же оказывалъ. Когда онъ умеръ, вся посадская бѣднота его оплакивала.

Были профессора, которые не столько вліяли своею личностью, сколько пробуждали всеобщій интересъ къ своему предмету умѣньемъ талантливо, даже блистательно, его читать. Къ нимъ надо отнести профессора В. О. Ключевскаго. Аудиторія у него была всегда биткомъ набита. На его лекціи шли всѣ. Читалъ онъ у насъ свободнѣе, чѣмъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ ему приходилось нѣсколько умѣрять либерализмъ своихъ историко-политическихъ воззрѣній. Онъ былъ осторожный и умѣлъ всегда учитывать обстановку. Пріѣзжалъ онъ еженедѣльно изъ Москвы на понедѣльникъ и

вторникъ; ночевалъ въ монастырской гостиницѣ. Наша профессура любила выпить, и Ключевскій, вдали отъ Москвы и строгой пожилой своей жены, подвергался искушенію Бахуса. Впослѣдствіи онъ одинъ уже не пріѣзжалъ, его сопровождала жена.

Въ нашей Академіи преподавалъ Алексѣй Ивановичъ Введенскій, даровитый профессоръ. Онъ читалъ «исторію философіи». Молодой ученый, только что пріѣхавшій изъ Германіи, онъ не пріобрѣлъ еще той мѣры лекторской опытности, когда лекторъ умѣетъ, когда надо, нѣсколько затянуть или сократить свою лекцію. Обычно наши профессора читали не 1 часъ, а ½ часа, и это считалось въ порядкѣ вещей. Но вотъ, къ намъ пріѣхалъ строгій митрополитъ Московскій Іоанникій. Въ его присутствіи Введенскій прочелъ положенные полчаса — и умолкъ. «Ваше Высокопреосвященство, я истощился...» — пояснилъ онъ. Митрополитъ разнесъ его при насъ въ пухъ и прахъ: «Это недопустимо! Вы должны готовиться!»

Были и другіе выдающіеся профессора, завоевавшіе себѣ по всей справедливости почетное положеніе въ богословской наукѣ, доктора богословія, одни — популярные, какъ напримѣръ, проф. общей церковной исторіи А. П. Лебедевъ; другіе — замкнутые, всецѣло погруженные въ свою науку, отшельники, какъ напримѣръ, знаменитый проф. исторіи Русской Церкви академикъ Е. Е. Голубинскій, проф. М. Д. Муретовъ. Съ ними входили въ общеніе отдѣльные, наиболѣе серьезные студенты, получавшіе отъ нихъ руководство въ своихъ научныхъ работахъ; но на общую массу студенчества они имѣли мало вліянія.

Литературное отдѣленіе, на которое я записался, не имѣло выдающихся профессоровъ. Профессоръ русской литературы Воскресенскій читалъ палеографію скучно, сухо, и развить въ слушателяхъ любовь къ литературѣ ему было трудно. Доцентъ иностранной литературы Татарскій въ жизни былъ легкомысленный человѣкъ, любитель выпить, поиграть на билліардѣ, побалагурить. Онъ примыкалъ къ той группѣ нашихъ молодыхъ доцентовъ, которые водили компанію со студентами и непрочь были пойти съ ними развлечься въ трактиръ.

Какъ я уже сказалъ, я былъ на 3-емъ курсѣ, когда ректоромъ сталъ архим. Антоній, и въ Академіи повѣяло какимъ-то новымъ духомъ. Я восчувствовалъ его, какъ и многіе мои товарищи, и въ моей душѣ началась большая внутренняя работа. Мечты о невѣстѣ, о деревенской идиллической жизни семейнаго сельскаго священника стали постепенно терять свою плѣнительность, поблѣднѣли, потускнѣли отъ противопоставленія имъ идеала монашества, но, и поблекшія, онѣ въ душѣ моей жили...

Серьезный переломъ въ пользу монашества произошелъ во мнѣ при переходѣ съ 3-го курса на 4-ый. Стыдно признаться, но на меня потрясающее впечатлѣніе произвела «Крейцерова соната». Она ходила по рукамъ въ рукописи, мы читали ее изъ-подъ полы. Всѣ мои юныя мечты разлетѣлись прахомъ... Боже мой, за красивымъ фасадомъ — какая грязь! Какъ подойти къ чистой дѣвушкѣ? Высота, чистота семейной жизни — и пошлый ея реализмъ... Я ужасался. Мнѣ представлялась трагедія, мрачная безысходность. О темныхъ сторонахъ брака, не только въ «Крейцеровой сонатѣ», но и вообще въ русской литературѣ написано много, и нигдѣ, — ни въ ней ни въ себѣ, — я не находилъ разрѣшенія этого вопроса. Съ одной стороны — Лиза Калитина, съ другой — грубая дѣйствительность. И чѣмъ выше идеалъ, тѣмъ конфликтъ ужаснѣе. Будучи не въ состояніи сочетать эти двѣ противоположности, я отошелъ отъ самой проблемы съ сознаніемъ, что я моего идеала недостоинъ... Что-то надломилось тогда въ моей душѣ, и я сталъ серьезно думать о монашествѣ. Мысль эта у меня не соединялась съ отрицательнымъ взглядомъ на семью и бракъ; врагомъ семейной жизни я не былъ. Меня коробило, когда о ней говорили цинично, съ хохотомъ; отъ подобныхъ разговоровъ я уходилъ: они мнѣ казались поношеніемъ святыни брака, его таинства. Нетерпимое, презрительное отношеніе архим. Антонія къ проблемѣ брака мнѣ было чуждо.

Зимой на 3-ьемъ курсѣ я впервые подѣлился своими сокровенными думами о монашествѣ съ двумя вѣрными семинарскими друзьями: Петромъ Павловичемъ Кудрявцевымъ *) и Константиномъ Марковичемъ Аггеевымъ **). Оба они учились въ Кіевской Академіи. Я имъ написалъ. Въ отвѣтъ получилъ разносъ. Они меня молили: «не спѣши съ рѣшеніемъ, ради Христа, — хоть до каникулъ подожди, до нашего съ тобой свиданія». Это письмо не могло мнѣ помочь, ни рѣшиться на безповоротный шагъ, ни отъ него отказаться, оно лишь увеличивало мою муку. Архим. Антоній между тѣмъ меня навинчивалъ. Я узналъ отъ товарищей-студентовъ, что онъ настаиваетъ на моемъ постригѣ безотлагательно. А мнѣ казалось, что лучше его оттянуть. Можетъ быть, во мнѣ говорило чувство благоразумія; можетъ быть, желаніе посмотрѣть міръ, а то, можетъ быть, и грустный при-

---

*) Впослѣдствіи П. П. Кудрявцевъ былъ профессоромъ философіи Кіевской Академіи.

**) К. М. Аггеевъ впослѣдствіи весьма популярный законоучитель въ Петербургѣ. Онъ преподавалъ въ Смольномъ институтѣ, въ Ларинской гимназіи и др. Культурный, либеральный, широкій во взглядахъ, онъ умѣлъ ладить съ интеллигенціей, но вызывалъ неодобреніе въ правыхъ кругахъ. Его считали плохимъ патріотомъ. «Я прежде православный, а потомъ патріотъ. У насъ, къ сожалѣнію, наоборотъ....» возражалъ онъ на это нареканье. Онъ былъ разстрѣлянъ въ Крыму при большевикахъ.

мѣръ скороспѣлыхъ постриговъ меня удерживалъ. По совѣту Кудрявцева и Аггеева, я до лѣтнихъ каникулъ отсрочилъ обсужденіе этого вопроса.

Лѣтомъ мы свидѣлись. Мои друзья горячо меня отговаривали, но разубѣдить не могли. Думаю, наше разномыслiе объяснялось неодинаковымъ взглядомъ на монашество. У меня не было, строго говоря, созерцательно-аскетическаго къ нему подхода. Я видѣлъ порабощенное состояніе Церкви, и мнѣ казалось монашескимъ подвигомъ, забывъ себя, свою личную жизнь и, жертвуя собой во имя Христа, отдать себя на беззавѣтное служеніе св. Церкви и ближнимъ. Уходъ въ монашество для борьбы со страстями, для богомыслія и созерцанія — это одно; другое — церковно-общественное дѣланіе. Настоящими, строгими монахами-аскетами мы, воспитанники Академіи, быть и не могли. Наши академическіе ученые длительнаго аскетическаго подвизанья въ монастыряхъ не проходили. Обычный путь былъ таковъ: со школьной скамьи сразу въ духовно-учебное дѣло. Не всѣ понимали, что церковно-общественная работа есть лишь разновидность монашескаго подвизанія.

Не встрѣтивъ сочувствія у моихъ друзей («архіереемъ хочешь быть, въ омутъ лѣзешь») и не находя исхода изъ душевной раздвоенности, я рѣшилъ вновь съѣздить въ Оптину пустынь къ старцу Амвросію.

Онъ жилъ тогда въ основанномъ имъ женскомъ монастырѣ, въ Шамардинѣ, въ 15-ти верстахъ отъ Оптиной пустыни. Я побывалъ у него въ августѣ, а 18-го октября онъ скончался. Старецъ былъ уже совсѣмъ больной. У него всегда была какая-то мучительная болѣзнь ногъ. Сидитъ, бывало, на кровати, принимаетъ посѣтителей и все подбинтовываетъ больныя ноги. А теперь онъ уже лежалъ въ полномъ изнеможеніи.

Я высказалъ ему все, что у меня лежало на сердцѣ. Старецъ выслушалъ и промолвилъ помертвѣлыми губами:

— Путь благословенный... путь благословенный...

Мнѣ было совѣстно его, больного, разспрашивать, добиваться болѣе точнаго отвѣта. Въ его словахъ было принципіальное признаніе благословенности монашескаго пути, но прямого велѣнія я не чувствовалъ и вернулся въ Академію послѣ каникулъ, не принявъ никакого рѣшенія. Архим. Антонію я не сказалъ, что побывалъ у о. Амвросія.

Въ октябрѣ старецъ умеръ. Изъ Московской Академіи на похороны была послана делегація. Въ нее вошли: мой землякъ архим. Григорій Борисоглѣбскій, стипендіатъ Академіи; студентъ іеромонахъ Трифонъ (кн. Туркестановъ) и о. Евдокимъ, впослѣдствіи глава «Живой церкви».

Послѣ смерти старца Амвросія у меня было ощущеніе какого-то освобожденія. Можетъ быть, старецъ вообще такъ о монашескомъ пути отозвался? Можетъ быть, вовсе не имѣлъ въ виду меня. Дабы, наконецъ, выяснить, призванъ я къ монашеству или нѣтъ, я написалъ о. Іоанну Кронштадтскому.

«Отъ всей души благословляю исполненіе прекраснаго намѣренія, но прежде испытайте себя...», отвѣтилъ онъ.

На 4-омъ курсѣ духовную поддержку я обрѣлъ не въ окружающихъ людяхъ, а въ великой личности того святого, жизнь и творчество котораго я избралъ темой моей диссертаціи, — въ святомъ Тихонѣ Задонскомъ. Свобода въ выборѣ темъ у насъ была полная. Сами находили тему, сами выбирали профессора. Онъ лишь тему одобрялъ или отклонялъ. Я писалъ диссертацію у профессора Воскресенскаго. Избранная мною тема совпала со внутренней работой, которая въ душѣ моей тогда шла, и отвѣчала моимъ литературнымъ запросамъ. Св. Тихонъ Задонскій былъ не только святитель, подвижникъ, но и духовный писатель, его творенья — образецъ духовной литературы вѣка Екатерины. Мнѣ казалось, что изученіе его житія и трудовъ укрѣпитъ мое намѣреніе избрать иноческій путь. И вѣрно, — работа надъ диссертаціей принесла мнѣ не только большую пользу, но имѣла и громадное значеніе для всей моей послѣдующей жизни.

Въ личности св. Тихона Задонскаго я находилъ знакомыя черты Оптинскаго старчества: то же служеніе народу, то же расхожденіе съ духомъ времени. Оптинская пустынь какъ бы восприняла и хранила религіозное народничество св. Тихона Задонскаго. Онъ также шелъ по пути духовно-учебной службы, а не аскетическимъ путемъ. «Святитель-народолюбецъ» — вотъ точное опредѣленіе его личности. О немъ съ восторгомъ писали наши свѣтскіе писатели-народники: Достоевскій, Глѣбъ Успенскій... Поверхностное вольтеріанство вѣка Екатерины, безвѣріе, лоскъ, наведенный просвѣщеніемъ энциклопедистовъ на русское свѣтское общество ничего не мѣняли въ горькой судьбѣ народа. Свободныя идеи не препятствовали помѣщикамъ пороть крестьянъ, даже священниковъ. Этого противорѣчія св. Тихонъ вынести не могъ и ушелъ въ Задонскій монастырь служить народу (ему еще не было тогда и 50-ти лѣтъ). Дорого стоилъ ему этотъ шагъ... Какая мука первые годы его затвора! Тоска, уныніе, борьба съ діаволомъ... Какъ томило его раскаяніе въ самочиніи! Монастырская жизнь была ему близка, дорога, сродна, а душа скорбѣла. Умиротворилась лишь черезъ нѣсколько лѣтъ, и лишь тогда открылись ему богомысліе, созерцаніе, — и онъ просіялъ святостью. Своей многострадальной жизнью онъ какъ бы оставилъ потомству завѣтъ: непоколебимое, вѣчное послушаніе св. Церкви, чего бы это душѣ ни стоило.

Работа надъ диссертаціей окончательно утвердила меня въ намѣреніи стать монахомъ и идти по стезямъ св. Тихона Задонскаго.

Цѣлый годъ я писалъ диссертацію и написалъ ее хорошо. Окончилъ Академію успѣшно (5-ымъ или 6-ымъ) — магистрантомъ.

За четыре года ученья я Академію полюбилъ и разставаться съ нею было грустно. И не мнѣ одному, — мы, студенты, были къ ней привязаны, какъ къ подлинной « alma mater ». Прилежная, развивающая работа подъ руководствомъ прекрасныхъ профессоровъ, атмосфера напряженной духовной и умственной жизни, скромныя развлеченья въ часы досуга... — обо всемъ мы потомъ вспоминали съ теплымъ и благодарнымъ чувствомъ. Одинъ товарищъ оттянулъ подачу диссертаціи, только бы съ Академіей еще одинъ годъ не разставаться. Нѣкоторые ея питомцы (въ томъ числѣ и я) черезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи пріѣзжали погостить, дабы вновь подышать ея воздухомъ. Воспоминанія о студенческихъ годахъ навсегда остались моему сердцу дорогими. Памятно все серьезное, что было тогда пережито, но памятны и наши веселыя бесѣды послѣ ужина въ небольшой аудиторіи, когда оживленные разговоры смѣняло пѣніе... Памятны даже милые пустяки: мелочная студенческая лавочка, куда мы бѣгали за чаемъ, сахаромъ, папиросами... — и та запомнилась.

При разставаніи мы, студенты, обмѣнивались фотографическими карточками, сопровождая ихъ посвященіями, краткой характеристикой того лица, которому свою карточку предназначали. Я любилъ посмѣяться, любилъ друзей, природу... — и эта любовь къ жизни какъ-то непонятно сливалась въ моей душѣ съ влеченіемъ къ монашеству. Одинъ студентъ далъ мнѣ свою фотографію со слѣдующей надписью: «Сторонникуу двухъ міровъ. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ...».

Въ міру

(1892 — 1894)

ГЛАВА V

Выпускные экзамены окончились въ іюнѣ, затѣмъ послѣдовало представленіе въ Петербургѣ (въ Учебный Комитетъ при Св. Синодѣ) списковъ кандидатовъ и — томительное ожиданіе вакансій. Многихъ изъ насъ тревожила мысль: скоро ли найдется подходящая вакансія? Протекція имѣла большое значеніе, но у меня никакой протекціи не было. А чѣмъ жить до поступленія на службу? Неужели бѣдному отцу сѣсть на шею? Я уѣхалъ въ Тулу и рѣшилъ найти урокъ.

Мнѣ помогъ знакомый учитель — указалъ, что въ семьѣ товарища-прокурора Сергѣя Алексѣевича Лопухина есть мѣсто живущаго учителя. Я должность эту и принялъ.

Семья Лопухиныхъ была дворянская, родовитая, богатая, культурная семья либеральнаго уклона, типа «Вѣстника Европы» или «Русской Мысли». Кругъ знакомствъ и родственныхъ связей былъ сановный, но въ домѣ бывала и интеллигенція. Жили Лопухины широко, по-барски, жизнью привольной и безпечальной. Семья была большая (10 человѣкъ дѣтей), крѣпкая, съ устоями, — прекрасная семья. Дѣти учились дома. Гувернеры, гувернантки, учителя, учительницы... — цѣлое учебное заведеніе. Съ утра во всѣхъ комнатахъ шли уроки.

Я преподавалъ старшимъ дѣтямъ Законъ Божій, географію и исторію, съ младшими готовилъ вечеромъ уроки, гулялъ, читалъ имъ вслухъ (помню, мы вмѣстѣ читали «Каштанку»), укладывалъ ихъ спать. Мои обязанности я исполнялъ съ увлеченіемъ, съ желаніемъ быть добросовѣстнымъ. Дѣти ко мнѣ привязались. Мы стали пріятелями. О судьбѣ моихъ учениковъ мнѣ извѣстно, что Рафаилъ, доблестный мальчикъ, былъ убитъ на войнѣ, а Мишу поймали большевики. «Дайте намъ слово, что вы не будете противъ насъ, и мы васъ выпустимъ», сказали они. — «Не могу»... И Мишу разстрѣляли...

У Лопухиныхъ меня любили, къ семьѣ я прижился. Житейски

мнѣ было у нихъ очень хорошо. Съ дѣтьми не трудно, а къ жизни взрослыхъ я присматривался не безъ интереса.

За столомъ велись оживленныя бесѣды. Обсуждались текущіе вопросы русской общественной и политической жизни, но удѣляли вниманіе и европейскимъ политическимъ событіямъ, о которыхъ были хорошо освѣдомлены, — такъ, напримѣръ, слѣдили за борьбой политическихъ партій во французскомъ парламентѣ по французской газетѣ, которую получали. Въ семьѣ Лопухиныхъ мнѣ довелось встрѣтить Л. Н. Толстого, его друга Николая Васильевича Давыдова, кн. Георгія Евгеньевича Львова и Михаила Александровича Стаховича... Какъ-то разъ Толстой со Стаховичемъ пришли изъ Москвы въ Тулу пѣшкомъ въ лаптяхъ и наслѣдили лаптями на коврахъ; лакеи потомъ ворчали: «дурятъ господа...».

С. А. Лопухинъ былъ человѣкъ прекрасной души, но немного лѣнивый. Любилъ играть со мной въ игру, которая называлась «хальма», и такъ ею увлекался, что способенъ былъ забыть о какомъ-нибудь нужномъ дѣлѣ.

Пребываніе у Лопухиныхъ, несомнѣнно, дало мнѣ нѣкоторое общественное развитіе, равно какъ и расширило кругъ моего познанія русского общества. Я попалъ въ новый, невѣдомый мнѣ міръ. Богатство, комфортъ, самоублаженіе, культъ земного благополучія... Духовное мое воспитаніе опредѣляло уголъ зрѣнія, подъ которымъ все окружающее я разсматривалъ. Меня удивляло, когда какое-нибудь подгорѣлое блюдо могло быть событіемъ, о которомъ говорятъ; что внѣшнее благоустройство — предметъ культа; что къ практикѣ церковнаго благочестія относятся какъ-то вольно и съ соблюденіемъ привычнаго комфорта: наканунѣ большихъ праздниковъ устраивали всенощныя у себя въ домѣ, чтобы не затруднять себя поѣздкой въ церковь... Помню, какъ удивило меня, когда С. А. Лопухинъ и гувернантка-француженка, постоявъ 5 минутъ на заутрени, ушли (голова закружилась), а когда мы вернулись, они уже разговѣлись. Церковь не отвергалась, но въ обиходѣ жизни занимала очень скромное, незамѣтное мѣсто.

Какъ на барскихъ «хлѣбахъ» послѣ академическихъ «харчей» мнѣ пріятно ни было, но душа тревожилась, чуя въ новыхъ условіяхъ жизни опасность — незамѣтно растерять всѣ духовныя стремленія, обмірщиться, стать любителемъ бифштексовъ, уклониться отъ намѣченнаго пути... Удобная, благополучная жизнь, культъ земного я воспринялъ, какъ искушеніе: сталъ бояться, что окружающее довольство меня засосетъ, — и я пропаду. О своихъ опасеніяхъ я писалъ архим. Антонію.

Долгожданное извѣщеніе о назначеніи въ г. Ефремовъ на должность помощника смотрителя духовнаго училища я принялъ съ боль-

шой радостью. Лопухины удерживали меня, уговаривали остаться въ Тулѣ, обѣщая использовать связи и устроить меня либо въ судѣ, либо въ гимназіи преподавателемъ литературы. Я съ благодарностью ихъ предложеніе отклонилъ и сталъ собираться въ Ефремовъ: заказалъ вицмундиръ съ серебряными пуговицами, пріобрѣлъ фуражку съ кокардой... Лопухинскіе мальчики, увидавъ на мнѣ впервые этотъ нарядъ, привѣтствовали меня веселымъ «ура!».

Я разстался съ Лопухиными въ самыхъ добрыхъ отношеніяхъ и впослѣдствіи пріѣзжалъ къ нимъ въ деревню навѣщать моихъ маленькихъ пріятелей, мы вмѣстѣ гуляли, ловили рыбу... Лопухина, когда я уѣзжалъ, старалась разсѣять мои опасенія, — что я, быть можетъ, не сумѣю справиться со школьной дѣтворой: «Справитесь, видите, какъ мои васъ полюбили...».

У Лопухиныхъ я пробылъ 6 мѣсяцевъ: съ октября 1892 г. по мартъ 1893 г.

Пребываніе въ Ефремовскомъ духовномъ училищѣ въ должности помощника смотрителя — содержательный періодъ въ моей жизни. Это было время напряженной борьбы двухъ началъ, двухъ стремленій въ моей душѣ: къ Богу и къ міру. Моя мысль о томъ, что прежде, чѣмъ стать монахомъ, надо посмотрѣть міръ, получила рѣшительное опроверженіе. Я опытно пришелъ къ убѣжденію, что молодымъ людямъ, призваннымъ къ монашеству, надо постригаться, въ міръ не уходя, а по окончаніи образованія.

Первое время по вступленіи въ должность (12 марта 1893 г.), я былъ вполнѣ удовлетворенъ своей судьбой и упивался новой ролью. Для меня началось вполнѣ самостоятельное существованіе: отвѣтственная педагогическая работа; сознаніе, что принадлежу, благодаря академическому образованію, къ тому составу воспитателей, на который тогда возлагали надежды, какъ на культурную силу, которая можетъ обновить «бурсу»; досуги, которыми я могъ располагать безотчетно; наконецъ, — своя комната! Это обстоятельство, хоть оно и кажется незначительнымъ, имѣло для меня большое значеніе и меня очень радовало. Правда, радость была эгоистическаго порядка, а психологически она все же понятная. Я жилъ изъ года въ годъ на казенномъ содержаніи, въ общежитіи, безъ своего угла, въ казарменной обстановкѣ, — и это было тяжко. Въ Академіи, въ комнатѣ насъ проживало 8-12 человѣкъ; въ ней всегда былъ базаръ: все на глазахъ, постоянно на людяхъ, письма спокойно не написать... Теперь у меня былъ свой уголъ,

Совсѣмъ новая область переживаній открылась мнѣ и въ общеніи съ дѣтьми. Пребываніе у Лопухиныхъ было лишь краткимъ къ этому пріуготовленіемъ.

Курсъ духовнаго училища былъ пятилѣтній (4 класса и приготовительный). Дѣти поступали — крошки, 9-лѣтніе мальчики. Ихъ привозили изъ теплаго семейнаго гнѣзда — въ казарму. Какую бурю они, бѣдные, переживали! Ихъ распредѣляли по койкамъ (въ одномъ дортуарѣ человѣкъ по сорокъ). Иной малышъ и съ хозяйствомъ-то своимъ — съ бѣльемъ, тетрадками, книжками — не умѣетъ управляться и спать не умѣетъ, не чувствуя подъ бокомъ стѣнки, и среди ночи вываливается съ крикомъ: «мама!»... Старшіе ученики проходу ему потомъ не даютъ: «дѣвчонка! дѣвчонка!». Гдѣ-же такому малышу дать отпоръ насмѣшкѣ! Пріѣзжали они нѣжные, сентиментальные, довѣрчивые — и переживали, каждый по-своему, настоящую драму. Смятеніе ихъ испуганныхъ дѣтскихъ сердецъ я понималъ, и мнѣ хотѣлось ихъ приласкать.

Не забыть мнѣ одного мальчика — Колю Михайловскаго, умнаго, нѣжнаго, ласковаго. Черезъ двѣ недѣли по поступленіи, онъ ночью пропалъ, хотя въ дортуарѣ спало съ дѣтьми два надзирателя. Я испугался. Что случилось? Устройство уборныхъ было примитивно — не въ яму-ли провалился? А потомъ другая мысль: не домой-ли, въ село за 35 верстъ, убѣжалъ? Я нанялъ верхового и послалъ его вдогонку, — не настигнетъ-ли онъ мальчика съ книжками... (Мальчуганъ предусмотрительно захватилъ съ собой новые сапоги и книжки). Верховой его настигъ въ 5-6-ти верстахъ отъ города, но, чтобы заработать прогонныя за 35 верстъ, проскакалъ мимо и оповѣстилъ родителей. Мать была въ ужасѣ, отецъ-священникъ запрягъ лошадь и помчался сынишкѣ навстрѣчу; встрѣтилъ его уже на 15-ой верстѣ. Объяснилъ мальчикъ свой побѣгъ просто: «тамъ нехорошо, обратно не хочу, а все новое я взялъ съ собой...». Изъ разспросовъ выяснилось, что онъ шелъ голодный, но дорогой какая-то старушка помогла ему и, узнавъ, что онъ убѣжалъ изъ школы и пробирается домой, его поощрила и попоила молочкомъ...

Никакіе уговоры домашнихъ вернуться въ школу, ни устрашеніе навсегда остаться пастухомъ... — ничего не помогло. Въ отвѣтъ — слезы, ревъ, истерика... Въ концѣ концовъ, все же отецъ его привезъ и сдалъ мнѣ. Мои увѣщанія оказались тоже безсильными. «У васъ скверно, дома лучше...», твердилъ мальчикъ. Стоило отцу встать, онъ вцѣплялся въ его рясу — и опять ревъ, истерика... Такъ длилось цѣлый день. Къ вечеру онъ обезсилѣлъ и заснулъ на моей койкѣ. Наутро проснулся, оглядѣлся... поблѣднѣлъ — и молчитъ. Въ тотъ день надо было вести дѣтей въ сосѣднюю церковь къ обѣднѣ. «Пойдемъ, Коля, въ церковь», сказалъ я. — «Пойдемъ...», покорно проговорилъ онъ. Я поставилъ его на дворѣ въ ряды, и мы пошли въ церковь. Въ дальнѣйшемъ понемногу обошлось.

Смотритель училища былъ старикъ чуть ли ни Николаевскихъ

временъ. Больной, мрачный, безъ улыбки, мундиръ на всѣ пуговицы застегнутъ... Онъ стоялъ во главѣ всего учебно-воспитательнаго дѣла. Дѣти его боялись и, бывало, при немъ, какъ мыши. Преподавалъ онъ катехизисъ. Что-нибудь ученикъ не такъ отвѣтитъ, смотритель мрачно: «Скажи отцу, чтобы онъ тебя на осинѣ повѣсилъ. Такъ скажешь отцу?». Малышъ глотаетъ слезы: «Скажу...». Или постучитъ по столу: «Вотъ твой родной братъ!». Непривѣтливый тонъ главнаго начальствующаго лица создавалъ въ училищѣ тягостную атмосферу.

Учителя тоже не находили съ дѣтьми контакта.

Учитель русскаго языка Дмитрій Ивановичъ Прозоровскій, аскетъ, маніакъ, спиритъ, немного философъ, былъ предметомъ ихъ дѣтскихъ шутокъ и шаловливыхъ насмѣшекъ.

По обязанности библіотекаря, онъ выдавалъ книги. Положитъ шляпу, палку и записываетъ выданныя книги. Дѣти его вещи спрячутъ. Онъ ихъ хватится, — а они кричатъ: «Дмитрій Ивановичъ, это духи унесли!». — «Духи такими глупостями не занимаются», поясняетъ онъ.

Подшучивали они и надъ его зябкостью (его всегда лихорадило). Если термометръ въ классѣ показывалъ 10-12 R., онъ начиналъ урокъ, шубы не снимая. Въ классѣ тепло, а дѣти натрутъ термометръ снѣгомъ — и ждутъ: что будетъ? Дмитрій Ивановичъ обливается потомъ, а затѣмъ, видя, что ртуть поднимается, начинаетъ разоблачаться. Дѣти къ нему гурьбой: снимаютъ съ него шубу и тащутъ ее на окно, забавляясь, ерошатъ ея мѣхъ. А потомъ отъ Дмитрія Ивановича донесеніе: «такой-то ученикъ щипалъ мою доху...».

Его мелочность, придирчивость, маніакальная точность въ пустякахъ походили на анекдотъ. Купленая имъ доха показалась ему недостаточно теплой, — онъ подалъ въ судъ на купца, что ему продали «негрѣющую шубу». Кто-то посовѣтовалъ ему обмотаться кускомъ фланели (онъ страдалъ катаромъ желудка), — онъ пришелъ на экзаменъ, намотавъ на себя цѣлый многоаршинный фланелевый «кусокъ». Стоило въ церкви сторожу снять огарокъ его свѣчки — онъ бѣжалъ за нимъ черезъ всю церковь: «Гдѣ моя свѣчка? поставить обратно!». Хозяйкѣ-мѣщанкѣ онъ выговаривалъ: «Почему картофель пахнетъ пяткой?». Хозяйка объясняла: «Извините, когда готовила, почесала пятку...». Удовлетворенный объясненіемъ, онъ принимался за картофель.

Когда ко мнѣ пріѣхалъ погостить товарищъ, приватъ-доцентъ Московской Академіи Тихомировъ, Дмитрій Ивановичъ сталъ безо всякихъ основаній подозрѣвать, что тотъ стремится занять его мѣсто. Рапорты онъ подавалъ по самому ничтожному поводу: «Такой-то ученикъ ерзалъ по полу... такой-то кричалъ: 4, 4, 4!..». Если отвѣта

на рапортъ не слѣдовало, онъ докучалъ запросами: «Какое послѣдствіе имѣло мое донесеніе? какое наказаніе?».

Въ младшихъ классахъ преподавалъ молодой семинаристъ, способный, образованный, мой товарищъ по семинаріи, настоящій «Діогенъ»: нечищенный, неприглядный, грязный — сапоги о ваксѣ забыли... Онъ безжалостно допекалъ дѣтей единицами. (Скоро ушелъ въ университетъ и былъ математикомъ).

Учитель арифметики Дмитрій Матвѣевичъ Волкобой, академикъ, щеголь, любитель клубной картежной игры, къ ученикамъ относился пренебрежительно.

Былъ еще латинистъ. Обхожденіе его съ дѣтьми было неровное: то — «дѣтки, дѣтки...», то вдругъ: «ну, и сукины-же вы дѣти!».

Суровая школа была. Скромной дѣтской радостью были только прогулки и гимнастика.

Я старался хоть чѣмъ-нибудь скрасить дѣтямъ ихъ пребываніе въ училищѣ, войти въ ихъ положеніе, отдавался имъ всей душой. Когда вспыхнула скарлатина (она была въ тяжелой формѣ и скосила многихъ), я постоянно навѣщалъ ихъ въ больницѣ, забросилъ свою личную жизнь совершенно. Отношенія у насъ были прекрасныя. Смотритель нерѣдко упрекалъ меня, что я «нарушаю дисциплину». Можетъ быть, я ее иногда и нарушалъ... Смотритель, въ наказаніе, оставлялъ учениковъ на недѣлю безъ обѣда; всѣ — за столомъ, а провинившійся — у стѣнки: стоитъ, плачетъ, слюнки у него текутъ... Товарищи ему откладывали отъ своихъ порцій и потихоньку подкармливали. Я смотрѣлъ на это сквозь пальцы, а про себя думалъ: «молодцы! доброе въ нихъ товарищеское чувство...». — Дѣти ко мнѣ привязались, а родители приходили благодарить.

Помню такой случай. Вдова псаломщика, выражая мнѣ благодарность, неожиданно извлекла изъ-подъ полы своего чернаго салопа лукошко съ яйцами. Я растерялся, кровь хлынула къ лицу... «Что вы дѣлаете! Вы обижаете!..». Теперь бы я иначе отнесся къ ея подарку, а тогда возмутился. Молодость чего-то не понимаетъ. Бѣдная вдова ушла обиженная.

О монашествѣ о ту пору я забылъ, но мысль о немъ все же иногда просыпалась. Внѣ службы я ходилъ въ гости, на вечера, игралъ въ карты, велъ жизнь разсѣянную, безотчетную. Мнѣ казалось, что я живу, какъ надо, но бывали минуты, когда сжималось сердце... Такъ вотъ къ чему свелась моя мысль о пребываніи до пострига въ міру! Къ обывательщинѣ... Тогда я шелъ къ дѣтямъ. Пойду, бывало, къ нимъ, посижу съ ними, разсказываю что-нибудь изъ исторіи или на религіозныя темы. Дѣти, наши чудныя отношенія, были въ то время моимъ

вѣрнымъ утѣшеніемъ. Забыть о монашествѣ начисто я все же не могъ. Весной меня потянуло на богомолье къ св. Тихону Задонскому.

Отправились мы вдвоемъ — мой пріятель, студентъ Рѣчкинъ, и я. Доѣхали поѣздомъ до Ельца, а оттуда 40 верстъ пѣшкомъ. Шли весенней ночью, на зарѣ завернули передохнуть въ какую-то избу; здѣсь намъ дали молока; въ избѣ роились тучи мухъ — и хозяйка препроводила насъ въ погребъ, но тутъ былъ такой пронизывающій холодъ, что мы выскочили и пошли дальше. Поспѣли въ монастырь къ вечернѣ. Соборъ... монастырское пѣніе... мощи святителя... Что-то дорогое, завѣтное воскресло въ душѣ. И тутъ же укоръ совѣсти: я — измѣнникъ, предатель... (потомъ я еще нѣсколько разъ сюда ѣздилъ).

По возвращеніи изъ Задонска, жизнь, однако, потекла по-старому. У меня было много знакомыхъ. Семьи священниковъ въ уѣздѣ полюбили меня и приглашали въ гости. У нѣкоторыхъ были дочери-дѣвицы. Снова вставалъ вопросъ: не жениться-ли? Но онъ уже былъ неотдѣлимъ отъ чувства неловкости, грѣха и измѣны... Семья проф. Кудрявцева оказалась въ уѣздѣ. Отецъ его былъ прекрасный, идеальный сельскій священникъ, но не допускавшій мысли, чтобы кто-нибудь изъ его сыновей послѣдовалъ его примѣру и принялъ священство, такъ тяжела была въ его сознаніи доля священника. Я возобновилъ знакомство и нѣсколько разъ ѣздилъ къ нимъ. Повеселишься, бывало, развлечешься, а домой вернешься — и опять разладъ, раздвоеніе, сознаніе, что погрязаю въ провинціальномъ болотѣ все глубже и глубже... Удивительно, что даже во время одного изъ моихъ паломничествъ въ Задонскъ, одна женщина едва не увлекла меня въ свои сѣти, но Господь меня хранилъ среди всѣхъ искушеній и козней діавольскихъ...

Такъ длилось съ марта 1893-го г. по октябрь 1894-го г. Въ ту осень, въ годъ смерти Александра III, пришло въ училище письмо отъ мѣстнаго архіерея: въ Тульскую семинарію требуется преподаватель греческаго языка, при условіи, чтобы онъ былъ монахъ. Смотритель принесъ письмо въ учительскую, мы должны были расписаться, что его прочли.

Я прочелъ письмо — и стрѣла пронзила мнѣ сердце... Письмо — для меня! Это — зовъ... Богъ меня не забылъ, хотя я закопалъ уже глубоко мысль о монашествѣ. Божій гласъ! Довольно глупостей! Колебанія безчестны... Съ Богомъ шутить нельзя... Я былъ потрясенъ, былъ самъ не свой. Моя жизнь представилась мнѣ въ столь неприглядномъ видѣ, что показались пошлыми даже вицмундиръ и фуражка съ кокардой. Не сказавъ никому ни слова, я написалъ архіерею отвѣтъ о своемъ согласіи на его предложеніе и 21-го сентяб-

ря, въ день св. Дмитрія Ростовскаго, опустилъ его въ почтовый ящикъ.

Проходитъ мѣсяцъ, второй... — никакого отвѣта. Я недоумѣвалъ. Значитъ, я ошибся, зова Божьяго не было. Я-то готовъ, а Господь не хочетъ... Въ душѣ былъ даже доволенъ: монашество миновало...

Но оно не миновало, а бумага моя пролежала долго безъ движенія — и вотъ почему такъ случилось.

Епископъ Ириней замѣшкался съ моимъ представленіемъ, а тѣмъ временемъ изъ Петербурга прислали іеромонаха Викторина. 4-го декабря, на св. Варвару, епископъ долженъ былъ служить, въ сослуженіе ему вписали и іеромонаха Викторина. Утромъ все духовенство въ сборѣ, а о. Викторина нѣтъ. За нимъ послали. Келья его оказалась пустой. На столѣ лежала записка: «я ухожу, прошу меня не искать». Общее смятеніе. Сразу у всѣхъ возникло предположеніе: о. Викторинъ покончилъ съ собой. Вызвали полицію, бросились къ прорубямъ, — но всѣ поиски были тщетны... — Оказалось, что бѣдный іеромонахъ Викторинъ самовольно покинулъ Тулу и уѣхалъ къ своему брату, сельскому священнику Владимірской губ. Причина его исчезновенія была та, что онъ давно мучился тоскою одиночества, а открыться архіерею побоялся. Епископъ Ириней былъ человѣкъ суховатый, нѣсколько формальный, кіевской академической традиціи, такъ сказать, «могилянской складки». У брата своего о. Викторинъ тоже сочувствія не нашелъ, братъ испугался, укорялъ его въ непослушаніи церковному начальству и потребовалъ, чтобы о. Викторинъ немедленно у епископа просилъ прощенья. Викторинъ письменно принесъ повинную, но отвѣтъ былъ строгъ, неумолимъ: «не трудитесь возвращаться, я васъ не приму».

Тутъ и дали ходъ моему прошенію.

Указъ о моемъ назначеніи въ Тульскую семинарію пришелъ въ декабрѣ. Всѣ были изумлены, выражали сожалѣнье. Прощаніе было трогательно. Подношенія, рѣчи... Ученики — каждый классъ отдѣльно — поднесли мнѣ иконы. Разставаться было тяжело. Плакали и я и дѣти...

Передъ праздникомъ Рождества я покинулъ Ефремовъ и направился въ Тулу. Дорогой заѣхалъ къ родителямъ. Отецъ принялъ извѣстіе молча, но послѣ моего отъѣзда плакалъ. Мать вѣрила, что Господь руководитъ моей судьбой по молитвамъ старца о. Амвросія, и отпускала меня въ монашество, точно провожала въ нѣкій свѣтлый край...

Я пріѣхалъ въ Тулу на второй день праздника и явился къ архіерею. Начиналась новая глава моей еще молодой жизни: мнѣ шелъ 27-ой годъ.

Постригъ

(1895)

ГЛАВА VI

Епископъ Ириней встрѣтилъ меня озабоченный и съ недоумѣніемъ: «Какъ мнѣ съ вами быть? Какъ васъ постригать? Вы и ступить въ монашествѣ не умѣете. Надо васъ послать въ какой-нибудь общежительный монастырь. Подъ Кіевъ... въ Выдубицкій монастырь. Нѣтъ, лучше подъ Тулой. Я вамъ дамъ отпускъ. Неудобно вступать въ должность въ свѣтскомъ видѣ, чтобы черезъ нѣсколько дней явиться монахомъ. Когда пострижетесь, тогда и войдете въ классъ».

Нѣсколько дней до моего отъѣзда въ Щегловскій Богородицкій монастырь, куда преосвященный Ириней меня направилъ, я провелъ въ Тулѣ, навѣщая знакомыя тульскія семьи, которыя гостепріимно звали меня къ себѣ. Отъ этихъ встрѣчъ въ головѣ была одна муть. Всюду меня жалѣли, разубѣждали, увѣщевали отъ своего рѣшенія отказаться: «За отказъ архіерей съ земного шара васъ не сброситъ...». — Я былъ радъ, когда мой отъѣздъ этимъ безполезнымъ разговорамъ положилъ конецъ.

Щегловскій Богородицкій монастырь находился въ 3-4-хъ верстахъ отъ Тулы; тамъ же была и архіерейская дача. Одинъ изъ епископовъ тульскихъ выписалъ нѣсколько монаховъ Глинской Пустыни (Курской губ.), дабы они укоренили въ новой обители духъ и традиціи ихъ славнаго родного монастыря. Глинская Пустынь хранила духовные завѣты основоположника старчества Паисія Величковскаго и дала русскому монашеству много великихъ подвижниковъ.

Щегловскій монастырь былъ небольшой, но довольно благоустроенный. Скромность, бѣдность, простота, какая-то непритязательность, добрые, ласковые монахи... — вотъ отличительныя его черты. Мнѣ было полезно пожить въ хорошемъ монастырѣ.

Въ коридорахъ пахнетъ щами, капустой... Поскрипываютъ лѣст-

ницы, некрашеныя, давно неремонтированныя половицы... Я — въ кельѣ. Все ново, все непривычно. И не мало затрудненій. Какъ помыться? Какъ усвоить режимъ?

Заутреня въ 3-4 ч. утра. По коридору — звонокъ... Звонитъ онъ пронзительно. Учиненный братъ (послушникъ) стучитъ въ дверь. Проснешься — тьма и хо́лодъ. За дверью возгласъ: «пѣнью время, молитвѣ часъ, Господи Іисусе Христе, помилуй насъ!». Крикнешь «аминь!», но будильщикъ не уходитъ. Надо вскочить и свою свѣчу зажечь отъ его свѣчки, а если потомъ ее задуть, то будетъ большая непріятность съ благочиннымъ. Я старался все дѣлать, какъ положено. Въ кельѣ холодно: на дворѣ моро́зъ... Идти надо куда-то далеко по коридору въ умывальню. Съ непривычки все кажется неудобнымъ, а устройство — примитивнымъ.

Гляжу въ окно. Луна свѣтитъ... сугробы... деревья въ снѣгу... По прокопаннымъ среди сугробо́въ дорожкамъ спѣшатъ въ церковь монахи: мантіи ловко черезъ лѣвую руку перекинуты... Я наблюдаю, какъ въ лунномъ свѣтѣ торопливо пробираются по снѣгу черныя фигуры, и невольно любуюсь тѣмъ, что вижу... «Точно летучія мыши...», говорилъ я потомъ монахамъ; они добродушно смѣялись...

Въ храмѣ тихо, темно. Кое-гдѣ мерцаютъ лампады, свѣчи. Монаховъ немного. Читаютъ кафизмы. Монотонное чтеніе сливается въ сплошное та-та-та... та-та-та... Въ ушахъ у меня шорохи... Я дремлю. Подхо́дитъ монашекъ — и сострадательно: «вамъ непривычно, — посидите, посидите, вотъ табуреточка...».

За полунощницей слѣдуетъ утреня, часы и ранняя обѣдня. Ночная служба кончается лишь къ разсвѣту. Теперь можно и чаю выпить. Меня подзываетъ монахъ-старецъ:

— Трапеза у насъ сегодня скудная... будній день, безъ рыбы... Заходи, заходи ко мнѣ, закуси...

(По монашескому уставу, въ большіе праздники полагается — двѣ рыбы; въ малые — одна рыба; въ будни — безъ рыбы).

Онъ угощаетъ меня чаемъ, булкой и достаетъ изъ шкапика, вдѣланнаго въ стѣнѣ, селедочку съ лучкомъ; къ поздней обѣднѣ идешь уже подкрѣпившись.

И другіе монахи тоже радушно меня угощали по своимъ кельямъ. Кажется, по началу они предполагали, что я подъ епитимьей, и жалѣли меня. Хорошіе они были, добрые.

Съ теплой попечительностью относился ко мнѣ и старый купецъ Николай Ѳедоровичъ Муратовъ, жившій при монастырѣ, подготовляясь къ монашеству. У него при монастырѣ былъ свой домикъ, слуга-послушникъ, и столъ у него былъ тоже свой. Онъ меня полюбилъ, охотно со мной бесѣдовалъ и старался повкуснѣе угостить.

Помню ласковаго старца Дометіана, монастырскаго духовника.

Увидитъ меня — и радушно: «чайку! чайку! идите ко мнѣ...». Бесѣды съ нимъ были назидательны, хотя онъ никогда прямо не назидалъ, а либо совѣтъ какой-нибудь дастъ, либо что-нибудь изъ монашескаго быта разскажетъ. Давалъ онъ мнѣ и книжки читать, пріоткрывалъ тайну монашеской жизни и училъ молиться.

Въ монастырѣ я пробылъ около мѣсяца. Монахи научили меня многому. Мечтать о монашествѣ — это одно; реальность его — другое. Монахи показали мнѣ внутреннюю, скрытую красоту монашества, ту тонкую красоту духовныхъ состояній, которая раскрывается лишь на путяхъ духовныхъ. Этимъ они меня успокоили и привели къ гармоніи противорѣчіе мечты и реальности.

Въ концѣ января, въ морозный, ясный день, подкатили къ монастырю санки: архіерейскій экономъ за мной пріѣхалъ.

— Владыка благословилъ васъ на постриженіе...

Поѣхали въ городъ по морозцу, по скрипучему снѣгу, въ тѣхъ же санкахъ, на хорошей лошадкѣ.

Преосвященный Ириней встрѣтилъ меня вопросомъ: «Ну что — пожили въ монастырѣ?». — И тутъ же сразу: «Готовьтесь...».

Поселили меня въ архіерейскомъ домѣ. Въ женскомъ монастырѣ начали мнѣ шить рясы, изготовлять клобукъ... Одна дама, родственница моя, взялась сшить мнѣ «власяницу» — сорочку до полу, которую надѣваютъ для пострига (въ ней монаховъ и хоронятъ). Дама эта шила и плакала. Пропадаетъ парень!

Духовное мое пріуготовленіе къ постригу было возложено на іеромонаха о. Иларіона. Онъ былъ духовникомъ епископа и всѣхъ «ставленниковъ», т. е. лицъ, ищущихъ священства. Ему они исповѣдовались за всю жизнь, и отъ него зависѣло заключеніе: «никакихъ каноническихъ препятствій къ рукоположенію нѣтъ». Въ молодости онъ былъ учителемъ духовнаго училища, женился, «породилъ дочь по образу своему и подобію» (по его выраженію). Жена и дочь умерли, наступило одиночество. Въ такихъ случаяхъ — окончить академію и принять монашество было традиціей, и онъ поѣхалъ въ Петербургъ подавать прошеніе. Ректоромъ Петербургской Академіи былъ тогда преосв. Іоаннъ Соколовъ, замѣчательный ученый и канонистъ (впослѣдствіи онъ былъ епископомъ Смоленскимъ). Человѣкъ суровый, онъ встрѣтилъ неприв ѣтливо о. Иларіона, скромнаго провинціальнаго учителя.

— Хочешь богословскую науку изучать? — строго спросилъ его ректоръ. И дальше уже грозно: А ты знаешь, что для этого нужно? Надо для этого распять себя, жизнь отдать! Есть-ли у тебя такая готовность?

— Да нѣтъ, я такъ... смутился смиренный искатель науки и, забравъ документы, поспѣшилъ исчезнуть.

Проѣздомъ черезъ Тулу, онъ обратился къ своему земляку-рязанцу, епископу Димитрію (Муретову), впослѣдствіи знаменитому архіепископу Одессы, который принялъ въ немъ участіе. Преосвященный Димитрій взялъ его къ себѣ въ архіерейскій домъ послушникомъ и возложилъ на него секретарскія обязанности, потомъ послушникъ Мажаровъ (такова была его мірская фамилія) былъ постриженъ и рукоположенъ въ іеромонахи. Участливое отношеніе епископа Димитрія было лишь очереднымъ проявленіемъ необыкновенной доброты этого святителя. Любовь, смиреніе, кротость и безпредѣльная доброта — вотъ его духовный обликъ. Преосв. Димитрій раздавалъ все, что имѣлъ, а когда не хватало, закладывалъ свою митру и панагіи; когда ему дали новую епархію, онъ передъ отъѣздомъ изъ Тулы роздалъ всѣ прогонныя.

Такова была его проповѣдь дѣломъ; проповѣдывать живымъ словомъ ему было трудно отъ крайней застѣнчивости. Онъ смущался говорить передъ толпой. Былъ случай, когда, будучи инспекторомъ Кіевской Духовной Академіи, онъ вышелъ въ Великую Пятницу сказать «слово», растерялся, покраснѣлъ — и ничего сказать не могъ; потомъ онъ выходилъ уже съ тетрадкой.

О. Иларіонъ пробылъ въ архіерейскомъ домѣ много лѣтъ, пережилъ нѣсколько архіереевъ; особенно былъ близокъ къ архіепископу Никандру, у котораго также былъ секретаремъ. Владыка не очень любилъ заниматься консисторскими дѣлами. «Принесу, бывало, ему большой портфель съ бумагами — разсказывалъ о. Иларіонъ, — а онъ стоитъ съ газетой и внимательно смотритъ на стѣнную карту Европы. «Что ты, Иларіонъ, каждый день таскаешь мнѣ бумаги?» и потомъ «вотъ, Галицію бы намъ!» а я ему: «Владыка, тамъ мужички пришли». — «Ну, вотъ, твои мужички, а архіерея тебѣ совсѣмъ не жалко...». Я ему сочиняю: семинаристы смѣются, что «нашему архіерею подай прошеніе и иди на заработки въ Астрахань». — «Во грѣхахъ ты, Иларіонъ, родился и ты ли насъ учишь?», а потомъ: «ну, давай, давай; неужели семинаристы такъ говорятъ?». Въ другой разъ жалуется: «Эхъ, Иларіонъ, беззвѣздіе, беззвѣздіе... (отсутствіе орденовъ); впрочемъ, если бы не нашъ землякъ въ Петербургѣ митрополитъ Исидоръ, насъ съ тобой давно бы прогнали...». Когда впослѣдствіи кафедру занялъ епископъ Питиримъ, о. Иларіонъ сталъ томиться въ атмосферѣ двуличности, интригъ, лицепріятія и политиканства. Стоило пріѣхать какому-либо сановнику синодскому, — въ архіерейской церкви службы были долгія, а безъ него — краткія, и т. д. Все это было ему невыносимо. Въ то время я уже былъ ректоромъ семинаріи въ Холмѣ и я взялъ его въ духовники семинаріи. Молодежь его любила. Встрѣтятъ семинаристы его, бывало, въ коридорѣ послѣ лекціи, и затѣется у нихъ оживленный споръ

по какому-нибудь религіозному вопросу, всѣ его окружатъ, не отпускаютъ. Его мудрая простота привлекала ихъ юныя души.

О. Иларіонъ имѣлъ огромное значеніе для моего монашескаго формированія. Добрый, ласковый, склонный къ юмору, — онъ былъ чуждъ ложнаго аскетическаго пафоса или мистическаго надрыва, любилъ прямоту, простоту, искренность, предостерегалъ отъ неестественности, отъ соблазна корчить изъ себя святого. Былъ онъ начитанъ, уменъ и человѣка понималъ сразу. Это не мѣшало ему быть безпомощнымъ въ практическихъ дѣлахъ. Когда рѣшили дать ему повышеніе и сдѣлать настоятелемъ Жабынскаго (преподобнаго Макарія) монастыря, онъ не могъ разобраться въ докладахъ монастырскаго казначея, все путалъ и оказался неспособнымъ къ административнымъ обязанностямъ. Главное значеніе о. Иларіонъ придавалъ внутреннимъ душевнымъ состояніямъ и намѣреніямъ человѣка, — не формальному исполненію моральныхъ предписаній. Помню, уже послѣ пострига, я сокрушался, что люблю покушать. — «А ты покушай, да и укори себя» — просто сказалъ онъ, тѣмъ самымъ поучая, что слабость въ смиреніи — меньшее зло, чѣмъ ея преодолѣніе въ гордынѣ. Или еще другое, какъ будто даже соблазнительное, наставленіе: «не будь вельми правдивъ», которымъ онъ предостерегалъ меня отъ увлеченія внѣшней формальной правдой, которая легко переходитъ въ фарисейское законничество.

Зайдешь, бывало, въ его келью — пахнетъ лампаднымъ масломъ, одеколономъ (онъ считалъ одеколонъ вѣрнымъ лѣчебнымъ средствомъ отъ всякихъ недуговъ). Много книгъ... Аскетическая литература: «Добротолюбіе» и др. И всегда знаешь, когда къ нему можно и когда нельзя. О. Иларіонъ очень просто разрѣшалъ этотъ щепетильный для посѣтителя вопросъ: «есть ключъ (въ двери), — докучь, нѣтъ ключа — не докучай». Принималъ онъ посѣтителей охотно, хотя весьма цѣнилъ уединеніе, полагая, что на монаха оно дѣйствуетъ благотворно. «Монахъ всегда изъ кельи выходитъ лучше, чѣмъ возвращается», говорилъ онъ.

Иногда о. Иларіонъ самъ заходилъ ко мнѣ. Придетъ веселый, жизнерадостный: «Ну что? Какъ дѣла? Я книжку принесъ...». Подниметъ какой-нибудь богословскій споръ, ободритъ, успокоитъ, укрѣпитъ. Мнѣ это было необходимо.

Переживанія мои въ тѣ дни — спутанныя и смутныя состоянія. Воспоминанія свѣтской жизни Ефремовскаго періода еще были свѣжи, душѣ близки, еще манили прелестью... Свобода, безпрепятственное взаимообщеніе съ людьми, образы минувшихъ идеалистическихъ моихъ мечтаній... — все это отъ сердца съ легкостью не отдерешь. И чѣмъ ближе къ постригу, тѣмъ воспоминанія становились ярче. Ихъ пронизывало какое-то особое, острое прощальное чувство:

вотъ это — навсегда... вотъ этого уже не будетъ... этого уже нельзя... Припоминалось все, до мелочей. И кусочка мяса больше нельзя. Со стороны это можетъ показаться пустякомъ, а между тѣмъ, если человѣкъ къ чему-то привыкъ и это стало его житейской потребностью, отказаться отъ этого ему труднѣе, чѣмъ онъ предполагаетъ. О. экономъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ 10 лѣтъ тщетно пытался принять постригъ. Жилъ онъ бѣлымъ священникомъ въ монастырѣ въ отдѣленіи непостриженныхъ, гдѣ монашескій постъ обязателенъ не былъ; стоило ему ощутить запахъ мясныхъ щей, — онъ вновь постригъ откладывалъ...

Смутное душевное мое состояніе сопровождалось тревожнымъ чувствомъ приближенія какой-то неизвѣданности, точно мнѣ предстоитъ пережить смерть...

Я исповѣдался о. Иларіону за цѣлую жизнь. Онъ все понималъ, дѣлалъ свои примѣчанія. Я совсѣмъ послѣ исповѣди успокоился.

Незадолго до пострига возникъ вопросъ о моемъ монашескомъ имени. Мнѣ хотѣлось носить имя «Тихона» и я попросилъ эконома сказать объ этомъ Преосвященному Иринею (сказать самъ я боялся). — «Ну и подвели же вы меня!», — пояснялъ мнѣ потомъ о. экономъ. — «Изругалъ меня владыка: «не въ свое дѣло лѣзешь! Монашество второе крещеніе, — ребенка развѣ объ имени спрашиваютъ?».

Постригъ былъ назначенъ на пятницу 3-го февраля, вечеромъ. Въ этотъ день служили парастасъ наканунѣ родительской субботы передъ масляницей. Меня отвели въ архіерейскую моленную при церкви. По уставу, мнѣ надлежало быть въ одной «власяницѣ», но, по случаю зимняго времени, мнѣ разрѣшили надѣть бѣлье.

Я стою въ моленной. Чувство одиночества, оставленности... Я иду къ Богу, а люди отдалились, я на разстояніи отъ нихъ. Стройно и торжественно идетъ богослуженіе. Льются звуки заупокойныхъ пѣснопѣній... И вдругъ издали — веселая музыка! Кто-то бойко играетъ на роялѣ... *). Музыка того міра врывается въ этотъ, вливается въ церковные напѣвы, мѣшаетъ, искушаетъ... Хоть бы кто-нибудь догадался сказать, чтобы перестали играть!..

Духовная помощь пришла внезапно. Раскрылась дверь, и на порогѣ — весь овѣянный свѣжестью мороза, съ прекрасной иконой преподобнаго Сергія въ рукахъ—іеродіаконъ Никонъ... Это нашъ ректоръ архимандритъ Антоній (Храповицкій) послалъ изъ Московской Духовной Академіи делегата отъ братіи ученыхъ монаховъ на мой

*) Играла дочь вдоваго епископа Іеронима, пріѣхавшая къ отцу въ гости. Онъ пошелъ въ монахи изъ бѣлыхъ священниковъ и имѣлъ семью.

постригъ. Какъ я ему обрадовался! Одинъ изъ «своихъ», изъ тѣхъ, съ которыми вмѣстѣ въ Академіи мечтали о монашествѣ...

Запѣли «Слава въ вышнихъ Богу...» (послѣ этого пѣснопѣнія обычно постригъ). Двумя рядами грядутъ монахи съ зажженными свѣчами, посреди — духовникъ съ крестомъ. Я приложился ко кресту и послѣдовалъ за ними... Хоръ запѣлъ: «Объятія Отча отверсти ми потщися...» — трогательнѣйшій кондакъ недѣли «Блуднаго Сына»: исповѣданіе передъ Богомъ, передъ св. Церковью покаянія содержало «богатства неизживаемыя» и моленіе о принятіи меня, «блуднаго сына», въ Отчій домъ... Много разъ потомъ я слышалъ это чудное пѣснопѣніе, многихъ монаховъ самъ постригалъ, но никогда не могу слышать эту пѣснь безъ глубокаго волненія... Минута постриженія — незабываемое, исключительное по напряженности душевное состояніе. Колебаній какъ ни бывало, — одно радостое чувство жертвоприношенія, отданія себя въ «объятія Отча...». И вотъ, я впервые слышу троекратно: «возьми ножницы и подаждь ми я», а затѣмъ: «братъ нашъ Евлогій постригаетъ власы главы своея». Я?.. Я — Евлогій?..*). Новое имя слуху чуждо, а сознанію мгновенно не усвоить символики того, что со мною происходитъ...

Постригъ сопровождается «словомъ». Нѣкоторыя его фразы запомнились навсегда. «Ты будешь идти по узкой, крутой тропинкѣ... Справа скала, слѣва бездна, иди прямо, благословенный сынъ мой. Поведетъ тебя Мать-Церковь, ей будешь служить, согласно съ ученіемъ святоотеческихъ писаній...».

Постриженіе окончено. Церковь полна народу. Постригъ преподавателя семинаріи — цѣлое событіе въ провинціальномъ городѣ. Въ полумракѣ колышется толпа. Меня окружаютъ знакомыя и незнакомыя лица, на меня со всѣхъ сторонъ насѣдаютъ поздравители, обнимаютъ, привѣтствуютъ. Наконецъ поздравленія окончены, и меня уводятъ. По монашескому уставу я дней пять долженъ былъ провести въ церкви, но преосвященный Ириней позволилъ мнѣ удалиться въ келью. «Прочти монашеское правило и ложись спать».

Въ ту ночь я заснулъ мирно, безмятежно. На утро пробудился — и сразу понялъ: проснулся новый человѣкъ... На вѣшалкѣ мой вицмундиръ съ серебряными пуговицами, еще какое-то штатское платье, но точно и вицмундиръ и вещи не мои, а кого-то другого. Между прошлымъ и настоящимъ — стѣна...

Я одѣлся и пошелъ въ церковь. Меня сопровождалъ о. Никонъ. Въ душѣ была спокойная, тихая радость. Чувство полнаго удовле-

*) Имя «Евлогій» въ переводѣ съ греческаго языка, значитъ «благословенный».

творенія. Колебанія отошли въ отдаленное прошлое, даже вспоминать о нихъ не хотѣлось. Душа была полна настоящимъ...

Вся суббота прошла въ подъемѣ. Вечеромъ за всенощной меня заставили читать шестопсалміе. Я привыкъ читать его съ дѣтства. «Умѣетъ, умѣетъ читать...», одобрительно отозвались монахи.

На слѣдующее утро, въ воскресенье, за обѣдней, я былъ рукоположенъ въ діаконы. Преосвященный Ириней пригласилъ о. Никона и меня къ трапезѣ, а вечеромъ позвалъ къ себѣ побесѣдовать, а одновременно, повидимому, и поэкзаменовать.

Какъ я уже сказалъ, епископъ Ириней былъ ученымъ «кіевской складки», до тонкости освѣдомленный въ схоластикѣ, а мы, питомцы Московской Академіи, этихъ тонкостей не изучали. Когда Владыка спросилъ насъ, чѣмъ отличаются заповѣди Божіи отъ заповѣдей церковныхъ и какія заповѣди церковныя, — отвѣтить мы не сумѣли.

На сырной недѣлѣ я уже принималъ участіе въ богослуженіяхъ. Одинъ семинаристъ былъ рукоположенъ въ священники въ тотъ же день, когда меня рукоположили въ діаконы, и теперь насъ обоихъ о. Иларіонъ училъ служить.

Всю недѣлю я никуда не выходилъ. Занятый службами, я въ часы досуга усердно читалъ св. отцовъ и занимался греческимъ языкомъ, освѣжая въ памяти свои познанія въ греческой грамматикѣ.

Въ Прощеное воскресенье, 12-го февраля, я былъ рукоположенъ въ іеромонахи въ каѳедральномъ соборѣ. Когда священнослужители вышли изъ алтаря, и народъ бросился подъ благословеніе, я пережилъ странное состояніе: чувство неловкости, смущенія, что мнѣ, 27-лѣтнему молодому человѣку, цѣлуютъ руку. И одновременно новое воспріятіе людей и ощущеніе, что отношенія мои къ нимъ стали иными. Таинство священства дало мнѣ душевную крѣпость, сознаніе отвѣтственности, внутренней устойчивости, чувство помазанности, обязывающее къ крайней строгости къ себѣ.

Помню первое таинство Евхаристіи. Величайшее потрясеніе.... Недостойной, нечистой рукѣ дается сила Божія, ею совершается величайшая тайна спасенія міра... Я служилъ въ архіерейской церкви. Голосовыя средства у меня были большія, и возгласы мои раздавались на весь храмъ. Епископъ Ириней такъ отозвался о моемъ служеніи: «Слышалъ, слышалъ, какъ вы кричите: «Приложи, Господи, зла славнымъ земли»... А что это значитъ?» Я объяснилъ. Эконому обо мнѣ онъ сказалъ: «Ничего, славный парень».

Свѣтлое состояніе — медовый мѣсяцъ монашества. Дѣйствительно, оно «второе крещеніе»: человѣку дается новое сознаніе, раскрывается новое воспріятіе міра. Не надо, однако, думать, что монашество какой-то особый идеалъ, предназначенный только для монаховъ; и для монаховъ и не для монаховъ идеалъ одинъ — Христосъ

и жизнь во Христѣ; иночество есть лишь путь покаянія, который ведетъ человѣка въ свѣтлую отчизну — въ домъ Отчій и обители Христовы. Постриженіе есть обѣтъ доброй христіанской жизни, безповоротнаго и ревностнаго устремленія воли и утвержденія на этомъ пути. Обѣты данные монахами и самыя одежды — вспомогательныя средства для достиженія этой цѣли. Однако, новый путь жизни мѣняетъ не только всю психологію человѣка, но и формы его внѣшняго поведенія. Въ ранніе годы моего монашества мнѣ не разъ припоминались слова преосвященнаго Иринея, который мнѣ говорилъ, что монахъ, даже въ житейскихъ мелочахъ, проявляетъ себя иначе, чѣмъ прежде, когда онъ былъ человѣкомъ свѣтскимъ. Мое новое имя лишь символизировало глубокое измѣненіе всего моего существа. И невольно съ грустной улыбкой вспоминалъ я, какъ въ ранней юности монастыри (особенно почему-то женскіе) мнѣ представлялись чѣмъ-то вродѣ кладбищъ, гдѣ обитаютъ заживо погребенные; не понималъ я тогда, что смерть свѣтскаго человѣка есть духовное рожденіе въ новую жизнь, воскресеніе.

Послѣ пострига я спросилъ епископа Иринея, почему мнѣ дано имя «Евлогія», и отъ него узналъ, что на этомъ имени онъ остановился, вспомнивъ своего добраго пріятеля — настоятеля Выдубицкаго монастыря, подъ Кіевомъ, архимандрита Евлогія. Это былъ монахъ строгой и подвижнической жизни, сорокъ лѣтъ невыѣзжавшій за предѣлы Кіева; только одинъ разъ, вмѣстѣ съ Кіевскимъ митрополитомъ Іоанникіемъ и по его предложенію, онъ ѣздилъ въ Черниговъ на открытіе мощей святителя Феодосія Черниговскаго. Онъ любилъ науку и занимался астрономіей. Когда я спросилъ епископа Иринея, какого «Евлогія» мнѣ праздновать, онъ мнѣ предоставилъ свободу выбора, и я рѣшилъ праздновать ближайшаго къ постригу —св. Евлогія архіепископа Александрійскаго (память его 13-го февраля).

Преподаватель семинаріи

(1895)

ГЛАВА VII

Въ большомъ волненіи шелъ я по Никитской улицѣ отъ архіерейскаго дома къ семинаріи, направляясь впервые на службу... Я возвращался монахомъ, преподавателемъ греческаго языка, въ ту самую семинарію, гдѣ протекли годы моего отрочества и ранней юности. Ректоръ и учителя были прежніе, только учитель греческаго языка, тотъ самый, который пострадалъ отъ жестокой шутки учениковъ и упалъ со стула, — занялъ мѣсто инспектора.

Меня тревожила неизвѣстность. Какъ приметъ меня учительская корпорація? Какъ встрѣтятъ ученики? Какъ въ клобукѣ и въ рясѣ я войду въ классъ?

Учителя отнеслись ко мнѣ съ легкой ироніей, я сразу почувствовалъ средостѣніе. Правда, въ учительской всѣ меня поздравляли, но когда я обмолвился, что съ монашеской одеждой еще не освоился, и клобукъ тянетъ назадъ, — одинъ изъ преподавателей усмѣхнулся: «Ну, потомъ потянетъ впередъ...». Я понялъ, что мои сотоварищи видятъ въ моемъ монашествѣ лишь путь для карьеры, а себя считаютъ обреченными на пребываніе въ рядахъ незамѣтныхъ преподавателей. Однако, открытой враждебности я не почувствовалъ. Инспекторъ (бывшій преподаватель греческаго языка) любезно показалъ и объяснилъ мнѣ все, что было нужно, и тѣмъ самымъ помогъ мнѣ освоиться съ новымъ положеніемъ.

Семинаристы ожидали моего появленія съ нетерпѣніемъ. Одни присутствовали на моемъ постригѣ; другіе — о немъ слышали; многихъ просто интересовало посмотрѣть на новаго учителя.

Съ перваго же урока ученики взяли меня «подъ обстрѣлъ» — задавали вопросы, которые, по ихъ убѣжденію, должны были привести меня въ замѣшательство. Я сразу понялъ, что они меня экзаменуютъ. У меня не было той мѣры самолюбія, когда человѣкъ считаетъ себя непогрѣшимымъ, и потому, когда мнѣ было трудно отвѣтить сразу на какой-нибудь вопросъ, я, не смущаясь, спокойно

отвѣчалъ, что справлюсь въ пособіи. Увидавъ, что я не теряюсь и не робѣю, ученики скоро «экзаменъ» прекратили. Готовили они уроки плохо, часто манкировали, и вообще мой монашескій санъ вселялъ въ нихъ, кажется, увѣренность, что у меня можно учиться спустя рукава, потому что требовательнымъ и строгимъ монахъ быть не можетъ.

Къ своимъ обязанностямъ я относился добросовѣстно. Внѣ семинаріи (я жилъ попрежнему въ архіерейскомъ домѣ) я замыкался въ своей кельѣ и усердно готовился къ урокамъ. Изрѣдка меня навѣщалъ мой духовникъ о. Иларіонъ. Онъ приносилъ мнѣ аскетическія книги, поучалъ монашеству, разсказывая что-нибудь изъ прошлаго епархіи или изъ жизни архіерейскаго дома. Мы пили чай и въ бесѣдахъ пріятно проводили время. Однако, досуга у меня оставалось очень мало: я былъ занятъ съ утра до ночи. Преподаваніе, подготовка уроковъ, чтеніе... Но этимъ мои занятія не исчерпывались.

Архіерей далъ мнѣ работу для «Епархіальныхъ Вѣдомостей», поручивъ мнѣ библіографическій отдѣлъ. Епископъ Иринеи былъ любознателенъ и выписывалъ всѣ новыя изданія изъ мѣстнаго склада Пантелеева. Свои отзывы я докладывалъ епископу Иринею либо устно, либо представлялъ въ письменной формѣ, и тогда онъ, исправивъ мою рукопись, отсылалъ ее въ редакцію. Впослѣдствіи онъ сталъ мнѣ поручать и журналы епархіальныхъ духовныхъ училищъ. Я долженъ былъ давать свое заключеніе по поводу постановленій педагогическихъ правленій. Иногда преосвященный Иринеи моей работой пользовался, а иногда написанное рвалъ.

Часто я служилъ въ архіерейской церкви, и нерѣдко сослужилъ архіерею въ городскомъ соборѣ. Мнѣ было еще поручено по воскресеньямъ служить вечерню, а потомъ вести «бесѣду» въ часовнѣ святителя Николая при маленькомъ монастырѣ (тамъ было лишь 3-4 монаха). Если мнѣ случалось говорить проповѣдь, я, по требованію епископа Иринея, предварительно ее писалъ.

Работы у меня было столько, что я иногда ложился спать въ 2 часа ночи. Но это было хорошо: у меня не оставалось времени ни для мечтаній, ни для воспоминаній.

Епископъ Иринеи зорко наблюдалъ за мной. О доброй и мудрой его попечительности я вспоминаю съ глубокой благодарностью. Постучится, бывало, ко мнѣ его келейникъ: «Владыка васъ зоветъ...» Преосвященный Иринеи приглашалъ меня къ чаю, а то и просто такъ посидѣть, побесѣдовать.

На дворѣ весна... окна открыты... тихій теплый вечеръ... изъ Кремлевскаго сада доносится музыка... — а я сижу у архіерея, и у насъ идетъ серьезная, наставительная бесѣда, подчасъ экзаменаціоннаго характера.

Помню первую Пасху въ монашествѣ. Я зналъ «мірскую» Пасху: визиты, гости, встрѣчи, праздничное веселье... Теперь я себя почувствовалъ отрѣзаннымъ ломтемъ. Въ первый день праздника я былъ приглашенъ однимъ преподавателемъ, женатымъ человѣкомъ (онъ былъ моимъ совоспитанникомъ по Московской Духовной Академіи) — провести у него вечеръ. Приглашеніе я охотно принялъ. Не успѣлъ я выйти за ворота, какъ меня изъ окна увидѣлъ преосвященный Иринеи и, дабы я узналъ, что мое отсутствіе замѣчено, велѣлъ вызвать меня изъ кельи. Когда я вернулся, мнѣ сообщили, что архіерей за мною посылалъ. Дня черезъ два послѣдовало внушеніе.

— Я не зналъ, — недовольнымъ тономъ сказалъ архіерей, что теперь іеромонахи вечеромъ ходятъ по знакомымъ. Въ наше время они по гостямъ не ходили...

Я не очень оправдывался, а просто разсказалъ, гдѣ былъ. Замѣчаніе епископа Иринея принялъ къ свѣдѣнію и, когда меня позвала къ себѣ одна родственница (жена священника, которая сшила мнѣ «власяницу»), я уже принять приглашеніе не рѣшился. Добрый о. Иларіонъ все же уговорилъ меня навѣстить ее и предложилъ пойти вмѣстѣ съ нимъ. Больше на праздникахъ я ни у кого не былъ.

Какъ то разъ на Святой, передъ обѣдней, я замѣтилъ, что ризничій на меня таинственно посматриваетъ. Потомъ выяснилось, что въ тотъ день архіерей рѣшилъ наградить меня набедренникомъ. «Вотъ съ учеными то какъ, не то, что съ нами...» добродушно вздыхалъ ризничій, «трубишь-трубишь, когда-то чего-нибудь дождешься....».

На Пасхальной недѣлѣ неожиданно послѣдовало и приглашеніе къ о. эконому — на трапезу. Оказалось, что епископъ Иринеи освѣдомился у него, какъ меня кормятъ, и далъ распоряженіе устроить угощенье, созвавъ всю монашескую братію архіерейскаго дома. Мы всѣ собрались; разнообразіе и изобиліе вкусныхъ яствъ насъ удивило, и мы недоумѣвали, чѣмъ все это объяснить. Отецъ экономъ многозначительно поднялъ палецъ кверху (наверху были архіерейскіе покои) и сказалъ, обращаясь ко мнѣ: «Все это изъ-за васъ...».

Послѣ праздниковъ жизнь вновь потекла въ непрерывной работѣ. Меня она не только не пугала, но я былъ ей радъ: она охраняла мой душевный миръ. Я боялся праздниковъ: было жутко, что на досугѣ пробудятся воспоминанія... Къ счастью, прибой прежней жизни былъ слабый, хотя и бывали минуты, когда приходилось брать себя въ руки.

Окна моей кельи выходили въ архіерейскій садъ. По вечерамъ въ городѣ гремѣла музыка. Подъ моими окнами бѣгала и рѣзвилась молодежь, — двѣ юныя дочери и сынъ архіерея, гостившіе у отца. Звонкій смѣхъ, веселые возгласы, музыка въ Кремлевскомъ саду... —

это немножко задѣвало. Я затворялъ окна, чтобы ничего не видѣть и не слышать...

Въ маѣ въ семинаріи начались экзамены. Помню экзаменъ греческаго языка въ 3-мъ классѣ. Ассистентомъ у меня былъ инспекторъ (бывшій преподаватель греческаго языка). Ученики разбирали рѣчи Демосѳена. Вдругъ открылась дверь — и вошелъ архіерей. Преподаватели боялись его, какъ огня. Успѣхи или неудачи учениковъ отражались на ихъ педагогической репутаціи. Я понялъ, что мнѣ предстоитъ экзаменъ.

Преосвященный Иринеи сталъ спрашивать учениковъ; отвѣчали они довольно слабо. Архіерей былъ недоволенъ, но свое неудовольствіе высказалъ не мнѣ, а обращаясь къ инспектору: «Я не ставлю это на видъ молодому преподавателю, — онъ служитъ безъ году недѣлю, — но почему они такъ плохо у васъ разбираются въ грамматикѣ? Какъ у васъ поставлено преподаваніе!»

Когда, послѣ отъѣзда архіерея, учителя собрались въ учительской и стали обсуждать результаты экзаменаціоннаго дня, — мнѣ дали понять, что у моего предшественника никогда столь неудачнаго экзамена не бывало.

Помню еще экзаменъ въ 5-мъ классѣ. Предметомъ его были «Отцы церкви». Ассистентомъ моимъ оказался преподаватель, который когда-то читалъ намъ «Практическое руководство по пастырству». Ученики не подготовились и отвѣчали плохо. Я наставилъ нѣсколько «двоекъ» и тѣмъ самымъ обрекъ группу учениковъ на переэкзаменовки осенью. Когда я ихъ спросилъ, почему они не подготовились, они сказали, что считали предметъ «не важнымъ». «Двойки» вызвали негодованіе и озлобленіе. «Такъ вотъ онъ какой!», возмущались семинаристы и рѣшили послѣ каникулъ встрѣтить меня «демонстраціей».

«Демонстрація» заключалась въ слѣдующемъ. У насъ былъ очень длинный коридоръ, по обѣимъ его сторонамъ были расположены классы. Когда приговоренный къ «демонстраціи» преподаватель шелъ по коридору, изо всѣхъ дверей раздавался пронзительный свистъ. Семинаристовъ было 500 человѣкъ, — гдѣ же дознаться, кто свистѣлъ? Однихъ преподавателей эти проявленія враждебныхъ настроеній очень волновали, другіе проходили по коридору, улыбаясь и даже раскланиваясь и тѣмъ лишали «демонстрацію» ея смысла.

Педагогическій опытъ того года мнѣ показалъ, что, для пользы самихъ учениковъ, я долженъ въ будущемъ быть требовательнѣй.

По окончаніи экзаменовъ всѣ стали разъѣзжаться на каникулы, а я рѣшилъ остаться въ Тулѣ. Ну, думаю, теперь на досугѣ займусь своимъ внутреннимъ міромъ... Но меня неудержимо потянуло въ родную Академію, къ архимандриту Антонію, къ старымъ профессо-

рамъ, къ товарищамъ, къ ихъ веселому, жизнерадостному монашеству.... — и я попросилъ у архіерея позволенія уѣхать туда.

Было еще одно важное обстоятельство побуждавшее меня къ этой поѣздкѣ. Нашего ректора архим. Антонія переводили на ту же должность въ Казанскую Духовную Академію. Это невольное перемѣщеніе было результатомъ нерасположенія къ архим. Антонію новаго Московского митрополита Сергія (Ляпидевскаго). Митрополитъ Сергій былъ человѣкомъ старой Филаретовской школы, съ ея сухой и суровой дисциплиной и, естественно, ему былъ не по душѣ новый духъ въ педагогикѣ архим. Антонія; не взлюбилъ онъ и новаго «антоніевскаго» монашества, которое онъ презрительно называлъ «антоніевской сворой». Послѣ нѣкоторыхъ столкновеній въ офиціальныхъ дѣлахъ, состоялось, по представленію митрополита Сергія, перемѣщеніе архим. Антонія изъ Московской Духовной Академіи въ окраинную Казанскую, что было, конечно, его служебнымъ пониженіемъ. Архимандритъ Антоній принялъ этотъ переводъ довольно спокойно, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны. Мнѣ хотѣлось повидать его, чтобы выразить ему сочувствіе.

Онъ встрѣтилъ меня со свойственнымъ ему радушіемъ и любовью.

Насъ съѣхалось человѣкъ пять-шесть молодыхъ монаховъ. Мы участвовали въ прощальномъ богослуженіи нашего б. ректора, присутствовали на прощальномъ обѣдѣ, который давала ему академическая корпорація, говорили застольныя рѣчи. Наши профессора впервые увидали меня въ монашескомъ одѣяніи; они любезно бесѣдовали со мною, м. б. не безъ оттѣнка нѣкоторой иронiи по поводу моего неожиданнаго для нихъ иночества. Вообще наше молодое академическое монашество не встрѣчало сочувствія не только у нашихъ профессоровъ, но и въ другихъ широкихъ церковныхъ кругахъ. Быстрое продвиженіе по службѣ молодыхъ монаховъ, часто не по достоинству и не по ихъ заслугамъ, всегда давало пищу къ подозрѣнію, что мы шли въ монашество не по идейному побужденію, а ради карьеры (будущее архіерейство!). Доля правды въ этомъ подозрѣніи, несомнѣнно, была: не слѣдовало насъ такъ быстро тащить по ступенямъ служебной іерархіи. Я скоро на себѣ испыталъ большую трудность отъ такого быстраго возвышенія.

Связанные единствомъ церковнаго духа и идейнаго направленія, встрѣтившіеся послѣ долгой разлуки подъ сѣнью любимой alma mater, — мы, молодые монахи, наслаждались нашей взаимной братской близостью, мы дѣлились впечатлѣніями, обсуждали интересующіе насъ вопросы; ѣздили въ «Виѳанію», катались на лодкѣ на прудахъ... При этихъ условіяхъ, какой отрадой былъ для насъ лѣтній от-

дыхъ! — Тутъ подоспѣло событіе, которое рѣшило мою дальнѣйшую судьбу.

Въ Академію пріѣхалъ ректоръ Петербургской семинаріи архіепископъ Иннокентій (Фигуровскій), впослѣдствіи начальникъ миссіи въ Пекинѣ; у него возникли недоразумѣнія съ Петербургскимъ митрополитомъ Палладіемъ, и его назначили въ Москву въ Покровскій монастырь. Онъ привезъ изъ столицы много всякихъ новостей, въ числѣ ихъ была одна, для меня очень важная.

— Какого-то іеромонаха Евлогія назначили инспекторомъ Владимірской семинаріи, — вскользь сказалъ незнавшій меня ректоръ.

— Какъ — Евлогія?... — удивились всѣ присутствующіе.

Извѣстіе было столь неожиданно и невѣроятно, что въ него повѣрили лишь черезъ два-три дня, когда о моемъ назначеніи было напечатано въ газетахъ.

Оказалось, преосвященный Ириней по окончаніи учебнаго года отправилъ свое очень благопріятное для меня донесеніе о моей дѣятельности въ Тульской семинаріи, и вотъ, въ результатѣ мнѣ дали такое высокое и отвѣтственное назначеніе.

Я вернулся въ Тулу и сталъ ждать указа.

Инспекторъ семинаріи

(1895 — 1897)

ГЛАВА VIII

Мое назначеніе инспекторомъ во Владимірскую семинарію меня очень удивило. Не только удивило избраніе меня, молодого неопытнаго педагога, — мнѣ было 27 лѣтъ, — на отвѣтственную должность, но назначеніе именно во Владимірскую семинарію, которая только что пережила бурныя и тяжелыя событія.

Семинарія была огромная (500 человѣкъ семинаристовъ). Духъ въ ней былъ «бурсацкій» и въ то же время крайне либеральный. Дисциплину начальство поддерживало строжайшую, но это не мѣшало распущенности семинарскихъ нравовъ и распространенію въ средѣ учащихся революціонныхъ идей. У семинаристовъ была своя нелегальная библіотека, которой они пользовались въ теченіе многихъ лѣтъ. Прятали они ее гдѣ-то въ городѣ, а когда ей грозила опасность, перевозили въ болѣе надежное мѣсто; о томъ, гдѣ она находится, знали всегда лишь два семинариста-библіотекаря. Каждый ученикъ послѣ лѣтнихъ каникулъ дѣлалъ свой взносъ и пользовался весь учебный годъ запретными плодами. Писаревъ, Чернышевскій, Златовратскій, Рѣшетниковъ, Ключевскій (лекціи его были запрещены), соц.-революціонная «Земля и Воля»... ходили по рукамъ. Начальство перехватывало отдѣльные экземпляры, конфисковало ихъ, обрушивалось репрессіями на провинившихся, лишая ихъ стипендій, но зла искоренить не могло. Отнятые экземпляры замѣнялись новыми, тѣмъ дѣло и кончалось. Семинаристы проявляли рѣдкую товарищескую дисциплину, другъ друга никогда не выдавали, и библіотека оставалась неуловимой.

Во главѣ семинаріи стоялъ архимандритъ Никонъ (изъ вдовыхъ священниковъ). Это былъ красивый, здоровый, могучій человѣкъ, монашества не любившій. «Мнѣ бы не монахомъ, а крючникомъ на Волгѣ быть...», говорилъ онъ. О. Никонъ принялъ постригъ не по влеченію, а по необходимости, дабы какъ-нибудь устроить свою горемычную судьбу вдоваго священника. Вдовство бездѣтнаго священ-

ника — подлинная трагедія. Люди, склонные къ семейной жизни, обрекались на безысходное одиночество. Сколько вдовыхъ священниковъ не могли его вынести — и спивались! Сколько по неволѣ принимали постригъ! О. Никонъ тоже мучительно переживалъ навязанное ему внѣшними обстоятельствами монашество и періодами впадалъ въ мрачное уныніе близкое къ отчаянію... Онъ самъ сознавалъ, что въ монахи онъ не годится. «Изъ попа да изъ солдата хорошаго монаха не выкроишь», говорилъ онъ. Архимандритъ Антоній (Храповицкій) былъ того же мнѣнія о монахахъ изъ бѣлаго духовенства и отзывался о нихъ съ насмѣшкой: «Сразу ихъ узнаешь: уши наружу, значитъ, изъ поповъ*). А соберутся такіе монахи вмѣстѣ, сейчасъ же начинается: «Вотъ покойница Анна Ивановна говорила то-то...».

Тяжелая участь о. Никона наложила на него слѣдъ. Честный, умный, способный (хорошо окончилъ Петербургскую Академію), онъ замкнулся въ рамкахъ строгой законности, чуждой любви и идеализма. Дисциплину онъ поддерживалъ жестокими мѣрами: устрашеніемъ и безпощадными репрессіями. Въ семинаріи создалась тяжелая атмосфера, столь насыщенная злобой, страхомъ и ненавистью по отношенію къ начальству, что весной 95 г. (за полгода до моего пріѣзда) произошелъ взрывъ давно уже клокотавшаго негодованія.

Въ Николинъ день, 9-го мая, великовозрастный ученикъ 2-го класса, 17-лѣтній С. выждалъ, когда о. Никонъ послѣ обѣдни ушелъ въ свой цвѣтникъ (о. ректоръ очень любилъ цвѣты и самъ за ними ухаживалъ), воспользовавшись мгновеніемъ, когда тотъ наклонился надъ клумбой, подбѣжалъ — и съ размаху ударилъ его топоромъ по головѣ... Размахнулся вторично: топоръ сорвался, въ рукѣ осталось топорище... Клобукъ оказался «шлемомъ спасенія», о. Никонъ отдѣлался сравнительно легкой раной — задѣты были лишь внѣшніе покровы головы; но все же изъ-подъ клобука хлынула кровь. Онъ упалъ... Приподнявшись, успѣлъ еще крикнуть: «За что ты меня?...». — «Простите, Христа ради»... — пролепеталъ С. Со всѣхъ сторонъ сбѣжались семинаристы и схватили преступника. Прибылъ докторъ, нагрянула полиція, собралась большая толпа народу, поднялся крикъ... Одни ругали начальство, другіе — семинаристовъ. Кто-то кричалъ «бей!». Возбужденіе росло... Пришлось пригнать солдатъ, жандармовъ... Пріѣхала прокуратура.

Видъ крови и зловѣщіе признаки предстоящей расправы ожесточили семинаристовъ: они озвѣрѣли и на слѣдующую ночь чуть было не закололи вилами помощника инспектора...

Семинарію спѣшно закрыли.

Ректору было предложено уйти, но онъ заявилъ, что уйдетъ

*) По привычкѣ носить скуфьи, камилавки и митры, бѣлое духовенство такъ же надѣвало и клобуки, а клобукъ надо надѣвать на уши.

лишь по постановленію суда. Началось слѣдствіе. Изъ Петербурга пріѣхалъ В. К. Саблеръ. Въ квартирѣ мѣстнаго архіепископа преосвященнаго Сергія шло разбирательство дѣла. Разслѣдованіе установило, что между ректоромъ и инспекторомъ былъ раздоръ; выяснилась роль молодой жены стараго многодѣтнаго инспектора; она вела себя безтактно, пользовалась казеннымъ выѣздомъ для своихъ личныхъ надобностей, натравливала мужа на ректора, впутывалась не въ свое дѣло. Инспектора уволили, ректора оставили, хотя архіепископъ Сергій его недолюбливалъ и высказался за его удаленіе: о. Никона защитила сильная протекція въ Петербургѣ.

Расправа съ семинаристами была суровая. Убійцу посадили въ сумасшедшій домъ (черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его выпустили), 75 семинаристовъ исключили: однихъ — безъ права поступленія въ какое-либо учебное заведеніе («волчій паспортъ»); другихъ — съ правомъ поступить въ другую семинарію (въ ихъ числѣ былъ нынѣ блаженнѣйшій Діонисій митрополитъ Православной Церкви въ Польшѣ); третьихъ — съ правомъ вернуться черезъ годъ экстерномъ, т. е. выдержавъ соотвѣтствующіе экзамены.

На судѣ ректоръ доказывалъ, что подсудимые «революціонная банда», составившая противъ него заговоръ. Былъ заговоръ — или нѣтъ, но изъ показаній убійцы выяснилось, что онъ былъ озлобленъ противъ ректора: дня за два-три до преступленія о. Никонъ не пустилъ его въ отпускъ; наканунѣ рокового дня мальчишка напился, купилъ топоръ, и совершилъ злодѣяніе, повидимому, еще не протрезвившись. Его умственная неразвитость (17-ти лѣтъ во 2 классѣ!) тоже скорѣй свидѣтельствовала о поступкѣ неуравновѣшеннаго субъекта, нежели о покушеніи заговорщика.

Такова была семинарія, куда меня назначили. О томъ, что тамъ произошло, было извѣстно далеко за предѣлами гор. Владиміра; я тоже зналъ объ этомъ и своему назначенію ужасался... Неужели не могли найти болѣе подходящего человѣка? Какой-же я руководитель молодежи — 27-лѣтній, только что постриженный монахъ! И какую молодежь мнѣ предстояло воспитывать! 500 юношей, разъяренныхъ суровымъ режимомъ и репрессіями... Будущая служба казалась мнѣ погибелью.

Я вернулся въ Тулу. Епископъ Ириней мое назначеніе привѣтствовалъ.

— Поздравляю. Я очень радъ. Это я васъ расхвалилъ...

— Но у меня нѣтъ опыта, мнѣ не справиться... — волновался я.

— Ничего, ничего... — успокаивалъ меня епископъ Ириней.

Я узналъ, что уволенный инспекторъ его пріятель, что онъ духовный писатель и неплохой администраторъ.

— Я надѣюсь, вы изъ квартиры его семью пока не выселите... — вскользь замѣтилъ владыка.

Къ Успенью пришелъ указъ о моемъ назначеніи. Я сдѣлалъ прощальные визиты. Большинство лицъ, — въ томъ числѣ и ректоръ семинаріи, тотъ самый, который такъ рѣзко отозвался о семинаристахъ*), — поздравляли меня съ улыбочкой, смыслъ ея былъ ясенъ: во мнѣ видѣли удачливаго карьериста.

Я съѣздилъ проститься съ родителями. Благорасположеніе ко мнѣ преосвященнаго Иринея сказалось и на положеніи моего отца — ему дали приходъ получше. Семья моя жила теперь подъ гор. Серпуховымъ (Каширскаго уѣзда) въ селѣ Никольскомъ, на родинѣ извѣстнаго С.-Петербургскаго митрополита Исидора.

Отецъ и мать были въ ужасѣ отъ моего назначенія.

Во Владиміръ я ѣхалъ черезъ Москву и воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы повидаться съ братомъ-священникомъ (онъ тоже окончилъ Московскую Духовную Академію).

Всю дорогу до самаго Владиміра меня не покидала гнетущая мысль: на мои плечи взвалена непосильная тяжесть...

И вотъ — я во Владимірѣ... Внѣшній видъ семинаріи мрачный, унылый. Три огромныхъ корпуса казарменной архитектуры — старыя, обветшалыя постройки**). Даже благоустроеннаго сада нѣтъ, который хоть немного скрашивалъ бы эти неприглядныя строенія.

Инспекторская квартира оказалась большая (6-7 комнатъ), а мебели было мало. Напримѣръ, въ огромномъ залѣ, настоящей «бальной» залѣ паръ на двадцать, — лишь нѣсколько стульевъ. Впослѣдствіи, когда въ семинарію пріѣхалъ Саблеръ, онъ обратилъ вниманіе на недостатокъ мебели.

— Ну, и пустыня же у васъ... — замѣтилъ онъ.

Съ непривычки я терялся въ этихъ просторныхъ покояхъ. Семья инспектора ютилась теперь въ двухъ комнатахъ, и, впредь до устройства ея судьбы, я разрѣшилъ ей остаться.

По пріѣздѣ я тотчасъ отправился къ ректору. Предполагалъ, что встрѣчу либо поникшаго, раздавленнаго пережитой катастрофой человѣка, либо мрачнаго, возмущеннаго учиненной надъ нимъ расправой, озлобленнаго начальника. Вхожу, подымаюсь во второй этажъ... и вдругъ слышу раскаты хохота. Открываю дверь, — и мнѣ навстрѣчу идетъ веселый, красивый архимандритъ — и привѣтливо:

---

*) См. страницу 24.

**) Только одинъ корпусъ былъ новый, т. н. красный, т. е. кирпичный, недавно построенный епархіальнымъ духовенствомъ; назывался онъ «епархіальнымъ общежитіемъ» и предназначался для сыновей мѣстнаго духовенства.

— А... отецъ инспекторъ! Пожалуйте!...

Тутъ же и его собесѣдникъ, какой-то священникъ.

Встрѣтить ректора въ столь благодушномъ настроеніи я никакъ не ожидалъ. Завязалась бесѣда. Я узналъ, что онъ уже успѣлъ побывать въ Петербургѣ и рѣшилъ по отношенію къ семинаріи взять курсъ рѣшительный и крутой.

Мнѣ хотѣлось знать, чѣмъ онъ объясняетъ трагическое событіе: былъ ли это актъ безумія или проявленіе коллективнаго недовольства. О. Никонъ мнѣ доказывалъ, что всему виной старая, скверная закваска, гниль, которая проѣла семинарскіе порядки; онъ обвинялъ жену инспектора, которая поселила раздоръ между главными начальствующими лицами, что отразилось и на настроеніи семинаристовъ. По мнѣнію о. Никона, надлежало приняться безъ промедленія за выкорчевыванье зла. Исключеніе 75 семинаристовъ и было началомъ этого «выкорчевыванія».

Судъ надъ «бунтовщиками» состоялся до моего пріѣзда, и это было большимъ для меня облегченіемъ. Тяжесть соучастія въ немъ Господь отъ меня отвелъ, но все же мнѣ предстояло пережить мучительное испытаніе — объявлять осужденнымъ семинаристамъ состоявшіеся о нихъ приговоры. Съ этого испытанія моя инспекторская служба и началась.

Я пріѣхалъ 16-го августа, 17 — 18-го стали съѣзжаться семинаристы. Проскрипціонные списки у меня въ рукахъ... Ученики вручаютъ мнѣ свои отпускные билеты. Я заглядываю въ списки...

— Вы уже не состоите...

Отъ этихъ словъ одни блѣднѣютъ, другіе краснѣютъ... У всѣхъ видъ затравленныхъ зайцевъ.

— За что? Почему?..

— Я новый человѣкъ. Я ничего не знаю, — говорю я.

Нѣкоторые семинаристы уходятъ, съ озлобленіемъ хлопнувъ дверью.

Не найдешь фамиліи въ спискахъ, скажешь «идите», — и просіяетъ юноша, за минуту до того дрожавшій отъ страха.

За этой пыткой моей послѣдовала другая: просьбы, слезы, рыданія родителей, провинившихся учениковъ. Знаешь, что исключеніе изъ семинаріи для семьи ужасъ, слезы... — и въ растерянности недоумѣваешь, что сказать какой-нибудь бѣдной діаконицѣ, издалека притащившейся въ городъ, когда всѣ ея мольбы и плачъ напрасны...

Хотя я былъ лишь исполнителемъ чужихъ постановленій, а недоброе чувство ко мнѣ у родителей и учениковъ все же возникало.

Городское общество тоже меня встрѣтило недоброжелательно. Виною всѣхъ трагическихъ событій оно считало монашеское начало въ системѣ управленія. Если бы во главѣ семинаріи стоялъ семейный

протоіерей, ничего бы не случилось! А тутъ — еще одинъ монахъ... Мало намъ ректора!

Такова была «тѣснота», въ которой я поначалу очутился. Сознавалъ, что дѣтямъ и обществу я лицо чуждое, враждебное, и этимъ мучился. «Ахъ, какъ трудно! какъ мнѣ трудно...» писалъ я епископу Иринею.

Молодой, неопытный педагогъ, я сначала не зналъ, какъ къ моимъ воспитанникамъ и подойти и, признаюсь, ихъ побаивался. Потомъ увидалъ, что они, запуганные строгой расправой, меня тоже боятся. Тогда я поставилъ себѣ задачей найти путь сближенія. Мнѣ хотѣлось понять ихъ юныя души.

Пошутишь, бывало, поговоришь съ ними, скажешь ласковое слово, — сначала смотрятъ волчатами, а потомъ, убѣдившись, что ничего страшнаго ихъ не ждетъ, понемногу робко идутъ навстрѣчу. Молодежь поддается, когда къ ней подходишь съ добрымъ чувствомъ. Были трудности, но не столько ученики ихъ создавали, сколько установившіяся формы семинарскаго режима. Очень скоро я убѣдился, что одной строгостью и страхомъ воспитывать юношество нельзя. Въ этомъ основномъ вопросѣ метода воспитанія сразу обнаружились несогласованность и расхожденіе съ тѣми лицами, отъ которыхъ зависѣло направленіе всей педагогической работы.

Общій контроль надъ семинаріей былъ въ веденіи мѣстнаго архіепископа — преосвященнаго Сергія (Спасскаго). Это былъ мужъ умнѣйшій, ученѣйшій, докторъ богословія, іерархъ Филаретовской формаціи. Онъ пошелъ въ монахи тоже потерявъ жену и въ молодости, кажется, страдалъ нервнымъ разстройствомъ; послѣдствіями болѣзни остались странности, неуравновѣшенность, крайняя недовѣрчивость. Его долго продержали въ архимандритахъ Знаменскаго монастыря, прежде чѣмъ дать отвѣтственную должность. Не злой, но ненормально подозрительный, — онъ считалъ желѣзную дисциплину единственно дѣйственнымъ педагогическимъ методомъ и причину всѣхъ бѣдъ видѣлъ въ недостаткѣ строгости.

— Не распустите мнѣ семинарію. Будьте строги! — говорилъ онъ мнѣ и заканчивалъ тоже строгимъ предупрежденіемъ: — Если вы мнѣ ее распустите, вы потеряете службу.

Онъ никому не довѣрялъ, — ни дальнимъ, ни близкимъ, ни начальству, ни подчиненнымъ. Всюду видѣлъ злой умыселъ, козни, тайное недоброжелательство. Этимъ объяснялась, вѣроятно, и его нелюдимость.

Въ день его именинъ (5-го іюля) ѣдетъ ректоръ его поздравлять, и въ недоумѣніи возвращается обратно: поперекъ дороги, при въѣздѣ къ архіерейскому дому, бревно — знакъ, что владыка поздравителей не принимаетъ.

Коридоры его дома были загромождены сухими дровами. Онъ боялся, что злоумышленники забьютъ взрывчатое вещество въ какое-нибудь полѣно, и потому самъ осматривалъ всѣ полѣнья передъ топкой. Его подозрительность граничила съ маніей.

Къ намъ онъ пріѣзжалъ 1-2 раза въ недѣлю. Вся семинарія, бывало, трепещетъ, узнавъ, что подъѣхала его карета. Войдетъ, — и сразу ко мнѣ:

— Инспекторъ, ведите меня... (туда-то).

Списокъ уроковъ, на которыхъ онъ хотѣлъ присутствовать, онъ составлялъ дома. По его требованію, учителя должны были полчаса спрашивать учениковъ, и полчаса давать урокъ. Это имъ не всегда удавалось съ точностью выполнить, а главное, они робѣли, чувствуя себя передъ нимъ школьниками: его ученость подавляла. Но какова была растерянность учителя, когда, либо онъ самъ, либо кто-нибудь изъ учениковъ... начиналъ кашлять! Кашля архіепископъ Сергій не выносилъ, потому что самъ постоянно покерхивалъ и подозрѣвалъ, что его передразниваютъ. Возникали смѣшные, а иногда и грустные инциденты.

У одного преподавателя, пристрастнаго къ вину, постоянно въ горлѣ першило, откашляться въ присутствіи архіерея онъ не смѣлъ, сдержаться — не могъ. И вотъ онъ срывается со стула и бѣжитъ изъ класса вонъ... Архіепископъ въ недоумѣніи: «Что случилось?» Ему объясняютъ. Онъ одобрительно: «Вотъ это вѣжливый человѣкъ».

Другой преподаватель, давая урокъ, нѣсколько разъ откашлялся. Архіепископъ почелъ это дерзкимъ издѣвательствомъ, никакого движенія по службѣ съ тѣхъ поръ не давалъ, — и учителю пришлось уйти въ податные инспектора.

По той же причинѣ архіепископъ Сергій не разрѣшалъ семинаристамъ ходить въ Успенскій соборъ, гдѣ самъ служилъ. «Семинаристы кержаютъ, не смѣйте ихъ пускать въ соборъ»... Это распоряженіе ставило меня въ трудное положеніе. Случалось, что въ соборѣ посвящаютъ брата или родственника ученика; онъ упрашиваетъ меня пустить его на посвященіе, а я недоумѣваю, что мнѣ дѣлать. Спрашиваю: «Ты не будешь кашлять?» Мальчикъ увѣряетъ, что не будетъ, и я его отпускаю, оставаясь самъ подъ Дамокловымъ мечомъ обвиненія въ неподчиненіи начальству.

Помню неудовольствіе архіепископа Сергія по поводу одного моего урока. Я объяснялъ ученикамъ Евангеліе о Рождествѣ Христовомъ и говорилъ о поклоненіи волхвовъ, Виѳлеемской звѣздѣ... Мнѣ хотѣлось блеснуть своими академическими познаніями, и я избралъ изъ числа теорій, объясняющихъ яркій блескъ звѣзды, астрономическую теорію сочетанія трехъ планетъ на одной прямой.

— А что говоритъ Іоаннъ Златоустъ? — послѣ урока спросилъ меня владыка..

Слава Богу, на этотъ вопросъ я могъ отвѣтить.

— Ну вотъ видите, — какія тамъ теоріи! — сказалъ онъ: — ангелъ велъ, вотъ и все...

Потомъ въ разговорѣ съ ректоромъ онъ обвинилъ меня въ раціонализмѣ и велѣлъ меня вызвать для объясненія.

— Вы раціонализмъ разводите! — упрекнулъ онъ меня.

— Я священникъ и монахъ, какой же можетъ быть у меня раціонализмъ... — возразилъ я.

— Ну, я самъ когда-то въ молодости дуракомъ былъ.

О. ректоръ и я говорили проповѣди въ соборѣ. За недѣлю я подавалъ ея текстъ на просмотръ архіепископу Сергію. Одна моя проповѣдь ему понравилась (въ подобныхъ случаяхъ проповѣдь могла быть напечатана въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ»), однако, на рукописи оказалась его надпись «печатать не рекомендую». Потомъ мнѣ было сказано: «Когда ректоръ печатаетъ, инспекторъ долженъ молчать».

Я чувствовалъ, что архіепископъ Сергій ко мнѣ не благоволитъ, считая меня недостаточно строгимъ инспекторомъ, но такъ какъ въ семинаріи никакихъ серьезныхъ скандаловъ не возникало, его неблаговоленіе непріятныхъ послѣдствій пока для меня не имѣло. Однако, весной 96-го года я далъ ему поводъ быть мною весьма недовольнымъ.

Ученикъ Д. упросилъ меня отпустить его въ соборъ на посвященіе его зятя, а оттуда къ нему на семейную трапезу. Прихожу къ ужину, спрашиваю Д.: «Ну, какъ пировали?», и вижу онъ пьянёхонекъ... При новыхъ порядкахъ во Владимірской семинаріи не только выгоняли семинаристовъ, появившихся въ нетрезвомъ видѣ, но достаточно было одного запаха водки для обвиненія въ пьянствѣ. Мои помощники — ихъ было у меня 4-5 человѣкъ — необыкновенно искусно умѣли улавливать этотъ запахъ. Въ данномъ случаѣ вина была столь очевидна для всѣхъ 200 семинаристовъ, собравшихся въ столовой, что она не могла не получить огласки на всю семинарію.

— Послѣ ужина приходите ко мнѣ, — сказалъ я Д.

Мое положеніе было трудное. Скрыть проступокъ Д. было невозможно, довести его до свѣдѣнія ректора, — Д. безоговорочно подлежалъ исключенію, а до окончанія семинаріи ему оставалось лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Мое объясненіе съ Д. было краткимъ. Несмотря на его просьбы о прощеніи, я ему сказалъ, что подамъ рапортъ въ Правленіе, а ему совѣтую просить о. ректора о снисхожденіи; быть можетъ, ректоръ принявъ во вниманіе, что онъ скоро кончаетъ семинарію, сочтетъ возможнымъ его пожалѣть. Черезъ нѣ-

сколько дней пріѣхала его мать-діаконица, кланялась мнѣ въ ноги и горько плакала.

— Своего голоса за увольненіе вашего сына я не подамъ, — сказалъ я, — идите къ ректору, его просите.

Ректоръ былъ этимъ крайне недоволенъ.

— Вы все сваливаете на меня! — возмущался онъ. — Вы меня подводите, а сами не при чемъ... Я доложу Правленію!

Дѣйствительно, докладъ Правленію онъ началъ съ обвиненія меня въ безотвѣтственности: я взваливаю всю тяжесть репрессій на чужія плечи, а самъ остаюсь въ сторонѣ и т. д. Въ Правленіи, кромѣ преподавателей, состояли и представители епархіальнаго духовенства. Священники оказались мягче, они заступились и за меня и за Д.; было рѣшено его не исключать, а въ аттестатѣ поставить ему за поведеніе низкій баллъ. Эта мѣра была равносильна окончанію учебнаго заведенія съ «волчьимъ паспортомъ», но все же самое ужасное — исключеніе — миновало. Бѣдный Д. очень мучился. «Неужели мнѣ дадутъ «волчій билетъ?» въ отчаяніи спрашивалъ онъ меня. По натурѣ добрый малый, онъ врядъ ли заслуживалъ общественной отверженности. Мнѣ было его очень жаль, но я ему ничего не обѣщалъ. — Окончились выпускные экзамены. Инспекторъ долженъ давать сводку отмѣтокъ всѣхъ семинаристовъ и свой отзывъ о каждомъ изъ нихъ. Въ ту весну (14 мая) была коронація; она то мнѣ и помогла. Я написалъ обстоятельный докладъ и закончилъ отзывомъ о Д. приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Если бы вы знали, какъ онъ страдалъ, какъ мучился! Нынѣшній выпускъ совпалъ съ коронаціей. Милостивые манифесты, амнистіи... Раскрылись двери для многихъ. Неужели для Д. нѣтъ амнистіи? Ознаменуемъ коронацію актомъ милосердія!..». Ректоръ сидитъ весь красный, многіе преподаватели растеряны, но никто не смѣетъ возразить. А священники рады, что я, хоть и схитрилъ, а Д. все же отстоялъ. Записали постановленіе въ журналъ. Оно было дѣйствительно лишь при условіи, если архіерей скрѣпилъ его подписью «утверждается». Узнавъ о постановленіи, архіепископъ Сергій былъ внѣ себя, онъ позвалъ меня и очень рѣзко говорилъ со мной.

— Вы все испортите! Вы не понимаете, что вы дѣлаете! Я могу написать, — и васъ въ 24 часа вонъ изъ семинаріи!

— Какъ хотите... Я дѣйствовалъ по велѣнію моей совѣсти.

Тонъ его разговора со мной былъ таковъ, что я думалъ: мнѣ — конецъ!

Не знаю осуществилъ онъ свою угрозу — или нѣтъ, а «утверждается» въ журналѣ, скрѣпя сердце, все же написалъ.

Съ архіепископомъ Сергіемъ мнѣ было тяжело. Отношенія съ

ректоромъ тоже не налаживались. Мое сближеніе съ воспитанниками онъ толковалъ превратно: я потакаю ихъ слабостямъ, ищу популярности. Мое стремленіе приручить молодежь, добиться какихъ-то человѣческихъ взаимоотношеній онъ не только не поддерживалъ, но, повидимому, видѣлъ въ немъ одно пагубное умаленіе авторитета начальства.

Въ ноябрѣ 96-го года у меня уже не было сомнѣній: оба мои начальника — архіепископъ и ректоръ — мною недовольны.

Въ первыхъ числахъ ноября неожиданно изъ Петербурга прибылъ ревизоръ, важный петербургскій чиновникъ (Докучаевъ). Ревизія должна была выяснить, насколько къ лучшему измѣнился духъ Владимірской семинаріи послѣ «чистки», и какихъ благихъ результатовъ добился новый инспекторъ.

Ректоръ и сейчасъ отзывался о семинаріи дурно, а я представилъ ревизору ея состояние нѣсколько въ иномъ освѣщеніи. Ревизоръ выслушалъ меня и недовѣрчиво улыбнулся: молодой монахъ...

— Вы въ Петербургѣ были? — спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ. Зачѣмъ?

— Ну такъ... себя показать, людей посмотрѣть.

Я понялъ, что вопросъ не праздный, а поставленъ сознательно, дабы выяснить, имѣю ли я въ Петербургѣ связи, а также, чтобы пощупать, нѣтъ ли у меня относительно Петербурга какихъ-нибудь честолюбивыхъ плановъ. Было ясно, что ректоръ далъ обо мнѣ неблагопріятный отзывъ: я инспекторъ мягкій, слабый, либеральнаго уклона, склонный скорѣй ученикамъ мирволить, нежели ихъ подтягивать.

Ревизоръ пришелъ на мой урокъ. Я былъ въ тотъ день въ нервномъ состояніи: наканунѣ у меня засѣла въ горлѣ рыбья кость, и хоть докторъ и вытащилъ ее щипцами, но я провелъ безсонную ночь, и у меня все еще болѣло горло.

Послѣ уроковъ ревизоръ пожелалъ посмотрѣть, чѣмъ семинаристовъ кормятъ, и попросилъ провести его въ столовыя.

Онѣ помѣщались подъ моей квартирой — мрачное помѣщеніе, соединенное съ лѣстницей длинными, неприглядными коридорами. Пищу семинаристы получали однообразную: круглый годъ по буднямъ щи и каша съ масломъ, по праздникамъ мясной супъ и иногда кусочекъ жаренаго мяса. Хлѣбъ выпекался въ семинаріи. Два семинариста старшихъ классовъ дежурили на кухнѣ, это былъ единственный способъ предупреждать кражи продуктовъ служащими, а также избѣгать нареканій семинаристовъ на недоброкачественность пищи. Дежурные могли жаловаться эконому или мнѣ, если находили непорядки или были недовольны продуктами. Отъ однообразія пищи у мальчиковъ развивался особо изощренный вкусъ: чуть мясо было не

совсѣмъ свѣжее или горчило масло, — они отказывались ѣсть. Масло доставляли въ липовыхъ кадкахъ, а потому иногда оно имѣло привкусъ древесины.

Въ тотъ день въ столовой собрался весь ареопагъ: ревизоръ, ректоръ, я. Первое блюдо прошло благополучно. Порядокъ подачи блюдъ былъ таковъ: супъ разливали всѣмъ по тарелкамъ, а кашу подавали въ эмалированныхъ чашкахъ, по одной на 4 ѣдока; ученики сами ее солили и замѣшивали масло. Это обычно сопровождалось громкимъ стукомъ ложекъ.

Стукъ ревизору не понравился.

— Какъ, о. инспекторъ, ваши нервы этотъ стукъ выносятъ! — замѣтилъ онъ.

Но тутъ произошло нѣчто похуже стука... Ребята попробовали кашу... — и положили ложки. Я это мгновенно замѣтилъ. Иду въ другую столовую, — та же исторія.

— Въ чемъ дѣло?

— Масло скверное!

— Что жъ дежурные во-время не предупредили?

Я стараюсь ихъ потихоньку образумить, обѣщаю къ чаю дать булокъ, напоминаю о важности момента: пріѣхалъ ревизоръ, надо исправить репутацію семинаріи, надо, чтобы все сошло гладко. Ученики какъ будто соглашаются. Однако, послѣ молитвы, когда накинувъ свои шинельки (они въ нихъ походили на почтовыхъ чиновниковъ), они направились по коридору къ лѣстницѣ, вдругъ чей-то басъ на весь коридоръ:

— Мы голодны!..

Ревизоръ испугался.

— Что это... — бунтъ?

Ему объяснили: они не ѣли кашу.

— Какъ не ѣли?

— Масло плохое...

Ревизоръ вернулся въ столовую и попробовалъ недоѣденную кашу.

— Чудное масло! Въ Петербургѣ такое — за обѣ щеки...

Я стараюсь заступиться, ссылаюсь на однообразіе пищи, на изощренный вкусъ: можетъ быть, масло отдаетъ кадкой?..

Я собралъ потомъ семинаристовъ и долго ихъ отчитывалъ: неужели они не понимаютъ, что я хотѣлъ ихъ поднять въ глазахъ ревизора? почему они все испортили?..

Семинаристы растерялись.

— Что дѣлать?

— Надѣлаете глупостей, а потомъ «что дѣлать?»

Я посовѣтовалъ отправить къ ректору делегацію — просить прощенье за глупую выходку.

Непріятность какъ-то улеглась, но неблагопріятное впечатлѣніе обо мнѣ у ревизора, вѣроятно, осталось. Отзывы архіепископа Сергія и о. Никона тоже не могли быть въ мою пользу. Какъ это отразится на моей судьбѣ, я еще не зналъ: ревизоръ уѣхалъ на ревизію въ Муромскій уѣздъ и долженъ былъ вернуться лишь черезъ мѣсяцъ. Но еще до его возвращенія произошло событіе, опредѣлившее мою дальнѣйшую судьбу. Объ этомъ я разскажу послѣ.

Владимірскій періодъ моей жизни былъ тяжелъ и труденъ. Я изнемогалъ подъ бременемъ возложенной на меня отвѣтственности, не зналъ, какъ и справиться со сложной задачей воспитанія молодежи.

Мнѣ хотѣлось внести въ юныя души лучъ свѣта, ихъ согрѣть, возбудить любовь къ добру. Приходилось дѣйствовать осторожно: дѣти чутки къ малѣйшей несправедливости, ихъ обижаетъ пристрастность. Надо было внимательно относиться къ каждому своему шагу, каждому слову; быть щепетильно справедливымъ; выработать въ себѣ тактъ. Иногда случалось, что грубому прощаешь больше, дабы его приручить, а кроткаго, нѣжнаго мальчика, если и приласкаешь, то крайне сдержанно во избѣжаніе нареканій, что у тебя есть «любимчики». Нужно было находить какую-то мѣру и въ строгости и въ мягкости. Я отнималъ водку отъ семинаристовъ и строго имъ выговаривалъ, но безъ огласки. Когда въ епархіальномъ общежитіи сторожа, передвигая столы, обнаружили поддѣланную снизу полку (оттуда вывалилась охапка запрещенныхъ книгъ)*), я дѣло разслѣдовалъ въ частномъ порядкѣ. Бывало, вечеромъ обходишь въ туфляхъ дортуары, — и вдругъ слышишь: «Ахъ, если бы я тебѣ туза подсунулъ!» Явно, — семинаристы потихоньку играютъ въ карты. А я и окликну ихъ: «Да, да, хорошій ходъ!» Смятеніе...

Если была возможность за мальчиковъ заступиться, отвести жестокую репрессивную мѣру, я это дѣлалъ. Популярности я не искалъ, — говорю это вполнѣ сознательно, — а только молодежь очень жалѣлъ.

Подъ вліяніемъ тяжелыхъ воспоминаній дѣтства, озлобленныя сердца, исковерканные характеры, страстный, слѣпой протестъ противъ окружающей жизни, — вотъ съ какими душами приходилось имѣть дѣло. Случалось, въ семинарію поступали не испорченные, хорошіе мальчики, но какъ быстро они подпадали подъ вліяніе

*) Въ числѣ ихъ — рукопись семинариста Неаполитанскаго: отъ руки переписанный романъ Чернышевскаго «Что дѣлать?».

старшихъ товарищей, усваивали ихъ вкусы и нравы, заражались революціонными идеями... И все же въ глубинѣ ихъ юныхъ душъ таилось стремленіе къ добру. Я понималъ, почему они хватаются за Успенскаго, Златовратскаго... Въ нелегальной литературѣ они находили удовлетвореніе потребности, хоть въ воображеніи, прикоснуться къ какой-то справедливой, свѣтлой жизни. Скрытую сложную причину ихъ настроеній я улавливалъ, моя жалость ею и объяснялась.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по пріѣздѣ во Владиміръ, мнѣ довелось встрѣтиться по долгу службы съ тѣмъ самымъ С., который чуть было не зарубилъ ректора топоромъ.

Однажды вечеромъ сижу у себя, что-то читаю, — и вдругъ звонокъ. Открываю дверь, — на порогѣ незнакомый человѣкъ.

— Я — С.... Меня выпустили, мнѣ нуженъ документъ изъ семинаріи, гдѣ я учился...

Сначала мнѣ было съ нимъ жутко, а потомъ вижу, — ничего злого въ немъ нѣтъ. Я выдалъ документъ. Въ рубрикѣ «поведеніе» было написано, какъ въ такихъ случаяхъ полагается: — «безъ поведенія».

Была коренная фальшь въ участи моихъ воспитанниковъ. Молодежь, въ большинствѣ своемъ стремившаяся на просторъ свѣтской школы, втискивалась въ учебное заведеніе, весь строй котораго былъ церковный. Придешь, бывало, на молитву — въ огромномъ залѣ стоятъ человѣкъ 300-400, и знаешь, что 1/2 или 1/3 ничего общаго съ семинаріей не имѣетъ: ни интереса, ни симпатіи къ духовному призванію. Поютъ хоромъ молитвы, а мнѣ слышится, что поютъ не съ религіознымъ настроеніемъ, а со злымъ чувствомъ; если бы могли, разнесли бы всю семинарію...

Дѣти, забота о нихъ, были единственнымъ смысломъ моей жизни. Постепенно я съ ними сживался, мы сближались, они замѣнили мнѣ семью. Чувствуя мою заботу, стремленіе ихъ защитить, имъ помочь, нѣкоторые юноши поддавались вліянію, выпрямлялись. Когда случалось видѣть, что наши добрыя взаимоотношенія приносятъ хорошіе плоды, я испытывалъ радость нравственнаго удовлетворенія.

Внѣ этихъ проблесковъ моя жизнь была непрерывнымъ, всепоглощающимъ трудомъ. Безконечныя, сѣренькія будни...

Проснешься, бывало, — торопишься къ утренней молитвѣ (въ 7 час. утра); потомъ наблюдаешь за утреннимъ чаепитіемъ, самъ наскоро пьешь; послѣ чая надо давать уроки или выяснять, кто не пришелъ и почему; замѣняешь отсувствующаго преподавателя, а тамъ обѣдъ — и краткій роздыхъ; съ 4-хъ часовъ, смотришь, снова завертѣлась машина: приготовленіе семинаристами уроковъ... нужно освѣдомиться, кто какое сочиненіе пишетъ... выслушать помощни-

ковъ, дать имъ распоряженія... Потомъ ужинъ, вечерняя молитва, обходъ дортуаровъ... Такъ изо дня въ день.

Къ концу года я совсѣмъ измотался. Даже архіерей мое состояніе замѣтилъ и посовѣтовалъ:

— Ѣшьте больше рису. Прекрасная пища, и варится одинъ часъ.

Нашъ докторъ настоялъ, чтобы я съѣздилъ въ Москву къ профессору А. А. Остроумову; тотъ нашелъ крайнее переутомленіе и предписалъ отдыхъ. Я едва до каникулъ дотянулъ.

Второй годъ моего инспекторства былъ значительно легче. Съ семинаристами установились въ общемъ доброжелательныя отношенія. Они мнѣ довѣряли и кажется, любили. Сошелся я ближе и съ преподавателями; съ нѣкоторыми изъ нихъ даже завязалась дружба. Помню одного преподавателя математики Рудольфа (изъ русскихъ нѣмцевъ, окончившихъ русскій университетъ), онъ все меня утѣшалъ и успокаивалъ, совѣтуя не бояться гнѣва архіепископа Сергія и увѣряя, что онъ и на него наскакивалъ, «какъ Чингисъ-Ханъ»; вскорѣ мнѣ пришлось хоронить этого свободолюбиваго преподавателя. Познакомился я и съ нѣкоторыми представителями Владимірскаго духовенства. Иногда вечеромъ я выѣзжалъ въ городъ къ какому-нибудь протоіерею или преподавателю чайку попить. Но это случалось очень рѣдко; трудно бывало оторваться отъ семинаріи.

Инспекторская служба во Владимірѣ — первые годы моего монашества. Наслаждаться его ароматомъ приходилось мало. И углубляться душою въ монашескій идеалъ тоже не удавалось. Не хватало ни времени, ни силъ, чтобы придти въ себя, подумать, сосредоточиться. Со своимъ монашествомъ наединѣ я оставался лишь передъ сномъ. Придешь, бывало, подумаешь, но усталой, не свѣжей, мыслью; начнешь молиться, — сказывается утомленіе. Можетъ быть, я чрезмѣрно усердствовалъ въ работѣ, могъ кое-что поручить и помощникамъ, чтобы имѣть часы досуга, но ужъ очень мнѣ хотѣлось семинарію поднять...

Обстановка была не монашеская, хотя внѣшній укладъ былъ церковный. Ректоръ — монахъ по неволѣ — духовно помочь мнѣ не могъ. Оставалось одно богослуженіе. Церковныя службы давали мнѣ много, онѣ оживляли самое чувство духовнаго единства со Св. Церквью, укрѣпляли, утѣшали... Какъ я скорбѣлъ, когда въ самые то святые страстные дни тяжко занемогъ! Лежу въ 40° жару, внизу спѣвка, поютъ «Чертогъ...», «Благообразный Іосифъ...», «Се женихъ грядетъ въ полуночи...», а я лишенъ единственной моей радости... Я даже всплакнулъ. Умолилъ доктора позволить мнѣ встать къ заут-

ренѣ. Служилъ весь въ испаринѣ отъ слабости, едва держась на ногахъ. Послѣ службы въ изнеможеніи дотащился къ себѣ и опять слегъ. Проболѣлъ всю Пасхальную недѣлю.

Казенный укладъ жизни томилъ меня и физически и нравственно, зато когда случайно мнѣ удавалось изъ него вырваться, — какой это былъ свѣтлый праздникъ!

Такимъ чуднымъ днемъ оказались какъ-то разъ мои именины (13 февраля). Наканунѣ ректоръ спросилъ меня:

— Будете именины справлять?

— Отпустите меня на этотъ день въ Боголюбовъ монастырь... — попросилъ я.

И вотъ я ѣду на семинарской лошадкѣ. Чувствую себя вольной птицей, дышу полной грудью... Тяжелую ношу точно кто-то съ плечъ снялъ!

Боголюбовъ монастырь (въ 10-ти верстахъ отъ Владиміра), большой, богатый, благообразный. Настоятелемъ его былъ епископъ Платонъ, викарій преосвященнаго Сергія. Простой, добрый человѣкъ, онъ такъ боялся архіерея, что не смѣлъ и шагу ступить безъ его благословенія.

Я пробылъ въ монастырѣ два дня. Сразу слился съ монастырской жизнью, погрузился въ любимую религіозную стихію. Я чувствовалъ себя въ раю...

Лѣтомъ 96-го года я воспользовался каникулами (мнѣ полагался 1 мѣсяцъ) и побывалъ на Всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ и въ Кіевѣ. Мнѣ хотѣлось познакомиться съ кіевскими монастырями и встрѣтиться съ моимъ тезкой, архимандритомъ Евлогіемъ, настоятелемъ Выдубицкаго монастыря. Въ Кіевѣ я никогда не былъ, а въ то лѣто прожилъ тамъ двѣ недѣли. Чудный край! Чудные монастыри!

Архимантритъ Евлогій, освѣдомленный, что я названъ въ его память, встрѣтилъ меня радушно. Жилъ я въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Меня въ ней поразило необычайное разнообразіе проявленій монастырской жизни. Монашество съ золотыми крестами, важное, заслуженное, занимало административные посты, завѣдывало типографіей и издательствомъ, а подлинные подвижники — цвѣтъ кіево-печерскаго монашества — трудились въ пещерахъ. Они приводили въ порядокъ подземные ходы, протирали и промывали стѣны: на нихъ постоянно проступала вода, заводилась плѣсень. Тяжелый подвигъ несли пещерные монахи...

Въ Лаврѣ были прекрасные духовники-старцы; съ ними пріѣзжіе спѣшили побесѣдовать.

Кіевъ и кіевскіе монастыри оставили на мнѣ глубокій слѣдъ.

Закончилъ я каникулы поѣздкой по Днѣпру, въ Черниговъ. Въ

тотъ годъ (96 г.) были открыты мощи святителя Феодосія Черниговскаго, и мнѣ захотѣлось побывать у его гробницы.

Это лѣтнее паломничество по монастырямъ показало мнѣ, что живая струя монашества въ душѣ моей не изсякла. Я чувствовалъ себя плохимъ монахомъ — монахомъ въ міру, безъ подвиговъ совершанія, но все же за четки я держался и монашескій идеалъ въ душѣ своей хранилъ...

Въ тѣ годы все мое монашеское служеніе сводилось къ отреченію отъ личной воли, личной жизни, къ самоотдачѣ порученному мнѣ дѣлу.

Случалось мнѣ принимать нѣкоторое участіе и въ культурно-просвѣтительной дѣятельности города. Предубѣжденіе противъ меня городского общества со временемъ исчезло. Ко мнѣ пріѣхала губернаторша и просила меня вести «душеспасительныя бесѣды» въ Домѣ Трудолюбія. Аудиторіей моей тамъ были волжскіе грузчики. Послѣ закрытія навигаціи они разбредались по ближайшимъ къ Волгѣ городамъ, и эту буйную вольницу, праздную и гулливую, губернская администрація старалась привлечь въ Дома Трудолюбія. Слушатели мои на «бесѣдахъ» дремали, и скоро я убѣдился, что душеспасительнымъ словомъ ихъ не проймешь.

Послѣ отъѣзда ревизора (въ первыхъ числахъ ноября 96 г.) потянулась обычная будничная жизнь. Докладъ о ревизіи еще законченъ не былъ, и какія она будетъ имѣть для меня послѣдствія, предугадать было трудно.

Ранней осенью я получилъ письмо отъ преподавателя Холмской семинаріи іеромонаха Антонина, которому не придалъ никакого значенія. «Ваше назначеніе въ ректоры Холмской семинаріи состоялось 8-го сентября...», писалъ онъ. Далѣе онъ разсказывалъ, что на праздникъ Рождества Богородицы въ Холмъ пріѣхали Саблеръ и архіепископъ Варшавскій Флавіанъ, и было рѣшено сдѣлать ректора архимандрита Тихона*) епископомъ Люблинскимъ, викаріемъ Холмско-Варшавской епархіи, а на освободившееся мѣсто назначить меня. Саблеръ и архіепископъ Флавіанъ, яко-бы, высказались за мою кандидатуру. Такъ какъ Саблеръ видѣлъ меня всего одинъ разъ (правда, при посѣщеніи нашей семинаріи онъ отнесся ко мнѣ доброжелательно и ласково), а архіепископъ Флавіанъ никогда меня не встрѣчалъ, — письмо показалось мнѣ несерьезнымъ. Я рѣшилъ, что о. Антонинъ надо мною подшутилъ, и про письмо совсѣмъ позабылъ.

Каково было мое удивленіе, когда 22-го ноября въ 8 часовъ

*) Впослѣдствіи Патріархъ Московскій и всея Руси.

утра я вдругъ получаю телеграмму отъ Саблера: «Поздравляю ректоромъ Холмской семинаріи». Тутъ только вспомнилось письмо о. Антонина.

Въ полдень всѣ мы, преподаватели, собрались въ учительской — обсуждаемъ необычайную новость. Меня спрашиваютъ: гдѣ же Холмъ? А я, инспекторъ семинаріи, самъ не знаю, гдѣ онъ. Мой помощникъ увѣряетъ, что въ телеграммѣ опечатка: надо читать не «Холмской», а «Ковенской». Кто-то принесъ географическую карту, и мы принялись разыскивать неизвѣстный городъ. Въ эту минуту вошелъ ректоръ съ бумагой въ рукѣ.

— О. инспекторъ, я къ вамъ съ новостью... Вы назначаетесь ректоромъ Холмской семинаріи.

Одновременно узнаю, что, по распоряженію архіепископа Сергія, завтра въ Рождественскомъ монастырѣ*) меня посвящаютъ въ архимандриты.

У меня нѣтъ ни креста, ни митры. Я ѣду въ Рождественскій монастырь примѣрять старыя митры; нашелъ болѣе или менѣе по головѣ, но тяжеленнѣйшую. А крестъ мнѣ продалъ настоятель Боголюбскаго монастыря епископъ Платонъ.

Архіепископъ Сергій, повидимому, хотѣлъ отъ меня какъ можно скорѣй отдѣлаться и поторопился съ посвященіемъ. Назначеніемъ моимъ былъ недоволенъ.

— Мальчишку — въ ректоры!

Прощаніе съ семинаріей было трогательное. Семинаристы плакали... поднесли икону, Евангеліе на 4-хъ языкахъ, умоляли передъ отъѣздомъ навѣстить ихъ товарищей въ больницѣ... Преподаватели устроили большой обѣдъ. Было много теплыхъ рѣчей. Вскорѣ вернулся во Владиміръ, послѣ обозрѣнія уѣздныхъ духовныхъ училищъ, ревизоръ. Встрѣтить меня архимандритомъ, да еще ректоромъ Холмской семинаріи, онъ никакъ не ожидалъ и говорилъ со мною съ холодкомъ, съ легкой усмѣшкой...

Ректоръ о. Никонъ, ко мнѣ не благоволившій, теперь сталъ жалѣть, что я покидаю семинарію.

— Не лучше ли было бы вамъ остаться, а придетъ время, — меня бы замѣнили?**).

Я къ дѣлу своему привыкъ, къ дѣтямъ привязался, разставаться съ ними было тяжело, но въ Холмъ мнѣ ѣхать было нужно, впослѣдствіи я это понялъ ясно.

Передъ отъѣздомъ я сказалъ семинаристамъ въ церкви «сло-

---

*) Тамъ сначала хранились мощи св. Александра Невскаго. Петръ Великій перевезъ ихъ въ Петербургъ.

**) Впослѣдствіи о.Никонъ былъ Экзархомъ Грузіи Въ 1911 г. его убили грузинскіе сепаратисты.

во». Вотъ основная его мысль: они — моя семья, мои друзья; одинокій человѣкъ, безъ семьи и знакомствъ, я лишь въ нихъ находилъ смыслъ и полноту моей монашеской жизни... — Такъ это и было, упрекнуть себя въ рисовкѣ не могу.

Я сдѣлалъ прощальные визиты преподавателямъ и духовенству — и выѣхалъ черезъ Москву въ Петербургъ.

Ректоръ семинаріи

(1897 — 1902)

ГЛАВА IX

Въ Москвѣ я свидѣлся съ братомъ и купилъ дешевую митру. Къ родителямъ не поѣхалъ, — спѣшилъ въ Петербургъ.

По пріѣздѣ въ столицу, я прежде всего сдѣлалъ визитъ В. К. Саблеру: мое назначеніе состоялось не безъ его участія.

В. К. Саблеръ принималъ съ 8-ми часовъ утра. Въ пріемной я засталъ уже много посѣтителей, тутъ были архимандриты, простые монахи, монахини, странники, священники... Сидятъ и терпѣливо ждутъ выхода важнаго сановника. Ко мнѣ подошелъ какой-то архимандритъ. Разговорились. Онъ оказался бывшимъ намѣстникомъ Провинность его заключалась въ слѣдующей бѣдѣ.
Почаевской Лавры, осужденнымъ на ссылку въ дальній монастырь.

Почаевская Успенская Лавра — бывшее уніатское гнѣздо — досталась Россіи по второму раздѣлу Польши въ царствованіе Екатерины II-ой. Она красиво расположена на высокой горѣ, а соборъ ея построенъ надъ крутымъ обрывомъ, на самомъ его краю. Императоръ Николай I-ый опредѣлилъ его положеніе мѣткимъ словомъ: «дерзкая постройка». Передъ Лаврой — терасса, оттуда открываются широкія дали вплоть до предѣловъ Галиціи, и виденъ уніатскій галиційскій монастырь «Подкаменье». Этотъ монастырь былъ основанъ послѣ утраты уніатами Почаевской Лавры. Имъ хотѣлось возмѣстить потерю, они даже попытались скопировать почаевскую святыню. Въ Лаврѣ на скалѣ есть выемка въ формѣ ступни лѣвой ноги, въ ней всегда скапливается вода, и населеніе считаетъ ее цѣлебной. Мѣстная легенда гласитъ, что Почаевъ посѣтила Богородица: выемка — слѣдъ ея ноги.

«Пасли пастыри овцы на гори,
Гдѣ стояла Божья Мати;
Тамъ воду берутъ,
Всѣмъ людямъ даютъ...».

Такъ, въ своемъ безыскуственномъ творчествѣ, поетъ народъ, прославляя свою великую народную святыню — св. гору Почаевскую.

Уніаты въ «Подкаменьѣ» тоже выдолбили выемку, придавъ ей форму ступни правой ноги, и связали съ той же легендой.

Близость Почаевской Лавры къ Галиціи имѣла ту хорошую сторону, что галичане-уніаты, всегда тяготѣвшіе къ вѣрѣ своихъ отцовъ — къ православію, легко перебѣгали черезъ границу на поклоненіе Почаевской Святынѣ. Послѣ изгнанія уніатовъ въ народѣ стали ходить слухи, что, уходя, они зарыли подъ колокольней кладъ. Этотъ слухъ съ теченіемъ времени пріобрѣлъ стойкость убѣжденія и продержался многія десятилѣтія. Кто-то вздумалъ напомнить о зарытомъ кладѣ архіепископу Модесту, — и было рѣшено подъ колокольню подкопаться. Подъ руководствомъ намѣстника начались работы. Вскорѣ возникла опасность, что колокольня можетъ рухнуть. Въ Лавру наѣхали инженеры, — и замыслу ужаснулись... Епископъ Подольскій Иріней (б. Тульскій, постригавшій и рукополагавшій меня) по указу Св. Синода пріѣхалъ производить слѣдствіе; намѣстника Лавры обвинили въ пассивности: ему слѣдовало проявить инициативу, протестовать противъ неразумнаго плана... — словомъ, виноватымъ оказался стрѣлочникъ, и бѣднаго архимандрита рѣшили сослать въ дальній монастырь.

Всѣ свои бѣды онъ мнѣ повѣдалъ въ пріемной, ожидая выхода Товарища Оберъ-Прокурора.

Тутъ появился Саблеръ... Примѣтивъ меня въ толпѣ, онъ радушно меня привѣтствовалъ и повлекъ въ свой кабинетъ. Сталъ говорить о Холмщинѣ, о Варшавскомъ архіепископѣ Флавіанѣ, о его викаріи, — епископѣ Тихонѣ, бывшемъ ректорѣ, который семинарію отлично поставилъ. Разговоръ съ Саблеромъ меня окрылилъ. Затѣмъ онъ пожелалъ мнѣ представить целибатнаго священника-галичанина о. Димитрія Гебея, желавшаго принять православіе, и поручилъ имѣть въ будущемъ его въ виду для Холмской семинаріи.

Другой неотложный визитъ былъ къ Петербургскому митрополиту Палладію. Доступъ къ нему оказался труденъ: чтобы попасть на пріемъ, надо было прождать нѣсколько дней. Секретарь его Тихомировъ, бритый, добрый, расторопный старецъ, посовѣтовалъ мнѣ пріема не дожидаться, а придти въ указанный имъ часъ и посидѣть въ канцеляріи: митрополитъ черезъ эту комнату прослѣдуетъ, тутъ я ему и представлюсь.

Сижу, жду... Вдругъ слышу шуршанье шелка, вижу бѣлый клобукъ, блескъ, сіяніе... — и я бухъ въ ноги!

— Вы кто? — спросилъ митрополитъ.

— Я вновь назначенный ректоръ Холмской семинаріи...

— Вы собираетесь ѣхать? Въ часъ добрый...

И митрополитъ проплылъ дальше.

Пользуясь пребываніемъ въ Петербургѣ, я зашелъ въ семинарію для информаціи, какъ она поставлена. Все мнѣ показалось культурно, чисто, благоустроено. Инспекторъ, іеромонахъ Сергій, освѣдомилъ меня о ея порядкахъ и постановкѣ учебнаго дѣла. Съ достопримѣчательностями Петербурга я не очень знакомился. На извозчикѣ проѣхался по Невскому, зашелъ въ Казанскій соборъ, въ Исакіевскій, побывалъ у Спасителя... Провелъ въ Петербургѣ дня 3-4 и направился въ Холмъ черезъ Варшаву, гдѣ мнѣ нужно было представиться архіепископу Флавіану.

Уже въ вагонѣ, подъѣзжая къ Варшавѣ, нахлынули первыя впечатлѣнія новизны и чуждости. Моя спутница, дама съ ребенкомъ, выходила на какой-то станціи, я помогъ ей открыть дверь, она поблагодарила меня по-польски. Пріѣхалъ въ Варшаву — извозчики, упряжь, говоръ, люди какой-то особой складки... — все иное, все по другому, чѣмъ у насъ. Новый, невѣдомый мнѣ край. Своего рода «за-граница».

Я добрался до архіерейскаго дома и сказалъ швейцару, чтобы онъ меня провелъ къ архіерейскому эконому (съ чемоданами прямо къ архіерею я побоялся). Экономъ засуетился, сталъ угощать чаемъ. Прослышавъ о моемъ пріѣздѣ, меня пригласилъ къ себѣ смотритель мѣстнаго духовнаго училища (В. Н. Щеголевъ). Встрѣтилъ въ вицъ-мундирѣ, принялъ съ той особой почтительной любезностью, которая подчеркиваетъ неравныя служебныя положенія. Отъ него я узналъ, что архіепископъ Флавіанъ поѣхалъ поздравлять супругу генералъ-губернатора кн. Анну Александровну Имеретинскую со днемъ ангела, и мнѣ придется подождать его возвращенія.

Встрѣча съ высокопреосвященнымъ Флавіаномъ оставила во мнѣ самое благопріятное впечатлѣніе. Онъ былъ необычайно со мной ласковъ.

— А мы всѣ васъ заждались... Я очень радъ. Наконецъ-то вы пріѣхали... Преосвященный Тихонъ все меня запрашивалъ: когда-же о. ректоръ пріѣдетъ?

Онъ пригласилъ меня къ завтраку. Тонъ его разговора, привѣтливый, ласковый, непринужденный, искреннее доброжелательство, которое въ немъ чувствовалось, были для меня пріятной неожиданностью, — я воспрянулъ духомъ. Вотъ что значитъ доброе отношеніе!

Послѣ завтрака я былъ приглашенъ къ смотрителю. Онъ созвалъ учителей, друзей, устроилъ ужинъ. Потомъ всѣ меня проводили на вокзалъ. Владыка Флавіанъ приказалъ отвезти меня въ сво-

ей каретѣ. Прощаясь со мной, пригласилъ пріѣхать къ нему на нѣсколько дней на Рождествѣ.

— Тогда вы разскажете ваши впечатлѣнія о семинаріи.

Какъ мимолетно мое пребываніе въ Варшавѣ ни было, я успѣлъ почувствовать нѣчто для меня новое въ отношеніяхъ людей. Очевидно, положеніе ректора Холмской семинаріи считалось здѣсь высокимъ, и я въ ихъ глазахъ былъ «важной персоной».

Въ Холмъ я прибылъ утромъ, часовъ въ 8. На перронѣ меня встрѣтилъ инспекторъ о. Игнатій со своимъ помощникомъ и экономомъ. Со всѣхъ сторонъ: о. ректоръ!.. о. ректоръ!.. На лицахъ улыбки, на устахъ привѣтствія... У подъѣзда вокзала пара лошадей — отнынѣ мой собственный ректорскій выѣздъ.

Подкатили меня къ семинаріи. Новенькая, чистенькая, вокругъ огромный садъ-паркъ для семинаристовъ; отдѣльный ректорскій садъ съ фруктовыми деревьями, съ особымъ садовникомъ...

Ввели меня въ ректорскую квартиру. Она оказалась большой (5 комнатъ) и прекрасно обставленной. Какъ мало напоминала она владимірскую мою «пустыню»! — Явился экономъ. «Прикажете чаю? кофе?»

Въ первый же перерывъ между уроками ко мнѣ пожаловала учебная корпорація въ застегнутыхъ мундирахъ. О. инспекторъ представилъ всѣхъ преподавателей поочереди. Я сказалъ имъ нѣсколько словъ приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Я очень радъ васъ видѣть, господа... Моимъ девизомъ будутъ слова псалма: какъ хорошо, и какъ пріятно жить братьямъ вмѣстѣ...» Потомъ о. инспекторъ сказалъ, что надо съѣздить къ преосвященному Тихону, который предложилъ мнѣ пріѣхать прямо къ обѣду.

Епископъ Тихонъ, добрый, веселый, привѣтливый, встрѣтилъ меня радушно.

— Я такъ вамъ радъ...

Завязалась бесѣда, мы хорошо поговорили. Я почувствовалъ себя въ той братской атмосферѣ, въ которой нѣтъ и тѣни покровительственной ласки. Я понялъ, что всякую офиціальность въ отношеніяхъ, къ которой я привыкъ во Владимірѣ, надо отбросить и къ моему новому начальству надо относиться попросту, съ открытой душой.

Вечеромъ я присутствовалъ на молитвѣ семинаристовъ. Первая съ ними встрѣча... О. инспекторъ обратился къ ученикамъ:

— Вотъ новый ректоръ... Надѣюсь, вы оставите доброе впечатлѣніе.

Я тоже сказалъ нѣсколько словъ. — Этимъ заключился день моего пріѣзда въ Холмъ.

Прежде чѣмъ говорить о моей ректорской службѣ въ семинаріи, я скажу нѣсколько словъ о Холмѣ и Холмщинѣ.

Холмъ — скромный уѣздный городокъ, Люблинской губ., съ польско-еврейскимъ населеніемъ, съ налетомъ польской культуры и на русскихъ горожанахъ. Расположенъ онъ въ низинѣ, а надъ нимъ, на высокой горѣ, бѣлый кафедральный соборъ, видный еще издали, когда подъѣзжаешь къ городу.

Историческое преданіе связываетъ основаніе Холма съ именемъ князя Владиміра. На охотѣ въ лѣсахъ онъ заблудился и набрелъ на мѣсто, которое ему такъ понравилось, что онъ рѣшилъ основать городъ, построить церковь и пожертвовать ей икону Божьей Матери, одну изъ того богатства иконъ, которымъ его снабдили греки при крещеніи. Она написана на полотнѣ, наклеенномъ на доску. По мнѣнію академика Соболевскаго, письмо этой иконы несомнѣнно греческое IX-X-го вѣка. Икона эта явилась историческимъ знаменемъ Холмщины. Съ нею связана была вся ея горькая судьба на протяженіи многихъ вѣковъ; она пережила нашествіе татаръ: они сорвали съ нея золотую ризу и нанесли ударъ какимъ-то острымъ оружіемъ, отъ котораго на ликѣ остался большой шрамъ; нѣсколько разъ икону забирали католики; не разъ ея скрывали отъ похитителей, закапывая въ землю; и все же она сохранилась до настоящаго времени... Съ грустной лаской взираетъ Богоматерь на свой страдальческій народъ...

«Пречистая Дѣво, Мати Холмскаго краю,
Яко на небѣ, такъ на землѣ Тя я величаю»,

трогательно поютъ люди православные свои простыя, безыскусственныя, но изъ глубины наболѣвшей души льющіяся пѣсни. Или:

«Мати милосердія, море щедротами, буди милостива къ бѣднымъ сиротамъ...».

Къ историческимъ памятникамъ прошлаго относится и насыпной холмъ, гдѣ когда-то стоялъ дворецъ кн. Даніила Романовича Галицкаго. Археологическія раскопки обнаружили мозаичные полы, предметы домашняго обихода и проч. Когда городъ посѣтили генералъ-губернаторъ Гурко, славный герой славянской войны, и Варшавскій архіепископъ Леонтій, они обратили вниманіе на этотъ холмъ.

— Эхъ, поставить бы тамъ пушку! — сказалъ Гурко.

— Солдатъ по-солдатски разсуждаетъ, — замѣтилъ архіепископъ, а я бы тамъ колокольню построилъ!

— А понамарь по-понамарски думаетъ, — возразилъ Гурко.

На вершинѣ этой горы стояла небольшая, но очень красивая, какъ бомбаньерка, церковь, во имя св. равноапостольныхъ Кирилла

и Меѳодія, построенная въ память возсоединенія Холмскихъ уніатовъ съ православіемъ въ 1875 году. Увы, уже въ самые послѣдніе годы, когда образовалась новая Польша, она почему-то полякамъ помѣшала, и они, (говорятъ, въ четвергъ Страстной недѣли) взорвали ее динамитомъ, какъ и много другихъ храмовъ въ Холмщинѣ.

Холмщина примыкала къ этнографической польской границѣ. Населеніе ея были малороссы. По мѣрѣ расширенія предѣловъ польскаго королевства усиливалась и полонизація Холмскаго края. Однимъ изъ могущественныхъ факторовъ польской національной политики была католическая церковь. Въ XVII-мъ вѣкѣ помѣщичьи и дворянскія фамиліи изъ-за государственныхъ выгодъ переходили въ католичество (Шептицкіе, Пузины, Потоцкіе, Четвертинскіе и др...). Вѣрными православію оставались лишь «хлопъ да попъ». Тогда начали морально обезсиливать высшее православное духовенство въ расчетѣ, что оно увлечетъ за собой и простой народъ. Брестская унія 1596 г., подписанная епископами, измѣнившими православію, Кирилломъ Терлецкимъ, Игнатіемъ Поцѣй и др., постановила переходъ Холмщины въ унію. XVI-XVII вѣка — тяжелыя времена для народа: его вѣру безпощадно преслѣдовали; онъ долго боролся за свою религіозную свободу, за православіе. Однако, два вѣка гнета не прошли безслѣдно для народной души. Гоненіе на вѣру и крѣпостное право (панщина), которое проявлялось въ формахъ болѣе жестокихъ, нежели въ Великороссіи, превратили народъ въ забитаго раба, который ломаетъ шапку передъ каждымъ паномъ, унижается, готовъ цѣловать ему руки...

Послѣ перваго раздѣла Польши (1773) постепенно поднимается обратная волна. Сначала Подолія, Волынь, потомъ Литва (1839) и наконецъ Холмщина — потянулись къ своему исконному родному православію. А въ 1875 г. православные приходы Холмщины уже подали императору Александру II-му петицію о возсоединеніи съ Православной Церковью.

При возсоединеніи допущено было много ошибокъ. Не посчитались съ народной душой. Вмѣшалась администрація: губернаторы, полиція... стали народъ загонять въ православіе. Многіе приходы переходили фиктивно; появились, такъ называемые «упорствующіе», — лишь на бумагѣ православные люди, а по существу тѣ же уніаты. Въ условіяхъ фиктивнаго возсоединенія съ Православной Церковью они лишь дичали, тянулись къ католическому зарубежью, а съ мѣстными православными духовными властями ладили путемъ хитрыхъ уловокъ. Иногда изъ Галиціи перебѣгали къ нимъ уніатскіе священники и тайно, по ночамъ, ихъ «окормляли».

Религіозная и народная жизнь Холмщины была сложная. Въ ней скрещивались и переплетались разнородныя религіозныя теченія, воз-

дѣйствія разныхъ культурныхъ наслоеній, обусловленныя всѣмъ историческимъ прошлымъ этого края: Русь и православіе — какъ историческій фундаментъ; Польша и католичество въ видѣ уніи — какъ дальнѣйшее наслоеніе, заглушавшее первоначальную стихію народной жизни и изломавшее душу народа, его языкъ, бытъ и весь укладъ. Населеніе Холмщины — прекрасный народъ, съ сильнымъ религіознымъ чувствомъ, но, какъ я уже сказалъ, съ изломанной душой: сначала (въ XVI-XVII в.) насильно загоняли его въ унію, потомъ въ 1875 г. онъ возвратился къ старому прадѣдовскому православію. Къ сожалѣнію, наше духовенство не всегда отличалось умѣньемъ поставить на должную высоту задачи миссіонерства. Первый послѣ уніи Варшавскій митрополитъ Іоанникій, прямолинейный митрополитъ Леонтій, викарій его Маркелъ Пепель (бывшій галичанинъ-уніатъ), и наконецъ, епископъ Флавіанъ, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій, — очень ревновали о чистотѣ православнаго обряда, но не всегда такая ревность была умѣстна. Правда, уніаты исковеркали наше богослуженіе и обряды настолько, что еще десятокъ-другой лѣтъ — и отъ ихъ первоначальныхъ формъ не осталось бы и слѣда. Правительство, въ лицѣ гр. Милютина и кн. Черкасскаго, во время спохватилось. Но нужна была широкая терпимость, отличающая важное отъ второстепеннаго, дабы понапрасну не возникало серьезныхъ конфликтовъ. Примѣромъ подобнаго рода столкновеній можетъ служить распря изъ-за направленія крестныхъ ходовъ: православные изъ уніатовъ ходили слѣва направо («посолонь»), а наши — справа налѣво; обѣ волны сталкивались, — дѣло доходило до жестокихъ схватокъ, до дракъ крестами... Тогда начальство запретило крестные ходы вообще. Въ народѣ поднялся ропотъ: какъ быть безъ крестныхъ ходовъ, у католиковъ они есть, а намъ не позволяютъ... и т. д.

Съ этими своеобразными проявленіями религіозной жизни въ Холмщинѣ я познакомился впослѣдствіи, а поначалу весь отдался ректорскимъ обязанностямъ.

Холмская семинарія отличалась многими особенностями. Процентной нормы для дѣтей лицъ духовнаго званія здѣсь не существовало, какъ это было въ коренныхъ русскихъ епархіяхъ, гдѣ 90% семинаристовъ были сыновья духовенства; въ Холмѣ-же до 75% были дѣти мелкихъ чиновниковъ, зажиточныхъ крестьянъ, учителей... Мѣстные священники имѣли достатокъ, и обычно отдавали своихъ сыновей въ гимназіи; только псаломщики держались семинаріи. Одна Холмская семинарія была въ Россіи не кастовая. Она отвѣчала ясно поставленной властью задачѣ — привлечь въ духовное званіе дѣтей изъ народа, чтобы священникъ былъ ему «свой». Наши семинаристы внутри Россіи страдали отъ обособленности, оста-

звались «бурсаками», «поповскими дѣтьми», и свою отчужденность отъ общества часто переживали, какъ тяжкое ограниченіе своихъ человѣческихъ правъ, и озлоблялись. Этого настроенія въ Холмской семинаріи не было, по духу она была иная, — нѣсколько свѣтская, съ особымъ миссіонерскимъ заданіемъ привлекать эти свѣтскіе элементы къ церковному служенію.

Съ первой встрѣчи, въ день пріѣзда, я замѣтилъ, что семинаристы внѣшне не похожи на нашихъ, великорусскихъ. Подобранные, причесанные, чисто, даже щеголевато, одѣтые, — они произвели на меня хорошее впечатлѣніе. Впослѣдствіи я узналъ ихъ ближе. Вѣяніе Запада на нихъ сказывалось. Чувствовалась внѣшняя культура: учтивость, разборчивость на слово, сдержанность. Ни пьянства, ни разгула. Празднуютъ чьи-либо именины, — выпьютъ, но умѣренно: не стаканами, какъ у насъ; захотятъ развлечься, — надѣнутъ новенькій, хоть и дешевенькій, галстучекъ, крахмальный воротничокъ — и пойдутъ въ городъ потанцевать, погулять, благопристойно поухаживать за городскими дѣвицами. Но я замѣчалъ не разъ, что эти благонравные «полячки» вспыхивали, стыдились своихъ родителей, когда тѣ ихъ навѣщали. Пріѣдетъ, бывало, какой-нибудь мужикъ въ кожухѣ или бѣдный псаломщикъ, — а сыновья отъ нихъ прячутся, либо стараются встрѣтиться въ закоулкѣ... Я ихъ строго обличалъ и бранилъ за это.

Семинаристы внутри Россіи были грубы, такъ сказать, непричесаны, но зато глубже, искреннѣе, съ болѣе сложными душевными запросами, болѣе широкимъ душевнымъ размахомъ. Этимъ чистенькимъ парнишкамъ и въ голову не пришла бы тайная библіотека, съ оппозиціоннымъ политическимъ направленіемъ.

Налетъ польской культуры чувствовался во вкусахъ, въ нравахъ семинаристовъ. Въ 60-хъ годахъ XIX столѣтія все духовенство этого края еще говорило по-польски. Русскій языкъ и теперь считался «хлопскимъ» (мужицкимъ), языкомъ образованнаго общества, «панскимъ», былъ языкъ польскій. Мнѣ, руссаку, казалось это обиднымъ, и я сталъ выправлять эту линію, — старался юношеству разъяснить судьбу Россіи, православія, дать имъ понятіе о «святой Руси», — словомъ, взялъ линію не только церковнаго, но и національнаго воспитанія. Иногда я даже чувствовалъ нѣкоторый протестъ себѣ какъ «кацапу», но ничего... Я всталъ твердой ногой на свою позицію. Мое служебное положеніе было очень прочно; даже съ внѣшней стороны я долженъ былъ поставить себя такъ, чтобы производить впечатлѣніе авторитетнаго представителя русской Православной Церкви. Хотя я лично любилъ всяческую простоту, но для престижа нужно было подтягиваться: прекрасный выѣздъ, шелковыя рясы... Тутъ я лишь продолжалъ политику моего предшественника,

архимандрита Тихона; онъ сумѣлъ высоко поднять значеніе ректора въ глазахъ населенія.

Вообще отъ него досталось мнѣ хорошее наслѣдіе. Холмская семинарія была небольшая (175 учениковъ), чистая, и внутренно благоустроенная.

Архимандритъ Тихонъ обладалъ большою житейскою мудростью, былъ человѣкъ такта и чувства мѣры; несмотря на свойственную ему мягкость и добродушіе, умѣлъ настойчиво проводить полезныя мѣропріятія. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ лишилъ преподавателей казенныхъ квартиръ.

Нигдѣ въ Россіи, кромѣ Холма, квартиръ преподавателямъ въ семинаріи не полагалось. Холмская епархія была маленькая; семинарію построили на 75 воспитанниковъ, а число ихъ съ теченіемъ времени стало больше, чѣмъ вдвое. Стало тѣсно. Архіепископъ Флавіанъ и ректоръ о. Тихонъ рѣшили преподавателей выселить изъ казенныхъ квартиръ. Квартиры ихъ были всѣ на одномъ коридорѣ. Жены, кухарки... свара на чердакахъ изъ-за сушки бѣлья.. непрестанныя мелкія ссоры хозяекъ, обычныя въ такого рода общежитіяхъ. Атмосфера создалась столь непріятная, что нѣкоторыя жены стали уговаривать своихъ мужей: переѣдемъ въ городъ! Выѣхалъ одинъ преподаватель, за нимъ — второй... Архим. Тихонъ повелъ такъ, что постепенно всѣ жильцы выѣхали. Сами себя высѣкли... вздыхали они потомъ.

За пятилѣтіе ректорской службы архим. Тихонъ поставилъ учебно-воспитательное дѣло отлично. Въ память открытія св. мощей святителя Ѳеодосія Черниговскаго онъ устроилъ въ семинаріи второй храмъ во имя этого новоявленнаго угодника Божія, пожертвовавъ для сего семинарскимъ заломъ. Въ этомъ новомъ храмѣ совершалось ежедневное богослуженіе, причемъ каждый изъ 6 классовъ имѣлъ свой день, когда онъ могъ тамъ самостоятельно нести клиросное послушаніе; а въ праздники туда собирались для богослуженія дѣти семинарской образцовой церковно-приходской школы. Совершало будничное богослуженіе, также по очереди, семинарское духовенство: ректоръ, инспекторъ, духовникъ и преподаватели носившіе духовный санъ.

Архимандритъ Тихонъ былъ очень популяренъ и въ семинаріи и среди народа. Мѣстные священники приглашали его на храмовые праздники. Милый и обаятельный, онъ всюду былъ желаннымъ гостемъ, всѣхъ располагалъ къ себѣ, оживлялъ любое собраніе, въ его обществѣ всѣмъ было весело, пріятно, легко. Будучи ректоромъ, онъ сумѣлъ завязать живыя и прочныя отношенія съ народомъ, — и этотъ же путь онъ указалъ и мнѣ. Въ санѣ епископа онъ еще больше углубилъ и расширилъ свою связь съ народомъ и сталъ, дѣйстви-

тельно, для Холмщины «своимъ» архіереемъ. Мнѣ постоянно во время поѣздокъ по епархіи приходилось слышать самые сердечные отзывы о немъ духовенства и народа.

Съ преосвященнымъ Тихономъ мы были добрые друзья. Я у него часто бывалъ, лѣтомъ ѣздилъ къ нему на дачку. Къ сожалѣнію, епископскую кафедру въ Холмѣ онъ занималъ недолго: въ сентябрѣ 1898 г. его назначили епископомъ въ Америку.

Тяжело, горько было Холмщинѣ съ нимъ разставаться. Всѣ любили его единодушно. Провожали съ подношеніями, съ изъявленіями искренней, теплой благодарности.

Послѣ отъѣзда преосвященнаго Тихона мои съ нимъ отношенія на протяженіи многихъ лѣтъ оставались близкими. Когда онъ пріѣзжалъ изъ Америки, — а возвращался преосвященый Тихонъ на родину дважды, — онъ всякій разъ навѣщалъ меня.

Когда я началъ мою службу въ Холмщинѣ, инспекторомъ семинаріи былъ о. іеромонахъ Игнатій (въ міру Іероѳей Иваницкій). Мы были совоспитанниками по Московской Духовной Академіи, но разныхъ курсовъ: я былъ на первомъ курсѣ, когда онъ былъ на четвертомъ. Студентъ Иваницкій былъ однимъ изъ неисправимыхъ: къ вину пристрастный, на языкъ несдержанный, онъ наговорилъ дерзостей инспектору архим. Антонію (Коржавину), и кончилъ академію съ четверкой за поведеніе. Съ такой отмѣткой разсчитывать на священство было трудно. Онъ отправился на родину, на Волынь, къ своему епископу и просился въ священники.

— 4 за поведеніе? Не посвящу!

«Ахъ — такъ? Пойду въ монахи, лучше тебя буду», — рѣшилъ Иваницкій.

Но въ монахи онъ попалъ не скоро, сперва пристроился въ канцелярію губернатора. Работалъ онъ отлично, предвидѣлась хорошая карьера, онъ мѣтилъ стать управителемъ канцеляріи. И вдругъ, — все рухнуло. Оказался другой кандидатъ, который перебилъ ему дорогу. Иваницкій обозлился, не явился на службу — и пропалъ. Оказалось, онъ горько запилъ, опустился, сталъ босякомъ... Его встрѣтилъ въ Варшавѣ, на улицѣ, его товарищъ по семинаріи, священникъ-законоучитель. Привелъ къ себѣ, обулъ, одѣлъ, поднялъ со дна. Іероѳей пришелъ немного въ себя, — и махнулъ въ Кіево-Печерскую Лавру. Здѣсь онъ попросился на самое грязное «послушаніе»: онъ чистилъ отхожія мѣста, жилъ подъ лѣстницей; сталъ юродствовать: смѣшивалъ всю пищу въ одно мѣсиво, и эту кашу ѣлъ; занялся и борьбой со злыми духами. Въ Лаврѣ бывало множество кликушъ. «А я помолюсь, перекрещусь и крикну: — вонъ! Они и выходили. За это злые духи на меня ополчались...» — разсказывалъ онъ.

Кіевскій митрополитъ Іоанникій его замѣтилъ и освѣдомился: «Кто это?» — «Кандидатъ Московской Духовной Академіи». — «Почему же его держатъ въ черномъ тѣлѣ? Дайте ему интеллигентную работу, хотя бы по ревизіи лаврской типографіи...»

Съ порученной ему работой послушникъ Иваницкій справился отлично. Митрополитъ Іоанникій былъ въ восторгѣ, допустилъ къ постригу и рукоположилъ въ іеромонахи, а когда ему случилось быть въ Петербургѣ, замолвилъ слово за новопосвященнаго, и о. Игнатія назначили инспекторомъ Холмской семинаріи.

Его внѣшній видъ меня озадачилъ, когда я впервые его увидѣлъ на платформѣ вокзала. Смазные сапоги, грязноватый видъ, красное лицо... И съ первыхъ словъ — простодушное восклицаніе: «По почерку, по почерку видѣлъ, — хорошій, хорошій ѣдетъ ректоръ!..».

Впослѣдствіи я узналъ ближе этого страннаго человѣка. Чудакъ онъ былъ и въ должности инспектора врядъ ли оказался на мѣстѣ. Простодушный, откровенный, довѣрчивый, со странностями, — онъ былъ любимъ семинаристами, хоть они надъ нимъ и подсмѣивались. Относились они къ нему за панибрата. Мнѣ довелось увидать такую картину: по семинарскому коридору вскачь мчалась тройка: о. Игнатій въ серединѣ, а по бокамъ два воспитанника...

Крайней его довѣрчивостью часто злоупотребляли многіе. Прежде всего его келейникъ Васька. Инспекторъ собиралъ съ семинаристовъ денежные взносы за пансіонъ. Деньги о. Игнатій пряталъ въ свой столъ, но его не запиралъ; при сдачѣ денежныхъ суммъ онѣ съ квитанціонными книжками часто не сходились.

— Васъ обкрадываютъ, — сказалъ я.

— Изслѣдую. — Онъ положилъ на столъ золотой и сталъ ждать, украдутъ его или нѣтъ. Потомъ заявилъ: «украли!». Ваську онъ изругалъ, — можетъ быть, побилъ, но не выгналъ.

Семинаристовъ онъ распустилъ, а если иногда и пытался надзирать за дисциплиной, то формы его педагогическаго воздѣйствія вызывали невольную улыбку. Увидитъ онъ, что воспитанники подъ окномъ подглядываютъ за дочками духовника, — и отгоняетъ мальчишекъ, замахиваясь на нихъ четками: «Ахъ, окаянные! ахъ окаянные!.». Этими же четками онъ загонялъ ихъ въ церковь.

Не прекращалась его старая борьба съ бѣсами, начавшаяся еще въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Смотришь, въ церкви о. Игнатій плачетъ... — «Что съ тобой?» — «ОНИ меня во всю ночь мучили...». И далѣе слѣдовалъ разсказъ о ночныхъ злоключеніяхъ: вмѣсто иконы ему привидѣлась женщина... на него напали бѣсы, стащили съ кровати, избили... Иногда засмѣешься, а онъ серьезно: «Не смѣйся, не смѣйся...». Какъ-то разъ келейникъ померещился ему бѣсомъ, и

онъ чуть было не хватилъ его полѣномъ. Испуганнаго «бѣса» поспѣшилъ утѣшить, — купилъ ему колбасы.

О. Игнатій страдалъ какой-то желудочно-кишечной болѣзнью. Когда его мучили боли, онъ уходилъ въ садъ и лежалъ подъ кустами, представляя любопытное зрѣлище для учениковъ, которые окружали его и тутъ же заявляли свои просьбы объ отпускѣ и проч. Архіепископъ Флавіанъ его недолюбливалъ, и о. Игнатій — его тоже; въ его присутствіи онъ упорно молчалъ. Ожидаемъ мы, бывало, пріѣзда владыки, а онъ хмурится: «Опять начнется «соловецкое сидѣніе...».

Въ 1898 г. о. Игнатій покинулъ семинарію. Его назначили настоятелемъ Заиконоспасскаго монастыря въ Москвѣ*).

Ему на смѣну пріѣхалъ іеромонахъ Веніаминъ**), преподаватель Рижской семинаріи, гдѣ онъ прослужилъ лишь годъ послѣ окончанія Петербургской Духовной Академіи.

Это былъ молоденькій, скромный, кроткій, улыбающійся монахъ, а дѣло повелъ крѣпкой рукой и достигалъ добрыхъ результатовъ. Между нами установились дружественныя отношенія, съ нимъ мы шли рука объ руку. Хорошій онъ былъ человѣкъ. Семинаристы чувствовали наше единодушіе, и это на нихъ благотворно вліяло: молодежь обычно спекулируетъ на разногласіяхъ главныхъ начальствующихъ лицъ. Къ сожалѣнію, о. Веніаминъ пробылъ у насъ лишь полтора года. Послѣ святокъ 1899 г. дошла до меня вѣсть, что его назначаютъ инспекторомъ Петербургской семинаріи, а къ намъ переводятъ петербургскаго инспектора іеромонаха Филиппа.

Пребываніе о. Филиппа въ Холмщинѣ было кратковременнымъ: онъ страдалъ туберкулезомъ, болѣзнь въ нашемъ климатѣ обострилась, онъ едва дотянулъ до каникулъ, а осенью его свезли въ Варшаву, въ клинику, гдѣ онъ и скончался.

Мѣсто его занялъ игуменъ Сергій (Титовъ). Съ нимъ возникли у меня осложненія. Человѣкъ онъ былъ неглупый, волевой, съ большимъ самомнѣніемъ, крестьянскаго происхожденія, — типичный крѣпкій вологодскій мужичокъ. Онъ сталъ отстаивать свои прерогативы, интриговалъ, хотѣлъ распоряжаться самостоятельно, давалъ указанія эконому, которыя тотъ не считалъ возможнымъ выполнить и приходилъ ко мнѣ съ жалобами. Въ вопросахъ довольствія о. инспекторъ, играя на популярности, держалъ всегда сторону семинари-

---

*)Этотъ монастырь — колыбель Московской Духовной Академіи, которая тамъ существовала въ видѣ Заиконоспасской греко-латинской Академіи; впослѣдствіи, какъ извѣстно, ее перевели въ Троице-Сергіевскую Лавру.

**) Впослѣдствіи Петербургскій Митрополитъ-мученикъ, разстрѣлянный большевиками.

стовъ противъ экономa, — словомъ, начался разладъ. А тутъ еще вспыхнула эпидемія брюшного тифа.

Въ недѣлю заболѣло 10-12 мальчиковъ, а тамъ все хуже и хуже... Двое-трое учениковъ умерло. Поднялась тревога, а потомъ и ропотъ: — всему виной пища! Ребята отказываются ѣсть, въ семьяхъ паника... Я отправилъ въ Петербургъ донесеніе, настаивалъ на немедленномъ роспускѣ семинаріи «впредь до выясненія причинъ эпидеміи». Пріѣхала медицинская комиссія; изслѣдовали нашу питьевую воду, — и обнаружили тифозныя бациллы. Призвали компетентныхъ лицъ для осмотра нашего колодца. Оказалось, что стѣны его обветшали, и изъ отхожихъ мѣстъ просачивались нечистоты. Слухи объ этомъ добѣжали до Варшавы, въ епархіальныхъ кругахъ настроились противъ меня: какъ я могъ такіе недочеты проглядѣть! Мы сейчасъ же составили проектъ новыхъ отхожихъ мѣстъ, съ земляными фильтрами, съ дальнимъ отводомъ, и во время каникулъ привели санитарную часть въ полный порядокъ. Однако, и теперь о. инспекторъ продолжалъ настраивать семинаристовъ противъ меня.

Вслѣдствіе эпидеміи экзамены были отложены на осень, — и вотъ, передъ началомъ экзаменаціонной сессіи воспитанники вдругъ заявили требованіе: экзамены въ этомъ году отмѣнить. И мотивировали его: «мы отъ волненія еще не оправились». Назначили первый письменный экзаменъ, учителя пришли, — а въ классахъ... никого! Всѣ ученики разбѣжались. Я — къ инспектору: «Въ чемъ дѣло?» А онъ держитъ ихъ сторону. Я собралъ экстренное засѣданіе правленія и внесъ предложеніе — дать знать въ Петербургъ, семинарію закрыть, а зачинщиковъ выгнать. Инспекторъ струхнулъ.

— Я учениковъ уговорю... я сейчасъ съѣзжу... — И помчался на казенной лошади въ лѣсъ; а тамъ, на полянкѣ, разсѣлись семинаристы — и курятъ.

Я призвалъ экономa и распорядился обѣда нынче не готовить: зачѣмъ, — если всѣ разбѣжались?

Вскорѣ пришла ко мнѣ делегація отъ учениковъ съ повинной, оправдываются: «мы только прогулялись...», — просятъ разрѣшить имъ обѣдать. Я ихъ простилъ, но предупредилъ, что подобное поведеніе прощаю въ послѣдній разъ. Преподавателямъ предложилъ проводить экзамены, отбросивъ всѣ сентиментальности. Зачинщиковъ, — нѣкоторые были извѣстны, — приструнили, наиболѣе виновныхъ — со строгостью.

Эта непріятная исторія была единственнымъ облачкомъ за весь періодъ моей ректорской службы. Уладивъ дѣло, я съѣздилъ въ Варшаву къ архіепископу Іерониму (къ тому времени онъ занялъ Варшавскую кафедру послѣ архіепископа Флавіана); онъ меня благодарилъ за самостоятельное, безъ донесенія въ Петербургъ, разрѣ-

шеніе конфликта. Когда зашла рѣчь объ инспекторѣ, я сказалъ, что съ нимъ работать трудно.

Черезъ полгода его перевели въ Ардонскую осетинскую семинарію (Владикавказской губ.). Эта семинарія ставила себѣ задачей готовить священниковъ-миссіонеровъ для проповѣди христіанства среди кавказскихъ мусульманъ.

Къ Пасхѣ мнѣ прислали новаго инспектора — преподавателя Таврической семинаріи іеромонаха Діонисія*). Какъ я уже сказалъ**), онъ былъ припутанъ къ скандалу во Владимірской семинаріи, ему пришлось покинуть Владиміръ и искать пристанища въ другой семинаріи. Онъ отлично окончилъ образованіе въ Уфѣ, гдѣ епископомъ былъ его родственникъ; потомъ онъ учился въ Казанской Духовной Академіи и былъ постриженъ архимандритомъ Антоніемъ (Храповицкимъ). Когда я оставилъ должность ректора въ Холмѣ, онъ занялъ мое мѣсто.

Съ преподавателями я сошелся, и у насъ установились добрыя отношенія. Нѣкоторые изъ нихъ были сыновьями уніатскихъ священниковъ и въ нихъ, а такъ же и въ ихъ семьяхъ, сохранился польскій отпечатокъ на домашнемъ укладѣ жизни; «кацаповъ» они не очень-то дружественно у себя принимали. Другіе, — хотя по происхожденію были такіе же, — наоборотъ, не въ мѣру подчеркивали свое православіе, увлекаясь идеей руссификаціи, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были «**plus papistes que le Pape**». Въ общемъ составъ учителей былъ довольно блѣдный. При нашихъ добрыхъ взаимоотношеніяхъ работа съ ними шла хорошо.

Еще при ректорѣ архимандритѣ Тихонѣ въ семинаріи еженедѣльно (по воскресеньямъ послѣ обѣда) бывали литературные вечера. Сначала выступалъ нашъ семинарскій хоръ съ пѣснопѣніями, потомъ бывали доклады: о католичествѣ, о православіи (обычно эту часть бралъ на себя преподаватель обличительнаго богословія); ихъ смѣняли рефераты на вольныя литературныя темы. Преподаватели охотно принимали участіе въ программѣ вечера. На собранія допускалась и публика. Съѣзжалось городское общество. По окончаніи докладовъ ректоръ устраивалъ у себя «чай». Въ Холмѣ было много учебныхъ заведеній: кромѣ семинаріи, были гимназія мужская и женская, желѣзнодорожное училище, духовное училище, учительская семинарія, женское Маріинское шестиклассное училище съ интернатомъ, устроенное главнымъ образомъ для дочерей духовенства. Стояли два полка 17-ой пѣх. дивизіи: Московскій Его Величества и

*) Въ міру Константинъ Валединскій; впослѣдствіи митрополитъ Варшавскій — глава Православной Церкви въ Польшѣ.

**) См. страницу 74.

Бутырскій. Интеллигенціи эти вечера нравились. Залъ былъ полонъ, а «чай» у меня многолюденъ. Тогда я еще былъ молодой, живой, и мнѣ удавалось среди собравшихся поддерживать тонъ оживленнаго и пріятнаго общенія.

Помню, какъ обидѣлись двѣ городскія дамы на нашего чудаковатаго инспектора о. Игнатія, который не раздѣлялъ общаго благодушнаго настроенія. Спѣшатъ онѣ по коридору въ залъ, встрѣчаютъ его на пути — и привѣтливо:

— Вотъ мы и пришли!..

А онъ въ отвѣтъ: — Ну, что-жъ, пришли, — такъ пришли...

— Какой нелюбезный вашъ инспекторъ, — пожаловались мнѣ дамы.

Въ числѣ новопоступившихъ при мнѣ преподавателей оказался Константинъ Семеновичъ Богдановъ, тотъ самый студентъ, — мой товарищъ и землякъ — тулякъ, который подарилъ мнѣ при выпускѣ свою фотографію съ памятной надписью*). Какъ внѣшне измѣнились наши судьбы! Онъ все еще семинарскій преподаватель (читалъ гомилетику), я — уже архимандритъ, ректоръ.

Явился онъ ко мнѣ въ вицмундирѣ и церемонно привѣтствовалъ: — Имѣю честь представиться, о. ректоръ...

Я принялъ его безъ всякой официальности, просто, въ соотвѣтствіи съ общимъ нашимъ прошлымъ.

Былъ онъ человѣкъ неглупый, развитой, но сухой, по натурѣ чиновникъ. Его карьера закончилась должностью инспектора народныхъ училищъ.

На общемъ блѣдноватомъ фонѣ преподавательскаго состава выдѣлялась одна лишь фигура, — мрачная, жуткая, всѣхъ отталкивающая, — іеромонахъ Антонинъ. Что-то въ этомъ человѣкѣ было роковое, демоническое, нравственно-преступное съ юныхъ лѣтъ. Онъ былъ одинъ изъ лучшихъ студентовъ Кіевской Духовной Академіи, но клобукъ надѣлъ только изъ крайняго честолюбія, въ душѣ издѣваясь надъ монашествомъ. Мой товарищъ о. К. Аггеевъ (тоже Кіевской Духовной Академіи) разсказалъ мнѣ, какъ Антонинъ вечеромъ уходилъ потихоньку изъ Академіи и, швырнувъ обратно въ комнату черезъ открытую форточку клобукъ, рясу и четки, — пропадалъ не вѣсть гдѣ... Впослѣдствіи онъ проявлялъ странности, похожія на ненормальность.

Въ Донскомъ Московскомъ монастырѣ, гдѣ онъ одно время жилъ, будучи смотрителемъ духовного училища, завелъ медвѣжен-

---

*) См. страницу 48.

ка; отъ него монахамъ житья не было: медвѣдь залѣзалъ въ трапезную, опустошалъ горшки съ кашей и пр. Но мало этого. Антонинъ вздумалъ дѣлать въ Новый Годъ визиты въ сопровожденіи медвѣдя. Заѣхалъ къ управляющему Синодальной Конторой, не засталъ его дома и оставилъ карточку «іеромонахъ Антонинъ съ медвѣдемъ». Возмущенный сановникъ пожаловался К. П. Побѣдоносцеву. Началось разслѣдованіе. Но Антонину многое прощалось за его незаурядныя умственныя способности. Онъ былъ назначенъ инспекторомъ моей родной Тульской семинаріи. Въ этой должности онъ проявилъ странное сочетаніе распущенности и жандармскихъ наклонностей. Завелъ въ семинаріи невыносимый режимъ, держалъ ее въ террорѣ; глубокой ночью на окраинахъ города врывался ураганомъ въ квартиры семинаристовъ, чтобъ узнать, всѣ ли ночуютъ дома, дѣлалъ обыски въ сундукахъ, дознавался, какія книги они читаютъ и т. д. И въ то же время его келейникъ устроилъ въ городѣ что-то предосудительное, въ родѣ «танцкласса», гдѣ собиралась молодежь обоего пола. Семинаристы не выдержали, и рѣшили съ Антониномъ покончить. Набили пороху въ полѣно — и ему въ печку. Но взорвало одну печку: Антонинъ куда-то ушелъ обѣдать, это его спасло. Началось дознаніе, пріѣхалъ ревизоръ, темныя дѣла инспектора раскрылись... Его бы слѣдовало сослать въ какой-нибудь глухой монастырь на покаяніе, а его назначили преподавателемъ въ Холмскую семинарію...

Огромный, черный, неуклюжій, онъ производилъ тяжелое впечатлѣніе. Инспекторъ, нашъ добрый о. Игнатій, говорилъ о немъ:

— Смотрите, злобой, злобой отъ него смердитъ!

И вѣрно, — къ ученикамъ онъ относился съ какой-то холодной жестокостью, безпощадно осыпая ихъ «единицами». (Онъ преподавалъ Священное Писаніе Ветхаго Завѣта). Чувствовалось въ немъ что-то трагическое, безысходная душевная мука. Помню, уйдетъ вечеромъ къ себѣ и, не зажигая лампы, часами лежитъ въ темнотѣ, а я слышу черезъ стѣну его громкія стенанья: ооо-охъ... ооо-охъ... ооо-охъ... Мы за него боялись, приходили провѣдать. Заставали въ темнотѣ на койкѣ, разспрашивали, утѣшали; онъ упорно стоналъ...

Когда къ намъ пріѣхалъ В. К. Саблеръ, Антонинъ повеселѣлъ, и даже добродушно пожаловался на нашего воителя съ бѣсами, о. Игнатія:

— Скажите, Владиміръ Карловичъ, о. Игнатію, чтобы онъ бѣсовъ не посылалъ ко мнѣ. Они къ нему запросто ходятъ...

Саблеръ смѣялся.

Какъ-то отошелъ и повеселѣлъ Антонинъ тоже, когда мы гостили на святкахъ у архіепископа Флавіана въ Варшавѣ (это было въ первый годъ моего пріѣзда въ Холмъ). Прожили тамъ одну недѣ

лю, въ архіерейскихъ покояхъ; вмѣстѣ съ владыкой обѣдали, потомъ въ гостиной пили кофе и въ совмѣстной дружеской бесѣдѣ проводили вечеръ. Душою общества былъ молодой викарный епископъ Тихонъ. Восхитительные вечера! И до того не похожа была ихъ теплая, родственная, веселая атмосфера на ледяную температуру во владимірскомъ архіерейскомъ домѣ! Я не зналъ, какъ мнѣ за эти свѣтлые дни Бога благодарить... Архіепископъ Флавіанъ ласково говорилъ съ Антониномъ, и это, повидимому, его обрадовало: онъ какъ-то встрепенулся, повеселѣлъ.

Впослѣдствіи онъ отпросился у архіепископа Флавіана въ отпускъ и поѣхалъ въ Римъ. Владыка очень за него боялся и жалѣлъ что отпустилъ. Антонинъ всѣмъ казался человѣкомъ, за котораго поручиться нельзя. Но изъ Рима онъ благополучно вернулся.

Помню странную выходку Антонина на прощальномъ обѣдѣ въ клубѣ, по случаю отъѣзда архіепископа Флавіана, назначеннаго Экзархомъ Грузіи. Дѣло было Великимъ постомъ. За столомъ велись оживленныя бесѣды, были рѣчи... Антонинъ сидѣлъ сумрачный, и вдругъ — его басъ на весь столъ: «А котлетки-то были телячьи...». Неловкое молчаніе. Архіепископъ Флавіанъ, устроители, гости... — всѣ сконфузились.

Лѣтомъ 1898 г. незадолго до отъѣзда епископа Тихона въ Америку, Антонина возвели въ санъ архимандрита и назначили ректоромъ Благовѣщенской семинаріи. На Пасхѣ тамъ случайно не было архіерея, и слѣдовательно, высшимъ духовнымъ лицомъ въ городѣ былъ ректоръ. Замѣняя архіерея, онъ служилъ въ соборѣ. Возникла у него какая-то ссора съ губернаторомъ, которую, однако, тотъ желалъ поскорѣй уладить. Послѣ обѣдни губернаторъ подошелъ ко кресту, но Антонинъ передалъ крестъ сослужащему священнику — и ускользнулъ изъ храма. Губернаторъ — къ нему на квартиру. Антонинъ его не принялъ. Начались объясненія, переписка... Все это Антонину надоѣло, и онъ, внезапно бросивъ семинарію, уѣхалъ въ Петербургъ; явился къ Саблеру и заявилъ: «Я больше не хочу!» Его назначили въ цензурный комитетъ. Жилъ онъ въ Александро-Невской Лаврѣ, написалъ изслѣдованіе о «Книгѣ Варуха», бывалъ на собраніяхъ въ «религіозно-философскомъ обществѣ», водилъ знакомство съ Розановымъ, который ему подарилъ свои сочиненія съ надписью: «Нашему Левіаѳану». Потомъ Петербургскій митрополитъ Антоній, во вниманіе къ его таланту и ученымъ трудамъ, сдѣлалъ его своимъ викаріемъ, епископомъ Нарвскимъ. Всѣ его за это назначеніе порицали, — и не безъ основанія. Въ 1905 г. Антонинъ самочинно выкинулъ изъ богослуженія слово «самодержавнѣйшаго» и сталъ писать въ «Новомъ Времени» о конституціонномъ соотношеніи законодательной, исполнительной и судебной власти, какъ о подобіи

Божественной конституціи во Св. Троицѣ. Св. Синодъ и особенно Оберъ Прокуроръ возмутились и Антонина уволили въ заштатъ, въ Сергіевскую Пустынь, съ запрещеніемъ выѣзда за ея предѣлы. Эта репрессія его озлобила. Митрополитъ Антоній вновь надъ нимъ сжалился: онъ снова появляется въ Петербургѣ, а затѣмъ назначается епископомъ Владикавказскимъ. Тамъ онъ заболѣлъ бѣлокровіемъ. Мнѣ, на Волынь, пришелъ указъ — отправить въ помощь больному моего викарія, преосвященнаго Ѳаддея. Это было въ концѣ февраля 1917 года, передъ самымъ началомъ революціи; преосвященный Ѳаддей едва смогъ добраться: на желѣзныхъ дорогахъ уже шли забастовки. Прямо съ вокзала онъ пріѣхалъ въ соборъ, а послѣ обѣдни направился къ болящему епископу. Позавтракали. И вдругъ — келейникъ съ докладомъ:

— Въ пріемной повѣсился священникъ...

Антонина по болѣзни уволили на покой въ Богоявленскій монастырь (въ Москвѣ). Во время Церковнаго Собора я его навѣстилъ. Онъ ходилъ въ рваномъ подрясникѣ, подчеркивалъ свое униженное заштатное положеніе и мнѣ жаловался: «Меня забыли... меня всѣ бросили...». Я узналъ, что онъ иногда бродитъ по улицамъ Москвы и, какъ бездомный, валяется на скамейкахъ передъ монастыремъ. Когда у насъ съ нимъ зашла рѣчь о митрополитѣ Тихонѣ, нашемъ сослуживцѣ по Холму, онъ высказывался противъ него. Потомъ митрополитъ Тихонъ мнѣ говорилъ, что Антонинъ ничего слушать не хочетъ, что съ нимъ не знаешь, что и дѣлать... Дальнѣйшее извѣстно: Антонинъ порвалъ съ Православной Церковью и возглавилъ какое-то объединеніе, именовавшее себя «церковью» (кажется «церковью возрожденія»); вскорѣ онъ скончался.

Жуткая, мрачная фигура...

Моимъ высшимъ начальствомъ по пріѣздѣ въ Холмъ, какъ я не разъ объ этомъ упоминалъ, былъ архіепископъ Флавіанъ, къ которому у меня сохранилось хорошее, благодарное чувство. Онъ покинулъ Варшавскую кафедру, если и по своей волѣ, то все же принужденный къ тому треніями, которыя возникли въ его отношеніяхъ съ генералъ-губернаторомъ кн. Имеретинскимъ. Онъ часто жаловался на некорректное отношеніе къ нему генералъ-губернатора, доходившее до того, что его переписку перлюстрировали. Долго терпѣлъ это старецъ, пока, наконецъ, его не перевели на Кавказъ Экзархомъ Грузіи. Вся паства его оплакивала, за исключеніемъ священниковъ-галичанъ, которые его не любили и, говорятъ, своеобразно выразили ему свою антипатію. Среди прощальныхъ подношеній была съ почтой прислана посылка: «Слова и рѣчи архіепископа Флавіана», — переплетъ, а въ немъ листы чистой бумаги...

Владыка Флавіанъ былъ необычайно внимателенъ къ духовенству; зналъ имя-отчество жены, имена дѣтей, всю біографію. Впослѣдствіи въ архіерейскомъ письменномъ столѣ я нашелъ подробные списки. Своимъ вниманіемъ онъ удивлялъ и располагалъ къ себѣ подчиненныхъ. Его отъѣздъ мы всѣ переживали, какъ утрату.

Его мѣсто занялъ архіепископъ Іеронимъ (Экземплярскій). Онъ былъ вдовецъ, семейный, занималъ въ свое время должность законоучителя въ аристократическомъ учебномъ заведеніи — коллегіи Павла Галагана (въ Кіевѣ). Большой баринъ, чудный пѣвецъ, онъ жилъ съ нѣкоторою роскошью. О богатствѣ его облаченій, о драгоцѣнныхъ камняхъ, неслыханно дорогихъ рясахъ и роскошномъ выѣздѣ... ходила громкая молва, иногда подкрашенная фантазіею. Ходили и слухи, что къ монашеству онъ не благоволитъ. Мы, холмскіе монахи, пріуныли.

Преосвященный Тихонъ полушутливо пугалъ насъ новымъ архіереемъ.

Я вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Варшаву встрѣчать новое начальство. Первое впечатлѣніе было благопріятное, хотя, конечно, не могло быть той близости и теплоты, къ которымъ мы привыкли...

— Вскорѣ, на Пасхальной недѣлѣ, я къ вамъ пріѣду, — съ первыхъ словъ заявилъ мнѣ архіепископъ.

И вѣрно, — пріѣхалъ. Я встрѣтилъ его по чину, въ семинарскомъ храмѣ, съ «цвѣтами краснорѣчія». Епископъ Тихонъ устроилъ ему завтракъ, сказалъ привѣтственную рѣчь. Архіепископъ Іеронимъ, мягкій, деликатный, тонкій въ обхожденіи, тоже отвѣтилъ рѣчью, а потомъ спросилъ епископа Тихона прямо, безъ обиняковъ:

— Ваше Преосвященство, откуда вамъ извѣстно, что новый архіерей враждебно относится къ монашеству?

— Это болтовня... — смутился преосвященый Тихонъ.

— Прошу судить по фактамъ, — не по сплетнямъ.

Про меня кому-то изъ свиты тоже сказалъ то, что подумалъ:

— У ректора на головѣ митра въ видѣ лукошка, — намекая на мою дешевенькую митру.

Впослѣдствіи архіепископъ Іеронимъ меня очень полюбилъ, часто приглашалъ къ себѣ въ Варшаву, съ моимъ мнѣніемъ считался, и мои служебныя отношенія наладились съ нимъ такъ же, какъ и съ архіепископомъ Флавіаномъ.

Вскорѣ послѣ его пріѣзда, состоялось назначеніе епископа Тихона въ Америку, а его мѣсто занялъ настоятель Яблочинскаго монастыря архимандритъ Германъ. Все рѣшилось въ Петербургѣ безъ вѣдома архіепископа Іеронима, который былъ этимъ обиженъ и къ

навязанному ему викарію относился потомъ холодновато. Онъ не скрывалъ отъ приближенныхъ, что хотѣлъ имѣть викаріемъ меня.

Архимандритъ Германъ былъ обязанъ своимъ назначеніемъ хлопотамъ игуменій мѣстныхъ женскихъ монастырей (о нихъ потомъ я скажу особо), въ частности — настоятельницѣ Лѣснинской обители матушкѣ Екатеринѣ; она расхвалила его въ Петербургѣ. Архимандритъ Германъ умѣлъ ладить съ женскими монастырями и пользовался большимъ расположеніемъ, нежели епископъ Тихонъ, котораго монашенки недолюбливали. Эта женская протекція дала поводъ владыкѣ Іерониму къ ироническому замѣчанію:

— Архимандритъ Германъ на монашескихъ юбкахъ, какъ на парусахъ, выѣзжаетъ.

Епископъ Германъ былъ человѣкъ неуравновѣшеный, но веселый, остроумный, неглупый, мастеръ разсказывать анекдоты. Объ аскетическихъ подвигахъ онъ мало ревновалъ. Нервный и неровный въ обращеніи, онъ съ народомъ и съ духовенствомъ бывалъ часто грубъ. Семинаристовъ терпѣть не могъ, ибо изъ за нихъ не удалась его духовно-учебная служба, когда его изъ инспекторовъ семинаріи послали въ монастырь. — «Вы ихъ жмите! Вы не улыбайтесь, а слушайте меня....», — говорилъ онъ мнѣ.

Къ намъ въ Холмъ, на обратномъ пути изъ Японіи, заѣхалъ архимандритъ Сергій (Страгородскій)*). Онъ былъ назначенъ въ Японскую миссію къ извѣстному апостолу православія архіепископу Николаю, но не выдержалъ сурового режима и долженъ былъ вернуться въ Россію. Епископъ Германъ и архимандритъ Сергій были пріятелями; они одновременно приняли постригъ и были названы «Сергіемъ» и «Германомъ» въ память преподобныхъ Сергія и Германа, подвижниковъ Валаамскихъ. Я тоже былъ съ архимандритомъ Сергіемъ въ добрыхъ отношеніяхъ. Пригласилъ его служить въ нашемъ семинарскомъ храмѣ вмѣстѣ съ еп. Германомъ; богослуженіе, помню, совершалось на греческомъ языкѣ, въ которомъ всѣ мы были не очень сильны: «Ходили, какъ по тонкому льду», по остроумному замѣчанію присутствовавшей на богослуженіи м. игумении Екатерины. Настроеніе у архим. Сергія было не веселое — онъ былъ въ большомъ смущеніи отъ своей неудавшейся миссіи въ Японіи.

Въ другой разъ архимандритъ Сергій посѣтилъ Холмъ будучи уже епископомъ и ректоромъ Петербургской Академіи.

Епископъ Германъ увезъ своего друга въ Яблочинскій монастырь. Однажды они рѣшили съѣздить на монастырское «Бѣлое озеро» — поудить рыбу. Сѣли въ шарабанъ: еп. Германъ — за кучера. До-

*) Впослѣдствіи замѣститель Мѣстоблюстителя Патріаршаго Престола; 8-го сентября 1943 года былъ избранъ Патріархомъ Московскимъ и всея Руси; скончался 15-го мая 1944 года.

рогой лошадь понесла, шарабанчикъ опрокинулся, вожжи запутались... — и оба сѣдока чувствительно пострадали: Сергій вывихнулъ руку, а у Германа все лицо — въ ссадинахъ. Бѣда была бы все же не столь серьезна, если бы не извѣщеніе, что черезъ недѣлю въ Холмъ прибудетъ Государь, и что архіепископъ Іеронимъ, по преклонности возраста и недомоганію, изъ Варшавы не пріѣдетъ. Это значило, что встрѣчать Государя долженъ епископъ Германъ. А какъ въ такомъ видѣ встрѣчать? Сергія увезли въ Брестъ — вправлять руку, епископъ Германъ сталъ спѣшно залѣчивать обезображенное лицо. Съ помощью всякихъ присыпокъ и примочекъ онъ, къ счастью, пріобрѣлъ черезъ недѣлю сравнительно благообразный видъ — и отлично, красивою рѣчью, встрѣтилъ Государя. Все обошлось такъ хорошо (Государь пробылъ два дня), что епископъ Германъ удостоился «высочайшей» награды — ему пожаловали огромную, дорогую панагію, тѣмъ самымъ отмѣтивъ неудовольствіе, вызванное отсутствіемъ архіепископа Іеронима.

Съ ректорской службой я совмѣщалъ должность благочиннаго женскихъ монастырей.

Женскіе монастыри въ Холмщинѣ имѣли огромное значеніе для мѣстной народной жизни. Ихъ было нѣсколько, но монастыремъ-колыбелью всѣхъ остальныхъ была Лѣснинская обитель.

Она была основана въ 1884 году игуменіей Екатериной (въ мірy графиня Ефимовская). Въ молодости основательница увлекалась народническими и либеральными теченіями, вращаясь въ передовыхъ интеллигентскихъ кругахъ, переписывалась и спорила съ В. Соловьевымъ, съ философски образованнымъ іеромонахомъ Михаиломъ Грибановскимъ инспекторомъ Петербургской Академіи (впослѣдствіи епископъ Таврическій); была хорошо освѣдомлена въ вопросахъ философіи, богословія — вообще была очень образованная женщина. Она довольно долго жила заграницей и больше другихъ странъ полюбила Англію. Не разъ съ увлеченіемъ разсказывала она мнѣ объ англійскомъ духовенствѣ, о бытѣ епископовъ, чистотѣ ихъ общественныхъ и семейныхъ нравовъ. Вскорѣ по возвращеніи въ Россію она пережила глубокій душевный переворотъ—и приняла монашество, оставаясь, однако, вѣрной своей горячей любви къ народу. «Я стала монахиней скорѣй изъ любви къ народу, чѣмъ къ Богу», — признавалась она. Варшавскій архіепископъ Леонтій предложилъ ей основать женскую обитель въ Лѣсной. Прежде это былъ католическій монастырь «паулиновъ», но монахи скомпрометировали себя въ польскомъ возстаніи, и ихъ удалили. Монастырь стоялъ пустой. Не рѣшаясь взять на себя столь отвѣтственное дѣло, матушка Екатери-

на отправилась къ Оптинскому старцу Амвросію за совѣтомъ и благословеніемъ; разсказала ему, что дѣятельность будущаго монастыря представляется ей нѣсколько въ иномъ видѣ, чѣмъ обычно: широкая просвѣтительная работа, культурное воздѣйствіе на населеніе: школы, больницы, пріюты..., а на это новшество она самовольно не рѣшается.

— Новый монастырь по новому и устрой... — сказалъ старецъ, — а теперь я тебя поисповѣдаю.

У матушки Екатерины не было съ собой мантіи, о. Амвросій надѣлъ на нее свою и сталъ исповѣдывать...

Благословеніе старца Амвросія укрѣпило матушку Екатерину, и она безъ колебаній уѣхала въ Лѣсную. Руководство старца Амвросія «окормляло» и меня въ рѣшающихъ судьбу жизненныхъ вопросахъ, — это и было тѣмъ общимъ, завѣтнымъ, что насъ съ матушкой Екатериной навсегда связало.

Лѣснинскій монастырь находился недалеко отъ гор. Бѣлы, Сѣдлецкой губ., въ 5-6 час. ѣзды отъ Холма. Съ теченіемъ времени онъ сталъ, дѣйствительно, тѣмъ культурно-просвѣтительнымъ центромъ, который матушка Екатерина задумала создать. Она основала пріюты для сиротъ, школы для младшаго, средняго и старшаго возраста, высшее сельско-хозяйственное женское училище, церковно-учительскую школу (церк.-учительскую семинарію). Въ школахъ ея обучалось до 1.000 дѣтей. Можно смѣло сказать, что весь народъ холмскій проходилъ черезъ ея пріюты и школы, вся сельская интеллигенція: учителя, учительницы, волостные писаря, агрономы, псаломщики... — въ большинствѣ были ея воспитанниками. Мало этого, она развела ботаническій фармацевтическій садъ съ лабораторіей, которой завѣдывалъ спеціальный фармацевтъ; устроила паровую мельницу; отлично поставила рыбоводство на лѣснинскихъ прудахъ посредствомъ сложной системы сообщенія между ними.

Въ Лѣснинскомъ монастырѣ создалась какая-то особая культурная атмосфера. Характерными его чертами были: разумный, неослабный трудъ и духовное воодушевленіе. Душою обители несомнѣнно надо признать матушку Екатерину. Это была святая душа. Къ себѣ строгая, подвижница-молитвенница и постница, къ другимъ снисходительная, всегда веселая, — она была общительна, любила пошутить, пофилософствовать, побогословствовать, имѣя для этого данныя. Духовный подвигъ несла сокровенно, заметая слѣды, и лишь приближенныя сестры догадывались, что она по ночамъ подолгу молится...

Матушка Екатерина возлюбила казначею мать Нину. Въ ней души не чаяла и хотѣла, чтобы она была назначена игуменьей. Мать Нина умная, дѣльная, но по натурѣ сухая, могла бывать и негріят-

ной; она страдала хронической болѣзнью (туберкулезомъ спинного хребта съ пораженіемъ нѣсколькихъ позвонковъ) и перенесла болѣе 10 операцій на удивленіе врачамъ, которые такой живучести не видывали. Закованная въ сложный корсетъ, она казалось не способна ни къ какой дѣятельности, связанной съ передвиженіемъ, — однако, появлялась всюду, гдѣ требовался хозяйскій глазъ. Ѣдетъ, бывало, по полямъ въ шарабанчикѣ, сидитъ въ немъ неподвижно, какъ богдыханъ, и сама правитъ понькой. Сестры обожали матушку Екатерину, а мать казначею недолюбливали. Просьбу матушки Екатерины о назначеніи игуменьей матери Нины я всячески отклонялъ и требовалъ выборовъ. Сестры избрали мать Нину и принесли ее, больную, въ церковь на рукахъ. Мать Нина жива и понынѣ*); несмотря на физическую немощь, полна энергіи и въ данное время поставила себѣ дерзкую цѣль — предъявить польскому правительству, которое отобрало когда-то купленныя Лѣснинскимъ монастыремъ земли, и требовать за нихъ выкупа...

Народъ отвѣчалъ Лѣснинской обители благодарной любовью, — тянулся къ ней за просвѣщеніемъ, за моральной помощью за матерьяльной поддержкой. Матушка Екатерина входила въ его нужды, запросы, даже въ семейныя дѣла. Любила женить и выдавать замужъ, шила приданое, заботилась о молодыхъ матеряхъ... Случалось ей въ роли свахи попадать и въ комическое положеніе.

У епископа Германа былъ келейникъ, человѣкъ довольно вѣтреный; онъ сообщилъ матушкѣ Екатеринѣ, что владыка Германъ хочетъ его женить и велѣлъ сыскать ему невѣсту среди ея воспитанницъ. Матушка охотно за это дѣло взялась и вскорѣ написала преосвященному Герману: «Иванъ Петровичъ понравился, мы нашли ему невѣсту...». Епископъ Германъ заподозрѣлъ неладное и телеграфировалъ ей: «Ни о чемъ не просилъ, берегитесь обмана». Тѣмъ временемъ сватовство уже состоялось, жениху купили новые сапоги, невѣста стала шить приданое. Но вотъ слухъ о какой-то непріятной телеграммѣ добѣжалъ до Ивана Петровича... Онъ забралъ сапоги — и скрылся. Потомъ оказалось, что онъ поѣхалъ по окрестнымъ деревнямъ, оповѣщая мѣстныхъ батюшекъ: «Готовьтесь къ ревизіи, архіерей скоро пріѣдетъ...». За предувѣдомленіе священники его благодарятъ, угощаютъ, возятъ отъ села къ селу на своихъ лошадкахъ. Кончилось тѣмъ, что Ивана Петровича арестовали. «Вчера я на лошадкахъ ѣздилъ, а сегодня везутъ, якъ арестанта», — говорили мѣстные крестьяне.

Великое церковное культурно-просвѣтительное значеніе Лѣснинскаго монастыря по достоинству оцѣнивалось и въ высшихъ сфе-

*) Эти слова о матери Нинѣ относятся къ 1936 году.

рахъ. Однажды, во время пребыванія Царской Семьи въ Спалѣ, вся она, во главѣ съ Государемъ, на тройкахъ пріѣхала познакомиться съ обителью. Епископъ Германъ какъ мѣстный архіерей, спять вмѣсто болящаго старца, архіепископа Іеронима, и я какъ благочинный монастыря участвовали въ этой встрѣчѣ Высочайшихъ Особъ. Они прослушали Божественную Литургію, подробно осмотрѣли всѣ монастырскія учрежденія; скромно, по монастырски, позавтракали. Непринужденная бесѣда продолжалась нѣсколько часовъ. Несомнѣнно картина монастырской жизни въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ оставила глубокое и свѣтлое впечатлѣніе у Высокихъ гостей. Могу объ этомъ судить по тому, что гораздо позднѣе, когда по званію члена Государственной Думы, я со своими думскими коллегами представлялся Государю и Императрицѣ, она, здороваясь со мной, сказала: «Вы помните наше посѣщеніе Лѣснинскаго монастыря? — Не правда ли, какой тамъ чудный дѣтскій міръ»...

Матушка Екатерина любила свой родной великорусскій народъ, хотѣла ему послужить, а Богъ привелъ трудиться среди иного народа, душевно изломаннаго долголѣтней борьбою за свою вѣру и народность, но этому бѣдному народу она сумѣла послужить съ великимъ усердіемъ. Различіе психологическаго склада великороссовъ и малороссовъ она чувствовала тонко и не разъ дѣлилась со мной своими наблюденіями.

Матушка выписала изъ Великороссіи плотника. Мастеръ своего дѣла изумительный. Но и выпить тоже мастеръ. Любимое его удовольствіе было — въ праздникъ насадить въ телѣгу дѣвокъ, бабъ и съ гикомъ мчаться черезъ деревню. Бѣда, если какой-нибудь парень подвернется на дорогѣ: хлестнетъ кнутомъ... А послѣ угощаетъ его водкой. Врядъ ли среди холмскихъ парней нашелся бы такой своенравный молодецъ...

Лѣснинскій монастырь былъ не только духовнымъ центромъ народной жизни, но и разсадникомъ женскаго монашества въ Холмщинѣ. Притокъ пострижницъ не прекращался. Стоило матушкѣ Екатеринѣ побывать въ Петербургѣ, — непремѣнно привезетъ съ собой нѣсколько дѣвицъ, взыскующихъ монашества. Обаятельная, умная и образованная, она имѣла даръ духовнаго воздѣйствія на женскую молодежь, ее воодушевляла, будила, увлекала за собой на подвигъ... Съ теченіемъ времени изъ Лѣснинскаго гнѣзда стали вылетать выводки и вить гнѣзда на сторонѣ. Уходили 10-12 сестеръ подъ водительствомъ болѣе опытной и устраивали новый монастырь, который въ свою очередь развивался на основахъ лѣснинскихъ традицій.

Такимъ путемъ возникло 5 монастырей.

1) Вировскій монастырь, основанный матушкой Анной (Потто), самоотверженной, ревностной монахиней.

2) Теолинскій монастырь. — Настоятельницей его была мать Людмила.

3) Радочницкій монастырь. — Во главѣ его стояла матушка Афанасія (Громеко), умнѣйшая, образованнѣйшая монахиня съ литературными способностями. Ея братъ былъ близокъ Страхову и извѣстенъ какъ одинъ изъ первыхъ серьезныхъ критиковъ Толстого. Обитель эта возникла на мѣстѣ мужского монастыря. Монахи влачили жалкое существованіе, бездѣльничали, выпивали. Архіепископъ его и отнялъ.

4) Красностокскій монастырь. — Настоятельницей его была мать Елена, большая ревнительница монашеской жизни, и широко развившая ее въ своей обители въ духѣ и направленіи своей родоначальницы — м. игуменьи Екатерины.

и 5) Турковицкій монастырь. — Онъ былъ основанъ уже при мнѣ, т. е. когда я сталъ епископомъ. Настоятельницей его была высокообразованная мать Магдалина (Горчакова).

Все, что я сказалъ о культурно-просвѣтительной дѣятельности Лѣснинскаго монастыря, относится и къ остальнымъ женскимъ обителямъ. Всюду вокругъ обителей возникали пріюты, школы, больницы... Сестры распространяли свою дѣятельность и за предѣлы этихъ учрежденій; ходили по деревнямъ — къ роженицамъ, къ больнымъ, къ старушкамъ, погребали безродныхъ, оказывали самую разнообразную помощь мѣстному населенію.

Вотъ одна изъ картинъ, иллюстрирующая подвижническій трудъ Вировскаго монастыря.

Пасха... На рѣкѣ (Западномъ Бугѣ) ледоходъ. Дождь, вѣтеръ... Ночь... Двѣ сестры съ рискомъ переправились черезъ рѣку и докладываютъ настоятельницѣ матушкѣ Аннѣ, что въ деревнѣ, откуда вернулись, померла старушка.

Матушка даетъ распоряженіе:

— Сейчасъ-же поѣзжайте, чтобы все приготовить къ погребенію...

Сестры волнуются:

— Матушка, какъ же ѣхать! Вѣтеръ... ледоходъ... какъ мы поѣдемъ?

— Ну, тогда я сама!

Сестры въ ужасѣ:

— Нѣтъ-нѣтъ, мы поѣдемъ....

Въ женскихъ монастыряхъ Холмщины установилась внутренняя дисциплина: каждая монахиня сознательно относилась къ своему долгу, понимая всю серьезность своего призванія. Монастыри были

обвѣяны однимъ духомъ, связаны единствомъ духовно-просвѣтительныхъ методовъ монашескаго труда — и стали для холмскаго народа необходимой и крѣпкой опорой.

Конечно, многочисленныя монастырскія учрежденія не могли обходиться безъ правительственной поддержки. К. П. Побѣдоносцевъ, бывало, за голову хватается: «Ахъ, опять монахини за деньгами пріѣхали!» и всегда отсылалъ ихъ къ своему товарищу В. К. Саблеру, неизмѣнному ихъ защитнику и покровителю. И рѣдко онѣ возвращались съ пустыми руками. Увидя м. Анну въ пріемной, онъ восклицалъ: «Ахъ, милая мать, опять носящая «духъ сокрушенія», яко же древле пророчица Анна! Ну ничего... мы Давыдку «безпечально сотворимъ», (онъ чудно зналъ богослужебный уставъ и языкъ), т. е. заплатимъ долгъ мѣстному поставщику-еврею, не разъ въ трудныя времена выручавшему Вировскій монастырь, хоть и сбывавшему туда залежавшіеся продукты. По этому поводу Побѣдоносцевъ добродушно подшучивалъ надъ нашими игуменьями: «Вотъ соберутся онѣ у Владиміра Карловича, — говорилъ онъ, — и поютъ ему въ унисонъ: «мой Ратмиръ, любовь и миръ...».

У меня возникло живое духовное общеніе съ настоятельницами, съ монахинями, съ пріуготовляющимися къ рясофору сестрами. Завелась переписка по вопросамъ духовной жизни, ко мнѣ обращались за совѣтами, за разъясненіемъ религіозныхъ недоумѣній, дѣлились мыслями, проектами, просили руководства... О значеніи для моей духовной жизни холмскихъ монастырей я еще буду говорить, здѣсь же упомяну лишь о томъ, что за годы ректуры я постригъ около 50 монахинь.

Къ моимъ поѣздкамъ въ монастыри архіепископъ Іеронимъ относился сдержанно. Помню, собрался я какъ-то разъ туда на храмовой праздникъ Св. Троицы. Владыка выслушалъ мою просьбу объ отпускѣ холодно.

— Зачѣмъ вамъ туда?

Но все же отпустилъ. А при встрѣчѣ на вокзалѣ, когда послѣ Троицы онъ прибылъ къ намъ на экзамены, замѣтилъ съ усмѣшечкой:

— О. ректоръ, здравствуйте, здравствуйте! А я думалъ вы тамъ въ монастырѣ и останетесь...

Въ монастыри я обычно ѣздилъ на монастырскіе праздники. Особенно торжественны и многолюдны они были въ Лѣснинской обители. Тамъ была древняя икона Божіей Матери, вырѣзанная на камнѣ. По преданію, — ее нашли въ лѣсу. Населеніе эту икону очень почитало и стекалось на ея празднованіе огромными толпами. Въ другихъ монастыряхъ подобныя торжества тоже носили народный характеръ. Прибывали со всѣхъ сторонъ тысячными крестными хода-

ми, каждый со своимъ церковнымъ причтомъ, съ иконами, съ хоругвями, съ пѣніемъ духовныхъ стиховъ по «богогласникамъ» (такъ назывались книжечки-сборники этихъ духовныхъ пѣсенъ). Случалось, что собиралось до 25.000 народу. И при этомъ множествѣ — полный порядокъ: ни одного непристойнаго слова, ни одного пьянаго лица. Приходили съ вечера и многотысячнымъ лагеремъ располагались вокругъ монастыря. Всю ночь, бывало, льются духовныя пѣсни, мерцаютъ огоньки свѣчей... подъ каждымъ кустомъ идетъ исповѣдь... Святая толпа! Часто пріѣзжалъ изъ Петербурга на эти праздники В. К. Саблеръ, и любили мы съ нимъ въ теплыя лѣтнія ночи обходить эти удивительные лагеря, слушать воодушевленное пѣніе и вступать въ бесѣду съ народомъ, которому высокій синодскій сановникъ раздавалъ подарки — иногда крестики, а иногда и рубашки дѣтямъ. Въ простотѣ сердца народъ не зналъ, какъ его назвать, и, привыкши имѣть дѣло съ духовными лицами, обращался къ нему: отецъ псаломщикъ!.. Саблеръ смѣялся и умилялся этому господству церковныхъ образовъ и понятій въ лексиконѣ народа. А на утро во всѣхъ храмахъ обѣдня и причащеніе. Всѣмъ попасть невозможно, — и толпа на дворѣ становится рядами, стоитъ на колѣняхъ, тихо, смиренно, пока священники не обойдутъ всѣхъ со Св. Дарами... Часто бабы, по обѣту, на колѣняхъ обходятъ вокругъ монастырскаго храма, иногда по 3-5 разъ. Очень благочестивый, набожный народъ. Послѣ литургіи, когда всѣ въ радости и душевномъ умиротвореніи — крестный ходъ вокругъ храма и проповѣдь на площади. Среди холмскихъ священниковъ встрѣчались замѣчательные проповѣдники, опытнѣйшіе народные ораторы, которые умѣли потрясать сердца. (Я имъ позволялъ говорить на мѣстномъ нарѣчіи.) Черезъ 10-15 минутъ въ толпѣ слезы, рыданія... Преосвященный Флавіанъ, благословляя такого проповѣдника на проповѣдь, говорилъ съ улыбкой:

— Говорите не больше 15-ти минутъ, но чтобы всѣ плакали...

— Слушаю... — отвѣчалъ священникъ и часто въ точности исполнялъ волю своего архіерея.

Помню такую картину. Идемъ мы крестнымъ ходомъ въ кольцѣ стражниковъ (на праздникѣ присутствовалъ Саблеръ). На столѣ подъ деревомъ стоитъ проповѣдникъ — ждетъ очереди. Началъ — съ двухъ словъ захватилъ толпу. Смотрю, стражникъ одной рукой наводитъ порядокъ, — бабу фуражкой бьетъ по головѣ, чтобы не напирала, а другой — глаза прикрылъ: слезы прячетъ...

На праздникѣ въ Турковицкомъ монастырѣ довелось мнѣ тоже слышать прекраснаго проповѣдника. Отслужили мы заключительный молебенъ у цѣлебнаго колодца — и началась проповѣдь. Помню ея вступленіе: «Зачѣмъ вы сюда пришли? Чего вы ищете?» Пауза... И вдругъ голосъ изъ толпы: «Царства небеснаго, батюшка!»

— «Святое слышу слово!...» — подхватываетъ восклицаніе проповѣдникъ, и умѣло переходитъ къ назиданію: «Но поучитесь, какъ надо его искать»... и т. д. И эта превосходная вдохновенная проповѣдь была сказана простымъ сельскимъ священникомъ о. Петромъ Товаровымъ!

Я узналъ и полюбилъ народъ на этихъ чудныхъ монастырскихъ торжествахъ. Случалось мнѣ бывать и на храмовыхъ сельскихъ праздникахъ. Епископъ Тихонъ завелъ такой порядокъ: если онъ самъ ѣхать не могъ, село приглашало архимандрита-ректора. Присутствіе «золотой шапки» что-то для населенія значило. Я ѣздилъ охотно, говорилъ проповѣди, общался съ народомъ, наблюдалъ, знакомился...

Такъ я въ тѣ годы и жилъ — полной, дѣятельной жизнью. Физическихъ силъ было тогда достаточно, и я со всѣмъ справлялся. Хотѣлось даже каникулы использовать со смысломъ, дабы онѣ не проходили въ одномъ физическомъ отдыхѣ, но и способствовали расширенію кругозора.

Я любилъ путешествовать, любилъ заѣхать и къ матери. Много радости доставляло ей видѣть меня на церковныхъ службахъ въ митрѣ...

Удалось мнѣ за лѣтнія каникулы побывать и въ Соловецкомъ монастырѣ и въ Казани.

Поѣздка на сѣверъ была чудная. Путешествовали мы вдвоемъ: мой пріятель-лѣсничій и я. Черезъ Москву и Сергіевскую Лавру добрались мы до Ростова; слышали здѣсь знаменитый колокольный звонъ по нотамъ, заведеный протоіереемъ Израилевымъ. Колокола вызванивали разные церковные напѣвы. Оттуда поѣхали въ Ярославль, гдѣ я впервые увидѣлъ Волгу, переправились черезъ нее на пароходѣ, а купцы-спутники наши — на лодочкѣ. На вокзалѣ подскочили къ намъ носильщики ярославцы: ловкіе, проворные, смѣтливые: кто чемоданъ взялъ, кто — зонтикъ, кто — дорожный мѣшокъ, не успѣли оглянуться — ужъ и мѣста въ вагонѣ готовы, и все уложено, и насъ усаживаютъ. Только всей компаніи и «на чай» надо... Въ тотъ годъ открылся желѣзнодорожный путь «Ярославль — Вологда».

Вологда, городъ старый, деревянный, съ дощатыми тротуарами, со старинным пригороднымъ монастыремъ преподобнаго Дмитрія Прилуцкаго, ученика преподобнаго Сергія Радонежскаго. На улицѣ повстрѣчался пьяненькій монашекъ: обносилъ икону — и наугощался.... Я, молодой архимандритъ, къ такому непорядку критически: «Что смотритъ архіерей!».

Въ Вологдѣ сѣли на пароходъ и поплыли по Сухонѣ, а потомъ по сѣв. Двинѣ. Мелькаютъ деревни съ двухъэтажными избами, церковки особой, «сѣверной», бревенчатой, архитектуры... И какіе лѣса! Какая красота — эта царственно-широкая, глубокая рѣка!..

Плыли-плыли и наконецъ пристали къ прекрасному Тотемскому (преподобнаго Феодосія) монастырю. Тутъ помолились — и дальше до Архангельска.

Городъ этотъ приморскій, старинный, тоже весь деревянный. Мы прежде всего хотѣли попасть въ монастырь Михаила Архангела. Однако, хотя дѣло было днемъ, — едва достучались. Сонное царство... Вышелъ заспанный, недовольный монашекъ и заявилъ: «Никакихъ замѣчательностей у насъ нѣтъ...».

Тогда мы — въ архіерейскій домъ. Неприглядное строеніе, большой садъ, лугъ, корова пасется... Ни фруктовыхъ деревьевъ, ни клумбъ — ничего... Владыки мы не видѣли.

Сѣли на Соловецкій монастырскій пароходъ и направились въ монастырь. На пароходѣ капитанъ и матросы — монахи. Дорогой у самыхъ Соловковъ попали въ мертвую зыбь, въ густой туманъ. Всю ночь ревѣли сирены. Меня укачало, а потомъ, — ничего, заснулъ. А на утро солнышко разогнало туманъ.

Въ Соловецкомъ монастырѣ насъ приняли съ почетомъ. Мнѣ отвели отличное помѣщеніе; настоятель пригласилъ къ завтраку, просилъ служить и сказать братіи поученіе. (Тутъ какъ разъ подходилъ день святителя Филиппа, знаменитаго Московскаго митрополита, обличителя Царя Іоанна Грознаго; св. Филиппъ былъ до своего архіерейства настоятелемъ Соловецкаго монастыря).

Въ храмѣ, кромѣ монаховъ, — толпа богомольцевъ: паломники со всѣхъ концовъ Россіи. Началъ я «слово» не безъ волненія: «Что влечетъ сюда этотъ простой, вѣрующій народъ? Съ котомками, иногда безъ копѣйки денегъ, пѣшкомъ, въ непогоду...». — И вдругъ бабій возгласъ (какая-то странница въ черномъ платкѣ впереди стояла):

— Не для васъ,—не для монаховъ! Мы къ угодникамъ, къ угодникамъ пришли!..

Подскочили къ ней монахи. Московскіе купцы, наши спутники, подъ руки ее подхватили — и потащили къ выходу. Я стою весь красный... Хотѣлъ блеснуть, сказать что-то назидательное,—и вотъ.. Потомъ смѣялись.

Послѣ обѣдни настоятель пригласилъ къ обѣду, гостепріимно и обильно угощалъ, а по окончаніи трапезы предложилъ проѣхаться на веселькомъ катерѣ къ островамъ.

Жара стояла парная, тяжелая. Я въ бѣломъ подрясникѣ и удивляюсь, почему лодочникъ тюленьи шубы въ катеръ укладываетъ.

Выѣхали на взморье — и потянуло такимъ холодомъ, что шубы пригодились. Мы прибыли на островъ «Сѣкирная гора»; на немъ устроена «Голгофа». Назначеніе острова печальное: сюда ссылали продерзостныхъ монаховъ на тяжелыя послушанія. Намъ повстрѣчался какой-то монахъ. Разговорились.

— Погибаю я тутъ, — жаловался онъ. — Я южанинъ, екатеринославецъ...

— Что же съ вами?

Онъ намъ повѣдалъ горькую свою долю.

Умирала купчиха и передъ смертью просила: постриги меня... Онъ ее и постригъ, безъ надлежащаго разрѣшенія церковной власти. Тѣмъ самымъ она лишилась всѣхъ имущественныхъ правъ. Купчиха неожиданно выздоровѣла, о содѣянномъ пожалѣла—и стала обвинять монаха въ насильномъ постригѣ, въ подкупѣ родственниками. Кончилось запрещеніемъ служить и ссылкой на «Сѣкирную гору».

Гуляя на островѣ по лѣсу, я впервые видѣлъ, какъ заря съ зарею сходятся. Не успѣли найти сумерки, — смотрю, опять восходъ солнца; ночи не было: чуть помрачнѣло — и снова день.

Необыкновенны здѣсь космическія явленія, необыкновенна и природа. Деревья, обращенныя къ сѣверу, — голыя безъ сучьевъ; а къ югу, — въ зеленыхъ вѣтвяхъ.

Возвратившись въ Соловецкій монастырь, мы его подробно осмотрѣли. Хозяйство было поставлено чудно, и размѣры его грандіозны. Скотный дворъ, верфь, кожевенное дѣло, швальни, сапожная мастерская, пекарни... — цѣлое государство, которое могло обходиться безъ посторонней поддержки; только своего хлѣба нѣтъ. Въ низинѣ — пчельникъ. Тамъ тучи комаровъ; приходилось накрывать голову сѣткой. Основатели обители преподобные Зосима и Савватій почитаются какъ покровители пчеловодства. — Особенность Соловецкаго монастыря — чайки. Монахи ихъ не только не трогали, но охраняли, и развелось ихъ на островѣ несмѣтное количество. Не онѣ — людей, а люди ихъ боялись. При дорогѣ яйца выводятъ, проходишь мимо, — шипятъ. Единственные враги чаекъ — лисицы. Но монахи, оберегая своихъ любимыхъ птицъ, ставили для лисицъ капканы.

Всѣмъ монастырскимъ хозяйствомъ распоряжался настоятель архимандритъ Іоанникій, — прекрасный администраторъ, внушительной внѣшности: большой, рыжій, сильный тверякъ.

Мое вниманіе привлекли молодые люди въ синихъ халатахъ, сновавшіе по монастырю. Мнѣ объяснили: «Это наши трудники». Оказывается, крестьянская молодежь съ прибрежныхъ мѣстностей, по обѣту, 1-2 года передъ женитьбой работаетъ въ св. обители безплатно. Придетъ дикій, сиволапый, неуклюжій парень, — его опре-

дѣлятъ либо въ швальню, либо въ кожевенную мастерскую, — смотришь, черезъ полгода онъ сталъ отличнымъ ремесленникомъ или ловкимъ работникомъ. Въ Архангельской губ. считается за честь и благословеніе поработать святымъ Зосимѣ и Савватію Соловецкимъ Чудотворцамъ. Культурное значеніе монастыря для сѣвернаго края огромно. Соловецкая обитель — мужицкое царство. Интеллигенціи почти нѣтъ, сплошь мужики.

На слѣдующій годъ я поѣхалъ въ Казань. Сѣлъ въ Нижнемъ-Новгородѣ на пароходъ и до самой Казани не могъ налюбоваться красотой волжскаго раздолья. Сидишь на палубѣ, дышешь вольной грудью, и передъ глазами развертываются панорамы одна другой краше. И нѣтъ имъ конца!

Въ Казани я прямо съ пристани проѣхалъ въ Академію, къ ректору преосвященному Антонію (Храповицкому). Теперь онъ былъ епископомъ Чебоксарскимъ, викарнымъ Казанскаго архіепископа.

Было предпразднество Казанской Божьей Матери, и преосвященный Антоній посовѣтовалъ мнѣ съѣздить съ визитомъ къ Казанскому архіепископу Арсенію.

Насъ поѣхало двое: архимандритъ Гавріилъ и я. Архіепископъ жилъ на своей дачѣ на озерѣ, за городомъ. Застали мы его въ бѣломъ подрясникѣ, въ гостиной. На насъ онъ глядѣлъ, какъ на мышей, и говорилъ съ высоты величія. Пробыли мы у него не больше пяти минутъ.

Про архіепископа Арсенія разсказывали одинъ эпизодъ, характерный для свойственнаго ему сознанія своего величія. Будучи уже архіепископомъ, украшенный звѣздами и орденами, пріѣхалъ онъ на родину, въ Смоленскъ, и здѣсь встрѣтился съ матушкой кафедральнаго протоіерея, къ которой въ молодости безуспѣшно сватался.

— Ишь, глупая какая, — попенялъ онъ, — посмотри, какой я теперь молодецъ! Звѣзды... отличія...

— Если бы я за васъ замужъ вышла, — замѣтила матушка, — и звѣздъ бы не было.

— А ты бы во время померла, — нашелся владыка Арсеній.

Осмотрѣть Казань мнѣ не удалось, — надо было готовиться къ богослуженію въ Казанскомъ женскомъ монастырѣ, томъ самомъ, гдѣ хранилась знаменитая икона Казанской Божьей Матери (впослѣдствіи украденная Чайкинымъ).

Служили всенощную подъ праздникъ. Была страшная жара. Архіепископъ Арсеній покрикивалъ на сослужащихъ. Среди насъ былъ архимандритъ Экзакустодіанъ (сокращенно его звали «Кустей»). Это былъ добродушный монахъ, любитель поугощать молодыхъ монаховъ и среди нихъ популярный. Архіепископъ кричитъ: «Экзаку-

стодіанъ! Читай шестопсалміе....». Старикъ хочетъ вздохнуть, посидѣть, онъ изнемогаетъ отъ жары, но дѣлать нечего, — и онъ идетъ на средину церкви — читаетъ.

Литургію тоже служилъ владыка Арсеній. Изъ Семіезерской Пустыни прибыла въ соборъ чудотворная икона. Къ концу обѣдни изъ монастыря принесли икону Казанской Божьей Матери, а «Семіезерскую» вынесли изъ собора. Тутъ обѣ иконы встрѣтились.

— Двѣ сестры повидаться пришли, — говорилъ архіепископъ Арсеній.

Народу собралось видимо-невидимо. Начался молебенъ. Насъ, старшихъ архимандритовъ сослужащихъ архіерею, было двое: ректоръ Петербургской Духовной Академіи архимандритъ Сергій (Страгородскій)*) и я. Послѣ молебна архіепископъ долженъ былъ поднять икону Казанской Божьей Матери и благословить народъ на четыре стороны. Тяжелую икону мы помогали поднимать. Справа архимандритъ Сергій поддерживалъ ее лѣвой рукой, а я слѣва — правой рукой.

— Что ты одной-то рукой? Одной рукой полдѣла дѣлаютъ... — сказалъ мнѣ архіепископъ Арсеній.

Праздникъ Казанской Божьей Матери самое яркое впечатлѣніе за все время моего пребыванія въ Казани. Ознакомиться съ городскими достопримѣчательностями мнѣ не удалось, не удалось и познакомиться съ профессорами Казанской Духовной Академіи.

Годы моей ректорской службы были связаны съ разнообразной административной дѣятельностью. Я посвящалъ ей время и силы до полной самоотдачи. Заботы о семинаріи, интересы церковной жизни Холмскаго края, церковнаго устроенія его народа, — развивали во мнѣ чувство пасторской любви, но ставили въ жизненныя условія, мало способствовавшія движенію впередъ на монашескомъ пути. И все же моя жизнь этого періода въ какой-то мѣрѣ съ этимъ путемъ совпадала и его обѣтамъ не противорѣчила. Я отдавался дѣлу безраздѣльно, себѣ не принадлежалъ. Личнымъ интересамъ мѣста не было. Сознаніе, что я лишь орудіе церковныхъ надобностей, — убивало эгоизмъ и эгоцентризмъ, а нѣкоторая доля самоотреченія и самоотверженія давала пищу моимъ духовнымъ запросамъ.

Очень помогало мнѣ и общеніе съ женскими монастырями, когда я сталъ «благочиннымъ». Монастыри, какъ я уже сказалъ, были прекрасные, культурные; въ нихъ поддерживался высокій уровень духовной жизни; монахини съ воодушевленіемъ, ревностно, служи-

*) См. страницу 109.

ли Богу и народу. Такія игумены, какъ матушка Екатерина или мать Анна, м. Аѳанасія, Елена, Магдалина, были большія величины, души необыкновенной духовной одаренности, общеніе съ ними могло оказать лишь благотворное вліяніе. Но и самыя обязанности «благочиннаго» помогали мнѣ. Я проникался интересами монашеской жизни. Настоятельницы ѣздили ко мнѣ, я — къ нимъ; мы совѣщались, обсуждали, рѣшали вопросы монастырскаго устроенія или управленія, бесѣдовали на духовныя темы... Каждый новый постригъ заставлялъ меня вновь передумать и перечувствовать идеалъ монашества. Приходилось не разъ на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ бесѣдовать съ каждой пріуготовляющейся къ постригу сестрой, спрашивать ее, почему она хочетъ вступить на иноческій путь, знаетъ ли его цѣль, имѣетъ ли представленіе о его трудностяхъ... Надо было выслушивать и ея вопросы, вникать въ ея сомнѣнья и недоумѣнья, — словомъ, стараться понять и почуять ея душу, какъ свою. Это оживляло во мнѣ монашескую настроенность души. Каждый постригъ былъ и мнѣ напоминаніемъ. Говоришь рѣчь передъ постригомъ и невольно спрашиваешь себя: «А самъ-то ты таковъ-ли, какъ ей говоришь?» Уча другихъ, я тоже поучался. Я назидалъ и руководилъ монахинями, а онѣ мнѣ помогали своимъ духовнымъ горѣніемъ. Молодыя постриженицы дѣлались какъ-бы моими духовными дочерьми. Между нами возникала переписка чисто аскетическаго содержанія, завязывались отношенія духовно-родственныя. Нѣкоторыя изъ сестеръ дѣлались настоятельницами и, тоже подъ моимъ руководствомъ, устраивали или управляли монастырями. Во мнѣ онѣ находили единомышленника и идейнаго защитника культурно-просвѣтительнаго направленія ихъ общественнаго труда. Нѣкоторые епископы смотрѣли на наши холмскіе монастыри косо. «Школы, пріюты, лѣчебницы... — при чемъ тутъ монашество?» — говорили они. А я стоялъ за нихъ, потому что сущность монашества — самоотверженная любовь и служеніе Христу. Общественная дѣятельность холмскихъ обителей была лишь особой формой проявленія любви къ Богу и ближнему, въ соотвѣтствіи съ духомъ времени и нуждами мѣстнаго населенія.

Общеніе съ женскими монастырями поддерживало во мнѣ необходимый уровень духовной жизни, отрезвляло, не позволяло расплываться въ одной внѣшней административной дѣятельности. Лѣтнія мои поѣздки, — посѣщеніе Соловковъ и другихъ монастырей, — тоже давали мнѣ многое. Тамъ я воспринималъ монашескій идеалъ въ конкретныхъ образахъ, передъ моими глазами проходили живые и яркіе его типы.

Случалось мнѣ время отъ времени выѣзжать и въ мужской Яблочинскій монастырь. Ничѣмъ замѣчательнымъ онъ не отличался, кромѣ славнаго прошлаго: онъ хранилъ нерушимую вѣрность право-

славію въ теченіе пятисотъ лѣтъ, несмотря на всѣ историческія бури и натискъ католичества. При мнѣ составъ монаховъ былъ малокультурный. Одинъ монахъ, напримѣръ, никогда не мылся; одержимый страстью сребролюбія онъ не разставался со своимъ сокровищемъ — зашитыми въ тряпочку деньгами, которыя онъ пряталъ на груди. Физическая его неопрятность давала себя чувствовать обонянію окружающихъ, и богомольцы избѣгали у него исповѣдываться. Никакіе уговоры братіи на него не дѣйствовали, и настоятель велѣлъ его вымыть силой. Послушники схватили его и потащили въ баню. Старикъ отбивался, кричалъ и плакалъ. Тѣмъ временемъ скребли, мыли и провѣтривали его келью. Тамъ нашли кучу сгнившихъ селедочныхъ головокъ, всевозможные отбросы, объѣздки и неописуемую грязь. Больше всего волновала старика судьба его сокровища. «Гдѣ мой кошелекъ?» — рыдалъ онъ въ банѣ. Его успокаивали, говорили, что онъ цѣлъ, у настоятеля, что его отдадутъ... Вымытый и одѣтый въ чистое бѣлье, монахъ продолжалъ горько плакать. Деньги ему вернули и уговорили съѣздить съ казначеемъ въ Холмъ и сдать ихъ въ сберегательную кассу. Однако, тамъ его сбереженій не приняли: отъ грязи и сырости въ тряпочкѣ завелась плѣсень, а бумажки издавали нестерпимое зловоніе. Потомъ пришлось бумажки оттирать, отмывать и сушить на солнышкѣ.

Въ Яблочинскомъ монастырѣ я служилъ, могъ пользоваться уединеніемъ, и тутъ тоже меня обвѣвалъ монашескій фиміамъ... Я гостилъ у настоятеля архимандрита Германа.

Такова была моя духовная жизнь періода ректорской службы. Долженъ сказать, что чувство любви къ народу за эти годы у меня развилось, но духовной жизни мнѣ приходилось удѣлять мало времени. Монашество требуетъ либо уединенія, либо корпораціи. Ни того ни другого не было. Не было и столь необходимыхъ для молодыхъ монаховъ періодическихъ съѣздовъ въ какомъ-нибудь монастырѣ для говѣнья, для внутренняго самоуглубленья и взаимнаго религіозно-просвѣтительнаго общенія. Митрополитъ Діонисій, глава Православной Церкви въ Польшѣ, въ настоящее время*) хочетъ реализовать эту мысль и сдѣлать одинъ изъ монастырей такимъ прибѣжищемъ для молодыхъ образованныхъ монаховъ, дабы они проводили тамъ 1-3 года послѣ пострига; впослѣдствіи такой монастырь долженъ стать тѣмъ «Отчимъ домомъ», куда періодически могли бы пріѣзжать монахи, чтобы набираться новыхъ духовныхъ силъ для дальнѣйшаго служенія.

Благопріятныя воздѣйствія, о которыхъ я сейчасъ разсказалъ,

*) Эти слова относятся къ 1936 году.

не дали совсѣмъ заглохнуть во мнѣ монашеской прививкѣ. Не могу тутъ не упомянуть и о добромъ вліяніи духовника Холмской семинаріи о. Иларіона, который когда-то, въ Тулѣ, пріуготовлялъ меня къ постригу*). Онъ и теперь меня цукалъ, неодобрительно, хоть и снисходительно, качалъ головой, глядя на мои шелковыя рясы, и зорко слѣдилъ, чтобы у меня не засиживались монахини. Какъ-то разъ пріѣхала ко мнѣ по дѣлу мать Елена, настоятельница Красностокской обители. Большая ревнительница духовной жизни, она всегда мнѣ задавала множество вопросовъ, требовавшихъ обсужденія и рѣшеній: то ей хотѣлось, чтобы я написалъ новый уставъ для монастыря, то высказалъ свое сужденіе по поводу той или иной сестры и т. д. По духу она мнѣ близка. Въ тотъ вечеръ бесѣда затянулась, и мать Елена засидѣлась. Смотрю, о. Иларіонъ подозрительно поглядываетъ, сидитъ, ждетъ, не уходитъ. Лишь только настоятельница вышла, нравоучительно сказалъ мнѣ:

— Хоть она и игуменья, а нечего ей такъ долго сидѣть. Поговорила, — и прощай...

О. Иларіонъ умеръ въ 1901 г. Я его въ Холмѣ и похоронилъ.

Въ немъ была рѣдкая монашеская красота — какая-то необычайная гармонія во всемъ существѣ, которую его простота только оттѣняла. Всѣ, кто съ нимъ общался, невольно эту красоту чувствовали; опредѣлить ее словами трудно; лишь сравненіе съ ароматомъ цвѣтка можетъ дать о ней хоть нѣкоторое понятіе... Люди къ о. Иларіону влеклись, его любили. Епископъ Германъ, присмотрѣвшись къ нему, полюбилъ его тоже.

Въ 1902 г. преосвященный Германъ занемогъ. У него появилась астма, боязнь пространства и другія нервныя явленія. Во время службъ иподіаконы должны были его поддерживать. Болѣзнь развивалась, въ ноябрѣ 1902 г. его уволили на покой и увезли лѣчиться въ Петербургъ, гдѣ въ больницѣ онъ и умеръ.

Въ Холмѣ пошли толки: кто будетъ его преемникомъ? Упоминали мое имя. Архіепископъ Іеронимъ энергично представилъ меня на эту должность, однако, изъ Петербурга полтора мѣсяца отвѣта не было. Наконецъ, оттуда пріѣхала мать Афанасія и привезла вѣсть, что о моемъ назначеніи тамъ говорятъ, какъ о вопросѣ рѣшенномъ. Дѣйствительно, черезъ два дня пришла поздравительная телеграмма отъ Саблера, изъ которой я узналъ, что меня назначили епископомъ Люблинскимъ, викаріемъ Холмско-Варшавской епархіи. Это было 5/18 декабря 1902 года.

*) См. страницы 59-61.

Викарный епископъ

(1903 — 1905)

ГЛАВА X

Нареченнаго во епископы вызывали обычно въ Петербургъ. Хиротонія совершалась въ Казанскомъ соборѣ или въ Исаакіевскомъ, иногда въ Александро-Невской Лаврѣ. Бывали онѣ и въ Кіевѣ и въ Москвѣ, — словомъ, въ одномъ изъ митрополичьихъ центровъ. Меня рѣшили посвятить въ Холмѣ. Исключеніе изъ общаго правила объясняется тѣмъ, что торжеству хотѣли придать характеръ большого церковно-народнаго событія въ нашей епархіи; оно должно было произойти на глазахъ холмскаго народа и тѣмъ самымъ сроднить его съ новымъ епископомъ, а также — нравоучительно подѣйствовать на недавнихъ уніатовъ.

Въ Холмѣ была древняя святыня: чудотворная икона Божьей Матери*). Пребывала икона въ городскомъ кафедральномъ соборѣ; висѣла надъ царскими вратами и на винтахъ спускалась для молебновъ и поклоненія (по субботамъ служили акафисты, а по воскресеньямъ послѣ обѣдни — простые молебны). Вся мѣстная церковная жизнь имѣла своимъ средоточіемъ эту замѣчательную икону. Моя хиротонія въ Холмскомъ соборѣ передъ народной святыней должна была имѣть и символическое значеніе: я получаю омофоръ изъ рукъ Холмской Божьей Матери. Я очень этому радовался.

Вмѣстѣ съ синодальнымъ указомъ пришло и распоряженіе архіепископа Варшавскаго Іеронима готовиться къ посвященію, которое должно было состояться черезъ недѣлю въ его присутствіи. Архіепископъ Іеронимъ, какъ я уже сказалъ, ходатайствовалъ въ Петербургѣ о моемъ назначеніи, побѣдивъ сопротивленіе въ Синодѣ, гдѣ епископъ Маркеллъ, бывшій Холмскій епископъ-галичанинъ, возсоединившійся изъ уніи, высказался противъ меня на томъ основаніи, что меня, яко-бы, мѣстное духовенство недолюбливаетъ. Очевидно, на него воздѣйствовали черезъ переписку священники-галича-

*) См. страницу 94.

не; они были вольнаго духа и меня боялись, потому что я стоялъ за дисциплину. «Но его любятъ архіепископы и епископы...» — возразилъ епископу Маркеллу Петербургскій митрополитъ Антоній (Вадковскій). Я получилъ предложеніе владыки Іеронима о хиротоніи въ половинѣ декабря, за недѣлю до роспуска семинаріи на рождественскія каникулы. Подготовить все къ посвященію въ столь короткій срокъ мнѣ было трудно. Надо было пригласить 3-4 епископовъ, которые врядъ ли такъ скоро могли бы пріѣхать; достать все имъ необходимое для священнослуженія; надо было и самому подготовиться. А главное, мои семинаристы разъѣзжались на каникулы, и торжество состоялось бы въ ихъ отсутствіи. Я написалъ архіепископу Іерониму — просилъ отложить посвященіе до конца каникулъ, просилъ и о разрѣшеніи тѣмъ временемъ съѣздить къ родителямъ за благословеніемъ. Архіепископъ Іеронимъ на все согласился.

Отслуживъ по просьбѣ духовенства всенощную и Литургію какъ «нареченный во епископы», и принявъ поздравленія, я на другой день выѣхалъ на родину. Въ Москвѣ ко мнѣ присоединились братъ съ женой, и мы направились подъ Новый Годъ черезъ гор. Серпуховъ въ село Никольское. Помню, ѣхали отъ станціи до села на саняхъ, въ большой морозъ, въ шубахъ...

Моя мать была въ восторгѣ, узнавъ о моемъ назначеніи; отецъ — тоже. Имѣть сына-епископа большая честь для семьи сельскаго священника. Я пробылъ дня два-три, — торопился въ Холмъ на Крещенское водосвятіе, которое совершалось у насъ очень торжественно: съ крестнымъ ходомъ отъ собора на рѣку, въ присутствіи высшихъ военныхъ и гражданскихъ властей. Мнѣ хотѣлось на пути заѣхать въ Орелъ къ епископу Иринею, который меня постригъ, но заѣхать не успѣлъ и написалъ ему письмо.

Судьба епископа Иринея сложилась подъ вліяніемъ его прямолинейнаго характера. Въ Петербургѣ владыку Иринея не любили за рѣзкость, и въ теченіе 5-6 лѣтъ ему пришлось смѣнить 4 кафедры. Послѣ Могилева его перевели въ Тулу, потомъ въ Каменецъ-Подольскъ, потомъ въ Екатеринбургъ, и наконецъ въ Орелъ. Тутъ онъ и умеръ. Смерть его была трагическая. Въ Японскую войну, когда наша эскадра чувствительно пострадала отъ непріятеля, и въ морскомъ бою погибъ адмиралъ Макаровъ (это произошло въ Великую Субботу, 31 марта 1904 года), — по всѣмъ городамъ были разосланы телеграммы съ приказомъ служить панихиды. По церковному уставу, до вторника на Фоминой, до «радоницы», панихидъ служить нельзя, и епископъ Ириней указа рѣшилъ не выполнять. Явились губернскіе представители, стали его уговаривать, но онъ категорически: «Это невозможно, я этого сдѣлать не могу...». Въ Петербургъ полетѣли жалобы. Въ отвѣтъ — телеграмма епископу Иринею отъ

Оберъ-Прокурора: «исполнить». Преосвященный Ириней что-то ему отвѣтилъ; Побѣдоносцевъ снова къ нему съ неотступнымъ требованіемъ... Тогда владыка позвалъ секретаря и сказалъ ему: слушай, что я сейчасъ скажу и повтори мои слова: «меня убилъ Оберъ-Прокуроръ...». Секретарь растерялся, подумалъ, что епископъ сошелъ съ ума. Но преосвященный Ириней настаивалъ: «говори за мной, повтори...», и опять произнесъ непонятную трагическую фразу. Когда немного времени спустя секретарь вошелъ въ комнату, — владыка лежалъ мертвый у письменнаго стола...

По возвращеніи въ Холмъ, я переселился въ архіерейскій домъ и началъ спѣшно готовиться къ посвященію. На хиротонію я пригласилъ трехъ епископовъ: 1) Волынскаго епископа преосвященнаго Антонія (Храповицкаго), 2) Гродненскаго епископа преосвященнаго Іоакима и 3) Владиміро-Волынскаго епископа преосвященнаго Арсенія. Во главѣ іерарховъ прибылъ изъ Варшавы архіепископъ Іеронимъ. Надо было подумать о размѣщеніи моихъ гостей, о хозяйственной сторонѣ пріема и объ угощеніи въ день торжества, — словомъ, такъ много было у меня хозяйственныхъ заботъ и хлопотъ, что внутреннимъ пріуготовленіемъ заниматься было трудно: не хватало времени, чтобы сосредоточиться.

Архіепископа Іеронима и епископа Іоакима я устроилъ у себя въ архіерейскомъ домѣ; остальныхъ — въ моей старой ректорской квартирѣ. Преосвященный Антоній пріѣхалъ въ сопровожденіи студента Петерб. Духов. Академіи Т. А. Аметистова и преподавателя Уфимской семинаріи іеромонаха Тарасія. Отъ двухъ моихъ гостей я получилъ подарки: архіепископъ Іеронимъ подарилъ мнѣ чудную панагію, а епископъ Антоній — голубую бархатную рясу со своего плеча.

Посвященіе во епископы состоитъ изъ двухъ моментовъ: нареченія и хиротоніи. Нареченіе было 11-го января, въ субботу. Литургія была совершена преосвященнымъ Арсеніемъ. Проповѣдь сказалъ іеромонахъ Тарасій и столь проникновенную, что, по словамъ матушки Екатерины, вся церковь плакала. Послѣ Литургіи всѣ архипастыри въ сослуженіи многочисленнаго духовенства служили молебенъ Божьей Матери передъ чудотворной иконой. Въ соборѣ присутствовали учащіеся всѣхъ учебныхъ заведеній (на этотъ день ихъ освободили отъ занятій) и множество народа. По окончаніи молебна былъ прочитанъ по установленной формѣ «указъ» о моемъ назначеніи, архипастыри пропѣли краткое молебное пѣніе Св. Духу и, по возглашеніи многолѣтія, я произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Съ трепетнымъ сердцемъ и смятенной душою предстою я ны-

нѣ предъ вашимъ освященнымъ соборомъ. Это трепетное чувство не перестаетъ волновать мою душу съ того самаго момента, когда до слуха моего коснулся божественный глаголъ, призывающій меня къ служенію святительскому, а въ настоящіе для меня «нареченные и святые» дни оно достигаетъ своего высшаго напряженія. «Услышахъ, Господи, слухъ твой и убояхся», взываю я съ пророкомъ Аввакумомъ (3, 1).

Живо предносится моему мысленному взору вся моя прошедшая жизнь. Путь иноческій, приведшій меня нынѣ къ святительству, не всегда представлялся мнѣ моею жизненною дорогою, — тѣмъ путемъ, «въ онь же пойду» (Пс. 142, 8), но служеніе пастырское отъ ранней юности было близко и дорого моему сердцу. Впервые указалъ мнѣ духовную красоту иночества и его высокое нравственно-просвѣтительное значеніе извѣстный всей православной Россіи Оптинскій старецъ Амвросій, къ которому съ дѣтства привыкъ я притекать за благословеніемъ, молитвой и назиданіемъ. То, что «насадилъ» великій старецъ, «напоилъ» другой приснопамятный наставникъ моей юности, котораго я нынѣ имѣю утѣшеніе видѣть въ сонмѣ архипастырей, моихъ рукоположителей. Въ золотую пору, когда въ горячихъ молодыхъ головахъ рѣшались основные вопросы жизни, намѣчались жизненныя цѣли и задачи, опредѣлялось сознательное отношеніе къ окружающей дѣйствительности, а юные сердца горѣли пламеннымъ желаніемъ посвятить себя беззавѣтному служенію высокимъ христіанскимъ идеаламъ, онъ уяснилъ намъ чудное сочетаніе идеи иноческой и пастырской. И понялъ я тогда, что пастырство, какъ высочайшее служеніе любви Христовой, требуетъ прежде всего отъ своихъ служителей самоотреченія; что аскетизмъ является существеннымъ, важнѣйшимъ свойствомъ пастырскаго настроенія и главнѣйшею основою пастырской дѣятельности, что служить дѣлу духовнаго возрожденія и спасенія можно не иначе, какъ черезъ умерщвленіе въ себѣ личной себялюбивой жизни, какъ о семъ говоритъ святой апостолъ Коринѳскихъ христіанъ: «Смерть дѣйствуетъ въ насъ, а жизнь въ васъ» (2 Коринѳ. 4, 12). Ясно стало мнѣ и то, что жизнь инока-пастыря, обрученнаго съ «Дѣвою чистою» (2 Коринѳ. 11, 2) — святою Церковью и окруженнаго свѣтообразными чадами церковными, полна такимъ богатствомъ внутренняго содержанія, которое изгоняетъ изъ сердца чувство духовнаго одиночества и съ избыткомъ восполняетъ отсутствіе радостей жизни семейной. Живымъ и убѣдительнѣйшимъ подтвержденіемъ этихъ взглядовъ явился для меня въ то время дивный святой образъ угодника Божія и великаго русскаго іерарха-народолюбца Тихона Задонскаго, изученіемъ подвиговъ и твореній котораго я завершалъ свое богословское образованіе. Однако, не сразу и не безъ тяжелыхъ сомнѣній и мучи-

тельныхъ колебаній совершился этотъ переворотъ въ моей жизни; прошло не мало времени упорной душевной борьбы, прежде чѣмъ моя колеблющаяся и метущаяся воля склонилась подъ благое иго Христово, и я воспринялъ чинъ иноческій и первыя степени іерархическаго служенія отъ руки одного глубокопочитаемаго мною старца-святителя.

Отселѣ начинается моя пастырская педагогическая дѣятельность сначала въ центрѣ Россіи, а потомъ здѣсь, на ея окраинѣ. Въ какой мѣрѣ я осуществилъ завѣты моихъ великихъ наставниковъ, Богъ вѣсть, мнѣ же вѣдомы лишь многія немощи души моей, и въ настоящія минуты болѣе, чѣмъ когда-либо, «беззаконія моя азъ знаю» (Пс. 50, 5), но то драгоцѣнное убѣжденіе юности, что пастырское дѣланіе можетъ созидаться лишь на почвѣ самоотреченія и распятія въ себѣ «ветхаго» себялюбиваго человѣка, — это убѣжденіе, прошедшее чрезъ горнило жизненнаго опыта, навсегда осталось для меня основнымъ руководящимъ началомъ моего пастырства.

И теперь, когда Господу Богу, по неизреченному его милосердію, угодно вложить въ мой немощный, скудельный сосудъ великое сокровище благодати архіерейства, когда я со страхомъ и трепетомъ взираю на предлежащій мнѣ подвигъ, я именно это жизненное правило привожу себѣ на память и съ особенною силою запечатлѣваю въ своемъ сердцѣ.

Недосягаемо высокъ идеалъ святительства, явленный намъ въ примѣрѣ нашего небеснаго Первосвященника и начертанный въ книгѣ божественныхъ словесъ Его. Безконечно велика и страшна отвѣтственность, лежащая на совѣсти святительской. Въ самомъ дѣлѣ, если, по непреложнымъ судьбамъ Божіимъ, Церкви Христовой въ періодъ станствованія завѣщана борьба съ грѣховнымъ міромъ, съ княземъ міра сего и со всѣми вратами адовыми; если она утверждается на крови мучениковъ и исповѣдниковъ и украшается этою кровью, аки «багряницею» и «виссономъ», то, конечно, епископъ, которому небеснымъ Кормчимъ ввѣрено управленіе кораблемъ церковнымъ, долженъ быть не только передовымъ ратоборцемъ, но и вождемъ въ этой борьбѣ. По свидѣтельству святого Игнатія Бононосца, онъ долженъ быть тою наковальнею, на которую прежде всего обрушивается молотъ враговъ. «Злопостражди, яко добръ воинъ Іисусъ Христовъ (2 Тим. 2, 3)», — отечески внушаетъ своему возлюбленному ученику — юному епископу Тимофею — великій апостолъ языковъ.

И, конечно, нужда въ этомъ добромъ воинствованіи, даже до злостраданія, до исповѣдничества, отнюдь не умалилась въ наши дни видимаго внѣшняго покоя церковной жизни. Кто не знаетъ, какъ обуревается теперь корабль церковный волнами невѣрія и суемудрія, какъ тѣло Христово терзается волками хищными, не щадящими

стада. Кому неизвѣстно, какъ часто люди, гордые мудростью міра сего, не только не хотятъ материнскаго голоса Церкви, но и поднимаютъ на нее свою святотатственную руку, или же, какъ въ послѣднее время, надѣвая на себя личину друзей Церкви, вносятъ въ нее такія воззрѣнія, которыя извращаютъ основы церковной истины и жизни. Не ново стало уже и то, что непризванные глашатаи лжеименнаго разума стараются похитить у нашего бѣднаго прекраснаго народа самое драгоцѣнное и священное его сокровище — святую вѣру православную и подмѣнить ее разными безумными измышленіями сектантскими. А наша многострадальная западно-русская и въ частности Холмская Церковь вотъ уже много вѣковъ терпитъ тяжкіе удары отъ своихъ отпавшихъ братьевъ. Съ глубокою скорбію и тугою сердечною смотритъ она на цѣлыя тысячи несчастныхъ жертвъ злополучной уніи, которыя и доселѣ пребываютъ въ своемъ темномъ упорствѣ, ибо лежащее на сердцахъ покрывало вѣковыхъ заблужденій не позволяетъ возсіять въ нихъ свѣту истины Христовой.

Гдѣ же смиренному служителю Церкви Православной взять силъ, чтобы бороться съ такими многочисленными и разнообразными врагами, чтобы и «омраченныя просвѣтити и собрати расточенныя» и въ соединеніе вѣры и любви призвать и возвратить къ единому Пастырю и Епископу душъ нашихъ (1 Петр. 2, 25)? Взять ли въ руки мечъ, вооружиться ли всѣми средствами борьбы, къ которымъ, прибѣгаютъ инославныя ученія, кичащіяся громадными количественными успѣхами своей пропаганды? Но слышится грозное слово Пастыреначальника нашего: «Взявшіе мечъ, мечемъ погибнутъ» (Мф. 26, 52). Нѣтъ, не въ этомъ сила истиннаго пастырства по духу Христову, — не въ стройности и крѣпости внѣшней организаціи дѣятелей, не въ широтѣ ихъ проникновенія во всѣ общественныя сферы, не въ обиліи матерьяльныхъ средствъ, даже «не въ препрѣтельныхъ человѣческія мудрости словесѣхъ» (1 Кор. 2, 4), — нѣтъ, мы, говоритъ святой апостолъ, «не по плоти воинствуемъ; оружія бо воинства нашего не плотская, но сильны Богови» (2 Кор. 10, 3-4), это «оружія правды» (2 Кор. 6,7), тѣ оружія Божіи, въ которыя облекаетъ тотъ же святой апостолъ своего духовнаго воина — подвижника для побѣдоносной борьбы съ врагами спасенія. Это — «броня правды, шитъ вѣры, шлемъ спасенія, мечъ духовный, иже есть глаголъ Божій, и молитва» (Ефес. 6, 11-18). Вотъ какими доспѣхами долженъ вооружаться пастырь церкви, исходя на дѣланіе свое: яркій пламень святой вѣры, внутренняя чистота сердца, неустанная ревность о спасеніи, внимательное поученіе въ законѣ Господнемъ и благоухающій фиміамъ молитвы, — вотъ что сообщаетъ пастырю несокрушимую нравственную мощь на низложеніе ихъ замысловъ и всякаго превозношенія, взимающагося на разумъ Божій и на плѣненіе

всякаго помышленія въ послушаніе Христово (2 Кор. 10, 4-5); вотъ гдѣ источникъ силы и залогъ успѣха его дѣятельности.

И нынѣ со смиреніемъ и покорностью преклоняясь предъ изволеніемъ Духа Святаго (Дѣян. 20, 28) о мнѣ недостойномъ, я о томъ всего болѣе молитвенно взываю ко Господу Богу моему, да облечетъ меня сугубо Его всесильная благодать тѣми оружіями «добраго воинствованія», которыми онъ научилъ слабыя руки мои на ополченіе и персты мои на брань (Пс. 143, 1) еще при первомъ вступленіи на путь иноческій; высота архипастырская да сочетается въ сердцѣ моемъ со смиреніемъ иноческимъ.

Васъ же, святители Божіи, молю Господомъ Іисусомъ Христомъ и любовью Духа, споспѣшествуйте мнѣ въ молитвахъ моихъ къ Богу (Рим. 15, 30), да не вотще приму благодать (2 Кор. 6, 1) архіерейства, да поможетъ мнѣ Господь быть добрымъ дѣлателемъ на нивѣ Его, «тщаніемъ не лѣнивымъ, духомъ горящимъ, Господеви работающимъ» (Рим. 12, 11). Особенно же Тебя молю, Владыко и Отче мой, воспріявшій меня въ лоно любви своей и избравшій своимъ сотрудникомъ. Уже много лѣтъ свѣтильникъ Твой стоитъ на свѣщницѣ западной русской Церкви, разливая кругомъ кроткое сіяніе мира, благости и любви. Животворными лучами любви этой не преставай согрѣвать мое сердце и Твоею мудрою, опытною рукою веди меня, Твоего покорнаго послушника и соработника, къ осуществленію благихъ твоихъ начинаній и заботъ о благоустройствѣ мѣстной церковной жизни; для меня не будетъ большей радости, какъ исполнять твои предначертанія и, хоть отчасти, облегчать бремя архипастырскихъ трудовъ твоихъ.

Пресвятая Дѣво, небесе и земли Царице, града и страны нашея Холмскія всемогущая Заступнице! Ты призываешь меня служить въ краѣ, судьбы котораго издревле ввѣрены покрову Твоего чудотворнаго образа. Помози же мнѣ разсѣянныхъ братьевъ нашихъ собрать во единое стадо Христово, заблудшихъ на путь правый наставить и всѣхъ просвѣтить къ зрѣнію спасенія вѣчнаго, да сподоблюсь и я услышать на страшномъ судѣ Сына Твоего блаженный и вожделѣнный гласъ: «Рабе благій и вѣрный... вниде въ радость Господа Твоего» (Мф. 25, 21). Аминь.

Настроеніе, въ которомъ я приступалъ къ хиротоніи напоминало то состояніе, въ которомъ я былъ при рукоположеніи во священство. Чувство неподготовленности къ служенію, большой трепетъ передъ трудностью архипастырскаго долга, сознаніе тяжелой отвѣтственности. Эти душевныя состоянія я и старался выразить въ моей рѣчи.

День моего посвященія, 12-го января, былъ морозный. Посвя-

щеніе во епископы — торжество глубокое по своему значенію. Преосвященный Леонтій называлъ его «монашеской свадьбой», «обрученіемъ паствѣ». Народу собралось множество: чувствовалось, что это торжество всей Холмщины. Со всѣхъ концовъ съѣхалось духовенство; нѣкоторые священники, оставивъ свои приходы, прибыли въ сопровожденіи группы прихожанъ; пріѣхали крестьяне; собрались «братчики»... Всѣмъ хотѣлось посмотрѣть на небывалое и невиданное въ Холмщинѣ зрѣлище.

Я былъ въ какомъ-то полузабытьи: видѣлъ все, что вокругъ меня творилось и точно и не видѣлъ... Меня подвели къ престолу и я склонился передъ нимъ въ трепетномъ благоговѣніи; надъ головой епископы держали раскрытое Евангеліе; прочтя тайнодѣйственныя молитвы, стали облачать меня въ архіерейскія одежды. Незабываемыя минуты... Я почувствовалъ себя архипастыремъ-духовнымъ вождемъ многострадальнаго холмскаго народа. Между мною и толпою, взаимно, словно побѣжалъ токъ... Сладостное ошущеніе родственной близости съ паствой: я — и мои дѣти, Господомъ мнѣ дарованныя, за которыхъ мнѣ держать отвѣтъ передъ Богомъ и исторіей. И тутъ же трепетное смущеніе: справлюсь ли? сумѣю ли поднять, улучшить душу моего народа — или своими ошибками лишь принесу ему вредъ? Еще думалъ: вотъ святыня — Холмская Богоматерь — свидѣтельница всѣхъ слезъ и стоновъ Холмщины...; если меня выбрали въ духовные руководители всего края, мнѣ оказана великая милость, и надо ее оправдать, достойно Господу послужить... Богоматерь со мною, Она поможетъ въ устроеніи судьбы моего народа. — Вотъ мысли и молитвы этихъ минутъ.

Торжественно совершалась литургія съ моимъ участіемъ уже въ санѣ епископа. Я осѣнилъ народъ благословеніемъ и мнѣ пѣли: «Ис полла эти деспота...». По окончаніи литургіи, по церковному чину, первенствующій епископъ говоритъ поученіе и вручаетъ новому епископу жезлъ. Архіепископъ Іеронимъ сказалъ трогательнѣйшее «слово»:

Преосвященный епископъ Евлогій,

Съ чувствомъ живой радости и благодарности къ Богу привѣтствую тебя, какъ возлюбленнаго брата во Христѣ. Радуюсь я о тебѣ, что нынѣ ты получаешь жребій высшаго служенія; радуюсь я о Церкви русско-православной, что она въ твоемъ лицѣ находитъ достойнаго іерарха; радуюсь и о себѣ самомъ, о томъ, что наше почти пятилѣтнее совмѣстное служеніе должно продолжаться и отнынѣ, что жребій твоего служенія соединяется съ моимъ и что мнѣ, возлюбившему тебя какъ сына, судилъ Богъ привѣтствовать какъ брата.... Чинъ церковный повелѣваетъ мнѣ въ настоящій великій и единственный день твоей жизни сказать тебѣ послѣднее архипас-

тырское поученіе... Весь чинъ твоего исповѣданія и посвященія явился лучшимъ поученіемъ для тебя, и ты самъ преподалъ себѣ истинно-христіанское наставленіе, когда далъ обѣтъ хранить вѣру въ Бога Живаго и Истиннаго и ввѣренное тебѣ стадо... Исполни, что обѣщалъ; поучай людей въ томъ, что исповѣдалъ, — и совершишь съ помощью Божьей неосужденно свое великое дѣло. Нынѣ ты все уже воспринялъ, сдѣлался въ Церкви, по волѣ и силѣ Духа Святаго, причастникомъ архіерейской благодати; ты уже облеченъ въ образъ Христа всѣми священными архіерейскими одеждами... одного недостаетъ еще тебѣ, что дается послѣ всего, — епископскаго жезла, символа величайшей въ Церкви духовной власти. Мѣнялись и доселѣ мѣняются въ Церкви орудія мірского владычества. Умъ человѣческій измышляетъ все новыя и новыя средства для господства и истребленія враговъ; только наша архіерейская власть какъ власть не отъ міра сего, имѣетъ неизмѣнно одно орудіе — скромный жезлъ мирнаго пастыря... И нынѣ я вручаю тебѣ такой жезлъ, какъ символъ твоего архипастырскаго служенія Церкви. Иди съ нимъ въ міръ, выводи на пажить добрую овецъ нашей паствы, укрѣпляя немощныхъ въ вѣрѣ... Пусть не смущается сердце твое, что тебѣ дается власть не къ разоренію, а къ созиданію, — орудіе не для истребленія враговъ и покоренія ихъ силою, но символъ мира и пастырской любви. И въ этомъ мирномъ орудіи кроется великая сила... Сила эта — вѣра наша въ божественную благодать, восполняющую недостающее, врачующую немощное, дѣйствующую могущественно въ самой нашей немощи. Сила эта, наконецъ, въ надеждѣ на то, что скоро или не скоро всѣ придутъ ко Христу; что придетъ часъ, когда будетъ «едино стадо и Единъ Пастырь». Содѣйствовать по мѣрѣ силъ скорѣйшему наступленію этого великаго часа — вотъ первый радостный долгъ каждаго изъ насъ. Иди безъ смущенія и колебанія, но въ мирѣ и радости на дѣло твое. Собирай съ Божьей помощью расточенная и приводи всѣхъ ко Христу, дабы въ день, когда явится, по слову апостола, Пастыреначальникъ, чтобы даровать неувядающій вѣнецъ славы пастырямъ вѣрнымъ, ты могъ дерзновенно сказать Ему: «се азъ и дѣти, яже ми далъ есть Богъ». Нынѣ же явись людямъ Божіимъ и преподай имъ благословеніе во имя Господне.

Епископы удалились изъ храма, а я съ жезломъ въ рукѣ благословлялъ народъ. Безконечной чредой все подходили и подходили молящіеся подъ благословеніе... По окончаніи этого обряда, меня ввели въ архіерейскій домъ; мнѣ пропѣли «Ис полла эти деспота...».

Я приготовилъ обѣдъ на 70-80 персонъ. Столы были накрыты не только во всѣхъ пріемныхъ комнатахъ архіерейскихъ покоевъ, но и въ помѣщеніи нижняго этажа — «для «братчиковъ», для

пѣвчихъ... Весь домъ превратился въ ресторанъ. За главнымъ столомъ заняли мѣста высшее духовенство и почетныя гражданскія и военныя лица; тутъ были и генералы изъ Люблина, и корпусный командиръ, и начальникъ дивизіи... У насъ, въ Западномъ краѣ, мясо монашествующимъ было позволено, въ Россіи — нѣтъ. Архіепископъ Іеронимъ и Гродненскій епископъ Іоакимъ его вкушали, а преосвященный Антоній отъ мясного воздерживался. Я далъ распоряженіе эконому, чтобы за главнымъ столомъ подавали рыбное. Экономъ схитрилъ — въ мясной бульонъ пустилъ карасиковъ. Преосвященный Антоній попробовалъ и говоритъ: «супъ то стервый...». А архіепископъ Іеронимъ мягко: «не углубляйтесь...». Обѣдъ прошелъ съ подъемомъ, съ изобиліемъ рѣчей. Длился онъ такъ долго и такъ утомилъ престарѣлаго архіепископа Іеронима, что его въ изнеможеніи увели отдохнуть и давали капли. Послѣ обѣда я развелъ усталыхъ архіереевъ по комнатамъ, но остальные гости еще долго не расходились и, кто въ столовой, кто въ гостиной, продолжали оживленно бесѣдовать. Мнѣ облили новую рясу ликеромъ: семинарскій докторъ, по случаю праздника наугощавшійся, расплескалъ на меня всю рюмку, изливая мнѣ свои добрыя чувства.

Вечеромъ былъ чай; собрались всѣ мои друзья, люблинскіе, варшавскіе и холмскіе. Долженъ отмѣтить единодушное участіе въ праздникѣ преподавателей семинаріи, ихъ стараніе разъяснить населенію значеніе торжества: одинъ изъ нихъ Ѳ. В. Коралловъ издалъ ко дню моего посвященія спеціальную брошюру.

Моя хиротонія, вѣроятно, потому, что она была въ Холмщинѣ первой, дѣйствительно обратилась въ народное торжество. Многіе потомъ этотъ день вспоминали съ чувствомъ духовной радости. Думаю, что идея моего посвященія въ Холмѣ принадлежала Саблеру. Благодаря соучастію народа, между мною и паствой возникла мистическая связь, которая должна была остаться до конца. Въ тѣ времена примѣнялась система переброски архипастырей: опала или благоволеніе проявлялись часто въ перемѣщеніяхъ съ одной кафедры на другую. Эта система — неканоническая и вредная во всѣхъ отношеніяхъ. Моимъ горячимъ желаніемъ было связаться съ Холмщиной пастырскими узами до конца жизни. Быть всю жизнь епископомъ Холмскимъ, какъ епископъ Николай былъ — Японскимъ; мнѣ этого хотѣлось всей душой.

На утро послѣ хиротоніи я, согласно правилу, долженъ былъ служить обѣдню въ Крестовой церкви (имени святителя Михаила, перваго митрополита Кіевскаго) при архіерейскомъ домѣ. Домовыя церкви въ архіерейскихъ домахъ были устроены такъ, что онѣ либо непосредственно примыкали къ столовой, либо имѣли входъ изъ

Епископъ Евлогій въ соборѣ г. Холма въ 1903 году.

моленной. Къ литургіи собрались всѣ епископы. Мнѣ много приходилось служить съ архіереями, порядокъ архіерейской службы я усвоилъ, и обѣдня прошла благополучно, безъ ошибокъ.

Днемъ я поѣхалъ на «чай» въ семинарію. Тамъ вновь поздравленія, рѣчи...

Послѣ пережитыхъ волненій наступила реакція, — мнѣ хотѣлось остаться одному, обдумать всѣ впечатлѣнія, разобраться въ нихъ. Гости скоро всѣ разъѣхались.

Вскорѣ послѣ хиротоніи архіепископъ Іеронимъ пригласилъ меня къ себѣ. «Я хочу васъ представить Варшавѣ», писалъ онъ. (Ректора семинаріи архим. Діонисія онъ пригласилъ тоже). За мной былъ присланъ особый салонъ-вагонъ; владыка Іеронимъ устроилъ мнѣ торжественную встрѣчу, собралъ видныхъ представителей гражданскихъ, военныхъ и учебныхъ русскихъ властей, со всѣми меня знакомилъ, предложилъ служить въ соборѣ... Его отеческая любовь проявлялась въ стремленіи мнѣ содѣйствовать, меня опекать и награждать: въ этотъ пріѣздъ онъ мнѣ подарилъ рясу и посохъ. Я провелъ въ Варшавѣ дня три-четыре и, сдѣлавъ необходимые офиціальные визиты высшимъ гражданскимъ и военнымъ чинамъ, вернулся въ Холмъ подъ впечатлѣніемъ варшавскихъ дней, которые дали мнѣ почувствовать, что я въ Западномъ краѣ «важная особа».

Трудовыя будни моей епископской жизни начались съ ознакомленія съ новой сферой дѣятельности.

Консисторіи въ Холмщинѣ не было, холмскій викаріатъ зависѣлъ отъ Варшавскаго Епархіальнаго Управленія, но, въ виду особаго характера мѣстной народной жизни, ему дана была нѣкоторая, хоть и ограниченная, самостоятельность, и существовало свое «Духовное Правленіе». Въ противоположность Холмщинѣ, паства варшавской епархіи состояла не изъ мѣстнаго, коренного населенія, а пришлаго изъ Россіи: служащихъ всѣхъ вѣдомствъ государственнаго аппарата, войсковыхъ частей и проч. — словомъ, изъ людей «перелетныхъ». Наше духовное правленіе разсматривало мѣстныя церковныя дѣла; викарій съ его заключеніями соглашался (или не соглашался), а окончательное утвержденіе они получали лишь въ Варшавской консисторіи, куда всѣ дѣла и отсылались. Тамъ насъ варшавскіе отцы иногда поправляли, а иногда наши рѣшенія отклоняли. Случалось, возникали недоразумѣнія. Особаго самолюбія у меня не было, но я не могъ не дать себѣ отчета, что въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, главнымъ образомъ уніатскихъ, было уже много напутано; что рѣшенія выносились не въ свободномъ духѣ вѣры, а иногда

и по соображеніямъ бюрократическимъ. Чиновники рѣшали дѣла согласно буквѣ закона, приказа, правила, не считаясь съ народомъ, лишь бы только послать донесеніе въ Петербургъ, что съ православіемъ въ Холмщинѣ все обстоитъ благополучно. Въ дѣйствительности съ православной церковью обстояло совсѣмъ не благополучно. До 100.000 «православныхъ» въ душѣ оставались уніатами.. Офиціально унія была упразднена въ 1875 г. государственнымъ закономъ, но вѣру въ душахъ законъ упразднить не могъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ православные храмы пустовали, и къ священнику народъ за требами не обращался. Были приходы, гдѣ до 90 проц. населенія бойкотировало православныя церкви, и, не имѣя своихъ, уніатскихъ, оставалось безъ церкви. Этихъ непримиримыхъ называли «упорствующими». Они были подлинной язвой на тѣлѣ Холмщины. Бѣду эту я сознавалъ и очень скорбѣлъ. А что предпринять? Какъ эту язву лѣчить? Свободы вѣроисповѣданія въ Россіи тогда еще не было, унія была упразднена 28 лѣтъ тому назадъ, а время ничего не измѣнило, конфликтъ не разрѣшался, православіе по всей линіи не торжествовало. Наоборотъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все чаще и чаще поступали прошенія объ отпускѣ въ лоно католичества. Наша канцелярія была завалена подобными прошеніями. Правила, которыми надо было руководствоваться при ихъ разсмотрѣніи были формальныя: кто были предки? — Если они были католики, разрѣшить просителю вернуться въ католичество можно; если — уніаты, нельзя. Прочитаю, бывало, прошеніе, и не знаю, что отвѣтить на основаніи формальныхъ вопросовъ: ходилъ дѣдъ въ костелъ — не ходилъ? а гдѣ отецъ бывалъ на богослуженіяхъ? и т. д. Мучительно-тягостно было это бюрократическое дознаніе, рѣшавшее судьбу вѣрующей души... А тутъ еще вскрылось, что консисторскіе чиновники за отпускъ въ католичество брали взятки. Это ужъ окончательно запутывало дѣло.

Одновременно съ церковно-административными дѣлами мнѣ приходилось знакомиться съ учебными заведеніями и съ полками мѣстнаго гарнизона. Вездѣ надо было появляться, вездѣ надо было что нибудь сказать, вникая въ разнообразныя нужды паствы. А тамъ подошелъ и Великій постъ съ соотвѣтствующими покаяннымъ днямъ проповѣдями.

Послѣ Пасхи я рѣшилъ начать епископскій объѣздъ приходовъ. Справился, какая часть Холмщины дольше всего не видѣла епископа, и направился въ Замостскій уѣздъ. Я выѣхалъ послѣ посѣвовъ, но до сѣнокоса и до праздника св. Николая Чудотворца,—въ тѣ пасхальные дни, когда праздничное настроеніе еще не угасло.

Замостскій уѣздъ считался однимъ изъ наиболѣе ополяченныхъ, — въ немъ было много «упорствующихъ». Почти весь уѣздъ принадлежалъ графу Замойскому. Великолѣпныя «латифундіи» польскаго магната. Культурныя, чудныя имѣнія, охоты, заповѣдныя рощи, замокъ... — все было поставлено на широкую ногу. «Латифундіи» обрабатывались рабочими, которыхъ помѣщичья администрація разселяла на хуторахъ (фольваркахъ). Тысячи народа матеріально зависѣли отъ могущественнаго работодателя, и, разумѣется, окормлять въ польскомъ духѣ людей матеріально зависимыхъ непосильной задачи не представляло. Въ уѣздѣ были прекрасные, богато устроенные костелы, а православныя церкви систематически приводились въ состояніе полнаго упадка. Запущенныя, развалившіяся, съ соломенными крышами, на которыхъ иногда аисты вили себѣ гнѣзда, — вотъ какую печальную картину являли въ уѣздѣ православные храмы... Тутъ проводилась ужъ не унія, а шелъ планомѣрный и непрерывный натискъ католичества и неразрывно связанная съ нимъ полонизація.

Въ Западномъ краѣ крестьянъ освободили въ 63-64 г. и освободили безъ земельнаго выкупа, т. е. условія освобожденія были лучше, чѣмъ въ Россіи. Мало того, учитывая католическія и полонизаторскія посягательства помѣщиковъ на крестьянство, русское правительство старалось ему помочь и обложило «пановъ» сервитутомъ, своего рода данью въ пользу народа. Эта помѣщичья повинность была источникомъ безчисленныхъ пререканій между обѣими сторонами. Виды сервитута были разные: 1) лѣсной — ежегодно на ремонтъ церквей помѣщикъ обязанъ былъ давать 1-2 дерева, согласно исконной традиціи, по которой мѣстные «паны» считались попечителями (прокураторами) окрестныхъ церквей. Эту повинность помѣщики старались обойти: назначитъ на срубъ дерево за 10 верстъ, — кто за нимъ поѣдетъ! 2) дровяной сервитутъ — давалъ крестьянамъ право вывозить изъ помѣщичьихъ лѣсовъ сухостой и валежникъ. Дабы оградить помѣщиковъ отъ злоупотребленій, законъ разрѣшалъ крестьянамъ отправляться въ лѣса за дровами «безъ топора». Крестьяне роптали: «безъ топора! Что мы медвѣди? Какъ же намъ безъ топора?». Но какъ было ихъ пускать съ топоромъ? Они подрубали деревья, дабы на слѣдующій годъ имѣть побольше сухостоя... Ихъ обвиняли въ плутовствѣ — они оправдывались: «да нѣтъ... да это не мы... развѣ мы стали бы...» и т. д. 3) пастбищный сервитутъ — обязывалъ помѣщиковъ предоставлять крестьянамъ, для пастбищъ ихъ скота, свободныя отъ посѣвовъ луга и жнитво; но этотъ законъ они старались обойти и окапывали свои луга широкими канавами: скотинѣ и не перескочить.

Всѣ эти виды сервитута давали поводъ къ безчисленнымъ недоразумѣніямъ и взаимной непріязни; возникали ссоры, даже драки съ помѣщичьими сторожами, подавались жалобы въ разныя инстанціи... — словомъ, неурядица была безысходная. Дабы положить этому конецъ, помѣщики откупались отъ сервитута и отдавали во владѣніе крестьянамъ участокъ лѣса или луга. Комиссары по крестьянскимъ дѣламъ такого рода сдѣлки всячески поощряли, даже уговаривали крестьянъ на обмѣнъ соглашаться. На дѣлѣ — (иногда, увы, за взятки!) — держали руку помѣщика. Такого рода замѣна была не въ интересахъ крестьянъ: за 4-5 лѣтъ свой лѣсной участокъ они успѣвали свести, и у нихъ не оставалось ни лѣса ни сервитута.

Въ бытность мою епископомъ мнѣ не разъ приходилось выслушивать крестьянскія жалобы. Помѣщики меня недолюбливали, мужики, наоборотъ, любили и довѣряли мнѣ свои нужды и недоумѣнія. Пріѣдутъ на базаръ въ Холмъ, посовѣщаются о своихъ дѣлахъ — и зовутъ другъ друга: «Пойдемъ къ Евлогію!». Ввалятся, бывало, ко мнѣ въ кожухахъ, съ кнутовищами... Келейникъ ропщетъ: «грязи нанесли...». Я принималъ ихъ въ задней комнатѣ, выслушивалъ ихъ, совѣты давалъ. Когда дѣло шло о ликвидаціи сервитутныхъ повинностей всегда имъ говорилъ: «Никогда на обмѣнъ не соглашайтесь, если хотите, чтобы помѣщики были въ вашихъ рукахъ». Иногда крестьяне довѣрчиво совѣту слѣдовали.

Итакъ, я отправился въ Замостскій уѣздъ. Мою «свиту» составляли благочинный, ключарь, и два діакона. Встрѣчали меня въ селахъ — и духовенство и крестьяне — очень радушно, торжественно, по всѣмъ правиламъ своихъ необыкновенно красивыхъ народныхъ обычаевъ.

Дѣвушки въ цвѣтахъ и вѣнкахъ, въ національныхъ костюмахъ, толпой выходили мнѣ на встрѣчу. Деревенскіе парни, съ національными флагами въ рукахъ, гарцуя на разубранныхъ цвѣтами коняхъ, хоть и безъ сѣделъ, кавалькадой окружали мой открытый экипажъ. Такую, бывало, поднимутъ вокругъ меня пыль, что я весь бѣлый. Келейники негодуютъ, кнутами отгоняютъ всадниковъ, а я бѣды въ облакахъ пыли не видѣлъ. «Какъ васъ запылили!..» сокрушается потомъ какая-нибудь матушка сельскаго священника, глядя на меня. А я въ отвѣтъ: «Мы сами пыль и прахъ..., вѣдь пыль-то эта пшеничная!».

Въ одну изъ слѣдующихъ поѣздокъ этотъ красивый обычай — встрѣчать почетнаго гостя кавалькадой, — привелъ меня въ нѣкоторое недоумѣніе: у всадниковъ въ рукахъ были испанскіе флаги... Потомъ выяснилось, что, готовя мнѣ встрѣчу, не успѣли раздобыть національныхъ флаговъ, бросились въ полковое собраніе мѣстнаго

драгунскаго полка, тамъ тоже нужныхъ флаговъ не оказалось, но былъ запасъ испанскихъ, оставшихся отъ встрѣчи какой-то испанской делегаціи, почтившей когда-то своимъ присутствіемъ праздникъ полка, шефомъ котораго состоялъ испанскій король. Вотъ почему меня, русскаго архіерея, привѣтствовали испанскими флагами...

Какъ только въ селѣ я выходилъ изъ экипажа, толпа встрѣчавшихъ дѣвушекъ замыкала меня и сопровождавшее меня духовенство въ кругъ огромнаго вѣнка изъ зелени и съ пѣніемъ церковно-народныхъ пѣсенъ*) вела къ храму. На порогѣ встрѣчалъ меня настоятель прихода и говорилъ привѣтственное «слово». Я просилъ, чтобы священники избѣгали общихъ фразъ, а въ краткихъ чертахъ знакомили меня съ положительной и отрицательной стороной приходской жизни. И дѣйствительно, въ своихъ рѣчахъ, иногда горячихъ, они давали яркую ея характеристику. Послѣ встрѣчи бывалъ молебенъ съ крестнымъ ходомъ, съ чтеніемъ Евангелія на четырехъ углахъ, съ кропленіемъ св. водой; затѣмъ возглашали многолѣтіе въ церкви, я произносилъ «слово» и одѣлялъ молящихся крестиками. Далѣе, въ зависимости отъ времени дня, слѣдовалъ чай или обѣдъ въ домикѣ священника, и я посѣщалъ сельскую школу. Дѣти говорили по-польски. Укоряю ихъ, почему они не говорятъ по-русски, а они въ отвѣтъ: «Да мы въ Польшѣ...». — «Какъ — въ Польшѣ?..». Я разговаривалъ съ учителями, со стариками, съ молодежью; всѣхъ убѣждалъ: «Будьте русскими, будьте православными, помните предковъ, не ломайте себя...»; давалъ директивы: говорить по-русски, разучивать русскія пѣсни, припомнить наши сказки, игры, возстанавливать въ житейскомъ быту русскіе обычаи... «Когда я опять къ вамъ пріѣду, вы мнѣ покажете, какъ вы работали», заключалъ я.

Мнѣ хотѣлось народъ расшевелить, направить по религіозно-національной линіи, особенно дѣтей и молодежь. Холмскія деревни не въ примѣръ нашимъ: ѣдешь, бывало, въ Россіи по деревнямъ, — всюду пѣсни, дѣтскій гвалтъ..., а тутъ, — всѣ по щелямъ, какъ пришибленные. Деревни молчаливыя, унылыя. Мои настоятельные совѣты не пропали даромъ. Понемногу вся Холмщина запѣла, точно отъ сна пробудилась, о своемъ прошломъ вспомнила...

Такъ ѣздилъ я отъ села къ селу въ теченіе трехъ недѣль, успѣвая за день побывать въ 3-4 приходахъ. По мѣстнымъ законамъ, подводная повинность ложилась на населеніе: низшее чиновничество, новобранцевъ и казенные грузы обязаны были возить крестья-

*) Въ родѣ нашихъ «колядокъ»; наслѣдіе монаховъ-базиліанъ временъ уніи.

не; высшихъ духовныхъ особъ и важныхъ чиновниковъ возили помѣщики. «Паны» въ уѣздѣ были богатые, многіе жили въ своихъ помѣстьяхъ круглый годъ и имѣли отличные выѣзды. Мнѣ высылали прекрасный экипажъ, четверкой, и еще два парныхъ экипажа для «свиты». Мы платили помѣщикамъ по опредѣленной разверсткѣ: съ версты и съ лошади; расплатой вѣдалъ мой ключарь, но какъ-то всегда непріятно было пользоваться этимъ одолженіемъ.

Ночевалъ я во время объѣзда у священника того прихода, куда мнѣ случалось попасть подъ вечеръ. Духовенству въ Замостскомъ уѣздѣ матеріально жилось неплохо. Оно получало 100 рубл. мѣсячнаго жалованья при готовомъ хозяйствѣ. Это давало ему возможность не думать только о кускѣ хлѣба и удовлетворять свои культурные запросы. Священники читали газеты, интересовались текущими общественными и политическими событіями. — Къ вечеру въ домикѣ «батюшки» собирались сосѣди, гости, деревенская интеллигенція. Начиналась общая бесѣда. Я такъ утомлялся за день, что невольно съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда всѣ разойдутся, тѣмъ болѣе что мнѣ предстояло рано вставать. Но ложиться приходилось поздно. Смотришь, койка приготовлена въ той же комнатѣ, гдѣ ужинали, и надо ждать, когда гости уйдутъ, когда уберутъ со стола... А уже 12 часовъ! Ложишься спать, — въ комнатѣ пахнетъ селедкой, лукомъ, водкой... Таковы были условія моихъ ночевокъ.

Объѣздъ замостскихъ селъ прекрасно освѣдомлялъ меня о церковной жизни приходовъ. Помогали мнѣ и церковныя «лѣтописи». Каждый приходскій священникъ долженъ былъ вести церковную «лѣтопись», отмѣчая въ ней всѣ событія приходской жизни. По этимъ записямъ можно было судить о состояніи прихода; онѣ характеризовали и священника и прихожанъ. Я читалъ ихъ въ экипажѣ на пути отъ села къ селу. Бывали очень интересныя. Читая одну изъ нихъ, мнѣ довелось, напримѣръ, узнать, какъ рядовое холмское духовенство отзывалось о преосвященномъ Тихонѣ, впослѣдствіи Патріархѣ.

Къ намъ, въ Холмщину, зачастую перебѣгали, несмотря на пограничный кордонъ, галичане-руссофилы, среди нихъ бывали и священники. Они принимали православіе и осѣдали тутъ же гдѣ-нибудь въ Холмщинѣ. Воспитанные въ условіяхъ австрійскаго либеральнаго строя, они и въ новомъ своемъ отечествѣ оставались вѣрными свободолюбивому духу. Такъ священникъ изъ галичанъ, протоіерей Трачъ, въ церковной лѣтописи отмѣтилъ, что въ такомъ-то году приходъ посѣтилъ преосвященный Тихонъ, и тутъ же весьма независимо высказалъ свое сужденіе: «Первый разъ въ архіереѣ вижу человѣка».

— Какъ же вы въ офиціальномъ документѣ такъ написали? Развѣ раньше всѣ были звѣри? — удивился я.

О. Трачъ смутился. Я заперъ документъ въ чемоданъ, сказалъ, что пошлю его въ консисторію, — и поѣхалъ дальше. Потомъ на обѣдѣ, который мнѣ устроило духовенство въ уѣздномъ городѣ, о. Трачъ попросилъ меня не поднимать исторіи изъ-за его неумѣстнаго замѣчанія. Я согласился.

Во время объѣзда я впервые узналъ, что такое «упорствующіе».

Подъѣзжаемъ къ деревнѣ, — пустой, полуразрушенный храмъ... На порогѣ — священникъ въ слезахъ меня встрѣчаетъ... Два-три прихожанина... — и тоже плачутъ. Жалуются, что деревня православной церкви не признаетъ; по ночамъ прокрадываются изъ Галиціи ксендзы и справляютъ всѣ нужныя требы; мѣстное населеніе тяготѣетъ къ католическому зарубежью, перебѣгаетъ за кордонъ безъ особаго труда, чтобы пообщаться со своими единовѣрцами, а то просто занимаясь мелкой контрабандой (приносили изъ Галиціи эфирныя капли). Близость Австріи мнѣ довелось и самому ощутить, когда, сокращая путь, мы нѣкоторое разстояніе проѣхали по австрійской землѣ. Австрійскіе пограничники отдавали мнѣ честь, но на вопросы не отвѣчали.

Закончился мой объѣздъ посѣщеніемъ уѣзднаго города Замостья. Я прибылъ туда ко дню святителя Николая. Въ городѣ была старая церковь его имени, построенная въ XVII-мъ вѣкѣ еще «братчиками» эпохи западно-русскихъ «братствъ». Въ ней былъ древній семирусный иконостасъ, тоже до уніатской эпохи.

Замостье — городъ совершенно ополяченный. И присутствіе многочисленныхъ русскихъ войскъ — казачьей бригады, Бородинскаго полка и пограничной стражи — вліянія на польскій духъ города не оказывало.

Я служилъ обѣдню въ церкви святителя Николая, сказалъ «слово» о судьбахъ православія. На слѣдующій день меня чествовали воинскія части большимъ обѣдомъ. Я воспользовался «пиршествомъ», чтобы поднять національный духъ среди присутствующихъ военныхъ лицъ.

Предѣлы и степень польскаго вліянія, его матеріальную и культурную силу уже къ концу объѣзда я себѣ уяснилъ. Въ Петербургѣ думали, что мы давимъ поляковъ. Какое заблужденіе! Почти все культурное общество нашего края представляло изъ себя сплоченно польское цѣлое; «нашими» были только духовенство и крестьяне — «хлопъ да попъ», по мѣстному выраженію.

Поѣздка дала мнѣ много — сблизила съ народомъ, я заглянулъ въ его душу, увидалъ, что многострадальное историческое прош-

лое ее придавило, измучило, изломало, но вырвать православнаго русскаго корня все же не смогло. Не прошла эта поѣздка безслѣдно и для православнаго населенія. Народъ словно встрепенулся, почувствовавъ во мнѣ духовную опору. «Волны восторга окружали насъ по всему уѣзду...» — таково было впечатлѣніе матери Афанасіи игумены Радочницкаго монастыря.

По возвращеніи въ Холмъ я составилъ отчетъ о моей ревизіи и послалъ резюмэ архіепископу Іерониму, а потомъ поѣхалъ къ нему съ личнымъ докладомъ. Я разсказалъ ему о положеніи православной церкви въ нашемъ краѣ, познакомилъ съ директивами, данными мною на мѣстахъ. Въ общемъ онѣ сводились къ тому, чтобы посредствомъ возвращенія къ родному языку и къ забытому русскому фольклору попытаться оживить заглохшее въ народѣ чувство русской стихіи. Въ этомъ методѣ, не внѣшняго и не насильственнаго, а свободнаго и культурнаго воздѣйствія на народную душу я видѣлъ пока единственное средство, которое могло бы пробудить въ моей паствѣ русское національное самосознаніе.

Лѣтомъ, въ Петровъ постъ, пріѣхалъ ко мнѣ отецъ въ сопровожденіи нашего родственника-священника и его дочки, пятнадцатилѣтней дѣвочки. Мать моя пріѣхать не могла, она уже тогда все прихварывала и на далекое путешествіе не рѣшалась. Родители мои жили теперь въ гор. Епифани. Отецъ былъ настоятелемъ собора. Туда перевелъ его въ маѣ 1903 года Тульскій епископъ Питиримъ.

Отцу я былъ очень радъ. Выслалъ за гостями мой выѣздъ, и ихъ привезли ко мнѣ на дачу. Архіерейская дача была прекрасная: каменный домикъ, большой садъ, цвѣтникъ, прудъ съ рыбой, лѣсъ...

Съ перваго же дня по пріѣздѣ отца я почувствовалъ, что въ моихъ взаимоотношеніяхъ съ нимъ что-то измѣнилось. Мое епископство внесло какую-то стѣснительность, не было между нами былой простоты, близости, непосредственности. Бытовая сторона архіерейскаго сана создавала отчужденность. Обстановка, въ которой я жилъ, атмосфера торжественности, нѣкотораго величія и почестей, которая меня окружала, внѣшнія формы моей жизни... отца восхищали — онъ сіялъ! Но неестественность нашихъ отношеній дала себя остро почувствовать въ первое же воскресенье, когда онъ пожелалъ сослужить, и мнѣ пришлось давать отцу цѣловать руку...

Въ концѣ августа пришла скорбная вѣсть: скончалась мать Анна, игуменья Вировскаго монастыря.... Болѣла она давно (у нея

былъ туберкулезъ). Аскетическіе и молитвенные подвиги надломили ея здоровье. Она жила въ темной, въ одно оконце, холодной кельѣ, надъ погребомъ, и никакіе уговоры и просьбы сестеръ не могли ее заставить перебраться въ другое помѣщеніе. Сильная духомъ и характеромъ, она была среди сестеръ первой подвижницей, первой труженицей. Въ монастырѣ бывали и тяжкіе дни. Случалось топить было нечѣмъ, — тогда сестры отправлялись ломать вѣтки съ придорожныхъ тополей; иногда приходилось монастырю и голодать, лишь бы не сокращать довольствія въ монастырской богадѣльнѣ, школѣ или пріютѣ... Мать Анна примѣромъ удивительной своей самоотверженности увлекала за собой и сестеръ. Она была — сама любовь. Къ себѣ строга, къ другимъ она относилась снисходительно. Ея любовь всѣмъ передавалась, — ее любили отвѣтно. Войдетъ, бывало, въ пріютъ, — дѣти на ней виснутъ, со всѣхъ сторонъ ее облѣпятъ; проѣзжаетъ по деревнѣ, — бросаетъ ребятишкамъ конфекты, орѣхи, книжечки... Сколько дѣтей «упорствующихъ», къ неудовольствію родителей, влеклись къ матушкѣ Аннѣ! Недугомъ своимъ она мучилась долго. Архіепископъ Іеронимъ настоялъ на поѣздкѣ заграницу, въ Ментону, и далъ для этого средства. Но Ментона не помогла. Возвращаясь въ родную обитель, она заѣхала ко мнѣ въ Холмъ. На меня она произвела впечатлѣніе уже совсѣмъ потусторонней, святой... Она умерла 29-го августа (1903 г.) 37 лѣтъ. Смерти она не боялась, подготовилась къ ней съ подобающимъ вниманіемъ. Скончалась въ присутствіи сестеръ, сидя на своемъ убогомъ, жесткомъ ложѣ, съ крестомъ въ рукахъ; и до послѣдней минуты молилась, не спуская глазъ съ образа Божьей Матери...

Архіепископъ Іеронимъ послалъ меня на похороны. Мать Анну сестры обожали. Горе ихъ было неописуемо. Когда я подъѣхалъ къ обители, со стороны храма до меня донесся гулъ рыданій. Я вошелъ въ храмъ, сестры увидѣли меня — и плачъ усилился. Я хотѣлъ сказать слово утѣшенія, сталъ на амвонѣ — и не могъ вымолвить ни слова: заплакалъ... Три дня длилось сплошное моленіе: парастасы смѣнялись панихидами. Въ послѣдній день я взялъ себя въ руки и сказалъ проповѣдь. На похоронахъ сестры обезумѣли — поскакали въ могилу: «закапывайте и насъ!...». Полицейскіе ихъ вытащили.

Преемницей почившей игуменьи сестры избрали ея пріятельницу, старушку мать Софью (въ міру кн. Шаховская, рожд. Озерова), около полугода прожившую при монастырѣ. 17 сентября я ее постригъ подъ именемъ «Софіи». Она была въ родствѣ съ духовнымъ публицистомъ Нилусомъ, авторомъ «Сіонскихъ протоколовъ».

Онъ связалъ свою жизнь съ женщиной, отъ которой имѣлъ сына, появился на горизонтѣ семьи Озеровыхъ и посватался къ се-

стрѣ матушки Софіи — Еленѣ Александровнѣ. Послѣ женитьбы обратился ко мнѣ съ ходатайствомъ о рукоположеніи въ священники. Я отказалъ. Нилусъ уѣхалъ съ молодой женой въ Оптину пустынь, сюда же прибыла его сожительница, — образовался «ménage à trois». Странное содружество поселилось въ домикѣ, за оградой скита, втроемъ посѣщая церковь и бывая у старцевъ. Потомъ произошла какая-то темная исторія — и они Оптину покинули.

Настоятельницу мать Софію*) смѣнила благочестивая мать Сусанна (въ міру Мельникова, дочь извѣстнаго опернаго пѣвца). Мистически настроенная, страннолюбивая, она сдѣлала обитель прибѣжищемъ странниковъ и захожихъ «старцевъ», изъ которыхъ нѣкоторые оказались проходимцами. Она ихъ гостепріимно угощала, чѣмъ могла одаривала, въ морозы отпаивала коньякомъ. Одного изъ нихъ велѣла своей келейницѣ вымыть въ ваннѣ. Келейница — въ слезы: не могу! не могу! Мать Сусанна пригрозила: выгоню тебя! Дѣло дошло до меня. Я взялъ келейницу подъ свою защиту и потребовалъ, чтобы странникъ въ обители больше не появлялся. Повадился въ монастырь еще и нѣкій босой странникъ. Круглый годъ онъ ходилъ босикомъ. Въ Крещеніе, во время водосвятія стоялъ босой на льду; подъ его ступнями ледъ подтаивалъ: сестры, обожавшіе его, эту воду пили... Мать Сусанна его очень почитала. Онъ пользовался широкой популярностью и за предѣлами Вировскаго монастыря. Признаюсь, я къ нему расположился, когда онъ обѣщалъ на постройку храма достать денегъ у своихъ благодѣтелей. Какъ-то разъ онъ влѣзъ въ мой салонъ-вагонъ; смотрю, на каждой станціи онъ высовывается изъ окошка. Потомъ я понялъ, въ чемъ было дѣло. Евреи-подрядчики, прослышавъ о предполагаемой постройкѣ и увидавъ его въ моемъ вагонѣ, смекнули, что могутъ извлечь изъ него пользу, и открыли ему кредитъ. Обходилъ «босой» съ подписнымъ листомъ и своихъ благодѣтелей. Набралъ много денегъ, — и скрылся. Въ Смоленскѣ его арестовали. Кончилось печально: старую церковь сломали, а новой построить не удалось. Я потребовалъ отъ матери Сусанны, чтобы пригрѣваніе странниковъ въ монастырѣ кончилось. Вскорѣ ее перевели въ Кострому. Сейчасъ она доживаетъ свой вѣкъ въ Гроднѣ**).

Послѣ похоронъ матери Анны я сталъ готовиться къ ежегодному грандіозному празднику всей Холмщины (8-го сентября). Впервые мнѣ предстояло быть его хозяиномъ. На торжество обыч-

*) Мать Софія дожила до революціи. Я видѣлъ ее въ Зарайскѣ, когда былъ на Церковномъ Соборѣ.

**) Послѣднія свѣдѣнія о ней Митрополитъ Евлогій имѣлъ въ 1936 году.

но пріѣзжалъ архіепископъ изъ Варшавы и еще 2-3 епископа по приглашенію. Съѣзжалась и вся варшавская знать во главѣ съ генералъ-губернаторомъ, командующимъ войсками, попечителемъ учебнаго округа и т. д. Дня за два, за три, начинали въ Холмъ прибывать богомольцы и заполняли весь городъ. Число ихъ достигало 20-30 тысячъ. Народъ ночевалъ подъ открытымъ небомъ, а въ послѣднія дождливыя осени — въ полотняныхъ палаткахъ. Въ маленькомъ скверѣ на холмѣ, по склонамъ горы вокругъ собора — всюду располагались богомольцы. Устраивались и въ семинаріи. Въ коридорахъ не пройти — вездѣ бабы, мужики, дѣти, поклажа...

Въ день праздника, послѣ Литургіи, священники поднимали на шестахъ икону Холмской Божьей Матери и съ пѣніемъ несли ее на площадку на самой вершинѣ горы. «Она» слѣдовала среди моря головъ. Наступала торжественная минута — молебенъ Богородицѣ. Послѣ него проповѣдники (ихъ бывало нѣсколько) говорили вдохновенныя народныя проповѣди. Великій подъемъ объединялъ несмѣтныя толпы. Неизгладимое впечатлѣніе! Незабываемая картина!..

По окончаніи торжества богомольцы расходились по деревнямъ, но почти никто не уходилъ, прежде чѣмъ не подалъ «за здравіе» или «за упокой» (случалось и «за худобу», т. е. за скотину). Псаломщики за длинными столами записывали имена. Тутъ же стояла кружка для добровольной мзды. За псаломщиками наблюдали діаконы, чтобы они не утаивали денегъ, если ихъ положатъ не въ кружку, а на столъ. Одинъ діаконъ замѣтилъ какъ-то разъ недоброе, и кричитъ на псаломщика: — «Снимай сапоги!» — «Зачѣмъ?» — «Тебѣ говорю — снимай!» — Тотъ снялъ, а въ сапогахъ — мѣдяки: изъ-за пазухи они черезъ штаны провалились. Псаломщика уволили, а діаконъ удостоился похвалы. Бѣдный былъ народъ, а давалъ щедро. Духовенство собирало на храмовомъ праздникѣ огромныя деньги. Священники потомъ цѣлый годъ добросовѣстно поминали усопшихъ и живыхъ; въ одно воскресенье — одну часть, въ слѣдующее — другую и т. д. Я наблюдалъ, чтобы не было обмана, — иначе допустилъ бы святотатство.

Почетные гости, пріѣхавшіе на праздникъ, и представители городского холмскаго общества съѣзжались послѣ молебна на торжественный обѣдъ въ общественное собраніе. За столомъ говорили о судьбѣ Холмщины, о задачахъ народной жизни... Устраивало этотъ обѣдъ «Холмское Православное Братство». О немъ я скажу нѣсколько словъ.

Оно возникло одновременно съ возсоединеніемъ Холмщины — въ 1882 году и развивало многообразную и плодотворную дѣятельность. Цѣлью его было содѣйствіе укрѣпленію и преуспѣянію пра-

вославія и русскаго самосознанія въ Холмской Руси. Въ религіозномъ просвѣщеніи оно видѣло единственное средство подъема національнаго сознанія православнаго русскаго народа. Оно распространяло среди населенія св. Писаніе, молитвенники, крестики, медальоны со священными изображеніями, книги и брошюры религіозно-нравственнаго содержанія, сочиненія, имѣющія мѣстный интересъ или направленныя къ разсѣянію заблужденій, сложившихся во время уніи, а также и для борьбы съ латино-польской пропагандой. Братство устраивало церковно-приходскія библіотеки, распространяло свои изданія черезъ мѣстнаго епископа при объѣздѣ имъ епархіи, послѣ торжественныхъ архіерейскихъ богослуженій или при посредствѣ настоятелей приходовъ и книгоношъ. Оно заботилось объ украшеніи храмовъ, о распространеніи иконъ въ частныхъ домахъ, о церковномъ пѣніи; старалось привлечь равнодушныхъ къ православію, къ посѣщенію храмовъ, являя примѣръ христіанской дѣятельной любви: братчики помогали бѣднымъ, погребали неимущихъ, выдавали пособіе попорѣльцамъ, сиротамъ, новообращеннымъ иновѣрцамъ и т. д.; оказывали и юридическую помощь. При братствѣ существовали: церковно-археологическій музей, книжный складъ, библіотека съ читальной и лавка, гдѣ продавались богослужебныя книги, священные предметы, церковная утварь, книги, брошюры, листки... Денежныя средства братства составлялись изъ единовременныхъ пожертвованій, членскихъ взносовъ, и государственнаго пособія, а также изъ доходовъ отъ издательства. — Братчики имѣли значокъ трехъ степеней: золотой, серебряный и бронзовый. Въ центрѣ его было изображеніе Холмской Божьей Матери. Давали его за пожертвованія и за заслуги. Кто вносилъ въ братство 500 руб., получалъ золотой значокъ; кто 250 рубл. — серебряный; кто 50 руб. — бронзовый. Полезнымъ дѣятелямъ и жертвователямъ давали его тоже; въ этихъ случаяхъ степень опредѣлялась въ зависимости отъ оказанныхъ братству услугъ. Значокъ «братчика» въ Холмскомъ краѣ имѣлъ большое распространеніе. Купцы, офицеры... охотно вступали въ члены. Случалось, что записывались цѣлые полки. Во главѣ организаціи стоялъ главный попечитель — архіерей Холмской епархіи.

Холмскій праздникъ въ первый годъ моего епископства прошелъ прекрасно; хотя было холодно и дождливо, но непогода не помѣшала ни его торжественности, ни многолюдству. Онъ всколыхнулъ всѣхъ, оставилъ впечатлѣніе на цѣлый годъ. Для меня онъ былъ тѣмъ чуднымъ утѣшеніемъ, которое даетъ силы для дальнѣйшаго служенія...

Началась будничная жизнь. Я входилъ все обстоятельнѣй въ свое положеніе, осваивался съ новыми обязанностями. Долгихъ поѣздокъ по епархіи въ этомъ году уже не предпринималъ, лишь изрѣдка выѣзжалъ на храмовые праздники.

Новый годъ (1904 г.) принесъ мнѣ большое горе: — умела моя мать. Мнѣ такъ хотѣлось, чтобы она меня увидала епископомъ! Я ей писалъ объ этомъ. Она отвѣтила: «Хочу и я посмотрѣть, какой изъ тебя вышелъ архіерей...». Господь не привелъ намъ свидѣться...

Въ ночь на 4-ое января у меня былъ сонъ: я иду вмѣстѣ съ матерью по косогору въ селѣ Сомовѣ, веду ее подъ руку... и вдругъ — она споткнулась, оторвалась отъ меня и покатилась внизъ... Я проснулся. Сонъ оставилъ какое-то непріятное, тревожное чувство, но я ему не придалъ значенія. Надо было вставать: день былъ воскресный, предстояло служить Литургію. Но на душѣ было какъ то неспокойно... Послѣ обѣдни въ мою гостиную обычно собиралось нѣсколько человѣкъ (5-10...) — попить чайку. Прихожу, — на столѣ телеграмма... —

«Мама скончалась».

Страшное внезапное потрясеніе...

Присутствующіе выразили мнѣ горячее сочувствіе и поспѣшили разойтись....

Я хотѣлъ ѣхать на похороны; запросилъ архіепископа Іеронима о разрѣшеніи, и на слѣдующій день выѣхалъ изъ Холма. Въ Тулу прибылъ 6-го января, въ Крещенье. (Тутъ пересадка на Епифань.) Подъѣзжаемъ къ городу — торжественный праздничный трезвонъ колоколовъ... На вокзалѣ меня встрѣтили знакомые священники. Я заѣхалъ къ архіерею; согласно правилу, попросилъ разрѣшенія служить въ его епархіи, а также отпустить на похороны протодіакона (хотя я и своего привезъ). Владыка предложилъ мнѣ пѣвчихъ, но я предложеніе отклонилъ.

Въ Епифань прибылъ въ сумерки и прямо отправился въ соборъ. Отца нѣтъ.. много духовенства и полный храмъ народу. Официально меня встрѣтилъ помощникъ отца. Среди священства я узналъ моихъ товарищей по семинаріи, сверстниковъ. Какъ многіе измѣнились! И бороды мѣняли обликъ — не узнать ихъ. Перемѣна и въ нашихъ отношеніяхъ: разговариваютъ со мной робко, отвѣчаютъ съ почтительностью младшихъ къ старшему.

Я сказалъ народу лишь нѣсколько словъ: я пріѣхалъ не поучать васъ, у меня большое горе, благодарю всѣхъ за участіе...

Изъ собора отправился въ родительскій домикъ. Я его купилъ для нихъ лѣтомъ, потому что церковнаго дома при соборѣ не было. Скромный мѣщанскій домикъ. Вхожу... Мать лежитъ въ гробу...

Отецъ въ слезахъ, жалкій, горемъ придавленный... Мы обнялись. Поплакали. Мать давно прихварывала, но никто не думалъ, что недугъ ея смертельный; кончина была для всѣхъ неожиданной.

Мать была для меня самымъ дорогимъ существомъ въ жизни, самымъ близкимъ другомъ. Я всегда очень любилъ заѣзжать къ ней. Уложитъ она меня, бывало, спать на диванѣ, а сама сядетъ рядомъ, и мы говоримъ — не наговоримся.... Бьетъ 1-2 часа ночи, а мы все не можемъ разстаться....

Предаваться безудержно скорби мнѣ, епископу, не слѣдовало, но тяжкое горе отъ сдержанности не дѣлается легче. На душѣ было сиротливо, одиноко, скорбно...

На похороны съѣхались всѣ мои братья, изъ нихъ два брата — священники. Я самъ совершалъ чинъ погребенія. Очень жалко мнѣ было отца: онъ плакалъ, не переставая...

Помѣстили меня въ домѣ купца, соборнаго старосты. Наверху жилъ онъ самъ, а внизу была его торговля; въ его лавкахъ продавались всевозможные товары. По случаю моего пріѣзда у него былъ пріемъ, на который съѣхались помѣщики. Пребываніе въ Епифани дало мнѣ почувствовать, что въ городѣ и уѣздѣ ко мнѣ относились, какъ къ важной особѣ.

Послѣ похоронъ въ родительскомъ домѣ стало пусто. Я утѣшалъ отца. Онъ сразу какъ-то сникъ, сталъ безпомощный, жалкій, лишился свойственнаго ему самоутвержденія и горько плакалъ. Утѣшая его я и самъ поддавался скорби....

Надо было возвращаться къ своимъ обязанностямъ и успѣть вернуться къ годовщинѣ моей хиротоніи. Я уѣзжалъ съ горестнымъ чувствомъ... Оборвалась нить связывавшая меня съ роднымъ домомъ. Прежняго къ нему притяженія отнынѣ быть не могло. Это я почувствовалъ. Просвѣтъ, которымъ съ дѣтства была для меня моя семья, — закрылся навсегда...

Зимой 1904 г. разразилось бѣдствіе — Японская война. Въ концѣ января японцы подорвали наши корабли, въ одну ночь погибло 3-4 судна. Напали они на насъ до объявленія войны. И унизительная подробность: наши моряки въ ту ночь были на балу... Русскимъ патріотамъ это событіе казалось позоромъ и горькой обидой самолюбію.

Война ударила по нервамъ и по душѣ. Помню безпредметную большую мою тревогу. Всѣ кругомъ о непріятелѣ отзывались пренебрежительно, съ усмѣшкой: «япошки», «макаки»... а у меня было иное чувство. На фронтъ уходила наша дивизія. Всюду плачъ женъ, скорбь разлуки... Церкви переполнены — народъ жаждетъ

утѣшенія. А какъ утѣшать? Всю душу мнѣ перевернули эти дни...

Вскорѣ послѣ начала войны былъ въ Холмѣ Епархіальный Съѣздъ духовенства. Прибыли выборные депутаты отъ каждаго благочиннического округа(клиръ и міряне своихъ представителей тогда еще не имѣли). Онъ обсуждалъ вопросы хозяйственной жизни епархіи. Епископъ только его открывалъ и въ программной рѣчи указывалъ на тѣ или иныя епархіальныя просвѣтительныя и благотворительныя нужды. Съѣзды по духу бывали либеральные и выносили постановленія подобныя слѣдующему: «Обратить вниманіе Его Преосвященства на угнетенное положеніе псаломщиковъ». Въ тотъ годъ онъ заключился особымъ постановленіемъ о помощи раненымъ и молебномъ, объединившимъ все собраніе въ религіозно-повышенномъ настроеніи.

Къ веснѣ наши дѣла на театрѣ военныхъ дѣйствій пошли все хуже и хуже. Помню мою пасхальную проповѣдь: ее прерывали народныя рыданія... Я говорилъ о свѣтломъ праздникѣ, противопоставлялъ наше мирное пасхальное торжество тому, что дѣлается на Дальнемъ Востокѣ. «А тамъ, въ эту святую ночь, стоитъ на стражѣ русскій солдатъ въ непогоду, въ тьму и вѣтеръ, и японецъ цѣлится въ него смертоносной пулей...».

Моя поѣздка по епархіи въ то лѣто (1904 г.) была безрадостная. Панихида... трауръ... слезы... У кого братъ, у кого сынъ убитъ. Эти горести западали въ мое сердце и еще тѣснѣе сближали съ паствой.

Судьба холмскаго народа, его страданія были предметомъ моихъ тревожныхъ думъ. Его забитость, угнетенность меня глубоко печалили. Мнѣ казалось, что въ области религіозной онъ уже многаго достигъ, но ему не хватаетъ живого національнаго сознанія, чувства родственнаго единства съ Россіей. Я будилъ національное чувство, постепенно его раскачивалъ; можетъ быть, и грѣшилъ, можетъ быть, и перегибалъ, но что было дѣлать съ народной безпамятностью, когда онъ забылъ о своемъ русскомъ корнѣ и на вопросъ: «гдѣ вы живете?» наивно отвѣчалъ: «въ Польшѣ...».

Зима 1904-1905 г. была лютая. Читаешь газеты, — и ужасаешься. Новое бѣдствіе... Сколько обмороженныхъ солдатъ! Я посѣщалъ лазареты. Помню, въ одномъ городкѣ былъ лазаретъ для психически больныхъ солдатъ. Жуткая картина... Кто пляшетъ, кто что-то бормочетъ. Одинъ солдатикъ лежитъ задумчивый, угрюмый. Докторъ говоритъ мнѣ: «Можетъ быть, вы его изъ этого состоянія выведете...». Я спрашиваю больного: «О чемъ ты скучаешь?» — «У меня японцы отняли винтовку». — «Мы другую тебѣ достанемъ.

Стоитъ ли объ этомъ разговаривать? Людей сколько погибло, а ты о винтовкѣ сокрушаешься». Но больного не переубѣдить. — «Дѣтей сколько угодно бабы нарожаютъ, а винтовка — одна...», мрачно возражалъ онъ. Его навязчивая идея возникла какъ слѣдствіе вѣрности присягѣ: «лучше жизнь потеряй, но береги винтовку», гласило одно изъ ея требованій. Невольное ея нарушеніе и привело солдата къ психическому заболѣванію.

Эта зима (1904-1905 г.г.) облегченья не принесла. Неудачи навойнѣ стали сказываться: неудовольствіе, возбужденіе, глухой ропотъ наростали по всей Россіи. Гроза медленно надвигалась и на насъ. Она разразилась надъ Холмщиной весной (1905 г.). Указъ о свободѣ совѣсти! Онъ былъ изданъ 17-го апрѣля, въ первый день Пасхи. Прекрасная идея въ условіяхъ народной жизни нашего края привела къ отчаянной борьбѣ католичества съ православіемъ. Ни Варшавскаго архіепископа, ни меня не предувѣдомили объ указѣ, и онъ засталъ насъ врасплохъ. Потомъ выяснилось, что польско-католическіе круги заблаговременно о немъ узнали и къ наступленію обдуманно подготовились. Едва новый законъ былъ опубликованъ, — всѣ деревни были засыпаны листовками, брошюрами съ призывомъ переходить въ католичество. Агитацію подкрѣпляли ложными слухами, низкой клеветой: Царь уже перешелъ въ католичество... — переходите и вы! Іоаннъ Кронштадтскій тоже принялъ католичество, — слѣдуйте его примѣру! и т. д. Народъ растерялся... На Пасхѣ я былъ засыпанъ письмами отъ сельскаго духовенства, по нимъ я могъ судить, насколько опасность серьезна. На мѣстахъ было не только смущеніе, а настоящая паника. «У насъ бури, волненія, слезы, крики... разъясните, помогите!..» — вотъ вопли обращенные ко мнѣ. Меня освѣдомляли, что католики объясняютъ военныя наши неудачи карой Божьей на Царя за притѣсненіе поляковъ; японцевъ называютъ «орудіемъ Божьяго гнѣва»; говорятъ, что Римскій Папа послалъ имъ благословеніе... Въ народной массѣ создалось впечатлѣніе безысходной обреченности. Признаюсь, администрація и мы, представители Православной Церкви, растерялись. Ко мнѣ стали пріѣзжать священники — просятъ поддержки, плачутъ, волнуются: «Если такъ будетъ продолжаться, всѣ уйдутъ въ католичество...»

До насъ дошли свѣдѣнія, что «упорствующіе» (ихъ было около 100.000) хлынули въ костелы, увлекая за собой смѣшанныя по вѣроисповѣданіямъ семьи. А польскіе помѣщики повели наступленіе со всей жестокостью матерьяльнаго давленія на зависимое отъ нихъ православное населеніе. Батракамъ было объявлено, что лишь перешедшіе въ католичество могутъ оставаться на службѣ, — другіе получатъ расчетъ. Были угрозы, были и посулы: гр. Замойская обѣщала корову каждой семьѣ принявшей католичество...

На мой архіерейскій дворъ стали стекаться толпы народа со слезными жалобами, съ мольбой о помощи: «Мы пропали... Что намъ дѣлать?» — «Держитесь, будьте стойки!», говорилъ я. А они уныло: «А какъ намъ стойкимъ быть?...». И вѣрно, — какъ отъ нихъ было требовать стойкости? Положеніе батраковъ сложилось безвыходное. Жалованье они получали ничтожное (нѣкоторые не получали его вовсе), помѣщикъ давалъ имъ кровъ, («чворокъ», т. е. уголъ, четвертую часть избы), свинью, корову, огородъ и извѣстное количество зерна и муки изъ урожая. Куда при такихъ условіяхъ дѣваться? Многіе, очень многіе раздавленные безысходностью приняли въ тѣ дни католичество; правда, не всѣ — «за совѣсть», нѣкоторые лишь офиціально, а въ душѣ оставались вѣрными православію и по ночамъ ходили къ нашимъ священникамъ. Но внѣшняя удача католиковъ была безспорная. Ксендзы торжествовали, объявили 1 рубль награды всякому, кто обратитъ одну православную душу въ католичество.

Положеніе въ Холмщинѣ создалось настолько грозное, что медлить было нельзя, и я рѣшилъ ѣхать въ самую гущу народныхъ волненій — туда,гдѣ, по моимъ свѣдѣніямъ, было полное смятеніе: слезы, драки, поджоги, даже убійства... Я запросилъ Варшавскопо архіепископа Іеронима, но онъ меня пускать не хотѣлъ. «Васъ тамъ убьютъ...» писалъ онъ. Насилу я его уговорилъ.

Я отправился въ Замостье — въ самый центръ католической пропаганды. Одновременно со мною выѣхалъ туда и Люблинскій католическій епископъ. Прежніе полицейскіе законы были строгіе — католическому епископу доступъ на территорію русскихъ областей былъ запрещенъ. Теперь плотину прорвало. Онъ ѣхалъ въ каретѣ разукрашенной бѣлыми розами, съ эскортомъ польскихъ молодыхъ людей (жолнеровъ) въ щегольскихъ кунтушахъ; его везли не по дорогѣ, а прямо полями, дабы колеса его экипажа освятили всходы. Такова была картина побѣднаго торжества католиковъ...

Меня въ деревняхъ ожидала картина иная. Подъѣдешь къ церкви, — встрѣчаешь блѣдныя, испуганныя лица, рыдающаго священника, слышишь вопли: «Владыка, защити насъ!.. Мы сироты... мы погибаемъ!..» Я кричу, разубѣждаю, но поднять духъ народа одному не подъ силу. Я объѣхалъ рядъ селъ въ теченіе одного дня и къ ночи достигъ села, гдѣ предполагалась закладка храма. Церковь пришла тамъ въ такую ветхость, что едва держалась на подпоркахъ. Больной, въ астмѣ, священникъ встрѣтилъ меня. На другой день я заѣхалъ въ Радочницкій монастырь. Сестры, освѣдомленныя о томъ, что въ уѣздѣ происходитъ, меня утѣшали. Признаюсь, въ утѣшеніи я нуждался: ужъ очень тяжелы были впечатлѣнія предыдущаго дня... Изъ мона-

стыря я направился въ Замостье. Приближался я къ городу въ смятеніи духа: мнѣ самому казалось, что все пропало....

Католическій епископъ и я въѣхали одновременно съ двухъ концовъ. Его встрѣчали католическіе «братчики», впряглись въ карету и провезли на себѣ до самаго костела. На пути съ двухъ сторонъ восторженная толпа... Въ первыхъ рядахъ нарядныя польскія дамы и дѣвочки въ бѣлыхъ платьяхъ съ цвѣтами въ рукахъ, помѣщики въ національныхъ костюмахъ...

Меня ожидала скромная встрѣча: негустая толпа горожанъ, казаки... Поднесли мнѣ хлѣбъ-соль. Плачутъ... Надо было собрать всю силу духа, чтобы сказать ободряющее слово, не поддаться общему настроенію. Я вошелъ въ скромную нашу церковь, оттуда меня провели въ домъ священника. Къ трапезѣ собрались наши «батюшки», и мы долго разсуждали о событіяхъ. Всенощную служили въ церкви Замостскаго Православнаго Братства (имени святителя Николая). Меня не покидала тревога... «Устоитъ ли моя Холмщина? Выдержитъ ли натискъ?», думалъ я вечеромъ — и молился. Заснуть я долго не могъ. Кошмарная была ночь...

Утромъ я проснулся отъ шума. Смотрю въ окно, — къ храму со всѣхъ сторонъ идетъ народъ, движутся крестные ходы съ причтомъ, собираются группами дѣвушки... Слышится пѣніе пасхальныхъ пѣснопѣній... И народъ все прибываетъ и прибываетъ... Въ 10 час. за мной пришли иподіаконы — вести меня со «славой» въ храмъ. Сквозь густую толпу на дворѣ едва можно было пробиться. «Слава Богу!.. обрадовался я, есть еще въ народѣ мужество, не угасла любовь къ православію, препобѣдилъ онъ насмѣшки и угрозы»... Увидавъ меня въ мантіи, толпа встрепенулась, поднялась духомъ. Для того, повидимому, и пришли со всѣхъ приходовъ, чтобы сплотиться вокругъ своего архипастыря. Бабы плачутъ... Но это уже не безутѣшная скорбь, — въ ней проблескъ радости и надежды....

Я служилъ съ большимъ подъемомъ. Послѣ обѣдни повелъ народъ на военное поле. Образовался одинъ общій крестный ходъ: лѣсъ хоругвей, множество иконъ... я съ посохомъ — впереди. Тысячеголосая толпа грянула: «Да воскреснетъ Богъ, да расточатся врази Его...».

На полѣ былъ устроенъ помостъ. Стали служить молебенъ святителю Николаю. И вдругъ — видимъ: тѣмъ же путемъ, какимъ и мы шли, приближается католическій крестный ходъ, только толпа меньше нашей и заворачиваетъ онъ направо, а мы расположились налѣво. Я говорю протоіерею Трачу:

— Скажите проповѣдь, чтобы запомнилась до конца жизни...

О. Трачъ произнесъ замѣчательную проповѣдь. Откуда только такія проникновенныя слова у него нашлись! Всю муку сердца

вложилъ онъ въ свое «слово». Всѣ рыдали и онъ самъ плакалъ... Смотрю, отъ толпы католиковъ отдѣлилось нѣсколько человѣкъ, бѣгутъ къ намъ послушать проповѣдь. Послѣ о. Трача я хотѣлъ сказать «слово». Не успѣлъ начать, — вижу въ толпѣ какое-то смятеніе: — молодая баба рвется, кричитъ — и съ рыданіями кидается ко мнѣ: «Спаси меня!... Спаси меня!...» Оказалось, что ея мужъ, католикъ, принуждалъ ее принять католичество, жестоко избилъ, а когда и эта мѣра ее не сломила, заперъ въ свиной хлѣвъ, гдѣ она просидѣла съ вечера до обѣдни. Наканунѣ я проѣзжалъ черезъ ея село: узнавъ, что я направился въ Замостье, она пѣшкомъ устремилась въ городъ. — Я взялъ ее за руку, и сказалъ народу: «Вотъ жертва католическаго насилія! Вотъ вѣра, къ которой васъ зовутъ... Фанатизмъ и преслѣдованіе за вѣру — извращеніе вѣры. Христосъ не былъ фанатикомъ». Мы стояли на помостѣ рядомъ — рыдающая растерзанная, избитая женщина и я въ архіерейскомъ облаченіи... Эта сцена сильно повліяла на толпу. Когда мы вернулись въ церковь, и я сказалъ народу: «Мы не пропали! Вы видите, сила вѣры у насъ есть...», — всѣ воспрянули духомъ. Въ моей душѣ было чувство радости и торжества.

Я поручилъ попеченію мѣстныхъ властей жертву католическаго фанатизма и взялъ обѣщаніе: если попытка истязанія повторится, несчастную женщину отвезутъ въ Радочницкій монастырь. Католическій фанатизмъ отравлялъ взаимоотношенія православнаго и католическаго населенія. Подобные случаи, какъ въ Замостьѣ, увы, въ Холмщинѣ встрѣчались. Но бывали проявленія и еще болѣе дикія... До чего могъ доходить католическій фанатизмъ, свидѣтельствуетъ хотя бы слѣдующій примѣръ:

Въ посадѣ Тарноградѣ, Бѣлгорайскаго уѣзда (на юго-западной границѣ Холмщины) умиралъ 85-лѣтній старецъ, протоіерей Адамъ Черлюнчанкевичъ, помнившій еще Холмскую унію, и возсоединившійся съ Православною Церковью въ 1875 году. Въ самые послѣдніе дни, когда онъ уже обезсиленный болѣзнью, терялъ не только волю, но и ясность сознанія, мѣстный ксендзъ, съ которымъ о. Адамъ былъ хорошо знакомъ, попросилъ позволенія навѣстить болящаго. Родныя, конечно, согласились. Тогда этотъ удивительный служитель костела захватилъ съ собою Св. Дары, вошелъ въ комнату больного, заперъ изнутри двери и окна, и рѣшилъ причастить его по католическому обряду, чтобы потомъ сказать: «вотъ, наиболѣе уважаемый православный священникъ, перешедшій нѣкогда изъ уніи въ православіе, все время томился въ своей совѣсти и въ послѣдній часъ покаялся и снялъ свой грѣхъ». Бѣдный умирающій старецъ, какъ могъ, протестовалъ противъ этого гнуснаго насилія, отворачивался къ стѣнкѣ, стоналъ, слабѣющимъ голосомъ

звалъ на помощь, пока наконецъ эти стоны и вопли не услыхалъ его сынъ, бросился къ дверямъ, но онѣ оказались запертыми; тогда онъ разбилъ окно и черезъ него вбѣжалъ въ комнату; однако ксендзъ быстро исчезъ, не успѣвъ совершить своего злого дѣла. Изъ груди старца вырвался вздохъ облегченія...

Тотъ памятный день въ Замостьѣ, о которомъ я говорилъ, закончился чествованіемъ меня мѣстными воинскими частями; а на другой день я постригъ въ монашество Марію Горчакову. Она была учительницей русскаго языка во французскомъ пансіонѣ въ Москвѣ; въ немъ воспитывались польскія аристократки. Это было прекрасно поставленное учебное заведеніе, въ которомъ примѣнялись новѣйшіе методы педагогики.

Марія Горчакова была образцовой монахиней и впослѣдствіи основала Турковицкій монастырь.

Окончивъ объѣздъ епархіи, я отправился къ архіепископу Іерониму съ обстоятельнымъ докладомъ, который убѣдилъ владыку, что я имѣлъ серьезныя основанія добиваться разрѣшенія на поѣздку по Холмщинѣ, и что удерживать меня не слѣдовало.

О сопротивленіи католическому натиску, которое я оказалъ въ Замостьѣ, уже въ Варшавѣ стало извѣстно. Командующій войсками Варшавскаго округа генералъ-губернаторъ Скалонъ посѣтилъ меня и сказалъ:

— Слышалъ, слышалъ, какъ вы сражались съ польскимъ епископомъ, и какъ съ вечера — онъ выигралъ сраженіе, а потомъ — вы его разбили.

Вернувшись въ Холмъ, я сталъ обдумывать создавшееся положеніе. Предоставить событіямъ развиваться было бы непростительной пассивностью, и я рѣшилъ укрѣплять свои позиціи, — прежде всего въ экстренномъ порядкѣ созвать Епархіальный Съѣздъ съ включеніемъ въ его составъ и мірянъ. Онъ долженъ былъ обсудить мѣры защиты православія и разработать планъ согласованныхъ дѣйствій, дабы преодолѣть всеобщую растерянность.

На Съѣздѣ собрались представители всѣхъ приходовъ: священникъ и двое мірянъ отъ каждого прихода. Прибылъ архіепископъ Іеронимъ. Я устроилъ ему церковную встрѣчу. Соборъ былъ переполненъ. Въ своемъ «словѣ» я старался внушить присутствующимъ бодрость и вѣру въ побѣду:

«Не бойтесь, — мы побѣдимъ! Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ. Будь только въ сердцахъ вѣрность!»

Послѣ молебна Съѣздъ открылся. Архіепископъ Іеронимъ, утомленный, скорбный, подавленный тяжестью событій, жаловался мнѣ:

— Какъ мнѣ все надоѣло! Каждый день телеграммы...

Съѣздъ прошелъ въ очень тревожномъ настроеніи, которое граничило съ паникой, когда 14-го мая пришла вѣсть о Цусимѣ. Доклады делегатовъ свидѣтельствовали о грозной опасности: поляки торжествовали, въ деревняхъ населеніе обезумѣло, въ семьяхъ былъ адъ... Вѣроисповѣдная распря переплеталась съ національной, экономическое воздѣйствіе съ пріемами открытаго насилія. Таково было общее положеніе. Съѣздъ выработалъ нѣсколько постановленій. Я внесъ предложеніе — разослать проповѣдниковъ, подобныхъ о. Трачу, по епархіи и убѣждалъ собраніе немедленно послать делегацію въ Петербургъ, которая бы добилась аудіенціи у Государя. Гнуснымъ навѣтамъ католиковъ на Царя, надо было положить конецъ. Делегаты-міряне должны были воочію убѣдиться въ ложности слуховъ объ его измѣнѣ православію. Въ число делегатовъ выбрали меня, двухъ священниковъ, матушку Екатерину и 6-7 крестьянъ.

Въ Петербургѣ я прежде всего направился къ Побѣдоносцеву.

— Слышалъ, слышалъ, ой-ой-ой... что у васъ дѣлается... — встрѣтилъ меня Побѣдоносцевъ.

— Почему насъ не предупредили, что издадутъ законъ о свободѣ вѣроисповѣданія? Я бы приготовилъ священство. Законъ насъ засталъ неподготовленными...

— Да-да-да.... этого не предусмотрѣли. Но васъ я привѣтствую. Вы ретивый, молодой, а то всѣ спятъ...

— Я прошу содѣйствія. Делегація хотѣла бы получить разрѣшеніе на аудіенцію у Государя.

— Аудіенцію?.. Зачѣмъ?

— Разсѣять панику. Въ глухихъ деревняхъ ходятъ нелѣпые слухи....

Я разсказалъ Побѣдоносцеву о томъ, что у насъ творится. Онъ внимательно меня выслушалъ, но ничего не обѣщалъ и направилъ къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ Булыгину.

На пріемъ къ Министру я привезъ и мужиковъ-делегатовъ. Они ввалились въ смазныхъ сапогахъ, въ кожухахъ; внесли въ министерскую пріемную крѣпкій мужицкій запахъ, а когда пришелъ моментъ представляться Министру — привѣтствовали его необычнымъ въ устахъ посѣтителей восклицаніемъ: «Христосъ Воскресе!».

Булыгинъ промолчалъ...

Когда мы вышли изъ министерства, настроеніе у насъ было подавленное. Мужики понурили головы и говорятъ: «Значитъ вѣрно: онъ тоже католикомъ сталъ — на «Христосъ Воскресе!» не отвѣтилъ...» Я былъ разсерженъ неудачей. Лучше было бы къ Министру делегатовъ и не водить....

Тѣмъ временемъ матушка Екатерина, пользуясь своими связями при дворѣ, хлопотала объ аудіенціи, — и успѣшно. Черезъ два дня пришло извѣстіе: Государь аудіенцію разрѣшилъ, но приметъ только меня и матушку Екатерину. Но какъ сказать это крестьянамъ? Что они подумаютъ? Пришлось прилгать: «Въ Царское Село поѣдемъ вмѣстѣ, но тамъ я съ матушкой Екатериной сядемъ въ карету, а вы пѣшкомъ за нами бѣгите».

Въ Царскомъ насъ ожидала карета съ лакеемъ, а мы кричимъ мужикамъ: за нами! за нами! Они добѣжали до дворцовыхъ воротъ, но дальше стража ихъ не пропустила — потребовала пропускъ. «Стойте, стойте здѣсь, ждите...», говоритъ имъ матушка Екатерина.

Государь принялъ насъ на «частномъ» пріемѣ — въ гостиной. Тутъ же находилась и Государыня. Я разсказалъ Государю о религіозной смутѣ, вызванной закономъ о свободѣ вѣроисповѣданія.

— Кто могъ подумать! Такой прекрасный указъ, — и такія послѣдствія... — со скорбью сказалъ Государь.

Государыня заплакала...

— Съ нами крестьяне.... — сказала матушка Екатерина.

— Гдѣ же они? — спросилъ Государь.

— Ихъ не пускаютъ...

— Скажите адъютанту, чтобы ихъ впустили.

Но адъютантъ впустить нашихъ спутниковъ отказался. Тогда Государь пошелъ самъ отдать приказаніе.

— По долгу присяги я не имѣю права пускать лицъ внѣ списка, — мотивировалъ адъютантъ свою непреклонность.

— Я приказываю, — сказалъ Государь.

Мужиковъ впустили. Шли они по гладкому паркету дворцовыхъ залъ неувѣренной поступью («якъ по стеклу шли», разсказывали они потомъ), но все же громко стуча своими подкованными сапогами. Удивились, даже испугались, увидавъ у дверей араповъ-скороходовъ. Не черти ли? Подошли, потрогали ихъ: «Вы чѣловікъ, чи ни?» Тѣ стоятъ, улыбаются.

Распахнулась дверь, — и мои мужики ввалились въ гостинную.

— Христосъ Воскресе! — дружно воскликнули они.

— Воистину Воскресе, братцы! — отвѣтилъ Государь.

Что сдѣлалось съ нашими делегатами! Они бросились къ ногамъ Царя, цѣлуютъ ихъ, наперебой что-то лепечутъ, не знаютъ, какъ свою радость и выразить... «Мы думали, что ты въ католичество перешелъ... мы не знали... насъ обманывали...»

— Да что вы... я васъ въ обиду не дамъ. Встаньте, будемъ разговаривать, — успокаивалъ ихъ Государь.

Тутъ полились безудержные разсказы. Наболѣвшее сердце только этого мгновенія и ждало, чтобы излить все, что накопилось. Говори-

ли откровенно, горячо, въ простотѣ сердечной не выбирая словъ, каждый о томъ, что его наиболѣе волновало... Кто разсказывалъ, какъ «рыгу» ему спалили; кто разсказывалъ, какъ католическій епископъ ѣздитъ въ сопровожденіи «казаковъ»... («да вовсе они и не казаки, а такъ, знаешь...»). Я слушаю и волнуюсь: въ выраженіяхъ не стѣсняются, не вырвалось бы «крѣпкое словцо»...

Государь ихъ обласкалъ, Государыня мнѣ вручила коробку съ крестиками для раздачи населенію, — и аудіенція окончилась.

Когда вышли изъ дворца, одинъ изъ мужиковъ спохватился: «Ахъ, забылъ сказать Царю! Вчера вечеромъ видѣлъ: солдатъ ночью съ бабой идетъ... Экій непорядокъ у него въ арміи!». — «Хорошо, что позабылъ»... подумалъ я.

Аудіенція произвела на крестьянъ неизгладимое впечатлѣніе. Отнынѣ они были моими главными «миссіонерами». Стоило кому-нибудь сослаться на лживыя брошюрки католиковъ, и побывавшій у Царя делегатъ кричалъ: «Я самъ Царя видѣлъ! Я самъ во дворцѣ былъ!».

Въ Петербургѣ въ тотъ пріѣздъ многое меня непріятно удивило. Мы переживали войну, какъ народное бѣдствіе, оплакивали Портъ-Артуръ, горевали по поводу каждой неудачи; вѣсть о Цусимѣ была для насъ тяжкимъ потрясеніемъ. А въ столицѣ, какъ будто ничего и не было... Мчатся коляски на острова, въ нихъ сидятъ разодѣтыя дамы съ офицерами... Неумѣстное, безпечное веселье! И это въ самый-то разгаръ японской войны! Этотъ разрывъ между народомъ и высшими сферами показался мнѣ даже жуткимъ.

Остановился я у епископа Сергія*). Мои настроенія въ его окруженіи отклика не встрѣтили. Чувствовался либеральный оппозиціонный духъ, не сродный настроеніямъ въ Холмскомъ краѣ. Меня слушали съ оттѣнкомъ ироніи....

Лѣто 1905 г.... Надвигалась революція. Въ народѣ и въ войсковыхъ частяхъ сказывалось вліяніе революціонной пропаганды. Замѣчались распущенность, дурная настроенность по отношенію къ властямъ. Наши холмскія войска вернулись въ то лѣто съ фронта неспокойныя, недовольныя...

Я хотѣлъ поселиться на моей дачѣ, а жандармскій полковникъ предупреждаетъ: «Безъ полицейской стражи нынче нельзя», — и пригналъ стражниковъ. Я тамъ жилъ всегда въ полной безопасности: всѣ двери, бывало, у меня настежь, а теперь не то.. — стража въ са-

*) Впослѣдствіи Патріархъ Московскій и всея Руси.

ду въ шалашѣ ночуетъ. Какъ-то разъ ночью близь дачи грянулъ выстрѣлъ. Одинъ изъ солдатъ оказался раненъ. Началось дознаніе. Стражникъ увѣрялъ, что произошелъ несчастный случай: ружье само выстрѣлило. Самъ ли онъ себя поранилъ, или въ него стрѣляли, такъ и не выяснилось. Я вернулся въ Холмъ.

Портсмутскій миръ... Пережили мы его, какъ обиду, какъ оскорбленіе нашей великодержавности. На душѣ было тяжело...

Я непрерывно ѣздилъ по приходамъ. Приведу въ порядокъ консисторскія дѣла, переписку, — и опять въ путь-дорогу. Изъ экипажа не выходилъ. Мои объѣзды, — не въ похвалу себѣ говорю, — имѣли нравственно-ободряющее значеніе. Народъ меня полюбилъ, ко мнѣ влекся, видѣлъ во мнѣ опору и защиту.

Какъ-то разъ между поѣздками, уже послѣ Преображенія, я отдыхалъ на дачѣ, — и вдругъ мнѣ подаютъ пакетъ изъ Синода. Распечатываю, — Указъ Святѣйшаго Синода. Содержаніе его сводилось къ слѣдующему: въ виду религіозной борьбы въ Западномъ краѣ, Синодъ постановилъ выдѣлить двѣ губерніи — Люблинскую и Сѣдлецкую — въ самостоятельную епархію съ центромъ въ гор. Холмѣ; епископу Евлогію быть самостоятельнымъ епископомъ Люблинскимъ и Сѣдлецкимъ, а архіепископу Іерониму отнынѣ именоваться архіепископомъ Варшавскимъ и Привислянскимъ. Епархія Варшавскаго архіепископа тѣмъ самымъ сокращалась до 70-80 приходовъ, тогда какъ у меня оказывалось 330 приходовъ. Несоотвѣтствіе размѣра территоріи (10 губерній у архіепископа Іеронима и 2 губерніи у меня) и числа приходовъ объясняется тѣмъ, что огромное пространство Привислянскаго края, какъ я уже сказалъ, коренного православнаго населенія не имѣло; въ Сѣдлецкой и Люблинской губерніяхъ, наоборотъ, крестьянство въ большинствѣ было православное. Судя по датѣ указа, мое назначеніе состоялось не безъ вліянія того впечатлѣнія, которое я произвелъ въ Петербургѣ. Я невольно привлекъ къ себѣ вниманіе своими хлопотами о Холмщинѣ, всѣмъ надоѣлъ просьбами, докладами: и Синоду, и петербургскому Митрополиту, и Оберъ-Прокурору. Въ столицѣ поняли, что въ столь тревожное время престарѣлому архіепископу Іерониму не справиться, а я, связанный зависимостью отъ Варшавскаго архіепископа, не могу въ полной мѣрѣ проявить свою иниціативу.

По полученіи указа, я поспѣшилъ въ Варшаву — узнать о впечатлѣніи отъ постановленія Синода. Я боялся, что косвенный намекъ въ указѣ на малоуспѣшность церковной дѣятельности владыки Іеронима могъ его огорчить. Я его засталъ на дачѣ. Онъ встрѣтилъ меня благодушно.

— Слава Богу, слава Богу... — со вздохомъ облегченія привѣтст-

вовалъ онъ меня. — Вы молодой, энергичный... Я очень радъ, я не обиженъ, не думайте. Желаю успѣха...

— Я останусь и впредь вашимъ послушникомъ, — сказалъ я и попросилъ его пріѣхать на годовой Холмскій праздникъ: — Мы будемъ всей Холмщиной благодарить васъ за попеченія о насъ, а вы благословите насъ на самостоятельную жизнь.

Моему назначенію архіепископъ Іеронимъ радовался искренно. Уже давно онъ пересылалъ мнѣ всѣ просьбы, донесенія и просилъ лишь по мѣрѣ надобности освѣдомлять его объ общемъ положеніи дѣлъ. Пріѣдешь, бывало, въ Варшаву, — онъ вздыхаетъ: «Ахъ, вы непріятныя вѣсти привезли...». Все обошлось съ владыкой Іеронимомъ безболѣзненно, и это меня успокоило.

Вскорѣ по полученіи мной указа, навѣстилъ меня епископъ Тихонъ (впослѣдствіи Святѣйшій Патріархъ). Онъ пріѣхалъ въ отпускъ изъ Америки, узналъ въ Петербургѣ о моемъ назначеніи, и пожелалъ меня поздравить. Нѣсколько дней онъ провелъ со мною; мы вмѣстѣ служили. Для меня это былъ праздникъ, — и не только для одного меня. Духовенство встрѣтило его, какъ родного. Онъ чувствовалъ себя въ Холмщинѣ, словно возвратился домой — съ такимъ радушіемъ, съ такой любовью всѣ его привѣтствовали...

Приближался Холмскій праздникъ. Официально должна была начаться самостоятельная жизнь новой епархіи. Я впервые участвовалъ въ торжествѣ какъ хозяинъ всей Холмщины.

Праздникъ прошелъ безъ подъема. Народу было меньше. Сказалось тревожное настроеніе надвигающейся революціонной бури. Даже пущена была злостная молва, что въ Холмѣ будетъ рѣзня; другіе говорили, что тамъ появилась холера и народъ не пускаютъ... Но все же было торжественно. Прибыли архіепископъ Іеронимъ, епископъ Антоній (Храповицкій), Гродненскій епископъ; пріѣхалъ представитель Синода и Оберъ-Прокурора — директоръ хозяйственнаго управленія Петръ Ивановичъ Остроумовъ. Я сдѣлалъ все, чтобы на праздникѣ архіепископу Іерониму были оказаны всѣ знаки почитанія.

Послѣ торжества началась опять дѣловая жизнь. Въ Холмѣ и Варшавѣ открылись епархіальные съѣзды. Выдѣленіе новой епархіи требовало размежеванія епархіальныхъ финансовъ. Каждая епархія имѣла свой денежный фондъ, который составлялся изъ процентовъ, отчисляемыхъ священниками изъ доходовъ и жалованья. Получался большой капиталъ. Теперь его надо было раздѣлить. Поднялся споръ, какимъ принципомъ руководиться: по числу-ли приходовъ, или принимая въ расчетъ, кто сколько внесъ? Варшавскій

Съѣздъ высказался за число приходовъ и насъ убѣдилъ въ правильности своего рѣшенія. Я не очень вмѣшивался въ споръ. Члены Съѣзда исписали кучу бумагъ и капиталъ подѣлили. Соотвѣтствующіе документы были посланы въ Синодъ, и Епархіальное Управленіе Холмщины окончательно отдѣлилось отъ Варшавы.

Самостоятельный епископъ
(1905 — 1906)

ГЛАВА XI

Вскорѣ послѣ Холмскаго праздника волны революціи, которыя бушевали уже по всей Россіи, докатились и до насъ. Появились зловѣщіе признаки. Не слышно больше въ городѣ паровозныхъ свистковъ: забастовала желѣзная дорога. Служу всенощную, — потухло электричество: прекратила работу электрическая станція. А далѣе быстро стали наростать событія. Добѣжала до насъ вѣсть о погромахъ въ Сѣдлецѣ, въ Бѣлостокѣ... — вѣсть страшная, угрожающая поджечь и у насъ темныя страсти. Холмъ полонъ пороху — много учащейся молодежи и составъ ея смѣшанный: евреи, поляки, русскіе; въ тѣ дни всеобщаго возбужденія національное чувство у всѣхъ обострилось, атмосфера накалилась...

Еврейское населеніе направило ко мнѣ делегацію.

— Используйте ваше вліяніе, помогите, чтобы погрома не было, — просили меня делегаты.

— Дайте слово, что ваша еврейская молодежь не выйдетъ на улицу, — сказалъ я.

Условіе было выполнено, и погрома у насъ не было. Впослѣдствіи, когда я покидалъ холмскую кафедру, эта же делегація, въ благодарность за мое вмѣшательство, поднесла мнѣ Библію (Ветхій Завѣтъ) на пергаментѣ, съ серебряными крышками.

22-го октября, черезъ пять дней послѣ обнародованія манифеста, по окончаніи обѣдни собрались у меня къ чаю нѣсколько человѣкъ гостей. День былъ ненастный. Вѣтеръ, дождь, слякоть. И вотъ, изъ оконъ вдругъ видимъ — шествіе: манифестація учащейся молодежи... Ученики желѣзно-дорожного училища, воспитанники учительской семинаріи, гимназисты окружили кольцомъ гимназистокъ, въ коричневыхъ платьяхъ и черныхъ фартучкахъ, и шествуютъ по грязной улицѣ, а сбоку идетъ «стражъ уѣзда» — уѣздный начальникъ...

Потомъ выяснилось, что кучка юныхъ демонстрантовъ ходила съ ранняго утра отъ одного учебнаго заведенія къ другому, устра-

ивала передъ ними летучіе митинги; агитаторы произносили зажигательныя противоправительственныя рѣчи, убѣждая товарищей присоединяться къ демонстраціи. Въ женскомъ училищѣ они не ограничились рѣчами, а перешли въ наступленіе: отпихнули начальницу, которая не хотѣла ихъ пропускать въ зданіе, и бросились въ дортуары; согнали перепуганныхъ ученицъ, поставили въ ряды и повлекли на манифестацію. Изъ гимназіи прошли къ духовному училищу. Смотритель дѣтвору отстоялъ: «Нашли кого звать! Вѣдь еще клопы... Что они понимаютъ!» Тогда толпа направилась къ духовной семинаріи. Тутъ ее встрѣтилъ рѣшительный отпоръ. Семинаристы съ крикомъ «жидовскіе прихвостни!» плевали изъ оконъ на манифестантовъ. Семинарія была по духу «правая» (ректоромъ ея былъ архимандритъ Діонисій*) и явила примѣръ преданности существующему государственному порядку. Будь это во Владимірѣ, семинаристы пошли бы впереди толпы.

Демонстранты шатались по городу весь день. Проморили и до слезъ утомили бѣдныхъ гимназистокъ, сами продрогли и къ вечеру, грязные и голодные, стали расходиться. Тѣмъ дѣло и кончилось.

На слѣдующій день я пріѣхалъ въ семинарію и похвалилъ воспитанниковъ. «На окрайнахъ надо твердо держаться своего національнаго монархическаго знамени, сказалъ я, но удержитесь и отъ другой, «своей», демонстраціи. Въ городѣ стоятъ полки, вчерашняя манифестація могла оскорбить ихъ патріотическое чувство, — можетъ быть взрывъ, надо быть благоразумными».

Дѣйствительно, на слѣдующій день поднялась обратная волна. Опять шли какія-то школы, отставные старички-военные..., толпа несла портретъ Государя и пѣла «Боже, Царя храни!». Однако, все прошло мирно, безъ инцидентовъ. Внѣшне революціонная стихія какъ-будто затихла, но пламя ея не погасло. Поднялись поляки со своими польскими запросами, русскіе — со своими, и началась борьба.

Русское населеніе Холмщины привыкло опираться на правительственную власть и теперь тоже разсчитывало на ея защиту, но мѣстныя власти растерялись, а въ Варшавѣ, административномъ нашемъ центрѣ, не было проявлено ни мужества, ни иниціативы. Въ Польскомъ краѣ революція проявилась бурно. Въ Варшавѣ было массовое избіеніе стражниковъ. Въ университетѣ возникли серьезные безпорядки. Еврейскій погромъ въ Сѣдлецѣ носилъ характеръ жестокой расправы. Начали стрѣлять евреи, тогда нарвскіе гусары учинили нѣчто невѣроятное. По уставу полка, офицеры — ихъ было до 50-ти человѣкъ, — не имѣли права жениться, только командиръ былъ же-

*)Впослѣдствіи митрополитъ Православной Церкви въ Польшѣ.

натый. Можно себѣ представить до какой распущенности дошли въ обстанокѣ погрома холостяки безъ узды... Вообще положеніе создалось въ привислянскихъ губерніяхъ тревожное, представителей власти пугающее. Генералъ-губернаторъ Скалонъ укрылся въ крѣпости, другіе начальствующія лица бездѣйствовали. Правительственный корабль точно потерялъ направленіе.

Я собралъ Совѣтъ Холмскаго Братства и сказалъ горячую рѣчь — призывалъ дѣйствовать, а не сидѣть сложа руки. Было постановлено издать брошюру, чтобы успокоить народъ и убѣдить его крѣпко отстаивать національныя русскія начала, держаться существующихъ государственныхъ устоевъ...

По всѣмъ губерніямъ Россіи уже шли подготовительныя работы къ I-ой Государственной Думѣ. Холмщина своей куріи не имѣла. Она входила въ составъ административнаго управленія Привислянскаго края, и проектъ 60-ыхъ годовъ о выдѣленіи ея въ отдѣльную губернію, который раза два-три выдвигали русскіе патріоты, систематически погребали правительственныя канцеляріи, то въ Варшавѣ, то (при Побѣдоносцевѣ) въ Петербургѣ. Значенія проекта никто не хотѣлъ понять. Для правительственныхъ инстанцій дѣло шло просто о видоизмѣненіи черты на географической картѣ Россіи. Между тѣмъ проектъ отвѣчалъ самымъ насущнымъ потребностямъ холмскаго народа, онъ защищалъ отъ полонизаціи вкрапленное въ административный округъ Польши русское населеніе, отнималъ право разсматривать Холмщину, какъ часть Польскаго края. Русскіе патріоты понимали, что выдѣленіе Холмщины въ отдѣльную губернію было бы административной реформой огромнаго психологическаго значенія. Однако, проектъ встрѣчалъ оппозицію, даже въ лицѣ варшавскаго генералъ-губернатора. Онъ видѣлъ въ немъ проявленіе недовѣрія къ мощи и нравственному авторитету его власти. Такъ разсуждали и другіе противники холмской административной самостоятельности. Объяснялось это полнымъ незнаніемъ народной жизни. Такъ, напримѣръ, когда я по должности викарнаго епископа былъ въ Варшавѣ съ визитомъ у генералъ-губернатора Максимовича, онъ съ удивленіемъ спросилъ меня: «А что такое Холмщина? это Холмскій уѣздъ?» У него не было самаго элементарнаго понятія объ области, входившей въ составъ подчиненныхъ ему губерній. Гдѣ-жъ ему было знать многовѣковую исторію многострадальнаго холмскаго народа! Онъ приказалъ принести географическую карту, и я долженъ былъ ему указать предѣлы Холмщины.

Послѣ засѣданія Совѣта Холмскаго Братства, созваннаго мною въ тѣ бурные дни, спеціальная его комиссія стала работать надъ вышеуказаннымъ законопроектомъ, а потомъ было рѣшено отправить въ Петербургъ делегацію со мною во главѣ. Поначалу мы на Госу-

дарственную Думу не разсчитывали, а надѣялись добиться проведенія законопроекта въ административномъ порядкѣ. Однако, поѣздку пришлось отложить: 2-го ноября (1905 г.) скончался владыка Іеронимъ. Мнѣ надо было присутствовать на похоронахъ.

Отъ Холма до Варшавы ѣзды часовъ 8-9 по прямой линіи. Ввиду забастовокъ я ѣхалъ почти сутки, окольными путями, съ долгими остановками на передаточныхъ станціяхъ.

Тѣло архіепископа Іеронима покоилось уже въ гробу въ большомъ залѣ архіерейскаго дома. На панихиды съѣзжалась вся офиціальная Варшава. Настроеніе въ городѣ было тревожное. Предсѣдатель Судебной Палаты Постниковъ сказалъ мнѣ: — «Мои присяжные повѣренные сегодня шелковые...» — «Почему?» — «Говорятъ, Вильгельмъ стягиваетъ подъ Калишемъ войска, поэтому данъ лозунгъ: лойяльность русскимъ властямъ». (Нѣмцевъ боялись). Генералъ-губернаторъ предупредилъ меня, что въ городѣ неспокойно и на похоронахъ придется это учитывать. Я сказалъ, что я самъ поведу похоронную процессію черезъ всю Варшаву на кладбище и пойду съ посохомъ впереди колесницы. Меня стали отговаривать, но я былъ молодой, упорный, и стоялъ на своемъ. Генералъ-губернаторъ встревожился: «Я пришлю гродненскихъ гусаръ и казаковъ, чтобы васъ охранять...».

На погребеніе отъ Синода былъ командированъ архіепископъ Виленскій Никандръ. Отпѣваніе длилось долго, часа три. Я служилъ въ серебряныхъ ризахъ, которыя мнѣ подарили дѣти покойнаго. По окончаніи богослуженія, не раздѣваясь, я выступилъ въ походъ. Архіепископъ Никандръ слѣдовалъ въ каретѣ. Процессія достигла кладбища уже въ сумерки. Изъ духовенства дошло лишь человѣкъ пять-шесть (а ихъ было около 20-ти), остальные незамѣтно ускользнули въ переулки, успѣвали переодѣться и на извозчикахъ во время прибыть на кладбище.

У архіепископа Іеронима былъ выстроенъ прекрасный храмъ-склепъ. Тамъ была могила его сына. Въ этомъ же склепѣ мы и его похоронили. — Начался разъѣздъ. Каретъ было такъ много, что образовалась длиннѣйшая вереница. Я ѣхалъ вмѣстѣ съ архіепископомъ Никандромъ. Шелъ дождь, было холодно, въ запотѣлыя окна ничего не видно. Вдругъ на пути мы остановились. Келейникъ объяснилъ, что задержка у полотна желѣзной дороги: надо поѣздъ пропустить. Я очень усталъ и на это обстоятельство не обратилъ никакого вниманія.

Въ архіерейскомъ домѣ былъ приготовленъ пышный поминальный обѣдъ. Среди присутствующихъ чувствовалось какое-то смятеніе. Что случилось? Оказалось, что въ одну изъ первыхъ каретъ, въ которой ѣхали два протоіерея, была брошена бомба. Къ счастью,

она не взорвалась, — скатилась въ углубленіе для стока воды, но стекла кареты разлетелись вдребезги. Насъ сопровождали гусары и казаки. Они набросились на домъ, откуда бомба была брошена, изрѣшетили его пулями. Двоихъ преступниковъ арестовали. Дальнѣйшую судьбу ихъ я не знаю. Я былъ возмущенъ. Даже мирную процессію, и ту не пожалѣли! На обѣдѣ я смѣло высказался, горячо говорилъ объ отеческомъ, попечительномъ отношеніи покойнаго владыки къ духовенству и народу, которое заслуживало большей любви и ревности, чѣмъ это было проявлено сегодня... Я видѣлъ, какъ нѣкоторыя духовныя лица дорогой ускользали... Одинъ протоіерей мнѣ отвѣтилъ: «Покойникъ насъ понялъ бы, а вотъ молодой насъ не понимаетъ».

Послѣ похоронъ недѣли двѣ мнѣ пришлось прожить въ Варшавѣ. Пришелъ Указъ Св. Синода: впредь до назначенія новаго архіепископа я долженъ управлять одновременно и варшавской и холмской епархіями. Епископъ Никандръ уѣхалъ въ Вильно. Я жилъ въ архіерейскомъ домѣ. Члены консисторіи моимъ пребываніемъ въ Варшавѣ не очень были довольны. Поводомъ къ неудовольствію послужило слѣдующее обстоятельство:

«17-ое октября» всколыхнуло всю Россію. Реформа государственнаго устройства повлекла за собой и проектъ реформы Церкви. Записка гр. Витте была знаменательнымъ событіемъ. Онъ внесъ ее на разсмотрѣніе особаго комитета подъ предсѣдательствомъ Петербургскаго митрополита Антонія, въ который вошли виднѣйшія государственно-административныя лица. Въ своихъ работахъ Совѣщаніе должно было учитывать тревожное предостереженіе, запечатлѣнное крылатымъ словомъ «русская Церковь въ параличѣ». Совѣщанію предстояло обсудить преобразованія въ церковномъ управленіи, а также вопросъ о созывѣ Церковнаго Собора и о патріаршествѣ. Тутъ возникъ конфликтъ между Побѣдоносцевымъ и Саблеромъ. Побѣдоносцевъ не сочувствовалъ обновленію государственнаго и церковнаго строя. Поборникъ абсолютизма, онъ не скрывалъ своего неудовольствія. На совѣщаніе не поѣхалъ — прислалъ Саблера: когда у него возникали тренія съ кѣмъ-нибудь изъ архіереевъ обычно ихъ улаживалъ Саблеръ. Такъ было, когда Побѣдоносцевъ поссорился съ митрополитомъ Палладіемъ. Саблеръ уладилъ конфликтъ съ помощью спокойнаго и мудраго Финляндскаго архіепископа Антонія*), котораго томило, какъ и многихъ іерарховъ, засиліе бюрократизма въ Церкви; онъ поддерживалъ съ Саблеромъ добрыя отношенія. Архіепископъ Антоній, какъ-то разъ откровенно сказалъ ему: «Знаете,

*) Вадковскій, впослѣдствіи митрополитъ С.-Петербургскій.

Владиміръ Карловичъ, мы васъ любимъ, но у насъ камень за пазухой противъ засилія Оберъ-Прокурора». Саблеръ отшутился: «Я не зналъ, что сердце владыкъ — каменоломня...».

На радость всѣмъ членамъ совѣщанія и самого Витте, Саблеръ согласился со всѣми проектами церковныхъ преобразованій. Въ воздухѣ точно повѣяло весной... Расцвѣла надежда на новую эру въ русской церковной жизни. Было постановлено представить черезъ митрополита Антонія заключеніе совѣщанія Государю. Побѣдоносцевъ былъ внѣ себя. Онъ написалъ Царю конфиденціальное письмо, рѣзко высказался противъ патріаршества, пугалъ, умолялъ отклонить резолюціи совѣщанія. Саблеръ былъ уволенъ въ отставку безъ ордена и рескрипта. Вскорѣ покинулъ постъ Оберъ-Прокурора и Побѣдоносцевъ. Послѣ его отставки я получилъ отъ него нѣжное письмо. Помню нѣкоторыя его фразы: «Положеніе сдѣлалось невыносимымъ... Въ средѣ самой Церкви появились волки, которые не щадятъ овецъ. Настала година темная и власть тьмы, и я ухожу... Васъ же поручаю Богу и Духу благодати...». Побѣдоносцевъ не довѣрялъ русской іерархіи (и вообще мало кому довѣрялъ), не уважалъ ее и признавалъ лишь внѣшнюю государственную силу.

Когда зашла рѣчь о реформѣ Церкви, въ Петербургѣ нашли нужнымъ запросить епархіальныхъ архіереевъ, дабы они высказались, какіе слѣдуетъ отмѣтить непорядки въ церковной жизни и какія, по ихъ мнѣнію, нужны преобразованія. Я былъ тогда въ Варшавѣ и обратился къ секретарю консисторіи, чтобы узнать, было ли что нибудь сдѣлано въ этомъ направленіи до меня. «Владыка Іеронимъ болѣлъ, ему было не до этого. Онъ предоставилъ намъ полную свободу въ этой работѣ. Вотъ, что мы написали...», доложилъ секретарь. Написанное я просмотрѣлъ. Оказалось, сдѣлано было мало... Своего недоумѣнія я не скрылъ, отмѣтилъ на донесеніи, что въ составленіи этого проекта я не участвовалъ, а представляю его лишь по должности замѣстителя. Покончивъ съ консисторіей, я уѣхалъ въ Холмъ. Консисторія была мною весьма недовольна. — Въ Варшаву назначили Таврическаго епископа Николая.

Рождество я провелъ у себя въ Холмѣ.

Въ одинъ изъ мрачныхъ зимнихъ вечеровъ, въ концѣ этого года (1905), пріѣхалъ ко мнѣ молодой священникъ, по фамиліи Безкишкинъ. Онъ былъ въ такомъ потрясенномъ душевномъ состояніи, что я не зналъ, какъ его и успокоить. Ему пришлось присутствовать при казни невиннаго человѣка, и съ этой вопіющей несправедливостью онъ примириться не могъ. Въ ту зиму у насъ было введено военное положеніе, тѣмъ самымъ всѣ уголовныя дѣла переходили въ веденіе военнаго суда, при чемъ приговоры приводились въ исполне-

ніе въ 24 часа. Въ пограничномъ городѣ Томашевѣ убили еврея. Подозрѣніе пало на солдата. Судъ приговорилъ его къ смертной казни. Старенькій священникъ отъ обязанности напуствовать Св. Тайнами смертника уклонился и послалъ молодого помощника, недавно окончившаго нашу семинарію. Когда-то онъ былъ тамъ моимъ жезлоносцемъ. Это былъ красивый мальчикъ съ чуднымъ голосомъ. Товарищи считали его моимъ любимчикомъ и всячески его травили; довели его до того, что онъ пытался выброситься изъ окна. Я строго наказалъ тогда двухъ-трехъ мальчиковъ, и его оставили въ покоѣ, но отъ меня онъ съ той поры отдалился. Едва прошелъ годъ послѣ рукоположенія въ священники, какъ пришлось ему вести человѣка на казнь... На исповѣди онъ узналъ, что солдатъ не виновенъ. Какъ примирить невиновную душу съ вопіющей несправедливостью? Дорогой отъ города къ урочищу, гдѣ солдата должны были разстрѣлять, онъ разсказывалъ ему о жизни Христа. Пережитое душевное потрясеніе оставило въ священникѣ слѣдъ неизгладимый: онъ озлобился, всталъ въ оппозицію къ духовному начальству. На предвыборномъ собраніи во 2-ую Государственную Думу онъ выступилъ противъ меня и былъ моимъ конкурентомъ. «Развѣ васъ можетъ понять архіерей? Развѣ у васъ есть общее съ человѣкомъ въ хоромахъ?!» восклицалъ онъ, обращаясь къ избирателямъ. Впослѣдствіи я навязалъ его преосвященному Платону въ Америку. Простился онъ со мною миролюбиво. Передъ отъѣздомъ подарилъ мнѣ дешевенькую панагію: «Хочу, чтобы вы меня вспоминали». Кажется, въ Америкѣ онъ умеръ. Если-бъ не надрывъ въ первый годъ священства, изломавшій душу, онъ могъ бы быть прекраснымъ священникомъ.

Послѣ святокъ я отправился въ Варшаву сдавать должность новоназначенному епископу Николаю; оттуда мнѣ надо было ѣхать въ Петербургъ съ нашимъ проектомъ о выдѣленіи Холмщины въ отдѣльную губернію.

Генералъ-губернаторъ Скалонъ отнесся къ проекту недоброжелательно, видѣлъ въ немъ личную обиду: «Я вѣдь всегда иду вамъ навстрѣчу...». Я ссылался на исторію нашего края, особую народную психологію, особые пути и задачи: «Я желаю Польшѣ самоуправленія, — однако, и Холмщинѣ надо оберегать свою самобытность. Ее надо по новому очертить, отдѣливъ отъ Польши...», убѣждалъ я Скалона. Онъ стоялъ на своемъ. — «Я буду съ вами спорить», — сказалъ онъ.

Въ Петербургъ я пріѣхалъ зимнимъ утромъ. На вокзалѣ меня встрѣтилъ благочинный Лавры, и ожидала карета митрополита. Это были дни московскаго возстанія, бурныхъ засѣданій петербургскаго Совѣта рабочихъ депутатовъ, выступленій Хрусталева-Носаря и т. д.

Въ столицѣ я пробылъ долго — протискивалъ нашъ проектъ въ правительственныхъ кругахъ. Побывалъ и у Предсѣдателя Совѣта Министровъ Витте и у Министра Внутреннихъ Дѣлъ Столыпина. Витте принялъ меня нелюбезно, сидя въ небрежной позѣ съ сигарой во рту. Думаю, этотъ оттѣнокъ небрежности онъ придалъ пріему не безъ нарочитости.

— Выдѣленіе Холмщины... да что это такое — «Холмщина»? Какое это имѣетъ значеніе? Я скажу, чтобы разсмотрѣли...

Столыпинъ сразу понялъ важное національное значеніе проекта и обѣщалъ разсмотрѣть его въ совѣщаніи въ моемъ присутствіи. Проектъ онъ передалъ своему Товарищу Крыжановскому, который образовалъ комиссію подъ своимъ предсѣдательствомъ для разсмотрѣнія нашей записки. Въ Петербургъ былъ вызванъ управляющій канцеляріей Варшавскаго генералъ-губернатора Ячевскій, умница, тонкій человѣкъ, но мой ярый врагъ. Выписали Люблинскаго и Сѣдлецкаго губернаторовъ. Пріѣхалъ и Скалонъ. Засѣданія шли недѣли двѣ-три. Всего было четыре-пять засѣданій. Члены комиссіи горячо спорили. Въ сущности никто, кромѣ Ячевскаго, въ курсѣ дѣла не былъ. На послѣднемъ засѣданіи Скалонъ хотѣлъ сдѣлать рѣшительный натискъ. Были торжественно разложены географическія карты, этнографическіе и вѣроисповѣдные атласы съ обозначеніемъ по уѣздамъ процентнаго соотношенія русскихъ и поляковъ, православныхъ и католиковъ. Скалонъ началъ важно критиковать записку, но черезъ пять минутъ запутался, и если бы не Ячевскій, который поспѣшилъ ему на помощь, онъ очутился бы въ весьма жалкомъ положеніи. Меня поддерживалъ Крыжановскій (племянникъ матери Афанасіи игуменьи Радочницкаго монастыря). Въ концѣ концовъ поручили Министру Внутреннихъ Дѣлъ разработать законопроектъ и представить его на одобреніе Государя. Проектъ залежался. Его пришлось проводить уже въ 3-ей Государственной Думѣ.

Выборы въ 1-ую Государственную Думу дали отъ Привислянскаго края сплошь поляковъ. Мы написали новую записку о дарованіи полумилліонному православному его населенію хоть одного представителя. Къ намъ присоединилось и русское населеніе г. Варшавы: въ городѣ было много русскихъ торговцевъ и чиновниковъ, и имъ тоже хотѣлось имѣть своего представителя. На этотъ разъ въ Петербургъ я не ѣздилъ. Записка была послана.

Лѣтомъ 1906-го года бурную 1-ую Государственную Думу распустили. Своими революціонными рѣчами она поджигала всю страну. Послѣ роспуска пришла бумага: намъ и гор. Варшавѣ разрѣшили

имѣть по одному представителю. Мы пріободрились и стали готовиться къ выборамъ.

Нашъ избранникъ былъ особенный: его избирало только православное населеніе Люблинской и Сѣдлецкой губ., — иначе говоря, Холмскій край. Порядокъ выборовъ у насъ былъ такой: сначала избирались уполномоченные отъ приходовъ; они съѣзжались на уѣздное собраніе и выбирали своего представителя въ Холмское избирательное собраніе, которое и выбирало депутата въ Государственную Думу. Я былъ выбранъ отъ Холма и оказался въ числѣ членовъ Холмскаго избирательнаго собранія. Выборы состоялись въ Холмѣ, въ залѣ Холмскаго Братства. Предсѣдатель Люблинскаго суда руководилъ избирательнымъ собраніемъ.

На предвыборномъ совѣщаніи выяснилось, что большинство считаетъ желаннымъ кандидатомъ меня. Я пережилъ мучительные дни. Тревожили сомнѣнія, какъ мнѣ поступить: оставаться ли дома и работать попрежнему въ тѣсной связи съ приходами — или лучше на пять лѣтъ покинуть Холмщину, но зато находиться въ Петербургѣ, когда будутъ рѣшаться главные жизненные вопросы нашего края? Я былъ въ смущеніи и кандидатуру свою отклонялъ: «Мнѣ трудно. Я не привыкъ къ политической дѣятельности, да и санъ мой мѣшаетъ... Толку не будетъ... Неужели вамъ будетъ пріятно, когда вашего архіерея политическіе противники будутъ обливать грязью?» Мою нерѣшительность побѣдилъ одинъ волостной старшина («войтъ»). Онъ сказалъ: «Владыка, Христосъ ни о чемъ не думалъ, когда пошелъ на крестъ за людей, а вы образъ Его носите....». Его слова меня поразили. Изъ 40 голосовъ за меня было подано 38 — и я былъ выбранъ депутатомъ.

На душу легла огромная тяжесть. 1-ая Дума уже показала, что стоять на правыхъ позиціяхъ, быть монархистомъ, не легко...

Выборы закончились недѣли за двѣ-три до открытія 2-ой Государственной Думы, которое состоялось 20-го февраля 1907 года. Надо было успѣть собраться, дать распоряженія: какія дѣла надлежитъ посылать мнѣ, какія рѣшать дома, каковы будутъ полномочія моего замѣстителя и проч. Одновременно начали меня чествовать. Со всѣхъ сторонъ — телеграммы, поздравленія... Эти почести меня не очень радовали.

Уѣзжалъ я въ воскресенье. Служилъ взволнованный, блѣдный, какъ полотно. Въ прощальномъ словѣ просилъ молитвъ паствы, а Холмское Братство просилъ снабжать меня свѣдѣніями, документами, и поддерживать и дальше наше живое взаимное общеніе. Потомъ былъ напутственный молебенъ. Въ храмѣ чувствовался общій подъемъ.

Ѣхалъ я въ салонъ-вагонѣ. На каждой станціи меня встрѣчалъ

народъ, невѣдомо какими путями узнавшій о моемъ проѣздѣ. Иконы, хоругви, крестные ходы, священники, подношенія «хлѣба-соли», врученіе мнѣ петицій... И такъ черезъ всю Холмщину. Была зима, морозъ... Всюду мнѣ приходилось говорить. Подъ конецъ я совсѣмъ охрипъ. Въ Брестѣ — центральной узловой станціи, — залъ былъ переполненъ народомъ. Ораторы изъ толпы привѣтствовали меня. И вновь посыпались петиціи.

Въ Петербургѣ я всѣ петиціи прочиталъ, во всѣхъ разобрался. Въ нихъ были изложены и жалобы и просьбы. Основная тема — наболѣвшій аграрный вопросъ. Я понялъ, что это жгучая боль народа, и что на меня холмскимъ населеніемъ возложены большія упованія. Я долженъ для всѣхъ добиться чаемыхъ реальныхъ благъ. Такъ поняло населеніе роль депутата.

Членъ 2-ой Государственной Думы

(1907)

ГЛАВА XII

Въ Петербургъ я пріѣхалъ сѣренькимъ февральскимъ утромъ. Въ городѣ чувствовалось тревожное настроеніе, на улицахъ встрѣчались патрули... На вокзалѣ меня ожидалъ экономъ и въ митрополичьей каретѣ доставилъ въ Лавру. Здѣсь было мнѣ приготовлено помѣщеніе. (Митрополитъ далъ распоряженіе и относительно моего довольствія.)

Митрополитъ Антоній встрѣтилъ меня любезно, ласково и пригласилъ сопровождать его на молебствіе передъ открытіемъ Государственной Думы.

Помню этотъ первый мой пріѣздъ въ Таврическій дворецъ.

Великолѣпное старинное зданіе. Огромный Екатерининскій залъ съ иконой святителя Николая, вдѣланной въ стѣнѣ; передъ нею уже все приготовлено для молебна. Въ залѣ большое оживленіе — всюду снуютъ депутаты... Сослужили митрополиту члены Думы: ректоръ Кіевской Духовной Академіи епископъ Платонъ, впослѣдствіи митрополитъ Американскій, я и нѣсколько священниковъ. Около насъ сгруппировались члены правительства, во главѣ съ П. А. Столыпинымъ, и депутаты: священники и крестьяне. Остальные члены Думы не только не присоединились къ молящимся, но вели себя такъ непринужденно, что можно было подумать — они насъ не видятъ и не слышатъ. По залѣ продолжали сновать люди, кто-то, хлопая дверями, пробѣгалъ съ бумагами въ канцеляріи, слышались разговоры; въ концѣ зала, кажется, даже курили... Молебенъ прошелъ безъ подъема. Чувствовалось, что для большинства онъ лишь неизбѣжная формальность; благословенія Божія на предстоящій трудъ, какъ будто, никто не искалъ; молился со слезами только одинъ старичокъ-крестьянинъ. По окончаніи молебствія митрополитъ уѣхалъ, а мы направились въ залъ засѣданій. Епископъ Платонъ и я заняли мѣста на правыхъ скамьяхъ.

По своимъ политическимъ убѣжденіямъ я былъ монархистъ. По

началу «умѣренный» (группа «у. п.» — «упокойники», какъ ее называли), я потомъ примкнулъ къ группѣ монархистовъ-націоналистовъ. Монархическія убѣжденія сложились у меня органически подъ вліяніемъ ряда условій и обстоятельствъ моей жизни.

Я получилъ въ моей семьѣ церковное воспитаніе. Отецъ, согласно церковной традиціи, видѣлъ въ царѣ Божьяго помазанника и къ «властямъ предержащимъ» относился съ большимъ почитаніемъ. Въ семинаріи ко мнѣ не привилось противоправительственное настроеніе нѣкоторыхъ моихъ сверстниковъ. Помню, когда въ Тулу (я былъ тогда въ 4-мъ классѣ) пріѣхалъ императоръ Александръ III-й, я не могъ смотрѣть на него безъ волненія: народническія мои симпатіи изъ меня оппозиціонера не дѣлали. Неправда соціальной жизни меня удручала, мнѣ хотѣлось народу служить, ему помочь, но активнаго протеста она во мнѣ не вызывала. Въ студенческіе годы на мнѣ, какъ и на всей молодежи, былъ налетъ интеллигентскаго либерализма, — я увлекался «Вѣстникомъ Европы», читалъ «Русскія Вѣдомости», но глубокаго вліянія ихъ идеи на меня не оказывали. Въ пору педагогической моей работы я сознавалъ всю отвѣтственность за судьбу ввѣренной мнѣ молодежи и направлялъ ее по историческому религіозно-патріотическому пути. Моя юность и молодые годы прошли въ этомъ отношеніи ровно, безъ потрясеній, а когда настало время политической борьбы, оказалось, что монархическая партія наиболѣе отвѣчаетъ опыту моей службы на русской окраинѣ. Холмщина была ареной столкновеній національныхъ чувствъ — русскихъ и поляковъ; борьба силъ была не всегда для насъ побѣдная. Мѣстное чиновничество ладило съ польскими помѣщиками и въ быту даже отъ нихъ нѣсколько зависѣло. Опоры приходилось искать не въ мѣстныхъ властяхъ, а въ центрѣ, въ мощи русскаго государства, которую самодержавіе и символизировало и проявляло въ неограниченности своихъ державныхъ правъ и законодательныхъ возможностей. Честь Россіи и ея національное достоинство могла защищать и фактически защищала въ то время на нашихъ окраинахъ лишь монархическая идеологія.

Появленіе епископа Платона и меня въ залѣ засѣданій не прошло незамѣченнымъ. Мы стали предметомъ любопытныхъ взглядовъ, ироническихъ улыбокъ. Откуда-то донесся громкій шопотъ: «А рясы-то шелковыя...». Мы были въ клобукахъ. Митрополитъ Антоній сказалъ мнѣ, чтобы я всегда въ Думѣ былъ въ клобукѣ, и не надѣвалъ шляпы даже на улицѣ при переѣздахъ въ Таврическій Дворецъ.

Первое мое впечатлѣніе отъ Государственной Думы — пестрота состава депутатовъ. Россія была представлена во всемъ своемъ этнографическомъ многообразіи: живописные халаты инородцевъ, чалмы, тюбитейки, мужицкіе армяки... Впослѣдствіи было любопыт-

но наблюдать, какъ мусульмане въ положенное время покидаютъ засѣданіе и молятся въ Екатерининскомъ залѣ, сидя въ углу на корточкахъ и сопровождая моленіе ритмическими тѣлодвиженіями. Журналисты и депутаты посмѣивались надъ ними, покуривая папиросы, но во мнѣ это исповѣданіе своихъ религіозныхъ убѣжденій вызывало уваженіе.

По образованію составъ думцевъ былъ тоже весьма пестрый: были среди нихъ люди высокообразованные, — профессора, ученые, — но были и безграмотные крестьяне, которые послѣ присяги расписались на листѣ крестиками. Невольно возникло недоумѣніе: какъ они могутъ участвовать въ думской работѣ? какъ имъ понять сложныя политическія рѣчи?

Еще пестрѣе оказались политическія убѣжденія. Многоцвѣтная гамма политическаго спектра: отъ монархистовъ до соціалъ-демократовъ. Правые, умѣренные, націоналисты, октябристы, прибалтійская группа, польское коло, мусульмане, мирно-обновленцы (прогрессисты), кадеты, трудовики, соц.-революціонеры, соц.-демократы. Изъ всѣхъ самой значительной фракціей по вліянію на русское общество, по соотвѣтствію своей программы чаяніямъ широкихъ его круговъ, по отличному подбору лидеровъ — были «кадеты». Фракція включала такихъ лицъ, какъ Маклаковъ, Пергаментъ, Родичевъ, Тесленко, Шингаревъ.

Открытіе Государственной Думы состоялось 20 февраля. Открылъ ее сенаторъ д. т. с. Голубевъ (Товарищъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта), важный старецъ, похожій на римскаго сенатора. Онъ прочиталъ Высочайшее повелѣніе скрипучимъ голосомъ и приступилъ къ выбору Предсѣдателя.

Мы, правые, и часть безпартійныхъ (насъ было всего человѣкъ 90), хотѣли провести Хомякова, но наше намѣреніе было завѣдомо обречено на неудачу. Въ Предсѣдатели прошелъ Федоръ Александровичъ Головинъ, депутатъ отъ Московской губ. (Предсѣдатель Московской Губернской Земской Управы), человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ ничѣмъ не выдающійся. Онъ поблагодарилъ Думу за избраніе и въ своей рѣчи подчеркнулъ, что 2-ая Дума — преемница 1-ой Думы — должна продолжать начатое дѣло, слѣдовать ея завѣтамъ; однако, у 2-ой Думы есть и свое заданіе, — укрѣплять конституцію, т. е. проводить «въ жизнь волю и мысль народа въ единеніи Думы съ Монархомъ...» Головину жиденько похлопали — этимъ первое засѣданіе и закончилось.

Въ ближайшіе дни (23 и 24 февраля) были выбраны Президіумъ и Секретаріатъ. Главные посты получили кадеты. Мы, правые, не смогли провести ни одного изъ нашихъ кандидатовъ.

Прежде чѣмъ приступить къ работѣ, Государственной Думѣ предстояло выслушать правительственную декларацію. Она была назначена на 2-ое марта, но произошло событіе, которое этому помѣшало. Въ ночь на 2-ое марта случилась катастрофа — въ залѣ засѣданій рухнулъ потолокъ.... Когда я утромъ пріѣхалъ, я увидалъ на нашихъ мѣстахъ груды штукатурки. Этотъ недосмотръ архитекторовъ вызвалъ въ депутатахъ бурю негодованія. А депутаты-крестьяне отъ радости, что избѣгли смертельной опасности, просили меня отслужить для нихъ благодарственный молебенъ. Для засѣданій былъ спѣшно приспособленъ другой залъ Таврическаго дворца — и загремѣли зажигательныя рѣчи... Обвалъ потолка далъ поводъ для возмущенія дѣятельностью правительства, а въ катастрофѣ готовы были видѣть чуть-ли не злой умыселъ.

«Граждане депутаты! Когда я пришелъ сюда, я нисколько не удивился извѣстію о томъ, что обвалился потолокъ надъ мѣстами, гдѣ должны были засѣдать народные представители. Я увѣренъ, что потолки крѣпче всего въ Министерствахъ, въ Департаментѣ Полиціи и въ другихъ учрежденіяхъ», — кричалъ съ трибуны Григорій Александровичъ Алексинскій (соц.-дем.) (Шумъ. Аплодисменты).

Правда, нѣкоторые ораторы приводили и благоразумные доводы: правительство не виновато, былъ лишь недосмотръ и т. д.; но они явно противорѣчили возбужденному настроенію лѣвыхъ депутатовъ.

Вскорѣ засѣданія Думы были перенесены въ залъ Дворянскаго Собранія — огромный залъ съ великолѣпными хрустальными люстрами, съ диванами обитыми краснымъ бархатомъ. Здѣсь 6-го марта Столыпинъ и прочелъ свою декларацію.

Наканунѣ этого памятнаго дня къ подъѣзду, гдѣ помѣщалась моя скромная квартирка, подъѣхала карета съ ливрейнымъ лакеемъ, и мнѣ доложили, что меня хочетъ видѣть О. Б. Столыпина, супруга Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Встревоженная предстоящимъ выступленіемъ мужа, она пріѣхала ко мнѣ. «Прошу васъ помолиться... Я тоже буду въ Думѣ мысленно за него молиться, мнѣ будетъ легче, если я буду знать, что и вы молитесь за него въ эти минуты».

Мое знакомство съ семьей Столыпина возникло благодаря матери Еленѣ, игуменьѣ Красностокскаго монастыря (Гродненской губ.). Столыпинъ былъ Гродненскимъ губернаторомъ, и семья его дружила съ матерью Еленой, которая, пріѣзжая въ Петербургъ, всегда у нихъ останавливалась. Этимъ и объясняется пріѣздъ ко мнѣ О. Б. Столыпиной.

Программная рѣчь П. А. Столыпина возвѣщала Государственной Думѣ разнообразныя либеральныя реформы во многихъ областяхъ

государственной и соціальной жизни страны. Единодушнаго восторженнаго пріема Дума ей не оказала. Думское большинство встрѣтило декларацію молчаніемъ (не довѣряя правительству, которое распустило 1-ую Государственную Думу), зато на правыхъ скамьяхъ она вызвала бурю аплодисментовъ, а крайняя лѣвая (с.д. Церетелли, а потомъ и др.) тотчасъ яростно обрушилась и на декларацію и на Правительство. Революціонныя, митинговыя рѣчи... Чувствовалось, что думской трибуной пользуются, какъ средствомъ для всенародной агитаціи.

Мы, правые, старались защищать правительство и съ этой цѣлью сочли умѣстнымъ не говорить по поводу декларации, а обличать его противниковъ — ихъ террористическіе методы революціонной борьбы, — а также возражать на рѣчи того или иного изъ ораторовъ.

Такъ, напримѣръ, я возражалъ лѣвому депутату Хасанову (мусульм. Уфимской губ.), депутату Алексинскому (с.-д.). Въ атмосферѣ всеобщаго возбужденія я произнесъ мою первую рѣчь. Никогда еще мнѣ не приходилось говорить во многолюдномъ, разъяренномъ политическими страстями собраніи, я привыкъ говорить въ храмахъ, — и теперь очень волновался: сердце билось, во рту пересохло...

«Я не буду подробно возражать тому члену Государственной Думы, который, не будучи самъ христіаниномъ, трактовалъ здѣсь о Христѣ и его ученіи, началъ я, а я скажу ему только, что, конечно, Господь Іисусъ Христосъ отрицалъ смертную казнь и убійство, но убійство и съ той и съ другой стороны — всякое убійство, всякую кровь. Но тотъ Христосъ, который запрещалъ убійство, говорилъ и другія слова: «не бойтесь убивающихъ тѣло, а бойтесь тѣхъ, кто и тѣло и душу можетъ погубить...» Я хочу напомнить Алексинскому и всѣмъ сынамъ Церкви Православной, что Православная Церковь никогда не была врагомъ русскаго народа, что она вскормила, взлелѣяла этотъ народъ, какъ любящая мать, что она ему мать родная, что она всегда несла этому народу не злобу, не вражду, а чувство любви, милости и состраданія».

Наши усилія защитить Правительство ни къ чему не привели. Большинство Думы своимъ внушительнымъ молчаніемъ заявляло о своемъ нежеланіи Декларацію обсуждать, а революціонная «лѣвая», казалось, сумѣла Декларацію «сорвать» и Правительство дискредитировать. Къ концу засѣданія положеніе для Столыпина создалось безвыходное... Но тутъ произошло совсѣмъ неожиданное.

Никто не думалъ, что Столыпинъ выступитъ въ тотъ день вторично, но онъ вдругъ попросилъ слова и произнесъ ту блестящую рѣчь, которая потомъ облетѣла всю Россію. Въ ней онъ давалъ понять, что путь сближенія Правительства и Государственной Думы найти воз-

можно и найти надо; онъ объяснялъ исключительно государственной необходимостью суровыя мѣропріятія противъ революціоннаго движенія, и изъ дальнѣйшихъ словъ можно было заключить, что самъ онъ — вѣрный сторонникъ конституціоннаго порядка; что онъ призываетъ Думу къ сближенію, взаимопониманію, къ сотрудничеству съ Правительствомъ на основахъ конституціи. Но нѣтъ общаго языка и не можетъ быть сотрудничества съ тѣми, кто стоитъ на позиціи революціонной борьбы съ правительственной властью. И Столыпинъ закончилъ свою рѣчь памятной отповѣдью лѣвымъ революціоннымъ противникамъ:

...«Нападки разсчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти параличъ и воли и мысли, всѣ онѣ сводятся къ двумъ словамъ, обращеннымъ къ власти: «руки вверхъ!». На эти два слова, господа, правительство съ полнымъ спокойствіемъ, съ сознаніемъ своей правоты можетъ отвѣтить только двумя словами: «не запугаете!».

Эти знаменитыя два слова «не запугаете!» отразили подлинное настроеніе Столыпина. Онъ держался съ большимъ достоинствомъ и мужествомъ. Его искренняя прекрасная рѣчь произвела въ Думѣ сильное, благопріятное впечатлѣніе. Несомнѣнно въ этотъ день онъ одержалъ большую правительственную побѣду. Послѣ засѣданія, какъ я узналъ, онъ съ супругою отправились пѣшкомъ въ Казанскій Соборъ служить благодарственный молебенъ.

12-го марта началось обсужденіе законопроекта объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ, въ сущности начались дебаты о смертной казни, — о наболѣвшемъ, всю страну волнующемъ...

Накаленная атмосфера всеобщаго возбужденія... Тонъ рѣчей митинговый. Одинъ изъ ораторовъ, священникъ Тихвинскій, не говорилъ, а вѣрнѣе, — кричалъ съ трибуны:

...«Смертная казнь, господа, это страшная, это ужасная, это нечеловѣческая месть! — и далѣе, обращаясь къ намъ, двумъ епископамъ (еп. Платону и ко мнѣ): Святители Божіи, выйдите сюда на эту общественную трибуну и заявите, что смертная казнь противна Христу. Пусть никто не смѣетъ оправдывать ее именемъ кроткаго Спасителя... Господа, лучше быть судимымъ за милость, чѣмъ оправданнымъ за жестокость...»

Я всталъ и попросилъ слова внѣ очереди. Отовсюду слышались возгласы: просимъ! просимъ!

«Господа члены Государственной Думы, здѣсь священникъ бросилъ вызовъ намъ, его архипастырямъ и епископамъ, — началъ я. — Этотъ вызовъ былъ поддержанъ очевиднымъ сочувствіемъ очень

многихъ изъ васъ... Что я скажу вамъ? Здѣсь такъ ярко, такъ краснорѣчиво, такъ убѣдительно передъ нами нарисована была картина ужасовъ отъ полевыхъ судовъ и неразрывной съ ними смертной казни, что едва ли придется что прибавить. Развѣ можно это отрицать? Дѣйствительно, всякая смертная казнь, всякое извѣстіе о разстрѣлѣ полевымъ судомъ всегда леденитъ сердце и наполняетъ его ужасомъ. Я уже имѣлъ честь съ этой высокой трибуны заявить, что съ христіанской точки зрѣнія никакая смертная казнь, никакое насильственное отнятіе жизни, никакое пролитіе крови не можетъ быть допустимо, не можетъ быть одобрено (аплодисменты), въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Если бы мы были истинными христіанами, если бы наше общество было дѣйствительно христіанскимъ, то, конечно, никакой смертной казни не было бы... Мнѣ только казалось, что чего-то не договариваютъ. Зачѣмъ также не осуждаютъ пролитіе крови съ другой стороны? Почтенные члены Государственной Думы, съ христіанской точки зрѣнія нѣтъ разницы между убійствами. Повторяю, всякое убійство одинаково преступно, одинаково позорно для христіанъ со строго христіанской точки зрѣнія.... Вотъ что я могу только сказать какъ представитель русской Православной Церкви и думаю, что правильно понимаю слова Божественнаго Учителя — Спасителя... Здѣсь говорили, что военно-полевые суды расшатываютъ самую основу государственности. Позвольте же мнѣ сказать отъ всего сердца, что террористическія убійства, которыя несетъ революція, точно также расшатываютъ основу государственности, основу всякаго права... Я объ одномъ васъ прошу: будьте послѣдовательны, будьте искренни, вынесите отсюда, съ этой трибуны, осужденіе другимъ террористическимъ актамъ, которые не менѣе ужасны, пожалѣйте нашъ русскій народъ, который также отъ этихъ актовъ весьма стонетъ и тяжко страдаетъ. Я думаю, если-бы Государственная Дума своимъ высокимъ авторитетомъ высказала свое порицаніе этимъ актамъ, тогда не было бы надобности и въ военно-полевыхъ судахъ. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать».

Въ новую мою дѣятельность я вошелъ не сразу, а втягивался въ нее постепенно. Знакомился съ работами въ комиссіяхъ. Я записался въ три комиссіи: вѣроисповѣдную, народнаго образованія и аграрную. Комиссій было много. Члены ихъ избирались по фракціямъ, пропорціонально ихъ численному составу. Въ комиссіяхъ лишь члены ихъ имѣли право голоса, а присутствовать на засѣданіяхъ могли всѣ. Аграрная комиссія собирала чуть ли не половину думцевъ, настолько всѣхъ волновалъ земельный вопросъ. Вѣроисповѣдная комиссія и народнаго образованія работали слабо.

Въ комиссіи по провѣркѣ депутатскихъ полномочій у меня возникло столкновеніе съ поляками. Они хотѣли опорочить мое избраніе на томъ основаніи, что я, якобы, выбранъ незаконно, — подъ давленіемъ администраціи, — но доказательствъ привести не могли.

Знакомился я и съ депутатами. Среди нихъ встрѣтилъ товарища по выпуску въ Московской Духовной Академіи — Василія Гавриловича Архангельскаго. Это былъ въ свое время студентъ съ густой шевелюрой, по настроеніямъ романтикъ, любитель серенадъ и дамскаго общества. Теперь онъ сталъ почти неузнаваемъ: мрачный, озлобленный, съ помятымъ лицомъ, неряшливо и бѣдно одѣтый, соц.-революціонеръ, онъ ничѣмъ не напоминалъ себя, прежняго. Меня онъ поначалу, кажется, не хотѣлъ узнавать. Я его окликнулъ. Онъ отозвался сдержанно. «Если не ошибаюсь, о. Георгіевскій?» (называетъ мою фамилію). Но потомъ смягчился, и мы стали попрежнему друзьями. Случалось, гуляли по Екатерининскому залу, мирно бесѣдуя. Журналисты на насъ косились: «Что можетъ быть общаго у соц.-революціонера съ черносотеннымъ епископомъ?» Изъ разговоровъ съ моимъ бывшимъ сотоварищемъ я узналъ, что послѣ Академіи онъ служилъ по духовному вѣдомству, сотрудничая одновременно въ волжскихъ газетахъ, потомъ ушелъ въ инспектора народныхъ училищъ, неудержимо «лѣвѣлъ» — и попалъ въ ссылку въ Енисейскую губернію. Мать его съ горя умерла, смерти ея онъ никогда простить не могъ.

Въ Государственной Думѣ въ ту весну я встрѣтился впервые и съ профессоромъ политической экономіи Сергѣемъ Николаевичемъ Булгаковымъ (впослѣдствіи протоіерей Сергій — инспекторъ Парижскаго Богословскаго Института). Онъ уже тогда приближался къ Церкви и выступилъ съ предложеніемъ организовать особую комиссію по дѣламъ Православной Церкви параллельно вѣроисповѣдной комиссіи. Я взялъ слово и направился къ трибунѣ, съ которой онъ спускался. Мы встрѣтились... «Неужели вы хотите возражать?» — удивился онъ. — «Нѣтъ, — дополнить: чтобы членами ея могли быть только православные», — сказалъ я.

Помню появленіе въ Думѣ о. Григорія Петрова. Онъ находился подъ епитимьей въ Черменецкомъ монастырѣ (Петербургской губ.), куда паломничали его многочисленные поклонники и поклонницы: свѣтскія дамы, студенты, курсистки... Оберъ-прокурора засыпали запросами, просьбами объ его освобожденіи и, подъ давленіемъ вліятельнаго заступничества, его изъ монастыря освободили. Первое его появленіе въ залѣ засѣданій было обставлено нѣкоторымъ тріумфомъ. Распахнулись двери, всѣ депутаты, какъ одинъ человѣкъ,

встали — и разразились громомъ рукоплесканій... о. Григорій Петровъ театрально раскланялся. Потомъ мы съ нимъ познакомились. Въ Думѣ онъ почти не выступалъ.

О. Г. Петровъ былъ человѣкъ позы, внѣшняго эффекта, эмоцій, но подлинной внутренней религіозности въ немъ было мало. Не лишенный дара воздѣйствія на толпу, онъ умѣлъ говорить съ интеллигенціей и собиралъ на свои лекціи весь Петербургъ. Внѣшнее краснорѣчіе, дѣланный, искусственный пафосъ и демагогическій тонъ его докладовъ не претили неразборчивому вкусу аудиторіи,—наоборотъ, они то и создали ему популярность.

Уже послѣ роспуска Думы, мнѣ случилось встрѣтиться съ нимъ въ пріемной митрополита Антонія. Онъ мнѣ сказалъ, что принесъ прошеніе о снятіи сана. Мнѣ было его жаль, и я совѣтовалъ не дѣлать этого. Впослѣдствіи онъ сталъ сотрудникомъ «Русскаго Слова», а во время войны былъ военнымъ корреспондентомъ. Гибель сына на фронтѣ его очень измѣнила. Онъ умеръ въ Парижѣ. Его тѣло сожгли въ крематоріумѣ.

Революціонно-агрессивная настроенность Думы передавалась петербургскому населенію (а дальше и всей Россіи) и повсюду раздувала пламя политическихъ страстей. 16-го марта я чуть было не сталъ одной изъ жертвъ этого революціоннаго психоза: меня чуть не убили соціалъ-демократы.

Однажды вечеромъ пришелъ ко мнѣ студентъ Петербургской Духовной Академіи, членъ студенческаго кружка, который велъ просвѣтительную работу на фабрикахъ, — и просилъ меня отслужить молебенъ и провести бесѣду на ниточной фабрикѣ Макселя. Онъ обѣщалъ за мной заѣхать и отвезти за Невскую Заставу. Я согласился.

Фабричные районы Петербурга были нѣсколько заброшены и лишены дѣятельной религіозно-просвѣтительной о нихъ заботы. Ни церквей ни духовно-просвѣтительныхъ организацій; очень мало было церковнаго попеченія... Массы, пребывая въ темнотѣ и озлобленіи, дичали и представляли благодарный матеріалъ для безудержной революціонной пропаганды. Лишь небольшая группа студентовъ Духовной Академіи, главнымъ образомъ священниковъ и монаховъ, вела работу по религіозному просвѣщенію.

16-го марта студентъ заѣхалъ за мной на извозчикѣ. Я взялъ съ собой Евангеліе.

Въ районѣ фабрики Макселя церкви не было — только молитвенный домъ, но съ иконостасомъ и даже съ престоломъ. Почему-то епархіальное начальство съ освященіемъ медлило. Подъѣзжаемъ къ зданію, — оно полно народу и на улицѣ тоже чернымъ-черно... Я обрадовался. «Какая, думаю, жажда Божьяго слова...». А спутникъ

мой смущенно молчитъ. Съ трудомъ пробились сквозь толпу въ домъ, а тамъ стоитъ гулъ... Я снялъ шубу, надѣлъ мантію. Мнѣ навстрѣчу вышелъ студентъ-священникъ съ крестомъ.

— Мы встрѣчаемъ васъ, не только какъ епископа, но и какъ народнаго избранника.... — взволнованно началъ онъ, а у самого, смотрю, руки дрожатъ.

И вдругъ, слышу, изъ толпы реплика: «И какъ хулигана!»

Я приложился ко кресту, вступилъ на солею, взялъ посохъ, и обратился къ толпѣ: «Мнѣ странно... За что вы такъ враждебно встрѣчаете? Я пріѣхалъ помолиться, испросить Божьяго благословенія на вашъ трудъ...». Я не докончилъ — мою рѣчь покрыли крики: «Громче!.. громче!.. иди на середину!.. мы съ тобой поговоримъ!..». Крики перешли въ гвалтъ, въ ревъ... Смотрю надъ головами поднятые кулаки, револьверъ... Слышу звонъ разбитыхъ стеколъ... Весь залъ — сплошная ревущая толпа. Бабы прячутся подъ мою мантію, цѣпляются за меня... «Не ходи!.. не ходи... — убьютъ!». Я стою, опершись на посохъ, какъ вкопанный. Со всѣхъ сторонъ сыплются ругательства. «Руки въ крови!!.. Палачи народные!.. Кровопійцы!!..» Господь далъ мнѣ разуму выдержать враждебный натискъ. Неистовство толпы продолжалось минутъ десять-пятнадцать, потомъ понемногу голоса стали стихать (повидимому, пронесся слухъ, что въ районъ прискакала полиція). Когда утихли я снова спросилъ:

— За что вы мнѣ устроили враждебную демонстрацію? Я пріѣхалъ съ Евангеліемъ, чтобы придти вамъ на помощь, духовно поддержать васъ.

«Ты бы похлопоталъ за нашихъ дѣтей, которыя сидятъ въ тюрьмѣ!», — выкрикнулъ кто-то.

— Я радъ сдѣлать, что могу для облегченія ихъ участи.

Не успѣлъ я это сказать, — посыпались прошенія. Я сказалъ, что разсмотрю ихъ дома, а теперь предлагаю помолиться, — хочу отслужить молебенъ.

Этимъ моя «бесѣда» и закончилась. Понемногу рабочіе стали расходиться. Реплики изъ толпы слышались уже иныя: «Ну, ужъ ты, прости....». «Мы не хотѣли....» и т. д. Я вышелъ спокойно и уѣхалъ въ саняхъ въ сопровожденіи конныхъ стражниковъ. Мой спутникъ, студентъ, былъ всѣмъ происшедшимъ крайне удрученъ: «Простите, ради Бога, что я васъ въ такую бѣду втравилъ.. Что вы пережили!» Онъ попросилъ дать ему что-нибудь на память, — и я отдалъ ему бывшее у меня въ рукахъ Евангеліе*).

---

*) Это Евангеліе — подарокъ матери Елены, игуменьи Красностокскаго монастыря, — какъ-то удивительно ко мнѣ впослѣдствіи вернулось. Студентъ Н. Грисюкъ, уроженецъ Волыни, проѣздомъ домой на лѣтнія каникулы, забылъ его въ вагонѣ; пассажиръ, солдатъ, его подобралъ и продалъ

На другое утро я все разсказалъ митрополиту Антонію. Онъ выразилъ мнѣ сердечное сочувствіе не только отъ себя, но и отъ лица всѣхъ бывшихъ тогда въ Петербургѣ архіереевъ, которыхъ пригласилъ на завтракъ, по случаю хиротоніи Черногорскаго епископа Кирилла. Скоро въ одной изъ лѣвыхъ газетъ появилась статья «Евлогій попался». Оказалось, что враждебная манифестація была организована по распоряженію изъ Думы. Изошло оно отъ депутатовъ соціалъ-демократической фракціи, когда они узнали, что я поѣду на собраніе рабочихъ.

Вскорѣ послѣ этого событія мнѣ пришлось пережить большое горе....

Какъ-то разъ вечеромъ у меня были гости: мать Софія, игумена Вировскаго монастыря, и одинъ преподаватель петербургской семинаріи. Мы пили чай. И вдругъ мнѣ подаютъ телеграмму: «Отецъ скончался». Вѣсть о кончинѣ отца меня глубоко потрясла, — я его очень любилъ. Я бросился къ митрополиту, сообщилъ ему горестное извѣстіе и съ первымъ поѣздомъ выѣхалъ на похороны въ Епифань.

Дорогой мнѣ пришлось остановиться въ Тулѣ, дабы у мѣстнаго архіерея испросить разрѣшеніе служить въ его епархіи. Епископомъ тульскимъ былъ тогда преосвященный Лаврентій, бывшій ректоръ Московской Духовной Академіи — типичный питомецъ Кіевской Академіи, хорошій старичокъ, любитель благодушной шутки, пріятный, мягкій въ обхожденіи. Помню, въ то время, когда я у него сидѣлъ, къ нему пришелъ ректоръ мѣстной семинаріи о. архимандритъ Алексѣй Симанскій*). Онъ окончилъ Катковскій лицей, былъ въ свое время лицеистомъ-бѣлоподкладочникомъ и въ монашествѣ, — надушенный, въ шелковой, шелестящей рясѣ, — не утерялъ свѣтской элегантности. Епископъ Лаврентій слегка надъ нимъ подшучивалъ. «А... отецъ ректоръ, привѣтствовалъ онъ его, ну, какъ у васъ въ семинаріи, — все ли благополучно?» — «Такъ точно, все хорошо, — функціонируемъ...» — «Вотъ видите, владыка, раньше у насъ учились, а теперь «функціонируютъ», тонко подчеркнувъ неумѣстность иностраннаго слова, обратился ко мнѣ преосвященный Лаврентій.

въ Гроднѣ на толкучкѣ случайно проходившему управляющему Контрольной Палатой — Лебедеву, а тотъ увидавши на немъ надпись матери Елены, съ которой былъ знакомъ, передалъ ей. Въ день своего ангела (11-го іюля) м. Елена пріѣхала въ Холмъ и подарила его мнѣ вторично. Евангеліе это до сихъ поръ при мнѣ.

*) Впослѣдствіи Патріархъ Московскій и всея Руси.

Я пріѣхалъ въ Епифань 20-го марта. Отъ станціи до города верстъ 10. Ѣхать пришлось въ самую распутицу. Огромныя лужи, ухабы... Сани водой заливаетъ... Въ Епифани я на минуту заѣхалъ въ церковь, и направился домой.

Тѣло отца уже лежало въ гробу... У гроба три моихъ брата: два священника и одинъ, младшій, семинаристъ. Мнѣ было очень горько. Утѣшало меня лишь сознаніе, что отецъ умеръ, какъ солдатъ на посту — въ храмѣ, во время поклоновъ молитвы «Господи, Владыка живота моего». Послѣ третьяго возгласа: «Даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія», онъ опустился на колѣни —и не всталъ.... Его перенесли домой, позвали доктора, но помочь ему уже ничто не могло: черезъ полтора часа онъ скончался. Докторъ сказалъ, что смерть послѣдовала отъ разрыва сосудовъ вслѣдствіе склероза. Утѣшаясь мыслью о славной кончинѣ отца, я скорбѣлъ, что на него могли повліять газетныя извѣстія о моемъ выступленіи за Невской заставой. Знакомые священники мнѣ говорили, что онъ внимательно читалъ газеты и, можетъ быть, прочиталъ и статью «Евлогій попался», которая могла его сильно встревожить.

Послѣ похоронъ почувствовалась горестная пустота... Родительскій домикъ словно сталъ чужимъ или нежилымъ. Связь съ роднымъ гнѣздомъ окончательно порвалась...

Я торопился въ Петербургъ, боялся пропустить свою очередь въ числѣ ораторовъ, записавшихся говорить по аграрному вопросу (всего записалось до 150 ораторовъ, я оказался въ 50-хъ номерахъ). Узнавъ по пріѣздѣ, что до меня еще далеко, и учитывая приближеніе Страстной недѣли, которую мнѣ надо было провести въ своей епархіи, — я попросилъ одного трудовика уступить мнѣ свою очередь, и выступилъ наканунѣ отъѣзда. Но до этого совсѣмъ неожиданно мнѣ пришлось говорить 9-го апрѣля.

Въ этотъ день одинъ изъ правыхъ депутатовъ (Пуришкевичъ) заявилъ, что имъ только что получено извѣстіе объ убійствѣ въ Златоустѣ Предсѣдателя Союза русскаго народа. На лѣвыхъ скамьяхъ раздался смѣхъ.... Справа кричали: «Смѣйтесь! Стыдно! Стыдно!». Поднялся шумъ...

Я счелъ нужнымъ взять слово.

«Господа народные представители. Я не думалъ говорить въ настоящую минуту, — сказалъ я, — но когда при упоминаніи одного члена Думы объ убійствѣ Предсѣдателя одного изъ Союзовъ русскаго народа раздались шиканье и смѣхъ.... (Тутъ слѣва послышались голоса: «Этого не было!...» А справа кричали: «Это было! было!...») Я былъ глубоко взволнованъ, продолжалъ я въ гулѣ голосовъ, тайна смерти такая великая священная тайна, передъ которой...».

Предсѣдатель не далъ мнѣ договорить.

«Я позволяю себѣ васъ прервать, — сказалъ онъ. — Дѣло въ томъ, что причину смѣха вы не изволите знать. Вопросъ идетъ о томъ, надлежитъ ли на завтра назначить этотъ вопросъ, а говорить о томъ, какая причина смѣха, и кто, почему смѣялся, теперь не время».

Къ моему выступленію съ докладомъ по аграрному вопросу (12-го апрѣля) мнѣ удалось хорошо подготовиться. Я располагалъ огромнымъ матеріаломъ и не только ознакомилъ депутатовъ съ безправнымъ состояніемъ батраковъ и ненормальнымъ положеніемъ крестьянства, особенно въ т. н. «сервитутномъ» вопросѣ*), но свои положенія и доказалъ. Приведу нѣкоторыя его строки:

«Я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ заявить, что интересы русскаго населенія Холмскаго края въ аграрномъ отношеніи діаметрально и существенно расходятся съ тѣми интересами, выразителемъ которыхъ явился здѣсь Дмовскій**). Холмская Русь страна исключительно крестьянская, населенная бѣдными земледѣльцами-пахотниками, которымъ и прежде приходилось и теперь приходится много терпѣть отъ малоземелья и отъ польскихъ помѣщиковъ. Вѣдь нигдѣ крѣпостное право не лежало такимъ тяжелымъ ярмомъ на крестьянахъ, какъ именно въ Польшѣ, вѣдь тамъ крестьяне трактовались, какъ быдло. И въ настоящее время малоземельному и безземельному крестьянскому населенію тамъ живется не сладко...».

Заключеніе моего доклада сводилось къ слѣдующему выводу: Въ Холмскомъ краѣ крестьянская масса обездолена и безправна; помѣщики, господа положенія, беззастѣнчиво этимъ положеніемъ пользуются и очень эксплуатируютъ крестьянъ, особенно батраковъ.

Депутаты-поляки пришли отъ моего доклада въ крайнее негодованіе. Красные, возбужденные, они прерывали мою рѣчь криками: «Ложь! ложь!...», но неопровержимые документы, которые были у меня въ рукахъ, говорили за себя. Съ тѣхъ поръ поляки возненавидѣли меня еще сильнѣе. Къ моему удивленію, рѣчь не понравилась и нѣкоторымъ правымъ депутатамъ-помѣщикамъ. «Вы посягаете на право собственности, вы плохой монархистъ, вы — лѣвый... Мы думали, вы наша опора...» — съ укоромъ говорили они. Одинъ изъ нихъ не постѣснялся сказать, что ему «польскій помѣщикъ ближе, чѣмъ русскій крестьянинъ». Это отношеніе «правыхъ» къ моей позиціи въ аграрномъ вопросѣ свидѣтельствовало о томъ, что они готовы были поддерживать Церковь не безкорыстно: многіе изъ нихъ видѣли въ

*) См. стр. 137.

**) Депутатъ польскаго кола.

Церкви средство держать народъ въ повиновеніи. Это ужасное политическое воззрѣніе на Церковь сказалось очень ярко въ возгласѣ Пуришкевича (въ бесѣдѣ съ однимъ священникомъ): «Неужели, батюшка, вы дѣйствительно вѣрите такъ, какъ говорите?»

На слѣдующій день послѣ моего выступленія я выѣхалъ въ Холмъ. Мое пребываніе въ Холмщинѣ въ тѣ пасхальные дни было радостное. Прежде чѣмъ я успѣлъ пріѣхать, моя рѣчь въ газетныхъ стенограммахъ уже долетѣла до населенія и вызвала всеобщій восторгъ. Особенно онъ проявился на Фоминой, когда я проѣзжалъ по епархіи на освященіе одной сельской церкви (въ 80-ти верстахъ отъ Холма). Всюду въ селахъ меня встрѣчали съ хлѣбомъ-солью, съ изъявленіями горячей благодарности. Связь депутата съ населеніемъ оказалась живою. Я переночевалъ въ Турковицкомъ монастырѣ (свита моя проѣхала впередъ), а утромъ прибылъ въ село на освященіе храма. Крестьяне мнѣ устроили торжественную встрѣчу. Тріумфальная арка, цвѣты, гирлянды... Многочисленный крестный ходъ со священниками вышелъ мнѣ навстрѣчу и ожидалъ меня при въѣздѣ въ село. Тутъ случилось непріятное происшествіе. Со стороны польской экономіи появились пьяные польскіе рабочіе и, нахлестывая лошадей, съ гикомъ и крикомъ «москали!», промчались по дорогѣ, чуть не передавивъ моихъ иподіаконовъ. Это было явное, подчеркнутое намѣреніе оскорбить религіозное чувство собравшагося православнаго народа. Казачій полковникъ, прибывшій со своими казаками на праздникъ изъ гор. Томашева, приказалъ безобразниковъ настигнуть; ихъ, кажется, побили нагайками, и задержали впредь до выясненія причинъ ихъ безобразнаго поведенія. Когда я подъѣхалъ къ толпѣ, сразу почувствовалъ какое-то смятеніе. Послѣ обѣдни, когда меня вели со «славой» къ домику священника на трапезу, — изъ толпы вышли два польскихъ помѣщика и заявили, что они хотятъ имѣть со мной разговоръ. «Нашихъ крестьянъ арестовали, избили... Мы выступаемъ въ ихъ защиту во имя справедливости», — сказали они. Тутъ вмѣшался начальникъ уѣзда: «Его Преосвященство въ облаченіи, разговоръ не ко времени...». Узнавъ обо всемъ, что произошло, я вышелъ потомъ къ помѣщикамъ, и мы объяснились.

— Я скажу, чтобы крестьянъ ради праздника отпустили, — сказалъ я, — но инцидентъ во имя справедливости надо разобрать, а вамъ слѣдуетъ разъяснить своимъ рабочимъ все безобразіе ихъ выходки.

Послѣ Пасхи я вернулся въ Петербургъ. Изъ думскихъ стенограммъ узналъ, что польскій депутатъ Грабскій мнѣ возражалъ го-

рячо, но голословно: ни фактовъ, ни статистики онъ привести не могъ. Потерпѣвъ пораженіе на трибунѣ, поляки стали меня травить инымъ путемъ. Почти ежедневно я сталъ получать черезъ думскую почтовую контору парнографическія открытки съ гнуснѣйшимъ текстомъ, — напримѣръ: «Гдѣ вашъ ребенокъ?», или что-нибудь въ родѣ этого... Служащіе въ конторѣ барышни, краснѣя отъ стыда, вручали ихъ мнѣ. Открытки сыпались одна за другой въ теченіе двухъ-трехъ недѣль, потомъ прекратились.

Атмосфера въ Думѣ и послѣ Пасхи была тревожная. Во время моего отсутствія произошелъ грандіозный скандалъ: кавказскій депутатъ (с.-д.) Зурабовъ въ своей рѣчи по законопроекту о комлектованіи рекрутовъ оскорбительно отозвался объ арміи. Въ залѣ поднялись гвалтъ, стукъ пюпитровъ, яростные крики: «Неправда! вонъ отсюда!.. вонъ!.. убрать его отсюда!..» Подобные скандалы, стычки, оскорбительная словесная перепалка, стали повторяться чуть не ежедневно. Думскія засѣданія окончательно приняли характеръ митинговыхъ сборищъ. Работа въ комиссіяхъ застыла. Комиссія по дѣламъ Православной Церкви не собиралась вовсе.

Я прожилъ въ Петербургѣ съ мѣсяцъ. Нашъ законопроектъ о выдѣленіи Холмщины застрялъ въ министерствѣ, и я воспользовался этой задержкой, и уѣхалъ вновь въ свою епархію на освященіе храма, построеннаго нашимъ ревностнымъ храмоздателемъ Пасхаловымъ. Черезъ нѣкоторое время узнаю: — Дума распущена... Ожидали, что роспускъ вызоветъ большіе безпорядки, но все обошлось сравнительно благополучно. Я тревожился за судьбу бумагъ и документовъ, сданныхъ мною въ аграрную комиссію, но они уцѣлѣли: мнѣ ихъ вернули. Этимъ закончилась моя дѣятельность депутата 2-ой Государственной Думы.

Вспоминая мое пребываніе во 2-ой Государственной Думѣ, я хочу сказать нѣсколько словъ о тѣхъ душевныхъ моихъ состояніяхъ, которыя возникли подъ вліяніемъ чуждаго мнѣ міра политической борьбы.

Поначалу новизна обстановки и работы меня чрезвычайно интересовали. Все было иное, не только не похожее на предыдущую мою жизнь, но ей діаметрально противоположное. Невѣдомые мнѣ люди-политики, ихъ поведеніе, разговоры, повадки, даже внѣшній обликъ нѣкоторыхъ изъ нихъ... — все привлекало мое вниманіе. Глаза разбѣгались, душа жадно вбирала впечатлѣнія. Присутствіе въ учрежденіи, предназначенномъ для законодательной работы во всероссійскомъ масштабѣ, невольно возбуждало чувство своей важности, значительности; самое призваніе депутата вселяло убѣжденіе,

что мы — народные представители, законодатели — вліяемъ на судьбы Россіи; оно и поднимало и надмевало.

Но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе я сталъ чувствовать, что работа въ Думѣ внутренно далека отъ Церкви, даже ей враждебна. Когда мнѣ случалось между засѣданіями служить панихиду по какомъ-нибудь скончавшемся депутатѣ или общественномъ дѣятелѣ, я всякій разъ долженъ былъ психологически перестраиваться; не сразу бывало попадешь въ тонъ молитвы и пѣснопѣній, точно Церковь и политика другъ друга исключали. Пріѣдешь въ Думу, — въ вестибюлѣ у вѣшалокъ еще ничего, но стоитъ войти въ залъ, — и сразу весь насторожѣ: кто другъ? кто врагъ? Душа мгновенно обособляется, возбуждена желаніемъ спорить, сразиться, побѣдить. Атмосфера въ залѣ наэлектризована воинственностью, точно въ воздухѣ рѣютъ бѣсы и настраиваютъ людей на взаимный антагонизмъ. Не успѣешь дойти до своего мѣста, — и уже словно намагниченъ, физически зараженъ всеобщимъ боевымъ настроеніемъ: щеки горятъ нервы приподняты, все существо взбаломучено...

По природѣ я борьбу не любилъ. Она всегда вызывала ощущеніе тяжести, наваливающейся на мою душу. Нехристіанскій духъ борьбы мнѣ былъ всегда мучителенъ. Но когда она проявлялась въ столь безобразныхъ формахъ, какъ въ Думѣ, я доходилъ подчасъ до полнаго душевнаго изнеможенія. Грубые реплики съ мѣстъ и съ трибуны, переходившія иногда въ неистовую брань, разнузданность языка подъ вліяніемъ страстей, дикіе выкрики нѣкоторыхъ депутатовъ по адресу противниковъ, — выносить все это было трудно. Просидишь взвинченный, накаленный въ Думѣ, а пріѣдешь домой и наступаетъ реакція: чувствуешь себя, точно кто-нибудь тебя избилъ или душилъ. Вспомнишь о томъ, что было въ Думѣ, и инстинктивно ощущаешь, что вырвался изъ атмосферы злыхъ силъ... Какой ужасъ политическія страсти! Какую злобу онѣ рождаютъ!

Въ пылу политической борьбы у людей вырабатывалась психологическая привычка считать лишь членовъ своей партіи хорошими, а всѣхъ противниковъ считать дурными. Достаточно было быть «кадетомъ», чтобы члены правыхъ партій считали депутата неискреннимъ патріотомъ, въ рѣчахъ лживымъ, въ намѣреніяхъ лукавымъ, предателемъ и т. д. Я старался отъ этой психологіи отдѣлаться. У меня явилась потребность эту отчужденность отъ моихъ политическихъ противниковъ преодолѣвать. Мнѣ иногда хотѣлось, вопреки всему, пожать руку хорошему человѣку, хотя бы чуждаго мнѣ политическаго направленія, сказать ему привѣтливое слово. Такъ я относился, между прочимъ, къ Шингареву. Мои политическіе единомышленники удивлялись: «О чемъ вы нашли съ нимъ разговаривать?»

Политическая работа наложила на меня тяжелый отрицательный

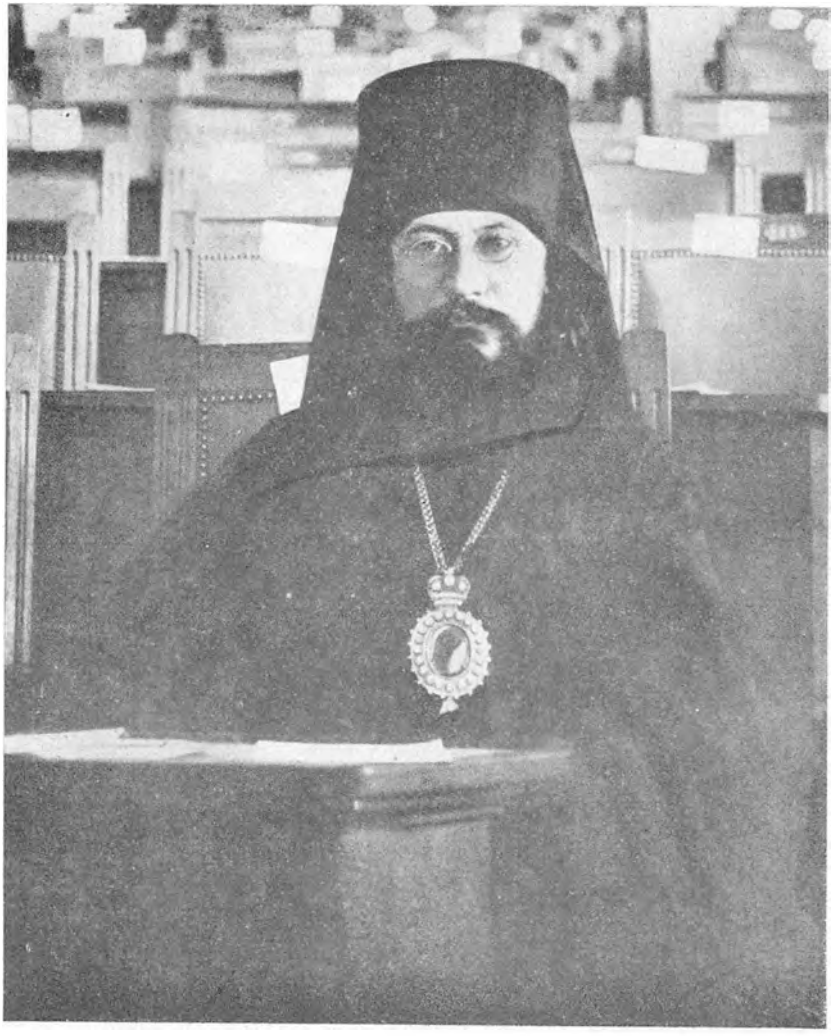
отпечатокъ. Утрачивалась свѣжесть религіозныхъ переживаній, ослабѣвала ихъ духовная сила. Я подмѣчалъ въ себѣ эту печальную перемѣну всякій разъ при возвращеніи въ Холмъ. Пріѣдешь бывало, — на вокзалѣ встрѣчаютъ священники, и вмѣстѣ съ ними отправляешься въ соборъ служить молебенъ передъ чудотворной иконой Божьей Матери. Войдешь въ храмъ, — и повѣетъ миромъ, тишиной, чистотой, благоуханіемъ, благодатію молитвы. Церковные своды, иконы, огни лампадъ, чудотворный образъ, молящіеся люди... Точно изъ грязной ямы въ Царствіе небесное попалъ. Вспомнишь Думу, — и станетъ такъ горько, мучительно: иные интересы, настроенія — злоба, мятежъ и ненависть....

Слѣдуетъ ли духовенству участвовать въ политической жизни страны, въ строеніи государства? Съ точки зрѣнія пользы, можетъ быть, и нужно; но если принять во вниманіе душу и совѣсть, — это большое для духовнаго лица несчастье. Быть можетъ, на болѣе сильномъ человѣкѣ дурныя вліянія политической борьбы и не сказались бы, а на мнѣ отражались. Я чувствовалъ себя какимъ-то «обмірщеннымъ», «секуляризованнымъ», на каждомъ шагу борьба между пастырской совѣстью и партійной дисциплиной; атмосфера политическихъ страстей какъ-то душила, угнетала дары благодати священства... И все же долженъ отмѣтить, что присутствіе въ Думѣ духовенства на мірянъ вліяло хорошо. Нѣкоторые депутаты, особенно крестьяне, съ нами считались, приходили подѣлиться впечатлѣніями, посовѣтоваться, приглашали на требы въ свои семьи.

Помню, разъ вечеромъ пріѣхалъ ко мнѣ сибирскій депутатъ-трудовикъ съ просьбой напутствовать умирающаго тестя — художника, который меня въ Думѣ видѣлъ и слышалъ. Онъ повезъ меня на Петербургскую сторону. Мы ѣхали такъ долго и по такимъ глухимъ улицамъ, что, признаюсь, я сталъ сомнѣваться, къ умирающему ли онъ меня везетъ... Однако, сомнѣвался напрасно. Мы подъѣхали къ скромному домику. Старушка-жена, дѣти встрѣтили меня и провели къ больному. Я напутствовалъ его. Онъ лѣтъ двадцать не исповѣдывался. Какъ онъ каялся, какъ молился! Какая прекрасная, ищущая была у него душа! Его сынъ тоже былъ замѣчательный человѣкъ. Онъ умеръ въ Парижѣ — и съ какимъ спокойствіемъ отошелъ въ тотъ міръ! (Его жена, бельгійка, перешла въ православіе). И отецъ и сынъ были отъ Церкви формально далеки, но оба были идеалисты, люди высокаго духа, и по своему глубоко вѣровали въ Господа, любили Христа, благоговѣйно почитали Евангеліе...

О, какъ много людей, которые по неправильному воспитанію, по разнымъ предразсудкамъ или предвзятости далеки отъ Церкви и даже ей враждебны! А подсознательно, въ глубинѣ души они тоже

рабы Божіи, по своему хвалящіе Господа. Часто подъ вліяніемъ какого-нибудь жизненнаго толчка (лучше сказать, вслѣдствіе прикосновенія промыслительной десницы Божіей) они становятся добрыми вѣрующими христіанами. На меня всегда огромное впечатлѣніе производятъ слова Христа: «многіе пріидутъ съ востока и запада и возлягутъ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ въ царствѣ небесномъ. А сыны царства извержены будутъ во тьму внѣшнюю» (Мѳ. 8, 11-12).

Епископъ Евлогій въ день открытія 3-ей Государственной Думы въ 1907 году.

Членъ 3-ей Государственной Думы
(1907 — 1912)

ГЛАВА XIII

Выборы въ 3-ью Государственную Думу начались тѣмъ же лѣтомъ (1907 г.). Въ предвыборной кампаніи я никакого участія не принималъ. Было ясно, что выберутъ въ депутаты опять меня. Моя рѣчь въ Думѣ по земельному вопросу завоевала всѣхъ, и я былъ избранъ почти единогласно (только 2-3 учителя-«самостійника» были противъ). Довѣріе народа меня радовало, но оно же и увеличивало тяжесть отвѣтственности за основной нашъ законопроектъ о выдѣленіи Холмщины изъ польскихъ областей и образованіи Холмской губерніи.

3-ью Думу созвали въ ноябрѣ. Составъ ея былъ иной, чѣмъ предыдущей Думы. Правое крыло численно увеличилось, оттѣсняя октябристовъ къ центру (ихъ было въ этой Думѣ множество), кадетовъ прошло меньше, и теперь, вмѣстѣ съ кучкой трудовиковъ и соц.-демократовъ, они образовывали лѣвое крыло, — словомъ, Дума сильно поправѣла: октябристы стали господствующей партіей, на которую могло опереться правительство; въ Думѣ же оказалось довольно много священниковъ. Епископовъ было два: еп. Митрофанъ (отъ Могилевской губ.) и я. Синодъ рѣшилъ оказать духовенству вниманіе, и намъ отвели для жительства помѣщеніе въ Синодальномъ зданіи Митрофаньевскаго Подворья, на Кабинетской улицѣ — очень большую архіерейскую квартиру, прекрасно обставленную, а наверху были отдѣльныя комнаты для 10-12 священниковъ. При домѣ было двѣ церкви. Мы организовали общежитіе. Создался центръ, куда притекали и другіе священники для бесѣдъ и обсужденія церковныхъ вопросовъ. Мы сообща разрабатывали законопроекты, привлекая, когда надобилось, извѣстныхъ канонистовъ и профессоровъ. По праздникамъ и воскреснымъ днямъ, довольно торжественно, соборнѣ совершали богослуженіе, привлекая массу богомольцевъ.

Помню первое въ ту сессію мое посѣщеніе Думы. Подъѣзжаю на извозчикѣ къ Таврическому дворцу, — какой-то длинноволосый господинъ съ калмыцкимъ лицомъ подъѣзжаетъ на извозчикѣ тоже.

Смотрю, — Плевако... Входимъ въ вестибюль, — швейцаръ требуетъ отъ него членскій билетъ, а Плевако забылъ его дома, и кричитъ: «Я — Плевако! я — Плевако! Пропустите меня!» Швейцаръ упорствуетъ и наконецъ обращается ко мнѣ: «Вотъ, если владыка поручится, — тогда пропустить могу». Я поручился и ввелъ Плевако въ Думу. Тутъ мы познакомились. Онъ мнѣ показалъ чудесную икону св. Николая Чудотворца, которой Москва его напутствовала. «Я ее повѣшу во фракціонной комнатѣ», — сказалъ онъ.

Работа въ Думѣ началась съ выбора Президіума. Въ Предсѣдатели прошелъ Хомяковъ. Мы, правые, отвоевали два мѣста: Товарища Предсѣдателя (былъ избранъ кн. Волконскій) и Секретаря (проф. Петербургскаго Университета Сазоновичъ, крайній правый).

Дѣятельность 3-ей Думы началась съ обсужденія адреса Государю. Не обошлось безъ пререканій. Выбрали комиссію (въ нее попалъ и я); члены ея посовѣщались, поспорили, — причемъ обнаружились всѣ оттѣнки фракціонныхъ воззрѣній на самодержавіе и конституцію, — и адресъ былъ составленъ. Вопросъ о самодержавіи и конституціи, о возможности или невозможности ихъ сочетать, остался и въ 3-ей Думѣ неразрѣшеннымъ; для однихъ манифестъ «17-го октября» покончилъ съ самодержавіемъ и открылъ эру коституціонно-монархическаго строя; для другихъ «17-ое октября» ничего не мѣняло; для третьихъ, надо было стремиться ликвидировать «17-ое октября», эту ошибку революціонныхъ дней.

Началась будничная думская работа. Образовались комиссіи. Я былъ избранъ предсѣдателемъ вѣроисповѣдной комиссіи; еп. Митрофанъ — членомъ комиссіи по дѣламъ Православной Церкви (предсѣдателемъ ея выбрали В. Н. Львова) и предсѣдателемъ комиссіи по борьбѣ съ пьянствомъ.

Въ 3-ей Думѣ обсуждался рядъ важныхъ законопроектовъ:

1) о свободѣ перехода изъ православія въ другое христіанское исповѣданіе;

2) объ уравненіи въ гражданскихъ правахъ инославныхъ со старообрядцами;

3) о свободѣ проповѣдыванія, при чемъ дано было опредѣленіе «проповѣди» и «пропаганды»;

4) о сохраненіи гражданскихъ правъ и послѣ снятія священническаго сана;

5) о предоставленіи монашествующимъ права завѣщанія; и нѣкоторые другіе законопроекты.

Въ вѣроисповѣдной комиссіи, прежде всего, сталъ во всей своей сложности вопросъ о вѣротерпимости. Свобода вѣроисповѣданія была вѣками въ Россіи ограничена. Переходъ изъ православія въ дру-

гое исповѣданіе считался уголовнымъ преступленіемъ. Сдать позицію безъ всякихъ условій, казалось недальновиднымъ. Возникли споры: дать ли свободу старообрядцамъ, — или не давать? Дать ли свободу религіозной пропаганды, которой несомнѣнно воспользуются сектанты? Не нужна ли прежде постепенная религіозно-педагогическая подготовка народныхъ массъ къ воспріятію свободы вѣроисповѣданія? Не ринется ли иначе некультурный народъ въ сектантскую стихію?

Я на опытѣ въ Холмскомъ краѣ узналъ, что означаетъ безусловная свобода вѣры, когда не приняты во вниманіе ни психологія инославныхъ, ни реальная обстановка, въ которой сталкиваются люди разныхъ вѣроисповѣданій. Не будучи принципіальнымъ противникомъ «свободы», я стоялъ за постепенность. Этотъ путь постепенности былъ намѣченъ Столыпинымъ; онъ хотѣлъ дать «свободу совѣсти», но не хотѣлъ давать свободы религіозной пропаганды, т. е. дать внутреннюю свободу, но ограничить право агитаціи въ пользу того или иного исповѣданія. «Правые», которые вообще его недолюбливали, были недовольны его либерализмомъ въ этомъ вопросѣ и пренебрежительно говорили «продался жидамъ». Можетъ быть, и не надо было цѣпляться за старыя позиціи — бояться пропаганды, но мы, увы, тогда еще не знали, что придутъ безбожные агитаторы, которые будутъ кощунствовать и вытравлять самое понятіе Бога изъ русскихъ душъ. Лишь теперь, оглядываясь назадъ, видишь, какъ мы были близоруки. Не чуяли мы надвигающейся бѣды...

Предсѣдательствовалъ я въ этой комиссіи не до конца существованія 3-ей Думы. Какъ-то разъ я погорячился (на меня напали евреи) и оказался въ меньшинствѣ. Провалился я всего 1 голосомъ по безпечности одного священника, который во время голосованія заглядѣлся на какое-то расписаніе въ коридорѣ. Я счелъ провалъ за недовѣріе — и изъ предсѣдателей ушелъ. Меня смѣнилъ Каменскій (октябристъ, съ уклономъ къ теософіи и вообще къ оккультизму).

Осмотрѣвшись въ Думѣ, я увидалъ, что она становится на путь той сравнительно спокойной законодательной работы, которая обезпечиваетъ ей продолжительный, нормальный (пятилѣтній) срокъ существованія, — и рѣшилъ ходатайствовать предъ Св. Синодомъ о назначеніи мнѣ помощника въ Епархіальномъ Управленіи на положеніи моего викарія въ Холмѣ. Такимъ временнымъ моимъ замѣстителемъ былъ назначенъ епископъ Андроникъ, бывшій миссіонеръ въ Японіи, хорошо мнѣ знакомый еще со студенческой скамьи (онъ былъ двумя курсами моложе меня въ Московской Духовной Академіи). Это былъ молодой, очень ревностный и благочестивый епископъ, которому съ полнымъ довѣріемъ я могъ вручить свою паству. Къ сожалѣнію, онъ скоро былъ перемѣщенъ викаріемъ въ Новгородскую

епархію. Впослѣдствіи, будучи уже архіепископомъ Пермскимъ, онъ былъ замученъ большевиками. Вмѣсто него мнѣ въ помощники былъ назначенъ викарій Гродненской епархіи епископъ Бѣлостокскій Владиміръ, нынѣ здравствующій Архіепископъ въ Ниццѣ*). Съ нимъ у меня были еще болѣе дружескія, братскія отношенія, чѣмъ съ епископомъ Андроникомъ. Онъ помогалъ мнѣ въ продолженіе 3-ей Государственной Думы и своимъ высокимъ молитвеннымъ настроеніемъ, своею кротостью и смиреніемъ завоевалъ уваженіе и любовь моей холмской паствы, а я, имѣя такого прекраснаго помощника, могъ спокойно заниматься государственными дѣлами, увѣренный, что мѣстная епархіальная жизнь нисколько не страдаетъ отъ моего продолжительнаго отсутствія изъ Холма.

Два главныхъ вопроса стояли въ центрѣ моей дѣятельности въ Государственной Думѣ: а) о выдѣленіи Холмщины изъ состава Царства Польскаго, съ образованіемъ особой самостоятельной Холмской губ. и б) защита Церкви и ея интересовъ.

Скажу сначала о создавшихся въ 3-ей Думѣ взаимоотношеніяхъ между нею и Церковью.

Эти взаимоотношенія были безысходной коллизіей двухъ сторонъ другъ другу чуждыхъ, а порой и враждебныхъ. Разобщенность обнаруживалась по самымъ различнымъ поводамъ; однимъ изъ нихъ былъ вопросъ о церк.-приходскихъ школахъ, который сдѣлался въ Думѣ важнымъ и боевымъ. Эти школы — дѣтище императора Александра III и Побѣдоносцева — возникли въ противовѣсъ школамъ свѣтскимъ, дабы избѣжать вреднаго вліянія на учащихся революціонно-настроеннаго учительскаго персонала, нерѣдко занимавшагося пропагандой. Позиція Думы была иная: единая государственная школа (въ городахъ и земствахъ) стала основнымъ требованіемъ школьной реформы; церковно-приходскія школы не должны разсчитывать на ассигновки, а если Церкви угодно имѣть свои школы, пусть она ихъ содержитъ за свой счетъ. Противники наши поносили «затѣю» духовенства, говорили, что имъ руководятъ «шкурные интересы», ссылались на отсталые методы преподаванія и т. д. Мы свои школы защищали: онѣ не такъ плохи, какъ о нихъ говорятъ; правда, обстановка ихъ бѣднѣе, чѣмъ въ свѣтскихъ школахъ, ставки педагогическому персоналу скромнѣе, и потому учителя нерѣдко насъ покидаютъ, соблазняясь болѣе высокими окладами въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, но все-же наши школы имѣютъ право на поддержку. Возникали жаркія битвы. Мы съ трудомъ отстояли кое-какія ас-

*) Съ 6 марта 1947 года Архіепископъ, а съ 16 іюля 1947 года Митрополитъ Западно-Европейскихъ русскихъ православныхъ церквей, Экзархъ Патріарха Вселенскаго.

сигновки. Министерство Народнаго Просвѣщенія не имѣло побужденій насъ отстаивать. Мы были одиноки. Синодъ насъ упрекалъ за плохую защиту, но упреки были несправедливы. У насъ нашлись хорошіе ораторы (напримѣръ, еп. Митрофанъ, свящ. Гепенкій, и др.), мы проявляли инициативу и внѣ Думы, прибѣгали къ героическому способу: добились особаго совѣщанія по этому вопросу въ оберъ-прокурорскомъ домѣ. Въ совѣщаніи приняли участіе Митрополиты Синода, Оберъ-Прокуроръ, Министры (Кассо, Коковцевъ, Кривошеинъ) и представители думскихъ фракцій (Гучковъ и я). Но и совѣщаніе не помогло — Дума упорствовала. Черезъ 5 лѣтъ Государь на послѣдней аудіенціи, поздравляя депутатовъ съ благополучнымъ окончаніемъ работъ, напомнилъ о церк.-приход. школахъ — о вопросѣ «столь близкомъ моему родителю, на который я смотрю, какъ на его завѣщаніе...». На послѣднемъ думскомъ засѣданіи вопросъ былъ поставленъ на повѣстку. Не успѣли мы и приступить къ его обсужденію, — депутаты стали поодиночкѣ ускользать и, когда время подошло къ голосованію, кворума не было. Поддерживать церковно-приходскія школы 3-ья Дума не пожелала.

Обсужденіе въ Думѣ смѣты Святѣйшаго Синода обычно было тягостнымъ. Послѣ рѣчи Оберъ-Прокурора, въ защиту ассигновокъ всегда выступалъ я. Трудныя это были выступленія...

По отношенію къ Синоду настроеніе въ Думѣ было вообще недружелюбное. Престижа онъ не имѣлъ. Одни «правые» поддерживали его, остальные, въ той или другой формѣ, иногда прикрыто (октябристы), иногда явно — проявляли къ нему неуваженіе. Законопроектъ объ ассигновкахъ на статистическій отдѣлъ при Синодѣ думцы провалили, предлагая использовать для этого монастырскія суммы. Отказъ былъ обоснованъ. Если бы монастырское хозяйство было поставлено раціонально, не велось такъ же, какъ сто лѣтъ тому назадъ, рессурсы монастырей были бы огромны, и Синоду не приходилось бы кланяться государству. А онъ просилъ финансовой поддержки даже на мелочи, напримѣръ, — на школу иконописи. Помню депутатъ Чхеидзе вспылилъ, вскочилъ на трибуну и въ своемъ возмущеніи дошелъ до кощунства: «На иконы?.. Иконы, вѣдь, чудотворныя, — пусть чудомъ и пишутся...». За кощунственныя слова его исключили на два засѣданія. Потомъ онъ обратился ко мнѣ съ весьма страннымъ вопросомъ: «Почему вы за меня не заступились, когда со мною расправлялись?» — Въ лучшемъ случаѣ Дума относилась къ церковнымъ дѣламъ равнодушно. Помню, какъ удивило меня, когда думцы рѣшили протестовать противъ перестройки Иверской часовни, которая обсуждалась въ Синодѣ. Я имъ тогда сказалъ:

«Очень пріятно, что хоть это васъ волнуетъ», — такъ непривычна показалась мнѣ ихъ реакція.

Если нѣкоторые члены Думы не скрывали своего враждебнаго отношенія къ Церкви, то случалось, что и «лѣвые» вызывали чувство непреодолимой непріязни среди депутатовъ-священниковъ. Однажды оно проявилось въ недопустимой формѣ. Произошелъ инцидентъ съ сибирскимъ депутатомъ Карауловымъ. Онъ отбылъ въ свое время каторгу по политическому дѣлу. Когда онъ взялъ слово по какому-то вопросу и направился къ трибунѣ, одинъ священникъ крикнулъ: «Вотъ каторга пошла!» — «Да, — каторга!..» — горячо заговорилъ Карауловъ, — «Этими ногами я измѣрилъ «владимірку»... Въ освободительномъ движеніи, благодаря которому мы всѣ здѣсь сидимъ, есть капля и моей крови...». Залъ разразился рукоплесканіями. Всему думскому духовенству было очень непріятно отъ этой безтактной выходки своего собрата, о чемъ я отъ имени священниковъ-депутатовъ заявилъ Караулову.

И все же, несмотря на разладъ между Думой и Синодомъ, его смѣта, хоть и съ трудомъ, но принималась. Правда, въ такой формѣ, что она болѣе походила на уступку, которой добились, или милостыню, которую выпросили. Какъ я уже сказалъ, мнѣ приходилось всегда произносить рѣчь въ защиту синодальнаго бюджета, и этимъ зачастую пользовались мои противники, чтобы на меня напасть. Однажды моимъ выступленіемъ воспользовались поляки.

Въ своей рѣчи я спокойно, но энергично доказывалъ необходимость смѣту утвердить: «За мертвыми цифрами — живая жизнь... Кому Церковь не Мать, тому и Богъ не Отецъ...», — убѣждалъ я моихъ думскихъ сочленовъ. Едва я кончилъ, какъ слово взялъ польскій депутатъ Дымша. Онъ обрушился на несоотвѣтствіе ассигновокъ на православные и католическіе храмы въ Холмщинѣ. Къ нападенію онъ, видимо, хорошо подготовился: привелъ статистическія данныя. Его выступленія я не ожидалъ, оно застало меня врасплохъ. Оставалось спасать положеніе при постатейномъ голосованіи бюджета; я бралъ слово и старался моего противника дискредитировать. На общій вотумъ выступленіе Дымши не повліяло, но все же поляки въ тотъ разъ доставили мнѣ большую непріятность.

Если Дума относилась къ Синоду съ недружелюбіемъ, переходившимъ порой въ ожесточеніе, то и Синодъ не проявлялъ по отношенію къ Думѣ должнаго пониманія. Я, лично, постоянно это чувствовалъ. Будучи членомъ Думы, я одновременно входилъ и въ составъ Синода: въ зимнюю сессію 1908 г. и въ зимнюю сессію 1912

года*). Просидишь бывало все утро въ Синодѣ, а послѣ 2-хъ часовъ ѣдешь въ Думу — и чувствуешь: — антиподы! Торжественныя кареты, величавые архіереи, вѣковыя традиціи.... — особый стиль, особый міръ. Тутъ на меня, на депутата, всѣ смотрятъ, какъ на выходца изъ преисподней, изъ мѣста гиблаго, нечистаго. А примчишься, бывало, въ Думу демократически, на извозчикѣ, — пріятели (Родзянко или кто-нибудь изъ «своихъ») встрѣчаютъ: «А... изъ Синода!» И чувствуешь, что кругомъ на тебя устремлены ироническіе взгляды депутатовъ, а подчасъ слышишь и язвительныя шуточки.

Имѣла ли Дума основанія относиться къ Синоду пренебрежительно?

Приниженность Церкви, подчиненность ея государственной власти чувствовалась въ Синодѣ очень сильно. Оберъ-прокуроръ былъ членомъ Совѣта Министровъ; каждый Совѣтъ Министровъ имѣлъ свою политику, высшія сферы на нее вліяли тоже, и Оберъ-Прокуроръ, не считаясь съ голосомъ Церкви, направлялъ дѣятельность Синода въ соотвѣтствіи съ тѣми директивами, которыя получалъ. Синодъ не имѣлъ лица, голоса подать не могъ и подавать его отвыкъ. Государственное начало заглушало все. Приматъ свѣтской власти подавлялъ свободу Церкви сверху до низу: архіереи зависѣли отъ губернаторовъ и должны были черезъ священниковъ проводить ихъ политику.... Эта долгая вынужденная безгласность и подчиненность государству создали и въ самомъ Синодѣ навыки, искони церковнымъ началамъ православія не свойственные — рѣшать дѣла въ духѣ внѣшняго, формальнаго церковнаго авторитета, непререкаемости своихъ іерархическихъ постановленій.

Помню тяжелый случай осужденія проф. Экземплярскаго (Кіевской Дух. Академіи), молодого либерально настроеннаго ученаго. Онъ написалъ въ журналѣ статью: «О нравственномъ ученіи св. Іоанна Златоуста». Въ ней онъ доказывалъ, что многія мысли Толстого и соціалистовъ можно найти и у этого великаго «отца Церкви». Кіевскій митрополитъ Флавіанъ пріѣхалъ въ Синодъ съ донесеніемъ: авторъ непочтительно отзывается о св. Іоаннѣ Златоустѣ, сравниваетъ его съ недостойными сравненія именами и неуважительно относится къ официальному богословію Кіевской Духовной Академіи, къ ея традиціямъ. Передъ докладомъ онъ заявилъ, что прочтетъ его лишь при условіи, если Синодъ заранѣе готовъ радикально осудить

*) Синодъ имѣлъ двѣ сессіи: зимнюю, въ теченіе которой разбирались главныя, неотложныя дѣла и лѣтнюю, для которой предназначались дѣла второстепенныя. Лѣтнюю сессію обычно возглавлялъ архіеп. Сергій Финляндскій (впослѣдствіи Патріархъ Московскій и всея Руси); членами Синода лѣтней сессіи обычно назначались либо весьма престарѣлые, либо нетрудоспособные іерархи.

автора. Проф. Экземплярскаго уволили, не выслушавъ ни его объясненій, ни оправданій...

И все же попытки найти исходъ изъ создавшагося безвыходнаго положенія были. Нѣсколько разъ поднимался въ Синодѣ вопросъ, чтобы первоприсутствующій членъ Синода дѣлалъ докладъ Государю, хотя бы въ присутствіи Оберъ-Прокурора. Однако, ничего изъ этого не вышло. Была еще одна попытка — добиться аудіенціи у Государя для всѣхъ трехъ митрополитовъ, но и она была безуспѣшна. Церковь, безвластная и безгласная, должна была дѣлать то, что ей прикажутъ. Публицистъ Меньшиковъ («Новое Время») называлъ синодальныхъ іерарховъ «декоративные старички». Свое уничиженное положеніе іерархи, конечно, и сами сознавали. «Учусь чистописанію, — подписываюсь подъ протоколами, вотъ все мое занятіе», — говорилъ одинъ архіерей. Когда Оберъ-Прокуроръ былъ сравнительно пріемлемъ и искалъ путей сближенія съ Церковью, Синоду бывало легче. Таковы были Извольскій и Лукьяновъ. Извольскій, впослѣдствіи священникъ въ Бельгіи, былъ добрый, благожелательный. Проф. Варшавскаго Университета Лукьяновъ, во всѣхъ отношеніяхъ порядочный человѣкъ, кристально-чистой души, былъ тоже податливый. Онъ отличался педантизмомъ, и секретари его недолюбливали. Иногда онъ будилъ ихъ въ 3-4 часа утра и посылалъ въ Синодъ за какими-нибудь понадобившимися ему изъ архива бумагами. Къ должности оберъ-прокурора былъ совершенно не подготовленъ, ибо не зналъ ни Церкви, ни народа. Своему назначенію онъ самъ удивлялся, и когда кто-то его спросилъ: «Почему собственно назначили васъ?» добродушно отвѣтилъ: «Самъ не знаю, одно скажу: я усердный читатель и большой почитатель Владиміра Соловьева». Конечно, этого было мало для оберъ-прокурорскаго поста...

Оберъ-прокуроръ В. К. Саблеръ, напротивъ, прекрасно зналъ Церковь, любилъ ее и много работалъ для нея; но тутъ случилась другая бѣда: его имя въ обществѣ и въ Думѣ связывали съ Распутинымъ. Необходимо сказать нѣсколько словъ о Распутинѣ, потому что появленіе его въ высшихъ кругахъ русскаго общества углубило разладъ между Думой и Церковью.

Распутина я никогда не видалъ, хоть и не разъ имѣлъ возможность съ нимъ встрѣтиться, но отъ встрѣчи съ нимъ я всячески уклонялся.

Сибирскій странникъ, искавшій Бога и подвига, и вмѣстѣ съ этимъ человѣкъ распущенный и порочный, натура демонической силы, — онъ сочеталъ поначалу въ своей душѣ и жизни трагедію: ревностные религіозные подвиги и стремительные подъемы перемежались у него съ паденіями въ бездну грѣха. До тѣхъ поръ, пока онъ

ужасъ этой трагедіи сознавалъ, не все еще было потеряно; но онъ впослѣдствіи дошелъ до оправданія своихъ паденій, — и это былъ конецъ. Извѣстность стяжалъ постепенно. Пріѣхалъ въ Казань къ епископу Хрисанфу, тотъ рекомендовалъ его ректору Петербургской Дух. Академіи епископу Сергію*), а Сергій познакомилъ его съ инспекторомъ Академіи архимандритомъ Ѳеофаномъ (впослѣдствіи епископъ Полтавскій) и профессоромъ-стипендіатомъ молодымъ іеромонахомъ Веніаминомъ (возглавлявшимъ въ эмиграціи «Сергіевскую» церковь). Архим. Ѳеофану, человѣку высокой подвижнической жизни, Распутинъ показался религіозно значительной, духовно настроенной личностью, и онъ вовлекъ въ знакомство съ нимъ Саратовскаго епископа Гермогена, который съ нимъ и подружился. Архимандритъ Ѳеофанъ былъ духовникомъ великихъ княгинь Милицы Николаевны и Анастасіи Николаевны («черногорокъ»); къ нимъ Распутина онъ и привелъ, а онѣ ввели его въ царскую семью. Распутинъ какими-то способами облегчалъ страданія больного Наслѣдника, это предрѣшило судьбу «цѣлителя» — онъ сталъ большимъ, вліятельнымъ человѣкомъ. Началось заискиванье. Въ синодальныхъ сферахъ на него обратили вниманіе: Товарищъ Оберъ-Прокурора Даманскій сталъ его другомъ; Саблеръ, пребывавшій дотолѣ въ отставкѣ, вновь занялъ постъ оберъ-прокурора.

Въ Думѣ все это вызвало страшное негодованіе. Родзянко, Гучковъ... всѣ были возмущены. Защищать Синодъ въ Думѣ становилось очень трудно. Были попытки примирить Думу съ Синодомъ.

Дѣло Распутина (о его хлыстовскихъ радѣніяхъ) было затребовано изъ Тобольской консисторіи, дабы разоблачить его безнравственность и тѣмъ его обезвредить, но уличающихъ данныхъ оказалось недостаточно.

Въ ту зиму (1911-12 г.г.) я входилъ въ составъ сессіи Синода. Тамъ приходилось выслушивать нападки на Думу... Въ концѣ концовъ конфликтъ обострился настолько, что въ засѣданіи, обсуждавшемъ синодальную смѣту, Гучковъ, въ присутствіи Саблера, обрушился на Синодъ и Оберъ-Прокурора со всей нездержанностью накипѣвшаго негодованія. Онъ говорилъ не голословно, — приводилъ факты, которые разоблачили весь ужасъ того, что происходитъ. Изъ его рѣчи можно было заключить, что Синодъ Распутину мирволитъ, а Оберъ-Прокуроръ всячески добивается его расположенія... Состояніе Саблера было отчаянное. Онъ смотритъ на меня, ждетъ словъ защиты... Мнѣ надо говорить, а защищать его мнѣ мучительно трудно. Я сказалъ кратко, что у меня нѣтъ данныхъ ни за, ни противъ обви-

*) См. страницу 109.

неній; что, надѣюсь, Оберъ-Прокуроръ самъ защититъ свое доброе имя... — Саблеръ остался мною недоволенъ.

Такого рода схватки Думы и Синода дискредитировали Церковь, забрасывали ее грязью, создавали предубѣжденіе противъ всѣхъ, кто имѣлъ къ ней отношеніе. Ужасное, мучительное положеніе...

Пріѣзжаю въ Синодъ, — тамъ возмущеніе рѣчью Гучкова. Архіепископъ Сергій Финляндскій хочетъ, чтобы Синодъ заступился за Оберъ-Прокурора и демонстративно поднесъ ему икону. Я протестую: «Думу дразнить нельзя... это безтактно. Или вы не хотите имѣть ничего общаго съ Думой?» — И все же икону поднесли...

По совѣсти скажу, я не могу утверждать, насколько справедливы были въ Думѣ нападки на Саблера...

Однимъ изъ друзей Распутина, которые отъ него отшатнулись, лишь только они поняли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, былъ Саратовскій епископъ Гермогенъ. Аскетъ, образованный человѣкъ, добрѣйшій и чистый, епископъ Гермогенъ былъ, однако, со странностями, отличался крайней неуравновѣшенностью, могъ быть неистовымъ. Почему-то онъ увлекся политикой и въ своемъ увлеченіи крайне правыми политическими вѣяніями потерялъ всякую мѣру. Интеллигенцію онъ ненавидѣлъ, желалъ, чтобы всѣхъ революціонеровъ перевѣшали. Онъ ополчился противъ Распутина, когда убѣдился въ его безнравственномъ поведеніи и рѣшилъ зазвать его къ себѣ, дабы въ присутствіи писателя Родіонова и іеромонаха Иліодора взять съ него заклятіе, что онъ отнынѣ не переступитъ порога царскаго дворца. Говорятъ, еп. Гермогенъ встрѣтилъ его въ епитрахили, съ крестомъ въ рукѣ. Распутинъ клятвы давать не хотѣлъ и пытался скрыться. Родіоновъ и Иліодоръ бросились за нимъ на лѣстницу, его настигли, и всѣ трое покатились по ступенямъ внизъ... а еп. Гермогенъ, стоя на площадкѣ въ епитрахили и съ крестомъ въ рукѣ, кричалъ: «Будь проклятъ! проклятъ! проклятъ!..» Распутинъ вырвался изъ рукъ преслѣдователей. «Попомните меня!», — крикнулъ онъ, — и исчезъ. Еп. Гермогенъ и Иліодоръ стали бомбардировать Государя телеграммами, умоляя его не принимать Распутина. Государь оскорбился и приказалъ вернуть еп. Гермогена въ епархію, а Иліодора Св. Синодъ сослалъ во Флорищеву пустынь (Владимірской епархіи). Епископъ Гермогенъ приказу не подчинился; тогда Государь прислалъ флигель-адъютанта, который «именемъ Государя Императора» приказалъ ему сѣсть въ автомобиль; его отвезли на вокзалъ и переправили въ Жировицкій монастырь (Гродненской губ.). Была назначена ревизія Саратовскаго Епархіальнаго Управленія; она обнаружила полную безотвѣтственность главы епархіи и непорядки вопіющіе. Оказалось, что еп. Гермогенъ не распечатывалъ многихъ приходящихъ на его имя бумагъ,

въ томъ числѣ даже указовъ Св. Синода, — бросалъ ихъ въ кучу, въ пустой комнатѣ. Заточеніе создало еп. Гермогену ореолъ мученика. Впослѣдствіи, уже послѣ революціи, его выпустили и назначили епископомъ Тобольскимъ; въ этомъ званіи онъ и былъ членомъ Всероссійскаго Церковнаго Собора. Когда царская семья находилась въ заточеніи въ Тобольскѣ, онъ пытался что-то для Государя сдѣлать. Большевики съ нимъ расправились жестоко, — его привязали къ колесу парохода, и пустили машину въ ходъ: лопастями колеса его измочалило...

Судьба Иліодора не трагична. Онъ бѣжалъ, снялъ санъ, переправился за-границу въ Америку.

Конечно, нападки на Синодъ въ періодъ 3-ей Думы были односторонни, пристрастны и преувеличены. По мѣрѣ силъ своихъ онъ трудился не только въ области чисто церковной, но и церковно-общественной и государственной. Политика Столыпина поставила передъ Церковью трудную задачу духовнаго обслуживанія переселенческаго движенія, съ которой Церковь хорошо справилась. Я имѣю въ виду дѣятельность протоіерея Восторгова.

Законъ «9-го ноября» о хуторахъ, изданный въ порядкѣ 87-ой ст. между 2-ой и 3-ей Думой, повлекъ за собой вопросъ переселенческій, а организація переселенія въ Сибирь выдвинула проблему устроенія церковной жизни на новыхъ земляхъ. Надо было позаботиться о построеніи храмовъ, объ открытіи школъ, о подготовкѣ кадровъ священнослужителей. Государство создало особое переселенческое управленіе (во главѣ его стоялъ сенаторъ Глинка) и на переселенцевъ денегъ не жалѣло.

Наши духовныя семинаріи не давали достаточнаго числа кандидатовъ — священниковъ. Во многихъ епархіяхъ отмѣчался ихъ недостатокъ; многіе семинаристы, особенно въ Сибири, не хотѣли принимать священническаго сана. Благовѣщенская семинарія за 10 лѣтъ не выпустила ни одного священника; религіозный энтузіазмъ въ семинаріи потухъ, молодежь устремлялась на гражданскую службу, на пріиски, въ промышленныя предпріятія. При такихъ условіяхъ какъ съ переселенческой задачей могла церковь справиться?

По порученію Синода за дѣло взялся протоіерей Восторговъ. Въ теченіе года онъ долженъ былъ создать столько священниковъ, сколько требовалось. Протоіерей Восторговъ былъ человѣкъ незаурядnаго ума и большой энергіи. При жизни о немъ ходили разныя сплетни, но, кажется, они были не обоснованы. Съ трудной задачей онъ справился отлично. Кандидатовъ въ священники набиралъ изъ способныхъ псаломщиковъ и сельскихъ учителей. Я познакомился

съ его дѣятельностью, съѣздивъ спеціально для этого въ Москву. Протоіерей Восторговъ познакомилъ меня со своей женой. «Вотъ жена, которую я отравилъ...» — шутливо сказалъ онъ, намекая на злую сплетню о его семейной жизни. Я побывалъ на его семинарскихъ курсахъ, присутствовалъ на урокахъ по проповѣдничеству и былъ пораженъ блестящими результатами. Въ годъ его ученики совершенно овладѣвали церковнымъ ораторскимъ искусствомъ. Методъ обученія состоялъ въ слѣдующемъ:

Онъ собиралъ группу учениковъ, прочитывалъ очередное воскресное Евангеліе и задавалъ имъ поочереди вопросы: какія въ немъ мысли? какую бы ты взялъ мысль для проповѣди? а ты? ты? и т. д. Изъ этихъ мыслей выбирали сообща одну — темой проповѣди и приступали къ ея разработкѣ. Вновь слѣдовали вопросы: ты бы что на эту тему сказалъ? а ты? ты? ты?... Послѣ разработки переходили къ критикѣ, анализировали, какая мысль для проповѣди подходящая, какая нѣтъ. Слѣдовало заданіе — къ будущему разу написать проповѣдь. Писалъ ее и самъ учитель. На слѣдующемъ урокѣ приступали къ разбору написаннаго. Начиналось коллективное творчество. Протоіерей Восторговъ говорилъ мнѣ, что ученики давали иногда ему самому очень цѣнныя указанія. Собранныя сообща мысли составляли одну проповѣдь. Затѣмъ ее кто-нибудь изъ слушателей произносилъ, а остальные критиковали его, какъ оратора. Такія коллективно разработанныя проповѣди печатались въ тысячахъ экземплярахъ, а потомъ ученики произносили ихъ въ московскихъ церквахъ на раннихъ обѣдняхъ, собиравшихъ обычно много молящихся изъ простонародья. Напечатанныя проповѣди раздавались послѣ обѣдни всѣмъ желающимъ. Какой это былъ разумный методъ обученія проповѣдничеству! И какъ широко было поставлено дѣло церковнаго учительства...

Протоіерей Восторговъ погибъ при большевикахъ, — его разстрѣляли. Умеръ онъ доблестной смертью христіанскаго мученика. Передъ разстрѣломъ напутствовалъ и ободрялъ своихъ собратьевъ, тоже обреченныхъ на смерть: министровъ Протопопова, Маклакова, Щегловитова, Хвостова и директора департамента полиціи Бѣлецкаго....

Кромѣ этой, освѣдомительной, поѣздки въ Москву, я предпринялъ во время 3-ей Государственной Думы двѣ поѣздки церковно-общественнаго значенія: 1) въ Кіевъ на торжество 1000-лѣтія пребыванія въ Михайловскомъ монастырѣ мощей св. Великомученицы Варвары и одновременно на Кіевскій Миссіонерскій Съѣздъ и 2) тоже въ Кіевъ — на торжество перенесенія св. мощей препод. Евфросиніи Полоцкой изъ Кіева въ Полоцкъ.

1. Первое торжество въ Кіевѣ было обставлено очень пышно. Прибылъ почти весь составъ Св. Синода, пріѣхали всѣ болѣе видные іерархи русской Церкви, Оберъ-Прокуроръ П. П. Извольскій со своимъ Товарищемъ А. П. Роговичемъ, всѣ главные миссіонеры: В. М. Скворцовъ, протоіерей Ксенофонтъ Крючковъ и др. Я взялъ съ собой архимандрита Серафима, настоятеля Яблочинскаго монастыря (съ академическимъ образованіемъ), и извѣстнаго борца противъ католичества, замѣчательнаго народнаго проповѣдника протоіерея Тимоѳея Трача (изъ галичанъ), о которомъ я уже упоминалъ раньше*). Первая часть Кіевскихъ торжествъ, посвященная воспоминанію о принесеніи въ Кіевъ св. мощей (кромѣ главы) св. Великомученицы Варвары, прошла въ строго церковныхъ рамкахъ. Были очень торжественныя богослуженія, при огромномъ стеченіи народа, съ проповѣдями, съ обнесеніемъ св. мощей на рукахъ духовенства вокругъ Михайловскаго монастыря. Помню, едва только мы вышли изъ храма, какъ разразился страшный ливень. Наши облаченія вымокли, а великолѣпныя митры размякли; по бородамъ епископовъ текли желтыя струи отъ полинявшихъ митръ... Епископъ Гродненскій Михаилъ, сдѣлавшій себѣ для этого исключительнаго дня новое, чудное облаченіе, не удержался отъ восклицанія: «Святая Великомученица, приношу Тебѣ въ жертву мое облаченіе!». Послѣ богослуженія былъ торжественный обѣдъ и столь же торжественное собраніе съ докладами. Этимъ все и закончилось.

Болѣе разнообразна была программа Миссіонерскаго Съѣзда. Нужно замѣтить, что миссіонерское дѣло въ русской Церкви стояло не на должной высотѣ. Хотя на это дѣло тратились большія церковныя суммы; хотя не было недостатка въ способныхъ и энергичныхъ миссіонерахъ, — однако, не чувствовалось въ немъ подъема и воодушевленія, не ощущалось вѣянія духа апостольскаго. Были, конечно, отдѣльно святые миссіонеры, просвѣтившіе свѣтомъ христіанства всю Восточную окраину Россіи (Казанскій край), Сибирь, Японію. Мы свято чтимъ имена Германа, Гурія, Варсонофія Казанскихъ, Иннокентія Иркутскаго, а въ болѣе близкія времена Иннокентія Камчатскаго, впослѣдствіи митрополита Московскаго, Николая Японскаго, архимандрита Макарія Глухарева и современнаго намъ Макарія Томскаго (впослѣдствіи митрополита Московскаго) и другихъ, можетъ быть, невѣдомыхъ міру подвижниковъ-миссіонеровъ; но это лишь отдѣльныя имена (и больше въ прошломъ), а современная организація миссіонерства, особенно борьба съ расплодившимся сектантствомъ и безвѣріемъ, была организована слабо, хотя были у насъ и миссіонерскіе курсы при Казанской Дух. Академіи и отдѣльные миссіо-

*) См. страницу 152.

нерскіе монастыри и школы. Большинство архіереевъ относилось къ этому важнѣйшему дѣлу равнодушно. Святое дѣло миссіи облекалось въ формы бюрократическія. Главнымъ синодальнымъ миссіонеромъ состоялъ чиновникъ при оберъ-прокурорѣ извѣстный В. М. Скворцовъ, свѣтскій «генералъ», создавшій цѣлую школу миссіонеровъ — свѣтскихъ фрачниковъ. Въ епархіяхъ, въ кругахъ церковныхъ ихъ боялись, но не любили и имъ не довѣряли; свѣтское же общество относилось къ нимъ явно отрицательно. Эти миссіонеры любили въ своей дѣятельности опираться на гражданскую власть для защиты и поддержки православія, что, конечно, совсѣмъ не способствовало укрѣпленію ихъ нравственнаго авторитета. Внесеніе правительствомъ въ Государственную Думу законопроектовъ о свободѣ вѣроисповѣданія, или, по принятой терминологіи, «о свободѣ совѣсти», вызвало большое негодованіе въ церковномъ обществѣ, особенно среди епископовъ и духовенства, но это негодованіе подогрѣвалось главнымъ образомъ миссіонерами. Теперь, когда собрался многолюдный и внушительный Кіевскій миссіонерскій Съѣздъ съ участіемъ высшаго духовенства, явилось опасеніе, что на немъ раздастся громкій голосъ протеста противъ вѣроисповѣдной политики Правительства и Гос. Думы, и опасенія не безосновательныя, такъ какъ въ отдѣльныхъ частныхъ разговорахъ эта политика подвергалась суровой критикѣ. Громоотводомъ на Съѣздѣ былъ Оберъ-Прокуроръ, — ему въ Петербургѣ было сказано, чтобы ни въ какомъ случаѣ не допускать политическихъ выступленій; а Кіевскій генералъ-губернаторъ Сухомлиновъ (впослѣдствіи военный министръ) предупредилъ, что при первой же попыткѣ внести въ обсужденіе политическіе элементы онъ закроетъ Съѣздъ. Оберъ-прокуроръ П. П. Извольскій при открытіи Съѣзда сказалъ въ этомъ смыслѣ дипломатическую рѣчь, и все пошло гладко, не выходя изъ береговъ чисто-церковныхъ сужденій. Съѣздъ раздѣлился на комиссіи, обсуждавшія мѣры духовной борьбы, или точнѣе — защиты Православной Церкви отъ пропаганды: а) инославной, главнымъ образомъ католической; б) сектантства; в) раскола старообрядчества съ его многообразными развѣтвленіями и г) религіознаго вольнодумства и атеизма. Въ свободное отъ собраній время устраивались полемическіе диспуты преимущественно со старообрядцами.

Помню одну такую интересную бесѣду, на которой со стороны старообрядцевъ выступилъ, недавно совратившійся въ расколъ, бывшій профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи архимандритъ Михаилъ (Семеновъ). Интересна его біографія: по происхожденію еврей, онъ обратился въ православіе, прекрасно окончилъ Казанскую Дух. Академію и впослѣдствіи сталъ профессоромъ С.-Петербургской Академіи. Даровитый, литературно-образованный, са-

молюбивый и неуравновѣшенный, онъ сначала примкнулъ къ либеральному церковному теченію, ставъ въ ряды группы т. н. «33-хъ» петербургскихъ священниковъ, а потомъ, когда на это послѣдовали нѣкоторыя репрессіи со стороны церковной власти, ушелъ въ старообрядчество, съ которымъ собственно говоря у него не было ничего общаго: они — строгіе поклонники старыхъ обрядовъ, строгіе бытовики въ своемъ церковномъ укладѣ, а онъ — типичный русскій церковный интеллигентъ; отъ Церкви отсталъ, а къ расколу не присталъ: ни пава, ни ворона... Конечно, старообрядцамъ было лестно козырнуть передъ православными именемъ профессора и церковнаго писателя; но ему, понятно, было весьма неловко въ своей неожиданной новой роли, онъ смущался и волновался. Со стороны православныхъ выступилъ извѣстный, старый, опытный миссіонеръ протоіерей Ксенофонтъ Крючковъ.

Это очень любопытная фигура: малообразованный, некультурный, изъ старообрядческихъ начетчиковъ, но чрезвычайно талантливый самородокъ, прекрасно начитанный въ своей литературѣ, ловкій діалектикъ, — онъ былъ непобѣдимъ въ полемикѣ, хоть и допускалъ часто совершенно примитивные, простонародные и даже грубые пріемы, въ родѣ обращенія: «Ну, ну, иди, я изъ тебя эту раскольничью дурь вышибу!». Интересно было видѣть на одной доскѣ тонкаго интеллигента-профессора и простоватаго, умнаго, крѣпко знающаго свое дѣло деревенскаго священника. Когда архим. Михаилъ сталъ объяснять, почему онъ ушелъ изъ Православной Церкви, о. К. Крючковъ все время сокрушенно качалъ головой, приговаривая: «Ахъ грѣховодники, куда, въ какія дебри завели вы нашего Михайлу-то!»

Такая реплика, конечно, очень смутила о. Михаила, онъ волновался, краснѣлъ, въ волненіи протянулъ руку къ графину — и сталъ пить воду, не перекрестившись. Это сейчасъ же подцѣпилъ о. Крючковъ. «Видите, — торжествующе заявилъ онъ, — Михайло-то недавно ушелъ отъ насъ, а уже всѣ благочестивые обычаи растерялъ». (Старообрядцы и вообще старые православные люди ни за-что не станутъ пить воду, не перекрестившись и не перекрестивши воды.) Такими репликами онъ привелъ о. Михаила въ замѣшательство, и уже потомъ ему нетрудно было его добить...

Не думаю, чтобы Миссіонерскій Съѣздъ въ Кіевѣ имѣлъ большія практическія послѣдствія, хотя въ Синодѣ была образована особая комиссія по проведенію въ жизнь его постановленій. Во всякомъ случаѣ какого-либо замѣтнаго подъема въ дѣлѣ миссіонерства или радикальной реформы въ его организаціи онъ не далъ. Но тѣмъ не менѣе я считаю, что онъ имѣлъ важное значеніе въ жизни нашей Церкви уже благодаря тому, что далъ возможность разрозненнымъ церковнымъ людямъ собраться вмѣстѣ, совмѣстно обсудить набо-

лѣвшія церковныя нужды, подѣлиться и ощутить свое единство, — нѣкій духъ соборности. Особенно это было важно для церковныхъ іерарховъ, которые обычно жили совершенно обособленною жизнью, имѣли очень мало живого общенія между собой. Вѣдь, по Духовному регламенту, архіерей могъ оставить свою епархію и поѣхать къ своему собрату, съ разрѣшенія Св. Синода, только на 8 дней. Такъ, несмотря на благожелательное покровительство государства, церковная іерархія жила подъ какимъ то подозрѣніемъ, недовѣріемъ свѣтскихъ властей, навѣяннымъ еще со времени Петра Великаго... И потому самыми важными и плодотворными моментами этого Съѣзда для меня были закрытыя собранія іерарховъ въ покояхъ Кіевскаго митрополита. Съѣздъ окончился великолѣпнымъ пріемомъ-обѣдомъ, устроеннымъ въ честь іерарховъ Городскимъ Управленіемъ въ Царскомъ Саду на берегу Днѣпра.

2. Не лишена общественнаго интереса и другая моя поѣздка — на торжество перенесенія изъ Кіева въ Полоцкъ св. мощей препод. Евфросиніи Княгини Полоцкой.

Препод. Евфросинія, подвижница XII-го вѣка, основала въ своемъ родномъ городѣ Полоцкѣ Спасовъ монастырь (впослѣдствіи Спасо-Евфросиніевскій), подвизалась долго тамъ игуменіей, затѣмъ, въ концѣ своей жизни, отправилась паломницей въ Святую Землю, гдѣ и скончалась; ея нетлѣнное тѣло было возвращено въ Россію и положено въ Кіевскихъ пещерахъ.

Полочане не разъ возбуждали ходатайство передъ Св. Синодомъ о перенесеніи мощей препод. Евфросиніи изъ Кіева въ ея родной городъ Полоцкъ, въ основанный ею и сохранившійся до нашихъ дней женскій монастырь. Основаніемъ для этого ходатайства выставлялось не только естественное чувство земляческой близости мѣстнаго населенія къ преподобной, но другіе болѣе высокіе церковные мотивы.

Городъ Полоцкъ былъ въ XVII-мъ вѣкѣ центромъ дѣятельности извѣстнаго уніатскаго епископа Іосафата Кунцевича. За свою ярую и насильственную, фанатическую пропаганду уніи онъ былъ убитъ православными и брошенъ въ Зап. Двину. Съ тѣхъ поръ католическое и уніатское населеніе окружило его ореоломъ священномученика и ревностно чтило его память. Особенно усилилось это католическое движеніе, связанное съ именемъ І. Кунцевича, съ 1905 года, т. е. со времени изданія указа о свободѣ вѣроисповѣданія. Такъ какъ это движеніе смущало совѣсть православныхъ и служило поводомъ къ совращенію нѣкоторыхъ колеблющихся, то явилась мысль этому католическому культу Кунцевича противопоставить почитаніе препод. Евфросиніи Полоцкой, память которой чтилась въ мѣстномъ народѣ. По должности члена Госуд. Думы, мнѣ, вмѣстѣ съ мѣстными депутатами, пришлось участвовать въ ходатайствѣ предъ Св. Сино-

домъ о перенесеніи въ Полоцкъ мощей преподобной Евфросиніи. Наконецъ, ходатайство это было удовлетворено.

Изъ Кіева по Днѣпру тронулась грандіозная процессія со св. мощами, по берегамъ толпы народа съ воодушевленіемъ встрѣчали и провожали святыню, во многихъ мѣстахъ пароходъ останавливался для служенія молебствій, говорились проповѣди; такъ продолжалось путешествіе до самаго Полоцка. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми депутатами отъ Западнаго края, я тоже получилъ приглашеніе на этотъ праздникъ; онъ былъ обставленъ очень торжественно. Пріѣхало нѣсколько архіереевъ, во главѣ съ Кіевскимъ митрополитомъ Флавіаномъ; пріѣхалъ Оберъ-Прокуроръ Св. Синода С. М. Лукьяновъ, а также нѣкоторыя Высочайшія Особы Царствующаго Дома, много знати изъ Петербурга и Кіева. Стеченіе простого народа было огромное. Можно сказать, вся Бѣлоруссія устремилась къ прославленію своей родной Княжны-Игуменьи. Послѣ торжественнаго всенощнаго бдѣнія служили молебны буквально цѣлую ночь. Трогательно было видѣть простую, крѣпкую, дѣтскую вѣру бѣлорусскаго крестьянства, особенно благочестіе женщинъ (въ бѣлыхъ самодѣльныхъ костюмахъ), цѣлыми часами стоявшихъ въ ожиданіи, дабы приложиться къ св. мощамъ. Великая Княгиня Елизавета Ѳеодоровна, сестра нашей Императрицы, въ сѣромъ форменномъ одѣяніи сестры своей Марѳо-Маріинской обители (на подобіе древнихъ діакониссъ), всю ту ночь, не смѣняясь, простояла у раки Преподобной, оправляя ея покровъ и служа крестьянамъ — подавала имъ иконки, вату, омоченную елеемъ изъ лампады и пр. Бѣдные сельскіе священники, никогда не видавшіе такого торжества, какъ то неумѣло-безпорядочно слѣдовали въ церковныхъ церемоніяхъ, и одинъ изъ нихъ неосторожно наступилъ своими деревенскими сапогами на шлейфъ Королевы Эллиновъ Ольги Константиновны. Митрополитъ Флавіанъ, увидавъ это, очень смутился и разсердился на бѣднаго священника, и даже на мѣстнаго епископа Серафима, а добрѣйшая Королева (прекрасная женщина-христіанка) только засмѣялась... Безпомощнымъ казался во время этихъ длительныхъ церемоній и Оберъ-Прокуроръ Лукьяновъ; очевидно, ему никогда не случалось въ нихъ участвовать; вмѣсто того, чтобы слѣдовать извѣстному порядку, онъ суетился и не зналъ, ни куда себя дѣвать, ни куда уйти, чтобы закурить свою сигару...

Въ Полоцкѣ я встрѣтился со своей постриженницей (по Вировскому монастырю) игуменьей Ниной (Баянусъ), очень образованной женщиной; она перевела на англійскій языкъ магистерское сочиненіе мѣстнаго Витебскаго епископа Серафима о пророчествахъ Валаама. Теперь она была начальницей женскаго духовнаго училища, помѣщеннаго въ стѣнахъ Полоцкаго монастыря. Въ тѣ дни у нея гостилъ англиканскій священникъ Файнсъ-Клинтонъ (Fynes Clinton), из-

вѣстный дѣятель по сближенію англиканской церкви съ Востокомъ*). Ему было разрѣшено стоять за литургіей въ алтарѣ, къ нѣкоторому недовольству митрополита Флавіана.

Все это полоцкое торжество несомнѣнно имѣло большое значеніе для мѣстнаго населенія, создало великій подъемъ его духа и укрѣпило его въ преданности Православной Церкви и противостояніи соблазнамъ католичества. Намъ же, русскимъ епископамъ, оно дало пріятнѣйшую возможность еще разъ собраться вмѣстѣ для откровенной, непринужденной бесѣды. Изъ Полоцка мы заѣхали въ епархіальный городъ Витебскъ, посѣтили тамъ мѣстнаго епископа Серафима и возвратились въ Петербургъ.

Вспоминая мои поѣздки въ періодъ 3-ей Думы, я хочу разсказать и о моемъ паломничествѣ въ Саровъ въ 1911 году.

По окончаніи лѣтней сессіи Государственной Думы я выѣхалъ прямымъ поѣздомъ изъ Петербурга въ Рыбинскъ, а оттуда на пароходѣ по Волгѣ до Нижняго-Новгорода. Такъ пріятно было путешествіе по этой царственной рѣкѣ, красавицѣ Волгѣ, дышать полною грудью чистымъ рѣчнымъ воздухомъ, наслаждаться панорамою ея береговъ, созерцать, какъ проходятъ мимо города, деревни, церкви, луга, лѣса, холмы... Чувствовать какую-то особенную легкость, тишину и свободу послѣ долгаго сидѣнья въ Думѣ въ атмосферѣ табачнаго дыма и непрерывныхъ рѣчей, споровъ, волненій...

Въ Ярославлѣ или Костромѣ неожиданно подсѣлъ ко мнѣ князь Н. Д. Жеваховъ (впослѣдствіи Товарищъ Оберъ-Прокурора Св. Синода), направлявшійся также въ Саровъ. Богъ далъ мнѣ интереснаго спутника и собесѣдника, съ которымъ мы беззаботно и весело болтали. Въ Нижнемъ я заѣхалъ къ знакомому епископу Назарію, но не засталъ его дома; мнѣ сказали, что онъ служитъ Литургію въ соборѣ. Я поѣхалъ въ соборъ. Подъѣзжаю — и вижу: огромныя толпы народа, какое-то движеніе... Оказывается, провожаютъ чудотворную Оранскую икону Божіей Матери. Это было удивительное зрѣлище, прекрасная, умилительная картина нашего стариннаго русскаго благочестія. Я вошелъ въ алтарь; по окончаніи Литургіи я подошелъ поздороваться съ епископомъ, который пригласилъ меня участвовать въ крестномъ ходу при проводахъ св. иконы. Съ всенароднымъ пѣніемъ церковныхъ богородичныхъ пѣснопѣній (канонъ умилительный Божіей Матери) мы проводили св. икону до конца города, гдѣ разоблачились, и отправились завтракать къ игуменьѣ мѣстнаго женскаго монастыря, очень любезной старушкѣ.

---

*) Членъ-казначей Общества помощи русской Церкви и духовенству послѣ русской революціи.

Конецъ дня я провелъ у еп. Назарія, а вечеромъ поѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Арзамасъ, куда прибылъ раннимъ утромъ. Здѣсь, на монастырскомъ Саровскомъ подворьѣ, меня ждала отличная тройка монастырскихъ лошадей, и я немедленно выѣхалъ въ обитель; ѣзды туда отъ Арзамаса верстъ 60. На половинѣ дороги смѣнили усталыхъ лошадей на новую тройку. Путешествовать было не только удобно, но и комфортабельно.

Въ обители братія меня встрѣтила торжественно, со славою проводила въ храмъ, гдѣ я поклонился мощамъ преподобнаго Серафима. Хотя со времени открытія мощей прошло уже 8 лѣтъ, но монастырь все еще какъ-будто жилъ отголосками этого дивнаго всероссійскаго праздника, еще чувствовалось чудесное благоуханіе этихъ незабвенныхъ дней, преисполненныхъ обильнымъ изліяніемъ благодатныхъ даровъ Св. Духа.

Въ церкви подходитъ ко мнѣ почтенный протоіерей одного изъ московскихъ соборовъ, кланяется до земли и восклицаетъ: «Владыка, я только что получилъ благодатное исцѣленіе отъ Преподобнаго! У меня былъ жестокій застарѣлый ревматизмъ, парализовавшій мои ноги. Я нѣсколько лѣтъ подрядъ ѣздилъ лѣчиться на воды. Въ этомъ году не могъ поѣхать по недостатку денегъ и рѣшилъ вмѣсто водъ съѣздить въ Саровъ къ препод. Серафиму. Я былъ недвижимъ,и меня вынесли изъ экипажа и отнесли къ святому источнику, свели въ купальню и подставили мои больныя ноги подъ жгуче-холодную струю; сначала было больно, жутко, но потомъ я ощутилъ въ мертвыхъ ногахъ какую-то теплоту, жизнь; онѣ стали свободнѣе сгибаться; повторивъ 3-4 раза этотъ холодный душъ, я твердо сталъ на ноги, пѣшкомъ прошелъ до обители (около версты)... Разрѣшите въ слѣдующее воскресенье сослужить вамъ въ Божественной Литургіи»... Говоря это, онъ обливался слезами и непрестанно восклицалъ благодареніе Преподобному. На меня и на всѣхъ окружающихъ этотъ разсказъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Совершилось явное, поразительное чудо...

Я прожилъ въ Саровѣ нѣсколько дней, служилъ Божественную Литургію, купался подъ ледяными струями саровскаго источника, подробно осмотрѣлъ весь монастырь, ближнюю и дальнюю пустыньки. Чудная обитель, полная красоты природной, окруженная дивнымъ лѣсомъ и напоенная благоуханіемъ благодати Божьей... Чувствовалось вѣяніе духа Преподобнаго — миръ и радость о Св. Духѣ, завѣщанные имъ своей обители.

Изъ Сарова я поѣхалъ въ Дивѣевскій женскій монастырь, нѣкогда основанный препод. Серафимомъ. Обитель Дивѣевская, вначалѣ малая и бѣдная, широко разрослась и развилась къ этому времени, — тамъ было до тысячи сестеръ. Говорятъ, что К. Н. Побѣдо-

носцевъ, хватаясь за голову, говорилъ: «Подумайте — 1.000 сестеръ, вѣдь, это адъ!» Но я не только не нашелъ тамъ никакого «ада», но увидѣлъ прекрасный, цвѣтущій, благоустроенный монастырь. Это былъ скорѣй огромный муравейникъ со множествомъ трудовыхъ учрежденій (рукодѣлье женское, иконописаніе, пчеловодство, школы и т. д.). Память преподоб. Серафима тамъ чтилась особенно трогательно; можно сказать, имъ дышала вся обитель, всѣ малѣйшія реликвіи тамъ хранились особенно благоговѣйно. При монастырѣ жила юродивая о Христѣ Паша, праведница, пользовавшаяся всеобщимъ великимъ почитаніемъ. Къ ней ходили за совѣтами и сестры и паломники. Увы, я какъ-то побоялся зайти къ ней, особенно услыхавъ, что недавно она одного епископа (И.) выгнала палкой изъ своей кельи...

Изъ Дивѣева я проѣхалъ въ другой, основанный также препод. Серафимомъ — Понетаевскій монастырь, верстахъ въ 30 отъ Дивѣева. Это тоже чудный монастырь, только что отстроенный послѣ недавняго пожара. Тамъ находилась прекрасная икона Знаменія Божіей Матери, написанная одной благочестивой сестрой; эта икона пользуется особенно благоговѣйнымъ почитаніемъ не только сестеръ обители, но и всего притекающаго въ монастырь народа. Мать игуменья подарила мнѣ копію этой иконы. Нечего и говорить о томъ, что и въ Дивѣевскомъ и въ Понетаевскомъ монастыряхъ меня принимали съ большою любовью и радушіемъ. Вообще эта поѣздка, послѣ долгаго и томительнаго сидѣнія въ Гос. Думѣ въ атмосферѣ борьбы и кипѣнія политическихъ страстей, очень освѣжила и обновила мои душевныя силы. Слава и благодареніе препод. Серафиму Саровскому Чудотворцу!

Такая поѣздка, какъ мое паломничество въ Саровъ, была въ моей жизни тогда исключеніемъ. Обычно я проводилъ лѣтнія каникулы въ Холмѣ и старался ихъ использовать для посѣщенія приходовъ моей епархіи.

Эти поѣздки по епархіи скрѣпляли мою связь съ населеніемъ; меня знала каждая деревня настолько, что, когда меня перевели на Волынь, деревенскія бабы, какъ мнѣ передавали, съ недоумѣніемъ и со скорбью спрашивали: «А кто-же будетъ теперь нашимъ Евлогіемъ?», обращая мое имя въ нарицательное. Моя популярность въ народѣ еще больше раздражала моихъ думскихъ «пріятелей»-поляковъ и иногда ставила меня въ оригинальное положеніе.

Нужно сказать, что свои частыя поѣздки по епархіи я совершалъ въ экипажахъ и на лошадяхъ польскихъ помѣщиковъ. Было такое правительственное распоряженіе, по которому на мѣстныхъ

крестьянъ распространялась повинность давать подводы для перевозки войскъ и всякихъ казенныхъ тяжестей, а помѣщики должны были давать лошадей и экипажи для проѣзда государственныхъ чиновъ, разумѣется, за плату по установленной таксѣ. Конечно, при установившихся непріязненныхъ отношеніяхъ между мною и руководителями мѣстной польской политики, полякамъ было непріятно давать мнѣ лошадей, а мнѣ — тяжело пользоваться ихъ услугами. Но что-же дѣлать? Таково было положеніе. И вотъ, на этой почвѣ создался слѣдующій инцидентъ. У меня былъ намѣченъ маршрутъ посѣщенія приходовъ Яновскаго, или иначе называвшагося Константиновскаго, уѣзда, начиная съ уѣзднаго гор. Янова. Отслуживъ Литургію въ мѣстномъ храмѣ — я послѣ обѣда собираюсь ѣхать въ сосѣдній приходъ Непле — имѣніе члена Государст. Думы Л. К. Дымши, моего главнаго оппонента по проведенію въ Думѣ Холмскаго законопроекта. Вдругъ, начальникъ уѣзда, на обязанности котораго лежала забота о средствахъ моего передвиженія, докладываетъ мнѣ, что Дымша прислалъ ему письмо, въ которомъ рѣшительно отказывается дать мнѣ лошадей и даже прислалъ 25 руб., чтобы нанять лошадей гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Это былъ явный враждебный выпадъ противъ меня. Я приказалъ возвратить деньги Дымшѣ и нанять извозчика въ городѣ. Это задержало меня на нѣсколько часовъ, но вечеромъ на городскихъ лошадяхъ я все же отправился въ Непле. Нужно было проѣзжать черезъ помѣщичій дворъ, гдѣ мальчики, дѣти батраковъ, встрѣтили меня кошачьимъ концертомъ. Но это еще не все. Вечеромъ выяснилось, что и слѣдующій помѣщикъ (кажется графъ Платеръ) также отказывается прислать мнѣ лошадей: по всему уѣзду данъ былъ лозунгъ — такимъ образомъ затруднить мое передвиженіе. Я посмѣялся этой затѣѣ; рѣшено было взять городской экипажъ, а лошадей нанимать у крестьянъ, которые за хорошую плату охотно ихъ давали. Но лошадки крестьянскія, привыкшія таскать плугъ, никакъ не умѣли ходить стройно «четверкой» въ панскомъ экипажѣ. И вотъ, бывало, рано утромъ на зарѣ, просыпаясь въ домикѣ какого-нибудь сельскаго священника, я слышу подъ окномъ крики и щелканье бича: это обучаютъ «хорошимъ манерамъ» тѣхъ лошадей, на которыхъ я долженъ совершать свое епархіальное путешествіе. Однажды я слышу, что къ этимъ голосамъ присоединяется отчаянный женскій крикъ, — оказалось, стражники нечаянно взяли лошадь у одного католика, и вотъ баба своими воплями протестуетъ противъ того, чтобы ея лошадь возила «схизматическаго» архіерея. Я распорядился отдать лошадь ея фанатической католичкѣ-хозяйкѣ, и лошадь замѣнили другою — «православною». Такъ благополучно объѣхалъ я на крестьянскихъ лошадкахъ весь уѣздъ и чувствовалъ себя гораздо луч-

ше, нежели когда путешествовалъ на породистыхъ «англійскихъ» коняхъ помѣщиковъ.

Нерѣдко во время этихъ путешествій приходилось исправлять ложные шаги нашей внутренней церковной политики. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ пришлось мнѣ посѣтить большой посадъ Кодень Сѣдлецкой губ. Посѣщеніе было пріурочено къ празднику Св. Духа, храмовому празднику одной изъ двухъ мѣстныхъ церквей. Пріѣзжаю, — народу великое множество: мѣстные прихожане, многочисленные богомольцы изъ сосѣднихъ приходовъ и даже изъ-за Буга, изъ Гродненской губ. (Кодень расположенъ на берегу Буга). Всѣ пришли съ крестными ходами: много украшенныхъ цвѣтами, вышитыми полотенцами и лентами иконъ; цѣлый лѣсъ хоругвей, развѣваемыхъ легкимъ весеннимъ вѣтеркомъ, колыхалось на солнцѣ... Чудная картина! Съ большимъ подъемомъ совершилъ я Божественную Литургію въ прекрасномъ обширномъ приходскомъ храмѣ. Но чѣмъ ближе богослуженіе подходило къ концу, тѣмъ сильнѣе охватывала меня тревожная забота...

Дѣло въ томъ, что церковная власть — уже тому много лѣтъ — упразднила въ Коденѣ крестные ходы вокругъ храма, которые такъ любитъ нашъ народъ. Коденскіе мѣщане, хоть и приняли православіе, но у нихъ оставалось много прежнихъ уніатскихъ обрядовъ, среди которыхъ и обычай шествованья крестнаго хода вокругъ храма **по солнцу** (какъ на западѣ и у нашихъ старообрядцевъ); но наши не въ мѣру строгіе ревнители православнаго обряда — епископы непремѣнно требовали хожденія **противъ** солнца. На этой почвѣ во многихъ приходахъ возникали волненія, а въ Коденѣ, при еп. Гедеонѣ, произошла даже свалка во время крестнаго хода, когда одна часть богомольцевъ пошла налѣво (по солнцу), а другая направо (противъ солнца); оба шествія встрѣтились, поднялся крикъ, началась драка и многимъ помяли бока. Послѣ этого епархіальная власть распорядилась упразднить крестные ходы тамъ, гдѣ не хотѣли ходить по православному. Народъ очень тосковалъ объ этомъ, особенно когда видѣли, что въ сосѣднихъ костелахъ безпрепятственно совершаются крестные ходы. При вступленіи своемъ въ управленіе Холмской епархіей я разрѣшилъ свободу употребленія старинныхъ уніатскихъ обрядовъ, не нарушающихъ чистоту догматовъ: и крестные ходы «посолонь» и пѣніе часовъ, ибо въ уніатской церкви народъ не привыкъ къ длинному, монотонному и для него мало вразумительному чтенію псаломщика.

Я рѣшилъ возстановить крестный ходъ въ Коденскомъ приходѣ и пріурочить это къ настоящему торжеству. Но такъ какъ въ церкви было много народу и изъ-за Буга «древлеправославныхъ» (какъ у насъ говорилось) гродненцевъ, то я въ своей проповѣди горячо

убѣждалъ всѣхъ сдѣлать праздникъ радостнымъ и пріятнымъ для тѣхъ и другихъ. «Идти въ ту или другую сторону въ крестномъ ходу, — говорилъ я, — для спасенія не имѣетъ значенія, лишь бы идти за крестомъ: куда крестъ, туда и мы. Въ Коденѣ двѣ церкви; вокругъ одной пойдемъ по нашему старинному обычаю по солнцу, и пусть наши забугскіе гости въ этомъ уступятъ намъ, а вокругъ другой церкви пойдемъ противъ солнца, чтобы оказать братскую любовь имъ». Всѣ молчали. Направился величественный крестный ходъ, со множествомъ иконъ, хоругвей, громогласнымъ пѣніемъ духовныхъ пѣсней изъ богогласника. Вокругъ первой церкви прошли благополучно; но когда подошли къ другой церкви, вижу, что въ первыхъ рядахъ — нѣкоторое смятеніе; какія-то дѣвушки быстро поднесли свой украшенный «дѣвичій» образъ къ стѣнѣ и отбѣжали въ сторону. Я дѣлаю видъ, что не замѣчаю; движемся дальше, и когда дошли до задней стѣны, съ ужасомъ вижу, что навстрѣчу намъ движется огромная толпа. Столкновеніе неизбѣжно... Ужъ впереди слышатся крики, ужъ бабы въ паникѣ перескакиваютъ черезъ ограду...

Я врываюсь въ самую гущу толпы и вижу, что у одного стараго крестьянина уже разорванъ воротъ рубахи, и онъ неистово что-то кричитъ. Я останавливаю движеніе и напрягая всѣ силы голоса кричу: «Что вы дѣлаете? Какъ вы не боитесь Бога?! Вѣдь я вамъ разъяснялъ въ церкви, что этотъ обрядъ не теряетъ своего значенія отъ того, въ какую сторону ни пойди. Вѣдь я говорилъ, что вокругъ одного храма пойдемъ по солнцу, а вокругъ другого противъ солнца...». «И тотъ нашъ батька и этотъ! — кричатъ внѣ себя мѣщане, — и тамъ по-нашему, и здѣсь по-нашему!» Развѣ можно было въ такомъ состояніи что-либо ему доказывать?! Кое-какъ, при всеобщемъ смятеніи, вернулись въ храмъ и праздникъ, такъ чудно проведенный, въ концѣ былъ испорченъ, оставивъ въ душѣ горькій осадокъ. А католики собрались на сосѣднемъ пригоркѣ и злорадно посмѣивались надъ нашей неудачей...

Къ такимъ прискорбнымъ послѣдствіямъ приводила неразумная ревность обрядовая; недаромъ въ народѣ эти ревнители назывались «обрядославцами». Конечно, потомъ, я уже разрѣшилъ совершать вездѣ крестный ходъ такъ, какъ привыкли ихъ дѣлать прихожане.

Во время этихъ поѣздокъ по епархіи, я тѣсно сближался съ народомъ, не только посѣщалъ церковь и школы, но и заходилъ въ хаты, бесѣдовалъ съ прихожанами, принималъ ихъ радушное угощеніе, — вообще близко знакомился со всѣми сторонами народнаго быта, проникалъ во всѣ уголки его жизни, направляя ее по православному и общерусскому руслу.

Я уже сказалъ, что законопроектъ о выдѣленіи Холмщины въ особую губернію съ присоединеніемъ ея къ коренной Россіи стоялъ въ центрѣ моей работы въ 3-ей Думѣ.

Законопроектъ долго пролежалъ въ нѣдрахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ его обрабатывали, собирая статистическія данныя и прочія необходимыя свѣдѣнія. Я уговорилъ проф. Варшавскаго Университета Францева дать этнографическую и вѣроисповѣдную географическую карту, на которой было представлено процентное соотношеніе поляковъ и русскихъ, православныхъ и католиковъ по каждой «гминѣ» (волость). Она доказывала наглядно, что волна ополячиванія и окатоличиванія надвигалась съ запада на востокъ, захватывая все новыя и новыя области. Тридцать-сорокъ лѣтъ тому назадъ граница была значительно западнѣй, и я ратовалъ уже не о погибшихъ для русской культуры областяхъ, утерявшихъ свой національный и вѣроисповѣдный обликъ, а о томъ населеніи, гдѣ число русскихъ составляло лишь 30%. Карта проф. Францева оказалась весьма полезной и доказательной. Поляки тоже составили карту, но тенденціозность ея была очевидна.

Пролежавъ долго въ министерствѣ, нашъ законопроектъ былъ внесенъ, наконецъ, въ Думу и направленъ въ комиссію «законодательныхъ предположеній». Я въ нее записался. Тутъ моя страда и началась.

Условія моей работы въ комиссіи были весьма сложныя. Приходилось законопроектъ непрерывно защищать, свою позицію энергично отстаивать. Поляки напрягали всѣ силы, чтобы не давать ему ходу, тенденціозно называли его «четвертованіемъ», «четвертымъ раздѣломъ Польши», а русская интеллигенція меня не понимала, видѣла во мнѣ «зубра», черносотеннаго угнетателя и обидчика поляковъ. Въ Думѣ я сидѣлъ «направо», этого было достаточно, чтобы заподозрѣть во мнѣ злое чувство къ нимъ, а его во мнѣ не было. «Давайте Польшѣ самоуправленіе, но не обрекайте на денаціонализацію клочокъ исконной русской земли» — вотъ была моя позиція въ Холмскомъ вопросѣ. Но русская интеллигенція, подозрѣвая меня въ шовинизмѣ, въ реальной пользѣ законопроекта отчета себѣ не отдавала. Винить ее не могу: я самъ во Владимірѣ, получивъ назначеніе въ Холмъ, не зналъ, гдѣ Холмъ находится и долженъ былъ отыскивать его на географической картѣ...

Предсѣдателемъ комиссіи былъ Николай Ивановичъ Антоновъ (октябристъ), докладчикомъ Дмитрій Николаевичъ Чихачевъ (націоналистъ), корректный, спокойный, уравновѣшенный человѣкъ. Весьма энергично меня поддерживалъ графъ В. А. Бобринскій. Отъ поляковъ въ комиссію вошли: прив.-доц. Петербургскаго Университета Дымша и докторъ Гарусевичъ (польское коло) — оба ядови-

тые и злые мои противники. Отъ правительства въ комиссіи выступалъ умный, дѣятельный и сочувствующій нашему дѣлу Товарищъ Министра Крыжановскій (его отецъ, питомецъ Кіевской Духовной Академіи, былъ директоръ народныхъ училищъ).

Борьба въ комиссіи была упорная и длительная. Поляки тормозили обсужденіе законопроекта, вдавались въ безконечныя пренія, — это была настоящая обструкція. Лѣвая часть комиссіи была противъ меня независимо отъ того, правое или не правое дѣло я защищаю. Октябристы (народъ лукавый!) руководимые А. И. Гучковымъ всю сессію продержали насъ націоналистовъ на уздѣ, «барышничая» голосами: они обѣщали насъ поддержать въ Холмскомъ вопросѣ, но за это требовали, чтобы мы ихъ поддерживали всякій разъ, когда наши голоса имъ понадобятся. Къ сожалѣнію, и у «правыхъ» я не находилъ большой поддержки: они были недовольны моимъ переходомъ къ «націоналистамъ» и къ Холмскому вопросу относились равнодушно. Сказывался и сословный эгоизмъ. «Польскій панъ намъ ближе, чѣмъ русскій крестьянинъ»... этотъ взглядъ, — одни прикровенно, другіе открыто, — раздѣляли многіе монархисты.

Очень скоро я убидалъ, что за свое дѣло мнѣ надо ратовать не только въ Думѣ, но и внѣ стѣнъ ея; что надо сдѣлать популярной въ петербургскомъ обществѣ самую идею Холмской административной самостоятельности, знакомить съ Холмщиной, съ ея историческими судьбами, здоровыми ея стремленіями къ національному освобожденію. Я сталъ выступать съ докладами въ клубахъ (такъ, напримѣръ, въ клубѣ «17-го октября», — «октябристовъ»), въ общественныхъ собраніяхъ, въ великосвѣтскихъ «салонахъ»... Я даже ѣздилъ въ Москву, гдѣ читалъ о Холмщинѣ въ огромной аудиторіи въ Епархіальномъ Домѣ. Эта внѣдумская моя дѣятельность нѣсколько сблизила меня съ петербургскимъ свѣтскимъ обществомъ. О моихъ встрѣчахъ и знакомствахъ я тутъ и разскажу.

Не могу сказать, чтобы я въ петебургскій свѣтскій кругъ вошелъ. Меня, провинціальнаго «мужицкаго архіерея», къ знати не тянуло, но съ двумя-тремя домами я все же познакомился. Въ свѣтскомъ Петербургѣ въ тѣ годы встрѣчались семьи живо интересовавшіяся церковными дѣлами и религіозными вопросами, онѣ принимали представителей высшаго духовенства, устраивали обѣды, пріемы съ докладами, съ собесѣдованіями на темы религіозныя и церковныя; образовалось два-три «салона», въ которыхъ случалось бывать и мнѣ.

Ближе всѣхъ мнѣ была семья бывшаго старосты Казанскаго собора графа Николая Федоровича Гейденъ (сына финляндскаго гене-

ралъ-губернатора) и его жены Евгеніи Петровны, рожденной кн. Кропоткиной. Гр. Н. Ф. Гейденъ былъ смиренный, добрый человѣкъ, глубоко набожный, чуть съ оттѣнкомъ юродства; онъ ревновалъ о религіозномъ просвѣщеніи (издавалъ религіозно-просвѣтительныя брошюры), любилъ архіерейскія службы и паломничества по монастырямъ; посѣтилъ и наши Холмскія обители; въ Крыму онъ подарилъ свой большой участокъ земли подъ женскій монастырь. У Гейденъ было много пріятелей архіереевъ, которыхъ они очень часто приглашали на обѣды. Въ числѣ гостей бывали: петербургскій митрополитъ Антоній, члены Государственнаго Совѣта архіеп. Николай Варшавскій, архіеп. Флавіанъ Кіевскій, архіеп. Арсеній Новгородскій, а также архіеп. Антоній Волынскій, еп. Анастасій — ректоръ Петербургской Духовной Академіи, еп. Антонинъ, бывалъ Саблеръ и др. Я часто прямо изъ Думы ѣздилъ къ Гейденъ обѣдать, и графиня совѣтовалась со мной, кого изъ архіереевъ съ кѣмъ посадить, дабы избѣжать какого-нибудь непріятнаго сосѣдства... Послѣ обѣда бывалъ «чай», на который съѣзжались гости — представители петербургской аристократіи, а также лица изъ интеллигенціи, причастныя къ кругу интересовъ этого «салона». Начинались бесѣды на религіозныя темы. Тутъ я встрѣтилъ Евгенія Ивановича Погожева, молодого литератора писавшаго подъ псевдонимомъ «Поселянинъ». Послѣдователь и почитатель Константина Леонтьева, онъ собиралъ по всей Россіи біографическія данныя о русскихъ неканонизированныхъ православныхъ подвижникахъ и просто высокоблагочестивыхъ русскихъ людяхъ; сотрудничалъ онъ также и въ церковныхъ журналахъ. У Гейденъ онъ иногда читалъ отрывки изъ своихъ произведеній. — Встрѣтился я тамъ и съ приватъ-доцентомъ петербургскаго университета, юристомъ и литераторомъ Борисомъ Никольскимъ (его впослѣдствіи разстрѣляли большевики). — Познакомился съ прот. Вѣтвиницкимъ, настоятелемъ церкви при Управленіи Удѣлами. Эта домовая церковь посѣщалась аристократіей; для молящихся было много удобныхъ креселъ, чудно пѣлъ извѣстный хоръ композитора Архангельскаго, а службы были такъ коротки, что давали поводъ архіепископу Антонію Волынскому къ насмѣшливымъ замѣчаніямъ: «Кажется у васъ бываетъ нѣчто вродѣ всенощной?» или: «И обѣдня у васъ такая же краткая? А преосуществленіе Св. Даровъ у васъ бываетъ?»

Гр. Гейденъ погибъ при большевикахъ. Его долго томили въ тюрьмѣ, потомъ выпустили на поруки его дворника-татарина. Въ дворницкой онъ и умеръ. Графиня Евгенія Петровна Гейденъ скрывалась сначала въ Крыму, гдѣ на ея глазахъ разстрѣляли 16-лѣтняго сына, кадета. Потомъ она перебралась въ Тверь, гдѣ жила въ дружбѣ со старикомъ Саблеромъ, и наконецъ была выпущена за-границу вмѣстѣ со своей старшей дочерью М. Н. Бобринской и ея дѣтьми.

Здѣсь она сначала жила въ Берлинѣ, потомъ въ Парижѣ, гдѣ работала въ Церковномъ Сестричествѣ и умерла монахиней.

Черезъ Гейденъ я познакомился съ родственной имъ семьей гр. Шереметевыхъ. Гр. Александръ Дмитріевичъ Шереметевъ, композиторъ, директоръ Императорской Пѣвческой Капеллы, жилъ въ своемъ роскошномъ дворцѣ на Фонтанкѣ и имѣлъ свою церковь. Какъ-то разъ я тамъ служилъ. Нѣкоторыя пѣснопѣнія исполнялись хоромъ въ сочетаніи съ инструментальной музыкой: на правомъ клиросѣ за драпировкой стояла фисгармонія и аккомпаніаторъ подъ сурдинку сопровождалъ пѣніе хора. Это сочетаніе инструментальной музыки съ пѣніемъ звучало весьма недурно.

Былъ еще «салонъ» гр. Игнатьевой. Тутъ тоже еженедѣльно устраивались вечера съ докладами и тоже велись бесѣды на религіозныя темы. Руководилъ бесѣдами обычно преосвященный Серафимъ (Чичаговъ), который первый поднялъ вопросъ объ оживленіи прихода; бывали и еп. Никонъ Вологодскій членъ Государственного Совѣта, епископъ Саратовскій Гермогенъ и другіе... Эти вечера собирали общество «крайне праваго» направленія, подвергали критикѣ дѣятельность оберъ-прокуроровъ, іерарховъ и вообще обсуждалась современная церковная политика.

Я побывалъ въ семьѣ гр. Игнатьевой нѣсколько разъ съ цѣлью популяризаціи Холмскаго вопроса, прочелъ тамъ докладъ о Холмщинѣ.

Знакомился я съ свѣтскимъ обществомъ, такъ сказать, изучалъ его и въ домѣ генерала Евгенія Васильевича Богдановича. Это не былъ «салонъ» въ принятомъ смыслѣ этого слова, но у него чуть не ежедневно устраивались общественные или политическіе завтраки или обѣды. На этихъ завтракахъ, всегда довольно многолюдныхъ и оживленныхъ, можно было встрѣтить людей самыхъ разнообразныхъ положеній: министры, губернаторы, военные, члены Государственной Думы, общественные дѣятели, писатели, журналисты, великосвѣтскія дамы и т. д. — все это сходилось за гостепріимнымъ столомъ этого полуслѣпого старца, который всегда былъ центромъ, или, какъ говорятъ, «душою общества». Онъ очень любилъ меня и часто присылалъ за мной свою маленькую карету въ одну лошадь, а мнѣ было интересно встрѣтить и повидать чѣмъ либо выдающихся людей. За этими завтраками обсуждались всякія «злобы дня», самые разнообразные вопросы (а иногда сплетни), волновавшіе въ данный моментъ общественное мнѣніе. Опредѣленнаго направленія въ обсужденіи этихъ вопросовъ не чувствовалось,

— былъ нѣкоторый сумбуръ, тѣмъ болѣе, что собесѣдники принадлежали не только къ разнымъ слоямъ общества, но и къ разнымъ теченіямъ общественно-политической мысли. Конечно, общій тонъ бесѣды былъ правый, строго монархическій, однако, нерѣдко правые дѣятели подвергались суровой критикѣ, а болѣе либеральные одобрялись.

Однажды, послѣ разсказовъ пріѣзжаго изъ провинціи губернатора (кажется рязанскаго, князя О.) о вредномъ вліяніи толковъ о Распутинѣ въ войскахъ и народѣ, меня подбили написать письмо объ этомъ Государю, съ обѣщаніемъ доставить по назначенію черезъ вѣрныя руки. Я написалъ довольно горячее письмо; конечно, оно не имѣло никакихъ послѣдствій, не знаю даже было ли оно доложено Государю, скорѣе думаю, что нѣтъ...

У Богдановича, м. б. по его слѣпотѣ, не знакомили гостей другъ съ другомъ, отчего они иногда попадали въ неловкое положеніе. Такъ, извѣстный депутатъ В. М. Пуришкевичъ, критикуя за завтракомъ порядокъ въ Государственной Думѣ, говоритъ: «Нашъ-то предсѣдатель (Н. А. Хомяковъ) взялъ себѣ личнымъ секретаремъ **жида** Рафаловича», не подозрѣвая, что этотъ Рафаловичъ сидитъ тутъ же за столомъ противъ него. Тогда Богдановичъ поднимается и громко говоритъ: «Владиміръ Митрофановичъ, позвольте вамъ представить моего племянника Рафаловича»... (хотя, конечно, послѣдній ни въ какомъ родствѣ съ нимъ не состоялъ). Общее смущеніе.... Однако Пуришкевичъ былъ не изъ тѣхъ, кого можно было чѣмъ либо смутить: онъ что-то пробормоталъ въ извиненіе, а потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ свой разговоръ.

Въ другой разъ по этой же причинѣ смущеніе выпало на мою долю. По случаю кончины протопресвитера военнаго и морского духовенства А. А. Желобовскаго, заспорили о томъ, кто будетъ его преемникомъ. Присутствовавшія за завтракомъ дамы въ шутливомъ тонѣ заговорили о томъ, что, если-бы отъ нихъ зависѣло, онѣ упросили бы Военнаго Министра, чтобы протопресвитеромъ назначили хозяина Е. В. Богдановича, ибо его какъ старѣйшаго изъ моряковъ можно назвать (и даже какою-то газетой онъ названъ) «духовнымъ отцомъ» нашего флота. Я, поддерживая шутливый тонъ разговора, говорю: «Ну, если бы дамы обратились съ петиціей къ Военному Министру (Сухомлинову), то онѣ умѣли бы несомнѣнный успѣхъ, потому что онъ знаетъ толкъ въ женщинахъ, какъ это показалъ недавній его бракоразводный процессъ», (прибавлю отъ себя — довольно скандальный). Тогда Богдановичъ говоритъ мнѣ: «Владыка, позвольте васъ познакомить съ мадамъ Сухомлиновой», — она сидѣла тутъ же, рядомъ съ хозяиномъ... Я страшно сконфузился и просилъ у нея извиненія за свою нескромную болтливость.

«Ничего, — отвѣтила она, — вѣдь вы въ сущности сказали мнѣ большой комплиментъ...».

Не знаю, пользовался ли вліяніемъ генералъ Богдановичъ въ высшихъ сферахъ и особенно у Государя (кажется, тамъ его поддерживалъ извѣстный публицистъ кн. Мещерскій), но въ правительственныхъ кругахъ и въ обществѣ отношеніе къ нему было скорѣе отрицательное. «Не слѣдуетъ вамъ манифестировать свое близкое знакомство съ ген. Богдановичемъ частыми посѣщеніями его квартиры», говорилъ мнѣ не разъ одинъ изъ видныхъ членовъ правительства. Но мнѣ было неловко обижать его гостепріимство и его добрѣйшей супруги Александры Викторовны, на долю которой выпадала трудная задача быть нянькой своего слѣпого мужа и одновременно вести такое обширное хозяйство, когда ежедневно за столомъ сидѣли десятки гостей, самыхъ разнообразныхъ и часто очень интересныхъ.

Въ «салонѣ» гг. Шварцъ на Знаменской ул. собирались не только для докладовъ на религіозныя темы, но затрагивали и философскія проблемы, а также обсуждали вопросъ о соединеніи христіанскихъ церквей. Я тоже тамъ бывалъ и даже выступалъ на докладахъ по вопросу о сближеніи Англиканской Церкви съ Православной. Этотъ вопросъ интересовалъ нѣкоторые круги не только церковные, но и свѣтскіе. Было организовано даже особое «Общество»; я состоялъ его дѣятельнымъ членомъ и иногда предсѣдательствовалъ на его собраніяхъ. Мы однажды, кажется, въ 1912 году встрѣчали группу англиканскихъ епископовъ, пріѣхавшихъ знакомиться съ русскою Церковью, показывали имъ петербургскіе соборы, наше богослуженіе, устраивали бесѣды, духовные концерты. Пріѣзжалъ также со своими докладами еп. Трура Фриръ, знающій русскій языкъ и донынѣ здравствующій нашъ другъ, а также монахъ Пуллеръ изъ Оксфорда, очень милый старецъ, любящій русскую церковь, мой большой пріятель (тоже здравствуетъ и теперь).

Бывалъ я еще у баронессы В. И. Икскуль. Она была великосвѣтская дама, живо интересовавшаяся всѣмъ: литературой, искусствомъ, политикой, церковными дѣлами.... Принимала она у себя самыхъ разнообразныхъ лицъ. У нея бывали и великія князья, и министры, и партійные соціалисты, Распутинъ и толстовцы, декаденты и сотрудники «Русскаго Богатства»... Ко мнѣ она относилась очень хорошо. Не разъ она выражала желаніе, чтобы я познакомился съ Распутинымъ, но я категорически отказывался. Она отзывалась о немъ безъ восхищенія, а просто, какъ о диковинкѣ, которая ее забавляла. «Онъ внѣ условностей... Мы, здороваясь и прощаясь, — цѣлуемся...» и добавляла съ наивностью: «въ деревняхъ вѣдь всѣ цѣлуются...».

Жила она въ прекрасной квартирѣ на Кирочной ул. Въ одной изъ комнатъ, въ углу, вмѣсто иконы, висѣлъ портретъ Толстого, а подъ нимъ было прикрѣплено чучело огромной совы. Эта обстановка страшно смущала и даже пугала м. Елену игуменью Красностокскаго монастыря, она ощущала присутствіе нечистой силы, и начинала творить «Іисусову молитву».

В. И. умерла въ эмиграціи, въ Парижѣ. Передъ смертью она исповѣдалась и причастилась. Я ее напутствовалъ.

Таковы были мои свѣтскія знакомства. Долженъ сказать, что, за немногими исключеніями, пышно-пустая петербургская аристократія была средоточіемъ всевозможныхъ политическихъ, церковныхъ и карьерныхъ интригъ. Нѣкоторые представители высшаго духовенства къ ней тянулись. Въ сторонѣ стоялъ петербургскій митрополитъ Антоній. Онъ цѣломудренно и скромно шелъ своимъ путемъ, не впутываясь въ сѣть карьерныхъ домогательствъ, козней и интригъ. А вся атмосфера была ими насыщена. Особый духъ петербургскаго высшаго общества отмѣтилъ еще въ свое время кіевскій митрополитъ Платонъ.

Когда онъ угасалъ въ тяжкой болѣзни, ему позвонилъ кто-то изъ архіереевъ по телефону, справляясь о его здоровьѣ. Онъ отвѣтилъ: «Плохо мнѣ, Владыка, плохо... Можетъ быть, черезъ нѣсколько дней вы кому-нибудь скажете: владыка умеръ... А знаете, что услышите въ отвѣтъ? — А кого назначаютъ на его мѣсто?»

Кстати упомяну, что митрополиту Платону принадлежатъ слова, которыя сохранили жизненную силу до нашихъ дней: «Перегородки, которыя настроили люди въ церкви, не доходятъ до неба...» Произнесены они были при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Владыка Платонъ въ гор. Коростышевѣ, Кіевской губ., проѣзжая мимо костела, вдругъ замѣтилъ нѣчто необычайное: звонъ колоколовъ... и ксендзъ на порогѣ стоитъ съ крестомъ въ рукѣ. Онъ вышелъ изъ экипажа, вошелъ въ костелъ, помолился и сказалъ ксендзу, что радъ его привѣтствію и произнесъ вышеприведенныя памятныя слова. Это проявленіе братскаго христіанскаго единенія повлекло непріятность для обоихъ: и католическое и православное духовное начальство было этой встрѣчей недовольно...

Случалось мнѣ бывать и въ «Русскомъ Собраніи» на Колокольной ул. Здѣсь въ прекрасномъ залѣ собирались «правые» разныхъ направленій и читались разнообразные доклады. Предсѣдательствовалъ литераторъ Голицынъ-Муравлинъ (онъ умеръ въ эмиграціи, въ Венгріи). Помню, одно засѣданіе кончилось скандаломъ. Читалъ докладъ Б. Никольскій и коснулся въ немъ «темныхъ денегъ», наме-

кая на правительственную субсидію газетѣ «Земщина». Среди слушателей въ первомъ ряду сидѣлъ Марковъ II-ой. «Ложь! Ложь! Неправда!» громовымъ голосомъ прервалъ онъ докладчика. Никольскій вспылилъ, подбѣжалъ къ нему — и далъ пощечину. Марковъ, по сложенію богатырь, схватилъ щуплаго Никольскаго, и тотъ затрепеталъ, какъ рыба, въ его рукахъ. Въ залѣ поднялся гвалтъ... Всѣ бросились разнимать враговъ. Бывшая начальница могилевской гимназіи, госпожа Б. выхватила шляпную булавку и, повидимому, больно уколола Маркова...Онъ выпустилъ свою жертву изъ рукъ, но тутъ же схватилъ начальницу. Теперь уже не Никольскій, а она трепетала въ его рукахъ, онъ гремѣлъ на весь залъ: «Чья это жена? Чья жена?»... Я присутствовалъ на засѣданіи вмѣстѣ съ митрополитомъ Флавіаномъ. Мы надѣли клобуки — и поспѣшили исчезнуть... Скандалъ грозилъ обратиться въ общую свалку и получить непріятную огласку.

Вспоминая мои петербургскія знакомства, не могу не упомянуть и о двукратной моей встрѣчѣ съ о. Іоанномъ Кронштадтскимъ.

Имя о. Іоанна, великаго молитвенника и пастыря, громкое и славное, почиталось по всей Россіи.

И неудивительно, что у нѣкоторыхъ депутатовъ явилось горячее желаніе посѣтить этого великаго пастыря въ Кронштадтѣ, помолиться, побесѣдовать съ нимъ, а кстати и посмотрѣть нѣкоторыя суда нашего военнаго Балтійскаго флота; послѣднее особенно интересовало крестьянъ и членовъ комиссіи Государственной Обороны.

Въ 1908 году насъ поѣхало въ Кронштадтъ человѣкъ 30. О. Іоаннъ, хотя уже и физически слабѣлъ, но духомъ былъ бодръ и продолжалъ свою неутомимую, кипучую пастырскую работу. Онъ принялъ насъ очень ласково, долго съ нами бесѣдовалъ, предложилъ мнѣ какъ епископу совершить позднюю Божественную Литургію въ Андреевскомъ соборѣ, а самъ служилъ, вмѣстѣ съ депутатами священниками, раннюю — въ одномъ изъ придѣловъ. Я присутствовалъ и на этой ранней Литургіи и тутъ имѣлъ случай наблюдать необычайный характеръ этого особеннаго, только ему одному свойственнаго, священнодѣйствія: безконечно долгую проскомидію съ тысячами именъ, которыя онъ повторялъ, то совсѣмъ тихо, неслышно, то вдругъ усиливая голосъ, почти громко выкрикивая; море головъ, тѣснившихся къ алтарю; благоговѣйныя слезы умиленія приступающихъ къ Св. Чашѣ... и слышать горячую его проповѣдь, которую онъ говорилъ,снявши ризу,въ одномъ подрясникѣ. Чудилась евангельская картина, когда народъ окружалъ и тѣснилъ Божественнаго Добраго Пастыря — Господа Спасителя нашего...

Послѣ Литургіи и завтрака мы осматривали два броненосныхъ крейсера — «Богатырь» и «Цесаревичъ». Не понимая технической

стороны дѣла, я любовался ихъ внѣшнею красотою: такіе это были морскіе красавцы-великаны, воистину богатыри!

Во второй разъ я посѣтилъ о. Іоанна (также вмѣстѣ съ членами Думы) лѣтомъ въ годъ его кончины, когда онъ, уже сломленный болѣзнью, немощный старецъ, принималъ насъ въ своей скромной квартирѣ; мы видѣли, какъ трудно было ему съ нами бесѣдовать, какъ наше присутствіе утомляло его, и поспѣшили скорѣе уйти, щадя его явно угасавшія силы.

Вскорѣ, а именно 20 декабря 1910 года, о. Іоаннъ скончался и былъ похороненъ въ основанномъ имъ монастырѣ въ Петербургѣ, на Карповкѣ. Его мраморная гробница, вся утопавшая въ лиліяхъ, сирени, въ розовыхъ и голубыхъ гортензіяхъ... помѣщалась въ маленькой нижней церкви, полной благоуханія свѣжихъ цвѣтовъ, гдѣ я не одинъ разъ имѣлъ великое утѣшеніе священнодѣйствовать.

Настоятельницей монастыря была добрая, но не глубокая м. Ангелина, любившая наряжаться въ шелковыя рясы. Въ міру она была скромной купчихой. Она любила приглашать пріѣзжихъ архіереевъ на богослуженіе и угощать гостей чудесными рыбами, кулебяками... Въ числѣ ихъ — и меня тоже.

Одно время въ монастырь повадился Распутинъ, котораго однако, къ удовольствію самой игуменьи, послушницы скоро отвадили. Стоитъ Распутинъ, — пройдетъ одна изъ послушницъ, взглянетъ на него, и говоритъ вслухъ, точно сама съ собой разсуждаетъ: «Нѣтъ, на святого совсѣмъ не похожъ...». А потомъ другая, третья, — и всѣ, заранѣе сговорившись, то же мнѣніе высказываютъ. Распутинъ больше и не показывался.

Тягостнымъ явленіемъ, съ монастыремъ связаннымъ, были «іоаннитки» — фанатическія почитательницы о. Іоанна. Возникла эта секта въ Кронштадтѣ, въ Домѣ Трудолюбія, а оттуда стала перебираться на Карповку. О. Іоаннъ безпощадно ихъ отъ себя гналъ, а онѣ рвались къ нему изъ толпы и кричали: «Ты Христосъ! Ты Сынъ Божій!...». Въ своемъ дикомъ фанатизмѣ «іоаннитки» дошли до кощунства: онѣ имѣли чашу съ изображеніемъ о. Іоанна, вмѣсто Христа, и творили всякія непотребства. Еще при жизни о. Іоанна секта стала распространяться по Россіи. Даже къ намъ въ далекую Холмскую деревню ее занесли солдаты. Это обнаружилось, когда кто-то изъ нихъ сказалъ священнику: «У насъ есть новый Христосъ, намъ попы не нужны»... Мнѣ пришлось послать къ о. Іоанну священника; онъ вернулся изъ Кронштадта съ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ о. Іоаннъ со всею суровостью обличалъ этихъ изувѣровъ.

Мои усилія ознакомить общество съ Холмщиной и привлечь его

вниманіе къ судьбѣ Холмскаго народа не оказались тщетными: о Холмщинѣ заговорили въ прессѣ и въ общественныхъ кругахъ. Это было мнѣ нужно, потому что обсужденіе законопроекта въ комиссіи безнадежно затягивалось, и Холмскій вопросъ могъ превратиться въ одинъ изъ тѣхъ надоѣвшихъ своей неразрѣшимостью вопросовъ, которые въ концѣ концовъ хоронятъ, пользуясь какимъ-нибудь формальнымъ предлогомъ.

Мнѣ хотѣлось оживить интересъ къ нему нѣкоторыхъ членовъ Думы, и я рѣшилъ весною пригласить къ себѣ въ гости, въ Холмщину, нѣсколько депутатовъ. «Посмотрите мой народъ, можетъ быть, вы тогда и меня поймете»... говорилъ я. На мое приглашеніе отозвалось человѣкъ 10-15: Н. Н. Львовъ, гр. Бобринскій, Чихачевъ, Е. П. Ковалевскій, Гижицкій, и др.; ихъ сопровождали два корреспондента: одинъ отъ «Рѣчи» (Кондурушкинъ), другой отъ «Новаго Времени».

Сначала я повезъ ихъ на Троицу въ Лѣснинскій монастырь. Праздникъ привлекъ въ обитель, какъ всегда, тысячи богомольцевъ и произвелъ на моихъ гостей сильное впечатлѣніе. Здѣсь они впервые познакомились съ духовнымъ обликомъ Холмскаго народа и были очарованы красотой его души. Отсюда я направился съ ними въ Холмъ, гдѣ наше Братство устроило имъ торжественный пріемъ, а потомъ повезъ ихъ по деревнямъ, заранѣе предупредивъ священниковъ о нашемъ пріѣздѣ. Повсюду въ русскихъ селахъ насъ торжественно встрѣчали. Депутаты воочію убѣдились, что коренное русское населеніе въ Холмщинѣ есть; что здѣсь у него идетъ вѣковая жестокая борьба за свою вѣру и народность; что мои хлопоты имѣютъ серьезное, реальное основаніе. Во избѣжаніе упрека въ пристрастности, депутаты заѣзжали и къ польскимъ помѣщикамъ. Такъ, напримѣръ, побывали въ сосѣдней съ Лѣснинскимъ монастыремъ усадьбѣ Дымши, который пригласилъ къ себѣ въ тотъ день нѣсколько польскихъ своихъ сосѣдей; конечно, тамъ всячески дискредитировали мою дѣятельность.

Поѣздка депутатовъ въ Холмщину принесла двоякую пользу: Холмское населеніе пріободрилось, почувствовало, что въ Государств. Думѣ о немъ помнятъ, а я пріобрѣлъ друзей законопроекта, къ которымъ отнынѣ могъ аппелировать, когда поляки обвиняли меня въ желаніи «четвертовать» Польшу.

Другую поѣздку — въ Варшаву — организовалъ депутатъ отъ русскаго варшавскаго населенія Алексѣевъ (учитель гимназіи), завзятый руссакъ. Цѣль его была та же — ознакомить депутатовъ съ жизнью русскихъ въ Польшѣ, въ данномъ случаѣ въ бывшей польской столицѣ.

Я участвовалъ въ этой поѣздкѣ и говорилъ на одномъ польскомъ

собраніи рѣчь, въ которой доказывалъ, что справедливое урегулированіе русско-польскихъ отношеній на Бугѣ (т. е. въ Холмщинѣ) благотворно отзовется и на Вислѣ. (т. е. въ Варшавѣ).

Борьба въ комиссіи, однако, продолжалась. Депутатъ Дымша издалъ брошюру на русскомъ языкѣ — сборникъ «заявленій съ мѣстъ» русскихъ крестьянъ. Составители сборника хотѣли доказать, что русскіе крестьяне, яко-бы, не желаютъ выдѣляться изъ предѣловъ Польши, и что съ ними солидарны нѣкоторые священники, братчики, даже приходы... Подложность писемъ была очевидна. Писали ихъ, повидимому, управляющіе польскихъ помѣщиковъ: фамиліи священниковъ не совпадали съ названіями деревень и т. д. Я сказалъ Дымшѣ прямо: «Вы орудуете съ фальшивыми документами». Онъ оскорбился и съ раздраженіемъ просилъ призвать меня къ порядку. «Здѣсь (въ комиссіи) представитель Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, пусть онъ обслѣдуетъ этотъ вопросъ. Но я утверждаю: въ письмахъ представлены совершенно невѣрныя данныя», — настаивалъ я.

Чѣмъ закончится борьба за Холмщину, предвидѣть было трудно — и поляки прибѣгли къ развѣдкѣ: дабы предварительно выяснить, какъ расположатся голоса въ думскомъ пленумѣ, когда будетъ обсуждаться этотъ вопросъ, столь для нихъ болѣзненный, — они внесли запросъ, типа «незакономѣрныя дѣйствія правительства». Запросъ касался мелкаго частнаго дѣла — о костелѣ въ Ополѣ, который въ 1863 г. во время польскаго возстанія былъ закрытъ (въ немъ обнаружили складъ оружія) и потомъ переданъ православнымъ. Въ 1905 г., въ разгаръ революціоннаго движенія, поляки пытались его вернуть силою; православное населеніе его не отдавало — произошла свалка. Власти возстановили законное владѣніе костеломъ православными.

Я подготовился къ выступленію, сказалъ горячую рѣчь въ защиту русскихъ правъ на костелъ и въ подтвержденіе своихъ словъ показалъ имѣвшуюся у меня медаль; ее выбили «самостійники» въ 1905 г.; на ней былъ изображенъ русскій солдатъ, поверженный польскимъ легіонеромъ, и была надпись: «За свободу и самостоятельность Польши». Дума отклонила запросъ небольшимъ числомъ голосовъ, но все же побѣда осталась за мною.

Во время дебатовъ у меня произошло непріятное столкновеніе съ Родичевымъ (к-д.). Въ своей рѣчи онъ напалъ на меня и сказалъ, что я «ставленникъ жандармовъ и полиціи». Меня взорвала эта выходка, и я потребовалъ, чтобы онъ подтвердилъ обвиненіе документальными данными, въ противномъ случаѣ я оставлялъ за собою право сказать ему, что онъ допустилъ ложь и клевету... Родичевъ молчалъ. Послѣ засѣданія я спросилъ его: «Что вы говорите, Федоръ

Измайловичъ?» — «Борьба такъ борьба...» отвѣтилъ онъ: «вы мнѣ сдачи дали, мы «квиты»...

Въ русско-польскихъ отношеніяхъ «кадеты» играли двойственную роль. Они зло нападали на правительство, обвиняя въ притѣсненіи поляковъ, и одновременно, не считаясь со справедливостью и пренебрегая фактами, не хотѣли признать, какія интриги, а иногда и организованное насиліе, вели поляки по отношенію къ русскимъ. Это лицемѣріе меня возмущало. Какъ-то разъ я съ трибуны ихъ обличилъ и закончилъ свою рѣчь нѣсколько рѣзкой репликой. «Стыдно, вамъ, господа!» сказалъ я. «Правая» Думы мнѣ аплодировала. Предсѣдательствующій въ тотъ день бар. Мейендорфъ за послѣднія слова сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе. Я смолчалъ, но за меня горячо заступились, и по адресу Предсѣдателя поднялись возмущенные крики. Я надѣлъ клобукъ, — и уѣхалъ домой. Къ вечеру пришла ко мнѣ депутація съ выраженіемъ, въ письменной формѣ, сочувствія и протеста противъ дѣйствій Предсѣдателя. Я, конечно, не придалъ никакого значенія этому инциденту, но все же въ отношеніи къ бар. Мейендорфу нѣкоторое время чувствовалась неловкость. Супруга барона прислала мнѣ письмо. «Мужъ относится къ вамъ съ глубокимъ уваженіемъ... онъ исполнялъ свой долгъ... онъ не думалъ... не хотѣлъ и т. д.», писала она.

Холмскій законопроектъ волочился въ комиссіи безъ малаго 3 года (1908-1911). Меня это удручало. Всякій разъ, когда пріѣзжалъ на каникулы въ Холмъ, я чувствовалъ, — всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ отъ меня доброй вѣсти, а я въ отвѣтъ на разспросы и недоумѣніе все говорю: «Подождите... потерпите....».

Въ 1911 году, весной, передъ каникулами, я побывалъ у П. А. Столыпина. Онъ былъ на моей сторонѣ, а мнѣ, благодаря его ясному національному сознанію, говорить съ нимъ было легко. Столыпинъ обѣщалъ взять осенью судьбу законопроекта въ свои руки. Это меня обнадежило. Но скоро надежда моя рухнула: 5-го сентября Столыпина убили въ Кіевѣ...

Я ѣздилъ во главѣ Холмской депутаціи на погребеніе. Мы возложили отъ Холмщины вѣнокъ въ видѣ креста, и я произнесъ надгробное слово. Помню нѣкоторыя его фразы: «Сермяжная крестьянская Холмская Русь послала меня поклониться твоей измученной душѣ, твоему израненному тѣлу.... Итакъ, врагамъ Россіи недостаточно было крови дѣтей твоихъ, — имъ нужна была твоя кровь, твоя жизнь... Кровь — сѣмя жизни, она цементъ, который скрѣпляетъ. И твоя кровь послужитъ возрожденію Россіи, скрѣпленію ея національныхъ силъ»...

Государь на погребеніи не былъ, — только наканунѣ похоронъ

поклонился праху. Вдова О. Б. Столыпина сказала Государю: «Не перевелись на Руси Сусанины...». Къ сожалѣнію, къ моменту этой трагической смерти популярность Столыпина при дворѣ уже стала меркнуть. Въ высшемъ свѣтѣ завидовали большой его популярности, язвительно называя его Петромъ IV-мъ.

Для насъ, націоналистовъ, утрата Столыпина была потерей тяжкой. Онъ долго жилъ въ Западномъ краѣ, и это обострило его чуткость къ національнымъ вопросамъ, поэтому мнѣ было такъ легко излагать передъ нимъ нашу Холмскую проблему, и по темпераменту онъ былъ живой русскій человѣкъ.

Новый Предсѣдатель Совѣта Министровъ В. Н. Коковцевъ къ нашимъ Холмскимъ дѣламъ относился довольно безучастно. Еще при жизни Столыпина я имѣлъ случай въ этомъ убѣдиться, когда хлопоталъ о постройкѣ желѣзной дороги въ южной части Холмщины. Отсутствіе желѣзнодорожнаго пути обрекало эту область, — житницу края, — на экономическій застой. Вести зерно на ближайшую станцію за 80-90 верстъ, — не оправдывались расходы; сбывать на мѣстѣ — не было покупщиковъ; и крестьяне отдавали его чуть ли не даромъ евреямъ-скупщикамъ. Гр. Замойскій мечталъ о постройкѣ желѣзной дороги тоже, но хотѣлъ, чтобы ее провели черезъ всѣ его фольварки. Польскіе инженеры составили удобные для него проекты и почти заручились согласіемъ Министра Финансовъ. Въ это время я разговорился о дорогѣ съ нѣкоторыми капиталистами и членами Государственнаго Совѣта, и у насъ возникъ планъ концессіи, причемъ работы мы предполагали производить съ помощью мѣстныхъ рабочихъ. Столыпину планъ очень понравился. Я сунулся съ нашимъ проектомъ къ В. Н. Коковцеву, но онъ встрѣтилъ его холодно: «Мнѣ странно видѣть епископа хлопочущимъ о желѣзной дорогѣ, сказалъ онъ, ваши капиталы дутые. Нужна экспертиза. Къ тому же я наполовину связанъ обѣщаніемъ». — «Я ратую за русскіе національные интересы», — возразилъ я. Но Министръ отстаивалъ свою точку зрѣнія: желѣзная дорога — финансовое предпріятіе, а деньги не имѣютъ ни запаха, ни вкуса, ни національности... Я сослался на Столыпина, на его одобреніе нашего плана. — «Ахъ, этотъ Петръ Аркадьевичъ....» посѣтовалъ на него Коковцевъ.

Мнѣ надо было выяснить отношеніе къ проекту Военнаго Министра, и я отправился къ Сухомлинову. Онъ очень не любилъ Коковцева изъ-за разныхъ финансовыхъ разногласій въ ассигновкахъ на военное вѣдомство. Планъ постройки желѣзной дороги Сухомлиновъ встрѣтилъ благодушно и завѣрилъ меня, что съ его стороны никакихъ препятствій не будетъ. Къ сожалѣнію, его поддержкой воспользоваться не пришлось. Послѣ убійства Столыпина разговоры о концессіи замолкли до конца 3-ей Думы.

Холмскій законопроектъ попрежнему пребывалъ въ комиссіи безъ движенія. Коковцевъ въ моей бесѣдѣ съ нимъ о Холмщинѣ интереса къ ея судьбѣ не проявилъ. «Препятствовать не буду, но смысла не вижу, вопроса не знаю, защищать законопроектъ не буду, — поручу его кому-нибудь...» сказалъ онъ. А тутъ еще, на наше несчастье, Товарищъ Министра Крыжановскій, нашъ землякъ, доброжелатель и неутомимый помощникъ въ комиссіи и въ нѣдрахъ министерства, ушелъ изъ министерства и занялъ постъ Государственнаго Секретаря, не имѣющій прямого отношенія къ живой творческой законодательной работѣ. Со всѣхъ сторонъ были однѣ неудачи, — и я пріунылъ.

Коковцевъ поручилъ Товарищу Министра Внутреннихъ Дѣлъ Макарову представить Думѣ нашъ законопроектъ. Послѣ долгихъ томительныхъ усилій мнѣ удалось настоять, чтобы его внесли на обсужденіе общаго собранія. Вступительную рѣчь по поводу законопроекта сказалъ тоже Макаровъ. Онъ, конечно, мало былъ знакомъ съ этимъ вопросомъ, и въ его рѣчи ясно чувствовалась спѣшная, теоретическая, подготовка, но все же онъ добросовѣстно его изучилъ и не сдѣлалъ большихъ ошибокъ. Послѣ перваго обмѣна мнѣній снова началась прежняя волокита: то законопроектъ ставили на повѣстку дня, то снимали, то включали послѣднимъ, завѣдомо зная, что въ тотъ день очередь до него не дойдетъ. Наконецъ, былъ моментъ, когда просто рѣшили отъ него отдѣлаться и его похоронить.

Однажды у насъ, націоналистовъ, было собраніе въ нашемъ клубѣ: пріѣхали члены партіи изъ провинціи. Поляки, увидавъ, что насъ нѣтъ, сговорились съ «лѣвыми» и, въ спѣшномъ порядкѣ проголосовавъ рядъ мелкихъ законопроектовъ, рѣшили съ нашимъ законопроектомъ покончить. Шингаревъ (к.-д.) предложилъ снять его съ обсужденія и вообще стоялъ за его провалъ. Если бы дѣло дошло до голосованія, все было бы кончено. Но мы успѣли примчаться на извозчикахъ, и этому помѣшали. Было постановлено перейти къ его постатейному чтенію. До конца апрѣля продолжались томительныя, подчасъ бурныя, пренія при постатейномъ обсужденіи законопроекта; каждое положеніе приходилось брать съ бою. Наконецъ, 26-го апрѣля (1912 г.), нашъ проектъ былъ поставленъ на окончательное голосованіе въ пленумѣ. Интересъ къ Холмскому вопросу возросъ уже настолько, что залъ былъ переполненъ. Нашъ докладчикъ Чихачевъ (въ тотъ день нарядный и торжественный) посовѣтовалъ мнѣ взять передъ вотумомъ слово «по мотивамъ голосованія» и сказать краткую лирическую рѣчь, чтобы воздѣйствовать на чувство слушателей. И я сказалъ вкратцѣ слѣдующее:

«Изъ этого благороднаго собранія, изъ этого прекраснаго зала, моя мысль переносится туда, подъ соломенныя крыши бѣдныхъ Холм-

скихъ крестьянъ... Несладка была ихъ жизнь въ прошломъ... Нашъ законопроектъ — великій просвѣтъ въ ихъ темной жизни. Они терпѣливо — 5 лѣтъ! — ждутъ зари новой жизни, рѣшенія своей участи... Этотъ вотумъ для нихъ — рѣшеніе кардинальнаго вопроса: быть имъ или не быть? развиваться на національныхъ началахъ или быть подавленными польско-католической стихіей? Мнѣ хотѣлось бы, чтобы депутаты спросили свою совѣсть и подумали объ этой трагедіи Холмскаго народа»....

Послѣ меня взялъ слово польскій депутатъ Гарусевичъ. «Я тоже привлекаю вниманіе Думы. Это голосованіе — клинъ, который хотятъ вбить между русскими и поляками... Если вы примкнете къ законопроекту, — это крышка гроба! Поляки этого вамъ не простятъ!..»

Голосованіе.... Лѣвые, поляки, инородцы голосовали противъ; нѣкоторые лѣвые октябристы до вотума изъ зала исчезли; остальные октябристы въ подавляющемъ большинствѣ и вся правая сторона Думы голосовали за законопроектъ. Онъ прошелъ почти 50-60 голосами. Аплодисменты, привѣтствія... Всѣ меня поздравляютъ. А у меня чувство — гора съ плечъ свалилась...

Побѣда въ Думѣ не означала, что борьба окончена. Нужно было еще провести законопроектъ черезъ Государственный Совѣтъ, а тамъ я предвидѣлъ не мало подводныхъ камней. Я защищалъ интересы сѣренькаго крестьянина, неумѣвшаго отстаивать свое національное сознаніе. Польская аристократія имѣла родственныя и дружескія связи въ столичномъ обществѣ, въ его высшихъ сферахъ, — это тоже надо было учитывать. Я посѣтилъ нѣсколько членовъ Государственнаго Совѣта: проф. Богалѣя (лѣвый), лидера правыхъ — Дурново, Нейдгарта (центръ); разослалъ всѣмъ членамъ свои брошюры. Дурново обѣщалъ мнѣ поддержку — однако, горячаго сочувствія я у него не встрѣтилъ. «Я не могу назвать себя вашимъ сторонникомъ, сказалъ онъ, но вижу, что законопроектъ въ такой стадіи, когда его назадъ уже не повернуть....» Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Акимовъ тоже обѣщалъ нашъ законопроектъ поддержать, но посовѣтовалъ предварительно поговорить съ Витте. «Если его «по шерсти», то онъ поможетъ....», замѣтилъ онъ, намекая на чувствительность бывшаго министра въ вопросахъ самолюбія.

Наступилъ уже май. Къ концу весны Государственный Совѣтъ былъ всегда перегруженъ дѣлами, и я сталъ тревожиться, успѣетъ ли онъ разсмотрѣть нашъ законопроектъ до лѣтнихъ каникулъ.

По приглашенію архіеп. Варшавскаго Николая, къ 20-му мая я долженъ былъ прибыть въ Варшаву на освященіе новаго собора. Онъ былъ заложенъ еще архіепископомъ Флавіаномъ Варшавскимъ,

бывшимъ потомъ митроп. Кіевскимъ и строился на моихъ глазахъ. Вмѣстѣ со мной на освященіе поѣхали Митрополитъ Флавіанъ и Оберъ-Прокуроръ В. К. Саблеръ.

Передъ самымъ отъѣздомъ — телефонъ... Голосъ Саблера: «Доброе здоровье, ваше высокопреосвященство!» — Почему «высоко?» въ недоумѣніи спросилъ я. Тутъ выяснилось, что послѣ Холмской моей побѣды въ Думѣ я удостоенъ особаго Высочайшаго рескрипта съ возведеніемъ въ санъ архіепископа (въ санѣ епископа я пробылъ всего 9 лѣтъ). Подъ впечатлѣніемъ этой неожиданной вѣсти я изъ Петербурга и уѣхалъ.

Поѣздкѣ въ Варшаву я былъ радъ. Отдыхъ, хоть краткій, былъ мнѣ необходимъ, ужъ очень я за зиму усталъ и измучился.

На освященіи я встрѣтился со своими старыми «друзьями»: съ генералъ-губернаторомъ Скалономъ, съ правителемъ его канцеляріи Ячевскимъ, а также кое съ кѣмъ изъ мѣстной чиновной знати. Натянуто улыбаясь, они поздравляли меня съ успѣхомъ въ Думѣ, — явно «on faisait bonne mine au mauvais jeu»... На освященіи я служилъ въ золотомъ облаченіи, которое соборъ поднесъ мнѣ въ даръ. Послѣ богослуженія былъ обѣдъ у архіепископа, а на слѣдующій день у генералъ-губернатора. Архіепископъ Николай, оберегая меня, уговаривалъ быть осторожнымъ: «Ради Бога, не разъѣзжайте неосмотрительно по городу, какъ бы васъ поляки не подстрѣлили...»

Высокопреосвященный Николай былъ добрый человѣкъ, но очень самолюбивый, шумливый, неврастеникъ и крикунъ. Во время крестнаго хода онъ замѣтилъ, что воспитанники какого-то военнаго училища выстроились подъ начальствомъ воспитателя-офицера, и стоятъ въ шапкахъ (по правилу училища снимать шапокъ имъ и не надлежало). Владыка Николай разнесъ воспитателя и потребовалъ, чтобы шапки были сняты. Эта сцена разсмѣшила Саблера, потому что громовой голосъ владыки сливался съ громомъ надвинувшейся ко времени крестнаго хода грозы. «Пуще грома гремитъ святитель...», смѣясь, замѣтилъ Саблеръ.

Вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ я узналъ, что въ Государственномъ Совѣтѣ холмскій законопроектъ поставленъ на повѣстку.

Засѣданіе, рѣшавшее судьбу всего моего дѣла, открылось подъ предсѣдательствомъ Акимова. Это былъ грозный и громогласный Предсѣдатель, не стѣснявшійся останавливать ораторовъ, какова бы ни была степень ихъ заслуженности. «Ваше высокопревосходительство... ваше превосходительство», начиналъ онъ, и переходилъ къ строгому внушенію. Докладчикомъ по нашему дѣлу былъ членъ Государственнаго Совѣта, бывшій Товарищъ Министра А. С. Стишин-

скій. Отъ правительства въ защиту законопроекта выступилъ Министръ Макаровъ.

Дебаты выявили нашихъ сторонниковъ и противниковъ. «За» законопроектъ были: прот. Буткевичъ, проф. Богалѣй; «противъ» — Н. С. Таганцевъ, Максимъ Ковалевскій, все польское коло и вообще вся лѣвая сторона Совѣта. Представитель центра гр. Олсуфьевъ въ своей рѣчи былъ даже язвителенъ. Онъ подвергъ критикѣ зигзагообразныя границы Холмской губерніи и насмѣшливо отозвался объ ея очертаніяхъ: «Такъ подвыпившій крестьянинъ, «мыслети» выводитъ....» Онъ не учитывалъ нашего стремленія точно придерживаться 30% нормы русскаго населенія и уже въ зависимости отъ нея проводить границы, не считаясь съ тѣмъ, какія получатся очертанія на картѣ. Всякій разъ, когда онъ упоминалъ въ своей рѣчи мое имя, онъ говорилъ «епископъ, а теперь — архіепископъ Евлогій...», подчеркивая послѣднія два слова и тѣмъ самымъ намекая, что Холмскій законопроектъ, яко-бы, послужилъ мнѣ средствомъ для моей карьеры.

На засѣданіи присутствовали всѣ министры, но при голосованіи Коковцевъ и кто-то еще изъ министровъ исчезли... Законопроектъ прошелъ большимъ числомъ голосовъ. Борьба была окончена и завершилась полной побѣдой.

Я посѣтилъ Акимова и членовъ Государственнаго Совѣта, содѣйствовавшихъ нашему главному Холмскому дѣлу, и выразилъ имъ мою благодарность.

Пятилѣтній срокъ существованія 3-ей Государственной Думы былъ на исходѣ, основная задача моя была выполнена, — теперь я могъ ѣхать спокойно въ свою епархію. Однако, свое возвращеніе я немного отсрочилъ.

Передъ самымъ отъѣздомъ архіепископъ Сергій Финляндскій предложилъ мнѣ съѣздить на Валаамъ, на праздникъ валаамскихъ чудотворцевъ преподобныхъ Сергія и Германа. Съ нами собрался на праздникъ и Саблеръ. Дорогой, на пароходѣ, арх. Сергій спросилъ меня, не хочу ли я перейти изъ Холма въ другую болѣе спокойную и удобную епархію, и предложилъ мнѣ Симферопольскую каѳедру: частыя посѣщенія Крыма царской семьей, южный климатъ, прекрасная крымская природа..., по ихъ мнѣнію, это были несомнѣнныя преимущества Таврической епархіи. Я отказался: работа по проведенію закона въ жизнь только теперь и начнется; новый губернаторъ, новыя губернскія учрежденія, — всѣ эти основы новой жизни требовали моего присутствія въ Холмскомъ краѣ, какъ главнаго виновника этой реформы, да и психологически невозможно ос-

тавлять паству, когда съ ней уже сроднился... На этомъ нашъ разговоръ и кончился.

15-го іюня 3-ья Дума и Гос. Совѣтъ были распущены послѣ пятилѣтняго благополучнаго существованія, а 23-го іюня, вскорѣ послѣ моего возвращенія съ Валаама, въ день Владимірской Божіей Матери Холмскій законопроектъ былъ Высочайше утвержденъ. Трудно себѣ представить восторгъ и ликованіе народа, когда я вернулся въ Холмъ побѣдителемъ...

Архіепископъ Холмскій
(1912-1914)

ГЛАВА XIV

Въ Холмъ я вернулся въ серединѣ іюня (1912 г.). Населеніе встрѣтило меня въ единодушномъ радостномъ подъемѣ, со слезами благодарности, въ ликованіи о нашей Холмской національной свободѣ... Моя спаянность съ народомъ, которую осуществленіе общихъ чаяній лишь укрѣпило, обнаруживалась въ тѣхъ искреннихъ изъявленіяхъ народной любви и довѣрія ко мнѣ, которыя отнынѣ я постоянно чувствовалъ. Это были самые счастливые годы моей жизни...

Рѣшено было поблагодарить меня за думскіе труды, — и по всей Холмщинѣ была объявлена подписка на подношеніе мнѣ дара. Мнѣ поднесли драгоцѣннѣйшую панагію, древней патріаршей формы, сдѣланную по рисунку великаго князя Петра Николаевича; она была издѣліемъ знаменитой фирмы Оловянишникова (въ Москвѣ), славившейся воспроизведеніемъ, по старинным археологическимъ образцамъ, церковной утвари и прочихъ предметовъ церковнаго обихода: спеціальный художникъ-археологъ (Басковъ) руководилъ работами въ мастерскихъ Оловянишникова.

Съ своей стороны мнѣ хотѣлось чѣмъ-нибудь ознаменовать начало новой жизни Холмщины, — и я рѣшилъ строить въ Холмѣ храмъ во имя Владимірской иконы Божіей Матери (въ день ея прославленія нашъ законопроектъ получилъ Высочайшее утвержденіе). Наиболѣе подходящимъ мѣстомъ мнѣ казалось предмѣстье Холма — «Облонье»: тамъ когда-то была православная церковь, уніаты ее разрушили; остался одинъ крестъ, къ которому ежегодно съ крестнымъ ходомъ направлялись богомольцы. На объявленную мной подписку Холмщина отозвалась единодушно, и уже осенью состоялась закладка, а черезъ годъ храмъ былъ готовъ*).

Въ ту осень Холмскій праздникъ (8-го сентября) мы отпраздновали, какъ всенародный праздникъ новой Холмщины, — такъ онъ

*) Впослѣдствіи, когда Холмщина при большевикахъ была отъ Россіи отторгнута и присоединена къ Польшѣ, поляки этотъ храмъ взорвали.

былъ воспринятъ населеніемъ. Народу прибыло тысячи, воодушевленіе царило необычайное. Католики старались успѣху помѣшать — пустили въ ходъ листовки, предупреждая о холерѣ, которая, яко-бы, свирѣпствуетъ въ Холмѣ, о карантинѣ, о томъ, что въ городъ не пускаютъ и проч. Эти происки ни къ чему не привели, праздникъ мы отпраздновали свѣтло и радостно.

Начались выборы въ 4-ую Государственную Думу. Не было и рѣчи о какомъ-либо кандидатѣ кромѣ меня. Тутъ единодушіе было полное. Препятствіе явилось со стороны. Неожиданно пришла телеграмма Саблера — извѣщеніе о предстоящемъ его пріѣздѣ въ Холмъ. Я находился въ это время въ Яблочинскомъ монастырѣ. Саблеру дали знать, что я подъ Брестомъ, онъ измѣнилъ маршрутъ и прибылъ ко мнѣ въ монастырь. Въ сосѣднемъ посадѣ предстояло освященіе церкви, — и я пригласилъ Саблера на торжество. Онъ охотно согласился.

Помню, мы выѣхали раннимъ утромъ, въ ясный осенній день, на рѣзвыхъ монастырскихъ лошадкахъ. Дорогой Саблеръ заговорилъ о выборахъ: они идутъ успѣшно, по всѣмъ губерніямъ проходитъ много священниковъ, этимъ надо воспользоваться, хорошо бы въ Думѣ организовать особую фракцію духовенства... Тутъ онъ обратился ко мнѣ съ неожиданнымъ предложеніемъ:

— Вы столько лѣтъ въ Думѣ, вы знакомы съ политической работой... вотъ, если бы вы взяли на себя задачу организовать такую группу, чтобы духовенство въ Думѣ не шло вразбродъ У васъ будетъ 50-60 голосовъ. Это — сила! Въ пленумѣ съ нею можно рѣшать почти всѣ вопросы...

— Внѣшне это кажется правильнымъ, — отвѣтилъ я, — а внутренно — ошибка и страшный вредъ для Церкви.

Саблеръ моему отвѣту крайне удивился, и я, дабы разсѣять его недоумѣніе, изложилъ ему мой основной взглядъ на роль духовенства и Церкви въ жизни русскаго народа: Россія не знаетъ клерикализма и такое явленіе, какъ партія «національнаго католическаго центра», которая возникла на Западѣ, было бы нашему народу чуждо; наше смиренное сельское духовенство находится въ тѣсной органической, бытовой связи съ народомъ; спаянное съ нимъ единствомъ мысли, чувствованій и страданій, оно не можетъ идти въ Думу, разрывая эту глубокую жизненную связь; изолируя духовенство отъ народа мы сдѣлаемъ его одіознымъ, «попы налѣзли въ Думу», «попы преслѣдуютъ интересы своихъ кармановъ....» — вотъ, какъ воспримetъ народъ возникновеніе въ Думѣ фракціи духовенства.

— Вы такъ думаете? — спросилъ Саблеръ.

— Да, думаю и, простите, отказываюсь содѣйствовать вашему плану. Духовенство во всѣхъ партіяхъ должно работать по совѣ-

сти. Важнѣе, чтобы оно было вкраплено во всѣ политическія партіи и въ нихъ уже защищало церковные взгляды. Вліяніе его будетъ шире и моральный авторитетъ устойчивѣй.

Саблеръ началъ горячо спорить, но нашъ споръ ни къ чему не привелъ. Черезъ день онъ уѣхалъ.

Вскорѣ послѣ Холмскаго праздника я получилъ конфиденціальное письмо отъ архіепископа Сергія Финляндскаго. Онъ сообщалъ мнѣ, что Синодъ обсуждалъ мою кандидатуру въ 4-ую Думу и рѣшилъ мнѣ предложить—въ виду моей шестилѣтней оторванности отъ епархіи— кандидатуры моей на новыхъ выборахъ не выставлять, а заняться епархіальными дѣлами. Я сразу понялъ въ чемъ дѣло..., но встрѣтилъ это извѣстіе со вздохомъ облегченія. Остаться въ Холмщинѣ мнѣ хотѣлось. Начало строительства нашей новой жизни возлагало на меня отвѣтственность, которую я могъ взять на себя въ полной мѣрѣ, лишь проживая въ епархіи. Однако, сообщеніе о постановленіи Синода остается характернымъ фактомъ для того времени...

Начались выборы. Избиратели единогласно кладутъ записки за меня, — и я вновь избранъ въ депутаты. Я отказываюсь. Всеобщее недоумѣніе.... Тогда я счелъ нужнымъ сказать о запрещеніи Синода. Избиратели были возмущены: «Мы другого не хотимъ», «мы другого не выберемъ», — и въ Синодъ полетѣла телеграмма. Черезъ два дня — вторая. Въ отвѣтъ — молчаніе... Долго убѣждалъ я возмущенныхъ моихъ сторонниковъ, предлагая въ кандидаты протоіерея и магистра богословія Будиловича*), отличнаго оратора, немного либеральнаго по взглядамъ, но въ основныхъ пунктахъ все же моего единомышленника. Въ концѣ концовъ его и выбрали (прошелъ онъ не единогласно).

Я остался въ Холмѣ. Началась лихорадочная дѣятельность по организаціи новыхъ губернскихъ учрежденій. Намѣтились кандидатуры въ Холмскіе губернаторы. Ихъ было двѣ: Люблинскій губернаторъ Евгеній Васильевичъ Мѣнкинъ и Сѣдлецкій губернаторъ Александръ Николаевичъ Волжинъ**).

Е. В. Мѣнкинъ, пріятный, образованный, умный человѣкъ, тонкій юристъ, не разъ помогалъ мнѣ въ трудныхъ юридическихъ во-

*) Въ Гос. Думѣ прот. Будиловичъ изъ націоналистовъ ушелъ и примкнулъ къ октябристамъ. Думскіе націоналисты потомъ упрекали меня: «Кого прислали? Перебѣжчика!» На прот. Будиловича повліялъ персональный составъ націоналистовъ въ 4-ой Думѣ: среди нихъ было не мало узкихъ, нетерпимыхъ «сектантовъ».

**) Во время 4-ой Думы онъ занялъ постъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.

просахъ. По натурѣ нѣсколько лѣнивый, по внѣшности толстякъ, онъ имѣлъ склонность къ ублаженію своей персоны: любилъ вкусно и много покушать, и его гурманство было извѣстно даже за предѣлами его губерніи, — въ Варшавѣ, гдѣ научились готовить котлеты à la Menkine. Мнѣ запомнился его рѣдкій аппетитъ, когда онъ какъ-то разъ лѣтомъ въ женскомъ монастырѣ, куда мы съ нимъ пріѣхали, вмигъ опорожнилъ огромный жбанъ простокваши. Я только руками развелъ...

А. Н. Волжинъ, женатый на Долгоруковой, большой помѣщикъ, человѣкъ недалекій, разыгрывалъ вельможу, стараясь выдержать стиль древне-русскаго воеводы. У себя въ усадьбѣ онъ носилъ вычурные кафтаны, сафьяновые сапоги.... и повидимому, хотѣлъ производить впечатлѣніе боярина въ своей вотчинѣ.

Наша губернія стала модной, постъ Холмскаго губернатора считался «на виду», и кандидатура Волжина, имѣвшаго большія связи въ Петербургѣ, взяла верхъ.

Съ новымъ губернаторомъ очень скоро начались тренія.

Прежде чѣмъ пришло официальное назначеніе, Волжину было поручено заняться постройкой зданій губернаторскаго дома, губернскаго управленія, губернской управы и проч. Я пользовался еще въ то время въ Холмѣ неоспоримымъ авторитетомъ, и Волжинъ пріѣхалъ посовѣщаться со мной о томъ, гдѣ въ Холмѣ строить губернскія учрежденія. Намѣчено было два мѣста: одно — неподалеку отъ собора, на скатѣ холма къ равнинѣ; другое — на противоположномъ концѣ города, рядомъ съ казармами, въ неприглядной, болотистой низинѣ. Я стоялъ за первое. Волжинъ — за второе. На сторонѣ онъ не скрывалъ и мотивовъ своего выбора: «Возлѣ собора — вліяніе архіерея, поповъ, а тутъ мы — въ отдаленіи, тутъ новую жизнь мы и начнемъ». Онъ волновался и высказывалъ опасенія, что я не сдамъ позиціи и поѣду въ Петербургъ жаловаться. Это первое столкновеніе обнаружило уклонъ новаго губернатора къ соперничеству со мной.

Наконецъ состоялось официальное его назначеніе. Впредь до переѣзда въ новый губернаторскій домъ Волжинъ поселился въ мѣщанскомъ домикѣ, разукрасивъ комнаты въ русскомъ стилѣ всевозможными блюдами, вышивками...., завелъ большую книгу для посѣтителей съ заголовкомъ «Первый Холмскій Губернаторъ».

Скоро я понялъ, что мнѣ будетъ съ нимъ трудно. Онъ не понималъ значенія главнаго административнаго лица въ губерніи, отъ котораго Холмщина ждетъ труда и заботъ о ея интересахъ, и своимъ поведеніемъ, нравомъ и привычками лишь компрометировалъ власть, которой былъ облеченъ. Выѣзжая изъ Холма въ уѣздные города, предавался иногда кутежамъ съ ватагой чиновниковъ; а когда ему случалось со своими спутниками заѣзжать въ женскіе монастыри,

это кончалось тѣмъ, что ко мнѣ поступали потомъ жалобы отъ игуменій, что посѣтители недостойно держали себя въ обители. Любилъ Волжинъ кутить и въ Сѣдлецѣ съ Нарвскими гусарами.

Его соперничество со мною принимало иногда нелѣпыя формы. Такъ, напримѣръ, онъ не могъ примириться съ тѣмъ, что я, (когда не участвую въ богослуженіи) стою въ соборѣ среди народа на особомъ мѣстѣ: на возвышеніи, справа, у передняго столба. Этотъ обычай отводить архіерею въ храмѣ особое мѣсто — древній. Его смыслъ въ томъ, чтобы епископъ видѣлъ все, что въ храмѣ дѣлается, и самъ былъ примѣромъ для народа, какъ себя во время службы держать, какъ и когда класть поклоны, креститься. Волжинъ выразилъ желаніе тоже стоять на возвышеніи: «Надо, чтобы и губернатора всѣ видѣли. Я вынужденъ въ камергерскомъ мундирѣ черезъ тулупы пробиваться; мнѣ необходимо возвышеніе, — и чтобы впереди васъ. Вы ничего не имѣете противъ?» — «Что-жъ, дѣлайте, если хотите», отвѣтилъ я. — «Въ такомъ случаѣ я дамъ распоряженіе губернскому архитектору». — И вотъ, воздвигли сооруженіе: помостъ, перегородки, вродѣ частокола... — съ кадиломъ духовенству и не пройти. Я указалъ инженеру на это неудобство. Волжинъ разсердился, но сооруженіе приказалъ разобрать; проѣзжая какъ-то разъ мимо пожарнаго депо, я увидалъ, что оно тамъ валяется на дворѣ. Этимъ дѣло не кончилось. Волжинъ все-же написалъ объ этомъ въ Петербургъ. Потомъ Государст. Секретарь Крыжановскій меня спросилъ: «Что это у васъ за тренія съ губернаторомъ?» — «О какихъ трeніяхъ вы говорите?» — «Да изъ-за «горняго мѣста»...*) — «Не изъ-за «горняго», а губернаторскаго», поправилъ я Крыжановскаго. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ разсмѣялся.

Какъ-то разъ Волжинъ, во время богослуженія въ нашъ храмовой праздникъ, вошелъ въ алтарь; увидавъ, что я сижу, онъ усѣлся тоже. Архіепископъ Антоній Волынскій, находившійся въ алтарѣ, сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе: «свѣтскимъ лицамъ въ алтарѣ нельзя сидѣть».

Недоволенъ былъ Волжинъ и недостаточной почтительностью къ нему духовенства въ губерніи. «Они у васъ распущены — дисциплины нѣтъ... дисциплины нѣтъ... Вы слишкомъ добры», жаловался онъ, когда кто-то на станціи ему поклонился безъ особой почтительности. «Я не могу циркуляры объ этомъ писать», замѣтилъ я.

Волжинъ былъ полной противоположностью того управителя губерніи, который, согласно монархической идеалогіи, долженъ былъ

*) «Горнимъ мѣстомъ» называется то мѣсто между восточной стѣной и престоломъ, гдѣ обыкновенно помѣщается образъ Христа Спасителя, сѣдящаго на тронѣ въ архіерейскомъ облаченіи, и гдѣ за Божественной Литургіей сидитъ епископъ во время чтенія Апостола и стоитъ во время чтенія Евангелія.

олицетворять въ представленіи народа «посланца царя». Холмскій народъ воспринялъ административную реформу почти религіозно, готовъ былъ признать въ губернаторѣ царскаго делегата — и какое разочарованіе для всѣхъ! А мнѣ было за него передъ народомъ стыдно...

Къ 8-му сентября (1913), къ Холмскому нашему празднику, пріурочили официальное открытіе Холмской губерніи. Я пригласилъ Митрополита Флавіана и нѣсколько епископовъ; Волжинъ послалъ приглашеніе Министру Внутреннихъ Дѣлъ Маклакову и нѣкоторымъ Варшавскимъ сановникамъ. Въ день торжества былъ обѣдъ, и съ Волжинымъ вновь возникло осложненіе изъ-за мѣста. Ключарь мнѣ доложилъ, что губернаторъ требуетъ, чтобы его посадили ближе къ министру или митрополиту, а главное — выше меня.

Справили мы торжество, проводили гостей, пьемъ вечеромъ чай въ подрясникахъ, и вдругъ — телеграмма... Извѣщеніе о смерти экзарха Грузіи Иннокентія.... Митр. Флавіанъ, посмотрѣлъ на меня и говоритъ: «Не придется ли вамъ ѣхать на Кавказъ?..» Я отвѣтилъ, что слишкомъ молодъ для этого высокаго положенія. Впослѣдствіи я узналъ, что, дѣйствительно, былъ однимъ изъ кандидатовъ на постъ Экзарха Грузіи, но Кавказскій Намѣстникъ гр. Воронцовъ-Дашковъ, давшій обо мнѣ въ общемъ благопріятный отзывъ, счелъ меня для Кавказа все же не пріемлемымъ, слишкомъ націоналистически настроеннымъ архіереемъ. Вскорѣ я получилъ другое предложеніе отъ бывшаго тогда въ Синодѣ архіепископа Волынскаго Антонія — занять освободившуюся каѳедру въ Воронежѣ. Епархія эта была большая, почетная, связанная со славными именами св. Митрофана и Тихона Задонскаго, — однако, по собственному желанію оставить Холмщину я не могъ, особенно въ этотъ важный періодъ ея новой жизни, и потому отказался.

Осень 1913 г. я посвятилъ развитію Холмской просвѣтительной жизни. Мы устроили при «Холмскомъ Братствѣ» свою типографію и стали издавать еженедѣльникъ «Холмская Русь»; основали культурно-просвѣтительное общество учителей, сельско-хозяйственное общество и общество взаимнаго кредита. Во всѣхъ этихъ начинаніяхъ я принималъ самое живое участіе: выписывалъ породистый скотъ, сельско-хозяйственныя орудія... Губернаторъ въ работѣ мало участвовалъ и ограничивался официальнымъ представительствомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это требовалось.

Весной 1914 г. на Пасхальной недѣлѣ (съ четверга на пятницу) среди ночи меня разбудилъ набатъ... Мои слуги, не желая меня тревожить, сказали мнѣ, что пожаръ гдѣ-то далеко. Но правда сейчасъ же выяснилась: ко мнѣ прискакалъ губернаторъ, и сообщилъ, что го-

ритъ духовная семинарія*). Я бросился на пожаръ. Половина зданія сгорѣла, сильно пострадала церковь. Лишь къ утру удалось пожарнымъ справиться съ огнемъ. Я протелеграфировалъ въ Синодъ о несчастіи.

Весной, какъ обычно, я отправился въ поѣздку по епархіи. На обратномъ пути мнѣ подвернулась какая-то газета. Начинаю читать — и глазамъ не вѣрю: ошеломляющее извѣстіе... Святѣйшій Синодъ постановилъ перевести архіепископа Антонія Волынскаго въ Харьковъ, меня — на мѣсто архіепископа Антонія на Волынь, а викарія Московской епархіи Анастасія епископа Серпуховскаго — на мое мѣсто, въ Холмскую епархію...

Какъ я уѣзжалъ изъ Холмщины, какъ разставался съ дорогой моему сердцу паствой, какіе проводы мнѣ пріуготовила наша взаимная любовь, — разсказывать не буду. Все это запечатлѣно подробно въ статьѣ «Холмскаго календаря» за 1915 г. Тутъ вкратцѣ я ее и привожу.

«....Съ первымъ же полученіемъ извѣстія о перемѣщеніи Владыки Евлогія на Волынь, началась спѣшная работа по выработкѣ и исполненію программъ и предложеній о его чествованіи. Со своей стороны и Архипастырь не мало удѣлялъ вниманія оставляемой имъ паствѣ. Двери архіерейскаго дома, что называется, не затворялись. Шли къ Владыкѣ съ поздравленіями, пожеланіями, послѣдними просьбами, выраженіями скорби; Владыка всѣхъ принималъ, выслушивалъ, поддерживалъ, утѣшалъ, наставлялъ. Не оставилъ онъ и личнымъ посѣщеніемъ, на прощаніе, учебныхъ заведеній и нѣкоторыхъ общественныхъ организацій гор. Холма, а также и Люблинской паствы... Одновременно стали прибывать депутаціи отъ разныхъ общественныхъ учрежденій и объединеній Холмщины. Прощальныя привѣтствія, адреса съ выраженіемъ горячей благодарности, подношенія... Множество иконъ, драгоцѣнная панагія отъ архіепископа Михаила Гродненскаго и Преосвященнаго Владиміра; архіерейскій жезлъ, Ростовскаго стиля, отъ Холмской паствы; посохъ отъ чиновниковъ Казенной Палаты и Казначейства; Священныя книги Ветхаго Завѣта («Тора») отъ еврейскаго населенія гор. Холма; художественныя рукодѣлія отъ ученицъ правительственной женской гимназіи и проч.

...26 мая Владыка Евлогій молитвенно прощался со всею Холмскою паствою. Въ этотъ день сказалась вся сила любви Архипастыря къ своимъ чадамъ и пасомыхъ къ своему Отцу, Архипастырю и вож-

*) Пожаръ возникъ по неосторожности кого то изъ семинаристовъ; повидимому, въ гардеробной обронили тлѣвшій окурокъ.

дю. Въ этотъ день Высокопреосвященный Владыка Евлогій служилъ въ каѳедральномъ соборѣ послѣднюю Литургію въ сослуженіи многочисленнаго мѣстнаго и пріѣзжаго духовенства. Соборъ былъ переполненъ народомъ. Среди молящихся находились высшіе губернскіе чины, во главѣ съ Холмскимъ губернаторомъ А. Н. Волжинымъ, много почитателей Владыки и крестьянъ изъ отдаленныхъ уголковъ Холмщины и Подляшья. Послѣ Литургіи Высокопреосвященный Владыка Евлогій обратился къ молящимся съ прощальной рѣчью. Съ первыхъ же словъ голосъ его дрогнулъ, и въ немъ послышались слезы. Съ каждымъ словомъ Владыки все сильнѣе и сильнѣе сжимались сердца присутствующихъ отъ глубокой скорби. Заблестѣли глаза, наполненные слезами, послышались рыданія... Плакали женщины, плакали дѣти, всхлипывали интеллигенты, утирали слезы стоявшіе въ храмѣ священники и обливались слезами загорѣлыя лица крестьянъ. Рыданія народа разрывали Архипастырское сердце, и онъ говорилъ задыхаясь, еле владѣя собой. Прощальныя слова Архипастыря трудно передать на бумагѣ, — ихъ нужно было слышать, или, вѣрнѣе, переживать. Прося прощенія себѣ у Заступницы Холмскаго края за невольныя ошибки и грѣхи, Владыка трогательно прощался съ дорогимъ его сердцу Холмскимъ соборомъ, Холмскими монастырями, духовенствомъ, интеллигентными работниками и, наконецъ, съ дорогимъ его сердцу Холмскимъ народомъ. Всѣмъ онъ сказалъ нѣсколько горячихъ словъ утѣшенія, благодарности, наставленія, всѣхъ прося не забывать дорогого для него дѣла и работать на спасеніе Холмщины. Произнося послѣднія слова своей рѣчи, Владыка снялъ митру и сдѣлалъ земной поклонъ дорогой, родной ему Холмщинѣ, въ лицѣ предстоящаго въ соборѣ народа. Соборъ огласился такими рыданіями, что, казалось, стѣны не выдержатъ народной скорби... Лишь сухое, черствое сердце злѣйшихъ враговъ Холмщины могло-бы остаться холоднымъ въ эти священныя минуты, когда обнаружилась глубокая, неподдѣльная любовь всей Холмщины къ своему дорогому, незабвенному Печальнику и Отцу! И больно и радостно было видѣть проявленіе столь безпредѣльной народной любви...

Послѣ прощальной рѣчи Владыки ему прочитаны были адреса съ поднесеніемъ иконъ: отъ Холмскаго каѳедральнаго собора, отъ Яблочинскаго монастыря, отъ Холмской Консисторіи и отъ всей Холмской паствы (съ поднесеніемъ жезла). Послѣ этого былъ отслуженъ молебенъ Божіей Матери. По окончаніи богослуженія Владыка долгое время благословлялъ всѣхъ присутствующихъ въ храмѣ прощальнымъ благословеніемъ.

Въ 4 часа состоялся по подпискѣ многолюдный (болѣе 400 человѣкъ) обѣдъ въ честь Владыки въ обширномъ манежѣ Московскаго полка, украшенномъ зеленью и флагами... Обѣдъ прошелъ очень

оживленно со многими тостами, рѣчами и привѣтствіями отъ почитателей Владыки, не имѣвшихъ возможности лично присутствовать на прощальномъ торжествѣ.

28 мая Владыка прощался съ Холмскимъ Братствомъ, съ Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ и Миссіонерскимъ Совѣтомъ. Всѣ собрались въ залѣ Холмскаго Братства. Въ 12 часовъ прибылъ Владыка и наступила трогательная минута прощанія. Предсѣдатель Совѣта Братства, свящ. Іоаннъ Рѣчкинъ, привѣтствовалъ Владыку отъ имени Братства слѣдующимъ адресомъ:

Ваше Высокопреосвященство,

Высокопреосвященнѣйшій Владыка!

Скорбныя, тяжелыя минуты переживаетъ Холмское Православное Св.-Богородицкое Братство при разставаніи съ Вами, дорогой нашъ Архипастырь и Главный Попечитель Братства... Очевиднымъ произволеніемъ Промысла Божія о Холмщинѣ было прибытіе Вашего Высокопреосвященства въ этотъ край 16 съ половиной лѣтъ тому назадъ. Господу извѣстно было, какія бѣдствія предстоядо перенести этому забытому уголку Русской земли недолго спустя послѣ Вашего прибытія, и поэтому Онъ въ лицѣ Вашемъ приготовилъ великаго и усерднаго печальника о Холмщинѣ въ самыя трудныя минуты ея жизни.

Вскорѣ послѣ прибытія въ Холмщину, Вы, Высокопреосвященнѣйшій Владыка, приняли участіе въ работѣ Холмскаго Братства, сначала въ качествѣ члена его Совѣта, а затѣмъ въ качествѣ Предсѣдателя Совѣта... Когда здѣсь, послѣ объявленія свободъ, настала смута, когда полонизмъ и католицизмъ, гордо поднявъ голову, готовились разъ навсегда покончить съ Холмщиной, Вы смѣло и открыто выступили на борьбу и, какъ скала, задержали высоко поднявшуюся латино-польскую волну, въ которой могла погибнуть вся православно-русская народная мѣстная жизнь... Какъ Архипастырь Холмской церкви, Вы явились вождемъ православнаго русскаго населенія Холмской земли, Вы многократно исходили и объѣхали эту землю вдоль и поперекъ, поддерживая въ народѣ упавшій духъ, возбуждая надежду на лучшее будущее. Ваши вдохновенныя, полныя любви и рѣшимости постоять за православно-русское дѣло рѣчи, произносимыя на поляхъ, въ деревняхъ и городахъ Холмщины, обратили къ Вамъ взоры всѣхъ мѣстныхъ русскихъ людей. Поэтому, когда находившееся подъ Вашимъ покровительствомъ Холмское Братство обратилось къ мѣстному населенію съ предложеніемъ подать прошеніе Государю Императору о дарованіи Холмщинѣ права имѣть своего представителя въ Государственной Думѣ, — въ три съ лишнимъ недѣли было собрано болѣе 50.000 подписей для такого прошенія. А затѣмъ, ког-

да, благодаря Вашимъ стараніямъ, просимое право было дано, мѣстное населеніе единодушно рѣшило вручить Вамъ свою судьбу, защиту въ Государственной Думѣ своихъ интересовъ... Много, слишкомъ много, пришлось Вамъ перенести огорченій и скорбей, прежде чѣмъ Холмщина услышала благую вѣсть, что порваны узы, связывавшія ее съ Польшей. Честь Вамъ, Владыка, за великое дѣло выдѣленія Холмщины и вѣчная будетъ благодарность отъ ея русскаго населенія!

...Вмѣстѣ съ защитой интересовъ Холмщины въ Государственной Думѣ, Вы, Высокопреосвященнѣйшій Владыка, сами лично и черезъ посредство Холмскаго Братства всемѣрно старались оживить мѣстную религіозно-національную жизнь. Для укрѣпленія православной вѣры Вы заботились о благолѣпіи церковнаго богослуженія, объ украшеніи и построеніи новыхъ храмовъ (ихъ было построено при Васъ свыше 50), объ учрежденіи въ Холмщинѣ Миссіонерскаго Совѣта, спеціальной цѣлью котораго является забота о процвѣтаніи православной вѣры въ Холмщинѣ... Не мало вниманія и заботъ Вы, Владыка, прилагали къ объединенію, **оживленію и расширенію** общественной дѣятельности церковныхъ братствъ, этихъ наиболѣе доступныхъ и понятныхъ простому народу организацій... По Вашимъ указаніямъ переработанъ, согласно новымъ требованіямъ жизни, уставъ приходскихъ братствъ. Подъ Вашимъ непосредственнымъ руководствомъ происходили въ Холмѣ ежегодные съѣзды ихъ представителей... Заботы о народномъ просвѣщеніи составляли одну изъ существенныхъ сторонъ Вашей дѣятельности. Благодаря Вашимъ трудамъ, Холмское Братство имѣло возможность устроить въ селахъ братскія библіотеки, школы, учредить стипендіи для бѣдныхъ дѣтей при школахъ. Вашими стараніями созданы братскія періодическія изданія въ Холмѣ, создана собственная братская типографія... Благодаря Вашимъ стараніямъ Холмское Братство имѣло возможность пробуждать въ народѣ интересъ къ своей родной старинѣ черезъ раскопки, сохраненіе памятниковъ древности и разработку мѣстной старины въ учрежденной недавно особой архивной комиссіи. — Не оставлены Вами, Высокопреосвященнѣйшій Владыка, безъ вниманія и матеріальные, экономическіе интересы населенія Холмщины.... Только благодаря Вашей поддержкѣ и заботливости, создались у насъ: Русское сельско-хозяйственое Общество Холмщины и Подляшья, Холмское сельско-хозяйственное Общество Взаимнаго Кредита и Фирмо-командитное Товарищество.... организовался рядъ потребительскихъ обществъ, кредитныхъ, ссудо-сберегательныхъ товариществъ, а также мелкихъ сельско-хозяйственныхъ товариществъ. Словомъ, всѣ стороны и нужды мѣстной народной жизни находили въ лицѣ Вашего Высокопреосвященства поддержку и защиту... — За всю любовь Вашу къ Холмщинѣ, за труды и заботы о благѣ ея населенія Холмское Братство

выражаетъ Вамъ, дорогой Владыка, самую искреннюю сыновнюю благодарность, земно вамъ кланяется и едиными усты и единымъ сердцемъ со всѣмъ Холмскимъ народомъ всегда будетъ горячо молиться Господу о дарованіи Вамъ здравія и спасенія, благопоспѣшенія во всѣхъ трудахъ Вашихъ и многихъ лѣтъ. На молитвенную память о Холмскомъ Братствѣ благоволите, дорогой Владыка, принять сію святую икону Небесной Покровительницы Холмскаго Края.

...Со слезами на глазахъ благодарилъ Владыка за горячую любовь къ нему русскаго общества и народа и въ глубокомъ волненіи сказалъ: «Если бы я могъ открыть вамъ свое сердце, вы увидѣли бы, какою горечью наполнено оно. Но я не только не могу этого сдѣлать, но не могу даже говорить. Я думаю только о Холмщинѣ, — кому поручить ее? Ей... сказалъ Владыка, указывая на икону Холмской Божіей Матери, — Царицѣ Небесной, я вручаю судьбу любимой Холмщины, Ей, нашей Помощницѣ и Заступницѣ, я буду молиться за Холмщину и на св. Почаевской горѣ. А теперь отпустите меня съ миромъ. Пойдемъ и вознесемъ въ соборѣ передъ нашей святыней горячія молитвы. Низкій поклонъ всѣмъ организаціямъ, всѣмъ учрежденіямъ, всѣмъ людямъ»... Затѣмъ Владыка и всѣ присутствующіе отправились въ соборъ, гдѣ былъ отслуженъ передъ иконой Божіей Матери напутственный молебенъ.

...Въ 3 часа 30 мин. Владыка выѣхалъ на вокзалъ провожаемый торжественнымъ прощальнымъ звономъ Холмскихъ соборныхъ колоколовъ... На вокзалѣ къ пріѣзду Владыки собралась многочисленная публика, состоящая преимущественно изъ мѣстной интеллигенціи и учащихся. Были также и крестьяне изъ ближайшихъ деревень. Владыка былъ встрѣченъ у входа служащими вокзала, которые поднесли икону Холмской Божіей Матери. Затѣмъ Владыка направился въ убранный тропическими растеніями и цвѣтами залъ перваго класса, гдѣ ожидали его представители разныхъ учрежденій города Холма во главѣ съ губернаторомъ, начальникъ 17-ой пѣхотной дивизіи, духовенство, дамы. Здѣсь отъ 66го пѣхотнаго Бутырскаго полка, командиромъ его, въ присутствіи г.г. офицеровъ, была поднесена икона Спасителя, древняго письма... Войдя въ вагонъ, убранный цвѣтами, Владыка нѣкоторое время оставался на площадкѣ, глядя на стоящихъ передъ вагономъ людей. «Какъ много собралось провожать меня, съ грустью сказалъ Владыка, какъ мнѣ все это дорого, и какъ я всѣмъ благодаренъ за вниманіе. Сегодняшній день навсегда запечатлѣется въ моемъ сердцѣ....» Въ это время раздались раскаты грома, — и хлынулъ сильный ливень... Но холмичи не дрогнули, многіе и безъ зонтиковъ остались на мѣстѣ... Подошелъ поѣздъ, и салонъ-вагонъ Владыки подали въ его составъ. Раздался второй... третій звонокъ. Владыка, окинувъ всѣхъ прощальнымъ взоромъ, преподалъ по-

слѣднее Архипастырское благословеніе. Всѣ молча склонили головы, а затѣмъ дружно запѣли: «Ис полла эти деспота» и прокричали громогласное «ура». Подъ звуки военнаго оркестра, игравшаго «Коль славенъ», народнаго «ура» и многолѣтія Архипастырю поѣздъ плавно отошелъ отъ станціи и вскорѣ скрылся совсѣмъ...

Съ дороги я послалъ Холмщинѣ слѣдующій прощальный привѣтъ:

«Къ вамъ, дорогіе мои холмичи, къ тебѣ, моя родная, незабвенная Холмщина, обращается еще разъ мое сердце съ прощальнымъ привѣтомъ, когда я только что переступилъ границу твою и вступилъ въ предѣлы благословенной Волынской земли. Безконечно, тяжелы были для меня послѣдніе дни разлуки съ тобою, моя возлюбленная паства, острою болью терзалось сердце мое; но какимъ великимъ утѣшеніемъ для наболѣвшей души моей было видѣть и чувствовать тотъ горячій порывъ любви твоей, который неудержимой бурною волной прорвался наружу и принялъ такія трогательныя, умилительныя выраженія, который объединилъ всѣ слои населенія въ одномъ настроеніи... Никогда мнѣ не забыть этой любви твоей; земно кланяюсь вамъ, мои добрые Холмичи, горячо-горячо благодарю васъ и прошу простить мнѣ всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія мои, въ частности прошу прощенія, что за скоростью отъѣзда изъ Холма, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, я не успѣлъ заѣхать ко многимъ моимъ друзьямъ, чтобы лично проститься съ ними. Не забывайте меня, дорогіе братья и сестры, въ молитвахъ вашихъ вообще и особенно, когда собираетесь въ нашъ соборный храмъ Пречистой и становитесь передъ Ея чудотворнымъ ликомъ; я же непрестанно буду творить молитвенное памятованіе о многоскорбной и многострадальной Холмщинѣ предъ святынями Волынскими и особенно предъ Чудотворнымъ Почаевскимъ Образомъ Богоматери. Буду счастливъ видѣть васъ благочестивыми паломниками въ этомъ святомъ мѣстѣ, уже давно привлекающемъ къ себѣ сердца добраго нашего Холмскаго народа. Да хранитъ же всѣхъ васъ, и пастырей и пасомыхъ Холмской церкви, Царица Небесная, — Ея благодатному Покрову ввѣряю жизнь вашу и подъ этимъ покровомъ да живетъ и крѣпнетъ въ св. вѣрѣ православной, въ истинномъ благочестіи и въ полномъ благоденствіи древняя Холмская Русь».

Архіепископъ Волынскій
(ВОЙНА 1914-1917)

ГЛАВА XV.

Передъ отъѣздомъ изъ Холма я получилъ поздравительное письмо отъ архіепископа Антонія Волынскаго въ отвѣтъ на мое поздравленіе его съ новымъ назначеніемъ. Онъ совѣтовалъ поторопиться съ отъѣздомъ изъ Холма, чтобы мнѣ поспѣть къ открытію обще-епархіальнаго съѣзда благочинныхъ Волынской епархіи (въ Почаевѣ), а дорогой предлагалъ встрѣтиться съ нимъ въ Кіевѣ, гдѣ онъ проѣздомъ въ Харьковъ хотѣлъ остановиться тоже. «Я хочу вамъ передать епархію «изъ полы въ полу»... писалъ онъ.

Въ Кіевѣ я прожилъ съ недѣлю, архіепископъ Антоній — дня два. Гостили мы у престарѣлаго митрополита Флавіана. Передъ тяжелой работой, которая мнѣ предстояла, отдыхъ, хоть краткій, мнѣ былъ необходимъ. Время я провелъ въ Кіевѣ пріятно, отдохновительно; по настоянію митрополита Флавіана, я нѣсколько свой отъѣздъ затянулъ, и къ открытію епархіальнаго съѣзда на Волынь не попалъ.

Выѣхалъ я изъ Кіева въ салонъ-вагонѣ, а по прибытіи въ Бердичевъ былъ встрѣченъ волынскими представителями: секретаремъ Консисторіи Добровольскимъ, ключаремъ собора прот. А. Голосовымъ, благочиннымъ прот. І. Глаголевымъ и епархіальнымъ наблюдателемъ церковно-приходскихъ школъ прот. Федоромъ Казанскимъ. Отъ Бердичева на Житомиръ идетъ «узкоколейка»; по линіи о моемъ проѣздѣ дали знать, и на станціяхъ меня ожидали депутаціи: духовенство съ крестными ходами, крестьяне съ хлѣбомъ-солью... Вездѣ приходилось обмѣниваться привѣтствіями.

Наконецъ я прибылъ въ Житомиръ.

Этотъ губернскій городъ Волыни — тихій захолустный малороссійскій городокъ, живописно раскинувшійся на берегахъ рѣки Тетерева, — славился своей дешевизной и тѣмъ привлекалъ заштатныхъ петербургскихъ чиновниковъ, которые переселялись сюда доживать свой вѣкъ.

На вокзалѣ меня встрѣтили: мой викарій епископъ Гавріилъ Ост-

рожскій*), вице-губернаторъ С. В. Шереметевъ (губернаторъ отсутствовалъ) и еще какіе-то представители гражданскихъ и военныхъ властей. Подъ трезвонъ колоколовъ я проѣхалъ въ соборъ. Огромный, холодный, неуютный, въ первую минуту онъ удручалъ впечатлѣніемъ холода и пустоты. Невольно вспомнился милый, молитвой овѣянный Холмскій соборъ... Въ нижней церкви Житомирскаго собора хранились мощи (голова) мученицы Анастасіи Римлянины; привезъ ихъ съ Востока архіепископъ Модестъ, въ бытность свою Холмскимъ викаріемъ, и съ ними уже никогда не разставался — возилъ съ собою всюду: въ Холмъ, въ Н.-Новгородъ, на Волынь... Сейчасъ живетъ въ Парижѣ гр. А. Ф. Нироль, имѣніе которой находилось въ 10 верстахъ отъ Житомира; она разсказывала, что пріѣхалъ къ нимъ въ усадьбу какъ-то разъ архіепископъ Модестъ съ коробкой. «Что это у васъ — шляпа?» спросили его. — «Нѣтъ, — мощи....» — «Какъ же вы ихъ съ собою возите?» — «Да боюсь ихъ оставить, не украли бы...», — пояснилъ архіепископъ Модестъ. Впослѣдствіи довольно долго мощи пребывали въ соборѣ безъ раки, пока, наконецъ, архіепископъ Антоній не устроилъ нижнюю церковь и раку, прикрывъ ее большой иконой такъ, что была видна голова; по пятницамъ у раки стали служить молебны съ акафистомъ.

При входѣ въ соборъ меня встрѣтилъ каѳедральный протоіерей о. К. Левицкій, маленькій, но удивительно громогласный священникъ («мегалофонъ», какъ его назвалъ посѣтившій Волынь патріархъ Антіохійскій Григорій), онъ сказалъ мнѣ привѣтственное «слово». Отвѣчая на его привѣтствіе, я подчеркнулъ, что холмскій народъ и волынскій этнографически почти неразличимы: по духу и укладу холмичи и волынцы братья.

Послѣ офиціальной встрѣчи въ соборѣ я отправился съ епископомъ Гавріиломъ въ архіерейскій домъ, чтобы побесѣдовать о положеніи дѣлъ въ епархіи.

Архіерейскимъ домомъ считалось Подворье Почаевской Лавры, а спеціально для архіереевъ выстроенный домъ сдавался въ наемъ. Архіерейскіе покои оказались неуютны, несуразны по планировкѣ комнатъ и были обставлены потертой, ошарпанной мебелью. Мой предшественникъ, архіепископъ Антоній, комфорта не любилъ; у него всегда кто-нибудь проживалъ или ночевалъ изъ опекаемыхъ имъ студентовъ или духовенства, гости спали на диванахъ, устраиваясь какъ и гдѣ кто могъ, и на всей архіерейской квартирѣ лежалъ отпечатокъ неустройства и безпорядка — «каравансарай», — по ост-

*) На Волыни у меня было три викарія: епископъ Гавріилъ Острожскій (проживалъ въ Житомирѣ); епископъ Фаддей Владиміро-Волынскій и епископъ Діонисій Кременецкій (оба проживали въ своихъ уѣздныхъ городахъ).

роумному замѣчанію упомянутаго вице-губернатора. Прелестна была лишь Крестовая церковь Почаевской Божіей Матери: небольшая, уютная, привлекавшая всегда много молящихся. Мой кабинетъ непосредственно прилегалъ къ ней и былъ соединенъ дверью. Близость церкви — какое это было утѣшеніе! Идетъ бывало рядомъ служба, слышны возгласы, пѣніе... а я сижу за письменнымъ столомъ, заваленнымъ консисторскими дѣлами, и нѣтъ-нѣтъ и прислушаюсь... Помолишься, попишешь, потомъ опять помолишься...

Консисторская работа налегла на меня въ Житомирѣ всей тяжестью; въ первое же утро по пріѣздѣ, мнѣ былъ присланъ изъ консисторіи громаднѣйшій портфель туго-на-туго набитый бумагами (отнынѣ такое количество бумагъ я получалъ ежедневно). Поначалу я утопалъ въ «дѣлахъ», просиживалъ за письменнымъ столомъ часами, ложился спать поздней ночью, чуть ли не подъ утро. Мой личный секретарь, записывавшій мои резолюціи для передачи ихъ въ консисторію, и два писца едва справлялись съ работой. Такое огромное количество консисторскихъ дѣлъ объяснялось огромнымъ числомъ приходовъ въ новой моей епархіи (1.200 приходовъ), въ Холмщинѣ ихъ было только 330. Сколько кляузъ, наговоровъ, бракоразводныхъ дѣлъ и всякаго житейскаго мусора заключалось въ этихъ консисторскихъ бумагахъ! Не говоря уже о томъ, что съ перваго же дня меня буквально засыпали анонимными письмами. Одни — давали мнѣ характеристики нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, изобличающія ихъ поведеніе: «Не вѣрьте ему, — онъ мошенникъ!» «Будьте осторожны, — онъ Соловей Разбойникъ!», «Мы ждемъ, что ты наведешь порядокъ...», подобными фразами эти письма были пересыпаны. Другіе — доносили о томъ, что про меня въ епархіи говорятъ — напримѣръ: «Ѣдетъ архіерей «хлопоманъ»... держитесь! берегитесь!» и т. д. Наконецъ третьи — содержали стишки и карикатуры. Все это было такъ противно, что я велѣлъ всю эту подметную литературу сжечь.

Среди всякихъ бумагъ и корреспонденцій главное мѣсто занимали журналы и протоколы консисторіи: ея рѣшенія я либо утверждалъ, либо отклонялъ. Внимательное наблюденіе за дѣятельностью консисторіи я всегда считалъ необходимымъ, потому что недосмотръ зачастую ведетъ къ непорядкамъ.

Я разобрался въ кучѣ дѣлъ, писемъ, бумагъ и черезъ два дня выѣхалъ на епархіальный съѣздъ, который еще не успѣлъ закрыться. Со мной отправились настоятель, ключарь, благочинный о. Іоаннъ Глаголевъ (мой землякъ, тулякъ) и еще кто-то.

Волынь губернія необъятная. Житомиръ — въ крайнемъ восточномъ углу, Почаевъ — въ крайнемъ западномъ, въ 6-7 верстахъ отъ австрійской границы. Ѣхали мы черезъ Бердичевъ до станціи Рудня-Почаевская, оттуда проселочной дорогой въ Лавру. Для меня и сви-

ты моей было подано нѣсколько экипажей — образовался цѣлый поѣздъ. На пути мы останавливались въ селахъ, черезъ которыя проѣзжали. Сельскія церкви на Волыни плохонькія, запущенныя. Подъѣзжаешь, — спрашиваешь: «Гдѣ батюшка?» въ отвѣтъ слышишь: «Батюшка боленъ....», а ключарь мнѣ шепчетъ: «Не боленъ, а пьяный лежитъ».

Подъѣхали къ Почаевской Лаврѣ... — какая красота!*).

Центральный храмъ Лавры — великолѣпный старинный соборъ (Успенскій) въ готическомъ стилѣ, изумительный по гармоніи линій и деталей, съ чудесной колокольней надъ самымъ обрывомъ. Онъ былъ построенъ въ XVII-омъ вѣкѣ графомъ Потоцкимъ. Легенда гласитъ, что онъ выстроилъ его по обѣту, въ благодарность Богу за спасеніе: его чуть не убили лошади. Въ верхнемъ храмѣ собора сіяла чудотворная икона Почаевской Божіей Матери, вся усыпанная изумрудами и брилліантами (во время молебновъ ее спускали на винтахъ для поклоненія народа). Въ подземельѣ, въ пещерномъ храмѣ, хранились мощи преподобнаго Іова Почаевскаго, и тутъ же въ подвалѣ была «стопа» Богородицы. Кромѣ Успенскаго собора, въ Лаврѣ былъ еще другой соборъ — Троицкій — выстроенный при архіепископѣ Антоніи архитекторомъ Щусевымъ, въ Новгородскомъ стилѣ, весьма не гармонирующемъ съ готикой главнаго Почаевскаго храма.

Я прибылъ въ Успенскій соборъ и былъ встрѣченъ при входѣ намѣстникомъ Лавры, старцемъ архимандритомъ Паисіемъ и цѣлымъ сонмомъ духовенства въ блестящихъ ризахъ. Сознаніе, что я архіепископъ Волынскій, священноархимандритъ св. Лавры, меня даже какъ-то подавляло. Намѣстникъ и всѣ собравшіяся духовныя лица повели меня со «славой» въ храмъ, гдѣ мы отслужили молебенъ. Оттуда мы прошли въ нижній храмъ къ мощамъ препод. Іова. Въ своемъ «словѣ» я выразилъ волновавшія меня чувства, сказавъ, что не столько учить я пріѣхалъ въ эту обитель, сколько учиться, ибо здѣсь каждый камень — великое поученіе.

Отдохнувъ послѣ завтрака, я направился на засѣданіе епархіальнаго съѣзда.

Первое, что меня на съѣздѣ поразило, это подношеніе отъ духовенства секретарю Консисторіи — чудной, драгоцѣнной иконы. Секретарь былъ уже немолодой человѣкъ (впослѣдствіи я узналъ его ближе), ловкій, умѣющій со всѣми ладить, а на кого нужно — нажать, любитель выпить. Что-то въ этой идилліи съ подношеніемъ мнѣ не понравилось... Понемногу на съѣздѣ я разговорился, со многими священниками познакомился, и вскорѣ понялъ, что епархіальное духо-

*) См. стр. 90-91.

венство настроено очень «право». Каѳедральный протоіерей прямо мнѣ заявилъ: «Мы всѣ черносотенцы». Этотъ терминъ тогда опредѣлялъ ту крайнюю правую группировку монархическаго направленія, которая именовалась «Союзомъ русскаго народа». Позже я узналъ, что выборы въ земство*), а также въ Государственную Думу, происходили въ архіерейскомъ домѣ (съ цѣлью овладѣть выборщиками); разномыслящихъ всячески оттирали; былъ случай, когда въ день выборовъ на мѣстахъ архіерей вызвалъ священника въ Житомиръ, а по возвращеніи его домой выборы были уже кончены... — Общее впечатлѣніе о волынскомъ духовенствѣ, которое я видѣлъ на съѣздѣ, осталось довольно безцвѣтное, сѣренькое. Наши холмскіе «батюшки» были живѣе, развитѣе.

Въ ближайшее воскресенье праздновалась въ Житомирѣ память св. праведницы Іуліаніи, частица мощей которой находилась въ соборѣ, и я торопился на торжество, но все же успѣлъ ознакомиться съ Почаевской Обителью и съ братіей.

Монаховъ въ Лаврѣ было человѣкъ 200. Братія, добрая, скромная, не очень дисциплинированная, немного была вовлечена въ политику. Намѣстникъ Лавры, престарѣлый о. Паисій, на нее вліять, повидимому, не могъ. Главную роль въ Лаврѣ играла Почаевская типографія и ее возглавлявшій архимандритъ Виталій. Обслуживающіе типографію монахи (ихъ было человѣкъ 30-40), вмѣстѣ со своимъ главою, представляли нѣчто въ родѣ «государства въ государствѣ». У нихъ была своя церковь, они имѣли свое общежитіе — отдѣльный корпусъ. Съ остальными монахами «типографщики» не сливались, считали себя миссіонерами, аристократами, а остальныхъ — «мужичьемъ» и дармоѣдами, занятыми только интересами трапезы и «кружки». Монахи Лавры ихъ тоже не любили и надъ ними подсмѣивались. Между обоими лагерями были рознь и вражда.

Назначеніе типографіи было не столько распространеніе религіознаго просвѣщенія въ народѣ, сколько политическая борьба «типографщиковъ», въ духѣ «Союза русскаго народа», со всѣми инакомыслящими. На праздники въ Лавру стекались многотысячныя толпы богомольцевъ, и этимъ пользовались «миссіонеры» для яростной политической агитаціи; своими рѣчами они накаливали народъ противъ «жидовъ», интеллигенціи и т. д. Такими рѣчами славился извѣстный іеромонахъ Иліодоръ, воспитанникъ Почаевской Лавры; онъ произносилъ ихъ, потрясая палкой съ набалдашникомъ въ видѣ кулака. Архимандритъ Виталій распространялъ среди паломниковъ черносотенныя листовки. Онъ основалъ для крестьянъ «народный банкъ» съ

*) Земство въ Западномъ краѣ было введено Столыпинымъ въ порядкѣ 87-ой статьи.

пятидесятикопѣечными взносами: предполагалось такимъ путемъ создать денежный фондъ для покупки земли и сельско-хозяйственныхъ орудій; неосвѣдомленные въ финансовыхъ вопросахъ, незнающіе экономическихъ условій заправилы банка работали кустарно и реальной пользы вкладчикамъ не принесли; въ революцію мужики потребовали отъ архим. Виталія: «Верни полтинники!». Конечно, нельзя отрицать и положительнаго значенія Лаврской типографіи: «миссіонеры» укрѣпляли въ народѣ церковно-національное сознаніе и снабжали епархію церковно-богослужебными книгами.

Доходы у Почаевской Лавры были большіе. Одна часть ихъ отчислялась на церковь, другая шла монахамъ, а третья — настоятелю Лавры, т. е. Волынскому архіерею; она выплачивалась ему по третямъ, въ годъ онъ получалъ тысячъ 20-25. Поступленіе доходовъ было пріурочено къ большимъ праздникамъ, когда народъ тысячами притекалъ въ Лавру и жертвовалъ щедро и деньгами и натурой. Такъ, напримѣръ, бабы несли холсты. Намѣстникъ какъ-то разъ спросилъ меня: «Что прикажете дѣлать съ вашей долей холста?» Я отдалъ ее въ пользу общежитія Лавры. Вообще Почаевская Лавра была богатая. Владыка Антоній нѣсколько поколебалъ ея экономическое состояніе постройкой храма. (Пришлось даже продать прилегавшій къ Лаврѣ лѣсъ). Братія была очень недовольна имъ — и не безъ основанія — за эту расточительность. Съ такими средствами, при болѣе хозяйственномъ ихъ расходованіи, можно было создать или поддержать больше культурныхъ учрежденій.

Вернулся я въ Житомиръ къ самому празднику св. Іуліаніи. Несмотря на будній день, народу собралось множество. Я былъ тронутъ и взволнованъ такимъ проявленіемъ благочестія волынскаго народа.

Сдѣлавъ всѣ неотложные визиты представителямъ мѣстной власти, я вновь занялся своими епархіальными дѣлами. Жизнь стала налаживаться, понемногу завязались знакомства, дѣловыя и дружескія связи. Я подружился съ вице-губернаторомъ Шереметевымъ; у него былъ автомобиль, и раза два-три въ недѣлю мы совершали съ нимъ поѣздки въ окрестности Житомира, дѣлая набѣги на сельскіе приходы. Подъѣзжаешь, бывало, къ сельской церкви, — дверь заперта. Спрашиваешь: «Гдѣ батюшка?» — «Спитъ...». Посылаешь за нимъ. Узнавъ, что пріѣхалъ архіерей, на зовъ бѣжитъ перепуганный, блѣдный, лицо заспанное, въ волосахъ сѣно, трясущимися руками дверь храма отпираетъ: ключъ въ скважину не попадаетъ... О моихъ внезапныхъ посѣщеніяхъ прослышали другіе священники уѣзда и, конечно, были очень недовольны, хотя, разумѣется, я не злоупотреблялъ этими внезапными наѣздами.

Сталъ я ѣздить и на экзамены въ семинарію. Зданіе семинаріи было большое, новое, прекрасно устроенное — прямо дворецъ; око-

ло него былъ ботаническій садъ, тамъ были разставлены астрономическіе приборы.

Если обобщить мои первыя впечатлѣнія отъ Волыни, то долженъ сказать, что, по сравненію съ Холмщиной, все здѣсь было въ громадныхъ масштабахъ, но все было тускло и сѣро. Волынь можно было уподобить огромной многоводной рѣкѣ съ тихими заводями, а Холмщину — живому, быстрому потоку ключевой воды.

Прошло мѣсяца полтора послѣ моего пріѣзда. И вотъ однажды, въ дождливый день, сижу я послѣ завтрака на диванѣ, читаю, — и вдругъ телеграмма Саблера: «Берегите святую икону». За нѣсколько дней до этого произошло Сараевское убійство эрцгерцога Фердинанда. Прочитавъ телеграмму, почуялъ страшное... понялъ сразу въ чемъ дѣло: драгоцѣнная чудотворная икона Почаевской Божіей Матери въ 6-7 верстахъ отъ границы, Лавра — мишень для австрійскихъ выстрѣловъ. А тутъ еще и зловѣщее совпаденіе!

Днемъ пріѣхалъ ко мнѣ Холмскій губернаторъ Кошкаревъ съ разспросами о Холмщинѣ, съ которой онъ меня просилъ его ознакомить. Сидимъ, бесѣдуемъ, — и вдругъ стемнѣло, и надъ городомъ пронесся ураганъ съ кровавымъ дождемъ. (Очевидно, вихрь подхватилъ гдѣ-нибудь красный песокъ). Передъ моимъ домомъ повалило огромный тополь. Народъ усмотрѣлъ въ этомъ знаменіе надвигающагося бѣдствія. Тяжелое впечатлѣніе оставило это явленіе природы...

На другой день я выѣхалъ въ Почаевъ.

Взять икону изъ Лавры и увезти ее съ собой было не легко: войны еще нѣтъ, преждевременно мутить народъ и сѣять панику невозможно. Увезти ее тайкомъ, обманывая народъ, я тоже не могъ. Въ Почаевскомъ соборѣ всегда толпились люди, человѣкъ 100-200 богомольцевъ; какъ-то народу надо было объяснить необходимость увезти икону, — и я сказалъ, что она нужна населенію Житомира, потому что вокругъ города вспыхнула эпидемія. Поднялись вой, крикъ, истерики... «Не дадимъ! Не дадимъ!..». Мы, духовенство, ушли, а монахи стоятъ растерянные, не зная, что дѣлать; потомъ, чтобы заглушить крики, запѣли молитву Божіей Матери, подняли икону на шестахъ, и понесли до ближайшей желѣзнодорожной станціи— до города Кременца (22 версты). Я опередилъ ихъ въ экипажѣ, дабы своевременно встрѣтить икону въ городѣ. Подъѣзжаю къ Кременцу (тамъ стоялъ Якутскій полкъ) — весь полкъ въ строю передъ полковой церковкой... кругомъ толпится народъ... тревожная, напряженная тишина... полковыя дамы плачутъ. Командиръ полка попросилъ меня внести икону въ церковь, отслужить молебенъ и благословить полкъ. «Кто знаетъ, можетъ быть многіе уже не вернутся...», ска-

залъ онъ. Я сталъ успокаивать: «Войны же еще нѣтъ, мобилизація не объявлена...». Но успокаивать было трудно, предгрозовое настроеніе передавалось всѣмъ, и люди, безотчетно чуя правду, къ бѣдствію уже приготовлялись. Послѣ полковой церкви я отслужилъ молебенъ въ городскомъ соборѣ, затѣмъ икону отнесли на вокзалъ и помѣстили въ мой салонъ-вагонъ.

Къ приходу поѣзда на всѣхъ станціяхъ стекались толпы народа; духовенство служило молебны. Въ Здолбуновѣ мѣстный предводитель дворянства П. А. Демидовъ сообщилъ мнѣ: «Мобилизація объявлена»... Я привезъ икону въ Житомиръ. Ее встрѣтили тучи народа. Я распорядился помѣстить Чудотворный Образъ въ моей Крестовой церкви, а мощи преподобнаго Іова (ихъ потомъ привезли изъ Почаевской Лавры) — въ соборѣ.

15-17 іюля событія продолжали нарастать. Съ каждымъ днемъ, даже съ каждымъ часомъ, становилось все тревожнѣй... 20-го іюля, въ день Ильи Пророка, я служилъ въ церкви, посвященной его памяти. Во время обѣдни пришла телеграмма: «Война объявлена».

Волынская епархія была прифронтовая, и съ первыхъ же дней войны все у насъ пришло въ движеніе; чувствовались нервность, волненіе, — объявленіе войны всколыхнуло всѣхъ. Нашу дивизію одну изъ первыхъ двинули на фронтъ, и начался періодъ проводовъ войскъ. У насъ въ Житомирѣ стояли: Вологодскій пѣх. полкъ*), Галицкій пѣх. полкъ (5-ой дивизіи)**), 5-ая артиллерійская бригада и 10-ый кавалерійскій Казанскій полкъ, шефомъ котораго была великая княжна Марія Николаевна; въ тѣ дни онъ находился на парадѣ въ Красномъ Селѣ и прямо оттуда былъ переброшенъ на фронтъ: офицерскія жены ѣздили въ Бердичевъ прощаться съ мужьями.

Уходившія воинскія части мнѣ приходилось напутствовать. Ихъ выстраивали въ боевомъ порядкѣ, и я служилъ молебны, говорилъ ободряющія рѣчи, раздавалъ крестики... Войска изумляли меня своей покорностью, смиреннымъ принятіемъ выпавшаго на ихъ долю тяжкаго жребія. Никакой паники, никакого смущенія. Солдаты глядѣли бодро, почти весело. Горько плакали только жены офицеровъ.

Война была объявлена 19-го іюля, а съ 22-го на 23-ье я устро-

*) Когда то имъ командовалъ Деникинъ.

**) Командиръ его вскорѣ же былъ убитъ. Въ первомъ сраженіи онъ потерялъ свой полкъ (запутался въ кустарникѣ), послѣ чего австрійцы разбили полкъ на-голову; послѣдовало взысканіе—командира отставили; хоть потомъ его и вернули, но это его не удовлетворило; ему хотѣлось реабилитировать свою честь; воспользовавшись первымъ подходящимъ случаемъ, онъ выѣхалъ на позицію на самомъ виду у врага, и тутъ же былъ убитъ.

илъ въ Житомирѣ ночное моленіе — мнѣ хотѣлось духовно поддержать и успокоить населеніе.

Почаевскую икону Божіей Матери вынесли на передній дворъ архіерейскаго дома, украсивъ ее вѣтками. Съ вечера началось всенощное бдѣніе съ акафистомъ, а потомъ всю ночь служили молебны и пѣли акафистъ. Одно духовенство смѣнялось другимъ. До утра народъ молился и плакалъ... Утромъ я служилъ Литургію, а по ея окончаніи мы обошли съ крестнымъ ходомъ весь городъ и отслужили заключительный молебенъ передъ каѳедральнымъ соборомъ у часовни преподобной мученицы Евдокіи (въ день ея памяти, 1-го марта былъ убитъ Императоръ Александръ II-ой, почему она и была построена).

Въ эти дни ни о чемъ, кромѣ духовной помощи народу, думать было невозможно. Помню, какъ удивило меня, когда послѣ проводовъ артиллеристовъ, я услышалъ сѣтованіе епископа Гавріила: «Почему вы меня на проводы не пригласили?». До приглашеній ли тогда было...

Дня два спустя, просыпаюсь утромъ, — весь дворъ полонъ монаховъ. Спрашиваю: «Что случилось?» Мнѣ докладываютъ: «Подъ Почаевымъ война началась.... Они изъ Лавры прибыли». Я позвалъ монаховъ и встрѣтилъ ихъ суровой отповѣдью: «Это трусость! Вы — монахи, а за шкуру свою боитесь! Бѣдные семейные священники сидятъ на мѣстахъ, а — вы?!...».

Оказалось, что подъ Лаврой уже появились первые непріятельскіе разъѣзды; были отдѣльныя стычки, одного нашего развѣдчика убили подъ самымъ монастыремъ; монахи перепугались стрѣльбы...

— Если не уѣдете обратно, — строго сказалъ я, — Лавры больше не увидите.

Послѣ завтрака, смотрю, вскинули котомочки свои на плечи и вереницей потекли со двора обратно въ Почаевъ... Мнѣ даже жалко ихъ было.

Стали появляться у насъ первые раненые, поначалу единичные. Встрѣчало ихъ населеніе восторженно, прямо на рукахъ носило. Привѣтствія, цвѣты, сласти.... Въ особомъ энтузіазмѣ были городскія дамы. На первыхъ порахъ раненые были предметомъ ихъ восторга, даже обожанія.

Потомъ пріѣхалъ на автомобилѣ къ намъ въ Житомиръ Главнокомандующій юго-западнымъ фронтомъ Николай Іудовичъ Ивановъ съ Начальникомъ Штаба Алексѣевымъ(Михаиломъ Васильевичемъ). Они прибыли для поклоненія Почаевской святынѣ. Послѣ молебна пили у меня чай. Я приготовилъ хорошую икону генералу Иванову; не

учелъ, что и Начальникъ Штаба очень важное лицо, и мнѣ пришлось спѣшно доставать вторую икону. Во время чая Иванову подали телеграмму. Онъ нахмурился, а потомъ сказалъ: «Слава Богу, все хорошо...». Оказалось, что австрійцы напали на Владиміро-Волынскъ, который защищалъ только одинъ Бородинскій полкъ; ему пришлось, пока не подоспѣли резервы, сдерживать натискъ врага, располагавшаго силами втрое-вчетверо больше насъ. О благополучномъ исходѣ Ивановъ, сидя у меня, еще не зналъ и давалъ лишь спѣшныя распоряженія.

Послѣ небольшихъ неудачъ наши войска сломили сопротивленіе австрійцевъ, и взяли Броды (возлѣ Бродъ находится католическій монастырь «Подкаменье»). Немедленно представители русской власти взяли въ свои руки управленіе оккупированной областью. Наши губернаторъ и вице-губернаторъ явились ко мнѣ уже одѣтые «земгусарами»: во френчахъ, въ высокихъ сапогахъ, въ офицерскаго покроя шинеляхъ. Ихъ примѣру послѣдовали и другіе чины гражданскаго вѣдомства — всѣ стали похожи на военныхъ. Отправлявшихся на службу въ завоеванныя части Галиціи я напутствовалъ молитвами...

Приближался праздникъ Успенья Божіей Матери — храмовой праздникъ Почаевской Лавры, — и я рѣшилъ туда поѣхать на торжество.

Прибылъ я въ Почаевъ за нѣсколько дней до праздника. Бывало къ этому дню стекались тысячи народу. Лавра и вся округа кишѣла богомольцами. А теперь не то... И въ Лаврѣ и вокругъ нея безрадостно, пустовато, сиротливо; монахи ходятъ угрюмые, нервные, грустные; вмѣсто праздничныхъ толпъ, — непрерывнымъ потокомъ движутся по дорогамъ въ сторону Галиціи войска, — живая Россія... Иногда начальство позволяло солдатамъ зайти помолиться, иногда нѣтъ. Мысленно я ихъ всѣхъ напутствовалъ. Нѣкоторые генералы и офицеры обращались ко мнѣ лично за благословеніемъ.

Вскорѣ по дорогамъ хлынула обратная волна: деревенскія подводы, нагруженныя ранеными. Въ пыли, въ грязи, съ кровоточащими ранами, плохо перевязанные, смотрѣть на нихъ было невыразимо тяжело. Я распорядился, чтобы немедленно лаврская больничка была обращена въ перевязочную, а монахи взяли на себя обязанность братьевъ милосердія. Подбилъ доктора проявить иниціативу и предпринять все, что было только возможно, лишь бы спѣшно достать перевязочный матеріалъ и проч.

Праздникъ Успенія прошелъ грустно. Народу было мало, а кто и пришелъ, всѣ — въ слезахъ, въ скорби...

На другой день послѣ праздника я рѣшилъ съѣздить въ католическій (доминиканскій) монастырь «Подкаменье». Мнѣ заложили па-

рочку лаврскихъ лошадей, и я направился въ сторону Галиціи. Смотрю, на границѣ кордона уже нѣтъ, даже пограничные столбы повалены. Навстрѣчу попались мужички: на подводахъ дрова везутъ. Надо сказать, что наши приграничные крестьяне были всегда контрабандисты заядлые, до азарта, до спортивнаго къ контрабандному риску отношенія. Сколько бывало ихъ ни подстрѣливали, — они отстать отъ этого занятія никакъ не могли (съ особеннымъ увлеченіемъ занимались контрабандой эфира). Повстрѣчавъ мужиковъ, спрашиваю: «Откуда дрова везете?» — И слышу прямодушный отвѣтъ: «...А у сосѣдняго австрійскаго помѣщика большая заготовка дровишекъ, — вотъ, мы ихъ къ себѣ и перевозимъ». Кругомъ войска, кровь, трагедія... а они «дровишками» спѣшатъ попользоваться. Великое и ничтожное въ жизни зачастую рядомъ...

Ѣду полями. Поля обработаны прекрасно. Урожай чудный...

По прибытіи въ «Подкаменье», въ виду военнаго положенія, прежде всего направился въ комендатуру. Начальство встрѣтило меня любезно, мнѣ предложили чаю, но я отказался и заявилъ о цѣли пріѣзда. Мнѣ дали фельдфебеля въ провожатые и предупредили: «Будьте въ монастырѣ съ опаской, предложатъ угощенье, — лучше не угощайтесь. Кто ихъ знаетъ...».

Въ монастырѣ меня встрѣтили доминиканцы въ бѣлыхъ рясахъ съ красной оторочкой*). Я осмотрѣлъ обитель, поразившую меня чистотой, благоустройствомъ и отпечаткомъ заграничной культуры. Монахи любезно предлагали мнѣ позавтракать: «Пожалуйста, окажите честь...» Я уклонился.

Въ Подкаменьѣ я пробылъ недолго, не больше часу, но довелось увидать удручающую картину: огромное скопище телѣгъ съ ранеными, сбившихся на площади посада и нескончаемая ихъ вереница, въ клубахъ пыли подъ палящимъ солнцемъ тянущаяся по направленію къ Почаеву... Это зрѣлище физическихъ мукъ нашихъ солдатъ глубоко запало мнѣ въ сердце....

По возвращеніи въ Лавру, я спѣшно выѣхалъ въ Житомиръ. Я почувствовалъ, что промедленіе въ помощи раненымъ недопустимо, что надо бить тревогу, спѣшно организовать эту помощь. На пути, въ гор. Кременцѣ, вокзалъ былъ заваленъ ранеными; они лежали на дебаркадерѣ вповалку, прямо на камняхъ. Тутъ же стоялъ поѣздъ: безконечная цѣпь теплушекъ набитыхъ ранеными. У вагоновъ безпомощно металась сестричка. Спрашиваю раненыхъ: «Вы голодны? вы не ѣли?». Въ отвѣтъ: «Воды... душа запеклась...» Я — къ сестрѣ: «Дайте воды!» — Она отвѣчаетъ, что у нея посуды нѣтъ. Я — къ

*) Красный цвѣтъ — символъ крови. Когда-то былъ замученъ цѣлый монастырь доминиканцевъ.

начальницу станціи. «Посуды дать не могу, — она у меня занумерованная...», заявляетъ онъ. Я послалъ въ городъ, велѣлъ за мой счетъ купить ведра, кружки, хлѣба, колбасы....

По пріѣздѣ въ Житомиръ спѣшно собралъ представителей Государственнаго Контроля, Казенной Палаты, Земства, Краснаго Креста... пригласилъ и офицерскихъ дамъ. Нарисовалъ имъ картину неорганизованности, которой былъ свидѣтелемъ, и призывалъ спѣшно приняться за дѣло. Образовался комитетъ, меня выбрали предсѣдателемъ. Я отдалъ подъ лазареты больницы духовной семинаріи, двухъ женскихъ духовныхъ училищъ и одного мужского; составлялъ лазаретныя смѣты, собиралъ пожертвованія (они притекали щедро). Мы привлекли къ общей работѣ врачей и священниковъ. Вскорѣ мы уже смогли послать телеграмму въ Броды, оповѣщая, что Житомиръ приготовился къ пріему раненыхъ.

Нашъ городъ находился на желѣзнодорожной вѣткѣ; отъ Бердичева раненыхъ приходилось переносить съ поѣзда на поѣздъ, это было неудобно, и наши лазареты поначалу на переполненіе жаловаться не могли, — наоборотъ, мы даже просили присылать намъ больше раненыхъ. Городскія дамы были на высотѣ — отдавались дѣлу всей душою, порой доходили до баловства. Потомъ подъемъ нѣсколько спалъ.

Работа у насъ была въ полномъ разгарѣ, когда вдругъ — телеграмма Саблера: «Немедленно пріѣзжайте въ Петербургъ». Я досадовалъ на несвоевременный вызовъ, всѣ мои сотрудники были тоже недовольны: мы сработались, все у насъ наладилось, я каждый день объѣзжалъ лазареты.

По пріѣздѣ въ Петербургъ являюсь къ Саблеру — и недоумѣваю, слыша его привѣтствіе: «Поздравляю, вы назначены управлять церковными дѣлами въ оккупированныхъ областяхъ. Мы хотѣли назначитъ архіепископа Антонія, и въ этомъ смыслѣ я сдѣлалъ докладъ Государю, но Государь надписалъ на докладѣ: «Поручить дѣло Архіепископу Евлогію». (Мнѣ показали собственноручную резолюцію Государя, написанную синимъ карандашомъ).

Стало жутко... Что мнѣ дѣлать въ Галиціи? Какъ въ условіяхъ войны церковными дѣлами управлять? Все было до того неясно, до того неизвѣстно, что было трудно вообразить, какъ съ такой задачей можно справиться. Я былъ, какъ въ туманѣ. Львовъ уже взяли. Генералъ-губернаторомъ оккупированныхъ областей назначили гр. Георгія Бобринскаго. Это былъ великосвѣтскій генералъ, состоявшій при Военномъ Министрѣ, изъ тѣхъ «паркетныхъ» генераловъ, которые офиціально представляли свое вѣдомство, когда это требовалъ церемоніалъ празднества или пріема. Онъ былъ родственникъ гр. Владиміра Бобринскаго, бывшаго депутата Государственной Думы,

стяжавшаго себѣ извѣстность какъ ревностный патріотъ-монархистъ, давно уже боровшійся за религіозную и національную свободу русскаго галицкаго народа. Кажется, при назначеніи Георгія Бобринскаго на постъ генералъ-губернатора, главнымъ образомъ, руководились тѣмъ, что имя его однофамильца гр. В. Бобринскаго было популярно въ Галиціи среди галичанъ-руссофиловъ. Ни административнымъ опытомъ, ни административными способностями гр. Георгій Бобринскій не отличался.

Почему выборъ Государя остановился на мнѣ? Это могло объясняться только слѣдующимъ:

Галиційскимъ дѣломъ я занимался давно, также какъ и архіепископъ Антоній, который, будучи архіепископомъ русской Церкви, былъ одновременно и экзархомъ Вселенскаго Патріарха по дѣламъ Галиціи. Галиційскій вопросъ я изучилъ еще во время пребыванія въ Холмщинѣ. Мы съ архіепископомъ Антоніемъ вели небольшую пропаганду. Владыка Антоній въ свою Житомирскую пастырскую школу охотно принималъ галичанъ, подготовляя такимъ образомъ въ Галиціи православныхъ миссіонеровъ. Когда я былъ членомъ Думы, въ Петербургѣ возникло «Русско-Галиційское Общество», предсѣдателемъ котораго былъ галичанинъ Вергунъ; тамъ мы обсуждали вопросы о національномъ и религіозномъ объединеніи галичанъ съ русскимъ народомъ.

Руссофильское движеніе въ Галиціи и въ Карпатской (Угорской) Руси имѣло свою исторію. Оно развилось въ противовѣсъ украинскому, созданному гр. Голуховскимъ въ Австріи и стремившемуся оторвать Малороссію отъ Россіи; имъ создано и самое названіе «Украина» и искусственно выработанъ особый «галицкій» языкъ, который представлялъ собою смѣсь реченій малорусскаго съ польскимъ, т. е. искаженіе настоящаго малорусскаго нарѣчія. Передъ войной видным дѣятелемъ, и даже вождемъ, украинскаго движенія былъ галицкій уніатскій митрополитъ Андрей Шептицкій. Галицко-русскіе патріоты, извѣстные подъ именемъ «москвофиловъ», энергично боролись съ этимъ теченіемъ, раскалывающимъ единство русскаго народа, всячески научно доказывая, что «Галичина» (они всегда говорили такъ, вмѣсто «Галиція») и въ историческомъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ «единая, недѣлимая Русь», со всею Россіею раздѣленная лишь несчастными политическими обстоятельствами. «Москвофилы» организовались въ культурно-просвѣтительныхъ учрежденіяхъ, въ историческомъ ставропигіальномъ Львовскомъ Успенскомъ Братствѣ, основанномъ еще въ XVII вѣкѣ, и въ Обществѣ Качковскаго; эти Общества имѣли много своихъ членовъ среди галицкаго уніатскаго духовенства, изъ котораго нѣкоторые даже бѣжали въ Россію, въ Холмщину, продолжая свою работу. Ихъ идеи охотно воспринимались на-

родомъ, который, несмотря на двухвѣковое пребываніе въ уніи, считалъ себя православнымъ и, конечно, мечталъ освободиться изъ подъ чуждаго австро-венгерскаго ига и соединиться со своей старой Матерью Россіей. Насколько глубоко было въ немъ православное сознаніе, видно изъ слѣдующаго факта. Когда уніатскіе епископы, желая рѣзче отдѣлить унію отъ православія, стали латинизировать уніатскій обрядъ, уничтоживъ иконостасы, чтобы сдѣлать храмы болѣе похожими на католическіе костелы, — народъ рѣзко запротестовалъ; когда съ тою же цѣлью митрополитъ Андрей Шептицкій распорядился на Великомъ Входѣ за Божественной Литургіей, вмѣсто «васъ всѣхъ православныхъ христіанъ», произносить «правовѣрныхъ христіанъ», — народъ въ знакъ протеста поворачивалъ спины и выходилъ изъ церкви.

Въ послѣдніе годы передъ войной въ Карпатской Руси и въ Галиціи стало пробуждаться стремленіе вернуться къ вѣрѣ своихъ отцовъ, т. е. къ православію. Русское Правительство и общество довольно равнодушно относилось къ этому тяготѣнію къ Россіи и къ православію нашихъ западныхъ братьевъ.

Въ то время, какъ при австрійскомъ генеральномъ штабѣ, при участіи митрополита Андрея Шептицкаго, лихорадочно работали надъ отторженіемъ Малороссіи отъ Россіи и созданіемъ сепаратистическаго украинскаго движенія, мы ничего не дѣлали для поддержанія галицко-русскихъ дѣятелей; и только отдѣльныя лица, во главѣ съ гр. Бобринскимъ и его немногими единомышленниками, горячо взялись за эту работу, встрѣчая ироническое и порою прямо враждебное къ себѣ отношеніе въ нашихъ либеральныхъ, не только общественныхъ, но и правительственныхъ кругахъ. Поэтому поневолѣ намъ приходилось вести свою работу кустарно, и даже до нѣкоторой степени конспиративно.

Руссофильское движеніе въ Галиціи и въ Карпатской Руси выдвинуло нѣсколько энергичныхъ дѣятелей*). Имѣло оно и своихъ подвижниковъ.

Карпато-русскій крестьянинъ Алексѣй Кабалюкъ — одинъ изъ тѣхъ, которые всей душою стремились къ возвращенію въ лоно Православной Церкви. Онъ побывалъ на Аѳонѣ, тамъ принялъ православіе, пришелъ оттуда ко мнѣ въ Холмъ, и я направилъ его въ Яблочинскій монастырь, гдѣ его постригли въ монашество, и гдѣ я рукоположилъ его въ священный санъ. Снабдивъ о. Алексѣя богослужебными книгами и церковной утварью, мы послали его на родину (въ Угорскую Русь) въ качествѣ миссіонера православія; на его призывъ

*) о. Наумовичъ, Добрянскій, Дудыкевичъ, Глушкевичъ, Бендесюкъ и много другихъ.

стали откликаться его земляки; нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ присылалъ въ Яблочинскій монастырь, гдѣ они и пріуготовлялись, по его примѣру, къ дѣятельности піонеровъ православія въ Карпатской Руси. Іеромонахъ Стефанъ шутя называлъ ихъ «камергерами», потому что они пріѣхали въ бѣломъ одѣяніи; это были кроткіе, серьезные люди, красивой внѣшности; монахи изъ нихъ вышли примѣрные. Прибыла къ намъ, съ тою же миссіонерской цѣлью, и сестра о. Кабалюка. Мы ее отправили къ матери Екатеринѣ въ Лѣснинскій монастырь, гдѣ она приняла постригъ и вернулась къ себѣ на родину, намѣреваясь основать тамъ женскій монастырь. Карпатская Русь была плодоносной почвой для миссіонерской работы, но работать было не легко. Православныхъ стали преслѣдовать съ большой жестокостью: о. Алексея Кабалюка и его сотрудниковъ жандармы били, подвергали арестамъ; монахинь вогнали ранней весной, въ мартѣ, въ озеро, гдѣ, по поясъ въ водѣ, онѣ простояли нѣсколько часовъ (почти всѣ на всю жизнь остались калѣками); наконецъ, о. Кабалюка и его послѣдователей посадили въ тюрьму, обвинивъ въ государственной измѣнѣ. Возникъ громкій Мармарошъ-Сигетскій процессъ (въ 1910-1911 г.г.), который протекалъ въ столь накаленной атмосферѣ, что гр. В. Бобринскій, выступавшій какъ свидѣтель и защитникъ, едва унесъ оттуда ноги. Обвиняемые были осуждены и просидѣли въ тюрьмѣ въ теченіе всей войны, вплоть до 1917 г.; вспыхнувшая въ Австро-Венгріи революція вернула имъ свободу.

Я былъ въ Житомирѣ, когда неожиданно явился ко мнѣ о. Алексѣй Кабалюкъ. Изможденный, измученый, съ гноящейся раной во всю грудь... Оказалось, что, выпущенный изъ тюрьмы революціонерами, онъ бросился на вокзалъ и забился въ пустой вагонъ товарнаго поѣзда, уходившаго на Украину. (Въ то время австрійцы собирали дань съ самостійной Украины и направляли къ намъ пустые товарные поѣзда, которые возвращались въ Галицію нагруженные продуктами). Гдѣ-то ночью, на остановкѣ, удостовѣрившись, что австрійская граница уже позади, онъ выскочилъ и добрался до Житомира. Я послалъ его къ доктору. Опасаясь встрѣчи на Волыни съ австрійцами, я отправилъ его въ Кіевъ, гдѣ его помѣстили для лѣченія въ больницу Кіево-Печерской Лавры.

По пріѣздѣ въ Петроградъ, послѣ переговоровъ съ Саблеромъ, я получилъ аудіенцію у Государя.

— Ваше Величество, я пріѣхалъ поблагодарить Васъ за высокое довѣріе, но не могу скрыть своего смущенія: я не подготовленъ и не знаю, въ чемъ будетъ состоять моя работа, — обратился я къ Государю.

— Поддержите православную Церковь... — сказалъ Государь.

— Генералъ-губернаторъ малосвѣдующій въ нашемъ дѣлѣ и вообще въ административныхъ вопросахъ...

— Ничего, онъ будетъ совѣтоваться съ вами.

Послѣ аудіенціи мнѣ слѣдовало заѣхать къ Верховному Главнокомандующему вел. кн. Николаю Николаевичу. Я не заѣхалъ, и за эту капитальную ошибку больно расплатился. Не заѣхалъ же я не потому, что его игнорировалъ, а потому, что военачальника въ столь отвѣтственное время, въ разгаръ войны, отвлекать отъ дѣла своимъ визитомъ, мнѣ казалось, я не долженъ. Психологически мои опасенія обернулись обидой: назначили въ завоеванную территорію управителя церковными дѣлами, а онъ къ завоевателю не явился...

До моего назначенія въ Галицію я видѣлъ Главнокомандующаго лишь мелькомъ и всего одинъ разъ, — когда во время моей поѣздки по епархіи съ иконой Почаевской Божіей Матери благословлялъ войска. Помню, я прибылъ въ Ровно. Тамъ, за городомъ, былъ военный станъ — скопилось нѣсколько полковъ, ожидая переброски на передовыя позиціи. Тутъ же находился и отрядъ Краснаго Креста, во главѣ съ вел. кн. Ольгой Александровной. Меня просили отслужить молебенъ. Во время богослуженія появился впереди молящихся великанъ въ кавалерійской курткѣ. Я узналъ Верховнаго Главнокомандующаго. Послѣ молебна вел. кн. Ольга Александровна и сестры подняли на руки икону, а я стоялъ рядомъ, благословляя молящихся и надѣляя всѣхъ крестиками. Къ встрѣчѣ съ великимъ княземъ я не приготовился и далъ ему тоже обыкновенный солдатскій крестикъ. Онъ подошелъ къ иконѣ первый, за нимъ, вереницей, генералы, офицеры и солдаты. Великая княгиня безсмѣнно, часа два, поддерживала икону. Потомъ я навѣстилъ ее тутъ же въ Ровно, въ лазаретѣ. У нея была маленькая комната, по походному обставленная: столъ, стулъ, койка. Сама она ее и убирала. Мѣстный предводитель дворянства хотѣлъ прислать горничную, — она отказалась. Когда я пріѣхалъ въ лазаретъ, она меня угостила тѣмъ, чѣмъ сама въ ту минуту располагала: остаткомъ вчерашняго цыпленка и чаемъ.

Слѣдующая моя встрѣча съ Верховнымъ Главнокомандующимъ была позже. О томъ, что къ ней привело, и при какихъ обстоятельствахъ я въ ставку пріѣхалъ, теперь и разскажу.

Во время пребыванія въ Петербургѣ, мой викарій, епископъ Діонисій Кременецкій, извѣстилъ меня изъ Почаевской Лавры о переходѣ одного пограничнаго галиційскаго прихода въ православіе. Онъ хотѣлъ привести новообращенныхъ крестнымъ ходомъ въ Лавру и просилъ моего благословенія. Я телеграфировалъ: «Богъ благословитъ».

По возвращеніи на Волынь, я на одинъ день заѣхалъ въ Житомиръ и поспѣшилъ въ Почаевъ. Приближался праздникъ Почаевской Божіей Матери (8-го сентября), и мнѣ хотѣлось къ этому дню прибыть въ Лавру для богослуженія. Однако, какъ я ни торопился, пріѣхалъ лишь въ самый праздникъ, когда оканчивалась Литургія.

Не успѣлъ я войти въ свой домъ, смотрю — изъ Лаврскаго Собора идетъ крестный ходъ съ молодымъ священникомъ во главѣ. Подошедшій ко мнѣ епископъ Діонисій объяснилъ мнѣ, что это ужъ второй приходъ, присоединившійся къ православію. «А кто же священники?» спросилъ я. — «Приходы возглавили братья Борецкіе*), родомъ изъ крестьянъ возсоединившагося прихода...». — «А гдѣ же уніатскіе священники?» освѣдомился я. Свѣдѣній о нихъ мнѣ дать не могли. Эти священники-уніаты были руссофилы, лелѣявшіе мысль о соединеніи съ Россіей, а впослѣдствіи, быть можетъ, и съ православіемъ. Въ первомъ приходѣ былъ прекрасный престарѣлый священникъ. Братья Борецкіе, грубые, непріятные люди, повидимому, воспользовались моментомъ чтобы, отстранивъ прежнихъ «батюшекъ», занять ихъ мѣсто. «Первый блинъ-то нашъ комомъ...» подумалъ я. Епископъ Діонисій предложилъ мнѣ посѣтить сейчасъ же эти приходы, «но только надо жандармовъ съ собою взять, потому что священники ключей отъ храма не даютъ, — надо будетъ ихъ отобрать...». Смотрю, молоденькій жандармъ тутъ же неподалеку вертится. Меня все это очень покоробило. Присоединеніе къ православію мнѣ представлялось постепеннымъ сознательнымъ процессомъ, — не такими скоропалительными переходами, да еще съ участіемъ жандармовъ.

Въ села я все же поѣхалъ.

Въ первомъ селѣ меня встрѣтилъ одинъ изъ Борецкихъ съ крестомъ и колѣнопреклоненный народъ съ хлѣбомъ-солью; сельскій староста обратился ко мнѣ съ рѣчью, въ которой выражалъ преданность своихъ односельчанъ «бѣлому царю и православной вѣрѣ»... — «Русскій домъ большой, всѣмъ мѣста хватитъ, всѣхъ съ любовью приметъ Мать Россія...», сказалъ я въ отвѣтъ на это трогательное, искреннее изъявленіе народнаго чувства. Затѣмъ я направился въ домъ священника. О. Борецкій уже успѣлъ занять все помѣщеніе, оставивъ своему предшественнику, уніату, лишь одну комнату. Отношеніе къ нему у лицъ меня сопровождающихъ было непріязненное. «Да вы его... вы его...» Я прошелъ въ его комнату одинъ. Священникъ встрѣтилъ меня вѣжливо, но со слезами на глазахъ жаловался на наскиванье противъ него бывшихъ его прихожанъ... Я извинился, старался его успокоить. Мнѣ было его очень жаль. «Я бы и

*) Одинъ изъ нихъ окончилъ Житомирское училище пастырей.

самъ хотѣлъ въ православіе, сказалъ онъ, но нельзя же такъ... сразу, надо же подумать».

Въ другомъ селѣ — та же картина. Тутъ дома отъ священника не отняли, но всѣ отъ него отшатнулись. Когда село меня встрѣчало, онъ стоялъ въ отдаленіи совсѣмъ одинъ. Я съ нимъ побесѣдовалъ и предложилъ пріѣхать въ Почаевъ переговорить со мною, какъ ему дальше быть.

Мои посѣщенія приходовъ имѣли непріятныя послѣдствія. Старикъ-священникъ (изъ перваго села) поѣхалъ во Львовъ и сталъ разсказывать о «вопіющихъ притѣсненіяхъ» и горько жаловался на меня. Поднялся шумъ, ропотъ, возмущеніе... Какіе методы! Какое насиліе! Въ результатѣ — телеграмма отъ вел. кн. Николая Николаевича: «Предлагаю вамъ никакихъ насильственныхъ мѣръ не принимать». Такую же телеграмму одновременно я получилъ изъ Петрограда. Состояніе мое было ужасное. Меня обвиняли въ томъ, въ чемъ я фактически былъ неповиненъ и съ чѣмъ психологически былъ несолидаренъ... Я хотѣлъ бросить все — и уѣхать. Гр. В. А. Бобринскій*) и Д. Н. Чихачевъ**), состоявшіе на разныхъ должностяхъ при генералъ-губернаторѣ, прослышали во Львовѣ о моемъ состояніи и стали уговаривать меня намѣренія своего въ исполненіе не приводить. «Мы поѣдемъ въ ставку, мы все разъяснимъ....». И вѣрно, съѣздили и разъяснили. Великій князь выразилъ желаніе, чтобы я пріѣхалъ къ нему для переговоровъ. Однако, вызовъ въ ставку я получилъ позднѣе — въ концѣ ноября.

Изъ Почаева въ началѣ ноября я направился во Львовъ; дорогой заѣхалъ къ Главнокомандующему юго-западнымъ фронтомъ Иванову. Во время нашей бесѣды онъ неожиданно объявилъ мнѣ: «Знаете, а Андрея-то мы убрали...» — «Какого Андрея?» удивился я. — «Шептицкаго...» Митрополитъ Андрей Шептицкій былъ главой уніатской церкви въ Галиціи. Когда Львовъ былъ взятъ, генералъ Брусиловъ предупредилъ Шептицкаго, что никто его не тронетъ, если онъ по отношенію къ русскимъ властямъ будетъ держать себя корректно, въ противномъ случаѣ военное командованіе будетъ вынуждено принять противъ него мѣры. Въ первое же воскресенье, въ присутствіи военнаго губернатора С. В. Шереметева, Шептицкій произнесъ въ соборѣ зажигательную проповѣдь: «Пришли варвары... посягатели на нашу культуру... и т. д.» Его арестовали. Объ этомъ арестѣ Ивановъ мнѣ теперь и сообщалъ. Впослѣдствіи весь одіумъ этого ареста почему-то палъ на меня — поползла клевета о моемъ

*) Онъ былъ при генералъ-губернаторѣ чиновниковъ особыхъ порученій.

**) Былъ причисленъ къ канцеляріи генералъ-губернатора.

участіи въ этомъ дѣлѣ. Между тѣмъ, видитъ Богъ, я никакого отношенія къ аресту Шептицкаго не имѣлъ. Вообще клевета въ тѣ дни преслѣдовала меня по пятамъ... Непріятность съ уніатскими священниками положила ей начало.

Во Львовъ я пріѣхалъ вечеромъ и остановился въ Русскомъ домѣ. Австрійцы выстроили въ свое время на Францисканской улицѣ хорошенькую церковку для своихъ православныхъ солдатъ-буковинцевъ, а при ней домикъ настоятеля. Когда Львовъ перешелъ въ наши руки, домикъ отдали вновь назначенному въ штатъ при Управленіи Генералъ-Губернатора протоіерею Туркевичу. У него я и остановился. «Вамъ надо сдѣлать визитъ генералъ-губернатору», посовѣтовалъ мнѣ о. Туркевичъ, когда мы сидѣли съ нимъ за чаемъ. — Домъ генералъ-губернатора былъ черезъ улицу, и я у него побывалъ въ тотъ же вечеръ. Я засталъ цѣлое общество: множество генераловъ и другихъ высшихъ военныхъ чиновъ. Графиня О. И. Бобринская любезно встрѣтила меня. Разговоръ былъ общій и оживленный. Я посидѣлъ съ полчаса и вернулся домой спать.

На другой день генералъ-губернаторъ былъ у меня съ отвѣтнымъ визитомъ, а потомъ я имѣлъ съ нимъ встрѣчу, и мы бесѣдовали объ общемъ положеніи. Изъ его словъ я заключилъ, что мой пріѣздъ считаютъ несвоевременнымъ, а наше военное положеніе неустойчивымъ. Пребываніе во Львовѣ, даже недолгое, выяснило мнѣ многое. Я убѣдился, что существуютъ два теченія: 1) русская администрація во главѣ съ генералъ-губернаторомъ гр. Г. Бобринскимъ, которая противъ поддержки православнаго движенія въ оккупированной Галиціи; 2) русская партія, возглавляемая гр. Владиміромъ Бобринскимъ, Чихачевымъ...., подкрѣпляемая галицкими дѣятелями «москофилами», стоитъ за болѣе активную, опредѣленную, энергичную политику въ этомъ дѣлѣ. Къ этой группѣ тяготѣлъ и я, хоть и расходился съ нею въ тактическихъ вопросахъ. Мои сторонники насѣдали на меня, настаивали на дѣйствіяхъ быстрыхъ и рѣшительныхъ, согласно пословицѣ: «Куй желѣзо, пока горячо». Директивамъ ихъ я не слѣдовалъ, ограничивался посѣщеніемъ нѣкоторыхъ приходовъ, которые добровольно присоединились къ нашей Церкви, а также назначалъ въ нихъ православныхъ священниковъ, согласно настойчивымъ просьбамъ прихожанъ: «Дайте же настоящаго русскаго священника, съ бородой, надоѣли намъ эти бритые уніаты!». Въ этотъ пріѣздъ я назначилъ въ одинъ приходъ молодого священника В. Стысло, изъ галичанъ, окончившаго Житомирскую семинарію.

Передъ отъѣздомъ изъ Львова «русская партія» просила меня пріѣхать къ 6-му декабря, ко дню именинъ Государя, чтобы пышнымъ архіерейскимъ служеніемъ въ храмѣ Успенія при Ставропигіальномъ

братствѣ*) торжественно манифестировать присоединеніе Львова къ Россіи.

По возвращеніи въ Почаевъ я получилъ извѣщеніе, что Верховный Главнокомандующій меня приметъ въ ставкѣ (26 ноября въ Юрьевъ день).

Я прибылъ въ Барановичи. Великій князь принялъ меня ласково и спокойно. За завтракомъ мы шутили, а потомъ бесѣдовали у него въ кабинетѣ, въ присутствіи его брата вел. кн. Петра Николаевича. Я извинился, что не заѣхалъ сразу послѣ назначенія, объяснилъ мотивы.

— Я не очень сочувствую созданію особаго управленія церковными дѣлами въ Галиціи, — сказалъ вел. кн. Николай Николаевичъ. — Война — дѣло невѣрное: сегодня повернется такъ, завтра иначе.

Я понялъ, что онъ раздѣляетъ точку зрѣнія протопресвитера Шавельскаго, которому не нравилось нарушеніе единства военнаго управленія всей занятой войсками территоріей. Кромѣ военнаго духовенства, онъ не признавалъ другой церковной организаціи въ предѣлахъ фронта и ближайшаго тыла.

Я сказалъ князю, что меня его телеграмма смутила.

— Мнѣ разъяснили, — замѣтилъ онъ.

— Но темное пятно клеветы на моей работѣ осталось, — продолжалъ я, — мнѣ трудно работать съ воодушевленіемъ, когда на мнѣ тяготѣетъ обвиненіе въ «огнѣ и мечѣ»...

Тутъ вмѣшался въ нашъ разговоръ вел. кн. Петръ Николаевичъ:

— Я хочу вамъ поставить церковно-каноническій вопросъ: имѣетъ-ли Синодъ право устраивать свое управленіе, пока территорія еще не русская? Она вѣдь остается и сейчасъ территоріей Вселенскаго Патріарха...

— По смыслу церковныхъ законовъ, Церковь въ своемъ управленіи слѣдуетъ за государствами. Если территорія уже управляется русскими гражданскими властями, то и русская Церковь имѣетъ право организовать свое управленіе. Я не настаиваю — я исполняю лишь волю Государя. Сейчасъ я ѣду въ Петроградъ, и сложу съ облегченіемъ возложенную на меня миссію. Во всякомъ случаѣ, я не хочу, чтобы моя церковная дѣятельность въ Галиціи могла бы хоть въ какой-либо мѣрѣ мѣшать планамъ высшаго военнаго командованія, — отвѣтилъ я.

— Да нѣтъ, нѣтъ... что вы... — заговорили великіе князья.

На этомъ наша бесѣда кончилась.

Затѣмъ я имѣлъ встрѣчу съ Начальникомъ Штаба ген. Янушке-

*) Это братство возникло въ 17-омъ вѣкѣ — мощная организація, русская по политическимъ своимъ симпатіямъ и уніатская по вѣроисповѣданію; она имѣла свой прекрасный храмъ, свою типографію и проч.

вичемъ и протопресвитеромъ Г. Шавельскимъ; мы обсуждали частные, детальные вопросы, связанные съ моимъ управленіемъ; тонъ ихъ разговора со мною мнѣ показался благожелательнымъ.

Посѣтилъ я и военную церковь при Штабѣ во имя праведнаго Николая (Кочанова) Христа ради юродиваго, патрона Главнокомандующаго; тамъ ежедневно совершалось богослуженіе, прекрасно пѣлъ небольшой хоръ изъ какихъ-то мобилизованныхъ артистовъ. Изъ ставки я проѣхалъ прямо въ Петроградъ.

Въ отвѣтъ на мое заявленіе о намѣреніи сдать мою галиційскую должность всѣ въ Петроградѣ замахали на меня руками: «Что вы, что вы, развѣ можно отказываться! Надо немедленно ѣхать! Въ Галиціи развалъ, нужно все наладить, нуженъ глазъ епископа» и т. д. Я самъ зналъ, что тамъ не все благополучно. Доказательствомъ тому было уже много фактовъ, кое-чему я самъ былъ свидѣтелемъ. Приведу для примѣра хотя-бы слѣдующій характерный эпизодъ.

Приходятъ какъ-то разъ въ Почаевъ галиційскіе мужики, и жалуются: «Австрійцы насъ угнетали, но никогда не били, а вашъ уѣздный начальникъ: ахъ та-акъ... — вотъ тебѣ за священника!».

Подобные случаи, къ сожалѣнію, во время оккупаціи бывали. Въ Галицію посылали не лучшихъ чиновниковъ, а сплавляли худшихъ. Въ результатѣ — пьянство, растраты, мордобой...

Въ Петроградѣ меня уговорили должности не сдавать, и я выѣхалъ прямымъ поѣздомъ во Львовъ съ цѣлымъ вагономъ подарковъ для солдатъ, а также съ грузомъ селедокъ, сухарей и проч., для разореннаго войною галицкаго населенія въ новыхъ православныхъ приходахъ.

Меня просили прибыть ко дню именинъ Государя, и я пріѣхалъ незадолго до 6-го декабря. Ни архіерейскаго облаченія, ни діаконовъ, ни пѣвчихъ у меня тамъ не было, — и я далъ знать въ Почаевскую Лавру. Жду день, другой, — никто не пріѣзжаетъ. Я запрашиваю телеграммой. Въ отвѣтъ: «Дорога забита воинскими поѣздами, пассажирамъ не пробиться».

Наступило 6-ое декабря. Вл. Бобринскій былъ внѣ себя. «Пропупустить праздникъ невозможно! Если такъ, — облачайтесь въ уніатское, отслужите хоть молебенъ и благословите войска», уговаривалъ онъ меня.

И вотъ, я въ католической митрѣ съ ленточками, въ красной мантіи, съ высокимъ посохомъ, служу молебенъ. Хоръ — наши солдатики. Потомъ былъ парадъ войскъ. Народу собралось видимо-невидимо. Я разоблачился и тоже присутствовалъ на парадѣ. Потомъ былъ торжественный завтракъ у генералъ-губернатора, на который прибыли генералы и другіе высшіе военные чины. Не успѣли мы выйти изъ-за стола, прибыли съ моимъ облаченіемъ «почаевцы»: архи-

мандритъ-намѣстникъ, архидіаконъ, пѣвчіе. Задержали ихъ въ пути (какъ потомъ выяснилось) умышленно, чтобы они пріѣхали, когда все уже будетъ кончено. Этотъ эпизодъ характерный: генералъ-губернаторъ боялся раздражать мѣстное населеніе слишкомъ яркими православно-русскими манифестаціями, тогда какъ «русская партія» считала нужнымъ устраивать такія демонстраціи для подъема настроенія галицкаго русскаго народа.

Изъ создавшагося положенія мы вышли хорошо. 7-го декабря было воскресенье. Гр. Вл. Бобринскій мнѣ предложилъ отслужить Литургію въ самомъ большомъ, новомъ уніатскомъ храмѣ, гдѣ церковныя службы совершались по восточному обряду — съ иконостасомъ и проч. Храмъ былъ переполненъ. Начиналась недѣля св. праотцевъ (за двѣ недѣли до Рождества). Въ этотъ день читается Евангеліе о созывѣ гостей на пріуготовленную трапезу: «грядите, все готово...» Я примѣнилъ эти слова къ Россіи. «Москофилы» были въ восторгѣ отъ патріотическаго энтузіазма, охватившаго толпу послѣ моей проповѣди. Генералъ-губернаторъ смущенно крутилъ усъ: не очень ли громко мы заявляемъ австрійцамъ о нашемъ присутствіи?.. Сторонники мои взяли съ меня обѣщаніе вновь пріѣхать на торжественное освященіе воды, на праздникъ Богоявленія (Іордань), и потомъ во Львовѣ остаться.

Я вернулся черезъ Почаевъ въ Житомиръ. Надо было посмотрѣть, что дѣлается въ епархіи, въ консисторіи. Въ мое отсутствіе порядки могли порасшататься, требовался мой глазъ.

Здѣсь я провелъ святки. Передъ Крещеніемъ пришла телеграмма отъ моихъ единомышленниковъ изъ Львова съ просьбой прибыть на водосвятіе. Одновременно я получилъ письмо отъ генералъ-губернатора гр. Бобринскаго, просьбу ихъ отклонявшее: повторное манифестированіе патріотическихъ настроеній можетъ произвести дурное впечатлѣніе, достаточно было именинъ Государя... Я рѣшилъ отсрочить поѣздку до половины января. Изъ Львова посыпались на меня упреки: «вы проваливаете все дѣло... мы на васъ разсчитывали...». Я очутился между двухъ огней.

Я пріѣхалъ во Львовъ около 15-го января и остановился опять у протоіерея о. В. Туркевича. Его квартира представляла проходной дворъ: двери цѣлый день не закрывались, въ комнатахъ съ утра до ночи была толчея — пріѣзжіе священники, военные, мужики съ запросами, съ требованіями... «Дайте православнаго священника! довольно намъ бритыхъ! Мы хотимъ — нашихъ! Съ волосами, съ бородой...» — сколько разъ приходилось выслушивать подобныя заявленія.

Стали мы съ генералъ-губернаторомъ вырабатывать условія, какими слѣдовало руководствоваться при назначеніи священниковъ въ

присоединившіеся приходы. Было рѣшено удовлетворять просьбы при наличіи 75% присоединившихся. Но тутъ возникъ вопросъ: какъ въ военное время процентное отношеніе устанавливать? Генералъ-губернаторъ заявилъ, что этимъ будетъ вѣдать спеціальная комиссія изъ его чиновниковъ — уѣздныхъ начальниковъ и др. Лишь по полученіи удостовѣренія отъ комиссіи, церковное управленіе можетъ посылать въ села священниковъ, а если разрѣшенія не послѣдуетъ, приходы должны оставаться уніатскими. Распоряженію генералъ-губернатора я подчинился.

Вотъ какъ комиссія принялась за дѣло.

Въ село выѣзжали власти въ сопровожденіи жандармовъ, и приступали къ баллотировкѣ. Населенію раздавали горошинки, которыя должны были играть роль баллотировочныхъ записокъ. Тотчасъ же возникли недоразумѣнія. Бабы горошинки теряли, въ ожиданіи своей очереди ихъ сгрызали; случалось, что самый фактъ баллотировки горохомъ вызывалъ протестъ: «Какъ можно на горохѣ мою вѣру ставить!». «Мы хотимъ «батюшку», а они съ горохомъ пристаютъ...» И нѣкоторые недовольные и оскорбленные этой административной процедурой галичане приходили ко мнѣ жаловаться, плакались, когда «по гороху» оставались въ меньшинствѣ.

Если было трудно установить, сколько крестьянъ тяготѣетъ къ православію, то не менѣе трудно было рѣшить вопросъ, кому отдавать бывшій приходскій уніатскій храмъ, если село перешло въ православіе. Генералъ-губернаторъ постановилъ: — уніатамъ. Но какъ же оставаться православному приходу безъ храма? Стоитъ храмъ посреди села, а его не даютъ. Послѣ долгихъ обсужденій комиссія постановила: если число православныхъ въ селѣ 90%, храмъ — ихъ; если меньше, — пусть служатъ по хатамъ.

Въ этотъ пріѣздъ (въ серединѣ января) я пробылъ во Львовѣ довольно долго, а потомъ направился черезъ Почаевъ въ Петроградъ. Мнѣ необходимо было оформить мое церковно-правовое положеніе. Нужны были официальныя инструкціи, нужно было организовать при мнѣ хоть маленькое управленіе, состоящее изъ казначея, секретаря и 1-2 членовъ правленія, предсѣдателемъ котораго былъ бы я; нужна была и канцелярія для пріема прошеній, отчетности и разбора текущихъ дѣлъ. До сихъ поръ я жилъ на бивуакахъ, безъ упорядоченнаго дѣлопроизводства, безъ формальностей отчетности.

На мою просьбу въ Петербургѣ откликнулись. Мнѣ дали въ члены правленія іеромонаха Смарагда (Латышенко*), волевого и

*) Онъ окончилъ первымъ или вторымъ Петерб. Дух. Академію, былъ оставленъ стипендіатомъ и окончилъ Археологическій Институтъ. Когда я

весьма даровитаго человѣка, и священника о. Михаила Митроцкаго**) (Холмской семинаріи), члена 4-ой Думы, энергичнаго работника, способнаго, умнаго, по характеру горячаго; въ секретари отрядили чиновника Синодальной канцеляріи Овсянкина. Организація управленія церковными галиційскими дѣлами дала болѣе прочную правовую основу моей церковной работѣ.

Въ февралѣ я вернулся въ Почаевъ, оттуда проѣхалъ во Львовъ на болѣе постоянное пребываніе; тамъ для меня и моего управленія была реквизирована квартира.

Мнѣ дали два этажа въ домѣ бѣжавшаго адвоката. Квартира была барская, прекрасно обставленная, брошенная владѣльцемъ на произволъ судьбы: на столѣ въ столовой остался недоконченный завтракъ.... Я потребовалъ, чтобы полицейскій приставъ составилъ опись вещей. Кажется, во время описи кое-что разворовали. Старикъ-консьержъ, бывшій адвокатскій служащій, наблюдалъ за хозяйскимъ добромъ — и неодобрительно молчалъ. Только психологія войны можетъ оправдать подобныя вселенія въ чужія квартиры. Овладѣваніе чужимъ противно, непріятно, ощущается всегда, какъ насиліе. Къ сожалѣнію, во время войны это неизбѣжно. Всѣ генералы и прочіе представители военной и гражданской власти къ такого рода вселенію вынуждались необходимостью и безвыходностью положенія.

Для служенія мнѣ дали большой уніатскій храмъ Преображенія (съ иконостасомъ), о которомъ я уже говорилъ. Теперь у меня была и свита, и пѣвчіе, и все, что нужно для архіерейскаго служенія. На службахъ бывали тучи солдатъ. Безконечная вереница исповѣдниковъ и причастниковъ безъ числа... Храмъ хоть отчасти удовлетворялъ религіознымъ нуждамъ солдатъ, — до этого не было ни одного православнаго храма (кромѣ маленькаго генералъ-губернаторскаго и походныхъ церквей въ лазаретахъ). Бѣдняги солдаты, шедшіе на фронтъ, а потому почти на вѣрную смерть, не имѣли возможности причаститься, ходили къ уніатамъ, тамъ молились и причащались. Мнѣ разсказывали, какъ въ уніатскомъ монастырѣ они вмѣстѣ съ уніатами восклицали: «Св. Священномучениче Іосафате, моли Бога о насъ» (это тотъ Іосафатъ Кунцевичъ, который былъ извѣстнымъ гонителемъ православія). Съ этимъ явленіемъ я примириться не могъ и написалъ письмо протопресвитеру Шавельскому. Указаніе на эти непорядки онъ счелъ личной для себя обидой. Од-

---

жилъ, будучи членомъ Думы, въ Синодальномъ домѣ на Кабинетской ул., онъ пѣлъ тамъ въ церковномъ хорѣ. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ и попросилъ постричь его въ монахи. Я его постригъ, а потомъ, по его просьбѣ, назначилъ преподавателемъ Холмской семинаріи; впослѣдствіи онъ занялъ тамъ мѣсто инспектора, затѣмъ ректора.

**) Одно время о. Михаилъ былъ священникомъ въ лазаретѣ Государственной Думы на фронтѣ.

нако, мое письмо имѣло доброе послѣдствіе: спѣшно была организована военно-походная церковь въ огромномъ военномъ манежѣ; онъ вмѣщалъ до 7.000 человѣкъ. Такой большой храмъ былъ необходимъ. Львовъ сдѣлался распредѣлительнымъ пунктомъ для «маршевыхъ ротъ», т. е. для тѣхъ солдатъ, которые, обученные и подготовленные, отправлялись на позиціи для пополненія порѣдѣвшихъ послѣ боевъ войсковыхъ частей. Въ этомъ храмѣ мнѣ случась служить. Выйдешь со св. Дарами — море головъ. Солдаты стоятъ покорные, безропотные, смиренные, нѣкоторые изъ нихъ тихо плачутъ... Ахъ, какая трагедія — война!.. Но было отрадно сознавать, что теперь удовлетворяются духовно-религіозныя потребности людей, жертвенно отдающихъ свою жизнь для защиты своей родины.

Число православныхъ приходовъ все увеличивалось. Ихъ было около 100. Теперь на очереди была другая забота, въ которой и приходы могли принять участіе.

Въ оккупированныхъ областяхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій появилось множество сиротъ, безпризорныхъ, брошенныхъ дѣтей. Положеніе ихъ было бѣдственное, оставить безъ вниманія это ужасное явленіе — послѣдствіе войны — было нельзя. Я разослалъ въ приходы инструкцію, — подбирать дѣтей и направлять ихъ ко мнѣ во Львовъ. Будучи еще въ Петроградѣ, я обратился въ Татьянинскій Комитетъ съ просьбой выдать мнѣ подотчетно необходимыя денежныя средства для организаціи помощи дѣтямъ. У меня во Львовѣ скопилось до 100 дѣтей. Я спѣшно открылъ два пріюта: одинъ для мальчиковъ, другой для дѣвочекъ. Подыскалъ хорошихъ учителей, учительницъ, сестеръ милосердія для ухода за малышами. Съ этой задачей удалось справиться хорошо.

На фронтѣ шли жаркіе бои, наши осаждали Перемышль — крѣпость неприступную. Помню, въ день сдачи этой австрійской твердыни подъѣхалъ къ моему дому автомобиль, и мнѣ было доложено, что Главнокомандующій юго-западнымъ фронтомъ Ивановъ проситъ меня прибыть къ нему въ Холмъ. Какъ я приглашенію обрадовался! Какъ мнѣ хотѣлось вновь побывать въ Холмѣ! Какъ мнѣ хотѣлось съ Ивановымъ поговорить! До него могли дойти доносы, наговоры на меня... По всей вѣроятности, онъ приглашалъ меня для переговоровъ съ цѣлью выяснить всю правду.

И вотъ, я мчусь на военномъ автомобилѣ. (Холмъ отъ Львова въ 90 верстахъ).

Замостье... Встрѣчаю на улицахъ священниковъ, гимназистовъ, гимназистокъ. Меня всѣ радостно привѣтствуютъ. Пріѣзжаю въ Холмъ, — весь городъ во флагахъ. Догадался сразу: — Перемышль палъ!

Я заѣхалъ въ архіерейскій домъ. Меня встрѣтилъ епископъ Анастасій. Прослышавъ о моемъ пріѣздѣ, поспѣшило ко мнѣ соборное духовенство. Волнующая, радостная встрѣча, — первая послѣ нашей разлуки...

Въ архіерейскомъ домѣ, съ которымъ у меня было связано столько воспоминаній, я нашелъ перемѣны: настроены какія-то перегородки, мебель по другому переставлена. Епископъ Анастасій сообщилъ мнѣ, что, по случаю побѣды, на площади будетъ молебенъ, и пригласилъ меня на торжество.

Передъ молебномъ я вошелъ въ соборъ, приложился къ иконамъ, къ престолу. Незабвенный по воспоминаніямъ, дорогой соборъ! Но уже все въ Холмѣ теперь не то... И въ соборѣ толпа другая: шинели, шинели безъ счету... Не тишина и миръ въ атмосферѣ города, какъ прежде, а нервность, встревоженность войной.

Молебенъ служили на площади въ присутствіи мѣстныхъ властей и войскъ. Еп. Анастасій сказалъ проповѣдь. По окончаніи торжества я отправился обѣдать къ генералу Иванову.

Онъ жилъ въ зданіи гимназіи. Вхожу. По походному обставленная комната: койка, письменный столъ, стулъ... Суровая солдатская обстановка. Я поздравляю Главнокомандующаго съ побѣдой. «Подождите, еще рано, «цыплятъ по осени считаютъ»... сдержанно отвѣтилъ онъ. Началась бесѣда. Мы объяснились.

— Меня упрекаютъ, что я форсирую событія, — это невѣрно. Я даже не удовлетворяю всѣхъ запросовъ галичанъ, и тѣмъ не менѣе уже сто приходовъ присоединилось къ православію, — сказалъ я.

Ивановъ мнѣ повѣрилъ и успокоился.

Я вернулся во Львовъ. Приближалась Пасха. Она была ранняя: 23-го марта. Встрѣчать Свѣтлый Праздникъ въ условіяхъ военной, бивуачной обстановки было трудно — подъ руками не было необходимаго — и все же я старался провести богослуженія Страстной седьмицы съ надлежащей торжественностью.

Нѣсколько дней на Пасхѣ я провелъ съ архіеп. Евдокимомъ*). Онъ пріѣхалъ для меня совсѣмъ неожиданно, прямо съ вокзала, и на мои разспросы, куда онъ направляется, объявилъ, что назначенъ архіепископомъ въ Америку. Я предоставилъ ему для служенія маленькую Буковинскую церковь, которая превратилась теперь въ губернаторскую, такъ сказать «придворную», привлекавшую на службы всю мѣстную русскую аристократію, а самъ служилъ въ солдатскомъ храмѣ (о немъ я уже упоминалъ). Мнѣ хотѣлось служить для этихъ громадныхъ солдатскихъ толпъ, для этого сонма жертвъ, обреченныхъ

*) Во время большевиковъ онъ прикнулъ къ «живой церкви».

на смерть... Привѣтствуешь ихъ: «Христосъ Воскресе!» — и тысячи голосовъ въ отвѣтъ, отъ всей души: «Воистину Воскресе!..». Мнѣ хотѣлось солдатъ ободрить, поддержать, внести въ ихъ сердца хоть немного радости. Кто могъ подумать, что черезъ два года, на смѣну этимъ безгласнымъ, покорнымъ людямъ, этимъ «жертвамъ», которыя такъ безропотно шли на смерть, — придутъ бунтовщики! Какая въ нихъ была красота смиренія, кротости, молчаливой готовности на подвигъ! Въ заутреню я христосовался съ солдатами, и христосованье затянулось такъ долго, что генералъ-губернаторъ, пригласившій меня къ себѣ разговляться, счелъ невозможнымъ дольше заставлять ждать своихъ гостей, и предложилъ приступить къ розговѣнью.

На третій день Пасхи было Благовѣщеніе. Мнѣ вновь удалось побывать въ Холмщинѣ. Въ день праздника служилъ въ Равѣ Русской (на самой границѣ Холмщины), а оттуда я рѣшилъ заѣхать въ Турковицкий монастырь. Когда въ Равѣ, послѣ богослуженія въ мѣстномъ храмѣ, меня отвезли на вокзалъ, я тамъ увидалъ, какъ прибыли, прямо съ фронта, два поѣзда съ ранеными. (Одинъ изъ нихъ — поѣздъ Императрицы, весь бѣлый, чистоты безукоризненной). Обслуживали ихъ въ пути хорошо, недостатка, видимо, ни въ чемъ не было, но картина была ужасная. Тысячи искалѣченныхъ людей, кровь, нестерпимыя физическія муки... Незабываемо-тяжкое впечатлѣніе... Оно усугублялось и тревогой о событіяхъ на фронтѣ. Уже поползли слухи о недостаткѣ снарядовъ, уже поговаривали о переломѣ въ нашихъ военныхъ успѣхахъ, о возможности отступленія... Я благословилъ раненыхъ съ тяжелымъ чувствомъ, и выѣхалъ въ Турковицы.

Игуменья м. Магдалина прислала за мной монастырскій экипажъ. Ѣду уже по Холмщинѣ. Какъ все перемѣнилось! Разоренныя деревни, оборванные, забитые крестьяне, пріунывшіе священники.... Нѣкоторые мужики меня узнаютъ, привѣтствуютъ...

Турковицкій монастырь... Какая была радость — наша встрѣча! Многіе священники въ округѣ, прослышавъ о моемъ пріѣздѣ, наѣхали въ монастырь повидаться со мною. Нѣкоторые изъ нихъ измѣнились. Чувствовалось, что война, словно буря, все перевернула кверхъ дномъ, внесла въ души и семьи горе и смятенье. Я узналъ, что нѣсколько священниковъ попали въ плѣнъ австрійцамъ и подверглись оскорбленіямъ и униженіямъ.

Вскорѣ послѣ Пасхи во Львовѣ сталъ циркулировать слухъ о прибытіи Государя въ Галицію. Понятно, какое всеобщее волненіе вызвалъ этотъ слухъ. Подумать только: послѣ столькихъ вѣковъ, подъяремная, многострадальная Галицко-Русская земля увидитъ своего желаннаго, столь долгожданнаго Русскаго Царя! Я поѣхалъ къ генералъ-губернатору за информаціями. Онъ подтвердилъ

справедливость вѣсти, но тутъ же прибавилъ, что Государь ѣдетъ исключительно къ войскамъ, чтобы ихъ ободрить, осмотрѣть только что взятую крѣпость Перемышль, и т. д., — а отнюдь не къ населенію, которое еще не его подданные. «Поэтому никакія манифестаціи, патріотическія или политическія, не могутъ быть допущены, — заявилъ генералъ-губернаторъ, — и въ вашемъ привѣтственномъ словѣ этихъ мотивовъ не слѣдуетъ затрогивать». Отъ этихъ словъ повѣяло на меня непріятнымъ бюрократическимъ холодкомъ. Черезъ нѣсколько дней пріѣзжаетъ ко мнѣ во Львовъ протопресвитеръ Г. И. Шавельскій и опять разговоръ о встрѣчѣ Государя. — «Я къ вамъ, сказалъ онъ, по порученію Верховнаго Главнокомандующаго. Государь ѣдетъ только къ арміи, и потому при встрѣчѣ не слѣдуетъ касаться никакихъ вопросовъ, — только привѣтствіе самаго общаго характера». Это вторичное напоминаніе о томъ, какъ привѣтствовать Государя, меня очень задѣло.

— Я уже не молодой архіерей, и не нуждаюсь въ указаніяхъ, какъ мнѣ встрѣчать своего Государя, — довольно рѣзко возразилъ я. О. протопресвитеръ былъ моей репликой слегка обиженъ.

— Ну, смотрите сами, — сказалъ онъ, — Главнокомандующій шутить не любитъ.

— Благодарю за предупрежденіе и беру на себя полную отвѣтственность за всѣ свои слова и дѣйствія, — отвѣтилъ я. Можетъ быть грѣшу, но мнѣ показалось, что ему (какъ и генералъ-губернатору) было непріятно, что встрѣчать Государя буду я, а не онъ.

Великъ и трогателенъ былъ восторгъ галичанъ, когда они узнали, что къ нимъ ѣдетъ Русскій Царь. Несмотря на то, что точная дата пріѣзда всячески отъ нихъ скрывалась, и вся желѣзная дорога отъ границы до Львова была оцѣплена солдатами, они узнали о времени проѣзда и съ церковными хоругвями и иконами крестными ходами устремились къ желѣзной дорогѣ — стояли шпалерами по пути слѣдованія царскаго поѣзда.

Мы встрѣчали Государя въ томъ храмѣ-манежѣ, о которомъ я говорилъ выше. Огромный храмъ былъ переполненъ до тѣсноты: генералы, офицеры, солдаты, русскіе, служащіе въ разныхъ вѣдомствахъ (среди присутствующихъ я увидалъ Предсѣд. Госуд. Думы Родзянко), мѣстное галицкое населеніе — все слилось воедино; длинная вереница священнослужителей, въ золотистыхъ облаченіяхъ, съ о. протопресвитеромъ Шавельскимъ впереди, — и все это шествіе возглавлялось мною. Моментъ былъ не только торжественный, но и волнующій, захватывающій душу...

Государь прибылъ въ сопровожденіи Верховнаго Главнокоман-

дующаго вел. кн. Николая Николаевича и генералъ-губернатора графа Бобринскаго. Пріѣхалъ онъ безъ всякаго торжественнаго церемоніала, въ рабочей военной тужуркѣ, быстро выскочилъ изъ автомобиля, на ходу бросивъ недокуренную папиросу, поздоровался со своими сестрами Ксеніей Александровной и Ольгой Александровной, стоявшими при входѣ въ храмъ въ костюмахъ сестеръ милосердія, и направился ко мнѣ. Забывъ всѣ предостереженія, я началъ свою рѣчь... Въ ней я выразилъ все, чѣмъ были полны души православныхъ галичанъ:

«Ваше Императорское Величество, Вы первый ступили на ту древне-русскую землю, вотчину древнихъ русскихъ князей — Романа и Даніила, — на которую не ступалъ ни одинъ русскій монархъ. Изъ этой подъяремной, многострадальной Руси, откуда слышались вѣковыя воздыханія и стоны, теперь несется къ Вамъ восторженная осанна. Ваши доблестные боевые орлы, сокрушивъ въ своемъ неудержимомъ стремленіи вражескія твердыни, взлетѣли на непроходимыя, недоступныя снѣжныя Карпаты и тамъ, на самой вершинѣ ихъ, теперь вьетъ свое гнѣздо могучій двуглавый Россійскій орелъ...»

Я говорилъ со всею силою охватившаго меня воодушевленія и убѣжденія, ибо непоколебимо былъ убѣжденъ въ конечномъ торжествѣ русскаго оружія; чувствовалъ я и откликъ моихъ словъ въ сердцахъ присутствующихъ; у многихъ на глазахъ блестѣли слезы... Главнокомандующему моя рѣчь была не по душѣ, онъ съ досадой крутилъ усъ и кусалъ губы, тихо ворча: «вотъ, не послушался...» (это мнѣ передавали стоявшіе близъ него люди). Государь тепло меня поблагодарилъ: «Благодарю васъ за сердечное слово».

По окончаніи молебствія я поднесъ Государю Почаевскую икону Божіей Матери, со словами: «Пусть эта св. икона напомнитъ Вамъ о посѣщеніи Вами Юго-Западнаго края вмѣстѣ съ Вашимъ покойнымъ Родителемъ, еще въ бытность Вашу Наслѣдникомъ-Цесаревичемъ, когда множество галичанъ прорвали пограничный кордонъ, чтобы видѣть Русскаго Царя. Покойный Государь замѣтилъ ихъ и обратился къ нимъ съ такими знаменательными словами: «Я знаю васъ, я помню васъ, я не забуду васъ». Эти слова, сказалъ я, теперь находятъ свое осуществленіе въ лицѣ Вашего Величества».

Протопресвитеръ кратко привѣтствовалъ Государя отъ имени арміи и тоже поднесъ ему икону.

Вечеромъ у генералъ-губернатора состоялся обѣдъ, на который я тоже былъ приглашенъ. Государь былъ очень веселъ, ласково бесѣдовалъ со всѣми, въ томъ числѣ и со мной, съ интересомъ разсматривалъ коллекцію австрійскихъ снарядовъ, собранную въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, опредѣляя на какомъ заводѣ сдѣланъ тотъ или иной снарядъ. Генералъ-губернаторъ гр. Бобринскій тутъ же

былъ пожалованъ генералъ-адъютантомъ, и на него надѣли царскіе аксельбанты и вензеля. Во время обѣда на площади передъ генералъ-губернаторскимъ домомъ послышалось какое-то движеніе и пѣніе. Оказывается, мои православные галичане съ крестами, хоругвями и иконами, несмотря на запреты, прорвались во Львовъ и запѣли русскій національный гимнъ «Боже, Царя храни!». Государь всталъ, вышелъ на балконъ, прослушалъ гимнъ и сказалъ нѣсколько сердечныхъ словъ. Восторгъ народа былъ неописуемый, нельзя было безъ слезъ видѣть и слышать, какъ эти бѣдные галичане кричали «ура» своему русскому Царю и долго не расходились, продолжая пѣть свои церковныя и народныя пѣсни.

Государь провелъ въ Галиціи нѣсколько дней, ѣздилъ въ только что взятую крѣпость Перемышль, былъ на самомъ боевомъ фронтѣ; говорили, что гдѣ-то у самыхъ окоповъ, царскій автомобиль застрялъ въ пескахъ, — выбѣжали солдаты и на рукахъ съ восторгомъ вынесли автомобиль. Можно ли было думать, что тѣ же солдаты, менѣе чѣмъ черезъ два года, проявятъ столько злобы и звѣрства къ своему любимому Царю!

По отъѣздѣ Государя, какъ водилось, многіе участники встрѣчи получили награды, ордена. Получилъ крестъ съ украшеніями протоіерей при генералъ-губернаторской церкви В. П. Туркевичъ. Меня обошли; м. б. здѣсь сказалось нѣкоторое неблаговоленіе Главнокомандующаго за мое ослушаніе. Я нисколько объ этомъ не жалѣлъ.

Довольно скоро послѣ отбытія Государя я отправился въ Петроградъ съ докладомъ о ходѣ дѣлъ. Уныніе, упадокъ духа, смятеніе... — вотъ петроградская атмосфера тѣхъ дней. Съ фронта вѣсти все хуже и хуже. Мы отступаемъ....

По представленію Синода, Высочайшимъ рескриптомъ мнѣ былъ пожалованъ крестъ на клобукъ. Это дало мнѣ чувство нѣкотораго удовлетворенія, но противъ клеветы, которая продолжала меня преслѣдовать, знакъ монаршей милости былъ безсиленъ.

Въ Петроградѣ я былъ въ началѣ мая. Тогда же пришло грозное извѣстніе: — мы сдали Перемышль. Первая мысль, которая у меня возникла, когда я объ этомъ услыхалъ: надо спѣшить во Львовъ — готовиться къ эвакуаціи.

Съ тяжелымъ чувствомъ вернулся я въ Галицію. Во Львовѣ настроеніе было напряженное, тревожное, близкое къ смятенію. Мнѣ велѣли спѣшно забрать дѣтей и переправить ихъ въ Россію. Съ этимъ дѣломъ справиться было можно. Но что дѣлать съ православными приходами? Какъ оберечь ихъ отъ ужасной участи — вновь очутиться подъ австрійской властью и принять кару за измѣну? А

если ихъ перевѣшаютъ, перестрѣляютъ?... Тревога о галичанахъ не давала мнѣ покою.

Дѣтей мы вывезли благополучно. Подали поѣздъ, нагрузили его пріютскимъ имуществомъ, посадили дѣтей, сестеръ милосердія — и направили въ Кіевъ. Тамъ митрополитъ Флавіанъ пришелъ на помощь — распорядился отвезти мальчиковъ въ Выдубецкій монастырь, а дѣвочекъ — въ Покровскій монастырь (основанный матерью вел. кн. Николая Николаевича — вел. кн. Александрой Петровной, въ монашествѣ Анастасіей), въ его филіалъ «Межегорье». Все обошлось хорошо. Не такъ было съ приходами.

Надежды на возстановленіе нашего прежняго военнаго положенія ужъ не было никакой. Во Львовѣ я встрѣтилъ генерала Брусилова. — «Ну что? какъ наши дѣла?» — спросилъ я. Брусиловъ только рукой махнулъ. «Надо собираться?» — «Надо, надо...» — подтвердилъ онъ. — «А что же дѣлать съ галичанами? Австрійцы ихъ перестрѣляютъ....» — «Да, остазаться имъ нельзя».

Я бросился къ генералъ-губернатору умолять его помочь мнѣ спасти галичанъ. Онъ сталъ меня успокаивать: «Ничего, ничего, владыка, — пусть эвакуируются, а у насъ въ пограничныхъ губерніяхъ они разсосутся». Разсосутся! Безотвѣтственное слово... Какъ могли «разсосаться» 50-100 тысячъ пришлаго населенія въ нищихъ, истощенныхъ военными реквизиціями, приграничныхъ областяхъ?

Они двинулись таборомъ, неорганизованнымъ потокомъ. Старъ и младъ, лошади, коровы, телѣги, груженныя домашнимъ скарбомъ...

Я поѣхалъ къ Главнокомандующему Иванову, чтобы обсудить что дѣлать. Онъ предложилъ мнѣ воспользоваться «Шубковымъ», артиллерійскимъ полигономъ (Волынской губ., Ровенскаго уѣзда), незаселенной площадью въ 30-40 верстъ; до войны на этомъ полигонѣ по лѣтамъ производилась учебная артиллерійская стрѣльба; были настроены для офицеровъ хатки, а для солдатъ были выкопаны землянки.

Какой-то исходъ изъ безысходности нашелся. Положеніе галиційскаго каравана было ужасно. Въ пыли, грязи, подъ дождемъ и зноемъ, рожая и умирая въ пути, двигался грандіозный таборъ бѣженцевъ, не зная, гдѣ и когда онъ осядетъ. Надо было кормить скотъ и самимъ кормиться. Наши крестьяне, оберегая свое достояніе, на свои луга чужой скотъ не пускали, а кормиться самимъ въ бѣженскихъ условіяхъ галичанамъ было тоже трудно.

Я поспѣшилъ впередъ, чтобы направить главную массу бѣженцевъ въ Шубково. Тамъ около 50.000 галичанъ и осѣло. Мѣстность пригодная для полигона оказалась далеко не пригодной для поселенія. Кругомъ болота, колодцевъ не хватало. Въ жару люди бросались къ водѣ, и въ результатѣ новое бѣдствіе: холера...

Я спѣшно выѣхалъ въ Житомиръ и попросилъ губернатора сейчасъ же мобилизовать 2-3 отряда Краснаго Креста и Земскаго Союза, также приказать отрядамъ стражниковъ оцѣпить болота и не пускать бѣженцевъ къ зараженной водѣ.

Сознавая нравственную отвѣтственность, которая на мнѣ лежала, я пережилъ тяжелые дни... Я мчался на почаевскихъ лошадяхъ то туда, то сюда, объѣзжая лагерь, и наконецъ рѣшилъ перенести свою резиденцію изъ Житомира въ маленькій монастырекъ въ гор. Дубно, чтобы, оставаясь въ связи съ Почаевымъ, находиться неподалеку отъ моихъ несчастныхъ галичанъ.

Событія надвигались грозныя. Тучи сгущались. На фронтѣ со дня на день положеніе было все хуже и хуже. Возникла тревога за судьбу Почаевской Лавры.

Отступленіе уже началось... Ужасная картина! Одинъ за другимъ тянутся поѣзда, груженные военнымъ имуществомъ... На открытыхъ платформахъ везутъ пушки, къ нимъ примостились солдаты и ѣдутъ, обнявъ пушечныя жерла... А по дорогамъ въ безпорядкѣ движутся войсковыя части... То тутъ, то тамъ виднѣется зарево пожаровъ — это наши, отступая, подожгли интендантскіе склады, деревни и хлѣба. Урожай въ тотъ годъ былъ чудный; стоялъ іюнь мѣсяцъ: нивы уже колосились.... Поначалу было дано распоряженіе — выселить всѣхъ галиційскихъ крестьянъ поголовно; потомъ его отмѣнили. Кое-какія деревни уцѣлѣли, но хлѣбъ сожгли.

Я поѣхалъ въ Почаевъ. Собралъ монаховъ, чтобы предупредить ихъ о надвигающейся бѣдѣ. Смотрю, лица у нихъ угрюмыя, трагическія...

— Врагъ близко, отцы, — обратился я къ братіи. — Можетъ быть Почаевъ перейдетъ въ его руки. Думаете ли вы оставаться, или бѣжать? Оставаться, разумѣется, — подвигъ, а подвига предписывать нельзя. Если бы остались, вы увѣнчали бы Лавру славой, заслуга ваша была бы великая... Потомъ о васъ будутъ говорить: вотъ какіе стойкіе были почаевскіе иноки! А я всѣмъ, кто останется, низко поклонюсь. Въ округѣ нужда большая въ требахъ, священники люди семейные, имъ оставаться трудно, а мы, монахи, ничѣмъ не связаны. Я не предписываю, а предоставляю вашей совѣсти рѣшить: оставаться — или уѣзжать. У кого нѣтъ мужества, пусть уѣзжаетъ — его судить не могу, не имѣю права.

Подумали монахи, подумали — и раздѣлились. Человѣкъ 30 изъ нихъ — самый цвѣтъ Лавры — остались (двое попросили разрѣшенія принять великую схиму); а остальные заявили: «Мы, владыка, по немощи нашей рѣшили уйти...».

Вскорѣ пришло циркулярное предписаніе отъ военнаго начальства спѣшно собрать въ приграничныхъ областяхъ цѣнную церков-

ную утварь и все церковное имущество изъ металла и направить его внутрь Россіи. Всталъ вопросъ: какъ быть съ почаевскими колоколами? Главный колоколъ вѣсилъ около 900 пудовъ. Спустить его казалось трудностью неодолимой. Прибыли изъ штаба военные техники, осмотрѣли колокола, и рѣшили разрѣзать ихъ на куски посредствомъ электрическихъ приборовъ. Монахи возстали: не дадимъ! не дадимъ! сами справимся! И дѣйствительно, — справились.

Они привезли изъ Шепетовки, съ сахарнаго завода, домкраты, отвязали главный колоколъ отъ балокъ, а своды въ колокольнѣ проломили — устроили какъ-бы колодезь, — и на домкратахъ стали опускать на два толстенныхъ дубовыхъ бревна. До нижняго этажа колоколъ дошелъ благополучно, а тутъ оборвался; онъ грохнулся на бревна, разрѣзалъ ихъ, какъ хлѣбъ, и ушелъ немного въ землю. Ничего, — подняли. Удивительную ловкость и смѣтку проявили монахи! Съ остальными колоколами уже было легче. Обложили колокольню у основанія подушкой изъ хвороста, соломы, мягкой земли, укрѣпили концы двухъ рельсъ на ея вершинѣ — и по рельсамъ скатывали колокола на подушку; они прыгали на ней, какъ мячики; ни одинъ не треснулъ (у одного лишь ушко повредили).

Теперь предстояло вести колокола въ гор. Кременецъ.

Соорудили особыя громадныя колеса изъ распаренныхъ гнутыхъ бревенъ, впрягли лошадей 20-30 — и повезли. Провожать колокола сбѣжалась вся округа: крестьяне, бабы... Плачутъ, рыдаютъ, причитаютъ... Разставались съ ними, точно съ родными покойниками.

Перевезли колокола въ Кременецъ благополучно; погрузили въ поѣздъ на Харьковъ и доставили въ Борки (Харьковской губ.). Тутъ ихъ два монаха и хранили до самаго Брестъ-Литовскаго мира, а когда миръ былъ заключенъ, сейчасъ же вернули въ Почаевъ, и опять своими силами братія водрузила ихъ на колокольню.

Это было уже послѣ революціи, а до этого Лаврѣ пришлось пережить много тяжкихъ дней.

Когда братія раздѣлилась, монахи, покинувшіе Почаевъ, разбрѣлись по монастырямъ, а оставшіеся приготовились къ захвату непріятелемъ. Я очень разсчитывалъ на этихъ стойкихъ иноковъ; они могли обслуживать окружное населеніе. Однако, вышло иначе. Когда австрійцы овладѣли Лаврой, въ монастырь прибылъ австрійскій эрцгерцогъ. Братія встрѣтила его почтительно, эрцгерцогъ былъ корректенъ. На другой день появился приказъ — выселить всѣхъ въ венгерскій лагерь для военноплѣнныхъ. Мой большой почаевскій пріятель, 80-лѣтній архимандритъ Николай, приказу рѣшилъ не подчиняться. «Не могъ я Лавру покинуть, разсказывалъ онъ мнѣ впослѣдствіи, какъ выйду на дворъ, да какъ посмотрю на окошечко моей кельи, — такъ и зальюсь слезами... Не могу! Не могу!

Легъ на свою койку ,— пусть дѣлаютъ со мной, что хотятъ, пусть хоть штыками заколютъ, — не уйду!» — И не ушелъ. Когда хотѣли его выволочь, онъ уцѣпился за койку — и ни съ мѣста. Поднялись крикъ, ругань.... Въ эту минуту проходилъ по коридору докторъ, услыхалъ крики и освѣдомился, въ чемъ дѣло. Ему объяснили. «Оставьте....» Старика и оставили. Въ громадной Лаврѣ только онъ одинъ и остался. Русское населеніе затаскало его на требы, а австрійскія власти были даже довольны, что онъ устранялъ поводъ къ неудовольствію мѣстнаго православнаго населенія, лишеннаго своего духовенства.

Въ Лаврѣ австрійцы стали хозяйничать безъ всякихъ церемоній. Въ главномъ храмѣ поставили свой престолъ, и начали служить мессы. Зимній храмъ (трапезный) превратили въ синема, водрузивъ кинематографическую электрическую машину на мѣсто престола. Зрители, офицеры, сидѣли въ шапкахъ, курили, приходили выпивши, держали себя распущенно. Изъ моей маленькой церкви при архіерейскомъ домѣ выбросили иконостасъ и устроили «кантину» — офицерскій ресторанъ; стѣны испещрили, негодяи, гнусными, парнографическими рисунками (потомъ я своими глазами ихъ видѣлъ); когда они изъ Лавры ушли, вся церковь была завалена бутылками. Какъ вѣрующіе, христіане, носители западной культуры могли дойти до такого безстыднаго кощунства! До такого варварства!

Мы отступали все дальше и дальше. Уже австрійцы угрожали Бродамъ. Нашъ фронтъ отъ Дубно былъ теперь верстахъ въ 20-30. Скрѣпя сердце, я рѣшилъ перебраться въ Житомиръ. Но что было дѣлать съ бѣженцами?

Я поѣхалъ къ генералу Иванову и объяснилъ положеніе дѣла: зимовать въ Шубковѣ невозможно, надо галичанъ устроить прочно.

Опять исходъ нашелся — выручили непредвидѣнныя обстоятельства.

Волынь была полна нѣмецкими колонистами. Они осѣли еще задолго до войны на главныхъ нашихъ стратегическихъ путяхъ и теперь ждали «своихъ», припрятывая для нихъ запасы зерна, пшеницы и т. д. Присутствіе ненадежнаго элемента въ ближайшемъ тылу ощущалось нашими властями на мѣстахъ, и я не разъ выслушивалъ жалобы и просьбы довести объ этомъ до свѣдѣнія военачальниковъ, чтобы они обратили вниманіе и приняли какія-нибудь мѣры противъ нѣмцевъ, которые, по чувству родства, были сторонниками непріятеля и невольно могли играть роль шпіоновъ. Я сказалъ объ этомъ Иванову. Сперва онъ отнесся къ моимъ словамъ довольно холодно: «Это невозможно... это вызоветъ новое раздраженіе...», а на другой день позиція его уже была иная: «Вы правы, надо ихъ выслать въ

глубь Россіи». Прежде чѣмъ Ивановъ успѣлъ принять мѣры, изъ Петрограда пришелъ военный приказъ: въ кратчайшій срокъ выселить всѣхъ нѣмецкихъ колонистовъ.

Былъ іюль. На Волыни урожай въ тотъ годъ выдался великолѣпный. Въ колоніяхъ поднялись плачъ, вопли... Нагрянула полиція слѣдить за спѣшной ликвидаціей. За безцѣнокъ продавались сельско-хозяйственныя орудія, скотъ, вещи. Дома бросались на произволъ судьбы. Ко мнѣ пришла делегація отъ колонистовъ. Бабы плачутъ, умоляютъ: «Защитите! Дайте убрать урожай!» Не успѣли нѣмцы ликвидировать свои хозяйства, — новый приказъ: могутъ оставаться для сбора урожая. Опять ко мнѣ явилась делегація: «Какой сборъ? Чѣмъ убирать? Мы все, до серпа, продали...». Несомнѣнно власть дѣйствовала безтолково, а въ результатѣ нелѣпое положеніе: урожай есть, а рабочихъ рукъ нѣтъ. Мнѣ пришла мысль использовать моихъ галичанъ. Земледѣльцы они хорошіе, культурные, справятся со сборомъ урожая отлично; пусть 1/4 его берутъ себѣ, а остальное пойдетъ на нашу армію; разселить же ихъ можно въ брошенныхъ колонистами хатахъ. Ген. Ивановъ мой планъ одобрилъ. Я телеграфировалъ въ Шубково, — чтобы готовились къ ликвидаціи лагеря и переселенію въ колоніи.

Въ это время въ петроградскихъ газетахъ началась противъ меня дикая травля (особенно въ «Рѣчи»): я обманулъ галичанъ, я обѣщалъ 1 руб. каждому бѣженцу суточныхъ, а въ результатѣ денегъ никакихъ не выдаютъ, а всѣхъ обрекли на вымираніе отъ холеры и т. д. Злая, нелѣпая клевета!

Лишь только въ Шубковѣ узнали о предстоящемъ переселеніи, всталъ вопросъ объ организаціи карантина. Для обсужденія, какъ его устроить, я спѣшно выѣхалъ въ лагерь. Обойтись безъ карантина было невозможно: бѣженцы могли разнести эпидемію по всей Волыни. Военныя власти посовѣщались, и придумали такого рода карантинъ: 1.000 бѣженцевъ выгонять на поле, оцѣпленное солдатами, и держать ихъ тамъ съ недѣлю; если никто изъ этой партіи не заболѣетъ, она считается годной для переселенія; а если кто-нибудь заболѣетъ, надо всю партію держать еще 7 дней. На практикѣ этотъ способъ оказался непригоднымъ: кто-нибудь всегда заболѣвалъ, и карантину не предвидѣлось конца. Я спорилъ съ военными и санитарными властями, обращался къ губернатору, убѣждая изолировать бѣженцевъ по группамъ въ 50 человѣкъ. Въ концѣ концовъ къ этому способу и перешли; результаты онъ далъ хорошіе.

Мѣсяца черезъ полтора галичане стали разселяться по хатамъ колонистовъ. Почувствовавъ надъ головой крышу, занятые привычнымъ земледѣльческимъ трудомъ, — они не знали, какъ меня и благодарить. Нѣкоторое время спустя, я объѣхалъ моихъ переселенцевъ.

Они быстро все наладили: организовались, устроили церковки, школы... Тутъ же оказалось человѣкъ 20 уніатскихъ священниковъ-руссофиловъ. Я ихъ разселилъ по колоніямъ и выхлопоталъ имъ пайки. «Я васъ не отдѣляю отъ православныхъ галичанъ», сказалъ я.

Въ тѣ дни я жилъ въ Житомирѣ, занимался моими галичанами, общался съ ними и налаживалъ ихъ дальнѣйшую судьбу, и вдругъ — извѣстіе отъ генерала Маврина: эвакуація Кіева... Лично для меня это означало спѣшный вывозъ моихъ пріютовъ. Что дѣлать? Куда ихъ дѣвать?

Завѣдующій пріютами былъ умный, энергичный священникъ о. Іоаннъ Терещенко. Я посовѣтовалъ ему нанять баржу, погрузить дѣтей со всѣмъ пріютскимъ имуществомъ, плыть внизъ по Днѣпру, обращаясь на пути во всѣ города съ просьбой объ убѣжищѣ. Такъ онъ и сдѣлалъ. Путешествіе оказалось долгимъ, на Днѣпрѣ пристроиться имъ не удалось, — пришлось по желѣзной дорогѣ ѣхать въ Бердянскъ, въ городокъ на Азовскомъ морѣ, согласившійся ихъ пріютить. Городской голова, хорошій, добрый человѣкъ, отвелъ имъ пустующую нѣмецкую фабрику. Тамъ они и расположились. Я выхлопоталъ изъ Татьянинскаго Комитета ассигновку, и черезъ 2-3 недѣли все наладилось. Дѣти стали учиться въ мѣстныхъ школахъ. Вскорѣ я получилъ письмо отъ о. Іоанна. «Все у насъ слава Богу....», писалъ онъ.

Потомъ я ихъ навѣстилъ. Мнѣ необходимо было побывать въ Ростовѣ на Дону, гдѣ осѣла группа галичанъ. Среди нихъ нѣсколько уніатскихъ священниковъ; они изъявили желаніе перейти въ православіе, и мы, архіепископъ Антоній и я, рѣшили придать этому событію характеръ празднества. Мы прибыли въ Ростовъ. Церемонія присоединенія къ нашей Церкви была обставлена очень торжественно, мы произнесли горячія проповѣди. А на душѣ было не праздично, а тревожно: ощущеніе предгрозовой духоты, надвигающихся бѣдъ....

Проѣздомъ въ Бердянскъ я остановился въ Таганрогѣ у викарнаго епископа Іоанна (Поммеръ), впослѣдствіи епископа Рижскаго, убитаго какимъ-то злоумышленникомъ въ 1934 году.

Встрѣча съ моей пріютской дѣтворой меня очень утѣшила. Дѣти были здоровы, веселы и довольны; одѣтые въ гимназическую форму, они, даже внѣшне, производили пріятное впечатлѣніе. Тутъ же въ городѣ находилась и эвакуированная изъ Холма женская гимназія.

Я пробылъ въ Бердянскѣ нѣсколько дней и уѣхалъ съ отраднымъ сознаніемъ, что съ дѣтьми все устроилось хорошо.

На фронтѣ той зимой было затишье. Австрійцы, оттѣснивъ наши

арміи за предѣлы Галиціи, заняли нѣкоторые пункты Волыни, и остановились. Мы стали собираться съ силами, организуя тотъ Брусиловскій кулакъ, который рѣшилъ судьбу весенней кампаніи (1916 года). Около Троицы мы перешли въ наступленіе и прорвали непріятельскій фронтъ. Подъ Кременцомъ были жаркіе бои. Почаевъ и Дубно вновь перешли къ намъ.

Я побывалъ и тутъ и тамъ. Дубно было неузнаваемо. Австрійцы такъ его укрѣпили, что сомнѣнья не было: они приготовились къ длительной позиціонной войнѣ. Окопы у нихъ были устроены прекрасно, даже съ комфортомъ: ковры на стѣнахъ, мягкая мебель въ офицерскомъ помѣщеніи, рояль...; передъ входомъ въ окопное подземелье были разбиты цвѣтники. Они использовали наши церкви, сосрудивъ подъ алтарями блиндажи. Организовали они и подступъ къ городу черезъ непролазныя болота: построили нѣсколько мостовъ и проложили дороги — словомъ, во время девятимѣсячнаго своего пребыванія въ Дубно они усердно поработали.

Въ Почаевѣ монастырскія зданія я нашелъ въ порядкѣ, но все австрійцы устроили по своему. Они провели электричество и сдѣлали водопроводъ. Въ окружныхъ деревняхъ соорудили красивые палисадники. Но все это благоустройство не могло искупить вины — осквернения Почаевскихъ церквей, о которомъ я уже сказалъ.

Послѣ весенней побѣды, при Главнокомандующемъ юго-западнымъ фронтомъ было организовано новое Церковное Управленіе, во главѣ котораго поставили протоіерея Титова. На реконструкцію Управленія повліяла записка поданная Верховному Главнокомандующему генералъ-губернаторомъ гр. Бобринскимъ*). Въ ней онъ критиковалъ мои дѣйствія въ Галиціи и обвинялъ меня въ нежеланіи слушаться его совѣтовъ, съ нимъ считаться и проч. — словомъ, отвѣтственность за всѣ нареканія на дѣйствія Церковнаго Управленія во время оккупаціи онъ возлагалъ на одного меня. Я на обвиненія не возражалъ, рѣшилъ перенести ихъ молча...

Послѣ эвакуаціи я донесъ въ Синодъ о своихъ дѣйствіяхъ, какъ главы Православной Церкви въ Галиціи. Формальной моей отставки не послѣдовало, просто Новое Управленіе организовали безъ меня.

Въ то лѣто, несмотря на Брусиловское побѣдное наступленіе, наши неудачи на Сѣверномъ и Западномъ фронтахъ были такъ серьезны, что внесли тревогу предчувствія грядущихъ бѣдъ. Прежняя устойчивость поколебалась. Дума стала нервничать, въ Совѣтѣ Министровъ началась министерская чехарда... Сазонова, опытнаго дипломата, освѣдомленнаго во всѣхъ сложныхъ международныхъ отно-

*) Вскорѣ гр. Бобринскій былъ уволенъ, на его мѣсто назначили Ф. Ф. Трепова.

щеніяхъ, смѣнилъ Штюрмеръ*), человѣкъ ограниченнаго ума, никакого отношенія къ дипломатіи не имѣвшій, элементарно къ ней не подготовленный. Это странное назначеніе повліяло на всѣхъ угнетающимъ образомъ. Многимъ теперь хотѣлось махнуть на все рукой...

Ставку Верховного Главнокомандующаго перенесли изъ Барановичей въ Могилевъ.

Я пріѣхалъ въ Ставку, надѣясь получить аудіенцію у Государя. Мнѣ хотѣлось воспользоваться случаемъ, чтобы разъяснить недоразумѣніе относительно моей дѣятельности въ Галиціи; но генералъ Алексѣевъ принялъ меня холодно, и мое желаніе аудіенціи отклонилъ. Изъ тона бесѣды и психологической атмосферы, царившей въ Ставкѣ, я понялъ, что разъяснять мнѣ некому и нечего: всѣмъ было не до меня....

Я рѣшилъ ѣхать въ Петроградъ для полученія отъ Синода офиціальнаго освобожденія отъ должности, а также для сдачи ему всѣхъ дѣлъ, денежныхъ суммъ и отчетовъ.

Въ Петроградѣ я видѣлся со Штюрмеромъ. Мнѣ казалось полезнымъ освѣтить ему положеніе церковныхъ дѣлъ въ Галиціи, хоть я прямого отношенія къ нимъ уже не имѣлъ. Однако, разговориться на эту тему мнѣ не удалось. Штюрмеръ держался важно, даже нѣсколько напыщенно, показывалъ мнѣ портреты предыдущихъ министровъ Иностранныхъ Дѣлъ и, видимо, былъ весьма доволенъ своимъ новымъ назначеніемъ. Когда рѣчь зашла о войнѣ, онъ заговорилъ о русской мощи и непобѣдимости въ тонахъ столь противорѣчащихъ дѣйствительности, что мнѣ стало тяжко и жутко его слушать.

— У меня былъ на-дняхъ шведъ... Онъ разсказывалъ, что въ Берлинѣ всѣ крайне истощены, а посмотрите, — въ Петроградѣ? Какъ будто никакой войны! Да развѣ насъ побѣдишь!?

Настроеніе въ столицѣ было предгрозовое... Кое-гдѣ уже не хватало продуктовъ. Нарастало недовольство. Назначенія Штюрмера и Протопопова (онъ только что былъ назначенъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ) это недовольство лишь подогрѣвали. Городъ былъ полонъ недоброжелательныхъ слуховъ о новыхъ министрахъ. Дума негодовала. Изъ устъ въ уста передавался разсказъ о нелѣпомъ поступкѣ Протопопова, пріѣхавшемъ въ Думу на засѣданіе бюджетной комиссіи... въ жандармскомъ мундирѣ**); о странномъ его поведеніи у Родзянко, который совмѣстно съ нѣкоторыми членами Думы (въ томъ числѣ съ Шингаревымъ и Гучковымъ) пригласилъ его для бесѣды на квартиру: все, что тамъ Протопоповъ говорилъ, было стенографически записано спрятанной за портьеру стенографисткой, и

*) Штюрмеръ — Предсѣдатель Совѣта Министровъ 20/I 1916 г. и одновременно Министръ Внутреннихъ Дѣлъ; съ 9/VII — Министръ Иностранныхъ Дѣлъ.

**) Министръ Вн. Дѣлъ совмѣщалъ и должность шефа жандармовъ.

теперь его похвальба близостью къ царской четѣ и проч. ходила въ записи по всему городу.

Въ тотъ пріѣздъ я навѣстилъ и гр. Игнатьеву. Когда я былъ въ Галиціи, она посылала церковныя облаченія для галиційскаго духовенства и относилась не безучастно къ православному дѣлу въ австрійскомъ зарубежьѣ. Я поѣхалъ поблагодарить ее. Въ бесѣдѣ мы коснулись назначенія на постъ Товарища Оберъ-Прокурора кн. Жевахова. Этотъ маленькій чиновникъ Государственной Канцеляріи, человѣкъ ничѣмъ не выдающійся, внезапно получилъ видное назначеніе. Карьерную удачу объясняли близостью къ Распутину и давленіемъ «высшихъ сферъ»...

Гр. Игнатьева разсказывала мнѣ о своей бесѣдѣ съ кн. Жевахов ымъ. На ея вопросъ, какія были у него основанія занять должность, къ которой онъ не подготовленъ, Жеваховъ отвѣтилъ общей фразой объ условности понятія компетенціи: «Не боги горшки обжигаютъ»...

Въ Петроградѣ у меня разболѣлись ноги. Походная жизнь, которую я до тѣхъ поръ велъ, давнее мое недомоганіе лишь осложнила: раны не заживали. Я рѣшилъ съѣздить въ Москву полѣчиться. Хотѣлось мнѣ и повидать кое-кого изъ моихъ холмскихъ друзей. Монастыри Красностокскій и Турковицкій были эвакуированы въ Москву. Здѣсь имъ отвели помѣщенія: Красностокскому — въ Нескучномъ; Турковицкому — въ одномъ изъ корпусовъ Марфо-Маріинской обители, гдѣ я и поселился. Тутъ же проживали теперь еп. Серафимъ (Бѣльскій) и о. Сергій, мои холмскіе сотрудники и настоятели Яблочинскаго монастыря.

Поначалу меня лѣчилъ проф. Зыковъ, завѣдывавшій великолѣпно оборудованной раковой клиникой на Дѣвичьемъ полѣ. Его лѣченіе пользы мнѣ не принесло. Боли усилились, появилась краснота. Въ концѣ концовъ я легъ въ лазаретъ вел. кн. Елизаветы Федоровны. Лежалъ я тамъ среди раненыхъ, въ палатѣ со стеклянными дверями прямо въ церковь. Это давало возможность, лежа на койкѣ, присутствовать на церковныхъ службахъ. Въ чистотѣ и покоѣ я пролежалъ нѣкоторое время, и мнѣ стало лучше.

Во время пребыванія въ Марфо-Маріинской обители мнѣ довелось бесѣдовать съ вел. кн. Елизаветой Федоровной. Въ бесѣдѣ со мной великая княгиня откровенно и неодобрительно отзывалась о Государынѣ.

— Какъ это можетъ быть, что Государыня, образованный человѣкъ, докторъ философіи, — а насъ не понимаетъ? — спросилъ я.

— Какая она образованная! Она рѣшительно ничего не понимаетъ, — сказала великая княгиня.

Я узналъ, что незадолго до нашей бесѣды вел. кн. Елизаветѣ Федоровнѣ было предложено покинуть Царское Село, потому что ея критическое отношеніе къ тому, что при Дворѣ происходило, не понравилось.,.

На Покровъ я служилъ, въ храмовой праздникъ, въ Марфо-Маріинской обители. Въ проповѣди говорилъ о православномъ почитаніи Божіей Матери, отличномъ отъ католическаго. Для католиковъ Божія Матерь — Мадонна, недосягаемый идеалъ чистоты и дѣвственности; для насъ Богоматерь — нѣжная, любящая мать; мы цѣлуемъ икону, чувствуемъ доступность ея, несмотря на наше недостоинство. Католикамъ такое воспріятіе Богоматери чуждо.

Поздней осенью (1916 г.) я вернулся изъ Москвы на Волынь. Дорогой мнѣ случилось разговориться съ двумя спутниками. Это были молодые люди, ѣхавшіе въ сосѣднемъ купэ. Мы познакомились, они предложили мнѣ выпить съ ними чаю, стали меня разспрашивать, какъ я работалъ въ Галиціи, какъ я смотрѣлъ на свою миссію и т. д. Между прочимъ задали и такой вопросъ: не нахожу ли я, что православная моя дѣятельность въ Галиціи была преждевременна? Я сказалъ, что, оглядываясь теперь назадъ, признаю, что надо было дѣйствовать осторожнѣе... — Въ результатѣ мимолетнаго разговора, черезъ нѣсколько дней въ лѣвыхъ газетахъ — заявленіе: «Архіепископъ Евлогій признаетъ миссію въ Галиціи безполезной и вредной...»

Въ Житомирѣ я пробылъ недолго и въ началѣ декабря выѣхалъ въ Луцкъ. Къ тому времени сформировалась особая армія — подъ командой генерала Балуева, — объединявшая гвардейскіе полки. Балуевъ командовалъ раньше 17-ой дивизіей, расквартированной въ Холмѣ, и мы съ нимъ были пріятели. Я посылалъ его дивизіи подарки на фронтъ. Теперь онъ просилъ меня объѣхать полки особой арміи. Я прибылъ въ Луцкъ, гдѣ находился ея штабъ.

Городъ былъ переполненъ ранеными. Лазаретовъ было множество (какъ вообще во всѣхъ городахъ на третій годъ войны). Я началъ объѣзжать ихъ, обходилъ раненыхъ, раздавалъ имъ крестики, бесѣдовалъ съ ними, случалось, шутилъ. Помню, какъ-то разъ подъѣзжаю я къ лазарету, смотрю, германскій аэропланъ надъ головою кружится... Едва успѣлъ войти, — раздался оглушительный ударъ. На улицѣ разорвалась сброшенная съ аэроплана бомба. Взрывомъ убило двухъ солдатъ, которые везли возъ сѣна, а моему шоферу-солдату все лицо засыпало осколками. — Я получилъ Георгіевскую медаль за опасность, которой подвергся.

Въ одномъ изъ лазаретовъ со мной произошелъ смѣшной эпизодъ. Я далъ крестикъ молодому красивому солдатику. Бесѣдую съ нимъ, глажу по головѣ, цѣлую, стараюсь его ободрить, — а кру-

гомъ всѣ смѣются... Въ чемъ дѣло? Оказалось, что солдатикъ — женщина-добровольцъ.

Послѣ лазаретовъ я объѣхалъ полки; видѣлъ атаки аэропланов и обстрѣлъ ихъ изъ пушекъ.

Отъѣздъ мой изъ Луцка совпалъ со слѣдующимъ обстоятельствомъ. Я пріѣхалъ на вокзалъ, купилъ газету, развернулъ ее — и вижу заголовокъ «Убійство Распутина»... Первое впечатлѣніе, которое не изгладилось и впослѣдствіи, — вздохъ облегченія. Темная сила отошла...

По возвращеніи въ Житомиръ я сталъ готовить рождественскіе подарки для фронта. Повезъ ихъ преосвященный Аверкій, смѣнившій епископа Гавріила. Во время моихъ галиційскихъ поѣздокъ наши отношенія съ преосвященнымъ Гавріиломъ натянулись. Онъ былъ самолюбивъ, это создавало вѣчные конфликты, затруднявшіе работу. Въ Петроградѣ я говорилъ о создавшемся невыносимомъ положеніи, и епископа Гавріила назначили въ Челябинскъ. Его мѣсто занялъ ректоръ нашей Житомирской семинаріи, милѣйшій, кроткій, добрый архимандритъ Аверкій. Смѣна произошла въ то время, когда я жилъ въ гор. Дубно. Хиротонія состоялась въ Житомирѣ. Я возглавлялъ это торжество. Прошло оно тихо, почти безъ гостей. Присутствовали лишь епископъ Фаддей и старшій братъ архим. Аверкія — епископъ Пахомій (викарій въ Черниговѣ), котораго пріятели прозвали «циклопомъ». Будучи студентомъ Казанской Духовной Академіи, въ припадкѣ фанатическаго изступленія онъ обжегъ себѣ глазъ на лампадкѣ. Этотъ порывъ изувѣрской ревности о спасеніи обезобразилъ его физически, лишилъ его на этотъ глазъ зрѣнія, но душа у него осталась по прежнему прекрасная. Прямолинейный, добрый человѣкъ, онъ добродушно отшучивался, когда кто-нибудь напоминалъ ему о причиненномъ себѣ увѣчьѣ.

Преосвященный Аверкій, возившій подарки на фронтъ, получилъ награду: «Владиміра съ мечами». Онъ лазалъ по окопамъ, подвергся обстрѣлу, проявилъ много мужества.

Послѣ Рождества я рѣшилъ вновь полѣчить ноги. Мнѣ посовѣтовали обратиться къ опытному молодому хирургу Истомину, доценту Харьковскаго Университета. Онъ предложилъ удаленіе пораженныхъ венъ. Я согласился. Операцію произвели въ Житомирѣ, въ Общинѣ Краснаго Креста. Во главѣ ея стояла Наталія Ивановна Оржевская, рожденная кн. Шаховская (сестра Дмитрія Ивановича Шаховского). Это была святая женщина, она умѣла такъ поставить свой лазаретъ, что всякій, кто въ него попадалъ, чувствовалъ себя, словно въ Царствіи Небесномъ. Она состояла членомъ «Христіанскаго

Движенія Молодежи», (У. М. С. А.), центромъ котораго въ Петроградѣ былъ «Маякъ». Архіепископъ Антоній Волынскій съ нею воевалъ, обличалъ въ «еретическихъ воззрѣніяхъ». Наша Церковь вообще относилась къ «Движенію» отрицательно, считая его сектантскимъ. Меня не разъ приглашали на собранія «Движенія», но митрополитъ Кіевскій Владиміръ меня всякій разъ энергично отговаривалъ: «Что вы! вѣдь это сектанты!». Въ Петроградѣ я все же на нѣкоторыхъ собраніяхъ побывалъ. Помню одно изъ нихъ, въ залѣ Калашниковской биржи. Выступалъ въ тотъ вечеръ профессоръ Калькутскаго Университета и говорилъ о значеніи Евангелія. Залъ былъ набитъ молодежью. Въ аудиторіи стояла тишина сосредоточеннаго глубокаго вниманія. Искренность религіозной настроенности слушателей тронула меня. Рѣчь оратора сводилась къ тому, что люди Евангелія не знаютъ; въ области науки готовы признать истину, подтвержденную опытомъ, а въ области духовной они отвергаютъ истину безъ опыта; между тѣмъ, сдѣлать опытъ надо. «У меня много случаевъ, — сказалъ ораторъ, — когда люди, отбросивъ всякое предубѣжденіе, принимались читать Евангеліе, и дѣлались христіанами... Я вамъ Евангелія не навязываю, а лишь говорю: возьмите, почитайте...».

Предстоящая мнѣ операція взволновала всѣхъ моихъ друзей. Одна игуменья, въ тревогѣ за ея исходъ, горячо молилась. Ей приснился сонъ: я иду въ лазаретѣ по коридору — направляюсь въ палату, за мной идетъ Царица Небесная...; лишь только Она переступила порогъ палаты, — двери захлопнулись. Игуменья почла сонъ за указаніе, что операція пройдетъ благополучно. И, дѣйствительно, я перенесъ хлороформъ хорошо (операція длилась 40 минутъ), и выздоровленіе протекало безъ всякихъ осложненій.

Во время болѣзни я ближе познакомился съ моимъ хирургомъ, докторомъ Истоминымъ. По политическимъ убѣжденіямъ онъ былъ «лѣвый». Ежедневно онъ приносилъ мнѣ новости одна другой ужаснѣй, одна другой позорнѣй... Такъ, напримѣръ, сообщилъ о поѣздѣ Императрицы, прибывшемъ съ фронта пустымъ: офицеры предпочитали лучше лежать въ теплушкахъ, нежели пользоваться поѣздомъ Царицы, настолько имя ея на фронтѣ было скомпрометировано. Возражать Истомину мнѣ становилось все труднѣе.

Въ февралѣ (1917) я покинулъ лазаретъ. Приближалась «великая, безкровная»...

Архіепископъ Волынскій

(РЕВОЛЮЦІЯ. ЦЕРКОВНЫЙ СОБОРЪ. 1917—1918)

ГЛАВА XVI

Вскорѣ по выздоровленіи мнѣ пришлось участвовать въ Земскомъ Собраніи. Атмосфера его была нервная, грозовая... Я сказалъ рѣчь съ нѣкоторымъ подъемомъ. Губернаторъ Скаржинскій, «крайній правый», въ бытность свою непремѣннымъ членомъ Губернскаго Присутствія въ Черниговѣ энергично содѣйствовалъ выборамъ «правыхъ» въ Государственную Думу, — велъ на этомъ Собраніи свою линію, уязвляя «лѣвыхъ», мѣшая имъ, старался не давать имъ «слова» и тѣмъ лишь обострялъ страсти.

Не успѣло Собраніе окончиться, — первая ласточка революціи: телеграмма священника изъ Здолбунова (большой желѣзно-дорожный узелъ): «Рабочіе просятъ отслужить молебенъ по случаю переворота». Неосвѣдомленный ни о чемъ, я былъ ошеломленъ. Запросилъ губернатора, не извѣстно ли ему, что случилось. Скаржинскій тоже ничего еще не зналъ и посовѣтовалъ оставить телеграмму безъ отвѣта. Политику отмалчиванья я не признавалъ и телеграфировалъ, что молебенъ разрѣшаю, но безъ политическихъ рѣчей. Къ вечеру пришло извѣстіе, подобное взрыву бомбы: — Государь отрекся отъ престола... Всѣ растерялись, никто не рѣшался вѣсти повѣрить. Однако, на другой день губернаторъ Скаржинскій собралъ представителей всѣхъ вѣдомствъ и официально заявилъ о полученномъ правительственномъ сообщеніи.

Мнѣ телефонировалъ мой пріятель, католическій епископъ Дубовскій*), и просилъ разрѣшенія ко мнѣ пріѣхать. Онъ только что вернулся изъ Петербурга и былъ передъ революціей послѣднимъ, кому дана была аудіенція у Государя. Представлялся онъ Государю по посвященіи во епископы. Безъ одобренія русскаго монарха Римскій Папа не могъ утверждать кандидатуръ высшаго католическаго духовенства въ Россіи. Если кандидатъ былъ пріемлемъ, онъ пред-

*) По моей просьбѣ его кандидатуру въ епископы поддержалъ директоръ департамента инославныхъ исповѣданій Мѣнкинъ. мой холмскій пріятель.

ставлялся Государю и получалъ отъ него перстень*). Епископъ Дубовскій пріѣхалъ ко мнѣ и разсказывалъ объ аудіенціи: Государь произвелъ на него самое пріятное, даже обаятельное, впечатлѣніе.

Съ перваго же дня послѣ переворота передо мной, какъ главой Волынской епархіи, всталъ вопросъ: кого и какъ поминать на церковныхъ службахъ? Поначалу, до отреченія великаго князя Михаила Александровича, онъ разрѣшался просто. Послѣ возникло осложненіе. Въ концѣ концовъ рѣшено было поминать «благовѣрное Временное Правительство».... Діаконы иногда путали и возглашали «Многія лѣта» — «благовременному Временному Правительству...»

Первые революціонные дни въ Житомирѣ: — толпа на улицахъ, шествія, «Марсельеза», красные банты, красные флаги... Священники, чиновники, всѣ.... въ бантахъ. Крайній правый, видный «черносотенецъ», въ порывѣ революціоннаго энтузіазма, кричалъ толпѣ съ балкона: «Марсельезу! Марсельезу!..».

Іеромонахъ Іоаннъ (изъ пастырскаго училища), несмотря на постъ, привѣтствовалъ меня: «Христосъ Воскресе! Христосъ Воскресе!», а въ отвѣтъ на мои увѣщанія быть болѣе сдержаннымъ, возразилъ: «Вы не понимаете!..». Потомъ я узналъ, что онъ въ училищѣ со стѣны сорвалъ царскій портретъ и куда-то его спряталъ.

Несмотря на все ликованіе вокругъ меня, на душѣ моей лежала тяжесть. Вѣроятно, многіе испытывали то же, что и я. Манифестъ объ отреченіи Государя былъ прочитанъ въ соборѣ, читалъ его протодіаконъ — и плакалъ. Среди молящихся многіе рыдали. У старика городового слезы текли ручьемъ...

Пасхальную заутреню я служилъ въ соборѣ, биткомъ набитомъ солдатчиной. Атмосфера въ храмѣ была революціонная, жуткая... На привѣтствіе «Христосъ Воскресе!» среди гула «Воистину Воскресе!», какой-то голосъ выкрикнулъ: «Россія воскресе!!».

Съ первыхъ же дней противъ меня началась травля. Я выѣзжалъ попрежнему въ архіерейской каретѣ. Случалось, до меня долетали враждебные выкрики: «Недолго тебѣ теперь кататься!» и проч.

Докторъ Истоминъ, оперировавшій меня, былъ выбранъ предсѣдателемъ исполкома мѣстнаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и произносилъ на засѣданіяхъ зажигательныя рѣчи. Объ удачной операціи онъ теперь жалѣлъ. «Не зналъ я, что Евлогій «черная сотня», а то я-бъ его во время операціи...»

Въ моихъ лазаретахъ началось нестроеніе. Правда, непріятныхъ инцидентовъ со мною не произошло; когда я на Пасхѣ ѣздилъ по лазаретамъ съ кошелкой красныхъ яицъ, солдаты попрежнему со мною

*) Православные епископы при хиротоніи получали отъ Государя облаченіе.

христосовались, однако, сестры милосердія жаловались, что среди раненыхъ недовольство; что они предъявляютъ всевозможныя требованія, изъявляютъ претензіи, подаютъ петиціи...

Приближался Почаевскій праздникъ «Живоноснаго Источника» (въ пятницу на Святой)*), и я рѣшилъ съѣздить въ Почаевъ. Въ Лаврѣ почувствовалось что-то неладное... Старые, заслуженные монахи встрѣтили меня, какъ обычно, а низшая братія смотрѣла на меня какъ-то бокомъ. Намѣстникъ жаловался мнѣ, что по угламъ идетъ шушуканье, что иноки работаютъ съ лѣнцой и послушаніе не прежнее...

Возвратился я въ Житомиръ ужъ не въ салонъ-вагонѣ, а какъ самый обыкновенный пассажиръ, причемъ въ Руднѣ Почаевской мнѣ пришлось долго просидѣть на вокзалѣ въ ожиданіи опоздавшаго поѣзда.

Волны революціи вздымались все выше, разливаясь по Россіи все шире...

У насъ,на Волыни (какъ и во многихъ епархіяхъ въ тѣ дни),среди низшихъ церковнослужителей, діаконовъ и псаломщиковъ началось броженіе. Вскорѣ ихъ насмѣшливо прозвали «соціалъ-діаконами» и «соціалъ-псаломщиками». Они потребовали отъ меня спѣшнаго созыва Епархіальнаго Съѣзда для обсужденія текущихъ вопросовъ. Я согласился.

Съѣздъ собрался на Пасхѣ. Въ составъ его, кромѣ духовенства, вошли представители: 1) отъ Краснаго Креста, при чемъ меня, почетнаго предсѣдателя, и епископа Аверкія удалили изъ состава правленія; 2) отъ Земства; 3) отъ военныхъ организацій фронта и госпиталей**).

Въ тѣ дни по всей Россіи пробѣжала волна «низверженій епископовъ»; Синодъ былъ заваленъ петиціями съ мѣстъ съ требованіями выборнаго епископата. Члены нашего Волынскаго Епархіальнаго Съѣзда протелеграфировали Оберъ-Прокурору Львову такое же требованіе.

Открылся Съѣздъ въ помѣщеніи Женскаго Духовнаго Училища. Передъ началомъ занятій былъ молебенъ въ церкви. Я сказалъ «слово» о новой жизни, объ обновленіи церковной жизни, потому что Церковь не оторвана отъ общенародной русской судьбы; закончилъ заявленіемъ о томъ, что считаю свое присутствіе на Съѣздѣ излиш-

---

*) Праздникъ иконы Богоматери «Живоносный Источникъ» введенъ въ Константинополѣ. Эта чудотворная икона находилась во Влахернскомъ храмѣ. Въ Почаевѣ праздникъ этотъ былъ пріуроченъ ко дню празднованія «стопы» Богородицы.

**) Любопытная подробность: делегатомъ отъ акушерокъ и фельдшерицъ былъ избранъ какой-то солдатъ.

нимъ, такъ какъ будетъ обсуждаться вопросъ о желательности или нежелательности меня, какъ управителя епархіи.

Въ президіумъ вошли: младшій священникъ Житомирскаго собора о. Захарій Саплинъ (предсѣдатель), діаконы, псаломщики и одна делегатка — Н. И. Оржевская (отъ женскихъ организаций).

Въ первую очередь всталъ вопросъ обо мнѣ. Матросы и солдаты яростно напали на меня: «Черная сотня», «старорежимникъ...» и т. д. Дебаты длились цѣлый день. Секретарь обѣщалъ извѣстить меня, какъ только резолюція будетъ проголосована. Я прождалъ оповѣщанія до полуночи и взволнованный неизвѣстностью легъ спать. Среди ночи меня разбудилъ келейникъ: «Со Съѣзда делегація...». Въ первую минуту я рѣшилъ, что сейчасъ услышу вѣсть недобрую... Делегація прибыла въ составѣ о. Саплина, діакона, псаломщика и Н. И. Оржевской. Къ моему удивленію, постановленіе Съѣзда оказалось прямо противоположнымъ тому, къ чему я приготовился. Н. И. Оржевская торжественно прочитала слѣдующее постановленіе Съѣзда*):

«Господину Оберъ-Прокурору Св. Синода.

Первый Свободный Епархіальный Съѣздъ Волынскаго духовенства и мірянъ въ открытомъ засѣданіи своемъ, состоявшемся 14-го апрѣля 1917 года, по выслушаніи ораторовъ, освѣтившихъ политическую и церковно-общественную дѣятельность Архіепископа ЕВЛОГІЯ, въ связи съ возбужденнымъ Городскимъ Исполнительнымъ Комитетомъ ходатайствомъ, объ удаленіи его изъ Волыни, послѣ всесторонняго обсужденія вопроса нашелъ предъявляемыя къ Архіепископу обвиненія недоказанными, а основанія Комитета для ходатайства объ удаленіи Архіепископа, какъ лица угрожающаго общественному спокойствію, недостаточными и, наоборотъ, считаетъ постановленіе Городского Исполнительнаго Комитета объ удаленіи Архіепископа ЕВЛОГІЯ производящимъ большое смущеніе въ средѣ населенія не только гор. Житомира, но и всей Епархіи и голосованіемъ своимъ, почти единогласнымъ (196-6), выразилъ довѣріе Архіепископу и постановилъ: просить Св. Синодъ, а въ Вашемъ лицѣ Временное Правительство, объ оставленіи Архіепископа ЕВЛОГІЯ на Волыни, какъ Архипастыря, любимаго, уважаемаго и искренно-православнымъ людямъ желаннаго.

Предсѣдатель Съѣзда Священникъ Захарій Саплинъ».

Съѣздъ прошелъ бурно. Въ результатѣ — куча сумбурныхъ протоколовъ и всякаго рода постановленій: объ уравненіи псаломщиковъ въ какихъ-то правахъ и проч. Весь этотъ матеріалъ мнѣ былъ доставленъ, я принялъ его къ свѣдѣнію, — этимъ дѣло и кончилось.

*) Копія этаго постановленія сохранилась у Митрополита Евлогія.

Въ началѣ лѣта политическая судьба Волыни начала измѣняться. Украйна стала «самостійной», въ Кіевѣ организовалась «Украинская Рада». Мы попали въ зависимость отъ новаго политическаго центра.

Общее положеніе въ епархіи становилось все хуже и хуже. Въ деревняхъ грабежи и разбой, въ уѣздахъ погромы помѣщичьихъ усадебъ и убійства помѣщиковъ. Случалось, что въ праздникъ деревня отправлялась въ церковь, а послѣ обѣдни всѣмъ міромъ грабила сосѣднія усадьбы. Престарѣлый князь Сапѣга, извѣстный на всю округу благотворитель, человѣкъ культурный и доброжелательный, вышелъ къ крестьянамъ и хотѣлъ вступить съ ними въ переговоры, но какой-то солдатъ крикнулъ: «да что его!..» — и убилъ на мѣстѣ. Почуявъ кровь, толпа озвѣрѣла и разгромила его усадьбу. Особенно неистовствовали въ прифронтовой полосѣ. Тутъ была просто вакханалія. И немудрено! Всѣ вооружены, всѣ на войнѣ привыкли къ тому, что человѣческая жизнь ничего не стоитъ... Куда дѣвалось «Христолюбивое воинство» — кроткіе, готовые на самопожертвованіе солдаты? Такую внезапную перемѣну понять трудно: не то это было вліяніе массоваго гипноза, не то душами овладѣли темныя силы...

Мы всѣ теперь жили въ паникѣ. Въ Житомирѣ еще было сравнительно тихо, но и у насъ, — увидишь солдата, думаешь, какъ-бы пройти незамѣченнымъ, чтобы не нарваться на оскорбленіе.

Во главѣ Губернскаго Управленія стоялъ уже не губернаторъ, а «губернскій староста», такъ переименовали предсѣдателя Земскихъ Управъ, къ которымъ послѣ революціи перешла губернаторская власть (у насъ «старостой» былъ нѣкто Андро). Въ сущности власти уже не было, жизнь держалась лишь силой инерціи — и надвигался всероссійскій развалъ...

Украинскую Раду въ то лѣто (1917) возглавлялъ бывшій Подольскій семинаристъ Голубовичъ; Министерство Исповѣданій — «бывшій епископъ Никонъ», мой сотоварищъ по Московской Духовной Академіи*). Передъ войной онъ занималъ мѣсто викарнаго епископа въ Кременцѣ (послѣ него былъ назначенъ епископъ Діонисій, нынѣ православный митрополитъ въ Польшѣ) и оставилъ по себѣ весьма дурную память въ связи съ одной скандальной исторіей въ женскомъ духовномъ училищѣ... Разными неблаговидными происками онъ добился избранія въ 4-ую Государственную Думу. Въ Петербургъ добѣжали слухи о Кременецкомъ скандалѣ, и его перевели въ Енисейскъ. Онъ перевезъ съ Волыни ученицу духовнаго училища и беззастѣнчиво поселилъ ее въ архіерейскомъ домѣ. Населеніе возмущалось и всячески проявляло свое негодованіе. Когда вспыхнула революція, епископъ Никонъ снялъ съ себя санъ, превратился въ Ми-

*) См. страницу 62.

колу Безсонова, «бывшаго епископа Никона», и тотчасъ съ ученицей обвѣнчался. По возвращеніи на Украйну, онъ сталъ сотрудничать въ газетахъ въ качествѣ театральнаго рецензента и подписывалъ свои статьи «бывшій епископъ Никонъ — Микола Безсоновъ», не дѣлая исключенія и для рецензій объ опереткахъ. Его бракъ кончился трагично. Жена его была найдена въ постели мертвой, съ револьверной раной. Безсоновъ нахально похоронилъ ее въ Покровскомъ женскомъ монастырѣ. Покойницѣ на грудь онъ положилъ свою панагію, въ ноги — клобукъ; на лентѣ была отпечатана наглая, кощунственная надпись.

А теперь Микола Безсоновъ былъ Украинскимъ Министромъ Исповѣданій!! Отъ него поступали бумаги, а Епархіальному Управленію приходилось вести съ нимъ дѣловую переписку. Это было такъ противно, что я рѣшилъ съѣздить въ Кіевъ и переговорить съ Предсѣдателемъ «Рады» Голубовичемъ. Онъ былъ сынъ священника. Мнѣ казалось, что аппелируя къ прошлому, къ семейнымъ традиціямъ, къ памяти его отца, — я, можетъ быть, добьюсь удаленія Безсонова.

Я высказалъ Голубовичу мое глубокое возмущеніе назначеніемъ Министромъ Исповѣданія ренегата, человѣка осквернившаго санъ. Однако, на мою просьбу пожалѣть Церковь и ее защитить, онъ не отозвался, ссылаясь на техническую освѣдомленность Безсонова въ дѣлахъ церковнаго управленія.

— Но въ Церкви первое — нравственный цензъ, — горячо возражалъ я. — Неужели въ Кіевѣ не найти другого знающаго человѣка?

Мой протестъ ни къ чему не привелъ. Безсоновъ остался министромъ....

По возвращеніи изъ Кіева послѣ переговоровъ съ Голубовичемъ, я нашелъ у себя дома пакетъ изъ Синода: меня призывали къ работѣ въ Предсоборномъ Присутствіи.

Февральскій переворотъ вызвалъ революціонное броженіе въ епархіяхъ. Всюду спѣшно созывались Епархіальные Съѣзды для обсужденія недочетовъ церковной жизни, для заявленій всевозможныхъ требованій и пожеланій, а кое-гдѣ и протестовъ противъ мѣстныхъ архіереевъ. Оберъ-Прокуроръ В. Н. Львовъ былъ заваленъ подобнаго рода протестами. Онъ держался диктаторомъ и переуволилъ не мало архіереевъ.

Въ Москвѣ открылся Всероссійскій Епархіальный Съѣздъ изъ представителей духовенства и мірянъ, но безъ епископовъ; исключеніемъ былъ епископъ Андрей Уфимскій (кн. Ухтомскій), прогремѣвшій на всю Россію своимъ либерализмомъ. На съѣздѣ говорили о модернизаціи богослуженія, объ ослабленіи церковной дисциплины... Поднятъ былъ вопросъ и о созывѣ Всероссійскаго Церковнаго Собо-

ра. Этотъ проектъ встрѣтилъ повсюду единодушный откликъ, — и въ результатѣ возникло Предсоборное Присутствіе. Ему была поручена подготовительная работа по созыву Собора, разработка законопроектовъ, подборъ нужнаго матеріала и проч.

О Всероссійскомъ Церковномъ Соборѣ и о введеніи патріаршества впервые заговорили у насъ въ революцію 1905-1906 г.г.; тогда же было создано Предсоборное Присутствіе, которое усердно поработало и оставило 4 тома меморандумовъ архіереевъ — цѣннѣйшій матеріалъ по всѣмъ вопросамъ церковнаго устройства. На начатое дѣло Побѣдоносцевъ наложилъ руку — и Присутствіе было распущено. Теперь вновь оно возникло (весной 1917 г.).

Въ его составъ вошли: 1) всѣ члены Синода, 2) выдающіеся представители богословскихъ наукъ и каноническаго права, профессора Духовныхъ Академій и Университетовъ*), 3) семь архіереевъ по выбору: каждый епархіальный епископъ выставлялъ своихъ 7 кандидатовъ; получившіе большинство голосовъ призывались къ работамъ въ Предсоборномъ Присутствіи. Среди избранныхъ оказался и я.

Получивъ извѣщеніе отъ Синода, я выѣхалъ изъ Житомира. Моимъ спутникомъ отъ Москвы до Петрограда оказался директоръ Женскихъ Курсовъ въ Москвѣ. Завязалась бесѣда. Его отношеніе къ революціонной дѣйствительности и удивило и озадачило меня. «Подумать только!.. въ Россіи великій переворотъ — и ни капли крови! Невиданное въ исторіи революцій явленіе. Русскіе — святой народъ...», умилялся онъ. Я слушалъ его скептически. Наша интеллигенція не брала чутьемъ революціонной стихіи, а уже пахло кровью...

Въ Петроградѣ я поселился въ Синодальномъ Подворьѣ, на Кабинетской улицѣ. Хоть мнѣ и отвели ту же комнату, гдѣ я жилъ, будучи членомъ 3-ей Думы, однако, попрежнему въ старомъ помѣщеніи я себя не чувствовалъ: сказывалась революція. Синодальные чиновники всѣ куда-то исчезли, зданіемъ завѣдывали рабочіе Синодальной типографіи, которые сознавали себя хозяевами положенія и поселились въ нѣсколькихъ комнатахъ. О ѣдѣ пришлось переговорить съ рабочимъ-завѣдующимъ, который и организовалъ мое питаніе съ помощью своей жены. Долженъ все-таки отмѣтить, что новые управители относились ко мнѣ вѣжливо.

Началась работа въ Предсоборномъ Присутствіи.

Руководствуясь трудами унаслѣдованными отъ предшественниковъ (Пред. Присут. 1905-1906 гг.), мы приступили къ разсмотрѣнію

*) Въ число ихъ попали профессора: Кудрявцевъ, Лазаревскій, Громогласовъ, Карташевъ и друг.

реформы Церковнаго Управленія по слѣдующему плану: 1) высшее церковное управленіе, 2) епархіальное, 3) приходское. Обсужденіе этихъ трехъ отдѣловъ вызвало горячіе споры. Особенно много было споровъ по вопросу о возстановленіи патріаршества. Либеральные профессора стояли за синодальное, коллегіальное, начало и высказались противъ патріаршества, усматривая въ немъ принципъ единодержавія, не отвѣчающій, яко-бы, требованіямъ даннаго историческаго момента. Этотъ взглядъ одержалъ верхъ, и патріаршество въ Предсоборномъ Присутствіи провалили.

Не менѣе горячіе споры вызвалъ законопроектъ объ участіи мірянъ во всѣхъ трехъ ступеняхъ церковнаго управленія. На засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Арсенія Новгородскаго, горячую рѣчь произнесъ А. Папковъ. Онъ отстаивалъ горячо, почти изступленно, самыя широкія права прихода, какъ юридическаго лица, которое должно обладать неограниченнымъ правомъ завѣдыванія церковнымъ имуществомъ (тѣмъ самымъ права приходскаго духовенства значительно урѣзывались). Ему спокойно и сдержанно возражалъ Н. И. Лазаревскій: безконтрольное хозяйничанье мірянъ можетъ привести къ весьма неожиданнымъ постановленіямъ — а если они постановятъ продать Казанскій Соборъ подъ увеселительное заведеніе, тогда что дѣлать? Папковъ былъ внѣ себя отъ этой реплики. Несмотря на разногласія при обсужденіи вопроса о реформѣ прихода, соборное начало все же восторжествовало, и Предсоборное Присутствіе выработало основные принципы того устава приходской жизни, которымъ мы нынѣ и управляемся.

Столь же важнымъ дѣломъ была и выработка Наказа будущему Собору; Всероссійскій Церковный Соборъ 1918 г. впослѣдствіи имъ и руководился.

Наша работа протекала въ тревожной, накаленной атмосферѣ.

Было начало іюля... Идешь бывало пѣшкомъ изъ оберъ-прокурорскаго дома, на Литейной, къ себѣ на Кабинетскую, — несутся грузовики съ вооруженными рабочими... Страшныя, озвѣрѣлыя лица... Стараешься пройти стороной, понезамѣтнѣй. Революціонное настроеніе въ городѣ все сгущалось — и наконецъ разразилось вооруженнымъ выступленіемъ большевиковъ. Наступали кровавые дни «3-5 іюля»...

Помню 3-го іюля, не успѣли мы придти на засѣданіе, — раздался пулеметный трескъ тра-та-та... тра-та-та... Смотримъ въ окно, — толпы народу... Рабочіе, работницы, красные флаги... Крикъ, шумъ, нестройное пѣніе «Интернаціонала»... По тротуарамъ бѣгутъ испуганные прохожіе, мчатся грузовики съ вооруженными до зубовъ людьми... Доносятся ружейные выстрѣлы...

Члены нашего собранія нервничаютъ, кричатъ предсѣдателю ар-

хіепископу Сергію «Закройте! Закройте засѣданіе!...» Но онъ спокойно возражаетъ: «Почему намъ не работать? То, что происходитъ, дѣло улицы. Насъ это не касается». Даже прибывшіе съ Васильевскаго острова архіереи, съ большимъ трудомъ добравшіеся до Литейной, своими блѣдными, разстроенными лицами не поколебали хладнокровія нашего предсѣдателя. Такъ подъ трескъ пулеметовъ и выстрѣлы мы въ тотъ день и занимались...

Предсоборное Присутствіе проработало очень интенсивно до конца іюля. Синодальная канцелярія и канцелярія Оберъ-Прокурора намъ помогали. Исполнительная часть нашей работы легла на нихъ, мы лишь обсуждали и рѣшали. Замѣна А. В. Карташевымъ В. Н. Львова пришлась то-же во время. В. Н. Львовъ вносилъ въ дѣловую атмосферу нашихъ засѣданій раздраженный, истерическій тонъ, предвзятую недоброжелательность по отношенію къ архіереямъ -- онъ не помогалъ работѣ, а мѣшалъ. Съ А. В. Карташевымъ можно было договориться.

Мы выработали слѣдующій порядокъ выборовъ въ Соборъ. Каждая епархія должна была послать на Соборъ 5 делегатовъ: правящаго епископа (не викарія), священника, діакона и 1 мірянина. Выборы надлежало провести въ двухнедѣльный срокъ послѣ роспуска Предсоборнаго Присутствія.

Насъ распустили 1-го августа, и я поспѣшилъ въ Житомиръ на выборы.

На нашемъ Епархіальномъ Собраніи отъ священниковъ былъ выбранъ о. В. Туркевичъ, тотъ самый у котораго я останавливался во Львовѣ во время оккупаціи; онъ долго жилъ въ Америкѣ и былъ весьма опытный ораторъ. Отъ мірянъ избрали преподавателя Духовной Семинаріи Василія Яковлевича Малахова. Еще выбрали одного діакона и одного псаломщика. 12-го августа мы всѣ вмѣстѣ тронулись въ Москву.

Сперва въ Москвѣ я остановился въ Марфо-Маріинской обители, въ томъ корпусѣ, который былъ отведенъ Турковицкому монастырю, а потомъ всѣхъ насъ, делегатовъ, поселили въ общежитіи Собора, въ зданіи Духовной Семинаріи (въ Каретномъ ряду). Епископамъ отвели классы; имъ пришлось размѣститься по два-три человѣка въ одной комнатѣ и разгородиться ширмами. Священникамъ и другимъ делегатамъ отдали дортуары, гдѣ они спали на семинарскихъ койкахъ. Меня митрополитъ Тихонъ устроилъ въ отдѣльной маленькой комнатѣ, а игуменья Турковицкаго монастыря м. Магдалина постаралась ее поуютнѣе обставить и даже выхлопотала мнѣ отдѣльный телефонъ. Питаніе было общее для всѣхъ членовъ общежитія съ тою лишь разницей, что для епископовъ отвели отдѣльную трапезную.

Церковный Соборъ открылся 15-го августа, въ Успенье, — въ храмовой праздникъ Успенскаго собора. Этотъ соборъ — центральный храмъ Кремля, глава всѣхъ русскихъ церквей, соборъ всѣхъ соборовъ...

Наканунѣ Успенья старѣйшіе митрополиты: Кіевскій митрополитъ Владиміръ и Московскій митрополитъ Тихонъ служили тамъ торжественную всенощную, а намъ, остальнымъ архіереямъ, было предложено служить по разнымъ московскимъ церквамъ. Я долженъ былъ служить въ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ (въ Кремлѣ)*).

Въ монастырь я пріѣхалъ въ экипажѣ. Мать Магдалина пригнала изъ Холмщины своихъ монастырскихъ лошадокъ и предложила мнѣ пользоваться монастырскимъ выѣздомъ. Это было большое удобство, потому что во время Собора разъѣздовъ было много, а передвиженіе по Москвѣ уже было затруднительно по недостатку и дороговизнѣ извозчиковъ.

Старушка-игуменья, м. Евгенія настоятельница Вознесенскаго монастыря, ласково встрѣтила меня. Службы въ монастырѣ отправлялись безъ пропусковъ, и всенощная тянулась безконечно. Было уже поздно. Игуменья предложила мнѣ переночевать. Я отпустилъ лошадей — и заночевалъ.

Утромъ я отслужилъ въ монастырѣ обѣдню, и направился съ крестнымъ ходомъ къ Успенскому собору.

Вокругъ собора несмѣтныя толпы народу... Лѣсъ хоругвей... Къ входу не пробиться. Насъ, архіереевъ, прибывающихъ съ крестными ходами, проводили черезъ алтарь. Въ соборѣ всѣ іерархи заняли мѣста на особомъ возвышеніи. Изъ членовъ правительства присутствовали: Премьеръ-Министръ Керенскій (во френчѣ), Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Авксентьевъ, Министръ Исповѣданій Карташевъ и Товарищъ Министра Исповѣданій Котляревскій. Членъ Синода митрополитъ Владиміръ съ амвона огласилъ грамату св. Синода объ открытіи Всероссійскаго Церковнаго Собора и предложилъ членамъ Собора произнести Символъ Вѣры. Затѣмъ присутствующіе съ церковными пѣснопѣніями двинулись въ Чудовъ монастырь на поклоненіе мощамъ митрополита Алексія. Въ процессіи шествовали: Керенскій, Родзянко, Львовъ и др. Народъ, увидавъ Керенскаго, устроилъ ему овацію и разразился громовымъ «ура»... Во время оваціи Керенскій куда-то исчезъ. Изъ Чудова монастыря члены Собора направились на Красную площадь для совершенія всенароднаго молебствія. Къ этому времени на площади собрались крестные ходы отъ всѣхъ соборовъ, монастырей и церквей Москвы. Въ молебствіе были включены особыя прошенія на ектеніяхъ и особыя молитвы. По окончаніи

*) Тутъ хранились мощи кн. Евдокіи, жены Дмитрія Донского.

молебствія Кремлевскій крестный ходъ вернулся въ Успенскій соборъ.

Въ теченіе всего дня во всѣхъ храмахъ непрерывно звонили колокола. Благовѣстъ затихъ лишь во время молебна на Красной площади.

День открытія Собора оставилъ сильное и хорошее впечатлѣніе. Чувствовался большой подъемъ. Члены Собора и вѣрующій народъ молились горячо, съ чувствомъ отвѣтственности передъ Богомъ и Церковью.

На другой день, 16-го августа, послѣ Литургіи состоялось открытіе Собора въ храмѣ Христа Спасителя.

Литургію служилъ митрополитъ Московскій Тихонъ въ сослуженіи своихъ викаріевъ и священниковъ — членовъ Собора. По окончаніи богослуженія архіереи въ мантіяхъ вышли изъ алтаря и разсѣлись посреди храма полукругомъ на скамьяхъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ. Остальные члены размѣстились по сторонамъ.

Кіевскій митрополитъ Владиміръ, первенствующій членъ Синода, открылъ засѣданіе краткой рѣчью. Соборъ пропѣлъ стихиру «Днесь благодать Святаго Духа насъ собра», послѣ чего послѣдовали привѣтствія. Первымъ говорилъ отъ имени Временнаго Правительства Министръ Исповѣданій Карташевъ, который красиво закончилъ свою рѣчь: «Осѣняю себя вмѣстѣ съ вами широкимъ православнымъ крестомъ»... Далѣе слѣдовали привѣтствія: отъ Синода — Митрополита Платона, отъ Московской митрополичьей каѳедры — митрополита Тихона, отъ различныхъ учрежденій: академій, университетовъ, корпорацій, отъ арміи и флота и проч.

Первое дѣловое засѣданіе состоялось на третій день въ Епархіальномъ Домѣ (въ Лиховомъ переулкѣ ном. 6), который отдали въ распоряженіе Собора. Тамъ былъ огромный залъ, примыкавшій къ амвону; алтарь отдѣлялся отъ зала подвижной перегородкой. На солеѣ, спиной къ иконостасу, были разставлены кресла для архіереевъ; впереди ихъ, посрединѣ, — столы, покрытые зеленымъ сукномъ, — для президіума; къ нимъ лицомъ, амфитеатромъ размѣстились члены Собора.

Засѣданіе открылъ старѣйшій изъ іерарховъ, — Кіевскій митрополитъ Владиміръ въ присутствіи 445 членовъ Собора. Заслушавъ еще нѣсколько привѣтствій: отъ Верховнаго Главнокомандующаго Корнилова, отъ Московскаго Университета (Е. Н. Трубецкого), отъ Комиссіи Всемірной Конференціи Американской Епископальной Церкви и др. — собраніе перешло къ выбору Президіума, который по уставу долженъ былъ состоять изъ предсѣдателя и 6 товарищей предсѣдателя: 2 епископовъ, 2 священниковъ и 2 мірянъ.

Предсѣдателемъ былъ избранъ Московскій митрополитъ Тихонъ (большинствомъ 407 голосовъ противъ 30). Предпочтеніе, которое собраніе оказало митрополиту Тихону, можно отчасти объяснить тѣмъ, что онъ былъ хозяиномъ московской епархіи и по характеру былъ живѣе и энергичнѣе робкаго и застѣнчиваго митрополита Кіевскаго Владиміра. Но не правильнѣе ли предположить, что избраніе объяснялось тѣмъ, что митрополитъ Тихонъ провиденціально уже пріуготовлялся къ высшему служенію?

Товарищами Предсѣдателя были избраны: 1) архіепископы Арсеній Новгородскій и Антоній Харьковскій (Храповицкій)); 2) протопресвитеръ Успенскаго собора о. Николай Любимовъ и протопресвитеръ о. Георгій Шавельскій; 3) Е. Н. Трубецкой и М. В. Родзянко.

Послѣ этого собраніе перешло къ организаціи отдѣловъ, или комиссій. Каждый изъ нихъ долженъ былъ имѣть свой президіумъ, возглавляемый епископомъ. Отдѣловъ организовали 20 : 1) Уставный, 2) Высшаго Церковнаго Управленія*), 3) Епархіальнаго Управленія, 4) Церковнаго Суда, 5) Благоустройства Прихода, 6) Правового положенія Церкви въ Государствѣ, 7) Богослуженія, Проповѣдничества и Церковнаго Искусства, 8) Церковной Дисциплины, 9) Внѣшней и Внутренней миссіи, 10) Единовѣрчества и старообрядчества, 11) Монастырей и монашества, 12) Духовныхъ Академій, 13) Духовно-учебныхъ заведеній, 14) Церковно-приходской школы, 15) Преподаванія Закона Божія, 16) Церковнаго имущества и хозяйства, 17) Правового и имущественнаго положенія духовенства, 18) Устройства Православной Церкви въ Закавказьѣ, въ связи съ объявленной грузинами автокефаліей своей Церкви, 19) Издательскаго состава и 20) Личнаго состава.

При образовавшемся Соборномъ Совѣтѣ были учреждены Совѣщанія по вопросамъ религіозно-просвѣтительнымъ, хозяйственно-распорядительнымъ и юридическимъ.

Я былъ избранъ предсѣдателемъ отдѣла «Богослуженіе, Проповѣдничество и Церковное искусство». (Въ «Церковное искусство» входили вопросы иконописи, архитектуры, пѣнія, музыки и церковно-историческихъ древностей).

Въ отдѣлахъ шла разработка матеріала и проектировались постановленія, которыя потомъ вносились на утвержденіе общаго собранія.

По предложенію кн. Е. Н. Трубецкого, передъ началомъ трудной и отвѣтственной работы члены Собора рѣшили съѣздить вкупѣ на поклоненіе мощамъ великаго молитвенника и собирателя Русской земли преподобнаго Сергія.

*) Предсѣдателемъ этого отдѣла былъ преосвященный Митрофанъ Астраханскій, мой коллега по Государственной Думѣ.

Мы пріѣхали въ Сергіевъ Посадъ цѣлымъ поѣздомъ. Горячо молились у раки Преподобнаго. Моральное воздѣйствіе эта поѣздка оказала большое: делегаты вернулись освѣженные духомъ благодати, умиротворенные, чуждые другъ другу люди сблизились, непримиримые смягчились...

Прежде чѣмъ говорить о дѣловой жизни Собора, я хочу сказать объ общемъ впечатлѣніи о немъ за время первой его сессіи*).

Поначалу матеріала для обсужденія въ общемъ собраніи еще не накопилось, работа сводилась къ установленію соборной организаціи и «докладамъ съ мѣстъ». Эти доклады давали полную картину того, что происходило тогда въ епархіяхъ.

Русская жизнь въ тѣ дни представляла море взболамученное революціонной бурей. Церковная жизнь пришла въ разстройство. Обликъ Собора, по пестротѣ состава, непримиримости, враждебности теченій и настроеній, поначалу тревожилъ, печалилъ, даже казался жуткимъ... Нѣкоторыхъ членовъ Собора волна революціи уже захватила. Интеллигенція, крестьяне, рабочіе и профессора неудержимо тянули влѣво. Среди духовенства тоже были элементы разные. Нѣкоторые изъ нихъ оказались тѣми «лѣвыми» участниками предыдущаго революціоннаго Московскаго Епархіальнаго Съѣзда, которые стояли за всестороннюю «модернизацію» церковной жизни. Необъединенность, разбродъ, недовольство, даже взаимное недовѣріе.... — вотъ вначалѣ состояніе Собора. Но — о, чудо Божіе! — постепенно все стало измѣняться... Толпа, тронутая революціей, коснувшаяся ея темной стихіи, стала перерождаться въ нѣкое гармоническое цѣлое, внѣшне упорядоченное, а внутренно солидарное. Люди становились мирными, серьезными работниками, начинали по иному чувствовать, по иному смотрѣть на вещи. Этотъ процессъ молитвеннаго перерожденія былъ очевиденъ для всякаго внимательнаго глаза, ощутимъ для каждаго Соборнаго дѣятеля. Духъ мира, обновленія и единодушія поднималъ всѣхъ насъ...

Главная моя работа на Соборѣ сосредоточилась въ томъ отдѣлѣ, гдѣ я былъ предсѣдателемъ (отдѣлъ «Богослуженіе, Проповѣдничество и Церковное искусство»). Отдѣлъ этотъ необъятный. Съ самаго начала образовались подъотдѣлы. Я оставилъ за собой богослужебный уставъ — обсужденіе необходимыхъ въ этой области преобразованій.

Дѣло въ томъ, что богослуженіе по «Типикону» уже давно не

*) Сессій было три: первая отъ 15-го августа до Рождества; вторая — послѣ святокъ до Страстной; третья, послѣдняя, — осенняя; она закончилась 7-го сентября 1918 г.; я имѣлъ возможность участвовать только въ первой сессіи.

исполнялось. «Типиконъ» — завѣщаніе старыхъ временъ — вездѣ уже сокращали, но сокращенія были настолько произвольны, что даже возникла поговорка: «Что попикъ, — то «типикъ»...», или: «Аще изволитъ настоятель». Словомъ, въ этой области разнообразіе граничило съ безобразіемъ. Церковный уставъ составляли иноки Въ условіяхъ мірской жизни исполнять его стало невозможно. Необходимо было установить общіе принципы для руководства, какъ сокращенія производить. Иногда у насъ пропускались самыя типичныя особенности того или иного богослуженія и оставляли лишь его шаблонную форму. Такъ, напримѣръ, на всенощныхъ устраняли стихиры праздниковъ, каноны, тогда какъ въ нихъ все содержаніе праздника. Въ нашемъ отдѣлѣ были прекрасные литургисты: проф. Петербургской Духовной Академіи Карабиновъ, прот. о. Василій Прилуцкій (Кіевск. Дух. Акад.), проф. Тураевъ, святой человѣкъ, знавшій богослуженіе лучше духовенства и др. Подъ руководствомъ этихъ знатоковъ литургики мы установили три типа богослуженія: 1) для монастырей и соборовъ, 2) для приходскихъ церквей (сокращенное) и 3) для домовыхъ церквей (при учебныхъ заведеніяхъ, пріютахъ, больницахъ, богадѣльняхъ и т. д.) — еще болѣе краткое. Разработанный матеріалъ мы вносили въ Президіумъ Собора для санкціонированія, а оттуда его уже передавали (или не передавали) на утвержденіе въ общее собраніе.

Митрополитъ Тихонъ, Предсѣдатель Соборнаго Президіума, нашему проекту дать ходу не захотѣлъ, опасаясь нареканій, главнымъ образомъ, со стороны старообрядцевъ. Съ ними въ тѣ дни намѣтились пути сближенія, и намѣреніе Собора измѣнить церковный уставъ могло встрѣтить съ ихъ стороны энергичный отпоръ: за уставъ они готовы умереть.

Жаркіе и интересные дебаты возникли въ моемъ отдѣлѣ по поводу перевода богослуженія.

Мой товарищъ, проф. Кудрявцевъ, высказалъ мысли, которыя раздѣляли многіе. «Я ничего не имѣю противъ перевода, — сказалъ онъ, — но кто будетъ переводить? Богослуженіе — священная поэзія. Если Шекспира переводить трудно, потому что надо, чтобы переводчикъ былъ на высотѣ поэзіи, которую онъ переводитъ, то для богослуженія нуженъ не только поэтъ, но и святой поэтъ. Мы имѣемъ переводы нѣкоторыхъ отрывковъ изъ св. Іоанна Дамаскина, сдѣланные Алексѣемъ Толстымъ, но и это лишь приближеніе къ настоящему...».

Вопросъ о переводѣ богослуженія былъ отвергнутъ. Украинцы негодовали. Они стояли за переводъ, независимо отъ соображеній эстетики. Ихъ не коробилъ возгласъ «Грегочи, Дівка Непросватанная», вмѣсто церковно-славянскаго «Радуйся, Невѣста Неневѣстная».

Было ясно, что съ докладомъ о переводѣ нечего намъ было и соваться въ общее собраніе. Самый фактъ обсужденія перевода вызвалъ нареканія. Одинъ изъ епископовъ упрекнулъ меня за обѣдомъ въ общежитіи, что я, яко-бы въ угоду украинцамъ, допустилъ обсужденіе, которое онъ считалъ недопустимымъ.

Единственный докладъ нашего отдѣла*), принятый въ общемъ собраніи на Соборѣ, былъ докладъ о проповѣдничествѣ. Основная его мысль сводилась къ признанію проповѣди органической частью богослуженія. На основаніи церковныхъ каноновъ священникъ былъ обязанъ проповѣдывать за каждымъ богослуженіемъ — таково было постановленіе Собора.

Принятъ былъ и законопроектъ о введеніи института «благовѣстниковъ» — мірянъ, которымъ разрѣшалась проповѣдь при условіи «посвященія въ стихарь».

По церковному искусству нашъ отдѣлъ ничего провести не успѣлъ.

Изъ другихъ отдѣловъ Собора завершилъ свои труды отдѣлъ отношеній Церкви и государства (подъ предсѣдательствомъ архіепископа Арсенія). Юристы и профессора постарались выработать пріемлемыя условія для взаимоотношеній сторонъ; докладъ былъ принятъ общимъ собраніемъ, но политическія событія не позволили ему войти въ жизнь.

Законоучительный отдѣлъ проработалъ безрезультатно. Свою работу онъ окончилъ, но государство, въ лицѣ премьеръ-министра Керенскаго, его законопроектовъ принять не согласилось.

Всеобщее вниманіе на Соборѣ привлекалъ отдѣлъ Высшаго Церковнаго Управленія. Тутъ всталъ жгучій вопросъ: какъ управлять Церковью — стоять ли за старый синодальный строй или за патріаршество? «Лѣвые» — свѣтскіе профессора Духовныхъ Академій и либеральные «батюшки» — были противъ патріаршества. Вновь, какъ и въ Предсоборномъ Присутствіи, заговорили объ одіозномъ монархическомъ началѣ, объ единодержавіи, отъ котораго революція освободила не для того, чтобы вновь къ этому принципу власти возвращаться. Это былъ все тотъ же закоренѣлый интеллигентскій либерализмъ — вѣрность отвлеченнымъ идеямъ, не считаясь съ фактами и исторической дѣйствительностью... Дебатамъ въ отдѣлѣ не было конца... Однако, — и это надо отмѣтить, — противниковъ патріаршества въ засѣданіяхъ встрѣчали недружелюбно. Вскорѣ великое потрясеніе принудило многихъ изъ нихъ перемѣнить свой образъ мыслей и стать на защиту единоличнаго начала въ управленіи Церковью.

*) Онъ вышелъ изъ подъотдѣла, возглавлявшагося прот. Г. Шавельскимъ.

Распорядокъ дня во время дѣятельности Собора былъ введенъ для его членовъ такой.

Утромъ въ 7 час. Литургія въ семинарской церкви нашего общежитія. Служили ее почти всегда епископы, они же вмѣстѣ со священниками и любителями-мірянами пѣли. Затѣмъ весь день мы проводили въ Епархіальномъ Домѣ на засѣданіяхъ; иногда вечеромъ въ общежитіи бывали частные доклады по волнующимъ вопросамъ, на которые приглашались и профессора. Передъ отходомъ ко сну бывала вечерняя молитва.

Случалось, и довольно часто, мы, архіереи, собирались по вечерамъ на совѣщаніе у митрополита Тихона на Троицкомъ подворьѣ. Для проведенія каждаго законопроекта въ жизнь, нужно было, послѣ принятія его въ общемъ собраніи большинствомъ голосовъ, утверждать его епископами, при чемъ требовалось, чтобы за него подано было 3/4 голосовъ всего числа епископовъ, членовъ Собора.

Въ праздники мы служили въ разныхъ церквахъ города. Обычно въ субботу вечеромъ я уѣзжалъ служить всенощную въ Турковицкій монастырь, тамъ же на утро служилъ обѣдню.

Дѣятельность Собора протекала среди бурныхъ и грозныхъ событій. Развалъ арміи и всей политической и хозяйственной жизни, бѣгство солдатъ съ фронта, вооруженныя выступленія рабочихъ, бѣшеная агитація большевиковъ противъ «угнетателей», разгулъ политическихъ страстей... — вотъ атмосфера, въ которой мы работали.

Въ началѣ октября стали приходить вѣсти изъ Петербурга одна другой ужаснѣе, одна другой тревожнѣе... Временное Правительство доживало свои послѣдніе дни. Учредительное Собраніе казалось исходомъ изъ безысходнаго положенія, но созывъ его отсрочивали. Русская жизнь разваливалась и надвигался хаосъ...

На второй-третій день послѣ большевицкаго переворота (22 октября) примчались изъ Петрограда нѣкоторые члены Собора (въ ихъ числѣ Котляревскій) съ вѣстью, что Временное Правительство арестовано... Въ Москвѣ все забурлило, начались отдѣльныя вооруженныя выступленія, а черезъ два-три дня вся Москва была охвачена гражданской войной. Жаркая стрѣльба, трескотня пулеметовъ, канонада изъ пушекъ — штурмъ Кремля и тѣхъ правительственныхъ учрежденій, гдѣ засѣли защитники Временнаго Правительства: юнкера Александровскаго военнаго училища и добровольцы изъ населенія. Страшные дни кровопролитія...

Соборъ прервалъ нормальное теченіе своей работы. Выходить на улицу стало опасно. Нѣкоторые члены рисковали жизнью, пробираясь въ Епархіальный Домъ, а тѣ, кто попадалъ на засѣданія, не могли иногда вернуться въ общежитіе. Положеніе въ городѣ стало

столь грознымъ, что надо было торопиться, и вопросъ о выборѣ патріарха, который дебатировали въ теченіе столь долгаго времени, потребовалъ немедленнаго разрѣшенія. Изъ предыдущихъ преній было ясно, что большинство собора стоитъ за патріаршество; правда, оставалось выслушать еще не менѣе 90 ораторовъ, но моментъ требовалъ не рѣчей, а дѣйствій. Павелъ Граббе отъ имени своей группы (около 60 человѣкъ) въ пленарномъ засѣданіи 26 октября внесъ предложеніе пренія прекратить и проголосовать установленіе патріаршества въ Русской Церкви. Подъ грохотъ пушекъ и трескъ пулеметовъ соборъ проголосовалъ величайшій актъ всей дѣятельности Всероссійскаго Церковнаго Собора 1917-1918 г.г....

Сраженіе на улицахъ продолжалось и слѣдующіе два-три дня. 29-го октября митрополитъ Тихонъ чуть не былъ убитъ: снарядъ разорвался неподалеку отъ его экипажа... До храма Христа Спасителя, гдѣ митрополитъ Тихонъ долженъ былъ служить, онъ такъ и не доѣхалъ. Епископы Дмитрій Таврическій и Несторъ Камчатскій явили примѣръ самоотверженности въ эти страшные дни: спѣшно запаслись перевязочными средствами и ходили по улицамъ, перевязывая и подбирая раненыхъ. Настроеніе Собора было возбужденное. Ораторы требовали немедленнаго вмѣшательства въ кровопролитіе. Канонада все усиливалась. Надвигалась ужасная ночь... Большевики яростно штурмовали Кремль. Пушечная пальба не прекращалась. На вечернемъ засѣданіи Собора рѣшено было послать делегацію изъ епископовъ, священниковъ и мірянъ въ революціонный штабъ, который расположился на Тверской, въ домѣ генералъ-губернатора.

Делегація*) двинулась церковной процессіей: епископы въ мантіяхъ... иконы... зажженные свѣтильники... Оставшіеся члены Собора съ трепетомъ ждали ея возвращенія. Большевики делегацію не приняли, впустили одного митрополита Платона. Въ отвѣтъ на его мольбы — прекратить кровопролитіе, комиссаръ закричалъ: «Поздно! Поздно! Скажите юнкерамъ, чтобы они сдавались...» Митрополитъ Платонъ всталъ на колѣни... Но большевики были неумолимы. «Когда юнкера сдадутся, тогда мы прекратимъ стрѣльбу», — заявилъ комиссаръ. Делегація направилась въ Кремль для переговоровъ съ юнкерами, но революціонные посты ее не пропустили. Попытка Собора вмѣшаться въ междоусобную брань оказалась безуспѣшной.

30-го октября вечеромъ проф. Соколовъ, большой знатокъ церковнаго права, прочелъ Собору докладъ о способахъ избранія патріарха. Рѣшено было слѣдовать примѣру Константинопольской Церк-

*) Въ ея составъ вошли: митрополитъ Платонъ (Экзархъ Грузіи), Камчатскій епископъ Несторъ, епископъ Дмитрій Таврическій, прот. о. В. Бекаревичъ (делегатъ отъ Холмщины). прот. о. Вл. Чернявскій и два мірянина — крестьяне Уткинъ и Юдинъ.

ви, т. е. сначала голосовать кандидатовъ, при чемъ они могли избираться всѣмъ Соборомъ изъ среды епископовъ, священниковъ и даже мірянъ*). Были намѣчены 25 кандидатовъ. Въ числѣ ихъ оказались протопресвитеръ Шавельскій и Александръ Дмитріевичъ Самаринъ, бывшій Оберъ-Прокуроръ, уволенный за отрицательное его отношеніе къ Распутину. Началось голосованіе кандидатовъ. Нѣкоторыя лица свои кандидатуры снимали; при голосованіи другихъ—голоса разбивались. Лишь послѣ четвертаго голосованія, 31-го октября, абсолютное большинство получили: архіепископъ Антоній Харьковскій (Храповицкій), архіепископъ Арсеній Новгородскій и митрополитъ Московскій Тихонъ. Наибольшее число голосовъ получилъ архіеп. Антоній; избраніе его въ патріархи было бы лишь реализаціей воли большинства, — такъ владыка Антоній на это и смотрѣлъ. Архіепископъ Арсеній, второй по числу голосовъ, возможности стать патріархомъ ужасался и только и молилъ Бога, чтобы «чаша сія» миновала его. Митрополитъ Тихонъ возлагалъ все на волю Божію...

Кого изъ трехъ іерарховъ избрать патріархомъ? Въ этомъ рѣшающемъ голосованіи имѣли право участвовать одни епископы. Но они рѣшили отъ своего права отказаться и положиться на Господа, т. е. постановили избрать патріарха посредствомъ жребія. Это постановленіе было оглашено въ засѣданіи Собора 2-го ноября, а само избраніе отсрочено до прекращенія уличныхъ боевъ.

Въ эти ужасные, кровавые дни въ Соборѣ произошла большая перемѣна. Мелкія человѣческія страсти стихли, враждебныя пререканія смолкли, отчужденность сгладилась. Въ сознаніе Собора сталъ входить образъ патріарха, печальника, заступника и вождя Русской Церкви. На будущаго избранника стали смотрѣть съ надеждой. Настроеніе поднялось. Соборъ, поначалу напоминавшій парламентъ, началъ преображаться въ подлинный «Церковный Соборъ»: въ органическое церковное цѣлое, объединенное однимъ волеустремленіемъ — ко благу Церкви. Духъ Божій повѣялъ надъ собраніемъ, всѣхъ утишая, всѣхъ примиряя...

Избраніе патріарха состоялось 5-го ноября. Наканунѣ этого великаго дня члены Собора рѣшили съѣздить помолиться въ Воскресенскій монастырь (подъ Москвой), именуемый «Новый Іерусалимъ».

Этотъ монастырь былъ основанъ патріархомъ Никономъ, который жилъ идеей «Святой Руси», «Третьяго Рима» — святой русской земли, наслѣдницы Византіи. Въ монастырѣ былъ построенъ храмъ — точное воспроизведеніе Іерусалимскаго собора Воскресенія Хри-

*) Исторія Византійской Церкви знаетъ подобнаго рода прецеденты.

стова, съ «кувуклiей», т. е. съ пещерой, — копiей Гроба Господня, — въ которой была устроена церковка. Здѣсь круглый годъ во время богослуженiй пѣли «Христосъ Воскресе». Въ верхнемъ храмѣ стояли патрiаршiе престолы, или троны, такiе же, какъ въ храмѣ Гроба Господня въ Iерусалимѣ, съ тою разницею, что въ Святомъ Градѣ патрiаршихъ престоловъ четыре, по числу вселенскихъ патрiарховъ — Константинопольскаго, Александрiйскаго, Антiохiйскаго и Iерусалимскаго (пятый, Римскiй, считался отпавшимъ), а у насъ ихъ было пять. Патрiархъ Никонъ поставилъ пятый, русскiй, вмѣсто отпавшаго Рима. Послѣ низложенiя патрiарха Никона, пятый престолъ было велѣно убрать, но потомъ его востановили.

«Новый Iерусалимъ» расположенъ чудесно. Подъѣзжаешь къ нему густыми зелеными лѣсами, — и вдругъ, какъ видѣнiе Апокалиптическаго Града, — бѣлый монастырь...

Въ эту поѣздку въ монастырѣ служилъ я.

Наше паломничество въ Воскресенскiй монастырь, связанный съ историческими традицiями патрiаршей власти, дало намъ новый аргументъ въ пользу патрiаршества; оно имѣло большое значенiе для членовъ Собора, внѣдряя въ ихъ сознанiе еще новую для нихъ идею патрiаршаго единовластiя.

Избранiе патрiарха состоялось въ храмѣ Христа Спасителя (5-го ноября) послѣ Литургiи. Церемонiалъ былъ выработанъ особой комиссiей.

Большевицкая власть уже утвердилась въ Кремлѣ. У всѣхъ воротъ стояла стража, охранявшая запертые входы. Съ большимъ трудомъ удалось получить разрѣшенiе принести древнюю икону Владимiрской Божiей Матери въ храмъ Христа Спасителя. Литургiю служилъ старѣйшiй изъ iерарховъ Кiевскiй митрополитъ Владимiръ въ сослуженiи сонма архiереевъ (я стоялъ въ алтарѣ). Кандидаты въ храмѣ не присутствовали — они остались въ своихъ подворьяхъ.

Передъ началомъ обѣдни на аналой передъ иконой Владимiрской Божiей Матери былъ поставленъ ларецъ съ тремя записками, на которыхъ были начертаны имена кандидатовъ. Послѣ Литургiи служили молебенъ съ чтенiемъ особой молитвы. Храмъ, вмѣщавшiй до 12.000 молящихся, былъ переполненъ. Всѣ съ трепетомъ ждали, кого Господь назоветъ... По окончанiи молебна митрополитъ Владимiръ подошелъ къ аналою, взялъ ларецъ, благословилъ имъ народъ, разорвалъ шнуръ, которымъ ларецъ былъ перевязанъ, — и снялъ печати. Изъ алтаря вышелъ глубокiй старецъ — iеросхимонахъ Алексiй*), затворникъ Зосимовой пустыни (неподалеку отъ Троице-Сергiевской Лавры), ради церковнаго послушанiя участвовавшiй въ Соборѣ. Онъ

*) Раньше онъ былъ священникомъ Успенскаго собора.

трижды перекрестился и, не глядя, вынулъ изъ ларца записку. Митрополитъ Владиміръ внятно прочелъ: «Тихонъ, митрополитъ Московскій». Словно электрическая искра пробѣжала по молящимся... Раздался возгласъ митрополита «Аксіосъ!», который потонулъ въ единодушномъ «Аксіосъ!.. Аксіосъ!..» духовенства и народа. Хоръ вмѣстѣ съ молящимися запѣлъ «Тебе Бога хвалимъ»... Ликованіе охватило всѣхъ. У многихъ на глазахъ были слезы. Чувствовалось, что избраніе патріарха для всѣхъ радость обрѣтенія, въ дни русской смуты, заступника, предстателя и молитвенника за русскій народъ... Всѣмъ хотѣлось вѣрить, что съ патріархомъ раздоры какъ-то изживутся...

Когда мы расходились и надѣвали шубы, протопресвитеръ Шавельскій сказалъ: «вижу, Господомъ Церковь наша не оставлена...».

Всѣ епископы и множество мірянъ направились въ Троицкое Подворье — привѣтствовать Патріарха Тихона. Но прежде чѣмъ мы успѣли доѣхать, нашлись гонцы, которые его уже оповѣстили. Патріархъ Тихонъ вышелъ къ намъ спокойный, смиренный. Архіепископъ Антоній сказалъ привѣтственное слово — и поклонился ему въ ноги. Мы, епископы, тоже земно ему поклонились. Онъ — намъ. Въ отвѣтномъ словѣ Патріархъ со свойственнымъ ему смиреніемъ говорилъ о своемъ недостоинствѣ, о непосильномъ для него тяжкомъ бремени патріаршества, «но надо исполнить волю Божію...» Этими словами онъ закончилъ свою рѣчь.

Послѣ высокаго подъема этого великаго дня, волна спала и наступила реакція. Попрежнему мы засѣдали, читали и выслушивали доклады, дебатировали, голосовали... Иногда ѣздили къ Патріарху для совѣщанія.

На 13-ое ноября было назначено погребеніе жертвъ октябрьскихъ дней. Большевики хоронили «своихъ» безъ отпѣванія, въ красныхъ гробахъ, на Красной площади. А родители павшихъ защитниковъ Временнаго Правительства обратились къ Собору съ просьбой объ отпѣваніи и погребеніи ихъ сыновей. Наканунѣ, 12-го ноября, Патріархъ сказалъ, что въ храмѣ Вознесенія будутъ отпѣвать юнкеровъ. «Вы-бы съѣздили....», обратился онъ ко мнѣ.

Помню, тяжелую картину этого отпѣванія. Рядами стоятъ открытые гробы... Весь храмъ заставленъ ими, только въ серединѣ — проходъ. А въ гробахъ покоятся, — словно срѣзанные цвѣты, — молодыя, красивыя только что расцвѣтающія жизни: юнкера, студенты... У дорогихъ останковъ толпятся матери, сестры, невѣсты... Много вѣнковъ, много цвѣтовъ... Невиданная, трагическая картина. Я былъ потрясенъ... Въ надгробномъ словѣ я указалъ на злую иронію судьбы: молодежь, которая домогалась политической свободы, такъ

горячо и жертвенно за нее боролась, готова была даже на акты террора, — пала первая жертвой осуществившейся мечты...

Похороны были въ ужасную погоду. Вѣтеръ, мокрый снѣгъ, слякоть... Всѣ прилегающія къ церкви улицы были забиты народомъ. Это были народныя похороны. Гробы несли на рукахъ добровольцы изъ толпы. Большевики въ тѣ дни еще не смѣли вмѣшиваться въ церковную жизнь и не могли запрещать своимъ противникамъ изъявленій сочувствія и политическихъ симпатій.

Интронизація Патріарха была назначена на 21-ое ноября, а пока Патріархъ уѣхалъ въ Троице-Сергіевскую Лавру молитвенно приготовиться къ этому дню.

Торжество должно было состояться въ Успенскомъ соборѣ. Большевики уже расположились въ Кремлѣ и пускать насъ туда не соглашались. Послѣ долгихъ переговоровъ разрѣшеніе было получено, но съ условіемъ, что входъ въ Кремль будетъ по билетамъ со штемпелями большевицкихъ властей. Мы отыскали древній церемоніалъ «интронизаціи» патріарховъ и выхлопотали, чтобы намъ дали изъ «патріаршей ризницы»*) кое-что изъ патріаршаго облаченія. Намъ выдали мантію и крестъ патріарха Никона, а также рясу святителя Гермогена. За нѣсколько дней до торжества мы поѣхали въ Лавру къ Патріарху, и ознакомили его съ ритуаломъ интронизаціи.

Подъ 21-ое ноября я ночевалъ въ Марфо-Маріинской обители. Въ Кремль я выѣхалъ на турковицкихъ лошадкахъ, въ непогоду, въ мятелицу... Дорогой повстрѣчался мнѣ архимандритъ Веніаминъ**) со священникомъ. Я ихъ подсадилъ въ свой экипажъ и довезъ до Кремля. Стража провѣрила наши пропуски, дальше мы пошли уже пѣшкомъ.

Литургію въ Успенскомъ соборѣ служили три-четыре старѣйшихъ архіерея. Остальные, въ томъ числѣ и я, стояли на амвонѣ. Облачали Патріарха среди храма. Поверхъ подрясника надѣли «параманъ» — наплечникъ въ видѣ креста. Патріаршая служба до «Святый Боже» ничѣмъ не отличается отъ архіерейской. Разница въ томъ, что при пѣніи «Святый Боже» Патріарха ведутъ къ «горнему мѣсту», гдѣ стоитъ патріаршій тронъ. Архіереи усаживаютъ патріарха съ возгласомъ «Аксіосъ!», Патріархъ встаетъ, они вновь его усаживаютъ и возглашаютъ «Аксіосъ!» — и такъ до трехъ разъ. Потомъ Литургія слѣдуетъ по обычному архіерейскому чину. Въ «словѣ» своемъ Кіевскій митрополитъ Владиміръ говорилъ «о бурѣ, которая бушуетъ на

*) «Патріаршая разница» была полна драгоцѣннѣйшихъ вещей — памятниковъ старины. Кое что во время «октябрьскихъ» дней разграбили...

**) Въ эмиграціи, въ Парижѣ, возглавившій Сергіевскую (Елевферіевскую) Церковь.

Руси, о волнахъ, которыя хотятъ поглотить корабль Церкви...». Въ отвѣтномъ «словѣ» Патріархъ Тихонъ смиренно исповѣдалъ волновавшія его чувства, говорилъ о недостаткѣ мудрости, неувѣренности въ своихъ силахъ, объ упованіи на помощь Божіей Матери...

Когда мы вышли изъ собора, я удивился разрушенію кремлевскихъ церквей. Октябрьскій штурмъ былъ безпощаденъ... Дыры на куполѣ Успенскаго собора, пробоины въ стѣнахъ Чудова монастыря. Пули изрѣшетили стѣны собора 12 Апостоловъ. Снаряды повредили соборы Благовѣщенскій и Архангельскій. Удручающая дѣйствительность... Вѣяніе духа большевицкой злобы и разрушенія — вотъ, что мы почувствовали, когда, въ высокомъ духовномъ подъемѣ, вышли изъ Успенскаго собора... Полной радости не могло быть, только молитвенная сосредоточенность и надежда, что Патріархъ, быть можетъ, остановитъ гибельный процессъ.

По древнему обычаю, послѣ интронизаціи Патріархъ долженъ торжественно объѣхать Кремль, благословляя народъ. Эта процессія обставлялась когда-то съ большой пышностью. Теперь патріаршій объѣздъ Кремля являлъ картину весьма скромную. Патріархъ ѣхалъ на извозчикѣ, съ двумя архимандритами по сторонамъ; впереди, тоже на извозчикѣ, — «ставроформъ», т. е. крестоносецъ, іеродіаконъ съ патріаршимъ крестомъ. Несмѣтныя толпы народа при приближеніи Патріарха Тихона опускались на колѣни. Красноармейцы снимали шапки. Патріархъ благословлялъ народъ. Никакихъ привѣтствій изъ толпы,—благоговѣйная тишина.... Большевицкая кремлевская стража косо посматривала на процессію, но выражать неудовольствіе не рѣшалась.

Я проводилъ Патріарха глазами, пока онъ не скрылся — и уѣхалъ въ Троицкое Подворье ожидать его къ торжественному обѣду, который былъ устроенъ на нѣсколько сотъ человѣкъ.

На встрѣчу съѣхались и другіе члены Собора. По прибытіи Патріарха началась краткая литія. Тутъ я впервые увидалъ вблизи протодіакона Успенскаго собора Розова, знаменитаго на всю Россію своимъ изумительнымъ, — какъ колоколъ, могучимъ, — голосомъ. Красавецъ, необыкновенно пріятный, онъ отличался дорбымъ, мягкимъ нравомъ. Въ тотъ памятный день онъ возгласилъ «многолѣтіе» Патріарху и всему Собору.

Обѣдъ былъ скромный и безъ потока рѣчей: ихъ было три-четыре, при чемъ лица, которыя ихъ произнесли, были намѣчены заранѣе. Скромное торжество среди засилія оставило утѣшительное впечатлѣніе. Всѣ почувствовали, что у насъ есть теперь заступникъ, предстатель, отецъ...

Возвращались мы въ наше общежитіе пѣшкомъ; шли въ свѣтломъ духѣ, въ подъемѣ. Идемъ, тихо бесѣдуя, опираясь на палочки,

и вдругъ навстрѣчу — черная, съ распущенными волосами, безумная женщина... И мы слышимъ ея изступленные выкрики: «Недолго, недолго вамъ праздновать!.. Скоро убьютъ вашего Патріарха!..». Жуткая встрѣча.... — точно къ бѣдѣ черная кошка. Радость наша смѣшалась съ предчувствіемъ горя...

На первомъ послѣ интронизаціи засѣданіи Собора былъ объявленъ указъ Патріарха о возведеніи въ санъ митрополита слѣдующихъ лицъ: Антонія архіепископа Харьковскаго, Арсенія архіепископа Новгородскаго, Агафангела архіепископа Ярославскаго, Сергія архіепископа Владимірскаго и Іакова архіепископа Казанскаго. Появленіе пяти бѣлыхъ клобуковъ дало поводъ архіепископу Тверскому Серафиму къ насмѣшливому замѣчанію: «Какой урожай бѣлыхъ грибовъ!..»

Первое время послѣ интронизаціи Патріархъ на Соборѣ не появлялся. Предсѣдательствовалъ митрополитъ Арсеній*), который и провелъ Соборъ до конца его существованія. Работы возобновились въ комиссіяхъ и въ общемъ собраніи. Но вотъ, какъ-то разъ, словно ясное солнышко, — появился на Соборѣ Патріархъ... Съ какимъ благоговѣйнымъ трепетомъ всѣ его встрѣчали! Всѣ, — не исключая «лѣвыхъ» профессоровъ, которые еще недавно такъ убѣдительно высказывались противъ патріаршества... Когда, при пѣніи тропаря и въ преднесеніи патріаршаго креста, Патріархъ вошелъ, — всѣ опустились на колѣни. Патріархъ прослѣдовалъ прямо въ алтарь, вышелъ въ мантіи, привѣтствовалъ Соборъ и, послѣ молебна благословивъ всѣхъ, — отбылъ.

Это посѣщеніе — высшая точка, которой духовно достигъ Соборъ за первую сессію своего существованія. Въ эти минуты уже не было прежнихъ несогласныхъ между собой и чуждыхъ другъ другу членовъ Собора, а были святые, праведные люди, овѣянные Духомъ Святымъ, готовые исполнять Его велѣнія... И нѣкоторые изъ насъ въ тотъ день поняли, что въ реальности значатъ слова «Днесь благодать Святаго Духа насъ собра...».

Ближайшей задачей Собора было обсудить организацію Патріаршаго Управленія. Вскорѣ она была реализована. Для каноническихъ и богослужебныхъ, т. е. чисто церковныхъ, дѣлъ былъ созданъ Патріаршій Священный Синодъ. Для церковно-административныхъ дѣлъ — Высшій Церковный Совѣтъ. Предсѣдательствовать тутъ и тамъ долженъ былъ Патріархъ. Одновременно опредѣлили и кругъ дѣлъ подвѣдомственный каждому изъ этихъ учрежденій, при чемъ для дѣлъ главныхъ они должны были объединяться въ соеди-

*) Онъ умеръ въ Туркестанѣ, въ мартѣ 1936 г.

ненномъ засѣданіи. Іерархи въ члены Синода назначались на одинъ годъ: 6 архіереевъ — одинъ отъ каждаго изъ 6 округовъ*) (старѣйшій архіерей каждаго округа) и 6 архіереевъ выборныхъ отъ Собора. Въ члены Синода были выбраны Соборомъ слѣдующіе 6 архіереевъ:

1) Митрополитъ Новгородскій Арсеній,

2) Митрополитъ Харьковскій Антоній,

3) Митрополитъ Платонъ, бывшій Экзархъ Грузіи, а потомъ митрополитъ Американскій,

4) Митрополитъ Владимірскій Сергій (впослѣдствіи Патріархъ Московскій и всея Руси),

5) Архіепископъ Кишиневскій Анастасій,

6) Архіепископъ Волынскій Евлогій.

Приближалось Рождество. Сессія Собора прекращалась. Я сталъ помышлять, какъ-бы мнѣ на праздники уѣхать на Волынь. Путешествіе по желѣзнымъ дорогамъ уже стало труднымъ. Мнѣ удалось достать билетъ до Кіева, и я выѣхалъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Платономъ. Путь былъ тяжелый. Тѣснота, неудобства, безпрестанныя провѣрки документовъ, злобные выкрики по нашему адресу: «Волкодавы!... Буржуи!...» Все же мы до Кіева добрались.

По пріѣздѣ мы посѣтили Кіевскаго митрополита Владиміра. Онъ проживалъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Тамъ же расположился бывшій Владимірскій архіепископъ Алексѣй Дородицынъ. Послѣ революціи паства изъ Владиміра его прогнала за его дружественныя отношенія съ Распутинымъ: онъ поднесъ Распутину книгу съ надписью «Дорогому, мудрому старцу». Изгнанный изъ епархіи, Дородицынъ (украинецъ изъ Екатеринославля) перекочевалъ въ Кіевъ «ловить рыбу въ мутной водѣ» — и поселился въ Лаврѣ. Онъ обладалъ прекраснымъ голосомъ, былъ отличнымъ регентомъ. Внѣшне онъ былъ безобразенъ: тучность его была столь непомѣрна, что онъ не могъ дослужить Литургіи, не перемѣнивъ облаченія передъ «Херувимской», такъ онъ изнемогалъ отъ жары. Аппетитъ его всѣхъ поражалъ, а когда его мучила жажда, онъ могъ выпить чуть ли не ведро воды: какъ-то разъ въ Кіевѣ во время миссіонерскаго Съѣзда, приведя къ памятнику Св. Владиміра крестный ходъ, онъ выпилъ всю кадію, приготовленную для освященія.. Устроившись въ Лаврѣ, арх. Алексѣй сталъ мутить монаховъ-украинцевъ и возбуждать ихъ противъ митрополита Владиміра въ надеждѣ добиться его увольненія и самому

*) Вся Русская Церковь географически дѣлилась на округа: сѣверный, сѣверо-западный, восточный, юго-восточный, южный, Сибирь.

сѣсть на его мѣсто. Монахи стали притѣснять митрополита, сначала въ мелочахъ. Случалось, ему нужно куда-нибудь съѣздить, а монахи не даютъ лошадей и заявляютъ: «владыка Алексій на лошадяхъ уѣхалъ». Положеніе создалось для митрополита Владиміра тягостное. Когда мы съ митрополитомъ Платономъ пріѣхали къ нему, онъ сказалъ: «Вы бы его вразумили...» Мы къ нему зашли. Онъ встрѣтилъ насъ непріязненно: «Съ митрополитомъ Платономъ я буду говорить, а съ Евлогіемъ не стану...» — «Я не отъ себя пришелъ къ вамъ, а по приказу Владыки Владиміра», сказалъ я. — «Ну, идите...». Онъ былъ грубъ, на увѣщанія отвѣчалъ запальчиво: «Мнѣ указокъ не надо!..»

Въ Кіевѣ затѣвался созывъ Всеукраинскаго Церковнаго Собора. Митрополитъ Платонъ былъ командированъ для подготовительной работы. На Украйнѣ въ туманѣ революціонныхъ настроеній назрѣвало стремленіе къ автокефаліи, къ независимой отъ Москвы Церкви. Митрополитъ Платонъ, вѣрный линіи централизма, попалъ въ трудное положеніе. Мы стали посѣщать Епархіальный Домъ, гдѣ происходили предсоборныя собранія, и познакомились съ подготовительными работами. (Я ходилъ туда въ качествѣ Волынскаго архіерея.) Впечатлѣнія удручающія... Стриженные, бритые украинскіе военные священники, въ шинеляхъ, съ винтовками... Злыя лица... Революціонныя рѣчи въ духѣ сепаратизма. Крики по адресу митрополита Платона: «Вы хотите задушить Украйну!.. мы не допустимъ!..», — словомъ, не церковное собраніе, а сплошной митингъ съ выступленіемъ агитаторовъ. Было ясно, — съ Соборомъ ничего серьезнаго выйти не можетъ.

Рѣшено было съ наступленіемъ рождественскихъ праздниковъ Предсоборное Собраніе закрыть. Я уѣхалъ на Рождество въ Житомиръ.

Святки прошли у насъ сравнительно тихо. Правда, и здѣсь сильно чувствовался революціонный духъ, и повсюду происходили революціонные эксцессы: въ Житомирѣ выгнали ректора семинаріи архим. Іероѳея и выбрали своего — протоіерея Іакова Немоловскаго; въ разныхъ приходахъ изгонялись священники, агитація невѣжественныхъ соціалъ-псаломщиковъ и т. д. Но все же всѣ праздничныя богослуженія прошли въ порядкѣ. Послѣ праздниковъ я произвелъ выборы делегата на Украинскій Соборъ въ Кіевѣ; избраннымъ оказался новый ректоръ семинаріи.

На Всеукраинскій Церковный Соборъ съѣхались люди столь неподходящіе для трудной и серьезной работы, что было даже жутко. Толпа озлобленныхъ, возбужденныхъ политическими страстями украинцевъ. Съ перваго же дня началось шушуканье о томъ, чтобы въ

предсѣдатели никого изъ старыхъ іерарховъ не проводить, а самаго молодого. Выбрали епископа Пимена Балтскаго, викарія Подольской епархіи. Это былъ покладистый человѣкъ, игравшій на популярности. Онъ заискивалъ, всѣмъ безъ разбора говорилъ «миленькій... миленькій...» и дѣйствовалъ по указкѣ своихъ сторонниковъ, не разбираясь въ сути дѣлъ.

Съ самаго начала опредѣлилась непримиримая по отношенію къ Русской Церкви позиція Собора. Крики «долой Москву!» «освободимся отъ московскаго гнета!..» имѣли большой успѣхъ. Засѣданія проходили въ горячихъ митинговыхъ рѣчахъ.

А тѣмъ временемъ наступали большевики... Они приближались къ Кіеву, занимали одну станцію за другой. Уже слышалась пальба... Помню нѣкоторыя подробности осады Кіева.

Мы съ епископомъ Пахоміемъ Черниговскимъ*) сидѣли какъ-то разъ утромъ въ квартирѣ начальницы Епархіальнаго училища, гдѣ мы жили, и пили кофе изъ сушеной моркови. Съ питаніемъ въ то время было плохо, и нашъ утренній завтракъ былъ голодноватый. Я усѣлся за письменный столъ писать письмо, а владыка Пахомій принялся швырять одинъ за другимъ дикіе каштаны въ печку, приговаривая: «бомба...», «бомба...». И вдругъ — въ самомъ дѣлѣ бомба угодила въ фронтонъ нашего дома. Шрапнельныя пули, пробивъ стекла въ окнахъ, зажужжали, какъ пчелы, по всей комнатѣ... Письмо мое, тронутое пулей, скрутилось спиралью... Чудомъ Божіимъ мы остались невредимы. Мы вышли на улицу, — несутъ профессора Мухина, контуженнаго упавшей штукатуркой. Весь городъ уже облетѣла вѣсть, что большевики тѣснятъ украинцевъ, что Рада противъ нихъ безсильна. На Соборѣ паника... Украинцы присмирѣли, — и въ растерянности: «ахъ, владыка... что дѣлать, владыка?.. благословите, владыка!..» Какъ все перемѣнилось! Ночью загремѣла пушка... Ранымъ рано, еще въ темноту, ко мнѣ вдругъ входитъ въ шубѣ ключарь Житомирскаго собора протоіерей Александръ Голосовъ: «Владыка, надо уѣзжать... Кіевъ будетъ взятъ...» — «Откуда вы?» изумился я. — «На автомобилѣ изъ Житомира... я его въ лѣсу подъ городомъ спряталъ. Надо ѣхать сейчасъ же. И владыку Антонія**) и о. Левицкаго***) съ собой возьмемъ...» — «Спасибо, спасибо...» Мы быстро собрались, и вышли на зарѣ, часовъ въ 7 утра; наняли за двѣсти рублей извозчика, накрылись кузовомъ — и ѣдемъ. Слышу жужжатъ пули, даже вижу ихъ... Ну, думаю, Богъ дастъ, доѣдемъ... Доѣхали до лѣса, отыскали въ прикрытіи автомобиль — и въ Житомиръ...

Здѣсь было болѣе или менѣе спокойно. Владыка Антоній жилъ

*) См. стр. 232.

**) Митрополитъ Антоній Харьковскій былъ въ это время въ Кіевѣ.

***) О. Левицкій былъ настоятелемъ Житомирскаго каѳедральнаго собора.

нѣсколько дней, и уѣхалъ въ Харьковъ. А къ намъ вскорѣ добѣжала вѣсть о взятіи большевиками Кіева, о звѣрствахъ, учиненныхъ ими въ городѣ, и наконецъ, — вѣсть ужасная... — объ убійствѣ митрополита Владиміра.

Впослѣдствіи я узналъ, при какихъ обстоятельствахъ владыку Владиміра убили. Въ злодѣйствѣ свою роль сыгралъ и Алексѣй Дородицынъ*), но кровь его и на монахахъ Лавры. Дородицынъ создалъ для митрополита Владиміра тягостное положеніе, которое дошло до того, что онъ чувствовалъ себя въ митрополичьихъ покояхъ въ Лаврѣ, какъ въ осажденной крѣпости. Когда Кіевъ былъ взятъ, командующій большевицкими войсками Муравьевъ пришелъ къ намѣстнику Лавры съ предупрежденіемъ: «Я буду жить въ лаврской гостиницѣ, съ вами у меня телефонъ. Если ворвутся къ вамъ банды съ обыскомъ, съ требованіемъ денегъ или случится еще что-нибудь, —звоните ко мнѣ»,—сказалъ онъ.Вскорѣ днемъ въ трапезную Лавры пришла банда матросовъ и потребовала ѣды. Въ то время какъ монахи ихъ кормили, начались разспросы: довольна ли братія начальствомъ? не имѣютъ ли монахи какихъ-либо жалобъ?.. Послушники, распропагандированные революціей и возбужденные агитаціей Дородицына, стали жаловаться на притѣсненія: народъ несетъ въ Лавру большія деньги, а поѣдаетъ ихъ «онъ»... — и они указали наверхъ, гдѣ находились покои митрополита. Матросы ворвались въ его квартиру, отпихнули старика-келейника, пригрозивъ ему револьверомъ, — и бросились въ спальню. Тамъ они оставались около двухъ часовъ. Что въ спальнѣ происходило, неизвѣстно. Потомъ они вывели владыку Владиміра и направились съ нимъ къ черному ходу. «Прощай, Иванъ...», успѣлъ сказать келейнику митрополитъ. Вывели владыку изъ Лавры незамѣтно. У лаврскихъ валовъ матросы прикончили его — разстрѣляли въ упоръ... Онъ лежалъ полунагой, когда его нашли. Убійцы сорвали крестъ, панагію, даже набалдашникъ съ посоха, только шубу не успѣли унести и бросили тутъ же... Монахи, видѣвшіе, какъ уводили ихъ митрополита, не только не подняли тревоги, не ударили въ набатъ, но ни звука никому не сказали. Спустя уже значительное время, кто-то спохватился, и позвонилъ Муравьеву. Тотъ прислалъ своихъ солдатъ. Допросы, разспросы: кто? куда увели? когда? Но было уже поздно, злодѣяніе совершилось... Убіеннаго, полураздѣтаго, изуродованнаго Владыку Митрополита увидала на разсвѣтѣ крестьянка, несшая молоко въ Лавру. Монахи объясняли свое молчаніе растерянностью, паникой: «Мы были парализованы...»

Митрополитъ Владиміръ былъ старецъ чистѣйшей, прекрасной

---

*) Бывшій Владимірскій архіепископъ, см. стр. 307.

души. Застѣнчивый, непоказной, незлобивый, необыкновенно кроткій, онъ всегда безропотно принималъ испытанія, которыя выпадали на его долю. Его архипастырская жизнь была не изъ легкихъ: его непрестанно переводили съ каѳедры на каѳедру и тѣмъ лишали его возможности сродниться съ какой-нибудь паствой. Въ Кіевѣ, въ послѣднее время передъ его мученической кончиной, мы сблизились. Онъ меня полюбилъ. Мы подолгу бесѣдовали. Онъ любилъ вспоминать дѣтство, идеализировалъ семинарію, своихъ учителей, разсказывалъ, какъ бывало въ ученическіе годы ватагой мальчугановъ пробирались изъ Тамбова домой, въ деревню, на пасхальныя каникулы; шли съ котомочками, съ палочками, въ половодье... Завидѣвъ родное село, кричали съ торжествомъ: «Воду прошелъ, яко сушу, и тамбовскаго зла избѣжавъ!..» — На Всероссійскомъ Церковномъ Соборѣ митрополита Владиміра оттѣснили, въ Президіумъ не выбрали, хоть онъ и былъ старѣйшій. А въ Кіевѣ его обступили украинскіе нахалы, и, какъ я уже сказалъ, арх. Алексѣй совмѣстно съ грубыми монахами его унижали.

Вскорѣ послѣ взятія Кіева я получилъ телеграмму отъ патріарха Тихона. Онъ вызывалъ меня въ Синодъ. Передо мной всталъ вопросъ: какъ же мнѣ до Москвы доѣхать? На желѣзныхъ дорогахъ пассажировъ терроризировали всевозможныя банды, никто не могъ поручиться, что въ пути не произойдетъ какой-нибудь роковой случайности. Въ это время нѣмцы уже выгнали большевиковъ и утвердились въ Кіевѣ. Германскія власти меня предупредили, что гарантируютъ мнѣ проѣздъ до Орши, а за дальнѣйшее снимаютъ съ себя отвѣтственность. При такихъ условіяхъ ѣхать въ Москву я не рѣшился.

Въ моей епархіи положеніе было тревожное. Ко мнѣ приходили крестьяне, настроенные революціонно; священники, задѣлавшіеся революціонерами... Всюду было нестроеніе и смущеніе умовъ. На Украйнѣ возникла политически умѣренная организація хлѣборобовъ (т. е. помѣщиковъ-землевладѣльцевъ и крестьянъ-земледѣльцевъ). Кто-то пріѣхалъ изъ Кіева и сообщилъ, что «хлѣборобы» выбираютъ гетмана, и что имъ будетъ Скоропадскій, потомокъ историческаго гетмана Скоропадскаго. Свитскій генералъ въ аксельбантахъ, одинъ изъ бывшихъ приближенныхъ къ царю представителей гвардіи, человѣкъ мягкій, уступчивый, не очень дальновидный, — Скоропадскій всплылъ на поверхность въ дни политической смуты на Украйнѣ, благодаря имени своего предка. Его облачили въ казачій жупанъ, дали ему свиту — и назвали гетманомъ. Случилось это передъ Вербной недѣлей, а на Вербной пришли первыя граматы, за подписью новаго гетмана, съ предписаніемъ прочитать ихъ народу въ церквахъ. Я прочелъ ихъ въ соборѣ, путая удареніе: вмѣсто «Павло

Скоропадскій» читалъ «Павло Скоропадскій»; надо мной подсмѣивались, какъ надъ неисправимымъ «кацапомъ», москалемъ...

Около Пасхи (вскорѣ послѣ утвержденія Скоропадскаго) я получилъ отъ патріарха указъ — поѣхать въ Кіевъ и провести выборы кіевскаго митрополита, вмѣсто убіеннаго митрополита Владиміра. Всероссійскій Церковный Соборъ принялъ слѣдующее постановленіе о выборахъ архіереевъ: каждая епархія имѣла право выбирать своего кандидата; патріархъ утверждалъ его, а если кандидатуру считалъ непріемлемой, то онъ присылалъ своего кандидата.

Вскорѣ послѣ Пасхи я отправился въ Кіевъ.

По пріѣздѣ я устроилъ нѣсколько предвыборныхъ собраній, дабы ознакомиться съ возможными кандидатурами и ихъ обсудить*). Сильныхъ кандидатуръ оказалось три: митрополитъ Антоній Харьковскій, митрополитъ Платонъ б. Экзархъ Грузіи, митрополитъ Арсеній Новгородскій и епископъ Димитрій (Вербицкій) Уманскій, викарій Кіевской епархіи. Каждая изъ нихъ обсуждалась отдѣльно: кто высказывался «за», кто — «противъ». Пробная баллотировка записками обозначила шансы каждаго. Наибольшее число записокъ получилъ митрополитъ Антоній, за нимъ по числу голосовъ стоялъ епископъ Димитрій. Я назначилъ день выборовъ, которые должны были происходить въ Софійскомъ соборѣ. Наканунѣ, во время всенощной, вокругъ собора стали собираться кучки народа въ возбужденномъ настроеніи; собравшіеся о чемъ-то спорили, кричали... — словомъ, выборы населеніе волновали. Утромъ, когда я подъѣзжалъ къ собору (я жилъ въ ближайшемъ къ нему церковномъ домѣ), повсюду на улицахъ шли митинги...Въ соборѣ настроеніе тоже было возбужденное.

Въ своемъ «словѣ» я призывалъ къ спокойствію и просилъ соблюдать тишину. Предлагалъ сначала назвать кандидатовъ, а потомъ ихъ баллотировать. Выборщиковъ было человѣкъ 200. Составился президіумъ, который отъ своего имени долженъ былъ написать актъ избранія. Выборы прошли безъ инцидентовъ, — и я объявилъ результатъ баллотировки. Кіевскимъ митрополитомъ подавляющимъ числомъ голосовъ былъ избранъ митрополитъ Антоній. За него стояло все русское населеніе и украинцы-централисты; за еп. Дмитрія — «самостійники». Торжественно всѣмъ народомъ пропѣли въ Софійскомъ соборѣ гимнъ: «Тебѣ Бога хвалимъ»...

Передъ нами всталъ вопросъ: какъ послать актъ о выборахъ на утвержденіе въ Москву? Съ одной стороны на путяхъ къ Москвѣ большевики, съ другой — нѣмцы... Обсудили, и рѣшили возложить эту трудную миссію на епископа Никодима Чигиринскаго (викарія

*) Были кандидаты и изъ состава кіевскихъ профессоровъ.

Кіевскаго). Онъ справился съ нею отлично — вернулся съ бумагами объ утвержденіи митрополита Антонія и съ офиціальнымъ признаніемъ, что выборы были произведены правильно.

Я съѣздилъ ненадолго въ Житомиръ и вернулся въ Кіевъ. Рѣшено было, несмотря на лѣтнюю пору, возобновить работу прерваннаго Всеукраинскаго Церковнаго Собора. Стояла жара, но мы все же работали. Совѣщались объ устроеніи Церкви на Украйнѣ. Большинство стояло за автокефалію («незалежную», т. е. независимую Украинскую Церковь). Предсѣдательствовалъ на Соборѣ епископъ Пименъ, викарій Подольскій, но когда прибылъ изъ Харькова митрополитъ Антоній, онъ добровольно уступилъ ему предсѣдательство. Митрополита Антонія мы встрѣтили торжественно, въ Софійскомъ соборѣ. Я сказалъ привѣтственную рѣчь. Оттуда онъ отправился съ визитомъ къ гетману.

На Соборѣ борьба партій, украинской и русской, опредѣляла всѣ дебаты. Министромъ Исповѣданій при гетманѣ былъ В. В. Зѣньковскій. Украинецъ изъ умѣренныхъ, онъ держался непримиримо по отношенію къ сторонникамъ крайняго украинскаго лагеря и въ скоромъ времени долженъ былъ уйти въ отставку вмѣстѣ съ другимъ министромъ болѣе умѣреннаго толка (Гербель). Его мѣсто занялъ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Лотоцкій — ярый украинецъ. Борьба за автокефалію продолжалась. Я горячо стоялъ за «единую, недѣлимую Русскую Церковь», признавая, однако, что нѣкоторыя уступки украинцамъ сдѣлать можно. Мои противники, украинцы, на меня яростно нападали. Въ концѣ концовъ мы побѣдили: Лотоцкій былъ уволенъ. Я сказалъ на Соборѣ: «Палъ министръ, — пала и автокефалія. Будемъ теперь спокойно заниматься дѣлами...» Отъ этихъ словъ украинцы были внѣ себя.

Съ наступленіемъ осени положеніе Украины при германской оккупаціи было нетвердое. Вооруженныхъ силъ противъ большевиковъ нѣмцы не посылали, они лишь снабжали гетмана орудіями и снарядами и поддерживали на Украинѣ полицейскій порядокъ. За эту поддержку Украинѣ приходилось расплачиваться: нѣмцы выкачивали все, что имъ было необходимо — цѣлые поѣзда груженные продовольствіемъ направлялись въ Германію, и каждому нѣмецкому солдату было разрѣшено посылать на родину продуктовыя посылки (муки, яицъ, сала, масла и проч). По украинскимъ деревнямъ была произведена разверстка по числу дворовъ съ указаніемъ, кто сколько долженъ поставить хлѣба, масла, яицъ... Нѣмецкіе отряды объѣзжали деревни и забирали продовольствіе. Такъ какъ, по незнанію русскаго языка, у сборщиковъ могли возникнуть недоразумѣнія, — ихъ сопроваждали «гайдамаки», т. е. гетманскіе солдаты; въ ихъ составъ вхо-

дили и, такъ называемые «синежупанники», банды украинцевъ, сформированныя нѣмцами изъ военноплѣнныхъ украинцевъ еще во время міровой войны: за ѣду и хорошую одежду (синіе жупаны) эти люди готовы были служить кому угодно. Реквизиціи въ пользу нѣмцевъ, при содѣйствіи гетманскихъ отрядовъ, вызвали ненависть населенія и къ тѣмъ и къ другимъ. Она проявлялась въ актахъ насилія съ обѣихъ сторонъ. Такъ, напримѣръ, въ Овручскомъ уѣздѣ, въ сѣверной части Волыни, былъ случай безпощадной расправы крестьянъ со сборщиками. Край этотъ — Полѣсье, — населенъ бѣлоруссами-полѣщуками; людъ тамъ живетъ не бѣдный; хоть мѣстность и болотистая, а рыбы, дичи и всякаго звѣрья тамъ изобиліе. Населеніе, разбросанное среди лѣсовъ и болотъ, — темное, дикое, грязное, съ «колтунами»*) на головахъ, но хитрое и упрямое. Прибыли въ одно село нѣмцы въ сопровожденіи гайдамаковъ и потребовали слѣдуемое по разверсткѣ. Мужики заявили, что на утро пошлютъ по хатамъ своихъ сборщиковъ, а пока хотятъ угостить гостей. Напоили ихъ, накормили, спать уложили, а ночью побросали ихъ въ яму за селомъ и засыпали живыми... Потомъ нѣмцы жестоко съ селомъ расправились — стерли его пушкой съ лица земли, а мужиковъ, каждаго пятаго, разстрѣляли.

Былъ еще случай. Ворвался въ хату нѣмецъ подъ Пасху. У крестьянъ пасхальный столъ приготовленъ. Нѣмецъ забралъ все, что стояло. Мужикъ разсвирѣпѣлъ, и полѣзъ съ кулаками на обидчика. Нѣмецъ застрѣлилъ его на мѣстѣ. Въ Пасху убитаго хоронили. Народъ собрался. Священникъ сказалъ нѣсколько словъ сочувствія семьѣ: нашъ свѣтлый день отравленъ и т. д. За это батюшку арестовали и посадили въ тюрьму....

Подобные случаи объясняютъ, почему среди населенія усилилось крайнее теченіе украинскаго сепаратизма — вражда къ Скоропадскому и тяга къ его вождю — Петлюрѣ. Правительство гетмана стояло за внутреннее самоопредѣленіе Украины, а во внѣ — за федерацію съ Россіей; «петлюровцы» — за полный разрывъ съ нею. За свои идеи Петлюра сидѣлъ въ тюрьмѣ, но это лишь увеличило симпатію народа къ Петлюрѣ. Учитывая создавшееся положеніе и опасаясь населенія, симпатизирующаго узнику, гетманъ Петлюру амнистировалъ.

Во время германской оккупаціи петлюровцы притихли, но стоило обстоятельствамъ измѣниться, они подняли голову. Въ Австріи и въ Германіи началась революція, и нѣмцы стали очищать Украину. Петлюровскіе отряды подступили къ Житомиру, къ Кіеву и нѣкото-

*) Болѣзнь волосъ: волосы изнутри наливаются кровью, слипаются, и на головѣ образуется липкая волосяная шапка. Состричь колтунъ опасно, человѣкъ можетъ истечь кровью.

рымъ другимъ городамъ. Положеніе гетмана было трудное: покидая Украину, нѣмцы оставляли его на произволъ судьбы... Онъ проигралъ послѣднюю ставку, когда вздумалъ опереться на отряды «сичевиковъ». Это была банда, которая объявила себя преемницей традицій Запорожской Сѣчи. «Сичевики» скоро измѣнили гетману и въ полномъ составѣ перешли къ Петлюрѣ. Правительству пришлось въ спѣшномъ порядкѣ набирать добровольцевъ изъ подростковъ, учениковъ гимназій и семинарій, — зеленую учащуюся молодежь. Кіевъ былъ уже подъ угрозой. Когда гетмана спрашивали: что-же дальше будетъ? — онъ успокаивалъ: «отстоимъ, отстоимъ....». Князь Долгорукій сталъ было во главѣ обороны. Тщетныя усилія! Черезъ два дня гетманъ съ остатками нѣмцевъ покинули Кіевъ. Городъ былъ обреченъ. Все притаилось... Наступила зловѣщая тишина... Потомъ послышалась издали музыка, замелькали на улицахъ петлюровскіе солдаты, — Кіевъ заняли новые властители...

Архіепископъ Волынскій

(ВЪ ПЛѢНУ. 1918-1919)

ГЛАВА XVII

Петлюровскіе отряды вошли въ Кіевъ подъ предводительствомъ галиційскаго генерала Коновальца. Первое, что они сдѣлали, это разстрѣляли около Музея болѣе ста офицеровъ старой русской арміи. Мы, архіереи, члены Собора, сидѣли въ Лаврѣ подавленные жестокой расправой и ждали своей участи, попрежнему посѣщая церковныя службы.

Обѣдню въ день великомученицы Варвары, 4 декабря, митрополитъ Антоній служилъ въ Михайловскомъ монастырѣ*), а я зашелъ во Флоровскій монастырь. Тамъ находилась икона Холмской Божіей Матери, незадолго до того прибывшая изъ Москвы вмѣстѣ съ Турковицкимъ монастыремъ, который преосвященный Никодимъ перевезъ въ Кіевъ почти въ полномъ составѣ. (Тогда же онъ привезъ изъ Москвы моихъ двухъ племянниковъ, мальчиковъ лѣтъ 9-10). Флоровская женская обитель въ Кіевѣ пріютила у себя Турковицкихъ монахинь, и я изрѣдка у нихъ бывалъ, навѣщая игуменью м. Магдалину: она пріѣхала изъ Москвы съ туберкулезомъ легкихъ, мучилась жестокимъ кашлемъ и у нея нѣтъ-нѣтъ шла горломъ кровь... Положеніе ея была серьезное.

И вотъ, вернувшись домой, сидимъ мы послѣ обѣда съ митрополитомъ Антоніемъ, пьемъ чай, — и вдругъ слышимъ въ передней голоса, стукъ сапогъ, звонъ шпоръ... — и къ намъ врываются вооруженные петлюровскіе офицеры...

— Гдѣ здѣсь архіепископъ Евлогій?

— Это я...

— Вы арестованы именемъ правительства!

Митрополитъ Антоній спросилъ, за что меня арестуютъ, но офицеры предъявили только ордеръ на арестъ, а поводъ ареста объявить отказались. Я попросилъ разрѣшеніе собрать бѣлье, кое-какія

*) Въ Михайловскомъ монастырѣ хранились мощи великомученицы Варвары.

вещи, бумаги... За мной въ спальню пошелъ солдатъ. Потомъ подъ конвоемъ меня вывели изъ Лавры. Увидавъ, что я иду окруженный солдатами, толпившіяся на дворѣ бабы заголосили, а епископъ Гавріилъ Челябинскій, попавшійся намъ на пути, въ растерянности закричалъ: «не ѣзди!.. не ѣзди!..». Меня посадили въ автомобиль и привезли въ гостиницу «Версаль», обращенную во временную тюрьму.

Въ одной изъ комнатъ, нетопленной, съ грязнымъ, мокрымъ отъ нанесеннаго сапогами снѣга, поломъ, сидѣли хохлы въ шапкахъ и допрашивали арестованныхъ. Встрѣтили они меня враждебно. Узнавъ мое имя, одинъ изъ нихъ крикнулъ съ торжествомъ: «Евлогія арестовали?! Ага... знали, кого надо забрать!» Въ комнатѣ была суета, входили и выходили какіе-то люди, хлопали двери, дули сквозняки... Видно было, что народу наарестовали столько, что не знаютъ, куда арестованныхъ и дѣвать. «Куда-то меня посадятъ?» подумалъ я.

Посадили меня не въ комнату, а въ телефонную будку, тоже нетопленную, грязную, съ окурками и отбросами на полу. Тутъ стоялъ диванчикъ, я на него усѣлся. Мной овладѣло тупое безразличіе: будь, что будетъ... Такъ я просидѣлъ до вечера. Изъ Софійскаго собора мнѣ принесли подушку, одѣяло и кое-что съѣстное. У дверей будки дежурили, смѣняясь каждые два часа, солдаты, обвѣшанные ручными бомбами; они нестерпимо много курили. Съ ними я подѣлился передачей. И тутъ — неожиданная встрѣча!

Одинъ изъ конвойныхъ былъ молоденькій солдатъ, совсѣмъ еще мальчикъ. Говорилъ онъ по-русски со своеобразнымъ акцентомъ. Я спросилъ его, откуда онъ. «Я изъ Галиціи, а сейчасъ — съ «сичевиками»... Раньше былъ въ пріютѣ архіепископа Евлогія...» — «Ты его видалъ когда-нибудь?» — спросилъ я. — «Нѣтъ... Онъ къ намъ въ Бердянскъ пріѣзжалъ, да я тогда боленъ былъ и его не видалъ», — отвѣтилъ мальчикъ. Я сказалъ ему, что я — Евлогій. Мальчикъ бросился на колѣни, плачетъ, руки мнѣ цѣлуетъ... А на немъ ручныя бомбы навѣшаны, — того и гляди зацѣпитъ ихъ, уронитъ... Я сталъ его успокаивать и просилъ разсказать о своемъ прошломъ. Онъ мнѣ повѣдалъ слѣдующее:

До революціи онъ учился въ пріютѣ. Въ революціонные дни наступилъ развалъ, и содержать пріютъ стало не на что. Пришли большевики, — обули дѣтей, одѣли, а какъ оставили городъ, — опять ѣсть нечего. Ученики изъ пріюта стали расползаться. Мальчикъ попалъ къ «сичевикамъ». Поначалу банда стояла за гетмана, «ну, а потомъ мы ему ножъ въ спину всадили...», заключилъ свой разсказъ мальчикъ. Я его не разубѣждалъ: кто-нибудь могъ насъ подслушивать, да и безполезно это было.

Въ тотъ же день вечеромъ пришелъ Министръ Исповѣданій Ло-

тоцкій. Ко мнѣ онъ относился хорошо, хотя на Соборѣ мы были представителями разныхъ теченій.

— Не послушались вы меня, очень ужъ вы были рьяный, и вотъ... — съ укоризной сказалъ онъ. — Но я къ вамъ съ уваженіемъ, хоть мы съ вами и боролись. Не волнуйтесь. Съ вами случилась маленькая непріятность, я сейчасъ съѣзжу въ комендатуру, все устрою — и вернусь...

Жду часъ, два... — онъ не вернулся.

Во время томительнаго ожиданія я услыхалъ телефонные переговоры, которые велись въ сосѣдней комнатѣ. Чей-то голосъ кричалъ изъ аппарата: «Какъ намъ быть? Вѣдь тамъ черная сотня будетъ защищать!..» — «Ничего, ничего, дѣйствуйте...» — отвѣчали вопрошавшему.

«О владыкѣ Антоніи рѣчь идетъ...» почуялъ я.

Наступила ночь... — первая ночь подъ арестомъ. Провелъ я ее въ полудремотѣ, полукошмарѣ. Меня не покидало тягостное ощущеніе «арестанта». Всю ночь въ домѣ была суета, слышались голоса, кого-то куда-то вели, у моей будки смѣнялись солдаты... Подъ утро провели мимо моихъ дверей элегантную даму съ заплаканнымъ лицомъ... Въ нетопленномъ помѣщеніи я совсѣмъ закоченѣлъ, несмотря на зимнюю рясу.

Насталъ день, — и вдругъ радостное изумленіе! Передо мною стоитъ въ бѣломъ клобукѣ съ палкой въ рукѣ владыка Антоній... Сперва я не понялъ — сталъ его горячо благодарить за посѣщеніе, но съ первыхъ же словъ митрополитъ Антоній прервалъ меня: «Чего благодаришь? Я сюда же....». Мы примостились вдвоемъ на диванчикѣ, и просидѣли такъ до вечера. Днемъ изъ Лавры намъ прислали рыбы и еще какой-то ѣды. Но до ѣды ли было въ обстановкѣ революціонной тюрьмы, нервной суеты, телефонныхъ звонковъ, шмыганья по коридору петлюровскихъ офицеровъ, караульныхъ солдатъ съ бомбами... Одинъ изъ нихъ спросилъ митрополита Антонія, за что насъ посадили. — «За православную вѣру...» — отвѣтилъ владыка. Солдатъ усомнился: «За вѣру? За вѣру не сажаютъ, — навѣрно, какіе-нибудь вы злодѣи...».

Надвигался вечеръ. Мы попросили дать намъ на ночь хоть какую-нибудь койку. «Внизу арестованные гетманскіе министры подъ столами спятъ, а вамъ — койку!» — отвѣтили намъ. Койка не понадобилась... Въ 11 часовъ вечера вошелъ офицеръ и приказалъ: «Одѣвайтесь». — «Подушки, одѣяла взять съ собой?» — «Какъ хотите». Въ ту минуту мы рѣшили: ведутъ на разстрѣлъ... Насъ торопили. Выходимъ, — автомобиль... Насъ усадили. Съ нами сѣлъ офицеръ и вооруженные солдаты. «На вокзалъ!» скомандовалъ офицеръ. «За вокзаломъ...» подумали мы. Насъ подвезли къ вокзалу,

который спѣшно декорировали, готовя кому-то торжественную встрѣчу. Автомобиль остановился. Офицеръ ушелъ. Наши конвоиры зазябли, — ушли тоже. Мы мерзли въ автомобилѣ часа два. Наконецъ за нами пришли и велѣли выходить. Насъ повели куда-то за станцію къ отдаленнымъ запаснымъ путямъ... Сомнѣнія не было — «тамъ»... И вдругъ — удивленіе!.. На глухомъ подъѣздномъ пути стоитъ вагонъ второго класса съ салономъ, насъ подводятъ къ нему, и велятъ садиться... Вводятъ въ купэ вмѣстѣ съ двумя солдатами, остальные конвоиры размѣщаются въ салонѣ. Мы снимаетъ зимнія рясы. Освѣдомляемся у конвоя, куда насъ везутъ? «Не знаемъ...» — — «Можно намъ совсѣмъ раздѣться?» — «Какъ хотите». — Я раздѣлся, накрылся теплой рясой — и задремалъ. Поздней ночью — толчокъ: прицѣпили паровозъ. Потомъ заработали колеса... — мы тронулись. Куда-то насъ везли, но — куда? Митрополитъ Антоній глядѣлъ въ окно, стараясь разсмотрѣть, по какому желѣзнодорожному пути мы ѣдемъ, но въ темнотѣ узнать знакомыя мѣста было трудно. Мы опять спросили конвоировъ. Одинъ изъ нихъ проговорился: «Въ Галицію». Какое было облегченіе узнать объ этомъ! Ѣхали мы медленно, подолгу стояли на остановкахъ, задвинутые на запасные пути. Когда разсвѣло, солдаты на какой-то станціи побѣжали за кипяткомъ. «Не надо ли и вамъ кипятку?» Мы отказались.

Станція была вся разубрана украинскими флагами. На платформѣ стоялъ весь продрогшій на морозѣ батюшка съ крестомъ на блюдѣ, ожидая проѣзда высокой особы. Солдаты намъ сказали, что ждутъ Петлюру.

Сперва проплылъ весь заиндѣвѣвшій великолѣпный поѣздъ съ петлюровскими министрами. За нимъ примчался курьерскій — съ Петлюрой. Послышались привѣтственные клики «Слава!» «Слава!»... Къ Петлюрѣ подошелъ батюшка, — правитель Украины приложился ко кресту. Заиграла музыка... Подъ звуки духового оркестра Петлюра отбылъ. — А мы потащились дальше...

Понемногу наши конвоиры смягчились. Стали носить ѣду, заботиться о насъ, разговаривать. Одинъ изъ солдатъ (изъ учителей) шепнулъ намъ: «Если что надо въ Кіевѣ передать, напишите записочки, спрячьте и скажите мнѣ, куда спрятали. Я ѣду обратно въ Кіевъ и ваши письма доставлю». Этимъ предложеніемъ мы воспользовались.

На границѣ насъ пересадили въ санитарный вагонъ. Тамъ каждому отвели по койкѣ. Вагонъ былъ хорошо натопленъ. Чистота, тепло, присутствіе санитаровъ и сестеръ, — вся перемѣна условій путешествія казалась такимъ облегченіемъ послѣ всего пережитаго за послѣдніе два дня... Такъ мы ѣхали до Тарнополя. Еще недавно въ

этотъ городъ я въѣзжалъ, окруженный знаками почета, а теперь меня везли, какъ арестанта...

Прибыли мы рано утромъ. Съ вокзала на извозчикѣ, въ сопровожденіи конвоя, насъ доставили въ еврейскую гостиницу, оттуда повели въ комендатуру. Послѣ краткаго допроса намъ объявили, что пока насъ оставятъ въ гостинницѣ, а потомъ препроводятъ въ уніатскій монастырь.

Пребываніе въ гостинницѣ было тягостное. Денегъ у насъ не было, провизіи, кромѣ чая и сахара, тоже. Еврей-хозяинъ давалъ намъ горячую воду съ картофелемъ, вмѣсто супа, и немного хлѣба. Таково было все наше питаніе. Комнату еврей не топилъ. Стояли морозы. Мы коченѣли; зимнія рясы въ стужу согрѣвать насъ не могли.

Очевидно, нашъ хозяинъ не очень-то вѣрилъ правительству, которое въ такихъ случаяхъ расплачивается за арестованныхъ, и, во избѣжаніе убытка, рѣшилъ на насъ не тратиться.

Къ намъ приставили католическаго патера Бона, — священника, приготовленнаго для католической «миссіи» въ Россіи. Выяснилось, что ему было поручено комендатурой препроводить насъ въ монастырь. Но патеръ тянулъ, увиливалъ, ссылался на какія-то препятствующія обстоятельства... «Скоро Рождество, встрѣтимъ праздникъ... У меня въ городѣ друзья, я не хотѣлъ бы сейчасъ уѣзжать .. и т. д.» — словомъ, долго насъ морочилъ. Объяснялось его поведеніе старыми счетами со мною. Оказалось, мы во время войны столкнулись съ нимъ въ Бродахъ. Онъ тогда доказывалъ, что одинъ изъ приходовъ — уніатскій, а я, — что онъ православный; я восторжествовалъ, зато теперь онъ насъ томилъ въ гостинницѣ.

Немного скрасилъ намъ пребываніе въ Тарнополѣ сторожившій насъ молодой солдатикъ, — мальчикъ-гимназистъ, доброволецъ-петлюровецъ. Мы очень съ нимъ сдружились: бесѣдовали, вспоминали стихи Шевченки.... Въ концѣ концовъ онъ сталъ совсѣмъ ручной. Разсказывалъ намъ, какъ поначалу они въ Галиціи боялись казаковъ, потому что ихъ увѣряли, что «казаки изъ ребятъ супъ варятъ...» «Мы всѣ попрятались, когда они въ село наше пришли, а потомъ увидали — казаки никого не трогаютъ, съ ребятишками играютъ... вилимъ, — прекрасные люди...» — разсказывалъ солдатикъ. — Жалѣя насъ, онъ рѣшилъ намъ помочь и заявилъ: «Я для васъ въ комендатурѣ дровъ украду...» И вѣрно, — нѣсколько разъ крадъ, и топилъ намъ печку.

Незадолго до праздника пришло изъ комендатуры распоряженіе — отправить насъ съ митрополитомъ Антоніемъ въ два разныхъ монастыря. Мы рѣшили подать прошеніе, чтобы это распоряженіе во имя человѣколюбія было отмѣнено. Нашей просьбѣ вняли, но мы по прежнему сидѣли въ гостинницѣ. Патеръ Бона, несомнѣнно, везти

насъ до праздниковъ не собирался. Наконецъ, я рѣшилъ пойти въ комендатуру — жаловаться. Тамъ моему приходу удивились: «Какъ, — вы еще здѣсь? Вы поручены о. Бону, — онъ уже давно долженъ былъ васъ доставить въ монастырь. Мы дадимъ распоряженіе...» Вечеромъ о. Бона выразилъ крайнее неудовольствіе по поводу жалобы и заявилъ, что все равно до праздниковъ насъ не повезетъ. Обошлось безъ него. Намъ дали въ провожатые жандарма и отправили по желѣзной дорогѣ въ г Бучачъ. Тамъ находился уніатскій, «базиліанскій», монастырь.

Пріѣхали мы въ Бучачъ ночью, часа въ 3-4. Насъ посадили въ грязную вокзальную комнату. На полу окурки, соръ, грязь... Пахнетъ водкой и табакомъ. Шмыгаютъ мимо насъ какія-то подозрительныя личности... Слышимъ — гдѣ-то бѣготня, крики: какого-то еврея-контрабандиста ловятъ... Атмосфера на станціи жуткая, воровская. Сидимъ мы съ митрополитомъ Антоніемъ усталые, измученные, ожидая, что-то будетъ съ нами дальше...

Въ 6 часовъ, еще въ темноту, пріѣхала за нами телѣга на огромныхъ колесахъ («дробина»), такая высокая, что мы въ рясахъ едва въ нее влѣзли.

Утро сырое, дождливое, туманное. Ѣдемъ медленно. Сидѣть тряско. Наши рясы вымокли. Но вотъ, въ мути дождя показались огоньки монастыря. У воротъ телѣга стала. Ждать пришлось долго. Сидимъ-сидимъ, никто не идетъ. Гдѣ-то вблизи голоса въ темнотѣ перешептываются... Наконецъ, появился монахъ съ фонаремъ и учтиво обратился къ намъ: «Извините, никто насъ не предупредилъ. Келій нѣтъ... Надо ихъ освободить, приготовить... Пока попросимъ въ пріемную». Насъ привели въ монастырь, и устроили въ чистенькой комнатѣ съ двумя диванчиками. Мы тотчасъ легли, и заснули, какъ убитые.

Долго спать не пришлось,— къ намъ постучали. Проснувшись, мы съ удивленіемъ озирались, не понимая, куда мы попали. Намъ было предложено, если мы желаемъ, пойти на мессу. Мы рѣшили на мессу идти, но наше положеніе православныхъ архіереевъ, сосланныхъ въ католическій монастырь, казалось намъ столь страннымъ, что поначалу вызвало нѣкоторое недоумѣніе, какъ намъ въ этой новой обстановкѣ держаться. Митрополитъ Антоній обсуждалъ вопросъ: можно ли намъ, православнымъ, креститься въ уніатскомъ храмѣ? Рѣшили: да, можно, можно вездѣ, гдѣ есть крестъ.

Въ храмѣ насъ поставили на хоры. Молящихся было довольно много. Мужики въ кожухахъ, бабы... Много исповѣдниковъ въ виду приближенія праздника. Послѣ Евангелія, когда священникъ направился къ каѳедрѣ говорить проповѣдь, народъ запѣлъ: «Духъ Свя-

тый найдетъ на Тя и Сила Всевышняго осѣнитъ Тя...», а въ концѣ службы вмѣсто запричастнаго стиха, — грянулъ «Ще не вмерла Украина...». Ну, думаю, вотъ куда политика влѣзла...

Когда мы вернулись изъ церкви, кельи намъ были уже приготовлены. Все было заботливо устроено. Пришелъ настоятель — познакомиться и извиниться, что не сразу намъ отвели помѣщеніе.

Приближалось Рождество. Мы стали къ нему внутренно готовиться, но въ чуждой обстановкѣ еще ярче вспоминалось наше предпразднество и еще тяжелѣе казалось заточенье... Въ неомраченной радости встрѣтить Рождество мы не могли, — наоборотъ, великій праздникъ лишь оттѣнялъ наше грустное положеніе. Лишеніе свободы вызывало чувство тоски, налегло на душу тяжестью, которую сбросить было трудно: каждая мелочь о ней напоминала. Увидишь на дворѣ нищаго, — невольно думаешь: а вотъ онъ идетъ, куда хочетъ...; пробѣжитъ собака, — и опять та же мысль: и она бѣжитъ, куда хочетъ...

Поначалу насъ изъ монастырскаго сада не выпускали; потомъ наша стража смягчилась, и насъ стали отпускать послѣ обѣда въ городъ и даже за городъ. Но мы предпочитали гулять въ прекрасномъ монастырскомъ саду.

Наканунѣ Новаго года, рано утромъ, въ коридорѣ какое-то движеніе, голоса.... Потомъ слышимъ, кого-то по коридору къ намъ ведутъ. Опять за нами? Опять арестъ? Распахнулась дверь, — и радостное изумленіе.... Изъ Кіевской Лавры два монаха*) привезли намъ облаченіе, церковные сосуды, кадило, — все, что нужно для богослуженія...; наша записочка, которую мы передали доброму конвоиру, не пропала, онъ доставилъ ее въ Кіево-Печерскую Лавру: вошелъ въ швейцарскую митрополичьихъ покоевъ, увидалъ, что никого нѣтъ, положилъ пакетъ на столъ, — и скрылся. Мы писали, что безъ богослуженія намъ будетъ тяжко. Узнавъ объ этомъ, духовенство и міряне отправили къ Петлюрѣ делегацію съ просьбой облегчить нашу участь. Петлюра настаивалъ на одномъ, — чтобы мы для Украины больше не существовали, и заявилъ, что наше заточеніе отмѣнѣ не подлежитъ. Однако, послѣ долгихъ переговоровъ онъ позволилъ привезти намъ все необходимое для церковныхъ службъ.

Первое свиданіе со своими... — какая это была радость! Мы исповѣдались у пріѣхавшаго іеромонаха, а потомъ въ келіи отслужили обѣдню. Служилъ владыка Антоній, одинъ изъ насъ подавалъ кадило, остальные пѣли. Мы были въ подъемѣ, чувствуя великое утѣшеніе Литургіи...

*) Одинъ изъ нихъ — іеромонахъ, окончившій Дух. Академію; другой — іеродіаконъ изъ пѣвчихъ.

Послѣ праздниковъ стали прибывать въ нашъ монастырь новыя лица. Привезли Кіевскаго викарнаго епископа Никодима вмѣстѣ съ іеродіакономъ Николаемъ, беззавѣтно преданнымъ ему монахомъ, добровольно послѣдовавшимъ за нимъ въ заточеніе. Съ такой же преданностью онъ сталъ относиться и къ намъ — окружалъ трогательной заботливостью: чистилъ наши сапоги, подметалъ полъ..., все исполняя безропотно и со всею любовью

Потомъ навѣстить меня пріѣхалъ изъ Почаевской Лавры іеромонахъ Дамаскинъ съ послушникомъ, который въ Почаевѣ при мнѣ келейничалъ.

Вслѣдъ за ними привезли изъ Почаева арестованныхъ, — архимандрита Виталія и работавшаго въ типографіи іеромонаха Тихона (Шарапова).

Мы разселились такъ: я съ епископомъ Никодимомъ жили въ общей келіи; владыка Антоній одинъ — въ другой, а о. Виталій, Тихонъ и Николай — въ третьей. Мы совмѣстно совершали церковныя службы въ одной изъ келій, поочереди исполняя ту или иную церковнослужительскую обязанность.

Понемногу жизнь наша наладилась. Мы зажили тихо и спокойно. По вечерамъ монахи насъ приглашали на свои собранія, угощали кофеемъ, мы слушали ихъ религіозныя бесѣды; иногда они обсуждали интересные казуистическіе вопросы, и мы съ удовольствіемъ слѣдили за ихъ преніями.

Днемъ мы гуляли по саду. На прогулкахъ сталъ намъ встрѣчаться какой-то незнакомецъ въ военной формѣ съ собакой. Монахи относились къ нему съ великимъ почтеніемъ; они сказали намъ, что этотъ важный господинъ «величезна фигура, якъ вашъ Николай Николаевичъ». Встрѣчаясь съ незнакомцемъ, мы издали съ нимъ раскланивались. Кто-то изъ монаховъ потомъ проговорился, что это одинъ изъ Габсбурговъ, внучатный племянникъ императора Франца Іосифа, наименовавшій себя Василіемъ Вышиваннымъ; что онъ готовится на украинскій престолъ и ради будущей короны перешелъ въ Унію. Какъ-то разъ онъ съ нами заговорилъ на плохомъ украинскомъ языкѣ. Мы сказали, что украинскимъ не владѣемъ. Онъ удивился: «Какъ же вы — украинскіе епископы — и не говорите по-украински?». Держался онъ какъ-то таинственно. Монахи о немъ по угламъ шептались. Что-то во всемъ его обликѣ было типичное для претендента на пустующій или несуществующій тронъ...

Отъ нечего дѣлать я сталъ писать автобіографію. Выдержки изъ нея иногда читалъ моимъ соузникамъ-епископамъ, которые меня поощряли.

Наши отношенія съ монахами улучшились настолько, что они разрѣшили намъ пользоваться фисгармоніей, стоявшей въ ризницѣ.

Епископъ Никодимъ оказался отличнымъ музыкантомъ и исполнялъ разныя церковныя пѣснопѣнія. Все шло хорошо, если бы не враждебное отношеніе къ католичеству архимандр. Виталія. Онъ затѣвалъ съ монахами споры, обрушивался на нихъ, называя еретиками, отступниками... и какъ-то разъ въ запальчивости заявилъ: «Ваше причастіе пища демоновъ...». Монахи пришли въ ярость и въ долгу не остались: «Мы думали вы порядочный человѣкъ, а вы хуже собаки!» Я набросился на о. Виталія, но что было сказано, то было сказано... Добрыя наши отношенія съ монахами надорвались: они невольно отождествляли насъ съ о. Виталіемъ.

Наступила весна... Потекли ручьи. По весеннему пригрѣвало солнышко... Тутъ неожиданно къ намъ пріѣхалъ архіепископъ Алексѣй Дородицынъ. Его появленіе насъ смутило. Цѣли пріѣзда мы понять не могли и такъ до конца и не поняли. Онъ объяснялъ свой пріѣздъ добрымъ намѣреніемъ начать хлопоты о нашемъ освобожденіи. Однако, ничего не сдѣлалъ. Съ уніатскими монахами у него установились сразу простыя отношенія. Съ нами онъ служилъ и своимъ чуднымъ голосомъ скрашивалъ наши предпасхальныя службы.

Послѣ Дородицына пріѣхалъ въ монастырь проф. филологіи Кіевскаго Университета Огіенко. Онъ работалъ надъ переводомъ православнаго богослуженія на украинскій языкъ. Православный по вѣроисповѣданію, онъ считалъ, однако, возможнымъ причащаться у уніатовъ. Съ нимъ мы подолгу бесѣдовали и спорили. Онъ обѣщалъ похлопотать о нашемъ освобожденіи, но изъ этого тоже ничего не вышло.

Приближалась Пасха. На душѣ было грустно-грустно... Заточеніе томило. Ему не придвидѣлось конца... И вдругъ, въ Великую Субботу, на монастырскій дворъ въѣзжаетъ телѣга, на ней сидитъ какой-то монахъ, — и мы въ радостномъ изумленіи узнаемъ іеросхимонаха Іова!.. Онъ пріѣхалъ насъ исповѣдать и привезъ письма, куличи и пасхи. Почаевскіе монахи съ великою любовію писали намъ, что лобызаютъ наши узы. Радость нашу въ то утро передать трудно...

Іеросхимонахъ Іовъ былъ старецъ чудной жизни. Въ Почаевѣ онъ исполнялъ обязанности «гробового» монаха, т. е. находился при гробѣ преподобнаго Іова. Когда Лаврѣ грозило взятіе австрійцами, онъ отъ моихъ рукъ принялъ схиму и остался въ Почаевѣ; потомъ его австрійцы услали въ лагерь для военноплѣнныхъ. Въ молодости, благодаря исполинскому своему росту, онъ служилъ въ гвардіи и до сихъ поръ въ Парижѣ помнятъ его бывшіе преображенцы.

Свѣтлый Праздникъ мы встрѣтили свѣтло и радостно. Выпросили у настоятеля разрѣшеніе отслужить въ полночь Пасхальную за-

утреню и Литургію въ келіи «почаевцевъ» — о. Виталія и о. Тихона. Заутреня прошла стройно, мы пропѣли всѣ пасхальныя пѣснопѣнія. Архіепископъ Алексѣй Дородицынъ былъ за регента. Потомъ всѣ вмѣстѣ разговлялись.

День св. Пасхи былъ солнечный, теплый. Мы гуляли по саду. Уже цвѣли цвѣты. Изъ помѣщенія комендатуры доносилось солдатское пѣніе. Знакомыя украинскія и вообще солдатскія пѣсни о «пташечкѣ-канареечкѣ», напоминавшія о Россіи...

Не знаю, долго ли продлилось бы наше заточеніе, если-бы не измѣнилось политическое положеніе Украины. Завязалась борьба украинцевъ съ поляками, для украицевъ неудачная. Поляки ихъ энергично тѣснили. Украина раздѣлилась на восточную (Кіевщину) и на западную (Галицію) — и организовала два правительства, объединявшіяся подъ верховной властью Петлюры. Во Львовѣ, центральномъ городѣ Галиціи, засѣдало правительство, составленное изъ галичанъ и возглавляемое Петрушевичемъ; въ Кіевѣ — правительство Петлюры. До насъ добѣжалъ слухъ, что поляки взяли Львовъ; что правительство вынуждено бѣжать на востокъ. А потомъ мы узнали, что бѣжавшіе министры вотъ уже двѣ недѣли, какъ живутъ въ вагонахъ на нашей станціи....

Въ эти смутные дни украинскихъ неудачъ намъ объявили, что мы свободны, даже предложили доставить насъ на Волынь. Мы держали совѣтъ, — какъ намъ быть?.. Горячія головы, — архимандр. Виталій и іеромонахъ Тихонъ — заявили, что они возвращаются на Волынь. А мы рѣшили, что ѣхать съ рискомъ попасть въ руки одной изъ безчисленныхъ бандъ, разбойничавшихъ на станціяхъ и желѣзнодорожныхъ путяхъ, — не имѣетъ смысла. Наши опасенія имѣли основанія: хулиганство и разбой стали повсемѣстнымъ и повседневнымъ явленіемъ*). Когда, направляясь на вокзалъ для переговоровъ съ однимъ изъ министровъ, я повстрѣчался съ какой-то бандой, одинъ изъ хулигановъ хлестнулъ меня кнутомъ по плечу. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній мы рѣшили остаться у поляковъ, сдавшись на великодушіе побѣдителей. Наше положеніе враговъ ихъ враговъ (петлюровцевъ) ставило насъ въ благопріятныя условія и могло намъ гарантировать безопасность, даже, быть можетъ, и свободу.

Вскорѣ украинскіе министры подъ напоромъ поляковъ были вынуждены двинуться дальше, уводя съ собою войска**). Въ городкѣ наступила зловѣщая тишина... Иногда проносились по улицѣ какіе-

*) О. Виталій и о. Тихонъ добрались до Волыни, испытавъ всѣ ужасы самоуправства бандъ.

**) Въ эти дни арх. Алексѣй Дородицынъ куда-то исчезъ; повидимому, уѣхалъ вмѣстѣ съ министрами.

то всадники... Гдѣ-то, еще далеко, громыхали пушки. Но вотъ, сидимъ мы въ саду, — и вдругъ шрапнельныя пули жужжатъ въ воздухѣ... Поляки приближались. Я вспомнилъ о своихъ запискахъ и изъ предосторожности рѣшилъ ихъ спрятать. Въ нихъ я изложилъ мою дѣятельность въ Государственной Думѣ, мои битвы съ поляками за Холмскій законопроектъ и т. д. Поначалу думалъ зарыть записки въ саду, но потомъ рѣшилъ зашить въ клобукъ подъ подкладку; іеродіаконъ Николай помогъ мнѣ съ этой работой справиться.

Поляки вошли въ городъ передъ Троицей. Въ день праздника, во время обѣдни въ нашей келіи, я пошелъ въ садъ, чтобы наломать сирени для вечерни. Стою у куста, ломаю вѣтки, — и вдругъ ко мнѣ подбѣгаютъ солдаты съ крикомъ: «Стой!... Кто вы?» Я сказалъ свое имя. «Васъ-то намъ и нужно... вы арестованы! Гдѣ ваши товарищи?». Обѣдня еще не кончилась, когда они ввалились въ наши келіи. Они такъ насъ торопили, что мы едва успѣли дослужить Литургію. Наскоро собравъ вещи въ чемоданы, мы послѣдовали за конвоемъ. У воротъ насъ дожидались двѣ высокія грязныя навозныя телеги. Мы побросали на дно наши чемоданы, съ трудомъ вскарабкались на повозки, и лошади шагомъ поплелись по дорогѣ. Лилъ сильный дождь. Наши зимнія рясы промокли до нитки. Мы попросили конвойныхъ переждать гдѣ-нибудь ливень, но они и слышать не хотѣли. Такъ плелись мы 15 верстъ. Ну и праздникъ!

Наконецъ мы въѣхали въ мѣстечко Монастыржинско, гдѣ полагалась первая остановка, насъ подвезли къ казенному зданію (Гминному Управленію). Первая мысль: слава Богу, подъ крышей будемъ... Но подъ крышей насъ ожидала большая непріятность... Намъ заявили, что будетъ обыскъ, строгій и тщательный, до бѣлья. Бывшіе австрійскіе, а теперь польскіе, жандармы два часа осматривали всю нашу одежду, прощупывая швы, подпарывая подкладки. Со мной все обошлось благополучно, пока дѣло не дошло до клобука. Но когда взяли клобукъ, — все пропало... Стали щупать дно, захрустѣла бумага... «Что у васъ — бумаги?» Разрѣзали подкладку, — и мои записки вывалились на столъ. «Это — пропаганда?» — «Какая пропаганда въ нашемъ положеніи....» отвѣчаю я. Жандармъ скаталъ бумаги въ трубку и наложилъ печати.

Комната грязная, смрадная. Обстановка неприглядная, вызывающая чувство брезгливости. Смотрю, у крыльца солдаты съ винтовками. Легли спать, — не до сна... Мрачныя мысли не даютъ покою. Озлобленность поляковъ противъ меня я почувствовалъ въ самомъ фактѣ ареста. Только счетами за прошлое можно было объяснить преслѣдованіе насъ въ томъ беззащитномъ, безправномъ положеніи, въ которомъ мы находились.

На утро намъ дали чаю и велѣли снова собираться въ путь. По прежнему дождь... Сѣрое небо... На дорогѣ слякоть... Мы возсѣли на наши тряскія телѣги — и тронулись. Впереди насъ гнали, скованныхъ рядами, плѣнныхъ украинцевъ; мы шагомъ тащились за ними. Тяжкое путешествіе... Плѣнные, признавъ въ насъ русскихъ епископовъ арестованныхъ Петлюрой, надъ нами издѣвались. Но худшее было еще впереди...

Когда подъ вечеръ мы приближались къ Станиславову, неподалеку отъ города намъ навстрѣчу попалась толпа пьяныхъ польскихъ солдатъ съ офицеромъ. Солдаты насъ окружили, осыпая бранью. Одинъ изъ нихъ не ограничился словами, сорвалъ съ меня очки и шапочку — и бросилъ въ грязь... Повидимому, онъ съ товарищами былъ готовъ и на большее.. Неизвѣстно, чѣмъ-бы кончилось, если-бы офицеръ не отогналъ ихъ нагайкой.

Ѣдемъ дальше, — встрѣчный солдатъ-полякъ требуетъ обмѣняться лошадью: «Давайте вашу, ваша лучше»... Едва-едва конвойный отстоялъ нашего коня.

На закатѣ мы въѣхали въ Станиславовъ. Насъ посадили на вокзалѣ и велѣли ждать. Погода прояснилась, на станціи сновала гуляющая публика, съ изумленіемъ разглядывая насъ; слышались шутки, остроты, издѣвательства... Сидѣли мы такъ долго, что начальникъ станціи сталъ звонить кому-то по телефону, спрашивая, что ему дѣлать съ нами. — «Что-жъ вы стариковъ-то на станціи забыли? Не могу же я на ночь ихъ тутъ оставить...» — «Квартиръ нѣтъ, отправьте ихъ въ казармы!», — отвѣчалъ голосъ изъ аппарата. — «Какъ.... — въ казармы? Что вы!.. На растерзаніе?» — заступился за насъ начальникъ станціи. — «Ну, тогда — въ Бельвю!» — отвѣтили ему.

Уже было темно, когда за нами пришли солдаты и повели въ гостиницу «Бельвю». Это былъ мѣстный публичный домъ. Намъ дали отвратительную, грязную комнату. По совѣту митрополита Антонія, мы легли спать, не раздѣваясь, — въ нашихъ тяжелыхъ промокшихъ рясахъ. Всю ночь мы не спали. Доносились непотребные крики, визги... По коридору бѣгали бабы, стучали сапогами солдаты, проходя мимо нашей двери...

Утромъ намъ принесли чаю. Ночь была столь тягостная, что митрополитъ Антоній сталъ искать выхода изъ создавшагося положенія и предложилъ обратиться къ мѣстному уніатскому епископу (Григорію Хомишину) съ просьбой заступы и убѣжища. Переговоры съ епископомъ взялъ на себя я.

Епископъ проживалъ въ прекрасномъ дворцѣ. Я просилъ доложить о себѣ. Лакей вернулся и заявилъ, что «Владыка занятъ, и принять меня не можетъ». — «Не сказалъ-ли онъ, когда я могу его видѣть?» — «Владыка не знаетъ, когда онъ будетъ свободенъ...»

Дальнѣйшіе переговоры были излишни: епископъ меня не хотѣлъ принять. Не пожелалъ ни помочь, ни выслушать.

Тогда мы рѣшили жаловаться коменданту. Но и тутъ ничего не добились. «Будьте довольны, что хоть такъ-то васъ устроили», — былъ грубый отвѣтъ.

И вотъ, сидимъ мы попрежнему въ Бельвю. Безысходность томитъ, на душѣ тоска... Вдругъ, смотримъ въ окно, какой-то господинъ идетъ черезъ улицу и направляется къ Бельвю. Неужели къ намъ? Такъ и есть — къ намъ... Входитъ въ комнату и спрашиваетъ:

— Вы — владыки?

И услышавъ утвердительный отвѣтъ, восклицаетъ негодующе:

— Боже мой!.. Въ такой обстановкѣ?! Это невозможно! Это недопустимо! Я устрою скандалъ... Это позоръ! Есть же монастыри!.. Наконецъ, въ пріютъ мой можно.

Незнакомецъ оказался Николаемъ Семеновичемъ Серебрениковымъ. Онъ долго жилъ въ Варшавѣ и теперь организовалъ въ Станиславовѣ пріютъ для бывшихъ гражданъ Россійской Имперіи. О нашемъ пребываніи въ Бельвю онъ узналъ случайно.

Мы съ вечера сдали на вокзалѣ наши чемоданы на храненіе. На утро іеродіаконъ Николай получилъ ихъ и, пользуясь проглянувшимъ солнышкомъ, вынулъ изъ нихъ наши рясы, бѣлье и гдѣ-то на площадкѣ разложилъ — посушиться. Серебрениковъ увидалъ монаха и сталъ разспрашивать: откуда? кто?.. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ поспѣшилъ въ нашу гостиницу.

Этотъ добрый человѣкъ тотчасъ же побѣжалъ хлопотать, и къ вечеру добился разрѣшенія на нашъ переѣздъ въ его пріютъ. Вдова генерала Болбочана (разстрѣляннаго Петлюрой), проживавшая у него, какъ разъ въ тотъ день уѣзжала, и ея комната оказалась свободной.

И вотъ, мы идемъ по городу подъ перекрестными взглядами прохожихъ. Непріятныя минуты... Зато съ какимъ облегченіемъ мы вздохнули, когда, послѣ всѣхъ перипетій послѣднихъ двухъ дней, послѣ грязи, физической и моральной, мы попали въ чистую, тихую, привѣтливую комнатку! Іеродіаконъ Николай привезъ съ вокзала наши вещи и на другой день, натянувъ на дворѣ веревки, досушивалъ на солнышкѣ нашу промокшую одежду.

Пребываніе въ этомъ скромномъ одноэтажномъ домишкѣ, гдѣ все было такъ мирно, чисто и свѣтло, что напоминало намъ монастырскую гостиницу, было бы полнымъ душевнымъ отдохновеніемъ, если-бъ не тревожная мысль объ отобранныхъ жандармами запискахъ... Не приведетъ ли это къ какимъ-нибудь тяжкимъ послѣдстві-

ямъ? А если приведетъ, то къ какимъ? Но и эта тревога внезапно и безслѣдно разсѣялась. Случилось чудо...

Н. С. Серебрениковъ насъ часто навѣщалъ (онъ проживалъ въ томъ же домѣ). Какъ-то разъ онъ вошелъ къ намъ и, потрясая пачкой какихъ-то листковъ, ликующе воскликнулъ:

— Вы свободны!.. свободны!.. свободны!.. — И онъ протянулъ мнѣ пачку. Я узналъ мои записки...

Случилось это чудо такъ. Наканунѣ ночью пришелъ экстренный приказъ: всю галиційскую дивизію вмѣстѣ съ полевой жандармеріей (за ней мы числились) двинуть на фронтъ. Она мгновенно снялась, забравъ съ собой всѣ пособныя учрежденія. Дѣла полевой жандармеріи были переданы мѣстному Милицейскому Управленію. Составъ милицейскихъ былъ случайный: много мальчишекъ, недоучившихся гимназистовъ. Серебрениковъ ежедневно туда навѣдывался, справляясь о нашей судьбѣ. Шутникъ и балагуръ, онъ умѣлъ говорить съ ними непринужденно. Видитъ на столѣ лежитъ какая-то рукопись и спрашиваетъ: «Что это у васъ за рукопись?» — «Архіерейская какая-то», — отвѣчаетъ юнецъ. — «Чего тамъ архіереи написали? Навѣрно, про благочестивыя дѣла, да святыя мѣста?» — пошутилъ Серебрениковъ. — «Да я тоже думаю, что глупости....» — «А вы дайте мнѣ ихъ почитать, подарите...» — «Ну что-жъ, берите...» Такъ мои записки ко мнѣ и вернулись.

Я разволновался, почувствовавъ близость Божію... Это былъ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ дней моей жизни.

Ликованіе Серебреникова по поводу нашего освобожденія, увы, оказалось преждевременнымъ. Скоро намъ объявили, что насъ отправляютъ дальше — во Львовъ. Мы попросили Серебреникова похлопотать о разрѣшеніи ѣхать по желѣзной дорогѣ, а не на подводахъ: ужъ очень утомительно было передвиженіе на телѣгахъ. На другой день пришелъ жандармъ, и повелъ насъ на вокзалъ. Записки я спряталъ въ чемоданъ въ надеждѣ, что до Львова ихъ довезу, а тамъ найду кого-нибудь, кому можно будетъ ихъ передать на храненіе.

Во Львовъ мы пріѣхали въ сумерки. Какъ я торжественно въѣзжалъ когда-то въ этотъ городъ! А теперь сразу насъ повезли въ комендатуру... Знакомое зданіе, — и опять, какъ и въ Станиславовѣ, та же исторія: все забито, помѣщенія нѣтъ. Куда насъ дѣвать? Кто то посовѣтовалъ отправить насъ къ митрополиту Андрею Шептицкому. «Ну, подумалъ я, и странная неожиданность....» Митрополитъ Шептицкій и я давно и хорошо заочно знали другъ друга. Онъ недавно вернулся изъ русскаго плѣна, въ которомъ пребывалъ со времени ареста его нашимъ военнымъ командованіемъ въ Гали-

ніи вплоть до «февральской революціи», когда его освободило Временное Правительство.

По пріѣздѣ въ резиденцію митрополита, не успѣли о насъ доложить, — онъ самъ вышелъ на лѣстницу и радушно: «Пожалуйте, пожалуйте.... У меня есть свободныя комнаты, будьте моими гостями». Насъ ввели въ просторное помѣщеніе и предоставили каждому по комнатѣ. Къ ужину пригласили наверхъ, въ покои митрополита. Онъ былъ привѣтливъ, гостепріименъ, извинялся, что неожиданность нашего пріѣзда лишила его возможности дать заблаговременно нужныя распоряженія относительно трапезы.... Однако, все и такъ было хорошо.

— Располагайтесь, какъ хотите, сказалъ онъ, въ тотъ вечеръ прощаясь съ нами. — Если вамъ удобнѣй завтракать и обѣдать здѣсь, — милости прошу ко мнѣ. Если — внизу, — скажите... Дѣлайте, какъ вамъ удобнѣй...

Мы сослались на Петровъ постъ, несовпадающій съ западнымъ календаремъ, на нѣкоторыя осложненія, которыя мы этимъ внесемъ... Тѣмъ самымъ вопросъ былъ рѣшенъ, и мы съ тѣхъ поръ столовались внизу.

На другой день утромъ мы были приглашены къ кофе, а потомъ прошли съ митрополитомъ на Литургію. Почти всю службу онъ простоялъ на колѣняхъ: у него болѣли ноги.

Пробыли мы у митрополита нѣсколько дней и не разъ съ нимъ бесѣдовали.

Митрополичій домъ находился въ монастырѣ св. Юра (св. Георгія). Здѣсь былъ древній уніатскій соборъ и домъ для духовенства. Такимъ образомъ монастырь былъ одновременно и резиденціей митрополита и мѣстопребываніемъ капитула. Меня поражало, что въ районѣ монастыря я не видѣлъ ни одного человѣка въ свѣтскомъ платьѣ, — сплошь сутаны, даже секретари, библіотекари, и тѣ въ сутанахъ.

Обстановка митрополичьихъ покоевъ была выдержана въ восточномъ стилѣ. Изумляло количество картинъ, иконъ, всевозможныхъ художественныхъ старинныхъ вещей. Это былъ подлинный музей древне-русской и византійской старины.

— Я люблю иконопись и восточное церковное искусство, — сказалъ намъ митрополитъ, — оно чище воплощаетъ христіанскую идею, чѣмъ западное.

Мы ознакомились съ книжкой «Царскій вязень» («Царскій узникъ»), которая только что появилась въ печати и была посвящена митрополиту Шептицкому. Она заключала повѣствованіе о томъ, что онъ претерпѣлъ въ русскомъ плѣну. Его пребываніе въ Россіи изображалось въ сгущенныхъ, мрачныхъ краскахъ; объ узникѣ говори-

лось въ возвышенныхъ тонахъ, какъ о мученикѣ; указывались подробности въ родѣ слѣдующей: въ келіи, гдѣ жилъ узникъ, полъ былъ протертъ до дерева отъ длительныхъ колѣнопреклоненныхъ молитвъ.... Все въ книжкѣ было нѣсколько преувеличено, чувствовалось намѣреніе создать митрополиту ореолъ мученичества.

— Какъ вамъ жилось въ русскомъ плѣну? — спросили мы митрополита.

— Съ вами у насъ обращались плохо, да и со мной у васъ не лучше, — отвѣтилъ онъ и разсказалъ, какъ фактически сложилась его жизнь въ плѣну.

Послѣ ареста во Львовѣ онъ былъ высланъ въ Кіевъ въ сопровожденіи одного монаха и 2-3 священниковъ. Въ Кіевѣ, въ гостиницѣ, онъ самъ посвятилъ одного изъ нихъ въ епископа. Когда въ юго-западномъ краѣ усилились украинскія теченія, его препроводили въ Курскъ. Епископъ Курскій Тихонъ, человѣкъ грубый, давалъ ему почувствовать, что онъ узникъ инославнаго вѣроисповѣданія и во время Литургіи, когда діаконъ возглашалъ «оглашенные изыдите....» посылалъ къ нему иподіакона сказать, что этотъ возгласъ относится къ нему... Изъ Курска его переселили въ Суздаль (Владимірской губ.), въ Спасо-Евѳиміевскій монастырь — духовную тюрьму. Тутъ онъ попалъ подъ начальство архіепископа Владимірскаго Алексѣя Дородицына, который впослѣдствіи слѣдовалъ по фарватеру Петлюры, а тогда еще былъ заядлымъ «москалемъ». Особыхъ непріятностей въ Суздалѣ ему не чинили: монашеская братія, простая и доброжелательная, относилась къ нему сочувственно, но ей было запрещено съ нимъ общаться. Монахи обмѣнивались съ нимъ записочками, пряча ихъ подъ камень. Изъ Суздаля его перевезли въ одинъ изъ монастырей въ Ярославлѣ. Отношеніе мѣстной жандармеріи было къ нему скверное, а въ монастырѣ жилось ему неплохо. Наступила весна 17-го года, — и «оковы спали». Временное Правительство его освободило. Со всѣхъ сторонъ посыпались привѣтственныя телеграммы (между прочимъ и отъ П. Н. Милюкова), а весь одіумъ плѣна легъ на Саблера и на архіепископа Евлогія...

— Въ книгѣ о вашемъ пребываніи въ Россіи много вниманія отводится мнѣ, — замѣтилъ я. — Но я считаю долгомъ моей іерейской совѣсти заявить, что все произошло безъ меня и помимо меня.

— Я знаю, вы ни при чемъ, это ваши чиновники... — сказалъ митрополитъ.

— Но въ книгѣ останется слѣдъ, а фактически было не такъ...

— Ну кто же будетъ читать!..

— Во всякомъ случаѣ, я облегчилъ свою совѣсть, сказавъ вамъ правду о прошломъ.

Мы разговорились, и понемногу у насъ пошло на откровенность.

Митрополитъ разсказалъ, какъ онъ при царскомъ режимѣ инкогнито пріѣзжалъ въ имѣніе къ своему другу гр. Красинскому въ Витебскую губ. и жилъ подъ видомъ торговца свиньями; какъ разсылалъ своихъ эмиссаровъ по всей Руси скупать русскія древности...

Потомъ мы коснулись религіозныхъ вопросовъ. Въ православномъ богословіи онъ не былъ глубокъ, его познанія не выходили за предѣлы самыхъ обыкновенныхъ учебниковъ; любой студентъ Духовной Академіи въ этой области освѣдомленъ не меньше, чѣмъ онъ. Но зато въ пониманіи жизни, политики, онъ былъ драгоцѣннѣйшій человѣкъ для австрійскаго генеральнаго штаба. Онъ прекрасно разбирался въ вопросахъ объ отдѣленіи Украины, объ устройствѣ Уніи...

— Какъ вы, представитель польскаго аристократическаго рода, возглавляете украинское движеніе, которое ведетъ войну съ поляками? — спросилъ я.

Митрополитъ улыбнулся.

Вы хотите обвинить меня въ ренегатствѣ? Ну, нѣтъ... я буду защищаться. Позвольте замѣтить, что Шептицкіе родъ русскій, но въ XVII-мъ вѣкѣ окатоличился и ополячился. Предки наши измѣнили русскому имени. Я исправляю ошибку предковъ...*)

На эту тему мы разговорились болѣе подробно. Въ концѣ концовъ изъ нашей бесѣды митрополитъ сдѣлалъ слѣдующее заключеніе:

— Наше съ вами горе — мы оба слишкомъ любимъ русскій народъ.

— Любимъ, но по разному... — замѣтилъ я.

— Ну, это со временемъ сгладится...

Митрополитъ не кривилъ душой. Въ его рѣчахъ чувствовалось искреннее стремленіе на Востокъ. Онъ говорилъ убѣжденно. «Восточное православіе», Украина, древняя Кіевская Русь... все это было его «Святое-святыхъ»; онъ считалъ ихъ подлинной, ничѣмъ не замутненной русской стихіей, которую нельзя этнографически отождествлять и политически сочетать съ Великороссіей. Историческія судьбы и пути Украины и Великороссіи различны....

Такого рода искреннія бесѣды сблизили насъ. Митрополитъ показалъ намъ основанный имъ Національный Украинскій Музей — трехъэтажное зданіе полное сокровищъ русской церковной старины... Иконы, панагіи, облаченія, кадила, церковная утварь... — всего не перечислить. Тверскіе, Вологодскіе, Костромскіе, Рязанскіе... безчисленные памятники церковнаго искусства. И все это скупалось за безцѣнокъ по всѣмъ угламъ Россіи, по монастырямъ, и вывозилось за рубежъ...

---

*) Родной братъ митрополита Шептицкаго — Львовскій военный комендантъ; когда Львовъ былъ взятъ поляками, онъ держалъ первое время своего брата-митрополита подъ домашнимъ арестомъ.

Потомъ митрополитъ показалъ намъ свой монастырь. «Базиліанскіе» уніатскіе монастыри, принявшіе уставъ св. Василія Великаго, озападнились, и теперь, съ цѣлью возстановленія восточнаго монашества въ неискаженномъ видѣ, въ монастырѣ митрополита былъ введенъ древній уставъ Ѳеодора Студита. Настоятелемъ былъ второй братъ митрополита. Мы осмотрѣли этотъ монастырь. Ревностное стремленіе подражать восточному монашеству чувствовалось среди братіи очень сильно. Они производили впечатлѣніе фанатиковъ этой идеи, съ воодушевленіемъ относились къ своему служенію, съ восхищеніемъ — къ поставленному передъ ними идеалу. По внѣшнему виду они были, какъ будто, наши: съ бородами, въ клобукахъ...

Слухъ о нашемъ пребываніи во Львовѣ какъ-то распространился и достигъ пришибленныхъ политическими событіями галичанъ-москофиловъ. Среди нихъ у насъ были знакомые. Кое-кто насъ навѣстилъ. Встрѣчи были и радостныя, и грустныя. Трогало вниманіе, память о насъ, но грустно было сознавать крушеніе нашихъ идеаловъ, нашихъ общихъ надеждъ...

Пришла дѣвочка изъ русскаго Очага, учрежденнаго Ставропигіальнымъ Братствомъ*), пришли студенты... Съ однимъ изъ нихъ, по фамиліи Угнивый, я ближе сошелся и спросилъ его, не возмется ли онъ спрятать мою «крамольную» рукопись, которую я при себѣ хранить не могу. Онъ согласился. Однако, потомъ часть моихъ записокъ очутилась... въ Музеѣ митрополита Шептицкаго.

Наше мирное пребываніе у митрополита нарушилъ непріятный инцидентъ.

Періодически мы должны были являться въ комендатуру. Видное положеніе тамъ занималъ генералъ Александровичъ. Полякъ по рожденію, онъ служилъ въ русской арміи, а потомъ, съ крушеніемъ Россіи, перешелъ на службу къ Польшѣ. Мы явились къ нему, представились. Онъ встрѣтилъ насъ хмуро, важно и, обращаясь къ намъ по-польски, спросилъ, гдѣ мы живемъ. Узнавъ наше мѣстожительство, сталъ на насъ кричать: «Какъ! У Шептицкаго!? У врага польскаго народа!?» — «Мы узники, мы не виноваты, насъ тамъ поселили...» сказали мы. — «Сейчасъ же васъ перевезутъ къ католическому архіепископу Бѣличевскому...» заявилъ намъ Александровичъ.

И вотъ, мы у католическаго іерарха... Онъ оказался хорошимъ, благороднымъ человѣкомъ. Встрѣтилъ насъ учтиво, выслушалъ внимательно и въ недоумѣніи сказалъ: «Какъ же такъ можно? Вамъ митрополитъ Андрей оказалъ гостепріимство, это же обидитъ митропо-

*) См. стр. 260-261.

лита Андрея.... Возвращайтесь къ нему». — «Это невозможно. Распоряженіе комендатуры, чтобы не возвращались», вмѣшался конвойный офицеръ. «Успокойтесь. Отвѣтственность я беру на себя. Вы ни при чемъ....», — возразилъ архіепископъ.

Мы вернулись къ митрополиту.

Потому ли, что митрополитъ понималъ, насколько наше пребываніе въ Галиціи подъ польской властью небезопасно и грозитъ намъ еще многими непріятными случайностями, но онъ намъ посовѣтовалъ домогаться освобожденія.

— Что для этого надо предпринять? Какъ намъ дѣйствовать? — недоумѣвали мы.

— Просить черезъ Клемансо. Сейчасъ обсуждался Версальскій договоръ, Падеревскій*) находится въ Парижѣ. Можно написать, попросить....

— Но какъ это сдѣлать?

— Черезъ французскаго военнаго агента во Львовѣ. Вручите ему петицію. Давайте, вмѣстѣ ее напишемъ...

Шептицкій прекрасно средактировалъ набросанное нами прошеніе, въ которомъ мы указали, что, арестованные украинцами, мы ввѣрили себя великодушію польского правительства и просимъ его объ освобожденіи.

Французскій атташе во Львовѣ оказался мой знакомый: мы встрѣчались съ нимъ еще въ дни войны въ домѣ генералъ-губернатора гр. Бобринскаго. Онъ проявилъ полную готовность намъ содѣйствовать и освѣдомился, куда мы по освобожденіи хотѣли бы направиться — къ Деникину или къ Юденичу? Мы заявили, что хотѣли бы поѣхать къ Деникину, чтобы быть ближе къ нашимъ епархіямъ. Наша петиція была отослана Клемансо, а мы стали ждать отвѣта. Ждать его пришлось уже въ новыхъ условіяхъ.

Черезъ день-два пришло предписаніе польской комендатуры выслать насъ въ Краковъ.

Опять везли насъ подъ конвоемъ жандармовъ. Дорогой мы узнали, что военный комендантъ Кракова — бывшій генералъ русской службы Симонъ. Въ Житомирѣ, въ бытность митрополита Антонія архіепископомъ Волынскимъ, онъ командовалъ однимъ изъ полковъ; тогда онъ пріѣзжалъ къ владыкѣ Антонію съ новогоднимъ визитомъ, они встрѣчались на общественныхъ собраніяхъ, на официальныхъ торжествахъ... Мы пріободрились и, по пріѣздѣ въ Краковъ, попросили жандарма протелефонировать генералу съ вокзала о томъ, что мы пріѣхали и просимъ насъ сейчасъ же принять. Жандармъ вернулся

*) Падеревскій именовался начальникомъ польскаго государства и былъ делегированъ Польшей въ Версаль.

и сообщилъ: генералъ Симонъ принять не можетъ, а если мы имѣемъ, что сказать ему, то можемъ написать и передать черезъ конвойнаго. Ну, подумали мы, — и перемѣна...

Насъ направили въ монастырь, расположенный подъ городомъ, на берегу Вислы, въ мѣстечкѣ «Бѣляны». Это была обитель монаховъ-молчальниковъ («camaldules»). Уставъ этого монастыря сочетаетъ уставы Василія Великаго и св. Бернара (въ основныхъ правилахъ онъ близокъ траппистамъ). Живутъ они не общежительно, а въ домикахъ, которыхъ настроено множество. Каждый затворникъ имѣетъ свой домикъ съ маленькимъ огородомъ; по желанію монахи разводятъ на грядахъ капусту, землянику, цвѣты, табакъ; камальдулы курильщики завзятые, и табакъ разводятъ почти всѣ. Монастырскія постройки окружаетъ прекрасный садъ. Высокія, двойныя стѣны отдѣляютъ эту обитель молчанія отъ всего міра. Одежду монахи носятъ грубую, шерстяную, никогда ее не снимая — ни ночью, ни въ лѣтній зной; донашиваютъ ее до полной ветхости; періодически монахъ ее самъ стираетъ въ прачешной, — и опять на плечи.

Странное впечатлѣніе поначалу произвелъ на насъ этотъ монастырь. Монахи молчатъ: скользятъ тѣнями... Тишину нарушаетъ только стукъ ихъ сабо: хлопъ-хлопъ-хлопъ... Привѣтствуютъ другъ друга неизмѣннымъ «memento mori, frater...» — и опять молчаніе. На богослуженіе всѣ собираются въ костелъ. Мракъ такой, что едва различаешь фигуры, гробовая тишина, одинъ изъ монаховъ служитъ передъ престоломъ: ни возгласовъ, ни пѣнія, ни чтенія, — только нѣмые жесты, поклоны, движенія... Прямо жутко отъ этой нѣмоты и темноты... Поютъ они только «девятый часъ», но ихъ пѣніе болѣе похоже на завываніе, чѣмъ на пѣніе: отъ долгаго молчанія голоса теряютъ благозвучность, и все сливается въ одно гулкое уу... уу... уу...

Съ нами разговаривали только три монаха: настоятель, иногда навѣщавшій насъ, магистръ (или начальникъ послушниковъ), очень добрый, веселый старикъ, старавшійся насъ чѣмъ-нибудь развлечь, и библіотекарь. Всѣ трое относились къ намъ ласково и сердечно. Магистръ приносилъ намъ ягоды, фрукты, которыхъ въ монастырскомъ саду было изобиліе. «Я вамъ, какъ птенчикамъ въ гнѣздышко, угощеніе приношу....» — какъ-то разъ сказалъ онъ, указывая на гнѣздо, которое ласточки свили около нашего окна. Однажды, добродушно посмѣиваясь надъ пѣніемъ своихъ собратьевъ, онъ спросилъ: «Слышали, какъ волки выли?»

Остальные монахи, хоть съ нами и не разговаривали, но ихъ доброе, ласковое отношеніе мы чувствовали. Религіозный подвигъ сказывался. Чудные были монахи.

Къ сожалѣнію, мы жили въ окруженіи не однихъ монаховъ, а 7

человѣкъ жандармовъ-«пилсудчиковъ» неотступно сторожили насъ. Ни на шагъ безъ вооруженнаго конвоя. Даже ночью они не оставляли насъ въ покоѣ. Часа въ 2-3 ночи стучатся: «Вы здѣсь?» — «Здѣсь...» Безъ вооруженнаго провожатаго мы не смѣли выйти въ садъ. Стояла поздняя весна: все въ цвѣту, листва уже густая, въ аллеяхъ тѣнь, теплый вѣтерокъ... Но прогулки въ сопровожденіи жандарма не доставляли удовольствія, особенно, когда конвойный начиналъ разсказывать, какъ они, поляки, били «москалей»... Я облюбовалъ кроликовъ неподалеку отъ нашей келіи, сталъ ихъ кормить, носилъ имъ капусту. Но и это утѣшеніе было отнято: подошелъ жандармъ и строго: «Кто далъ вамъ разрѣшеніе сходить сюда? Надо спросить позволеніе...». Эта зависимость отъ конвоя такъ митрополиту Антонію надоѣла, что онъ пересталъ выходить изъ кельи, устраивалъ сквозняки, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, но спрашивать разрѣшеніе по поводу каждаго шага больше не желалъ; въ результатѣ онъ простудился и такъ занемогъ, что мы взволновались.

Однообразіе нашей жизни нарушило неожиданное прибытіе генерала Симона, пріѣхавшаго къ настоятелю пить кофе. Онъ выразилъ желаніе посмотрѣть на арестованныхъ. Насъ вывели въ столовую...

— Мы, кажется, съ вами знакомы? — обратился генералъ къ митрополиту Антонію.

— Это не важно, знакомы мы или не знакомы, — сказалъ митрополитъ Антоній, — а вотъ — почему вы насъ держите подъ надзоромъ? Мы старики, кругомъ стѣны... — куда же мы убѣжимъ?

— Положимъ... если есть деньги, вы можете передать что-нибудь на волю.

— Какія у насъ деньги!..

Разговоръ прекратился. Мы разстались безъ рукопожатія.

Черезъ нѣсколько дней послѣ посѣщенія генерала Симона за нами пріѣхалъ автомобиль, и какіе-то офицерики объявили намъ, что насъ повезутъ въ Краковъ къ кардиналу кн. Сапѣгѣ.

Подъѣзжаемъ къ кардинальскому дворцу, — на дворѣ чернымъ-черно отъ тучи сутанъ: священники, монахи, семинаристы... собрались смотрѣть на насъ. Со всѣхъ сторонъ щелкаютъ кодаки. Насъ провели въ большой, великолѣпный залъ — и заставили ждать. Ждали мы очень долго. Наконецъ, открылись двери, и, въ сопровожденіи генераловъ, епископовъ.... — многочисленной и пышной свиты, — шелестя шелками великолѣпнаго одѣянія, — выплылъ кардиналъ... Маленькій, изящный, съ напыщенной осанкой и надмѣннымъ взглядомъ, онъ вызывающе поглядѣлъ на насъ.

— Ваши имена извѣстны, но они окружены ненавистью, — на-

чалъ онъ, отчеканивая каждое слово, — васъ держатъ подъ охраной, чтобы толпа васъ не растерзала...

Послѣ этого вступленія всѣ сѣли за столъ и начали съ нами разговоръ. Митрополитъ Антоній говорилъ по-латыни, я — по-польски.

— Мы добровольно отдали себя въ руки поляковъ, надѣялись на ихъ великодушіе, — сказалъ владыка Антоній, — а къ намъ отнеслись, какъ къ преступникамъ. У насъ, на Кавказѣ, есть дикое, разбойничье племя ингушей: если кто добровольно отдается подъ ихъ покровительство, тотъ человѣкъ для нихъ священный. А съ нами поляки не такъ...

Переполохъ... Епископы покраснѣли, генералы засуетились... «Что такое? Что такое? Какіе ингуши?...» Вскорѣ изящный кардиналъ подалъ знакъ подняться, — и всѣ встали. Онъ издали намъ поклонился, — «аудіенція» окончилась.

Насъ отвезли обратно въ монастырь.

Этотъ пріемъ у кардинала по всей его обстановкѣ, по тону разговора и обхожденія съ нами показался намъ унизительнѣй неприкрытой жандармской грубости...

Жизнь наша потекла попрежнему ровно и тихо. Мы попросили у монаховъ разрѣшенія совершать богослуженіе. Они на просьбу отозвались. Все нужное: облаченіе, церковные сосуды.... было при насъ. Въ концѣ коридора стояла статуя Мадонны, а передъ ней нѣчто вродѣ престола. Тутъ мы и служили поочереди, а пѣли вмѣстѣ. Покупали булочки и карандашемъ рисовали крестикъ — это были наши просфоры. Случалось намъ служить всенощную въ праздники. «Бѣляны», гдѣ находился нашъ монастырь, — излюбленное мѣсто загородныхъ прогулокъ краковскихъ жителей. Въ праздничный день оживала вся наша округа: мчались по Вислѣ моторныя лодки, доносились пѣсеньки... А у насъ — всенощная... Наше «Хвалите имя Господне» привело къ монастырю толпу слушателей. Въ краковской газетѣ описывали, какъ мы, арестованные русскіе епископы, живемъ, служимъ и поемъ въ католическомъ монастырѣ, при чемъ упоминался «басъ архіепископа Евлогія, который далеко-далеко разносится за стѣны монастыря...» Не только гуляющая публика слушала насъ, но и монахи тоже, тихонько собравшись въ концѣ коридора, прислушивались къ нашему пѣнію.

Богослуженіе утѣшало насъ, но чувство ареста насъ томило все сильнѣе. Мучила безсонница. Раздражалъ конвой. Среди нихъ не было ни одного не враждебнаго по отношенію къ намъ. Даже украинецъ-галичанинъ, задѣлавшійся полякомъ, признавшійся, что знаетъ славянскій языкъ и понимаетъ всѣ богослужебныя пѣснопѣнія, не упускалъ случая заявить о своей ненависти къ москалямъ, о своемъ удовлетвореніи, что поляки москалей гдѣ-то жестоко побили.

Среди тоскливаго нашего прозябанія — вдругъ вѣсть: въ монастырѣ ожидаютъ пріѣзда краковскаго воеводы*).

Митрополитъ Антоній сидѣлъ у себя въ келіи, а я гулялъ въ полисадничкѣ подъ нашими окнами. Неожиданно — автомобиль, движеніе, волненіе... засуетились монахи, кого-то встрѣчая, — и сердце сразу почуяло: пріѣхалъ воевода и не спроста, — какъ-то теперь измѣнится наша судьба...

Высокій гость вмѣстѣ съ настоятелемъ направился къ митрополиту Антонію. Потомъ я узналъ, что въ лицѣ владыки Антонія всѣмъ намъ, заключеннымъ епископамъ, онъ выразилъ свое сожалѣніе по поводу нашего ареста, объяснивъ его печальнымъ недоразумѣніемъ, неосвѣдомленностью мѣстныхъ властей... — и заявилъ, что отнынѣ мы свободны. Тонъ разговора былъ не только любезный, но даже заискивающе любезный. Очевидно, отвѣтъ полученный изъ Парижа повліялъ на форму обращенія къ намъ.

Я столкнулся съ воеводой при выходѣ. Меня съ нимъ познакомили. Онъ и мнѣ подтвердилъ сказанное владыкѣ Антонію:

— Я привезъ радостную вѣсть: вы свободны... Но мнѣ бы хотѣлось, чтобы у васъ не осталось непріятнаго впечатлѣнія о Польшѣ. Вы будете возвращаться въ условіяхъ соотвѣтствующихъ вашему сану, — въ отдѣльномъ вагонѣ. Васъ будетъ сопровождать до границы польскій офицеръ, а монахи позаботятся, чтобы у васъ въ дорогѣ была ѣда, тогда вамъ не надо выходить на станціяхъ. Теперь остается только заготовить вамъ бумаги. Дайте ваши паспорта, а я своевременно дамъ распоряженіе и пришлю за вами людей.

Онъ уѣхалъ, взявъ съ собой наши документы. Мы ликовали и горячо благодарили Бога за ссвобожденіе...

Ждать отъѣзда пришлось дольше, чѣмъ мы думали. День идетъ за днемъ, — ничего нѣтъ... Наконецъ, пріѣзжаетъ Серебрениковъ — онъ уже былъ въ курсѣ дѣла и вошелъ въ контактъ съ властями — и привозитъ намъ не только польскія бумаги, но и бумаги изъ Львовской «Légation française», въ которой значится, что мы слѣдуемъ въ районъ расположенія арміи Деникина, и французскія власти просятъ пропустить насъ безпрепятственно и оказывать въ пути всяческое содѣйствіе.

Черезъ два-три дня послѣ этого, подкатилъ къ монастырю автомобиль, и мы, въ сопровожденіи польскаго офицера, нагруженные провизіей, которой щедро снабдили насъ монахи, отбыли на вокзалъ, гдѣ намъ былъ предоставленъ отдѣльный вагонъ I-го класса. Офицеръ, нашъ провожатый, разсыпался въ любезностяхъ: «я къ ва-

*) Должность воеводы соотвѣтствуетъ губернаторской.

щимъ услугамъ... если что-нибудь въ дорогѣ вамъ понадобится, я къ вашимъ услугамъ...»

Нашъ путь лежалъ черезъ Буковину*). Всю дорогу до румынской границы меня не покидала гнетущая тревога: вдругъ власти одумаются, задержатъ, вернутъ, арестуютъ вновь?... Мое тревожное состояніе, какъ я узналъ впослѣдствіи, возникло не безъ основанія. Польская печать, прослышавъ о постановленіи насъ освободить, подняла травлю: выпускаютъ злѣйшихъ враговъ Польши, надо помѣшать, надо ихъ задержать... Лишь переѣхавъ границу и пересѣвъ въ обыкновенный вагонъ на румынской желѣзной дорогѣ, — я ощутилъ радостное, свѣтлое чувство свободы... Отношеніе къ намъ пограничныхъ румынскихъ властей, очень вѣжливое и предупредительное, было тоже пріятно-ново: за время плѣна мы отвыкли отъ подобнаго отношенія къ намъ представителей власти.

Ѣдемъ по Буковинѣ... Богатый, хлѣбородный зеленый край, о которомъ безъ преувеличенія можно сказать, что «все здѣсь обильемъ дышитъ...» Недаромъ Буковину называютъ «Зеленая Русь», противопоставляя Галиціи, которую именуютъ «Червонная Русь». Намъ этотъ край родной еще и потому, что населеніе его хранитъ черезъ всѣ вѣка и превратности историческихъ своихъ судебъ вѣрность православію. Буковина была единственная русская область въ предѣлахъ Австріи, которая не поддалась Уніи и сохранила Православную Церковь, возглавляемую патріархомъ. Резиденція главы румынской Церкви — гор. Черновицы. Нашъ путь лежалъ черезъ этотъ городъ, и мы рѣшили повидаться съ патріархомъ.

Патріархъ Румынскій Владиміръ Репта, 86-лѣтній старецъ, во время войны нѣкоторое время былъ въ русскомъ плѣну. Мы телеграфировали ему съ дороги. На вокзалѣ насъ встрѣтилъ священникъ съ извиненіемъ отъ имени патріарха, что онъ принять теперь насъ не можетъ, такъ какъ долженъ присутствовать на банкетѣ въ честь французскаго генерала, который находится проѣздомъ въ Черновицахъ по важнымъ политическимъ дѣламъ; комнаты намъ приготовлены въ гостиницѣ. Присутствіе столь престарѣлаго іерарха на банкетѣ насъ нѣсколько удивило. «А завтра, въ воскресенье, Патріархъ будетъ служитъ Литургію?» — спросили мы. — «Нѣтъ...».

Мы пріѣхали въ гостиницу, и легли спать съ отраднымъ чувствомъ освобожденія послѣ девятимѣсячнаго плѣна...

На утро отправились въ соборъ. Духовенство встрѣтило насъ съ почетомъ. Въ алтарѣ намъ поставили каѳедры. Служба отправлялась на славянскомъ языкѣ, а проповѣдь была на румынскомъ. Про-

*) Буковина до войны принадлежала Австріи; послѣ войны отошла къ Румыніи.

изнесъ ее профессоръ богословія (въ Черновицкомъ университетѣ существуетъ православный богословскій факультетъ). Молящихся въ соборѣ было много, по внѣшнему виду — наши малороссы: всѣ въ бѣлыхъ свиткахъ. Какъ только началась проповѣдь, — «свитки» валомъ повалили изъ храма. Какой смыслъ слушать незнакомый языкъ? При выходѣ изъ собора народъ насъ привѣтствовалъ, многіе кланялись, улыбаясь; цѣловали руки.... Милое впечатлѣніе произвели на насъ эти буковинцы.

Архимандритъ повелъ насъ къ патріарху завтракать.

Патріаршая резиденція въ Черновицахъ поистинѣ царскій дворецъ. Великолѣпные покои: мраморныя колонны, позолота, ковры, картины... Роскошь изящная и красивая, но... за которую почему-то неловко. Несоотвѣтствіе территоріально малой патріархіи и великолѣпія патріаршаго дворца меня поразило. Оно объясняется церковной политикой Австріи по отношенію къ православію; къ одной цѣли она шла двумя путями: прижимая народъ, она стремилась обратить его въ католичество; а усыпляя роскошью православную высшую іерархію, старалась угасить ея ревность въ отстаиваніи своего вѣроисповѣданія. «Живите магнатами, только не путайтесь и не мѣшайте намъ...» — вотъ позиція австрійской государственной власти по отношенію къ православнымъ іерархамъ.

Въ роскошныя патріаршія хоромы мы пришли въ рваненькой, затасканной одеженкѣ. Невольно вспомнились мнѣ холмскіе мужички въ Царскосельскомъ дворцѣ... Къ намъ вышелъ патріархъ, дряхлый, трясущійся старецъ, и мы прослѣдовали въ столовую. Завтракъ былъ отличный, но бесѣда не клеилась. Патріархъ, повидимому, не могъ ни понять, ни почувствовать нашего положенія. Трудно было найти надлежащій тонъ и потому, что въ бесѣдѣ улавливалось тяготѣніе патріарха къ Австріи, и это обрекало разговоръ на сдержанность и недомолвки.

Послѣ завтрака мы вернулись домой, и сейчасъ же уѣхали на поѣздъ въ Яссы.

День склонялся къ вечеру. Ѣхали мы полями, лугами; мелькали села, церковки... Народъ, по воскресному дню, высыпалъ на лужки, дѣвушки въ живописныхъ національныхъ костюмахъ водили хороводы... Очаровательныя идиллическія картины! Словно свѣтлое видѣніе дорогой Холмщины... На одной изъ станцій какой-то буковинскій православный священникъ увидалъ насъ въ окно и спрашиваетъ: «Вы русскіе епископы?» Узнавъ, что мы русскіе, очень обрадовался и вошелъ къ намъ въ вагонъ. «Мы все русское такъ цѣнимъ, такъ любимъ, а украинцевъ мы ругаемъ...» — сказалъ онъ и при этомъ, дѣйствительно, выругался крѣпкимъ народнымъ словомъ....

На утро мы прибыли въ Яссы.

О пріѣздѣ нашемъ мы предупредили изъ Черновицъ. Насъ встрѣтили и повезли къ митрополиту Пимену. Подъѣзжаемъ, — и тутъ не обыкновенный архіерейскій домъ, а великолѣпный дворецъ. Богатство, до роскоши... И вновь мы входимъ въ величественные покои въ нашемъ бѣдномъ одѣяніи. Митрополитъ Пименъ встрѣтилъ насъ любезно. Когда я сказалъ ему, что его дворецъ прекрасенъ, онъ намъ объяснилъ, что каждая епископская резиденція въ Румыніи одновременно является и резиденціей королевской семьи, когда она посѣщаетъ какой-нибудь епархіальный центръ. Онъ показалъ намъ королевскіе покои въ своемъ дворцѣ, поразившіе насъ богатствомъ убранства: шелка, бархатъ, золото, гербы... Эта тѣсная связь правящей династіи съ Церковью сказывается и тѣмъ, что въ румынскихъ храмахъ среди иконъ вѣшаютъ портреты короля въ военной формѣ и королевы въ европейскомъ платьѣ. Правда, не у алтаря, а на противоположной, западной стѣнѣ, смежной съ притворомъ, тамъ, гдѣ наши русскіе иконописцы изображали страшный судъ...

Мы пріѣхали утромъ (намъ отвели помѣщеніе во дворцѣ), до завтрака оставалось время, и намъ предложили осмотрѣть садъ. Онъ былъ большой, прекрасно воздѣланный. Мы полюбовались садомъ, виноградниками, гдѣ виноградъ уже поспѣлъ, и, по предложенію митрополита, прошли съ нимъ въ соборъ къ мощамъ мученицы Параскевы (покровительницы Молдавіи), которыя хранятся въ чудесной ракѣ.

Завтракъ у митрополита отличался изобиліемъ и изысканностью яствъ. Онъ потчевалъ насъ молдаванскимъ виномъ собственныхъ виноградниковъ. Послѣ трапезы мы осматривали ясскія церкви, отличающіяся пышностью: много позолоты, блеска, живописи — за счетъ стильности и художественныхъ образцовъ церковнаго искусства.

Наше вниманіе на улицахъ обратили на себя извозчики своими женоподобными лицами и пискливыми голосами. Они хорошо говорили по-русски. Это были скопцы, бѣжавшіе изъ Россіи въ Молдавію, потому что нашъ законъ преслѣдовалъ «скопцовъ», какъ вредную для государства секту.

По возвращеніи во дворецъ мы пили у митрополита чай. Въ числѣ присутствующихъ находился архимандритъ Гурій (въ настоящее время митрополитъ Бессарабскій). Родомъ изъ Бессарабіи, онъ окончилъ Кишиневскую семинарію; высшее образованіе получилъ въ Кіевской Духовной Академіи. Посвятивъ себя въ монашескомъ санѣ учебно-педагогической дѣятельности, онъ на этомъ поприщѣ не преуспѣлъ, и былъ отправленъ въ монастырь; въ послѣдніе годы онъ сталъ настоятелемъ одного монастыря въ Смоленскѣ.

Во время бесѣды за чаемъ онъ сталъ выражать свои румынскія націоналистическія чувства.

— Какъ я счастливъ, владыка! — сказалъ онъ, обращаясь къ митрополиту. — Мечта моей жизни осуществилась, — Бессарабія вошла въ составъ Румыніи.... Какъ это хорошо! Какъ пріятно!..

По отношенію къ намъ, русскимъ епископамъ, эти слова были безтактны. Мы промолчали...

Въ Яссахъ мы прожили дня два, потомъ митрополитъ уѣхалъ въ Бухарестъ на выборы патріарха, а мы направились въ Галацъ.

Здѣсь въ прекрасномъ архіерейскомъ домѣ намъ были приготовлены комнаты. Архіерея мы не застали, онъ тоже уѣхалъ въ Бухарестъ на выборы. Мы ходили на пристань справляться, на какомъ пароходѣ мы могли бы добраться до Константинополя. Въ порту стоялъ пароходъ нашего торговаго флота «Владиміръ», онъ направлялся въ Константинополь съ какими-то военными грузами. Капитанъ, разсмотрѣвъ наши бумаги, согласился насъ взять на бортъ. Взялъ онъ съ собою и нѣсколько офицеровъ, которые обратились къ нему съ той же просьбой.

На пристани при посадкѣ на «Владиміра», словно изъ-подъ земли, выросъ передъ нами... архіепископъ Алексѣй Дородицынъ... Онъ вынужденъ былъ бѣжать изъ Украины и теперь упрашивалъ насъ повліять на капитана, чтобы тотъ позволилъ ему ѣхать вмѣстѣ съ нами. Имѣть его своимъ спутникомъ намъ не хотѣлось, и мы, въ отвѣтъ на его просьбу, иниціативы не проявили, но тѣмъ не менѣе при послѣднемъ гудкѣ онъ оказался на палубѣ.

Въ Константинополь «Владиміръ» зашелъ ненадолго и направился въ Новороссійскъ. Поначалу намъ не хотѣли разрѣшить сойти на берегъ, но потомъ позволили.

Мы остановились на Галатѣ, на Подворьѣ Аѳонскаго Андреевскаго монастыря. Завѣдывалъ имъ о. Софроній, чудный старецъ, который заботливо за нами ухаживалъ и старался залѣчить и наши духовныя раны. Помѣщеніе Подворья во время войны отобрали подъ казармы турецкихъ солдатъ, они привели его въ крайне антисанитарное состояніе: вонь, скользкія грязныя стѣны, въ щеляхъ клопы, тучи москитовъ отъ сырости, которая развелась вслѣдствіе отсутствія за эти годы отопленія. Докучливыя мошки до того меня искусали, что пришлось обратиться къ врачу: у меня распухло лицо, и началась лихорадка.

Среди обитателей Подворья мы встрѣтили бѣжавшаго изъ Бессарабіи архіепископа Кишиневскаго Анастасія. Румыны хотѣли его удержать на Кишиневской каѳедрѣ, предлагали сдѣлать членомъ Синода, обѣщали орденъ. Но онъ у румынъ не остался. Это было ошибкой, потому что, оставаясь въ Бессарабіи, онъ сохранилъ бы тамъ русское гнѣздо; преемникъ же его архіепископъ Гурій взялъ линію румынскаго шовинизма и, не отличаясь умомъ, пошелъ на поводу

румынскихъ націоналистовъ. На Подворьѣ проживалъ и митрополитъ Платонъ; потомъ онъ переѣхалъ въ Константинопольскій болгарскій экзархатъ, гдѣ устроился преблагополучно подъ гостепріимнымъ кровомъ болгарскаго митрополита.

Константинополь, раскинутый на берегахъ Босфора, произвелъ на меня чарующее впечатлѣніе. Внутри городъ очень грязенъ и шуменъ. Ослы, носильщики, пьяные матросы, ѣда на улицахъ въ безчисленныхъ ресторанчикахъ, шарманки, крики, сутолока... Особенно многолюдны улицы къ ночи, когда спадаетъ жаръ и вѣетъ съ моря свѣжій ветѣрокъ.

Храмъ св. Софіи тоже произвелъ на меня прекрасное, сильное впечатлѣніе. Подступы къ нему неприглядны: какія-то пристройки, грязь, валяются метлы, сушатся портянки... Но стоитъ войти въ храмъ, — какая красота! Куполъ, какъ небо... на стѣнахъ фрески. Огромный соборъ не кажется большимъ, благодаря гармоніи архитектурныхъ пропорцій.

Митрополитъ Антоній, я, архіепископъ Анастасій и епископъ Никодимъ побывали и въ Фанарѣ у мѣстоблюстителя патріаршаго престола митрополита Доѳея. Пріемъ былъ официальный. Насъ провели въ залъ, гдѣ мы были встрѣчены митрополитомъ Доѳеемъ въ окруженіи членовъ Синода. Отсюда всѣ перешли въ гостиную, и намъ было предложено угощеніе: сначала «тлики» — варенье съ холодной водой — затѣмъ кофе въ крошечныхъ чашечкахъ, и наконецъ сигары. Отъ куренія, — столь не соотвѣтствующаго нашему сану угощенія, — мы отказались, а греческие архіереи, смѣясь надъ нашимъ чураньемъ табака, дружно всѣ закурили. Пріемъ длился минутъ 15-20, а потомъ мы на лодочкахъ вернулись домой. Турокъ-лодочникъ, усаживая насъ въ лодку, подтрунивалъ надъ нами: «Купаться хочешь?» — «Нѣтъ» — «А зачѣмъ воевалъ?!» — и онъ расхохотался.

Въ Константинополѣ я служилъ въ русской церкви святителя Николая въ военномъ лазаретѣ на Харбіэ. Прекрасная постройка и хорошая, большая церковь. Завѣдывалъ всѣмъ учрежденіемъ бывшій морской прокуроръ Богомолецъ. Онъ уговорилъ меня переѣхать изъ Подворья въ лазаретъ. Я этому предложенію обрадовался. Здѣсь все было чисто и благоустроено, послѣ Подворья казалось отдохновительнымъ.

Мы стали собираться въ путь-дорогу, въ Россію. «Владиміръ» давно уже ушелъ, пришлось обратиться къ нашимъ военнымъ властямъ (во главѣ которыхъ стоялъ генералъ Драгомировъ) съ просьбой доставить насъ въ Новороссійскъ. Драгомировъ обѣщалъ посадить насъ на какой-то пароходъ, предупредивъ, что онъ старый и маленькій. Но мы были готовы плыть на родину хоть на плохомъ пароходѣ.

Какъ только разнесся слухъ о предстоящей отправкѣ насъ въ Россію, къ намъ сталъ прицѣпляться архіепископъ Алексѣй Дородицынъ. Мы уклонялись, ссылаясь на то, что митрополитъ Антоній, я и епископъ Никодимъ являемся въ глазахъ нашихъ военныхъ и морскихъ властей опредѣленной группой русскихъ архіереевъ. Однако, и тутъ, какъ въ Галацѣ, архіепископъ Алексѣй опять независимо отъ насъ въ Россію какъ-то проскочилъ, хотя и на другомъ пароходѣ.

Заканчивая мои константинопольскія воспоминанія, не могу не упомянуть съ чувствомъ признательности объ отношеніи къ намъ въ посольствахъ. Въ тѣ дни еще повсюду къ нашимъ страданіямъ относились съ уваженіемъ..

Прежде чѣмъ говорить о моемъ возвращеніи въ Россію послѣ плѣна, я скажу нѣсколько словъ о значеніи для меня пережитыхъ въ плѣну испытаній.

Когда въ Кіевѣ меня арестовали, я думалъ, что мнѣ конецъ... Весь дальнѣйшій періодъ плѣна прошелъ подъ знакомъ неволи, безправія, подавленности — горькихъ, тягостныхъ переживаній. Теперь, оглядываясь назадъ, вижу, что плѣнъ былъ благодѣяніемъ, великой Божіей милостью. Господь изъялъ меня изъ Россіи въ недосягаемость. Я былъ въ Россіи фигурой замѣтной, колющей глазъ, и былъ бы несомнѣнно одной изъ первыхъ жертвъ террора. Плѣнъ сохранилъ мнѣ жизнь. Правда, за эти 9 мѣсяцевъ сколько было моментовъ, когда гибель казалась неминуемой, сколько безвыходныхъ тупиковъ! Но всегда приходила помощь свыше, находился исходъ изъ безысходности. Въ канонѣ молебномъ ко Пресвятой Богородицѣ есть чудныя слова: «аще бо Ты не бы предстояла молящи, кто бы насъ избавилъ отъ толикихъ бѣдъ; кто же бы сохранилъ до нынѣ свободны...» — до сихъ поръ, когда я читаю эти слова, всегда они стучатъ мнѣ по сердцу...

Въ духовномъ смыслѣ плѣнъ мнѣ принесъ несомнѣнную пользу. Въ келіи, въ тишинѣ и одиночествѣ, я осмыслилъ многое, критически отнесся къ своему прошлому, нашелъ недочеты, ошибки, грѣхи. Политическія увлеченія, земная напряженность, угаръ политической борьбы, — все это удаляло отъ Бога. При правильности идей, самое веденіе борьбы за нихъ въ атмосферѣ политическихъ страстей было уклоненіемъ отъ прямого пути. Необходимость въ политической борьбѣ навязывать противникамъ свою правду, умѣть ловить ихъ на словѣ, пользоваться ихъ ошибками, зорко наблюдать, чтобы не пропустить момента, когда ихъ позиціи слабы... вотъ нѣкоторыя психологическія черты думской моей дѣятельности. Государственная Дума предстала передо мною съ тою ясностью, кото-

рая дается лишь безпристрастному наблюденію со стороны. За всю эту правду о прошломъ я благодарю Бога. Изъ плѣна я вернулся другимъ, чѣмъ уѣхалъ, онъ оставилъ на мнѣ неизгладимый слѣдъ.

Переоцѣнилъ я въ дни заключенія и многія земныя цѣнности. Какъ нѣкоторыя изъ нихъ потускнѣли! При свѣтѣ sub specie aeternitatis сознаніе прояснилось, и я понялъ цѣнность вѣчныхъ благъ. Объективно говоря, въ нравственномъ отношеніи я былъ въ плѣну лучше, чѣмъ на волѣ.

Наконецъ, плѣнъ со всѣми его грозными обстоятельствами, съ роковыми моментами, когда, казалось, я былъ на волоскъ отъ гибели, — весь этотъ опытъ зыбкости человѣческаго существованія и опытъ чудеснаго Заступленія и Спасенія — тоже печать свою на душу наложилъ. Дни плѣна явили цѣпь чудесъ... — реально ощутимое вмѣшательство Божественнаго Промышленія въ мою судьбу, и теперь я знаю опытно, что означаетъ возгласъ: «Съ нами Богъ!..»

Архіепископъ Волынскій

(ОПЯТЬ НА РОДИНѢ. 1919)

ГЛАВА XVIII

Мы возвращались на родину послѣ Успенія (1919 г.), пробывъ въ плѣну 9 мѣсяцевъ. Эти мѣсяцы прошли для насъ, какъ годы. И вотъ мы подплываемъ къ русскимъ берегамъ, уже видимъ ихъ очертанія, уже вырисовываются дома Новороссійска...

На пристани насъ встрѣчаетъ огромная толпа. Знакомые и незнакомые: много духовенства, военные, штатскіе... Въ толпѣ и гр. Игнатьева, — она издали вѣетъ намъ платкомъ.

Не успѣли мы сойти съ парохода, насъ обнимаютъ, цѣлуютъ, привѣтствуютъ, — встрѣчаютъ, какъ воскресшихъ изъ мертвыхъ. Оказалось прошелъ слухъ, что мы разстрѣляны; онъ добѣжалъ до Москвы, до Патріарха, о насъ служили панихиды.

Подъ ногами родная земля... Незабываемое, непередаваемое волнующее чувство родины! Если оно чисто и свѣтло; если не изуродовано шовинизмомъ, оно одно изъ самыхъ высокихъ человѣческихъ чувствъ, — продолженіе, или расширеніе той же любви, которая связываетъ навѣки съ отцомъ, съ матерью, съ семьей.

Послѣ радостной встрѣчи на пристани, насъ привезли въ какой то домъ, гдѣ намъ была приготовлена трапеза. Опять кто-то встрѣчалъ, привѣтствовалъ. Среди собравшихся былъ и городской голова Сенько-Поповскій.

Митрополитъ Антоній и епископъ Никодимъ остались въ Новороссійскѣ, а я рѣшилъ не задерживаться и выѣхалъ въ Екатеринодаръ къ брату. Переѣздъ былъ ужасный: грязь, вонь, клопы... Я ѣхалъ въ 3-мъ классѣ. Съ братомъ, который занималъ въ Екатеринодарѣ должность члена Окружного Суда, я уже давно потерялъ всякую связь и даже не зналъ его адреса, поэтому, по прибытіи въ Екатеринодаръ, я направился въ архіерейскій домъ.

Во главѣ епархіи стоялъ епископъ Іоаннъ*). Прежде онъ былъ

*) Онъ былъ раньше протоіереемъ въ гор. Мышкинѣ; высшаго образованія не получилъ.

викаріемъ Ставропольскаго архіепископа Агафодора; теперь Кубань была выдѣлена въ особую епархію, и преосвященный Іоаннъ именовался епископомъ Кубанскимъ и Екатеринодарскимъ.

Владыку я не засталъ (онъ куда-то уѣхалъ). Архіерейскій келейникъ, бравый казакъ-кубанецъ, весьма заботливо устроилъ мнѣ ночлегъ, уложивъ въ архіерейскую кровать. На утро я разспросилъ о братѣ, — мѣстожительство его было извѣстно, — кто-то побѣжалъ оповѣстить его о моемъ пріѣздѣ, — и наша встрѣча состоялась. Въ тотъ же день я переѣхалъ къ брату. Онъ жилъ въ хорошей квартирѣ и отлично меня устроилъ.

Я узналъ, что съ братомъ стряслась бѣда. Екатеринодаръ въ періодъ гражданской войны переходилъ изъ рукъ въ руки: то красные завладѣвали городомъ, то — бѣлые. Въ первый свой приходъ большевики потребовали, чтобы Окружной Судъ свою дѣятельность продолжалъ, но вѣдать дѣлами должны были только два представителя судейской корпораціи, остальные увольнялись. Корпорація собралась, бросили жребій, — и моему брату (и еще одному члену суда) выпало на долю вершать дѣлами Окружного Суда при большевикахъ. Когда пришли бѣлые, брата притянули къ отвѣту: на какомъ основаніи онъ работалъ во время оккупаціи города красными? Военный судъ отрѣшилъ его отъ должности; впослѣдствіи уладилось, но тѣнь на него все-же была наброшена.

У брата я гостилъ, отдыхая отъ всего пережитаго. Читалъ беллетристику: Андреева, Куприна... гулялъ по Екатеринодару. Какой богатѣйшій край — Кубань! Какое изобиліе! Горы овощей, фруктовъ... Нѣтъ, кажется, жителя, который бы въ эту пору года не несъ съ базара себѣ на завтракъ огромнаго арбуза... Подъ городомъ поля подсолнечниковъ — цѣлыя десятины желтыхъ шапокъ! Совсѣмъ какъ въ Голландіи поля гіацинтовъ.

Отдохнувъ немного, я сталъ подумывать о дальнѣйшей работѣ. Мнѣ захотѣлось установить связь съ церковно-административнымъ центромъ юга. Высшее Церковное Управленіе, подъ предсѣдательствомъ Донского и Новочеркаскаго архіепископа Митрофана, находилось въ Новочеркаскѣ. Туда я и направился, но по пути заѣхалъ въ Ростовъ на Дону, который находится отъ Новочеркаска въ 1½ ч. ѣзды.

Ростовъ, большой торговый центръ всей Донской области, былъ теперь и центромъ административнымъ. Здѣсь скопились всѣ новыя правительственныя учрежденія, а также съѣхалось и не мало бѣженцевъ изъ Великороссіи. На вокзалѣ меня встрѣчала толпа знакомыхъ, среди нихъ одинъ холмскій священникъ, о. Симеонъ Калеинъ*), радостно, со слезами, привѣтствовалъ меня.

*) Жена его воспитывалась въ Лѣснинскомъ монастырѣ.

Я остановился въ домѣ протоіерея Молчанова, моего земляка-туляка — пожилого семейнаго священника. Его семья — старушка-«матушка» и взрослыя дочери, — просили меня у нихъ обосноваться. Я на время остался въ Ростовѣ, а въ Новочеркаскѣ бывалъ лишь наѣздами. Въ это время митрополитъ Антоній и епископъ Никодимъ были тоже въ Ростовѣ. Поначалу насъ чествовало мѣстное общество: купцы, профессора, общественные дѣятели угощали насъ завтраками, обѣдами, устраивали въ честь насъ пріемы въ клубахъ; щедрое купечество, примѣтивъ мою невзрачную одежду, посылало мнѣ пакеты съ деньгами... — словомъ, городъ встрѣтилъ насъ тепло, радушно.

Ростовъ на Дону входилъ въ составъ Екатеринославской епархіи; теперь же образовалась самостоятельная Ростовская и Таганрогская епархія, и во главѣ ея поставили преосвященнаго Арсенія (Смоленецъ). Онъ имѣлъ пребываніе въ Таганрогѣ, тамъ же находилась въ это время и ставка Деникина. Владыка Арсеній пригласилъ меня къ себѣ, и я нѣкоторое время погостилъ у него; туда же пріѣхалъ и митрополитъ Антоній, и мы съ нимъ вдвоемъ были съ визитомъ у Деникина. Наши дѣла шли тогда хорошо: линія фронта продвинулась до Орла.

Митрополитъ Антоній и епископъ Никодимъ наводили справки, какъ бы имъ пробраться въ Кіевъ. Долго Кіевъ переходилъ изъ рукъ въ руки, теперь же пришла оттуда вѣсть, что имъ вновь завладѣли бѣлые, — и митрополитъ Антоній и еп. Никодимъ поспѣшили уѣхать. А я остался: Житомиръ все еще былъ во власти большевиковъ.

Я часто служилъ въ городскомъ соборѣ. Помню, 8-го сентября въ день Рождества Богородицы я служилъ въ старомъ соборѣ, а 14-го сентября въ Воздвиженіе Животворящаго Креста — въ новомъ. Я произносилъ горячія проповѣди передъ огромной толпой молящихся, состоявшей сплошь изъ военныхъ. Дѣло въ томъ, что наблюдались уже признаки развала: офицеры съ сестрами милосердія кутили на вокзалахъ, лилось вино, множество офицеровъ бездѣльничало, уклоняясь отъ отправки на фронтъ, замѣчалась расхлябанность дисциплины... И одновременно среди этой разрухи сколько было проявлено жертвенности, патріотическаго воодушевленія нѣкоторыми юными добровольцами, мальчиками-подростками, учениками среднихъ школъ!

Бичомъ и фронта и тыла былъ въ тѣ дни сыпной тифъ. Покойниковъ едва успѣвали хоронить. Мнѣ случалось служить панихиду на братской могилѣ. Труповъ наложили полный ровъ, а тщательно не засыпали. Трупный запахъ ощущался очень сильно.

Однажды на вокзалѣ я увидалъ солдатъ, плѣнныхъ большевиковъ.

ковъ. Я подошелъ и спросилъ ихъ: «что вы, братцы, — большевики?» — «Да какіе мы большевики...» былъ отвѣтъ. И вѣрно, стоило на нихъ только посмотрѣть — безсознательное стадо; куда погонятъ, туда и пойдетъ. Часть плѣнныхъ разстрѣливали, другая — вливалась въ бѣлыя войска и стрѣляла въ красныхъ. Тяжелое впечатлѣніе произвели на меня плѣнные большевики...

Я былъ приглашенъ участвовать въ засѣданіяхъ Высшаго Церковнаго Управленія. Въ одномъ изъ засѣданій судили архіепископа Екатеринославскаго Агапита (Вишневскаго). Онъ встрѣчалъ Петлюру въ Кіевѣ. Архіепископъ Агапитъ былъ инспекторомъ Полтавской семинаріи въ то время, когда Петлюра въ ней учился. Изъ семинаріи Петлюру выгнали за какой-то неблаговидный поступокъ. Когда Петлюра въѣхалъ въ Кіевъ, архіепископъ Агапитъ встрѣтилъ его льстивой рѣчью, привѣтствуя его какъ «героя» и «освободителя». «Мы съ вами давно знакомы...», между прочимъ напомнилъ онъ. Петлюра промолчалъ. Потомъ архіепископъ Агапитъ повелъ рѣзко-украинскую линію. За этотъ уклонъ теперь Высшее Церковное Управленіе его и судило. Былъ поднятъ вопросъ: оставить его на каѳедрѣ или уволить? Рѣшили уволить на покой. На его мѣсто назначили Донского викарія епископа Аксайскаго Гермогена. Однако, политическія событія развернулись такъ, что онъ не могъ добраться до своей каѳедры.

Дальнѣйшая моя работа въ Высшемъ Церковномъ Управленіи свелась къ порученной мнѣ ревизіи Кубанской епархіи. Преосвященный Іоаннъ, слабый и безпомощный человѣкъ, въ столь трудное и бурное революціонное время наладить управленіе своей епархіи не сумѣлъ. Въ епархіальныхъ дѣлахъ былъ хаосъ, въ консисторіи съ нимъ мало считались, въ архіерейскомъ домѣ командовалъ архіерейскій келейникъ, простой мужикъ-казакъ, о которомъ я уже упоминалъ. Онъ допускалъ къ архіерею только того, кого самъ хотѣлъ допустить, а другихъ посѣтителей безцеремонно выпроваживалъ. Развалъ въ управленіи епархіей дошелъ до крайняго предѣла, когда священникъ Калабуховъ вошелъ въ «самостійную» кубанскую организацію, снялъ рясу, нарядился въ черкеску съ кинжаломъ за поясомъ и въ такомъ видѣ представлялся епископу... Владыка Іоаннъ все это видѣлъ, но ничего не дѣлалъ для того, чтобы его образумить, и не запретилъ ему даже священнослуженія. Я произвелъ ревизію и представилъ Высшему Церковному Управленію обстоятельный докладъ. Въ немъ, внѣ всякихъ личныхъ счетовъ, я изобразилъ живую, правдивую картину того, что въ Кубанской епархіи происходило. Собранный фактическій матеріалъ предрѣшилъ сужденіе Высшаго Управленія объ епископѣ Іоаннѣ. Онъ давалъ объясненія, но они оправдать его не могли — и онъ былъ уволенъ. Въ

составъ Высшаго Церковнаго Управленія входили, кромѣ епископовъ, протопресвитеръ Г. И. Шавельскій и профессоръ Петербургской Дух. Академіи протоіерей А. П. Рождественскій. Епископъ Іоаннъ уѣхалъ въ какой-то монастырь, и вскорѣ тамъ умеръ.

Послѣ ревизіи дѣлать мнѣ было нечего. Мой знакомый холмскій священникъ пригласилъ меня къ себѣ въ Старочеркаскъ — старое гнѣздо донского казачества, его древній историческій центръ. Я приглашеніемъ охотно воспользовался; мнѣ не хотѣлось дольше стѣснять моихъ гостепріимныхъ хозяевъ — о. Молчанова и его милую семью.

Старочеркаскъ — своеобразный городокъ: всѣ дома его построены на сваяхъ, чтобы весной, въ разливъ Дона, вода не заливала жилыхъ помѣщеній. Послѣ разлива на берегахъ остается множество рыбы, которую вылавливаютъ голыми руками. Разсказываютъ, что въ одну хату казака заплылъ огромный сомъ, который ударомъ хвоста по головѣ убилъ старика-хозяина. Въ городѣ — старый соборъ, въ которомъ много церковныхъ цѣнностей, захваченныхъ когда-то казаками въ видѣ военной добычи: священные сосуды, иконы и проч.... Даже сейчасъ, въ трудное время, чувствовалось, что населеніе городка ни въ чемъ не нуждается. Раздолье, богатство, изобиліе, доступность земныхъ благъ... — вотъ, мое впечатлѣніе объ этомъ маленькомъ казачьемъ городѣ. Смотрю, стоитъ на мосту старичокъ, и вылавливаетъ простымъ черпакомъ рыбу. Съѣздилъ на хуторъ къ казакамъ посмотрѣть, какъ они живутъ, — и удивился: живетъ простой казакъ, какъ помѣщикъ, яствъ полный столъ; въ хозяйствѣ, видимо, всего вдоволь.

Тутъ подошелъ вскорѣ годовой казачій праздникъ завоеванія Азова («Азовское сидѣніе»). Была панихида, а потомъ смотръ казакамъ. Пріѣхалъ атаманъ А. П. Богаевскій, сказалъ горячую обличительную рѣчь, обвиняя казаковъ въ бездѣйствіи, въ равнодушіи къ тому, что происходитъ на фронтѣ. «Вы тутъ сидите безпечно, а тамъ солдаты наши голые, разутые, раздѣтые... Зима надвигается... Недаромъ большевики злорадствуютъ: «скоро придетъ нашъ новый союзникъ — зима!» Дѣйствительно, несмотря на богатство казачьей жизни, въ атмосферѣ ея уже чувствовалось разложеніе.

Меня потянуло на Волынь. Я узналъ, что предсѣдательница «Бѣлаго Креста» госпожа Митрофанова, жена ректора Варшавскаго Университета, эвакуированная со своей организаціей въ Ростовъ, снаряжаетъ госпиталь въ Кіевъ, освобожденный отъ большевиковъ. Я рѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и добраться до Кіева, оттуда я хотѣлъ попытаться проникнуть на Волынь. Предсѣдательница съ удовольствіемъ откликнулась на мою просьбу, мнѣ оставалось лишь перебраться въ одинъ изъ двухъ-трехъ вагоновъ-

теплушекъ ея подвижного госпиталя. Обстановка больничная, и въ томъ же вагонѣ докторъ и сестры. Въ дорогу надо было запастись провіантомъ. Мои добрые знакомые снабдили меня большимъ количествомъ сушеной рыбы, — и я самъ потащилъ свою кладь на вокзалъ. Сижу въ вагонѣ день, два... мы не двигаемся. Комендантъ, сынъ холмскаго священника, хмурится: «трудно вамъ будетъ въ пути, владыка, — всюду непорядки, банды... не могу пустить поѣзда; можетъ быть, наши дѣла на фронтѣ скрѣпнутъ, тогда пущу». А на третій день уже рѣшительно: «Я противъ того, чтобы вы ѣхали». И вотъ, я опять тащусь съ вещами къ о. Молчанову. Опасенія коменданта были основательны: поѣздъ подвергся нападенію и много пассажировъ было перебито.

Что-жъ дѣлать дальше? Я сижу въ Ростовѣ и жду. На фронтѣ роковой переломъ: началось стремительное отступленіе нашихъ войскъ. Въ эти дни у меня разболѣлись ноги, вновь обнаружилось воспаленіе венъ, и я, по совѣту профессора Варшавскаго Университета Никольскаго, легъ въ клинику. Ростовскія клиники, выстроенныя купцами-благотворителями, были прекрасно оборудованы. Я пробылъ тамъ недолго, и мнѣ стало лучше. Священникъ, обслуживавшій клинику, былъ кладбищенскій и жилъ рядомъ съ клиникой на кладбищѣ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ. Я съ радостью его приглашеніемъ воспользовался, чтобы не обременять собою о. Молчанова.

Наступилъ конецъ ноября. Наши войска откатились уже до Харькова. Тамъ начался «пиръ во время чумы». Май-Маевскій устраивалъ вакханаліи, дикіе кутежи... Слухи о безобразномъ его поведеніи распространились по арміи. Атмосфера сгущалась. Я узналъ, что Кіевъ взятъ; что митрополитъ Антоній съ духовенствомъ прослѣдовалъ черезъ Ростовъ въ Екатеринодаръ и ему поручено возглавлять Кубанскую епархію.

Большевики все ближе и ближе... Казаки стали измѣнять. На фронтѣ не хватало продовольствія, населеніе голодало тоже. Началось массовое дезертирство. Надвигалась анархія...

Генералъ Тихменевъ, завѣдующій движеніемъ, предупредилъ меня, что мнѣ пора уѣзжать. Онъ далъ мнѣ отдѣльный вагонъ (на вагонѣ была надпись, что вагонъ предоставленъ мнѣ) и разрѣшилъ набрать спутниковъ по моему усмотрѣнію. Прослышавъ объ этомъ, знакомые и незнакомые стали умолять меня пустить ихъ въ мой вагонъ. Черезъ два-три дня онъ былъ набитъ биткомъ. Военные и штатскіе, дамы, дѣти... Въ числѣ пассажировъ былъ еп. Гавріилъ Челябинскій. Стоимъ-стоимъ на запасномъ пути, — насъ не прицѣпляютъ. Среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ уже чувствовалось коммунистическое настроеніе, — ожиданіе прихода большевиковъ.

Начальникъ станціи безсильно разводилъ руками; рабочіе бездѣльничали, соглашаясь работать только за взятки. Намъ пришлось дѣлать сборы среди пассажировъ и давать взятки сцѣпщикамъ, смазчикамъ, кондукторамъ... Въ вагонѣ мы прожили дней восемь. Сѣли 2-го декабря, а двинулись 10-11 декабря. Ѣхали медленно, съ длительными, зачастую не предусмотрѣнными, остановками. Тащились больше сутокъ до Екатеринодара, тогда какъ обычно туда часовъ 7-8 ѣзды. Всюду на станціяхъ толпы солдатъ съ винтовками и безъ винтовокъ — отряды въ безпорядкѣ отступающей нашей арміи... Тучи бѣженцевъ; среди нихъ случалось встрѣчать своихъ знакомыхъ, — словомъ, общая картина разложенія....

Екатеринодаръ... Городъ превратился въ большой военный лагерь. На улицахъ, на вокзалѣ всюду военные. И со всѣхъ концовъ къ городу наплываютъ все новыя и новыя эвакуированныя войсковыя части, учрежденія и бѣженцы.

Гражданская власть образовала самостійное Кубанское Управленіе, даже наставило на границахъ Кубани таможенныя рогатки. Въ правительствѣ сочетались два теченія: самостійный кубанскій шовинизмъ съ соціализмомъ лѣваго направленія. Но все же оно было умѣреннымъ, по сравненію съ крайнимъ самостійнымъ теченіемъ казака Быча, священника Калабухова... Генералъ Покровскій, одинъ изъ генераловъ Врангеля, арестовалъ главарей этой шайки, повѣсилъ Калабухова и не позволилъ снимать повѣшеннаго. Это вызвало среди населенія большое негодованіе. Казненнаго стали считать мученикомъ, бабы со слезами цѣловали ему ноги, причитая «батюшка!... батюшка!...»

Первое впечатлѣніе отъ Екатеринодара было у меня очень тягостное. Я направился къ брату, а потомъ прошелъ въ архіерейскій домъ. Тутъ помѣщалось Кубанское Епархіальное Управленіе во главѣ съ митрополитомъ Антоніемъ. Въ домѣ, — точно ярмарка. Архіереи, монахи, священники... Среди собратьевъ встрѣтилъ епископа Гавріила Челябинскаго, архіепископа Георгія Минскаго, епископа Митрофана, епископа Аполлинарія.... и много другихъ. Всѣ обмѣнивались впечатлѣніями и обсуждали тревожный вопросъ: что же будетъ дальше?

Однажды зашелъ я въ архіерейскій домъ, сидимъ мы, раздумываемъ о положеніи дѣлъ, — и вдругъ, входитъ старикъ, въ мѣщанской чуйкѣ, въ шапкѣ, изнуренный, измученный, по виду странникъ, — и мы въ изумленіи узнаемъ въ немъ... б. Петербургскаго митрополита Питирима. Оказывается онъ былъ сосланъ въ Успенскій монастырь, на Кавказѣ, на горѣ Бештау. Когда началась эвакуація, онъ бросился къ намъ. И теперь, дрожа отъ волненія, психически потря-

сенный, онъ униженно молилъ насъ о помощи: «не оставляйте, не бросайте меня...» — «Не безпокойтесь, не волнуйтесь, мы не оставимъ васъ...», сказалъ я. — «Отдохните у меня...» предложилъ митрополитъ Антоній. Неожиданной встрѣчей я былъ потрясенъ. Помню митрополита Питирима въ митрополичьихъ покояхъ... Какъ онъ домогался этого высокаго поста! Какъ старался снискать расположеніе Распутина, несомнѣнно въ душѣ его презирая! Эта встрѣча осталась въ моей памяти яркимъ примѣромъ тщеты земного величія...

Въ тревожномъ, гнетущемъ настроеніи встрѣтили мы праздникъ Рождества Христова. И какой могъ быть для насъ «праздникъ!» Всѣ на перепутьи, всѣ въ тревогѣ, въ неизвѣстности за завтрашній день... Я служилъ въ военномъ соборѣ, митрополитъ Антоній — въ городскомъ.

Тяжкіе дни.... Внѣшне мнѣ жилось у брата неплохо, куда лучше, чѣмъ другимъ архіереямъ, которые, кое-какъ пристроившись, жили на бивуакахъ, но душевное мое состояніе было подавленное. Вставалъ вопросъ о дальнѣйшей эвакуаціи. Надо было хлопотать о заграничномъ паспортѣ, о вагонѣ.

Кубанское правительство выдало мнѣ паспортъ безъ затрудненій. Меня спросили, куда я хочу ѣхать. Я указалъ Грецію (мнѣ хотѣлось эвакуироваться въ православную страну). Съ вагономъ было труднѣе, но въ концѣ концовъ и его намъ, архіереямъ, предоставили — «Ноевъ ковчегъ», въ которомъ мы двинулись въ Новороссійскъ въ день Новаго года.

Подъ Новый годъ я служилъ, потомъ встрѣтилъ праздникъ у брата, грустно, не празднично. Въ день Новаго года былъ въ церкви, поздравилъ митрополита Антонія и сталъ готовиться къ отъѣзду. Митрополита Питирима взять съ собой не удалось: онъ заболѣлъ, ѣхать съ нами докторъ ему не разрѣшилъ. Мы оставили его на попеченіе митрополита Антонія, которому власти обезпечили, въ случаѣ опасности, своевременную эвакуацію. Митрополитъ Питиримъ проболѣлъ съ мѣсяцъ, и умеръ.

Выѣхали мы*) изъ Екатеринодара 1-го января въ полночь. Шли на станцію въ темнотѣ, въ проливной дождь, по глубокимъ лужамъ, зачерпывая калошами воду, путаясь въ длинныхъ рясахъ. На вокзалѣ темень: освѣщенія почти никакого. На платформахъ сутолока: солдаты, бѣженцы, поклажа... Съ трудомъ въ темнотѣ и сумятицѣ разыскали нашъ салонъ-вагонъ. Вошли, — весь онъ уже биткомъ набитъ. Тутъ и духовенство, и военные, и штатскіе, и дамы...

*) Еп. Гавріилъ Челябинскій, еп. Митрофанъ Сумскій, еп. Георгій Минскій, еп. Аполлинарій Бѣлгородскій и я.

Въ салонѣ чемоданы наложены горой. Тѣсно. Среди пассажировъ въ тѣ дни встрѣчались и больные. Сыпнякъ косилъ людей безпощадно. Такъ было и въ нашемъ вагонѣ. Съ вечера зашелъ въ наше купэ членъ Государственной Думы Кадыгробовъ: въ карманахъ насованы бутылки удѣльнаго краснаго вина. «Вотъ, владыки, вамъ вина...», предложилъ онъ. Было холодно, сыро, и мы съ удовольствіемъ вмѣстѣ выпили бутылку. Онъ жаловался на головную боль, на ощущеніе общаго недомоганія. А на утро узнаемъ: его въ сыпнякѣ вынесли изъ вагона...

Въ Новороссійскъ мы прибыли утромъ. Насъ предупредили еще въ пути, что въ городѣ свирѣпствуетъ сыпной тифъ, что всѣ свободныя помѣщенія забиты больными. Намъ, архіереямъ, пришлось жить въ вагонѣ. Насъ отцѣпили и задвинули далеко отъ станціи на заласный путь. Тутъ мы и поселились. Ѣды у насъ не было, денегъ въ обрѣзъ, отъ города далеко, а если и надо было тамъ побывать, приходилось ходить пѣшкомъ. Надо мной сжалился Сенько-Поповскій (теперь онъ былъ губернаторомъ) и предложилъ мнѣ переѣхать къ нему въ квартиру, въ свободную комнату. Я предложенію обрадовался. У него было сухо, тепло; я опять очутился въ человѣческихъ условіяхъ. Вмѣстѣ со мною въ квартирѣ Сеньки-Поповскаго жилъ завѣдующій лазаретомъ Краснаго Креста В. Д. Евреиновъ. Спутники же мои двѣ недѣли прожили въ вагонѣ. Дулъ нордъ-остъ, вагонъ не топили. Они очень страдали отъ холода. Епископъ Гавріилъ Челябинскій, пробираясь ночью къ вагону, попалъ въ нефтяную цистерну и погрузился въ нефть по грудь. Желѣзнодорожные рабочіе съ трудомъ его вытащили. Ряса промокла, переодѣться не во что, въ вагонѣ стужа.... Къ счастью, удалось потомъ его пристроить въ одномъ церковномъ домѣ; тамъ ему отвели въ передней уголокъ, гдѣ на сундукѣ онъ и спалъ.

Я познакомился съ мѣстнымъ архіереемъ, преосвященнымъ Сергіемъ Черноморскимъ и Новороссійскимъ и, по его приглашенію, служилъ на Крещенье въ городскомъ соборѣ.

Новороссійскъ представлялъ сплошной лазаретъ. Въ больницахъ и госпиталяхъ не знали, куда дѣвать больныхъ. Мнѣ довелось посѣтить одну изъ больницъ.

Епископъ Сергій (Лавровъ), начальникъ Урмійской миссіи, человѣкъ неуравновѣшенный, подъ вліяніемъ революціонныхъ настроеній объявилъ себя принадлежащимъ къ англиканской Церкви. Его отъ православной Церкви отлучили. Во время моего пребыванія въ Екатеринодарѣ до Высшаго Церковнаго Управленія дошли свѣдѣнія, что онъ раскаивается, и мы тогда же его возсоединили. Теперь я узналъ, что онъ лежитъ въ сыпномъ тифѣ, въ одной изъ больницъ для сыпнотифозныхъ. Туда я и направился, чтобы сообщить ему о

возстановленіи его общенія съ православною Церковью и принести нѣкоторое денежное пособіе. Трудно себѣ представить тяжелую картину, которую я увидѣлъ... Больные лежали и на койкахъ, и подъ койками, и въ проходахъ. Стоны, бредъ... И тутъ же двѣ сестрички милосердія щебечутъ о чемъ-то у себя въ комнатѣ. Кругомъ вопли «воды!... воды!.. жажду!..», а сестры равнодушно санитару: «Иванъ, дай воды!» — и продолжаютъ прерванный щебетъ. Я былъ возмущенъ. Разыскивая епископа Сергія, я случайно натолкнулся на больного члена Государственной Думы Антонова: лежитъ въ жару, весь красный... Наконецъ я отыскалъ преосвященнаго Сергія. Когда-то онъ былъ красивый, а теперь и не узнать: лицо искаженное, измученное, глаза мутные, губы изсохшія...

— Мой приходъ — вѣсть, что вы возсоединены, — сказалъ я.

— Благодарю Бога за болѣзнь, зашепталъ онъ, теперь я все понялъ... Какъ мелко, глупо то, чего я домогался...

Я посидѣлъ съ нимъ недолго — и простился. Засиживаться среди сыпныхъ я побоялся.

Вскорѣ послѣ этого я встрѣтилъ на улицѣ кн. Ев. Ник. Трубецкого. Онъ сталъ уговаривать меня ѣхать въ Сербію. «Повеземъ туда нашу русскую культуру....». На другой день онъ заболѣлъ сыпнымъ тифомъ, и умеръ.

Умеръ въ тѣ дни отъ сыпняка и Пуришкевичъ. Я его отпѣвалъ.

Потомъ дошелъ до меня слухъ, что отъ паралича сердца скончался въ маленькомъ новороссійскомъ монастыркѣ архіепископъ Алексѣй Дородицынъ. Епископъ Сергій, человѣкъ мало распорядительный, относительно погребенія никакихъ приказаній не далъ, и трупъ въ одномъ бѣльѣ пролежалъ дня три въ сараѣ. Я сказалъ объ этомъ владыкѣ Сергію и предложилъ ему поручить мнѣ отпѣваніе. Онъ съ радостью согласился.

Къ назначенному часу я съ діакономъ прибылъ въ кладбищенскую церковь. На кладбище пришлось идти пѣшкомъ. Вхожу въ церковь, — служатъ молебенъ, толпятся богомольцы, а гроба нѣтъ. Спрашиваю: «гдѣ гробъ?» Никто не знаетъ. Кладбищенскій батюшка пригласилъ меня зайти къ нему въ домикъ, обогрѣться, выпить чаю, пока онъ будетъ наводить справки. Выяснилось, что тѣло привезутъ, но надо подождать. Жду-жду... покойника все не привозятъ. Наконецъ, показались дроги въ одну лошадь, на нихъ огромный гробъ, на гробѣ сидитъ возница; за дрогами идутъ два-три монаха. Я вышелъ встрѣтить жалкую процессію. Огромный гробъ былъ такъ тяжелъ, что его едва-едва смогли поднять. Въ церкви открыли крышку...— архіепископъ Алексѣй лежалъ неубранный, въ старомъ подрясникѣ, въ епитрахили. Благодаря морозу, разложеніе еще не наступило. Отпѣвать пришлось не такъ, какъ обычно отпѣваютъ ар-

хіереевъ, хоть я и старался, по мѣрѣ возможности, вычитать все, что по чину погребенія въ такихъ случаяхъ полагается. Послѣ отпѣванія спрашиваю: «гдѣ могила?». Оказывается — на краю кладбища въ заросли кустовъ. Мы долго пробирались по сугробамъ, увязая въ снѣгу... — Погребеніе архіепископа Алексѣя, какъ и судьба митрополита Питирима, показало мнѣ всю тщету честолюбія, властолюбія...

Одновременно съ этими событіями мнѣ приходилось хлопотать о переѣздѣ въ Грецію. Паспортъ у меня былъ, — но какъ до Греціи добраться? Когда я обращался за разъясненіями къ нашимъ военнымъ властямъ, онѣ отсылали меня въ греческое консульство. Вхожу какъ-то разъ въ домъ, гдѣ помѣщались иностранныя консульства, встрѣчаетъ меня сербскій представитель и говоритъ: «Да что вамъ ѣхать въ Грецію? поѣзжайте къ намъ! Мы будемъ счастливы, мы примемъ васъ съ распростертыми объятіями... Россія столько для насъ сдѣлала, мы рады хоть чѣмъ нибудь ей отплатить...» Незадолго до этой встрѣчи я получилъ письмо отъ гр. В. Бобринскаго, который мнѣ писалъ, что встрѣченъ въ Сербіи радушно. Предложеніе сербскаго представителя, сдѣланное въ столь любезной формѣ, мнѣ понравилось, и я тутъ же далъ ему согласіе. «И отлично, сказалъ онъ, дайте мнѣ только поскорѣе списокъ архіереевъ». Мои спутники, епископы, узнавъ о проектѣ ѣхать въ Сербію, предложенію тоже обрадовались.

Для перевозки русскихъ бѣженцевъ былъ зафрахтованъ старенькій грузовой пароходъ «Иртышъ».

Сѣли мы на этотъ пароходъ 16-го января. Главной персоной среди отъѣзжающихъ былъ Сергѣй Николаевичъ Смирновъ, управляющій дѣлами кн. Іоанна Константиновича, женатаго на сербской королевнѣ Еленѣ Петровнѣ. Ему съ семьей и еще нѣсколькимъ лицамъ были отведены каюты. Намъ, архіереямъ, предоставили уголокъ въ трюмномъ помѣщеніи; тамъ мы потомъ и расположились на полу покрытомъ брезентомъ.. Когда всѣ пассажиры оказались въ сборѣ, я какъ старшій изъ архіереевъ служилъ молебенъ. Обходя палубы послѣ молебна съ кропленіемъ, я оступился и чуть не провалился въ открытый трюмъ; матросы меня поддержали. Передъ отходомъ парохода ко мнѣ бросилась М. Л. Маклакова, провожавшая своего сына Ю. Н., и просила взять его подъ свое покровительство. Среди отъѣзжающихъ оказался и кн. Жеваховъ. Съ нами ѣхали Евреиновъ съ лазаретомъ Краснаго Креста, Казембекъ, гр. М. Л. Толстой и др.

Когда мы отвалили отъ пристани и берега начали удаляться, — на душѣ стало безконечно грустно... Но самыя грустныя минуты были впереди. Мы обогнули Крымъ съ остановками въ Ѳеодосіи,

въ Ялтѣ: къ намъ еще подсѣли бѣженцы. И вотъ, пароходъ повернулъ и сталъ держать курсъ въ открытое море на юго-западъ. За нами виднѣлся Крымъ, бѣлый, зимній, весь въ снѣгу, точно въ саванѣ. Потомъ родные берега исчезли... Вокругъ лишь безпредѣльное, взволнованное море, а надъ нами — небо...

Архіепископъ Волынскій

(СЕРБІЯ. 1920—1921)

ГЛАВА XIX

Плаваніе на «Иртышѣ» было долгимъ и мучительнымъ. Биткомъ набитый пассажирами трюмъ. Лежатъ вповалку мужчины, дамы, дѣти... Поднимешься на палубу, — та же картина. Брезентъ, покрывавшій полъ въ нашемъ уголкѣ, по зимнему времени отъ холода не предохранялъ, я чувствовалъ его сквозь теплую рясу и за ночь такъ продрогъ, что болѣло все тѣло. Я не спалъ до утра. На слѣдующій день Евреиновъ меня выручилъ, — далъ больничныя носилки. Денегъ у насъ не было, достаточныхъ запасовъ хлѣба, сыру, сала — тоже. Въ первые же дни я съѣлъ почти все, что взялъ съ собой, хоть и старался экономить. Утромъ кружка чаю и кусокъ хлѣба, — вотъ все, что пассажиры, «низшая братія», получали. Какъ мы обрадовались, когда однажды кто-то намъ принесъ миску бульону! Правда, не всѣмъ пассажирамъ было такъ плохо, какъ намъ. На пароходѣ были и «привилегированные», — тѣ, кто устроился въ каютахъ: на нихъ готовилъ пароходный поваръ; но въ помѣщеніе «привилегированныхъ» мы и сунуться не смѣли. Я хотѣлъ было пройти черезъ рубку, — меня остановили: «вамъ, владыка, проходить здѣсь не полагается...»

Плаваніе было довольно благополучно, хотя погода была дурная. Вѣтеръ, снѣгъ... Нашъ старенькій «Иртышъ» трещалъ, скрипѣлъ, сотрясался всѣми своими снастями, машинами и винтами. По ночамъ особенно докучалъ стукъ машинъ.

Несмотря на безпомощное и печальное положеніе большинства пассажировъ, нашлись среди нахъ и весельчаки. М. Л. Толстой, неразлучный со своей гитарой, пѣлъ частушки, собравъ вокругъ себя теплую компанію. На палубѣ стояло нѣсколько бочекъ вина, которыя везли въ Константинополь, съ расчетомъ вымѣнять тамъ вино на валюту; кто-то изъ веселой компаніи просверлилъ въ одной изъ бочекъ дырочку, — и пріятели наугощались...

Черезъ 8-10 дней мы подплыли къ Константинополю и стали на рейдѣ, выкинувъ желтый, карантинный, флагъ. Появилась поли-

ція, почему-то итальянцы въ камзолахъ и треуголкахъ, словно капралы временъ Наполеона. Они зорко охраняли нашъ пароходъ, чтобы никто не съѣхалъ на берегъ. Потомъ прибылъ консулъ и сталъ провѣрять документы. Мы просили о разрѣшеніи съѣздить въ городъ, — послѣдовалъ категорическій отказъ. Вѣроятно, мы просидѣли бы весь карантинъ на пароходѣ, — но вдругъ, видимъ, отъ берега отчаливаетъ лодочка и направляется въ нашу сторону; въ ней сидитъ старичокъ-монахъ; причалилъ къ намъ, поднялся по трапу — и ко мнѣ: «я іеромонахъ Софроній, настоятель Аѳонско-Андреевскаго скита*), пріѣхалъ васъ пригласить... Поѣдемте!» — «Какъ же я поѣду? Насъ на берегъ не пускаютъ...». О. Софроній пошепталася со стражей (повидимому, далъ взятку) — полицейскій удалился на конецъ палубы, и сталъ внимательно разглядывать небо... О. Софроній посадилъ меня въ лодку, и мы отчалили.

Вылѣзая на константинопольскій берегъ, я потерялъ калошу: она упала въ воду. Пришлось шлепать по городу въ одной калошѣ. Я навѣстилъ нѣкоторыхъ друзей, зашелъ и въ лазаретъ, гдѣ въ прошлый пріѣздъ жилъ. Тамъ меня накормили. Послѣ недѣльной голодовки это меня подкрѣпило. Генералъ Ефимовичъ, проживавшій въ лазаретѣ, узнавъ о моей бѣдѣ съ калошей, предложилъ мнѣ воспользоваться своей (вторую онъ тоже потерялъ). Она оказалась мнѣ впору и съ той ноги, съ какой нужно, — словомъ, смотрю, у меня опять пара калошъ.

Къ вечеру я вернулся на пароходъ, освѣженный, съ запасомъ ѣды для моихъ спутниковъ.

Еще произошла у насъ въ тотъ день бѣда. Преосвященный Георгій поручилъ кн. Жевахову (ему тоже удалось съѣздить на берегъ) размѣнять русскія деньги на французскіе франки. Пересчитывая привезенную пачку синенькихъ кредитныхъ билетовъ, владыка Георгій обнаружилъ, что въ серединѣ наложены синенькія сербскія динары... А онѣ въ три раза дешевле франковъ! Досталось за это бѣдному обманутому кн. Жевахову...

На другой день намъ объявили, что пассажиры должны ѣхать мыться въ турецкія бани. Пришелъ катеръ и отвезъ насъ въ городокъ Тузлу (на константинопольскомъ берегу). Прежде всего намъ велѣли всю одежду сдать въ дезинфекціонную камеру, а потомъ уже идти подъ душъ. Я часть одежды спряталъ — и хорошо сдѣлалъ, потому что та, которую я отдалъ, вернулась изъ паровой камеры вся жеванная, да и разыскать ее въ общей кучѣ было трудно. Принудительное купанье вызвало среди пассажировъ возмущеніе, брань и плачъ. Было очень холодно; подъ душами на полу грязной

*) См. стр. 342.

воды по щиколодку, полъ каменный. Пассажиры совали взятки, чтобы отъ мытья въ такихъ условіяхъ отвертѣться. Старыя, больныя женщины плакали. Я надѣлъ рясу поверхъ бѣлья и въ мигъ проскочилъ подъ душемъ. Всѣ удивлялись: «какъ... уже готовы?». Послѣ купанья пришлось долго стоять на холодномъ вѣтру и ждать катера. Намъ заявили, что, пока всѣ не вымоются, мы не поѣдемъ. Многіе въ тотъ день простудились, заболѣли. Купанье длилось такъ долго, что насъ сочли нужнымъ покормить. Намъ принесли корзины съ хлѣбомъ и бакъ съ холоднымъ чаемъ. Лишь вернувшись на пароходъ, мы немного согрѣлись, выпивъ горячаго чаю.

Послѣ этой карантинной процедуры, которую мы, пассажиры, восприняли, какъ издѣвательство надъ людьми въ состояніи бѣженской безправности и беззащитности, мы двинулись дальше, держа курсъ на Салоники. Пришли мы туда около 29-30 января (ст. стиля), и вновь взвился на нашемъ пароходѣ желтый карантинный флагъ. Здѣсь уже никого на берегъ не спустили. Мы написали греческому митрополиту Геннадію, надѣясь, что онъ намъ поможетъ получить разрѣшеніе побывать на берегу и посѣтить храмъ св. Димитрія Солунскаго. Молчаніе... На рейдѣ мы простояли до 3-4-го февраля. За эти дни мы вновь (какъ и въ Константинополѣ, когда насъ принудительно купали) больно почувствовали нашу эмигрантскую беззащитность. Однажды надъ нами поглумились французскіе солдаты. Къ нашему пароходу подплыли шаланды, наполненныя навозомъ, и солдаты раскидали его въ воду такъ, что мы оказались въ навозномъ кругѣ.... На нашу психику это глумленіе подѣйствовало ужасно.... Наконецъ, намъ объявили, что намъ приготовленъ поѣздъ въ Сербію, и мы можемъ съѣзжать на берегъ. Наспѣхъ собравъ пожитки, пассажиры повалили съ парохода. На берегу насъ ожидали грузовики. Лишь сѣвъ въ вагонъ, мы вздохнули впервые съ облегченіемъ. Мотанью по морю — конецъ! Опять твердая почва подъ ногами!..

Проѣхавъ небольшое разстояніе по Греціи, мы достигли пограничной станціи Гевгеліи. Началась провѣрка паспортовъ. Мы сразу почувствовали иное отношеніе: благожелательность, отсутствіе придирокъ, грубости... При пересадкѣ съ поѣзда на поѣздъ, начальникъ станціи радушно пригласилъ насъ, архіереевъ, въ свою комнату и угостилъ закусками и виномъ. Съ какимъ наслажденіемъ послѣ голодовки и при упадкѣ силъ мы выпили по стакану вина! Какъ мы были благодарны этому доброму человѣку! Вино насъ сразу согрѣло и подкрѣпило. На станціи всѣмъ пассажирамъ роздали по банкѣ мясныхъ консервовъ: они показались намъ лакомствомъ...

До Бѣлграда мы ѣхали около сутокъ. Дорогой мы любовались живописной долиной рѣки Вардара, ущельями, горами... На останов-

кахъ въ Скопльѣ, Нишѣ... мы могли уже примѣтить сытость, достатокъ сербскаго населенія: въ витринахъ лавочекъ уже бѣлый хлѣбъ... — въ нашемъ бѣженскомъ представленіи несомнѣнный показатель благополучія.

По совѣту спутниковъ-сербовъ, мы съ дороги послали телеграмму митрополиту Димитрію Бѣлградскому слѣдующаго содержанія: «Пять русскихъ архіереевъ прибываютъ (по-сербски «долазятъ») Бѣлградъ просимъ вашего гостепріимства. Евлогій Георгій Митрофанъ Гавріилъ Аполлинарій».

Въ Бѣлградъ нашъ поѣздъ прибылъ утромъ 5-го февраля. Не успѣлъ еще поѣздъ поравняться съ платформой, смотрю, стоитъ мой пріятель гр. В. Бобринскій и машетъ издали фуражкой. Мы тоже замахали ему изъ окна. Однако, поѣздъ у платформы не остановился: насъ сразу отвели на запасной путь и приступили къ провѣркѣ бумагъ. Въ это время подъѣхала къ вокзалу карета; изъ нея вышелъ маленькій епископъ, и направился къ намъ. Это былъ преосвященный Досиѳей Нишскій, воспитанникъ нашей Кіевской Духовной Академіи, другъ русскихъ, а потомъ завязавшій и со мною самыя добрыя, дружественныя отношенія. Владыка обратился ко всѣмъ намъ съ радушнымъ привѣтствіемъ:

— Привѣтствую васъ, владыки, съ любовью, а также и всѣхъ васъ, русскихъ... — обратился къ намъ преосвященный Досиѳей. — Мы рады оказать вамъ гостепріимство за все то, что русскіе для насъ сдѣлали. И это не фразы...

Эти слова были сказаны искренно, горячо.

— Справляйтесь съ бумагами, а потомъ прошу васъ пожаловать къ Митрополиту.... сказалъ, обращаясь къ намъ, архіереямъ, епископъ Досиѳей.

Съ вокзала насъ направили въ казарму, въ карантинъ. Тутъ образовалась очередь къ доктору на освидѣтельствованіе. Сербскія власти боялись тифа. Въ нашей партіи кое-кого оставили въ карантинѣ; у одной двѣнадцатилѣтней дѣвочки оказалась корь. Гр. Бобринскій уговорилъ насъ послѣдовать за нимъ, не дожидаясь освидѣтельствованія. Онъ провелъ насъ заднимъ ходомъ, мы прибавили шагу — и выскользнули изъ казармы. Бобринскій посадилъ насъ на трамвай, и мы поѣхали на окраину города, гдѣ онъ жилъ, ютясь въ маленькой квартирѣ.

Графиня встрѣтила насъ радушно и прежде всего предложила помыться. Это было намъ необходимо: мы были черны отъ грязи. Гостепріимные хозяева накормили насъ блинами. Во время завтрака мы узнали, что гр. Бобринскій уже въ контактѣ съ митрополитомъ Димитріемъ и епископомъ Досиѳеемъ, и что намъ уже приготовлены комнаты у какихъ-то радушныхъ хозяекъ. Кн. Жеваховъ непринуж-

денно объявилъ Бобринскимъ, что онъ у нихъ намѣренъ остаться... — и остался.

Мы пришли въ новое наше обиталище, отдохнули, а часа въ 3-4 отправились представляться митрополиту Димитрію*).

Насъ встрѣтилъ глубокій старецъ, добрый, ласковый, чуть съ хитринкой, — типъ восточнаго іерарха.

— Будете жить у насъ, мы васъ устроимъ, устроимъ... а теперь идемте ужинать, — ласково сказалъ онъ намъ.

Къ ужину собрались всѣ сербскіе архіереи во главѣ съ епископомъ Досиѳеемъ. Этой трапезы, этого широкаго славянскаго гостепріимства я не забуду никогда... Сколько было проявлено къ намъ радушія, тепла! И съ какою непосредственностью, простотою... Митрополитъ предложилъ намъ ежедневно обѣдать въ митрополичьемъ домѣ, въ трапезной членовъ Синода, но подчеркнулъ, что пока наше устройство временное, но надо подумать и о болѣе прочномъ.

— Я предлагаю вамъ потомъ разселиться по нашимъ монастырямъ. Все будетъ тамъ къ вашимъ услугамъ, вамъ будетъ предложено полное обезпеченіе.

На другой день мы узнали, что король Александръ выразилъ желаніе повидать насъ, и мы въ назначенный день и часъ всѣ впятеромъ отправились во дворецъ.

Король ласково встрѣтилъ насъ, разспрашивалъ о русскихъ дѣлахъ, вспоминалъ Россію... Послѣ аудіенціи черезъ нашего представителя Штрандмана каждому изъ насъ вручили по 1.000 динаръ. Тутъ возникло недоразумѣніе съ кн. Жеваховымъ; онъ считалъ себя членомъ нашей архіерейской компаніи, какъ бывшій Товарищъ Оберъ-Прокурора, и высказалъ неудовольствіе, что мы не разъяснили этого нашему представителю... «А иначе каждый изъ васъ долженъ подѣлиться со мною», — заявилъ онъ.

Постепенно мои спутники стали разъѣзжаться по монастырямъ. Первымъ уѣхалъ епископъ Гавріилъ, потомъ владыка Аполлинарій, за нимъ епископъ Митрофанъ и епископъ Георгій съ неразлучнымъ своимъ спутникомъ архимандритомъ Александромъ.

Я остался въ Бѣлградѣ. Митрополитъ Димитрій относился ко мнѣ очень хорошо, не отпускалъ: «Поживите, освойтесь... Можетъ быть, займетесь своими русскими общественными дѣлами...» Онъ часто приглашалъ меня къ себѣ, бесѣдовалъ со мною, перезнакомилъ со всѣми сербскими іерархами, предлагалъ служить; я получалъ отъ него приглашенія на хиротоніи, на торжества, — словомъ, онъ старался меня развлекать.

---

*) Митрополитъ Димитрій высшаго богословскаго образованія не получилъ, онъ окончилъ агрономическій институтъ во Франціи.

Жилъ я теперь у новыхъ хозяекъ. Епископъ Досиѳей нашелъ мнѣ комнатку въ маленькомъ домикѣ у вдовы убитаго на войнѣ маіора Десанки Вучковичъ и ея старушки-матери. Приняли онѣ меня съ любовію, относились съ рѣдкой заботливостью и брали съ меня очень дешево.

Я сталъ осматривать Бѣлградъ. Скромные, низкіе домики, плохія мостовыя, мало внѣшней культуры и отпечатокъ провинціализма и Востока, но пріятный и милый въ своей патріархальности городъ. Отношеніе населенія къ намъ, русскимъ, было трогательное. Въ трамваѣ кондукторъ: «а... руссъ!» — и отказывается брать деньги за билетъ.

Бѣлградъ быстро наводнился русскими бѣженцами. Жалкое зрѣлище... Въ лохмотьяхъ, въ рваныхъ шинеляхъ, измученные, истощенные, они шатались безъ дѣла по улицамъ, прилипая къ витринамъ магазиновъ, здороваясь, перекликаясь другъ съ другомъ и сплетничая. Хаотическое состояніе неорганизованной и бездѣльной людской «массы». Потомъ понемногу стали пристраиваться, находить работу. Возникла иниціативная группа «Общества взаимопомощи», за ней стояла какая-то политическая организація, возглавляемая однимъ изъ братьевъ Суворинихъ. Я побывалъ тутъ и тамъ. Грустное впечатлѣніе... Словесная потасовка, крики, упреки, обвиненія въ неправильности выборовъ, и т. д. — ничего серьезнаго, дѣлового. Я подѣлился своимъ впечатлѣніемъ со Штрандманомъ. «Мнѣ хотѣлось бы помочь организоваться массѣ, сказалъ я, но ничего съ нею не сдѣлать...» — «Напрасно ходите, владыка, оставьте ихъ...» Кое-что въ этой аморфной массѣ скристаллизировалось, но я участія въ этомъ процессѣ уже не принималъ, а мирно жилъ у моихъ хозяекъ, занимаясь изученіемъ сербскаго языка.

Каждый вечеръ, бывало, слышу: «господине, молимъ васъ на конференцію». Это значило, на очередной урокъ мнѣ надо пройти по коридору въ кухоньку, гдѣ для меня уже приготовлено «церна кафа» (кофэ). Помню, какъ-то разъ онѣ мнѣ показали книжку: «пѣсенникъ». Въ ряду пѣсенъ первая — сербскій гимнъ. Я на немъ не остановился и сталъ перелистывать дальше, а когда дошелъ до болгарскаго гимна «Шуми, шуми, Марица....», мнѣ вспомнилась семинарія, гдѣ мы, семинаристы, его пѣвали, — и я его запѣлъ. Смотрю, лица моихъ хозяекъ помрачнѣли, и онѣ примолкли. Въ чемъ дѣло? «Вы сербскій гимнъ пропустили, а болгарскій запѣли... Такъ всегда было: «Болгарія для русскихъ дочь, а Сербія падчерица...» объяснили онѣ мнѣ внезапную перемѣну своего настроенія. — Однажды вечеромъ, смотрю, онѣ на кухнѣ въ сосудѣ топятъ снѣгъ. «Зачѣмъ?» спрашиваю я. «Такъ надо», съ лукавой улыбкой отвѣ-

чаетъ одна изъ хозяекъ. А когда вода скипѣла, объявили: «мы вамъ хочемъ оперети косу» (вымыть волосы). Я сконфузился, но все же предоставилъ голову въ ихъ распоряженіе. Вымывъ мнѣ волосы, онѣ расчесали ихъ, окрутили голову полотенцемъ и отвели въ мою комнату, которую предварительно хорошо натопили. Заботливыя, милыя женщины. Когда впослѣдствіи я пріѣзжалъ въ Бѣлградъ, я всегда, по ихъ просьбѣ, останавливался не въ отелѣ, а у нихъ.

Тихая, бездѣльная жизнь стала меня томить. По предложенію епископа Досиѳея, я прочелъ лекцію о русской революціи въ большомъ залѣ. Она прошла хорошо, но нѣкоторые русскіе выступили съ рѣзкими возраженіями: «невѣрно»... «не такъ было»... «вы съ высоты величія плохо видѣли»... и проч. Убѣдившись, что работы въ бѣлградской русской общественности для меня не предвидится, я сказалъ митрополиту Димитрію, что хотѣлъ бы уѣхать въ монастырь. Онъ сталъ меня уговаривать: «у меня мѣста хватитъ и хлѣба хватитъ, оставайтесь у меня, живите, занимайтесь вашими церковными дѣлами». Но я подтвердилъ мое желаніе уѣхать. «Ну, если такъ, поѣзжайте въ Карловцы, тамъ укажутъ вамъ монастырь...»

Карловцы... Уѣздный невзрачный городокъ. Посреди него, въ чудномъ паркѣ, великолѣпный дворецъ бывшей патріархіи*). Тутъ же въ городкѣ семинарія, церковный судъ и рядъ церковныхъ учрежденій. Сербскій Синодъ поручилъ временно управлять Карловацкой Патріархіей епископу Георгію Летичу.

Епископъ Георгій, прекраснѣйшій, добрѣйшій человѣкъ, очень культурный, образованный, австрійскаго воспитанія, онъ встрѣтилъ меня, какъ брата, — ласково, радушно, гостепріимно; познакомилъ съ сестрой и племянницей, которыя жили при немъ въ особомъ домѣ на дворѣ патріархіи; устроилъ меня въ чудной комнатѣ и обставилъ такъ, что все было къ моимъ услугамъ. Мы съ нимъ подружились. Свое вниманіе ко мнѣ онъ проявлялъ во всемъ. За трапезой, на которую собиралось человѣкъ 20-25 архіереевъ, протоіереевъ и чиновниковъ патріархіи, гдѣ всѣ разсаживались по чинамъ, онъ сажалъ меня всегда справа отъ себя, выше всѣхъ. Роскошь жизни, трапезъ, архіерейскихъ рясъ, великолѣпные покои дворца.... — все это богатство не вязалось съ моимъ бѣднымъ одѣяніемъ, порой бывало неловко...

Епископъ Георгій не отпускалъ меня. «Не торопитесь въ монастырь, поживите у меня...» Я не могъ ему отказать и провелъ въ Карловцахъ почти весь Великій постъ.

*) Карловацкая патріархія перешла отъ Венгріи къ Сербіи въ 1918 г. Патріархъ Карловацкій загадочно погибъ во время войны; его тѣло нашли въ горной рѣчкѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ трагической смерти.

На Вербной епископъ Георгій предложилъ мнѣ служить Страстныя и Пасхальныя службы въ Новомъ Саду, большомъ городѣ на Дунаѣ. Епископъ Новосадскій умеръ, каѳедра пустовала и владыкѣ Георгію хотѣлось, чтобы Новосадскій соборъ въ великій праздникъ не былъ лишенъ архіерейскихъ службъ. Я съ удовольствіемъ согласился. Владыка Георгій повезъ меня туда самъ въ своемъ прекрасномъ экипажѣ. Архіерейскій домъ въ Новомъ Саду послѣ смерти епископа стоялъ запертый; спѣшно организовать отопленіе и хозяйство было невозможно, — и меня владыка устроилъ въ милой семьѣ одного знакомаго адвоката, друга русскихъ.

Адвокатъ, человѣкъ вѣрующій, какъ и многіе сербы, въ церковь ходилъ рѣдко. «Почему вы не ходите въ церковь?» спросилъ я моего хозяина. — «Въ церкви есть попъ, попу мы деньги платимъ, онъ за насъ молится, а у меня дома и безъ того дѣла много...» отвѣтилъ онъ. Въ сербскихъ храмахъ народу обычно мало, но свою православную вѣру они любятъ и крѣпко ея держатся.

Страстную и Пасху я провелъ, какъ подобаетъ епископу. Меня окружала атмосфера ласки и любви мѣстнаго духовенства. Среди духовныхъ лицъ я встрѣтилъ священниковъ съ университетскимъ дипломомъ, почитателей В. Соловьева, Достоевскаго, съ которыми они ознакомились въ нѣмецкомъ переводѣ. Весьма образованнымъ человѣкомъ оказался и старшій «прота» (протоіерей каѳедральнаго собора) маститый о. Чиричъ. Я съ нимъ быстро подружился.

Церковныя службы въ Сербіи недлинныя, о длительности богослуженія тамъ не ревнуютъ. Въ обрядахъ есть особенности, которыхъ у насъ нѣтъ. Погребеніе въ Страстную Пятницу совершается ночью съ пятницы на субботу, при чемъ плащаницу носятъ по улицамъ. Помню во время крестнаго хода пошелъ дождикъ, и священники старались спрятаться подъ плащаницу; старикъ-братчикъ замѣтилъ это — и назидательно: «Попове! Попове! На полье... на полье...» (т. е. вонъ... вонъ...), Пасхальную заутреню служатъ на разсвѣтѣ, часа въ 3-4 утра, за нею слѣдуетъ Литургія въ обычное время.

Ѣздить отъ адвоката въ соборъ было далеко, и на эти дни мнѣ приготовили двѣ комнатки въ архіерейскомъ домѣ. Спеціальнаго розговѣнія въ Сербіи не бываетъ, а просто обильный завтракъ послѣ обѣдни. На трапезу собралось много поздравителей.

На другой день одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ пригласилъ меня служить въ свой приходскій храмъ на окрайнѣ города. Прихожане тамъ все огородники, садоводы и свиноводы, — зажиточные «селяки», которые ведутъ оживленную и прибыльную торговлю съ Вѣной, сплавляя туда по Дунаю свои товары: овощи, свинину и

проч. Храмъ былъ набитъ биткомъ. Я говорилъ поученіе, пытаясь вставлять въ свою рѣчь сербскія слова. Повидимому, народъ меня понималъ, потому что отъ времени до времени отвѣчалъ громко по мѣстному обычаю: «живіо»! Послѣ обѣдни священникъ предложилъ мнѣ познакомиться съ бытомъ его прихожанъ. Мы сѣли въ отличный экипажъ, запряженный сѣрыми лошадками, и помчались за городъ. Дорогой я узналъ, что выѣздъ посланъ за мной однимъ изъ крестьянъ-прихожанъ. Мы объѣхали дворовъ пятнадцать. Я заходилъ къ селякамъ, осматривалъ ихъ дома и хозяйства. Благополучіе полное. Всюду образцовая чистота и внѣшняя культура: электричество въ хлѣвахъ, конюшняхъ и проч. — наслѣдіе австрійскаго культурнаго быта. Этой части Сербіи бѣдствія войны не коснулись, тогда какъ вся старая Сербія была разорена и опустошена войною, во время которой погибла 1/3 всего сербскаго населенія. Трудно описать гостепріимство сербскихъ крестьянъ. Всюду меня упрашивали отобѣдать, всюду полный столъ яствъ... Пришлось отвѣдать 5-7 обѣдовъ, чтобы не обидѣть радушныхъ хозяевъ. Кое-кто изъ нихъ только что вернулся изъ русскаго плѣна. Съ какою похвалою они отзывались о русскихъ! «Я былъ кучеромъ у помѣщика Екатеринославской губерніи, — разсказывалъ мнѣ одинъ крестьянинъ, — теперь ему, какъ всѣмъ помѣщикамъ въ Россіи, плохо. Если бы мнѣ только знать, гдѣ онъ сейчасъ! Я бы его разыскалъ, сюда бы привезъ. За его доброту ко мнѣ все-бы свое хозяйство ему отдалъ, служилъ бы ему, ухаживалъ, чтобы онъ всѣ скорби забылъ....» Эти слова, преисполненныя горячей благодарности за оказанное когда-то человѣку добро, глубоко тронули меня и какъ-то подкрѣпили во мнѣ вѣру въ русскій народъ съ его широкимъ любящимъ сердцемъ.

По возвращеніи въ Карловцы къ милому владыкѣ Георгію, я узналъ, что онъ выбралъ для меня монастырь Гергетекъ, и что настоятель его, архимандритъ Даніилъ Пантеличъ, за мной пріѣдетъ.

Гергетекъ одинъ изъ 14-ти монастырей раскинутыхъ въ лѣсахъ «Фрушкой-горы» (Фруктовой горы), въ 15-ти верстахъ отъ Карловцевъ. Два горныхъ склона спускаются въ долину, покрытые лѣсами, виноградниками, фруктовыми садами. Эта мѣстность зовется «Сербскимъ Аѳономъ». Всѣ эти монастыри — обширныя помѣстья, съ большимъ хозяйствомъ, съ угодьями, съ прекрасными садами. Но монахами эти обители сильно оскудѣли: въ каждой, кромѣ настоятеля и эконома, не больше двухъ-трехъ монаховъ. Живутъ они помѣщиками, въ полномъ довольствѣ. Теперь они гостепріимно принимали русскихъ бѣженцевъ: у нихъ находили пріютъ и архіереи, и генералы, и профессора.

Архимандритъ Даніилъ пріѣхалъ за мной съ радостью. Я разстал-

ся съ владыкой Георгіемъ, который дружески со мной простился и просилъ не забывать его и наѣзжать къ нему въ Карловцы. Мы сѣли въ монастырскій экипажъ и направились въ Гергетекъ. На пути заѣхали въ чудный монастырь Крушедолъ, гдѣ уже поселился мой спутникъ по плаванію на «Иртышѣ» — архіепископъ Георгій съ архимандритомъ Александромъ. Тамъ находится гробница отрекшагося отъ престола короля Милана и хранятся его знамена и регаліи. О. Настоятель монастыря архим. Анатолій ласково и гостепріимно принялъ насъ, — и мы продолжали нашъ путь.

Гергетекъ.... Тихое пристанище послѣ долгихъ моихъ странствій! Стоялъ іюнь. Природа въ полномъ убранствѣ. Вокругъ монастыря прекрасный садъ полный цвѣтовъ; среди зелени виднѣются гробницы-памятники бывшихъ настоятелей. Началась безпечальная жизнь, та «полная чаша», когда все было къ моимъ услугамъ.

Въ нашемъ монастырѣ проживалъ въ тѣ дни большой ученый, профессоръ Кіевской Духовной Академіи по каѳедрѣ исторіи русской церкви о. протоіерей Ѳеодоръ Ивановичъ Титовъ. Мы съ нимъ сблизились и много времени проводили вмѣстѣ: встрѣчались за трапезами, вмѣстѣ гуляли, читали, вмѣстѣ принялись за изученіе сербскаго языка, сербской литературы.

Я сталъ знакомиться съ окружающими монастырями. Въ ближайшіе — мы ходили съ о. настоятелемъ и о. Ѳ. Титовымъ пѣшкомъ (за 3-4 версты); въ болѣе отдаленные — ѣздили въ экипажѣ. Въ сосѣднемъ монастырѣ я обратилъ вниманіе на родникъ кристальночистой воды. «Хвалимъ воду, а пьемъ вино....» пошутилъ о. настоятель. Всюду въ обителяхъ меня встрѣчали съ простотою, радушіемъ, съ тою тонкой деликатностью, которая прививается людямъ старой культурой и, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, дѣлается уже врожденной. Это я подмѣтилъ и въ монастыряхъ и въ мѣстной школѣ, которую я посѣтилъ (учительницей тамъ была сестра о. настоятеля).

Приближался храмовой праздникъ нашей обители. Меня просили служить, выписали мнѣ изъ Карловцевъ архіерейское облаченіе.

Послѣ торжественной Литургіи была трапеза, на которую съѣхалось много гостей: настоятели сосѣднихъ монастырей, свѣтскія дамы, барышни... Русскій архимандритъ Григорій, жившій въ сосѣднемъ монастырѣ, можетъ быть, подъ вліяніемъ добраго сербскаго вина, завелъ крикливый богословскій споръ. Кое-кто это настроеніе поддерживалъ, не пренебрегая и «возліяніями». Увидавъ, что трапеза окончена, но мои сотрапезники непрочь угощаться и дальше, — я ушелъ. Прот. Титовъ потомъ сердился, говоря, что надо было не уходить, а воздѣйствовать на присутствующихъ и попытаться при-

дать застольному нашему собранію болѣе чинный характеръ. Къ вечеру въ монастырь пришло множество крестьянъ, — и начались танцы. Танцуютъ сербы «колы», нѣчто въ родѣ нашихъ хороводовъ, сопровождая танцы пѣснями. Не обошлось безъ вина: къ ночи лица у всѣхъ раскраснѣлись...

Каждый изъ 14-ти монастырей справляетъ свой храмовой праздникъ, широко и гостепріимно принимая гостей: монаховъ остальныхъ обителей и мѣстныхъ крестьянъ. Эти праздники разнообразили монотонную, трудовую монашескую жизнь. Чтобы управлять большими монастырскими хозяйствами, трудиться нужно очень много, а хозяйство во многихъ обителяхъ было культурное, образцовое.

Изрѣдка я бывалъ въ Карловцахъ, встрѣчаясь тамъ со знакомыми архіереями. Какъ-то разъ прибылъ я туда и былъ изумленъ, услыхавъ, что мнѣ предлагаютъ отправиться въ Женеву въ составѣ сербской делегаціи на Всемірный Съѣздъ представителей христіанскихъ «Церквей». Сербская іерархія, въ своихъ братскихъ чувствахъ къ намъ, пожелала, чтобы на этомъ Съѣздѣ прозвучалъ голосъ епископа Русской Православной Церкви.

Въ составъ делегаціи вошли: преосвященный Ириней (племянникъ протоіерея каѳедральнаго собора Новаго Сада), іеромонахъ Емельянъ, извѣстный своей образованностью человѣкъ, и я. Всѣхъ насъ снабдили дипломатическими паспортами и деньгами.

И вотъ, я выѣзжаю вмѣстѣ съ сербскими делегатами изъ тихой Сербіи въ Западную Европу. Не зная иностранныхъ языковъ и не вовлеченный еще въ экуменическую работу, я ѣхалъ въ Женеву только съ горячимъ желаніемъ сказать на Съѣздѣ слово въ защиту Русской Церкви, дабы братья по вѣрѣ, съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ свѣта, узнали, какъ она страдаетъ... Мнѣ казалось, что, узнавъ правду, они, если и не будутъ въ силахъ ее защитить, отзовутся горячимъ сочувствіемъ на переживаемыя ею мученія...

Иниціатива этого стремленія къ сближенію и единенію всѣхъ христіанскихъ исповѣданій принадлежала американской епископальной Церкви. Американскіе епископы, во главѣ съ извѣстнымъ епископомъ Брентомъ, обратились ко всѣмъ Церквамъ христіанскимъ съ призывомъ послать своихъ делегатовъ на общую Конференцію, на которой они могли бы встрѣтиться и познакомиться другъ съ другомъ и обсудить общіе вопросы вѣры и жизни, въ которыхъ всѣ церкви, если не единомысленны, то, по крайней мѣрѣ, близки между собою, а также указать тѣ задачи, которыя бы способствовали ихъ дальнѣйшему сближенію и единенію. Нужно удивляться той христіанской ревности и настойчивости, съ которой они

стучались въ двери каждаго христіанскаго исповѣданія; нужно преклоняться и предъ тѣми огромными усиліями и трудами, которые они взяли на себя, чтобы начать и организовать это дѣло въ міровомъ масштабѣ. На этотъ призывъ откликнулись очень многія протестантскія исповѣданія, старокатолики... Сочувственно отозвались на этотъ призывъ и православныя Церкви, благословилъ это дѣло и Вселенскій Константинопольскій Патріархъ. Только Римскій Папа отъ имени римско-католической Церкви отклонилъ предложеніе принять участіе въ Конгрессѣ, заявивъ, что римско-католической Церкви искать нечего: Истину въ полнотѣ она обрѣла, и если «церкви» хотятъ объединиться, пусть присоединяются къ ней... Въ этомъ отвѣтѣ были и гордость и узость: если кто считаетъ, что обладаетъ Истиной, почему ею не подѣлиться?

Конференція открылась въ Женевѣ (въ концѣ іюля ст. ст.) торжественнымъ богослуженіемъ въ огромномъ, старомъ соборѣ св. Петра. Грустное впечатлѣніе произвелъ на меня соборъ: пустота, голыя стѣны...; только одна реликвія — кресло Кальвина, съ котораго онъ проповѣдывалъ. Не храмъ, а огромное, нежилое помѣщеніе.

Съ перваго же засѣданія почувствовалось вѣяніе христіанскаго духа единенія. Я съ интересомъ слѣдилъ за рѣчами и дискуссіями; сзади меня въ качествѣ переводчика сидѣлъ нашъ бывшій дипломатическій представитель М. М. Бибиковъ и, благодаря ему, я былъ въ курсѣ того, что на засѣданіяхъ говорилось. Греки на Конференціи выступали весьма активно. Меня поразило, что они были въ свѣтскихъ костюмахъ, сербы этой вольности себѣ не позволяли. Я добивался слова о Русской Церкви въ общемъ собраніи — и встрѣтилъ сопротивленіе. Къ свѣдѣніямъ, которыя я сообщалъ о положеніи нашей Церкви при большевикахъ, относились съ недовѣріемъ... Чудовищно, непонятно, — но европейцы правды не воспринимали; качали головами — и все... Тѣмъ не менѣе мнѣ удалось добиться слова. Я сказалъ его горячо и предложилъ резолюцію, въ которой выражалось не только сочувствіе гонимой нашей Церкви, но и порицаніе совѣтской власти. Порицаніе принято не было: «политика» въ резолюціи Конференціи, яко-бы, неумѣстна... Мнѣ было горько. «Эхъ, европейцы, подумалъ я, вамъ тепло, спокойно, оттого вы насъ и не понимаете...»

Въ заключительной рѣчи Предсѣдатель Конференціи высказалъ радость по поводу сближенія христіанъ, несмотря на различіе конфессій. Онъ говорилъ о томъ, что у всѣхъ насъ одинъ Христосъ, одно Слово Божіе, и на этой основѣ возможно объединеніе въ христіанской любви...

Его прекрасной рѣчью я былъ растроганъ до глубины души...

Послѣ закрытія Конференціи большинство делегатовъ отправи-

лось въ экскурсію на глэтчеры. Поѣздка эта меня не интересовала, я остался въ Женевѣ у настоятеля нашей Женевской церкви прот. С. Орлова, служилъ, а потомъ вернулся въ Сербію.

Я счелъ долгомъ освѣдомить митрополита Антонія о Женевской Конференціи и послалъ ему въ Константинополь*) пространный докладъ. Одновременно я подалъ ему мысль о необходимости организовать оторванную отъ Россію зарубежную Русскую Церковь. «Много овецъ осталось безъ пастырей... Нужно, чтобы Русская Церковь за-границей получила руководителей. Не думайте, однако, что я выставляю свою кандидатуру...» писалъ я. Въ отвѣтъ отъ митрополита Антонія пришло письмо со слѣдующимъ отзывомъ о моемъ докладѣ: «страшно интересно, надо бы докладъ напечатать».

Въ Бѣлградѣ я нѣсколько задержался, получивъ приглашеніе на торжество преобразованія Сербской Церкви изъ митрополіи въ патріархію. Послѣ торжества я вернулся въ Гергетекъ, наѣзжая изрѣдка въ Бѣлградъ.

Какъ-то разъ по какому-то случаю довелось мнѣ пріѣхать къ епископу Досиѳею Нишскому. Вхожу къ нему, — о удивленіе! — м. Екатерина **) и мать Нина ***)... Оказывается, епископъ Досиѳей выписалъ въ Сербію весь Лѣснинскій монастырь, эвакуированный изъ Россію въ Румынію. Мысль о цѣлесообразности эвакуаціи монастыря въ Сербію я когда-то подсказалъ епископу Досиѳею, но реализація ея была для меня неожиданностью. Владыка Досиѳей снесся съ м. Екатериной, озаботился, чтобы монахинямъ была предоставлена баржа, на которую всѣ 70 монахинь со своими котомками, узлами... погрузились, и поплыли по Дунаю въ Бѣлградъ. Тутъ ихъ встрѣтили и, снабдивъ нужными бумагами, направили въ монастырь, въ Хопово.

Прибытіе Лѣснинскаго монастыря имѣло для Сербіи большое значеніе. Дѣло въ томъ, что сербское женское монашество уже давно умерло. За послѣдніе вѣка въ Сербіи не было ни одного женскаго монастыря, и сербы стали считать это вполнѣ нормальнымъ явленіемъ. «Наши сербскія женщины неспособны къ монашеству», говорили мнѣ нѣкоторые сербы изъ мірянъ. Дѣйствительность это сужденіе опровергла, монашество возникло вновь, лишь только появились женщины способныя къ организаціи монастырей.

Монастырь въ Хоповѣ, куда направили Лѣснинскихъ монахинь, былъ отданъ имъ не въ собственность, а на правахъ пользованія церковнымъ имуществомъ; такъ велось хозяйство и въ другихъ монастыряхъ въ Новой Сербіи, т. е. въ областяхъ, которыя достались

*) Митрополитъ Антоній съ Высшимъ Церковнымъ Управленіемъ, которое онъ возглавлялъ, были эвакуированы въ Константинополь.

**) Игуменья-настоятельница Лѣснинскаго монастыря.

***) Казначея Лѣснинскаго монастыря, а впослѣдствіи его настоятельница.

Сербіи послѣ войны. Хозяйственной эксплуатаціей ихъ вѣдалъ экономъ, представитель патріархіи. Монахини работали въ виноградникахъ, садахъ и огородахъ. Часть доходовъ оставалась въ монастырѣ для удовлетворенія потребностей монашескаго общежитія, все остальное отсылалось въ патріаршую казну. Монастыри въ Сербіи разсматривались какъ доходная статья. Это положеніе дѣла сказывалось на подборѣ: во главѣ обителей стояли обычно хозяйственные, дѣловые монахи.

Хопово быстро сдѣлалось центромъ духовно-религіозной жизни. Монастырь сталъ привлекать паломниковъ, потянулась къ нему сербская и русская, главнымъ образомъ интеллигентная, молодежь. О. Алексѣй Нелюбовъ, священникъ обители (мой землякъ-тулякъ), пастырь прекрасной духовной жизни, привлекалъ въ Хопово многихъ и вскорѣ сталъ любимымъ духовникомъ притекавшихъ въ Хопово молодыхъ интеллигентныхъ паломниковъ и паломницъ. М. Екатерина, просвѣщенная и глубоко религіозная игуменья, всегда умѣла вліять и воодушевлять молодежь, и къ ней тоже потянулись юныя души, взыскующія руководства на путяхъ духовной жизни.

Къ сожалѣнію, экономическая система управленія монастыремъ ограничивала м. Екатерину и расширяться ей было трудно. Она приняла въ Хопово нѣсколько сербокъ. Создалась сербская группа, во главѣ съ сербкой м. Меланіей; вслѣдствіе разности понятій и нравовъ, слиться съ русскимъ монашескимъ ядромъ сербки не смогли, къ нимъ примкнуло нѣсколько русскихъ монахинь, и обособившаяся группа основала новый монастырь «Кувеждинъ», сербскій. Одновременно, стараніями епископа Досиѳея, въ Нишской епархіи организовались кое-гдѣ маленькіе сербскіе монастырьки. Въ одномъ изъ нихъ подвизалась м. Діодора, круглый годъ ходившая босикомъ. Отсюда женское монашество перекинулось въ другія епархіи, — словомъ, погибшее въ Сербіи женское монашество ожило.

Я вернулся изъ Карловцевъ въ Гергетекъ и вновь мирно зажилъ, занимаясь сербскимъ языкомъ и литературой. Жизнь тихая, безмятежная, но меня она не удовлетворяла: занятія казались подѣліемъ — не настоящимъ нужнымъ дѣломъ. Вернуться въ Бѣлградъ и заниматься политикой мнѣ не хотѣлось (она мнѣ надоѣла), въ ближайшемъ будущемъ никакой серьезной работы я тоже не предвидѣлъ. Предложеніе настоящаго, полезнаго дѣла пришло неожиданно.

Какъ-то разъ въ Бѣлградѣ я высказалъ желаніе быть законоучителемъ. Теперь оно реализовалось. Въ Сербію эвакуировали 3-4 русскихъ учебныхъ заведенія: кадетскій корпусъ, гимназію, два женскихъ института. Одинъ изъ институтовъ, Харьковскій, нашелъ себѣ пріютъ въ гор. Бечкерекѣ; другой, Донской, — въ Бѣлой Церкви. Мнѣ было предложено преподавать Законъ Божій въ Донскомъ Ин-

ститутѣ. Начальница его, В. Ф. Виккорстъ, сумѣла вывезти дѣвочекъ съ Дона въ самую послѣднюю минуту: выпросила у атамана теплушки, насажала дѣвочекъ — и пустилась въ эвакуацію. Заслуга ея большая: она успѣла вывезти дѣтей изъ ада, сдѣлала то, что не удалось начальницѣ Смольнаго Института, которая довезла институтокъ (изъ Петрограда) до Дона, но эвакуировать ихъ изъ Россіи не успѣла: она отправилась на пароходъ навести какія-то справки или сговориться о помѣщеніи и не замѣтила, какъ пароходъ отвалилъ; ее увезли, а дѣвочки остались и пережили весь ужасъ женской беззащитности въ станѣ безпощаднаго врага...

Разставался я съ Гергетекомъ не съ легкимъ сердцемъ. Въ обители мнѣ было очень хорошо. О. настоятель жалѣлъ, что я уѣзжаю, упрашивалъ меня остаться или хоть отложить отъѣздъ до ихъ маленькаго хозяйственнаго праздника: передъ Рождествомъ въ монастыряхъ на «Фрушкой Горѣ» колятъ свиней, изготовляютъ всевозможныя колбасы и пробуютъ новое вино, — на день-два патріархія освобождаетъ монастыри отъ поста, — и монашескія трапезы въ тѣ дни принимаютъ до нѣкоторой степени оттѣнокъ «пира». Къ сожалѣнію, я долженъ былъ торопиться и «праздника» не дождался. Мой монастырскій слуга, услужливый и преданный мадьяръ Шандоръ (по-русски Александръ), провожалъ меня чуть не со слезами: «Зачѣмъ ѣдете! Останьтесь, не уѣзжайте...»

Въ Бѣлую Церковь я прибылъ 26-го сентября (ст. стиля), въ день св. Іоанна Богослова.

Маленькій, чистенькій городокъ, наполовину населенный австрійцами: нѣмцами и венграми. Меня поселили у нѣмки рядомъ съ институтомъ, который помѣщался въ бывшей австрійской школѣ. Я приходилъ въ институтскій интернатъ къ утренней молитвѣ, пилъ тамъ кофе и обѣдалъ. На уроки воспитанницы и мы, преподаватели, ходили въ мужскую гимназію, помѣщеніе которой послѣ 2 часовъ предоставлялось въ наше распоряженіе. Воспитанницы и педагогическій персоналъ находились на полномъ иждивеніи сербской казны.

Педагогическая корпорація, въ составъ которой я вошелъ, была немного пестрая, но все же всѣ имѣли цензъ и были педагоги. Начальница В. Ф. Виккорстъ, которую дѣвочки звали «маменькой», любила дѣтей, была добра и заботлива, но дисциплина въ Институтѣ хромала. Шумятъ, бывало, дѣвочки за обѣдомъ, В. Ф. на нихъ прикрикнетъ, а черезъ минуту все попрежнему. Впослѣдствіи у В. Ф. возникли какія-то недоразумѣнія по поводу путаницы въ отчетности, и ее уволили, забывъ великую ея заслугу своевременной эвакуаціи дѣтей.

Дѣвочки младшихъ классовъ, совсѣмъ еще маленькія, лѣтъ 8-9, были трогательныя. Большинство — сиротки: у кого отецъ убитъ

въ гражданской войнѣ, у кого мать потерялась, а кто вообще ничего про родителей давно уже не знаетъ. «Владыка, не знаете ли что про папу?» спрашиваетъ, бывало, какая-нибудь крошка. А я знаю — убитъ... Я любилъ съ ними сидѣть, разсказывать имъ сказки, читалъ, старался ихъ развлечь. Ко мнѣ онѣ привязались. Увидятъ, что я пришелъ, — и кричатъ: «владыка пришла!...».

Со старшими дѣвочками было труднѣе. Это были не прежнія чопорныя институтки, а дѣвушки, которыя прошли огонь и воду, извѣдали и холодъ и голодъ, натерпѣлись всевозможныхъ лишеній. Во время путешествія въ теплушкахъ, зимою, начальница на стоянкахъ посылала ихъ воровать дрова, чтобы немного согрѣться въ вагонахъ. Двѣ дѣвочки, дочери мелкаго саратовскаго помѣщика, вмѣстѣ съ отцомъ бѣжали отъ большевиковъ въ Новочеркасскъ, — проскакали верхомъ безъ сѣдла весь путь... Ничего удивительнаго не было, что дисциплинировать такихъ молодыхъ дѣвушекъ было не легко. Прежнему законоучителю, моему предшественнику, морально подтянуть ихъ не удалось. Я ихъ пожалѣлъ, немного съ недостатками боролся, и Господь помогъ... По ночамъ подъ окнами интерната собиралась мѣстная мужская молодежь со скрипками, гитарами и распѣвала серенады («подоконницы» по-сербски); дѣвочки вскакивали — и къ окнамъ. Нѣсколько дѣвицъ, въ наказаніе, начальница приказала остричь, а сторожъ, саратовскій помѣщикъ, прискакавшій съ дочерьми на Донъ, вооружившись дубиной, разгонялъ назойливыхъ поклонниковъ. Какъ-то разъ въ отсутствіе начальницы, во время обѣда, въ столовую принесли корзину цвѣтовъ. Что такое? Кто-то мнѣ шепнулъ, что одна изъ старшихъ воспитанницъ именинница, цвѣты — ей, отъ какого-то нѣмчика. «Я такъ люблю цвѣты.... — отнесите въ мою комнату», распорядился я. Потомъ пришелъ въ классъ съ разносомъ: «По какому праву молодой человѣкъ подноситъ вамъ цвѣты? Развѣ онъ вашъ женихъ? родственникъ? Цвѣты подносятъ и цвѣты принимаютъ, лишь имѣя на это право...» Завязался разговоръ о морали, о жизни. Дѣвушки любили бесѣды на эти темы.

Маленькія мои ученицы доставляли мнѣ много радости. Онѣ учились во всю мочь и любили блеснуть своимъ прилежаніемъ. «Почему, владыка, вы меня забыли? Почему, владыка, вы меня не спрашиваете?»

Жилъ я покойно, работа наладилась, дѣвочки относились ко мнѣ съ довѣріемъ. Я организовалъ богослуженіе въ залѣ интерната, устроилъ престолъ, жертвенникъ; службы совершалъ по священническому чину, въ старенькой фелони, которая мнѣ досталась отъ прежняго законоучителя; дѣвочки исповѣдывались, причащались. Въ большіе праздники мы ходили всѣ вмѣстѣ въ городскую церковь. Я

познакомился съ о. настоятелемъ и послѣ обѣдни заходилъ къ нему на кофе.

Передъ Рождествомъ пришла телеграмма отъ патріарха Димитрія, которая меня очень тронула: онъ приглашалъ меня на праздники къ себѣ въ Карловцы въ гости. Наканунѣ отъѣзда у институтокъ была елка. Онѣ пѣли, плясали, играли... И вдругъ, среди вечера, появляется какая-то фигура въ потрепанной шинели, въ разбитыхъ сапогахъ... — и я узнаю одного изъ секретарей Высшаго Церковнаго Управленія Махараблидзе*). Онъ заявилъ, что заѣхалъ ко мнѣ на пути изъ Константинополя въ Бѣлградъ и привезъ извѣстіе о моемъ назначеніи управляющимъ русскими православными церквами Западной Европы. «Вамъ будетъ послано Высшимъ Церковнымъ Управленіемъ подтвержденіе моего устнаго извѣщенія», сказалъ онъ. Оказалось, что назначеніе состоялось еще въ Крыму, но официальнаго увѣдомленія, посланнаго мнѣ изъ Крыма, я не получилъ. Новое назначеніе привело меня въ нѣкоторое замѣшательство: какъ наладить управленіе при отсутствіи средствъ? куда ѣхать? гдѣ его организовать? «Если не удастся обосноваться въ Европѣ, можно управлять изъ Сербіи....» замѣтилъ мой собесѣдникъ. «У меня есть еще просьба къ вамъ, продолжалъ онъ, не посодѣйствуете ли вы, чтобы Высшее Церковное Управленіе было переведено изъ Константинополя въ Сербію?» Я зналъ, что въ Константинополѣ членамъ Управленія жилось трудно, тогда какъ я и нѣкоторые другіе архіереи въ Сербіи благодушествовали; отозваться на эту просьбу было долгомъ простого человѣколюбія; одновременно у меня мелькнула мысль и о томъ, что, въ случаѣ моего отъѣзда въ Европу, Высшее Церковное Управленіе останется въ Сербіи.

На другой день въ сопровожденіи Махараблидзе я выѣхалъ въ Бѣлградъ.

Патріархъ принялъ меня ласково и гостепріимно. Я выпросилъ у него согласіе на переѣздъ Выс. Церк. Упр., во главѣ съ митрополитомъ Антоніемъ, въ Сербію. «Ну, что-жъ... пусть пріѣзжаютъ, у насъ хлѣба хватитъ...» сказалъ патріархъ.

На праздникахъ я получилъ радостное извѣстіе отъ моего любимѣйшаго младшаго брата Александра (я былъ на 20 лѣтъ старше него), моего крестника, что онъ прибылъ въ одинъ изъ портовыхъ городовъ на югѣ Сербіи. Братъ былъ военный слѣдователь, и вмѣстѣ съ Врангелевскими войсками его эвакуировали въ Сербію. Онъ написалъ, что пріѣдетъ ко мнѣ сейчасъ же по выполненіи не-

*) Во время войны онъ былъ военнымъ чиновникомъ въ канцеляріи протопресвитера Шавельскаго, потомъ попалъ въ Высшее Церковное Управленіе, гдѣ служилъ секретаремъ вмѣстѣ съ Т. А. Аметистовымъ.

обходимыхъ формальностей, а пока просить о немъ не безпокоиться.

Передъ Крещеніемъ я вернулся въ Бѣлую Церковь, и, въ ожиданіи пріѣзда брата и полученія официальной бумаги изъ Константинополя, принялся вновь за преподаваніе.

Въ концѣ января пришла телеграмма, подписанная неизвѣстнымъ мнѣ лицомъ, извѣщавшая о тяжкой болѣзни брата... Я немедленно (на самый праздникъ Срѣтенья) выѣхалъ. Пріѣзжаю, — брата уже похоронили. Онъ умеръ отъ возвратнаго тифа, которымъ заразился еще въ пути. По пріѣздѣ болѣзнь быстро стала развиваться: группу юристовъ, въ томъ числѣ и моего брата, поселили въ нетопленномъ помѣщеніи. Пришлось отправить его въ больницу, гдѣ онъ и скончался. Никакихъ вещей послѣ него въ больницѣ не оказалось: очевидно, ихъ разворовали, остался только его дневникъ эвакуаціи. Я сталъ читать — и не могъ... Сплошной кошмаръ.... Сколько лишеній, униженій пришлось претерпѣть нашимъ войскамъ при эвакуаціи! Смерть брата меня сразила. Я не находилъ себѣ покоя. Почему на Святкахъ я не проѣхалъ къ нему изъ Карловцевъ, не вырвалъ изъ дурныхъ условій жизни и не увезъ съ собой!.. Ему было 32 года, онъ оставилъ молодую жену съ маленькими дѣтьми, вся жизнь еще была впереди... Я сознавалъ косвенную свою вину и мучился. Пошелъ на могилку, отслужилъ панихиду. Товарищи брата разсказали мнѣ о послѣднихъ его дняхъ...

Въ глубокой скорби вернулся я въ Бѣлую Церковь. Дѣвочки ласково, съ любовью утѣшали меня. Мои сотоварищи-педагоги тоже тепло выражали свое соболѣзнованіе. Но рана моя болѣла долго...

Вскорѣ пришло извѣщеніе, подтверждающее мое назначеніе управляющимъ русскими православными церквами въ Западной Европѣ. Вотъ его текстъ:

Его Высокопреосвященству
Преосвященнѣйшему Евлогію
Архіепископу Волынскому и Житомирскому.

Симъ имѣю честь увѣдомить Ваше Высокопреосвященство, что постановленіемъ Высшаго Временнаго Русскаго Управленія Вамъ ввѣрено управленіе всѣми западно-европейскими русскими церквами на правахъ Епархіальнаго Архіерея, включая и церковь съ приходомъ въ Болгарской Софіи и въ Букурештѣ; прочія же русскія церкви на Балканскомъ полуостровѣ и въ Азіи управляются Р. В. Церковнымъ Управленіемъ; все сіе впредь до возстановленія сношеній съ Всероссійскимъ Свят. Патріархомъ.

Предсѣдатель В. Ц. Управленія
Антоній Митр. Кіевскій и Галицкій.

2-15 апр. 1921.
№ 318.
Печать: Высшее Русское Церковное Управленіе.

Назначеніе Ваше состоялось 2 окт. 1920 г. въ Симферополѣ и подтверждено въ началѣ ноября въ Константинополѣ.

Я счелъ нужнымъ оповѣстить о своемъ назначеніи нѣкоторыхъ знакомыхъ мнѣ въ Европѣ священниковъ. Между прочимъ написалъ и о. Іакову Смирнову, настоятелю посольской церкви въ Парижѣ. Въ отвѣтъ получилъ отъ него сдержанное письмо, въ которомъ онъ ссылался на отсутствіе какихъ-бы то ни было указаній отъ своего непосредственнаго начальства относительно моего назначенія. Такого же рода письмо я получилъ отъ о. архимандрита Сергія Дабича, бывшаго настоятеля посольской церкви въ Аѳинахъ. Онъ поссорился съ нашимъ посломъ въ Греціи Демидовымъ, и проживавшій тамъ въ это время Платонъ, желая положить конецъ конфликту, отправилъ его въ Западную Европу на правахъ благочиннаго.

Осторожность о. Іакова Смирнова послужила средствомъ къ утвержденію меня въ правахъ: онъ запросилъ архіепископа Серафима Финляндскаго, не можетъ ли онъ снестись съ Патріархомъ Тихономъ относительно законности моихъ правъ. Въ результатѣ послѣдовалъ указъ Патріарха, подтверждающій мое назначеніе (къ этому указу я своевременно вернусь).

Вскорѣ послѣ этого прибылъ изъ Берлина представитель Высшаго Монархическаго Совѣта Н. Д. Тальбергъ съ приглашеніемъ пріѣхать въ Германію. «Мы облегчимъ всѣ условія для вашего устройства въ Берлинѣ, но только просимъ васъ удалить протоіерея Зноско*), а взять съ собою архимандрита Тихона**), настоятеля посольской церкви въ Болгаріи», сказалъ Тальбергъ и вручилъ мнѣ на организацію управленія 10.000 марокъ.

Я съ радостью вызвалъ архимандрита Тихона. Онъ привезъ съ собой изъ Софіи бумагу — ходатайство русскихъ прихожанъ въ Софіи о назначеніи на его мѣсто Лубненскаго епископа Серафима. Это нѣсколько мои планы мѣняло (я хотѣлъ назначить въ Софію протопресвитера Шавельскаго), но я все же на назначеніе епископа Серафима согласился.

Начались приготовленія къ отъѣзду. Моимъ преемникомъ въ институтѣ я оставлялъ протоіерея Николая Александрова; вмѣстѣ

*) Священникъ изъ военнопленныхъ, который, по приглашенію первыхъ пріѣхавшихъ русскихъ бѣженцевъ, служилъ въ русской посольской церкви на Unter den Linden.

**) Архимандритъ Тихонъ (Лященко), магистръ богословія, бывшій инспекторъ Кіевской Духовной Академіи.

съ нимъ пріѣхалъ Е. І. Вдовенко, по профессіи электротехникъ, но церковный человѣкъ, близко знавшій Патріарха Тихона и московское духовенство, часто вращавшійся въ этой средѣ. Я предложилъ ему быть діакономъ при мнѣ и поѣхать вмѣстѣ со мною въ Европу; онъ согласился. Передъ отъѣздомъ онъ соорудилъ мнѣ митру изъ бальнаго лифа жены генерала Поливанова. Кромѣ митры и старенькой епитрахили, никакого облаченія у меня при выѣздѣ изъ Бѣлой Церкви не было. Разставаніе съ институтомъ было милое, трогательное. Дѣвочки плакали, провожая меня.

Я заѣхалъ въ Карловцы проститься съ владыкой Георгіемъ. Онъ подарилъ мнѣ не новое, но очень красивое архіерейское облаченіе: шитое шелками по парчевому фону. Изъ Карловцевъ я прибылъ въ Бѣлградъ, гдѣ провелъ съ недѣлю, разъѣзжая съ прощальными визитами. Затѣмъ я, архимандритъ Тихонъ и діаконъ Вдовенко направились въ Берлинъ. Я рѣшилъ на пути остановиться въ Вѣнѣ и Прагѣ и осмотрѣть тамъ наши церкви.

Архіепископъ-Митрополитъ православной русской церкви въ Западной Европѣ

(БЕРЛИНЪ 1921—1922)

ГЛАВА XX

Въ Вѣнѣ мы остановились въ отелѣ. Въ столицѣ Австріи въ тѣ дни атмосфера была напряженная, суровая. Нѣтъ продуктовъ въ магазинахъ, скудость во всемъ: кусочки сахару потребляютъ по счету, ломтики хлѣба тоже.

Я разыскалъ Управленіе Краснаго Креста. Его уполномоченный, Шабельскій, направилъ меня въ наше посольство; тамъ находилась наша церковь, она была устроена незадолго до войны и отличалась благолѣпіемъ. Русское посольство состояло подъ охраной нейтральной державы — Испаніи. Къ испанцу, завѣдующему, я и обратился.

Онъ повелъ меня въ церковь. Раскрылись двери... — пахнуло затхлостью. Моимъ глазамъ представилась ужасная картина... Не храмъ, а «мерзость запустѣнія»: стѣны и полъ густо покрыты пылью, ступаешь, какъ по ковру—остаются слѣды ногъ; иконостасъ потускнѣлъ, и не сказать, что новый; въ алтарѣ на престолѣ пыль лежитъ сѣрымъ покрываломъ, паутина свисаетъ лохмотьями... Смотрю... — антиминсъ!! «Это такая святыня, что ее только архіерей или священникъ можетъ хранить, позвольте мнѣ взять ее...» обратился я къ испанцу. «Пожалуйста». Смотрю, — и запасные Св. Дары!! и Св. Мyро... Все брошено, все оставлено... Любезный испанецъ позволилъ мнѣ унести и эти святыни.

Вѣна произвела на меня жуткое впечатлѣніе. Я зналъ, что вся уніато-католическая акція по отношенію къ Россіи ковалась тутъ. Было чувство, что австрійскіе жандармы вотъ-вотъ нагрянутъ и опять потащутъ меня подъ арестъ. Мои документы не очень-то меня ограждали. Я тревожился, не спалъ ночей...

О моемъ пріѣздѣ узналъ кн. Г. Н. Трубецкой, и прибылъ изъ Бадена (подъ Вѣной). Мы вмѣстѣ завтракали въ Управленіи Краснаго Креста. Тутъ возникъ конфликтъ. Г. Н. Трубецкой, въ виду при-

ближенія Пасхи, просилъ оставить архимандрита Тихона въ Вѣнѣ. «Мы истосковались безъ священника, архимандритъ Тихонъ можетъ на второй день Пасхи къ вамъ пріѣхать», убѣждалъ онъ меня. Положеніе мое было трудное: оставить архимандрита Тихона я хотѣлъ, но зналъ, что въ Берлинѣ его ждутъ, а главное, зналъ, что онъ оставаться не хочетъ. Рѣшить этотъ вопросъ я предоставилъ самому архимандриту Тихону. Онъ заявилъ, что уѣдетъ вмѣстѣ со мной.

Встрѣча съ Трубецкимъ мнѣ принесла пользу. Онъ освѣдомилъ меня въ общихъ чертахъ о положеніи эмиграціи въ Европѣ, и я понемногу началъ оріентироваться въ томъ туманѣ неизвѣстности, въ которомъ меня застало новое назначеніе.

Когда мы прибыли въ Прагу, сразу почувствовалась болѣе теплая атмосфера. На вокзалѣ насъ встрѣтилъ представитель нашего посольства В. Т. Рафальскій, пригласившій меня остановиться у него. Архимандритъ Тихонъ и діаконъ Вдовенко устроились въ отелѣ.

До войны въ Прагѣ у насъ была церковь, которую чехи отдали въ наше пользованіе по контракту, — большой, хорошій храмъ св. Николая. Священникъ его былъ протоіерей Николай Рышковъ, энергичный славянскій дѣятель, идейный защитникъ карпаторроссовъ. Во время войны австрійцы посадили его въ тюрьму, какъ шпіона*), храмъ у православныхъ отняли, церковную утварь и иконостасъ унесли — и превратили церковь въ костелъ, отдавъ его группѣ ксендзовъ, которые основали, такъ называемую «Національную Чешскую Церковь». Эта группа католическаго духовенства отвергла целибатъ и зависимость отъ Рима, кренила къ гуситамъ, а іерархически тяготѣла къ православію. Къ сожалѣнію, переговоры ея съ сербской Церковью не наладились, и она основала самостоятельную Церковь. Срокъ нашего контракта на церковь св. Николая еще не истекъ, изрѣдка тамъ служилъ протоіерей Алексѣй Ванекъ, изъ чешскихъ колонистовъ на Волыни, настоятель одной изъ Волынскихъ церквей, вернувшійся на родину; но службы были такъ рѣдки, что, напримѣръ, въ Вербное Воскресеніе Литургіи не было.

Я принялъ мѣры, чтобы возстановить храмъ въ его прежнемъ видѣ. По настоянію Рафальскаго, ходатайствовалъ въ министерствѣ о его возвращеніи, ссылаясь на контрактъ. Тамъ отвѣтили: «столкуйтесь сами съ Чешской Церковью». Чехъ Червинка обѣщалъ намъ помочь изъять священные сосуды изъ склада, а также похлопотать, чтобы вернули отнятый иконостасъ. Приходилось начинать все сначала: собирать, возстанавливать, приводить въ порядокъ.

По совѣту Рафальскаго, я посѣтилъ вмѣстѣ съ нимъ Крамаржа.

---

*) Впослѣдствіи австрійскія власти его освободили, обмѣнявъ на митрополита Шептицкаго, арестованнаго русскими властями.

Этотъ видный чешскій дѣятель былъ женатъ на русской, богатой москвичкѣ Абрикосовой. Въ свое время онъ ѣздилъ въ Россію, посѣщалъ Государственную Думу. Пріемъ у Крамаржа былъ въ Вербное Воскресенье. Роскошное палаццо въ великолѣпномъ паркѣ. Многочисленное общество. Великосвѣтскій стиль. Среди гостей я встрѣтилъ Товарища Предсѣдателя Государственной Думы кн. В. М. Волконскаго.

Крамаржъ особаго сочувствія къ бѣдственному положенію русской Церкви не проявилъ. «Какъ я радъ, что Русская Церковь освободилась отъ государства, это даетъ ей силы обновленія черезъ страданія....» величественно и наставительно сказалъ онъ.

Утромъ въ Великій Вторникъ мы выѣхали въ Берлинъ. Дорогой я обдумывалъ мои первыя впечатлѣнія. Церковныя нужды были явны, положеніе паствы было трудное, организація распалась. Предстояло прежде всего работать надъ укрѣпленіемъ фундамента.

Въ Берлинъ мы прибыли въ тотъ же день поздно вечеромъ. На вокзалѣ насъ встрѣтили представитель нашего дипломатическаго вѣдомства С. Д. Боткинъ, предсѣдатель Монархическаго Совѣта кн. Ширинскій-Шихматовъ и сенаторъ А. В. Бельгардъ, завѣдующій «Александерхеймомъ» — Русскимъ Домомъ въ Тегелѣ (предмѣстье Берлина).

Этотъ Русскій Домъ возникъ до войны благодаря иниціативѣ и энергіи настоятеля нашей посольской церкви въ Берлинѣ, протоіерея о. Алексія Мальцева. Въ Тегелѣ онъ купилъ большое мѣсто, устроилъ тамъ русское кладбище, выстроилъ церковь, а напротивъ, черезъ дорогу, — большой каменный домъ, окруживъ его цвѣтниками и огородомъ. Садоводство приносило доходъ: близость Берлина обезпечивала сбытъ. Еще до войны о. Мальцевъ учредилъ «Владимірское Братство» съ цѣлью оказывать помощь русскимъ людямъ, застрявшимъ за-границей въ тяжкомъ положеніи. Опекаемыя Братствомъ лица могли въ этомъ домѣ найти временный пріютъ, а если они были способны на работу въ огородѣ или въ саду, то и заработокъ, дававшій имъ возможность оплатить проѣздъ на родину. Русская усадьба въ Тегелѣ была наименована «Kaiser Alexander Heim» въ память императора Александра III; послѣ русской революціи «Kaiser» стерли, и она стала называться просто «Alexanderheim». Въ этомъ русскомъ убѣжищѣ была отличная библіотека — множество книгъ по богословію и литературѣ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Протоіерей Мальцевъ любилъ эпоху Наполеона и отвелъ цѣлую залу подъ собраніе гравюръ, картинъ и разныхъ предметовъ, относящихся къ излюбленной эпохѣ. Образовался маленькій музей. Во время войны библіотеку и музей порасхватали, и вообще домъ пострадалъ отъ солдатскаго постоя.

О. Мальцевъ, практическій ярославецъ, былъ прекрасный организаторъ. Не только въ Берлинѣ онъ сумѣлъ наладить церковное дѣло, но настроилъ церкви съ домами и усадьбами и въ германскихъ курортахъ, наиболѣе посѣщаемыхъ русскими: въ Киссингенѣ, Наугеймѣ, Гомбургѣ, Герберсдорфѣ,а также и въ Гамбургѣ.

Протоіерей Мальцевъ былъ человѣкъ большой, незаурядный. Бывшій профессоръ Петербургской Духовной Академіи, умный, высокообразованный, онъ перевелъ на нѣмецкій языкъ почти все наше богослуженіе, его домъ сдѣлался культурнымъ центромъ русскаго православія за-границей и привлекалъ многихъ профессоровъ нашихъ духовныхъ академій, когда имъ случалось проѣзжать черезъ Берлинъ. Онъ издавалъ еженедѣльный церковный журналъ либеральнаго направленія. Личное его вліяніе распространялось широко, даже императоръ Вильгельмъ его зналъ и уважалъ.

Въ этотъ самый «Alexanderheim» насъ и привезли. Сенаторъ Бельгардъ, завѣдующій убѣжищемъ, отвелъ мнѣ три комнаты, хотя общежитіе было переполнено. Тутъ жили и студенты и дамы — много русскихъ, которые нуждались въ поддержкѣ. Бельгардъ и его супруга Софья Петровна помогали соотечественникамъ внѣ узкой политики, смотрѣли на русское убѣжище, какъ на полезное культурное дѣло, съ особымъ вниманіемъ относились они къ русской учащейся молодежи.

Прямо съ вокзала, подъ импровизованный звонъ рельсовыхъ кусковъ, повѣшенныхъ на колокольнѣ вмѣсто колоколовъ, вошелъ я въ храмъ св. Равноапостольныхъ Константина и Елены. Меня молча встрѣтилъ прот. Можаровскій, бывшій мой холмскій священникъ, а потомъ, въ гражданскую войну, служившій въ арміи. Вошелъ я въ благоговѣйномъ волненіи... Первый мой заграничный храмъ! «Мой храмъ», — особое чувство... Опять я епархіальный архіерей, опять слышу «Ис полла эти деспота», — и опять звонъ...

Въ домѣ С. П. Бельгардъ поднесла мнѣ хлѣбъ-соль, и мы провели нѣсколько часовъ за чаемъ въ мирной бесѣдѣ.

На другой день архимандритъ Тихонъ съ діакономъ Вдовенко поѣхали въ нашъ посольскій храмъ на Унтеръ денъ Линденъ, а ко мнѣ пришла какая-то депутація (въ составѣ ея были и дамы) отъ сторонниковъ священника В. Л. Зноско для выясненія его положенія въ случаѣ прибытія архимандрита Тихона. Зноско утвердился въ посольской церкви самочинно, не будучи никѣмъ офиціально туда назначенъ. Служилъ онъ хорошо. Его антибольшевицкая книга, крайне правая по духу, создала ему въ берлинской эмиграціи нѣкоторую популярность. Но у него было и не мало противниковъ. Поводомъ къ нареканіямъ послужили его личная жизнь и личныя свойства, которыя давали основанія неблагопріятно судить о его мо-

ральномъ обликѣ. Отсутствіе богословскаго образованія смущало тоже многихъ.

Одного изъ делегатовъ изъ состава прибывшей ко мнѣ делегаціи, — безпокойнаго, нервнаго старичка Жилинскаго, — я помнилъ по Женевѣ: мнѣ разсказывали, что онъ доставилъ тамъ приходу много непріятностей. Я сказалъ делегатамъ, что привезъ новаго настоятеля. «А что-же будетъ съ о. Зноско?» послѣдовалъ вопросъ. «О. Зноско будетъ служить въ Тегелѣ». Мое заявленіе не понравилось, почувствовалось, что начнутся тренія.

Въ Великій Четвергъ я впервые служилъ въ нашей посольской церкви. Церковь имени св. Владиміра, небольшая, хорошая. Обстановка сохранилась послѣ о. Мальцева въ цѣлости, облаченія тоже.

Я пріѣхалъ изъ Тегеля на трамваѣ (ѣзды минутъ 40) и былъ встрѣченъ при входѣ въ храмъ о. Зноско съ крестомъ. Встрѣча была тягостная: о. Зноско блѣдный, руки дрожатъ и ни слова привѣтствія... Тутъ же архимандритъ Тихонъ и діаконъ Баротинскій и другой діаконъ — Адамантовъ, пріѣхавшій изъ Висбадена для посвященія въ іереи. Народу собралась полная церковь, много аристократіи, помѣщиковъ, высшихъ представителей нашей бюрократіи и военноплѣнныхъ изъ лагерей. Я служилъ съ подъемомъ, сказалъ горячую рѣчь. Настроеніе создалось хорошее, свѣтлое...

Послѣ службы я поѣхалъ на завтракъ къ Боткину. Тутъ я обсудилъ, у кого мнѣ надо побывать съ визитомъ. Мнѣ сказали, что сторонники о. Зноско группируются вокругъ кн. О. В. Лопухиной-Демидовой (тетки покойнаго П. А. Столыпина). Эта богатая кіевская помѣщица играла въ Берлинѣ въ тѣ дни большую роль. Держалась она съ гоноромъ не только по отношенію къ соотечественникамъ, но и по отношенію къ новымъ демократическимъ германскимъ властямъ. На поклонъ къ ней пріѣзжали германскіе чиновники, польщенные, что могутъ побывать на ея великосвѣтскихъ пріемахъ. Когда у нея заболѣла собачка, она обратилась въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ съ заявленіемъ, что ей нуженъ ветеринаръ... Въ министерствѣ недоумѣвали, пожимали плечами «странно-странно...» — но ветеринара все-же послали. Въ окруженіи ея оказался и Жилинскій, его и о. Зноско она взяла подъ свое покровительство. У этой важной особы я потомъ побывалъ съ визитомъ; ей польстило, что я пріѣхалъ къ ней, къ первой.

Второй визитъ былъ къ кн. Ширинскому-Шихматову. Онъ встрѣтилъ меня въ русской поддевкѣ и высокихъ сапогахъ, подчеркивая этимъ красивымъ народнымъ нарядомъ свою преданность родной старинѣ и ея быту.

Непріятное объясненіе съ о. Зноско состоялось въ Страстной Четвергъ послѣ «12 Евангелій». Такіе дни! А между тѣмъ объяс-

ниться было необходимо. Сторонники архимандрита Тихона и онъ самъ торопили меня со скорѣйшимъ изданіемъ указа о его назначеніи. При посольской церкви, кромѣ помѣщенія о. настоятеля, была еще комната для пріѣзжающихъ, тамъ можно было отдыхать до и послѣ службы. По окончаніи «12 Евангелій» я пошелъ туда выпить чаю. За чаемъ сказалъ о. Зноско о назначеніи его въ Тегель. «За что такая кара?» спросилъ онъ. — «Это не кара, не увольненіе, а назначеніе», отвѣтилъ я, тѣмъ самымъ подчеркивая неправомочное его положеніе въ посольской церкви. Этимъ объясненіе и кончилось. Теперь оставалось лишь прислать ему офиціальную бумагу о назначеніи. Тутъ возникло осложненіе. Канцеляріи у меня еще не было, книгъ для входящихъ и исходящихъ бумагъ тоже. Я хотѣлъ отложить это дѣло, хотя бы до второго дня Пасхи, но конфликтъ съ о. Зноско такъ въ эмиграціи обострился, что я счелъ нужнымъ принять во вниманіе уговоры сенатора Бельгарда и архимандрита Тихона. Бумага была отослана.

Въ Страстную Пятницу я служилъ Царскіе Часы въ Тегелѣ вмѣстѣ съ архимандритомъ Тихономъ, а въ 2 часа Выносъ Плащаницы — въ посольской церкви, предоставивъ сказать «слово» передъ Плащаницей новому настоятелю. Зноско эту службу служилъ въ Тегелѣ.

Въ Великую Субботу во время Литургіи (въ Тегелевскомъ храмѣ) я рукоположилъ въ іереи діакона Адамантова. Это первое мое рукоположеніе въ Западной Европѣ. Въ это время священникъ В. Зноско служилъ въ посольской церкви и сказалъ возмутительную агитаціонную проповѣдь: плакалъ, жаловался, аппелировалъ къ народу, въ своихъ сторонникахъ подогрѣвалъ настроеніе.

Пасхальную заутреню я служилъ въ посольской церкви. Когда ѣхалъ изъ Тегеля въ Берлинъ, испортился трамвай, былъ уже 11-ый часъ, я волновался, боялся опоздать; не зная нѣмецкаго языка, не могъ разспросить, долго ли простоимъ; наконецъ кое-какъ добрался. Храмъ и дворъ были полны народу, много солдатъ — военноплѣнныхъ. Заутреня прошла съ подъемомъ. Я долго христосовался съ молящимися. Пасха пришлась на 1-ое мая по новому стилю. Куда послѣ обѣдни дѣваться въ 4-5 часовъ утра? Меня на автомобилѣ увезла разговляться къ себѣ семья Безакъ. Елена Николаевна Безакъ, свѣтская, чистая женщина, по натурѣ рѣдко цѣльная, экспансивная, была радушной гостепріимной хозяйкой. Безакъ жили въ Берлинѣ хорошо, широко. Я оставался у нихъ до вечерни, которую поѣхалъ служить въ Тегель.

Понемногу жизнь стала налаживаться. О. Зноско покинулъ посольскую церковь, но отдалъ ключи не сразу, а послѣ затяжныхъ переговоровъ, вернуть же бумаги не согласился. Я былъ вынуж-

день формально ихъ затребовать и начать разслѣдованіе о противленіи архіерейской власти.

На очереди стояла теперь организація Епархіальнаго Управленія. Церковный староста Берлинской церкви вручилъ мнѣ 1.000 марокъ; это было все, что церковь могла мнѣ удѣлить. Я сталъ собирать членовъ Управленія. Кромѣ меня и архимандрита Тихона, въ него вошли міряне: сенаторъ Бельгардъ, сенаторъ Нейдгардъ (казначей), а молодого юриста Дерюгина я пригласилъ для исполненія обязанности секретаря. Всѣ дѣятели Епархіальнаго Управленія получали минимальное вознагражденіе, по мѣрѣ накопленія очень скромныхъ епархіальныхъ средствъ.

Въ тѣ дни въ Берлинѣ наибольшую общественную активность проявляли эмигранты-монархисты, и мнѣ поневолѣ пришлось жить въ монархической орбитѣ. Въ этой средѣ шла энергичная подготовка къ монархическому Съѣзду въ Рейхенгалѣ. На одномъ собраніи, на которомъ былъ поднятъ вопросъ о положеніи Церкви въ возстановленной Россіи, я побывалъ, но сразу увидалъ, что ничего новаго, творческаго въ постановкѣ вопроса нѣтъ. Собраніе сбивалось на старый ладъ, доходило до крайнихъ утвержденій, — напримѣръ, высказывались сужденія, что постановленія Всероссійскаго Церковнаго Собора не имѣютъ силы, потому что не подтверждены императоромъ... Меня пригласили на Рейхенгальскій Съѣздъ и просили передъ открытіемъ его отслужить молебенъ и преподать благословеніе.

На Рейхенгальскій Съѣздъ, уже послѣ открытія засѣданій, прибылъ митрополитъ Антоній. Онъ сказалъ прочувственное привѣтствіе, прослезился, упомянувъ строчки изъ Лермонтовскаго «Бородина»:

«Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать...»

Меня просили организовать церковную комиссію. Я организовалъ ее, но работа въ комиссіи меня не удовлетворяла: замѣтенъ былъ прежній бюрократическій уклонъ къ подчиненію Церкви государству. Предсѣдатель Крупенскій не хотѣлъ, чтобы я выступилъ съ докладомъ, яко-бы по недостатку времени, а можетъ быть потому, что не придавалъ моему докладу важнаго значенія, или не считалъ его совпадающимъ съ основной политической линіей Съѣзда. Не дожидаясь окончанія засѣданій, я уѣхалъ на освященіе новой церкви въ Брюкенау (близъ Киссингена).

Эта церковь возникла благодаря стараніямъ баронессы Маріи Александровны Будбергъ. Мужъ ея былъ русскимъ представителемъ

при Баварскомъ дворѣ. Богатый человѣкъ, онъ обзавелся большимъ помѣстьемъ въ Брюкенау и пользовался популярностью среди мѣстнаго населенія. Когда онъ задумалъ устроить тамъ православную церковь, мѣстныя власти отвели для нея въ рутушѣ свободное помѣщеніе. Послѣ революціи благоволеніе кончилось, и было велѣно церковь изъ ратуши убрать. Баронъ Будбергъ умеръ, вдова его, набожная православная женщина, осталась въ своемъ помѣстьѣ, а когда поднялся вопросъ о ликвидаціи церкви, перевезла все церковное имущество къ себѣ въ павильонъ усадьбы. Узнавъ, что я поблизости, въ Рейхенгалѣ, она обратилась ко мнѣ съ просьбой освятить новый храмъ. На освященіе со мною поѣхалъ сенаторъ Бельгардъ, и я взялъ съ собою бывшаго секретаря нашего посольства въ Брюсселѣ Н. А. Бера, который въ то время уже приближался къ священству и былъ посвященъ въ стихарь, и іеродіакона Ѳеодосія, котораго привезъ съ собою въ Рейхенгаль митрополитъ Антоній.

Изъ Брюкенау я заѣхалъ въ Киссингенъ, осмотрѣлъ тамъ нашъ прекрасный курортный храмъ преподобнаго Сергія и отслужилъ молебенъ. Все имущество церковное: сосуды, облаченія, книги... сохранились въ цѣлости въ мѣстномъ городскомъ сейфѣ, и я имѣлъ возможность ихъ осмотрѣть.

Отсюда мы уѣхали въ Берлинъ, куда вскорѣ прибылъ и митрополитъ Антоній. Высшій Монархическій Совѣтъ избралъ его почетнымъ предсѣдателемъ, а меня — его замѣстителемъ. Я рукоположилъ Бера въ діаконы, а митрополитъ Антоній, который прожилъ въ Берлинѣ съ недѣлю, рукоположилъ его въ іереи. Тегельскій приходъ пустовалъ (о. Зноско отказался быть его настоятелемъ), и я назначилъ туда о. Бера, одновременно сдѣлавъ его членомъ Епархіальнаго Управленія.

Вскорѣ по возвращеніи въ Берлинъ, я получилъ письмо, которое меня и тронуло и удивило: — отъ профессора богословія Фрейбургскаго университета герцога Максимиліана Баденскаго. По вѣроисповѣданію католикъ, онъ въ богословскихъ своихъ трудахъ разрабатывалъ проблему соединенія церквей, былъ послѣдователь знаменитаго Загребскаго епископа Штросмайера, оказавшаго огромное вліяніе на В. Соловьева. Свѣтлый умъ, великодушное сердце.. Въ моемъ лицѣ онъ выражалъ горячее сочувствіе русской Церкви и русскому народу въ годину страшныхъ бѣдствій (въ 1921 году голодъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ, до случаевъ людоѣдства) и извѣщалъ меня, что присылаетъ мнѣ сумму денегъ на сѣмена, которыя желательно было бы препроводить на имя Патріарха (либо деньгами, либо натурой) для распредѣленія ихъ, по его усмотрѣнію, среди нуждающихся. Я купилъ вагонъ пшеницы, нѣмецкій Красный Крестъ взялся его доставить въ распоряженіе Патріарха; вскорѣ Патріархъ былъ

арестованъ, и лично отъ него я не могъ получить извѣщенія о доставкѣ сѣмянъ, но мнѣ кружнымъ путемъ удалось узнать, что пшеница до крестьянъ Саратовской губ. дошла.

Приблизительно въ это же время (въ маѣ-іюнѣ 1921 г.) я получилъ пакетъ отъ Петроградскаго митрополита Веніамина*) со слѣдующими важными бумагами: 1) основной, важнѣйшій документъ — указъ Патріарха Тихона на мое имя объ утвержденіи меня въ должности архіерея, управляющаго Русской Церковью въ Западной Европѣ; 2) копія этого указа, адресованная на имя Финляндскаго архіепископа Серафима и 3) собственноручное письмо митрополита Веніамина — мнѣ.

Привожу текстъ этихъ документовъ.

1) Преосвященному Евлогію, Архіепископу
Волынскому и Житомирскому.

По благословенію Святѣйшаго Патріарха, Священный Синодъ и Высшій Церковный Совѣтъ, въ соединенномъ присутствіи, слушали: письмо Преосвященнаго Финляндскаго, отъ 5 марта сего года, по ходатайству настоятеля церкви при Россійскомъ Посольствѣ въ Парижѣ протоіерея Іакова Смирнова о преподаніи указанія по поводу постановленія Высшаго Русскаго Церковнаго Управленія за-границей о назначеніи Вашего Преосвященства управляющимъ, на правахъ епархіальнаго архіерея, всѣми заграничными русскими церквами въ Западной Европѣ.

Постановлено: Въ виду состоявшагося постановленія Высшаго Русскаго Церковнаго Управленія за-границей, считать православныя русскія церкви въ Западной Европѣ находящимися временно, впредь до возобновленія правильныхъ и безпрепятственныхъ сношеній означенныхъ церквей съ Петроградомъ, подъ управленіемъ Вашего Преосвященства, и имя Ваше должно возноситься за богослуженіемъ въ названныхъ храмахъ, взамѣнъ имени Преосвященнаго Митрополита Петроградскаго, о чемъ и увѣдомить Преосвященнаго Митрополита Петроградскаго, Ваше Преосвященство и Архіепископа Финляндскаго. 26 марта — 8 апрѣля 1921 г. № 423.

Членъ Священнаго Синода М. Евсевій.
Дѣлопроизводитель Самуиловъ.

---

*) Вскорѣ митрополитъ Веніаминъ былъ преданъ суду и разстрѣлянъ большевиками.

2) Преосвященному Серафиму, Архіепископу Финляндскому и Выборгскому.

По благословенію Святѣйшаго Патріарха, Священный Синодъ и Высшій Церковный Совѣтъ, въ соединенномъ присутствіи, слушали: письмо Вашего Преосвященства, отъ 5 марта сего года, по ходатайству настоятеля церкви при Россійскомъ посольствѣ въ Парижѣ протоіерея Іакова Смирнова о преподаніи указаній по поводу постановленія Высшаго Русскаго Церковнаго Управленія за-границей о назначеніи Преосвященнаго Волынскаго Евлогія управляющимъ, на правахъ епархіальнаго архіерея, всѣми заграничными русскими церквами въ Западной Европѣ.

ПОСТАНОВИЛИ: Въ виду состоявшагося постановленія Высшаго Церковнаго Управленія за-границей, считать православныя русскія церкви въ Западной Европѣ находящимися временно, впредь до возобновленія правильныхъ и безпрепятственныхъ сношеній означенныхъ церквей съ Петроградомъ, подъ управленіемъ Преосвященнаго Волынскаго Евлогія, имя котораго и должно возноситься за богослуженіемъ въ названныхъ храмахъ, взамѣнъ имени Преосвященнаго Митрополита Петроградскаго, о чемъ и умѣдомить Ваше Преосвященство.

Марта 26 дня 1921 года, № 424.
Апрѣля 8.

Членъ Священнаго Синода М. Евсевій.
Дѣлопроизводитель Нумеровъ.

3) В. П. И.
Митрополитъ
Петроградскій и Гдовскій
8/21 іюня 1921 г.
Петроградъ.

Ваше Высокопреосвященство
Досточтимѣйшій
Владыка

Съ своей стороны я даю полное согласіе, чтобы въ это время, когда почти нѣтъ сношеній съ заграничными церквами, Вы завѣдывали ими, тѣмъ болѣе, что это временное завѣдываніе Вашимъ Высокопреосвященствомъ указанными церквами признано и подтверждено и Свят. Патріархомъ.

Душа моя болѣла за эти церкви, но помочь имъ было невозможно.

Вашего Высокопреосвященства покорный послушникъ
Веніаминъ, Митрополитъ Петроградскій.

Разумѣется, эти документы совершенно укрѣпили мое каноническое положеніе; источникомъ своихъ церковныхъ полномочій я имѣлъ уже не Временное Заграничное Церковное Управленіе, а высшую власть русской Церкви.

Постепенно я вошелъ въ работу и сталъ расширять сферу моей архіерейской дѣятельности. Прежде всего я обратилъ вниманіе на германскіе лагери*), гдѣ находилось еще много нашихъ солдатъ, офицеровъ, сестеръ милосердія, священниковъ...

Я началъ посѣщеніе ихъ съ лагеря Вюнсдорфъ (неподалеку отъ Берлина), тамъ находилось нѣсколько сотъ русскихъ. Меня пригласили туда на Пасхальной недѣлѣ. Русскіе въ лагеряхъ имѣли своихъ священниковъ и всюду устрояли своими руками маленькія, убогія, но трогательныя церковки. Въ Вюнсдорфѣ священникомъ былъ о. Владиміръ Лотоцкій, бойкій молодой человѣкъ, но не совсѣмъ примѣрный пастырь, въ плѣну довольно распустившійся. Мой пріѣздъ, архіерейское служеніе въ переполненной народомъ бѣдной церковкѣ, до слезъ трогательная наша встрѣча... — были великой взаимной радостью. Я обошелъ бараки лагеря. Какое убожество! Стѣны и полы въ щеляхъ, отовсюду дуетъ, неприглядная обстановка.... Я поговорилъ съ измученными, изстрадавшимися соотечественниками**), утѣшалъ ихъ, слова лились непроизвольно.. Наши встрѣча и бесѣда были обоюднымъ утѣшеніемъ. Начальство лагеря, важные нѣмецкіе командиры, по отношенію ко мнѣ были вѣжливы, снимались вмѣстѣ съ нами на фотографіяхъ и всячески старались выказать свое благоволеніе.

Потомъ я посѣтилъ другой лагерь — Кведлинбургъ. И тутъ тоже церковка, бѣдная, убогая, съ бумажными иконками, съ колоколомъ изъ кусочковъ рельсъ. Зато староста, капитанъ Малининъ, съ такой заботливостью относился къ ея благоустройству, что можно поистинѣ сказать, что онъ отдавалъ храму всю душу. Во главѣ прихода стоялъ протоіерей Шафрановскій. Бараки не лучше, чѣмъ въ Вюнсдорфѣ: жалкія койки, соломенные тюфяки, неблагоустроенное помѣщеніе... Въ прачешной работали русскія женщины, родственницы заключенныхъ въ лагерѣ. Завѣдывала ею жена одного дивизіон-

---

*) Въ этихъ лагеряхъ были собраны расформированныя части добровольческой арміи ген. Бермонтъ-Авалова, отступившей изъ Прибалтики, и добровольческихъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ въ Латвіи. Проживало здѣсь также нѣкоторое количество бѣженцевъ и родственниковъ интернированныхъ лицъ. Обитатели этихъ лагерей военноплѣнными не были, а потому пользовались личной свободой; получивъ возможность куда-нибудь уѣхать или устроиться на работу, они покидали лагерь.

**) Здѣсь я впервые встрѣтилъ Николая Петровича Афонскаго, нынѣ регента хора каѳедральнаго храма въ Парижѣ.

наго командира. «Была когда-то барыней, прачки у меня стирали, а теперь я научилась и сама стираю не хуже», просто сказала она.

Та же обстановка и въ лагерѣ Целлэ. Настоятелемъ лагерной церкви былъ протоіерей о. Николай Подосеновъ, съ академическимъ образованіемъ; онъ имѣлъ большую семью, ходилъ въ какомъ-то жалкомъ бѣломъ пиджачкѣ, часто пріѣзжалъ въ Берлинъ, гдѣ добрые люди ему помогали.

Послѣ объѣзда лагерей я устремилъ свое вниманіе на Парижъ. Б. А. Татищевъ, староста парижской церкви, прислалъ мнѣ ласковое привѣтствіе съ просьбой посѣтить парижскій приходъ. Я сталъ готовиться къ отъѣзду. Облаченіе у меня было, а мантіи не было. Тутъ подвернулся счастливый случай. Пріѣхалъ изъ Висбадена священникъ о. Адамантовъ и показываетъ пожертвованное какой-то дамой бархатное платье. Діаконъ Вдовенко осмотрѣлъ его и далъ свое заключеніе: «выйдетъ отличная мантія». Въ Парижъ я поѣхалъ уже съ мантіей.

Я прибылъ во французскую столицу за три дня до праздника св. Александра Невскаго (30 августа). На вокзалѣ меня встрѣтили М. А. Маклакова, о. Іаковъ Смирновъ, о. Николай Сахаровъ, Т. А. Аметистовъ и отвезли на рю Дарю, гдѣ въ квартирѣ настоятеля о. Іакова Смирнова мнѣ было приготовлено помѣщеніе.

Первое богослуженіе въ Парижской церкви не произвело на меня впечатлѣнія благолѣпія. Многое было примитивно, даже убого. Приходскій Совѣтъ во главѣ съ гр. В. Н. Коковцевымъ и А. Ф. Треповымъ устроилъ мнѣ встрѣчу. Я сказалъ привѣтственное «слово».

Я познакомился съ причтомъ, съ Приходскимъ Совѣтомъ, замѣтилъ нелады среди его членовъ, отсутствіе дисциплины, увидалъ бунтарское настроеніе одного изъ псаломщиковъ (Леоновича).

На другой день по моемъ пріѣздѣ, пришелъ ко мнѣ однорукій протоіерей Соколовскій съ крестомъ на Георгіевской лентѣ; эту боевую награду онъ получилъ за то, что ходилъ въ атаку на нѣмцевъ съ бомбою и въ этомъ бою потерялъ руку. О. Соколовскій обратился ко мнѣ съ жалобами на невниманіе къ нему, герою войны, Приходскаго Совѣта, который не соглашается провести его въ штатные священники при Александро-Невской церкви, тогда какъ бывшій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Сазоновъ этого желаетъ... Рѣзкій, вызывающій тонъ его рѣчи, острый взглядъ глазъ заставили меня быть осторожнымъ: я отвѣчалъ уклончиво. Онъ возилъ меня къ нѣкоему Брянчанинову на какое-то собраніе приходской оппозиціи, гдѣ дебатировались церковные вопросы въ духѣ Всероссійскаго Церковнаго Собора и клеймился старый, затхлый духъ, который, якобы, характеризуетъ приходскую жизнь парижской церкви. Потомъ

я понялъ, что священникъ Соколовскій хотѣлъ меня поссорить съ Приходскимъ Совѣтомъ и причтомъ, которыхъ онъ вооружалъ противъ себя своимъ желчнымъ характеромъ и неосновательными претензіями.

Въ Парижѣ я пробылъ около двухъ недѣль. Городъ поразилъ меня богатствомъ, изобиліемъ продуктовъ (бѣлый хлѣбъ!), потребленіемъ ихъ безъ всякаго учета. Въ Берлинѣ мы привыкли къ крайней экономіи во всемъ.

Къ празднику Воздвиженія Креста (14-го сентября) я пріѣхалъ въ Лондонъ. Меня сопровождали протодіаконъ о. Н. Тихомировъ и діаконъ о. Вдовенко. По прибытіи въ Лондонъ, о. Вдовенко спохватился, что забыли захватить мою мантію. Пришлось телеграфировать, и на другой день мантія прилетѣла на аэропланѣ. Я остановился у бывшаго нашего морского агента Волкова и его супруги Вѣры Николаевны; они привезли меня къ себѣ домой прямо съ вокзала.

Въ Лондонѣ меня ожидали тяжелыя впечатлѣнія. Настоятель посольской церкви, престарѣлый протоіерей Евгеній Смирновъ, революціи не испыталъ, привыкъ имѣть дѣло съ важными, знатными людьми, служить посламъ, въ домашнемъ укладѣ придерживался великосвѣтскаго тона и, гордый и надменный по натурѣ, не могъ разобраться въ психологіи эмигрантской массы, нахлынувшей въ Лондонъ (главнымъ образомъ съ сѣвернаго, «бѣлаго», фронта), не понималъ ея и только раздражался.

Посольскій храмъ находился при домѣ настоятеля. Раньше тамъ покойниковъ не отпѣвали, потому что матушка о. Смирнова не выносила ихъ присутствія въ томъ же зданіи (покойниковъ отпѣвали на кладбищѣ), теперь приходилось о такихъ порядкахъ забыть, все измѣнилось. Къ о. Смирнову приставали люди съ новыми, съ его точки зрѣнія недопустимыми, требованіями. Онъ былъ въ ужасѣ. «Демократія! Большевики какіе-то наѣхали! Хотятъ командовать! Это же власть толпы...» возмущался онъ. Эмигранты группировались вокругъ своего «батюшки» о. Лелюхина, котораго они привезли съ собою и отдавали ему предпочтеніе. Это тоже былъ поводъ къ неудовольствію о. Смирнова. А между тѣмъ провести о. Лелюхина во вторые священники при посольской церкви было необходимо. О. настоятель отправился съ жалобой въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Возмущеніе и страданіе его были искреннія: онъ не понималъ, что въ Россіи произошло, и что русскіе люди испытали... На засѣданіяхъ Приходскаго Совѣта онъ горячо спорилъ, возражалъ, а ему кричали: «вы наемникъ! вы не учитываете постановленій Всероссійскаго Церковнаго Собора!.. — словомъ, атмосфера вокругъ лондонской церкви сгустилась, и было ясно, что старцу-настоятелю съ новой церковной общественностью не совладать. Старые и новые взгля-

ды противостояли другъ другу непримиримо. О. Смирновъ, непривыкшій считаться съ какими бы то ни было заявленіями псаломщиковъ, теперь былъ вынужденъ выслушивать заявленія и требованія какихъ-то пришлыхъ русскихъ людей, столь не похожихъ на его прежнихъ, чопорныхъ, благовоспитанныхъ прихожанъ. Я пытался его уговаривать: «будьте снисходительны, приласкайте ихъ...» Но о. Евгенія переубѣдить было трудно. Бѣдный старикъ не выдержалъ этого натиска новыхъ людей, скоро захирѣлъ и скончался.

Въ общемъ лондонскій приходъ оставилъ впечатлѣніе какого-то тяжелаго кризиса: новая жизнь врывалась бурно и безпорядочно.

Послѣ недѣльнаго пребыванія въ Лондонѣ я направился черезъ Парижъ въ Ниццу.

Въ Ниццѣ другая картина. Большой, чудный соборъ въ русскомъ стилѣ, съ прекрасными колоколами. Служилъ въ немъ полуслѣпой старичокъ-священникъ о. Александръ Селивановъ, необразованный, изъ діаконовъ. Староста кн. Волконскій просилъ меня утвердить этого бѣднаго старичка настоятелемъ. Экономической базой прихода завѣдывалъ членъ Приходскаго Совѣта Андрей Степановичъ Чудиновъ, богатый, щедрый благотворитель, который въ одну изъ первыхъ нашихъ встрѣчъ вручилъ мнѣ большую сумму на бѣдныхъ.

Въ Ниццѣ скопилась въ тѣ дни активная политическая группа эмиграціи, возглавляемая вел. кн. Кирилломъ Владиміровичемъ. Къ этой группѣ примыкали и нѣкоторые другіе его родственники, а изъ духовенства старался играть роль бывшій настоятель посольской церкви въ Аѳинахъ, архимандритъ Сергій Дабичъ. Онъ жилъ въ отелѣ на широкую ногу, устраивалъ пріемы, на которыхъ бывали и великіе князья. Настроенія въ мѣстной эмиграціи царили чисто политическія, атмосфера была сгущенная, монархическая, реставраціонныхъ вожделѣній на скрывали. О большевикахъ говорили, какъ о временномъ прерывѣ монархическаго строя, а затѣмъ наступитъ старая привольная жизнь...

На Ривьерѣ мнѣ предстояло осмотрѣть еще двѣ церкви: въ Каннахъ и въ Ментонѣ.

Въ Каннахъ у насъ не большая, но красивая церковь. Настоятелемъ ея долгіе годы былъ протоіерей Григорій Остроумовъ. Онъ привыкъ смотрѣть на свой приходъ, какъ на вотчину или на помѣстье, которое отдано ему въ полное и даже наслѣдственное владѣніе. Съ первой же встрѣчи я почувствовалъ настороженность — не посягну ли я на его «владѣніе». «Вы не обидите... я и дѣти должны здѣсь доживать свой вѣкъ». Однако, дѣти его прямого отношенія къ

церкви уже не имѣли: сыновья совсѣмъ офранцузились и отъ церкви отошли, а зять его, діаконъ, женатый на его дочери, задѣлался таксистомъ и даже на мою встрѣчу не явился.

О. Остроумовъ сказалъ мнѣ, что вел. кн. Николай Николаевичъ проживаетъ въ Антибахъ, неподалеку отъ Каннъ: «Не забудьте нашего великаго человѣка, окажите ему честь...» Я рѣшилъ съѣздить къ бывшему Верховному Главнокомандующему. Оба брата, Николай Николаевичъ и Петръ Николаевичъ, жили вмѣстѣ, рядомъ, въ двухъ виллахъ. Я былъ приглашенъ къ завтраку. Изъ нашей бесѣды выяснилось, что въ Антибахъ къ монархическимъ притязаніямъ великаго князя Кирилла Владиміровича относились враждебно, считали, что онъ законныхъ правъ на престолъ не имѣетъ и приводили доказательства.

Послѣ завтрака я посѣтилъ художественную мастерскую вел. кн. Петра Николаевича. Простой, смиренный человѣкъ, Петръ Николаевичъ отдавалъ всѣ свои досуги искусству и, мечтая о реставраціи женскаго монастыря въ Кіевѣ, основаннаго его матерью, подготовлялъ соотвѣтствующіе художественные образцы.

Потомъ я проѣхалъ въ Ментону. Здѣсь у насъ маленькая, но прекрасная церковь во имя Скорбящей Божіей Матери, просторный домъ (построенный когда-то для туберкулезныхъ) и вилла «Innominata», гдѣ жилъ священникъ. Настоятель Ментонской церкви протоіерей Н. Аквилоновъ, застигнутый революціей, остался въ Россіи, и теперь въ приходѣ шла борьба двухъ священниковъ, участниковъ Великой войны на французскомъ фронтѣ: кому изъ нихъ быть настоятелемъ? Прихожане раскололись; одни стояли за о. Н. Цвѣтаева, другіе — за о. Д. Барсова. Я назначилъ священника Барсова въ Баденъ подъ Вѣной, а о. Цвѣтаева оставилъ въ Ментонѣ, тѣмъ самымъ конфликтъ былъ улаженъ. Однако, были и другія тренія — шли раздоры въ Братствѣ св. Анастасіи. Покровительницей его была вел. кн. Анастасія Николаевна, но она отъ Братства отошла и передала предсѣдательскія функціи своему секретарю Палтову, не состоявшему даже членомъ Братства. Это было грубымъ нарушеніемъ устава, — отсюда раздоръ. Въ это время въ Ниццѣ проживалъ маститый старецъ, протоіерей Сергій Протопоповъ, бывшій настоятель церкви въ Висбаденѣ. Этотъ священникъ, прекрасной души, былъ одаренъ композиторскимъ талантомъ и написалъ Литургію. Въ молодости онъ былъ настоятелемъ ниццской церкви; ему какъ старому члену Братства я поручилъ созвать общее собраніе Ментонскаго Братства, провести это собраніе подъ своимъ предсѣдательствомъ и возстановить дѣятельность этой организаціи. Однако, Палтовъ постановленій собранія не призналъ; затѣялся судебный процессъ не окон-

ченный и до сего дня; Братство попало подъ секвестръ французскихъ властей*).

Объѣхавъ Ривьеру, я направился черезъ Парижъ въ Висбаденъ.

Златоглавый Висбаденскій соборъ, — достопримѣчательность, о которой даже упоминается въ путеводителѣ Бедекера. Кромѣ собора, есть еще другая небольшая церковь, домъ, лѣсъ и кладбище, — словомъ, большое церковное имущество.

Въ Висбаденскомъ приходѣ раздоровъ я не нашелъ, но приходъ былъ совсѣмъ мертвый. Настоятель о. Адамантовъ объ оживленіи приходской жизни особыхъ заботъ не проявлялъ. За всенощной, на которой я присутствовалъ, храмъ былъ почти пустой — три-четыре молящихся. Псаломщика нѣтъ, священникъ о. Адамантовъ и за діакона и за псаломщика (если не считать любителя Ю. Н. Маклакова, подтягивавшаго на клиросѣ).

Я принялъ кое-какія мѣры, чтобы оживить приходъ.

Въ Берлинъ я вернулся къ 22 октября, къ празднику Казанской иконы Божіей Матери. Погода стояла уже осенняя, холодная. Дорогой діаконъ Вдовенко схватилъ воспаленіе легкихъ и тяжко проболѣлъ до Рождества.

Объѣздъ приходовъ обнаружилъ большое разстройство церковно-приходской жизни во всѣхъ мною посѣщенныхъ приходахъ, но особенно тяжелое впечатлѣніе оставили Ментона и Висбаденъ.

По возвращеніи въ Берлинъ я получилъ письмо отъ Патріарха Тихона: онъ предлагалъ мнѣ отправиться въ Америку для ревизіи Сѣверо-Американской епархіи. Ея глава, епископъ Александръ, такъ запутался въ финансовыхъ операціяхъ съ церковнымъ имуществомъ, что паства заволновалась, запротестовала...

Передъ революціей Сѣверо-Американской епархіей управлялъ епископъ Евдокимъ. Личная его жизнь давала поводъ къ обоснованнымъ нареканіямъ, и епископъ Евдокимъ воспользовался благовиднымъ предлогомъ — необходимостью присутствовать на Всероссійскомъ Церковномъ Соборѣ — покинулъ Америку съ тѣмъ, чтобы больше туда не возвращаться... Епископа Евдокима замѣнилъ епископъ Александръ Канадскій (Немоловскій). Послѣ революціи финансовое положеніе Сѣверо-Американской епархіи стало критическимъ. Субсидіи, которыя раньше отпускалъ Св. Синодъ, прекратились, отсутствіе матеріальной поддержки казалось затрудненіемъ временнымъ, мысль о какихъ-нибудь практическихъ путяхъ для самостоя-

*) Эти свѣдѣнія относятся къ до-военному времени. Во время войны были разрушены бомбардировкой итальянцевъ и церковь, и домъ, и вилла «Innominata».

тельнаго добыванія средствъ еще не созрѣла, — и епископъ Александръ, въ хозяйственныхъ дѣлахъ человѣкъ неопытный, послушался какихъ-то совѣтчиковъ и заложилъ наши церкви, до собора въ Нью-Іоркѣ включительно. Это обезпечило на время оплату духовенства, но когда наступили сроки платежей по закладнымъ, платить было нечѣмъ. Поднялись протесты, возникли серьезныя тренія съ карпатороссами, — словомъ, положеніе создалось запутанное и тревожное. Митрополитъ Платонъ проживалъ тогда въ Америкѣ, какъ гость, и въ разрѣшеніи конфликта принять участія не могъ. Распутывать путаницу предстояло мнѣ. Предсѣдатель Русскаго Православнаго Общества взаимопомощи въ Америкѣ прот. І. Коханикъ прислалъ мнѣ денегъ на дорогу. Я написалъ митрополиту Платону и епископу Александру о письмѣ Патріарха съ предложеніемъ ревизовать Сѣверо-Американскую епархію. Въ отвѣтъ отъ обоихъ — увѣренія, что мой пріѣздъ излишенъ. «Ради Бога не пріѣзжайте, для ревизіи не стоитъ пріѣзжать... Если бы вы деньги привезли, — ну, тогда другое дѣло....» писалъ митрополитъ Платонъ; а епископъ Александръ энергично заявлялъ, что мой пріѣздъ безцѣленъ: «къ какому бы заключенію ревизія ни пришла, я все равно останусь, у меня много сторонниковъ....» На основаніи этихъ писемъ я написалъ Патріарху, что, при такихъ обстоятельствахъ, возложеннаго на меня порученія выполнить не могу и предложилъ поручить ревизію митрополиту Платону. Патріархъ мнѣ отвѣтилъ, что это нецѣлесообразно: «владыка Платонъ въ этомъ дѣлѣ не безпристрастенъ...» Вскорѣ я получилъ предложеніе отъ нашего архіерейскаго синода въ Сербіи: «съѣздите въ Америку и исполните приказъ Патріарха». Я это предложеніе отклонилъ, — и вотъ почему:

Во время моей поѣздки во Францію началась подготовка къ Карловацкому Съѣзду, который Высшее Церковное Управленіе, подъ предсѣдательствомъ митрополита Антонія, постановило созвать текущей осенью. Карловацкій Съѣздъ, задуманный какъ продолженіе линіи Рейхенгаля, былъ теперь уже не за горами. На Съѣздѣ должны были разбираться и дѣла моей епархіи. Почему же подъ благовиднымъ предлогомъ меня хотятъ устранить? Я рѣшилъ, что на Съѣздѣ мнѣ быть надо и отъ поѣздки въ Америку отказался. Теперь сознаю, что надо было слушаться Патріарха, не разсуждая...

Сѣверо-Американскую епархію спасъ бывшій посолъ Временнаго Правительства Бахметьевъ. Онъ далъ деньги на выкупъ нашихъ церквей. Епархіальное Собраніе приходовъ возвело епископа Александра въ санъ архіепископа и послало актъ объ этомъ постановленіи на утвержденіе Патріарха. Патріархъ его утвердилъ.

Наступила осень (1921 г.). Я сталъ собираться на Съѣздъ въ Карловцы.

Конституція Съѣзда была такая. Въ него вошли всѣ члены Высшаго Церковнаго Управленія; пребывающіе за-границей русскіе епископы; члены Всероссійскаго Церковнаго Собора; и делегаты: а) отъ русскихъ православныхъ приходовъ въ разныхъ странахъ, б) отъ военно-морскихъ церковныхъ круговъ, в) отъ Штаба Главнокомандующаго русской арміей, г) отъ монашествующаго духовенства; и кромѣ того рядъ лицъ, приглашенныхъ по личному усмотрѣнію митрополита Антонія какъ завѣдующаго русскими православными общинами въ Сербіи, митрополита Евлогія какъ управляющаго Церквами въ Западной Европѣ, архіепископа Анастасія какъ управляющаго православными общинами въ Константинополѣ и епископа Веніамина какъ управляющаго военно-морскимъ духовенствомъ.

Делегатами отъ моей епархіи на Съѣздъ поѣхали: архимандритъ Тихонъ, о. Подосеновъ, сенаторъ Бельгардъ, кн. Ширинскій-Шихматовъ, о. Н. Сахаровъ, о. Троицкій, гр. Граббе, кн. П. С. Волконскій, о. Лелюхинъ, о. Беръ, ген. Гулевичъ и др.

Къ Съѣзду необходимо было подготовить дѣло о. Зноско. Слѣдствіе о его дѣятельности я поручилъ о. Подосенову. Человѣкъ добросовѣстный и точный, онъ собралъ весьма внушительное «досье». По закону, прежде чѣмъ судить обвиняемаго, надо вручить ему обвинительный актъ: можетъ быть, обвиняемый найдетъ что-нибудь сказать въ свое оправданіе. О. Зноско просилъ разрѣшенія пріѣхать въ мою канцелярію, чтобы разсмотрѣть собранный матеріалъ. Я разрѣшилъ. Онъ пріѣхалъ, ему вручили папку, онъ усѣлся въ уголкѣ и сталъ читать бумаги. Въ канцеляріи было много народу. О. Зноско попросилъ дать ему возможность заняться своимъ дѣломъ въ какой-нибудь другой комнатѣ. О. Беръ повелъ его къ себѣ. Отъ времени до времени кто-нибудь изъ насъ навѣдывался, чтобы послѣдить за нимъ. Онъ усердно перелистывалъ документы и что-то все писалъ. Когда подошелъ часъ завтрака, я позвалъ его въ столовую, но о. Зноско отказался: «въ этомъ домѣ, гдѣ я такъ настрадался, ѣсть не буду...» — и продолжалъ писать. Во время завтрака, когда псаломщикъ зашелъ въ комнату, чтобы взять пакетъ съ хлѣбомъ, о. Зноско, стоявшій у открытого окна, быстро его захлопнулъ. Послѣ завтрака я ушелъ къ себѣ отдохнуть, предоставивъ о. Беру наблюдать за о. Зноско. Стало уже темнѣть. О. Зноско заявилъ о. Беру, что ему надо на минутку удалиться... Онъ ушелъ — и не вернулся. Бросились къ папкѣ, — «дѣло» изъ нея исчезло, а вмѣсто документовъ пачка простой бумаги... Несомнѣнно, въ ту минуту, когда псаломщикъ вошелъ за хлѣбомъ, онъ и выкинулъ «дѣло» въ палисадникъ, а потомъ подобралъ его, — и скрылся. Мы предали его духовному суду и представили его къ лишенію сана, но для

утвержденія постановленія епархіальный архіерей долженъ направлять подобные приговоры въ высшую инстанцію. Вотъ почему я подготовлялъ дѣло о. Зноско къ Карловацкому Съѣзду*).

Въ Карловцы я выѣхалъ въ сопровожденіи архимандрита Тихона и о. Подосенова. Пока мы возились съ визами и паспортами, остальные делегаты незамѣтно уѣхали. Была какая-то политика, чтобы опередить меня, и чтобы я не попалъ къ началу Съѣзда. Можетъ быть, кому-то было нежелательно, чтобы меня выбрали въ Товарищи Предсѣдателя, а можетъ быть, были какія-нибудь другія соображенія, — не знаю....

Когда мы прибыли на Съѣздъ, президіумъ былъ составленъ: Предсѣдатель — митрополитъ Антоній и 4 Товарища Предсѣдателя: 1) архіепископъ Анастасій, 2) протоіерей о. Орловъ, 3) А. Н. Крупенскій и 4) кн. Ширинскій-Шихматовъ.

Я узналъ отъ епископа Веніамина, возглавлявшаго Константинопольскую делегацію, что монархисты на Съѣздѣ хозяева положенія, и что, повидимому, они поведутъ его по политической линіи... Я узналъ также, что Карловацкій Съѣздъ, именовавшій себя «Церковнымъ Собраніемъ» переименовывался, единогласнымъ рѣшеніемъ присутствующихъ членовъ, въ «Русскій Всезагранічный Соборъ». Въ самомъ началѣ Съѣзда устроили враждебную демонстрацію бывшему Предсѣдателю Государственной Думы М. В. Родзянко, который долженъ былъ удалиться.

Обсужденіе общецерковныхъ вопросовъ проходило спокойно. Оживленно обсуждали проблему обложенія, при чемъ мои приходы подверглись наибольшему обложенію: ихъ считали богатыми.

Гвоздемъ Съѣзда было заявленіе «Собора» о возстановленіи въ Россіи династіи Романовыхъ. Предполагалось направить особое «Обращеніе» въ Лигу Націй и ко всѣмъ правительствамъ державъ, дабы оповѣстить о состоявшемся постановленіи. Въ отдѣлѣ «Духовное возрожденіе Россіи» Марковъ прочелъ докладъ, въ которомъ изложилъ основныя мысли проекта «Обращенія». Онѣ сводились не только къ утвержденію самаго принципа монархизма, но и подчеркивали политическую миссію Карловацкаго Съѣзда — заявить отъ имени всего русскаго народа, что Домъ Романовыхъ продолжаетъ царствовать.... «Если мы здѣсь не вся Церковь, то мы та часть Ея, которая можетъ сказать то, чего сказать не можетъ оставшаяся въ Россіи Церковь. Монархическое движеніе въ Россіи растетъ. Это подтверждается тѣми многочисленными письмами, которыя получаются изъ Россіи... Письма эти — голая правда, и скоро заплачетъ тотъ, кто имъ не повѣритъ. Народъ русскій ждетъ царя и ждетъ ука-

*) Наше постановленіе Карловацкій Съѣздъ утвердилъ.

занія этого царя отъ церковнаго собранія... Мысль обращенія: Домъ Романовыхъ царствуетъ, и мы должны его отстаивать...» — вотъ отрывокъ изъ рѣчи докладчика.

Передъ голосованіемъ «Обращенія» были долгіе жаркіе дебаты въ продолженіе двухъ-трехъ засѣданій. Я уговаривалъ наиболѣе вліятельныхъ монархистовъ: «Поберегите Церковь, Патріарха... Заявленіе несвоевременно. Изъ провозглашенія ничего не выйдетъ. А какъ мы отягчимъ положеніе! Патріарху и такъ уже тяжело...» Марковъ обратился ко мнѣ: «что съ вами? какая перемѣна!...» Единомышленники его тоже яростно на меня напали. Я защищалъ свои убѣжденія и не раскаиваюсь. Тонъ былъ мною взятъ вѣрный. Мои опасенія за Церковь и Патріарха, увы, впослѣдствіи оправдались... Митрополитъ Антоній, въ политическихъ вопросахъ дѣтски наивный, не могъ учесть послѣдствій рокового «Обращенія къ православнымъ русскимъ бѣженцамъ за-границей», явно монархическаго по содержанію и продиктованнаго эмигрантскими политическими страстями.

При голосованіи 2/3 голосовъ высказалось за «Обращеніе», 1/3 — противъ. 34 члена, въ ихъ числѣ и я, остались при особомъ мнѣніи и подали мотивированное заявленіе слѣдующаго содержанія:

«Мы, нижеподписавшіеся, заявляемъ, что данная большинствомъ Отдѣла «Духовнаго возрожденія Россіи» постановка вопроса о монархіи съ упоминаніемъ притомъ и династіи носитъ политическій характеръ и, какъ таковая, обсужденію Церковнаго Собранія не подлежитъ; посему мы въ рѣшеніи этого вопроса и голосованіи не считаемъ возможнымъ принять участіе. Архіепископъ Евлогій, архіепископъ Анастасій, епископъ Аполлинарій, епископъ Веніаминъ; прот. Троицкій, прот. М. Слуцкій, епископъ Сергій, прот. Руденко, архимандритъ Антоній, Н. Кварсковъ, І. Никаноровъ, Ненарокомовъ, В. Вернадскій, епископъ Максиміліанъ, прот. П. Бѣловидовъ, прот. С. Орловъ, архимандритъ Ѳеодосій, іеромонахъ Іоаннъ, прот. Д. Трухмановъ, В. Розовъ, ген. Соловьевъ, прот. І. Лелюхинъ, С. Троицкій, прот. В. Виноградовъ, прот. М. Конограй, В. Чистяковъ, С. Колоссовскій, Е. Киселевскій, Е. Ковалевскій, Е. Московъ, прот. Н. Сахаровъ, прот. Стельмашенко, Н. Львовъ».

Корреспондентомъ на Съѣздѣ отъ эмигрантской печати былъ журналистъ Александръ Ивановичъ Филипповъ. Информацію о Съѣздѣ онъ печаталъ въ издаваемой въ Парижѣ газеткѣ «Общее Дѣло», изобличая монархическій активизмъ Карловацкаго собранія. Газетка попала въ Москву, а въ результатѣ — отягченіе участи Патріарха и мстительно-жестокій судъ надъ Петроградскимъ митрополитомъ Веніаминомъ... Только злой духъ могъ продиктовать «Обращеніе» принятое на Карловацкомъ Съѣздѣ...

2 декабря Съѣздъ закрылся, и делегаты разъѣхались.

Изъ Карловцевъ я проѣхалъ въ Прагу. Настоятелемъ Пражскаго прихода я назначилъ протоіерея Стельмашенко (изъ Кіева). Онъ окончилъ университетъ и духовную академію, а потомъ былъ директоромъ основанной имъ собственной гимназіи. Человѣкъ ловкій, энергичный, о. Стельмашенко успѣлъ, однако, кое съ кѣмъ въ приходѣ перессориться и возбудить къ себѣ недружелюбное отношеніе. Съ чехами онъ тоже не ладилъ. Добывая отнятую церковную утварь, которую кто-то не хотѣлъ отдавать, онъ пожаловался въ Министерство.

О. Стельмашенко упросилъ меня съѣздить съ нимъ къ Товарищу Министра Иностранныхъ Дѣлъ, чеху-легіонеру побывавшему въ Сибири (прежде онъ былъ въ Кіевѣ врачемъ). Я согласился. Въ бесѣдѣ съ Товарищемъ Министра я старался поддержать наши законныя притязанія на отнятое имущество, ссылался на контрактъ и т. д., сказалъ, что хотѣлъ бы за время пребыванія въ Прагѣ все уладить.

— А у васъ надолго виза? — спросилъ меня Товарищъ Министра.

— У меня виза транзитная.

— Ахъ, — транзитная... Тогда вы должны уѣхать сегодня же съ вечернимъ поѣздомъ. Я скажу, чтобы понаблюдали за вашимъ отъѣздомъ.. во избѣжаніе непріятностей.

Я былъ вынужденъ покинуть Прагу.

Проѣздомъ въ Берлинъ я остановился въ Дрезденѣ. Настоятелемъ здѣсь былъ назначенный мною холмскій священникъ о. Можаровскій. Ему удалось соорганизовать группу прихожанъ, и въ приходѣ чувствовались жизнь и теплая атмосфера. Я отслужилъ въ воскресенье Литургію, и уѣхалъ въ Берлинъ.

Приближалось Рождество Христово. Мы стали готовиться къ праздникамъ. Мнѣ приходилось постоянно ѣздить на службы изъ Тегеля въ посольскую церковь на Унтеръ денъ Линденъ. Утомительное, безпокойное путешествіе. Долгая ѣзда на трамваяхъ, пересадки, ожиданіе на пересадкахъ, дождь, туманъ, на улицахъ грязь... Въ длинной рясѣ — бѣда! Помню я сѣлъ въ трамвай, распустивъ рясу по грязному полу, а какой-то попутчикъ мнѣ по-русски: «Подбери рясу-то! Это же Царевококшайскъ...» Послѣ всенощныхъ, которыя затягивались до 9 часовъ, приходилось возвращаться въ непогоду, во тьмѣ (фонарей было мало), шлепая по лужамъ, а доѣдешь до Тегеля, до дому еще ходьбы минутъ десять. Пріѣзжалъ промокшій, усталый. Особенно тяжко было путешествіе передъ обѣдней. Пріѣдешь въ храмъ утомленный, и нѣтъ свѣжести духа, столь необходимаго для служенія Литургіи.

На Рождествѣ произошелъ эпизодъ, который мнѣ праздникъ немного отравилъ.

Въ первый день Рождества зашелъ ко мнѣ въ комнату, гдѣ послѣ обѣдни я пилъ чай, какой-то господинъ и отрекомендовался чиновникомъ сербскаго посольства. Я предложилъ чаю. Онъ мнѣ разсказалъ, что въ посольствѣ на рождественскіе дни всѣ разъѣхались, онъ одинъ, ему скучно, — вотъ онъ и пришелъ въ нашъ храмъ помолиться. Изъ его репликъ я заключилъ, что ему извѣстны наиболѣе видные сербскіе іерархи. Узнавъ, что я на другой день служу въ Тегелѣ, онъ сказалъ, что тоже туда пріѣдетъ. И вѣрно — пріѣхалъ. Я позвалъ его къ завтраку въ нашу общую столовую. Онъ уклонился: «нѣтъ, ужъ позвольте остаться въ вашей комнатѣ... я никого здѣсь не знаю, мнѣ бы не хотѣлось...» Я не настаивалъ. Во время завтрака онъ постучался въ столовую: «можно мнѣ пока погулять на кладбищѣ?» — «Пожалуйста....» Съ прогулки онъ не вернулся. Хватился я моихъ золотыхъ часовъ, оставленныхъ въ комнатѣ, — нѣтъ часовъ... Сербскій посланникъ потомъ смѣялся: «ну и довѣрчивость!» Разслѣдованіе ни къ чему не привело, хоть мнѣ и принесли альбомы съ фотографіями воровъ. Ну, гдѣ-жъ узнать!

30 декабря (ст. стиля) я получилъ телеграмму съ извѣщеніемъ о смерти настоятеля Брюссельской церкви прот. Александра Смирнопуло. Надо было ѣхать на похороны, спѣшно добывать визы и т. д. Я успѣлъ побывать наканунѣ Новаго Года на дѣтской «елкѣ», устроенной русско-нѣмецкимъ обществомъ, и отслужилъ тамъ молебенъ. Новогоднюю ночь провелъ въ вагонѣ. Меня сопровождалъ діаконъ Вдовенко.

Я выписалъ на погребеніе настоятеля парижской церкви о. Іакова Смирнова. Прибылъ и греческій архимандритъ изъ Антверпена. Въ Брюсселѣ церковь маленькая, примыкающая къ дому настоятеля. Пѣвчіе полубельгійцы-полурусскіе, выговариваютъ слова пѣснопѣній съ акцентомъ. За регента старичокъ, сынъ бывшаго псаломщика. Похоронную процессію я повелъ изъ церкви до самаго кладбища: въ Бельгіи это разрѣшается.

Я познакомился съ бельгійской паствой, и она объединилась вокругъ меня.

О. Смирновъ попросилъ меня заѣхать въ Парижъ. На Крещенье я служилъ въ церкви на рю Дарю. Въ этотъ пріѣздъ я пріобрѣлъ новаго священника. Ко мнѣ пришелъ бывшій Оберъ-Прокуроръ Св. Синода П. П. Извольскій и повѣдалъ о своемъ желаніи принять священный санъ. Я былъ этому радъ. Въ Парижѣ я пробылъ недолго, рукоположилъ Извольскаго въ діаконы, и уѣхалъ въ Лондонъ.

Здѣсь группа прихожанъ подарила мнѣ часы, прослышавъ о кражѣ моихъ часовъ въ Берлинѣ.

По возвращеніи въ Парижъ я рукоположилъ П. П. Извольскаго въ іереи и предоставилъ ему выбрать одинъ изъ трехъ приходовъ: Ниццу, Флоренцію или Брюссель. Въ Ниццѣ и во Флоренціи у него было много близкихъ и знакомыхъ, Брюссель былъ городъ болѣе ему чужой, но Брюссельскій приходъ былъ наиболѣе отвѣтственный — и мы, обсудивъ всѣ обстоятельства, рѣшили, что надо — въ Брюссель. О. Петръ былъ священнослужителемъ еще неопытнымъ, по выраженію митрополита Антонія о новичкахъ, «не отличалъ вечерни отъ «Богородицы», но это затрудненіе уладилось. Псаломщикъ Парижской церкви Стасиневичъ, кандидатъ богословія и отличный уставщикъ, попросилъ у меня разрѣшенія послѣдовать за о. Петромъ въ Брюссель. Я охотно согласился. Съ его помощью о. Петръ вскорѣ прекрасно усвоилъ уставъ.

Въ Ниццу я назначилъ о. Подосенова, о. М. Стельмашенко, неладившаго съ приходомъ и чехами, перевелъ во Флоренцію, а о. Гр. Ломако (изъ Константинополя) послалъ въ Прагу.

Въ этотъ мой пріѣздъ во Францію поднялись уже серьезные разговоры о моемъ переселеніи изъ Берлина въ Парижъ. На общественно-церковныхъ собраніяхъ въ зданіи нашего посольства ко мнѣ обращались представители различныхъ эмигрантскихъ группъ, а также и отдѣльныя лица, съ просьбой обосноваться во Франціи, съ выраженіемъ пожеланій, чтобы я на переѣздъ согласился. Среди этихъ лицъ — В. В. Неклюдова, ставшая впослѣдствіи во главѣ парижскаго сестричества. Въ Приходскомъ совѣтѣ былъ поднятъ вопросъ о практической сторонѣ моего переѣзда, о томъ, гдѣ мнѣ жить, если я переѣду. Старостѣ Лелянову пришла мысль отвести мнѣ квартирку изъ трехъ комнатокъ въ нижнемъ этажѣ одного изъ двухъ церковныхъ домовъ при церкви на рю Дарю. Квартирка была нежилая. Одна изъ комнатъ находилась въ распоряженіи старосты: онъ тамъ считалъ деньги: во второй стоялъ манекенъ «матушки» о. Сахарова, и были сложены какія-то ея вещи; третья — кладовка.

Съ меня взяли слово, что на Пасху я непремѣнно въ Парижъ пріѣду.

Вернувшись въ Берлинъ, я вновь занялся своими дѣлами.

Въ концѣ февраля (или въ мартѣ) среди берлинской эмиграціи распространился слухъ о прибытіи кого-то изъ Москвы съ извѣстіемъ, что Патріархъ возвелъ меня въ санъ митрополита. Я не повѣрилъ. Но вотъ, какъ-то разъ на одномъ литературномъ собраніи прихожанъ, подходитъ ко мнѣ протодіаконъ и говоритъ: «а вѣдь, — вѣрно! пріѣхали изъ Москвы какіе-то коммерсанты, и въ карманѣ у

нихъ патріаршій указъ на Ваше имя...» — «Вы путаете, что-нибудь не такъ...» — отвѣтилъ я. — «Нѣтъ, — вѣрно! завтра они пріѣдутъ къ вамъ». На другой день, дѣйствительно, указъ былъ мнѣ врученъ. Вотъ его текстъ:

Преосвященному Евлогію, бывшему Архіепископу Волынскому и Житомирскому.

По благословенію Святѣйшаго Патріарха, Священнаго Синода слушали: предложеніе Святѣйшаго Патріарха, отъ 14/27 января сего года, о возведеніи Вашего Преосвященства въ санъ Митрополита съ пожалованіемъ Вамъ бѣлаго клобука и креста на митру, во вниманіе къ тридцатилѣтней (въ томъ числѣ 20-ый годъ въ архіерейскомъ санѣ) отлично-усердной службѣ Вашей, неустаннымъ заботамъ и трудамъ по возсозданію Холмщины, ходатайству іерарховъ Украинскаго Священнаго Собора въ 1918 г. и къ высокому положенію Вашему какъ завѣдывающаго западно-европейскими русскими церквами.

ПОСТАНОВЛЕНО: Согласно настоящему предложенію Святѣйшаго Патріарха, Ваше Преосвященство, во вниманіе къ тридцатилѣтней отлично-усердной службѣ Вашей и другимъ отмѣченнымъ въ предложеніи Святѣйшаго Патріарха обстоятельствамъ, возвести въ санъ Митрополита съ предоставленіемъ права ношенія бѣлаго клобука и креста на митрѣ. О чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство. Января 17/30 дня 1922 года, №64.

Членъ Священнаго Синода, Архіепископъ Серафимъ.
Дѣлопроизводитель Н. Нумеровъ.

На Пасхѣ я получилъ трогательное письмо отъ Патріарха. Начиналось оно съ «поздравленія съ Новымъ Годомъ...», затѣмъ текстъ обрывался, и продолженіе письма было уже на другой страницѣ «Началъ писать Вамъ на святкахъ, а кончаю передъ Пасхой... а тѣмъ временемъ мы Васъ возвели въ санъ митрополита...» писалъ Патріархъ. Далѣе слѣдовало поздравленіе «Христосъ Воскресе!» и сообщеніе о здоровьѣ и судьбѣ нѣкоторыхъ іерарховъ въ Россіи.

Въ Крестопоклонную всенощную кн. Ширинскій-Шихматовъ поднесъ мнѣ на блюдѣ бѣлый клобукъ. Я надѣлъ его, сказалъ «слово», въ которомъ отмѣтилъ символику событія, совпавшаго съ началомъ Крестопоклонной недѣли...

На Пасху я уѣхалъ въ Парижъ. Мысль о переѣздѣ окончательно созрѣла. Я жилъ, какъ и въ прошлые пріѣзды, у настоятеля прот. Смирнова. Предназначавшуюся для меня квартиру уже приводили въ порядокъ: мыли, чистили, ставили печки, унесли сложенныя тамъ вещи...

Послѣ Пасхи я вернулся въ Берлинъ, но вскорѣ вновь выѣхалъ во Францію. На этотъ разъ въ Парижѣ не задержался, а поѣхалъ

въ Ниццу, на освященіе на мѣстномъ кладбищѣ храма, передѣланнаго изъ часовни. Въ Ниццѣ я почувствовалъ сильное недомоганіе, у меня появились нѣкоторые симптомы, такъ называемой maladie de Ménière : начались припадки рвоты, головокруженіе, тошнота и другія болѣзненныя ощущенія. Я поспѣшилъ вернуться въ Берлинъ.

Оправившись нѣсколько отъ утомительнаго путешествія на югъ Франціи, я выѣхалъ въ сопровожденіи архимандрита Тихона въ Дрезденъ на храмовой праздникъ (24 мая). Церковь въ Дрезденѣ была въ свое время построена Семеномъ Семеновичемъ Викулинымъ въ память св. Симеона Столпника Дивногорскаго. На пути въ Дрезденъ я вновь испыталъ мучительные приступы моей болѣзни.

По возвращеніи въ Берлинъ, въ первыхъ числахъ іюня, я получилъ указъ Патріарха Тихона, слѣдующаго содержанія:

Управляющему русскими православными церквами за-границей Преосвященному Митрополиту Евлогію.

По благословенію Святѣйшаго Патріарха, Священный Синодъ и Высшій Церковный Совѣтъ, въ соединенномъ присутствіи, слушали: предложеніе Святѣйшаго Патіарха, отъ 28 марта (10 апрѣля сего года) слѣдующаго содержанія: «Прилагаю при семъ номера «Новаго Времени», отъ 3 и 4 декабря 1921 года и 1 марта 1922 года. Въ нихъ напечатаны посланія Карловацкаго Собора и обращеніе къ міровой Конференціи. Акты эти носятъ характеръ политическій и, какъ таковые, они противорѣчатъ моему посланію отъ 25 сентября 1919 года. Поэтому,

1) я признаю Карловацкій Соборъ заграничнаго русскаго духовенства и мірянъ не имѣющимъ каноническаго значенія и посланіе его о возстановленіи династіи Романовыхъ и обращеніе къ Генуэзской Конференціи не выражающими оффиціальнаго голоса русской православной Церкви,

2) въ виду того, что Заграничное Русское Церковное Управленіе увлекается въ область политическихъ выступленій, — а съ другой стороны заграничные русскіе приходы уже поручены попеченію Вашего Преосвященства, Высшее Церковное Управлніе за-границей упразднить,

3) Священному Синоду имѣть сужденіе о церковной отвѣтственности нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ за-границей за ихъ политическія отъ имени Церкви выступленія.

По обсужденіи изложеннаго предложенія Святѣйшаго Патріарха,

ПОСТАНОВЛЕНО: 1)Признать «Посланіе Всезаграничнаго Церковнаго Собора чадамъ Русской Православной Церкви, въ разсѣяніи и изгнаніи сущимъ», о возстановленіи въ Россіи монархіи съ царемъ изъ дома Романовыхъ, напечатанное въ «Новомъ Времени», отъ 3

декабря 1921 года, № 184, и «Посланіе Міровой Конференціи отъ имени Русскаго Всезаграничнаго Церковнаго Собора», напечатанное въ томъ же «Новомъ Времени», отъ 1-го марта сего года за № 254, за подписью Предсѣдателя Россійскаго Заграничнаго Синода и Высшаго Церковнаго Управленія за-границей Митрополита Кіевскаго Антонія, — актами, не выражающими офиціальнаго голоса Русской Православной Церкви и, въ виду ихъ чисто политическаго характера, не имѣющими церковно-каноническаго значенія; 2) въ виду допущенныхъ Высшимъ Русскимъ Церковнымъ Управленіемъ за-границей означенныхъ политическихъ отъ имени Церкви выступленій и принимая во вниманіе, что, за назначеніемъ тѣмъ же Управленіемъ Вашего Преосвященства завѣдующимъ русскими православными церквами за-границей, собственно для Высшаго Церковнаго Управленія, тамъ не остается уже области, въ которой оно могло бы проявить свою дѣятельность, означенное Высшее Церковное Управленіе упразднить, сохранивъ временно управленіе русскими заграничными приходами за Вашимъ Преосвященствомъ и поручивъ Вамъ представить соображенія о порядкѣ управленія названными церквами, и 3) для сужденія о церковной отвѣтственности нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ за-границей за ихъ политическія отъ имени Церкви выступленія озаботиться полученіемъ необходимыхъ для сего матеріаловъ и самое сужденіе, въ виду принадлежности нѣкоторыхъ изъ указанныхъ лицъ къ епископату, имѣть по возобновленіи нормальной дѣятельности Священнаго Синода, при полномъ, указанномъ въ соборныхъ правилахъ, числѣ членовъ. О чемъ, для зависящихъ по предмету даннаго постановленія распоряженій, увѣдомить Ваше Преосвященство. Мая 22/5 дня 1922 года № 349.

Членъ Священнаго Синода Архіепископъ Фаддей Астраханскій.
Дѣлопроизводитель Н. Нумеровъ.

Указъ ошеломилъ меня... Возложенное на меня порученіе было столь отвѣтственно, столь сложно... Какъ я съ нимъ справлюсь? Какъ мнѣ его въ жизнь провести?

Я написалъ письмо митрополиту Антонію и приложилъ къ письму копію указа. Въ отвѣтъ — телеграмма: «Volonté du Patriarche faut accomplir venez immédiatement». Если бы не мучительная моя болѣзнь, я бы направился въ Карловцы немедленно, но мой врачъ, докторъ Голубевъ, уговорилъ меня поѣхать въ Киссингенъ полѣчиться. «Въ такомъ состояніи, въ какомъ вы сейчасъ, въ далекое путешествіе отпускать васъ страшно...», сказалъ онъ. Я уѣхалъ въ Киссингенъ.

Здѣсь я провелъ четыре недѣли. Жилъ въ церковномъ домѣ при нашемъ храмѣ преподобнаго Сергія, изрѣдка служилъ вмѣстѣ

съ о. Беромъ, который тоже сюда пріѣхалъ. Я отдохнулъ, сталъ чувствовать себя лучше, и въ началѣ августа направился въ Сербію. На пути остановился въ Баденъ-Баденѣ, гдѣ въ храмовой праздникъ, въ Преображеніе, отслужилъ Литургію.

По пріѣздѣ въ Карловцы я почувствовалъ сразу, что здѣсь за лѣто настроеніе измѣнилось. Сформировалась оппозиція указу Патріарха. Слышались рѣчи о томъ, что «указъ вынужденный, — не свободное волеизъявленіе Патріарха; что его можно не исполнять». Я доложилъ въ засѣданіи Высшаго Церковнаго Управленія объ указѣ; секретарь Управленія Махараблидзе прочелъ докладную записку, въ которой приведены были доводы доказывавшіе, почему съ патріаршимъ постановленіемъ можно не считаться. Я заявилъ, что тонъ взятъ недопустимый по отношенію къ главѣ Русской Православной Церкви, и я ухожу.... Собраніе перешло къ голосованію. Резолюція большинства гласила: «отсрочить выполненіе указа впредь до выясненія обстоятельствъ, при которыхъ онъ былъ изданъ». Я выступилъ съ «особымъ мнѣніемъ». Настроеніе въ собраніи создалось напряженное....

На другой день прибылъ запоздавшій архіепископъ Анастасій. Онъ заявилъ, что, по его убѣжденію, «волю Патріарха исполнить надо», но такъ какъ въ указѣ сказано: «предоставить архіепископу Евлогію соображеніе относительно организаціи Управленія...», то Высшее Церковное Управленіе слѣдуетъ упразднить, но созвать въ слѣдующемъ году новый Соборъ для устроенія новаго Управленія, а тѣмъ временемъ архіерейскій Синодъ сдѣлаетъ подготовку къ нему, испроситъ разрѣшеніе сербскихъ властей и соберетъ нужные матеріалы. Епископъ Веніаминъ съ этимъ предложеніемъ не согласился: «митрополитъ Евлогій долженъ взять управленіе въ свои руки безъ всякаго Собора, а если необходимо Синодъ временно сохранить, то надо, чтобы митрополитъ Евлогій, — не митрополитъ Антоній, — былъ его предсѣдателемъ». Тутъ мнѣ слѣдовало и проявить власть, заявить, что отнынѣ указы Карловацкаго Синода для меня силы не имѣютъ, что я исполню волю Патріарха... Но я, ради братскаго отношенія къ собратьямъ-архіереямъ закинутымъ въ эмиграцію, во имя любви къ митрополиту Антонію, старѣйшему зарубежному іерарху, съ которымъ меня связывала долголѣтняя духовная дружба, ради всѣхъ этихъ сердечныхъ, можетъ быть сентиментальныхъ, побужденій... пренебрегъ Правдой — волей Патріарха. Въ этомъ была моя великая ошибка, мой большой грѣхъ передъ Богомъ, передъ Матерью Русской Церковью и передъ Святѣйшимъ Патріархомъ Тихономъ, и въ этомъ заключалась главная причина не только моихъ личныхъ бѣдъ, но и источникъ всѣхъ дальнѣйшихъ нестроеній въ жизни зарубежной Церкви. Глубоко сознаю свою вину

и пріемлю всѣ эти испытанія, какъ справедливое «наказаніе за преступленіе», хотя и содѣянное во имя любви къ моимъ собратьямъ — карловацкимъ епископамъ и, особенно, митрополиту Антонію. Въ такихъ случаяхъ самая любовь оборачивается враждою... Любовь, не основанная на Правдѣ, уклоняется отъ того «исполненія», которое намъ указано въ словахъ псалма 84: «Милость и истина срѣтятся, правда и миръ облобызаются. Истина возникнетъ изъ земли, и правда приникнетъ съ небесъ. И Господь дастъ благо, и земля наша дастъ плодъ свой...»

Въ Карловцахъ мнѣ было тяжело. Я не чувствовалъ пониманія искренности моихъ побужденій и былъ радъ, когда внѣшнія обстоятельства заставили меня спѣшно покинуть Сербію. Мнѣ телеграфировали изъ Парижа о кражѣ въ храмѣ на рю Дарю: воры похитили дарохранительницу, цѣнное Евангеліе и еще нѣкоторыя вещи. Почти одновременно пришла и другая телеграмма: «по порученію великаго князя Кирилла Владиміровича очень просимъ немедленно пріѣхать въ Парижъ».

Пріѣзжаю... Ко мнѣ явились какіе-то генералы, во главѣ съ генераломъ Сахаровымъ, и какіе-то сановники съ просьбой съѣздить къ великому князю Кириллу Владиміровичу въ Сенъ-Бріакъ — отслужить тамъ молебенъ и благословить на царствованіе... Дня два уговаривали меня сторонники новаго монарха. Я отказался.

Въ эти дни у меня окончательно созрѣлъ планъ, какъ реализовать мой переѣздъ въ Парижъ. Медлить было нельзя. Но прежде чѣмъ переѣхать, надо было организовать свое Епархіальное Управленіе въ Парижѣ. Этимъ дѣломъ я и занялся. Такъ какъ исполнявшій обязанности секретаря моего Управленія въ Берлинѣ Дерюгинъ былъ человѣкъ неумный и плохо справлялся съ дѣлами, то я пригласилъ на эту должность Т. А. Аметистова, который усиленно меня объ этомъ просилъ. Это былъ интересный субъектъ: очень способный, онъ послѣ гимназіи прошелъ курсъ СПБ. Духовной Академіи, а затѣмъ поступилъ въ кавалерійское училище; послѣ училища онъ окончилъ Академію Генеральнаго Штаба; участвовалъ въ Великой войнѣ, получилъ Георгіевскій крестъ и окончилъ службу полковникомъ. По своимъ способностямъ и разносторонней службѣ онъ былъ очень удобенъ. Одновременно съ этимъ я сталъ присматриваться къ мѣстному духовенству и къ служащимъ при церкви лицамъ.

Настоятель Александро-Невскаго храма о. Іаковъ Смирновъ*) съ первыхъ же встрѣчъ съ нимъ произвелъ на меня очень пріятное впечатлѣніе. Долговременное пребываніе священникомъ за-границей — въ Дрезденѣ, Стокгольмѣ и (съ 1896 г.) въ Парижѣ — не

*) о. Іаковъ Смирновъ скончался 30 іюня (стар. ст.) 1936 г.

вытравило изъ него чертъ «сельскаго батюшки». Нерѣчистый, молитвенный, церковный, онъ сочеталъ въ себѣ дѣтскую чистоту души съ образованностью: былъ въ молодости доцентомъ Петербургской Духовной Академіи по греческому языку. Богослуженіе онъ совершалъ съ глубокимъ благоговѣніемъ; случалось, читалъ молитвы и Евангеліе прерывающимся отъ слезъ голосомъ. Онъ былъ прекраснымъ духовникомъ: чутко и глубоко понималъ движенія человѣческой совѣсти и умѣлъ дать нужный, отвѣчающій духовному настроенію и полезный для жизни совѣтъ и при этомъ былъ трогательно скроменъ: «Ахъ, говорилъ онъ, какая это исповѣдь, когда видишь сотни ожидающихъ... Развѣ можно, какъ слѣдуетъ, всѣхъ выслушать и всѣмъ сказать нужное слово, — одинъ грѣхъ...»

Второй священникъ Александро-Невской церкви о. Н. Сахаровъ, заграничной складки, уравновѣшенный, спокойный... Въ 1936 году по смерти о. Іакова онъ занялъ мѣсто настоятеля*).

Протодіаконъ о. Тихоміровъ, изъ діаконовъ Александро-Невской Лавры, въ молодости обладалъ могучимъ голосомъ и нѣкоторое время служилъ въ церкви Зимняго Дворца. Потомъ его перевели въ Римъ, а оттуда — въ Парижъ. Заграничная жизнь наложила на него отпечатокъ внѣшней европейской культуры.

Псаломщикомъ при парижскомъ храмѣ долгіе годы былъ М. М. Фирсовъ. Чистенькій старичокъ, одѣтый не безъ франтовства, старомодно-учтивый, полный сознанія своего достоинства. Сослуживцы прозвали его «генераломъ».

Второй псаломщикъ Леоновичъ, кандидатъ богословія, былъ большой скандалистъ, и я рѣшилъ его уволить. Его съ трудомъ удалось выселить. Полиція вынесла вещи изъ его помѣщенія во время его отсутствія.

Третій псаломщикъ Стасиневичъ, какъ я уже сказалъ, послѣдовалъ за о. Петромъ Извольскимъ въ Брюссель; образовалась вакансія, на которую я намѣтилъ діакона Вдовенко. Ко мнѣ пришелъ однорукій священникъ о. Соколовскій и заявилъ протестъ, почему я назначаю о. Вдовенко, а не его... «Это всегда такъ, — грубо и дерзко сказалъ онъ, — мужика-келейника предпочитаютъ священнику...»

Діаконъ Вдовенко, который сопровождалъ меня всюду съ первыхъ дней моего назначенія управляющимъ Западно-Европейской епархіей, человѣкъ честный, преданный, трудолюбивый, бывалъ неуравновѣшенъ, даже грубоватъ. Впослѣдствіи у него возникали недоразумѣнія съ сестрами парижскаго сестричества — и по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Такъ, напримѣръ, слышу какъ-то разъ въ прихожей крикъ, гвалтъ... Въ чемъ дѣло? Смотрю, впереди Вдовен-

*) Съ 25 января 1943 г. — протопресвитеръ.

ко съ золоченнымъ Евангеліемъ въ рукахъ, за нимъ турьбой сестры.... «Засыпали порошкомъ всѣ украшенія!..» негодуетъ Вдовенко. Сестры волнуются: «Защитите насъ отъ него! Онъ ничего не понимаетъ... ему бы сапоги чистить!».

Не могу не упомянуть и «консьержку» (привратницу) церковной усадьбы Надежду Антоновну Звонилкину. Это маленькая, быстрая пожилая женщина, энергичная, властная и не всегда сдержанная на слово. Впослѣдствіи, когда я поселился въ своей парижской квартирѣ, я оцѣнилъ всю ея преданность своему дѣлу и всѣ заботы обо мнѣ. Она зорко слѣдила за тѣмъ, кто ко мнѣ приходитъ, и если посѣтители были незнакомые и казались ей подозрительными, она подглядывала въ щелочку, прислушивалась, а когда визитеры, по ея мнѣнію, черезмѣрно долго засиживались, стучала въ дверь: «Владыка, вамъ надо, кажется, куда-то ѣхать?..»

Регентомъ церковнаго хора былъ Кибальчичъ. Пѣлъ хоръ неплохо, но пѣвчіе, французы, произносили славянскія слова съ французскимъ акцентомъ.

Въ этотъ мой пріѣздъ въ Парижъ (сентябрь-октябрь 1922 г.) я ближе сошелся съ нашимъ посольствомъ. В. А. Маклакова я зналъ раньше, а съ М. Н. Гирсомъ познакомился только теперь. Онъ мнѣ понравился. Въ его лицѣ я пріобрѣлъ дружескую поддержку. По ходатайству представителей эмигрантской общественности, проф. М. В. Бернацкаго, И. П. Демидова и д-ра И. И. Манухина, М. Н. Гирсъ ассигновалъ мнѣ 2.000 франковъ ежемѣсячно субсидіи на содержаніе Епархіальнаго Управленія — образовался необходимый основной фондъ. Въ лицѣ М. Н. Гирса я встрѣтилъ энергичнаго противника соглашенія съ Карловацкимъ Синодомъ, онъ меня уговаривалъ вести свою линію, не соглашаясь ни на какія уступки.

Наладивъ парижскую епархіальную организацію, я выѣхалъ въ сопровожденіи Т. А. Аметистова въ Берлинъ. Необходимо было ликвидировать тамъ всѣ дѣла.

Разставаться съ обитателями «Alexanderheim'a» было тяжело. Мы сжились, свыклись...

Аметистовъ принялъ опись дѣлъ, счетовъ и прочіе матеріалы епархіальнаго дѣлопроизводства. Съ секретаремъ Дерюгинымъ*), котораго я уволилъ, возникъ конфликтъ. Онъ моего постановленія признавать не пожелалъ, требовалъ обоснованной мотивировки, готовъ былъ даже подать въ судъ въ томъ случаѣ, если бы Управленіе его уволило, не уплативъ ему жалованія за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ.

Я распрощался съ паствой послѣ Литургіи. Архимандрита Тихо-

*) Впослѣдствіи онъ перешелъ къ Карловчанамъ.

на, повидимому, мой отъѣздъ не печалилъ: пребываніе епархіальнаго архіерея его стѣсняло, а ему хотѣлось развернуться...

Я пріѣхалъ въ Парижъ подъ Рождество. Начался новый періодъ моего служенія — парижскій.

Митрополитъ православной русской церкви въ Западной Европѣ

ГЛАВА XXI

I. ПРИХОДЪ КАѲЕДРАЛЬНОЙ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЦЕРКВИ

Первыя мои впечатлѣнія по пріѣздѣ въ Парижъ на постоянное жительство были отрадныя. Чудесный большой храмъ*), образованное, достойное уваженія духовенство, толпы молящихся. Наплывъ богомольцевъ былъ такъ великъ, что храмъ не вмѣщалъ всѣхъ собравшихся, была давка; на церковномъ дворѣ, даже на улицѣ передъ церковью всюду толпился народъ. Кого-кого только тутъ не было! Люди всѣхъ состояній, возрастовъ и профессій: бывшіе сановники и придворные, военные въ затасканныхъ френчахъ, интеллигенція, дамы, казаки, цыганки, старухи, дѣти... Въ холодъ, въ непогоду — все такія же огромныя толпы. Я, бывало, безпокоюсь, что люди мокнутъ подъ дождемъ, а одинъ прихожанинъ иронически отозвался о толпившихся на дворѣ: «дворяне» посудачить приходятъ...» Въ этихъ словахъ была доля правды поскольку храмъ на рю Дарю сталъ въ полномъ смыслѣ слова живымъ центромъ эмигрантской жизни. Въ церковь шли не только помолиться, но и встрѣтиться въ церковной оградѣ со знакомыми, обмѣняться новостями, поговорить о политикѣ, завязать какія-нибудь дѣловыя связи. Однако, главнымъ побужденіемъ была потребность помолиться. Въ народной толпѣ чувствовался большой духовный подъемъ. Скорбные, озлобленные, измученные люди тянулись къ храму, какъ къ единственному просвѣту среди мрака эмигрантскаго существованія. Они несли сюда свои печали, упованія и молитвы; тутъ забывали свое горе, обрѣтали надежду на какое-то лучшее будущее. Въ первые годы религіозное усердіе эмиграціи было трогательное. Несмотря на горечь и ужасъ жизни, вѣяло религіозной весной, не было въ людяхъ той безнадежности, того унынія, которыя овладѣли душами впослѣдствіи.

Духовный подъемъ церковнаго народа мнѣ передавался. Я входилъ въ жизнь моей паствы, сливался съ нею, стали завязываться

*) См. фотографію 1.

знакомства, возникали личныя отношенія. Но очень скоро я понялъ, что организовать церковно-приходскую жизнь мнѣ будетъ не легко. Богомольцевъ тысячи, но все люди случайные, не объединенные въ единую семью. Я чувствовалъ себя потонувшимъ въ этой неорганизованной толпѣ, и, долженъ сознаться, поначалу ею не овладѣлъ. На кого могъ я опереться? На духовенство? Оно было просвѣщенное, достойное, но никогда не имѣвшее большого прихода. Контакта съ нахлынувшей эмигрантской массой у него и быть не могло. Два міра, двѣ психологіи.... Духовенству надлежало понять, чѣмъ эмиграція жила, а этого пониманія ожидать отъ него было невозможно. Эмиграція — новое, невиданное явленіе — внесла въ тихую церковную усадьбу на рю Дарю суету, безпорядокъ, непонятныя притязанія... и духовенство, не понимая своихъ прихожанъ, неспособное ихъ объединить, ограничивалось добросовѣстнымъ исполненіемъ церковныхъ службъ и требъ. Низшіе клирики тѣмъ менѣе разбирались въ томъ, что происходило.

Поначалу была надежда найти опору въ Церковно-Приходскомъ Совѣтѣ, но и она, къ сожалѣнію, не оправдалась. Онъ организовался на основаніи постановленія Московскаго Церковнаго Собора, допускавшаго участіе мірянъ въ управленіи церковными дѣлами. Въ составъ его вошли (за немногими исключеніями) бывшіе сановники, генералы, чиновная интеллигенція — люди народной массѣ далекіе, а по политической окраскѣ, почти всѣ одинаковые, — крайне правые. Когда въ «Послѣднихъ Новостяхъ» появился разсказъ Минцлова «Тайна», въ которомъ разработана тема объ Іудѣ-Предателѣ въ Евангельской трагедіи, не безызвѣстная въ богословіи, въ Церковномъ Совѣтѣ поднялась буря, — и члена Совѣта, бывшаго члена Государственной Думы (кадета) И. П. Демидова, помощника редактора «Послѣднихъ Новостей», исключили, какъ «лѣваго», изъ состава Совѣта, большинствомъ голосовъ противъ одного — д-ра И. И. Манухина, выступившаго съ особымъ мнѣніемъ въ защиту Демидова и вскорѣ изъ протеста покинувшаго Приходскій Совѣтъ. Мои усилія поднять въ Совѣтѣ интересъ къ болѣе интенсивной церковно-приходской жизни, къ запросамъ церковнаго народа, ни къ чему не привели. Въ засѣданіяхъ обсуждали безплодные вопросы. Товарищъ Предсѣдателя гр. В. Н. Коковцевъ отозвался о занятіяхъ Совѣта не безъ иронiи: «нашъ Совѣтъ интересуютъ только два вопроса: о сторожахъ и о гробахъ*)». Сюда же надо присоединить споры, тянувшіеся мѣсяцами, о выселеніи изъ церковнаго дома озлобленнаго, а потомъ за-

*) Въ склепѣ въ нижней церкви храма стояло нѣсколько гробовъ; родственники умершихъ хотѣли при первой возможности перевезти ихъ въ Россію, а пока просили Совѣтъ оставить гробы въ склепѣ. Этотъ вопросъ имѣлъ сторонниковъ и противниковъ и вызывалъ безконечные дебаты.

прещеннаго, бывш. военнаго протоіерея священника Соколовскаго, о регентѣ Огородниковѣ, о псаломщикахъ... Сколько рѣчей, пикировокъ, жаркихъ преній по поводу мелочей! Вскорѣ я убѣдился, что въ отношеніи духовной организаціи церковнаго народа на Совѣтъ разсчитывать нечего.

Оставалось еще Приходское Собраніе, созывавшееся періодически. Въ залъ вливалась «улица» — случайные люди, понятія не имѣвшіе не только о церковномъ настроеніи, о церковной работѣ, но и объ общественной дисциплинѣ. Рѣчи и дебаты превращались въ болтовню о дрязгахъ, о кляузахъ, являли борьбу мелкихъ самолюбій и злобныхъ страстей. Однажды дѣло дошло до того, что г. Н. оскорбилъ словомъ г-жу Б., тогда г-жа Р. вступилась за оскорбленную и ударила по лицу г. Н., а тотъ вернулъ дамѣ заушеніе... Это не помѣшало собранію тутъ же избрать г. Н. членомъ Церковнаго Совѣта и помощникомъ старосты... При такомъ составѣ Приходскаго Собранія и столь удручающихъ нравахъ, что могли дать періодическія засѣданія съ участіемъ мірянъ! Ничего... Я былъ въ ужасѣ отъ этихъ собраній, въ горькомъ разочарованіи, что проваливается идея соборности, что сейчасъ она неосуществима; мнѣ казалось, Московскій Церковный Соборъ идеализировалъ нашъ церковный народъ, вѣрилъ, что онъ проникнутъ церковнымъ духомъ, а реальность была иная: неподготовленные всѣмъ своимъ прошлымъ къ церковной жизни, наши прихожане приносили на собранія свои низменные житейскіе инстинкты, превращали ихъ въ какой-то «базаръ». Наши парижскія приходскія собранія напоминали худшія земскія уѣздныя засѣданія. Въ оправданіе можно сказать одно: если-бъ народная жизнь въ Россіи развивалась нормально, то и тогда-бы понадобились годы и годы, чтобы внѣдрить соборное начало. Первое время были бы тоже неудачи и безобразныя явленія, тѣмъ болѣе они были понятны въ эмиграціи съ ея больной психологіей.

Однако, я буду несправедливъ, если въ обзорѣ дѣятельности нашихъ приходскихъ организацій не отмѣчу положительныхъ явленій.

Защита правового положенія и забота объ экономическомъ благополучіи прихода заслуга Парижскаго Церковнаго Совѣта.

Долженъ отмѣтить, что рѣдкую энергію и ревность о церкви проявилъ Товарищъ Предсѣдателя Церковнаго Совѣта гр. В. Н. Коковцевъ. Его дѣятельность въ Приходскомъ Совѣтѣ заслуживаетъ быть особо отмѣченной. Несмотря на преклонный возрастъ, сколько заботъ и труда отдалъ онъ Парижскому Приходу! За 17 лѣтъ до сего дня ни одного пропущеннаго засѣданія Совѣта! Фактически онъ руководилъ засѣданіями, помогая престарѣлому настоятелю о. Іакову Смирнову. Съ такимъ же ревностнымъ попеченіемъ относился

онъ къ экономическому состоянію прихода. Всѣ смѣты, всѣ финансовые отчеты разрабатывались подъ его руководствомъ.

Наше экономическое положеніе было поначалу блестяще: паства усердно несла свои жертвы; видные финансовые дѣятели, къ которымъ обращался гр. Коковцевъ за денежной поддержкой, также обильно давали свои пожертвованія. Благодаря благополучному состоянію церковной казны, храмъ содержался въ порядкѣ, производился необходимый ремонтъ, были очищены стѣны отъ копоти, которая наслоилась на прекрасной иконописи.

Несмотря на эти положительныя стороны дѣятельности Приходскаго Совѣта, оживить церковную жизнь онъ не могъ. Поневолѣ приходилось часто дѣйствовать самому, независимо отъ него.

Прежде всего я рѣшилъ выправить богослуженіе. Духовенство привыкло къ сокращеннымъ службамъ. Я его не виню — сказывалась прежняя выучка, но времена эти уже миновали, и нужно было, хоть въ какой-то мѣрѣ, вернуться къ нѣкоторой полнотѣ и стройности богослужебнаго устава. Мнѣ пришлось мягко, но упорно преодолѣвать старыя привычки. Кое-кого изъ клириковъ это не устраивало, а у нѣкоторыхъ прихожанъ, привыкшихъ къ краткимъ службамъ домовыхъ церквей, вызывало неудовольствіе. «Я хожу въ нижнюю церковь, тамъ служба короче», сказала вел. кн. Елена Владиміровна. — «Что-же вы хотите, чтобы обѣдня длилась не больше часу?» спросилъ я. — «Да». — «Дурная придворная привычка....» — «А... вы большевикъ!» замѣтила вел. княгиня.

По средамъ, послѣ Литургіи, я ввелъ молебенъ съ акафистомъ Божіей Матери, привлекавшій не мало благочестивыхъ людей, особенно женщинъ.

По иниціативѣ члена Приходскаго Совѣта П. П. Извольскаго*), были организованы еженедѣльныя «бесѣды» подъ предсѣдательствомъ о. Н. Сахарова. Посѣтителей бывало довольно много. Читались доклады на темы о вѣрѣ и Церкви, за нимъ слѣдовалъ обмѣнъ мыслей, иногда живой и интересный. Эти собранія будили религіозное сознаніе и имѣли просвѣтительное значеніе.

Въ первый же годъ моего пріѣзда я организовалъ сестричество. Привлеченіе женщинъ къ церковной работѣ было давнимъ моимъ стремленіемъ еще въ Россіи. На эту тему я въ свое время бесѣдовалъ съ игуменьей Лѣснинскаго монастыря Холмской епархіи м. Екатериной. Въ дореволюціонную эпоху, при бюрократизмѣ въ Церкви, народнымъ силамъ было трудно проявить себя въ церковной жизни. Въ революціонные годы, послѣ Московскаго Церковнаго Собора,

*) Бывшій Оберъ-Прокуроръ Св. Синода; какъ выше сказано, онъ вскорѣ принялъ санъ священника, я назначилъ его настоятелемъ Брюссельской церкви.

приходы ожили, народъ сталъ опорой Церкви. Кое-гдѣ появились женскіе кружки — сестричества — ревностно защищавшіе церкви, охранявшіе благолѣпіе храмовъ, благочиніе церковныхъ службъ. Во время гоненій сестричества исповѣднически отстаивали церковное имущество, прятали и хранили церковныя святыни, спасали священниковъ... Большую услугу оказали они Церкви.

Все это я зналъ и рѣшилъ за-границей воспроизвести такія же прицерковныя женскія объединенія. Первое сестричество при моемъ содѣйствіи организовалось еще въ Берлинѣ. Опытъ былъ удачный. Во главѣ встала дѣятельная Е. Н. Безакъ, сестры дружно сплотились вокругъ церкви и не только заботливо обслуживали храмъ, поддерживая чистоту и порядокъ, но развили и широкую благотворительную дѣятельность — посѣщали лагери военноплѣнныхъ, больницы и дома для умалишенныхъ, оказывая соотечественникамъ моральную и матеріальную поддержку.

По примѣру Берлина, мнѣ хотѣлось организовать сестричество и въ Парижѣ. Господь послалъ подходящаго человѣка — Вѣру Васильевну Неклюдову.

В. В. Неклюдова*) была личность незаурядная. Старая дѣвица, институтка, фрейлина, она имѣла за собою опытъ общественной работы. Во время войны она состояла въ Стокгольмѣ въ организаціи Краснаго Креста, взявшей на себя попеченіе о нашихъ военноплѣнныхъ въ Германіи и Австріи; черезъ В. В. шла вся переписка съ лагерями. Мать ея по происхожденію была гречанка, и это сказалось на темпераментѣ В. В. Экспансивная, горячая, она имѣла рѣдкій даръ воодушевленія, которое невольно передавалось и ея сотрудницамъ. Нѣкоторая нервность обусловливала неровность ея характера: восхищеніе какимъ-нибудь человѣкомъ смѣнялось ополченіемъ противъ него, обожаніе — неожиданнымъ «ноги моей не будетъ!» Душа чистая, добрая, преисполненная идеализма и рѣдкая по цѣльности. Ко мнѣ она относилась съ глубокой преданностью. Новому дѣлу она отдалась самоотверженно, и работа быстро и успѣшно наладилась. Пока В. В. была старшей сестрой, жизнь въ сестричествѣ била ключомъ.

Сестры заботились о порядкѣ въ храмѣ, украшали его въ праздники зеленью или цвѣтами, вѣдали починкой облаченій.

Отмѣчу и просвѣтительную дѣятельность сестричества. Оно создало «четверговую» церковно-приходскую школу въ зданіи русской гимназіи. Здѣсь дѣтей обучали Закону Божію, русскому языку, географіи и исторіи Россіи. Въ тѣ годы школа работала успѣшно. В.

*) Скончалась 24 декабря 1935 г. въ Парижѣ (въ Рождественскій сочельникъ).

В. Неклюдова каждый четвергъ бывала тамъ и лично слѣдила за всѣмъ. Стоило законоучителю о. Николаю Сахарову запоздать на нѣсколько минутъ, — къ «матушкѣ» телефонный звонокъ: «вѣрны ли ваши часы? Уже 2 часа, а батюшки нѣтъ...».

Первыя лѣтнія колоніи для эмигрантской дѣтворы возникли тоже по иниціативѣ В. В. и ея трудами совмѣстно съ сестрами. Великое благодѣяніе! Сколько дѣтей, протомившись весь годъ въ подвалахъ, либо въ мансардахъ, попадали на лоно природы, на свѣжій воздухъ и просторъ! Устраивали сестры для дѣтей и «елочки» на Рождествѣ и розговѣнье на Пасхѣ.

Всѣ эти начинанія требовали расходовъ. Приходилось обращаться къ добрымъ людямъ за пожертвованіями. Тутъ В. В. была неутомима. Бывало всѣхъ обѣгаетъ, всѣхъ обклянчитъ, претерпитъ не мало непріятностей, а деньги все-же соберетъ. Въ одномъ банкѣ директоръ, какой-то грекъ, приказалъ секретарю: «дайте ей 10 франковъ», В. В. вскипѣла: «отъ себя вамъ дамъ 10 франковъ!..»

Очень широко развило сестричество благотворительную дѣятельность. Сестры собирали ношеное платье, бѣлье, обувь и раздавали нуждающимся; оказывали и денежную помощь. Посѣщали онѣ и одинокихъ русскихъ въ больницахъ, приносили имъ на Пасхѣ куличи, яйца; хоронили безродныхъ больныхъ. Тогда денегъ еще на все хватало. Были взносы, были пожертвованія. Дежурную сестру съ тарелочкой «на бѣдныхъ прихода» неизмѣнно можно было видѣть въ притворѣ храма за всѣми церковными службами, а эмиграція поначалу денегъ на добрыя дѣла не жалѣла. Ежегодно въ кассу сестричества притекало тысячъ 50-60 — сумма огромная, по сравненію съ послѣдними годами.

Разъ въ недѣлю вечеромъ, по пятницамъ, сестры собирались ко мнѣ на чай. Бывали доклады, потомъ слѣдовали по поводу нихъ бесѣды. Особенно оживилась дѣятельность сестричества при о. Георгіи Спасскомъ.

О. Георгій Спасскій былъ до революціи священникомъ Черноморскаго флота. Уже тогда онъ занималъ видное положеніе, а когда послѣ Крымской эвакуаціи нашъ флотъ ушелъ въ Бизерту, значеніе его, какъ духовнаго водителя эмиграціи, въ Бизертѣ еще больше возросло. Послѣ ликвидаціи флота въ Бизертѣ, по требованію французскихъ властей, о. Спасскій пріѣхалъ въ Парижъ. Наше духовенство включить его въ штатъ не соглашалось, и я сдѣлалъ его разъѣзднымъ священникомъ, отвелъ ему квартирку въ церковномъ флигелѣ и положилъ изъ суммъ Епархіальнаго Управленія 500 фр. въ мѣсяцъ жалованья. Онъ долженъ былъ сопровождать меня въ поѣздкахъ по епархіи, помогать мнѣ основывать приходы, по моему порученію умиротворять распри въ приходскихъ совѣтахъ на мѣстахъ

и т. д. Понемногу я все же втиснулъ его въ нашъ приходъ третьимъ священникомъ. Онъ весьма оживилъ приходскую жизнь.

Одаренный человѣкъ, прекрасный ораторъ, литературно образованный, довольно свѣтскій (любитель театра), онъ являлъ типъ священника новаго склада. Въ Россіи такіе священники встрѣчались, но большинство подобныхъ духовныхъ лицъ были люди мало церковные, требы исполняли кое-какъ, зато увлекались чтеніемъ лекцій на религіозно-философскія темы. Въ о. Спасскомъ этого уклона къ раціонализированью вопросовъ вѣры и Церкви не было. Молитвенный, церковный, глубоко религіозный, онъ любилъ служить и служилъ съ подъемомъ, любилъ причащаться; не свысока, а истово и смиренно исполнялъ требы, ревновалъ о службѣ Божіей, о ея полнотѣ и благолѣпіи. По воскресеньямъ въ 5 часовъ онъ служилъ молебны съ акафистомъ, а послѣ нихъ велъ религіозныя бесѣды. Собиралось довольно много молящихся, преимущественно его искренніе почитатели. Эти бесѣды имѣли несомнѣнно просвѣтительное значеніе. Проповѣди его были блестящи по формѣ, живы, энергичны, хоть и не очень глубоки по содержанію. Любилъ онъ читать и лекціи съ благотворительной цѣлью. Я назначилъ его духовнымъ руководителемъ сестеръ. О. Георгій внесъ въ сестричество духъ единенія и умѣлъ возбудить въ нихъ интересъ къ религіознымъ вопросамъ. По пятницамъ онъ велъ систематическія бесѣды: первый годъ — краткій курсъ апологетики, второй — толкованіе св. Писанія, третій — толкованіе богослуженія. Изрѣдка для сестеръ онъ служилъ Литургію, это способствовало развитію въ нихъ сознанія духовнаго единства.

Но главная заслуга о. Спасскаго, которую необходимо отмѣтить, — его умѣнье входить въ индивидуальное общеніе съ душами. Онъ являлъ примѣръ настоящаго пастырства, той Seelensorge, которая лежитъ въ основѣ пастырскаго служенія. О. Спасскій становился другомъ, наставникомъ тѣхъ, съ кѣмъ духовно общался, посѣщалъ своихъ духовныхъ дѣтей и въ каморкахъ и въ подвалахъ, назидалъ и утѣшалъ, одаривалъ кого крестикомъ, кого просфорой, образкомъ или молитвенникомъ, помнилъ всѣхъ именинниковъ и именинницъ, всѣ особо памятные въ семьяхъ дни... Онъ обо всѣхъ заботился и во все входилъ. Иногда ему случалось за день побывать въ 25-30 домахъ. Себя онъ не жалѣлъ нисколько. Неудивительно, что онъ надорвался и сгорѣлъ въ этомъ непосильномъ, ревностномъ трудѣ. О. Георгій Спасскій былъ несомнѣнно выдающійся священникъ. Онъ скончался скоропостижно отъ разрыва сердца 16 января 1934 г., во время чтенія своей лекціи «О догматѣ»; она была вводной въ циклѣ лекцій, въ которыхъ онъ предполагалъ дать анализъ и критику религіозно-философскихъ и богословскихъ трудовъ

нашихъ современныхъ мыслителей: о. С. Булгакова, Бердяева и др. Въ роковой вечеръ, говоря о догматѣ, о. Георгій сказалъ нѣсколько словъ о знаменитомъ авторѣ «Догматическаго богословія» митрополитѣ Макаріи, котораго его современники-богословы обвиняли въ либерализмѣ, упомянулъ и о скоропостижной и загадочной его кончинѣ въ купальнѣ, вызвавшей когда-то не мало кривотолковъ. Не успѣлъ о. Георгій разсказать объ этомъ, — ему сдѣлалось дурно, и тутъ же на эстрадѣ онъ скончался...

При жизни популярность о. Спасскаго была велика, и смерть ее не умалила. Гробъ съ останками покойнаго оставили въ помѣщеніи при нижнемъ храмѣ Александро-Невской церкви. Тамъ онъ стоитъ и понынѣ*), неизмѣнно убранный свѣжими цвѣтами. Нѣкоторыя почитательницы о. Георгія въ своей преданности его памяти доходятъ до фанатизма и истерики, и даже гробъ его превратили въ предметъ почитанія.

Кѣмъ можно было замѣнить покойнаго о. Георгія? Послѣ нѣкотораго раздумья я остановилъ свой выборъ на о. А. Ельчаниновѣ. Это былъ тоже пастырь незаурядный: чуткій, высокодуховный, учитель молодежи, литературно образованный и весьма начитанный въ аскетической литературѣ. Но Господь не судилъ ему проявить своихъ дарованій въ нашемъ приходѣ. Онъ послужилъ одну недѣлю и внезапно, въ Страстной Понедѣльникъ, въ церкви передъ службой тяжко занемогъ. Съ нимъ случился припадокъ — проявленіе давней его болѣзни. Больного отнесли домой. Мучился онъ долго, болѣзнь никакому лѣченію не поддавалась, и послѣ пяти мѣсяцевъ ужасныхъ страданій о. Ельчаниновъ скончался.

На его мѣсто я назначилъ молодого игумена о. Никона Треве, воспитанника нашего Богословскаго Института, человѣка горящей вѣры и подвижническаго духа. Онъ и понынѣ служитъ Церкви Божіей, теперь уже въ санѣ архимандрита**).

Изъ другихъ членовъ клира, кромѣ уже названныхъ мною, слѣдуетъ упомянуть псаломщика-регента Н. П. Афонскаго. Онъ бывшій студентъ Кіевской Духовной Академіи, мобилизованный въ Великую войну, потомъ офицеръ императорской и добровольческой армій, оказался человѣкомъ съ недюжиннымъ музыкальнымъ талантомъ. Я нашелъ его въ одномъ изъ германскихъ лагерей, потомъ онъ нѣкоторое время работалъ въ моей канцеляріи и былъ назначенъ псаломщикомъ въ Висбаденъ, оттуда я перевелъ его въ Парижъ. Онъ такъ прекрасно поставилъ хоръ, что сдѣлался любимцемъ русской эмиграціи, участвовалъ въ концертахъ съ Шаляпинымъ и даже два

*) Впослѣдствіи онъ былъ похороненъ на кладбищѣ въ Sainte-Geneviève des Bois.

**) Въ 1946 году возведенъ въ санъ епископа.

раза былъ приглашенъ съ хоромъ въ Америку, гдѣ имѣлъ большой успѣхъ.

Наконецъ, не могу не вспомнить я добрымъ чувствомъ молодежь, прислуживающую мнѣ въ качествѣ иподіаконовъ, свѣщеносцевъ, рипидчиковъ и т. д. Эти милые мальчики, моя «гвардія», какъ я ихъ въ шутку называю, съ высокимъ церковнымъ усердіемъ, безкорыстно, — подъ руководствомъ старшаго иподіакона П. Е. Ковалевскаго, человѣка самоотверженно преданнаго Церкви, — украшаютъ мое архіерейское богослуженіе. Ковалевскій объединилъ ихъ въ особое братство, которое дало много молодыхъ церковныхъ работниковъ.

2. УСТРОЕНІЕ СТАРЫХЪ ХРАМОВЪ И ПРИХОДОВЪ

Моя епархіальная дѣятельность развернулась не сразу. Сперва я все вниманіе сосредоточилъ на Александро-Невскомъ приходѣ, а когда Приходское Управленіе было налажено, я занялся устроеніемъ Епархіальнаго Управленія.

Въ Епархіальный Совѣтъ я пригласилъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ Приходскаго Совѣта: а) отъ духовенства: прот. І. Смирнова, прот. Н. Сахарова и прот. Г. Спасскаго и б) отъ мірянъ: гр. В. Н. Коковцева, Е. П. Ковалевскаго, Н. И. Шидловскаго, проф. А. В. Карташева, Б. А. Татищева (старосту). Въ секретари взялъ Т. А. Аметистова. Къ сожалѣнію, Карташевъ, занятый политикой въ «Національномъ Союзѣ», посѣщалъ наши засѣданія рѣдко. Наиболѣе активными работниками были гр. Коковцевъ, Шидловскій и Ковалевскій.

За всѣ эти годы гр. Коковцевъ былъ въ Епархіальномъ Управленіи (такъ же, какъ и въ Приходскомъ Совѣтѣ) моей главной опорой. Онъ живо и горячо относился ко всѣмъ вопросамъ, которые выдвигала епархіальная жизнь, а его государственная подготовка, широта горизонтовъ и дисциплина труда дѣлали его незамѣнимымъ членомъ Епархіальнаго Совѣта.

Н. И. Шидловскій (бывшій членъ Государственной Думы) оказался идеальнымъ казначеемъ. Кристально честный, до педантизма точный и строгій, онъ не терпѣлъ ни малѣйшей путаницы въ отчетахъ. «Казенныя деньги особенно требуютъ строго-моральнаго отношенія къ нимъ», говорилъ онъ. Для него просчетъ въ 50 сантимовъ былъ столь же нетерпимъ, какъ и въ 500 франковъ. Крайняя его щепетильность оказала мнѣ огромную услугу.

Секретарь Епархіальнаго Совѣта Т. А. Аметистовъ*) тоже былъ подходящимъ человѣкомъ. Я зналъ его давно и выбралъ въ секретари потому, что сочетаніе въ немъ образованности свѣтскаго человѣка и традицій духовной школы считалъ цѣннымъ. Это былъ человѣкъ даровитый, работоспособный, но, къ сожалѣнію, не всегда строгій къ себѣ, увлекающійся...

Когда Управленіе было организовано, въ Епархіальномъ Совѣтѣ прежде всего возникъ вопросъ объ опредѣленіи отношеній нашей епархіи къ Карловацкому Синоду, которыя запутались вслѣдствіе неполнаго исполненія воли Патріарха. Въ зависимости отъ этого, печать неопредѣленности налегла на всю мою епархіальную дѣятельность. (Выясненію исторіи моихъ взаимоотношеній съ «Карловцами», за парижскій періодъ моего архипастырскаго служенія, я посвящу отдѣльную главу). Затѣмъ я направилъ свое вниманіе на храмы и приходы основанные въ разныхъ странахъ и городахъ Западной Европы до войны, а теперь входившіе въ составъ моей епархіи. За годы войны и революціи церковная жизнь въ нихъ пришла въ упадокъ, надо было принять мѣры, чтобы вновь ее наладить.

ГЕРМАНІЯ

Больше всего церквей въ свое время было построено въ Германіи стараніями неутомимаго строителя протоіерея А. П. Мальцева**) и основаннаго имъ въ Берлинѣ Владимірскаго Братства. Это были прекрасные, просторные храмы, отличавшіеся благоустройствомъ и снабженные всѣмъ необходимымъ для церковнаго обихода. На судьбу этихъ церквей за 15 лѣтъ эмигрантскаго ихъ существованія имѣли вліяніе и политическіе сдвиги въ германской политической жизни и разногласія въ нашей зарубежной Церкви.

Признаніе большевиковъ германскимъ правительствомъ повлекло за собою передачу имъ зданія бывшаго посольства въ Берлинѣ вмѣстѣ съ посольской церковью, гдѣ послѣ моего отъѣзда въ Парижъ настоятелемъ былъ архимандритъ Тихонъ. Пришлось искать помѣщенія для церкви на сторонѣ. Намъ помогъ пасторъ Мазингъ, бывшій настоятель Анненкирхе въ Петербургѣ. Въ Берлинѣ онъ открылъ русско-нѣмецкую гимназію съ интернатомъ на Находштрассе и, узнавъ про нашу бѣду, предложилъ намъ помѣщеніе при гимназіи. Возникла милая, уютная церковка, куда архим. Тихонъ изъ посольскаго храма и перебрался. Съ настоятельствомъ его въ этой церкви связана моя первая въ эмиграціи хиротонія.

---

*) См. стр. 127 и 405.
**) См. стран. 380-381.

Въ своихъ письмахъ ко мнѣ, уже въ 1923-мъ году, архимандритъ Тихонъ началъ намекать на желательность возведенія его въ санъ епископа: «я не изъ честолюбія пишу объ этомъ, это нужно для пользы Церкви....» а нѣсколько позже заявилъ уже безъ обиняковъ: «Я хочу быть епископомъ». Къ честолюбивому заявленію я отнесся сдержанно, но скоро обстоятельства сложились такъ, что я принужденъ былъ заколебаться. Приблизительно въ то время появился на берлинскомъ горизонтѣ нѣкто Троицкій. Онъ засыпалъ русскую колонію благодѣяніями: взялъ на себя ремонтъ церквей, изъявилъ желаніе содѣйствовать ихъ расширенію и переустройству... словомъ, почти въ каждомъ донесеніи, поступавшемъ къ намъ въ Епархіальное Управленіе, упоминались все новыя и новыя его «щедроты». Въ отвѣтъ мы благодарили и посылали наше архипастырское благословеніе. Въ концѣ концовъ, Троицкій далъ понять, что въ дальнѣйшемъ его благотворительная ревность будетъ зависѣть отъ того, посвящу я архимандрита Тихона въ епископы, или не посвящу. Я поѣхалъ въ Берлинъ (въ 24 г.), чтобы выяснить этотъ вопросъ на мѣстѣ. Прихожане церкви на Находштрассе единодушно поддержали притязанія своего настоятеля и пожеланія церковнаго старосты — благодѣтеля Троицкаго. Одновременно я узналъ, что и въ Карловцахъ эту хиротонію одобряютъ и благословляютъ; Тихонъ и тамъ уже успѣлъ подготовить для этого почву. Я сдался и послѣ Пасхи весной (24 г.) посвятилъ архимандрита Тихона во епископы.

Тяжелое чувство осталось у меня отъ этого торжества... Рѣчь нареченнаго во епископы обычно бываетъ какъ бы исповѣданіемъ его отношенія къ Церкви, а архимандритъ Тихонъ произнесъ напыщенное «слово» о своемъ научномъ богословскомъ творчествѣ, «которое онъ готовъ принести въ даръ Церкви...» Въ отвѣтной рѣчи я счелъ нужнымъ подчеркнуть нескромность его заявленія: «на вѣсахъ Божественнаго Провидѣнія все это имѣетъ малое значеніе...» сказалъ я. Тяжелое мое чувство было прискорбнымъ предчувствіемъ... Епископъ Тихонъ съ его непомѣрнымъ честолюбіемъ оказался главнымъ виновникомъ моего разрыва съ Карловцами. Послѣ Карловацкаго Собора 1926 года онъ сталъ ожесточеннымъ моимъ противникомъ и грубо вытолкалъ моихъ священниковъ изъ Церкви на Находштрассе. Произошла эта постыдная сцена передъ всенощной. Священники о. Григорій Прозоровъ и о. Павелъ Савицкій должны были служить. О. Савицкій стоялъ уже у престола; вошелъ еп. Тихонъ — и со всего размаху оттолкнулъ его... Намъ пришлось съ Находштрассе уйти и устроиться на новомъ мѣстѣ.

Мы сняли маленькое, скромное помѣщеніе. Приходъ захирѣлъ. О. Савицкій ушелъ въ школьные законоучители, а о. Прозоровъ

бывшій професоръ Политехникума, неактивный, придавленный революціей, оживить приходской жизни не могъ. При моемъ второмъ столкновеніи съ митрополитомъ Сергіемъ Московскимъ онъ меня покинулъ и перешелъ къ митрополиту Елевферію. Нѣкоторое время его замѣнялъ, безъ особаго успѣха, о. Н. Езерскій, и наконецъ, приходъ возглавилъ о. Іоаннъ Шаховской, человѣкъ даровитый, высокаго аскетическаго склада, подвижническаго духа, пламенный миссіонерскій проповѣдникъ. Онъ привлекъ сердца; приходъ ожилъ и процвѣлъ. Когда еп. Тихонъ выстроилъ новый храмъ, который наименовалъ соборомъ, и покинулъ Находштрассе, мы вновь туда перебрались.

Ближайшей помощницей о. Іоанна Шаховского стала бывшая сестра милосердія Кауфманской общины В. Масленникова (въ эмиграціи приняла монашескій постригъ съ именемъ Маріы). Во время войны она была командирована въ Германію и Австрію для посѣщенія лагерей военноплѣнныхъ и справилась съ порученіемъ прекрасно. Потомъ объѣхала наши русскіе лагери военноплѣнныхъ и, найдя вопіющіе непорядки и злоупотребленія съ довольствіемъ и проч., подняла на ноги кого слѣдовало и во многомъ улучшила положеніе заключенныхъ. Въ результатѣ — нареканія, что она держитъ руку нѣмцевъ. Въ эмиграціи она опять отдалась общественной работѣ. Съ помощью подруги, графини Шакъ, она наняла въ Берлинѣ домъ и организовала столовую для дѣтей и для взрослыхъ, отпуская ежедневно до 250 обѣдовъ, кому безплатно, а кому за самую ничтожную плату. Въ домѣ была устроена церковка. Начинаніе прекрасное. Русская колонія его очень цѣнила. Мать Марѳа вложила въ него много любви, посѣтители встрѣчали теплое, участливое отношеніе, это привлекало къ устроительницѣ всѣ сердца; русская колонія единодушно считала ее своимъ добрымъ геніемъ. Къ сожалѣнію, это чудное начинаніе по строго монашескимъ соображеніямъ было ликвидировано о. Іоанномъ...

Нашъ храмъ въ Дрезденѣ въ началѣ эмиграціи возглавилъ протоіерей Можаровскій*), бывшій священникъ Холмской епархіи. Добрый, честный пастырь, типъ «сельскаго батюшки». Недостатокъ общей культуры сказывался въ общеніи съ прихожанами, по преимуществу интеллигенціей, но все же со своей задачей справлялся онъ очень хорошо; привлекъ въ приходъ проживающихъ въ Дрезденѣ грековъ. Въ послѣдніе годы (1935), когда онъ состарился и ослабѣлъ, я послалъ ему помощника о. Сергія Шимкевича**), вос-

*) См. страницу 398.

**) Нынѣ Секретарь Епархіальнаго Управленія въ Парижѣ архимандритъ Савва.

питанника нашего Богословскаго Института, образованнаго священника, говорящаго по-нѣмецки.

Настоятелемъ церкви въ Баденъ-Баденѣ былъ о. Михаилъ Шефирцы (изъ Бессарабіи), священникъ изъ военноплѣнныхъ. Простенькій, тихій «батюшка». Въ первые годы эмиграціи въ Баденѣ скопилось довольно много русскихъ и приходъ ожилъ, потомъ ряды порѣдѣли и церковная жизнь стала замирать. Въ настоящее время эта прекрасная церковь почти безъ прихожанъ. Она содержалась главнымъ образомъ благодаря поддержкѣ Двора герцогини Евгеніи Максимиліановны, гробница которой находится въ этомъ храмѣ.

Въ Висбаденѣ настоятелемъ церкви я засталъ престарѣлаго протоіерея о. Сергія Протопопова*). По старости и болѣзни глазъ онъ уже не могъ исполнять своего служенія. Тогда я посвятилъ въ священники мѣстнаго діакона о. Павла Адамантова, окончившаго Казанскую Духовную Академію, и назначилъ его преемникомъ о. Протопопова. О. Адамантовъ не могъ создать живого прихода. По натурѣ человѣкъ черствый и эгоистичный, онъ не проявлялъ должнаго попеченія о паствѣ. Случалось, въ Пасхальную ночь, когда въ Висбаденъ съѣзжались на заутреню русскіе не только изъ Висбадена, но и изъ окрестныхъ городовъ Рейнской области, о. настоятель послѣ службы уходилъ разговляться въ свой прекрасный, обширный церковный домъ къ своей семьѣ**), не подумавъ объ устройствѣ общеприходскаго розговѣнья, хотя бы по подпискѣ; безпріютные, голодные богомольцы были принуждены бродить по городу до утра въ ожиданіи перваго поѣзда или трамвая. Постоянно возникали недоразумѣнія между прихожанами и о. настоятелемъ по поводу церковныхъ доходовъ. Приходъ въ Висбаденѣ богатый, но прихожанъ очень мало; прекрасный нашъ храмъ, упомянутый въ Бедекерѣ, привлекалъ туристовъ, за осмотръ взималась плата, пополнявшая приходскую казну. Вокругъ этихъ церковныхъ суммъ страсти разгорѣлись. Эмигрантской бѣднотѣ хотѣлось къ деньгамъ прикоснуться, а о. Адамантовъ къ нимъ никого не подпускалъ. Пререканія перешли во вражду, и смута привела къ печальному концу. При поддержкѣ епископа Тихона прихожане добились секвестра церковнаго имущества германскими властями, какъ имущества выморочнаго, — и передачи его приходу еп. Тихона. Положеніе для о. Адамантова создалось тягостное и онъ перешелъ въ Карловацкую юрисдикцію.

*) См. стр. 392.

**) Къ слову сказать, онъ женатъ былъ на нѣмкѣ, съ англійскимъ воспитаніемъ, которая, почти не говорила по-русски, такъ же воспиталъ и свою дочь; обстановка очень мало подходящая для русскаго православнаго священника.

Такъ у меня отняли этотъ храмъ и приходъ вслѣдствіе интригъ еп. Тихона и бездѣятельности о. П. Адамантова.

Храмъ въ Лейпцигѣ я унаслѣдовалъ въ печальномъ видѣ. Его начали строить передъ войной въ память русскихъ воиновъ, погибшихъ въ великомъ сраженіи Наполеона съ союзниками, именуемомъ «битвою народовъ» (въ 1813 г.); нѣсколько тысячъ русскихъ воиновъ покоилось подъ сводами этого храма-памятника. Постройку закончить не успѣли, и она была оставлена на попеченіе консула, а потомъ куратора-банкира Доделя, члена строительнаго комитета. Однако, кураторъ о ней не пекся, и въ военное время она фактически была брошена на произволъ судьбы; храмъ разрушался, подвергся двумъ ограбленіямъ, штукатурка мѣстами обвалилась, стекла потрескались и кое-гдѣ вывалились... Въ этомъ состояніи я его и засталъ. При нашей бѣдности положеніе было безвыходное. Но вотъ, неожиданно, Божіимъ Промысломъ, выходъ нашелся...

Русскій латышъ, разбогатѣвшій за годы войны, почувствовалъ угрызеніе совѣсти и, для изглажденія грѣховъ, ассигновалъ 100.000 марокъ на ремонтъ этого храма; отремонтировалъ онъ его основательно. Когда все было готово, упомянутый кураторъ, банкиръ Доделъ, черезъ своего представителя обратился ко мнѣ съ просьбой освятить храмъ. Я освятилъ его и назначилъ настоятелемъ о. Александра (въ монашествѣ Алексія) Недошивина изъ Южина, б. Управляющаго Казенной Палатой. Однако, мы не могли считать храмъ нашей собственностью: надо было еще внести 300.000 марокъ Доделю — остатокъ невыплаченной ему за постройку суммы. Я вспомнилъ, что въ свое время былъ записанъ въ члены строительнаго комитета; имя мое въ числѣ другихъ членовъ комитета было выгравировано на наружной стѣнѣ храма. Это дало мнѣ возможность возстановить комитетъ и приступить къ сбору пожертвованій. Сборъ длился 10 лѣтъ. Деньги мы собрали, и храмъ выкупили. Великой благодарности заслуживаютъ о. Недошивинъ и его сотрудникъ, церковный староста А. Н. Фену, усердно потрудившійся въ этомъ дѣлѣ. Теперь, когда тяжесть выкупа съ нашихъ плечъ снята, передъ нами неожиданно всталъ тревожный вопросъ: не отнимутъ ли отъ насъ наше имущество? О. Недошивинъ, успѣшно закончивъ порученное ему дѣло, приходъ покинулъ. Наладить приходскую жизнь ему не удалось. Его замѣнилъ молодой целибатный священникъ о. Мануилъ Есенскій.

Въ настоящее время положеніе нашихъ церквей и приходовъ въ Германіи трудное. Въ сущности въ той или иной мѣрѣ оно было сложнымъ почти въ теченіе всего эмигрантскаго періода. Внутри

приходовъ повели съ нами борьбу «карловчане». Намъ удалось удержать большинство церквей. Но теперь Дамокловъ мечъ снова занесенъ надъ ними... Намъ угрожаетъ переходъ всѣхъ церковныхъ имуществъ въ вѣдѣніе германскихъ властей съ передачей ихъ православному духовенству правительственной оріентаціи. Правительственные акты о секвестрѣ церквей и передачѣ признанному властями еп. Тихону еще не вездѣ осуществлены. Еп. Тихонъ и его сторонники стараются добиться добровольнаго согласія приходовъ о переходѣ въ его вѣдѣніе. Подъ вліяніемъ моральнаго давленія, нѣкоторые приходы обращаются ко мнѣ за благословеніемъ, — спрашиваютъ: «нужно-ли это дѣлать?», — я отвѣчаю: «поступайте согласно совѣсти», — они колеблются: «а мы безъ вашего благословенія не хотимъ...» Этой неопредѣленностью позиціи и смущеніемъ душъ пользуется епископъ Тихонъ и въ своей агитаціи противъ меня не пренебрегаетъ демагогическими пріемами, и даже инсинуаціей: «митрополитъ Евлогій оторвался отъ родной Церкви, ушелъ къ грекамъ.... подчинился политически французамъ....» — вотъ его клеветническіе на меня навѣты*).

ФРАНЦІЯ.

Во Франціи до войны, кромѣ Александро-Невскаго храма въ Парижѣ, у насъ было еще пять церквей: въ Ниццѣ, Каннъ, Ментонѣ, Біаррицѣ и въ По. Всѣ эти церкви потребовали церковно-административнаго переустройства въ виду наплыва бѣженцевъ измѣнившихъ составъ прихожанъ.

Въ Ниццѣ съ перваго года эмиграціи образовался сильный и многочисленный приходъ. Особенно живо и широко стала развиваться приходская жизнь съ пріѣздомъ (въ 1925 г.) архіепископа Владиміра**). Онъ былъ изгнанъ изъ Польши за протестъ противъ «временныхъ правилъ», которыя польское правительство ввело для православной Церкви, и которыя владыка Владиміръ считалъ для нашей Церкви унизительными. Высокопреосвященный Владиміръ поднялъ приходъ въ Ниццѣ экономически и морально. Подобралъ хорошій клиръ, организовалъ сестричество, сумѣлъ сплотить паству. Чистый, святой жизни архипастырь-молитвенникъ привлекъ сердца прихожанъ. Помощникомъ его, послѣ ухода къ карловчанамъ о. По-

*) Все это относится къ до-военному времени.
**) Нынѣ Митрополитъ Западно-Европейскихъ русскихъ православныхъ церквей, Экзархъ Патріарха Вселенскаго.

досенова, былъ свящ. Вл. Любимовъ*) и свящ. о. Ельчаниновъ**). За приходъ въ Ниццѣ я могъ быть спокоенъ***).

Приходская жизнь въ Ментонѣ, послѣ долгихъ ссоръ и недоразумѣній между прихожанами изъ-за священника прот. Цвѣтаева и прот. Н. Аквилонова, перешедшаго къ «карловчанамъ», наладилась, когда о. Аквилонова смѣнилъ въ 1925 году прот. Григорій Ломако, котораго я перевелъ сюда изъ Будапешта. О. Г. Ломако, старый, опытный священникъ, сумѣлъ взять въ руки и церковь и состоящій въ вѣдѣніи Братства св. Анастасіи Русскій Домъ, который былъ отданъ въ аренду Красному Кресту для осуществленія его благотворительныхъ цѣлей. Церковь обслуживала преимущественно обитателей и обитательницъ Русскаго Дома, старичковъ и старушекъ, среди которыхъ раздѣленіе на «евлогіанъ» и «карловчанъ» постепенно сглаживалось. Священникъ занималъ нѣсколько комнатъ въ церковномъ домѣ на виллѣ «Innominata», которая также управлялась Совѣтомъ Братства; были попытки устранить священника отъ участія въ дѣлахъ Братства и вообще отдѣлить церковь отъ Братства. Слава Богу, попытки эти не удались.

Съ приходомъ въ Каннъ, было у меня не мало осложненій. Настоятель, престарѣлый протоіерей Остроумовъ, давно уже привыкъ распоряжаться церковнымъ имуществомъ безконтрольно, на томъ основаніи, что оно было пріобрѣтено его стараніями. Въ моемъ лицѣ онъ встрѣтилъ противодѣйствіе, и я потребовалъ уточненія вопроса о церковной природѣ этого имущества и строгой отчетности въ немъ; тогда онъ ушелъ къ «карловчанамъ» и увлекъ значительную часть своего прихода. «Карловчане» сдѣлали его протопресвитеромъ, а потомъ даже епископомъ въ пику мнѣ и для борьбы съ архіепископомъ Владиміромъ.

Когда о. Остроумовъ меня покинулъ, мои приверженцы въ Каннъ сгруппировались вокругъ его племянника, псаломщика Алексѣя Селезнева, окончившаго духовную семинарію и много лѣтъ служившаго за псаломщика, хорошаго, честнаго человѣка. Я посвятилъ его въ священники и открылъ небольшой приходъ вблизи Каннъ — въ Каннъ ля Бока, гдѣ усердіемъ прихожанъ воздвигнутъ маленькій,

*) Сынъ священника; онъ окончилъ училище Правовѣдѣнія, а потомъ служилъ въ канцеляріи Государственной Думы по вѣроисповѣдному отдѣлу.

**) Рукоположенъ мною въ священническій санъ въ 1925 году. Я обратилъ на него вниманіе на одномъ изъ съѣздовъ «Христіанской Молодежи» и, вмѣстѣ съ о. Булгаковымъ, расположилъ его къ принятію сана. См. стр. 416.

***) Въ Ниццѣ три церкви: соборъ, церковь на рю Лонгшанъ № 6 и церковь на русскомъ кладбищѣ. И. д. настоятеля Ниццскихъ церквей протоіерей Г. Ломако, съ 1945 года протопресвитеръ.

но очень уютный и со вкусомъ украшенный храмъ св. Тихона Задонскаго.

Въ Біаррицѣ у насъ былъ прекрасный храмъ во имя св. Благовѣрнаго кн. Александра Невскаго съ домомъ для священника. Настоятелемъ его я назначилъ іеромонаха Андрея Демьяновича; онъ пріѣхалъ сюда изъ Флоренціи со своей матерью. Іеромонахъ Андрей окончилъ Петербургскую Духовную Академію, но ни высшее образованіе, ни монашество ни на что его не воодушевили. Равнодушный ко всему, онъ, кажется, ничѣмъ, кромѣ прогулокъ по окрестностямъ Біаррица со своей собакой, не интересовался. Однажды я пріѣхалъ осмотрѣть приходъ, прожилъ тамъ нѣсколько дней и не могъ скрыть то тяжелое впечатлѣніе, которое произвело на меня его служеніе. Вскорѣ въ приходѣ начались дрязги, и о. Андрей уѣхалъ въ Совѣтскую Россію, гдѣ поносилъ меня въ совѣтскомъ «живоцерковномъ» журналѣ. На его мѣсто я взялъ о. Церетелли (бывшій полковникъ). Благочестивый, чистый и духовный человѣкъ, горячаго сердца. Его военное прошлое приблизило къ нему проживавшаго въ Біаррицѣ принца А. П. Ольденбургскаго со всѣмъ его окруженіемъ. Приходъ оживалъ во время сезона, но въ остальное время былъ обреченъ на безлюдное, матеріально трудное существованіе: средства прихода зависѣли отъ удачнаго сезоннаго съѣзда и случайныхъ пожертвованій пріѣзжихъ. Много помогалъ храму вел. кн. Борисъ Владиміровичъ.

Церковь въ По, передѣланная изъ закрытаго костела, по своему внѣшнему виду не типично православный храмъ; при церкви было два церковныхъ домика. Вслѣдствіе тяжелаго матеріальнаго положенія, въ которомъ оказалась церковь, настоятелю протоіерею Попову пришлось одинъ изъ домиковъ продать.

Поначалу я къ прот. Попову расположился и перевелъ его въ Копенгагенъ, гдѣ онъ сталъ духовникомъ проживавшей тамъ Императрицы Маріи Феодоровны. Но въ Копенгагенѣ прот. Поповъ не привился и ему пришлось вернуться обратно. Когда начался раздоръ съ «карловчанами», онъ перешелъ къ нимъ.

АНГЛІЯ.

О положеніи Лондонскаго прихода въ самомъ началѣ эмиграціи я уже говорилъ. Послѣ смерти протоіерея Смирнова, первымъ настоятелемъ изъ эмиграціи былъ протоіерей І. Лелюхинъ. Подъ вліяніемъ тяжкой семейной драмы (жена и дочери, оставшіяся въ Россіи, уклонились въ коммунизмъ), раздавленный этимъ горемъ, онъ

съ трудомъ справлялся со своимъ служеніемъ. Тогда ему въ помощь я посвятилъ въ священники мѣстнаго псаломщика В. Тимофеева; онъ окончилъ Петербургскую Духовную Академію, 15 лѣтъ прожилъ въ Англіи и могъ быть связью съ англичанами. Выдвинулъ я и діакона Ѳеокритова, человѣка очень хорошаго, обладающаго прекраснымъ голосомъ и свободно владѣющаго англійскимъ языкомъ: я сдѣлалъ его протодіакономъ*) О. Тимофеевъ назначеніемъ вторымъ священникомъ доволенъ не былъ. Я намекнулъ о. Лелюхину, чтобы онъ подалъ прошеніе о переводѣ въ другой приходъ, его друзья ополчились противъ меня. Въ концѣ концовъ о. Лелюхина все же удалось перевести во Флоренцію. На освободившееся мѣсто мнѣ слѣдовало назначить о. Тимофеева, а я, чтобы импонировать англичанамъ, выписалъ изъ Финляндіи архіепископа Серафима, который, лишенный кафедры, сидѣлъ тогда въ монастырѣ на Коневцѣ въ заточеніи. Архіепископъ Серафимъ внесъ въ лондонскую паству смуту, а потомъ возглавилъ тамъ «карловчанъ».

Посольскую церковь мы вскорѣ потеряли по недостатку средствъ для оплаты аренды; тогда англичане дали намъ огромный храмъ, въ которомъ послѣ раскола мы и «карловчане» стали служить по недѣлямъ, а въ праздники поочереди. Одинъ храмъ, одинъ престолъ, а антиминсы разные... Съ одного амвона и наша проповѣдь и брань «карловчанъ» по моему адресу... Положеніе въ церковномъ смыслѣ нелѣпое, а въ житейскомъ — соблазнительное.

По уходѣ архіепископа Серафима въ станъ моихъ противниковъ, я выписалъ изъ Германіи прот. Н. Бера, благочестиваго, высококультурнаго священника. Англичане назначеніемъ этимъ были вполнѣ довольны: епископъ Лондонскій отмѣтилъ однажды это въ разговорѣ со мною. Зато о. Тимофеевъ назначеніемъ о. Бера былъ обиженъ и тоже ушелъ къ «карловчанамъ». Кроткому, тихому о. Беру вести борьбу съ нашими противниками было очень трудно, и до сихъ поръ мы съ «карловчанами» связаны общимъ храмомъ. Кротость массу не воодушевляетъ, и нашъ Лондонскій приходъ не процвѣтаетъ ни въ духовномъ, ни въ матеріальномъ отношеніи. Карловацкая часть прихода въ лучшемъ матеріальномъ положеніи, потому что туда отошла часть богатыхъ коммерсантовъ и аристократіи изъ крайнихъ правыхъ монархистовъ. Настоятелями въ Лондонѣ «карловчане» посылаютъ самыхъ боевыхъ людей: еп. Николай, громя меня, такъ увлекся, что сломалъ свой посохъ, а священникъ Б. Молчановъ, изъ студентовъ Богословскаго Института, мною посвященный, доходитъ до фанатизма въ своемъ анти-евлогіанскомъ настроеніи.

---

*) Впослѣдствіи онъ былъ посвященъ Митрополитомъ Евлогіемъ въ священники и сталъ настоятелемъ Лондонской церкви (нынѣ протоіерей).

Жаль, что нашъ Лондонскій приходъ не процвѣтаетъ, такъ какъ это важнѣйшій центръ экуменическаго движенія; здѣсь всѣ нити нашего сближенія съ англиканской церковью, гдѣ источники матеріальной помощи бѣдствующей Русской Церкви*).

БЕЛЬГІЯ.

О. Петръ Извольскій, первый назначенный мною въ Брюссель настоятель**), былъ замѣчательнымъ, образцовымъ священникомъ. Въ немъ сочетались смиреніе и кротость, столь трогательныя въ бывшемъ важномъ сановникѣ, со стойкостью, съ умѣніемъ стать авторитетомъ въ глазахъ прихожанъ. Къ своему служенію онъ относился съ ревностью неофита, вложилъ въ него всѣ свои дарованія. Прихожане его единодушно почитали, а для меня о. Петръ былъ утѣшеніемъ. Очень къ нему былъ расположенъ знаменитый кардиналъ Мерсье.

Когда возникъ расколъ съ Карловцами, о. Петръ удержалъ большую часть прихода. Его стараніями при церкви была устроена школа для дѣтей. Къ сожалѣнію, о. Петръ заболѣлъ неизлѣчимой болѣзнью (саркома) и долго угасалъ.

Преемникомъ о. Извольскаго сталъ преосвященный Александръ (Американскій). Послѣ Америки онъ попалъ въ Константинополь, откуда турки его выселили вмѣстѣ съ другими русскими, протомивъ при высылкѣ дня два въ тюрьмѣ. Владыка Александръ пріѣхалъ въ Парижъ и оказался въ самомъ неопредѣленномъ положеніи. Я предложилъ ему настоятельство въ Брюссельскомъ храмѣ. Онъ энергично взялъ тамъ бразды правленія и быстро завоевалъ широкія симпатіи. Оригинальной складки архипастырь. Истовый въ служеніи (служитъ ежедневно), аскетъ, постникъ, проповѣдникъ агитаціоннаго американскаго типа съ политическими оттѣнками въ содержаніи своихъ проповѣдей, по политическимъ взглядамъ монархистъ-легитимистъ. На богослуженіяхъ онъ поминаетъ всѣхъ монарховъ Европы, служитъ въ національныхъ трехцвѣтныхъ поручахъ, съ такими же трехцвѣтными ленточками на трикиріяхъ; въ царскіе дни на церковномъ домѣ, по его распоряженію, развѣваются русскіе національные флаги...

Помощникомъ у архіепископа Александра былъ сначала младшій священникъ Георгій Цебриковъ, пришедшій къ священству изъ интеллигенціи; даровитый, образованный, но крайне самолюбивый. О. Извольскій не сочувствовалъ его рукоположенію въ священни-

*) Все это относится къ до-военному времени.
**) См. стр. 399-400.

ки, а архіепископъ Александръ содѣйствовалъ; однако, вскорѣ о. Цебриковъ перешелъ въ католичество.

Другимъ помощникомъ былъ молодой священникъ Георгій Тарасовъ, прекрасный, кроткій, высоконравственный пастырь; онъ имѣлъ такую же прекрасную жену-христіанку, которая всецѣло отдала себя служенію Христу и Церкви; къ сожалѣнію, она скоро умерла.

Владыка Александръ*) не очень хозяйственный управитель, усердный молитвенникъ, отзывчивый на всякія нужды прихожанъ. Онъ отлично справляется съ приходомъ. «Карловчане» противостать его боевому темпераменту не могутъ. Они стараются скомпрометировать его, распространяя клеветническія брошюрки, въ которыхъ подвергаютъ пересудамъ его американское прошлое, но успѣха брошюрки не имѣютъ.

Архіепископъ Александръ сумѣлъ завоевать расположеніе паствы и бельгійскихъ общественныхъ и правительственныхъ круговъ. Впослѣдствіи, декретомъ Бельгійскаго Короля 8 іюня 1937 года, наша церковная организація въ лицѣ архіеп. Александра, получающаго свои полномочія отъ меня, получила и государственное признаніе; всѣ другія церковныя юрисдикціи по этому статуту считаются диссидентами. Это событіе было отпраздновано торжественнымъ богослуженіемъ — молебствіемъ предъ началомъ Литургіи, въ день Св. Николая, въ большомъ англиканскомъ храмѣ при многолюдномъ стеченіи народа. Секретарь архіепископа — Думбадзе вводилъ въ церковь и устанавливалъ на приготовленныя мѣста дипломатическихъ представителей православныхъ державъ и членовъ мѣстнаго городского Управленія. Молебенъ былъ, такъ сказать, церковно-гражданскаго характера съ возглашеніемъ множества многолѣтій и вѣчной памяти; закончился онъ пѣніемъ бельгійскаго гимна. Была, конечно, торжественная трапеза. Вообще это событіе, имѣющее несомнѣнно огромное значеніе для правового положенія русской православной Церкви въ Бельгіи, было отпраздновано необычайно торжественно.

ЧЕХОСЛОВАКІЯ

До пріѣзда въ Прагу преосвященнаго Сергія изъ Польши, откуда его выслали (такъ же, какъ и архіепископа Владиміра) за отказъ подписать унизительный конкордатъ, прочной церковной организаціи при священникахъ о. Стельмашенко и о. Г. Ломако — у насъ въ Прагѣ не было**). Владыка Сергій, чуждый всякаго властолюбія, отъ

*) См. стр. 393.
**) См. стр. 398 и 400.

настоятельства уклонялся, но я все же убѣдилъ его взять приходъ въ свои руки.

Въ самомъ началѣ своего служенія въ Прагѣ преосвященному Сергію пришлось выдержать тяжелую борьбу съ нѣкіимъ архимандритомъ Савватіемъ, чехомъ, получившимъ образованіе въ Казанской Духовной Академіи и оставшимся на русской церковной службѣ смотрителемъ духовнаго училища. Съ наступленіемъ революціи, онъ перекочевалъ на родину, въ Прагу, и, конечно, мечталъ сдѣлаться настоятелемъ нашего Пражскаго прихода.

Однако, наша русская колонія съ нимъ не ладила, и о. Савватій направилъ свою дѣятельность въ другую сторону. При помощи чешскаго дѣятеля Червина и своихъ друзей, онъ составилъ петицію къ Вселенскому Патріарху объ образованіи самостоятельной національной православной чешской Церкви, для чего вмѣстѣ съ Червиной поѣхалъ въ Константинополь. Тамъ его посвятили въ епископы «всея Чехіи», а Червину въ протопресвитеры. Явившись въ Прагу въ званіи епископа, онъ сталъ тѣснить преосвященнаго Сергія. Храмъ св. Николая правительство оставило въ общемъ пользованіи нашего прихода и еп. Савватія. И вотъ, бывало, пріѣдетъ преосвященный Сергій служить, а еп. Савватій, отстранивъ его, становится на настоятельскомъ мѣстѣ. Владыка Сергій смиренно становится сбоку. Это положеніе продолжалось недолго: на выборахъ Чешской православной общины еп. Савватій не получилъ достаточнаго количества голосовъ — и онъ остался не у дѣлъ, а православныхъ чеховъ возглавилъ еп. Гораздъ, принявшій посвященіе отъ Сербскаго патріарха. Хотя нашимъ искреннимъ другомъ мы считать его не могли, но все же онъ не допускалъ тѣхъ формъ вторженія въ нашъ приходъ, какъ это дѣлалъ его предшественникъ.

Приходская жизнь подъ водительствомъ владыки Сергія забила ключомъ. Скромный, простой, смиренный, преосвященный Сергій обладаетъ рѣдкимъ даромъ сплачивать вокругъ себя людей самыхъ противоположныхъ: знатные и незнатные, ученые и неученые, богатые и бѣдные, «правые» и «лѣвые»... — всѣ объединились вокругъ него въ дружную семью.

Владыка Сергій живетъ убого, въ одной комнаткѣ, на 4-мъ этажѣ, у старушки-чешки. Эта скромная квартира привлекаетъ многихъ. По четвергамъ владыка Сергій устраиваетъ «чай», — на столѣ появляется самоваръ. Кто-кто на этихъ «четвергахъ» только ни перебывалъ! Молодежь — студенты — забѣгаютъ къ нему иногда и безъ приглашенія подкрѣпиться или переночевать. Гостепріимный владыка отличный хозяинъ; на кухнѣ у старушки-чешки онъ самъ и грибы солитъ, и варенье варитъ, и рыбу маринуетъ. Можно встрѣтить его и на базарѣ съ огромнымъ чернымъ мѣшкомъ въ рукахъ. Кто изъ

его друзей не знаетъ этого примѣчательнаго мѣшка, столь хитраго устройства и столь необычайной емкости, что въ немъ помѣщается кипящій самоваръ? Пріятный сюрпризъ иногда для хозяевъ, когда владыка Сергій приходитъ въ гости...

Помню, пріѣхали мы съ архіепископомъ Владиміромъ какъ-то разъ въ Прагу и остановились у преосвященнаго Сергія. Въ комнатѣ тѣсно: мы, кромѣ насъ студенты (ночевать пришли), посреди комнаты столъ съ самоваромъ, съ посудой... — какъ на ночлегъ устроиться? Ничего, устроились. Мнѣ предоставили кровать, высокопреосвященному Владиміру — диванъ, владыка Сергій легъ подъ столомъ, а студенты — на полу въ передней. Неудивительно, что пражскій приходъ ожилъ, когда во главѣ его сталъ пастырь, который живетъ только для другихъ, совсѣмъ не думая о себѣ.

При владыкѣ Сергіи въ Прагѣ образовалось Братство подъ покровительствомъ извѣстнаго политическаго дѣятеля Крамаржа. Жена Крамаржа, недавно скончавшаяся, (рожденная Абрикосова, изъ семьи московскихъ богачей), была его предсѣдательницей. Она и секретарь Братства Мирковичъ хотѣли, чтобы Братство замѣнило приходъ. На это согласиться нельзя было: въ приходѣ выборное начало сочетается со строго-проведеннымъ іерархическимъ началомъ, а въ Братствѣ не такъ: выборный предсѣдатель Братства лицо надѣленное широкими полномочіями. Послѣ нѣкоторыхъ непріятныхъ недоразумѣній, много испортившихъ крови владыкѣ Сергію, г-жа Крамаржъ и Мирковичъ изъ Братства ушли. За время ихъ участія въ этой организаціи Братствомъ была построена на русскомъ участкѣ кладбища церковь Успенія Божіей Матери — очень красивый художественной архитектуры храмъ, украшенный мозаикой и иконописью.

Кромѣ Праги, были у насъ отличные храмы въ трехъ чешскихъ курортахъ: въ Карлсбадѣ (нынѣ «Карловы Вары»), въ Маріенбадѣ, («Маріански Лазни») и во Франценсбадѣ («Францишковы Лазни»); всѣ три построены тѣмъ же неутомимымъ строителемъ о. Мальцевымъ. Сейчасъ они находятся въ вѣдѣніи кураторовъ-чеховъ.

Благодаря личному авторитету преосвященанго Сергія среди русскихъ и симпатій къ нему чешскаго общества, положеніе наше въ Чехословакіи, хоть юридически и неопредѣленно, но фактически устойчиво: пока храмы — наши, и вопросъ, о томъ, на правахъ ли собственности, или по праву владѣнія они считаются за нами, просто, не ставится. Всѣмъ этимъ положеніемъ мы обязаны преосвященному Сергію, который среди чеховъ поддерживаетъ движеніе въ пользу православія.

У владыки Сергія отличный помощникъ — его правая рука — архимандритъ Исаакій, воспитанникъ нашего Богословскаго Инсти-

тута. Умница, дипломатъ, самоотверженный работникъ. На всѣхъ общественныхъ собраніяхъ, гдѣ нужно сказать хорошую рѣчь, чтобы она произвела впечатлѣніе, выступаетъ о. Исаакій.

АВСТРІЯ

Я уже разсказалъ о томъ состояніи, въ которомъ я засталъ нашу церковь въ первый мой пріѣздъ въ Вѣну*). Мнѣ удалось наладить приходъ, поручивъ его священнику Авениру Дьякову (изъ довоенныхъ діаконовъ этой церкви). Но о. Авениръ оказался не на высотѣ, и его пришлось замѣнить. Пріѣхалъ и бывшій до войны настоятель Вѣнской церкви протоіерей Рождественскій. Онъ проживалъ въ Швейцаріи и все ждалъ, когда какое-нибудь начальство призоветъ его къ исполненію священнослужительскихъ обязанностей. Ждалъ тщетно, наконецъ вернулся въ Вѣну, больной, рамольный, служить уже не могъ и скоро умеръ, завѣщавъ свою библіотеку нашему Богословскому Институту. По увольненіи А. Дьякова, я назначилъ архимандрита Харитона, бывшаго ректора Волынской семинаріи. Въ Польшѣ митрополитъ Діонисій назначилъ его въ сельскій приходъ. Я пожалѣлъ его, выписалъ въ Вѣну. Онъ велъ приходъ плохо и въ концѣ концовъ ушелъ къ «карловчанамъ». Я замѣнилъ его сначала священникомъ Д. Колпинскимъ, перешедшимъ ко мнѣ изъ католичества; черезъ нѣкоторое время онъ заболѣлъ нервнымъ недомоганіемъ, опять вернулся въ католичество и скоро умеръ. Я замѣнилъ его хорошимъ «батюшкой» стараго типа прот. Ванчаковымъ. Приходъ въ Вѣнѣ маленькій, слабенькій, едва влачитъ существованіе. «Карловчане» открыли параллельный приходъ, который возглавляется пріѣхавшимъ изъ Россіи епископомъ Серафимомъ Ляде, нѣмцемъ по происхожденію; но и ему не удается создать сильный приходъ. Недалеко отъ Вѣны, въ Baden bei Wien, также организовалась, главнымъ образомъ трудами кн. Г. Н. Трубецкого, приходская община, настоятелемъ которой я назначилъ прот. Д. Барсова, но онъ вскорѣ умеръ; община была приписана къ Вѣнскому приходу, а потомъ совсѣмъ закрылась.

ИТАЛІЯ

Въ Италіи у меня было два прихода — въ Римѣ и во Флоренціи — и три церкви: въ Меранѣ, въ Бари и въ Санъ-Ремо. Въ 24-мъ году я всѣ ихъ объѣхалъ.

Наша церковь въ Меранѣ, маленькая, уютная, помѣщается въ Русскомъ Домѣ, построенномъ купчихой Бородиной для пріѣзжаю-

*) См. стр. 378.

щихъ изъ Россіи больныхъ туберкулезомъ. Теперь достояніемъ покойной благотворительницы завѣдывала 90-лѣтняя старуха Фаина Ивановна Мессингъ, бывшая ея приближенная. Она сдавала комнаты пріѣзжавшимъ русскимъ и хранила имущество, но безконтрольно. Священникъ Флорентійскаго нашего прихода, къ которому приписана Меранская церковь, о. Іоаннъ Куракинъ вмѣшался въ это дѣло и настоялъ на организаціи комитета по управленію домомъ и церковью. Въ комитетъ вошли три итальянца и двое русскихъ.

Во Флоренціи у насъ чудный храмъ, самый красивый изъ всѣхъ храмовъ моей епархіи. Двухъэтажное зданіе въ русскомъ стилѣ, много прекрасныхъ иконъ, живопись лучшихъ живописцевъ... Съ настоятельствомъ этого храма было у меня немало неудачъ.

Поначалу приходъ возглавлялъ глубокій старецъ протоіерей о. Левицкій; онъ неудачно выбралъ себѣ помощника — іеромонаха Андрея*), котораго затѣмъ я перевелъ въ Біарриць. Его смѣнилъ о. Стельмашенко (изъ Праги), умный, образованный, но человѣкъ крутого нрава. У него испортились отношенія съ прихожанами, и мнѣ пришлось его назначить въ Тегельскую церковь. До Берлина онъ не доѣхалъ: на пути остановился въ Парижѣ, провелъ у меня вечеръ, а ночью скоропостижно скончался отъ грудной жабы.

Въ бытность о. Стельмашенко настоятелемъ во Флоренціи, со мной случилось весьма непріятное приключеніе.

Въ нижней церкви нашего Флорентійскаго храма мнѣ показали чудный иконостасъ, который попалъ сюда изъ домовой церкви фонъ-Дервизъ, владѣльца прекрасной виллы подъ Флоренціей. Иконостасъ лежалъ безъ употребленія. Мелькнула мысль: вотъ бы его купить для Сергіевскаго Подворья! И тутъ же надежда, что какой-нибудь благотворитель его для насъ выкупитъ. Что-же? Не успѣлъ я вернуться изъ Италіи въ Парижъ, является ко мнѣ молодой человѣкъ, скромнаго, смиреннаго вида, нѣсколько удивившій меня манерой припадать передо мной на одно колѣно. «Вѣрно, обиностранился...» подумалъ я. Онъ назвалъ свою фамилію; я имѣлъ основаніе отнестись къ нему довѣрчиво. Молодой человѣкъ сказалъ, что до него дошли слухи о моемъ желаніи купить иконостасъ и заявилъ, что онъ хочетъ его выкупить и пожертвовать. «Надо облегчить совѣсть... я хотѣлъ бы въ память матери....» Онъ пригласилъ меня къ себѣ на завтракъ. Я въ сопровожденіи о. Іоанна (Леончукова) посѣтилъ добраго молодого человѣка. Жилъ онъ подъ Парижемъ въ собственномъ домикѣ рабочаго типа. У него была недурная библіотека. Онъ показывалъ намъ портретъ своей матери. Мы у него совершили панихиду и позавтракали. Все говорило за то, что его намѣреніе помочь

*) См. стр. 425.

намъ искренно, а осуществленіе ему матеріально посильно. Онъ попросилъ меня дать ему письмо на имя о. Стельмашенко, въ которомъ я бы рекомендовалъ его, какъ покупателя. Я согласился. Желая овладѣть довѣріемъ о. Стельмашенко, молодой человѣкъ прямо въѣхалъ въ его квартиру и поселился, какъ добрый знакомый, какъ другъ. Ради благотворительной цѣли продажа иконостаса состоялась по очень низкой цѣнѣ (7.000 фр.), а прихожане прибавили еще къ иконостасу иконы и лампады... — на доброе дѣло! Упаковку и отправку имущества молодой человѣкъ произвелъ черезъ транспортную контору съ необычайной быстротой и ловкостью въ отсутствіе о. Стельмашенко, и лишь только все изъ церкви было вывезено, — пропалъ.... О. настоятель тщетно ждалъ его возвращенія, — наконецъ пошелъ справиться въ транспортную контору — и что же? Оказывается, всѣ ящики направлены въ Парижъ, но не намъ... Я получилъ отчаянную телеграмму отъ о. Стельмашенко. Иконостаса мы такъ никогда больше и не видали...

Послѣ о. Стельмашенко я перевелъ изъ Лондона во Флоренцію о. Лелюхина. Къ сожалѣнію, и здѣсь несчастный о. Лелюхинъ съ горя не справился со своимъ служеніемъ.

Нашъ приходъ во Флоренціи по составу аристократическій. Главную роль играетъ прихожанка, попечительница храма кн. М. П. Абамелекъ-Лазарева, милліонерша, владѣлица чудеснаго помѣстья **Pratolino**. Ея управляющій, по фамиліи Галка, типъ московскаго приказчика, былъ церковнымъ старостой; потомъ онъ принялъ католичество, сбрилъ сѣдую бороду и вынужденъ былъ должность старосты оставить; однако, нашими церковными дѣлами онъ продолжалъ интересоваться и всячески старался воздѣйствовать на княгиню, чтобы она взяла о. Лелюхина подъ свою защиту...

Приходъ во Флоренціи долго меня мучительно тревожилъ. Потомъ все понемногу устроилось. Бывшій членъ Государственной Думы кн. Куракинъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ тяжкаго эмигрантскаго существованія, приблизился къ Господу настолько, что я посовѣтовалъ ему принять священство. Я направилъ его сначала въ Миланъ, а потомъ во Флоренцію. Онъ взялъ приходъ въ руки, сумѣлъ его поднять. Кн. Абамелекъ-Лазарева сначала была въ оппозиціи, а теперь примирилась съ новымъ настоятелемъ и съ новымъ старостой.

Экономически приходу было до сихъ поръ неплохо, но потомъ онъ лишился довольно крупной суммы дохода: въ криптѣ храма, въ усыпальницѣ, покоились останки королевы Эллиновъ Софіи (сестры Вильгельма II) и короля Константина; за эти гробницы греки намъ платили 7.000 фр. въ годъ. Осенью 1936 года гробы перевезли въ Аѳины.

Въ Бари у насъ были еще недостроенные церковь и домъ для паломниковъ — имущество нашего Палестинскаго Общества, богатѣйшей организаціи, раскинувшей свои центры въ Сиріи и по всей Палестинѣ. Наши паломники въ благочестивыхъ своихъ странствіяхъ направлялись и въ Бари.

Во время моей поѣздки по Италіи (въ 1924 г.) я посѣтилъ Бари. Мнѣ хотѣлось отслужить молебенъ у самыхъ мощей святителя Николая. Ксендзы не позволили: «мы не имѣемъ права разрѣшить... надо обратиться къ епископу». Епископъ отвѣтилъ уклончиво: «не отъ меня зависитъ, надо запросить Римъ...» Я послалъ телеграмму въ Римъ, прождалъ два дня, — отвѣта не послѣдовало. Я помолился у св. мощей, и направился въ Римъ.

«Вѣчный городъ» произвелъ на меня незабываемое впечатлѣніе. Сколько памятниковъ христіанской древности! Величіе непобѣдимой силы христіанства нигдѣ такъ не чувствуешь, какъ въ Римѣ, особенно въ катакомбахъ. Кучка безправныхъ рабовъ, бѣдняковъ, послѣднихъ нищихъ... скрывавшаяся во мракѣ пещеръ, совершая св. Евхаристію на гробахъ мучениковъ, накопила такую духовную силу, такую мощь, что, хлынувъ изъ подземелій въ міръ, опрокинула твердыню Рима. Воинственная римская государственность, грозная, непобѣдимая, вынуждена была склониться къ подножію Креста. Когда ходишь по Риму, живо ощущаешь «потокъ временъ», историческую эволюцію культуръ. Античная культура, христіанство первыхъ вѣковъ, средневѣковая съ расцвѣтомъ и упадкомъ папства, Ренессансъ, наконецъ, культура новаго времени... — все осязательно представлено, все запечатлѣно въ памятникахъ зодчества, скульптуры, живописи, прикладного искусства. Одна культура наслаивалась на другую. Какъ примѣчательна хотя бы церковь Supra Minerva — храмъ Пресвятой Дѣвы, воздвигнутый надъ древнимъ языческимъ храмомъ богини Минервы... Я побывалъ и въ соборѣ св. Петра. Впечатлѣніе величія, а духовнаго, молитвеннаго настроенія нѣтъ.

Въ Римѣ (въ 1924 г.) у русскихъ собственной церкви еще не было, для богослуженій нанимали залъ въ одномъ благоустроенномъ домѣ. (Впослѣдствіи русская колонія устроила церковь въ особнякѣ, унаслѣдованномъ по завѣщанію отъ гр. Чернышевой). Служилъ архимандритъ Симеонъ, хорошій, вдумчивый монахъ; впослѣдствіи, изъ личной преданности митрополиту Антонію, онъ перешелъ къ «карловчанамъ», но не считалъ Карловацкій синодъ канонически полномочнымъ органомъ церковнаго управленія и отъ продвиженія во епископы неизмѣнно уклонялся.

Во время моего пребыванія въ Римѣ, у меня завязались отношенія кое съ кѣмъ изъ католиковъ. Ко мнѣ явились кн. Александръ

Волконскій, о. Абрикосовъ и нареченный во епископы монсиньоръ д-Эрбиньи (d'Herbiny) директоръ Institutum Pontificale Orientale, гдѣ культивируется и по сей день, такъ называемый, «восточный обрядъ». Поднялся вопросъ о соединеніи церквей, и между нами произошелъ слѣдующій діалогъ:

— Какъ вы, Ваше Высокопреосвященство, къ этому относитесь?

— Святая идея, отвѣтилъ я, но исторія наложила на этомъ пути столько камней... Прежде чѣмъ говорить о соединеніи, надо путь расчистить, всѣ камни удалить.

— Какіе камни?

— А ваша пропаганда, — вербовка душъ.... Вы поступаете неправильно. Когда это касается взрослыхъ, — не горюю: они имѣютъ свою совѣсть, сами за себя отвѣчаютъ; но когда вы улавливаете «малыхъ сихъ», въ пріютахъ, въ школахъ.... — это недопустимое насиліе надъ дѣтскими душами.

— Гдѣ?.. гдѣ?..

— Хотя бы въ Бельгіи, — дѣятельность такихъ лицъ, какъ Сипягинъ.

— Это недоразумѣніе... фанатизмъ нѣкоторыхъ аббатовъ, игуменій... Св. Отецъ этому не сочувствуетъ...

— Католичество славится дисциплиной... Если изъ Рима пригрозятъ пальцемъ, всѣ подчинятся. Есть еще камень на пути — удушеніе Православія въ Польшѣ.

— Ахъ, эта Польша!.. Польское духовенство проѣдено политикой!

— Да, проѣдено, но отъ этого не легче...

Мои собесѣдники стали приглашать меня побывать въ ихъ Институтѣ и спросили, не заѣду ли я къ св. Отцу. Я упомянулъ о молчаніи Ватикана въ отвѣтъ на мою телеграмму изъ Бари. — «Ахъ, это небрежность папской канцеляріи...» — «Не думаю, въ заключеніе сказалъ я, что мое посѣщеніе доставитъ удовольствіе Его Святѣйшеству...»

Послѣ Рима я намѣревался съѣздить въ Неаполь и осмотрѣть раскопки Геркуланума и Помпеи, но, получивъ извѣстіе, что въ Парижъ пріѣхалъ владыка Анастасій, я пожертвовалъ интересной поѣздкой и поспѣшилъ домой.

Епископа Анастасія только что выслали изъ Константинополя. Тамъ онъ произносилъ зажигательныя политическія рѣчи на Аѳонскомъ Подворьѣ. Константинопольскій патріархъ предостерегалъ его, совѣтовалъ учитывать обстановку, помнить, что пользуется гостепріимствомъ турецкой державы, но владыка Анастасій съ этимъ предостереженіемъ не посчитался, и потому ему запретили священнослуженіе. Онъ уѣхалъ изъ Константинополя.

ШВЕЙЦАРІЯ

Въ нашей Женевской церкви еще до войны настоятелемъ былъ протоіерей Сергій Орловъ. Къ нему въ Швейцаріи привыкли. Онъ пользовался авторитетомъ, въ странѣ обжился, устроился крѣпко, даже разбогатѣлъ: пріобрѣлъ виллу. Человѣкъ осторожный, умѣющій въ бурное время оріентироваться... Мы съ нимъ сверстники по Московской Духовной Академіи (я былъ на 1-омъ курсѣ, когда онъ былъ на 4-омъ). Въ началѣ эмиграціи я у него исповѣдывался. Карловацкій расколъ насъ разобщилъ. Пережить нашъ разрывъ мнѣ было больно... Церковь въ Женевѣ, во имя Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста, небольшая, но прекрасная, съ чуднымъ звономъ. Приходъ небольшой, спокойный, буржуазный...

ГОЛЛАНДІЯ

Настоятелемъ нашей церкви въ Гаагѣ былъ долгіе годы о. Алексѣй Розановъ, священникъ семинарскаго образованія, не очень ревновавшій о своемъ приходѣ. Церковь, устроенная въ домѣ батюшки, со входомъ черезъ его гостиную, привлекала преимущественно его друзей и знакомыхъ, а богомольцы со стороны идти въ квартиру батюшки иногда и не отваживались. Приходъ и безъ того малочисленный захирѣлъ. Послѣ смерти о. Розанова, я назначилъ въ Гаагу іеромонаха о. Діонисія, горячаго, энергичнаго, молодого человѣка, окончившаго Богословскій Институтъ.

ШВЕЦІЯ

Храмъ въ Стокгольмѣ нашъ самый старый храмъ въ Западной Европѣ (онъ былъ основанъ при Петрѣ Великомъ). Настоятелемъ его я засталъ престарѣлаго священника прот. Петра Румянцева школьнаго коллегу о. Іакова Смирнова. Впослѣдствіи появился ему помощникъ — о. Александръ Рубецъ, бывшій воспитатель Императорскаго Александровскаго Лицея. Онъ читалъ курсъ русскаго языка въ Упсальскомъ Университетѣ, а въ Стокгольмѣ имѣлъ свою домовую церковь. Я рукоположилъ его въ священники и, послѣ смерти о. Румянцева, хотѣлъ сдѣлать его преемникомъ, но между нимъ и прихожанами возникли недоразумѣнія, онъ отъ настоятельства уклонился и продолжалъ служить въ своей домовой церкви, изрѣдка выѣзжая для службъ и требъ въ Осло.

Русская колонія возстала противъ о. А. Рубца по слѣдующему поводу. Одно книгоиздательство заказало ему книгу о совѣтскихъ писателяхъ. Ничего общаго съ коммунизмомъ не имѣя, о. А. Рубецъ,

заработка ради, взялъ заказъ и написалъ рядъ критическихъ отзывовъ, для совѣтской литературы весьма нелестныхъ. Но книгоиздательство оказало ему медвѣжью услугу — изобразило на обложкѣ серпъ и молотъ. Это эмигрантовъ возмутило. Я разобрался въ обвиненіяхъ и ничего криминальнаго въ дѣйствіяхъ о. А. Рубца не нашелъ.

РУМЫНІЯ.

Наша церковь въ Бухарестѣ въ первые годы эмиграціи существовала благополучно. Возглавлялъ ее священникъ о. Игнатій Коневскій. Храму покровительствовалъ румынскій патріархъ и старый нашъ посланникъ въ Румыніи, магнатъ Уральскій, католикъ-полякъ Поклевскій-Козеллъ. Потомъ все перемѣнилось. Внезапно умеръ о. Коневскій. Румынія признала большевиковъ, патріархъ Миронъ, чтобы покончить съ большевицкими притязаніями, отдалъ нашу церковь сербамъ. Это было, конечно, неправильно, но все же лучше, чѣмъ передача большевикамъ...

Въ Бессарабіи, гдѣ всѣ церкви были раньше наши, мы подверглись утѣсненію, волна насильственной румынизаціи захлестнула церковную жизнь: введены были новый стиль и богослуженіе на румынскомъ языкѣ. Славянское богослуженіе сохранилось лишь въ одной, кладбищенской, церкви въ Кишиневѣ. «Карловчане» пытались осѣсть въ Румыніи, но ихъ арестовали и посадили въ тюрьму.

ДАНІЯ

Въ Копенгагенѣ у насъ была небольшая, но очень хорошая благоукрашенная церковь и небольшой приходъ. Пребываніе Императрицы Маріи Феодоровны для приходской жизни имѣло большое значеніе. Въ началѣ эмиграціи настоятелемъ былъ архимандритъ Антоній Дашкевичъ, изъ флотскихъ іеромонаховъ, когда то плававшій на императорской яхтѣ. Императрицу о. Андрей развлекалъ, умѣлъ разсказывать анекдоты. Поначалу я отнесся къ нему хорошо, а потомъ, разглядѣвъ, измѣнилъ къ нему отношеніе и сталъ его подтягивать. «Карловцы» вызвали его, посвятили въ епископы и отправили на Аляску, поручивъ ему на пути произвести слѣдствіе относительно дѣятельности въ Америкѣ епископа Александра. Между нимъ и владыкой Александромъ были старые счеты. Подъ видомъ дознанія еп. Антоній собралъ кучу всякаго обывательскаго мусору, а до Аляски такъ и не доѣхалъ, вскорѣ возвратился назадъ и умеръ въ Югославіи.

На его мѣсто я послалъ прот. Н. Попова (изъ По), а потомъ

назначилъ достойнѣйшаго, умнаго, благоговѣйнаго старца о. Леонида Колчева (изъ Константинополя). Императрица меня благодарила за это назначеніе. Когда Данія признала большевиковъ, и они затѣяли судебный процессъ съ цѣлью завладѣть нашей церковью, о. Колчевъ сумѣлъ ее отстоять. Въ 1928 году Императрица Марія Феодоровна скончалась. О. Леонидъ ее напутствовалъ. По кончинѣ я получилъ отъ него телеграмму: онъ вызывалъ меня на похороны. Я прибылъ въ Копенгагенъ и совершилъ чинъ погребенія. На похоронахъ встрѣтился съ вел. кн. Ольгой Александровной, познакомился съ ея двумя дѣтьми, прелестными мальчиками Тихономъ и Гуріемъ, и узналъ, что вел. кн. живетъ на фермѣ, занимается огородничествомъ и садоводствомъ, сама возитъ въ городъ землянику на продажу, а для этого встаетъ на зарѣ и выѣзжаетъ на восходѣ солнца. Отъ всего ея разсказа о своей скромной, трудовой жизни вѣяло духомъ смиреннаго величія... Добрая, истинная христіанка.

БОЛГАРІЯ.

Въ Софіи настоятелемъ нашей церкви я засталъ архимандрита Тихона, котораго я взялъ съ собою въ Берлинъ*). Одна часть прихожанъ просила меня на его мѣсто назначить протопресвитера Георгія Шавельскаго; другая — епископа Серафима (Лубненскаго), который проживалъ въ Константинополѣ и былъ не у дѣлъ. Я назначилъ еп. Серафима. Назначеніе не изъ удачныхъ. Еп. Серафимъ создалъ въ приходѣ непріятную атмосферу нездороваго мистицизма — пророческихъ вѣщаній, видѣній....

Болгарскими церковными дѣлами я не интересовался. Болгарію, строго говоря, «Западной Европой» считать нельзя, къ тому же тамъ былъ самостоятельный епископъ. Нашу церковь въ Софіи большевики потомъ отобрали, отдали болгарамъ, а епископу Серафиму пришлось устроиться на сторонѣ ,въ маленькой церковкѣ. Когда возникъ расколъ съ Карловцами, онъ меня покинулъ и сталъ однимъ изъ яркихъ представителей «карловчанъ». Противъ о. Сергія Булгакова онъ написалъ обличительный трудъ — толстый томъ въ нѣсколько сотъ страницъ, очень примитивный и въ научномъ отношеніи незначительный.

Кромѣ Софіи, у насъ въ Болгаріи есть еще храмы: на Шипкѣ, въ Варнѣ и нѣсколько другихъ.

---

*) См. стр. 376.

3. НОВЫЕ ХРАМЫ И ПРИХОДЫ

(СЕРГІЕВСКОЕ ПОДВОРЬЕ. БОГОСЛОВСКІЙ ИНСТИТУТЪ.)

Налаживая церковную жизнь въ существовавшихъ уже раньше въ Западной Европѣ нашихъ церквахъ, я одновременно много вниманія удѣлялъ созиданію въ моей епархіи новыхъ храмовъ и приходовъ. Исторіи ихъ возникновенія и существованія я посвящу цѣлый отдѣлъ и прежде всего разскажу, какъ мнѣ удалось, съ помощью Божіей и при поддержкѣ моей паствы, создать Сергіевское Подворье — первый новый храмъ. Возникновеніе его положило начало широкой храмоздательной дѣятельности въ моей епархіи — осуществленіе соборныхъ усилій нашей зарубежной Церкви.

СЕРГІЕВСКОЕ ПОДВОРЬЕ

Александро-Невская церковь всѣхъ молящихся не вмѣщала. Я съ болью наблюдалъ, что многіе богомольцы, стремившіеся попасть въ храмъ, оставались за дверями. Тревожило меня и чувство неудовлетворенности дѣятельностью нашего прихода: церковная жизнь ключомъ не била, образцовымъ каѳедральный приходъ считаться не могъ. Эти соображенія и побудили меня направить свою дѣятельность по новому пути. Я задумалъ создать нѣсколько новыхъ церквей, прежде всего въ Парижѣ. У меня была тайная надежда, что въ этихъ новыхъ церквахъ создадутся очаги болѣе дѣятельной церковно-приходской жизни. Первымъ осуществленіемъ моего желанія было Сергіевское Подворье. Возникло оно прямо чудомъ.

Озабоченный мыслью объ устроеніи второго храма въ Парижѣ, я обратился къ кн. Г. Н. Трубецкому и М. М. Осоргину*) и просилъ помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Мы начали съ того, что ходатайствовали передъ французскимъ правительствомъ о предоставленіи намъ, въ воздаяніе заслугъ русскихъ воиновъ на французскомъ фронтѣ, какого-либо помѣщенія для храма; мы просили, — хотя-бы во временное пользованіе до возвращенія нашего на родину, — предоставить намъ одно изъ отчужденныхъ по праву войны нѣмецкихъ зданій, а если его намъ дать не могутъ, то хоть отвести намъ участокъ земли, гдѣ бы мы уже сами выстроили церковь. Къ сожалѣнію, этотъ планъ не удался, и тогда у насъ возникла мысль купить для означенной цѣли какое-нибудь секвестрированное зданіе.

*) Съ братьями М. М. и С. М. Осоргиными я познакомился въ Германіи, въ Баденъ-Баденѣ. Они играли видную роль въ Баденскомъ приходѣ. М. М. исполнялъ обязанности псаломщика, а С. М. — регента; оба брата были люди церковнаго склада.

М. М. Осоргинъ нашелъ подходящую усадьбу подъ № 93 по рю де Кримэ. Это было бывшее нѣмецкое учрежденіе, созданное пасторомъ Фридрихомъ фонъ-Бодельшвингъ: нѣмецкое общество попеченія о духовныхъ нуждахъ проживающихъ въ Парижѣ нѣмцевъ евангелическаго исповѣданія устроило тамъ дѣтскую школу-интернатъ. Это учрежденіе помѣщалось въ нижнемъ этажѣ зданія, а въ верхнемъ была устроена кирка.

Осоргинъ повезъ меня на рю де Кримэ. Я осмотрѣлъ усадьбу. Она мнѣ очень понравилась.

Въ глубинѣ двора высокій холмъ съ вѣтвистыми деревьями и цвѣточными клумбами. Дорожка вьется на его вершину къ крыльцу большого деревяннаго зданія школы, надъ его крышей виднѣется маленькая колокольня кирки. Кругомъ еще четыре небольшихъ домика. Тихо, свѣтло, укромно: съ улицы, за домами, усадьбы не видно, и уличный шумъ до нея не доходитъ, со всѣхъ сторонъ ее обступаютъ высокія стѣны сосѣднихъ домовъ, словно отъ всего міра закрываютъ. Настоящая «пустынь» среди шумнаго, суетнаго Парижа. «Вотъ бы гдѣ хорошо намъ устроиться, вслухъ подумалъ я, и не только открыть приходъ, но и пастырскую школу...»

Къ сожалѣнію, вся усадьба была въ плачевномъ состояніи. Съ 1914 г., съ начала войны, зданій не только не ремонтировали, но оставили безъ всякаго присмотра; временно здѣсь жили солдаты отправлявшіеся на фронтъ. Теперь правительство дало распоряженіе продать усадьбу съ аукціона за номинальную сумму въ 300.000 франковъ. Чтобы имѣть право приступить къ торгамъ, надо было предварительно внести залогъ въ размѣрѣ 5% съ назначенной суммы, т. е. 15.000 франковъ.

Въ моемъ распоряженіи въ это время былъ епархіальный денежный фондъ какъ разъ на эту сумму. Осоргинъ объ этомъ зналъ. «Не рискнуть ли намъ выступить на торгахъ?» сказалъ онъ, не задумываясь надъ тѣмъ, откуда взять остальную сумму, если бы имущество на торгахъ осталось за нами. Не вѣря въ возможность покупки, я все же, смѣясь, далъ Осоргину согласіе, однако, съ оговоркой, что въ успѣхъ дѣла повѣрить трудно: «Какіе же мы покупатели! Какая дерзость! Столько земли.... найдутся конкуренты. Гдѣ же намъ съ ними состязаться?» Въ такомъ настроеніи я разрѣшилъ Осоргину внести залогъ и явиться на аукціонъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы цѣну сверхъ 300.000 фр., онъ поднималъ лишь съ крайней осторожностью, и во всякомъ случаѣ не превышая 310.000 франковъ.

Торги были назначены на Сергіевъ день, 18 іюля. Была среда. Послѣ Литургіи я долженъ былъ служить акафистъ. Направляясь въ церковь, встрѣтилъ именинника — б. министра Сергѣя Дмитріевича Сазонова. Про торги онъ слышалъ и доброжелательно сказалъ: «Въ

добрый часъ! Преподобный Сергій вамъ поможетъ...» Не успѣлъ я по окончаніи службы разоблачиться, вдругъ входитъ Осоргинъ и радостно объявляетъ: «Поздравляю... торги въ нашу пользу за 321.000»... Я напустился на него: «Что вы сдѣлали? Развѣ это возможно! Черезъ мѣсяцъ, къ 18 августа, надо внести 35.000, иначе нотаріусъ купчей не составитъ? а остальную сумму надо въ декабрѣ? Откуда взять такія деньги?!.» Я рѣшилъ, что мы попались, и намъ не выпутаться. Обратился за совѣтомъ къ гр. Коковцеву, — онъ отнесся къ нашему дѣлу неодобрительно: «Охота вамъ связываться? Бросьте!.. Хлопоты, непріятности... Откажитесь... 15.000 пропадутъ, что-жъ дѣлать! Здоровье дороже». Мнѣ было и 15.000 жалко, и не зналъ я, откуда до 35.000 добрать. Сталъ объѣзжать нѣкоторыхъ знакомыхъ — и что же?! Кто двѣ, кто три тысячи даетъ... Къ 18 августа собралъ всѣ 35.000. Далось это не легко, волненій было много. У меня начались сердечные припадки, моя давняя болѣзнь (Меньера) усилилась: въ церкви почти ежедневно бывали головокруженія и рвота. Мнѣ посовѣтовали съѣздить полѣчиться въ Royat. Тамъ, наединѣ, я все обдумывалъ, что дѣлать дальше. Надежда на Бога смѣнялась отчаяніемъ: 270.000 надо внести въ ноябрѣ... — откуда ихъ взять? Такую огромную сумму у кого просить? И кто сможетъ справиться съ этимъ труднѣйшимъ и сложнымъ дѣломъ — осуществить покупку имущества, а потомъ имъ управлять? Я не считалъ себя опытнымъ хозяиномъ. Тутъ впервые возникла мысль вызвать изъ Берлина настоятеля Тегельской церкви архимандрита Іоанна Леончукова*). Въ бытность свою предсѣдателемъ всѣхъ свѣчныхъ заводовъ Русской Церкви, о. Іоаннъ пріобрѣлъ большой хозяйственный опытъ и не разъ былъ командированъ за-границу для покупокъ воска и проч. Я вызвалъ о. Іоанна въ Royat. Онъ успокаивалъ меня, но, повидимому, въ душѣ сомнѣвался не меньше, чѣмъ я. Кое-какъ докончивъ курсъ лѣченія, я вернулся въ Парижъ и тотчасъ образовалъ комитетъ по изысканію средствъ для пріобрѣтенія Подворья. Предсѣдательство взялъ на себя кн. Б. А. Васильчиковъ, членами вошли: архимандритъ Іоаннъ, прот. Георгій Спасскій, кн. Г. Н. Трубецкой, Осоргинъ, Вахрушевъ, Каштановъ, Шидловскій, Ковалевскій, гр. Хрептовичъ-Бутеневъ, Никаноровъ, Липеровскій, Аметистовъ. Комитетъ собирался то у меня, то у Вахрушева. Отношеніе къ задуманному дѣлу въ русскомъ обществѣ было различное: люди дѣловые, финансисты, смотрѣли на покупку, какъ на неосмотрительный шагъ, а люди съ преобладаніемъ идеализма надъ практическими соображеніями стояли за дерзаніе. С. Н. Третьяковъ, прежде чѣмъ высказаться «за» или «противъ» покупки, послалъ архитектора отъ Торгово-

*) Впослѣдствіи епископъ Херсонесскій.

Промышленнаго Комитета осмотрѣть зданіе; тотъ далъ заключеніе неутѣшительное: разрушенія велики, ремонтъ будетъ стоить дорого. Третьяковъ высказался противъ пріобрѣтенія усадьбы. Несмотря на разногласія, сборъ пожертвованій начался, — и деньги потекли.... Э. Л. Нобель пожертвовалъ 40.000 фр., А. К. Ушковъ — 100 фунтовъ, М. Н. Гирсъ внесъ единовременно тоже крупную сумму и т. д. Посыпались и мелкія пожертвованія: отъ различныхъ эмигрантскихъ объединеній и отъ отдѣльныхъ лицъ; бѣдные рабочіе, шоферы несли свои скромныя трогательныя лепты. Много было пожертвованій отъ «неизвѣстнаго»*). Сталъ наростать подъемъ. Дамы приносили серьги, кольца.... Казначей Шидловскій едва успѣвалъ писать квитанціи на всѣ эти взносы и приношенія. А тѣмъ временемъ срокъ платежа приближался... Мнѣ совѣтовали рѣшиться на какую-то финансовую операцію съ закладомъ, но устроить ее было сложно. Въ эти тревожные дни пришелъ ко мнѣ одинъ пріятель и говоритъ: «Вотъ вы, владыка, такъ мучаетесь, а я видѣлъ на-дняхъ еврея-благотворителя Моисея Акимовича Гинзбурга, онъ прослышалъ, что вамъ деньги нужны. Что-же, говоритъ, митрополитъ не обращается ко мнѣ? Я бы ему помогъ. Или онъ еврейскими деньгами брезгуетъ?» Недолго думая, я надѣлъ клобукъ — и поѣхалъ къ М. А. Гинзбургу. Я зналъ, что онъ человѣкъ широкаго, добраго сердца и искренно любитъ Россію. На мою просьбу дать намъ ссуду, которую мы понемногу будемъ ему выплачивать, онъ отозвался съ рѣдкимъ душевнымъ благородствомъ. Ссуда въ 100.000 его не испугала (а эта сумма насъ выручала), онъ далъ намъ ее безъ процентовъ и безсрочно. «Я вѣрю вамъ на слово. Когда сможете, тогда и выплатите...» **) сказалъ онъ. Благодаря этой денежной поддержкѣ, купчая была подписана, и мы немедленно приступили къ капитальному ремонту зданій. Онъ длился всю зиму. Мнѣ хотѣлось освятить храмъ не позже св. Четыредесятницы, чтобы дать возможность богомольцамъ посѣщать на Подворьѣ великопостныя службы.

Освященіе состоялось 1-го марта въ Прощеное Воскресенье. Подворье было пріобрѣтено въ день памяти Преподобнаго Сергія Радонежскаго; въ этомъ я усмотрѣлъ особенное благословеніе этого святого угодника и посвятилъ храмъ и всю усадьбу его святому имени, назвавъ его «Сергіевское Подворье». Храмъ имѣлъ еще довольно убогій видъ и все еще напоминалъ кирку: иконостасъ взятый изъ по-

*) Замѣчательно, что одинъ жертвователь изъ Марокко, пожелавшій остаться неизвѣстнымъ до сихъ поръ, на протяженіи многихъ многихъ лѣтъ, ежемѣсячно вноситъ на Сергіевское Подворье по 100 фр. въ мѣсяцъ. Дай ему Господь здоровья и всякаго благополучія!

**) Мы понемногу выплачивали нашъ долгъ М. А. Гинзбургу и погасили его полностью.

ходной военной церкви, мало иконъ, мало лампадъ... Народу собралось очень много. Среди молящихся были и иностранцы: французы и др. Служба прошла съ большимъ подъемомъ. Архимандритъ Іоаннъ въ своей привѣтственной рѣчи, при встрѣчѣ меня, старался разъяснить (такъ же, какъ и я потомъ въ «словѣ» передъ Литургіей) религіозно-нравственное значеніе Сергіевскаго Подворья для русской эмиграціи, а черезъ нее и для христіанскаго инославнаго міра, среди котораго, по попущенію Божію за грѣхи наши и нашихъ соотечественниковъ, мы разсѣяны: нашу судьбу можно сравнить съ судьбой Израиля въ Вавилонскомъ плѣну; тѣ же очистительныя тяжкія страданія изгнанничества, то же возвращеніе къ родной вѣрѣ и Церкви, то же вліяніе своей религіозной жизни — вѣры и культа — на окружающую чужеземную среду; по мысли основателя, Сергіевское Подворье — новый свѣточъ православной богословской науки и христіанской жизни, яркая лампада Православія, возженная отъ обители Преподобнаго Сергія на чужбинѣ, чтобы она свѣтила и близкимъ и дальнимъ, и своимъ и чужимъ, и русскимъ и иностранцамъ... — Начался торжественный обрядъ освященія храма, за нимъ послѣдовалъ крестный ходъ со св. мощами и Божественная Литургія. Передъ ея началомъ я сказалъ «слово»:

«Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь... День нашей великой радости, день веселія духовнаго, наше свѣтлое духовное торжество, нашъ православный русскій праздникъ. На горѣ сей нынѣ, воистину, возсіяла благодать Божія; вдали отъ родины, въ самомъ сердцѣ западно-европейской культуры, засвѣтился огонекъ нашего родного Православія, возсіяла малая и еще не устроенная обитель, посвященная имени нашего великаго молитвенника Русской Земли — Преподобнаго Сергія, не только угодника Божія, но и собирателя и устроителя Русскаго Государства.

Нѣкогда, болѣе 500 лѣтъ тому назадъ, онъ создалъ свою обитель въ глуши лѣсовъ, въ непроходимыхъ дебряхъ пустыни. Мы устрояемъ эту новую обитель среди шумнаго города, очага всемірной цивилизаціи; но если взглянуть на эту цивилизацію окомъ христіанина, то вся она, хоть и на христіанскихъ началахъ построенная, но давно оторвавшаяся отъ этихъ нравственныхъ основъ своихъ, не представляетъ ли пустынь еще болѣе дикую, сухую и безплодную, нежели суровая пустыня Сергіева....

Обитель Сергіева пріютила въ своихъ стѣнахъ высшую духовную школу, и наша нынѣ созидающаяся обитель имѣетъ своей задачей тѣ же просвѣтительныя цѣли, такъ же думаетъ дать пріютъ нашей русской молодежи, ищущей богословскихъ знаній, ищущей Бога, горящей огнемъ желанія послужить св. Церкви родной. Она стре-

мится къ тому, чтобы не погасъ этотъ священный огонекъ, чтобы питомцы ея были свѣтильниками свѣтозарными и горящими, чтобы понесли они этотъ свѣтъ туда, на родину, которая такъ нуждается въ этомъ свѣтѣ. И для всѣхъ насъ, — какъ бы хотѣлось! — чтобы здѣсь создался свѣтлый и теплый очагъ родного Православія, чтобы и сюда притекали православные русскіе люди, измученные, истерзанные душой, какъ нѣкогда притекали изнемогавшіе подъ игомъ татарскимъ наши предки въ обитель Преподобнаго Сергія и получали утѣшеніе и запасъ бодрости душевной, обновляя душевныя силы для борьбы съ житейскими невзгодами. Мало этого, — хотѣлось бы, чтобы и наши иностранные друзья, представители западнаго христіанства, нашли дорогу въ эту обитель. Теперь они внимательно и чутко прислушиваются къ нашему восточному Православію, живо имъ интересуются. Вѣдь и средства на это святое дѣло въ значительной мѣрѣ намъ дали иностранцы. Нужно показать имъ красоту и правду Православія. Да будетъ сей храмъ мѣстомъ сближенія и братолюбиваго общенія всѣхъ христіанъ. Пусть не укрывается этотъ градъ, вверху горы стоящій, и пусть не поставляется свѣтильникъ подъ спудомъ, но да свѣтитъ всѣмъ не только въ храмѣ, но пусть люди и издали видятъ его свѣтъ.

Вы скажете, что я мечтаю. Да, мечтаю, или, лучше, предаюсь своимъ молитвеннымъ чаяніямъ. Далеко еще до ихъ осуществленія. Мы создали храмъ рукотворенный, но онъ еще совсѣмъ не устроенъ: все въ немъ, какъ и въ начальной обители Преподобнаго Сергія, «убого, нищенско, сиротинско». Но положенъ уже крѣпкій фундаментъ этого духовнаго строительства, благодать Божія сегодня освятила мѣсто сіе. На этомъ твердомъ фундаментѣ будемъ строить храмъ духовный, нерукотворенный — напечатлѣвать образъ св. Православія въ юныхъ душахъ учащихся здѣсь и широко являть этотъ прекрасный образъ всѣмъ притекающимъ сюда съ молитвою. Да услышитъ молитву ихъ здѣсь самъ великій молитвенникъ за Русскую Землю — Преподобный отецъ нашъ Сергій.

Низкій поклонъ мой въ этомъ святомъ мѣстѣ всѣмъ, кто принесъ сюда свои трудовыя жертвы и особенно трогательныя лепты бѣдняковъ, рабочихъ, бѣдныхъ женщинъ, которыя жертвовали свои послѣднія серьги, кольца, желая остаться «неизвѣстными». Да воздастъ Господь всѣмъ добрымъ жертвователямъ сторицею. Не престанетъ возноситься о нихъ горячая молитва подъ освященною сѣнью этого храма, и не о нихъ только, а обо всѣхъ русскихъ людяхъ труждающихся и обремененныхъ, въ отечествѣ и въ разсѣяніи и въ скорбяхъ сущихъ, и, наконецъ, о мирѣ всего міра, о благосостояніи святыхъ Божіихъ Церквей и о соединеніи всѣхъ здѣсь Господу помолимся. Аминь».

По окончаніи Литургіи былъ устроенъ скормный «чай». Я обратился къ присутствующимъ съ краткимъ «словомъ» — благодарилъ всѣхъ потрудившихся въ дѣлѣ созиданія Сергіевскаго Подворья и сказалъ, что сегодняшнее торжество особенно знаменательно: оно выходитъ за предѣлы Парижа, Франціи, и вообще русской эмигрантской Церкви, оно отзывается и въ многострадальной Россіи.... «Я имѣю основаніе думать, сказалъ я, что Святѣйшему Патріарху Тихону извѣстно объ учрежденіи здѣсь Сергіевскаго Подворья и Духовной Академіи. Святѣйшій молится за насъ и благословляетъ насъ оттуда. Молитвенно пожелаемъ, чтобы Господь сохранилъ его на многія лѣта».

Присутствующіе съ водушевленіемъ пропѣли Святѣйшему Патріарху многолѣтіе.

Въ теченіе Великаго поста я часто пріѣзжалъ на Подворье. Богослуженіе все еще въ убогой обстановкѣ, съ маленькимъ хорикомъ, которымъ управлялъ Осоргинъ, было трогательно. Оттѣнокъ монашескаго уклада, старинные напѣвы, подлинный молитвенный подъемъ среди молящихся... — вотъ отличительныя черты этихъ службъ. Одновременно налаживалось и приходское управленіе. Организовался Приходскій Совѣтъ*). Старостой выбрали П. А. Вахрушева, человѣка дѣлового и энергичнаго. Благодаря его распорядительности, первая Пасхальная заутреня привлекла множество богомольцевъ: онъ заарендовалъ автобусы, которые и развозили подъ утро молящихся въ разные концы Парижа. Заутреня прошла съ большимъ подъемомъ. На Пасхѣ на Подворьѣ было устроено разговѣнье. Собралось много дѣтей, родители, сестры Александро-Невской церкви... Былъ многолюдный крестный ходъ. Чудная картина! Это собраніе прихожанъ въ пасхальную ночь и это дѣтское разговѣнье на Пасху, когда дѣти послѣ вечерни шли съ возженными свѣчами вокругъ храма при пѣніи пасхальныхъ пѣснопѣній (а также веселыя дѣтскія «елки» на Рождество Христово) вошли потомъ въ обычай Подворья.

Благодаря жертвенному порыву добрыхъ людей, храмъ весьма скоро пріобрѣлъ благолѣпный видъ и былъ снабженъ всѣмъ необходимымъ.

Вел. кн. Марія Павловна изъявила желаніе пожертвовать большую сумму (до 100.000 франковъ) на внутреннюю отдѣлку Сергіевскаго храма, въ память своей благочестивой тетушки замученной большевиками — вел. кн. Елизаветы Федоровны. Художественная роспись его, сооруженіе иконостаса и прочія работы по украшенію

*) Въ члены Приходскаго Совѣта были избраны: кн. Г. Н. Трубецкой, Н. Т. Каштановъ, П. В Семичевъ, І. В. Никаноровъ, М. К. Ушковъ, С. М. Сѣровъ, кн. Б. А. Васильчиковъ, Н. И. Гучковъ, И. Н. Оприцъ, кн. И С. Васильчиковъ.

храма были жертвенно, безвозмездно исполнены талантливымъ художникомъ Дмитріемъ Семеновичемъ Стеллецкимъ. Все преобразилось до неузнаваемости: стѣны, своды потолка покрыла художественная роспись. Художникъ вдохновлялся въ своемъ творчествѣ лучшими образцами фресокъ древне-русскихъ церквей и монастырей до начала XVI вѣка (Ѳерапонтова монастыря и др.); въ прекрасный многоярусный иконостасъ, въ лѣвый его придѣлъ, вставили царскія врата XIV вѣка, пріобрѣтенныя у какого-то антиквара за 15.000 фр. Извѣстная балерина А. М. Балашева пожертвовала большую древнюю икону Тихвинской Божіей Матери. Отдѣльныя лица и семьи (иногда анонимно) жертвовали иконы, лампады, воздухи, предметы церковной утвари, одежды для аналоевъ и облаченія для священнослужителей... Нѣмецкая протестантская кирка скоро превратилась въ чудный православный древне-русскій храмъ.

Несмотря на то, что Подворье находится въ отдаленномъ углу Парижа, гдѣ проживаетъ мало русскихъ, храмъ Преподобнаго Сергія благолѣпнымъ своимъ устройствомъ, истовымъ уставнымъ богослуженіемъ привлекалъ великое множество богомольцевъ. Образовалось религіозное тяготѣніе къ обители Преподобнаго Сергія, потребность тамъ побывать, тамъ помолиться, т. е. возникло отношеніе къ нему, какъ-бы къ мѣсту паломничества. Жизнь прихода стала быстро развиваться. Скоро стараньями старосты П. А. Вахрушева въ усадьбѣ былъ устроенъ свѣчной заводъ, снабжавшій церкви епархіи хорошими восковыми свѣчами. Потомъ открыли амбулаторію для бѣдныхъ, гдѣ безплатно принимали больныхъ близкіе къ Подворью русскіе врачи.

Для меня было великою радостью процвѣтаніе этого новаго храма и прихода. Къ сожалѣнію, съ теченіемъ времени эта горячая ревность стала остывать, и приходская жизнь начала замѣтно клониться къ упадку. Повліяло на это — возникновеніе въ Парижѣ другихъ приходовъ въ мѣстахъ болѣе густо заселенныхъ русскими эмигрантами. Очевидно, не хватало молитвеннаго настроенія и серьезнаго пониманія того значенія, которое въ нашей эмигрантской жизни имѣетъ Сергіевское Подворье, иначе русскіе люди старались бы хоть иногда преодолѣвать неудобства дальняго разстоянія и посѣщали бы прекрасный храмъ Преподобнаго Сергія (См. фот. 2.).

БОГОСЛОВСКІЙ ИНСТИТУТЪ

Мысль о созданіи Богословскаго Института созрѣла у меня не сразу. Сначала я не зналъ, открыть ли пастырскую школу, или высшую богословскую. Къ окончательному рѣшенію я пришелъ на Конференціи Русскаго Студенческаго Христіанскаго Движенія. Я сто-

ялъ близко къ этой организаціи, объединившей вокругъ себя группу нашихъ профессоровъ. Въ эту группу вошли: А. В. Карташевъ, В. В. Зѣньковскій, С. С. Безобразовъ, молодой профессоръ только что прибывшій изъ Сербіи, и др. Я устроилъ совѣщаніе съ ними и, въ результатѣ нашихъ переговоровъ, рѣшилъ открыть высшую богословскую школу, которая должна была отвѣчать двумъ заданіямъ: 1) продолжать традиціи нашихъ академій — нашей богословской науки и мысли; 2) подготовлять кадры богословски образованыхъ людей и пастырей. Одновременно мы постановили пригласить въ составъ профессоровъ о. Булгакова и Флоровскаго, которые тогда проживали въ Прагѣ. Предсѣдатель Всемірнаго Комитета Христіанскаго Союза Молодыхъ людей д-ръ Моттъ живо отозвался на нашъ проэктъ и далъ намъ на организацію новаго учрежденія крупную субсидію. Мы рѣшили обратиться къ церковной общественности Англіи и Америки съ просьбой тоже оказать намъ братскую поддержку. Окрыленные надеждой, вернулись мы послѣ Конференціи въ Парижъ.

Созданію Богословскаго Института — единственной русской богословской школы за-границей, — я придавалъ огромное значеніе. Въ Россіи большевики закрыли всѣ духовныя академіи и семинаріи; богословское образованіе молодежи прекратилось, образовалась пустота, которую нашъ институтъ, хоть въ минимальной мѣрѣ, могъ заполнить. Ряды духовенства тамъ тоже сильно порѣдѣли, а мы могли готовить резервные кадры священства; потребность въ образованныхъ священникахъ чувствовалась въ эмиграціи, могли они понадобиться и для будущей Россіи. Открытіе Богословскаго Института именно въ Парижѣ, въ центрѣ западно-европейской, — не русской, но христіанской, — культуры имѣло тоже большое значеніе: оно предначертало нашей высшей богословской школѣ экуменическую линію въ постановкѣ нѣкоторыхъ теоретическихъ проблемъ и религіозно-практическихъ заданій, дабы Православіе не лежало больше подъ спудомъ, а постепенно дѣлалось достояніемъ христіанскихъ народовъ.

Богословскій Институтъ образовался быстро — въ первый же годъ существованія Подворья. Сразу по возвращеніи съ Конференціи Христіанскаго Движенія, мы приступили къ разработкѣ устава и программы. Проф. Безобразовъ (нынѣ игуменъ Кассіанъ*) устроился въ скромной комнаткѣ на Подворьѣ и занялся подготовительной работой. Послѣ Пасхи пріѣхали протоіерей С. Булгаковъ и другіе профессора, и мы рѣшили открыть пріемъ студентовъ. Хотя была весна, а систематическія занятія было рѣшено начать лишь осенью, мы приняли все же 10 человѣкъ; надо было, чтобы за лѣто они

*) Въ настоящее время епископъ Катанскій, ректоръ Богосл. Института.

обжились и прошли подъ руководствомъ институтскихъ преподавателей краткій подготовительный курсъ.

Съ осени работа въ институтѣ окончательно наладались. Поначалу картина учебной жизни была трогательная. Внѣшній видъ помѣщеній: аудиторій, дортуаровъ, трапезной... былъ скромный, примитивный, граничившій съ бѣдностью, но среди этого убожества вѣялъ подлинный церковный духъ. Храмъ Подворья, къ тому времени уже благоустроенный, благолѣпный, сталъ центромъ институтской жизни. Ежедневное посѣщеніе церковныхъ службъ было для студентовъ обязательно. Богослуженіе, какъ я уже сказалъ, отличалось строгостью церковнаго стиля, напоминая монастырскія службы. Воспитанники были одѣты въ подрясники и походили на послушниковъ. Трапезу они вкушали молча, слушая чтеніе «прологовъ» или «житій». Этимъ строго-монашескимъ направленіемъ институтской жизни наша богословская школа обязана епископу Веніамину, который, по моему приглашенію, прибылъ изъ Сербіи еще на Пасхѣ и занялъ должность инспектора.

Епископъ Веніаминъ много далъ Институту, хотя былъ далеко не образцовымъ администраторомъ. Его повышеная эмоціональность и воодушевленіе идеаломъ монашества оказывали на студентовъ благотворное вліяніе; въ ихъ средѣ возникали духовный подъемъ, высокая религіозная настроенность. Къ сожалѣнію, эта же повышенная эмоціональность обусловила и нѣкоторыя отрицательныя черты епископа Веніамина: непостоянство, шаткость, противорѣчіе въ рѣшеніяхъ и поступкахъ. На него нельзя было положиться. Какъ то разъ я это высказалъ ему. «Вы мнѣ не довѣряете?» спросилъ онъ. — «А довѣряете ли вы себѣ сами? Поручитесь ли вы за то, что будете говорить и дѣлать черезъ одинъ-два года?» въ свою очередь спросилъ я. Епископъ Веніаминъ промолчалъ. Черезъ годъ онъ покинулъ Институтъ, увлеченный созданіемъ какого-то прихода въ Сербіи (въ Бѣлой Церкви), потомъ охладѣлъ къ нему, вновь вернулся къ намъ, а спустя два года опять насъ покинулъ и перешелъ въ юрисдикцію митрополита Литовскаго Елевферія, т. е. Москвы.

Среди профессоровъ Института по праву первое мѣсто занялъ А. В. Карташевъ, бывшій доцентъ Петербургской Духовной Академіи по каѳедрѣ русской церковной исторіи, которую онъ вынужденъ былъ покинуть изъ-за своего либерализма. Когда разразилась февральская революція, А. В. вошелъ въ составъ Временнаго Правительства и занялъ постъ Министра Исповѣданій. Выдающійся, рѣдкій талантъ, богословски глубоко образованный человѣкъ, ученый, въ которомъ есть «школа».

О. Сергій Булгаковъ, занявшій въ Институтѣ каѳедру догматическаго богословія, — крупная величина, богословъ большой обра-

зованности и дарованія. Его прошлое не похоже на обычный путь нашихъ духовныхъ академій. Истину Православія онъ выносилъ долгимъ и тяжкимъ жизненнымъ опытомъ. Въ началѣ своей научной дѣятельности онъ былъ марксистомъ и преподавалъ политическую экономію въ Кіевскомъ Политехникумѣ, но марксизмъ его пытливый умъ не удовлетворилъ; въ поискахъ Истины онъ пришелъ къ идеализму, отъ идеализма — къ христіанству, отъ христіанства — къ православію, отъ православія — къ священству. Какое надо было имѣть богатство души, сколько выстрадать, сколько пережить, чтобы этотъ путь продѣлать! Во время революціи о. Сергій вошелъ въ составъ членовъ Московскаго Церковнаго Собора и былъ близокъ Патріарху. Священный санъ онъ принялъ не безъ вліянія своего друга о. Павла Флоренскаго и былъ рукоположенъ ректоромъ Московской Духовной Академіи преосвященнымъ Федоромъ*). Патріархъ все откладывалъ срокъ его посвященія. «Вы намъ полезнѣе въ сюртукѣ», такъ мотивировалъ Патріархъ отсрочку.

О. Сергій отдался служенію Церкви Божіей со всѣмъ пламенемъ очищенной страданіями души. Онъ сдѣлался ревностнымъ пастыремъ-молитвенникомъ, прекраснымъ проповѣдникомъ и духовникомъ, священникомъ съ трепетнымъ благоговѣніемъ совершающимъ таинство св. Евхаристіи. Въ области богословской науки онъ оказался плодотворнѣйшимъ писателемъ. Имъ написано нѣсколько замѣчательныхъ богословскихъ книгъ. На всѣхъ богословскихъ трудахъ о. Сергія лежитъ печать большого таланта. Его произведенія вызываютъ критику — упреки за уклонъ отъ чисто-православнаго міросозерцанія, главнымъ образомъ, въ области софіологіи. Ему ставятъ на видъ нѣкоторую смутность очертаній его ученія о Софіи, въ которомъ видятъ вліяніе ученія В. Соловьева, отсутствіе конкретныхъ опредѣленій для его выраженія, нечеткость мыслей. Подчеркиваютъ и его недостаточно благоговѣйное отношеніе къ авторитету святыхъ отцовъ Церкви, слишкомъ свободную ихъ критику, тогда какъ Православная Церковь чтитъ ихъ, какъ носителей и выразителей Св. Писанія, какъ нормы для всякой новой богословской мысли, которая утверждается «согласіемъ отцовъ» (consessus patrum). Эти уклоненія о. Сергія отъ традицій нашего богословія объясняются отсутствіемъ у него «школы», того фундамента, который закладывался въ нашихъ духовныхъ академіяхъ. Мірская философія отъ Платона и Плотина до В. Соловьева оказала на о. Сергія большое вліяніе, хотя святоотеческую литературу онъ знаетъ превосходно. Этотъ «мірской» пафосъ, который наложилъ свой

*) При большевикахъ о. Сергій Булгаковъ преподавалъ на богословскихъ курсахъ въ Симферополѣ, а потомъ былъ высланъ за-границу.

отпечатокъ на богословское творчество о. Сергія, нареканія и вызываетъ. Однако, всѣ, даже сами обличители о. Сергія, признаютъ что въ его сочиненіяхъ есть глубина, есть талантливое творчество, открывающее новые горизонты для дальнѣйшаго развитія православной богословской науки. Въ должности инспектора Богословскаго Института о. Сергій имѣлъ большое вліяніе на студентовъ. Онъ сталъ ихъ духовникомъ, другомъ, совѣтчикомъ, и авторитетъ его въ студенческой средѣ огроменъ. Но административныя, инспекторскія, обязанности не соотвѣтствуютъ философскому складу о. Сергія, — онъ болѣе философъ, нежели администраторъ.

Курсъ патрологіи былъ порученъ Г. В. Флоровскому (нынѣ протоіерей*). Первые годы эмиграціи онъ провелъ въ Прагѣ, гдѣ при унивеситетѣ былъ образованъ русскій юридическій факультетъ во главѣ съ Новгородцевымъ, котораго выбрали деканомъ (о. Сергій Булгаковъ и Флоровскій были тамъ лекторами). Поначалу чехи широко раскрыли двери для русской эмиграціи, и въ Прагѣ скопилось много нашихъ профессоровъ и студентовъ. О. С. Булгаковъ и его друзья основали тамъ «Братство св. Софіи». По рекомендаціи о. Сергія, я выписалъ Флоровскаго въ Парижъ. Онъ съ большой резностью занимался своей спеціальностью и путемъ усидчиваго труда достигъ широкихъ знаній. За эти годы преподавательской своей дѣятельности въ нашемъ Институтѣ онъ издалъ большой трудъ «Вселенскіе Отцы Церкви» (въ двухъ томахъ) и «Пути русскаго богословія».

«Св. Писаніе Новаго Завѣта» преподаетъ о. Кассіанъ (С. С. Безобразовъ), серьезный и глубокій профессоръ, пользующійся большой популярностью среди студентовъ. Человѣкъ прекраснаго сердца, сильнаго и глубокаго религіознаго чувства, онъ живетъ интересами студентовъ, входитъ въ ихъ нужды, умѣетъ ихъ объединить, дать почувствовать теплоту братскаго общенія. По пятницамъ къ о. Кассіану въ его двѣ мансардныя комнатки на Подворьѣ собирались студенты для дружественной бесѣды за чаемъ. О. Кассіанъ ихъ вѣрный другъ, помощникъ и заступникъ. Не разъ случалось ему своимъ заступленіемъ отводить какую-нибудь репрессивную мѣру, которую я готовъ былъ наложить на провинившагося студента. «Лишить стипендіи!» рѣшаю я. А о. Кассіанъ мягко: «Но есть, владыка, извинительныя обстоятельства.... Я свидѣтельствую...»

Философію читаетъ В. В. Зѣньковскій**), сильный, незаурядный философъ, ученый-педагогъ (организаторъ Педагогическаго Каби-

*) Принялъ священство въ 1931 году.
**) Нынѣ протоіерей, деканъ Богословскаго Института.

нета), посвятившій себя и широкой общественной дѣятельности. Въ эмиграціи онъ состоитъ предсѣдателемъ Русскаго Христіанскаго Студенческаго Движенія. Опытный руководитель, любящій молодежь, онъ очень популяренъ среди юношества. Человѣкъ золотого сердца, кроткій, жертвенно преданный своему долгу.

Г. П. Федотовъ читаетъ: 1) исторію западныхъ исповѣданій и 2) агіологію. Даровитый, вдумчивый ученый съ тонкимъ аналитическимъ умомъ.

Архимандритъ Кипріанъ (Кернъ), — пастырское богословіе. Очень образованный, культурный человѣкъ, строгій монахъ.

Б. П. Вышеславцевъ — нравственное богословіе.

Н. Н. Афанасьевъ — каноническое право.

В. Н. Ильинъ — литургику и философію.

П. Е. Ковалевскій и Б. И. Сове — древніе языки.

Кромѣ того въ числѣ преподавателей: іеромонахъ Левъ Жилле (французскій яз.), монахиня Евдокія (англійскій яз.), В. В. Вейдле и К. В. Мочульскій.

Сейчасъ мы имѣемъ уже двухъ своихъ молодыхъ преподавателей: П. Т. Лютова и Б. И. Сове. Оба они — воспитанники нашего Института; по окончаніи его попали на стипендіи въ Оксфордскій Университетъ, гдѣ окончили богословскій факультетъ и получили степень магистра*).

Профессора Богословскаго Института не ограничиваются однимъ преподаваніемъ, но одновременно участвуютъ въ Экуменическомъ Движеніи, читаютъ доклады на разнообразныхъ конференціяхъ; внесли они свой вкладъ и въ богословскую литературу: за эти годы ими написано много печатныхъ работъ.

Составъ студентовъ въ Богословскомъ Институтѣ пестрый, совсѣмъ не тотъ, что въ нашихъ духовныхъ академіяхъ, куда попадали подготовленные къ богословскимъ наукамъ воспитанники семинарій. Намъ приходилось принимать офицеровъ, шоффероръ... лицъ самыхъ разнообразныхъ профессій и біографій. По уставу мы должны были требовать отъ поступающихъ дипломъ средней школы, но что это были за школы, какую подготовку онѣ имъ давали, — разбираться въ этомъ мы не могли. Важно было одно: большинство поступающихъ были люди убѣжденные, идеалисты, черезъ Церковь пришедшіе къ рѣшенію посвятить себя церковному служенію. Полумонашескимъ строемъ они не тяготились, напротивъ, чувствовали себя въ немъ, какъ въ своей стихіи. Нѣкоторые изъ воспитанниковъ еще студентами приняли монашество и стали прекрасными монахами-миссіонерами, монахами-пастырями, подвизающимися въ міру,

*) Всѣ эти указанія относятся къ до-военному времени.

попадая иногда прямо изъ Института въ какой-нибудь приходъ въ отдаленномъ захолустномъ углу нашего эмигрантскаго разсѣянія. Трудная миссія... Куда труднѣе, чѣмъ наша когда-то! Передъ нами, окончившими духовную академію, открывалось въ міру педагогическое поприще, мы дѣлались членами учительской корпораціи, въ которой были свои традиціи, свои моральные устои. Монахи нашего Института нерѣдко вынуждены начинать свое служеніе среди прихожанъ, на которыхъ бѣды и скорби эмигрантскаго существованія оставили тяжкій слѣдъ: распущенность, пьянство, внѣбрачное сожительство и другіе виды моральнаго разложенія нерѣдко характеризуютъ бытъ и нравы приходской среды. Одиноко несутъ свой подвигъ наши монахи. Спасаетъ ихъ возрастъ (въ большинствѣ не моложе 35 лѣтъ) и глубокая, горячая преданность родной Церкви. Они лучшіе представители духовенства въ моей епархіи. Мое утѣшеніе... Нѣкоторые студенты по окончаніи курса приняли священный санъ безъ монашества. Живется имъ въ приходахъ трудно. Иногда окладъ жалованья нищенскій. Бываютъ дни, — приходится голодать, развѣ кто-нибудь изъ прихожанъ покормитъ. Иногда священникъ вынужденъ искать заработка на пропитаніе на сторонѣ; 4-5 дней работаетъ на фабрикѣ, а въ субботу и въ воскресенье исполняетъ свои священнослужительскія обязанности.

Конечно, наши студенты не безъ недостатковъ. Сказывается неподготовленность къ богословской наукѣ. Нѣтъ у нихъ богословскаго мышленія, нѣтъ сноровки разбираться въ философскихъ и богословскихъ построеніяхъ. Лекціи сдаютъ, а съ курсовыми сочиненіями бѣда, они для нихъ иногда трудность неодолимая. Эти недостатки не мѣшаютъ имъ быть впослѣдствіи примѣрными пастырями. Съ радостью могу сказать: они украшеніе русской Церкви въ изгнаніи.

За 11 лѣтъ существованія въ Богословскомъ Институтѣ воспитывались 133 студента: 46 — изъ Франціи; 23 — изъ Болгаріи; 11 — изъ Польши; 4 — изъ Финляндіи; 1 — изъ Литвы; 10 — изъ Югославіи; 10 — изъ Эстоніи; 2 — изъ Румыніи; 1 — изъ С. А. С. Ш.; 17 — изъ Чехословакіи; 6 — изъ Латвіи; 1 — изъ Германіи. Изъ нихъ 52 рукоположены въ священный санъ и работаютъ на приходахъ въ разныхъ странахъ, 3 преподаютъ Богословскія науки.

Экономическая сторона существованія Богословскаго Института неопредѣленна, зыбка, всецѣло зависитъ отъ благотворительности. Насъ поддерживали англичане, американцы и русская эмиграція давала, что могла; до 1930 года Институтъ существовалъ сносно: иностранцы намъ помогали щедро. Съ 31 г. начались перебои. Эмиграція обѣднѣла, Америка уже не жертвуетъ и половины прежней суммы; только англичане свою дотацію еще не уменьшили. Жалова-

нье профессоровъ пришлось сократить до миминума. Случается, что и этихъ малыхъ окладовъ мы во время выплатить не можемъ. Нѣтъ денегъ на самые необходимые расходы: на ремонтъ, на покупку книгъ, на шкафы для пожертвованной библіотеки... Въ послѣдніе годы студенты сами пришли Институту на помощь. Институтскій хоръ подъ управленіемъ И. К. Денисова объѣзжалъ Англію, Голландію и Швейцарію, всюду давая концерты. Прекрасное исполненіе древнихъ пѣснопѣній, старинные распѣвы привлекали много слушателей, и студенты наработали за эти годы въ пользу Института 50.000 франковъ.

Не мало нашему Богословскому Институту вредятъ Карловцы, стараясь подорвать къ намъ довѣріе какъ среди русскихъ, такъ и среди иностранцевъ.

4. НОВЫЕ ХРАМЫ И ПРИХОДЫ

(ГЕРМАНІЯ, ЧЕХОСЛОВАКІЯ, БЕЛЬГІЯ, ИТАЛІЯ, НОРВЕГІЯ, ГОЛЛАНДІЯ, ШВЕЙЦАРІЯ.)

Потребность въ новыхъ храмахъ возникла въ первые годы эмиграціи и была вызвана условіями бѣженскаго существованія.

Александро-Невская церковь и Сергіевское Подворье захватывали лишь тонкій слой бѣжецевъ, а эмигрантская масса, разселившаяся въ отдаленныхъ кварталахъ Парижа и въ пригородахъ, въ храмы не попадала, не говоря уже о тѣхъ тысячахъ эмигрантовъ, которые осѣли въ фабричныхъ и промышленныхъ районахъ въ провинціи. Всѣ эти эмигранты жили безцерковно. Отсутствіе церковнаго вліянія сказывалось: люди морально опускались и духовно дичали. Некрещенныя дѣти, незаконное сожительство, огрубѣніе нравовъ, распущенность... Тамъ, гдѣ храмовъ не было, положеніе казалось безвыходнымъ; но и въ Парижѣ дѣло обстояло не лучше. Съѣздить въ храмъ къ обѣднѣ всей семьей — значило истратить на автобусы и метро больше нежели бюджетъ рабочаго позволяетъ. Старымъ, больнымъ людямъ приходилось пріѣзжать издалека, тогда какъ, будь церковь подъ бокомъ, они бы усердно ее посѣщали.

Всѣ эти явленія и соображенія заставили меня задуматься о значеніи малыхъ приходовъ и церквей. Мнѣ припомнилась церковная жизнь древней Руси, тѣ свѣтлыя времена, когда она была подлинно религіозная «Святая Русь». Когда говорили «и на нашей улицѣ праздникъ», это была не поговорка, а бытовая реальность, которая впослѣдствіи эту поговорку породила, т. е. когда на каждой улицѣ, на каждомъ перекресткѣ русскіе люди имѣли «свою» церковку — праздновали «свой» храмовой праздникъ, и каждому прихо-

жанину до «своей» церкви было «рукой подать». Тогда пастырь зналъ каждаго прихожанина, каждую семью, всѣ ихъ печали-радости, всѣ семейныя обстоятельства... всѣхъ крестилъ, вѣнчалъ, исповѣдывалъ, хоронилъ... Связь съ приходомъ была живая, крѣпкая. Потомъ начался періодъ грандіозныхъ соборовъ и церквей (особенно въ Петербургѣ и въ Москвѣ). По 25.000 прихожанъ на храмъ! Фактически это значило, что огромное количество вѣрующихъ лишалось нормальной церковной жизни. Въ причтѣ церкви Знаменія Божіей Матери (въ Петербургѣ) состояло 12-15 священниковъ. Отслуживъ свою чреду, каждый изъ нихъ два мѣсяца могъ заниматься своими личными дѣлами: съ прихожанами связанъ онъ не былъ. И какъ эта связь могла возникнуть? Богомольцы приходили въ церковь и недоумѣвали, къ кому изъ 10-15 священниковъ обратиться. Въ Исаакіевскомъ соборѣ рабочіе часто не могли дождаться очереди на исповѣдь: «стоишь-стоишь, смотришь... — срокъ свободныхъ часовъ и прошелъ», жаловались они. Не говоря уже о томъ, что въ этихъ громадныхъ соборахъ молящіеся ничего не видѣли и не слышали въ заднихъ рядахъ. Безбожно мало было церквей и въ той фабрично-заводской «зонѣ», которая опоясывала Петербургъ, Москву и другіе большіе промышленные наши города. Въ нѣкоторыхъ районахъ этой «зоны» вообще церквей не было. Неудивительно, что тамъ появлялись наши «старцы Иванушки», процвѣтали секты, и ужъ совсѣмъ неудивительно, что рабочіе, никѣмъ духовно не окормляемые, потянулись къ марксизму. Печальный періодъ...

Въ эмиграціи древняя традиція малыхъ церквей воскресла.

Какъ онѣ возникали?

Иниціатива шла снизу. По свободному почину нѣсколькихъ лицъ, осознавшихъ потребность въ храмѣ, возникала инициативная группа и вступала въ сношенія со мною — либо обращалась ко мнѣ письменно, либо делегировала кого-нибудь для переговоровъ. Первый вопросъ, который я посланцамъ ставилъ, былъ слѣдующій: можете ли вы нанять (или получить) помѣщеніе для церкви и обезпечить священнику прожиточный минимумъ? Если отвѣтъ былъ утвердительный, я направлялъ священника и организовывалъ приходъ; если — нѣтъ, создавалась община, которую обслуживалъ разъѣздной священникъ, отъ времени до времени посылаемый Епархіальнымъ Управленіемъ. Начало самоокупаемости было общимъ экономическимъ принципомъ для всѣхъ новыхъ приходовъ: епархіальный центръ со своей нищенской казной содержать причтъ и храмъ не могъ. Обычно прихожане жертвенно самооблагались. Поначалу приходъ своего храма не имѣлъ, богослуженіе совершалось либо въ наемномъ помѣщеніи, либо въ какомъ нибудь помѣщеніи въ церков-

номъ зданіи нашихъ инославныхъ братьевъ (обычно протестантовъ), оказывавшихъ намъ эту братскую услугу. Вокругъ этихъ церковокъ завязывалась приходская жизнь, возникали благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія: школы, читальни, дѣтскія колоніи, столовыя... Впослѣдствіи обычно возникалъ «свой» храмъ, созидавшійся дружнымъ усиліемъ прихожанъ. Иногда устроеніе прихода шло быстро, иногда приходская жизнь долго не могла наладиться.

Приступая къ описанію церковно-приходскаго строительства въ моей епархіи, я сначала сдѣлаю обзоръ нашихъ достиженій внѣ предѣловъ Франціи, а потомъ перейду къ новымъ храмамъ и приходамъ во Франціи.

Прежде всего я скажу нѣсколько словъ о Германіи, гдѣ организовались два прихода еще до моего переѣзда въ Парижъ.

ГЕРМАНІЯ.

Данцигъ.

Первый приходъ, возникшій въ моей епархіи, былъ приходъ въ Данцигѣ. Волна бѣженцевъ занесла сюда военнаго священника Миллера. До войны онъ былъ псаломщикомъ Житомирскаго собора, на войну пошелъ братомъ милосердія и какъ-то продвинулся въ діаконы, а потомъ въ священники. Послѣ развала лазаретной церкви онъ увезъ съ собой много церковныхъ предметовъ: антиминсъ, кадило и проч. — всѣ эти предметы теперь очень пригодились. Образовательнаго ценза онъ не имѣлъ, репутація у него была небезупречная — ходили слухи о несовмѣстимой со священнымъ саномъ бравадѣ: штатское платье, пѣсни подъ гитару... Въ приходѣ пошли раздоры, держать себя о. Миллеръ не умѣлъ. Я старался конфликтъ уладить, посылалъ для умиротворенія архимандрита Тихона, но безуспѣшно. Пришлось о. Миллера отставить, и онъ съ горизонта куда-то скрылся.

На мѣсто о. Миллера я назначилъ священника изъ военнаго лагеря Квединбурга*) — о. А. Шафрановскаго. Онъ былъ священникомъ въ Калишской губ., во время наступленія попалъ «подъ нѣмца» и былъ препровожденъ въ лагерь. Здѣсь, въ періодъ революціонныхъ дней, вслѣдъ за перемиріемъ, онъ велъ борьбу съ лагерными «революціонерами», пожелавшими хоронить покойниковъ въ красныхъ гробахъ... О. А. Шафрановскій своихъ покойниковъ отстаивалъ. Изъ обитателей лагеря онъ организовалъ братство съ полумонашескимъ

*) См. страницу 388.

уставомъ. Пастырь напряженной духовной жизни, молитвенникъ, о. Шафрановскій являетъ типъ священника-подвижника.

Данцигскій приходъ существуетъ по сей день*). Помѣщается церковь въ наемномъ зданіи при ратушѣ, тутъ же и комнатка о. настоятеля.

Воиново.

Въ этомъ же, 1921 году, завязался приходъ на границѣ Пруссіи и Россіи, неподалеку отъ пограничныхъ пунктовъ Вержболово — Эйдкуненъ. Въ этой части Пруссіи осѣло много нашихъ старообрядцевъ, бѣжавшихъ за рубежъ отъ жестокихъ преслѣдованій ихъ въ XVIII-омъ вѣкѣ. Они разселились на хуторахъ среди Мазурскихъ болотъ; жили хорошо, безбѣдно, самобытно, перенявъ кое-что изъ внѣшнихъ достиженій германской культуры. Большинство изъ нихъ «безпоповцы»: ни храмовъ, ни священниковъ — только моленныя и руководство начетчиковъ и начетчицъ. Изъ этой однородной массы старовѣровъ въ концѣ XIX вѣка выдѣлились «единовѣрцы», т. е. старовѣры, признавшіе нашу церковную іерархію, но сохранившіе свои обряды. Основоположникомъ «единовѣрческаго» движенія былъ инокъ Павелъ Прусскій. Въ 80-хъ годахъ онъ созналъ свое заблужденіе, принялъ православіе и сдѣлался архимандритомъ-миссіонеромъ. Необразованный человѣкъ, но большого ума, онъ написалъ подъ руководствомъ профессоровъ Московской Духовной Академіи свои литературные труды о расколѣ и единовѣрцахъ. За собою онъ увлекъ часть старообрядцевъ въ Россіи и въ Пруссіи.

Прусскихъ единовѣрцевъ окормлялъ изъ Берлина о. Мальцевъ (изрѣдка наѣзжалъ къ нимъ). Во время войны они попали въ драматическое положеніе: по душѣ русскіе, а служить надо въ германскихъ войскахъ. Нѣмцы съ этимъ считались, поступали разумно — посылали ихъ на итальянскій фронтъ или назначали на нестроевыя должности.

Когда я обосновался въ Германіи, я посылалъ къ нимъ раза два-три священника для переговоровъ, нельзя ли имъ объединиться въ общину и соорудить свой храмъ. Первымъ моимъ посланцемъ былъ о. Діодоръ Колпинскій, котораго вскорѣ пришлось смѣнить. Въ юности, послѣ кадетскаго корпуса, онъ перешелъ въ католичество, а въ эмиграціи вернулся опять въ православіе. Онъ пришелъ ко мнѣ въ Тегель, исповѣдался — и я его принялъ. У него была любовь къ русской старинѣ, и я рѣшилъ его направить къ старообряд-

*) Запись относится къ до-военному времени.

цамъ. Однако, вскорѣ обнаружилось, что ему со своимъ служеніемъ не справиться, и я назначилъ на его мѣсто о. Александра Аваева.

О. Александръ, бывшій офицеръ гренадерскаго полка въ Москвѣ, покинувъ полкъ, отправился въ Оптину пустынь, гдѣ спустя нѣкоторое время сталъ рясофорнымъ монахомъ. Послѣ мобилизаціи онъ попалъ на фронтъ, а тамъ его вскорѣ взяли въ плѣнъ. Участіе въ войнѣ монашескаго духа въ немъ не угасило. Когда онъ пришелъ ко мнѣ, и я съ нимъ побесѣдовалъ, — я посовѣтовалъ ему принять священство. Онъ съ радостью за совѣтъ ухватился. Священникъ изъ него вышелъ прекрасный: скромный, беззавѣтно преданный своей паствѣ. Онъ сталъ служить по старообрядческому уставу, сошелся съ приходомъ, сталъ любимымъ «батюшкой». Одинъ изъ крестьянъ пожертвовалъ землю, о. Александръ сталъ собирать деньги на построеніе храма. Выстроили прекрасную церковь и подъ одной съ нею крышей — помѣщеніе для школы, для о. настоятеля и для сторожа.

Меня пригласили на освященіе храма. Незабываемая поѣздка! Отрадныя впечатлѣнія... Я съ наслажденіемъ прожилъ тамъ съ недѣлю.

Ѣхать пришлось черезъ польскій коридоръ. На станціи меня радостно встрѣтили крестьяне, и повезли въ храмъ. Дорогой встрѣчались «безпоповцы» — старухи, бабы... Завидя меня, отворачивались, плевались, но все же украдкой старались подсмотрѣть, что за архіерей пріѣхалъ...

Съ вечера въ храмѣ была всенощная. Длилась она съ 6 часовъ до 1 ч. ночи. Служба исполняется у старовѣровъ безъ малѣйшихъ пропусковъ. Пѣвчіе знаютъ слова пѣснопѣній наизусть и поетъ почти вся церковь. Я стою на правомъ клиросѣ, на виду — никуда не уйдешь, а они все читаютъ и читаютъ, поютъ и опять читаютъ... безъ малѣйшаго утомленія! Шестопсалміе прочитала дѣвочка лѣтъ 10-12 — художественно. Ни одному псаломщику такъ не прочитать. Молятся старовѣры истово, стоятъ благоговѣйно. Мужчины въ поддевкахъ — на одной сторонѣ, женщины въ платочкахъ — на другой. Ни одной шляпки. Ни одного бритаго лица. Дисциплина среди молящихся желѣзная — не смѣй присѣсть, не смѣй уйти. А если какая-нибудь дѣвушка и вздумала бы отважиться уйти, — всѣ старухи на нее зашипятъ. Послѣ службы я подѣлился своими впечатлѣніями съ батюшкой. «Это — что... сказалъ онъ, а вотъ канонъ Андрея Критскаго, это, дѣйствительно, можетъ сверхъ силъ показаться. Послѣ каждой стихиры три земныхъ поклона. Болѣе 1.000 земныхъ поклоновъ! Но они къ нимъ привыкли: бьютъ ихъ, опускаясь на руки, такъ легко и ловко, — точно мячики отъ полу отскакиваютъ...».

На слѣдующій день было освященіе храма, а послѣ торжества

меня повезли по хуторамъ и повсюду радушно угощали. Живутъ старообрядцы богато, извлекая доходъ, главнымъ образомъ, изъ фруктовыхъ садовъ, собственныхъ или заарендованныхъ у помѣщиковъ, и живутъ крѣпчашимъ старымъ русскимъ бытомъ, благоговѣйно храня древнія церковныя традиціи. Столько лѣтъ прожили среди германской культуры, — и не поддались, хоть кое-какими плодами ея и воспользовались. Такъ, напримѣръ, есть у нихъ прекрасная нѣмецкая школа, а рядомъ своя, церковно-приходская, гдѣ учатся по часослову и псалтири. Достойные уваженія, трудолюбивые, крѣпкіе люди.

На освященіе пришли посмотрѣть нѣкоторые «безпоповцы». Я узналъ объ этомъ и за обѣдомъ спрашиваю моихъ сотрапезниковъ: не надо ли мнѣ заѣхать съ визитомъ къ «безпоповцамъ»? А одинъ древній старикъ, который еще сражался подъ Седаномъ, мнѣ въ отвѣтъ: «пустяки все это, пустяки... ну, а если ужъ поѣдете, ничего у нихъ не ѣшьте, меня, столяра, изъ кошачьей миски тамъ кормить хотѣли». Я все-же счелъ нужнымъ къ «безпоповцамъ» съѣздить.

Пріѣзжаю... Маленькій домикъ въ прекрасномъ цвѣтущемъ саду. Кругомъ во всѣ стороны волны бѣлыхъ цвѣтовъ... Близъ дома сидитъ молодая, красивая, съ «нестеровскимъ» лицомъ дѣвица, въ бѣломъ платочкѣ, читаетъ книжку — совсѣмъ «Фленушка»... Вышла игуменья. Умная, она никакого угощенія мнѣ не предложила, а повела въ моленную. Какая красота! Какія иконы! Старинное письмо, драгоцѣнные серебряные и золотые оклады... «Бѣда, бѣда у насъ большая стряслась — Владычицу во время войны у насъ украли, Владычицу украли...» плакалась игуменья. Когда вышли изъ моленной, повстрѣчали старуху-начетчицу. «Иларюшка!.. Иларюшка!..» — окликнула ее игуменья, «поди-ка сюда, къ намъ умные люди пріѣхали, намъ бы у нихъ поучиться...» Иларюшка, сумрачная молчаливая старуха, подсѣла рядомъ на скамейку. Однако, бесѣда съ суровой старицей не вязалась. Потомъ я узналъ, что послѣ меня скамейку омывали святой водой. А со мной хитрили: «намъ бы поучиться...» Старикъ-столяръ торжествовалъ: «я же вамъ говорилъ!»

Организованный мною у единовѣрцевъ приходъ просуществовалъ всѣ эти годы, не доставивъ мнѣ ни единой непріятности. О. настоятель обслуживалъ и маленькую общинку въ Кенигсбергѣ, выѣзжая туда раза два-три въ годъ. Не такъ давно онъ организовалъ въ своемъ приходѣ женскую монашескую общину. Духъ Оптиной пустыни сказывается на всей его пастырской дѣятельности.

Еп. Тихонъ написалъ о. Аваеву отвратительное письмо съ цѣлью склонить его на разрывъ со мною. «Митрополитъ Евлогій можетъ ваше имущество передать грекамъ... писалъ онъ, вамъ неприлично не переходить ко мнѣ, находящемуся въ согласіи съ германскими

властями...» Я предупредилъ о. Аваева о замыслѣ еп. Тихона, — распуталъ все сплетеніе наговоровъ, далъ директивы быть корректнымъ съ германской властью, а если она поставила бы вопросъ объ юрисдикціи ребромъ, предложилъ собрать прихожанъ и посовѣтовалъ предоставить имъ самимъ рѣшить этотъ вопросъ по совѣсти. На законномъ основаніи германская власть захватить имущество прихода не можетъ: это его собственность.

ЧЕХОСЛОВАКІЯ

Братислава.

Въ концѣ 23 года я сталъ получать письма изъ Братиславы съ просьбами объ организаціи тамъ прихода и о назначеніи священника. Послѣ нѣкоторыхъ поисковъ я остановилъ свой выборъ на о. Сергіи Четвериковѣ.

Въ Россіи о. Сергій былъ законоучителемъ въ Крымскомъ кадетскомъ корпусѣ, а въ эмиграціи устроился въ Сербіи. Въ 24 г. онъ прислалъ мнѣ прошеніе о переводѣ въ Братиславу, гдѣ жилъ его сынъ. Желаніе его меня обрадовало. Я зналъ, что о. Сергій священникъ выдающійся, высокаго пастырскаго настроенія, аскетическаго монашескаго духа и знатокъ русскаго монашества и старчества. Онъ хорошо изучилъ труды родоначальника движенія (въ XVIII вѣкѣ) по обновленію православнаго монашества и основоположника старчества Паисія Величковскаго; побывалъ и въ Нямецкой Лаврѣ (въ Румыніи), гдѣ въ свое время этотъ великій подвижникъ трудился*); духовно былъ связанъ о. Сергій и съ Оптиной Пустыней, былъ близко знакомъ съ жизнью и твореніями Оптинскихъ старцевъ, написалъ книгу «Оптина Пустынь». Я съ радостью перевелъ о. Четверикова въ Братиславу. Приходъ нашъ въ Братиславѣ надо признать счастливымъ. Всѣ настоятели его, начиная съ о. Четверикова и до сего дня, выдающіеся пастыри.

Братислава, столица Словакіи, городъ университетскій, въ которомъ проживаетъ много русскихъ студентовъ. О. Четвериковъ поставилъ приходъ отлично и Братиславой не ограничился, а сталъ простираться и далеко за ея предѣлы. Въ Словакіи разбросано не мало русскихъ гнѣздъ — семьи чеховъ-военнопленныхъ, вернувшихся изъ Россіи женатыми на русскихъ. О. Четвериковъ развилъ широкую миссіонерскую дѣятельность по всей Словакіи, окормлялъ до 10 такихъ гнѣздъ. Однако, Братислава была не по немъ: для него — мала. Онъ

*) О. С. Четвериковъ написалъ большой трудъ «Паисій Величковскій».

могъ развернуться шире и вліять на большій кругъ людей. Скоро нашлось для него новое поприще.

Руководители «Христіанскаго Движенія» умолили меня назначить о. Сергія настоятелемъ церкви «Движенія». Я горячей просьбѣ уступилъ и выписалъ о. Сергія изъ Братиславы. Тамъ — драма: жалобы, слезы, упреки.... — я отнимаю любимаго батюшку, я обижаю. Господь помогъ смягчить горечь: преемникомъ о. Сергія я назначилъ іеромонаха о. Никона (Греве)*), который справился съ трудной задачей — примирилъ со своей личностью паству, оплакивавшую его предшественника.

О. Никонъ съ самоотверженностью отнесся къ своему пастырскому долгу, отлично повелъ приходъ, удѣляя особое вниманіе дѣтямъ: школамъ, дѣтскимъ праздникамъ и проч. Продолжалъ онъ и линію миссіонерской дѣятельности о. Четверикова. Онъ разъѣзжалъ по Словакіи, навѣщая своихъ духовныхъ дѣтей. И въ какихъ подчасъ тяжкихъ условіяхъ! Въ 20° морозы по снѣжнымъ равнинамъ въ открытыхъ саняхъ, въ плохонькой ряскѣ... Безчисленныя панихиды на кладбищахъ, въ морозные дни. Полное пренебреженіе къ своему здоровью, удобству, покою. И всюду службы, требы, духовное руководство, когда необходимо слово назиданія, утѣшенія или совѣта... Сердца приверженцевъ о. Четверикова смягчились, ко мнѣ полетѣли благодарственныя письма. Приходъ жилъ полной жизнью. Къ сожалѣнію, и этого любимаго пастыря пришлось отъ паствы оторвать. По смерти о. А. Ельчанинова, я перевелъ о. Никона на его мѣсто въ каѳедральный храмъ въ Парижѣ. Въ случаяхъ крѣпкой спаянности пастыря съ паствою разрывъ всегда болѣзненъ. Опять начались слезы, протесты, волненія... И опять потребовалась нѣкоторая борьба. Я принялъ свое рѣшеніе, желая предназначить о. Никона къ болѣе высокому служенію и учитывая состояніе его здоровья. Работа въ Братиславѣ была ему физически не по силамъ. Онъ себя не щадилъ, отъ постоянныхъ службъ на кладбищахъ, на холоду, у него стала развиваться болѣзнь горла, переводъ въ Парижъ могъ быть спасеніемъ.

Почти передъ самымъ отъѣздомъ о. Никона, прибылъ изъ Карпатской Руси іеромонахъ Михаилъ (въ міру Дмитрій, по профессіи инженеръ). Въ гор. Мукачѣ, епархіальномъ центрѣ Карпатской Руси, онъ занималъ мѣсто настоятеля каѳедральнаго собора. Какія-то недоразумѣнія заставили его уйти, и онъ пріѣхалъ въ Братиславу къ своему другу о. Никону, у котораго и поселился. О. Михаила я и назначилъ преемникомъ о. Никона.

О. Михаилъ типъ монаха-аскета, монаха-мистика, миссіонера.

---

*) Бывшій полковникъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Впослѣдствіи (въ 1946 г.) епископъ.

Всѣ настоятели Братиславскаго прихода по своему духовному типу одинаковы: пламенная вѣра, мистическій складъ души, аскетическіе подвиги, ревностное, до самоотверженности, отношеніе къ долгу. Изъ нихъ наиболѣе склоненъ къ мистической жизни о. Михаилъ.

Брно (Моравія).

Брно — большой университетскій городъ. Русскихъ студентовъ тамъ множество. Здѣсь оказался священникъ — чехъ о. Ванекъ, прибившійся изъ Россіи. На Волыни онъ окончилъ духовную семинарію, былъ настоятелемъ прихода близъ Здолбунова: тамъ поселились чешскіе колонисты. Въ Брно вокругъ о. Ванека сгруппировались богомольцы, главнымъ образомъ, студенты и ихъ родственники. Организовалась община текучая, студенческая по составу.

О. Ванекъ очень хорошій «батюшка», горячо преданный православію. Чистоту православія онъ блюдетъ строго и въ отношеніе къ церковной дисциплинѣ не допускаетъ послабленій или новшествъ. Такъ, напримѣръ, отъ участія въ похоронахъ съ музыкой, когда музыканты шествуютъ въ процессіи среди хоругвей, наигрывая печальные мотивы, онъ отказывается, считая это заимствованіемъ у католиковъ.

БЕЛЬГІЯ.

Льежъ.

Начало церковному объединенію въ Льежѣ положилъ о. Владиміръ Федоровъ, доблестный священникъ, связавшій свою личную жизнь еще въ Константинополѣ съ судьбою дѣтскаго пріюта г-жи Кузьминой-Караваевой, основаннаго ею въ 1918 году.

Г-жа Кузьмина-Караваева, энергичная женщина, переѣхала со своимъ пріютомъ изъ Константинополя въ Бельгію, въ Намюръ, а потомъ въ Льежъ, гдѣ устроилась въ помѣщеніи о.о. іезуитовъ. Спустя нѣкоторое время о.о. іезуиты пристанище отняли. Начальница не растерялась, забрала дѣтей (ихъ было человѣкъ около 50-ти), пріѣхала въ Брюссель, высыпала дѣтвору, какъ изъ мѣшка, на вокзалѣ, а сама пошла искать по городу, куда-бы съ пріютомъ пристроиться. Долго голодныя и холодныя дѣти сидѣли, ожидая, пока ихъ начальница не объѣхала благотворительныя инстанціи и пока, наконецъ, добрыя брюссельскія дамы не сжалились и не оказали посильной помощи...

За 18 лѣтъ этотъ пріютъ далъ воспитаніе не одной сотнѣ русскихъ дѣтей и многихъ поставилъ на ноги, вывелъ въ люди. Изъ пи-

томцевъ этого пріюта есть уже инженеры, студенты, одинъ учится въ Богословскомъ Институтѣ, дѣвочки выданы замужъ и т. д.

Протоіерей Владиміръ Федоровъ, человѣкъ удивительнаго смиренія и самоотверженія. Изъ любви къ дѣтямъ раздѣлялъ съ ними всю нерадостную ихъ судьбу, вмѣстѣ съ ними голодалъ, терпѣлъ нужду, и никогда у него не было мысли покинуть пріютъ и попросить себѣ болѣе обезпеченнаго положенія. Онъ отдалъ дѣтямъ себя всецѣло и, конечно, его духовное нравственно-воспитательное вліяніе на дѣтей огромно. Съ самаго начала онъ устроилъ при пріютѣ храмъ и былъ безсмѣннымъ его настоятелемъ. Рѣдкой души человѣкъ, онъ имѣетъ одну странную особенность — терпѣть не можетъ собакъ, и собаки это чувствуютъ. Нерасположеніе къ собакамъ особенно усилилось послѣ того, какъ однажды маленькіе щенки начальницы, по недосмотру хозяйки, ворвались въ церковь и произвели тамъ безчинство, вбѣжали въ алтарь и, играя, разорвали церковную завѣсу... «Когда я вижу даму, которая нѣжно несетъ свою собачку на рукахъ, мнѣ хочется, говорилъ онъ, ударить палкой по собакѣ и по дамѣ — и крикнуть: «ласкайте дѣтей, а не собакъ!»

По переѣздѣ пріюта въ Брюссель, я назначилъ въ Льежъ (въ 1926 г.) о. Дмитрія Троицкаго (онъ былъ настоятелемъ Берлинской церкви въ Тегелѣ). Въ тѣ годы еще вѣялъ въ Бельгіи духъ великаго кардинала Мерсье. Католики дали намъ домъ, но весьма скоро отъ братской услуги ничего, кромѣ ея формальной стороны, не осталось. Ксендзъ Ducranne повелъ энергичную пропаганду, начались придирки, утѣсненія, — о. Троицкій, человѣкъ непокладистый, далъ отпоръ, завязалась съ патеромъ борьба, и въ концѣ концовъ насъ изъ дома выселили... Пришлось искать для церкви новое помѣщеніе. Нашли его сначала въ частной квартирѣ, а потомъ въ бывшей католической капеллѣ, которую германцы во время оккупаціи превратили въ конюшню. Католики считали ее оскверненной и передали городу, а муниципалитетъ отдалъ ее какому-то музыкальному обществу для спѣвокъ и занятій. Представители русской колоніи вступили съ этимъ обществомъ въ переговоры и получили разрѣшеніе служить въ капеллѣ два раза въ мѣсяцъ всенощную (въ одну изъ субботъ) и обѣдню (въ одно изъ воскресеній). Если большой праздникъ бывалъ на недѣлѣ или требовалъ лишняго дня, приходилось разсчитывать на любезность и обращаться съ особымъ ходатайствомъ.

Помѣщеніе капеллы было огромное, неуютное. Иконостаса не было. Для каждой службы надлежало церковь устраивать заново, а потомъ иконы и церковную утварь прятать въ чуланчикъ подъ лѣстницей. О. Троицкій ничего не сдѣлалъ, чтобы найти какой-нибудь исходъ изъ печальнаго положенія. У него обострились отношенія съ Приходскимъ Совѣтомъ, начались дрязги, и я, послѣ Епархіальнаго

Съѣзда, рѣшилъ отправить его въ «Русскій Домъ» въ S-te Geneviève, а на его мѣсто въ Льежъ поставилъ священника Сергія Синкевича. О. Синкевичъ окончилъ Одесскую семинарію, а потомъ былъ домашнимъ учителемъ у помѣщика Сухомлинова. Такъ до старости онъ и прожилъ. Въ эмиграціи ему захотѣлось вернуться на путь священства. Но духъ пастырства изъ него уже выдохся; онъ утратилъ привычки связанныя со священствомъ, какъ говорится, «не умѣлъ больше ступить», во всемъ сказывался мірской человѣкъ, чиновникъ, любившій свѣтскій образъ жизни, — напримѣръ, устроить чай, даже съ картами, а приходъ былъ «между прочимъ». Церковная жизнь увядала. Ссоры въ Приходскомъ Совѣтѣ, дрязги, сплетни, затхлый духъ... Службы въ капеллѣ отправлялись кое-какъ. Приходъ разваливался...

Въ 31 г. я замѣнилъ о. Синкевича молодымъ священникомъ Валентомъ Роменскимъ, окончившимъ Богословскій Институтъ. Онъ женатъ на швейцаркѣ, изъ семьи протестантскихъ миссіонеровъ подвизавшихся въ Африкѣ, она приняла православіе. Благочестивая, прекрасная женщина. О. Валентъ отдалъ приходу всю свою молодую энергію. Человѣкъ умный, толковый, пламенный и предпріимчивый, въ семейной жизни обремененный тяжкими заботами, онъ ринулся самоотверженно въ приходскую работу. Приходъ сталъ неузнаваемъ. О. Роменскій не могъ примириться со временнымъ церковнымъ помѣщеніемъ, съ невозможностью совершать великопостныя и праздничныя службы и началъ искать выхода изъ создавшагося положенія. Онъ объединилъ прихожанъ, вокругъ него они сдружились, общими усиліями достали у города помѣщеніе — запасныя комнаты какого-то городского музея, — и черезъ полтора года Льежскій приходъ уже имѣлъ чудную церковку въ два свѣта, со стильнымъ иконостасомъ (XVII вѣка), исполненнымъ Обществомъ «Икона» по заказу какого-то анонимнаго жертвователя. Я пріѣзжалъ на освященіе. Церковь — имени св. Александра Невскаго и Преподобнаго Серафима Саровскаго. Она одна изъ лучшихъ въ эмиграціи. А десять лѣтъ не могла русская колонія своей церковно-приходской жизни наладить! О. Роменскій оживилъ и воскресилъ приходъ. Онъ издаетъ приходскій листокъ — скромный ежемѣсячникъ, печатаемый на ротаторѣ, въ которомъ находитъ отраженіе все, что прихожанъ волнуетъ или интересуетъ. Онъ организовалъ сестричество, отзываясь на сознанную нѣкоторыми прихожанками потребность религіознаго объединенія. Уставъ, присланный мнѣ на утвержденіе, я одобрилъ; составленъ онъ умно.

«Карловчане» параллельно намъ открыли свою церковь, но ихъ приходъ сталъ быстро хирѣть и захирѣлъ настолько, что священникъ впалъ въ крайнюю нужду, даже голодалъ. По иниціативѣ о. Валента, въ пользу него въ нашемъ приходѣ собрали деньги — благородный, красивый порывъ, истинно христіанскій.

Лувенъ.

Еще при о. П. Извольскомъ открыта была, приписанная къ Брюсселю, община въ Лувенѣ, организовавшаяся въ общежитіи русскихъ студентовъ. Въ Лувенскомъ университетѣ обучалось много нашихъ студентовъ на стипендіи покойнаго кардинала Мерсье, истиннаго отца и благодѣтеля нашего юношества. Студенты устроили и оборудовали маленькую церковь во имя мученицы Татьяны (по ассоціаціи съ Московскимъ Университетомъ, гдѣ была церковь св. Татьяны; отсюда знаменитый «Татьянинъ день» — праздникъ Университета и всей московской интеллигенціи). Я нѣсколько разъ съ большой радостью служилъ въ этой церкви, гдѣ студенты завели хорошій церковный хоръ, церковное хозяйство, сами были старостами... Обслуживали эту церковь помощники Брюссельскаго настоятеля — сначала священникъ Г. Цебриковъ, а потомъ о. Г. Тарасовъ, организовавшій церковную общину въ Гентѣ.

Шарлеруа.

Шарлеруа большой центръ добычи угля. Въ шахтахъ работаетъ много русскихъ и въ составѣ инженеровъ тоже ихъ не мало (они довольно хорошо здѣсь зарабатываютъ).

Въ 27 году организовался церковный комитетъ, во главѣ съ инженеромъ Кудрицкимъ, и обратился ко мнѣ съ просьбой прислать священника. Я направилъ туда о. І. Ктитарева. Сначала церковныя службы бывали въ католическомъ костелѣ. Отмѣчу рѣдкое явленіе: ксендзъ d'Armigny пошелъ намъ навстрѣчу, помогъ наладить богослуженіе, предоставивъ намъ возможность пользоваться, когда намъ надо, помѣщеніемъ костела.

О. настоятелю было въ Шарлеруа трудновато. Прихожанъ было мало. О. Ктитареву негдѣ было развернуться, онъ мечталъ о болѣе широкомъ примѣненіи своихъ дарованій, а черная работа въ маленькомъ приходѣ казалась ему не по немъ. Я перевелъ его въ Коломбель, а сюда назначилъ о. А. Ванчакова, котораго, однако, пришлось вскорѣ послать въ Вѣну. Нѣкоторое время Шарлеруа обслуживалъ о. Дейбнеръ, перебѣжчикъ, то отъ насъ къ католикамъ, то отъ католиковъ къ намъ обратно, но я быстро оттуда его взялъ и назначилъ протоіерея Д. Владыкова (Харьковской епархіи), священника-миссіонера, который въ эмиграціи священствовалъ въ Карпатской Руси.

О. Владыковъ — старенькій, семидесятилѣтній «батюшка». Энергіи отъ него ожидать трудно, но опытный и тактичный, онъ держитъ приходъ въ порядкѣ. Приходская жизнь не процвѣтаетъ, едва теплится. Объясняется эта хилость и тѣмъ, что многіе наши ин-

женеры разъѣхались, а оставшейся группѣ прихожанъ трудно содержать священника. О. настоятель по три мѣсяца не получаетъ «прожиточнаго минимума», и ужъ, конечно, не хватаетъ средствъ въ приходской казнѣ на какія-нибудь благотворительныя или просвѣтительныя начинанія. Въ 1937 году я посѣтилъ приходъ и утѣшилъ добраго пастыря о. Владыкова*) — возложилъ на него митру, снявъ со своей головы. Трудно живется въ Шарлеруа и постырю и пасомымъ...

Антверпенъ.

Община въ Антверпенѣ сначала приписалась къ Брюсселю, и владыка Александръ посылалъ туда, то протоіерея Вл. Федорова (изъ пріюта Кузьминой-Караваевой), то священника о. Г. Тарасова, то еще кого-то. Когда объединеніе немного укрѣпилось, я направилъ туда молодого священника о. С. Тимченко.

Наша Антверпенская церковь помѣщается въ запасномъ залѣ протестантской кирки. Большой, свѣтлый залъ. Прихожанъ мало, но большинство изъ нихъ зажиточны; бѣженской бѣдноты нѣтъ.

Антверпенъ — огромный портъ. Много матросовъ. Заходятъ сюда корабли и изъ СССР. Случается, что кто-нибудь изъ совѣтскихъ моряковъ забѣгаетъ въ нашу церковь. Въ порту есть русскіе грузчики. О. Тимченко организовалъ для нихъ общество взаимопомощи.

Въ настоящее время приходъ возглавляетъ священникъ А. Насальскій (Богословскаго Института), а о. Тимченко я перевелъ въ Стокгольмъ.

Священнику въ Антверпенѣ въ матеріальномъ отношеніи живется очень трудно; быть можетъ было бы совсѣмъ невозможно, если бы мѣстный староста, докторъ Орловъ, не оказывалъ ему гостепріимства. Помогаютъ натурою и нѣкоторые другіе прихожане, но часто у священника нѣтъ денегъ на самые необходимые расходы**).

ИТАЛІЯ.

Миланъ.

Еще въ 24 г. въ Миланѣ образовался церковный комитетъ и сталъ хлопотать объ организаціи богослуженія. Русскихъ въ Миланѣ проживаетъ мало. Я далъ распоряженіе настоятелю нашей Флорентійской церкви о. Стельмашенко съѣздить въ Миланъ, созвать приходское собраніе и соорганизовать приписную ко Флоренціи об-

*) Въ настоящее время о. Д. Владыковъ — протопресвитеръ.
**) Эти свѣдѣнія относятся къ 1935 году.

щинку. Такъ общинкой Миланское церковное объединеніе до 30 года и продержалось. Туда наѣзжали священники изъ Флоренціи — сначала о. Стальмашенко, а потомъ о. Лелюхинъ.

Въ 30 г. въ Миланѣ случайно очутился о. Соколовъ, уволенный мною изъ Крезо. Онъ быстро тутъ оріентировался, и вскорѣ ко мнѣ изъ Милана поступило прошеніе о назначеніи его священникомъ. Такъ какъ до о. Соколова церковная жизнь общинки что-то не ладилась, я просьбу исполнилъ и назначилъ его настоятелемъ. Энергіи и общительности у новаго настоятеля было, хоть отбавляй. Онъ всѣхъ соотечественниковъ перезнакомилъ, самъ быстро завязалъ житейскія взаимоотношенія со многими лицами и семьями, умѣло эти знакомства поддерживалъ и укрѣплялъ. Пониманія глубокаго значенія пастырской дѣятельности у него не было, но, бойкій и предпріимчивый, онъ сумѣлъ русскую колонію расшевелить. Потомъ пошли какія-то недоразумѣнія, и о. Соколовъ безъ всякаго давленія съ моей стороны прислалъ мнѣ прошеніе объ увольненіи (онъ хотѣлъ ѣхать въ Америку).

На мѣсто о. Соколова, я назначилъ священника о. Куракина*). Для Миланскаго прихода это было пріобрѣтеніемъ. Добрый, вліятельный пастырь, высоко-культурный и глубоко благочестивый, онъ сумѣлъ стать нравственнымъ авторитетомъ для паствы, поднять престижъ настоятеля, объединить около церкви всю колонію, которая стала жить нормальной церковной жизнью. Русскіе въ городахъ сѣв. Италіи прослышали о немъ и стали приглашать къ себѣ; тѣмъ самымъ его служеніе стало и миссіонерскимъ.

Въ 35 г. я перевелъ о. Куракина во Флоренцію, а въ Миланъ направилъ о. Аполлона Сморжевскаго, окончившаго Петербургскую Духовную Академію и бывшаго преподавателя Виленской духовной семинаріи. Въ эмиграціи онъ былъ рукоположенъ во священники въ мое отсутствіе преосвященнымъ Іоанномъ (Леончуковымъ). Пожилой человѣкъ, опытный, солидный, о. Сморжевскій сталъ хорошимъ, вліятельнымъ священникомъ. Онъ удѣляетъ вниманіе просвѣтительной дѣятельности — читаетъ лекціи; устроилъ новую церковь въ болѣе просторномъ и удобномъ помѣщеніи.

Въ настоящее время въ Миланской церкви есть и діаконъ — о. Алексѣй Годяевъ (Вятской семинаріи), бывшій офицеръ. Въ эмиграціи онъ попалъ въ Германію безъ знанія нѣмецкаго языка, быстро тамъ освоился, научился языку, поступилъ въ Мюнхенскій Политехникумъ и отлично его окончилъ. Одновременно онъ бралъ уроки пѣнія (у него баритонъ). Для усовершенствованія въ этой области онъ направился въ Парижъ, поступилъ на службу къ инженеру Махонину

*) См. стр. 433.

и продолжалъ серьезно заниматься пѣніемъ. Замѣтные успѣхи его окрылили, и онъ уѣхалъ довершать свое музыкальное образованіе въ Миланъ. Тутъ онъ женился. Склонный къ церкви, онъ сталъ псаломщиковъ, а потомъ я рукоположилъ его въ діаконы. Мечта его быть когда-нибудь протодіакономъ. Но я хочу посвятить его въ священники. Онъ одаренный для этого пути человѣкъ. Я узналъ, что въ Генуѣ проживаетъ много грековъ и русскихъ, и въ Туринѣ есть православные люди тоже. Это подало мнѣ тогда мысль сказать діакону Годяеву: «если сумѣете гдѣ-нибудь соорганизовать общину — сдѣлаю васъ священникомъ»...

НОРВЕГІЯ.

Осло.

Община въ Осло соорганизовалась въ 30 г. До 33 г. ее обслуживалъ священникъ изъ Стокгольма, пріѣзжавшій на праздники, а въ 33 г. о. Александръ Рубецъ*) образовалъ тамъ сплоченную организацію, избравшую Приходскій Совѣтъ. Въ 36 г. я назначилъ о. Александра настоятелемъ этого норвежскаго прихода. Живетъ онъ въ Стокгольмѣ, а на каникулярное время и въ праздники перебирается въ Осло. «Карловчане» пытались было скомпрометировать о. Александра и настроить противъ него нашего консула въ Осло, но это имъ не удалось. Жизнь тамъ течетъ спокойно.

ГОЛЛАНДІЯ.

Гаага.

Какъ я уже сказалъ*), до назначенія іеромонаха Діонисія (Лукина) приходъ въ Гаагѣ былъ малочисленный, слабый, жизнь въ немъ едва-едва теплилась. О. Діонисій, молодой пастырь, энергичный, ревностный, былъ глубоко потрясенъ картиной духовной запущенности и омертвѣнія, когда въ праздникъ Вознесенія Господня въ церковь пришли только... три человѣка! Для возрожденія прихода онъ рѣшилъ во что бы то ни стало устроить особый храмъ, отдѣливъ церковь отъ квартиры настоятеля. Необходимость проходить черезъ квартиру священника весьма стѣсняла (какъ это потомъ выяснилось) вѣрующихъ людей и вообще не способствовала привлеченію ихъ къ церковной жизни. Для этого надо было перестроить домикъ консьержа у входа въ церковный садъ. Впослѣдствіи, въ концѣ

*) См. стр. 436.

1937 г., о. Діонисій свой планъ осуществилъ. Поначалу денегъ не было. О. Діонисій принялся усердно собирать пожертвованія; на его призывъ живо откликнулись не только русскіе (ихъ было мало, и они бѣдны), но и наши голландскіе друзья — протестанты, старокатолики... Нашелся очень хорошій русскій архитекторъ, изъ голландцевъ жившихъ въ Россіи; онъ сдѣлалъ удобный и красивый планъ приспособленія домика подъ храмъ. И вотъ, 12 декабря 1937 года назначено было его освященіе.

Я пріѣхалъ на торжество вмѣстѣ съ живущимъ въ Бельгіи архіепископомъ Александромъ. Мы были встрѣчены съ большой радостью. На торжество явились не только прихожане, но инославные — наши голландскіе друзья. Чинъ освященія прошелъ и торжественно и умилительно. Одинъ образованный голландецъ, д-ръ Гендриксъ, оказался такимъ любителемъ православнаго богослуженія, что нѣсколько лѣтъ подъ рядъ на Страстную недѣлю и на Пасху ѣздилъ въ Москву, чтобы наслаждаться тамъ нашимъ богослуженіемъ. «Въ моей жизни было два замѣчательныхъ радостныхъ момента, которыхъ я не забуду до смерти: пасхальное богослуженіе въ Москвѣ и освященіе храма въ Гаагѣ», сказалъ онъ.

Въ этотъ мой пріѣздъ я задержался въ Голландіи почти цѣлую недѣлю. Меня возили по разнымъ городамъ для ознакомленія съ достопримѣчательностями. На другой день послѣ храмового торжества мы поѣхали въ Саардамъ, гдѣ подробно осматривали домикъ Петра Великаго. Скажу откровенно, что онъ произвелъ на меня очень сильное впечатлѣніе. Суровая простота, даже грубость, обстановки, самые малые размѣры, все давало такое яркое представленіе о томъ Русскомъ Великанѣ, который умѣлъ на тронѣ быть работникомъ («то мореплаватель, то плотникъ»). Замѣчательно, съ какою любовью относятся голландцы къ этому памятнику: чтобы предохранить старое деревянное зданіе отъ разрушенія, они заключили его въ каменный футляръ. Изъ нашихъ русскихъ Государей здѣсь былъ, кажется, одинъ Александръ II. На площади, вблизи домика, стоитъ памятникъ, сооруженный Императоромъ Николаемъ II: Петръ долбитъ лодку (по извѣстной гравюрѣ).

Отсюда мы поѣхали въ Амстердамъ, гдѣ городскія власти устроили намъ официальный пріемъ въ Ратушѣ; затѣмъ я посѣтилъ нашу православную церковь въ подвальномъ помѣщеніи одного протестантскаго храма; все тамъ было очень сиротливо, убого, прихожанъ очень мало. Повидимому, священникъ о. Николай Щербовичъ-Вечоръ (изъ офицеровъ) не сумѣлъ зажечь въ приходѣ огня святой ревности о церкви. Теперь этотъ маленькій и нежизненный приходъ закрылся. Довольно примѣчательна личность протестантскаго настоятеля храма, давшаго пріютъ нашему приходу. Онъ изъ какого-то непо-

нятнаго озорства возбудилъ въ печати вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ говорилъ въ раю змѣй съ Евой. За это неумѣстное глумленіе надъ Библіей онъ былъ устраненъ отъ службы, но не послушался и продолжалъ служить. «А число прихожанъ у васъ въ связи съ этимъ очень уменьшилось?» — спросилъ я. — «Наоборотъ, очень увеличилось», отвѣтилъ онъ. Обѣдали и провели вечеръ мы у гостепріимнаго болгарскаго консула-голландца, вся семья котораго (въ томъ числѣ некрещенныя дѣти) была принята мною въ лоно православной церкви и состоитъ теперь въ приходѣ о. Діонисія.

Вспоминая эту поѣздку въ Голландію, хочу еще упомянуть о посѣщеніи гор. Роттердама. Намъ хотѣли показать этотъ огромный міровой портъ, куда собираются торговые суда цѣлаго свѣта. На маленькомъ, изящномъ пароходикѣ, попивая чай, мы медленно объѣзжали портъ. Зрѣлище было грандіозное; великое множество кораблей всѣхъ странъ демонстрировали свои торговыя предпріятія; нѣсколько жутко было созерцать это напряженное соревнованіе человѣческихъ стяжаній, капитала... Но особенно приковали мое вниманіе горы лѣса — прекрасныя, ароматныя, тщательно обдѣланныя доски, на нашей родной землѣ выращенныя и нашими братьями, ихъ принудительнымъ трудомъ, кровью и потомъ политыя... Можетъ быть, какой-нибудь бѣдный больной епископъ, въ жалкихъ лохмотьяхъ, замерзая отъ стужи и изнывая отъ голода, подъ грубыя оклики палачей рубилъ и обдѣлывалъ эти деревья, не думая, что его собратъ за-границей въ теплѣ и сытости будетъ смотрѣть на его трудъ... И какъ бы для усиленія этого впечатлѣнія предъ нами выросъ огромный, черный, мрачный пароходъ, наполненный русскимъ лѣсомъ, съ надписью «Ворошиловъ». До чего стало больно и какъ-то стыдно!...

Послѣ осмотра порта насъ повезли въ Ратушу, гдѣ намъ была устроена встрѣча; бургомистръ, съ бокаломъ въ рукѣ, привѣтствовалъ насъ рѣчью; я отвѣчалъ ему черезъ переводчика. И вдругъ на хорахъ органъ заигралъ что-то знакомое, родное. Прислушиваюсь — Господи!.. «Боже, Царя храни»... Мы — я и мои русскіе спутники — были потрясены до глубины души, а у нашихъ дамъ покатились изъ глазъ обильныя слезы... Вотъ какіе голландцы: это одна изъ очень немногихъ странъ, которая до сихъ поръ политически не признала большевиковъ; она угостила насъ нашимъ старымъ національнымъ гимномъ, но это не мѣшаетъ ей вести оживленную торговлю съ тѣми же большевиками... Какъ все сложно, антиномично! Но во всякомъ случаѣ, великая благодарность милымъ, добрымъ голландцамъ за то, что они такъ тепло, такъ радушно встрѣтили русскаго епископа-бѣженца, изгнанника изъ своей родной страны!

ШВЕЙЦАРІЯ.

Цюрихъ.

Цюрихскій приходъ — послѣдній возникшій при мнѣ внѣ Франціи.

Въ Цюрихѣ существовалъ Карловацкій приходъ, но въ немъ начались раздоры изъ-за мѣста священника о. Владиміра Гусева, скромнаго и усерднаго пастыря, стяжавшаго крѣпкія симпатіи среди прихожанъ. О. Гусенъ былъ несправедливо обиженъ архіепископомъ Серафимомъ и насильственно переведенъ изъ Цюриха, несмотря на защиту и ходатайство за него прихожанъ. Эти пререканія между прихожанами и арх. Серафимомъ закончились тѣмъ, что священникъ вмѣстѣ съ большинствомъ своихъ прихожанъ перешелъ въ мою юрисдикцію. Противно вспоминать, къ какимъ недостойнымъ мѣрамъ прибѣгали его враги, чтобы не пустить о. Гусева въ Цюрихъ...

Но прихожане дружно сплотились вокругъ «батюшки», разоблачили всю ложь обвиненій и отстояли своего добраго пастыря. Когда онъ водворился въ Цюрихѣ, я направился туда, чтобы дать благословеніе новому моему приходу и наладить его церковную жизнь. Встрѣченъ я былъ съ большой радостью. Въ теченіе недѣли мнѣ удалось закрѣпить наши позиціи. Дай Богъ приходу устоять противъ всѣхъ козней вражіихъ!

Въ Цюрихѣ я познакомился съ интереснымъ учрежденіемъ протестантской Церкви, называемымъ «Домъ діаконовъ и діакониссъ». Это огромное учрежденіе-больница, гдѣ будущіе діаконы и діакониссы подготовляются для служенія дѣлу христіанскаго милосердія, самоотверженно и, конечно, беззозмездно ухаживая за больными. Отсюда они посылаются съ такого же рода миссіей во всѣ стороны. Очень интересенъ въ этомъ Домѣ храмъ, имѣющій престолы разныхъ протестантскихъ исповѣданій, представители которыхъ тамъ служатъ поочередно, осуществляя экуменическую задачу. Изъ этого Дома пришелъ къ намъ въ Богословскій Институтъ, въ качествѣ вольнослушателя, принявшій православіе Иванъ Гюммерихъ, постриженный въ монашество (рясофоръ) подъ именемъ Ѳерапонта. Онъ пользуется большимъ авторитетомъ въ этомъ Домѣ. Если бы впослѣдствіи его дѣятельность была тѣсно связана съ этимъ прекраснымъ учрежденіемъ, — открылись бы широкія перспективы для православной миссіи, и нужно было бы устроить и православный алтарь въ этомъ экуменическомъ храмѣ. Но, разумѣется, «Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіе».

5. НОВЫЕ ХРАМЫ И ПРИХОДЫ

(ФРАНЦІЯ)

Послѣ моего переѣзда изъ Берлина въ Парижъ, процессъ образованія новыхъ храмовъ продолжался. Объ условіяхъ эмигрантской жизни во Франціи, на этотъ процессъ вліявшихъ, о моихъ побужденіяхъ ему всячески содѣйствовать — я уже сказалъ. Теперь разскажу о томъ, при какихъ обстоятельствахъ каждый изъ этихъ приходовъ возникъ, и какъ сложилась его церковная судьба.

ХРАМЫ ВЪ ПАРИЖѢ И ВЪ ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХЪ

Кламаръ.

Одной изъ первыхъ церквей, возникшихъ подъ Парижемъ, былъ полуприходъ — полудомовая церковь въ Кламарѣ. Тамъ поселился гр. К. А. Бутеневъ-Хребтовичъ и многочисленные его родственники: Трубецкіе, Лопухины... Гр. Хребтовичъ нанялъ барскую усадьбу и рѣшилъ для себя, своей родни, для всѣхъ чадъ и домочадцевъ устроить церковь. Черезъ мѣсяцъ въ саду усадьбы уже виднѣлась церковка: ее заказали на одной столярной фабрикѣ, которая съ точностью и воспроизвела представленный ей архитектурный проектъ. Оставалось организовать богослуженіе.

Въ это время прибылъ изъ Константинополя пожилой священникъ — о. Александръ Калашниковъ. Я назначилъ его въ Кламаръ: покойное мѣсто. При жизни Хребтовича и Г. Н. Трубецкого Кламарская церковка процвѣтала, послѣ ихъ смерти она нѣсколько заглохла, но потомъ вновь поднялась, благодаря новому священнику-старцу о. Михаилу Осоргину, родственнику Трубецкихъ (О. Калашникова я перевелъ въ «Русскій Домъ» въ Сентъ-Женевьевъ). Осоргинъ пріѣхалъ со своими дѣтьми изъ Совѣтской Россіи. Въ прошломъ — кавалергардъ, а потомъ губернаторъ, онъ въ 1905 году покинулъ губернаторскій постъ, потому что принципіально не могъ подписать приговоръ къ смертной казни. Человѣкъ религіозный, благочестивый, еще въ свою бытность въ Россіи онъ устроилъ въ своемъ имѣніи церковь. Во время большевиковъ Патріархъ сдѣлалъ его «благовѣстникомъ», и онъ проповѣдывалъ по церквамъ. По пріѣздѣ въ эмиграцію, гдѣ его сынъ М. М. Осоргинъ былъ устроителемъ, а потомъ псаломщикомъ Сергіевскаго Подворья, я познакомился съ нимъ и посовѣтовалъ ему принять священный санъ. Вскорѣ состоялось и рукоположеніе. Я направилъ его въ Кламарскую церковь къ его роднѣ. Старецъ онъ хорошій, чистой души, ревностный въ служеніи. Среди сво-

ихъ многочисленныхъ родственниковъ въ Кламарѣ онъ какъ бы патріархъ надъ всѣмъ родовымъ объединеніемъ: судитъ и миритъ, обличаетъ и поощряетъ, а также креститъ, вѣнчаетъ, хоронитъ. Пастырь добрый, евангельскій...*). (См. фотографію 9).

Галлиполійская церковь.

(Парижъ)

Въ 25 году Общество Галлиполійцевъ сняло помѣщеніе для своихъ собраній на rue Mademoiselle и устроило тамъ же церковь во имя преподобнаго Сергія Радонежскаго, отдѣливъ перегородкой лишь алтарь. Перегородка до потолка не доходила, и церковь, служившая одновременно и помѣщеніемъ, гдѣ собирались галлиполійцы со своими семьями потанцовать, поиграть въ карты, посидѣть въ буфетѣ и т. д., очутилась въ неподходящей обстановкѣ. Благовоніе фиміама — и запахъ табачнаго дыма... Всенощная идетъ, — и тутъ же приготовленія къ обѣду или танцовальному вечеру.

Священника о. Малинина (пріѣхавшаго изъ Болгаріи) галлиполійцы держали въ черномъ тѣлѣ, на мизерномъ жалованіи. Косноязычный, забитый, какой-то странный, онъ самостоятельной линіи не велъ, а дѣлалъ, что ему приказывало галлиполійское начальство, а когда возникъ карловацкій расколъ, поспѣшилъ уйти къ «карловчанамъ». Церковь удержалась. Я назначилъ на мѣсто о. Малинина другого священника — о. П. Бирюкова (изъ учителей). Человѣкъ малообразованный, слабохарактерный, тоже безропотно исполнялъ распоряженія тѣхъ генераловъ и полковниковъ, которые имъ командовали. При такихъ условіяхъ церковная жизнь не могла развиться. Галлиполлійская церковь оставалась рядовой военно-походной**). Обычныя церковныя службы, торжественныя панихиды, молебны однополчанъ, юбилейные дни...

Послѣ о. П. Бирюкова я назначилъ о. Виктора Юрьева, воспитанника нашего Богословскаго Института и стипендіата Кнютанжскаго прихода. Прекрасный священникъ. Галлиполіецъ, онъ привлекъ къ себѣ всеобщія симпатіи прихожанъ. О. Юрьевъ состоялъ и до сихъ поръ состоитъ дѣятельнымъ членомъ «Христіанскаго Движенія»***).

---

*) Въ настоящее время настоятель Кламарской церкви арх. Кипріанъ.

**) Потомъ Общество Галлиполійцевъ наняло особнякъ на rue de la Faisanderie и устроило церковь въ гаражѣ, въ глубинѣ сада. Въ 1942 году при церкви организовался приходъ, а годъ спустя, она была переведена въ первый этажъ особняка на rue Montevideo, № 5.

***) 1 іюля 1939 года былъ назначенъ въ церковь Введенія Божіей Матери, 91, rue Olivier de Serres (Церковь «Христіанскаго Движенія»).

Бійанкуръ.

Инціативная группа изъ членовъ «Русскаго рабочаго союза во Франціи» обратилась ко мнѣ въ 26 г. съ просьбой послать въ Бійанкуръ священника для служенія въ большіе праздники. Я послалъ о. М. Шифирцы. Онъ положилъ основаніе будущаго приходскаго объединенія, учредивъ комитетъ по устроенію прихода. Однако, церковно-приходская организація наладилась не скоро: ни помѣщенія, ни постояннаго священника еще не было. Бійанкуръ обслуживали посылаемые мной священники: о. Д. Соболевъ, о. Г. Леончуковъ и др. Наконецъ, я направилъ туда молодого, только что мною рукоположеннаго, священника о. Н. Успенскаго*), кандидата Кіевской Духовной Академіи. Онъ началъ устраивать постоянную церковь въ помѣщеніи, которое ему для этой цѣли отвели при ресторанѣ. Сосѣдство для богослуженія неподобающее: хлопаютъ пробки, стучатъ посудой, доносится громкій говоръ, хохотъ... Но измѣнить положеніе тогда еще было трудно. О. Успенскій пробылъ въ Бійанкурѣ недолго и уѣхалъ въ Америку. Послѣ его отъѣзда вновь всталъ вопросъ: кого въ Бійанкуръ назначить?

Я рѣшилъ направить туда о. Алексія (Кирѣевскаго), пожилого аѳонскаго іеромонаха, года два тому назадъ прибывшаго съ Аѳона во Францію. Назначилъ я его не безъ колебаній. Онъ около 30 лѣтъ прожилъ на Аѳонѣ, привыкъ къ уединенію. Монахъ строгаго аѳонскаго устава, отшельникъ, — какъ ему справиться? Какъ ему заложить основаніе церковной общинѣ? Какъ ввести въ рамки церковной жизни разношерстную, недисциплинированную эмигрантскую массу? Но о. Алексій довольно искусно провелъ церковную ладью между подводными камнями, хоть далось ему это не легко. Онъ проявилъ предусмотрительность, энергію, тактъ, умѣнье, когда надо, быть настойчивымъ. Настоятельство его совпало съ началомъ карловацкихъ раздоровъ, и о. Алексію пришлось выдержать первый натискъ моихъ противниковъ. Онъ сталъ замѣчать, что часть прихожанъ и членовъ Приходскаго Совѣта — противъ меня, противъ него и вообще враждебна тому каноническому чиноначалію, на которомъ приходъ созидается. О. Алексій пожаловался мнѣ. Я исключилъ зачинщиковъ изъ прихода за противленіе власти законнаго епископа и велѣлъ собрать Приходское Собраніе для выбора новыхъ членовъ. Приходское Собраніе было очень бурное. Вынесли резолюцію противъ «карловчанъ»-зачинщиковъ, а Маркову**), одному изъ самыхъ ярыхъ агитаторовъ со стороны, который явился на собраніе съ тѣмъ,

*) Зять митрополита Платона (Американскаго).
**) Бывшій членъ Государственной Думы Марковъ 2-ой.

чтобы передъ самымъ его началомъ вписаться въ члены прихода и сорвать собраніе, было предложено покинуть залъ за неподчиненіе распоряженію предсѣдателя. Марковъ заупрямился, но появленіе полицейскаго ажана сломило его сопротивленіе... Собраніе закончилось благополучно.

Постепенно о. Алексій сталъ приходъ чистить, т. е. освобождать его отъ представителей того теченія, которое вносило политическія страсти въ церковную работу и стремилось подчинить церковь «крайне правой» политической идеологіи. Одинъ за другимъ ушли Тальбергъ, Лотинъ, Гуненко... Приходъ сталъ успокаиваться, устраиваться, офиціально зарегистрировался въ соотвѣтствующихъ французскихъ административныхъ инстанціяхъ. Все шло хорошо, какъ вдругъ — новое потрясеніе....

Противъ о. Алексія началось враждебное движеніе возглавляемое однимъ изъ членовъ Приходскаго Совѣта. Разладъ возникъ вслѣдствіе того, что Приходскій Совѣтъ, въ дѣлахъ «мірскихъ» не довѣрявшій настоятелю-монаху, хотѣлъ вѣдать всѣми церковными дѣлами самъ. О. Алексій, крѣпкій, неподатливый, когда вопросъ коснулся его настоятельскихъ правъ, оказалъ сопротивленіе. Тогда противники взяли окольный путь и старались всячески его очернить. Начались кляузы, придирки, обличенія... — подлинная травля. «О. Алексій подписываетъ бумаги на панихидномъ столикѣ... о. Алексій любитъ вино... въ алтарѣ нашли пустой флакончикъ... о. Алексій оскорбилъ старосту — выразилъ чувство удовлетворенія, когда тотъ пригрозилъ, что уйдетъ...» Весь этотъ отвратительный вздоръ я отвергъ съ негодованіемъ. Тогда недруги о. Алексія рѣшили взять его измором — перестали ему выплачивать деньги на содержаніе подъ предлогомъ очередныхъ неотложныхъ расходовъ на церковь. Съ такого рода замаскированной забастовкой бороться трудно, тѣмъ болѣе, что о. Алексію не на что было жить. Мнѣ пришлось его отъ Бійанкура отчислить.

На мѣсто о. Алексія я назначилъ о. Іакова Ктитарева, образованнаго Петербургскаго протоіерея, извѣстнаго, опытнаго законоучителя*). Въ первые годы эмиграціи онъ былъ законоучителемъ русской гимназіи въ Пшебовѣ (Чехословакія), потомъ настоятельствовалъ въ Шарлеруа (Бельгія) и въ Коломбелѣ (Франція).

Съ именемъ о. Ктитарева связанъ переходъ Бійанкурской церкви въ постоянное помѣщеніе. Пустой, неустроенный баракъ постепенно превратился въ богато украшенную церковку. Это созиданіе церковнаго благолѣпія сопровождалось приходскими бурями. Постоянные споры, недоразумѣнія, смѣны старостъ... У о. Ктитарева создалась ре-

*) О. І. Ктитаревъ былъ законоучителемъ въ Смольномъ Институтѣ.

путація настоятеля, съ которымъ старостѣ не ужиться «Онъ съѣдаетъ старосту...» говорили о немъ. Дѣло было въ томъ, что о. Ктитаревъ, человѣкъ умный, энергичный, умѣлъ держать Приходскій Совѣтъ въ рукахъ, и староста обычно оставался въ одиночествѣ. Тутъ конфликтъ между о. настоятелемъ и старостой и завязывался. Съ одной стороны, обличали настоятеля за его, яко бы, расточительность; съ другой, возвеличивали очередного блюстителя церковной казны за бережливость. Конфликтъ разрѣшался тѣмъ, что староста уходилъ, а новый оказывался выбраннымъ изъ сторонниковъ о. настоятеля. Новичокъ старался перещеголять своего предшественника-недруга и доказывалъ приходу свои преимущества большимъ усердіемъ и рядомъ полезныхъ нововведеній и пріобрѣтеній для украшенія церкви. Побужденія, можетъ быть, и невысокія, а практическій результатъ хорошій, — церковка обогащалась, украшалась. Конечно, будь о. Ктитаревъ послабѣе, его бы заклевали. На Приходскихъ Собраніяхъ поднималась буря. Нужна была вся стойкость о. Ктитарева, чтобы ей противостоять. Нужна была и популярность въ приходской массѣ. Дѣятельный, неутомимый пастырь, прекрасный проповѣдникъ, опытный руководитель «бесѣдъ», — онъ завоевалъ симпатіи широкихъ круговъ бійанкурцевъ. На Приходскихъ Собраніяхъ старосты обычно оставались въ меньшинствѣ. Такихъ «жертвъ» о. Ктитарева, кромѣ д-ра Сѣрова, было еще три. Д-ра Сѣрова замѣнилъ сенаторъ А. Н. Невѣровъ, *), сенатора — купецъ Волковъ, типичный староста стараго закала. Онъ породнился съ о. Ктитаревымъ: его сынъ женился на дочкѣ о. настоятеля. Новые родственники вскорѣ перессорились. О. Ктитаревъ и Волковъ — натуры властолюбивыя. «Нашла коса на камень», — кому то надо было съ дороги уйти. Ушелъ Волковъ, но рѣшилъ въ отместку устроить на сторонѣ свою собственную церковь въ расчетѣ, что она подорветъ существующій приходъ. Свою церковь онъ устроилъ, но ничего у него не вышло. Со священниками онъ не ладилъ...

Послѣ Волкова старостой былъ А. И. Кузнецовъ, владимірскій фабрикантъ, по образованію инженеръ-технологъ. Онъ носился съ широкими проектами культурно-просвѣтительной работы. Первое, что сдѣлалъ, — снялъ баракъ, который наименовалъ «Баракъ Просвѣщенія». Затѣмъ поѣхалъ въ Англію собирать деньги на осуществленіе своихъ церковно-просвѣтительныхъ плановъ, но успѣхомъ его усердіе не увѣнчалось. Не вышло также ничего серьезнаго у него изъ проекта пересмотра инструкціи церковнымъ старостамъ, въ которой, конечно, роль старосты очень возвеличивалась. Онъ учре-

*) При немъ Бійанкурская церковь устроилась въ новомъ постоянномъ помѣщеніи, которое, главнымъ образомъ, благодаря его трудамъ приняло видъ благолѣпнаго храма.

дилъ «старостатъ», состоявшій изъ старосты и двухъ помощниковъ, и хотѣлъ, чтобы подобные «старостаты» создались во всѣхъ нашихъ парижскихъ церквахъ и объединились въ особую корпорацію. Роль старосты онъ понималъ такъ: «По ту сторону линіи иконостаса (въ алтарѣ) — попы, по сю — мы, и попу тутъ не мѣсто. Попъ можетъ сказать, что пѣть, но какъ пѣть, — это ужъ дѣло мое...» При всей склонности ко всякаго рода начинаніямъ, Кузнецовъ сдѣлалъ не много, и лишь чудные подсвѣчники, — работа его собственной фабрики, — которые онъ принесъ въ даръ церкви, остались памятью о его «старостатѣ». Вначалѣ онъ всей душой былъ преданъ о. Ктитареву, хлопоталъ, чтобы мы дали ему митру, а какъ митру мы дали, раздоры и начались. Когда у него, четвертаго по счету старосты, назрѣлъ конфликтъ съ о. настоятелемъ, всѣ четыре «жертвы» о. Ктитарева: докторъ Сѣровъ, сенаторъ Невѣровъ, Волковъ и Кузнецовъ, — явились ко мнѣ и настаивали, чтобы я о. Ктитарева «убралъ». Я отвѣтилъ, что могу удалить о. настоятеля только по суду. Тогда посыпались клеветническія обвиненія и всякій вздоръ. Чего-чего только не плели!..

А между тѣмъ приходъ росъ и крѣпъ. Послѣдній, пятый, староста — старичокъ С. П. Павловъ, бывшій староста Одесскаго каѳедральнаго собора, работалъ тихо и мирно до конца своего избранія.

Послѣ него старостой былъ избранъ Г. А. Гончаровъ.

Осенью 1936 года я перевелъ о. Ктитарева въ Александро-Невскій храмъ на мѣсто второго священника*). Послѣднимъ его дѣломъ въ Бійанкурскомъ приходѣ было учрежденіе женскаго содружества для благотворительной работы и ухода за церковью.

На мѣсто о. Ктитарева я назначилъ въ Бійанкуръ о. Александра Чекана. Онъ учился въ Петербургской Духовной Академіи, но занятія, вслѣдствіе начавшейся войны, пришлось прервать. Высшее образованіе о. Чеканъ получилъ въ Болгаріи, въ Софіи, гдѣ онъ долго былъ секретаремъ «Христіанскаго Движенія» и, въ качествѣ активнаго работника, много потрудился по организаціи финансовыхъ кампаній, курсовъ, кружковъ... Его жена блестяще кончила псаломщицкіе курсы и можетъ быть мужу отличной помощницей; она возглавляла женское содружество при Бійанкурской церкви; прекрасная, глубоко церковная женщина.

О. Чекана я назначилъ очень быстро, дабы приходъ не пустовалъ (приходу пустовать нехорошо). Въ Бійанкурской паствѣ поднялись протесты: почему насъ, прихожанъ, не спросили? По уставу мы имѣемъ право предложить нашего кандидата!.. Два члена Приходскаго Совѣта въ знакъ протеста вышли изъ его состава.

---

*) Впослѣдствіи по болѣзни о. І. Ктитаревъ покинулъ Александро-Невскій храмъ. Съ 1945 г. — протопресвитеръ.

Обсужденіе волнующаго вопроса рѣшено было вынести на Общее Приходское Собраніе. Я заявилъ, что критическое обсужденіе дѣйствій епископа въ общемъ собраніи недопустимо. Все улеглось. О. А. Чеканъ привился. Его рвутъ на части. Онъ ведетъ живую просвѣтительную работу, будитъ паству, ее организуетъ... Каждое лѣто онъ устраиваетъ дѣтскую колонію (до 200 дѣтей). Объединилъ онъ и всѣ общественныя организаціи Бійанкура; онѣ начали работать совмѣстно съ приходомъ. За 7 лѣтъ у о. Чекана не было ни одного недоразумѣнія съ Приходскимъ Совѣтомъ. *).

МЕДОНЪ

Начало церковной общины въ Медонѣ положилъ о. А. Калашниковъ. Въ большіе праздники онъ пріѣзжалъ сюда изъ Кламара и служилъ въ частномъ помѣщеніи. Его смѣнилъ о. Борисъ Молчановъ (изъ студентовъ Богословскаго Института). Потомъ создалась инициативная группа (въ нее вошли: Виттъ, Быченская, Морозова и др.) и сталъ налаживаться приходъ.

Въ Медонѣ жилъ тогда инженеръ Чаевъ, изобрѣтатель «соломита», — особой смѣси соломы и глины, пригодной для построекъ легкаго типа или для временныхъ сооруженій. Чаевъ сталъ строить храмъ изъ своего «соломита» на собственномъ участкѣ. Не успѣли подвести зданіе подъ крышу, — возникла ссора между о. Молчановымъ и комитетскими дамами (Бычинской и Морозовой). На Общемъ Собраніи половина членовъ высказалась за о. Молчанова, половина — противъ. Я священника не поддержалъ, высказался за комитетскихъ дамъ. Въ результатѣ, лишь только начался карловацкій расколъ, о. Молчановъ меня покинулъ и увлекъ за собою храмоздателя Чаева и нѣкоторыхъ прихожанъ. Остальные остались безъ храма. На помощь пришли благодѣтели Я. В. и М. Ѳ. Ратьковы-Рожновы. Они купили землю, заложили постройку, и весной я уже освятилъ церковь. Съ помощью разныхъ благоустроителей, она быстро украсилась. Художница Рейтлингеръ (нынѣ инокиня Іоанна) всю ее расписала, немного стилизованно разработавъ темы Апокалипсиса, но, въ общемъ, удачно справившись съ работой. Мы благополучно водворились въ новомъ помѣщеніи.

На мѣсто о. Молчанова я назначилъ о. Андрея Сергѣенко, молодого священника, незаурядnаго, начитаннаго въ мистической литературѣ и склоннаго къ мистической жизни. Повышенная религіозная настроенность, способность увлекаться какимъ-нибудь религіознымъ начинаніемъ и увлекать за собой послѣдователей, напряженная ми-

*) 15/XI 1942 года о. А. Чеканъ переведенъ въ Александро-Невскій храмъ; нынѣ протоіерей.

стическая атмосфера... — вотъ характерныя черты настоятеля медонскаго прихода, невольно отражающіяся на жизни его паствы.

Сначала все въ Медонѣ шло хорошо, а потомъ пошли раздоры. Въ центрѣ распри оказались о. настоятель и Быченская съ братомъ, много потрудившіеся по созиданію церкви*). Съ той и съ другой стороны оказались натуры властныя, неуступчивыя. Кончилось уходомъ Быченской и нѣсколькихъ прихожанъ. Приходъ умиротворился, но отъ времени до времени вспышки бываютъ.

О. Сергѣенко работаетъ съ воодушевленіемъ. У него есть даръ вліянія на людей, что даетъ ему поводъ, по молодости лѣтъ и по неопытности, притязать на роль «старца». Кое-кто изъ медонцевъ называетъ его: «младостарецъ...» О. Андрей устраиваетъ у себя на дому собранія, на которыхъ нѣкоторыя его послѣдовательницы обучаются медитаціи; сидятъ молча, медитируя надъ предложенной имъ темой и не смѣютъ шелохнуться, «чтобы не нарушить богомыслія батюшки», который тѣмъ временемъ сидитъ запершись въ своемъ кабинетѣ. Изрѣдка онъ, тоже молча, проходитъ черезъ комнату медитирующихъ...

Этотъ уклонъ къ мистикѣ не мѣшаетъ о. Андрею быть дѣятельнымъ работникомъ.

Повелъ о. Андрей и миссіонерскую борьбу съ баптистами, которые въ Медонѣ свили себѣ гнѣздо. Онъ увлекъ нѣсколько студентовъ Богословскаго Института и соорганизовалъ маленькое общество борьбы съ сектантствомъ. Нѣкоторые изъ студентовъ (напримѣръ, о. Діонисій, настоятель церкви въ Гаагѣ) подчиняются его духовному авторитету, и становятся его учениками; другіе — подпадаютъ подъ его вліяніе.

Очередное увлеченіе о. Андрея — организація скита въ какомъ-то глухомъ уголкѣ, въ 30 кил. отъ Медона. Онъ купилъ тамъ 200 метровъ земли (по 1 фр. за метръ), досталъ каміонъ и уѣзжаетъ туда со своими послѣдователями для построенія своими руками хижины-скита и разработки участка. Предполагалось въ будущемъ начать подвигъ скитожительства для преуспѣвшихъ на путяхъ мистическихъ. А пока были лишь совмѣстныя поѣздки и совмѣстный трудъ — нѣчто среднее между partie de plaisir и попыткой людей, увлеченныхъ идеаломъ монашества, вообразить себя пустынножителями.

Послѣднее увлеченіе о. Андрея — изученіе еврейскаго языка и еврейской Библіи для миссіонерской работы среди евреевъ. (См. фотографію 8.)

---

*) Братъ Быченской своими руками соорудилъ чудныя паникадила.

ШАВИЛЬ

Въ 26 г. одинъ изъ шавильскихъ русскихъ жителей, г. Сѣдашевъ, взялъ на себя инициативу обратиться ко мнѣ съ просьбой — прислать на Пасху священника. Я послалъ о. А. Калашникова (настоятеля Кламарской церкви). Онъ положилъ начало церковной организаціи; нѣсколько разъ наѣзжалъ и совершалъ службы, чередуясь со старенькимъ священникомъ о. Ѳ. Фащевскимъ и образовалъ комитетъ, въ который вошли: Сѣдашевъ, гр. Мусина-Пушкина, Добрынина, Березина, Дубасова... Нѣкоторое время священники еще мѣнялись, потомъ я поставилъ постояннаго — о. Георгія Федорова.

О. Федоровъ — сынъ профессора Варшавскаго Университета, умершаго во время революціи. Мать перешла въ католичество и повлекла за собою сына, тогда еще воспитанника кадетскаго корпуса. Онъ попалъ къ іезуитамъ, очутился вскорѣ въ Римѣ, гдѣ былъ зачисленъ въ семинарію, а потомъ посвященъ въ діаконы. Долго идти по этому пути онъ не смогъ, ему изломали и исковеркали душу, и онъ принесъ свой діаконскій орарь къ моимъ ногамъ. Я пожалѣлъ его и опредѣлилъ въ Богословскій Институтъ. Семинарская подготовка въ Римѣ дала ему не мало полезныхъ познаній, и я, убѣдившись, что ученаго богослова изъ него все равно не выйдетъ, рукоположилъ его вскорѣ въ священники, и отправилъ въ Шавиль.

Среди шавильскихъ прихожанъ былъ нѣкто Иванъ Максименко, имѣвшій влеченіе къ служенію церковному. Я зачислилъ его вольнослушателемъ въ Богословскій Институтъ, потомъ рукоположилъ въ діаконы и направилъ тоже въ Шавиль.

Въ это время приходскій комитетъ уже устраивалъ скромную, даже убогую, церковку во имя Державной Божіей Матери въ невзрачномъ помѣщеніи бывшаго гаража.

Объ обрѣтеніи иконы Державной Божіей Матери извѣстно слѣдующее. Во время революціи икону нашли на чердакѣ церкви въ селѣ Коломенскомъ, имѣніи нашихъ московскихъ царей. Одной женщинѣ во снѣ явилась Богородица и сказала: «моя икона лежитъ въ пренебреженіи, пойди къ священнику и скажи...» Сонъ повторился дважды, — и женщина повелѣнное исполнила. На иконѣ Богоматерь изображена сидящей на тронѣ съ атрибутами царской власти: въ одной рукѣ у нея держава, въ другой — скипетръ. Чудо обрѣтенія этой иконы было воспринято, какъ возсіяніе идеи державности Царицы Небесной въ лютое время крушенія русской державы. Слухи о чудесной иконѣ стали распространяться, и въ храмъ началъ стекаться народъ. Въ 1917 году икону носили въ Москвѣ по церквамъ и всюду, гдѣ она появлялась, собиралась толпа богомольцевъ. Когда священникъ (нашедшій икону) хотѣлъ вставить ее въ кивотъ и, не

найдя соразмѣрнаго, рѣшилъ подпилить ее снизу, ему во снѣ явилась Богоматерь и укорила: «зачѣмъ подпилилъ ноги...» Для Шавильскаго храма была написана копія этой иконы.

О. Федоровъ настоятельствовалъ недолго. Изломанный, зараженный католическимъ духомъ, онъ былъ преисполненъ сознанія своей настоятельской непогрѣшимости и сталъ проявлять ту мѣру безапелляціонности всѣхъ своихъ постановленій, которая вызывала скандалы. Онъ не допустилъ ко Кресту церковнаго старосту Дубасову за то, что она вышла изъ храма безъ его благословенія; не допустилъ одного изъ членовъ причта до причастія, потому что тотъ, будто-бы, передъ причастіемъ, подавая теплоту, сказалъ: «а огурчики-то у меня уродились хорошіе...» Я услыхалъ про скандалы, увидалъ, что о. Федоровъ приходъ не созидаетъ, а разоряетъ, — и замѣнилъ его о. Георгіемъ Шумкинымъ, добрымъ, кроткимъ, молитвеннымъ священникомъ.

При о. Шумкинѣ храмъ благоустроился. Поступили пожертвованія иконами, церковными вещами.... соорудили новый иконостасъ; икону Державной Божіей Матери вставили въ массивный кивотъ и устроили для нея особое возвышеніе. Храмъ пріукрасился. Богомольцы стали пріѣзжать изъ Медона, Кламара и Парижа.

Старостами были: сначала Дубасова, потомъ Добрынина, послѣ нея генералъ Кандыринъ, весьма неудачный ктиторъ, оставившій о своемъ завѣдываніи храмомъ непріятное воспоминаніе...

О. Шумкинъ активной творческой работы вести не могъ. Приходъ матерьяльно бѣднѣлъ, не вносилъ въ кассу Епархіальнаго Управленія своей доли дохода и постепенно хирѣлъ. Увидавъ это, я перевелъ о. Шумкина въ Гренобль, а въ Шавиль назначилъ о. Максименко, діакона Шавильской церкви, котораго по ходатайству нѣкоторыхъ шавильскихъ прихожанъ я рукоположилъ въ священники.

О. Максименко, бывшій небольшой чиновникъ по переселенческому въ Сибири, вольнослушатель Богословскаго Института,—батюшка простой, добрый по натурѣ, настойчивый, предпріимчивый. Сначала всѣ прихожане были за него, а потомъ начались протесты. Группа шавильцевъ, почитающая себя «духовной аристократіей», стала жаловаться, что о. настоятель не отвѣчаетъ ея тонкимъ «богословскимъ запросамъ». Между тѣмъ, о. Максименко твердо шелъ своей дорогой и рѣшилъ построить свой храмъ. Онъ открылъ сборъ пожертвованій «на кирпичики», такъ наименовались квитанціонныя книжки, по которымъ прихожане собирали лепты на построеніе храма. Пожертвованія поступали по мелочамъ, а въ результатѣ вскорѣ же удалось купить 300 кв. метровъ земли. Рѣшено было строить церковь «міромъ», т. е. обойтись безъ помощи наемныхъ рабочихъ, а трудиться самимъ по мѣрѣ силъ и досуга. И вотъ, стали общими уси-

ліями копать, подвозить матеріалъ, строить... Женщины готовили и привозили обѣдъ строителямъ. О. Максименко работалъ впереди всей артели, а за нимъ уже всѣ остальные. Постройка быстро подвигалась впередъ... И вдругъ — разладъ... изъ-за крыши. Одни стоятъ за куполъ, потому что этого требуетъ эстетика; другіе — за обыкновенную двускатную крышу, потому что это дешевле и не требуетъ 4 столбовъ, которые, поддерживая куполъ, затѣснятъ всю площадь. Подрядчикъ Чернобровкинъ стоялъ за куполъ, о. Максименко — за крышу. Обратились къ архитекторамъ. Они приводили эстетическіе доводы и поддерживали Чернобровкина. Я старался ихъ убѣдить, что реальныя наши возможности вынуждаютъ насъ благоразумно предпочесть скромную двускатную крышу. Конфликтъ продолжался. Чернобровкинъ ожесточился и потребовалъ увоза своего матеріала съ постройки, а также возмѣщенія какихъ-то убытковъ. Преній и ссоръ было много. Я ѣздилъ умиротворять противниковъ. Одинъ разъ пришлось разбираться въ подробностяхъ распри, сидя въ недостроенномъ храмѣ на ящикѣ среди наваленныхъ досокъ, кирпичей и какихъ-то ведеръ, а на тяжущихся и на меня сѣялъ мелкій, частый дождикъ: изъ-за ссоры все еще не было ни купола, ни крыши.. Въ концѣ концовъ, все уладилось, благоразуміе возобладало, и церковь выстроили съ двускатной крышей.

О. Максименко терпѣливо вынесъ всѣ эти бури, но далось это не легко. Освященіе храма было торжественное. Народъ плакалъ, когда я въ моемъ «словѣ» говорилъ о томъ, какъ трогательно шавильцы созидали свою церковь. О. І. Максименкѣ, въ воздаяніе его пастырскихъ трудовъ, особенно за построеніе храма, я далъ камилавку*).

Лѣтомъ 1936 г. въ Шавилѣ возникъ новый конфликтъ. Тамъ организовалась группа «Трудового Христіанскаго Движенія», возглавляемая двумя лицами, принявшими швейцарское подданство Ладыженскимъ и кн. Куракинымъ. Когда министерство Блюма реализовало свою программу рабочаго законодательства, нѣкоторые шавильцы, не по политическимъ взглядамъ, а просто по экономическимъ соображеніямъ, записались въ СЖТ. Группа «Трудового Христіанскаго Движенія» постановила записавшихся въ СЖТ изъ своей среды исключить. О. Максименко заступился за членовъ СЖТ: они хотѣли облегчить свое матеріальное положеніе, это компромиссъ изъ-за куска хлѣба, не «швейцарцамъ» ихъ обличать, перемѣнившимъ подданство ради свободы передвиженія, т. е. ради удобства ѣздить по Европѣ безъ хлопотъ о визахъ.... Ко мнѣ полетѣли жалобы на о. Максименку. Я дознался въ чемъ дѣло и разъяснилъ жалобщикамъ, что они, перемѣнивъ подданство, сами пошли на компромиссъ съ жестокой жиз-

*) Нынѣ о. І. Максименко протоіерей.

нью; въ подобныхъ случаяхъ отъ обличенія приходится воздерживаться (См. фотографію 6).

АНЬЕРЪ

Въ 31 г. возникла иниціативная группа для организаціи богослуженія въ Аньерѣ. Во главѣ ея былъ гр. Граббе (впослѣдствіи Донской атаманъ), гр. Бенигсенъ и Стаховичъ. «Аньерцы» пришли ко мнѣ просить благословенія на открытіе общины и устроеніе храма для обслуживанія русскихъ проживающихъ въ Аньерѣ, въ Левалуа-Перрэ, Буа-Коломбъ, Курбевуа и Безонѣ. Я доброе начинаніе благословилъ и поручилъ о. Іоанну Шаховскому собрать Приходское Собраніе. Оно состоялось въ Курбевуа въ музеѣ лейбъ-гвардіи казачьяго полка*).

Образованіе прихода, порученное мною іеромонаху Іоанну (Шаховскому), пошло успѣшно. Нужда въ церкви была настоятельная, и русскіе люди дружно поддержали добрый починъ. О. Іоанну остаться въ Аньерѣ не пришлось, я перевелъ его въ Берлинъ, а сюда назначилъ молодого іеромонаха Меѳодія Кульмана (Богословскаго Института), который начатое дѣло и продолжалъ.

Прежде всего надо было найти помѣщеніе для церкви. Отыскали особнячокъ на рю дю Буа, № 7-бисъ, расположенный столь близко отъ полотна желѣзной дороги, что домъ ежеминутно сотрясаютъ пролетающіе поѣзда. Въ нижнемъ этажѣ устроили церковь, а остальное помѣщеніе, кромѣ комнатокъ для о. настоятеля и для псаломщика о. Петра Попова (Богословскаго Института), отдали въ наемъ съ цѣлью извлечь небольшой доходъ въ пользу церкви.

О. Меѳодій, молитвенный, аскетически настроенный монахъ, чуткій къ человѣческой совѣсти, вложилъ въ приходъ всю свою душу, и онъ сталъ быстро развиваться. Создалась небольшая, но красивая церковка, украшенная прекрасными иконами, заботливо устроенная, уютная. Организовались просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія. Широкую благотворительную дѣятельность развилъ приходъ во время забастовки шоферовъ. Русскимъ шоферамъ выдержать ее было трудно, примкнуть къ ней пришлось поневолѣ,—а какъ было ее пережить безъ сбереженій, да еще людямъ семейнымъ? Для нѣкоторыхъ лицъ положеніе создалось безвыходное. О. Меѳодій спѣшно наладилъ спеціальную помощь — обращался къ русскому обществу съ воззваніями и лично выпрашивалъ пожертвованія у добрыхъ людей. Въ результатѣ, наши бѣдные шоферы сравнительно благополуч-

*) Въ этомъ маленькомъ музеѣ казаки собрали вывезенные изъ Россіи цѣнные и дорогіе предметы ихъ прошлой боевой жизни: оружіе, золотыя и серебряныя полковыя чаши, знамена и проч.

но пережили тягостную для нихъ забастовку. Кромѣ временной благотворительной помощи, организована была и постоянная для нетрудоспособныхъ и для неимущихъ членовъ прихода. Въ церковномъ домѣ отвели помѣщеніе для призрѣнія престарѣлыхъ женщинъ, а при церкви устроили трапезную для нуждающихся прихожанъ. Между церковнымъ народомъ и церковью возникло общеніе по духу своему напоминавшее времена первохристіанства. О. Меѳодій входилъ во всѣ интересы прихожанъ, особенно много вниманія удѣляя дѣтямъ въ организованной имъ церковно-приходской школѣ; онъ не только обучалъ ихъ Закону Божію, но и игралъ съ дѣтьми и сдѣлался такимъ ихъ другомъ, что одна изъ дѣвочекъ попросила свою мать: «мама, купи мнѣ, пожалуйста, икону о. Меѳодія...» При церкви сгруппировалось въ единую семью и молодое поколѣніе: скауты, витязи...; аньерская молодежь приходила на рю дю Буа, чтобы и въ церкви побывать и чтобы на церковномъ дворѣ въ свои игры поиграть, а то и просто забѣжать въ церковную библіотеку за новой книжкой. Благодаря самоотверженной работѣ о. Меѳодія, приходъ проявилъ кипучую энергію. Я нерѣдко посѣщалъ Аньеръ и всегда выносилъ отъ прихода самое свѣтлое впечатлѣніе. Атмосфера теплоты, уюта, грѣющей христіанской любви, единой христіанской семьи, — вотъ отличительныя черты этого примѣрнаго прихода.

Постепенно Аньерская церковь стала дѣлаться тѣмъ культурно-просвѣтительнымъ центромъ, который началъ притягивать къ себѣ мѣстныхъ и окрестныхъ русскихъ жителей. При церкви создалась хорошая библіотека съ правильной выдачей книгъ, наладилась газетка «Приходскій листокъ», въ которой обсуждались нужды прихода и давались свѣдѣнія о разныхъ его предположеніяхъ и начинаніяхъ. О. Меѳодій устраивалъ просвѣтительныя лекціи и собесѣдованія, приглашая лекторовъ изъ Богословскаго Института или изъ «Христіанскаго Движенія». Удѣлялъ вниманіе миссіонерству; узнаетъ, что кто-нибудь увлекается сектантствомъ или теософіей, — онъ постарается съ этими лицами встрѣтиться и побесѣдовать, посѣщая ихъ иногда даже на квартирахъ.

Въ 3-4 года приходъ такъ расширился, что церковь стала тѣсна, и лѣтомъ всенощную уже приходилось служить на дворѣ. Онъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и самыхъ популярныхъ приходовъ. У о. Меѳодія много духовныхъ дѣтей. Пастырская его дѣятельность непрерывно развивается, а авторитетъ его все растетъ. Онъ исполняетъ обязанности законоучителя въ пріютѣ «Голодная Пятница», часто, по приглашенію, посѣщаетъ больныхъ въ нашей больницѣ въ Вильжюифъ, имѣетъ уже много почитателей по всему Парижу.

Аньерская церковь и ея настоятель пользуются симпатіей владѣльцевъ нашего церковнаго особняка г-на Фужери (судебный слѣ-

дователь по дѣлу Горгулова). Онъ и его семья, люди религіозные, отнеслись къ русскимъ жильцамъ благожелательно. Свои симпатіи они сочли религіозно оправданными, когда какъ-то разъ на Пасхѣ чуть было не погибли въ автомобильной катастрофѣ. Спасеніе они приписали особому Божію покровительству въ награду за тѣ льготныя условія, на которыхъ они сдали намъ особнякъ подъ церковь. Фужери пришли къ о. Меѳодію и просили, несмотря на то, что они католики, отслужить благодарственный молебенъ.

Аньерскій приходъ положилъ основаніе благотворительному учрежденію на сторонѣ. Отдѣленіе для призрѣнія престарѣлыхъ женщинъ стало тѣсно, другія приходскія учрежденія тоже расширились и требовали болѣе просторнаго помѣщенія. Поэтому рѣшено было перебраться со старушками куда-нибудь на сторону. Завѣдующая Е. Л. Лихачева, принявшая монашество подъ именемъ Меланіи, и ея двѣ помощницы-монахини*) соорганизовали общежитіе для своихъ подопечныхъ въ Розэй-ан-Бри (1½ часа ѣзды автокаромъ отъ Парижа). Была нанята, весьма дешево, усадьба съ садомъ и огородомъ. Лѣтомъ превратили пустующую часть дома въ «Домъ Отдыха», преимущественно для прихожанъ Аньерскаго прихода, но рѣшено было, при случаѣ, брать пансіонеровъ и со стороны. Укладъ жизни ввели полумонастырскій. Ежедневно литургіи и молитвы до и послѣ трапезъ. Успѣхъ «Дома Отдыха» превзошелъ всѣ ожиданія. Условія жизни оказались столь удобны, пріятны и матеріально доступны, что съ перваго же лѣтняго сезона всѣ свободныя комнаты оказались заняты и даже кое-кому пришлось отказать. Монашеская атмосфера въ «Домѣ Отдыха» очень нравилась пансіонерамъ. Способствовало популярности общежитія м. Меланіи и отношеніе сестеръ къ пріѣзжимъ, преисполненное теплотой, добротой и лаской. Бывали дни, когда число пансіонеровъ достигало 40. Къ сожалѣнію, съ такимъ наплывомъ пріѣзжихъ сестры едва справлялись. Недостатокъ рабочихъ рукъ — серьезное препятствіе для развитія этого прекраснаго и полезнаго учрежденія. Потребность въ такомъ тихомъ церковномъ пріютѣ ощущается среди русскихъ круглый годъ, и зимой, даже въ самые глухіе мѣсяцы, тамъ проживало нѣсколько пансіонеровъ.

Сначала церковь въ Розэй обслуживалъ священникъ аньерскаго прихода. Я посылалъ оттуда очередного помощника о. Меѳодія. Обычно эти обязанности я возлагалъ на новичковъ, только что окончившихъ Богословскій Институтъ. Начать пастырское служеніе подъ руководствомъ о. Меѳодія я считалъ для нихъ полезнымъ. Сперва вторымъ священникомъ въ Аньерѣ былъ целибатный священникъ о. Андрей Насальскій, потомъ о. Болдыревъ. Впослѣдствіи я

*) Впослѣдствіи число монахинь увеличилось.

назначилъ ихъ къ м. Меланіи уже самостоятельными священниками. Посылалъ я туда о. Діонисія (Лукина) и іеромонаха Евѳимія.

Дѣятельность о. Меѳодія имѣетъ большое значеніе. Настоятельство въ Аньерѣ поставило его въ центрѣ громаднаго фабрично-заводскаго района и дало возможность духовно руководить большимъ Аньерскимъ приходомъ и его общинами*). Вліяніе церкви стало проникать въ среду русскихъ рабочихъ. Многіе изъ нихъ годами пребыванія внѣ церковной жизни, опустились, растеряли моральные принципы, забыли завѣты христіанской вѣры. Сколько некрещенныхъ русскихъ дѣтей разыскалъ о. Меѳодій! Сколько внѣбрачныхъ сожительствъ! Благодаря неутомимой дѣятельности Аньерскаго настоятеля многія дѣти были крещены, а родители ихъ повѣнчаны. И очень многіе русскіе люди вернулись въ лоно родной Церкви.

Къ Аньеру приписана домовая церковь пріюта для престарѣлыхъ въ Гареннъ-Коломбъ.

ПТИ-КЛАМАРЪ

Въ этомъ предмѣстьѣ Парижа поселилась группа русскихъ. Большинство изъ нихъ уѣзжали съ утра въ Парижъ на работу, а къ вечеру возвращались въ свои семьи. Они организовали общество, которое купило землю, разбило ее на участки и распредѣлило между своими членами для постройки домиковъ. Образовался «Союзъ домовладѣльцевъ», которому пришла мысль оставить одинъ участокъ для церкви и культурно-просвѣтительныхъ начинаній. Начало созданія церковно-приходской общины было мною поручено настоятелю Шавильскаго прихода священнику І. Максименко. Онъ хотѣлъ купить готовый деревянный баракъ и перенести его на отведенный участокъ. Но оказалось, въ виду близости авіаціоннаго завода, деревянныя постройки въ Пти-Кламарѣ запрещены. На этомъ дѣятельность о. І. Максименко по устроенію церковной жизни въ Пти-Кламарѣ прекратилась.

Продолжателемъ явился священникъ М. Осоргинъ, настоятель въ Большомъ Кламарѣ. Временно церковь устроилась въ домикѣ тяжко увѣчнаго инвалида Кашкина.

Первымъ настоятелемъ въ Пти-Кламарѣ былъ священникъ Василій Заханевичъ, инвалидъ гражданской войны, человѣкъ очень болѣзненный. Онъ организовалъ постоянный приходъ въ Пти-Кламарѣ. Одновременно возникъ планъ постройки каменнаго храма. Не успѣли къ постройкѣ и приступить, — начались споры о томъ, кто

*) Недавно возникла еще одна община неподалеку отъ Аньера — въ Рюель-Шату. Впослѣдствіи тамъ устроили церковь во имя Спиридона Тримифунтскаго.

собственникъ храма. «Союзъ домовладѣльцевъ» считалъ юридическимъ лицомъ себя, а Кашкинъ доказывалъ, что юридическимъ лицомъ долженъ быть приходъ подъ главенствомъ Епархіальнаго Управленія. Въ концѣ концовъ Кашкинъ одолѣлъ, и черезъ годъ церковь была готова. Всѣ хлопоты по постройкѣ Кашкинъ вынесъ на своихъ плечахъ. При о. Заханевичѣ освятить храмъ не удалось. Онъ заболѣлъ, и я долженъ былъ его уволить, послѣ чего онъ перешелъ въ юрисдикцію митрополита Елевферія.

Послѣ о. Заханевича настоятелемъ въ Пти-Кламаръ я назначилъ священника Михаила Черткова. Пожилой человѣкъ, бывшій земскій дѣятель, онъ въ церковномъ смыслѣ былъ совсѣмъ неопытный; отъ неопытности бывалъ застѣнчивъ, что мѣшало ему освоиться съ положеніемъ эмигрантскаго пастыря. Не умѣлъ онъ попросту подойти къ людямъ, ихъ расшевелить, воодушевить...

Во время настоятельства о. Черткова состоялось освященіе церкви. Потомъ образовался дамскій комитетъ, который занялся внутреннимъ устроеніемъ храма и вскорѣ привелъ его въ благолѣпный видъ. При церкви открыли школу. Отмѣчу полезную дѣятельность о. Черткова по оказанію помощи туберкулезнымъ.

Онъ сблизился съ Ф. Т. Пьяновымъ и м. Маріей (Скобцовой), занимавшимися нашими туберкулезными въ парижскихъ больницахъ. Положеніе этихъ несчастныхъ, разбросанныхъ по разнымъ госпиталямъ, было очень печальное, даже безвыходное, вслѣдствіе невозможности послѣ окончанія острaго періода попасть въ санаторію, ибо французскія санаторіи были для нихъ, какъ бѣдныхъ иностранцевъ, закрыты; нельзя было попасть и въ единственную санаторію Краснаго Креста: тамъ требовалась плата, для многихъ изъ нихъ недоступная. Они обрекались оставаться годами въ больницахъ безъ надежды вырваться оттуда и часто повторно тамъ заражались. Эта обреченность доводила ихъ до отчаянія...

Случайно я посѣтилъ госпиталь Ларошфуко, гдѣ нашелъ человѣкъ 25 нашихъ туберкулезныхъ. Озлобленные, нервные, они жаловались мнѣ на свою заброшенность, на отсутствіе вниманія со стороны русскаго общества: «Мы томимся здѣсь годами... годами видимъ только эти стѣны и знаемъ, что отсюда для всѣхъ насъ дорога одна — на кладбище... Насъ забыли... Красный Крестъ изрѣдка раздаетъ намъ по пяти франковъ... — и это все. Хоть бы нѣкоторымъ изъ насъ, хоть бы одному-двумъ больнымъ, попадать въ санаторію, — и то былъ бы просвѣтъ въ нашей темной жизни... Каждый изъ насъ будетъ жить надеждой на удачу, какъ живутъ люди въ ожиданіи выигрыша въ Національную лотерею....

О. М. Чертковъ не только усердно посѣщалъ больныхъ, не только какъ священникъ утѣшалъ, наставлялъ ихъ, освящалъ св. Тайна-

ми, но вмѣстѣ съ дѣятелями «Православнаго Дѣла», м. Маріей и Ф. Т. Пьяновымъ, нашелъ доступъ къ Министру Здравоохраненія Лафону*). По ихъ совѣту, я написалъ Министру письмо и получилъ неожиданно-благопріятный отвѣтъ: русскихъ туберкулезныхъ больныхъ будутъ принимать безплатно, за счетъ государства, во французскія санаторіи. Эта мѣра имѣла огромное значеніе: сотни туберкулезныхъ—выздоравливающихъ устроились во французскихъ санаторіяхъ подъ Парижемъ и въ провинціи. На санаторское лѣченіе русскихъ, съ тѣхъ поръ какъ постановленіе вошло въ силу, Министерство Здравоохраненія истратило уже около ½ милліона франковъ. Не говорю уже о томъ, какъ эта мѣры благопріятно повліяла на настроеніе больныхъ: успокоила, утѣшила ихъ страждущія души. Это достиженіе — большая заслуга о. Черткова.

ЦЕРКОВЬ ПРЕПОДОБНАГО СЕРАФИМА САРОВСКАГО (ПАРИЖЪ)

Въ 1932 году, когда галлиполійцы перенесли свою церковь изъ 15-го аррондисмана въ 16-ый (на rue de la Faisanderie), священникъ о. П. Бирюковъ, вскорѣ покинувшій галлиполійцевъ, задумалъ съ группой друзей вновь открыть церковь на прежнемъ мѣстѣ (на rue Mademoiselle), чтобы не оставлять эту часть города безъ храма. Они пришли ко мнѣ и изложили свой планъ. Я его одобрилъ.

О. Бирюкову осуществить проектъ не удалось. За его мысль ухватился о. Дмитрій Троицкій, который нашелъ себѣ энергичнаго помощника въ лицѣ М. М. Федорова, организатора студенческаго общежитія на rue Lecourbe, № 91. Это общежитіе помѣщалось въ старомъ особнякѣ въ глубинѣ двора, застроеннаго какими то невзрачными бараками. Одинъ изъ этихъ бараковъ рѣшили отвести подъ церковь. Необыкновенный баракъ! Строители сохранили деревья, мѣшавшія постройкѣ, и оставили въ крышѣ отверстія для стволовъ; теперь, когда баракъ превратили въ храмъ, одно дерево оказалось посреди церкви, вокругъ него тѣснятся и къ нему прислоняются молящіеся, а другое — въ алтарѣ и, случается, на него священнослужители вѣшаютъ кадило.... Церковь посвятили памяти преподобнаго Серафима Саровскаго. Даже пріукрашенная, она сохранила какой-то милый, скромный видъ, напоминая любимую пустыньку Преподобнаго, куда медвѣдь къ нему приходилъ.

О. Троицкій отдалъ всѣ свои силы на организацію храма и прихода. Онъ ходилъ по домамъ, терпѣливо разъяснялъ значеніе новаго церковнаго объединенія. Ему удалось создать крѣпкій, съ вооду-

*) Г-нъ Лафонъ женатъ на русской.

шевленіемъ работающій Приходскій Совѣтъ и привлечь въ старосты прекраснѣйшаго человѣка — М. Н. Любимова, способнаго загораться всей душой, когда надо для церкви что-нибудь полезное осуществить, свѣдущаго и въ техникѣ отчетности (по профессіи онъ бухгалтеръ). Во время гражданской войны о. Троицкій служилъ среди казаковъ, и въ Приходскомъ Совѣтѣ теперь оказались тоже казаки: Акулининъ, атаманъ Богаевскій и др. Въ составъ Совѣта вошли, кромѣ казачьей группы, — Калитинскій, спеціалистъ по исторіи древнерусскаго искусства и Н. В. Глоба — бывшій директоръ Московскаго Художественнаго Строгановскаго Училища, тоже большой его знатокъ и человѣкъ тонкаго художественнаго вкуса; онъ расписалъ весь баракъ иконами и орнаментами и, благодаря его искуснѣйшей росписи, церковка пріобрѣла прекрасный видъ. (См. фотографію 5).

Понемногу въ приходѣ стали возникать разныя полезныя начинанія. Открыли «четверговую» церковно-приходскую школу, кассу помощи семьямъ умершихъ прихожанъ, соорганизовали очень хорошій хоръ, ввели частое богослуженіе (по субботамъ заупокойную литургію съ общей панихидой).

Кто-то принесъ въ даръ церкви реликвію съ частицами мощей преподобнаго Серафима, и эта святыня стала какъ бы символомъ возрожденной на чужбинѣ «Пустыньки». О. Троицкій умѣлъ способствовать горѣнью духа, въ приходѣ почувствовался приливъ живыхъ церковныхъ силъ. Въ маленькомъ храмѣ скоро стало тѣсно, пришлось подумать о расширеніи. Рѣшили использовать навѣсъ надъ дворомъ и сдѣлать пристройку изъ «соломита». Но какъ собрать нужныя деньги? При входѣ въ храмъ вывѣсили планъ пристройки; чертежъ былъ разбитъ на клѣточки-«кирпичики», лепта въ 15-20 фр. давала право «кирпичикъ» зачеркнуть и вписать свое имя. Въ годъ всѣ клѣточки были зачеркнуты.

Создалъ о. Троицкій и объединеніе русскихъ женщинъ, наименованное «Серафимо-Дивѣевская община». Во главѣ ея поставили сестру Мартынову, одну изъ лучшихъ сестеръ Александро-Невскаго сестричества. Сестеръ въ «Серафимо-Дивѣевской общинѣ» немного — 18-20, но онѣ не инертная масса, а усердныя работницы. Чувствуется въ нихъ горѣніе сердца. Онѣ поддерживаютъ порядокъ въ храмѣ, чинятъ облаченія, ревностно занимаются благотворительностью.

Приходъ преподобнаго Серафима одинъ изъ самыхъ жизненныхъ, самыхъ сильныхъ приходовъ. Многихъ нашихъ александро-невскихъ прихожанъ онъ отбилъ отъ насъ. У о. Троицкаго есть иниціатива, онъ умѣетъ поддерживать авторитетъ пастыря. Привлекаетъ онъ къ себѣ русскихъ людей и всѣмъ своимъ психологическимъ складомъ. Онъ часто посѣщаетъ своихъ прихожанъ, входя во всѣ обсто-

ятельства ихъ жизни. Это старый священникъ-бытовикъ, а въ душахъ и нравахъ эмигрантовъ бытъ сидитъ крѣпко*).

ОЗУАРЪ ЛЯ ФЕРРЬЕРЪ

Русскій поселокъ въ Озуаръ ля Феррьеръ возникъ приблизительно такъ же, какъ въ Пти-Кламаръ. Мѣстныя собственники разбили свою землю на участки и стали участки дешево распродавать. Русскіе охотно покупали эти земельные клочки, строили на нихъ домики и перебирались сюда съ семьями. Съ утра въ Парижъ на работу, а къ вечеру домой въ Озуаръ на лоно природы. Въ Озуарѣ лѣсъ, луга... Весной такое обиліе ландышей, что ихъ вывозятъ грузовиками, а лѣтомъ много ягодъ, грибовъ...

Сначала по просьбѣ мѣстныхъ жителей я посылалъ въ Озуаръ священника на праздники, но вскорѣ возникла мысль объ организаціи общины и устроенія храма. Ко мнѣ явился мѣстный житель г. Малиженовскій (одно время онъ былъ псаломщикомъ въ Бійанкурской церкви) и, ссылаясь на семинарское свое образованіе (хотя семинаріи онъ не кончилъ), просилъ меня, чтобы я рукоположилъ его въ священники. Онъ обѣщалъ пожертвовать участокъ земли въ Озуарѣ для построенія церкви, расчитывая стать ея настоятелемъ. Я навелъ справки о немъ. Отзывы меня не удовлетворили. Однако, отъ категорическаго отказа я воздержался, и направилъ Малиженовскаго въ Богословскій Институтъ, чтобы тамъ его проэкзаменовали. Испытанія онъ не выдержалъ, — и я въ рукоположеніи ему отказалъ. Онъ разсердился. Въ Озуаръ я направилъ священника о. Александра Чекана, который тогда былъ нештатнымъ священникомъ при церкви «Христіанскаго Движенія». Онъ собралъ Приходское Собраніе, на которомъ Малиженовскій заявилъ собравшимся, что дастъ землю лишь при условіи, если его сдѣлаютъ священникомъ. Толпа загудѣла протестомъ, и въ результатѣ преній было постановлено — купить самимъ 300 кв. метровъ земли и построить церковь. Образовался строительный комитетъ во главѣ съ о. А. Чеканомъ. Малиженовскій со своей неудачей не примирился и обратился къ «карловацкому» архіепископу Серафиму. Мѣстные приверженцы «Карловцевъ» постановили строить параллельно намъ. Между обѣими сторонами вспыхнула вражда, раздоры, даже, кажется, дѣло дошло до «оскорбленія дѣйствіемъ»... А тѣмъ временемъ о. Чеканъ самоотверженно работалъ по организаціи прихода и по созданію храма. Несмотря на малочисленность и бѣдность прихожанъ, на неблагопріятную обстановку, черезъ годъ церковь бы-

*) О. Дмитрія Троицкаго Митрополитъ Евлогій назначилъ Благочиннымъ и наградилъ его митрою; онъ умеръ въ октябрѣ 1939 года. Послѣ него настоятелемъ былъ о. Іоаннъ Лелюхинъ, а теперь — о. Михаилъ Соколовъ

ла готова — хорошенькая, каменная, съ паркетными полами. Создалась трудомъ самихъ прихожанъ. Работали всѣ, кто только могъ и умѣлъ. Одни исполняли землекопныя работы, другіе были каменщиками, третьи плотниками, и т. д. «Карловчане» выстроили свой храмъ, но куда хуже нашего.

Въ награду за труды я перевелъ о. Чекана въ Бійанкуръ, а въ Озуаръ направилъ пожилого іеромонаха Евѳимія Вендтъ (Богословскаго Института), по профессіи инженера, — прекраснаго, тонкой души, культурнаго человѣка. Къ сожалѣнію, жизнь сильно его помяла: на фронтѣ во время гражданской войны отъ попалъ въ плѣнъ къ большевикамъ, они его мучили, пытали, издѣвались, и пережитый ужасъ наложилъ на его психологію тяжкій слѣдъ. Физически и морально онъ и теперь былъ полубольной. Когда прошлымъ лѣтомъ въ началѣ министерства Блюма начались забастовки, митинги, появились процессіи съ красными флагами, съ пѣніемъ «Интернаціонала»... о. Евѳимій былъ самъ не свой и сталъ умолять, чтобы мы дали ему возможность выѣхать изъ Франціи. Въ тѣ дни о. Евѳимію пришлось пережить тяжкое потрясеніе. Онъ проходилъ по парку Бютъ Шомонъ, къ нему подбѣжали какіе-то хулиганы и стали требовать: «попъ рюсъ! давай папиросу!..» А когда узнали, что папиросъ нѣтъ, одинъ изъ безобразниковъ ударилъ его въ грудь кулакомъ. О. Евѳимій потомъ лежалъ больной и долго не могъ оправиться отъ нравственнаго шока...

Настоятельство о. Евѳимія въ Озуарѣ оживленія въ приходъ не внесло. Церковка (во имя Св. Троицы) блещетъ красотой и чистотою, но паства малая, чувствуется въ ней какая то сиротливость, неувѣренность въ своихъ силахъ. О. Чеканъ умѣлъ вселять бодрость, а о. Евѳимій поддается настроеніямъ прихожанъ. Надежную опору онъ нашелъ въ лицѣ старосты Т. М. Старченко, стараго кубанскаго казака. Этотъ «столпъ прихода» — маленькій, бодрый человѣкъ, изъ рыболововъ, а теперь деревенскій лавочникъ въ Озуарѣ. Живетъ своимъ домомъ вмѣстѣ со своей большой семьей: сыновьями, невѣстками, племянницей, внуками...

КЛИШИ

Въ 1933 г., въ Клиши образовалась церковная община. Сначала мы приписали ее къ Сергіевскому Подворью, съ назначеніемъ для нея постояннаго священника — о. Константина Замбржицкаго (бывшій полковникъ), образованнаго, энергичнаго, горячаго человѣка. Мѣстный пасторъ (Мароже) отнесся къ нашей колоніи по-братски: узнавъ, что мы ищемъ помѣщеніе подъ церковь, предоставилъ намъ запасной залъ въ протестантскомъ школьномъ зданіи.

Начало русскимъ культурнымъ организаціямъ въ Клиши положило «Національное Объединеніе», которому оказало помощь «Христіанское Движеніе», въ лицѣ Ф. Т. Пьянова, снабдившаго учебниками открывшуюся тамъ школу. «Національное Объединеніе» — свѣтская организація — сначала хотѣла существовать не только отъ прихода независимо, но имѣло притязанія подчинить себѣ церковный приходъ, а церковь превратить въ церковь «Національнаго Объединенія» на подобіе нашихъ домовыхъ церквей. О. Замбржицкій на это не согласился и требовалъ обратнаго соотношенія: «Національнаго Объединенія» при приходѣ, а не приходъ при «Національномъ Объединеніи». Загорѣлась борьба. Я стоялъ за параллелизмъ: церковь имѣетъ свой уставъ, «Національное Объединеніе» — свой, эти организаціи могутъ существовать рядомъ, другъ друга не поглощая и не подчиняя, церковь помогаетъ свѣтской организаціи молитвами и освященіемъ, оцерковленіемъ ея жизни, а члены «Объединенія» входятъ въ составъ прихода. Конфликтъ затянулся. Выйти изъ него помогъ пасторъ — онъ заявилъ, что дастъ «Объединенію» помѣщеніе лишь при условіи, если организація будетъ связана съ митрополитомъ Евлогіемъ и съ приходскимъ священникомъ. При содѣйствіи преосвященнаго Іоанна было достигнуто примиреніе. Въ составъ Приходскаго Совѣта выбрали нѣсколько видныхъ членовъ «Объединенія» — и все устроилось отлично. Когда «Объединеніе» задумало организовать вечеръ съ танцами, Приходскій Совѣтъ, по указанію священника, счелъ неудобнымъ официально принимать въ немъ участіе, но само «Объединеніе» почло своимъ долгомъ удѣлить часть сбора въ пользу церкви.

Клиши одинъ изъ жизненныхъ, дѣятельныхъ приходовъ. Приходскій Совѣтъ подобрался отличный. Храмъ расписанъ и заботливо украшенъ. Кромѣ школы, удѣлено много вниманія и общей культурно-просвѣтительной работѣ — устраиваются собранія съ чтеніемъ докладовъ, лекцій, за ними слѣдуютъ пренія или бесѣды. Русская колонія въ Клиши живетъ напряженной церковной и общественной жизнью.

Отмѣчу одно отрадное, но, къ сожалѣнію, очень рѣдкое явленіе, привившееся въ Клиши, — устройство Съѣздовъ представителей нѣсколькихъ приходовъ. Пріѣзжаютъ гости изъ Аньера, Курбевуа, Шавиля, Сенъ-Мора... — иногда человѣкъ около 100, и въ теченіе 3-4 дней Конференціи доклады чередуются съ дискуссіями и бесѣдами. Поетъ хоръ. Къ концу Съѣзда пріѣзжаю и я. Съѣздъ посвящается всегда какой-нибудь одной темѣ, напримѣръ: «Значеніе молитвы» или «Россія и Зарубежье въ церковномъ отношеніи» или другіе какіенибудь всѣхъ интересующіе вопросы. На данную тему читаютъ и говорятъ либо лекторы и ораторы своего прихода, либо кто-нибудь изъ гостей. Недавно зародился проектъ болѣе планомѣрной организован-

ной дѣятельности приходовъ. Возникла мысль устраивать эти трехдневные Съѣзды, то въ одномъ приходѣ, то въ другомъ, чтобы преодолѣть психологію приходской замкнутости, привычку жить интересами «своей колокольни», отсутствіе чувства братства приходовъ. Проектъ отвѣчаетъ нарождающемуся стремленію къ взаимному пониманію, желанію взаимопомощи и устраненію разъединенности приходовъ: трудно приходу, но онъ и не подумаетъ попросить помощи у болѣе сильнаго прихода-сосѣда. Дай Богъ, чтобы это разобщеніе изжилось и приходы связались между собою въ одну дружную семью, на подобіе возникшихъ въ Россіи послѣ революціи Союзовъ приходовъ.

МОНРУЖЪ

Честь открытія этого прихода въ фабричной зонѣ Парижа принадлежитъ «Православному Дѣлу», — организаціи, какъ я далѣе разскажу*), созданной трудами м. Маріи (Скобцовой) и Ф. Т. Пьянова. Сначала устроили школу, потомъ — церковь. Настоятелемъ я назначилъ о. Валентина Бахста.

О. Валентинъ, изъ прибалтійскихъ нѣмцевъ, воспитывался во Владивостокѣ, окончилъ въ Парижѣ протестантскій университетъ, получилъ мѣсто пастора, и женился на протестанткѣ. Но протестантизмъ ни его, ни его жену не удовлетворилъ, и они повлеклись къ православію. Однако, Бахстъ продолжалъ еще нѣкоторое время исполнять обязанности пастора въ реформатской церкви. Потомъ онъ сталъ проситься въ нашъ Богословскій Институтъ. Я принялъ его сразу на 3-ій курсъ: онъ былъ хорошо подготовленъ въ университетѣ, но ему не хватало спеціальныхъ знаній, надлежало пройти курсъ православной догматики, исторіи православной церкви, нашего каноническаго права, литургики и пастырскаго богословія. Въ одинъ годъ онъ все это одолѣлъ и просилъ меня о рукоположеніи во священники. Я его рукоположилъ и отослалъ подъ Суассонъ, въ помощники о. Г. Жуанни, организовавшему тамъ дѣтскую колонію.

Колоніей управлялъ о. Жуанни. Человѣкъ практической смѣтки, велъ онъ ее недурно. О. Валентинъ сначала ему помогалъ, а потомъ взялъ колонію въ свои руки и проявилъ, завѣдуя ею, много усердія и самоотверженности: самъ жилъ нищенски, а дѣтей кормилъ хорошо. Вскорѣ пріютъ закрылся, и безработный о. Бахстъ остался на иждивеніи у м. Маріи. Положеніе его было непріятное. Здѣсь подвернулся проектъ организаціи прихода въ Монружѣ.

Помѣщеніе церкви въ Монружѣ весьма скромное. Въ нижнемъ

*) См. стр. 540.

этажѣ устроили церковь, въ верхнемъ отвели одну комнату подъ школу, а другую отдали «батюшкѣ». Средствъ на содержаніе священника у прихода почти нѣтъ; каждая хозяйка приноситъ ему, что можетъ, и оставляетъ свое приношеніе у двери его комнаты. Я умилялся апостольскимъ нравамъ; сперва умилялись и прихожане, потомъ среди нихъ начались тренія, поднялся ропотъ: «Батюшка нѣмецъ... батюшка протестантъ... и зачѣмъ матушка за регента? какъ смѣетъ насъ иностранка учить!... Мы сами знаемъ...» Много натерпѣлись батюшка съ матушкой, много перестрадали... Видя ихъ скорбные глаза, я старался ихъ поддержать. Конфликтъ объясняется привычкой русскихъ людей къ священнику-бытовику, новизной и нѣкоторой чуждостью имъ того типа батюшки, который являетъ о. Бахстъ. Пастырская ревность у него громадная, а считаться съ нашими привычками онъ не умѣетъ. Проповѣдь его длится часъ, а прихожане длинныхъ проповѣдей не выдерживаютъ — уходятъ курить, нервничаютъ... Не въ мѣру повышенное представленіе о своемъ настоятельствѣ тоже не отвѣчаетъ нашимъ представленіямъ о «батюшкѣ», и авторитетное заявленіе о. Валентина: «я — сказалъ....» не производитъ желаемаго впечатлѣнія. Постепенно недоразумѣнія сглаживаются. О. Бахстъ побѣждаетъ кротостью, самоотверженностью, безкорыстіемъ и терпѣніемъ. Вообще о. Велинтинъ достойный «батюшка», чистой души, пламеннаго духа.

По собственной иниціативѣ о. Валентинъ открылъ приписную общинку въ Плесси-Робинзонъ. Тамъ предполагаютъ создать церковку благолѣпную. Одинъ изъ прихожанъ, столяръ, по воспоминаніямъ о церкви въ своемъ кадетскомъ корпусѣ, спроектировалъ ее, задумавъ устроить въ ней разукрашенный иконостасъ. О. Бахстъ разнесъ проектъ: «Безвкусица! Намъ сейчасъ катакомбы нужны, не разукрашенныя церкви!..» Прихожане ворчатъ и плачутся: «зачѣмъ катакомбы? Мы не хотимъ въ катакомбы!..»

Постепенно организовался самостоятельный приходикъ съ постояннымъ священникомъ (первымъ его настоятелемъ былъ протоіерей о. І. Лелюхинъ), и началось спѣшно устроеніе церкви въ зданіи старой мэріи — помѣщеніи предоставленномъ французами безплатно.

Къ веснѣ 1937 года храмъ былъ уже устроенъ и украшенъ. 25-го мая я вмѣстѣ съ благочиннымъ о. Д. Троицкимъ посѣтилъ Плесси-Робинзонъ и служилъ молебенъ передъ иконой Иверской Божіей Матери, покровительству которой храмъ посвященъ.

СЕНЪ-МОРИСЪ

Въ этомъ предмѣстьѣ Парижа скопилось много русскихъ. Храма нѣтъ, и до ближайшаго священника далеко. Состояніе колоніи пла-

чевное: некрещенныя дѣти, семьи въ развалѣ... Ф. Т. Пьяновъ натолкнулся на всѣ эти прискорбныя явленія и доложилъ мнѣ. Я сталъ посылать священниковъ: сперва о. Шпортака (пріѣхавшаго изъ Польши), потомъ о. Лелюхина и іеромонаха Игнатія (Богословскаго Института). Въ Сенъ-Морисѣ сняли помѣщеніе для церкви — студію со стекляннымъ потолкомъ и при немъ комната-конура для священника. Церковь устраивали сами прихожане. Нашлись среди нихъ столяры, плотники, рѣзчики, живописцы. Конура оказалась нежилой: въ холодъ отъ топки образовывался паръ, и буквально нечѣмъ было дышать. Я указалъ на это обстоятельство, — тогда прихожане ассигновали деньги на наемъ комнаты для священника.

Рядомъ съ приходомъ, по примѣру Клиши, организовалось «Національное Объединеніе», поставившее себѣ цѣлью имѣть собственную школу, библіотеку и независимо отъ прихода вести широкую просвѣтительную работу, — устраивать лекціи, диспуты, литературные вечера, концерты... Сейчасъ же (совсѣмъ какъ въ Клиши) завязался споръ: церковь при «Національномъ Объединеніи» или «Національное Объединеніе» при церкви? Разумѣется, обѣ организаціи — братскія, существовать онѣ должны параллельно, другъ друга не поглощая, другъ другу помогая; а церковь и школа остаются внѣ этихъ параллельныхъ линій, онѣ должны объединять дружныя усилія и «культурниковъ», и «церковниковъ». О. Игнатій, недостаточно толковый настоятель, нормальныхъ отношеній съ «культурниками» наладить не сумѣлъ, и вслѣдствіе этого мелочи пріобрѣли неподобающее имъ значеніе. Такъ, напримѣръ, «культурники» устроили танцы въ богослужебные часы, а о. Игнатій сказалъ съ амвона: «а вотъ безбожники во время службы танцуютъ...» «Культурники», задѣтые за живое, обидѣлись: «какъ... мы-то безбожники?!» Дабы впредь избѣжать поводовъ къ столкновеніямъ, я поставилъ о. Игнатія подъ отвѣтственное руководство владыки Іоанна (Леончукова). На освященіе дома «Русской Національной Культуры» «Объединеніе» пригласило меня и (чтобы обойти о. настоятеля) благочиннаго о. Д. Троицкаго. Недавно я ѣздилъ на освященіе съ преосвященнымъ Іоанномъ и о. Игнатіемъ и старался растолковать членамъ «Объединенія» норму ихъ взаимоотношеній съ приходомъ: члены «Объединенія» входятъ въ приходъ, а прихожане — въ «Объединеніе»; русская культура построена на церковномъ основаніи, и русскую душу нельзя понять безъ историческаго православія. Указывалъ на примѣръ старообрядцевъ, которыхъ много въ Жуанвилѣ, гдѣ есть у нихъ церковь и священникъ; потому они и крѣпки въ своихъ національныхъ началахъ, что глубоко преданы своей Церкви. Слушали, видимо, съ удовольствіемъ, но боюсь, не обидѣлись бы «церковники», что я поѣхалъ въ Объединеніе къ «культурникамъ»...

ИССИ-ЛЕ-МУЛИНО

Церковь въ Исси-Ле-Мулино возникла благодаря усердію русскихъ инвалидовъ. Поначалу въ большіе праздники, по ихъ просьбѣ, Епархіальное Управленіе посылало имъ священника; эти праздничныя службы стали привлекать мѣстныхъ православныхъ жителей. Тогда, въ 1937 году, инвалиды устроили въ своемъ помѣщеніи маленькую церковь и просили дать имъ постояннаго священника. Я назначилъ о. Жуанни. Просуществовала эта домовая церковь всего два года. Въ 1939 году она закрылась.

СЕВРЪ

16 ноября 1938 года я освятилъ новый храмъ въ «Домѣ отдыха» имени протоіерея о. Георгія Спасскаго. Дѣло построенія этого храма имѣетъ свою исторію, связанную съ тѣмъ, что тѣло почившаго о. протоіерея до сихъ поръ остается не преданнымъ землѣ*). Четыре года оно стояло въ нижней церкви нашего Александро-Невскаго храма. Пылкія, истерическія поклонницы почившаго создали культъ его имени, собирались у гроба, украшали его цвѣтами, нѣкоторыя у гроба даже исповѣдывались и т. д. Создавалась нездоровая атмосфера кликушества. Я нѣсколько разъ требовалъ погребенія тѣла; мнѣ обѣщали, но потомъ обѣщанія не исполняли; выведенный изъ терпѣнія, я настоялъ, чтобы оно было исполнено. Тогда поклонницы перевезли гробъ въ усыпальницу при одномъ протестантскомъ храмѣ въ Парижѣ. Бѣдный о. протоіерей! Какимъ мытарствамъ подвергли его тѣло неразумныя поклонницы...

Тѣмъ временемъ почитатели о. Георгія составили комитетъ его имени и организовали «Домъ отдыха» (платное убѣжище). Дѣла комитета пошли хорошо, и онъ устроилъ при Домѣ небольшую, но очень уютную и красивую церковку.

СЕНТЪ-ЖЕНЕВЬЕВЪ-ДЕ-БУА

Прежде чѣмъ говорить о церквахъ въ Sainte-Geneviève-des-Bois, я разскажу о возникновеніи тамъ «Русскаго Дома».

Русскій домъ для престарѣлыхъ возникъ по иниціативѣ кн. Вѣры Кирилловны Мещерской. Она открыла въ Парижѣ пансіонъ для богатыхъ американокъ, нуждавшихся въ пріобрѣтеніи нѣкотораго свѣтскаго лоска, и счастливый случай привелъ къ ней милліонершу миссъ

*) Эти строки относятся къ 1939 году. Осенью 1946 г. тѣло о. Георгія было предано землѣ на кладищѣ S-te Geneviève des Bois.

Доротею Педжетъ. Молодая дѣвушка такъ полюбила кн. Мещерскую и ея сестру Елену Кирилловну Орлову, что въ память своего пребыванія въ пансіонѣ захотѣла что-нибудь сдѣлать для эмиграціи. Кн. Мещерская подала мысль помочь престарѣлымъ нетрудоспособнымъ нашимъ соотечественникамъ.

Миссъ Педжетъ купила въ Sainte-Geneviève-des-Bois чудную старинную усадьбу: прекрасный домъ съ флигелями, службы, большой паркъ, садъ... — когда-то владѣніе одного изъ Наполеоновскихъ маршаловъ. Убѣжище для престарѣлыхъ было посвящено имени Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Оно было такъ необходимо для эмиграціи, что центральный домъ сейчасъ же заполнился, и для новыхъ пансіонеровъ пришлось отвести второй домъ, а потомъ и третій. Когда и эти дома не могли вмѣстить всѣхъ призрѣваемыхъ, разселили старичковъ и старушекъ вокругъ усадьбы у мѣстныхъ жителей. Благотворительница поставила «Русскій Домъ» на широкую ногу. Поначалу нужды не было ни въ чемъ, все было вволю. Своихъ подопечныхъ миссъ Педжетъ любила, пріѣзжала навѣщать, о нихъ заботилась, ихъ баловала. На большіе праздники старалась ихъ получше угостить, посылала авіономъ индѣекъ, гусей... Однажды въ день французскаго національнаго празднества 14-го іюля предложила всѣхъ пансіонеровъ (250 человѣкъ) перевести на сутки въ Парижъ, чтобы дать возможность полюбоваться фейерверкомъ, который устраиваетъ на Сенѣ въ этотъ день парижскій муниципалитетъ. Была снята роскошная вилла съ видомъ на рѣку, спеціально для этого дня навезли много дорогой мебели, провели электричество, комнаты спѣшно привели въ порядокъ. Были закуплены въ изобиліи вина, фрукты, кондитерскія издѣлія; былъ заказанъ грандіозный ужинъ съ шампанскимъ. Затѣя обошлась тысячъ 40-50... Широкая, но странная затѣя. Дряхлыхъ старичковъ и старушекъ везли въ грузовикахъ съ опасеніями, что до Парижа всѣхъ живыми, быть можетъ, и не довезутъ. Фейерверкъ врядъ ли могъ доставить большое удовольствіе этимъ престарѣлымъ людямъ. Но доброй миссъ Педжетъ хотѣлось дать бѣдной русской аристократіи, хоть на одинъ день, иллюзію былой привольной, богатой жизни.

Необходимость имѣть церковь при «Русскомъ домѣ» стала очевидной вскорѣ же по его открытіи. Старички стали болѣть, умирать. Начались соборованія, панихиды, погребенія... За организацію церкви взялся директоръ Русскаго Дома генералъ Вильчковскій и одинъ изъ призрѣваемыхъ — кн. М. С. Путятинъ, оба обладающіе тонкимъ художественнымъ вкусомъ. Въ помѣщеніи примыкающемъ къ гостиной (гдѣ пансіонеры играютъ въ бриджъ), они устроили прекрасный храмъ въ древне-русскомъ стилѣ и посвятили имени св. Николая Мирликійскаго Чудотворца.

Первымъ настоятелемъ церкви былъ протоіерей Димитрій Троицкій, о которомъ уже упоминалось (приходы въ Коломбелѣ и Льежѣ), — умный священникъ, но съ властнымъ характеромъ. Сначала все шло хорошо. За ектеніей возглашалось прошеніе «о благовѣрномъ всероссійскомъ царственномъ домѣ и многострадальной родинѣ нашей...», обитатели Русскаго Дома благоволили къ о. настоятелю, и онъ къ нимъ, цѣнилъ тонкость ихъ свѣтскихъ манеръ и изящество культурныхъ навыковъ. А потомъ начались нелады. О. настоятель въ тонкой культурѣ своихъ прихожанъ разочаровался...

Я перевелъ о. Троицкаго въ Галлиполійскую церковь, а изъ Кламара сюда — протоіерея о. Калашникова, прекраснаго, добраго пастыря и культурнаго человѣка. Въ Россіи онъ занималъ высокій постъ въ Министерствѣ Финансовъ.

Вопросъ о происхожденіи, чинахъ и титулахъ играетъ въ Русскомъ Домѣ роль немалую. Разсказываютъ слѣдующій анекдотъ, характеризующій психологію призрѣваемыхъ.

На мѣстномъ кладбищѣ разговариваютъ три старушки, выбирая себѣ мѣсто для вѣчнаго упокоенія; заспорили объ одномъ наиболѣе видномъ мѣстѣ.

— Мой мужъ былъ губернаторъ...

— А мой, — генералъ-лейтенантъ...

— А мой... — начала третья старушка, и замялась... — кто же былъ мой? Ахъ, запамятовала...

— Да вы же незамужняя!.. — запротестовали спутницы.

— Ахъ да, дѣйствительно, я не была замужемъ... — смущенно сказала бѣдная старушка.

Діакономъ въ Русскомъ Домѣ до самой своей смерти былъ о. Евгеній Вдовенко, неладившій съ о. Троицкимъ, но мирно уживавшійся съ престарѣлымъ и часто болѣвшимъ о. Калашниковымъ. Въ помощь больному настоятелю я далъ молодого священника-врача Льва Липеровскаго.

Врачемъ Русскаго Дома официально числится Е. Н. Бакунина*).

Съ Русскимъ Домомъ въ S-te Geneviève des Bois связанъ проектъ особаго храма на русскомъ кладбищѣ, отведенномъ спеціально для русскихъ мѣстной французской администраціей.

Уже много старичковъ и старушекъ покоилось на кладбищѣ**). Часто русскіе предпочитаютъ хоронить своихъ близкихъ въ S-te Geneviève, а не на парижскихъ кладбищахъ потому, что здѣсь постоянно творится православная молитва и какъ то пріятнѣе лежать среди

*) У Бакуниныхъ — хирурга Бакунина и его жены Е. Н. Бакуниной — была въ Москвѣ лѣчебница. Тамъ провелъ послѣдніе дни своей жизни и тамъ скончался Патріархъ Тихонъ.

**) Къ 1939 болѣе 400 могилъ.

своихъ соотечественниковъ. Къ сожалѣнію, юридически оформить проектъ построенія этого новаго храма намъ не удавалось. Мѣстныя власти не разрѣшали строить церковь на самомъ кладбищѣ. Тогда былъ пріобрѣтенъ небольшой участокъ земли рядомъ съ кладбищемъ для построенія на немъ храма во имя Успенія Божіей Матери.

Образовался строительный комитетъ подъ моимъ предсѣдательствомъ; главными дѣятелями комитета были: княгиня Вѣра Кирилловна Мещерская и Михаилъ Михайловичъ Федоровъ. Первая, благодаря своимъ широкимъ связямъ, главнымъ образомъ, съ иностранцами, привлекала крупныя пожертвованія, а второй организовалъ очень широко сложное дѣло собиранія пожертвованій среди эмиграціи.

Самое дѣло построенія храма, планъ и его осуществленіе, было поручено художнику-архитектору Альберту А. Бенуа, который построилъ храмъ-памятникъ на могилахъ русскихъ воиновъ на кладбищѣ въ Saint-Hilaire-le-Grand (близъ Мурмелона). Архитекторъ Бенуа — замѣчательный человѣкъ не только какъ художникъ, но и какъ нравственная личность: скромный, до застѣнчивости, безкорыстный, самоотверженный труженикъ, онъ совершенно безвозмездно отдаетъ св. Церкви свой огромный трудъ. Храмъ въ S-te Geneviève онъ спроектировалъ въ новгородскомъ стилѣ XV и начала XVI вѣка. Это было и очень красиво и идейно связывало насъ съ Матерью Родиною — св. Русью.

По мѣрѣ продвиженія постройки шелъ сборъ пожертвованій. М. М. Федоровъ развилъ удивительную энергію. Я едва успѣвалъ подписывать воззванія, а также письма съ выраженіемъ благодарности за всякую жертву, какъ бы она скромна ни была. Только неутомимой энергіей М. М. Федорова можно объяснить успѣхъ дѣла: въ теченіе одного года мы собрали среди бѣдной эмиграціи около 150.000 тысячъ франковъ. Настоящее чудо!

9-го апрѣля 1938 года была закладка храма, а лѣтомъ 1938 года началась его постройка. Она шла очень быстро. Въ ноябрѣ 1938 года онъ былъ уже вчернѣ готовъ, и мы поднимали на него крестъ. Лѣтомъ 1939 года около храма появились двѣ новыя постройки: звоница также въ новгородскомъ стилѣ (впослѣдствіе съ шестью колоколами*) и домикъ для священника и церковнаго сторожа. Тогда же было устроено центральное отопленіе. Теперь оставалось только закончить роспись внутренности храма и установить иконостасъ.

Роспись храма взялъ на себя тоже художникъ-архитекторъ А. А. Бенуа. Онъ началъ свою работу въ мартѣ 1939 года и безвозмездно трудился надъ этимъ дѣломъ вмѣстѣ со своею женою. Бѣдная женщина едва не погибла, поскользнувшись на неустойчивой лѣстницѣ.

*) Увы, въ эти колокола, по случаю военнаго времени, намъ не было позволено звонить, даже въ день освященія храма.

Только въ концѣ работы ему стали помогать нѣкоторыя женщины-добровольцы и графъ Г. А. Шереметевъ, который поселился при храмѣ въ смиренномъ званіи псаломщика. Искусный каллиграфъ и знатокъ славянскаго письма, онъ сдѣлалъ надписи, которыя понадобились при внутренней отдѣлкѣ храма. Прекрасный иконостасъ былъ расписанъ обществомъ «Икона». Столярныя работы по сооруженію иконостаса и проч. выполнены инженеромъ-технологомъ И. М. Грековымъ въ мастерской при Русскомъ Домѣ.

Работы по росписи храма задержали день его освященія, которое сначала предполагалось сдѣлать въ Успеніе, а потомъ отложили до 1/14 октября и пріурочили къ празднику Покрова Пресвятой Богородицы. Въ это время по болѣзни я проживалъ въ Русскомъ Домѣ и очень тревожился, смогу ли я по состоянію своего здоровья (глухота и общая слабость) совершить чинъ освященія, очень красивый и очень продолжительный. Въ дни, предшествовавшіе освященію, я плохо слышалъ и у меня былъ, столь мнѣ знакомый, припадокъ рвоты, продолжавшійся съ вечера до полуночи. Но наканунѣ праздника мнѣ стало легче настолько, что я рѣшилъ совершить освященіе во что бы то ни стало и поѣхать ко всенощной; шелъ сильный дождь; возвращались въ темнотѣ и въ слякоть. «Какъ то будемъ завтра совершать освященіе?» съ тревогой думалъ я. Ночью спалъ плохо, не давала покоя мысль о завтрашнемъ днѣ...

Къ утру дождь пересталъ. Было свѣжо. Самочувствіе удовлетворительное. Когда поѣхалъ въ церковь, погода уже разгулялась. Слышалъ я въ то утро хорошо.

Вхожу въ храмъ, уже расписанный и освобожденный отъ лѣсовъ... «Боже, какъ хорошо, дивно!..» невольно вырвалось изъ души. Такъ пораженъ былъ я красотою храма... Съ бодрымъ духомъ, съ благоговѣніемъ приступилъ я къ освященію. Когда со св. мощами пошли свершать крестный ходъ вокругъ храма, брызнули на насъ яркіе лучи солнца и еще больше подняли настроеніе. Трепетало сердце, когда я при входѣ въ храмъ, предъ закрытыми дверями, возглашалъ вдохновенныя слова псалма: «Возмите врата князи ваша и возмитеся врата вѣчная, и внидетъ Царь славы», а пѣвчіе изнутри вопрошали: «Кто есть сей Царь славы?» И растворялись двери, и я со словами: «Господь силъ, той есть Царь славы» вошелъ въ освященный храмъ, неся на главѣ св. мощи... Сколько я въ своей жизни освятилъ храмовъ (думаю не менѣе 100) и всякій разъ не могу безъ трепета душевнаго переживать этотъ дивный моментъ... Ясное, почти лѣтнее, солнце свѣтило въ узкія окна храма до самаго конца богослуженія. У всѣхъ настроеніе было свѣтлое, приподнятое, — «точно на Пасху...» какъ выразилась одна старушка.

Конечно, я очень усталъ въ тотъ день, но душа моя ликовала,

переживая это свѣтлое торжество... Въ своемъ «словѣ» послѣ освященія я старался выразить глубоко волновавшія меня чувства радости и благодарности Господу Богу, даровавшему бѣдной русской эмиграціи на чужбинѣ, но на своихъ родныхъ русскихъ могилахъ, воздвигнуть такой чудный храмъ, быть можетъ, лучшій памятникъ русскаго зодчества за-границей. О красотѣ его можно судить потому, что мѣстныя власти предлагали намъ записать его, как «monument historique», въ своихъ путеводителяхъ по Франціи. (См. фот. 1).

....«Съ нами раздѣляютъ сегодня нашу радость и всѣ почившіе братья и сестры наши, нашедшіе себѣ вѣчное упокоеніе у подножія этого храма», сказалъ я...

Ликующій, торжествующій возвратился я въ свое уединеніе въ Русскомъ Домѣ. На душѣ было такъ легко, такъ свѣтло, что на время какъ будто забылись всѣ угнетающіе меня недуги. Чувствовалось, что совершено святое русское дѣло... «Богъ знаетъ, думалось мнѣ, быть можетъ, это послѣдній*) храмъ, который мнѣ суждено было освятить... И я, подобно древнему лѣтописцу, могу теперь сказать: «Еще одно, послѣднее сказаніе — и лѣтопись окончена моя, Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога, мнѣ, грѣшному...»

Да будетъ благословенно имя Господне отнынѣ и до вѣка...

Аминь.

ХРАМЫ ВЪ ДЕПАРТАМЕНТАХЪ ФРАНЦІИ

ЛИЛЛЬ

Однимъ изъ первыхъ провинціальныхъ приходовъ организовался приходъ въ Лиллѣ (въ департаментѣ Норъ). Въ городѣ католическій университетъ. Для группы русскихъ студентовъ В. Н. Лермонтова (родная сестра братьевъ Сергѣя, Евгенія и Григорія Трубецкихъ) основала общежитіе, выпросивъ для этой цѣли помѣщеніе у о. о. іезуитовъ. На чердакѣ іезуитскаго дома она устроила церковку, а студенты общежитія организовали благочестивое содружество съ церковнымъ укладомъ: общая молитва передъ трапезой и послѣ нея, посѣщеніе церковныхъ службъ... Содружество проявляло и повышенную патріотическую настроенность — по окончаніи обѣда, стоя лицомъ

*) Храмъ Успенія Божіей Матери въ S-te Geneviève des Bois, дѣйствительно, оказался послѣднимъ, который освятилъ Митрополитъ Евлогій. Въ 1944 году возникъ еще одинъ храмъ-приходъ въ Парижѣ во имя Скорбящей Божіей Матери на rue de la Tour, № 42, но Митрополитъ Евлогій по болѣзни уже не могъ быть на его освященіи. Первымъ его настоятелемъ былъ о. Сергій (Иртель). Послѣ его ухода и донынѣ настоятелемъ этого храма состоитъ игуменъ о. Сильвестръ (Хорунъ).

къ портрету Государя, студенты пѣли «Боже, Царя храни!». Я освѣдомился: «какого царя?» Мнѣ объяснили: «не царя, а идею монарха». Окормлялъ общежитіе очередной разъѣздной священникъ, котораго я посылалъ изъ Парижа (о. Іоаннъ Леончуковъ, о. Тимофеевъ, о. Фащевскій...) Студенты составили хоръ. Постоянной организаціи не было.

Въ Лиллѣ много русскихъ рабочихъ, потребность въ церковной организаціи назрѣла, и я подсказалъ студентамъ мысль объединиться всей мѣстной русской эмиграціи въ общину. Однако, что-то съ общиной поначалу не удавалось. Завязался узелъ лишь въ 1926-мъ году. Первымъ ея священникомъ былъ о. Димитрій Соболевъ.

Привезъ о. Соболева во Францію епископъ Веніаминъ изъ Сербіи и мнѣ очень его расхваливалъ. Къ сожалѣнію, лестнаго отзыва о. Соболевъ не оправдалъ. Въ приходѣ начались сплетни, дрязги, скандалы... На его мѣсто я вскорѣ назначилъ о. Іоанна Попова, распорядительнаго донского казака, толковаго священника, съ моральными устоями, съ бытовыми привычками сельскаго «батюшки». Онъ работалъ на автомобильномъ заводѣ, былъ шоффероиъ и лишь изрѣдка служилъ по церквамъ. Я уговорилъ его поѣхать въ Лилль.

О. Поповъ образовалъ въ Лиллѣ церковную общину, сплотивъ всѣ элементы эмиграціи. Въ чердачной церкви стало тѣсно, о. о. іезуиты давали понять, что существованіе православной церкви въ ихъ зданіи имъ непріятно... — и общинѣ надо было подумывать о новомъ помѣщеніи. На помощь пришелъ протестантскій пасторъ. Онъ уступилъ намъ въ зданіи кирки комнатку при библіотекѣ. Тамъ до этой осени (1936 г.) наша церковь и помѣщалась.

Лилльскій приходъ имѣетъ нынѣ своеобразную конструкцію. Завязавшись въ Лиллѣ, онъ оказалъ вліяніе на окружающія мѣстечки, гдѣ осѣли русскіе, и тамъ вскорѣ возникли свои маленькія общины, приписавшіяся къ Лилльскому приходу. Такихъ общинъ-приходовъ сейчасъ 7: Бланъ-Миссеронъ, Валансьенъ, Омонъ, Лансъ, Туркуанъ, Рубэ, Булонь-сюръ-Мэръ.

Священникъ по установленному порядку служитъ поочереди въ этихъ городкахъ по воскресеньямъ, а въ праздники члены общинъ съѣзжаются въ Лилль, въ метрополію, а когда бываютъ обще-приходскія собранія, — делегируютъ своихъ представителей. Маленькая церковка была тѣсная, неуютная, неблагообразная; хотѣлось устроиться лучше, поудобнѣе, но при о. Поповѣ ни одинъ изъ проектовъ не осуществился. Онъ подалъ прошеніе о переводѣ въ Южинъ (въ Савоѣ), его просьбу я удовлетворилъ, а на его мѣсто въ Лилль назначилъ, окончившаго Богословскій Институтъ, целибатнаго священника о. Павла Пухальскаго. Богъ помогъ о. Пухальскому быстро освоиться съ приходомъ и собрать деньги на построеніе храма (вѣрнѣе,

с. Пухальскій успѣшно закончилъ сборы начатые о. Поповымъ). За одно лѣто въ 3-4 мѣсяца построили храмъ, въ честь святителя Николая Чудотворца, свѣтлый, просторный, съ куполомъ. Недавно, 29-го ноября 1936 года, я освятилъ его.

На освященіе съѣхались прихожане изъ всѣхъ окрестныхъ городковъ. Торжество прошло съ подъемомъ и дало всѣмъ участникамъ чувство удовлетворенія. Послѣ скитаній по чужимъ угламъ — свое гнѣздо, «свой» православный храмъ!

Лилль городъ католическій, по духу клерикальный центръ того Движенія, которое извѣстно подъ именемъ католичества «восточнаго обряда». Возглавляютъ это Движеніе о. о. доминиканцы. Они усвоили практику православной церковности и организовали церковь «восточнаго обряда» (имени св. Василія Великаго) при Centre Dominicain d'Etudes Russes «Istina» и стали издавать журналъ «Russie et Chrétienté». Этой осенью церковь «восточнаго обряда» закрыли и доминиканскій центръ перевели въ Парижъ. Въ послѣдній мой пріѣздъ въ Лилль на освященіе храма я освѣдомился, много ли было за эти годы обращеній въ католичество. Мнѣ отвѣтили: «Мало... ничего у нихъ не выходитъ».

ЛІОНЪ

Въ Ліонѣ образовалась большая колонія русскихъ эмигрантовъ. Здѣсь много фабрикъ и въ самомъ городѣ и въ предмѣстьяхъ, преимущественно искусственнаго шелка (вискозы и окраски тканей), гдѣ работа хорошо оплачивается и не требуетъ затраты силъ, но связана съ рискомъ отравленія.

Въ 1924 году изъ Константинополя въ Ліонъ пріѣхалъ генералъ Максимовичъ съ семьей. Максимовичи — потомки послѣдняго прославленнаго передъ самой революціей русскаго святого, святителя Іоанна (Максимовича) Тобольскаго, — семья религіозная, церковная. Уже въ Константинополѣ генералъ занимался церковной дѣятельностью, а въ Ліонѣ, въ одной изъ комнатъ своей квартиры, открылъ свою домовую церковь и выписалъ изъ Константинополя священника — о. Андрея Мишина, котораго онъ еще тамъ облюбовалъ. Властный, нетерпимый человѣкъ, генералъ Максимовичъ распоряжался въ церкви, какъ помѣщикъ въ своей усадьбѣ, и, въ концѣ концовъ, вызвалъ протесты и нареканія со стороны священника и богомольцевъ. О. Мишинъ пріѣхалъ ко мнѣ съ жалобой. Я поддержалъ его и посовѣтовалъ соорганизовать инициативную группу и устроить самостоятельную приходскую церковь; далъ ему церковную утварь, антиминсъ... — все, что нужно. Прихожане сняли залъ въ помѣщеніи какого-то музыкальнаго общества, гдѣ богослуженіе и наладилось. Къ

сожалѣнію, положеніе церкви бивуачное: иконостасъ послѣ службы приходится разбирать. Потомъ возникли еще двѣ приписныя общины: въ Дессинъ и въ Поншерюи, гдѣ устроили хорошенькій, маленькій храмъ. О. Мишинъ, слабый, безтактный человѣкъ, поставить себя въ приходѣ не сумѣлъ. Начались дрязги, ссоры, недоразумѣнія, жалобы... Поначалу я поддерживалъ его, но потомъ убѣдился, что онъ пастырь не по приходу.

Въ Ліонѣ проживала семья кн. Оболенскихъ. Княгиня, бойкая, энергичная особа, хотѣла явить себя церковной дѣятельницей и организовала школу. Когда я пріѣхалъ въ Ліонъ, она меня пригласила къ завтраку. Я далъ понять, что слѣдовало бы пригласить и священника... На завтракѣ произошелъ скандалъ. Членъ Приходскаго Совѣта, бывшій членъ Государственной Думы Евсеевъ, вмѣсто привѣтствія, разразился обвинительной рѣчью противъ о. настоятеля. Я оборвалъ оратора: «Ваши слова — оскорбленіе гостепріимству... Я выслушаю васъ, но въ другой обстановкѣ». Не умѣлъ о. Мишинъ противостать и приходскимъ распрямъ. Нельзя было на него и положиться, что онъ сумѣетъ вести приходъ въ столь бойкомъ центрѣ, какъ Ліонъ. Католическое вліяніе въ Ліонѣ сильное. Городъ связанъ съ именемъ св. Иринея Ліонскаго, отца Церкви II-го вѣка. Здѣсь были замучены въ темницѣ священномученикъ Поѳинъ, св. Бландина и др. Въ наше время это резиденція католическаго примаса Галліи архіепископа Ліонскаго. О. о. іезуиты организовали въ Ліонѣ общину св. Іоанна Златоуста и поставили во главѣ о. Тышкевича. Католики обхаживали нашу молодежь и вели широкую пропаганду, такъ называемаго католичества «восточнаго обряда». Натискъ Рима чувствовался... А тутъ еще «карловчане» открыли приходъ во главѣ съ военнымъ священникомъ о. Пушкинымъ, бойкимъ, безшабашнымъ человѣкомъ, который не прочь былъ и кутнуть со своими прихожанами изъ военныхъ; пріятный, близкій имъ по душѣ, онъ могъ отвлечь прихожанъ отъ о. Мишина. Тогда я рѣшилъ перевести о. Мишина куда-нибудь въ другое мѣсто; онъ заупрямился, перешелъ къ «карловчанамъ», и открылъ приходъ параллельный приходу о. Пушкина.

На мѣсто о. Мишина я назначилъ о. Луку Голода изъ Польши (бывшаго Холмскаго священника). Онъ былъ въ числѣ духовенства, не принявшаго конкордата съ польской государственной властью. За непримиримость посидѣлъ въ тюрьмѣ и былъ запрещенъ въ служеніи; потомъ бѣжалъ за-границу. О. Лука повелъ приходъ прекрасно, сумѣлъ сплотить прихожанъ, привить имъ чувство единства, стойкости, преданности своей вѣрѣ и Церкви. Никакіе соблазны, — ни католическіе ни карловацкіе — прихода не смущали. Къ сожалѣнію, о. Голодъ вновь отправился въ Польшу бороться за непримиримость съ польской властью.

Настоятельство въ Ліонѣ я передалъ о. Порфирію Бирюкову (изъ церкви Галлиполійцевъ). Онъ съ трудомъ справляется съ приходомъ. Въ Ліонѣ много эмигрантской дѣтворы, — на «елку» собралось до 600 дѣтей, — а приходъ до сихъ поръ не сумѣлъ организовать школу... Дѣти утопаютъ въ волнахъ иностранной культуры, теряютъ языкъ, забываютъ вѣру. Живой, яркій періодъ настоятельства о. Луки смѣнили сѣренькія приходскія будни. А между тѣмъ, въ Ліонѣ жизнь ставитъ передъ приходомъ задачи весьма серьезныя....

МАРСЕЛЬ

Въ Марселѣ, въ этомъ большомъ портовомъ городѣ, осѣло очень много русскихъ. Большинство работало въ порту — грузчиками. Жили безпорядочно, грязно, шумно, въ лагерѣ, такъ называемомъ «Camp Victor Hugo»: отъ военнаго времени остались пустые бараки столь ветхіе, что вѣтеръ дулъ изо всѣхъ щелей, и въ бурю любой изъ нихъ могъ рухнуть.

Первый приходъ въ Марселѣ имѣлъ свою церковь на кораблѣ. Въ порту застряло нѣсколько нашихъ пароходовъ торговаго флота. На одномъ изъ нихъ была церковка, обслуживаемая братомъ капитана этого парохода Брилева — о. Петромъ Брилевымъ. Бывать въ этой церковкѣ обитателямъ «camp russe» было трудно: корабль гдѣ-то далеко въ порту, когда до него еще изъ лагеря доберешься, церковь маленькая, тѣсная, надо брать въ порту пропускъ на корабль, а лагерная наша публика на глаза соваться портовому начальству не очень-то любитъ... — словомъ, ко мнѣ стали поступать жалобы на всѣ эти неудобства. Я далъ распоряженіе, чтобы о. Петръ служилъ по-очереди: одно воскресенье — на кораблѣ, другое — въ лагерѣ; но о. Брилевъ (Одесской семинаріи), почтенный старикъ, не очень энергичный и подвижной, распорядкомъ этимъ тяготился. Тогда я рѣшилъ основать второй приходъ уже въ самомъ лагерѣ.

Священникомъ въ этотъ лагерный приходъ я назначилъ о. Авенира Дьякова (изъ Вѣны*). Церковь устроили въ баракѣ «на курьихъ ножкахъ». Бѣдно... щели... вѣтеръ гуляетъ... Случалось, собаки забѣгали. А баракъ, гдѣ жилъ священникъ, какъ-то разъ ночью, когда задулъ мистраль, — рухнулъ, какъ карточный домикъ. Проснулся о. Авениръ, — надъ головою небо... дождь льетъ. Сначала о. Авениръ своимъ прихожанамъ понравился, и самъ съ ними быстро сошелся. А потомъ пошли скандалы. Пьянство... — о. Авениръ ихъ не обличаетъ... Я его уволилъ.

---

*) См. стр. 431.

Вскорѣ наши корабли велѣно было продать. О. Брилевъ ликвидировалъ корабельный храмъ и вселился въ лагерь. Было ему тамъ нелегко, — онъ привыкъ къ иной обстановкѣ. Однако, приходская жизнь при немъ освѣжилась, онъ объединилъ вокругъ себя лучшіе элементы, нашелъ хорошаго старосту, который устроилъ библіотеку. Неутомимо выпрашивая повсюду книги, стучась во всѣ двери, староста набралъ до 1.000 томовъ, которые стали приносить приходу франковъ 500-600 ежегоднаго дохода (часть этой суммы шла на покупку новыхъ книгъ, другая — въ приходскую кассу).

Очередной катастрофой для Марсельской нашей братіи было постановленіе городскихъ властей — бараки сломать. Поднялся прямо вой... Что дѣлать? Куда дѣваться? Кое-какъ стали перебираться въ городъ. Для церкви и для батюшки сняли помѣщеніе. Заработки въ порту у нашихъ не плохіе, безработицы почти нѣтъ, но работа грузчиковъ ужасная, изнурительная. Церковь для большинства нашихъ собратьевъ единственное утѣшеніе. Старый батюшка у нихъ пользуется заслуженнымъ авторитетомъ и уваженіемъ.

«Карловчане» устроили параллельный приходъ и играютъ на стрункахъ патріотизма и крайняго націонализма. Храмъ они открыли имени святителя Гермогена. Когда король Александръ Сербскій былъ убитъ, первую панихиду служили «карловчане».

КНЮТАНЖЪ (ЭЛЬЗАСЪ)

Весной 1924 года какъ-то разъ на собраніи Александро-Невскаго сестричества появился незнакомый мнѣ священникъ и отрекомендовался о. Семеномъ Великановымъ. Первое впечатлѣніе онъ произвелъ на меня нѣсколько странное. Длинные сѣдые волосы, нервная рѣчь, рваненькая ряса... Я узналъ, что онъ пріѣхалъ со своей паствой изъ Польши работать по контракту на огромный металлургическій заводъ въ Кнютанжѣ (около Меца), во главѣ котораго стоитъ директоръ monsieur Charbon, французскій инженеръ, въ свое время работавшій на одномъ изъ заводовъ Донецкаго бассейна и свободно владѣющій русскимъ языкомъ. О. Семенъ и его паства — остатки русской арміи разоруженной въ Польшѣ Тамъ же, въ Польшѣ, Архіепископъ Владиміръ*) рукоположилъ его въ священники и поставилъ во главѣ группы соотечественниковъ. По пріѣздѣ въ Кнютанжъ, русская колонія расположилась въ баракахъ, выпросивъ баракъ и подъ церковь. Хоръ (прекрасно спѣвшійся еще въ Польшѣ) русскіе рабочіе привезли съ собой. Церковь быстро устроилась, богослуженіе наладилось, а хоръ чуднымъ своимъ пѣніемъ сталъ привлекать въ храмъ французовъ.

*) По смерти митрополита Евлогія, Экзархъ Патріарха Вселенскаго. См. стр. 423.

Осенью того же 1924 г. я посѣтилъ Кнютанжъ.

Маленькая, чистенькая, убогая церковь... Чувствуешь, что все, до мелочей, создано трудами благочестивыхъ бѣдныхъ людей. О. Семенъ, ревностный, самоотверженный священникъ-безсребренникъ, пріятно поразилъ меня своимъ горячимъ, ревностнымъ отношеніемъ къ пастырскому долгу. Осень... холодно..., а онъ въ одной рваненькой рясѣ (я подарилъ ему свою, хоть и моя была тоже неновая). Я узналъ, что о. Семенъ живетъ въ мансардѣ и питается кое-какъ; самъ на спиртовкѣ себѣ обѣдъ варитъ: одинъ день кашу, другой — компотъ... «Очень удобно, — разсказывалъ онъ мнѣ, — передъ обѣдней поставлю кастрюлю на огонь, а приду изъ церкви: готово!» Рабочіе поселки въ окрестностяхъ Кнютанжа, гдѣ тоже живутъ русскіе, онъ объѣзжаетъ на Пасхальной недѣлѣ «на собственномъ автомобилѣ», т. е. попросту обходитъ ихъ пѣшкомъ. Немудрый, простой священникъ, но преданный паствѣ всей душой. Благодаря глубокому пониманію пастырскаго долга и подвижнической жизни, онъ достигъ крѣпчайшей спайки съ приходомъ. Когда приходу нужны деньги для какихъ-нибудь неотложныхъ нуждъ, о. Семенъ возитъ хоръ по ближайшимъ городкамъ и зарабатываетъ деньги. Впослѣдствіи изъ церковнаго хора выдѣлился другой, подъ названіемъ «Гусляръ».

При церкви возникла школа для дѣтей, которую назвали моимъ именемъ. Организовали ее солидно, не кустарно; развернули нѣсколько отдѣловъ. Завѣдывалъ школой комитетъ во главѣ со старостой генераломъ П. Н. Буровымъ (теперь по профессіи онъ маляръ, и мнѣ довелось его видѣть подвѣшеннымъ въ малярной люлькѣ съ кистью въ рукахъ). Преподавательскій персоналъ подобрался отличный, и дѣти поступали изъ школы прямо въ иностранные лицеи.

Несмотря на бѣдность, приходъ имѣлъ своихъ стипендіатовъ въ нашемъ Богословскомъ Институтѣ (о. Викторъ Юрьевъ, нынѣ священникъ Введенской церкви, — воспитанникъ Кнютанжа), посылалъ всегда делегатовъ на съѣзды «Христіанскаго Движенія» и отъ времени до времени приглашалъ изъ «Движенія» къ себѣ докладчиковъ. Дѣтскій вопросъ, благотворительный, просвѣтительный, — всему удѣлили вниманіе, все хорошо поставили. Церковно-приходская жизнь процвѣтала всѣ эти годы, процвѣтаетъ и по сей день.

Въ первый пріѣздъ въ Кнютанжъ я зашелъ къ директору. Отъ него я услышалъ самые хорошіе отзывы о русскихъ рабочихъ. «Скромные, честные интеллигентные люди и безъ претензій», — сказалъ директоръ. — «И священникъ прекрасный, заслуживаетъ глубокаго уваженія. Когда онъ о чемъ-нибудь меня проситъ, я не въ силахъ ему отказать. Для этого достаточно мнѣ просто его увидѣть...» Не отказалъ директоръ, между прочимъ, въ весьма важномъ, — по-

строилъ «Русскій Домъ», въ которомъ теперь помѣщается церковь и школа.

Свою ревность о. Семенъ простираетъ и за предѣлы Кнютанжа: въ Нанси, гдѣ есть русскіе студенты, въ Люксембургъ (тамъ есть общинка въ Эшѣ), въ Прирейнскую Германію (есть общинка въ Саарбрюкэ). Всюду разъѣзжаетъ безъ визъ. «Крестъ надѣну, — вотъ и вся моя виза...» говоритъ о. Семенъ. Любящій отецъ для прихожанъ, онъ, однако, умѣетъ, когда нужно, проявить и власть. Для любительскаго спектакля сестричество выбрало пьесу «Монашенка», — о. Семенъ усмотрѣлъ въ ней поношеніе монашеству и чуть было не закрылъ сестричество. «Если такъ, не надо и сестричества!..» Не безъ труда я этотъ конфликтъ уладилъ.

Приходъ въ Кнютанжѣ я навѣщаю ежегодно. Онъ мое утѣшеніе. Каждый мой пріѣздъ и для меня и для прихожанъ, взаимно, радостная встрѣча и живое общеніе въ любви...

МОНТАРЖИ

Неподалеку отъ Парижа (ѣзды отъ Gare de Lyon часа 2-3), въ городкѣ Монтаржи имѣется большое предпріятіе резиноваго производства. Среди рабочихъ много русскихъ. Каждый годъ подъ Пасху и подъ Рождество направлялась оттуда къ намъ петиція: просимъ прислать священника. Я посылалъ разъѣзднаго священника: о. Спасскаго*), потомъ о. Іоанна Церетелли (при которомъ община и преобразовалась въ приходъ), затѣмъ о. Ѳеодора Каракулина, изъ старыхъ военныхъ священниковъ, участвовавшаго въ гражданской войнѣ въ составѣ Дроздовскихъ частей (псаломщикомъ при немъ въ Россіи состоялъ Виноградовъ, нынѣ архимандритъ Исаакій). О. Ѳеодоръ, хорошій священникъ, правильно понимающій пастырскія задачи, дѣловито принялся за устроеніе прихода.

Администрація завода дала баракъ для церкви (я пріѣзжалъ на ея освященіе), но баракъ этотъ, затиснутый среди другихъ бараковъ, для новаго своего назначенія подходящимъ не былъ. Русское населеніе въ Монтаржи разношерстное. Далеко не всѣ — люди вѣрующіе. Помню, служу я весной, окна открыты, — изъ сосѣдняго кабака доносится пьяное пѣніе «Пей, тоска пройдетъ...» Какая-то компанія нарочно хулиганитъ, чтобы богослуженію мѣшать.

О. Каракулинъ сталъ постепенно соотечественниковъ перевоспитывать, старался вліять, вразумлять... — и преуспѣлъ. Понемногу церковь стала дѣлаться центромъ русской жизни. Въ 1934 г. купили

*) Матушка о. Спасскаго первое время работала тамъ на заводѣ, но пробыли они въ Монтаржи недолго, — я перевелъ о. Георгія въ Парижъ.

кусокъ земли поодаль отъ бараковъ и выстроили прекрасный храмъ, просторный, свѣтлый, съ колокольней; вокругъ него разбили цвѣтникъ; а рядомъ, тоже на собственной землѣ, построили домъ, въ которомъ помѣщается теперь школа, залъ для общественныхъ собраній, библіотека. Почувствовалась подъ ногами твердая почва: свой храмъ, своя земля, свой «Русскій Домъ»! Нѣтъ прежняго ощущенія распыленной нищей братіи, чувства заброшенности, бездомности... Появилось сознаніе сплоченности, моральной устойчивости. Займетъ, бывало, приходъ деньги у Епархіальнаго Управленія на какія-нибудь церковно-приходскія нужды, — и регулярно выплачиваетъ по 100 франковъ ежемѣсячно, пока все не выплатитъ. Случится ли среди прихожанъ какая-нибудь нехорошая семейная исторія, они къ ней относятся не равнодушно, а укоризну свою сумѣютъ проявить: регентъ оказался въ своей семейной жизни не на высотѣ, — пѣвчіе отказались съ нимъ пѣть, а прихожане дали понять, что не хотятъ его больше видѣть во главѣ хора.

Приходъ въ Монтаржи такое же мое утѣшеніе, какъ и приходъ въ Кнютанжѣ. Я люблю тамъ бывать. Атмосфера чистая, мирная, пріятная. Приходская организація крѣпкая. Отношеніе къ церкви живое и активное. Если бы всѣ приходы были такіе!

БЕЛЬФОРЪ (ЭЛЬЗАСЪ)

Бельфоръ — большой промышленный центръ въ Вогезахъ, почти на границѣ съ Германіей. Здѣсь громандный заводъ военнаго снаряженія, а вокругъ него еще много другихъ заводовъ.

Бельфорскому приходу не посчастливилось. Налаживался онъ трудно. Первые два священника, которыхъ я туда направилъ изъ Парижа, побыли тамъ 1-2 мѣсяца — и вернулись. Пастырство въ Бельфорѣ было связано съ лишеніями, съ безпокойной и неудобной жизнью, а они искали сравнительно благополучнаго существованія. Ничего и не выходило, крѣпкаго единенія съ прихожанами не возникало. Тогда я послалъ туда о. Андроника, идейнаго, серьезнаго іеромонаха.

О. Андроникъ соорганизовалъ приходъ, устроилъ церковь въ предоставленномъ заводомъ помѣщеніи и привлекъ въ орбиту Бельфорской церкви тѣ окрестные поселки, гдѣ проживали русскіе: Пежо, Одинкуръ, Ромба, Сошо, Басмонъ и др. Простираясь все дальше и дальше, о. Андроникъ дошелъ до русской колоніи въ Безансонѣ и наконецъ до Страсбурга (тутъ русскимъ отвели для богослуженія комнату при ризницѣ въ протестантскомъ храмѣ).

О дѣятельности о. Андроника въ Бельфорѣ и о немъ самомъ скажу нѣсколько словъ.

Монашеская нестяжательность у о. Андроника доходила до смущенія принимать деньги за требы. Онъ рѣшилъ добиться матерьяльной независимости отъ прихожанъ и для этой цѣли снялъ домъ съ большимъ огородомъ, который его и питалъ. Техническія его познанія давали ему возможность кое-что подрабатывать и на заводѣ Пэжо, гдѣ онъ выдѣлывалъ какія-то гайки. Тѣмъ временемъ зрѣла въ немъ мысль о миссіонерствѣ въ какой-нибудь дальней странѣ. Стремленіе его осуществилось.

Въ южной Индіи русскій инженеръ Кириченко купилъ небольшое помѣстье и рѣшилъ заняться сельскимъ хозяйствомъ. Работая одновременно на заводѣ, онъ не имѣлъ возможности удѣлять своему имѣнію должнаго вниманія и запросилъ союзъ инвалидовъ въ Парижѣ, не найдется ли кто-нибудь желающій пріѣхать поработать на фермѣ. Среди инвалидовъ желающаго не оказалось, и о. Андроникъ предложилъ себя. На накопленныя деньги онъ купилъ все, что нужно для церковнаго устройства, и, съ моего благословенія, въ качествѣ монаха-миссіонера, уѣхалъ въ Индію. Онъ предполагалъ, что тамъ осѣло не мало русскихъ, которые теперь нуждаются въ духовной помощи. Вѣрно, — почти въ каждомъ большомъ индусскомъ городѣ есть русскіе, но нѣтъ на всю страну ни одного православнаго священника. О. Андроникъ сталъ работать на фермѣ, совмѣщая сельскохозяйственный трудъ съ періодическими пастырскими разъѣздами по индусскимъ городамъ.

Послѣ о. Андроника настоятелемъ въ Бельфоръ я назначилъ молодого целибатнаго священника о. Стефана Тимченко, воспитанника нашего Богословскаго Института. Сильный, волевой человѣкъ, онъ прихода съ высоты не спустилъ, на которую его поднялъ о. Андроникъ, — управлялъ имъ, вожжей не опуская. Его организаторскій талантъ я отмѣтилъ и послалъ его налаживать приходъ въ Антверпенѣ. На мѣсто о. Тимченко я направилъ въ Бельфоръ о. Іакова Протопопова изъ Виши (изъ діаконовъ, окончившій Курскую семинарію).

Этотъ честный, но не широкаго кругозора пастырь Бельфорскимъ приходомъ овладѣть не можетъ. Онъ не умѣетъ примирять враждующія стороны, не привыкъ въ конфликтахъ становиться выше партій, тогда какъ въ этомъ мудрость священника и заключается: партіи, теченія, кружковщина... для священника существовать не должны. Раздоры раздираютъ бельфорцевъ. Къ приходскимъ неладамъ примѣшалась борьба въ благотворительныхъ организаціяхъ изъ-за денежныхъ отчетовъ и проч. Все же десятилѣтіе существованія прихода мы недавно отпраздновали. Впослѣдствіи съ назначеніемъ туда іеромонаха Сильвестра (Богосл. Инст.)*) жизнь прихода умиротворилась.

*) См. примѣчаніе на стр. 500.

КРЕЗО

Крезо — всемірно-извѣстный огромный пушечный заводъ (Шнейдера). Русскихъ здѣсь скопилось очень много, и сейчасъ же у нихъ явилась мысль устроить церковь. Въ 1924 г. я получилъ оттуда письмо съ просьбой открыть приходъ. Обстоятельства этому благопріятствовали.

Одинъ изъ священниковъ съ корабля нашей эскадры, интернированной въ Бизертѣ, — прот. Николай Вѣнецкій сообщилъ мнѣ, что французы корабль хотятъ продать, и запрашивалъ: что дѣлать съ корабельной церковью? Я случаю обрадовался и, получивъ отъ о. Георгія Спасскаго*) хорошій отзывъ объ о. Вѣнецкомъ, предложилъ ему испросить разрѣшеніе у французскихъ властей на вывозъ церковнаго имущества — и пріѣхать въ Парижъ. Отсюда я направилъ его въ Крезо.

Такъ было положено основаніе этому приходу. Къ сожалѣнію, первый блинъ вышелъ комомъ. О. Николай, благочестивый, хорошей души человѣкъ, оказался не на мѣстѣ. До революціи о. Николай былъ просто общительный человѣкъ, который непрочь провести время съ моряками въ каютъ-компаніи. До слабости къ вину еще было далеко, она развилась послѣ революціи. Пробывъ нѣкоторое время въ Крезо, о. Николай понялъ, что оставаться ему здѣсь невозможно, и покорно, смиренно ушелъ, попросивъ лишь объ одномъ, — чтобы ему помогли уѣхать къ друзьямъ въ Сербію.

На мѣсто о. Вѣнецкаго я назначилъ архимандрита Харитона, товарища митрополита Антонія по Духовной Академіи. Онъ создалъ уже много приходовъ, считалъ себя опытнымъ пастыремъ и замѣчательнымъ организаторомъ. За Крезо взялся смѣло, увѣренно, что на этомъ маленькомъ приходѣ не осрамится. Однако, на немъ-то и осрамился... Безтактныя его выступленія раздѣлили прихожанъ на его сторонниковъ и противниковъ, начались непріятности. Для укрѣпленія прихода ему ничего сдѣлать не удалось.

Первый, кто по настоящему началъ приходъ создавать и положилъ ему крѣпкое основаніе, былъ о. Николай Сухихъ, бывшій вольнослушатель нашего Богословскаго Института. Пожилой человѣкъ, по профессіи инженеръ, онъ оказался хорошимъ организаторомъ. Практичный, опытный, честный, трудолюбивый работникъ. Онъ взялъ съ собой въ Крезо своего воспитанника — племянника Владиміра Айзова.

Въ приходѣ о. Сухихъ внесъ миръ и тишину. Открылась при церкви школка, организовался хоръ подъ управленіемъ псаломщика

*) См. стр. 414.

В. Айзова. На Рождествѣ устроили «елку», которая привлекла великое множество дѣтей. Всѣ были довольны.

О. Сухихъ всячески старался вывести въ люди своего племянника, упомянутаго Вл. Айзова. Онъ выпросилъ, чтобы я рукоположилъ его въ діаконы, а потомъ, послѣ его женитьбы, — въ священники. Скоро онъ замѣнилъ о. Н. Сухихъ на должности настоятеля въ Крезо. Ловкій человѣкъ, Айзовъ быстро взялъ въ руки прихожанъ и могъ бы сдѣлаться для прихода полезнымъ человѣкомъ, если бы не несчастье, которое на него обрушилось: жена отъ родовъ умерла, и о. Айзовъ остался съ двумя малолѣтними дѣтьми на рукахъ. Онъ потерялъ голову. Первое время я боялся за него. Понемногу обошлось, прихожане приняли въ немъ участіе, среди нихъ особенно горячо отозвалась одна семья. Вслѣдствіе близости о. Айзова къ этой семьѣ, пошли компрометирующіе его слухи... О. Айзовъ оправдывался, увѣрялъ меня, что это клевета. Я потребовалъ, чтобы онъ покинулъ Крезо. О. Айзовъ просилъ перевести его въ Тулузу и поручить ему организацію тамъ приходовъ (въ окрестностяхъ Тулузы много русскихъ фермъ). Новое назначеніе моральной пользы ему не принесло. На нѣкоторое время онъ вторично былъ назначенъ въ Крезо, но потомъ долженъ былъ снять санъ: онъ женился на той дѣвушкѣ, съ которой молва уже давно связывала его имя.

Въ Крезо у о. Айзова оказался, къ сожалѣнію, весьма неудачный преемникъ — о. Владиміръ Соколовъ, священникъ авантюристическаго склада (изъ народныхъ учителей). Онъ былъ рукоположенъ въ священники въ Карпатской Руси (въ Чехіи) епископомъ Веніаминомъ, а потомъ перешелъ къ епископу Савватію, который сдѣлалъ его даже протоіереемъ (неизвѣстно за какія заслуги). Изъ Чехословакіи о. Соколовъ явился ко мнѣ въ Парижѣ и просилъ принять его въ мою юрисдикцію. Зная его біографію, я отказалъ наотрѣзъ. Онъ уѣхалъ, но черезъ нѣкоторое время вернулся. Оказалось, онъ успѣлъ побывать и въ уніи и у «карловчанъ». «Я всѣ юрисдикціи уже обошелъ, не знаю, что и дѣлать. Пожалѣйте меня... примите!» на колѣняхъ умолялъ онъ. Я потребовалъ всенароднаго покаянія и обѣщанія въ церкви — загладить прошлое дальнѣйшей своей жизнью. На Страстной, въ нашемъ каѳедральномъ храмѣ на рю Дарю, онъ клялся посреди храма въ одеждѣ кающагося грѣшника (въ подрясникѣ), плакалъ, кланялся, припадалъ долу... И всенародно заявилъ: «искалъ Правды, искалъ Истины, вездѣ былъ, —но лишь теперь обрѣлъ ихъ...»

Я направилъ его въ Крезо.

Ловкій, смѣтливый, онъ быстро тамъ устроился. Послѣ Пасхи приходъ пригласилъ меня къ себѣ. Пріѣзжаю. Многолюдная трапеза. Прихожане дружно вокругъ своего настоятеля, даже украинцы, которые раньше насъ чуждались. Но что-то было въ этомъ успѣхѣ ду-

тое. Пыль въ глаза... И вѣрно, — къ осени все лопнуло. Начались въ приходѣ стычки, скандалы, побѣжала объ о. настоятелѣ дурная молва. Поѣздки въ Дижонъ на автомобилѣ въ веселой компаніи... слухи, что у него появились деньги... Я вызвалъ его и допросилъ. Онъ оправдывался: деньги присылаютъ ему изъ Америки родственники. Къ моему заявленію, что онъ долженъ приходъ покинуть, онъ отнесся равнодушно: «не очень въ немъ заинтересованъ, проживу и безъ прихода, только не гоните меня изъ вашей юрисдикціи...» Онъ направился въ Сербію. На пути, въ Миланѣ, на перронѣ вокзала повстрѣчалъ какихъ-то своихъ знакомыхъ, выскочилъ изъ поѣзда, махнулъ рукой на билетъ, — и осѣлъ въ Миланѣ, гдѣ вскорѣ открылъ приходъ.

Послѣ о. Соколова я назначилъ настоятелемъ въ Крезо о. Германа Бартенева, — «батюшку» изъ инженеровъ, кроткаго, благочестиваго, кристальной души. До принятія сана онъ давно искалъ Христа, вращаясь въ «Христіанскомъ Движеніи». Пришибленный жизнью, не активенъ и не въ состояніи развить широкой дѣятельности. Но онъ внесъ чистоту образа православнаго пастыря, успокоилъ приходъ, а безупречность его репутаціи и увѣренность въ полнѣйшемъ его безкорыстіи создаютъ вокругъ него чистую, морально-здоровую атмосферу. Отсутствіе богословскаго образованія обрекало его сначала на безпомощность, недоумѣніе въ самыхъ элементарныхъ вопросахъ пастырской практики и вообще церковной жизни; тутъ онъ былъ, какъ въ темномъ лѣсу. Однако, постепенно о. Бартеневъ дѣлается болѣе опытнымъ. Пребываніе каждое лѣто въ дѣтскихъ колоніяхъ, работа съ молодежью приноситъ ему большую пользу, и онъ пріобрѣтаетъ навыкъ пастырскаго руководства.

У Крезо есть приписной приходъ — въ Имфи (около станціи Неверъ), гдѣ теперь существуетъ небольшая, уютно и красиво устроенная церковь. Разъ въ мѣсяцъ о. Бартеневъ посѣщаетъ Имфи. Колонія наша тамъ небольшая, но сплоченная.

Къ Крезо приписаны еще четыре общины.

ЮЖИНЪ (САВОЯ)

Южинъ — большой металлургическій заводъ, расположенный въ ущельѣ въ горахъ Савои. Дымъ заводскихъ трубъ стелется по узенькой долинѣ, застревая межъ горъ. Воздухъ тяжелый, нездоровый. Русскихъ рабочихъ въ Южинѣ много. Большинство ихъ выписано по контракту съ Балканъ непосредственно самимъ заводскимъ управленіемъ. Когда у нихъ возникла мысль объ организаціи приходской жизни, администрація завода пошла навстрѣчу и подарила баракъ подъ церковь. Сперва въ церкви изрѣдка служили священники, бывавшіе въ Южинѣ наѣздами. Болѣе прочную организацію

наладилъ о. Іоаннъ Леончуковъ: онъ собралъ первое Приходское Собраніе и провелъ выборы членовъ Совѣта.

Первымъ настоятелемъ Южинской церкви былъ о. Д. Соболевъ. Назначеніе его было ошибкой. Перваго настоятеля надо назначать съ особой осторожностью, чтобы не вышелъ «блинъ комомъ». О. Соболевъ хорошимъ примѣромъ для прихожанъ не былъ... Я отозвалъ его, а на его мѣсто отправилъ о. Александра Недошивина*).

О. Александръ — бывшій управляющій Казенной Палатой, дѣйствительный статскій совѣтникъ. Онъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ навыковъ бюрократическаго формализма. Ему дали квартиру, — онъ въ ней устроилъ канцелярію, назначилъ пріемные часы, разставилъ стулья для просителей, псаломщикъ былъ у него за курьера и за докладчика; завелъ досье «по сбору денегъ», досье «по бракоразводнымъ дѣламъ» и еще какія-то досье. Пріемные часы, доклады и папки-папки-папки... а церковнаго творчества мало. Не было и пониманія запросовъ и нуждъ прихода. Выйти изъ бюрократическаго футляра ему было трудно.

Настоятельство его совпало съ «Карловацкимъ» расколомъ. Въ Южинѣ появились агитаторы. Приходъ заколебался. Въ приписной общинкѣ, въ Аннеси, о. Александръ держалъ себя безтактно, Я увидалъ, что дѣло плохо, и послалъ въ Южинъ о. І. Леончукова. Оппозиціонеры хотѣли свергнуть Приходскій Совѣтъ, набрать своихъ и провести постановленіе о переходѣ въ юрисдикцію «Карловцевъ». О. І. Леончуковъ отъ этого приходскаго coup d'Etat прихожанъ удержалъ, сославшись на необходимость подождать съ рѣшеніемъ до конца срока полномочій существующаго Приходскаго Совѣта. Отсрочкой я воспользовался и направилъ въ Южинъ о. Авраамія, умнаго, краснорѣчиваго и тактичнаго молодого іеромонаха (воспитанника нашего Богословскаго Института). Онъ объединилъ лучшіе элементы прихода, взялъ его въ руки и сумѣлъ привлечь къ себѣ большую часть паствы. Когда же насталъ срокъ перевыборовъ Совѣта, — я самъ пріѣхалъ въ Южинъ и провелъ Общее Собраніе. Оппозиціонеровъ удалось отвести, хоть они и подняли крикъ по моему адресу «большевикъ»!.. «большевикъ»!...**). Въ новый составъ вошли прекрасные, крѣпкіе люди. И старосту выбрали отличнаго.

Въ этотъ пріѣздъ я вошелъ въ контактъ съ администраціей завода. Меня помѣстили въ томъ помѣщеніи заводскаго дома, гдѣ ос-

---

*) Тогда о. Недошивинъ былъ еще бѣлымъ священникомъ. Потомъ онъ принялъ монашество. Въ настоящее время (1937 г.), онъ въ санѣ архимандрита.

**) Мою условную лойяльность митрополиту Сергію Московскому «карловчане» считали большевизмомъ.

танавливается инженерная «элита». Chef du personnel принялъ меня любезно и обѣщалъ свое содѣйствіе, если бы понадобилось поддержать религіозную жизнь среди русскихъ.

Постепенно приходъ окрѣпъ. Молодой настоятель, живой, горячій, но пріятный въ обращеніи, сумѣлъ сплотить прихожанъ вокругъ себя. Организовалась прекрасная школа, которую поручили опытной учительницѣ-фребеличкѣ. Къ сожалѣнію, черезъ нѣсколько лѣтъ я огорчилъ приходъ, отнявъ отъ него о. Авраамія... Я послалъ его въ Африку съ миссіонерской цѣлью, считая ее соотвѣтствующей его монашескому пути. Однако, тамъ никакой миссіонерской работы нѣтъ, а прихожанъ мало. Сколько разъ я слышалъ укоризну отъ южинцевъ: «зачѣмъ вы взяли отъ насъ о. Авраамія!»

На мѣсто о. Авраамія я назначилъ о. Алексѣя Медвѣдкова (изъ Эстоніи). Старый протоіерей, хорошій, благочестивый «батюшка», но столь придавленный нуждой, забитый, запутанный въ семейныхъ своихъ дѣлахъ, что онъ духовно опустился. Съ нимъ пріѣхала въ Южинъ работать по контракту цѣлая группа рабочихъ — весьма деморализованная компанія, которая его терроризировала и не выпускала изъ своего окруженія. О. Медвѣдковъ прослужилъ года три-четыре, — и умеръ.

Преемникомъ его я назначилъ протоіерея Іоанна Попова (изъ Лилля), священника изъ казаковъ. Эстонская группа заявила мнѣ протестъ: «какого-то казака намъ прислали!» Я имъ отвѣтилъ: «прислалъ протоіерея». О. Поповъ оказался между двухъ группировокъ: казаками и эстонцами. Въ прошломъ году ему пришлось пережить ужасное потрясеніе.

При очередной провѣркѣ церковныхъ суммъ, о. Поповъ обнаружилъ недочетъ въ 2.000 фр. Староста умолилъ его объ этомъ не разглашать, обѣщая растрату покрыть. О. Поповъ молчалъ, удостовѣрившись, что староста понемногу растрату покрываетъ. Однако, Церковный Совѣтъ про бѣду прослышалъ и привлекъ старосту къ отвѣту. Тотъ покаялся, обѣщалъ все выплатить. Вскорѣ онъ заболѣлъ, его отправили въ лазаретъ. Болѣзнь, какая-то загадочная, оказалась смертельной. Онъ исповѣдался, а черезъ два-три дня умеръ. Передъ смертью, будто бы, имъ была написана бумага, которая по его кончинѣ оказалась въ рукахъ Карловацкой оппозиціи. Въ бумагѣ этой староста заявлялъ, что въ растратѣ виноватъ священникъ, вымогавшій у него деньги; что онъ запутался, но теперь хочетъ вскрыть всю правду... (Несомнѣнно, бумага была подсунута умирающему для подписи, чтобы свалить о. Попова). Эту бумагу стали распространять по всему Южину. Пошли толки: старосту убилъ священникъ... онъ вымогалъ... онъ толкалъ... Пустили слухи, что староста отравился (хотя больничный докторъ это категориче-

ски отрицалъ). Чтобы покончить со всѣмъ этимъ кошмаромъ обвиненій, о. Поповъ обратился къ управленію завода съ донесеніемъ о случившемся и собралъ экстренное Приходское Собраніе (не подъ своимъ предсѣдательствомъ) для разслѣдованія тяготѣвшихъ надъ нимъ обвиненій. Онъ представилъ убѣдительнѣйшіе документы о своей дружбѣ со старостой, объ обѣщаніи своемъ молчать, во имя дружбы, привелъ исчерпывающія доказательства своей невиновности и такъ хорошо защищался, что всѣ обвиненія отпали, обнаруживъ свою клеветническую подкладку. Тягостная эта исторія имѣла хорошее послѣдствіе — управленіе завода ввело «судъ чести» для разбора впредь всѣхъ дрязгъ въ русской колоніи; лишь на основаніи обвиненій, установленныхъ «судомъ чести», администрація дѣлаетъ свои заключенія объ увольненіяхъ, выговорахъ или штрафахъ. Предсѣдателемъ перваго «суда чести» былъ избранъ о. Поповъ. «Карловчане» неистовствовали, бѣгали по баракамъ, сплетничали, клеветали, — но тщетно.

Прошлой осенью (1936 г.) я съѣздилъ въ Южинъ, чтобы поддержать о. Попова и поговорить съ администраціей. Chef du personnel сказалъ мнѣ: «Выражаю вашему священнику наше сочувствіе... Мы знаемъ, что всѣ обвиненія ложь и клевета». — Такъ окончилось тяжкое испытаніе выпавшее на долю о. Попова.

Южинъ — одинъ изъ любимыхъ моихъ приходовъ. Когда лѣтомъ случалось мнѣ отдыхать въ Савоѣ, я всегда пользовался случаемъ, чтобы тамъ побывать. Съ какой любовью, съ какой ласкою, какъ родного, меня тамъ встрѣчаютъ! Бѣдныя рабочія семьи приглашаютъ меня наперебой. Обѣды, завтраки, чай... «Я для васъ курочку приготовила!» «Я для васъ пирогъ спекла...» Добрыя, гостепріимныя хозяйки (среди нихъ много казачекъ) стараются меня угостить, побаловать. Я уѣзжаю оттуда нагруженный грибами, варенъемъ, разными «гостинцами». Когда долго не пріѣзжаю, изъ Южина летятъ письма: «почему вы насъ, Владыка, забыли?.. почему не пріѣзжаете? Мы заждались...»

ГРЕНОБЛЬ (ИЗЕРЪ)

Сначала общину въ Гренобле обслуживалъ священникъ Ліонскаго прихода о. Мишинъ, потомъ у русской колоніи явилась потребность имѣть собственную приходскую организацію.

Въ это время появился на горизонтѣ іеромонахъ Герасимъ. Онъ работалъ на заводѣ въ Виши, гдѣ его длинные волосы и шапочка были предметомъ насмѣшекъ. Мнѣ было его жаль, и я препроводилъ его въ Ліонъ къ о. Мишину, чтобы онъ пообучился церковнымъ службамъ (служилъ онъ плохо); затѣмъ я поручилъ ему окормлять Гренобль и общинки въ Ривѣ и Ріу-Перу впредь до выясненія, въ

которомъ изъ этихъ трехъ русскихъ центровъ организовать приходъ*).

Гренобль — большой университетскій городъ, а Ривъ и Ріу-Перу — заводскіе поселки въ ущельѣ Савойскихъ горъ; на днѣ его — рѣчка, вдоль нея вытянулись унылыя заводскія строенія. Высокія горы давятъ... Мѣсто дикое, жуткое. Дымно, мрачно, скучно...

Я поручилъ опытному о. Леончукову осмотрѣть всѣ три общины. Въ результатѣ я рѣшилъ открыть приходъ въ Греноблѣ и назначилъ настоятелемъ о. Николая Езерскаго (б. члена Государственной Думы перваго созыва).

Для прихода этого о. Езерскій сдѣлалъ много. Искренній, пламенный, хорошій, онъ умѣлъ будить, шевелить прихожанъ, а въ прошломъ, въ земской работѣ, онъ пріобрѣлъ навыкъ ревностно относиться къ благотворительной сторонѣ общественной жизни. Когда закрыли заводъ, и началась безработица, онъ быстро организовалъ комитетъ помощи и умѣло повелъ дѣло. Къ сожалѣнію, о. Езерскій былъ неопытный священникъ, въ немъ сильно сказывался свѣтскій человѣкъ, обидчивый, самолюбивый, со специфически интеллигентскимъ взглядомъ на роль общественности. Нѣтъ-нѣтъ и возникали у него въ приходѣ тренія. Когда освободилось мѣсто въ Берлинѣ, я направилъ его туда, а въ Гренобль назначилъ о. Георгія Шумкина. О. Г. Шумкинъ раньше много работалъ въ «Христіанскомъ Движеніи», и я надѣялся, что онъ можетъ объединить подъ своимъ руководствомъ молодежь въ Греноблѣ (тамъ есть русскіе студенты въ университетѣ и другія организаціи молодежи). Но это не удалось.

О. Шумкинъ, хорошій, прекрасной души священникъ, прихода не поднялъ. Ему не хватаетъ необходимой для этого активности. Его «матушка», завѣдывавшая прежде дѣвичьей дружиной при «Христіанскомъ Движеніи», въ противоположность мужу, очень активна и бойка. Почему-то въ «Христіанскомъ Движеніи» ее не взлюбили, и въ Греноблѣ тоже она вызываетъ критическое отношеніе: нѣкоторыя чрезмѣрно строгія прихожанки находятъ, что ея внѣшній видъ противенъ благочестію.

Этой осенью я побывалъ въ Греноблѣ. Живутъ Шумкины бѣдно. Нашли подспорье въ куроводствѣ. Матушка развела 200 куръ. Съ ними у нея возни много, приходится вставать рано утромъ. У о. Георгія я ночевалъ. Комната нетопленная. Печей нѣтъ. Сталъ онъ переносную печурку раздувать, — ничего у него не выходитъ: дымъ въ комнату валитъ, смѣшиваясь съ запахомъ пригорѣлаго жира, которымъ пропитана вся квартира.

*) О. Герасима я оставилъ въ Ривѣ. Вскорѣ онъ перешелъ къ «карловчанамъ».

Приходская жизнь въ Гренобле теплится, — но и только.

Общинка въ Ріу-Перу, приписанная сначала къ Гренобло, пожелала потомъ сдѣлаться самостоятельнымъ приходомъ. Когда я получилъ отъ нея заявленіе о ея желаніи отложиться отъ Гренобля, я послалъ туда о. Д. Соболева.

Заводское начальство, желая поддержать русскаго священника, предоставило ему какую-то канцелярскую работу въ бюро. Къ сожалѣнію, о. Соболевъ не умѣлъ держать себя съ достоинствомъ. Администрація и сослуживцы-дактило не считались съ его саномъ...

Я пріѣхалъ, оглядѣлся, — и закрылъ приходъ, а о. Соболева уволилъ: онъ портилъ всѣ приходы, куда я его посылалъ. Тогда онъ ушелъ въ «Петельскую» церковь. Ріу-Перу осталась приписной общиной.

Бывать въ Ріу-Перу я люблю. Захолустье. Ощущеніе заброшенности среди горъ, разобщенности съ міромъ, точно всѣ объ этой горсточкѣ русскихъ людей забыли. Трудъ тяжелый. Отъ гудка до гудка — однообразный, восьмичасовой рабочій день. Денныя-ночныя смѣны... И такъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ... — безпросвѣтно. Безконечныя сѣрыя будни. Внѣ работы — вино, дрязги, сплетни, трогательныя убогія развлеченія, жалкіе «романы»... И все же безпомощность какъ-то препобѣждается, какимъ-то образомъ русскіе люди, несмотря на дрязги, держатся вмѣстѣ. Способствовало спайкѣ и авторитетное въ колоніи лицо: генералъ Л. А. Ильяшевичъ. Администрація завода дала подъ церковь помѣщеніе, и прихожане соорудили маленькую церковь имени св. Тихона Задонскаго. Пріѣздъ архіерея въ эту глушь — необычайное событіе, торжество, къ которому готовятся задолго.

Пріѣзжаю... Встрѣчаютъ дѣтки съ цвѣтами. Приглаженныя, принаряженныя, въ чистыхъ платьицахъ. Я шучу съ ними: «Вы сами цвѣты... вы лучше этихъ цвѣтовъ...» Тутъ же, чуть поодаль, тѣснится марокканская дѣтвора. Спрашиваю, указывая на марокканцевъ: «Что-же, у васъ съ ними междуусобная брань?» Дѣти молчатъ. «А вы не поддавайтесь...» продолжаю я, «вы русскіе, вы бы ихъ хорошенько!...» Послѣ этихъ словъ сразу офиціальности конецъ, — я имъ «свой». Иду въ церковь. Она вся въ огняхъ. На порогѣ встрѣчаетъ «батюшка». Въ привѣтственномъ «словѣ» даетъ характеристику прихода: состояніе храма, пожертвованія, преобразованія, какія печали-радости въ приходѣ, что новаго произошло и т. д. Потомъ слѣдуетъ молебенъ святому Тихону Задонскому, а по окончаніи его, я бесѣдую съ прихожанами. Содержанія своего обращенія къ нимъ почерпаю изъ обстановки. Говорю, что думаю о ихъ трудѣ, о будняхъ ихъ жизни; гдѣ надо искать поддержки, утѣшенія;

говорю о Россіи, объ ожиданіи лучшаго будущаго... (О терпѣніи говорю тоже, но вскользь: неловко какъ-то этимъ людямъ много говорить о терпѣніи...). Если изъ рѣчи священника я узнаю о какихъ-нибудь волнующихъ прихожанъ мѣстныхъ дѣлахъ, — бесѣдую о нихъ. Потомъ меня ведутъ въ школу. Я спрашиваю дѣтей молитвы. Освѣдомляюсь у учительницы, какъ ведется обученіе Закону Божіему, что дѣти читаютъ, какъ читаютъ и т. д. Бесѣдую съ дѣтьми, стараясь примѣняться къ ихъ понятіямъ. Послѣ школы, — трапеза въ кантинѣ. Съ трогательной заботливостью приготовлено угощенье: большой столъ уставленъ закусками, бутылками... Тутъ надо ѣсть, что даютъ. Гостепріимство, ласковое, душевное... Теперь я уже бесѣдую съ ними попросту. Какіе заработки? Много ли безработныхъ? Собесѣдники наперебой разсказываютъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Трудную жизнь несутъ эти люди. Семейнымъ легче, а холостымъ, одинокимъ не легко. Вся бѣда въ томъ, что, живя въ Ріу-Перу, свою семью основать не всегда и удается: нѣтъ невѣстъ. «Дайте намъ невѣстъ!...» вздыхаютъ одинокіе труженики.

Потомъ меня ведутъ въ какой-нибудь баракъ. Въ Ріу-Перу всюду тепло. Его электрическая станція подаетъ энергію на весь департаментъ, и въ районѣ завода жги электричество, сколько угодно. Иногда прихожане, съ большимъ достаткомъ, приглашаютъ меня къ себѣ на «чай». Вездѣ то же радушіе, то же гостепріимство.

Кромѣ Ріу-Перу и Ривы, возникли еще приписныя къ Гренобло двѣ общинки въ окрестностяхъ его: Аржантьеръ и Валенсъ. Въ горахъ, на высотѣ 2.000 метровъ, живутъ русскіе, человѣкъ 15-20, они устроили церковку и приписались къ Гренобло.

ВИШИ

Въ Виши у насъ была церковь еще до Великой войны, — не постоянная, а временная, которая открывалась только на время лѣчебнаго сезона. Бойкій курортъ привлекалъ много русскихъ. Помѣщалась церковь въ нанятомъ домѣ, а обслуживалъ ее священникъ, командированный Петербургскимъ митрополитомъ (обычно одинъ изъ іеромонаховъ Александро-Невской Лавры). Теперь въ Виши скопилось нѣсколько сотъ русскихъ: рабочіе мѣстной фабрики.

Получивъ отъ этой русской колоніи слезное посланіе съ просьбой присылать священника на большіе праздники: на Рождество, на Пасху... я направилъ въ Виши арх. Іоанна Леончукова*). Онъ съѣздилъ, осмотрѣлся и завязалъ переговоры съ заводской администраціей; она любезно согласилась предоставлять для этихъ праздничныхъ

*) Прот. Г. Леончуковъ въ іюнѣ 1923 г. былъ постриженъ въ монашество съ нареченіемъ ему имени Іоаннъ и возведенъ въ санъ архимандрита. См. стр. 441.

службъ гаражъ. Потомъ общинка пожелала, чтобы священникъ пріѣзжалъ ежемѣсячно (одинъ-два раза), — и приписалась къ сосѣднему приходу въ Монтаржи. Установился извѣстный порядокъ, согласно которому священникъ служилъ то тамъ, то въ Виши.

Неподалеку отъ Виши находится городъ Клермонъ-Ферранъ, большой желѣзнодорожный узелъ, обслуживаемый цѣлой дружиной русскихъ грузчиковъ. Я послалъ туда на развѣдку арх. Іоанна Леончукова, чтобы выяснить, гдѣ организовать приходъ — здѣсь или въ Виши. Рѣшено было открыть приходъ въ Виши. Тамъ и народу было больше, и колонія была сплоченнѣй. Рѣшающимъ обстоятельствомъ въ пользу Виши было и великодушно сдѣланное намъ мѣстнымъ протестантскимъ пасторомъ предложеніе — воспользоваться подвальнымъ помѣщеніемъ кирки. Сухое, просторное помѣщеніе при электрическомъ освѣщеніи выглядѣло совсѣмъ неплохо. Мы съ благодарностью имъ воспользовались. Нашъ другъ и благодѣтель, пасторъ позволилъ намъ организовать тамъ постоянную церковь.

Церковь устроили премилую. Хорошія иконы, хорошая утварь.... — все хорошо. Протоіерей Сергій Орловъ, настоятель Женевской церкви, неизмѣнно, въ теченіе ряда лѣтъ, пріѣзжавшій лѣчиться въ Виши, удѣлилъ намъ кое-что изъ своего церковнаго имущества.

Первымъ самостоятельнымъ и постояннымъ священникомъ въ Виши былъ о. Ѳеодоръ Поставскій, немолодой, опытный, хозяйственный человѣкъ. Въ Россіи (въ Кіевской губ.) онъ велъ когда-то большое сельское хозяйство, и практическіе навыки помогли ему и теперь все быстро наладить. Онъ подружился съ пасторомъ и завязалъ самыя хорошія отношенія съ прихожанами. Въ дни разрыва съ «Карловцами» приходъ не дрогнулъ, несмотря на присутствіе въ Виши «карловчанина» о. Орлова. Впослѣдствіи о. Поставскій нашелъ себѣ другое мѣсто (въ Виши матеріально ему было трудновато). Одна французская помѣщица приняла православіе и пригласила его къ себѣ въ Нормандію въ качествѣ священника и управляющаго ея имѣніемъ.

Преемникомъ его въ Виши сталъ о. Ѳеодоръ Текучевъ (воспитанникъ Богословскаго Института). Юный, неопытный, экзальтированный молодой іеромонахъ. Онъ находился всецѣло подъ вліяніемъ своего «старца», епископа Веніамина, который въ своемъ духовномъ руководствѣ не умѣлъ вести спокойной линіи, а уклонялся въ экзальтацію. Когда возникъ у меня конфликтъ съ митрополитомъ Сергіемъ, о. Ѳеодоръ меня покинулъ, сославшись на полученное отъ еп. Веніамина повелѣніе. «Я васъ неизмѣнно люблю... писалъ онъ мнѣ, но я исполняю волю моего старца. Его велѣніе — велѣніе самого Бога...» — Приходъ въ Виши опять остался безъ настоятеля.

Среди мѣстныхъ рабочихъ былъ одинъ бывшій семинаристъ, Яковъ Протопоповъ. Онъ окончилъ семинарію еще въ Россіи. О. Поставскій далъ мнѣ о немъ хорошій отзывъ. Я рукоположилъ его въ діаконы, а потомъ, послѣ ухода о. Ѳ. Текучева, — въ священники. Сначала все шло хорошо, но потомъ прихожане стали дѣлиться на его сторонниковъ и противниковъ. Никакихъ серьезныхъ основаній для отчужденности отъ него не было, а только инстинктивный отказъ нѣкоторыхъ лицъ признавать авторитетъ священника за бывшимъ товарищемъ по работѣ, съ которымъ привыкли быть за панибрата: «Мы съ нимъ еще недавно переругивались и по бистро сидѣли... Не пойдемъ къ нему на исповѣдь». А сторонники мотивовъ отказа на понимали, и возмущенно говорили мнѣ: «Что онъ сдѣлалъ? Никакихъ обвиненій!... Неужели вы допустите несправедливость?» Я не учелъ доводовъ оппозиціи, не придалъ значенія вопросу престижа, тогда какъ это вопросъ тонкій и сложнѣе, чѣмъ кажется, и настоялъ на формальной справедливости. Тогда группа противниковъ откололась и организовала свою церковь у «карловчанъ». Язву раскола заводить легко, а лѣчить ее трудно. Я перевелъ священника въ Бельфоръ, а на его мѣсто въ Виши поставилъ священника Павла Волкова (окончившаго Богословскій Институтъ). Мой землякъ, сынъ тульскаго купца, пожилой уже человѣкъ, по темпераменту флегматичный, честный, хорошій «батюшка», онъ умиротворилъ прихожанъ, сгладилъ кое-какія недоразумѣнія, но «карловчане» все же остались. Нашъ приходикъ маленькій, но колонія Клермонъ-Феррана, присоединившись къ нему, его пополняетъ; помогаетъ и лѣчебный сезонъ, привлекающій кое-кого изъ русскихъ. Все это и даетъ приходу возможность существовать. Протоіерей Орловъ, пріѣзжая въ Виши лѣчиться, неизмѣнно подчеркивалъ свое отрицательное отношеніе къ намъ и поддерживалъ своихъ друзей «карловчанъ».

РОМБА (МОЗЕЛЬ)

Огромный металлургическій заводъ. Громадныя доменныя печи... Шахты... Много русскихъ рабочихъ. Сначала община была приписана къ Кнютанжу, и ревностный о. С. Великановъ*) пріѣзжалъ ее обслуживать, потомъ она рѣшила организоваться самостоятельно. Заводское управленіе отнеслось къ проекту благожелательно и уступило подъ церковь каменное зданіе, а о. Великановъ по братски удѣлилъ церковкѣ все, что могъ изъ утвари и облаченій.

Первымъ настоятелемъ въ Ромба былъ пожилой протоіерей

*) См. стр. 505.

Григорій Гончаровъ. Его сынъ, инженеръ, служилъ на мѣстномъ заводѣ, недурно зарабатывалъ, и о. Гончарову жилось неплохо. Но свои священническія обязанности онъ несъ безъ увлеченія, безъ малѣйшихъ творческихъ попытокъ. Когда я впервые посѣтилъ приходъ, я увидалъ удручающую картину. Въ церкви пыль, паутина... — полное запустѣніе. И моральное состояніе колоніи самое печальное. Винить людей нельзя: глушь... развлеченій нѣтъ... Трудъ тяжкій, безпросвѣтный... Семейныхъ на всю колонію два-три дома, остальные рабочіе — холостяки (большинство врангелевскіе солдаты). Пьянство, разнузданность, мрачная безпечность людей, которымъ терять нечего. И при этомъ развалѣ отсутствіе пастырской попечительности, энергіи, бездѣятельность о. настоятеля.... О. Гончаровъ ни поднять, ни отрезвить прихода не могъ. Онъ понялъ свою вину, и просилъ перевести его въ Деказвиль, къ другому его сыну-инженеру. Преемника ему въ Ромба я никого не назначилъ, а впредь до пріисканія подходящаго священника, приписалъ опять приходъ къ Кнютанжу.

Тутъ на горизонтѣ появился племянникъ бывшаго Гродненскаго губернатора*) — о. Вячеславъ Зейнъ. Онъ принялъ священство въ Сербіи. Я имѣлъ несчастье поручить ему приходъ въ Ромба. Когда то онъ былъ частнымъ приставомъ и усвоилъ полицейскія замашки... «Вы понятія не имѣете, что значитъ быть священникомъ!» сказалъ я ему. Онъ подалъ прошеніе объ увольненіи. Я предложилъ ему уѣхать обратно въ Сербію, но онъ пытался выпросить у меня позволеніе на устроеніе въ Верденѣ церкви св. Евлогія, архіепископа Александрійскаго. Я отказалъ, и онъ уѣхалъ въ Сербію.

Въ Ромба я направилъ о. Луку Голода**). Начался краткій, но цвѣтущій періодъ. Все преобразилось до неузнаваемости. Атмосфера очистилась. Пьяницы присмирѣли. Безпорядка и запущенности въ церкви какъ ни бывало... Въ безнадежно мрачномъ приходѣ посвѣтлѣло. О. Лука далъ прочную организацію, сумѣлъ создать вокругъ церкви трезвое окруженіе. За его заслуги я перевелъ его въ болѣе видный приходъ — въ Ліонъ, а въ Ромба назначилъ молодого священника о. Павла Пухальскаго***) (окончившаго Богословскій Институтъ).

Сперва я нѣсколько молодости о. Пухальскаго боялся, но онъ оказался самостоятельнымъ, энергичнымъ и твердымъ. Много вниманія онъ удѣлилъ благоукрашенію церкви. Отличный рѣзчикъ, рисовальщикъ, техникъ и вообще мастеръ на всѣ руки, онъ кое-что

*) Впослѣдствіи Финляндскій генералъ-губернаторъ.
**) См. стр. 503.
***) См. стр. 501.

разрисовалъ и раскрасилъ, кое-гдѣ приладилъ электрическія лампочки — и церковь пріобрѣла нарядный видъ. Прихожане о. Павла полюбили. Группа казаковъ-пьяницъ попыталась организовать оппозицію, но безъ успѣха. Дѣло было въ томъ, что о. Пухальскій, несмотря на молодость, повелъ приходъ твердой рукой и за безпробудное пьянство лишалъ права участія въ Приходскомъ Собраніи. Вліяніе его настоятельства было, несомнѣнно, благотворнымъ. Я перевелъ его въ Лилль.

Теперь во главѣ прихода въ Ромба стоитъ священникъ Михаилъ Яшвиль, чудоковатый, но прекрасной, кроткой души «батюшка». Авторитетомъ онъ не пользуется, и не очень то прихожане его слушаются, но его любятъ и съ нимъ ладятъ. Когда случается ему сказать паствѣ нѣсколько словъ, онъ говоритъ не краснорѣчиво, но отъ всей души.

КОЛОМБЕЛЬ (КАЛЬВАДОСЪ)

Въ Коломбелѣ, значительномъ заводскомъ центрѣ Нормандіи, въ департаментѣ Кальвадосъ, церковная жизнь началась такъ же, какъ почти всюду — съ вызова священника на большіе праздники. Я посылалъ о. Гавріила Леончукова, прот. Чернавина, о. Фащевскаго, о. Шефирцы и наконецъ о. Георгія Спасскаго. Обычно приходъ возникаетъ отъ религіозной ревности и творческихъ дарованій командированнаго священника. Одинъ пріѣдетъ, механически отслужитъ праздничныя службы, — «и съ колокольни долой»; другой зацѣпится, начинаетъ завязывать связи съ богомольцами, располагаетъ ихъ къ созданію прихода. Такимъ зачинателемъ прихода въ Коломбелѣ былъ о. Георгій Спасскій*).

Мѣстная заводская администрація, равнодушная къ вопросамъ христіанской вѣры, проявила, однако, полную готовность поддержать религіозныя побужденія русскихъ рабочихъ, учитывая культурно-просвѣтительное и морально-отрезвляющее вліяніе церкви на рабочую массу. Съ честными, трезвыми, морально-приподнятыми рабочими имѣть дѣло пріятнѣе, и трудъ такихъ людей производительнѣй.

Когда выяснилась реальная возможность организовась храмъ и приходъ, я послалъ постояннаго священника — протоіерея Д. Троицкаго (изъ Берлинской Тегельской церкви). При немъ началось устроеніе церкви. Заводское управленіе, въ лицѣ директора M. Moretl'a и его помощника M. Meunier, проявило исключительную

*) Сначала онъ организовалъ приходъ неподалеку — въ Caen, главномъ городѣ этого департамента.

щедрость: намъ не только дали мѣсто для построенія храма, но отпустили и средства (около 80.000 фр.) на его сооруженіе. Одинъ изъ инженеровъ, женатый на русской, M. Dhôme, пожертвовалъ 9.000 фр., А. С. Чудиновъ, изъ симпатіи къ о. Троицкому, котораго онъ зналъ по Ниццѣ, прислалъ 1.500 фр.; создался солидный денежный фондъ, и рѣшено было строить просторный каменный храмъ, съ цвѣтникомъ вокругъ церкви. Таковъ былъ проектъ. Къ сожалѣнію, къ концу постройки, когда она была уже подъ крышей, началась тяжба. О. Троицкій, человѣкъ неуступчивый и властный, понималъ авторитетъ священника слишкомъ внѣшне. Это повело къ столкновеніямъ съ инженеромъ Григорьевымъ, главнымъ дѣятелемъ по построенію храма и лицомъ, настолько пользовавшимся довѣріемъ у администраціи завода, что онъ былъ посредникомъ между французской и русской стороной. Я послалъ о. Н. Сахарова изъ Парижа умиротворять тяжбу, но изъ этого ничего не вышло. Послѣ обсужденія конфликта на Епархіальномъ Съѣздѣ, я перевелъ о. Троицкаго въ «Русскій Домъ» въ Сентъ-Женевьевъ, а въ Коломбель направилъ протоіерея Іакова Ктитарева изъ Шарлеруа (Бельгія).

О. Іаковъ быстро утишилъ взболамученное море, пристыдивъ тяжущихся. «Стыдно завода! Онъ столько для насъ сдѣлалъ, проявилъ такое великодушіе, а мы, — споры, дрязги, ссоры...» Постройка закончилась, и передъ Рождествомъ (1927 г.) мы храмъ освятили. Не будь этого печальнаго конфликта, который длился 5 мѣсяцевъ, храмъ былъ бы уже лѣтомъ освященъ (См. фотографію 7).

О. Ктитаревъ большого вліянія на приходъ не имѣлъ; считалъ его не по себѣ и стремился въ Парижъ. И я скоро, въ 1928 году, назначилъ его въ Бійанкуръ*), а въ Коломбель послалъ священника Михаила Соколова, окончившаго Богословскій Институтъ. О. Михаилъ — прекрасный священникъ-идеалистъ, готовый всю душу отдать паствѣ. «Матушка» его тоже рѣдкая: тактичная, просвѣщенная, умная, оказывающая доброе вліяніе и на своего мужа и на весь приходъ. Первое время о. Михаилу было тяжело. Многое, чему онъ бывалъ свидѣтелемъ, его, по молодости лѣтъ, удручало. Онъ пріѣзжалъ ко мнѣ и со слезами разсказывалъ, какое равнодушіе, какое невниманіе къ церкви наблюдается среди русской колоніи, какое пьянство... «Служишь постомъ въ пустой церкви, доносятся пьяныя, грубыя пѣсни, раздается подъ окнами нарочитая, во всеуслышаніе, отвратительная ругань...» И все это безобразіе о. Михаилъ съ Божіей помощью преодолѣлъ. Теперь прихода не узнать. Благоустройство, благонравіе, просвѣтительныя организаціи. Открыта школа для дѣтей. Храмъ во имя преподобнаго Сергія Радонежскаго

*) См. стр. 474.

окруженъ прекраснымъ цвѣтникомъ, съ тропическими растеніями, съ клумбами... Заводъ далъ еще кусокъ пустыря, чтобы его обработали. Приходъ на церковной землѣ выстроилъ «Русскій Приходскій Домъ». Еще раньше здѣсь же была устроена колокольня, пріобрѣтены колокола; въ нижнемъ этажѣ колокольни помѣщается библіотека, комната для засѣданій Приходскаго Совѣта и комната для сторожа. О. Михаилъ пользуется полнымъ уваженіемъ прихожанъ и заводскаго управленія. Онъ умѣетъ умиротворять, сглаживать углы и сбходить «камни преткновенія». Когда параллельно общей приходской школѣ прихожане-казаки открыли свою, станичную, — о. Михаилъ, не споря съ сепаратистами, началъ обучать дѣтей въ обѣихъ школахъ.

Недавно, осенью 1936 г., я былъ приглашенъ на торжественное празднованіе десятилѣтія прихода, и, въ ознаменованіе юбилея, прибили при входѣ въ церковь мраморную доску. На торжествѣ присутствовали всѣ главные инженеры завода, давшаго средства на постройку церкви. Много лестныхъ отзывовъ наслышался я отъ нихъ о батюшкѣ, о прекрасномъ храмѣ, о русскихъ труженикахъ...

О. Михаилъ пригласилъ отличнаго живописца, который украсилъ всю церковь стѣнными иконами. Главная икона — изображеніе въ ростъ человѣческій преподобнаго Сергія Радонежскаго; вокругъ нея небольшія иконы его учениковъ: каждая изъ нихъ даръ принесенный коломбельскому храму монашествующими друзьями о. Михаила изъ Богословскаго Института. Инженеръ Григорьевъ, одинъ изъ главныхъ труженниковъ по постройкѣ храма, опоясалъ церковь тропаремъ преп. Сергію, написавъ его славянской вязью.

Вокругъ Коломбеля возникло много общинокъ: въ Гаврѣ, Руанѣ, Довиллѣ, Дивѣ и т. д. Лѣтомъ о. Михаилъ разъѣзжаетъ по всѣмъ этимъ мѣстамъ, посѣщая паству своего обширнаго приходскаго района... (См. примѣч. стр. 489).

КАННЪ-ЛЯ-БОККА (АЛЬПЪ МАРИТИМЪ)

О возникновеніи этого маленькаго прихода я уже говорилъ*). Отдѣлившись отъ Каннъ, въ наемномъ помѣщеніи прихожане устроили прекрасную церковку въ русскомъ стилѣ имени св. Тихона Задонскаго. Настоятель о. Алексѣй Селезневъ, батюшка хорошій, пользующійся уваженіемъ своихъ немногочисленныхъ прихожанъ, держится крѣпко вмѣстѣ со своей маленькой паствой, противостоя «карловчанину» о. Остроумову, настоятелю Каннской церкви, котораго «карловчане» въ 1936 году сдѣлали архіереемъ. Въ этомъ году я сдѣлалъ о. Алексѣя протоіереемъ.

*) См. стр. 424.

ТУЛОНЪ

Сначала въ Тулонѣ возникла община и приписалась къ Марсельскому приходу. Основаніе ей положилъ о. Брилевъ*). Потомъ она зажила самостоятельно. Я послалъ тулонцамъ о. Михея. По рожденію русскій, онъ принялъ католичество, учился у бенедиктинцевъ въ Амэй (Бельгія), гдѣ его воспитали въ «восточномъ обрядѣ». Нѣсколько «амейцевъ», — въ томъ числѣ онъ, Бальфуръ.... — перешли въ православіе. О. Михей принялъ монашество. По психологическому складу фантазеръ съ уклономъ къ авантюризму, онъ сперва служилъ въ обители «Нечаянная радость», но его свободолюбіе наткнулось на строгую уставность игуменьи м. Евгеніи, — возникли недоразумѣнія, и я отослалъ о. Михея въ Тулонъ.

Тамъ онъ сейчасъ же приступилъ къ устроенію церкви. Отыскалъ помѣщеніе въ старой, предназначенной на сломъ, тюрьмѣ и устроилъ премилую церковку и при ней комнатку для себя. Политическія его тенденціи нашли отраженіе въ нѣкоторыхъ деталяхъ церковныхъ украшеній: флаги, знамена, двуглавые орлы надъ алтаремъ... Поначалу прихожанамъ онъ понравился, нѣкоторыя лица, особенно дамы, увлекались его фантазіями — католическими выдумками и вообще католическимъ оттѣнкомъ внѣшнихъ и внутреннихъ церковныхъ отношеній съ паствой. Но вскорѣ увлеченіе поостыло, даже смѣнилось возмущеніемъ: католикъ!.. іезуитъ!.. католическій шпіонъ!

Какъ разъ въ это время соорганизовалась партія русскихъ переселенцевъ въ Парагвай. Они подыскивали водителя. На эту роль о. Михей со своими авантюристическими наклонностями былъ подходящимъ человѣкомъ. Онъ быстро очаровалъ своихъ будущихъ спутниковъ. Мы отслужили мобеленъ, о. Михей сказалъ прочувственное «слово», переселенцы плакали, прощались... Доѣхали до Парагвая не всѣ. О. Михей съ дороги писалъ о тяжелыхъ перипетіяхъ далекаго путешествія. Онъ добрался до Ріо де Жанейро, завязалъ отношенія съ мѣстнымъ протоіереемъ о. К. Изразцовымъ, потомъ оказался въ какой-то неясной юрисдикціи. «Я объединяю васъ и карловчанъ...» писалъ онъ мнѣ и прислалъ фотографическую карточку, на которой онъ снятъ въ какомъ-то непонятнаго покроя бѣломъ одѣяніи... Съ тѣхъ поръ я не имѣю о немъ никакихъ свѣдѣній.

Временно я приписалъ пустующій Тулонскій приходъ къ Марселю, а потомъ вновь сдѣлалъ его самостоятельнымъ, направивъ туда о. Михаила Яшвиля**). Однако, о. Михаилу было въ Тулонѣ не по

*) См. стр. 504.
**) См. стр. 522.

силамъ. Приходъ онъ засталъ разложившійся. Кроткій, смиренный о. Михаилъ страдалъ отъ этого, но помочь бѣдѣ не могъ. За время пребыванія его въ Тулонѣ онъ съ увлеченіемъ принялся изучать французскій флотъ и достигъ въ этомъ направленіи блестящихъ результатовъ. Любилъ онъ въ часы досуга и поиграть на віолончели.

Я вернулъ о. Яшвиля въ обитель «Нечаянная Радость» къ м. Евгеніи, а оттуда вызвалъ о. Иларіона Титова. Онъ былъ когда-то старообрядческимъ начетчикомъ, потомъ перешелъ къ намъ, но раскольничій, миссіонерскій духъ въ немъ остался. Умный, необразованный донской казакъ, онъ былъ человѣкъ со внутреннимъ содержаніемъ, со способностью окружающихъ людей воодушевлять, а когда надо, и подтянуть. Строгая уставщица м. Евгенія была сначала отъ него въ восторгѣ. Онъ требовалъ отъ прихожанъ дисциплины и, если послѣ исповѣди (наканунѣ вечеромъ) причастницы къ началу обѣдни опаздывали и приходили къ Евангелію, онъ послѣ возгласа: «со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите...» удалялся со св. Чашею въ алтарь. На ропотъ и жалобы возражалъ: «Никакихъ причастницъ не было. Причастницы пришли бы къ началу обѣдни, пріуготовили бы себя молитвой... Нѣтъ-нѣтъ, никого не было».

Въ Тулонѣ о. Иларіону было нелегко. Русская колонія пестрая, разбитая на организаціи. Кого-кого тамъ только нѣтъ: младороссы, «Союзъ Новаго Поколѣнія», «Обще-Воинскій союзъ»... Тутъ надо умѣть стоять выше партій и кружковъ. Къ сожалѣнію, о. Титовъ бралъ одну изъ сторонъ, и потому раздоры въ приходѣ не прекращались. Поднялся споръ о знаменахъ: вносить ихъ въ церковь или не вносить? Споръ превратился въ ссору. Не ладилось и съ церковнымъ помѣщеніемъ. Тюрьму стали сносить, и намъ было предложено помѣщеніе очистить. Бѣдный о. Титовъ въ это время тяжко заболѣлъ (4 мѣсяца пролежалъ въ больницѣ), ликвидацію церкви произвели кое-какъ. Церковное имущество свалили въ кучу въ одной изъ камеръ. Ко мнѣ поступили жалобы: «батюшка боленъ, а приходъ пропадаетъ...» Я направилъ прот. Церетелли (изъ Ниццы) на ревизію. Положеніе въ Тулонѣ оказалось весьма печальное. Батюшка лежитъ больной, приходскіе раздоры въ полномъ расцвѣтѣ, а церковныя вещи валяются въ пыли и грязи на съѣденіе мышамъ въ одной изъ тюремныхъ камеръ. Надо было найти какой-нибудь исходъ изъ создавшагося положенія.

Кн. Марина Петровна Голицына (дочь вел. кн. Петра Николаевича) почитала о. Титова. Когда онъ былъ еще здоровъ, она нерѣдко приглашала его къ себѣ, бесѣдовала съ нимъ часами. Теперь она хотѣла пріютить его больного у себя на виллѣ въ Санъ-Ремо. Но о. Титовъ, свободолюбивый, упрямый казакъ, предложеніе отклонилъ изъ страха, какъ бы въ домѣ покровительницы ему не потерять сво-

ей казачьей независимости. Я уволилъ о. Титова на покой. Онъ очутился въ бѣдственномъ положеніи: ютился въ грязной, вонючей комнатѣ съ разбитыми оконными стеклами и жаловался всѣмъ на свою горькую долю. Его ламентаціи вредили его преемнику, давая поводъ неосвѣдомленнымъ людямъ подозрѣвать, что учинена по отношенію къ о. Титову какая-то несправедливость.

Настоятелемъ въ Тулонѣ съ декабря (1936 г.) состоитъ священникъ о. Вл. Пляшкевичъ (окончившій Богословскій Институтъ). Первое донесеніе отъ него было хорошее*). Онъ съ состраданіемъ относится къ потонувшей въ раздорахъ Тулонской паствѣ и къ больному о. Титову.

ТУРЪ (и АНЖЕРЪ)

Передъ Пасхой 1928 года я получилъ изъ гор. Тура письмо отъ нѣсколькихъ русскихъ съ просьбой прислать къ Свѣтлому Празднику священника. Я направилъ о. Афанасія (Богословскаго Института), талантливаго, толковаго іеромонаха (впослѣдствіи онъ перешелъ къ «петельцамъ»). Онъ быстро освоился и представилъ мнѣ докладъ. Русская колонія въ Турѣ и Анжерѣ малая (всего человѣкъ 200), бѣдная, но желаніе создать общими силами церковное объединеніе было искреннее. О. Афанасій съѣздилъ на заводъ въ St.-Pierre de Corps (предмѣстье Тура), переговорилъ съ заводской администраціей и получилъ баракъ съ комнатой для священника. Такъ было положено основаніе прихода въ Турѣ.

Въ это время подвернулся Аѳонскій іеромонахъ Варнава, бывшій тульскій крестьянинъ. На Аѳонѣ онъ былъ аптекаремъ, случалось, ѣздилъ въ Константинополь съ порученіями отъ монастыря. Простенькій монашекъ доброй жизни, не аскетъ, человѣкъ практическаго типа. Я направилъ его въ Туръ. Одну недѣлю онъ служилъ въ Турѣ, другую, — въ сосѣдней приписной общинкѣ, въ Анжерѣ. Церковная жизнь въ обоихъ русскихъ центрахъ небойкая, безъ особаго воодушевленія. О. Варнава никакихъ нареканій не вызываетъ, но и вліянія на паству не оказываетъ. Почетный попечитель церкви кн. В. Н. Шаховской, мѣстный землевладѣлецъ, интересами церкви живетъ мало, занятый всецѣло своимъ имѣніемъ. Приходская жизнь едва-едва теплится, изрѣдка волнуемая мелкими недоразумѣніями. Такъ, напримѣръ, волненіе возникло изъ-за грядки: «батюшка обѣщалъ уступить одну изъ своихъ грядокъ сосѣду-прихожанину — и не далъ...»

Въ Анжерѣ у русскихъ есть добрѣйшая благодѣтельница — пожилая француженка. Она и сынъ ея горячо любятъ русскихъ. Вся

*) Эти строки относятся къ 1937 году.

прислуга у нихъ русская. Домъ ихъ превратился въ нѣкое подобіе мѣстнаго русскаго клуба. Общественные пріемы, семейныя торжества русскихъ происходятъ у нихъ, и за ихъ счетъ и вино и продукты... Когда я пріѣзжалъ, обѣдъ былъ тоже у нихъ. Вино было доброе, кое-кто наугощался, затянули пѣсни... Гостепріимная хозяйка любитъ русскія пѣсни и готова ихъ слушать неутомимо. По окончаніи обѣда я ушелъ наверхъ, оставивъ діакона Вдовенко съ хозяйкой и съ гостями.

БОРДО

На Пасху (1928 г.) я командировалъ въ Бордо на развѣдку іеромонаха Афанасія, который представилъ мнѣ потомъ обстоятельный докладъ о духовной жизни среди русской колоніи Бордо и въ его окрестностяхъ. Выяснилось, что намѣчаются два центра со значительнымъ количествомъ русскихъ: 1) Бордо (и неподалеку отъ Бордо гор. Ларошель) и 2) Тулуза. Въ окрестностяхъ Тулузы осѣло много русскихъ земледѣльцевъ, которые заарендовали, а иные пріобрѣли, заброшенныя французскія фермы.

Я подумалъ-подумалъ и направилъ въ Бордо о. Николая Сухихъ*), который въ это время находился въ обители «Нечаянная Радость» и не ладилъ съ игуменьей Евгеніей.

О. Сухихъ, изъ сибирскихъ инженеровъ, человѣкъ хозяйственной складки, могъ быть подходящимъ священникомъ для окормленія огромнаго района (около 10 департаментовъ), населеннаго русскими, нуждавшимися въ религіозномъ руководителѣ, въ совѣтчикѣ по хозяйственнымъ дѣламъ и въ посредникѣ между ними и французскими властями и французской средой. Центромъ мы рѣшили сдѣлать Бордо; тамъ настоятель церкви долженъ былъ совмѣщать и обязанности разъѣзднаго священника.

Постоянной церкви въ Бордо сначала не было, — служили въ залахъ протестантскихъ храмовъ. Потомъ наняли свое помѣщеніе съ комнатой для священника. Сосѣдній приходъ, Біарриць, подарилъ иконостасъ изъ своей старой церкви, и понемногу церковь начала украшаться.

Въ 1929 г. Тулуза организовала самостоятельную общину. Я направилъ туда племянника о. Николая Сухихъ — о. Владиміра Айзова**), а Бордо и Ларошель остались въ вѣдѣніи о. Николая. Нельзя сказать, чтобы о. Сухихъ зажегъ воодушевленіемъ приходъ въ Бордо, — нѣтъ, это ему не удавалось (подъ конецъ даже обнаружился разладъ), хоть онъ и былъ пастырь миссіонерскаго типа, на

*) См. стр. 510.
**) См. тамъ-же.

разъѣзды подвижной, на служеніе усердный. Онъ имѣлъ склонность къ монашеству и мечталъ купить подъ Бордо клочокъ земли и устроить нѣчто въ родѣ скита. Потомъ онъ постригся у меня подъ именемъ Серапіона. Когда мнѣ пришлось уволить о. Айзова, я назначилъ на его мѣсто въ Тулузу о. Серапіона, желая этимъ назначеніемъ возстановить въ приходѣ доброе имя пастыря, скомпрометированное его племянникомъ.

Въ Бордо я направилъ священника Олимпа Пальмина (Тобольской семинаріи), бывшаго предсѣдателя церковнаго объединенія въ Клиши (Парижъ). Послѣ рукоположенія я послалъ его въ Братиславу (Чехословакія) къ игумену Никону въ помощники, но о. Пальминъ, человѣкъ энергичный, до кипучести, самостоятельный, по темпераменту общественный дѣятель, на вторыя роли въ Братиславѣ не годился, что-то тамъ у него не сладилось, — и я перевелъ его въ Бордо. Приходъ при немъ сразу ожилъ. Разбродъ смѣнился объединеніемъ. Раздоры смолкли. Достигнуть умиротворенія и объединенія было нелегко. Русская колонія въ Бордо малая, а организацій множество (скауты, витязи, «Трудовое движеніе», младороссы...). Постепенно наладилась и созидательная работа. Сняли новое помѣщеніе для церкви — болѣе просторное, удобное, съ комнатами для общественныхъ собраній и для священника. Незадолго до Рождества (1936 года) туда и переѣхали. Приходъ въ Бордо у меня на хорошемъ счету. Онъ можетъ быть показательнымъ и поучительнымъ примѣромъ важнаго значенія, которое имѣетъ для прихода личность священника.

Къ Бордо приписано около 10-ти общинъ.

САНСЪ.

Этотъ малый приходъ сначала былъ приписанъ къ Монтаржи, и его обслуживалъ изрѣдка наѣзжавшій оттуда о. Ѳ. Каракулинъ. Потомъ прибылъ изъ Болгаріи священ. Василій Заханевичъ, и я направилъ его въ Сансъ. «Соорганизуйте тамъ русскую колонію, — тогда будетъ у васъ приходъ», сказалъ я.

Кое-какъ, съ помощью о. Ѳ. Каракулина, подготовившаго въ Сансѣ почву для церковнаго объединенія, приходъ былъ организованъ. Заводъ отвелъ батюшкѣ, какъ человѣку семейному, отдѣльный баракъ, плохонькій, весь въ щеляхъ, продувной, для зимы мало пригодный: холодный, сырой. Дали батюшкѣ и огородъ, оказавшійся для него большимъ подспорьемъ. Матерьяльно пришлось ему туго. Тогда энергичная матушка занялась куроводствомъ.

Церковь позволили устроить въ баракѣ предназначенномъ для развлеченій: концертовъ, спектаклей, танцевъ... Невывосимая для

церкви обстановка! Иногда Литургію служили въ запахѣ винныхъ паровъ, табачнаго дыма, потому что наканунѣ была вечеринка.

О. Заханевичъ, — надо отдать ему справедливость, — съ этимъ положеніемъ не примирился. Онъ приглядѣлъ гдѣ-то баракъ, продававшійся на сломъ, выпросилъ у завода нѣсколько квадратныхъ метровъ земли и рѣшилъ построить на ней баракъ. Однако, прихожане Санса—народъ на церковныя нужды не щедрый—проекта самообложенія испугались и возроптали: обложеніе! сборы!.. намъ не надо церкви! намъ не надо священника! жили безъ священника... Настойчивый о. Заханевичъ все же свой проектъ осуществилъ—выпросилъ, чтобы Епархіальное Управленіе дало ему за годъ впередъ причитающуюся ему субсидію 1.200 фр., у кого-то изъ знакомыхъ занялъ еще 1.000 — и купилъ баракъ за свой счетъ. Нашлись прихожане, которые помогли ему соорудить престолъ, иконостасъ...; понемногу церковь устроилась. Протоіерей о. Георгій Спасскій освятилъ церковь во имя святителя Николая Чудотворца.

Настоятельство о. Заханевича въ Сансѣ длилось недолго. Его бойкая «матушка» внесла въ приходскую среду духъ разлада, создалась непріятная атмосфера; батюшка, больной, нервный, попросилъ меня перевести его въ другой приходъ. Я направилъ его въ Пети-Кламаръ. Прихожане въ концѣ концовъ признали пользу, которую принесъ о. Заханевичъ устроеніемъ церкви, и постановили выплатить его кредитору тѣ 1.000 фр., которые онъ занялъ на покупку барака.

Послѣ о. Заханевича я перевелъ въ Сансъ изъ Льежа (Бельгія) священника Сергѣя Синькевича, старичка по преклонности возраста уже малоспособнаго къ энергичной дѣятельности. Приходъ при немъ не расцвѣлъ, едва-едва жизнь въ немъ теплится. Одно все-таки можно сказать: многихъ церковь отвлекаетъ отъ кабака и кинематографа и прочихъ развлеченій, напоминаетъ о высшей духовной жизни...

Я посѣтилъ Сансъ дважды. Одинъ разъ при о. Заханевичѣ и второй разъ весной 1936 г., когда о. Синькевичъ и приходъ пригласили меня на свой храмовой праздникъ (9-го мая). Съ этимъ посѣщеніемъ связанъ интересный эпизодъ.

Я пріѣхалъ въ Сансъ наканунѣ праздника къ вечеру, въ 6 час. На порогѣ церкви меня встрѣтилъ о. Синькевичъ безъ облаченія, но съ крестомъ въ рукѣ и пролепеталъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ, — я сразу увидалъ, что встрѣчать архіерея онъ не умѣетъ. На всенощной народу было сравнительно довольно. Ночевать меня отвели въ баракъ священника, гдѣ было холодно, сыро: съ печкой что-то не ладилось, и она плохо горѣла. На утро въ день святителя Николая я служилъ обѣдню. Къ моему изумленію, церковь почти пустая.... Прихожанъ человѣкъ 10-15 не болѣе. Что такое? Храмовой праздникъ, пригласили митрополита, — и никто не пришелъ... Не-

брежное отношеніе къ празднику произвело на меня тяжелое впечатлѣніе. Я освѣдомился о причинѣ. Священникъ объяснилъ работой на заводѣ, боязнью прогулами обидѣть заводскую администрацію, очень взыскательную по отношенію къ иностранцамъ. — «Но тогда почему же женщины не пришли?» — спросилъ я. — «У нихъ огороды.... Сейчасъ горячая пора — посадка, поливка...» Я возражалъ: «Огороды не оправданіе, нельзя промѣнять Святителя на гряды.... Можно было на 2-3 часа оторваться отъ огородовъ...» — Днемъ былъ «чай», кое-кто на «чай» собрался. Мнѣ было не по себѣ. Печально закончился этотъ день. А ночью разразилась бѣда... Ударилъ морозъ — и странно! — пострадала отъ него лишь полоса русскихъ огородовъ... Всѣ труды пропали даромъ, ничего на грядкахъ не осталось. Утромъ, смотрю, стоятъ хозяйки наши, понуря головы, и смотрятъ на хваченные морозомъ, взлелѣянные съ такой заботой помидоры, огурцы... Я увидалъ въ этомъ проявленіе гнѣва Святителя Николая. Вечеромъ въ этотъ день, въ субботу, за всенощной было довольно много народу. У меня наболѣло, и я сказалъ горячее, обличительное «слово». Я упрекалъ народъ за равнодушіе, за небрежное отношеніе къ памяти св. Николая, за то, что, вмѣсто молитвъ въ храмовой праздникъ о помощи Святителя въ повседневномъ трудѣ, — они занялись хозяйствомъ и о Святителѣ позабыли... Діаконъ Вдовенко послѣ службы сказалъ мнѣ: «вы никогда еще такъ строго не говорили...» О. настоятель во время моей проповѣди лишь вздыхалъ и тихо охалъ: «Боже мой... Боже мой...» Въ отвѣтномъ «словѣ» онъ только и смогъ сказать: «вотъ видите, что вы надѣлали! Вы прогнѣвили св. Николая... Надо покаяться, надо загладить... Завтра же идите всѣ провожать Владыку...» (Я уѣзжалъ въ 7 час. утра.) Я пытался отклонить эти проводы, и старался объяснить, что я вовсе не изъ личной обиды говорю имъ строго, — однако, всѣ они на утро высыпали къ автокару.

Изъ Санса я направился въ Труа, приписанную къ Сансу общину, гдѣ русская колонія чествовала меня обѣдомъ.

Въ Труа проживаетъ группа русскихъ — рабочіе и инженеры мѣстнаго завода — люди зажиточные, по сравненію съ бѣднотой въ Сансѣ. Въ 1930 г. здѣсь организовался приходъ. Я послалъ сюда о. Александра, прибывшаго съ Валаама, малообразованнаго іеромонаха. Онъ ничего сдѣлать не смогъ. Церковь, большая, украшенная, оказалась не по приходу, столь малому, что прихожане были не въ состояніи содержать своего священника. Пришлось Труа приписать къ Сансу, но Санскій приходъ не соглашался посылать въ Труа своего священника даромъ, а установилъ плату въ 50 франковъ за выѣздъ. Этотъ порядокъ взаимоотношеній существуетъ и по сей день.

ТУЛУЗА

Приходъ въ Тулузѣ одинъ изъ самыхъ трудныхъ и неудачныхъ приходовъ. Хилый, шатающійся, чуть живой. До сихъ поръ жизнь въ немъ не наладилась.

Возникла община въ 1928 году, и первымъ священникомъ былъ о. Николай Сухихъ*), изрѣдка наѣзжавшій изъ Бордо. У него начались какія-то недоразумѣнія съ прихожанами. Я увидалъ, что причина всему — довольно длительные промежутки между наѣздами о. Николая, въ теченіе которыхъ Тулуза оставалась безъ священника; въ это время членамъ общины невольно приходилось обращаться къ карловацкому священнику... Эти неблагопріятныя обстоятельства я учелъ, и назначилъ туда постояннаго настоятеля — о. Владиміра Айзова, родственника о Сухихъ. Недоразумѣнія, однако, продолжались. Вскорѣ Айзовъ вернулся въ Крезо, и я послалъ въ Тулузу о. Иларіона Титова**) (въ 1931 г.).

Тулуза приходъ трудный. Сѣть городковъ, поселковъ, фермъ. Чтобы добраться до нѣкоторыхъ изъ нихъ, священнику иногда приходилось преодолѣвать разстоянія въ 20 клм. О. Иларіону случалось во время такихъ обходовъ ночевать подъ открытымъ небомъ на копнѣ сѣна, а на утро, если оно совпадало съ какимъ-нибудь праздникомъ, по примѣру древнему, — совершать литургію на груди, положивъ на нее антиминсъ... Пожилому о. Титову это странническое настоятельство было не подъ силу, и я снова поручилъ Тулузу о. Сухихъ. Вскорѣ о. Николай Сухихъ умеръ. Несомнѣнно, переутомленіе отъ постоянныхъ путешествій подорвало его силы.

Послѣ смерти о. Сухихъ, начинается новый періодъ Тулузскаго прихода. Настоятелемъ я назначилъ священника о. Хроля (Богословскаго Института), бывшаго регента хора во французскомъ православномъ приходѣ. О. Хроль, человѣкъ развитой, энергичный, съ иниціативой, отлично владѣющій французскимъ языкомъ; къ сожалѣнію, ему весьма мѣшаетъ самомнѣніе; оно у него въ той мѣрѣ, когда люди считаютъ себя умнѣе всѣхъ; этимъ и объясняется его нежеланіе подчиняться церковной дисциплинѣ. Онъ принялся за дѣло съ воодушевленіемъ, сталъ открывать одну общину за другой въ разныхъ пунктахъ прихода (на протяженіи 3-4 департаментовъ), но не считаясь съ требованіями церковнаго устава. «У меня миссіонерскій путь... Приходскій Совѣтъ мнѣ не нуженъ, я самъ все сдѣлаю....» — такъ мотивировалъ о. Хроль свою независимую позицію. Онъ открылъ около 10 общинокъ, но, увы, почти всѣ эти ячейки оказались карточными домиками. Не успѣетъ онъ какую-нибудь общинку открыть, —

*) См. стр. 510 и 528.
**) См. стр. 526.

она уже вянетъ. Не такъ давно о. Хроль занемогъ: у него обострился туберкулезъ. Онъ просилъ прислать ему помощника. Я далъ ему трехмѣсячный отпускъ, а на его мѣсто командировалъ о. Ѳеодора Поставскаго. О. Ѳеодоръ собралъ Приходскій Совѣтъ и взялъ вѣрную линію сотрудничества клира и прихода. Съ Тулузскимъ приходомъ я рѣшилъ поступить такъ: оставить Тулузу и половину общинъ за о. Поставскимъ (при раздѣлѣ общинъ руководствуясь указаніями о. Поставскаго), а другую половину — отдать о. Хролю, сдѣлавъ приходскимъ центромъ гор. Монтобанъ. О. Хроль этой реформой недоволенъ и своего неудовольствія не скрываетъ отъ прихожанъ о. Поставскаго...

БЕЗАНСОНЪ.

Сперва русскую колонію обслуживалъ о. Андроникъ, періодически наѣзжавшій изъ Бельфора*), потомъ въ общинѣ начались какія-то тренія съ организаторшей «Русскаго Дома» и церкви г-жей ванъ-Зонъ (рожд. гр. Комаровской), и устроительница свою церковь закрыла. Однако, церковная жизнь въ Безансонѣ кое-какъ продолжалась.

Въ городѣ проживалъ военный священникъ Богомоловъ (бывшій пѣвчій эмигрантскаго казачьяго хора Жарова); онъ нашелъ себѣ заработокъ и одновременно кое-гдѣ послуживалъ. Авторитетомъ о. Богомоловъ не пользовался, не всегда бывалъ трезвый, не всегда на высотѣ сана, словомъ, ничего у него съ приходомъ не вышло, и въ 1922 г. я получилъ отъ него прошеніе объ увольненіи, которое и удовлетворилъ.

Пришлось вновь приписать Безансонъ къ Бельфору. Когда настоятелемъ въ Бельфорѣ сталъ о. Тимченко, я обращалъ его вниманіе на Безансонъ, но карловчане намъ тамъ мѣшали, и о. Тимченко тоже прихода не организовалъ. Такъ длилось до 1935 г., когда я послалъ въ Безансонъ архимандрита Алексѣя Недошивина**). Онъ собралъ разбитое стадо воедино, вошелъ въ довѣріе къ главѣ русской колоніи генералу Нечволодову, началъ совмѣстно съ нимъ работать, и въ результатѣ у насъ теперь своя церковка. Попечителемъ и старостой ея избрали генерала Нечволодова.

Приходъ въ Безансонѣ небольшой (человѣкъ 100-150), но утвержденъ онъ на прочномъ основаніи. Прихожане въ состояніи содержать и храмъ и священника. Я предложилъ о. Недошивину организовать общину въ Дижонѣ, гдѣ проживаетъ много русскихъ и грековъ; онъ обслуживаетъ Дижонскую колонію, но регулярная община тамъ еще не организовалась. Наѣзжаетъ о. Алексѣй и въ сосѣдній гор.

*) См. стр. 508.
**) См. стр. 513.

Монбильяръ. Потомъ Безансонскіе прихожане устроили отдѣльное, уютное помѣщеніе для церкви, благодаря, разумѣется, иниціативѣ и энергіи архимандрита Алексѣя.

Въ этотъ списокъ не вошли нѣкоторыя церкви, — такъ, напримѣръ: Антибы (церковь во имя иконы Скорбящей Божіей Матери), Верръеръ-ле-Бюиссонъ (церковь во имя свв. Кирилла и Меѳодія при интернатѣ для мальчиковъ), Вильмуассонъ-сюръ-Оржъ (церковь во имя преподобныхъ Сергія и Германа Валаамскихъ при интернатѣ для дѣвочекъ), Шампань-сюръ-Сенъ (церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы)...

6. НОВЫЕ ХРАМЫ И ПРИХОДЫ (МИССІОНЕРСТВО И МОНАШЕСТВО)

ЦЕРКОВЬ «ХРИСТІАНСКАГО ДВИЖЕНІЯ»

Идея «Христіанскаго Движенія» — объединеніе русской молодежи вокругъ Церкви. Въ эмиграціи во главѣ религіозно-настроенной молодежи всталъ В. В. Зѣньковскій, онъ и былъ иниціаторомъ и вождемъ «Движенія».

Началось «Христіанское Движеніе» въ Сербіи. Тамъ образовался первый кружокъ молодыхъ людей для совмѣстнаго чтенія св. Писанія, писанія св. отцовъ, для изученія Россіи...; его примѣру послѣдовали другія группы молодежи, и подобные религіозно-просвѣтительные кружки начали быстро возникать въ разныхъ городахъ Сербіи, а потомъ и въ другихъ странахъ: въ Чехословакіи, Германіи, Болгаріи, Финляндіи и въ Прибалтикѣ. Формы и методы работы «Движеніе» заимствовало отъ всемірнаго «Христіанскаго Союза Молодых Людей», весьма популярной интерконфессіональной ассоціаціи, извѣстной подъ сокращеннымъ названіемъ «ИМКА»*). Наши кружки, созданные лишь по образцу «ИМКА», нѣкоторые эмигранты произвольно отождествляли съ самой организаціей «ИМКА», не только потому, что мы отъ нея нѣчто заимствовали, но и потому, что мы пользовались матеріальной поддержкой этой богатой и дружественной намъ организаціи. «ИМКА», правда, намъ помогала и помогаетъ, но мы оставались вѣрны нашей идеологіи, которая легла въ основаніе нашего объединенія, и всегда подчеркивали нашу внутреннюю независимость, что не мѣшало намъ поддерживать самыя добрыя отношенія съ нашими друзьями. Во главѣ «ИМКА» въ первые годы эмиграціи стояли Э. И. Макъ-Нотенъ, П. Ф. Андерсонъ, Г. Г. Кульманъ — дѣятели широкихъ взглядовъ и бережнаго отношенія къ нашей идеологіи. Они поддерживали насъ, никогда не пользуясь благотворительностью, какъ средствомъ для пропаганды своего вѣроученія среди русскихъ.

Въ Сербіи «Христіанское Движеніе» въ русской средѣ большого развитія не получило, и Зѣньковскій перебрался въ Парижъ. Во Франціи, еще до его переѣзда, возникло нѣсколько религіозныхъ кружковъ молодежи. Дѣвушки и юноши, человѣкъ по десять, собирались въ бѣдныхъ комнаткахъ по угламъ Парижа, читали вмѣстѣ Евангеліе и бесѣдовали на волнующія ихъ религіозныя темы. Случалось, они приглашали меня благословить ихъ собранія. Размѣры

*) Y.M.C.A. — Young Men Christian Association.

«Движенія» въ то время были еще весьма скромные. Расцвѣтъ его связанъ съ пріѣздомъ В. В. Зѣньковскаго.

Въ особнякѣ, на бульварѣ Монпарнассъ №10, предоставленномъ намъ «ИМКА», организовался центръ «Движенія», и русская молодежь съ воодушевленіемъ туда устремилась. Загорѣлась творческая работа, преслѣдовавшая высокую цѣль — христіанизацію молодежи, а черезъ ея посредничество, и русскаго общества. «Движеніе» не только Церкви не чуждалось, но было съ нею крѣпко связано, оставаясь одновременно организаціей «мірскою», отъ нея не зависимою. «Мы не епархіальное учрежденіе и не клирики, мы служимъ Церкви въ званіи мірянъ, посильно содѣйствуя приближенію къ Церкви невѣрующихъ»... — такъ опредѣляли «движенцы» свое отношеніе къ Церкви. Задачу «Движенія» я понималъ. Для молодежи, если отъ Церкви она отстоитъ далеко, сразу войти въ нее трудно, надо сначала дать ей постоять на дворѣ, какъ нѣкогда стояли оглашенные, и потомъ уже постепенно и осторожно вводить ее въ религіозную стихію Церкви; иначе можно молодыя души спугнуть, и онѣ разлетятся въ разныя стороны: въ теософію, антропософію и другія лжеученія.

Организація «ИМКА» по своему направленію интерконфессіональна. Русскому обществу «ИМКА» была не безызвѣстна по ея прошлой полезной дѣятельности въ Россіи. Генеральный секретарь д-ръ Моттъ, человѣкъ глубокой вѣры и религіозныхъ исканій, еще до революціи плѣнился нашей русской молодежью и основалъ въ Петербургѣ религіозно-просвѣтительную организацію «Маякъ». Патріарху Тихону д-ръ Моттъ былъ близокъ. Въ свое время въ Россіи я имѣлъ случай ознакомиться съ дѣятельностью «Христіанскаго Движенія» и съ нѣкоторыми его представителями и оцѣнилъ ихъ искреннюю христіанскую настроенность. Теперь, въ эмиграціи, на меня посыпались нареканія: «Движеніе связано съ «ИМКА», а тамъ масоны... Вы общаетесь съ масонами...» Я возражалъ: «Если фарисейски охранять чистоту своихъ ризъ, тогда надо сектантски ото всѣхъ отъединиться. Это неправильно. Надо смѣло идти въ станъ инакомыслящихъ и пытаться привлекать ихъ на свою сторону». «Карловцы» со мной не соглашались и, вѣрные своей психологіи, заняли по отношенію къ «ИМКА» враждебную позицію. Я счелъ нужнымъ, во избѣжаніе дальнѣйшихъ кривотолковъ, выяснить вопросъ о причастности «ИМКА» къ масонству и на открытомъ собраніи «ИМКА» (въ Болгаріи), гдѣ мы, нѣсколько православныхъ архіереевъ, присутствовали въ качествѣ гостей, я попросилъ д-ра Мотта отвѣтить на этотъ волнующій нѣкоторые русскіе круги вопросъ. Д-ръ Моттъ заявилъ, что онъ не масонъ и никогда имъ не былъ, въ программѣ «ИМКА» нѣтъ и признака масонства, а причастность или

непричастность къ нему — частное дѣло отдѣльной личности, за которое она сама и отвѣчаетъ. — Думаю, что лица, обвинявшія «ИМКА» въ масонствѣ, сами не вѣрили въ обвиненія (настолько они были необоснованы и нелѣпы), но воспользовались ими для нападенія на меня.

Въ первые годы эмиграціи «Христіанское Движеніе» процвѣтало. Создавалось множество разныхъ кружковъ и содружествъ, благотворительныхъ и просвѣтительныхъ начинаній: дѣвичья дружина, «витязи», школы (четверговая и воскресная), лѣтнія колонія, собранія, лекціи, доклады, диспуты, вечеринки... и наконецъ, ежегодные съѣзды, которые привлекали руководителей и представителей «Движенія» со всего нашего разсѣянія.

Эти конференціи бывали большимъ событіемъ въ средѣ русской христіанской молодежи Зарубежья. Съѣздъ устраивался обычно въ лѣтнее время внѣ Парижа, въ какомъ-нибудь городкѣ, гдѣ мѣстная администрація на недѣлю предоставляла устроителямъ какіе-нибудь спортивные или пустующіе солдатскіе бараки. Одинъ изъ бараковъ отводили подъ церковь, другой — подъ залъ засѣданій и столовую, въ остальныхъ устраивали дортуары для делегатовъ. Расписаніе дня включало ежедневное богослуженіе, проповѣдь, лекціи профессоровъ — участниковъ Съѣзда, доклады въ секціяхъ, дебаты, бесѣды... Мы поощряли самодѣятельность и давали молодежи возможность принимать самое живое участіе въ преніяхъ и, при желаніи, выступать и со своими собственными докладами. Въ послѣдній день Съѣзда бывала всеобщая исповѣдь, а на утро въ день закрытія всѣ причащались. Настроеніе единодушія, внимательное, братское отношеніе другъ къ другу, высокій религіозный подъемъ, — вотъ отличительныя черты первыхъ Съѣздовъ. Незабываемое умилительное впечатлѣніе.... Случалось, эти конференціи оставляли глубокій, благотворный слѣдъ. Въ ихъ творческой религіозной атмосферѣ у одного изъ руководителей Съѣзда — Ельчанинова возникла и осуществилась мысль о священствѣ. Идея организаціи Богословскаго Института и первое совѣщаніе о возможности ея реализаціи связаны тоже съ одной изъ конференцій. Къ сожалѣнію, за послѣдніе годы Съѣзды стали утрачивать свой пламенный религіозный духъ...

Какъ я уже сказалъ, «Христіанское Движеніе» въ первые годы своего возникновенія породило много кривотолковъ. Чтобы положить этому конецъ и сдѣлать явнымъ до очевидности, что русская молодежь «Движенія» — не масоны, а послушныя дѣти Православной Церкви, я посовѣтовалъ «Движенію» устроить свою церковь и имѣть своего священника.

На дворѣ, въ гаражѣ особнячка на бульварѣ Монпарнассъ была

устроена церковь во имя Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы. Настоятелемъ я назначилъ выдающагося священника о. Сергія Четверикова*). Церковь стала привлекать богомольцевъ со стороны, и обросла приходомъ.

Религіозно-нравственное воздѣйствіе на молодежь достигалось не только привлеченіемъ ея къ посѣщенію своей церкви, но и организаціей лѣтнихъ лагерей, гдѣ она въ теченіе одного-полутора мѣсяцевъ отдыхала на лонѣ природы и одновременно вела жизнь подчиненную религіознымъ началамъ. Въ лагерѣ жилъ священникъ, ежедневно бывало богослуженіе, общая молитва, бесѣды по вопросамъ христіанской вѣры и Церкви... Лагери правратились въ школы религіозно-нравственнаго воспитанія нашей молодежи.

О. С. Четвериковъ пошелъ навстрѣчу пожеланіямъ наиболѣе ревностнымъ и духовно преуспѣвшимъ «движенцамъ» и организовалъ внутри Движенія христіанское содружество съ болѣе строгой церковной дисциплиной.

«Движеніе» вело многостороннюю просвѣтительную работу, но ею не ограничивалось. Когда наступили черные дни безработицы среди русскихъ, «Монпарнассъ» организовалъ даровую столовую, раздачу нуждающимся бѣлья и одежды, оказывалъ помощь ночлегомъ.

Сколько прекрасныхъ страницъ въ эмигрантской исторіи «Движенія»! Къ сожалѣнію, не сумѣли удержаться на той религіозной высотѣ, которой достигли. Замѣшалась политика, въ здоровый организмъ проникъ ядъ политическихъ разногласій... Я обвиняю Н. А. Бердяева. Онъ сталъ заострять политическій вопросъ, проводить четкую соціалистическую линію, старался склонить умы къ принятію лѣвыхъ политическихъ лозунговъ. «Довольно кланялись вельможамъ, поклонимся пролетаріату...» — подобныя безотвѣтственныя фразы привели къ тому, что молодежь, которая не забыла еще обидъ большевизма, у которой не изгладились изъ памяти ужасы насилія и преслѣдованій родныхъ и близкихъ, оказала энергичное противодѣйствіе, и, въ результатѣ, миръ и единодушіе среди «движенцевъ» исчезли. Этотъ разладъ до сихъ поръ еще не изжитъ. «Лѣвые» (группа Пьянова и м. Маріи — послѣдователей и учениковъ Бердяева) обвиняютъ «правыхъ» въ непониманіи совѣтской дѣйствительности, «новаго совѣтскаго человѣка», въ нежеланіи примириться съ совѣтскимъ отечествомъ и закапывать ровъ между прошлымъ и настоящимъ. «Правые» травили «лѣвыхъ»: вы не учите націонализму, вы предаете Россію, вы готовы подать руку гонителямъ Церк-

*) См. стр. 459.

ви... Бурные дебаты на Монпарнассѣ не прекращались. Наконецъ, націоналисты, во главѣ съ предсѣдателемъ французскаго отдѣла «Движенія» Никитинымъ, рѣшили съ «ИМКА» разорвать, чтобы ихъ не обвиняли въ примиренчествѣ съ совѣтской Россіей; они устроились на сторонѣ, на rue Olivier-de-Serres, № 91. Справа отъ нихъ отошли «витязи», которыхъ возглавлялъ Федоровъ и опекали Карташевъ, Гирсъ..., организовавшіе «Общество друзей витязей»; «лѣвые» образовали группу «Православное Дѣло» подъ водительствомъ Пьянова, м. Маріи, Федотова... и тоже устроились на сторонѣ при общежитіи м. Маріи на rue Lourmel, № 77.

Сейчасъ «Движеніе» въ упадкѣ. Молодежь остыла. Религіозная идеологія требуетъ подвига. Мало вѣры, нужно еще исповѣдывать ее въ однообразной повседневности трудной эмигрантской жизни. Послѣ первыхъ лѣтъ религіознаго воодушевленія началась практика вѣры, а на нее у молодежи не хватило ревности. Потерявъ родину, вскорѣ же обрѣли надежду, что можно ее вернуть, но надежда не осуществлялась, и героическія чувства стали блекнуть. Надо имѣть твердые устои, чтобы не поколебаться, не впасть въ малодушіе и продолжать вѣрить, что развивая и храня въ себѣ высоко-нравственныя и духовныя начала, тоже служишь родинѣ. Это не только подвигъ личнаго спасенія, это въ какомъ то смыслѣ и подвигъ духовнаго пробужденія и перевоспитанія своего народа. Политическія теченія — пассивное пріятіе тѣхъ или иныхъ политическихъ взглядовъ — съ подлиннымъ творчествомъ не связаны, закалить же себя въ нравственномъ отношеніи очень важно: человѣкъ пріобрѣтаетъ на всю жизнь душевную крѣпость, моральную устойчивость, которая его удержитъ на поверхности въ любую житейскую бурю.

«Движеніе» все же свое дѣло сдѣлало и продолжаетъ существовать, хоть и утратило прежнюю свою кипучесть. Политическіе кружки, увы, проявляютъ сейчасъ больше активности и возбуждаютъ больше интереса, нежели религіозная идеологія «Движенія». И все-таки я вѣрю, что оно не погибло. Большой ошибкой вождей была непредусмотрительность: они не приготовили себѣ смѣны. Молодежь первыхъ эмигрантскихъ лѣтъ уже теперь зрѣлые, женатые люди, они устроили свою судьбу и отъ «Движенія» отошли; а маленькіе члены «Движенія» еще дѣти, надо ждать, когда они подрастутъ и когда проявятъ себя, какъ сознательные дѣятели по его возрожденію.

«ПРАВОСЛАВНОЕ ДѢЛО»

«Православное Дѣло» развилось изъ общежитія для одинокихъ женщинъ, созданнаго м. Маріей (Е. Ю. Скобцовой) осенью 1932 г. М. Марія наняла особнячокъ въ глубинѣ переулка (9, villa de Saxe), свѣтлый, удобный, съ маленькимъ садомъ, и за дешевую плату стала принимать пансіонерокъ. Нужда въ дешевомъ русскомъ общежитіи была большая, и домъ быстро наполнился. При общежитіи м. Марія устроила церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы; обитательницы дома стали ее охотно посѣщать. Отъ времени до времени въ общежитіи бывали собранія, на которыхъ либо кто-нибудь изъ профессоровъ Богословскаго Института, либо кто-нибудь изъ лекторовъ «Христіанскаго Движенія» читали доклады, сопровождавшіеся бесѣдой; эти собранія привлекали довольно много слушателей со стороны. Скоро особнячокъ уже не могъ вмѣстить всѣхъ желающихъ въ немъ поселиться труженицъ, размѣры его не позволяли м. Маріи развернуться во всю широту ея плановъ, — и черезъ два года основательница перебралась на рю Лурмель, № 77, въ большой домъ.

Въ тѣ дни безработица среди русскихъ приняла размѣры настоящаго бѣдствія, и м. Марія организовала при общежитіи столовую, гдѣ, на началахъ самоокупаемости, за ничтожную плату въ 1 франкъ 50 сант., отпускались обѣды. Такой дешевизны предпріимчивая устроительница достигла благодаря тому, что какіе-то торговцы парижскаго Центральнаго Рынка («Halles Centrales») жертвовали ей остатки нѣкоторыхъ нераспроданныхъ и скоропортящихся продуктовъ, а она, съ помощью опекаемыхъ ею безработныхъ, притаскивала на рю Лурмель все это даровоое добро. Позаботилась она и о кровѣ для своихъ подопечныхъ: въ чердачномъ помѣщеніи дома устроила ночлежку. Гаражъ въ глубинѣ двора былъ отведенъ подъ церковь, которую м. Марія заботливо украсила, недурно расписавъ стѣны и стекла. Обслуживали церковь послѣдовательно: о. Левъ Жилле, о. Евѳимій (Вендтъ), архимандритъ Кипріанъ (Кернъ), о. Валентинъ Бахстъ... Просторное помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ предназначили для собраній, лекцій и докладовъ съ дискуссіями.... При общежитіи м. Марія организовала курсы псаломщиковъ, которые въ первый же годъ дали намъ 10 хорошо обученныхъ псаломщиковъ*). Текущей зимой 1936-37 г.г. она открыла миссіонерскіе курсы.

Въ прошломъ году м. Марія объединилась съ о. Чертковымъ и Ф. Т. Пьяновымъ и организовала въ Нуази-ле-Гранъ «Домъ отдыха»

*) Въ ихъ числѣ трехъ женщинъ.

для выздоравливающихъ туберкулезныхъ. А этой (1936) осенью открыла, тоже съ помощью Пьянова, дешевое общежитіе въ особнякѣ 43, рю Франсуа Жераръ (въ 16 аррондисманѣ), подотдѣлъ центральнаго общежитія на рю де Лурмель.

Всѣ эти учрежденія входятъ въ составъ организаціи «Православное Дѣло», простирающей свою дѣятельность и за предѣлы перечисленныхъ учрежденій. Участники «Православнаго Дѣла» ведутъ работу въ приходахъ на окраинахъ Парижа, устраиваютъ школы, собесѣдованія, организуютъ лекціи, литературные вечера... организуютъ они и съѣзды представителей нѣсколькихъ приходовъ — начинаніе очень интересное, жизненно закрѣпляющее взаимную связь, взаимообщеніе между ними. Вообще «Православное Дѣло» широко развиваетъ свою дѣятельность по распространенію религіознаго и національнаго просвѣщенія среди русскаго разсѣянія, затерянnаго во французской рабочей средѣ и пребывающаго внѣ связи съ православной Церковью и эмигрантскими просвѣтительными организаціями. Эта работа, удерживающая русскую массу отъ денаціонализаціи, имѣетъ огромное значеніе.

Организація «Православное Дѣло» неразрывно связана съ личностью ея создательницы — м. Маріи.

М. Марія, въ міру Е. Ю. Скобцова (по первому браку Кузьмина-Караваева) — поэтесса, журналистка, въ прошломъ членъ партіи «с.-р.» Необычайная энергія, свободолюбивая широта взглядовъ, даръ иниціативы и властность — характерныя черты ея натуры. Ни лѣвыхъ политическихъ симпатій, ни демагогической склонности вліять на людей она въ монашествѣ не изжила. Собранія, рѣчи, диспуты, свободное общеніе съ толпой, — стихія, въ которой она чувствуетъ потребность хоть изрѣдка погружаться, дабы не увянуть душою въ суетной и отвѣтственной административной работѣ по руководству «Православнымъ Дѣломъ». М. Марія приняла постригъ, чтобы отдаться общественному служенію безраздѣльно. Принявъ монашество, она принесла Христу всѣ свои дарованія. Въ числѣ ихъ — подлинный даръ Божій — умѣнье подойти къ сбившимся съ пути, опустившимся, спившимся людямъ, не гнушаясь ихъ слабостей и недостатковъ. Какъ бы человѣкъ ни опустился, онъ этимъ м. Марію отъ себя не отталкиваетъ. Она умѣетъ говорить съ такими людьми, искренно ихъ жалѣетъ, любитъ, становится для нихъ «своимъ» человѣкомъ: она терпитъ ихъ радостно, безъ вздоховъ и укоризны, силится ихъ поднять, но умѣло, т. е. не подчеркивая уровня, съ котораго они ниспали. «Я пропиваю свой пропавшій идеалъ...» сказалъ ей въ кантинѣ одинъ такой несчастный человѣкъ. И сколько такихъ душевныхъ трагедій ей повѣрено! М. Марія своимъ подопечнымъ — помощникъ, совѣтчикъ и другъ. Она заботится не только о ночлегѣ

и пропитаніи, но и о томъ, чтобы работу найти, и чтобы съ полиціей дѣло уладить, если съ документами какое-нибудь недоразумѣніе; и чтобы визы выхлопотать, если выселяютъ... Но въ м. Маріи, бывшей дѣятельнымъ членомъ партіи «с.-р.», все еще бродятъ старыя партійныя дрожди... Въ «Христіанскомъ Движеніи» она активно боролась противъ націоналистической идеологіи, и ея старанія «засыпать ровъ» между эмиграціей и СССР дали поводъ къ рѣзкимъ нападкамъ на нее эмигрантовъ-націоналистовъ.

«Православное Дѣло», дѣтище м. Маріи, оказалось большимъ практическимъ дѣломъ, отвѣчающимъ подлиннымъ нуждамъ эмиграціи. Но монашеской общины, о которой м. Марія мечтала, у нея не вышло. Не создалось и церковной общины. Значеніе для приходовъ «Православное Дѣло» несомнѣнно имѣетъ и для церковныхъ дѣятелей въ приходахъ оно помощь и поддержка.

Въ послѣднее время м. Марія*) занялась душевно-больными, посѣщаетъ ихъ въ больницахъ, бесѣдуетъ съ ними и старается выпустить на свободу тѣхъ «отверженныхъ», которые уже выздоровѣли, но о которыхъ всѣ забыли.

ФРАНЦУЗСКІЙ ПРИХОДЪ

(Парижъ)

Возникновеніе французскаго прихода связано съ обращеніемъ въ православіе католическаго священника о. Льва Жилле.

О. Левъ, образованный, вдумчивый монахъ-аскетъ. По натурѣ свободолюбивый, онъ почувствовалъ тѣсноту узкихъ рамокъ католицизма и повлекся душою къ православію. Онъ былъ личнымъ секретаремъ митрополита галицкаго Андрея Шептицкаго*). Вѣроятно, отъ Шептицкаго о. Левъ перенялъ вкусъ къ христіанскому Востоку. Но увлеченіе его было болѣе чистое и идеальное, чѣмъ у его начальника. Митрополитъ Шептицкій дѣлалъ большую политику, работалъ въ австрійскомъ генеральномъ штабѣ, въ планы котораго входило отторженіе Украины и обращенія ея въ унію, дабы крѣпче связать ее съ католической Австріей. О. Жилле со всѣмъ пыломъ энтузіазма оттолкнулся отъ католичества, но, принявъ православіе, по моему, понялъ широту религіозной свободы въ той безмѣрности,

*) Во время германской оккупаціи м. Марія была арестована 9/II—43 г. и содержалась до Пасхи въ концлагерѣ у форта Романвиль, затѣмъ въ Компьенскомъ лагерѣ, а оттуда она была увезена въ Германію въ Равенсбрюкъ, гдѣ 31 марта 45 г. погибла въ газовой камерѣ (см. «Мать Марія», 1947 г., изд. O. Zeluck'a въ Парижѣ).

**) См. стр. 332.

которая клонится къ мистическому индивидуализму протестантовъ (Духъ Святой открывается индивидуальному сознанію, а не собору вѣрующихъ).

Мысль объ основаніи французскаго прихода возникла у меня подъ вліяніемъ прискорбныхъ наблюденій надъ тѣмъ, какъ французская стихія захватываетъ эмиграцію. До революціи многимъ русскимъ людямъ давали въ русскихъ семьяхъ иностранное воспитаніе, и они знали французскій языкъ лучше, чѣмъ русскій; а тутъ, въ эмиграціи, дѣти родной языкъ теряли и переставали понимать богослуженіе и молитвы. Надо было смотрѣть впередъ: если даже языкъ потерянъ, зато хоть православную вѣру спасемъ и сохранимъ среди офранцузившихся русскихъ. Не о пропагандѣ православія среди французовъ я ратовалъ, а думалъ о нашихъ денаціонализованныхъ русскихъ дѣтяхъ.

Основаніе приходу положилъ о. Авраамій, его работу продолжилъ о. Дейбнеръ, окончательно его сформировалъ о. Левъ Жилле Одной изъ заслугъ организаторовъ былъ переводъ нашего богослуженія на французскій языкъ. Организовалась комиссія, въ которую вошли: о. Дейбнеръ, тонкій знатокъ литературнаго французскаго языка, д-Отманнъ, братья Ковалевскіе... Наша Литургія была въ свое время переведена о. Владиміромъ Гетэ (французскимъ католическимъ аббатомъ, перешедшимъ въ православіе), теперь былъ сдѣланъ новый переводъ и, кромѣ Литургіи, было переведено много другихъ церковныхъ службъ.

Поначалу французы очень новымъ приходомъ заинтересовались, кое-кто изъ нихъ перешелъ въ православіе, но это было явленіе временное, основное ядро прихожанъ были русскіе, забывшіе свой родной языкъ. Согласно французскому закону, приходъ зарегистрировали, и онъ зажилъ нормальной жизнью, но не расцвѣлъ, хотя во главѣ его всталъ ревностный и самоотверженный о. Жилле. О. Левъ, религіозный мыслитель, молитвенникъ, вдохновенный проповѣдникъ и духовный руководитель отдѣльныхъ душъ; миссіонерскій духъ его пастырскому призванію несвойственъ, практическимъ, организаторскимъ талантомъ онъ не одаренъ; онъ любитъ читать лекціи, доклады и взялъ на себя весьма трудное дѣло — окормлять русскихъ заключенныхъ въ тюрьмахъ. О. Льву, какъ французу, было легче туда проникнуть, нежели какому-нибудь русскому священнику, но и съ нимъ возникли тренія. Когда я официально ходатайствовалъ въ министерствѣ юстиціи о допущеніи о. Жиллэ въ тюрьмы, ко мнѣ явился изъ министерства чиновникъ и допрашивалъ, чего я домогаюсь. «А я хочу узнать, какъ у васъ изъ тюрьмы убѣжать можно, — вотъ Леонъ Додэ убѣжалъ...» — «Vous êtes très ironique», сказалъ чиновникъ. Особенно важны были посѣщенія тю-

ремъ о. Львомъ, когда среди заключенныхъ оказывались смертники. Всѣ русскіе, приговоренные къ смертной казни (Горгуловъ, Гузьляковъ...), въ послѣдній часъ видѣли въ немъ друга. Онъ напутствовалъ ихъ и сопровождалъ до самой гильотины. Увлеченный работой въ тюрьмахъ и своими занятіями на Монпарнассѣ въ кружкѣ по изученію св. Писанія, о. Жилле сталъ французскимъ приходомъ тяготиться, и я передалъ его о. Георгію Жуанни.

О. Жуанни, по профессіи подрядчикъ, честный, хорошій священникъ. Полета, вдохновенья у него нѣтъ, но свой долгъ онъ исполняетъ добросовѣстно, трезво и практически относится къ приходу. (Иногда его замѣняетъ о. Жилле). Прихожанъ во французскомъ приходѣ мало, едва ли и сотня наберется.

НАНТЪ

(Бретань)

Въ 1927 году появился на горизонтѣ нѣкій господинъ, выдававшій себя за іеромонаха Петра (по фамиліи Верденъ), въ сопровожденіи «свиты» — двухъ сотрудниковъ: ксендза о. Кулона и какого-то молодого человѣка въ родѣ иподіакона. «О. Петръ» заявилъ, что они отпали отъ католичества, а онъ, порвавъ съ Римомъ, примкнулъ къ «маріавитамъ».

Секта «маріавитовъ» возникла въ Польшѣ (въ Полоцкѣ) въ началѣ XX вѣка, и нѣкоторые ея представители были мнѣ близки. Возникла она такъ. Нѣкая Марія Козловская, отъ которой «маріавиты» получили свое названіе, содержательница ремесленной мастерской, человѣкъ религіознаго воодушевленія и аскетическаго строя жизни, увлекла за собою своихъ мастерицъ и организовала нѣчто въ родѣ монашеской общины. Объединеніемъ заинтересовались католическіе священники Ковальскій, Прухневскій и др. Они примкнули къ движенію, и всѣ участники сообща, именуя себя братствомъ «маріавитовъ», стали ревновать о поднятіи уровня нравственной жизни среди польскаго духовенства. Личная жизнь польскихъ ксендзовъ давала не мало поводовъ для возмущенія нравственнаго чувства вѣрующихъ. «Экономки» («господыни», какъ ихъ называлъ простой народъ) вошли въ бытъ прихода настолько, что къ ихъ фальшивому положенію уже привыкли, и онѣ получали приглашеніе на мѣстныя празднества на правахъ «господынь»... «Маріавиты» отправили своихъ представителей въ Ватиканъ, снабдивъ «лептой св. Петра» и полномочіемъ довести до свѣдѣнія высшей іерархіи о томъ, что въ Польшѣ творится, и ходатайствовать объ учрежденіи ихъ братства, организованнаго для столь хорошей цѣли. Въ Римѣ ихъ

встрѣтили ласково, выслушали со вниманіемъ. «Мы сами возмущены. Но намъ нужны факты. Представьте намъ факты...» сказали имъ въ Ватиканѣ. Делегаы вернулись, и «маріавиты» стали собирать факты. Набрали большой фактическій матеріалъ и отвезли въ Римъ. Не успѣли посланцы въ Польшу вернуться, — узнаютъ, что скомпрометированнымъ лицамъ дано повышеніе... Совѣсть вынести этой неправды не смогла, и «маріавиты» отъ католичества отпали, увлекая за собою многихъ сочувствующихъ. Всталъ вопросъ о присоединеніи къ православію. Я нѣкоторое время съ «маріавитами» возился. Постепенно движеніе заглохло: секта не удержалась на томъ нравственномъ уровнѣ, о которомъ ратовала.

«О. Петръ» меня подкупилъ своимъ «маріавитскимъ» прошлымъ. Онъ устроилъ въ Нантѣ церковку у себя на квартирѣ и сталъ служить. Вскорѣ до меня дошла вѣсть, что «о. Петръ» лицо съ неяснымъ прошлымъ... Я сейчасъ же исключилъ его изъ клира.

Во главѣ Нантскаго прихода всталъ о. Евгеній Кулонъ, хорошій, но необразованный старикъ, по спеціальности кузнецъ. Въ своемъ домикѣ, гдѣ помѣщается его кузнечная мастерская, онъ организовалъ церковку. Я послалъ молодого Евграфа Ковалевскаго въ Нантъ — поручилъ ему легализировать общину согласно французскому закону и ознакомить о. Кулона съ французскимъ текстомъ нашихъ службъ, а на о. Сухихъ (Бордо) возложилъ руководство новымъ Нантскимъ настоятелемъ.

Церковная община въ Нантѣ маленькая: человѣкъ около ста. Въ нее вошли французы, русскіе и греки. Прихожанъ о. Кулонъ не удовлетворяетъ. Для французовъ онъ слишкомъ простъ и невѣжественъ, для русскихъ слишкомъ далекъ отъ бытового типа русскаго «батюшки».

ФИНЛЯНДІЯ

(Выборгъ. Гельсингфорсъ.)

Безъ вѣдома и усилій съ моей стороны, внѣ территоріи моего епархіальнаго округа, въ 1926 г. въ Выборгѣ возникла маленькая община, пожелавшая войти въ мою юрисдикцію. Предъ праздникомъ св. Пасхи я получилъ телеграмму изъ Выборга отъ группы русскихъ съ просьбой принять ихъ въ мое управленіе и разрѣшить праздновать Пасху по старому стилю. Желаніе такого церковно-административнаго «самоопредѣленія» возникло изъ противодѣйствія русскихъ гражданъ не финскаго происхожденія грубому лишенію гражданскихъ и церковныхъ правъ. Отъ новаго Финляндскаго Церковнаго Управленія получилось предписаніе перейти на новый календарный

стиль. Особенно безпощадно провели реформу въ монастыряхъ Валаама и Коневца, — двухъ древнихъ твердыняхъ православія, гдѣ старыя традиціи держались особенно крѣпко. Рана тамъ до сихъ поръ не залѣчена... Много монаховъ покинуло тогда монастыри, многіе оказали пассивное сопротивленіе. Ихъ отлучали, лишали всего, — однако, они героически упорствовали. Архіепископъ Серафимъ, возглавлявшій православную Церковь въ Финляндіи (впослѣдствіи Карловацкій митрополитъ), поначалу правительственному воздѣйствію поддался, но потомъ, когда отъ него потребовали изучить финскій языкъ въ 3 мѣсяца, онъ на экзаменъ не явился; тогда его сослали на о. Коневецъ и заточили въ монастырь*). Финляндскія власти выписали изъ Эстоніи нѣкоего священника о. Германа Аава, который потомъ сдѣлался епископомъ-викаріемъ архіепископа Серафима. Когда архіепископъ Серафимъ былъ заточенъ, еп. Германъ возглавилъ Православную Церковь въ Финляндіи. При немъ создалось Управленіе, въ которое вошли священники-ренегаты: Солнцевъ, Казанскій, Акуловъ (Петербургской Духовной Академіи). «Старостильники» на Валаамѣ въ большомъ загонѣ и уничиженіи. Ни одной церкви имъ не дали, церковное послушаніе они должны нести по новому стилю, свои службы они справляютъ въ глинобитномъ сараѣ... Старые монахи, вѣрные церковнымъ традиціямъ, епископа Германа не признаютъ. Ходитъ онъ въ штатскомъ, бритый. При встрѣчѣ они ему не кланяются. Онъ спрашиваетъ: «Почему не кланяетесь?» — Они въ отвѣтъ: «А почему кланяться?» — «Я — епископъ!» — «А бороденка гдѣ у тебя?...» Въ чудномъ Валаамскомъ монастырѣ внутренняя жизнь раздвоилась, прокрался въ нее духъ несогласія и тяжбы. Вопросъ стиля шире календаря и прикрываетъ агрессивныя націоналистическія притязанія одной стороны и самозащиту самобытныхъ исконныхъ традицій другой.

Таково было положеніе православной Церкви въ Финляндіи, когда «выборжцы», не желавшіе принять новаго стиля, послали мнѣ телеграмму съ просьбой, чтобы я спасъ ихъ «отъ насилія надъ ихъ совѣстью...» Я просьбу исполнилъ, и въ Выборгѣ возникъ приходикъ, возглавляемый о. Григоріемъ Свѣтловскимъ. Этотъ актъ имѣлъ значеніе отдушины, и новое, болѣе либеральное, финляндское правительство съ этимъ посчиталось и отнесло нашу организацію къ линіи «свободы совѣсти»; согласно закону, приходъ былъ включенъ въ реестръ религіозныхъ организацій съ правомъ совершать богослуженіе. Эта уступка имѣла вліяніе на судьбу Валаама и Коневца,

*) Узнавъ о положеніи архіепископа Серафима, я изъ заточенія его вызволилъ.

— обителямъ было позволено праздновать пасхалію по старому стилю.

Организаторша выборгскаго прихода — купчиха Анна Дмитріевна Пугина, пріютила его въ своемъ домѣ. Началось объединеніе съ заутрени, которую служили у нея на дому, и на которую собралось много русскихъ. Въ донесеніи, посланномъ мнѣ, упоминалось: «на Пасхѣ у насъ все было полно молящимися — радующимися и плачущими...», нѣсколько позже г-жа Пугина устроила у себя настоящую церковь.

Въ 1927 г. часть общины основала филіальную организацію въ Гельсингфорсѣ, подъ водительствомъ о. Николая Щукина, пастыря энергичнаго, горячаго и ревностнаго (въ прошломъ военный чиновникъ). Церковь въ Гельсингфорсѣ устроили въ наемномъ помѣщеніи, но сейчасъ общинка озабочена созданіемъ своего храма на кусочкѣ земли, который она хочетъ купить на кладбищѣ. Бывшій церковный староста А. Г. Васильевъ, нынѣ умершій, и доселѣ здравствующая его супруга, всю душу вложили въ задуманное доброе дѣло.

Возникновеніе двухъ маленькихъ общинъ моей юрисдикціи вызвало неудовольствіе еп. Германа Финляндскаго. Онъ и его Управленіе начали травить нашъ Выборгскій приходъ, главнымъ образомъ, нападая на меня: «я извѣстный руссификаторъ, я хочу въ Финляндіи проводить русскую политику...» О. Свѣтловскій рѣшилъ на травлю не отвѣчать, чтобы не потонуть во взаимномъ анаѳематствованіи.

О. Свѣтловскій, — священникъ хорошій, а Выборгскій приходъ дѣятельный и живой. «Горе, что мы не имѣемъ счастья общенія съ Вами...» писалъ мнѣ о. Свѣтловскій. Къ сожалѣнію, навѣстить финляндскія общины мнѣ трудно. Мое положеніе сложное. Какъ опредѣлить мои отношенія къ еп. Герману? Какъ, пріѣхавъ въ Финляндію, не посѣтить Валаама? А какъ туда поѣхать, когда на Валаамѣ оппозиція къ главѣ Финляндской православной Церкви столь явна? Въ утѣшеніе общинамъ, я послалъ (въ 1935 г.) преосвященнаго Сергія Пражскаго, поручивъ ему объѣхать Швецію, Норвегію и Финляндію*). Пріѣздъ его въ Выборгъ вызвалъ ликованіе. Владыка Сергій умѣетъ людей обласкать, ободрить, обрадовать. Пребываніе его для моихъ общинокъ было праздникомъ. Онъ сдѣлалъ необходимые визиты официальнымъ лицамъ, но на Валаамъ не поѣхалъ: щепетильное положеніе.

Недавно «выборжцы» праздновали десятилѣтіе общины. Милыя мои духовныя чада... — какъ мнѣ ихъ жаль! Я управляю ими издалека, а поѣхать къ нимъ не могу...

*) Въ этихъ странахъ я поддерживаю отношенія и съ «новостильниками» и со «старостильниками».

МАРОККО

Приходъ въ Марокко возникъ въ 1925 году подъ вліяніемъ потребности въ церковной жизни русскихъ, разсѣянныхъ въ Африкѣ. Потребность эта была особенно настоятельна среди служащихъ въ Иностранномъ Легіонѣ. Туда принимаютъ людей безъ паспортовъ: всякій годный для военной службы, независимо отъ національности, зачисляется въ легіонъ подъ номеромъ и попадаетъ въ ту массу, которая, хорошо обученная и скованная желѣзной дисциплиной, образуетъ грозную боевую силу, извѣстную подъ названіемъ «Иностранный Легіонъ». Тяжелая служба! Всегда на передовыхъ позиціяхъ, въ кровавыхъ стычкахъ съ арабами, въ томительныхъ переходахъ по знойной пустынѣ... Среди духовенства моей епархіи одинъ о. Григорій Ломако былъ священикомъ въ Иностранномъ Легіонѣ, но не въ Африкѣ, а въ Месопотаміи. Французское правительство не могло долго отпускать кредиты на содержаніе православнаго священника, и о. Ломако тамъ не удержался. Я началъ переписку съ военнымъ министромъ, ходатайствуя о разрѣшеніи послать священника въ Марокко, ссылался на примѣръ священнослужителей другихъ религій, которые это разрѣшеніе получили, — ничего изъ моего ходатайства не вышло. А между тѣмъ изъ Африки доносились вопли: русскіе личаютъ! русскіе люди пропадаютъ! пришлите священника! помогите... Инженеръ-межевикъ Стефановскій освѣдомлялъ меня объ условіяхъ жизни своихъ соотечественниковъ въ Марокко.

Русскіе здѣсь служатъ преимущественно землемѣрами на отвоеванныхъ у арабовъ земляхъ. Условія работы трудныя. Живутъ въ палаткахъ, подъ угрозой налетовъ арабскихъ племенъ, подъ страхомъ быть растерзанными шакалами или погибнуть отъ укуса змѣй, скорпіоновъ...

Я внялъ призыву о помощи изъ далекаго Марокко и послалъ туда своего человѣка, — самоотверженнаго о. Варсонофія (Толстухина), іеромонаха Валаамскаго монастыря, «старостильника», покинувшаго родную обитель изъ-за разногласія со сторонниками новаго стиля. Въ свое время о. Варсонофій былъ келейникомъ въ архіерейскомъ домѣ архіепископа Сергія Финляндскаго и исполнялъ при немъ и секретарскія обязанности. Покинувъ Валаамъ, онъ перебрался въ Болгарію, оттуда — во Францію. Я послалъ его къ м. Евгеніи въ Гарганъ-Ливри обслуживать церковку обители-пріюта «Нечаянная Радость». Вскорѣ у него возникли тренія съ м. Евгеніей, и я направилъ его въ Африку.

О. Варсонофій прибылъ въ Рабатъ — главный центръ экономической и политической жизни Марокко. Здѣсь имѣютъ пребываніе Марокканскій султанъ со своимъ дворомъ и французскій резидентъ,

здѣсь же сосредоточены всѣ правительственныя учрежденія. За годы резидентства маршала Ліотэ Рабатъ превратился въ городъ европейскаго типа, не утерявъ своеобразной красоты восточнаго города. Вдумчивый и дальновидный администраторъ, маршалъ Ліотэ сталъ строить новые дома въ мавританскомъ стилѣ, снабжая ихъ всѣми техническими приспособленіями современнаго комфорта. Правительственныя зданія, вокзалы, частные дома... — все выдержано въ томъ же стилѣ. Новый Рабатъ является какъ бы продолженіемъ и модернизаціей стараго Рабата, который остается нетронутымъ. Особый художественно-строительный комитетъ утверждаетъ (или не утверждаетъ) архитектурные проекты новыхъ построекъ. Этотъ же художественно-строительный контроль проводится и въ другихъ городахъ Марокко.

Познакомившись съ паствой, о. Варсонофій приступилъ къ выработкѣ устава православнаго прихода въ Марокко. Мы этотъ уставъ утвердили, мѣстныя французскія власти его приняли, и о. Варсонофій началъ устраивать церковь. Благодаря нѣкоторымъ связямъ, удалось получить пустующій баракъ, покинутый строительными рабочими, а съ помощью русскаго населенія, съ великой радостью встрѣтившаго вѣсть объ организаціи церковнаго прихода, явилась возможность преобразовать его въ церковь, украсить и снабдить всѣмъ необходимымъ. Эта православная церковь въ скромномъ баракѣ знаменовала исторически важное событіе, — появленіе вновь въ этой части Африки православія. Черезъ сколько вѣковъ! Районъ Марокко церковно-географически входитъ въ составъ областей Александрійской патріархіи, и въ Казабланкѣ была маленькая греческая церковь возглавляемая архимандритомъ. Когда мы открыли нашу церковь, въ Казабланкѣ были этимъ недовольны, и мнѣ пришлось обратиться къ Александрійскому патріарху, дабы этотъ вопросъ уладить. Внѣшне тренія исчезли, а внутренно они не изжиты, и по отношенію къ о. Варсонофію по прежнему косые взгляды...

Приходъ о. Варсонофія раскинулся по всему Марокко. Ему пришлось ѣздить въ Казабланку, Маракешъ, въ Мекмешъ и нѣкоторые другіе города и селенія, гдѣ проживаютъ русскіе. Ознакомившись съ паствой и укрѣпившись въ приходѣ, о. Варсонофій, стяжавшій уже нѣкоторую популярность, сталъ носиться съ дерзновенной мыслью — построить свой храмъ взамѣнъ барачной церковки. Въ Рабатѣ цѣны на землю уже поднялись настолько, что о покупкѣ думать было нечего. Поначалу французскія власти, какъ будто, готовы были пойти навстрѣчу и дать намъ участокъ подъ храмъ даромъ, но дѣло, увы, ограничилось лишь обѣщаніями. На помощь намъ пришелъ Господь...

Въ Рабатѣ проживалъ богатый арабъ Джибли, женатый на рус-

ской. Въ молодости, будучи студентомъ Женевскаго университета, онъ познакомился съ русской дѣвушкой, уроженкой Саратовской губ., и рѣшилъ на ней жениться. Родители невѣсты были въ ужасѣ: магометанинъ!.. многоженство!.. Но молодая дѣвушка, по натурѣ смѣлая, ничего не убоялась. По русскимъ гражданскимъ законамъ, бракъ православной съ магометаниномъ и вообще нехристіаниномъ не разрѣшался, и потому невѣста перешла въ протестантство. Джибли служилъ въ итальянскихъ войскахъ, а потомъ уѣхалъ въ Марокко, на родину, гдѣ у него было много земли. Значительное вздорожаніе земли въ Рабатѣ дало ему возможность распродавать ее по участкамъ и тѣмъ самымъ пріумножить свой капиталъ. Семья (у четы Джибли было два сына и дочь) жила въ Рабатѣ богато. Въ тѣ дни, о которыхъ идетъ рѣчь, старикъ Джибли тяжко занемогъ. Жена его, давно порвавшая всѣ связи съ русскими, прибѣжала къ о. Варсонофію: «батюшка, я измѣнница, но вы помолитесь за моего мужа... Я вѣрю въ силу молитвъ...» — и попросила о. Варсонофія навѣстить больного. О Варсонофій пришелъ къ болящему, говорилъ съ нимъ о христіанской вѣрѣ, спасающей человѣка и въ жизни и въ смерти, и обѣщалъ помолиться. Вскорѣ больному стало лучше, и онъ сталъ поправляться. Выздоровленіе приписали молитвамъ. Возникло горячее желаніе вознаградить православнаго священника. «Мнѣ ничего не надо, — сказалъ о. Варсонофій, — но если хотите сдѣлать что-нибудь для насъ, дайте намъ кусочекъ земли для построенія храма». — «Съ радостью... сколько вамъ нужно?» — «Хоть бы 300 метровъ...» — «300 мало, бери 500». — Арабъ велѣлъ принести карту владѣній и указалъ, какой кусокъ онъ можетъ отдать. Участокъ оказался большой: 800 метровъ. — «Что же, хочешь ты его у меня купить, или хочешь, чтобы я его подарилъ?» — спросилъ арабъ. О. Варсонофій сообразилъ, что дарственная запись ненадежна, наслѣдники могутъ ее оспаривать, сказать, что онъ написалъ ее, будучи, яко бы, не въ своемъ умѣ... — «Я хочу землю купить», — заявилъ о. Варсонофій. — «За сколько?» — «За 1 франкъ». — «Хорошо, бери за франкъ!» — Такъ за франкъ о. Варсонофій землю и купилъ, при чемъ сдѣлка была оформлена по всѣмъ правиламъ гражданскаго закона, т. е. мы стали собственниками участка и имѣемъ на него купчую крѣпость.

Земля подъ храмъ досталась намъ чудеснымъ образомъ, теперь надо было собрать деньги на построеніе храма. О. Варсонофій ѣздилъ изъ одного городка въ другой и просилъ о пожертвованіяхъ. Всюду его встрѣчалъ живой откликъ. Мѣстное русское населеніе устраивало концерты и балетные вечера, на которыхъ съ большимъ успѣхомъ выступали мѣстныя русскія балерины — маленькія дѣвочки 9-10 лѣтъ. Стоило появиться на улицахъ афишѣ о выступленіяхъ

маленькихъ танцовщицъ, — арабы валили валомъ, а устроители выручали въ пользу церкви 3-5 тысячъ. Можно сказать безъ преувеличенія, — наши дѣвочки своими ножками вытанцовали-выстроили нашъ чудный храмъ въ Рабатѣ. (См. фотографію 10).

Я прибылъ на освященіе храма зимой 1932 г. Незабвенная поѣздка....

Я зналъ, что строится храмъ большой, хорошій, но не могъ себѣ представить той картины, которая открылась моимъ глазамъ, когда на пути съ вокзала я вдругъ вдали увидалъ нашъ храмъ... Прекрасный храмъ въ мавританскомъ стилѣ. Большой, круглый, бѣлый-бѣлый, съ высокой колокольней; рядомъ домикъ настоятеля, кругомъ деревья, кусты, цвѣты... и бѣлая лента церковной ограды, опоясывающая всю усадьбу... Глубокое, до слезъ волнующее, впечатлѣніе... Мы, эмигранты, несчастные паріи, скитальцы, — «возстанавливаемъ развалины»... Опять засіялъ православный Крестъ на томъ африканскомъ берегу, гдѣ нѣкогда, въ эпоху св. Кипріана Карѳагенскаго и во времена блаженнаго Августина, пышнымъ цвѣтомъ расцвѣло христіанство, потомъ безжалостно, до-чиста стертое мусульманами. Казалось, что вѣру Христову послѣдователи Магомета выжгли здѣсь съ корнемъ навсегда*)... А между тѣмъ оно постепенно оживаетъ и пускаетъ новые и новые ростки.

Торжество освященія храма прошло съ громаднымъ подъемомъ и было воспринято, какъ великій свѣтлый праздникъ. Русскіе съѣхались со всѣхъ городовъ. Храмъ, созданный общими усиліями марокканской эмиграціи, сдѣлался въ тѣ дни центромъ всей русской жизни. Легіонеры выпросили разрѣшеніе у начальства и пришли на торжество со своей музыкальной командой. Я имѣлъ возможность побесѣдовать съ ними и узнать подробности ихъ жизни.

Легіонерамъ живется трудно. Кормятъ ихъ не плохо, зато томиться жаждой приходится часто и мучительно. Она бываетъ столь невыносима, что солдаты убиваютъ лошадей и пьютъ кровь. Выручаетъ радіо, посредствомъ котораго сообщаютъ требованіе о немедленной доставкѣ воды; прилетаетъ аэропланъ и сбрасываетъ куски льда. Случается, что ледъ попадаетъ не легіонерамъ, а падаетъ въ станъ враговъ. Былъ случай, когда офицеръ такого «мимо» не выдержалъ, и застрѣлился. Для перехода въ 25-30 верстъ полагается брать съ собою двѣ фляжки воды: одну — для себя, другую — для котла. Боже упаси, прикоснуться къ этой «общественной» фляж-

*) Интересная подробность: несмотря на ненависть къ христіанству, самые ярые его гонители, племя берберовъ (отсюда и производное «варвары»), выжигаютъ на лбу своимъ дѣтямъ крестъ, какъ эмблему племени. Символическій смыслъ креста забытъ, а знакъ остался. Непостижимая, непобѣдимая сила Крестнаго знаменія!

кѣ — изобьютъ до полусмерти. На привалѣ разводятъ огонь, и выливаютъ принесенную для общественнаго пользованія воду въ котелъ. Наступаетъ долгожданный часъ ѣды и отдыха. Не тутъ то было! Вдругъ, какъ діаволы, налетаютъ арабы... Приходится отъ нихъ отбиваться. Стычка длится 10-15 минутъ, но все пропало: котелъ опрокинутъ... Измученные люди сидятъ голодные, слышится отборная ругань на всѣхъ языкахъ. Офицеръ командуетъ: «по стакану рому!» Сразу настроеніе мѣняется — веселье, хохотъ, пѣсни... А тутъ же и смерть поджидаетъ: вокругъ бивуака выставляются дозоры, человѣкъ 5-6, съ младшимъ офицеромъ; арабы въ своихъ бѣлыхъ бурнусахъ подползаютъ непримѣтно, какъ змѣи, и, случается, кривыми кинжалами вырѣзаютъ всѣхъ дозорныхъ...

Среди легіонеровъ встрѣчаются два типа людей. Однихъ трудная жизнь закаляетъ, дѣлаетъ несокрушимо-выносливыми, сильными, до жестокости, людьми; другихъ она губитъ, они спиваются, раздавленные тяжестью службы и существованія. Въ числѣ легіонеровъ этой категоріи мнѣ довелось встрѣтить въ тотъ пріѣздъ Житомирскаго пѣвчаго, который когда-то пѣвалъ мнѣ: «ис полла эти деспота». Теперь это былъ спившійся человѣкъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ набросился на откупоренную бутылку бѣлаго вина, которую примѣтилъ на окнѣ у о. Варсонофія. О. Варсонофію приходилось воевать съ москитами, и онъ травилъ ихъ какимъ-то снадобьемъ изъ пульверизатора; множество москитовъ попадало въ бутылку и испортило вино: пить его было невозможно. Пѣвчій набросился на бутылку. «Можно? Можно выпить?...» — и въ мигъ, прикрывъ горлышко платкомъ, осушилъ ее до дна.

Послѣ освященія храма я побывалъ съ визитомъ у французскаго резидента, который принялъ меня очень хорошо, — и выѣхалъ въ Куригу.

Курига — огромное предпріятіе по добыванію фосфатовъ, перегноя органическихъ тѣлъ: рыбъ, деревьевъ, костей животныхъ и проч. Одинъ изъ директоровъ M. de Sainte Marie, племянникъ маршала Ліотэ, относился къ русскимъ превосходно. Заводское управленіе дало намъ помѣщеніе католической церкви (католикамъ построили большой костелъ), и русскіе устроили тамъ маленькую церковь*). Настоятелемъ я назначилъ о. Авраамія**). Заводъ далъ батюшкѣ квартиру и положилъ 500 франковъ ежемѣсячнаго пособія, но, дабы эту выдачу провести по книгамъ, формально зачислилъ его служащимъ въ заводской конторѣ.

*) См. фотографію 11.

**) О. Авраамія (Терешковича) въ апрѣлѣ 1937 года смѣнилъ о. Михаилъ Ярославцевъ, нынѣ игуменъ о. Митрофанъ.

Встрѣтили меня въ Куригѣ торжественно. Инженеры завода, во главѣ съ директоромъ de Sainte Marie, стояли на перронѣ. «Мой домъ — вашъ домъ...» привѣтствовалъ меня директоръ, и повезъ на своемъ автомобилѣ къ себѣ (на пути мы заѣхали съ нимъ въ нашу церковь). На утро я служилъ обѣдню, которую de Sainte Marie выстоялъ до конца. Потомъ мѣстная русская колонія устроила скромный завтракъ, но съ изобиліемъ шампанскаго, которое прислалъ тотъ же добрый директоръ. Его застольная рѣчь отличалась сердечностью. «Прежде русскіе были наши союзники, — теперь они наши братья....» сказалъ онъ. Полились отвѣтныя рѣчи, тосты... Въ концѣ завтрака de Sainte Marie попросилъ меня съѣздить на кладбище: «У одного инженера недавно умерла жена, сдѣлайте доброе дѣло, помолитесь на ея могилѣ, это его утѣшитъ...» Мы посѣтили кладбище, а потомъ директоръ возилъ меня по разнымъ учрежденіямъ. Заводъ настроилъ прекрасныя больницы, школы... Одна школа для русскихъ, другая — для арабчатъ. Урокъ въ классѣ арабской школы своеобразное зрѣлище: въ углу, на полу, сидятъ арабчата, а передъ ними стоитъ мулла и строго-строго кричитъ на ребятишекъ.

При прощаніи de Sainte Marie благоговѣйно сложилъ руки и сказалъ: «благословите меня, какъ вы благословляете своихъ...»

Съ этимъ прекраснымъ человѣкомъ мнѣ довелось встрѣтиться еще разъ, когда я на обратномъ пути проѣзжалъ черезъ Рабатъ. Онъ пригласилъ меня къ обѣду, познакомилъ со своей женою. Въ эту встрѣчу я былъ свидѣтелемъ трогательнаго отношенія четы de Sainte Marie къ памяти о русскомъ прошломъ. Они показали мнѣ фотографію императрицы Маріи Феодоровны и маленькое зеркало. «Фотографія была подарена моему дядѣ, служившему въ нашемъ посольствѣ въ Петербургѣ, въ день посѣщенія царской четой французскаго посла. А зеркало оказало услугу императрицѣ: она передъ нимъ поправляла прическу. Мы бережно хранимъ эти реликвіи...» сказалъ хозяинъ.

Я не ограничился посѣщеніемъ Рабата и Куриги и объѣхалъ около 10 городовъ. Всюду наша эмиграція встрѣчала меня съ энтузіазмомъ и по-русски гостепріимно. Не забуду, какъ на одной изъ трапезъ, уготованныхъ въ мою честь, одинъ изъ присутствующихъ, отдавшій дань доброму вину, — привѣтствовалъ меня восклицаніемъ: «Дѣдушка! Пріѣзжай, пожалуйства, опять къ намъ!..» На него всѣ зашикали, а мнѣ это сказанное отъ сердца слово было пріятно.

Хорошо запомнилась мнѣ поѣздка въ оазисъ Маракешъ.

Я познакомился, на освященіи нашего храма въ Рабатѣ, съ французомъ-инвалидомъ (онъ хромалъ и носилъ протезы), заявившимъ мнѣ, что онъ православный. Разговорились. Въ Великую войну онъ былъ тяжело раненъ и попалъ въ госпиталь, гдѣ его сосѣдомъ по

койкѣ оказался русскій офицеръ. Врачи считали раненіе француза смертельнымъ и въ горячкѣ госпитальной работы на него махнули рукой: ухода за несчастнымъ не было никакого. Русскій, самъ раненый, сталъ за нимъ ухаживать и выходилъ больного товарища. Благодарность француза русскому другу была столь горяча и глубока, что повліяла на его религіозныя убѣжденія. Онъ перешелъ въ православіе, полагая, что братская любовь по отношенію къ нему, чужому человѣку, иностранцу и католику, есть проявленіе особаго духа православной вѣры. Послѣ войны ему какъ инвалиду правительство отвело въ Маракешѣ большой кусокъ земли. Уѣхать туда, разставшись съ русскимъ другомъ, онъ не хотѣлъ и увезъ его съ собою. Нѣкоторое время они работали вмѣстѣ, потомъ русскій умеръ. Французъ горько его оплакивалъ. Надъ его гробомъ онъ воздвигъ мавзолей. Когда у него родился сынъ (онъ женился на арабкѣ), имя ребенку дали въ честь покойнаго друга: Дмитрій; а когда ребенокъ умеръ, его гробикъ поставили рядомъ съ гробомъ русскаго.

Вотъ у этого-то благодарнаго француза, столь вѣрнаго въ дружбѣ, я въ Маракешѣ и побывалъ. Онъ привелъ меня къ мавзолею. На гробахъ его дорогихъ усопшихъ я съ нашимъ духовенствомъ отслужилъ Литургію. Трогательное и незабываемое впечатлѣніе! Ощущеніе безбрежной пустыни за полосой оливковыхъ и апельсиновыхъ садовъ... возгласы пѣснопѣнія нашей православной Литургіи подъ африканскимъ небомъ... и сознаніе, что обѣдню мы здѣсь служимъ, благодаря тому, что два чужеземца стали братьями... Что-то въ этой картинѣ и въ ея смыслѣ напоминало времена первохристіанства.

Послѣ обѣдни былъ завтракъ. Жена хозяина дома еще не встала послѣ родовъ второго ребенка, но пожелала на завтракѣ присутствовать и, лежа тутъ же въ столовой, распоряжалась слугами, наблюдая за порядкомъ.

Тутъ же въ Маракешѣ я посѣтилъ огромный апельсиновый садъ и оливковую рощу члена нашего Епархіальнаго Управленія и Парижскаго Приходскаго Совѣта В. Н. Сенютовича. Отлично поставленное хозяйство. Чудесныя дороги, разработанная система орошенія...

МИССІОНЕРСКОЕ МОНАШЕСТВО

Монашество аскетическаго духа, созерцанія, богомыслія, т. е. монашество въ чистомъ видѣ въ эмиграціи не удалось. Говорю это съ прискорбіемъ, потому что аскетическое монашество — цвѣтъ и украшеніе Церкви, показатель ея жизненности. По нему можно су-

дить о состояніи Церкви. Поначалу я полагалъ, что эмиграція — почва весьма для монашества благопріятная: люди, претерпѣвшіе жизненное крушеніе, склонны къ отрѣшенности отъ мірскихъ привязанностей; подъ вліяніемъ скорбей, утратъ, семейнаго развала, разбитыхъ плановъ и надеждъ, лишеній (подчасъ до бѣдности) создается психологія оторванности отъ жизни. Въ эмигрантской средѣ эта психологія была распространена, она давала основаніе надѣяться, что въ нашемъ разсѣяніи могутъ возникнуть обители, которыя привлекутъ къ себѣ множество одинокихъ душъ, взыскующихъ духовнаго, иноческаго подвига. Особенно, признаюсь, надѣялся я на нашихъ соотечественницъ. Мнѣ вспоминался Холмъ, женскіе монастыри моей епархіи, процвѣтавшее въ нихъ монашество... Хотѣлось, чтобы и въ Зарубежьѣ создались какія-нибудь образцовыя обители, гдѣ бы не по книгамъ, а на живомъ примѣрѣ, подъ руководствомъ опытныхъ настоятельницъ, могли бы учиться монашескому подвизанію женскія души, готовыя всецѣло отдать себя служенію Богу и ближнему. Ни одной такой обители въ моей западно-европейской епархіи не создалось. Мнѣ не удалось выписать опытной игумены, не удалось найти среди эмигрантокъ тѣ души, отъ которыхъ можно было ожидать, что онѣ впослѣдствіи сдѣлались бы сподвижницами игумены-основательницы. Безпочвенность эмигрантскаго существованія создавала психологію отрѣшенности, но въ ней не чувствовалось твердаго основанія, готовности на сознательный подвигъ. Многія приходили и говорили мнѣ о своемъ желаніи принять постригъ, но къ инночеству онѣ относились эмоціонально, по диллетантски представляя себѣ его задачи, — обдуманной идеологіи у нихъ не было. Разочарованный въ своихъ ожиданіяхъ, я рѣшилъ принять монашество въ эмиграціи въ формѣ «монашества въ міру», осуществляющаго «соціальное христіанство», миссіонерское по своей цѣли — поставившее себѣ задачей христіанизацію мірской жизни. Это разновидность того же монашества, суть же его та же. Католики давно уже усвоили эту форму служенія ближнему: монахи и монахини обслуживаютъ больницы, пріюты, богадѣльни, работаютъ въ школахъ, тюрьмахъ, организуютъ общежитія, дѣтскія колоніи... Наши могли бы пойти такимъ же путемъ.

Кое-что за годы эмиграціи въ этомъ направленіи создалось. М. Марія и м. Евдокія работаютъ въ организаціи «Православное Дѣло». М. Анастасія управляетъ «Домомъ отдыха» для выздоравливающихъ въ Нуази ле Гранъ. М. Меланія и м. Дороѳея — пріютомъ для пожилыхъ женщинъ въ Розэй-анъ-Бри... Есть и тайныя монахини-одиночки, которыя, принимая постригъ, остаются въ своихъ семьяхъ и продолжаютъ послѣ пострига трудиться заработка ради, какъ онѣ трудились и до него. Меня упрекаютъ: «у васъ «бродячія

монахини...» Я думаю, что упрековъ эти монахини врядъ ли заслуживаютъ, если онѣ вѣрны монашескимъ обѣтамъ и въ тѣхъ или иныхъ формахъ служатъ Богу и людямъ.

Монашество въ эмиграціи явило лишь одинъ примѣръ чистаго миссіонерства. Я разумѣю миссіонерскіе труды въ Индіи іеромонаха Андроника (Элпидинскаго), бывшаго настоятеля церкви въ Бельфорѣ*).

Будучи еще священникомъ въ Бельфорѣ, о. Андроникъ подалъ прошеніе о переводѣ его въ Индію для обслуживанія разсѣянныхъ по всей Индіи русскихъ. Прошеніе меня не удивило. О. Андроникъ уже объ этомъ поговаривалъ, но офиціально еще ко мнѣ не обращался. Опасаясь быть тяготою для казны Епархіальнаго Управленія, онъ исподволь собиралъ деньги на свою поѣздку, разводилъ овощи на заарендованномъ имъ огородѣ и одновременно работалъ на заводѣ Пежо, гдѣ онъ выдѣлывалъ какія-то гайки для автомобилей.

Какъ я уже сказалъ, говоря о Бельфорѣ, отъ инженера С. Ф. Кириченко изъ Индіи пришелъ запросъ въ Союзъ Инвалидовъ, не хочетъ-ли кто-нибудь изъ русскихъ пріѣхать работать на его ферму. Охотниковъ не нашлось, и о. Андроникъ предложилъ себя. Ѣхать ему въ Индію я разрѣшилъ, и онъ вскорѣ Францію покинулъ.

Ферма инженера Кириченко, куда о. Андроникъ прибылъ, расположена въ селеніи Баталоръ, въ мѣстности здоровой, не жаркой. Самъ хозяинъ туда лишь наѣзжаетъ, а по своей спеціальности работаетъ въ сосѣднемъ городѣ Камбаторъ. Въ одной изъ комнатъ фермы о. Андроникъ устроилъ церковку и принялся за фермерское хозяйство. Дабы земля приносила доходъ, онъ занялся садоводствомъ, излишекъ дохода отъ земли и церкви посылая въ Парижъ Союзу Инвалидовъ. Такова была поначалу матеріальная база его существованія. Прямая миссіонерская его задача заключалась въ обслуживаніи русскихъ на неизмѣримыхъ пространствахъ Индостана. Русскіе здѣсь живутъ одиночками и группами (всего ихъ тамъ человѣкъ 300); до пріѣзда о. Андроника вѣрующіе среди нихъ были лишены всякаго церковнаго утѣшенія. Въ трудную минуту имъ приходилось обращаться за религіозной помощью къ инославнымъ священнослужителямъ. Такъ было съ умирающей кн. Урусовой. Старушка хотѣла причаститься св. Тайнъ и обратилась къ англиканскому епископу (Бомбейскому). Сначала онъ отказалъ наотрѣзъ, а потомъ сдался. «Я васъ причащу, сказалъ онъ, но принимая св. Тайны, вѣруйте, что вы причащаетесь изъ рукъ православнаго священника, а я послѣ

*) См. стр. 508.

снесусь съ вашимъ епископомъ и попрошу его утвердить принятіе св. Евхаристіи...» Этотъ случай показываетъ, насколько въ Индіи православный священникъ былъ необходимъ.

Сперва о. Андроникъ разъѣзжалъ по требамъ, но скоро его дѣятельность получила новое направленіе. Онъ отправился въ трехнедѣльное путешествіе по Малабарскому побережью — въ самый центръ древняго индусскаго христіанства. Здѣсь онъ встрѣтился съ особой его вѣтвью, именующей себя «якобитами» или «іаковитами». Это христіане придерживающіеся монофизитской ереси. Разсѣяны они въ Сиріи, въ Месопотаміи и частью въ Индіи. Названіе свое они получили отъ одного изъ сирійскихъ епископовъ — Іакова Барадея, жившаго въ VI вѣкѣ. Монофизиты (единоприродники) — еретики, не признающіе двухъ природъ въ Іисусѣ Христѣ, но лишь одну, — божественную. Ересь эта была осуждена 4-мъ Вселенскимъ Соборомъ. Къ этому еретическому ученію о лицѣ Іисуса Христа главное разногласіе съ нами и сводится. Что касается церковной жизни, то ихъ крѣпкая церковная традиція пронесла черезъ 2.000 лѣтъ почти все существенное въ непорочномъ видѣ, и разница, бросающаяся въ глаза, коснулась лишь внѣшней стороны. У «іаковитовъ» 7 таинствъ, какъ и у насъ, но множество литургій (у насъ три), литургія можетъ служиться сразу на нѣсколькихъ престолахъ; допускаются звонки, просфоры въ видѣ бисквитовъ; для св. Евхаристіи употребляется сокъ изъ свѣтлаго изюма, приготовляемый передъ самой литургіей; иконопочитаніе одними епископами принимается, а другими отрицается; крещеніе совершается посредствомъ обливанія; натѣльныхъ крестовъ міряне не носятъ, кресты (наперсные) носятъ только епископы и монахи; крестное знаменіе съ лѣваго на правое плечо; пастырское благословеніе преподается не въ видѣ крестнаго знаменія, а прикосновеніемъ ко лбу; строгость къ таинству покаянія большая: кто годъ не говѣлъ, тотъ отлучается отъ церковнаго общенія... — католическія наслоенія на восточно-православную основу несомнѣнны.

Церковь «якобитовъ» раскололась 25 лѣтъ тому назадъ на два церковныхъ объединенія: 1) Церковь Антіохійскаго патріарха Ильи-Игнатія III, объединяющаго до 100.000 вѣрныхъ и возглавляющаго четырехъ митрополитовъ и 2) Церковь католикоса Василія-Григорія, такъ называемая «The Orthodox Syrian Church of the East», она объединяетъ 350.000-400.000 вѣрныхъ, имѣетъ 470 церквей (изъ которыхъ многія съ прекрасно налаженной приходской жизнью) и много школъ. Католикосу подчинены 1 митроплитъ и 2 епископа.

Расколъ на эти двѣ вѣтви возникъ вслѣдствіе того, что глава Сирійской Церкви католикосъ Василій-Григорій отдѣлился отъ патріарха и переѣхалъ въ Индію, гдѣ вокругъ него объединилось много

сторонниковъ. Соперничество между обѣими вѣтвями объясняется тѣмъ, что патріарху Антіохійскому и его сподвижникамъ ближе бѣлые, нежели индусы; этотъ расовой признакъ отдаляетъ населеніе отъ партріарха и влечетъ къ католикосу, который имъ «свой» архипастырь. Такъ, напримѣръ, митрополитъ Діонисій, сподвижникъ католикоса, пользовался громадной популярностью среди широкихъ круговъ индусскаго населенія, и его кончина, по свидѣтельству о. Андроника, вызвала искренюю всеобщую скорбь.

Параллельно этимъ вѣтвямъ, существуетъ еще «Церковь апостола Ѳомы», возглавляемая митрополитомъ Титомъ и объединяющая около 100.000 вѣрующихъ и имѣющая 200 церквей. Она откололась отъ «якобитовъ» лѣтъ 70 тому назадъ. Національстическая по духу, Церковь эта проникнута протестантскими заимствованіями, — напримѣръ, она не признаетъ святыхъ.

Есть еще одна Церковь, «Евангельской миссіи», возглавляемая священникомъ-англичаниномъ Батли. Онъ былъ посвященъ неимѣющимъ паствы митрополитомъ (или даже патріархомъ) изъ Месопотаміи. Церковь Батли остальныя «Церкви» не признаютъ, усматриваютъ въ ней несторіанскій уклонъ, считаютъ Батли ставленникомъ англичанъ, обвиняютъ въ подкупѣ крещаемыхъ англійскими деньгами. Надо сказать, что въ Индіи между всѣми развѣтвленіями христіанства наблюдается конкуренція, и деньги извѣстную роль играютъ*), деморализуя народныя массы. Въ ихъ представленіи миссіонеръ изъ Европы или изъ Америки — человѣкъ съ деньгами, котораго можно обобрать.

Въ эту поѣздку на побережье Малабара, о. Андроникъ ознакомился со всѣми развѣтвленіями индусскаго христіанства и съ нѣкоторыми видными его представителями — и пришелъ къ заключенію, что направленіе его собственнаго миссіонерскаго пути особое, ни съ одной изъ существующихъ индусскихъ Церквей не совпадающее.

Онъ побывалъ у Антіохійскаго патріарха Ильи-Игнатія III-го, который какъ разъ въ это время объѣзжалъ Индію, и былъ встрѣченъ имъ благосклонно и гостепріимно. Но встрѣча эта къ дальнѣйшему сближенію не повела. Зато съ Церковью католикоса Василія-Григорія о. Андроникъ сблизился. По его словамъ, въ Сирійской Церкви, въ ея главѣ и епископахъ, чувствуется истинно-христіанскій духъ и крѣпкая спаянность іерархіи со своей паствой. Въ бесѣдахъ съ нѣкоторыми видными представителями этой Церкви о. Андроникъ постоянно указывалъ на основной недостатокъ — оторванность Сирійской Церкви отъ Вселенской Православной Церкви и былъ неожиданно для себя утѣшенъ общимъ желаніемъ единенія со Вселенской

*) Католики платятъ индусу 2-3 рупіи, если онъ согласенъ креститься.

Церковью черезъ посредствующее звено — Русскую Православную Церковь. Это стремленіе и сблизило Церковь католикоса съ о. Андроникомъ, — единственнымъ православнымъ русскимъ іеромонахомъ на всю Индію, который могъ бы помочь дѣлу объединенія съ Православной Церковью. Нашего іеромонаха «якобиты» оцѣнили, полюбили, имъ заинтересовались. Выяснилось, что близость съ нами въ прошломъ, каноническая и вѣроучительная, имъ очень цѣнна.

Единомысліе въ вопросѣ о соединеніи сблизило о. Андроника съ діакономъ Сирійской Церкви о. Ѳомою, бывшимъ главою «якобитской» семинаріи, очень образованнымъ, скромнымъ человѣкомъ, уже лѣтъ 20 пребывающимъ въ санѣ діакона. О. Ѳома живетъ близъ Патапапурама въ центрѣ Траванкора, гдѣ развиваетъ энергичную религіозно-просвѣтительную дѣятельность. Онъ владѣетъ здѣсь нѣсколькими участками земли, построилъ на одномъ изъ нихъ училище съ церковью, на другомъ небольшой женскій монастырь (первый въ Траванкорѣ). По приглашенію о. Ѳомы, о. Андроникъ пріѣхалъ погостить. Въ лицѣ о. Ѳомы онъ нашелъ друга нашей Церкви и братски преданнаго ему человѣка. Временно поселившись вмѣстѣ, они сообща занялись религіозно-просвѣтительной работой: по воскресеньямъ устраивали въ округѣ религіозные митинги. Индусы любятъ дискуссіи на религіозныя темы, полемику, доклады, проповѣди; любятъ выяснять на чьей сторонѣ правда, и высоко цѣнятъ образованіе (черта дающая основаніе заключить, что дѣйственно вліять на индусовъ можно черезъ учебныя заведенія). Ознакомилъ о. Ѳома своего гостя и съ созданной имъ маленькой женской обителью и попросилъ достать ему православный чинъ постриженія въ монашество, а также высказалъ желаніе, чтобы двѣ русскія монахини пріѣхали въ его монастырь.

Побывалъ о. Андроникъ и въ мужскомъ «якобитскомъ» монастырѣ; основанъ онъ 12 лѣтъ тому назадъ. Въ одномъ изъ своихъ донесеній о. Андроникъ довольно подробно разсказываетъ объ этомъ посѣщеніи. Монашескій уставъ «якобитовъ» многимъ отличается отъ нашего. Отличительныя черты «якобитскаго» монашества — отсутствіе той суровой аскезы, которая характеризуетъ нашъ уставъ. Нѣтъ долгихъ службъ, нѣтъ употребленія «Іисусовой молитвы», серьезной сосредоточенности, нѣтъ и обѣтовъ при постриженіи. Молитва и послушаніе не являются сущностью монашескаго подвига, а какъ бы обрамляютъ монашескую жизнь; общія молитвы въ монастырѣ частыя, но краткія, зато у «якобитскихъ» монаховъ больше, нежели у насъ, опредѣленныхъ и узаконенныхъ часовъ на размышленія и на молчаніе; но внѣ этихъ часовъ монахи ведутъ оживленныя бесѣды другъ съ другомъ и группами. Составъ монаховъ въ монастырѣ, который посѣтилъ о. Андроникъ, — преимущественно молодежь.

О. Ѳома высоко оцѣнилъ подвижническій духъ о. Андроника и предложилъ своему гостю основать скитокъ и подарилъ ему на горѣ кусокъ земли. Здѣсь, орудуя заступомъ и топоромъ, нашъ русскій подвижникъ сталъ строить себѣ келью и церковку*). Индусы на работу косились... Гора посвящена языческой богинѣ Бодрагали, — заповѣдная. Посыпались петиціи мѣстнымъ правительственнымъ властямъ, но рѣшительныхъ мѣръ не послѣдовало: церковь о. Андронику разрѣшено имѣть, но на правахъ домовой, т. е. безъ права создать приходъ. Вокругъ скита о. Андроникъ развелъ садъ и огородъ. Хотѣлъ заняться пчеловодствомъ, да оно не пошло; неблагопріятны для него климатическія условія. Хижину себѣ о. Андроникъ соорудилъ изъ пальмъ съ перекрытіемъ изъ кокосовыхъ листьевъ, вмѣсто прочной крыши. Обстановка убогая: вся мебель — двѣ доски, онѣ служатъ и постелью, и сидѣньемъ, и столомъ. По вечерамъ освѣщеніе — одна лампада. Питье — вода, рѣдко что иное. Ѣда скудная, «но не могу жаловаться, чтобы я голодалъ противъ воли. Господь помогалъ сводить концы съ концами...» пишетъ онъ мнѣ въ своемъ донесеніи. И упоминаетъ о полной безопасности для него въ ночное время: съ вечера до утра, онъ увѣренъ, никто не придетъ: вершина горы, по убѣжденію окрестныхъ жителей, обиталище злыхъ духовъ. Дикіе звѣри реальная опасность въ тѣхъ краяхъ. Тигры и дикіе слоны обыкновенно днемъ отъ человѣка уходятъ, зато въ темнотѣ безъ огня ходить нельзя. «Былъ случай, разсказываетъ о. Андроникъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, когда я ночь провелъ въ деревнѣ, гдѣ въ окрестномъ лѣсу ночуетъ около 25 дикихъ слоновъ. Какъ-то разъ въ темнотѣ мы огнемъ спугнули леопарда. Людямъ съ слабымъ здоровьемъ и пугливымъ нужно быть осторожными...» Грозная опасность — змѣи. За годъ въ Индіи погибаетъ отъ укусовъ до 30.000 человѣкъ. Однажды вошелъ о. Андроникъ въ свою церковь, а на престолѣ лежитъ кобра...

О. Андроникъ въ своемъ скиточкѣ пребываетъ не безвыходно. Онъ разъѣзжаетъ съ докладами, проповѣдями по сосѣдямъ и разъ въ недѣлю служитъ Литургію въ церкви о. Ѳомы. Тогда приходится оставлять всѣ свои посадки на произволъ судьбы; случалось находить ихъ по возвращеніи попорченными отъ обезьяньихъ набѣговъ. На климатъ о. Андроникъ не жалуется, климатъ тамъ хорошій.

Изъ этихъ описаній условій жизни и миссіонерскихъ трудовъ о. Андроника можно сдѣлать заключеніе, что о. Андроникъ являетъ примѣръ «мужа апостольскаго», стойкаго, самоотверженнаго. Всевозможныя лишенія, опасности, подвижничество въ полномъ физическомъ и моральномъ одиночествѣ, нѣсколько лѣтъ безъ возможности исповѣдаться... — все это онъ мужественно претерпѣваетъ.

*) См. фотографію 13.

Ярко и свѣтло вырисовывается личность о. Андроника. Я чувствую, что мы виноваты, — мы недостаточно живо отзывались на его запросы, письма, донесенія. Только совсѣмъ недавно организовался «комитетъ помощи о. Андронику» при Свято-Троицкомъ братствѣ подъ предсѣдательствомъ о. А. Калашникова, дабы по мѣрѣ возможности заботиться хоть о самой скромной субсидіи нашему подвижнику.

Неудивительно, что такой монахъ-миссіонеръ, какъ о. Андроникъ, стяжалъ рѣдкое и единодушное уваженіе «якобитовъ» обоихъ развѣтвленій, а также и инославныхъ христіанъ, особенно англиканъ. Знаніе англійскаго языка и усвоеніе мѣстнаго «якобитскаго» нарѣчія — внѣшнія благопріятныя условія сближенія съ нимъ.

Послѣ почти трехлѣтняго пребыванія въ Траванкорѣ о. Андроникъ съѣздилъ на Рождество (въ 1934 г.) на ферму С. Ф. Кириченко. Дорогой посѣтилъ нѣкоторыя мѣста, гдѣ живутъ русскіе. Вновь довелось ему служить въ своей первой церковкѣ на фермѣ, гдѣ онъ провелъ 8 мѣсяцевъ по пріѣздѣ въ Индію. Свѣтлый праздникъ привлекъ богомольцевъ человѣкъ 60, изъ нихъ около 20 дѣтей и взрослыхъ человѣкъ 40, — большею частью русскихъ крестьянъ, осѣвшихъ за годы 1932-1934 въ Индіи, но собиравшихся двинуться дальше, въ Бразилію. «Впервые послѣ 3 съ половиной лѣтъ въ Индіи я служилъ, какъ-бы въ Россіи, исповѣдавъ и причастивъ около 40 человѣкъ...», пишетъ о. Андроникъ въ своемъ донесеніи. Малая у него русская паства, разсѣянная, сплотить и организовать ее трудно, но все же она существуетъ и къ своему церковному центру инстинктивно влечется. Къ празднику Воскресенія Христова (1933 г.) я послалъ православнымъ русскимъ людямъ въ далекой Индіи слѣдующее пасхальное привѣтствіе:

Православнымъ русскимъ людямъ, живущимъ въ Индіи.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Этотъ всерадостный христіанскій привѣтъ пасхальный шлю вамъ, возлюбленныя чада Православной Русской Церкви, разсѣянныя и затерянныя въ далекой Индіи. Да отзовется онъ глубоко въ сердцахъ вашихъ и да озаритъ ихъ радостью Свѣтлаго Праздника Воскресенія Христова.

Знаете ли вы, что разбросанные по всему свѣту русскіе люди въ мѣстахъ своего разсѣянія прежде всего заботятся о томъ, чтобы организовать церковную общину и устроить хотя бы самый скромный, маленькій храмъ. Сколько теперь такихъ трогательныхъ бѣженскихъ храмовъ, созданныхъ любовью и усердіемъ русскихъ изгнанниковъ, которые въ устроеніе ихъ вложили не только свои лепты, но и частички своихъ измученныхъ, страждущихъ душъ!

Недавно и въ Индіи появился православный русскій іеромонахъ

Андроникъ (Элпидинскій), посвященный мною въ церкви Подворья Преподобнаго Сергія въ Парижѣ. Онъ поселился на фермѣ русскаго инженера Кириченко, близъ города Бангалора (Pr. Andronik c-o Kirichenko's Farm. Agram Village viaBangalore, South India) и теперь занятъ устройствомъ маленькой домовой церкви.

Въ эти свѣтлые дни Праздника Воскресенія Христова, съ великою духовною радостью извѣщая васъ объ этомъ, приглашаемъ всѣхъ православныхъ русскихъ людей, разсѣянныхъ въ Индіи, обращаться со всѣми своими духовными нуждами, объединяться около него и черезъ него соединяться съ всею Православною Церковью въ молитвахъ, таинствахъ и вообще въ христіанской вѣрѣ и жизни. Усердно просимъ всѣхъ оказывать о. Андронику всяческое содѣйствіе и помощь моральную и матеріальную.

Дѣло о. Андроника святое, великое и трудное. Онъ продолжаетъ благовѣстническіе труды св. Апостола Ѳомы. Принесенная имъ отъ Матери Русской Церкви и возженная въ далекой Индіи лампада святой Православной вѣры не только соберетъ на свой священный огонь разбросанныхъ тамъ русскихъ людей, но, можетъ быть, привлечетъ вниманіе и мѣстнаго нехристіанскаго населенія и побудитъ ихъ «любопытною десницею» осязать Спасителя, чтобы воскликнуть въ порывѣ пламенной вѣры вмѣстѣ съ св. Апостоломъ Ѳомою: «Господь мой и Богъ мой!»

Помогите же, православные русскіе люди, о. Андронику, который пока трудится въ одиночествѣ, и не дайте погаснуть новому свѣтильнику св. Православія, — да свѣтитъ онъ своимъ спасительнымъ свѣтомъ всѣмъ — и своимъ и чужимъ, и близкимъ и дальнимъ.

Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ.

Митрополитъ Евлогій.

Главное дѣло о. Андроника, повторяю, состоитъ не въ томъ, что онъ обслуживаетъ русскихъ, а въ томъ, что онъ, скромный русскій монахъ, открылъ для Православія индусскихъ христіанъ и положилъ основаніе проблемѣ возсоединенія ихъ съ Православной Вселенской Церковью черезъ Русскую Церковь. Пути разрѣшенія этой важной проблемы трудно сейчасъ предвидѣть.

Когда выяснилось, что Церковь католикоса стремится къ единенію и дружественна по отношенію къ намъ, о. Андроникъ далъ мой адресъ, дабы завязать наши церковныя сношенія. Я получилъ письма и на нихъ отвѣтилъ, но вскорѣ увидѣлъ, что у меня нѣтъ ни людей, ни денегъ (а нужны большія деньги), ни полномочій Матери Русской Церкви для того, чтобы справиться съ такого рода задачей. Мы бѣдны, безправны, гдѣ же намъ поднять тяжесть такого великаго начинанія! Я старался заинтересовать Вселенскій Престолъ, исхо-

дя изъ соображенія, что Индія, церковно-географически, область либо Антіохійскаго, либо Константинопольскаго патріарха, но на мое донесеніе не отозвались... А тѣмъ временемъ католикосъ, о. Ѳома и еще кто-то изъ священнослужителей-«якобитовъ» побывали въ Іерусалимѣ, познакомились съ архіепископомъ Анастасіемъ. Карловацкія сферы заинтересовались индусскимъ движеніемъ, выпросили у Сербскаго патріарха Варнавы помощь, — и карловацкій епископъ Димитрій, дорогой на Дальній Востокъ, заѣхалъ въ Индію и познакомился съ о. Андроникомъ.

Въ прошломъ, 1936 году, Всемірный Съѣздъ ИМКА былъ въ Индіи. Отъ Сербіи на Съѣздъ патріархъ Варнава командировалъ митрополита Досиѳея Загребскаго. Учитывая создавшееся положеніе, я написалъ патріарху Варнавѣ, что не возражаю противъ участія сербской Церкви въ начатомъ о. Андроникомъ дѣлѣ; важно, чтобы это большое дѣло сдѣлалось, и если нашъ о. Андроникъ нуженъ «я готовъ отдать его въ ваши руки». «Инъ есть сѣяй, инъ есть жняй...» (Іоан. 4, 37) писалъ я патріарху. Одновременно я просилъ, чтобы митрополитъ Досиѳей посвятилъ о. Андроника въ архимандриты.

Я думаю, что «карловчанамъ» тоже непосильна проблема возсоединенія. За нее можетъ взяться лишь какая-нибудь автокефальная Церковь, утвержденная на твердомъ основаніи, напримѣръ, — сербская Церковь, возглавляемая энергичнымъ патріархомъ Варнавою.

Недавно до меня дошла вѣсть, что игуменья Евгенія, бывшая настоятельница обители «Нечаянная Радость», проживающая послѣдніе годы въ Іерусалимѣ, по порученію архіепископа Анастасія, ѣдетъ, какъ монахиня-миссіонерка, съ нѣсколькими сестрами къ о. Андронику. Боюсь, чтобы она не встала ему поперекъ дороги... О. Андроникъ — это тактъ, любовь, умѣнье владѣть собою, а м. Евгенія человѣкъ крутого, своевольнаго нрава, можетъ отъ православія оттолкнуть. Я благословилъ самую идею миссіи, но упомянулъ, что ѣхать въ Индію не слѣдовало, ужъ по одному тому, что подвигъ этотъ очень трудный, и врядъ ли она, больная и старая, можетъ поднять его.

Въ эмиграціи за эти годы было нѣсколько попытокъ основать монастырскія общежитія. О нихъ я теперь и разскажу.

ОБИТЕЛЬ «НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ»

Возникла обитель въ 1926 году, въ Гарганъ-Ливри, подъ Парижемъ, по почину м. Евгеніи*). Во время гражданской войны она возглавляла организацію помощи офицерамъ-участникамъ бѣлаго движенія, подъ названіемъ «Бѣлый Крестъ». Монашество она приняла

*) Въ міру Елизавета Константиновна Митрофанова, вдова ректора Варшавскаго Университета, дочь сенатора Турау.

въ Константинополѣ, во время эмиграціи, а потомъ черезъ Болгарію проѣхала въ Парижъ. Здѣсь въ одномъ изъ предмѣстій, въ Гарганъ-Ливри, открыла школу-общежитіе для дѣтей и при ней церковь, лелѣя надежду, что вокругъ этого просвѣтительнаго учрежденія сгруппируются взыскующія монашества эмигрантки, и въ Гарганъ завьется монашеская общинка.

М. Евгенія, умная, интеллигентная, властная и умѣлая организаторша, принялась за дѣло съ большой энергіей. Поначалу казалось, что все пойдетъ хорошо, но нѣкоторое время спустя выяснилось, что она раздваивается, преслѣдуя двѣ цѣли сразу: 1) созданіе учебно-воспитательнаго учрежденія и 2) организацію монастыря. Эти двѣ линіи перепутывались и другъ другу мѣшали. Дѣтокъ м. Евгенія подчинила монастырскому уставу (службы по 2-3 часа); души дѣтскія брать въ руки она умѣла, но не всегда религіозная насыщенность школьнаго быта вліяетъ благотворно, иногда это вызываетъ сопротивленіе и приводитъ къ печальному результату: дѣти выходятъ изъ школы менѣе религіозными, чѣмъ поступили.

Не ладилось у м. Евгеніи и съ персоналомъ. Педагогическая корпорація, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ членовъ, либо была не на высотѣ монашескихъ устремленій, либо не на высотѣ учебно-педагогическихъ требованій.

Причиной прочихъ препятствій для нормальнаго развитія этого полезнаго въ эмиграціи учрежденія была сама м. Евгенія. Нервная и своенравная, она сообщала нервность свою всему строю жизни. Въ обители не было тишины, благодати, покоя. Вѣчно кто-то на кого-то сердился, кто-то былъ раздраженъ, кто-то плакалъ. Обслуживающія общежитіе «сестры» съ м. Евгеніей не ладили, и непріятности, тренія, разрывы и отъѣзды... стали обычнымъ явленіемъ въ «Нечаянной Радости». Единственная послушница, постриженная въ обители въ рясофоръ, ужиться съ м. Евгеніей не смогла и покинула ее. Священники, обслуживающіе обитель, тоже съ настоятельницей не уживались. За 8 лѣтъ существованія обители перемѣнилось 9 священниковъ: о. Васильковскій, о. Чернавинъ, о. Варсонофій, о. Алексій (Кирѣевскій), о. Сухихъ, о. Афанасій, о. Кириллъ, о. Титовъ, о. Яшвиль... Сколько заботъ потребовалось, сколько непріятностей доставила мнѣ «Нечаянная Радость»! Я старался помирить м. Евгенію съ очереднымъ священникомъ — тщетныя усилія... Обычно она тѣмъ яростнѣй возмущалась имъ, чѣмъ тверже я настаивалъ на примиреніи.

Впослѣдствіи м. Евгенія со всей обителью перебралась въ Сенъ-Жермеръ де Фли (около Бовэ) въ большой домъ, — когда-то конфискованное правительствомъ зданіе католическаго монастыря. Юридически оно арендовалось католическимъ обществомъ, но фактически оно зависѣло отъ мѣстнаго католическаго епископа въ Бовэ. Распо-

ложившись въ новомъ помѣщеніи, мы рѣшили надъ нашей церковью водрузить православный шестиконечный крестъ. Каково было удивленіе, когда отъ представителя того общества, у котораго мы домъ наняли, послѣдовалъ протестъ и требованіе — крестъ снять!.. По просьбѣ м. Евгеніи, я обратился къ епископу въ Бовэ съ письмомъ: ...«Удивляюсь, что это требованіе заявлено отъ вашего имени... Епископъ можетъ только радоваться, что зданіе увѣнчано крестомъ, а не протестовать...» Въ отвѣтъ — молчаніе.

Надежду на созданіе женскаго монастыря въ «Нечаянной Радости» мнѣ долго не хотѣлось оставлять. М. Евгенія объясняла неудачу отсутствіемъ въ эмиграціи женскихъ душъ влекущихся къ монашеству. Тотъ женскій элементъ, который въ обитель попадалъ, были въ большинствѣ пожилыя, больныя, безпомощныя дамы, которымъ негдѣ было приткнуться. Душъ горящихъ стремленіемъ къ подвигу не было. Когда я убѣдился, что у м. Евгеніи ничего не выходитъ, я рѣшился на героическій шагъ въ надеждѣ, что это поправитъ дѣло. Я списался съ монахинями Вировскаго монастыря*), проживавшими въ Румыніи, и выписалъ изъ нихъ трехъ хорошихъ инокинь съ многолѣтними привычками къ монастырскому труду и быту: регентшу, садоводку и простую труженицу. Поначалу онѣ въ «Нечаянной Радости», какъ будто, стали прививаться, но вскорѣ начались горькія слезы... И мнѣ было передъ ними стыдно. Монахини заявили, что уѣдутъ обратно. М. Евгенія пригрозила, что обратится къ властямъ и воспрепятствуетъ отъѣзду. Тогда онѣ бѣжали въ Медонъ къ священнику о. А. Сергѣенко для работы въ устроенномъ имъ дѣтскомъ пріютѣ. Здѣсь онѣ заработали себѣ на дорогу, и отбыли въ свой прежній монастырь въ Румыніи. М. Евгенія была внѣ себя и предъявила ультиматумъ: я — или о. Сергѣенко!

Такъ печально закончилась послѣдняя попытка спасти обитель. Вскорѣ она закрылась, и игуменья м. Евгенія уѣхала въ Іерусалимъ.

М. Евгенія не имѣла данныхъ для основательницы монастыря; быть можетъ, кое-кого изъ взыскующихъ монашескаго пути она даже спугнула. Но все же 8 лѣтъ дѣлала хорошее дѣло. Черезъ пріютъ прошло нѣсколько сотъ дѣвочекъ — самая-то бѣднота: брошенныя дѣти, сироты, полусироты... Содержала м. Евгенія пріютъ на свой счетъ и взимала плату минимальную, да и ту зачастую ей не платили или платили плохо и только частью. Дѣвочки получали въ «Нечаянной Радости» хорошее воспитаніе, выходили изъ пріюта скромныя, благовоспитанныя. Двухъ дѣвочекъ м. Евгенія устроила въ швейцарскія семьи, гдѣ ихъ усыновили. Одну беззащитную дѣвочку, которую католики хотѣли перевести въ католичество, она отстояла. Нельзя умолчать, что многія изъ воспитанницъ обители сохранили къ м. Евгеніи доброе, благодарное чувство.

*) См. стр. 114-115.

МОНАШЕСКАЯ ОБЩИНА ВО ИМЯ КАЗАНСКОЙ ИКОНЫ БОЖІЕЙ МАТЕРИ

Первый опытъ съ игуменьей Евгеній (Митрофановой), какъ я уже сказалъ, былъ неудаченъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе ея тяжелаго характера: она людей не привлекала, но отталкивала.

Потомъ пришла къ монашеству, постриженная мною, м. Марія (Скобцова), женщина умная, богато одаренная, образованная и съ крѣпкою волею. Я обрадовался и мечталъ, что она сдѣлается основоположницей женскаго монашества въ эмиграціи. Въ Парижѣ она создала небольшое церковное общежитіе, сначала въ улочкѣ-тупикѣ (Villa de Saxe), выходящей на av. de Saxe, а потомъ на rue Lourmel, № 77. Къ сожалѣнію, скоро выяснилось, что м. Марія неспособна воспринять идею подлиннаго, историческаго монашества. Она вышла изъ «лѣвыхъ» интеллигентскихъ круговъ, отлично понимала и умѣла справляться со спеціальной церковной работой (попеченіе о безработныхъ, больныхъ, умалишенныхъ...), называла свою общественную дѣятельность «монашество въ міру», но монашества, въ строгомъ смыслѣ этого слова, его аскезы и внутренняго дѣланія, она не только не понимала, но даже отрицала, считая его устарѣвшимъ, ненужнымъ. Внутренній смыслъ монашества, его особенный, чисто церковный, характеръ, такъ мнѣ и не удалось ей разъяснить. Чтобы все же своей цѣли добиться, я выписалъ изъ Сербіи ученаго архимандрита Кипріана (Керна), строгаго инока, и сдѣлалъ его священникомъ домовой церкви общежитія на rue Lourmel. Но и о. Кипріану не удалось внушить м. Маріи правильное пониманіе монашескаго пути, — напротивъ, начался разладъ, взаимное отчужденіе, которое мнѣ было очень трудно сглаживать. Бѣдныя двѣ монахини, Евдокія и Бландина, оказались между двухъ огней и, конечно, всѣми силами души тяготѣли къ подлинному, строгому монашеству, живымъ воплощеніемъ котораго былъ архимандритъ Кипріанъ.

Въ подобномъ же положеніи оказались двѣ другія монахини — Дороѳея и Ѳеодосія — въ другомъ общежитіи, въ Rozay-en-Brie (S. et M.), которымъ управляла м. Меланія (Лихачева). Потерпѣвъ неудачу съ м. Маріей, я думалъ здѣсь создать очагъ женскаго монашества.

М. Меланія очень добрая женщина, но слабая, подчиняющаяся постороннимъ вліяніямъ и въ монашествѣ неопытная. По желанію настоятеля Аньерскаго прихода игумена Меѳодія (нынѣ архимандритъ), она превратила свое общежитіе въ Домъ Отдыха для прихожанъ этого прихода и въ пріютъ для старушекъ*). Все это было бы

*) См. стр. 484.

очень хорошо, но мірскія, приходскія дѣла и заботы заполняли всю жизнь, а монашескому подвизанію не удѣлялось достаточно времени и вниманія. На этой почвѣ разладъ и начался... Сперва я думалъ, что всему виною дурной характеръ одной изъ монахинь, но потомъ убѣдился, что м. Меланія не умѣетъ руководить молодыми инокинями. Когда ихъ духовникъ, іеромонахъ Евѳимій, очень внимательный къ духовной жизни монахинь, также присоединился къ оппозиціи немонашескому настроенію общежитія, я пришелъ къ заключенію, что завязать здѣсь хоть маленькій, но крѣпкій узелъ монашества невозможно.

Тогда у меня созрѣла мысль — оставить оба эти общежитія, на rue Lourmel и въ Rozay-en-Brie, и создать новый очагъ монашества, собравъ туда 4-хъ монахинь (Евдокію, Дороѳею, Бландину и Ѳеодосію). Сначала я думалъ поручить это учрежденіе духовному руководству архимандрита Кипріана и устроить его въ Парижѣ, потому что о. Кипріанъ былъ съ Парижемъ связанъ, будучи преподавателемъ въ Богословскомъ Институтѣ; не могъ онъ уѣхать и потому, что ему бы пришлось покинуть сплоченную группу своихъ духовныхъ дѣтей. Долго, нѣсколько мѣсяцевъ, искали помѣщеніе для общежитія и не могли найти. Волей не волей пришлось искать его внѣ Парижа и дать монахинямъ въ руководители не о. Кипріана, а о. Евѳимія. Исканія были продолжительны; наконецъ, была найдена и снята ферма въ Moisenay-le-Grand (S. et M.) вблизи городка Melun (по Ліонской жел. дорогѣ), принадлежащая русскому доктору Ковалю. Домъ хорошій, но не очень просторный, обширная усадьба: огородъ, садъ, полевая земля, свой лѣсокъ, — все довольно запущено, особенно надворныя постройки; нѣтъ центральнаго отопленія, электричества и водопровода (воду надо качать помпой изъ колодца на дворѣ). Удобствъ житейскихъ мало. Но сестры бодры духомъ; устроили въ одной изъ комнатъ молельню (потомъ церковь во имя Казанской иконы Божіей Матери) и завели регулярное богослуженіе; много работаютъ въ огородѣ, приспособляютъ курятники подъ кельи, дабы комнаты въ домѣ можно было сдавать платнымъ жильцамъ; уже взяли одного совершенно парализованнаго офицера...

Я былъ въ Moisenay, освятилъ домъ и благословилъ сестеръ на новоселье. Дай Господь, молитвами Пресвятой Богородицы, завязать здѣсь крѣпкій узелъ женскаго монашества въ эмиграціи. Большое, важное это дѣло*).

---

*) Община просуществовала въ этомъ составѣ недолго; потомъ къ ней присоединилось нѣсколько новопостриженныхъ монахинь. Однако, внутренняя жизнь общины не налаживалась, возникали тренія, и въ концѣ концовъ, съ разрѣшенія митрополита Евлогія, монахини (за исключеніемъ м. Дороѳеи) вернулись къ м. Меланіи въ Rosay-en-Brie, а нѣко-

СКИТЪ «ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ ВЪ ЗЕМЛѢ РОССІЙСКОЙ ПРОСІЯВШИХЪ»

Въ 1930 г. я командировалъ въ Реймсъ іеромонаха Аѳанасія (Богословскаго Института) позондировать почву, нельзя ли тамъ открыть приходъ. Развѣдка дала свѣдѣнія неблагопріятныя: русскихъ мало, прихода организовать нельзя. Вмѣсто прихода подъ Реймсомъ возникъ скитъ.

Основалъ его о. Алексій (Кирѣевскій), іеромонахъ, прибывшій съ Аѳона въ 1925 году. Я направилъ его въ обитель м. Евгеніи въ Гарганъ-Ливри законоучителемъ и священникомъ пріютской церкви. Съ м. Евгеніей онъ не поладилъ, и я перевелъ его въ Бійанкурскій приходъ, гдѣ онъ нѣкоторое время настоятельствовалъ*). Потомъ онъ хотѣлъ вернуться на Аѳонъ, но въ тяжбѣ съ Карловцами Аѳонъ склонялся на сторону моихъ противниковъ, и о. Алексія подъ предлогомъ, что онъ «евлогіанинъ», обратно не приняли. Приходилось думать о томъ, какъ бы обосноваться во Франціи.

Подъ Реймсомъ, около Мурмелонъ ле Гранъ, разстилаются громадныя пространства Шампани — когда-то, въ Великую войну, арена ожесточенныхъ боевъ. Теперь тамъ неподалеку другъ отъ друга три большихъ кладбища павшихъ воиновъ. Нашихъ въ этихъ бояхъ полегло около 4.000 человѣкъ, и погребены они на одномъ изъ кладбищъ въ двухъ братскихъ могилахъ, но много есть и отдѣльныхъ могилъ. Французы содержатъ кладбища въ порядкѣ. Разъ въ году, лѣтомъ, русская эмиграція устраивала на могилы паломничество. Пріѣзжали представители разныхъ общественныхъ организацій, приглашали духовенство, пѣвчихъ, украшали могилы вѣнками, цвѣтами, а послѣ панихиды произносили на могилахъ патріотическія рѣчи. Французы считали своимъ долгомъ почтить память павшихъ за Францію русскихъ своимъ присутствіемъ, и въ этотъ торжественный день на кладбище съѣзжались представители мѣстной администраціи и нѣкоторыхъ военныхъ частей расквартированныхъ подъ Реймсомъ, и приходило не мало окрестныхъ жителей.

У о. Алексія явилась мысль основать рядомъ съ кладбищемъ скитъ съ аѳонскимъ уставомъ и тѣмъ самымъ создать религіозный центръ для молитвъ объ убіенныхъ воинахъ, а также и для вѣчнаго

торое время спустя, лѣтомъ 1946 года, съ благословенія Владыки, онѣ обосновались въ Bussy-en-Othe (въ департаментѣ Yonne, близъ ст. Laroche), въ усадьбѣ В. Б. Эльяшевича. Здѣсь былъ использованъ сарай, въ которомъ устроили: внизу — церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, а наверху — кельи. Усадебный домъ предоставленъ владѣльцемъ для дѣтскаго пріюта, который монахини и будутъ обслуживать. Отнынѣ община именуется «Покровской».

**) См. стр. 473-474.

поминовенія усопшихъ въ эмиграціи. Онъ подобралъ двухъ учениковъ-послушниковъ: Дмитрія Никитина и Виктора Коротая и, дабы пріуготовить ихъ къ подвигу, уѣхалъ вмѣстѣ съ ними въ Прикарпатскую Русь, въ монастырь къ архимандриту Виталію. По возвращеніи, послушники приняли постригъ (рясофоръ) подъ именами Іоасафа и Варлаама. На пожертвованныя добрыми людьми деньги о. Алексій пріобрѣлъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ кладбищемъ кусочекъ земли (2 гектара) и построилъ скромный баракъ, въ которомъ отвелъ помѣщеніе подъ церковь.

Уставъ скита былъ принятъ аѳонскій, со всѣмъ кругомъ скитскихъ богослуженій (ночное послѣдованіе службъ съ 12 час. ночи по 4-5 час. утра и т. д.). — Такъ былъ основанъ православный скитъ во Франціи (См. фотографію 12).

Въ лицѣ братьевъ Іоасафа и Варлаама*) о. Алексій пріобрѣлъ замѣчательныхъ людей, рѣдкихъ по смиренію, послушанію и выносливости. Святые люди. Трудъ, который взваленъ имъ на плечи непомѣрно тяжелъ — обременены они работой до переутомленія. Продолжительныя скитскія церковныя службы, молитвенное келейное правило, тягота хозяйства: печенье просфоръ, работа въ огородѣ, кухня, водовозное послушаніе (артезіанскій колодезь вырыли сравнительно недавно, а первые годы воду приходилось возить бочками за четыре версты на ручной телѣжкѣ). Престарѣлому о. Алексію при двухъ трудоспособныхъ помощникахъ, конечно, со всей сложностью скитскаго устава справиться трудно. Я упрекалъ о. Алексія за то, что онъ переобременяетъ своихъ сподвижниковъ непомѣрнымъ трудомъ и убѣждалъ его пересмотрѣть вопросъ объ уставѣ, но, по словамъ о. Алексія, молодые монахи сами стоятъ за сохраненіе его въ нерушимости. Этимъ рѣшеніемъ — не измѣнять устава, думаю, и объясняется то явленіе, что за 6 лѣтъ существованія скита ни одинъ изъ аспирантовъ, попадавшихъ подъ начало о. Алексія, искуса не выдерживалъ, и новыхъ постриженій за все это время не послѣдовало. Аѳонскій уставъ разсчитанъ на многочисленную братію, среди которой распредѣлить всѣ необходимыя послушанія не трудно; въ нашемъ скиту они взвалены полностью на 2-3 человѣка, и физически долго этого не выдержать. Надо понять, что уставъ примѣняется къ реальнымъ условіямъ жизни, а потому эти условія нельзя не учитывать. Монашескій идеалъ не знаетъ незыблемо-неизмѣнныхъ формъ. Но о. Алексія, 29 лѣтъ подвизавшагося на Аѳонѣ, убѣдить въ этомъ трудно. Отличный знатокъ аѳонскаго устава, начитанный въ аскетической литературѣ, монахъ опытный на путяхъ духовнаго дѣланія, онъ, од-

*) Въ 36 г. они пострижены въ мантію подъ именемъ Серафима (Коротай) и Іова (Никитинъ).

нако, не смогъ зажечь, при всѣхъ своихъ положительныхъ данныхъ, того огонька, къ которому бы души повлеклись. Преобладаніе «Типикона», «буквы», формальнаго начала надъ духомъ на путяхъ монашескаго подвизанія неблагопріятная атмосфера для произрастанія молодыхъ побѣговъ, а долголѣтній аѳонскій стажъ, который укрѣпляетъ о. Алексія въ сознаніи, что только онъ одинъ на высотѣ монашескаго идеала, не способствуетъ, а препятствуетъ сближенію съ нимъ душъ взыскующихъ монашества.

Года два тому назадъ рядомъ съ первымъ баракомъ построили второй — для богомольцевъ. Число ихъ въ году невелико, но въ установленный для паломничества на могилы день, обитель оживаетъ, привлекая подъ скромный, но гостепріимный кровъ множество паломниковъ. Послѣ торжественной панихиды на кладбищѣ о. Алексій съ братіей оказываютъ посѣтителямъ радушный пріемъ и устраиваютъ даровую братскую трапезу.

Матеріальная база скита зыбкая. Овощи со своего огорода — основное питаніе нашихъ скитожителей, всѣ остальные расходы надо покрывать изъ взносовъ за поминовенія усопшихъ и пожертвованій почитателей о. Алексія и друзей скита. Нѣкоторымъ подспорьемъ служатъ и посылки съ продовольствіемъ, ношеной обувью, одеждой, которыя отъ времени до времени поступаютъ отъ благотворителей. И сосѣди, французскіе фермеры, нѣтъ-нѣтъ и побалуютъ скитъ какими-нибудь приношеніями отъ своего хозяйства. Таковы скудные скитскіе рессурсы. Случаются и непредвидѣнныя и озадачивающія пожертвованія. Такъ напримѣръ, въ скитъ прибыла посылка отъ какой-то овдовѣвшей дамы: фракъ и смокингъ покойнаго ея мужа. И тутъ же просьба — распорядиться вещами по своему усмотрѣнію, а что выручатъ — счесть взносомъ на поминъ души усопшаго... Смокингъ о. Алексій обмѣнялъ въ округѣ, у одного фермера, на возъ навозу для своего огорода, а съ фракомъ было трудно: пришлось везти въ Парижъ и предлагать знакомымъ.

Существованіе скита вошло въ новую фазу, когда «Союзъ русскихъ комбатантовъ» рѣшилъ построить на Мурмелонскомъ кладбищѣ храмъ-памятникъ въ честь павшихъ русскихъ воиновъ. Союзъ купилъ землю, собралъ большую сумму денегъ и выстроилъ прекрасный храмъ по проекту художника-архитектора Альберта Александровича Бенуа. Псковскій стиль XV вѣка. Храмъ увѣнчанъ маленькимъ синимъ куполомъ, златоглавая звоница, пѣвучіе колокола, подобранные на колокольномъ заводѣ подъ звуки рояля отличнымъ музыкантомъ, священникомъ о. Михаиломъ Яшвилемъ. Прекрасно расписанъ и отдѣланъ храмъ внутри. Снабженъ онъ и всѣмъ необходимымъ: облаченіемъ, церковной утварью и проч. (См. фотограф. 3).

Въ воскресенье, 16 мая (1937 г.), состоялось освященіе этого

храма. Торжество прошло съ подъемомъ и привлекло много русскихъ, особенно молодежи; почтить память павшихъ на полѣ брани «отцовъ» собрались «дѣти»: витязи, развѣдчики, сокола, скауты... они спеціально прибыли на праздникъ и расположились лагеремъ въ сосѣдней фермѣ, которая называется «Москва».

Въ «словѣ», сказанномъ мною въ храмѣ послѣ освященія, я отмѣтилъ глубокое значеніе нашего торжества: на поляхъ Шампани, вокругъ православнаго храма, въ непосредственной близости православной обители, объединилось наше славное историческое прошлое, о которомъ напоминаютъ могилы нашихъ воиновъ, — съ нашимъ будущимъ, съ тої молодежью, которая прибыла на праздникъ какъ бы во свидѣтельство, что она готова стать преемницей лучшихъ завѣтовъ доблести и самопожертвованія унаслѣдованныхъ отъ прошлаго.

Послѣ освященія храма въ обители былъ завтракъ. Въ день торжества я возвелъ о. Алексія въ санъ архимандрита, а въ рѣчи за завтракомъ оттѣнилъ его заслугу: созданіемъ скита, — молитвеннаго центра поминовенія нашихъ воиновъ, — о. Алексій, въ теченіе всѣхъ этихъ лѣтъ напоминалъ эмиграціи о павшихъ геройхъ, и, какъ бы въ отвѣтъ на молитвенный трудъ его и братіи, въ русской эмиграціи зародилось стремленіе достойнымъ образомъ увѣковѣчить доблесть и самопожертвованіе убіенныхъ: прекрасный храмъ Воскресенія Христова, который нынче освятили, есть достойный памятникъ ихъ ратнаго и жертвеннаго подвига...*).

Я разсказалъ о попыткахъ создать въ эмиграціи общежительное монашество и принужденъ сдѣлать заключеніе: монашество въ эмиграціи не расцвѣло. Признаю это съ грустью, съ неудовлетворенностью. Причинъ неудачи съ точностью не опредѣлить: не то почвы для него не было, не то я самъ не сумѣлъ съ задачей справиться. Но въ результатѣ —организованной, процвѣтающей обители у насъ пока еще нѣтъ.

*) Архимандритъ Алексій скончался 17 іюня 1945 г.; іеродіаконъ Серафимъ — 8 ноября 1945 г. Они погребены въ оградѣ скита.

Экуменическое движеніе

ГЛАВА XXII

Географическое положеніе русской Церкви въ разсѣяніи, вкрапленность среди другихъ вѣроисповѣданій, невольно заставили насъ соприкоснуться съ инославными нашими братьями. Передъ нами встали проблемы, которыя раньше, до эмиграціи, вниманія нашего не привлекали; ни внутренней необходимости интересоваться ими, ни внѣшней — съ ними считаться у насъ тогда не было. Русская Церковь чувствовала себя самодовлѣющей и слабо откликалась на попытки сближенія съ нами инославныхъ «церквей». Правда, говорили у насъ о старокатоликахъ, объ англиканахъ въ связи съ пріѣздомъ нѣкоторыхъ англиканскихъ епископовъ и священниковъ, но, за предѣлами малыхъ группъ и отдѣльныхъ лицъ (протопресвитеръ І. Л. Янышевъ, генералъ А. А. Кирѣевъ), никто серьезно сближеніемъ съ инославными не интересовался. Даже тѣ профессорскіе круги, которые изучали другія вѣроисповѣданія, одушевленія не проявляли, а холодно и схоластически спорили объ отступленіяхъ отъ православія, анализируя инославныя богословскія формулы и теоріи. Въ нашей полемической литературѣ все вниманіе было направлено на пункты расхожденія, а не на пункты насъ съ другими христіанскими вѣроисповѣданіями объединяющіе. Словомъ — сближеніе не удавалось.

Нашему несчастью, — эмигрантскому существованію, — обязаны мы тѣмъ, что русская Церковь, оказавшись въ соприкосновеніи съ инославной стихіей, была самой жизнью вынуждена войти въ общеніе съ нею и тѣмъ самымъ преодолѣть свою косность и обособленность.

Говоря объ экуменической проблемѣ въ эмиграціи, надо опредѣлить наши отношенія къ католикамъ и къ протестантамъ. Смѣшивать нельзя. Эти вѣроисповѣданія — два разныхъ аспекта христіанства; въ нашемъ церковномъ опытѣ мы по разному пережили соприкосновеніе съ ними.

Съ католиками у насъ больше общаго, нежели съ протестантами и въ области догматической, и въ литургикѣ, и въ нѣкоторыхъ формахъ церковной жизни. Однако, вслѣдствіе особыхъ свойствъ католической іерархіи, наши отношенія съ католиками не наладились. Въ

первые годы эмиграціи возникли кружки, гдѣ встрѣчались католическіе и православные богословы и философы, но дальше профессорскихъ докладовъ и дискуссій дѣло не пошло и на взаимоотношенія церквей не повліяло.

Мнѣ лично общаться съ католиками было особенно трудно, потому что моя дѣятельность въ западно-русскихъ епархіяхъ и политическая линія, которой я слѣдовалъ въ Государственной Думѣ, утвердили за мною репутацію яростнаго противника католичества. Можетъ быть, поэтому мнѣ въ эмиграціи съ католиками и не посчастливилось. Были отдѣльныя знакомства, отдѣльныя пріятныя встрѣчи, но къ сближенію Церквей такого рода общеніе не повело. Напримѣръ, въ самомъ началѣ моей жизни въ Парижѣ появился іезуитъ, іеромонахъ Антоній Мальви. Онъ говорилъ по-русски, бывалъ въ нашемъ храмѣ на рю Дарю, иногда заходилъ ко мнѣ послѣ обѣдни побесѣдовать. Съ этимъ мирнымъ, хорошимъ человѣкомъ у меня установились простыя и добрыя отношенія. — «Вы подосланы высшимъ начальствомъ наблюдать за мною», шутилъ я. Въ отвѣтъ онъ добродушно смѣялся.

Однажды, незадолго до моего отъѣзда въ Біарриць, открывается дверь — и входитъ о. Антоній. — «Вы ѣдете въ Біарриць?» — «Да». — «Вы побываете въ Лурдѣ? Біарриць вѣдь почти рядомъ». — «Опредѣленнаго маршрута у меня нѣтъ». — «Разрѣшите васъ сопровождать?..» Отъ любезнаго предложенія я сталъ уклоняться: неудобно русскому архіерею путешествовать въ сопровожденіи іезуита... Я уѣхалъ въ Біарриць. И дня не прошло, пріѣзжаетъ туда о. Антоній съ приглашеніемъ отъ имени епископа Тарбскаго — посѣтить Лурдъ и быть его гостемъ. Отклонить приглашеніе было неловко, и я его принялъ.

Въ Лурдѣ у вокзала ожидалъ меня экипажъ епископа. Подъѣзжаемъ къ его дому, — онъ меня встрѣчаетъ въ окруженіи нѣсколькихъ прелатовъ. Не зная французскаго языка, я былъ встрѣчею смущенъ, но о. Антоній оказался отличнымъ переводчикомъ. Мнѣ было предложено отдохнуть, а потомъ пожаловать къ «чаю».

Въ Лурдъ я попалъ совсѣмъ для себя неожиданно въ канунъ праздника «Непорочнаго Зачатія». Паломниковъ къ этому празднику наѣзжаетъ десятки тысячъ; прибываютъ они не только цѣлыми семьями, но громадными епархіальными паломническими объединеніями во главѣ со своими епископами.

Къ вечеру предложили пойти къ базиликѣ. Я увидалъ величественную картину, о которой храню свѣтлое, прекрасное воспоминаніе.

Несмѣтныя толпы паломниковъ со знаменами, со свѣчами-факелами, подъ предводительствомъ духовенства, процессіей спускаются

съ вершины холма на площадь передъ базиликой. Золотое мерцаніе безчисленныхъ огоньковъ, восторженное пѣніе гимна Дѣвѣ Маріи... Вотъ уже вся площадь — море огней. Раздается мощное пѣніе Credo. Поетъ тысячеустая толпа, поетъ въ пламенномъ религіозномъ подъемѣ, въ какомъ-то святомъ восторгѣ... Духовенство, во главѣ съ епископомъ Тарбскимъ, столпились на одной изъ террасъ базилики (меня провели на эту террасу). Когда голоса смолкли, епископъ благословилъ народъ.

Во время ужина у епископа я подѣлился съ присутствующими своими впечатлѣніями.

На утро, часовъ въ 7, я пошелъ къ гроту. Въ гротѣ устроенъ маленькій алтарь. Одна месса слѣдуетъ за другой, причастниковъ тысячи... Благоговѣніе народа трогательно: смиренно стоятъ у рѣшетки на колѣняхъ, чувствуется жажда Хлѣба Жизни Вѣчной... Больные, немощные, калѣки, лежа на своихъ телѣжкахъ, на носилкахъ, стараются приподняться лишь бы увидать возносимые св. Дары... Мессы длились до полудня.

Къ завтраку я вернулся домой, а потомъ секретарь епископа показывалъ мнѣ разныя учрежденія Лурда.

Я побывалъ въ мѣстномъ издательствѣ религіозно-просвѣтительной литературы. Оно выпускаетъ въ несмѣтномъ количествѣ листки, брошюры, религіозно-назидательныя картинки... Мнѣ вспоминалась издательская дѣятельность Кіево-Печерской Лавры.

Потомъ мы посѣтили купальни. Сколько несчастныхъ людей чающихъ исцѣленія! Язвы, струпья, нарывы изуродованныя тѣла и лица... Санитарныя обязанности несутъ не профессіоналы, а добровольцы изъ представителей великосвѣтской Франціи. Это старая традиція во французскихъ аристократическихъ семьяхъ: молодые люди должны съѣздить въ Лурдъ и добровольно потрудиться, оказывая помощь больнымъ и убогимъ «младшимъ братьямъ».

Побывалъ я и въ бюро регистраціи исцѣленій. На двери надпись, приглашающая врачей всѣхъ національностей, вѣрующихъ и невѣрующихъ, принять участіе въ констатированіи чудесъ. Въ бюро ведутся въ медицинскихъ терминахъ подробныя записи, въ какомъ состояніи больные въ Лурдъ прибыли, и какія произошли измѣненія, дающія право зарегистрировать ихъ, какъ чудо исцѣленія. Мнѣ показали громадные альбомы. Какихъ только тамъ болѣзней нѣтъ! Не регистрируетъ бюро только исцѣленія нервныхъ болѣзней: скептики могутъ ихъ объяснить вліяніемъ религіознаго подъема. Мнѣ довелось видѣть въ бюро исцѣленную молодую дѣвушку. На ея лицѣ застыло счастливо-блаженное выраженіе... Вѣсть о чудѣ разнеслась по всему Лурду, и за паломницей ходила толпа любопытныхъ; потомъ ее нарядили сестрой милосердія, чтобы труднѣе было ее узнать.

Посѣщеніе Лурда привело меня къ убѣжденію, что, дѣйствительно, это мѣсто благодатное, избранное Матерью Божіей для благодѣяній бѣдному человѣческому роду. Свѣтлое впечатлѣніе произвели на меня и толпы паломниковъ; я понялъ, что Франція въ глубинѣ народной жизни не безбожная, не матеріалистическая страна, что французы вѣрующій, христіанскій народъ. О своемъ впечатлѣніи я сказалъ епископу. «Да, вы правы, отвѣтилъ онъ, по Парижу судить нельзя, это было бы односторонне...»

Одно изъ самыхъ свѣтлыхъ впечатлѣній осталось у меня отъ двукратной встрѣчи со знаменитымъ примасомъ Бельгіи — кардиналомъ Мерсье.

Первую встрѣчу устроилъ нашъ священникъ въ Брюсселѣ о. Петръ Извольскій; у него установились съ кардиналомъ самыя добрыя, довѣрчивыя отношенія. Имя знаменитаго кардинала было окружено общимъ и заслуженнымъ почитаніемъ. Во время нашествія германцевъ на Брюссель, онъ своего поста не покинулъ, но, какъ истинно-добрый пастырь, остался со своей паствой и все время держалъ себя съ такимъ авторитетомъ и достоинствомъ, что заслужилъ уваженіе даже у своихъ враговъ. По окончаніи войны, онъ посвятилъ себя подвигамъ любви и милосердія по отношенію къ жертвамъ войны, — не только своимъ соотечественникамъ, но и ко всѣмъ, кто входилъ съ ними въ соприкосновеніе. Широко открылъ онъ свое христіанское сердце и несчастнымъ русскимъ бѣженцамъ, особенно, обездоленнымъ войною дѣтямъ. Онъ покрылъ Бельгію сѣтью пріютовъ, гдѣ воспитывались дѣти русскихъ эмигрантовъ; благодаря его содѣйствію, многіе русскіе студенты-бѣженцы получили стипендіи въ Лувенскомъ Университетѣ, гдѣ они могли безплатно учиться и пользоваться полнымъ содержаніемъ. Все это дѣлалось не для того, чтобы вести пропаганду; онъ только берегъ юныя души отъ соблазновъ и училъ этому своихъ подчиненныхъ. Естественно, по пріѣздѣ въ Бельгію у меня явилось желаніе посѣтить великаго кардинала и поблагодарить его за всѣ благодѣянія оказываемыя нашимъ студентамъ и дѣтямъ.

Бельгійскій примасъ жилъ въ небольшомъ городѣ Малинѣ, около часу ѣзды отъ Брюсселя. Отъ города Малина получилъ свое названіе «малиновый звонъ»: колокола на колокольнѣ при резиденціи кардинала на весь міръ славятся своимъ изумительнымъ музыкальнымъ звономъ. Кардиналъ встрѣтилъ меня привѣтливо; онъ принялъ меня въ комнатѣ, обставленной съ простотой и скромностью монашеской кельи, да и самъ онъ, — высокій, худой, аскетическаго вида старецъ, въ смиренной рясѣ — не походилъ на величественнаго князя Церкви, а напоминалъ христіанскаго подвижника. Чувствовалось, что

эта простота прикрываетъ подлинное величіе духа. Я сердечно поблагодарилъ его за заботы о нашихъ дѣтяхъ, а онъ выразилъ сочувствіе страждущей нашей Церкви. По русскому обычаю, онъ угостилъ насъ чаемъ. Замѣтивъ, что скромная обстановка его пріемной меня удивила, онъ улыбнулся и пошутилъ: «не правда ли, комната, гдѣ я васъ принимаю, напоминаетъ вамъ ту келью въ монастырѣ, гдѣ вы сидѣли въ заточеніи?» Съ большимъ интересомъ слушалъ онъ мою информацію о положеніи русской Церкви, а также о моихъ скитаніяхъ въ плѣну, вмѣстѣ съ другими архіереями. Глубокое, неизгладимое впечатлѣніе оставилъ въ моей душѣ этотъ величественный старецъ-святитель...

Года черезъ два, будучи въ Брюсселѣ, я снова, также вмѣстѣ съ протоіереемъ П. Извольскимъ, посѣтилъ кардинала Мерсье. Онъ очень измѣнился по внѣшности; видно было, что его свѣтлая жизнь догораетъ. Однако, онъ бодро поддерживалъ бесѣду и даже предложилъ мнѣ послушать знаменитый малиновый звонъ. Къ сожалѣнію, время было позднее, когда по мѣстнымъ правиламъ колокольня уже заперта. Бесѣда велась, главнымъ образомъ, объ организаціи пріютовъ и школъ для бѣдныхъ русскихъ дѣтей. И было удивительно, съ какимъ интересомъ больной, изнемогающій старецъ входилъ во всѣ обстоятельства этого дѣла...

Года черезъ два, будучи въ Брюсселѣ, я снова, также вмѣстѣ съ народа, служилъ о немъ торжественную панихиду и въ своей рѣчи старался начертать его свѣтлый образъ и выяснить великое значеніе его христіанской личности и дѣятельности. За эту «молитву за инославнаго» я получилъ замѣчаніе Карловацкаго Синода, хоть это не помѣшало митрополиту Антонію поѣхать въ католическій костелъ въ Бѣлградѣ и тамъ поставить свѣчу за почившаго кардинала. Какъ будто это не была «молитва за инославнаго»!..

Была у меня еще одна встрѣча, о которой я сохранилъ пріятное воспоминаніе.

Года три тому назадъ, на праздникъ Покрова, я былъ въ Ліонѣ и познакомился съ аббатомъ Кутюрье, дружественно относившимся къ нашему Ліонскому священнику. О. Кутюрье выстоялъ въ нашей церкви всю службу, а потомъ за обѣдомъ мы съ нимъ бесѣдовали. Онъ предложилъ мнѣ вмѣстѣ съ нимъ съѣздить въ тотъ городъ, гдѣ когда-то подвизался кюрэ д-Арсъ. «Это нашъ преподобный Серафимъ Саровскій...» сказалъ аббатъ. — Вы развѣ слышали о нашемъ преподобномъ Серафимѣ?» удивился я. — «Какъ же его не знать!..» отвѣтилъ мой собесѣдникъ. Изъ нашей дальнѣйшей бесѣды выяснилось, что такіе католики, какъ аббатъ Кутюрье, почитаютъ нѣкоторыхъ нашихъ святыхъ наравнѣ со своими. И думается мнѣ, что пре-

подобный Серафимъ или св. Францискъ Ассизскій и другіе великіе угодники Божіи въ своемъ жизненномъ подвигѣ уже осуществили идею соединенія Церквей; это святые граждане единой Вселенской Церкви, въ извѣстномъ смыслѣ, въ высшихъ небесныхъ сферахъ, уже преодолѣвшіе вѣроисповѣдныя раздѣленія; на высотахъ своихъ святыхъ душъ они разрушили тѣ перегородки, о которыхъ говорилъ нѣкогда митрополитъ Кіевскій Платонъ... — Мы съѣздили къ кюрэ д-Арсъ, а потомъ осматривали раскопки римскаго цирка въ Ліонѣ; на его аренѣ были растерзаны звѣрями первые христіанскіе мученики во Франціи. Раскопки возстановили все: арену, столбы, скамьи амфитеатра, даже отверстія, черезъ которыя выпускали звѣрей и выводили мучениковъ. Удивительное впечатлѣніе производитъ реставрированная темница, гдѣ томились Ліонскіе мученики: св. епископъ Поѳинъ, св. епископъ Ириней, муч. Бландина (показываютъ колонну съ кольцомъ, къ которому она была привязана за волосы) и др.

Кромѣ этихъ отдѣльныхъ встрѣчъ, никакихъ сношеній съ католиками, преодолѣвающихъ взаимную отчужденность, у меня не наладилось. Трудно это было и по существу, по самому свойству и характеру католичества всецѣло проникнутаго духомъ пропаганды,—стремленіемъ подчинить себѣ всѣхъ инакомыслящихъ; трудно и потому, что я не знаю иностранныхъ языковъ. А тутъ еще, вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Парижъ, случилось одно прискорбное событіе, которое сильно повліяло на наше взаимное отчужденіе и еще глубже насъ разъединило. Я говорю о невольномъ (съ моей стороны) столкновеніи моемъ съ аббатомъ Кенэ.

Протоіерей о. Николай Сахаровъ, нынѣ настоятель Александро-Невскаго храма въ Парижѣ, напечаталъ полемическую брошюрку по вопросу о томъ, былъ ли апостолъ Петръ въ Римѣ; въ подстрочномъ примѣчаніи онъ упомянулъ имя епископа Шапталя въ такомъ контекстѣ: «пресловутый епископъ Шапталь». Такъ какъ епископъ Шапталь оказывалъ тогда благотворительную помощь русскимъ, католики обидѣлись — и обрушились на меня. Аббатъ Кенэ въ одной изъ французскихъ газетъ напечаталъ злобную статью — памфлетъ по моему адресу: я при помощи жандармовъ и полиціи боролся съ католичествомъ и насильно обращалъ уніатовъ въ православіе... На памфлетъ я отвѣтилъ, а русская общественность, возмущенная грубымъ тономъ статьи аббата Кенэ, заступилась за меня (Д. С. Мережковскій написалъ горячую статью въ мою защиту). Какъ всегда, полемика ничего не дала, но съ тѣхъ поръ мое имя въ парижскихъ католическихъ кругахъ стало одіознымъ... Признаюсь, я не прилагалъ какихъ-либо усилій, чтобы разсѣять неблагопріятное впечатлѣніе (ибо это было бы безполезно), а просто, когда представлялись

случаи встрѣтиться съ католической іерархіей, я отъ этихъ встрѣчъ уклонялся. Такъ, напримѣръ, была у меня встрѣча съ монсиньоромъ д-Эрбиньи*), которая ни къ чему не привела. — Была попытка іезуита Тышкевича наладить отношенія съ православными: два раза онъ приглашалъ нашихъ студентовъ Богословскаго Института въ лѣтній лагерь, но изъ бесѣдъ съ нашей молодежью «о соединеніи съ католиками» у него ничего не вышло, и онъ пересталъ приглашать ихъ. — Въ Лиллѣ іезуиты хотѣли насъ привѣтить и сдали свое помѣщеніе подъ наше студенческое общежитіе**), но нѣкоторое время спустя просили насъ съѣхать... — Наконецъ бенедиктинцы аббатства въ Амэй (Бельгія) соорганизовались въ монастырь «восточнаго обряда» и тоже пытались подойти къ намъ, но въ результатѣ нѣсколько студентовъ-католиковъ, побывавъ въ Амэй, перешли къ намъ, и тогда «русскую акцію» отъ бенедиктинцевъ отняли, и передали доминиканскому центру «Истина» въ Лиллѣ (нынѣ этотъ центръ въ Парижѣ), который и продолжаетъ энергично пропагандировать, такъ называемый, «восточный обрядъ».

«Восточный обрядъ» задуманъ съ цѣлью совращать православныхъ въ католичество. Это маленькій капканъ для несознательныхъ или невѣжественныхъ православныхъ. Это реставрація старой уніи въ западной Россіи и въ Галиціи, когда бѣдный темный народъ («быдло» по понятіямъ XVI-го вѣка) хитростью или насильно, какъ стадо, загоняли въ унію. Впослѣдствіи то же произошло съ сирійскими христіанами въ Антіохійскомъ патріархатѣ. Въ массѣ своей народъ въ церковныхъ вопросахъ разбирается плохо. Можетъ быть, это грѣхъ нашъ, что міряне наши развитымъ, яснымъ и устойчивымъ церковнымъ сознаніемъ не обладаютъ. Но развѣ можно братьямъ-христіанамъ этимъ пользоваться? Развѣ можно на это свою ставку ставить? Принципъ прозелитизма между христіанами разныхъ Церквей не вяжется съ духомъ Христова ученія, онъ по духу своему слишкомъ разнится отъ апостольской ревности, а подъ его флагомъ какъ-то фатально свиваютъ себѣ гнѣздо хитрость, уловки, расчетъ, все то, что осудилъ Господь въ своемъ обличеніи ревнителей закона — фарисеевъ (Мѳ. 23). Подъ видомъ «восточнаго обряда» католики прикровенно углаживаютъ путь къ католичеству. Ужъ лучше прямо и открыто вести пропаганду въ пользу Рима, чѣмъ прибѣгать къ такой мимикріи. Вѣдь не могутъ же они не понимать, что православіе не исчерпывается обрядами! Мнѣ довелось встрѣтиться на Ривьерѣ съ однимъ миссіонеромъ-епископомъ «восточнаго обряда» (по просьбѣ покойной Е. М. Лопатиной, которая потомъ, незадолго до своей

*) См. стр. 435.
**) См. стр. 500 и 501.

смерти, приняла католичество). — «Что вы хотите? Чего вамъ недостаетъ?» говорилъ онъ мнѣ съ оттѣнкомъ нѣкоторой досады: «Мы до мелочей переняли вашъ ритуалъ, а вы къ намъ не идете...» — «Какъ вы, владыка, просвѣщенный церковный человѣкъ, можете это говорить! Вѣдь Церковь не исчерпывается обрядами, а заключаетъ въ себѣ еще и догматическія вѣрованія», — возразилъ я. Спорить съ епископомъ было безполезно...

Сознательныхъ переходовъ въ католичество «восточнаго обряда» въ русской эмиграціи немного, успѣха эта форма католичества въ русской средѣ не имѣетъ. Было нѣсколько отпаденій въ клирѣ — священники: Цебриковъ, Дейбнеръ, Федоровъ, Діодоръ Колпинскій, архимандритъ Сергій Дабичъ примкнули къ уніи, но судьба ихъ въ общемъ печальная. Большинство изъ нихъ «рецидивисты», т. е. сначала изъ православія обратились въ католичество, потомъ изъ католичества въ православіе, и наконецъ, вновь изъ православія въ католичество. Можно себѣ представить, какія это больныя, искалѣченныя души: мечутся отъ одной церкви къ другой, ни одной изъ нихъ не вѣрныя, часто совсѣмъ опускаются на дно, какъ бѣдный о. Д... До сихъ поръ тяжелымъ камнемъ лежитъ у меня на душѣ послѣдняя предсмертная переписка съ о. Дабичемъ, который такъ рвался опять вернуться въ лоно православія... «Петлю на шею я себѣ накинулъ», писалъ онъ о своемъ католичествѣ.

Не велика жатва католической пропаганды среди русскихъ и въ свѣтскомъ обществѣ: изъ видныхъ ренегатовъ можно указать на кн. Волконскаго (по семейной традиціи), Евреинова и Абрикосова... Всѣ католическія надежды возлагаются теперь на будущее духовное завоеваніе русскаго народа, для чего готовятъ многочисленные кадры миссіонеровъ...

Какъ бы въ противовѣсъ «восточному обряду» въ католичествѣ, появились въ послѣднее время попытки завести «западный обрядъ» въ православной Церкви. Сначала такія попытки были сдѣланы въ Польшѣ, а недавно въ Парижѣ въ Церкви юрисдикціи митрополита Сергія, возглавляемой митрополитомъ Елеверіемъ. Не знаю, какіе это принесетъ плоды для Церкви Божіей. Судьба «восточнаго обряда» въ католичествѣ не сулитъ свѣтлыхъ перспективъ «западному обряду» въ православіи.

Долженъ, однако, оговориться: одно дѣло не поощрять такого рода пропаганды; а другое — равнодушно относиться къ искреннему стремленію представителей «западнаго обряда» соединиться съ Православной Церковью. По этому поводу упомяну о моемъ знакомствѣ съ епископомъ Винартомъ.

Епископъ Винартъ получилъ хиротонію отъ старокатоликовъ,

потомъ отошелъ отъ нихъ и образовалъ самостоятельную Церковь, состоявшую изъ пяти приходовъ во Франціи, Бельгіи и Голландіи. Такъ какъ эта Церковь не имѣла твердыхъ основаній, ни догмитическихъ ни каноническихъ, то еп. Винартъ началъ искать сближенія, и даже единенія, съ Православной Церковью; онъ сталъ часто заходить ко мнѣ и вести бесѣды объ этомъ, а также приглашать меня на свои богослуженія. Искренность его стремленія была несомнѣнна, и я рѣшилъ принять въ этомъ дѣлѣ участіе. Не полагаясь, однако, на собственное мнѣніе, я созвалъ при Епархіальномъ Совѣтѣ совѣщаніе изъ профессоровъ Богословскаго Института, дабы выяснить, возможно ли принять епископа Винарта со всѣми его приходами въ Православную Церковь, и если возможно, то на какихъ условіяхъ. Мнѣнія въ совѣщаніи раздѣлились. Особеннымъ препятствіемъ къ принятію его въ лоно нашей Церкви былъ его бракъ (онъ вступилъ въ законный бракъ, уже будучи въ епископскомъ санѣ). Большинствомъ голосовъ ходатайство епископа Винарта было отклонено, хотя онъ выражалъ согласіе на расторженіе своего брака. Признаюсь, было очень больно это равнодушное отношеніе къ искреннимъ исканіямъ епископа, ибо Господь сказалъ: «всякаго грядущаго ко Мнѣ не изжду вонъ...» Я рѣшилъ вопросъ о соединеніи представить на благоусмотрѣніе Вселенскаго Патріарха. Съ петиціей къ нему отъ имени епископа Винарта поѣхалъ нашъ православный французскій іеромонахъ Левъ Жилле. Такъ какъ патріархъ Фотій былъ боленъ, о. Левъ бесѣдовалъ съ уполномоченными отъ патріарха митрополитами. О результатахъ этого ходатайства обѣщали увѣдомить по разсмотрѣніи дѣла Священнымъ Синодомъ. Долго ждалъ епископъ Винартъ этого рѣшенія и не дождался... Потерявъ всякое терпѣніе и надежду получить отвѣтъ, онъ обратился къ Литовскому митрополиту Елевѳерію (юрисдикціи Московскаго митрополита Сергія), который потребовалъ отъ него развода съ его женой и постриженія въ монашество; епископа Винарта присоединили, а всѣхъ его священниковъ должны были перерукоположить, разрѣшивъ имъ потомъ служить по «западному обряду». Такъ произошло присоединеніе къ Православной Церкви епископа Винарта (ставшаго архимандритомъ Иринеемъ), его духовенства и паствы. Архимандритъ Ириней вскорѣ скончался. Священники, по новому рукоположенные, и паства вошли въ лоно Православной Церкви.

Однако, «западный обрядъ» признаковъ дальнѣйшаго здороваго развитія что-то не проявляетъ; въ употребленіи другихъ священниковъ, не винартовского рукоположенія, онъ вызываетъ улыбки....

Одинъ изъ священниковъ «западнаго обряда» въ Голландіи (Хаарлемъ), о. Петръ Глазема рѣшилъ перейти въ мою юрисдикцію отчасти подъ вліяніемъ нашего священника въ гор. Гаагѣ, іеромона-

ха Діонисія (Лукина). Я, конечно, принялъ его, разрѣшивъ ему «западный обрядъ» съ нѣкоторыми измѣненіями, сокращеніями и дополненіями. Но положительнаго результата это присоединеніе не дало...

Проблема соединенія Церквей — православной и католической — на началахъ взаимной братской любви и духовной свободы встрѣчаетъ непреодолимое преткновеніе въ вѣковомъ неизбывномъ папскомъ имперіализмѣ, въ силу котораго идея вселенскаго **объединенія** христіанъ подмѣняется идеей **подчиненія** всего міра католической Церкви, отъ чего Ватиканъ отказаться не можетъ по самой своей природѣ. Вотъ почему, хотя Папа организовалъ въ своей Церкви постоянное моленіе за страждущую русскую Церковь, хотя черезъ католическія учрежденія мы, русскіе эмигранты, получили не мало благодѣяній, за что, конечно, мы хранимъ въ душахъ искреннія благодарныя чувства, — я долженъ сказать по совѣсти, что католики не нашли путей къ нашимъ сердцамъ, и многое въ ихъ отношеніяхъ къ намъ за эти годы мы съ горечью восприняли, либо какъ непониманіе насъ, либо какъ болѣзненную рану чувству нашей преданности родной Православной Церкви. Воли къ преодолѣнію вѣковой отчужденности они проявили мало...

Кардиналъ Вердье издалъ окружное посланіе, въ которомъ запрещается католикамъ посѣщать наши храмы, а въ случаяхъ, когда по необходимости (по соображеніямъ гражданскаго порядка) они вынуждены присутствовать на нашихъ богослуженіяхъ, имъ предписывается молитвенно въ нихъ не соучаствовать. Зачѣмъ было нужно подчеркивать это ригористическое правило, хотя бы оно и значилось въ канонахъ?

Такое явленіе, какъ международный литературный конкурсъ, устроенный одной католической организаціей подъ предсѣдательствомъ кардинала Бодрильяра, когда, нарушая статутъ международныхъ конкурсовъ, вмѣшалась католическая духовная цензура и лишила нашихъ писателей Лукаша и Таманина премій, присужденныхъ имъ литературнымъ жюри, на томъ основаніи, что въ ихъ романахъ «христіанскихъ по духу», есть, яко бы, примѣсь «славянскаго мистицизма» — такое явленіе оставило въ русскомъ эмигрантскомъ обществѣ тягостное впечатлѣніе и было воспринято, какъ нѣкоторое оскорбленіе католиками православія.

Подчеркнуто-невѣжливое отношеніе ко мнѣ кардинала Вердье комментировалось въ эмигрантской средѣ тоже весьма для католиковъ неблагопріятно. Послѣ панихиды по убіенномъ сербскомъ королѣ Александрѣ, которую я вслѣдъ за кардиналомъ служилъ подъ Тріумфальной аркой въ присутствіи президента, министровъ, дипломатическаго корпуса, а также и другихъ представителей официальной

Франціи, я счелъ долгомъ вѣжливости поѣхать къ нему съ визитомъ. Онъ указалъ часъ для нашей встрѣчи. Но кардинала въ этотъ часъ дома я не засталъ... Прождавъ его тщетно нѣкоторое время, я уѣхалъ. На слѣдующій день было получено отъ него письмо съ извиненіемъ.

Прошлою зимою ко дню семидесятилѣтія кардинала, которое праздновалось очень торжественно, я послалъ ему поздравленіе. Никакого отвѣта на мое привѣтствіе не послѣдовало...

Допрашивая свою совѣсть, я со всею откровенностью могу сказать, что не на мнѣ главная вина того, что отношенія съ католиками въ эмиграціи не наладились. Я не уклонялся отъ случаевъ, когда они казались благопріятны для дружескаго общенія нашихъ двухъ Церквей, но въ отвѣтъ не встрѣчалъ прямоты, искренности, того открытаго братскаго влеченія къ сближенію, которое внушаетъ довѣріе и побѣждаетъ чувство отчужденности, исторически въ насъ укоренившейся. Наоборотъ, приходилось быть на-чеку, улавливать какую-то тонкую политику, заднюю мысль опытныхъ дипломатовъ. Какъ далеки эти отношенія отъ идеала общенія Церквей въ Любви и Свободѣ!*)

Если съ католиками наше сближеніе не удалось, то съ протестантами за эти годы у насъ установились простыя и сердечныя отношенія.

Первая моя встрѣча съ протестантскимъ міромъ была въ 1920 г. въ Женевѣ на Конференціи христіанскихъ вѣроисповѣданій.

Инициатива стремленія къ сближенію и единенію всѣхъ христіанскихъ исповѣданій принадлежала американской епископальной церкви. Американскіе епископы, во главѣ съ извѣстнымъ Нью-Іоркскимъ епископомъ Брентомъ, обратились къ главамъ всѣхъ христіанскихъ Церквей съ призывомъ послать своихъ делегатовъ на общую Конференцію, на которой они могли бы встрѣтиться, познакомиться другъ съ другомъ и обсудить общіе вопросы «Вѣры и Церковнаго строя»; въ такихъ вопросахъ всѣ Церкви могли быть, если не единомысленны, то, по крайней мѣрѣ, близки между собою; предполагалось также намѣтить пути, ведущіе ихъ къ дальнѣйшему сближенію. Нужно удивляться той ревности, той настойчивости, съ которой они стучались въ двери каждаго христіанскаго исповѣданія, нужно преклоняться и передъ тѣми огромными усиліями и трудами, которые они взяли на себя, чтобы начать и организовать это дѣло въ міровомъ масштабѣ. На этотъ призывъ откликнулись очень многія протестантскія исповѣданія, старокатолики, а также православныя Церкви;

*) Эта глава была написана въ концѣ 1937 года.

благословилъ это дѣло и Вселенскій Константинопольскій Патріархъ. Объ этой Конференціи, о моихъ впечатлѣніяхъ и воспоминаніяхъ съ нею связанныхъ я уже говорилъ*). Здѣсь же воспользуюсь поводомъ и скажу нѣсколько словъ о предсѣдателѣ Конференціи епископѣ Брентѣ**)

Въ церковномъ мірѣ епископъ Брентъ былъ личностью крупной и свѣтлой. Онъ объединилъ силой своего моральнаго авторитета представителей самыхъ отдаленныхъ вѣроисповѣданій, внушалъ довѣріе къ Конференціи даже наиболѣе недовѣрчивымъ, скептически настроеннымъ ея членамъ. Внимательный, любвеобильный, чуткій и смиренный, онъ завоевалъ всеобщее уваженіе и симпатію.

Женевская Конференція имѣла для православія серьезное значеніе. Хотя это была первая встрѣча почти незнакомыхъ и духовно чуждыхъ другъ другу людей, хотя намъ и трудно было найти общій съ протестантами языкъ, и сознаніе взаимной чуждости насъ не покидало, — все-же эта встрѣча и непосредственное знакомство въ рамкахъ нравственнаго взаимообщенія ради высокой и актуальной цѣли, волнующей всѣхъ христіанъ, насъ съ протестантами сблизили. Въ глубь нашихъ догматическихъ расхожденій мы не вдавались: всѣ понимали, что почва для этого еще не готова. Но независимо отъ этой неподготовленности, достигнутъ былъ положительный результатъ — въ Женевѣ завязались между нами сношенія настолько дружественныя, что опытъ встрѣчи христіанъ разныхъ вѣроисповѣданій былъ признанъ удачнымъ и привелъ къ постановленію — готовиться къ слѣдующей Конференціи, которую намѣтили созвать въ 1927 году въ Лозаннѣ, а пока избрать «Комитетъ продолженія», поручивъ ему собрать нужные для этого будущаго съѣзда матеріалы.

Одновременно съ этимъ была въ Женевѣ задумана другая Конференція практическаго христіанства («Жизнь и Трудъ»); предположено было созвать ее въ Стокгольмѣ въ 1925 г.

Естественнымъ продолженіемъ экуменическаго общенія было празднованіе въ Лондонѣ, по иниціативѣ архіепископа Кентерберійскаго, юбилейнаго торжества 1600-лѣтія Перваго Никейскаго Вселенскаго Собора (325 г.).

На торжество съѣхалось много приглашенныхъ. Въ числѣ гостей: два вселенскихъ патріарха — Александрійскій патріархъ Фотій и Іерусалимскій патріархъ Даміанъ; представитель Константинопольскаго патріарха митрополитъ Германосъ; русская группа: митрополитъ Антоній и я, епископъ Веніаминъ, проф. Глубоковскій, о. Лелюхинъ; сербскій епископъ Ириней, болгарскій митрополитъ Стефанъ, проф.

*) См. стр. 368 и 369.
**) Еп. Брентъ умеръ въ 1927 году.

Цанковъ... Нѣкоторыхъ православныхъ іерарховъ пригласили пріѣхать за недѣлю до торжества и возили по всей Англіи, показывая наиболѣе достопримѣчательные храмы.

Это путешествіе по Англіи я совершилъ въ сопровожденіи митрополита Германоса, еп. Веніамина, свящ. Тимофеева и протод. Ѳеокритова. Интересная поѣздка, давшая богатый запасъ впечатлѣній. Всюду въ церквахъ насъ встрѣчало приходское духовенство, въ соборахъ — епископы. Устраивались процессіи, при чемъ собиравшійся во множествѣ англійскій народъ принималъ отъ насъ благословеніе. Особенно свѣтлое впечатлѣніе произвелъ на меня епископъ Фриръ (Вальтеръ) Трурскій, епископъ-монахъ, членъ англиканской монашеской общины Воскресенія. Широко образованный церковный писатель*), одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и популярныхъ епископовъ въ Англіи, епископъ Фриръ горячій сторонникъ единенія англиканской Церкви съ Восточной Православной Церковью. Въ Россіи онъ побывалъ до революціи дважды и говоритъ немного по-русски. Я прожилъ у него два дня въ его роскошномъ дворцѣ, окруженномъ паркомъ. Не только епископъ Фриръ, но и всѣ англиканскіе епископы во главѣ съ маститымъ архіепископомъ Кентерберійскимъ и все духовенство оказывали намъ удивительное гостепріимство и искреннюю братскую любовь. У меня теперь въ англиканской Церкви много друзей. Къ сожалѣнію, эти дружескія отношенія не могли закрѣпиться вслѣдствіе моего незнанія англійскаго языка.

Во время путешествія по Англіи пришлось мнѣ познакомиться и съ нѣкоторыми монастырями англиканской Церкви. Они существуютъ, несмотря на протестантство. Прежде всего я посѣтилъ Kelham. Это очень интересное и очень оригинальное учрежденіе. По общему характеру монастырь этотъ общежительный, но его спеціальная задача — подготовлять священниковъ; братію монастыря составляютъ профессора и студенты — кандидаты пастырства; во главѣ настоятель — ректоръ этого богословскаго заведенія. Богословская наука здѣсь стоитъ на должной высотѣ, сюда приходятъ по окончаніи университета лица ищущія пастырства. Замѣчательно, что занятіе наукой и участіе въ ежедневномъ богослуженіи не мѣшаютъ студентамъ заниматься самыми обычными житейскими дѣлами. Въ Келамѣ нѣтъ прислуги; всѣ, такъ называемыя, черныя работы несутъ сами студенты по установленной очереди. Сегодня студентъ слушаетъ лекцію, а завтра онъ работаетъ на кухнѣ или въ огородѣ, чиститъ хлѣбъ или ухаживаетъ за монастырскими свиньями. Какой прекрасный, здоровый (физически и духовно) режимъ! Не отверга-

*) Лекціи еп. Фрира по исторіи англиканской Церкви, читанныя имъ въ Петербургѣ въ 1912 г., изданы У.М.С.А. съ моимъ предисловіемъ (Парижъ, 1930 г.).

ются и развлеченія, особенно, любимый англичанами спортъ. Какъ-то разъ въ разговорѣ со мною настоятель сталъ жаловаться, что у нихъ мало земли. Я выразилъ ему сочувствіе, полагая, что земля необходима для огорода или для посѣвовъ. Каково было мое удивленіе, когда я услышалъ, что имъ, увы, не хватаетъ простора для игры въ футболъ!!.. Съ большой радостью я провелъ два дня въ этомъ прекрасномъ учрежденіи и съ грустью невольно думалъ: какъ эти порядки далеки отъ режима нашихъ бывшихъ русскихъ духовныхъ школъ! какъ хорошо бы было построить по этому образцу жизнь нашего Богословскаго Института... Нѣсколько разъ я, правда, осторожно поднималъ этотъ вопросъ, но всегда со стороны профессоровъ встрѣчалъ рѣшительный отказъ: они находили, что такой порядокъ повредитъ учебнымъ занятіямъ и здоровью студентовъ. Келамъ съ его образованными и физически цвѣтущими студентами даетъ яркое опроверженіе этого заблужденія...

Я посѣтилъ и два женскихъ монастыря — прекрасно организованныя учебновоспитательныя заведенія для дѣвочекъ. Монахини приняли меня ласково, только потомъ высказали свое удивленіе, почему я въ храмѣ не снялъ «своей бѣлой шляпы» (клобука). Монастырское зданіе окружено паркомъ, который разгороженъ проволокой. Я узналъ, что одна часть парка предназначается для богатыхъ дѣвочекъ изъ привилегированныхъ классовъ, а другая — для простыхъ. Намъ показалось это нѣсколько страннымъ, но, быть можетъ, въ этомъ есть своя, намъ неясная, идея, ибо однѣхъ готовятъ для интеллигентныхъ профессій, а другихъ — для простыхъ работъ, для домашней прислуги и пр.

Торжественное празднованіе юбилея Никейскаго собора открылось богослуженіемъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, а потомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней бывали торжественные службы то въ одной, то въ другой Лондонской церкви, и назначались собранія съ лекціями въ громадныхъ общественныхъ залахъ. На одномъ изъ такихъ собраній, въ залѣ на 10.000 человѣкъ, выступали съ рѣчами митрополитъ Антоній и я. Только благодаря громкоговорителю можно было насъ услышать. Я очень волновался, ибо чувствовалъ большую отвѣтственность передъ такою аудиторіей и въ такой историческій моментъ. Я сказалъ, что наши шаги навстрѣчу другъ другу имѣютъ положительное значеніе, какъ проявленіе воли къ соединенію Церквей, но пока они ограничиваются лишь іерархіей и профессорами; окончательная оцѣнка нашей русской экуменической работы принадлежитъ всей Матери-Русской Церкви, она и будетъ насъ судить — либо благословитъ, либо въ благословеніи откажетъ; только когда русскій епископатъ будетъ въ состояніи пригласить къ себѣ своихъ анг-

ликанскихъ братьевъ, когда соборное церковное сознаніе русскаго народа скажетъ на наши стремленія къ сближенію и единенію Церквей «аминь», только тогда дѣло наше станетъ крѣпко, незыблемо...

Основной вопросъ, обсуждавшійся на этихъ многолюдныхъ собраніяхъ — апостольская преемственность англиканской іерархіи и въ связи съ нимъ вопросъ о допустимости взаимообщенія (intercommunion) въ таинствѣ св. Евхаристіи. Мы, представители русской православной Церкви, проявили большую осторожность; митрополитъ Антоній сказалъ, что всѣ инославныя исповѣданія лишены іерархической благодати, англиканскую Церковь нельзя выдѣлять изъ ряда другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, въ томъ числѣ и католичества; но восточные патріархи, наоборотъ, высказывали болѣе широкія, либеральныя мнѣнія, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ, даже наиболѣе строгій — старѣйшій патріархъ Александрійскій Фотій, — фактически, въ отдѣльныхъ случаяхъ, допускали «intercommunion» съ англиканами, а сербскій партріахъ Димитрій въ частномъ порядкѣ уже причащалъ протестантку, румынскую королеву Марію.

Наши торжественныя церковныя службы и собранія сопровождались процессіями по улицамъ. Трогательно было видѣть, какъ благочестивые англичане, встрѣчая процессію, становились на колѣни и благоговѣйно ожидали благословенія не только своихъ англиканскихъ епископовъ, но насъ, православныхъ. Однако, тутъ же въ толпѣ коегдѣ мелькали плакаты «долой епископовъ», — таковы нравы свободной Англіи. Никейскія торжества были величественны, многолюдны, изобиловали взаимными теплыми привѣтствіями, несомнѣнно пролагали пути къ нашему взаимному сближенію, но значеніе ихъ, конечно, было скорѣй психологическое, чѣмъ дѣловое.

Въ томъ же 1925 году, непосредственно послѣ Никейскихъ торжествъ въ Англіи, собралась церковная Всемірная Конференція въ Стокгольмѣ, посвященная обсужденію и практическому разрѣшенію наиболѣе тревожныхъ соціальныхъ и моральныхъ вопросовъ. Выяснилось, что вслѣдствіе внутренней неустроенности, необъединенности христіанъ въ мірѣ, не только трудно преодолѣть государственный антагонизмъ христіанскихъ народовъ, но что этотъ внутренній разбродъ приноситъ вредъ самому христіанству, обнаруживая раздоръ, соперничество Церквей или взаимное безразличіе, умаляетъ, и даже искажаетъ чистоту и величіе Христовой Истины. Эта Конференція шла по линіи соціальнаго христіанства. Вдохновителемъ и предсѣдателемъ былъ знаменитый примасъ Швеціи епископъ Седербломъ.

Въ 1930 году архіепископъ Кентерберійскій пригласилъ пред-

ставителей православныхъ восточныхъ Церквей въ качествѣ гостей на Ламбетскую Конференцію. Она созывается разъ въ 10 лѣтъ въ резиденціи Кентерберійскаго архіепископа, въ его Ламбетскомъ дворцѣ; на нее съѣзжаются представители англиканской Церкви со всего міра. Были на ней въ качествѣ гостей и православные іерархи, во главѣ съ Александрійскимъ патріархомъ Мелетіемъ... Эту Конференцію предварилъ Соборъ епископовъ, созванный въ Ламбетѣ (въ январѣ 1927 г.) для пересмотра Служебника (Common Prayer Book). Благодаря вліянію досточтимаго 80-лѣтняго старца архіепископа Кентерберійскаго Давидсона, рѣшено было внести въ Prayer Book измѣненія, приближающія его къ Православію (дополненіе къ Первосвященнической Молитвѣ, освященіе запасныхъ св. Даровъ для причащенія больныхъ, молитва за усопшихъ...). Измѣненія вызвали протестъ Low Church и протестантовъ. Въ результатѣ, Палата Общинъ, которая, согласно англійской конституціи, эти измѣненія должна была утвердить, — ихъ не утвердила. Архіепископъ Кентерберійскій былъ глубоко огорченъ, ушелъ въ отставку — и вскорѣ умеръ. Несмотря на неуспѣхъ, Соборъ несомнѣнно имѣлъ значеніе для экуменическаго сближенія. Думаю, не безъ его вліянія нѣкоторые восточные патріархи стали склоняться къ положительному разрѣшенію вопроса объ апостольскомъ преемствѣ англиканской іерархіи.

Послѣ Стокгольмской Конференціи событіемъ громаднаго экуменическаго значенія для христіанскаго міра была Конференція Христіанскихъ Церквей въ Лозаннѣ (въ 1927 г.) подъ названіемъ «Вѣра и Церковный строй» («Faith and Order»). Она была прямымъ продолженіемъ Женевской Конференціи 1920 г., которая собиралась подъ этимъ же лозунгомъ.

Въ Лозанну съѣхалось до 500 делегатовъ: архіепископы, епископы, священники, пасторы, профессора богословія... — представители 90 различныхъ церковныхъ объединеній (Церквей и христіанскихъ общинъ). Только Римъ своихъ делегатовъ не прислалъ. Восточное православіе было представлено группой делегатовъ отъ Константинопольскаго, Александрійскаго, Іерусалимскаго, Сербскаго и Румынскаго патріархатовъ и отъ Церквей греческой, болгарской, польской, западно-европейской русской (я и протоіерей С. Булгаковъ) и грузинской. Предсѣдателемъ Конференціи былъ епископъ Нью-Іоркскій Брентъ. Пленарныя засѣданія происходили въ громадномъ университетскомъ залѣ, общія моленія — въ городскомъ соборѣ (нѣсколько пѣснопѣній и особо составленная молитва о христіанскомъ единеніи).

Лозаннская Конференція уже прямо поставила трудную и сложнѣйшую проблему о соединеніи христіанскихъ исповѣданій въ еди-

ную Вселенскую Церковь. Работа Конференціи проходила въ духѣ братской любви, свободы и терпимости другъ къ другу. Но при этомъ выяснилось, какъ трудно отдѣльнымъ Церквамъ, оставаясь вѣрными своему исповѣданію, своему историческому преданію, не только объединиться, но даже понять другъ друга. Очень интересенъ и показателенъ въ этомъ отношеніи выдвинутый прот. С. Булгаковымъ вопросъ о почитаніи Божіей Матери, а также о почитаніи святыхъ и иконъ. Прот. Булгаковъ придавалъ огромное значеніе самому факту, — чтобы на этомъ міровомъ экуменическомъ собраніи прозвучало исповѣданіе Богоматери. По его глубокому убѣжденію, Богоматерь мистическая Объединительница христіанства, и только подъ Ея Покровомъ христіане могутъ достигнуть братскаго единства во Христѣ. Предсѣдатель секціи **Dr. Garvie** отсрочивалъ въ теченіе цѣлой недѣли произнесеніе этой рѣчи. Когда, наконецъ, о. Сергію слово было дано, аудиторія выслушала его сдержанно и съ неопредѣленнымъ настроеніемъ; самое большее, что нѣкоторые протестанты могли принять — это видѣть въ Богоматери эмблему христіанскаго единенія. Изъ этого можно было заключить, насколько христіане еще далеки не только отъ объединенія, но даже отъ взаимнаго пониманія въ религіозномъ отношеніи...

Когда трудности сближенія съ протестантами выяснились по цѣлому ряду основныхъ началъ вѣры и церковнаго ученія (напримѣръ, въ ученіи о природѣ Церкви, о священствѣ, о таинствахъ, о св. преданіи, о соборности какъ абсолютномъ критеріи Истины) мы, православные делегаты, рѣшили объединиться и выступить со своимъ особымъ заявленіемъ. Признавая свое единство со всѣми Христіанскими Церквами, провозглашенное на Конференціи съ цѣлью возобновленія совмѣстнаго евангельскаго благовѣствованія міру о Христѣ (это положеніе объединило всю Конференцію отъ православныхъ до квакеровъ), — мы, однако, заявили о незыблемости нашего православнаго церковнаго вѣроученія и ясно и точно, по пунктамъ, формулировали наши разногласія съ протестантами. Восточное православіе находило невозможнымъ, при наличіи глубокихъ разногласій въ современномъ церковномъ сознаніи разныхъ вѣроисповѣданій, соединиться всѣмъ въ одну Вселенскую Церковь, но проблему сближенія не зачеркивало. «По нашему мнѣнію, гласило наше заявленіе, все, что можно сдѣлать сейчасъ, это сотрудничать съ другими Церквами въ проповѣданіи Слова Божія и въ сферѣ соціальной и моральной на основѣ христіанской любви».

Лозаннская Конференція заключилась обращеніемъ ко всему христіанству съ Декларацією, въ которой была принята основная линія вышеупомянутаго нашего заявленія. Рѣшено было работу въ экуменическомъ направленіи не оставлять, а для этого избрать «ко-

Англиканскіе епископы въ Святѣйшемъ Синодѣ въ 1912 году.
Епископъ Евлогій первый слѣва во второмъ ряду.

Митрополитъ Евлогій (въ бѣломъ клобукѣ) **на Эдинбургской Конференціи въ 1937 году.**

митетъ продолженія» съ подъотдѣлами въ разныхъ странахъ для подготовленія слѣдующихъ конференцій христіанскихъ церквей. Одна изъ нихъ — практическаго христіанства («Жизнь и Трудъ») — состоялась въ Оксфордѣ въ іюлѣ 1937 г., а другая — въ августѣ того же года въ Эдинбургѣ.

Ѣхать въ Оксфордъ и Эдинбургъ я не собирался. Устроители Конференцій меня запрашивали, не пріѣду ли я, но я офиціально уклонился, и отправилъ нѣсколькихъ профессоровъ. На Конференцію въ Оксфордъ: Н. Н. Алексѣева, о. Сергія Булгакова, Б. П. Вышеславцева, Л. А. Зандера, В. В. Зѣньковскаго, А. В. Карташева, Г. П. Федотова*). Въ Эдинбургъ: о. Сергія Булгакова, Л. А. Зандера, архимандрита Кассіана (Безобразова), А. В. Карташева (но онъ не поѣхалъ) и о. Георгія Флоровскаго.

Однако, въ Эдинбургъ мнѣ ѣхать все же пришлось. Меня стали настойчиво уговаривать и здѣсь и изъ Англіи. Два мотива обусловили мое рѣшеніе на Конференцію все же поѣхать: во-первыхъ, мое появленіе на Конференціи могло сплотить моихъ профессоровъ и до нѣкоторой степени разногласія между ними сгладить, дабы они не приняли тамъ непріятныхъ формъ; во-вторыхъ, меня заинтересовали и вызвали къ себѣ глубокое сердечное расположеніе индусы, представители, такъ называемой **Orthodox Syrian Church of the East**, только что прослѣдовавшіе черезъ Парижъ въ Англію; я оказалъ имъ посильное гостепріимство, они пожили у насъ въ церковномъ домѣ на рю Дарю пять дней, мы много бесѣдовали и ближе другъ друга узнали. Мнѣ хотѣлось способствовать вхожденію ихъ въ лоно православія. Они ѣхали на Конференцію въ Эдинбургъ, — тамъ имъ предстояла встрѣча съ делегатами православныхъ Церквей, а отъ этой встрѣчи зависѣло впослѣдствіи многое... Правда, я бы могъ дать имъ письмо къ греческому митрополиту Германосу, но, разумѣется, было бы лучше, если бы я лично ввелъ ихъ въ кругъ съѣхавшихся на Конференцію представителей православія.

Осуществить поѣздку было мнѣ уже теперь немного сложно. Списокъ нашихъ профессоровъ-делегатовъ я уже утвердилъ, вычеркивать одного изъ нихъ мнѣ не хотѣлось. Тогда я поставилъ вопросъ такъ: если меня пригласятъ персонально, — я пріѣду. Черезъ нѣсколько дней я получилъ приглашеніе отъ Предсѣдателя Конференціи архіепископа Іоркскаго, а благотворительная организація **The Russian Clergy and Church Aid Fund** озаботилась о матеріальной сторонѣ моего путешествія — и я вскорѣ выѣхалъ въ Англію.

Поѣздъ изъ Лондона въ Эдинбургъ былъ переполненъ делегата-

*) Одни изъ нихъ поѣхали въ качествѣ делегатовъ съ правомъ голоса, другіе — безъ права голоса.

ми. Среди спутниковъ много лицъ знакомыхъ мнѣ по Лозаннской Конференціи; тутъ же индусы, митрополитъ болгарскій Стефанъ, митрополитъ Польскій Діонисій....

Въ Эдинбургѣ насъ, православную делегацію, устроили въ Cowan House — въ благоустроенномъ студенческомъ общежитіи.

Конференція открылась 3-го августа торжественнымъ молебствіемъ въ соборѣ св. Жиля при громадномъ стеченіи народа. Потомъ делегаты прослѣдовали въ залъ Синода Шотландской Церкви (Assembly Hall).

Эдинбургская Конференція длилась двѣ недѣли въ составѣ 414 делегатовъ, представителей 122 христіанскихъ объединеній 43 странъ. По сравненію съ «Лозанной», чувствовалась большая близость между «церквами», большая готовность ко взаимному пониманію, болѣе ясное различеніе, что ведетъ къ сближенію, что ему препятствуетъ. Въ противоположность «Лозаннѣ», основные доклады перенесли въ секціи, гдѣ вся главная работа и была сосредоточена. Тутъ произносились горячія рѣчи, велись оживленные дебаты по поводу докладовъ.

Я былъ избранъ въ 4-ую секцію («Единство Церкви въ жизни и культѣ») и въ ея подъотдѣлѣ, посвященномъ «почитанію святыхъ», выступилъ со слѣдующей краткой рѣчью, разъясняющей наше православное ученіе объ этомъ культѣ:

«Не имѣя возможности, по незнанію языка, участвовать въ обсужденіи вопроса объ общеніи святыхъ, я позволю себѣ какъ православный епископъ высказать нѣсколько словъ по этому вопросу. И позвольте мнѣ съ высоты теоретическаго или вообще діалектическаго его разсмотрѣнія перенести ваши мысли на путь интуиціи, или точнѣе — на путь внутренняго духовнаго опыта, подойти къ нему съ критеріемъ опытнаго его разумѣнія, со стороны тѣхъ внутреннихъ, духовныхъ переживаній, которыя даетъ христіанской душѣ общеніе со святыми, ибо я такъ именно понимаю «communio sanctorum». Мнѣ, православному епископу, трудно, даже невозможно, себѣ представить, какъ можно обойтись безъ этого общенія со святыми вообще и со Святѣйшею изъ святыхъ — Матерью Божіей. Безъ этого общенія наше духовное небо было бы такъ пусто, наша духовная жизнь была бы такъ одинока, бѣдна и грустна, намъ было бы такъ холодно въ этомъ мірѣ... Мысль о томъ, что съ нами въ общеніи находятся безчисленные сонмы великихъ праведниковъ, изначала создававшихъ и украшавшихъ св. Церковь, наполняетъ нашу душу неизреченной радостью. Намъ радостно думать и чувствовать, что мы въ этой жизни не одиноки, — не забытые, заброшенные странники на землѣ; что въ нашей жизни участвуютъ небесные люди; что намъ сіяютъ эти свѣтлыя звѣзды и среди нихъ великое Солнце

милосердія и любви, — наша общая Матерь, которую мы называемъ Царицей неба и земли. Ап. Павелъ говоритъ христіанамъ, что они не странники и пришельцы, но родные святымъ и ближніе Богу; что они укоренены въ Церкви на основаніи апостоловъ и пророковъ. Это одно изъ драгоцѣннѣйшихъ откровеній Слова Божія. Сознавать и чувствовать близость къ этому избраннѣйшему обществу святыхъ, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ и другихъ праведниковъ, — небесной истинной аристократіи, — это поднимаетъ душу, это ее наполняетъ благороднѣйшими чувствами и желаніями и самимъ подняться, стать ближе къ нимъ, идти по ихъ стопамъ, учиться у нихъ и просить ихъ помощи, предстательства предъ Богомъ. Они наши первые наставники, учителя, вожди, свѣточи среди мрака нашей повседневной житейской суеты. У всѣхъ народовъ былъ и есть культъ своихъ героевъ, геніевъ, прокладывавшихъ новые пути жизни. Въ духовной жизни святые — наши герои, геніи, реформаторы нашей жизни, — это соль земли, свѣтъ міру, по слову Евангелія. Да, мы ихъ почитаемъ, просимъ у нихъ помощи, молимся имъ, — конечно, не такъ, какъ молимся Богу, а какъ нашимъ благодатнымъ наставникамъ и учителямъ и друзьямъ Божіимъ, могущимъ предстательствовать, ходатайствовать передъ Нимъ. Мы часто такъ низко падаемъ, что подобно евангельскому мытарю, не смѣемъ поднять очей къ небу, и тогда просимъ близкихъ къ Нему, Его друзей, вознести до Него нашъ покаянный молитвенный вопль. Черезъ это посредничество Богъ намъ становится ближе, а Царствіе Божіе какъ-то конкретнѣе и осязательнѣе нами воспринимается.

Я не смѣю никого учить, не веду никакой пропаганды, — я пытаюсь вамъ объяснить нашъ православный духовный опытъ, раскрыть вамъ, какъ намъ безконечно дорого это общеніе со святыми и прежде всего съ Матерью Божіей, Царицей Небесной. Объ исключительномъ почитаніи Ея, объ этомъ прекрасномъ, возвышенномъ православномъ культѣ Богоматери вамъ скажетъ о. Булгаковъ, я же не могу удержаться, чтобы не привести одну изъ безчисленныхъ пѣсней, въ честь Ея составленныхъ въ Православной Церкви: «Какъ назовемъ Тебя, Благодатная; небо, ибо изъ Тебя возсіяло Солнце Правды Христосъ Богъ нашъ; рай, ибо Ты произрастила цвѣты нетлѣнія, Чистую Матерь, ибо Ты родила намъ нашего Бога Спасителя душъ нашихъ»*). Ни одно богослуженіе въ православной Церкви не обвѣяно, не проникнуто такою теплотою, согрѣвающей и размягчающей самыя холодныя, ледяныя, самыя черствыя сердца, какъ почитаніе Божіей Матери. Это почитаніе Царицы Небесной — драгоцѣннѣйшее

*) Въ этой русской перифразѣ приведенъ «Богородиченъ» 1-го часа въ рѣчи Митрополита Евлогія.

сокровище, можно сказать, самое сердце, самая душа всего Православія».

Тотъ фактъ, что на Конференціи былъ организованъ подъотдѣлъ, посвященный ученію о почитаніи святыхъ; что можно было говорить о Богоматери; что спеціально для протестантовъ было издано краткое разъясненіе вѣроучительныхъ основъ этого культа, а въ заключительномъ докладѣ отведена особая глава «Общеніе святыхъ», — все это указывало, что на Эдинбургской Конференціи инославные наши братья отнеслись съ подчеркнутымъ вниманіемъ къ нашимъ святынямъ. Въ Лозаннѣ этого проявлено не было...

Однако, разногласія наши съ протестантами попрежнему были весьма существенны, и мы, какъ и въ Лозаннѣ, прежде чѣмъ вотировать заключительный докладъ-сводку секціонныхъ работъ, выступили съ особымъ заявленіемъ, въ которомъ по пунктамъ эти разногласія формулировали, энергично подчеркивая невозможность для насъ принять расплывчатыя опредѣленія по основнымъ вопросамъ христіанской догматики. Въ заключительной части мы вновь, какъ и въ Лозаннѣ, выражали наше благожелательное отношеніе къ Экуменическому Движенію и наши молитвенныя чаянія, что путь взаимной братской любви приведетъ всѣхъ христіанъ къ исповѣданію единомыслія. Пункты нашихъ разногласій (а также и нѣкоторыхъ другихъ Церквей по различнымъ доктринальнымъ вопросамъ) были занесены въ заключительный докладъ, и въ этомъ видѣ онъ былъ принятъ Конференціей.

Важнымъ событіемъ Эдинбургской Конференціи было одобреніе плана созданія Вселенскаго Совѣта Христіанскихъ Церквей и образованіе Учредительнаго Комитета для разработки его устава.

Надо отмѣтить и заключительную Декларацію Конференціи, съ которой она обратилась ко всему христіанскому міру. Лозаннская Декларація призывала весь христіанскій міръ къ единству, — Эдинбургская это единство утверждала, несмотря на всѣ вѣроисповѣдныя различія, которыя христіанъ разъединяютъ. Декларація была принята Конференціей, торжественно прочитана въ соборѣ 18-го августа при громадномъ стеченіи народа и сопровождалась заключительнымъ благодарственнымъ моленіемъ.

Положеніе православной делегаціи на Конференціи было сложное. Численно, по сравненію съ массой протестантовъ, она была мала, но съ ними не сливалась, а всегда пользовалась благопріятнымъ случаемъ, дабы свое лицо выявить. Въ каждую секцію и подсекцію непремѣнно попадалъ кто-нибудь изъ представителей православной церкви, и отъ активности этихъ православныхъ голосовъ зависѣло многое. Бывали голоса внушительные, но, къ сожалѣнію, въ православной группѣ единства не было, и это умаляло значеніе нѣкото-

рыхъ выступленій, чувствовался разнобой греческихъ, славянскихъ (балканскихъ) и русскихъ голосовъ. Общей тактикѣ мѣшали національныя самолюбія, тщеславныя притязанія, уклонъ къ соперничеству...

Помимо собраній Конференціи, мы, православные, засѣдали и отдѣльно, либо чтобы ознакомить своихъ сочленовъ съ докладами въ секціяхъ, либо чтобы выработать планъ, какъ дѣйствовать въ отдѣлахъ, что тамъ говорить, что постановлять... Тутъ наше расхожденіе и обнаруживалось. Одни представители православія воспринимали все благожелательно со всеобъемлющей широтой, а другіе относились къ протестантизму непримиримо, черство, не считая даже возможнымъ разговаривать съ «еретиками». Греки оказались непримиримѣе балканскихъ славянъ и русскихъ. Въ результатѣ было выработано вышеуказанное особое заявленіе (прочитанное греческимъ митрополитомъ Германосомъ въ общемъ собраніи Конференціи 16 авг.), и былъ поставленъ вопросъ объ участіи нашей группы въ заключительномъ голосованіи Конференціи. Разрѣшенія вопросъ не получилъ: одни (въ томъ числѣ и я) считали, что, прочитавъ заявленіе, надо принять участіе въ голосованіи; другіе, наоборотъ, полагали, что, по прочтеніи заявленія, отъ голосованія надо уклониться. Въ концѣ концовъ, православные делегаты разрѣшили этотъ вопросъ въ индивидуальномъ порядкѣ.

Что касается русской группы, надо отмѣтить, что делегированные мною профессора Богословскаго Института проявили активность и были замѣтными членами Конференціи. Къ сожалѣнію, какъ я уже сказалъ, среди нихъ существовали давнія разногласія, которыя меня тревожили. Они проявились на первомъ же засѣданіи общаго собранія Конференціи, когда о. Георгій Флоровскій рѣзко и язвительно напалъ на благочестіе «чистаго сердца», не покоющееся на устойчивомъ богословскомъ фундаментѣ... Рѣчь его была произнесена послѣ рѣчи о. Сергія Булгакова, который указывалъ на чрезмѣрно важное значеніе, нерѣдко приписываемое доктринальнымъ вопросамъ важности второстепенной, и подчеркнулъ, что такого рода ригоризмъ по отношенію не къ Истинѣ, какъ таковой, а къ ея истолкованіямъ является серьезнымъ препятствіемъ къ сближенію Церквей. Рѣчь о. Флоровскаго, направленная противъ о. Булгакова, произвела на многихъ тягостное впечатлѣніе, но не на всѣхъ... Canon Douglas, важная церковная особа, исполняющая при архіепископѣ Кентерберійскомъ обязанности статсъ-секретаря, весьма расположенный къ о. Флоровскому, наговорилъ мнѣ послѣ засѣданія много комплиментовъ по его адресу и обошелъ молчаніемъ рѣчь о. Булгакова, тѣмъ самымъ подчеркивая свое отрицательное отношеніе къ нему. Я зналъ, что о. Флоровскій послѣ Оксфордской Кон-

ференціи гостилъ нѣсколько дней у Canon Douglas'a и теперь почувствовалъ, что за кулисами завилась какая-то интрига. Canon Douglas пригласилъ меня къ завтраку, на который, кромѣ меня и греч. архимандрита Михаила Константинидеса, были приглашены архіепископы Іоркскій, Линкольнскій и примасъ Ирландіи архіепископъ Дублинскій. Я сослался на несоотвѣтствіе моего одѣянія официальному характеру завтрака (я былъ въ простой рясѣ и шапочкѣ), но Canon Douglas настаивалъ, и я согласился, хоть за завтракомъ мнѣ пришлось сидѣть въ подрясникѣ, но это значенія не имѣло: англикане довольно плохо разбираются въ нашихъ одѣяніяхъ.

За завтракомъ объ о. Булгаковѣ не было произнесено ни слова... А черезъ день-два въ «The Church Times» (большой церковной газетѣ) появилась статья противъ него, въ которой авторъ, между прочимъ, выражалъ недоумѣніе, почему англикане собираютъ деньги на Богословскій Институтъ, когда тамъ среди профессуры такіе явные еретики, какъ о. Булгаковъ...

Эта статья неожиданно привела къ обратному результату: видный американскій богословъ Gavin обратился ко мнѣ съ выраженіемъ сочувствія и протеста, а черезъ нѣсколько дней въ той же газетѣ появилась сильная и рѣзкая отповѣдь обвинителю. Это доказывало, что личность о. Сергія, несмотря на нападки, пользуется искреннимъ уваженіемъ. Я узналъ, что во время Оксфордской Конференціи, на garden party у архіепископа Кентерберійскаго, маститый хозяинъ дома велѣлъ разыскать его среди толпившихся гостей и долго съ нимъ бесѣдовалъ; но въ теченіе всей Эдинбургской Конференціи вокругъ него вились какіе-то непріятные кривотолки, и плелась за его спиной паутина мелкой интриги... Къ сожалѣнію, наши православные богословы реагировали на это вяло; быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что «карловчане» передъ Конференціей разослали всѣмъ автокефальнымъ церквамъ свое осужденіе богословскихъ трудовъ о. Сергія Булгакова*).

Моя роль въ Эдинбургѣ, вслѣдствіе незнанія иностранныхъ языковъ, внѣшне активной быть не могла. Все же мое присутствіе на Конференціи было не совсѣмъ безполезнымъ. Кое-что сдѣлать мнѣ удалось. Приходилось сплачивать, примирять, совѣтовать... По мѣрѣ возможности старался я помочь и моимъ недавнимъ парижскимъ гостямъ-индусамъ.

Моей задачей было представить ихъ православнымъ делега-

*) Въ Болгаріи не такъ давно вышелъ объемистый, научно малоцѣнный, трудъ епископа Серафима, обличающій ученіе о Софіи; а сынъ священника о. Ливена посвятилъ отрицательной критикѣ трудовъ о. Булгакова свою диссертацію.

тамъ, а православныхъ делегатовъ познакомить съ ними. Въ общежитіи индусы жили въ комнатахъ рядомъ со мною. Мы постоянно встрѣчались, бесѣдовали, они выражали сердечное расположеніе ко мнѣ, называли меня «нашъ митрополитъ». Я посовѣтовалъ митрополиту Германосу устроить съ ними встрѣчу и разспросить объ основахъ ихъ исповѣданія, дабы выяснить насколько они православію близки.

Встрѣча состоялась. Греки строго допрашивали, индусы смиренно отвѣчали. Постепенно лица грековъ стали свѣтлѣть... «Хорошее впечатлѣніе... Они совсѣмъ православные», сказалъ мнѣ архимандритъ Константинидесъ. Я предложилъ митрополиту Германосу дать индусамъ указанія, что имъ дѣлать для возсоединенія съ православіемъ. Онъ посовѣтовалъ имъ обратиться съ официальнымъ заявленіемъ къ Константинопольскому патріарху, а я обѣщалъ имъ быть посредникомъ.

Эта древняя христіанская Церковь привлекаетъ въ настоящее время вниманіе нѣсколькихъ Церквей; втянуть ее въ свою орбиту хотятъ и англикане, и католики, и сербы, и даже «карловчане». Однако, индусы выказываютъ особое расположеніе къ русской Церкви, и въ бесѣдахъ со мною не разъ говорили, что предпочитаютъ ее всѣмъ другимъ. Повидимому, глубокое и свѣтлое впечатлѣніе произвелъ на нихъ нашъ іеромонахъ-подвижникъ Андроникъ (нынѣ архимандритъ)*), который и пробудилъ въ нихъ тяготѣніе къ нашей Церкви. Планъ ихъ церковнаго устройства по возсоединеніи — автокефалія. Епископовъ имъ не надо, а нужна дружина священниковъ, монаховъ, которые въ семинаріяхъ, на мѣстахъ подготовляли бы пастырей. Я могъ бы сейчасъ послать имъ двухъ-трехъ самоотверженныхъ монаховъ изъ нашего Сергіевскаго Подворья, но этого мало, а большая поддержка мнѣ не подъ силу. Какая-нибудь другая независимая православная Церковь, напримѣръ, сербская, могла бы оказать имъ болѣе широкую помощь. «Направьте ихъ къ намъ», написалъ мнѣ сербскій митрополитъ Досиѳей. Когда индусы, на возвратномъ пути изъ Эдинбурга, проѣзжали черезъ Парижъ, меня тамъ не было. Я оставилъ имъ записку, совѣтуя заѣхать въ Сербію. Туда они, по моему совѣту, и направились.

Вспоминая Эдинбургскую Конференцію, скажу нѣсколько словъ о нашихъ церковныхъ службахъ и моленіяхъ.

Засѣданія общаго собранія Конференціи начинались и заканчивались молитвой, которую читали представители «Церквей» поочереди; затѣмъ всѣ делегаты вмѣстѣ пѣли гимны и псалмы.

*) См. стр. 556-563.

Бывали торжественныя богослуженія въ прекрасныхъ Эдинбургскихъ соборахъ, на которыхъ присутствовало множество народу. Духовенство разныхъ вѣроисповѣданій, національностей и расъ, въ разнообразныхъ церковныхъ облаченіяхъ, пышной и величественной процессіей слѣдовало черезъ весь соборъ на возвышеніе къ престолу... Глубоко трогательная по своему символическому смыслу картина: въ братской любви и свободѣ Церкви собрались для общенія въ молитвѣ о соединеніи ихъ подъ водительствомъ Единаго Пастыреначальника-Христа...

Намъ, православнымъ, для нашихъ службъ отвели храмъ св. Троицы, гдѣ мы по воскресеньямъ и служили. На одну нашу Литургію пришло много инославныхъ делегатовъ и просто мѣстныхъ жителей. Служилъ греческій митрополитъ Германосъ въ сослуженіи о. С. Булгакова и греческаго архимандрита Михаила. По окончаніи обѣдни, когда митрополитъ Германосъ вышелъ съ крестомъ, къ амвону потянулись длиннѣйшей чередою всѣ молящіеся. Какъ смиренно и съ какимъ благоговѣніемъ прикладывались наши инославные братья ко кресту и вкушали кусочекъ просфоры...

Было у насъ и свое православное богослуженіе. Очень часто, въ 7 час. утра, мы служили обѣдню въ одной изъ комнатъ общежитія, которую намъ отвели подъ церковь. Скромныя, трогательныя службы... Принимали въ нихъ участіе, главнымъ образомъ, русскіе.

Послѣ «Эдинбурга» я продолжалъ участвовать въ Экуменическомъ Движеніи.

Въ маѣ 1938 года состоялась Конференція въ Утрехтѣ (Голландія) подъ предсѣдательствомъ архіепископа Іоркскаго. Конференція единодушно одобрила приготовленный для ея разсмотрѣнія проектъ міровой экуменической «конституціи», обсудила и намѣтила основное направленіе Движенія, которое должно согласовать два главныхъ его теченія: 1) Лозаннское «Вѣра и Церковный строй», посвященное чисто религіозно-церковнымъ вопросамъ; 2) Стокгольмское «Жизнь и Трудъ», т. е. теченіе практическаго, соціальнаго христіанства. Впредь до введенія въ жизнь «конституціи», Конференція избрала Временный Комитетъ (изъ 30 членовъ), подъ предсѣдательствомъ архіепископа Іоркскаго д-ра Темпля; вице-предсѣдателями были избраны: пасторъ Бёгнеръ, митрополитъ Германосъ и д-ръ І. Моттъ; генеральнымъ секретаремъ — д-ръ **Visser't Hooft.**

Лѣтомъ того же года я побывалъ въ Англіи Мнѣ необходимо было увидать архіепископа Кентерберійскаго: я хотѣлъ освѣдомить его о трудномъ экономическомъ положеніи нашего Богословскаго Института. Одновременно я посѣтилъ Съѣздъ англо-русскаго содружества св. Албанія и Препод. Сергія въ **High Leigh** и провелъ съ молодежью два дня. Къ сожалѣнію, я чувствовалъ себя плохо:

во время путешествія я упалъ на пароходѣ и теперь послѣдствія паденія сказывались.

Послѣ свиданія съ архіепископомъ Кентерберійскимъ, обѣщавшимъ мнѣ предпринять нѣкоторыя мѣры, чтобы помочь нашему Институту, — я проѣхалъ въ Домъ Отдыха, устроенный неподалеку отъ Лондона м. Маѳой (Масленниковой) и ея подругой, датской графиней Шакъ; здѣсь я оправился отъ моего недомоганія.

Въ началѣ октября мнѣ снова пришлось поѣхать въ Англію, по приглашенію Англо-Каѳолической Ассоціаціи, устроившей свое собраніе въ гор. Бристолѣ. Я жилъ у генеральнаго секретаря **Dr. French'a.** Это старый, убѣжденный другъ и многолѣтній дѣятель по сближенію Англиканской Церкви съ Восточной. Я его знаю давно. Въ одной изъ комнатъ его дома размѣщена богатая и очень цѣнная коллекція нашихъ русскихъ старинныхъ иконъ XV-XVI в.в. Въ Бристолѣ я видѣлся съ архіепископомъ Кентерберійскимъ; онъ мнѣ сказалъ, что помнитъ о нашей іюльской бесѣдѣ, а предположенное имъ совѣщаніе о Богословскомъ Институтѣ намѣчено въ концѣ мѣсяца... Что касается моихъ впечатлѣній о собраніи Англо-Каѳолической Ассоціаціи, — то не скрою, оно показалось мнѣ малолюднымъ и малоодушевленнымъ. Эта самая старая организація по сближенію Англиканской Церкви съ Востокомъ, насчитывающая уже 75 лѣтъ, какъ будто, пришла въ состояніе утомленія, увяданія; прежніе члены ея уже состарились, а молодежь слабо ее поддерживаетъ, а иногда даже мѣшаетъ и не координируетъ своей дѣятельности съ нею. Очень жалко, потому-что эта почтенная организація заслуживаетъ всякаго уваженія и поддержки....

Побывалъ я въ этотъ пріѣздъ у нѣсколькихъ старыхъ членовъ Комитета помощи нашему Институту, побывалъ и на засѣданіи Комитета. Къ сожалѣнію ничего утѣшительнаго на засѣданіи мнѣ сказано не было... Тутъ я еще лучше понялъ, насколько былъ необходимъ мой визитъ къ архіепископу Кентерберійскому...

Если говорить объ отношеніяхъ нашей зарубежной Церкви въ частности съ англиканами, надо признать, что общеніе съ ними продолжаетъ укрѣпляться. Особенно оживленную дѣятельность развивало (и по сей день развиваетъ) содружество св. муч. Албанія и преп. Сергія Радонежскаго — англо-русское Братство, объединяющее преимущественно молодое поколѣніе. Возникло оно еще въ 20-хъ годахъ (первый Съѣздъ содружества въ 1927 г.). Съ нашей стороны въ этомъ Братствѣ работали: прот. С. Булгаковъ, прот. Г. Флоровскій, архимандритъ Кассіанъ (Безобразовъ), профессоръ А. В. Карташевъ, Л. А. Зандеръ, Н. М. Зерновъ, Б. И. Сове и

группа священниковъ и студентовъ. Со стороны англиканъ также образовалась группа священниковъ и студентовъ, возглавляемая епископомъ Фриромъ Трурскимъ*). На этихъ собраніяхъ не только обсуждаются церковные вопросы, но и совмѣстно молятся; ежедневно бываетъ богослуженіе — Литургія, по очереди: сегодня православные служатъ, завтра англикане. Есть общая икона преподобнаго Сергія и св. Албанія, къ которой прикладываются всѣ — православные и англикане. Архіепископъ Кентерберійскій принялъ Братство подъ свое покровительство и прибылъ на одно собраніе, явно подчеркивая свое благоволеніе къ этому экуменическому содружеству. Съѣзды Братства бываютъ ежегодно. Въ послѣднее время тамъ былъ поднятъ горячими головами вопросъ объ «интеркоммюніонъ», т. е. о возможности общенія членовъ Братства въ таинствѣ св. Евхаристіи. Горячимъ сторонникомъ этой смѣлой мысли былъ прот. С Булгаковъ; онъ находилъ возможнымъ совмѣстное причащеніе для членовъ Братства, но лишь во время съѣздовъ. Конечно, это совершенно неправильно; невозможно рѣшать этотъ вопросъ церковной жизни и вѣры только въ примѣненіи къ одному учрежденію, безъ общаго благословенія церковной іерархіи. Такъ на это смотрѣлъ и мудрый епископъ Фриръ.

Вспоминая наши взаимоотношенія съ англиканами, я долженъ вернуться къ 1930 году, когда въ Великомъ посту они организовали по всей Англіи моленіе о страждущей Русской Церкви. Я получилъ приглашеніе въ немъ участвовать и принялъ его съ благодарностью.

Торжественное богослуженіе, посвященное Россіи, происходило въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Сонмъ духовенства во главѣ съ архіепископомъ Кентерберійскимъ. Несмѣтныя толпы народу... До слезъ было трогательно видѣть, какъ вся Англія, по призыву своего духовнаго главы, архіепископа Кентерберійскаго, колѣнопреклоненно молилась о великой страдалицѣ Русской Церкви... Такія богослуженія были не только въ Лондонѣ, но и во всѣхъ церквахъ по всей Англіи, и всюду привлекали множество народу; меня приглашали для участія въ нихъ, то въ одну церковь, то въ другую; я, конечно, горячо благодарилъ за столь сердечное, столь искреннее и горячее участіе въ страданіяхъ нашей Русской Церкви, просилъ и дальше не оставлять ее своими братскими молитвами...

Мое присутствіе въ тѣ дни въ Англіи, общеніе съ англиканами, мои рѣчи были истолкованы въ Москвѣ, — вѣроятно, агентами большевиковъ, — какъ политика направленная противъ государственной власти. Я получилъ грозный запросъ отъ митрополита Сергія Московскаго, на который отвѣтилъ разъясненіемъ, что я вовсе

*) Еп. Фриръ былъ предсѣдателемъ англо-русскаго содружества.

не занимался политикой, а лишь проявилъ солидарность съ тѣми, кто сочувствуетъ страданіямъ родной нашей Церкви, что отказаться отъ этого участія въ молитвахъ англійскихъ братьевъ за нашу Церковь я считаю, по долгу совѣсти, недостойнымъ, невозможнымъ. Завязалась тягостная переписка. Отъ меня потребовали, чтобы я осудилъ свое поведеніе въ этомъ общеніи съ англичанами въ молитвахъ за нашу Церковь; чтобы я далъ слово никогда не повторять такихъ дѣйствій... Я, разумѣется, на это не могъ согласиться, и тогда м. Сергій уволилъ меня отъ управленія епархіей съ запрещеніемъ въ священнослуженіи, что и заставило меня апеллировать къ Вселенскому Патріарху, о чемъ будетъ подробно сказано въ слѣдующей главѣ.

Въ 1935 г. я вновь побывалъ въ Англіи. Наши друзья, англикане, въ частности «Общество помощи Русской Церкви и ея духовенству», существующее съ самаго начала русской революціи и являющееся однимъ изъ главныхъ жертвователей на нашъ Богословскій Институтъ, — рѣшили провести большую кампанію для сбора средствъ на свою благотворительную работу. Архіепископъ Кентерберійскій въ одномъ изъ самыхъ большихъ храмовъ въ Лондонѣ, при огромномъ стеченіи народа, сказалъ замѣчательную проповѣдь, призывавшую къ помощи русской Церкви. Англійское общество на призывъ своего церковнаго главы отозвалось очень живо, собраны были большія суммы (одна англичанка сейчасъ же послѣ проповѣди пожертвовала 1.000 фунтовъ стерлинговъ). По приглашенію архіепископа Кентерберійскаго, я принялъ участіе въ этомъ богослуженіи, и читалъ, нарочито составленную для этого собранія, молитву о прекращеніи страданій Русской Церкви.

Вообще дружественныя, братскія сношенія съ Англиканской Церковью продолжаютъ оживленно развиваться. Много разъ мнѣ приходилось присутствовать на англиканскомъ богослуженіи, говорить рѣчи и преподавать благословеніе народу въ англиканскихъ церквахъ. Было нѣсколько случаевъ, когда они открывали двери своихъ храмовъ для нашихъ православныхъ богослуженій. Дважды мнѣ пришлось служить пасхальную вечерню въ пракрасномъ американскомъ храмѣ св. Троицы на avenue Georges V въ Парижѣ. Смыслъ этихъ двухъ богослуженій заключался въ томъ, чтобы ознакомить американскую паству съ красотой нашей пасхальной церковной службы, нашихъ чудныхъ пѣснопѣній. По окончаніи богослуженія, кто-нибудь изъ представителей англиканскаго духовенства разъяснялъ значеніе нашего православнаго богослуженія и обычно заканчивалъ свою рѣчь обращеніемъ къ молящимся съ призывомъ жертвовать на нашъ Богословскій Институтъ. Нашу бѣдность, неустроенность они понимали и помогали намъ охотно и щедро.

Помню, во время Никейскихъ торжествъ въ 1925 г. я служилъ Литургію св. Іоанна Златоуста архіерейскимъ чиномъ въ сослуженіи нѣсколькихъ іереевъ въ церкви Оксфордскаго университета въ присутствіи многихъ профессоровъ и студентовъ, а также участниковъ этихъ торжествъ — русскихъ и иностранцевъ. Я произнесъ проповѣдь, взявъ темой молитву изъ нашей Литургіи: «Иже общія сія, и согласныя даровавый намъ молитвы, иже и двѣма, или тремъ, согласующимся о имени Твоемъ, прошенія подати обѣщавый: самъ и нынѣ рабъ Твоихъ прошенія къ полезному исполни, подая намъ въ настоящемъ вѣцѣ познаніе Твоея истины, и въ будущемъ животъ вѣчный даруя». Эта молитва есть и въ Литургіи англиканской; слѣдовательно, между нами есть «общія и согласныя молитвы», которыя являются крѣпкими звеньями нашего духовнаго единенія; другую основу этого единенія я нахожу также въ словахъ нашей Литургіи: «возлюбимъ другъ друга, да единомыслiемъ исповѣмы»... Молитва и любовь, — вотъ двѣ крѣпкихъ основы нашего сближенія; утверждаясь на нихъ, мы можемъ достигнуть того «единомыслія», чтобы согласно исповѣдать Отца и Сына и св. Духа, Троицу Единосущную и Нераздѣльную.

Итакъ, для нашихъ богослуженій англикане всегда широко открывали двери своихъ храмовъ, но вотъ представился случай и намъ предоставить свой храмъ для англиканскаго богослуженія.

Подъ Новый годъ (1935 г.) прибыли къ намъ представители англо-православнаго содружества во главѣ съ глубокочтимымъ епископомъ Фриромъ Трурскимъ. Была устроена Конференція въ Кенси (въ женскомъ учебномъ заведеніи, основанномъ княгиней Ириной Павловной, дочерью вел. кн. Павла Александровича отъ его брака съ кн. Палѣй), затѣмъ делегаты посѣщали наши парижскія православныя гнѣзда. Въ Новый годъ они прибыли на богослуженіе въ нашъ Александро-Невскій храмъ. Въ этотъ день послѣ Литургіи была панихида по скончавшемся Константинопольскомъ Патріархѣ Фотіи, молящихся собралось много — православныхъ и англиканъ. Послѣ панихиды епископъ Фриръ, съ моего благословенія, облачился въ нашей исповѣдальнѣ въ свои священныя одежды, въ сопровожденіи всей делегаціи вышелъ на середину храма, — и совершилъ молебствіе по англиканскому чину; въ заключеніе они пропѣли нѣсколько своихъ рождественскихъ пѣснопѣній (по западному календарю были святки), а затѣмъ еп. Фриръ крестомъ благословилъ молящихся. Вѣяло истинно христіанскимъ древнимъ единеніемъ... Это почувствовали многіе изъ присутствовавшихъ на этомъ богослуженіи (какъ мнѣ потомъ объ этомъ говорили). Я стоялъ на лѣвомъ клиросѣ, а когда богослуженіе окончилось, направился навстрѣчу владыкѣ Фриру, и мы братски облобызались...

Епископъ Фриръ*) былъ первый представитель англиканскаго священства, который служилъ въ православномъ храмѣ.

Наши многократныя попытки сближенія съ англиканами, думается, имѣли огромное значеніе и для нихъ и для насъ. Мы взаимно обмѣнивались и дѣлились духовными сокровищами церковной жизни. Мы открыли англиканамъ глубину бездонную, мистическую, и широту необъятную нашей православной вѣры и неизъяснимую красоту и благолѣпіе православнаго культа. Они — намъ: крѣпкую церковную дисциплину, благоговѣйное, чуткое отношеніе къ тому, что въ церкви происходитъ, что говорятъ, что поютъ, а также особенное умѣнье примѣнять христіанскіе идеалы въ практической жизни. Мы дали имъ глубину проникновенія въ тайны христіанства; они показали намъ мудрость въ строительствѣ христіанской жизни.

Съ лютеранами и кальвинистами у насъ тоже установились хорошія отношенія, хотя встрѣчались мы довольно рѣдко. Во французскомъ «Комитетѣ продолженія», который образовался послѣ Лозаннской Конференціи и функціонировалъ эти послѣдніе 10 лѣтъ, наши профессора-богословы встрѣчались съ пасторами на дѣловой почвѣ.

Однажды кальвинисты устроили въ одномъ изъ своихъ большихъ храмовъ торжественное собраніе, на которомъ выступали пасторъ Бёгнеръ, пасторъ Монье и др... съ рѣчами о соединеніи Церквей. Потомъ была прочитана соотвѣтствующая молитва, и народъ пропѣлъ нѣсколько пѣснопѣній. Я получилъ приглашеніе на это собраніе, чтобы преподать собравшимся Божіе благословеніе. Храмъ былъ переполненъ молящимися, среди нихъ было много русскихъ, сочувствующихъ Экуменическому Движенію. Подобныя собранія устраивались въ разное время и въ другихъ протестантскихъ храмахъ.

Считаю нужнымъ упомянуть еще объ одномъ оригинальномъ явленіи на почвѣ нашихъ экуменическихъ отношеній — о духовныхъ концертахъ студентовъ нашего Богословскаго Института въ разныхъ странахъ Европы.

Задумано было это дѣло финансовымъ секретаремъ нашего Института Л. А. Зандеромъ поначалу со скромною практическою цѣлью помочь Институту, собрать средства для поддержанія его въ особенно трудное время экономической жизни. Осуществлено оно было при помощи артиста русской оперы И. К. Денисова, очень цер-

*) Вскорѣ еп. Фриръ покинулъ каѳедру и жилъ смиреннымъ монахомъ въ той обители, гдѣ принялъ монашество. Въ 1938 году онъ умеръ.

ковнаго человѣка и большого знатока русскаго церковнаго пѣнія. Идея была въ томъ, чтобы соорганизовать изъ студентовъ небольшой хоръ, разучить съ нимъ древнія пѣснопѣнія и отправиться по городамъ и странамъ Европы для ознакомленія съ ними протестантскихъ народовъ. Разумѣется, планъ этихъ поѣздокъ предварительно разрабатывали со всею тщательностью наши иностранные друзья на мѣстахъ. Первый опытъ такой поѣздки далъ неожиданно блестящіе результаты. Студенты выступали главнымъ образомъ въ храмахъ, иногда даже во время богослуженія, въ качествѣ дополненія къ нему, и наша древне-русская музыка производила огромное впечатлѣніе; церкви бывали переполнены, и печать съ восторгомъ отзывалась о концертахъ. Такія поѣздки, и съ неизмѣннымъ успѣхомъ, устраивались въ Англіи, Швейцаріи и Голландіи. Конечно, въ началѣ музыкальной программы кто-нибудь изъ сопровождавшихъ концертантовъ лицъ (Л. А. Зандеръ, либо проф. Б. П. Вышеславцевъ, либо В. В. Вейдле) выступалъ съ разъясненіемъ пѣснопѣній, которыя предстояло аудиторіи прослушать. Но все-же было удивительно, какъ протестанты, — столь, казалось, далекіе отъ православнаго богослуженія, никогда въ большинствѣ случаевъ не видавшіе и не слыхавшіе его, глубоко воспринимали эти пѣснопѣнія и были буквально очарованы ихъ красотою...

Благодаря этимъ концертамъ, у насъ возникли въ протестантскомъ мірѣ новыя крѣпкія дружественныя связи. Православіе начинаютъ узнавать, любить и почитать. Мы прорубили еще одно окно въ Европу.... И студентамъ нашимъ представился случай видѣть протестантовъ, знакомиться съ ихъ церковной жизнью, что, конечно, очень расширяло ихъ духовный кругозоръ и принесло имъ большую пользу.

Такъ Господь благословилъ изъ малаго и чисто экономическаго предпріятія сотворить большое миссіонерское дѣло.

Я далъ внѣшній, быть можетъ, поверхностный обзоръ нашихъ сношеній съ инославными, главнымъ образомъ съ протестантами и, особенно, съ Англиканской Церковью. Въ этомъ взаимообщеніи мы хорошо узнали и полюбили другъ друга, научились вмѣстѣ молиться. Я считаю это важнымъ достиженіемъ въ дѣлѣ сближенія нашихъ Церквей. Таялъ ледъ того взаимнаго непониманія, которое ведетъ ко взаимному отчужденію, разрушались перегородки, укрѣплялись братскія чувства во Христѣ — въ этомъ несомнѣнно большое значеніе, великая заслуга Экуменическаго Движенія, и за это слава Богу, а будущее въ рукахъ Божіихъ...

Церковная смута

ГЛАВА XXIII

Управленіе Западно-Европейской Епархіей, какъ я уже разсказалъ*) было мнѣ поручено въ 1920 г. Высшимъ Русскимъ Церковнымъ Управленіемъ вначалѣ обосновавшимся въ Константинополѣ, а потомъ — въ Карловцахъ, въ Сербіи, гдѣ всѣмъ намъ, русскимъ архіереямъ, было оказано широкое гостепріимство. Вскорѣ же по вступленіи въ должность я почувствовалъ, что мои полномочія канонически зыбки и нуждаются въ подтвержденіи высшей инстанціи Русской Церкви — Московской патріархіи. Мнѣ удалось снестись съ Патріархомъ Тихономъ, — и вотъ, лѣтомъ 1921 г. въ Берлинъ прибылъ патріаршій Указъ**), подтверждающій мое назначеніе временно управляющимъ русскими православными церквами и приходами въ Западной Европѣ впредь до возстановленія правильныхъ, нормальныхъ сношеній съ Россіей.

Митрополитъ Веніаминъ (впослѣдствіи принявшій мученическую кончину) на это назначеніе согласился тоже и написалъ мнѣ собственноручное письмо отъ 8-21 апрѣля 1921 года, въ которомъ заявилъ: «съ своей стороны я даю полное согласіе, чтобы въ то время, когда почти нѣтъ сношеній съ заграничными церквами, Вы завѣдывали ими, — тѣмъ болѣе, что это временное завѣдываніе Вашимъ Высокопреосвященствомъ признано и подтверждено Святѣйшимъ Патріархомъ».

Обращеніе мое къ Патріарху Архіерейскій Синодъ счелъ за нѣкоторое недовѣріе, подчеркивающее его, Синода, неправомочность, какъ высшей церковной инстанціи за-границей, и въ отношеніяхъ ко мнѣ пробѣжалъ холодокъ — почувствовалась недоброжелательная настороженность. Она проявилась уже менѣе прикровенно на монархическомъ Съѣздѣ въ Рейхенгалѣ, гдѣ я съ тревогой впервые почуялъ притязанія крайнихъ монархистовъ (типа Маркова 2-го) вліять на Церковь и сдѣлать ее орудіемъ для своихъ реставраціон-

*) См. стр. 375.

**) Указъ отъ 26 марта — 8 апрѣля 1921 г. № 423, см. стр. 386.

ныхъ плановъ. Митрополитъ Антоній это направленіе поддерживалъ съ патріотическимъ энтузіазмомъ, считая его при существующихъ условіяхъ неизбѣжнымъ. «Я все же тутъ среди своихъ...» растроганно говорилъ онъ. Тяжелое чувство охватило меня... Развѣ могли «марковцы» направить Церковь въ эмиграціи по правильному руслу? Если-бы они навязали свою политическую идеологію всей зарубежной Церкви, то что было дѣлать остальной эмиграціи, которая ихъ убѣжденій не раздѣляла? Церковь должна стать выше всѣхъ политическихъ партійныхъ раздоровъ и по возможности объединить подъ своимъ куполомъ всю эмиграцію. Я осторожно коснулся этихъ вопросовъ въ своихъ рѣчахъ на Съѣздѣ, — и встрѣтилъ энергичный отпоръ. Мое тревожное недоумѣніе расло...

Въ Рейхенгалѣ было постановлено собрать общеэмигрантскій Съѣздъ изъ представителей духовенства и мірянъ. Согласно выработанному Положенію о Съѣздѣ, я имѣлъ право делегировать отъ епархіи представителей приходовъ и пригласить нѣсколько человѣкъ по личному усмотрѣнію. Сдѣлать это было мнѣ не легко: я еще не успѣлъ осмотрѣться и не зналъ ни настроеній въ моихъ приходахъ, ни главныхъ церковныхъ дѣятелей. Присмотрѣвшись, увидалъ, что составъ паствы пестрый: есть «правые» и «лѣвые», есть лица, считающія себя «привилегированными», и есть простые, рядовые члены приходовъ; въ церковно-приходскомъ окруженіи велись споры, уже обозначались политическія партіи, которыя соперничали другъ съ другомъ и т. д. Когда пришло время посылать делегатовъ въ Карловцы, «правые» старались на меня воздѣйствовать, дабы провести своихъ кандидатовъ.

Повидимому, уже въ Рейхенгалѣ монархисты меня «своимъ» не признавали, потому что рѣшеніе использовать Церковный Съѣздъ для проведенія конспиративной монархической программы они приняли безъ меня, когда я уѣхалъ изъ Рейхенгаля въ Брюкенау*). Теперь же, когда созывали Съѣздъ, они всячески старались меня отъ него устранить. Сперва мнѣ было предложено спѣшно выѣхать на это время въ Америку,куда меня еще раньше посылалъ Патріархъ Тихонъ на ревизію нашей Сѣверо-Американской епархіи**); потомъ задержали въ Берлинѣ, мѣшкая съ сербскими визами, и я, съ архимандритомъ Тихономъ и протоіереемъ Н. Подосеновымъ, пріѣхалъ въ Карловцы, когда наши берлинскіе делегаты-міряне успѣли туда прибыть. Президіумъ Съѣзда былъ избранъ, и войти въ составъ его я не могъ, а Съѣздъ уже былъ объявленъ Церковнымъ Соборомъ зарубежной Русской Церкви.

*) См. стр. 384.

**) По многимъ причинамъ я не могъ исполнить это порученіе, о чемъ своевременно сообщилъ Святѣйшему Патріарху.

Я подробно разсказалъ объ этомъ Съѣздѣ въ своемъ мѣстѣ, здѣсь я лишь напомню о моей позиціи, принципіально расходившейся съ политическими притязаніями Собора и практически принудившей меня и моихъ единомышленниковъ (меньшинство) воздержаться отъ голосованія «Обращенія» Собора*) и выступить съ особымъ заявленіемъ. Я отстаивалъ свободу Церкви отъ политики, потому что въ прошломъ горькимъ опытомъ позналъ, какъ Церковь страдаетъ отъ проникновенія въ нее чуждыхъ ей политическихъ началъ; какъ пагубно на нее вліяетъ зависимость отъ бюрократіи, подрывающая ея высокій, вѣчный, Божественный авторитетъ Царства Божія на землѣ и ослабляющая силу ея чисто религіознаго воздѣйствія на народную жизнь. Эта тревога за Церковь была свойственна многимъ русскимъ іерархамъ задолго до революціи въ самые благополучные годы нашей государственной жизни.

«Обращеніе» Карловацкого Собора имѣло пагубныя послѣдствія и не предвидѣть ихъ было нельзя. Оно усугубило и безъ того тяжкое положеніе Патріарха Тихона: большевицкая власть стала подозрѣвать его въ реставраціонныхъ замыслахъ и еще яростнѣй напала на Церковь. Патріархъ Тихонъ былъ вынужденъ принять мѣры: онъ рѣшительно осудилъ политическія притязанія Карловацкаго Собора, угрожалъ церковнымъ судомъ главнымъ его дѣятелямъ, а полноту церковной власти за рубежомъ вручилъ мнѣ**), назначивъ меня временно управляющимъ православными приходами въ Западной Европѣ, съ предписаніемъ немедленно распустить Высшее Церковное Управленіе въ Карловцахъ и выработать новый проектъ управленія церквами.

Я разсказалъ въ своемъ мѣстѣ, что я предпринялъ для осуществленія воли Патріарха, а также о томъ, какіе мотивы и обстоятельства мнѣ помѣшали ее выполнить со всею точностью. Сейчасъ напомню, что архіереи во главѣ съ митрополитомъ Антоніемъ, т. е. всѣ члены Высшаго Церковнаго Управленія поначалу волю Патріарха признали, но вскорѣ же стали искать путей, — формально ее исполнивъ, — фактически ее не исполнять, а возродиться подъ другимъ наименованіемъ, въ томъ же составѣ, съ тѣми же притязаніями, — и начать борьбу со мною, дабы свести на-нѣтъ мои полномочія главы Православной Русской Церкви за-границей.

На Съѣздѣ архіереевъ въ сентябрѣ 1922 г., послѣ долгихъ споровъ, было постановлено волѣ Патріарха подчиниться, и Высшее Церковное Управленіе было упразднено.

Послѣ этого роспуска, хоть я и могъ бы (и даже долженъ

*) Въ форму «Обращенія» къ Лигѣ Націй и всѣмъ правительствамъ державъ было облечено постановленіе о реставраціи дома Романовыхъ.

**) Указъ 22 IV — 5 V 1922 г. № 349.

былъ) сосредоточить въ своихъ рукахъ всю полноту власти, но я не захотѣлъ пользоваться единолично этою полнотою и согласился раздѣлить по-братски эту власть съ другими епископами. Согласно пункту 2 патріаршаго Указа, я взялъ на себя разработку дальнѣйшаго, уже окончательнаго, плана управленія Русской Церковью заграницей, въ которомъ мнѣ предстояло найти нѣчто среднее, сочетающее силу патріаршаго Указа съ сохраненіемъ нѣкоторой власти за Карловацкими епископами. Было рѣшено, что черезъ годъ я пріѣду въ Карловцы съ новымъ проектомъ.

Къ 1923 г. проектъ былъ готовъ. Вотъ его основныя положенія.

Я предлагалъ систему автономныхъ церковно-административныхъ округовъ (митрополій-архіепископій) и намѣтилъ образовать 4 округа: 1) Западно-Европейскій, 2) Восточно-Европейскій*), 3) Дальній Востокъ**), 4) Сѣв. Америка. Въ наиважнѣйшихъ случаяхъ епископы (или ихъ представители въ священническомъ санѣ), делегаты епархій, должны были съѣзжаться на ежегодный Архіерейскій Соборъ для выработки соотвѣтствующихъ сужденій или чтобы принять тѣ или иныя мѣры; тѣмъ самымъ Карловацкій Синодъ, какъ постоянный церковно-административный органъ, дѣлался излишнимъ и подлежалъ ликвидаціи, а ежегодные Соборы проявляли бы въ своей чистотѣ нашъ исконный восточно-православный принципъ соборности. Предсѣдателемъ на такомъ ежегодномъ Соборѣ былъ бы, старѣйшій по сану, митрополитъ Антоній. Вѣдѣнію Архіерейскаго Собора подлежали вопросы вѣры и нравоученія, высшее руководство религіозной жизнью русскихъ, изданіе воззваній и обращеній отъ имени всей зарубежной Русской Церкви, вопросы просвѣщенія и миссіи. Для дѣйствительности Собора необходимо было личное присутствіе 12 епископовъ.

Мой проектъ на Съѣздѣ 1923 г. вызвалъ горячія пренія, и въ заключеніе былъ предложенъ другой проектъ: Синодъ не упраздняется, ему подчинены всѣ русскія церкви на Балканахъ и Дальній Востокъ; Западно-Европейскій автономный округъ предоставляется мнѣ (относительно Сѣв. Америки сужденія не было, но предполагалось, что митрополитъ Платонъ потребуетъ автономіи); Архіерейскій Синодъ дѣйствуетъ въ промежуткахъ между сессіями Архіерейскаго Собора, онъ занимается подготовкой матеріала для очередного Собора и вѣдаетъ дѣла, когда они передаются ему на рѣшеніе автономными митрополіями; въ порядкѣ управленія Синодъ не входитъ во внутреннія дѣла митрополичьихъ округовъ, но можетъ по-

*) Русскія церкви на Балканахъ.
**) Японія, Китай и Харбинская епархія.

сылать предложенія о проектированныхъ имъ мѣрахъ; онъ есть постоянная апелляціонная и кассаціонная инстанція, дѣйствующая непрерывно по дѣламъ брачнаго характера.

Этотъ проектъ, разсмотрѣнный на Архіерейскомъ Соборѣ, который состоялся 19-го мая — 1-го іюня 1923 г., въ жизнь и вошелъ съ добавленіемъ слѣдующаго постановленія: — признать желательнымъ назначеніе епископовъ въ главнѣйшіе центры разселенія русскихъ въ Западно-Европейскомъ митрополичьемъ округѣ и прежде всего — въ Германіи и Италіи. Такимъ образомъ мы далеко отступили отъ Указа Патріарха Тихона, извратили его волю.

Отрицательныя стороны этой церковно-административной конструкціи обнаружились скоро. Проектъ оказался весьма удобнымъ для веденія борьбы со мною. Въ этомъ отношеніи весьма характеренъ Соборъ 1924 г. (4 октября ст. стиля — 17 октября).

Разсмотрѣнію подлежало до 40 вопросовъ. Но важнѣйшихъ было три: 1) о необходимости и возможности, въ виду происходящихъ въ Россіи событій, присвоить Архіерейскому Синоду и Собору, подъ предсѣдательствомъ митрополита Антонія, права и функціи Высшей Церковной власти; 2) о необходимости и возможности провозглашенія временной независимости Русской Православной Церкви заграницей въ дѣлахъ церковнаго управленія, дабы этой независимостью снять съ Патріарха отвѣтственность за заграничную Русскую Церковь, при чемъ попрежнему признавалось главенство Святѣйшаго Патріарха Тихона и продолжалось возглашеніе его имени за богослуженіемъ; и наконецъ 3) объ измѣненіяхъ въ организаціи Высшей Церковной власти за-границей.

Послѣ обмѣна мнѣніями опредѣлили: сохранить полное подчиненіе и преданность Святѣйшему Патріарху, какъ законному главѣ Русской Церкви; проектъ временной независимости Русской Церкви за-границей — отклонили; что же касается вопроса объ измѣненіи въ организаціи Высшей Церковной власти за-границей, то тутъ на меня былъ произведенъ рѣшительный натискъ.

Синодъ представилъ Собору докладъ, въ которомъ, яко бы по соображеніямъ церковной пользы, предлагалось автономію Западно-Европейскаго округа отмѣнить и включить мою епархію въ юрисдикцію Священнаго Синода... «Опытъ показалъ, гласилъ текстъ доклада, что враги Христовой Церкви сильны своимъ внутреннимъ единеніемъ и своею внѣшней дисциплиной. Очевидно, и для борьбы съ ними необходимо и внутреннее единеніе и основанное на началахъ этого единенія внѣшнее единство... Между тѣмъ, данная Западно-Европейскому округу автономія не только не способствуетъ объединенію заграничныхъ православныхъ русскихъ общинъ и

епархій, но и постепенно ослабляетъ и даже разрушаетъ его вслѣдствіе возникшаго на почвѣ автономіи фактическаго двоевластія».

Далѣе приводились соображенія экономическаго, валютнаго, характера въ связи съ общимъ положеніемъ экономической жизни и высказывалось пожеланіе возвратиться къ процентному отчисленію отъ доходовъ Церквей Стараго и Новаго Свѣта, подлежащихъ юрисдикціи Синода, предварительно отмѣнивъ автономію Западно-Европейскаго Округа.

8-ью голосами противъ 4-хъ (при воздержавшихся: митрополитѣ Антоніи и епископѣ Тихонѣ) было постановлено упразднить автономію моего округа, установленную Архіерейскимъ Соборомъ 1923 года. Здѣсь со всею ясностью сказалось, какъ неискренно, лицемѣрно и вынужденно было предоставленіе этой автономіи, упраздненной черезъ годъ послѣ ея дарованія.

Я выступилъ съ рѣшительнымъ протестомъ, изложеннымъ въ мотивированномъ заявленіи — и покинулъ залъ засѣданій. Вотъ текстъ моего заявленія:

«Указомъ Св. Патріарха Всероссійскаго № 348, отъ 5 мая 1922 года, управленіе всѣми русскими заграничными приходами сохранялось за мною, при чемъ мнѣ предлагалось представить соображенія о порядкѣ управленія русскими заграничными церквами. Согласно этому указу, и имѣя въ виду идею церковнаго единства, я предложилъ Русскому Архіерейскому Собору 1923 г. такую организацію управленія ввѣренной мнѣ епархіи, при которой она, находясь въ каноническомъ единствѣ со всѣми другими заграничными епархіями, сохраняла бы свою внутреннюю автономію; я полагалъ, что такимъ образомъ лишь въ малой мѣрѣ осуществятся тѣ широкія полномочія, какія лишь мнѣ одному были предоставлены Святѣйшимъ Патріархомъ. Только что принятое большинствомъ голосовъ постановленіе я считаю существеннымъ нарушеніемъ воли Святѣйшаго Патріарха».

Соборъ свою воинственную позицію сдалъ и постановилъ передать это дѣло на окончательное рѣшеніе Святѣйшаго Патріарха, а до полученія этого рѣшенія оставить все, какъ было. Однако, въ засѣданіи 10 октября Соборъ принялъ постановленіе: считать епископа Тихона Берлинскаго полноправнымъ викаріемъ на всю Германію «и обязать митрополита Евлогія отчислять 50 процентовъ въ пользу Архіерейскаго Синода съ православныхъ церквей въ Аргентинѣ», тѣмъ самымъ подчеркивая неизмѣнность своихъ притязаній на высшую церковно-административную инстанцію.

Такими хитро-спроектированными постановленіями, ловкими тактическими пріемами и велись наступленія противъ меня. Стоило мнѣ согласиться на назначеніе мною въ главныхъ городахъ моей

епархіи епископовъ-викаріевъ, — это постановленіе церковно-административнаго характера было использовано практически для расширенія правъ епископа Тихона въ Берлинѣ, дабы понемногу вытѣснить меня изъ Германіи. Такого рода пріемы встрѣчались постоянно. Пріѣду, бывало, на очередную ежегодную сессію Собора, а Синодъ за годъ уже подготовилъ свой хитрый планъ наступленія. Долженъ признать, что, по свойственной мнѣ слабости характера и ради желанія мира Церкви, я съ этой тенденціей — урѣзывать мои права — недостаточно энергично боролся. Замѣчалась еще одна упорная тенденція — считать Архіерейскій Синодъ единственнымъ правомочнымъ органомъ Русской Церкви, простиравшимъ власть не только на меня, но и на всю Россію на томъ основаніи, что, якобы, тамъ Церковь въ упадкѣ и плѣненіи, и постановленія оттуда для эмиграціи дѣйствительными быть не могутъ. Тутъ приходилось быть все время на чеку. Когда Патріархъ Тихонъ умеръ, я получилъ бумагу изъ Сербіи отъ Архіерейскаго Синода, въ которой епископы излагали свои сужденія относительно признанія (или непризнанія) митрополита Петра мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола. Я отвѣтилъ: «Глава Русской Церкви не мы, а митрополитъ Петръ. Онъ можетъ насъ признавать или не признавать, а не мы — его». Въ Карловцахъ мой категорическій отвѣтъ не понравился, но митрополита Петра все же Синодъ призналъ.

Бывали случаи, когда Синодъ еще круче уклонялся отъ первоначальной линіи своихъ взаимоотношеній со мною. Такъ, напримѣръ, онъ предложилъ мнѣ сдѣлать выговоръ проф. Карташеву за его, яко бы, недостаточно уважительный отзывъ въ печати о Синодѣ. Это уже былъ актъ прямого вмѣшательства во внутреннія дѣла моей епархіи.

Каждый разъ, когда случалось мнѣ ѣздить на очередной Соборъ, я покидалъ Карловцы съ горестнымъ чувствомъ: я согласился на сотрудничество съ Синодомъ ради братскаго общенія, а его то и не было; ощущались недоброжелательность, агрессивная настроенность, я постоянно замѣчалъ попытки меня утѣснить, мою власть ограничить, пользуясь какими-то лукавыми пріемами... Бороться за свои привилегіи — удручающая тягота, а мнѣ бороться за нихъ приходилось: онѣ были мнѣ вручены, и за нихъ я долженъ былъ нести отвѣтственность.

Основная линія моей церковно-административной дѣятельности, которой я неуклонно слѣдовалъ съ перваго же общеэмигрантскаго церковнаго Съѣзда въ 1921 г. была послѣдовательно и строго проводимая аполитичность. Въ дѣлѣ церковномъ мы должны были временно умереть въ политико-національномъ отношеніи, чтобы воскреснуть и церковно, и государственно, и національно. Только

эта линія, при существующей розни въ политическихъ взглядахъ, не правращала Церковь въ арену столкновеній политическихъ страстей. Аполитичную линію я отстаивалъ твердо. Когда въ 1924 году нѣкоторыя политическія группировки рѣшили созвать общеэмиграцскій Съѣздъ и обратились ко мнѣ съ выраженіемъ пожеланія, чтобы приходы делегировали на него своихъ представителей, я отвѣтилъ отказомъ. Становиться въ ряду политическихъ организацій и посылать представителей на политическій Съѣздъ Церковь не можетъ, ибо она не политическое учрежденіе; но, разумѣется, представители духовенства, какъ отдѣльные граждане, могутъ участвовать въ выборахъ делегатовъ и въ собраніяхъ Съѣзда. — Къ открытію прибылъ митрополитъ Антоній*). Засѣданія происходили въ залѣ отеля «Мажестикъ». Мое участіе въ этомъ событіи свелось къ тому, что въ день открытія Съѣзда, по просьбѣ предсѣдателя П. Б. Струве, я отслужилъ молебенъ, — и тотчасъ же уѣхалъ, хоть митрополитъ Антоній настойчиво и звалъ меня въ залъ засѣданій, гдѣ мнѣ было приготовлено кресло. Мое нежеланіе принимать участіе въ политическомъ Съѣздѣ произвело непріятное впечатлѣніе на тѣ круги, которые попрежнему видѣли въ Церкви опору для своихъ политическихъ замысловъ.

Послѣ Собора 1924 г. отношенія со мною еще больше натянулись. Положеніе запутывалось. Конфликтъ, возникшій въ самомъ началѣ эмиграціи, между мною и Синодомъ, все углублялся, и наконецъ, привелъ въ 1926 г. къ разрыву.

Въ тотъ годъ на повѣсткѣ очередного Архіерейскаго Собора значился параграфъ: «пересмотръ взаимоотношеній Синода и Западно-Европейской епархіи». Я почувствовалъ недоброе и заколебался... Ѣхать ли мнѣ на Соборъ? М. Н. Гирсъ убѣждалъ меня не ѣхать, а митрополитъ Платонъ Американскій, который какъ разъ въ это время прибылъ въ Парижъ, направляясь въ Карловцы для выясненія своихъ отношеній съ Синодомъ, — наоборотъ, уговаривалъ меня на Соборѣ присутствовать и просилъ поддержать его, если бы ему пришлось свои права защищать противъ синодальныхъ притязаній. Сознаніе, что я крѣпкими узами, братски, связанъ съ нашимъ русскимъ епископатомъ, чувство многолѣтней дружественной преданности митрополиту Антонію, желаніе охранять единство и миръ въ Церкви, — всѣ эти мотивы вновь побудили меня направиться въ Сербію.

Пріѣзжаю... Атмосфера нервная, накаленная. Въ первомъ же

*) Изъ духовенства на Съѣздѣ былъ только одинъ священникъ Чубовъ, пріѣхавшій, кажется, изъ Болгаріи.

засѣданіи у митрополита Платона возникаетъ съ Синодомъ столкновеніе: его обвиняютъ въ притязаніяхъ на автономію, въ доказательство приводятъ текстъ одного изъ его посланій и постановленіе Епархіальааго Съѣзда въ Детройтѣ, въ которыхъ упоминается выраженіе «without support»; Синодъ истолковалъ его, какъ заявленіе объ автономіи; м. Платонъ возражаетъ «without support» сзначаетъ пожеланіе, чтобы епархія не нуждалась въ поддержкѣ. Возникаетъ рѣзкій обмѣнъ мнѣній, изъ котораго выясняется, что митрополитъ Платонъ и я признаемъ за Архіерейскимъ Соборомъ и Синодомъ лишь морально-общественное значеніе, но отнюдь не каноническое и не судебно-административное. Митрополитъ Платонъ отказывается подписать протоколъ обсужденія его доклада объ устройствѣ Русской Церкви въ Америкѣ, въ которомъ его несправедливо обвиняютъ въ томъ, что онъ, яко-бы, проповѣдуетъ сепаратизмъ, отдѣленіе Американской Церкви отъ Русской. Я отказываюсь подписать его тоже. Соборъ настаиваетъ на протоколѣ. Тогда возмущенный митрополитъ Платонъ покидаетъ залъ засѣданій...

На слѣдующій день поднимается буря изъ-за меня. На повѣсткѣ обсужденіе пункта о Западно-Европейской епархіи; поставленное въ началѣ повѣстки, оно было потомъ произвольно отнесено на самый конецъ. Я хитрость понялъ. Синодъ хотѣлъ использовать меня для совмѣстныхъ постановленій, а потомъ поставить вопросъ о нашихъ взаимоотношеніяхъ. Я потребовалъ измѣнить порядокъ обсужденія повѣстки, и мнѣ уступили. Но на слѣдующій день, при голосованіи дня, епископъ Тихонъ отъ своего голоса отказался, и тѣмъ самымъ я вновь очутился въ концѣ повѣстки. Это третированье глубоко меня возмутило: «Я бывалъ въ Государственной Думѣ и въ разныхъ собраніяхъ, но такого произвола не видалъ: вечеромъ что-то постановляютъ, а на утро отъ него отказываются»... — и я Соборъ покинулъ, сказавъ, что виновникомъ инцидента я считаю своего викарія епископа Тихона, которому я не довѣряю... Митрополитъ Антоній въ раздраженіи заявилъ: «а мы вамъ не довѣряемъ...» Уйдя съ Собора, я подалъ мотивированное заявленіе объ уходѣ. Я заявлялъ, что не признаю Карловацкаго учрежденія, упраздненнаго Патріархомъ Тихономъ, законною каноническою властью надъ собою; эта власть существуетъ только благодаря моему признанію и согласію, а потому имѣетъ для меня условный и только моральный, а отнюдь не каноническій характеръ; она не имѣетъ никакого права измѣнять объемъ моихъ церковныхъ полномочій, опредѣленныхъ въ Указѣ Патріарха Тихона, и что я согласенъ и дальше работать съ Карловацкимъ Синодомъ и Соборомъ при томъ непремѣнномъ условіи, что эти учрежденія будутъ въ точности слѣдовать основному Указу Патріарха Тихона, а не нашему соглашенію на Соборѣ 1923 г.

Послѣ этого я попросилъ лошадей въ сербской патріархіи, уѣхалъ въ Хоповскій женскій монастырь для совершенія богослуженія и оставался тамъ до окончанія Собора.

Вернувшись въ Бѣлградъ, я узналъ, что въ мое отсутствіе Соборъ постановилъ выдѣлить Германію въ самостоятельную епархію, возглавляемую епископомъ Тихономъ Берлинскимъ, подчинивъ ее юрисдикціи Карловацкаго Синода. Это постановленіе было результатомъ ходатайства самого епископа Тихона, который жаловался Синоду, что послѣ всего, что произошло, ему невозможно служить со мною. Такъ интрига епископа Тихона увѣнчалась успѣхомъ, и Соборъ съ удивительной легкостью зачеркнулъ Указъ Святѣйшаго Патріарха Тихона...

О постановленіи объявилъ мнѣ самъ епископъ Тихонъ, когда, по возвращеніи въ Бѣлградъ, я съ нимъ столкнулся (мы жили въ одномъ церковномъ домѣ).

— Я буду бороться противъ этого незаконнаго постановленія всѣми доступными мнѣ средствами, — заявилъ я епископу Тихону.

— А постановленіе Синода?

— Буду бороться и съ Синодомъ.

— А смута въ народѣ?

— Я не знаю, какъ отнесется церковный народъ, — отвѣтилъ я, — но отъ принципіальной точки зрѣнія отступить я не могу, даже если останусь одинъ...

Послѣ моего ухода, въ эту же сессію Синодъ разбиралъ еще нѣсколько вопросовъ и выносилъ постановленія, касавшіяся моихъ приходовъ, тогда какъ по нашему соглашенію (1923 г.) безъ моего присутствія на Соборѣ никакихъ постановленій, касающихся моей епархіи, онъ выносить не могъ. Такъ, послѣ дебатовъ и консультацій, было вынесено постановленіе объ отрицательномъ отношеніи Русской Зарубежной Церкви къ Всемірному Христіанскому Союзу Молодыхъ Людей (ИМКА). Сущность этого страннаго постановленія сводилась къ тому, чтобы совмѣстно съ этой организаціей не работать, однако, пользоваться денежными пособіями отъ нея разрѣшалось... О моемъ Богословскомъ Институтѣ была принята слѣдующая резолюція: взять его подъ особое наблюденіе; Синодъ, какъ высшая церковная власть, долженъ разсмотрѣть и одобрить его уставъ, учебные планы и утвердить учебный персоналъ. «Соборъ выражаетъ пожеланіе, гласила резолюція, чтобы Богословскій Институтъ освободился отъ денежной помощи жидо-масоновъ».

Коснувшись моихъ отношеній къ Собору и Синоду, Соборъ постановилъ предложить мнѣ и моимъ викаріямъ подать заявленіе о признаніи за Соборомъ и Синодомъ не только моральнаго значенія, но и канонической власти. Въ случаѣ неисполненія сего, Архіерей-

скому Синоду предоставлены особыя полномочія «вплоть до назначенія новаго Управляющаго православными церквами въ Западной Европѣ»...

Содержаніе и форма этихъ постановленій свидѣтельствовали о томъ, что Архіерейскій Соборъ выкопалъ глубокій, непереходимый ровъ между собою и мною; онъ незаконно присвоилъ высшую власть въ Русской Церкви, могущую измѣнять и даже отмѣнять каноническія распоряженія Патріарха Тихона, и, такимъ образомъ, создалъ нашъ горестный зарубежный церковный расколъ.

Совсѣмъ измученный венулся я въ Парижъ послѣ разрыва... И съ двойнымъ чувствомъ: скорбью легло на душу все пережитое въ Карловцахъ, и одновременно я чувствовалъ легкость — освобожденіе изъ тенетъ хитрой и злой неправды. Вокругъ меня непрерывно вилась сложная паутина интригъ, козней, навѣтовъ... — все съ цѣлью лишить меня той полноты власти, которой я былъ облеченъ по волѣ Патріарха.

По возвращеніи въ Парижъ, я въ соборѣ съ амвона объяснялъ прихожанамъ смыслъ и причины моего разрыва съ Архіерейскимъ Синодомъ, а потомъ обратился съ посланіемъ къ паствѣ; въ немъ я изложилъ исторію возникновенія и развитія нашей церковной смуты, каноническія основы моихъ полномочій, за которыя я отвѣтственъ, потому что онѣ опредѣляютъ направленіе моего церковнаго пути въ переживаемой смутѣ.

...«По своей архіерейской совѣсти не могу признать такихъ постановленій Архіерейскаго Собора, какъ отдѣленіе отъ моей епархіи германскихъ приходовъ, ибо это противорѣчитъ ясно выраженной волѣ Патріарха Тихона. Облеченный Патріархомъ широкими полномочіями, я несу отвѣтственность за ихъ сохраненіе, — я не въ правѣ отъ нихъ отказаться.

Нарушивъ волю Патріарха, Соборъ внесъ раздѣленіе въ нашу зарубежную церковную жизнь; уже сказываются печальные плоды этого раздѣленія, — растетъ и углубляется церковная смута. Въ эти дни, когда призракъ раздора церковнаго стоитъ передъ нами, я всею своей архіерейской властью призываю васъ, какъ уже призывалъ не разъ, къ твердому и неуклонному слѣдованію волѣ нашего Св. Патріарха Тихона, — по примѣру страждущихъ братьевъ нашихъ въ Россіи, которые въ униженіи, въ узахъ и гоненіяхъ непоколебимо стоятъ за непорочное каноническое существо нашей Церкви...» писалъ я въ моемъ посланіи.

Паства встрѣтила мое посланіе весьма сочувственно. П. Б. Струве въ «Возрожденіи» и И. П. Демидовъ въ «Послѣднихъ Новостяхъ»

комментировали его въ передовицахъ, горячо одобряя мою аполитичную линію въ управленіи Церковью.

Я понялъ, что мнѣ предстоитъ теперь налаживать епархіальную жизнь на иныхъ, совсѣмъ новыхъ, началахъ, и первое, что сдѣлалъ — отправился на Съѣздъ «Движенія» христіанской молодежи, который собрался подъ Клермономъ. Онъ привлекъ множество делегатовъ и лицъ сочувствующихъ «Движенію» и прошелъ съ большимъ подъемомъ. Я разъяснялъ всю важность событія въ Карловцахъ. Мои комментаріи Съѣздъ принялъ восторженно.

Послѣ Съѣзда я рѣшилъ направиться въ Германію, дабы выяснить тягостную неясность положенія съ еп. Тихономъ. Но прежде чѣмъ ѣхать, я собралъ своихъ епископовъ и разсказалъ о разрывѣ. Мы рѣшили сдѣлать еще одну, послѣднюю, попытку къ возстановленію порванныхъ отношеній. Архіепископъ Владиміръ и епископъ Веніаминъ отправились въ Бѣлградъ съ наказомъ, въ которомъ я категорически утверждалъ свои права на автономную Западно-Европейскую епархію, исключающія всякую возможность подчиненія моего викарнаго епископа кому бы то ни было другому, кромѣ меня.

Моя попытка къ примиренію была столь же неудачна, какъ и всѣ мои предыдущія усилія до разрыва не доводить. Мои делегаты наткнулись въ Карловцахъ на стѣну непримиримости... Тогда (осенью 1926 г.) я счелъ нужнымъ побывать въ Германіи.

Прежде всего я направился въ Висбаденъ, куда съѣхались изъ нѣкоторыхъ нашихъ приходовъ мои священники—выразить мнѣ свое сочувствіе (о. Прозоровъ и др.). Я служилъ въ мѣстной церкви, разъяснялъ съ амвона смыслъ смущающихъ души церковныхъ событій. Въ Висбаденѣ меня настигъ пакетъ изъ Карловцевъ — постановленіе Собора, его мотивировка, подписи...., а въ концѣ приписка карандашомъ рукою митрополита Антонія: «Остановитесь, подумайте, что вы дѣлаете». Я не остановился и направился сначала въ Баденъ-Баденъ, гдѣ видѣлся и совѣщался съ кн. Г. Н. Трубецкимъ, а потомъ въ Берлинъ.

Здѣсь я остановился у вѣрной прихожанки Софіи Константиновны Такманъ. Атмосфера въ эмигрантскихъ церковныхъ кругахъ была напряженная, грозовая — кипящій котелъ... Въ первую же субботу за всенощной разыгрался скандалъ, о которомъ я уже разсказалъ*).

Наши церкви, за исключеніемъ кладбищенской, оказались въ рукахъ «карловчанъ» и подъ охраной агрессивно настроенныхъ, свирѣпыхъ сторожей, готовыхъ «бить морду евлогіанамъ». Тогда вѣрное мнѣ духовенство и паства наладили службу въ какой-то протe-

*) См. страницу 419.

стантской школѣ. Тамъ я служилъ, разъясняя послѣ каждой Литургіи въ «словѣ» мою церковную позицію: вѣрность Матери-Церкви и Указу Патріарха.

По возвращеніи моемъ въ Парижъ, Приходскій Совѣтъ Александро-Невской церкви собралъ общее собраніе прихожанъ, на которомъ я сдѣлалъ докладъ о положеніи церковныхъ дѣлъ.. Настоятель о. Іаковъ Смирновъ горячо защищалъ мою позицію, и со слезами привѣтствовалъ отъ имени прихода. Всѣ присутствующіе встали, за исключеніемъ карловчанъ, которые демонстративно продолжали сидѣть. Борьба со мною перешла въ фазу открытыхъ наступленій, въ которыхъ стали вовлекаться и міряне.

Послѣ собранія мои противники начали травить меня въ монархическихъ газеткахъ и листовкахъ, посыпались инсинуціи... Я почти на нихъ не отвѣчалъ.

Приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ моей Берлинской поѣздки, сижу какъ-то разъ у себя, вдругъ стукъ въ дверь — и входитъ секретарь Карловацкаго Синода Махараблидзе...

— «Въ чемъ дѣло?» сухо спросилъ я. — «Я бы хотѣлъ поговорить съ Вами, Владыка... Такое прискорбное обстоятельство... но надо все поправить. Я не виноватъ... замысловъ противъ васъ не было. Если бы вы не уѣхали, мы бы Германію не выдѣлили. Синодъ хотѣлъ лишь увеличить права викаріевъ, не больше...» — «Я не уступлю своихъ правъ, заявилъ я. Къ епископу Тихону у меня довѣрія нѣтъ. Я виноватъ, что въ самомъ началѣ во имя мира согласился сдать позицію...» На этомъ разговоръ окончился. Махараблидзе еще нѣкоторое время оставался въ Парижѣ, бѣгая по редакціямъ правой эмигрантской прессы и стараясь снискать сочувствіе въ монархическихъ кругахъ, но, кажется, безъ особаго успѣха.

Въ началѣ 1927 года до меня дошли слухи, что «карловчане» собрали Соборъ епископовъ, который долженъ вынести относительно меня какое-то рѣшительное, грозное постановленіе. Дѣйствительно, 13/26 января это грозное постановленіе состоялось: — запретить меня въ священнослуженіи и прервать молитвенное общеніе со мною. Этимъ актомъ «карловчане» углубили наше разобщеніе до крайняго предѣла. Намѣреніе было ясно — они хотѣли своимъ запрещеніемъ сокрушить меня, разсчитывая на смутность церковнаго сознанія, на неустойчивость моей паствы, на старую дореволюціонную привычку видѣть въ Синодѣ высшую церковную инстанцію и считать его постановленія для себя обязательными. Но расчетъ оказался невѣрный. Моя паства какимъ-то безошибочнымъ чутьемъ правды разобралась въ сложномъ церковномъ положеніи и встрѣтила единодушно и сочувственно мое «Обращеніе къ духовенству и прихо-

дамъ». Въ немъ я разъяснялъ незаконность постановленія Карловацкаго Синода объ отстраненіи меня отъ моей епархіи, ввѣренной мнѣ волею Патріарха Тихона, съ запрещеніемъ меня въ священнослуженіи и преданія меня суду пребывающихъ за-границей русскихъ архіереевъ-эмигрантовъ; заявлялъ, что я вынужденъ прервать официальныя сношенія съ Архіерейскимъ Синодомъ, потому что опредѣленія его противны канонамъ Православной Церкви: согласно патріаршимъ указамъ (отъ 26 марта — 8 апрѣля 1921 г., отъ 22 апрѣля — 5 мая 1922 г.), я не являюсь подчиненнымъ Архіерейскому Синоду и не подлежу ихъ суду.

...«Собравшіеся въ Карловцахъ Преосвященные, сказано въ моемъ «Обращеніи къ духовенству и приходамъ», не вняли многократнымъ моимъ просьбамъ не измѣнять существовавшаго положенія и тѣмъ сохранить миръ церковный, не пожалѣли они душъ русскихъ людей, которые въ тяжкомъ изгнаніи страждутъ отъ нашего раздѣленія, не пощадили они и церковнаго достоянія, облегчивъ своимъ заявленіемъ о моемъ устраненіи домогательство враговъ церкви на наши храмы какъ разъ тогда, когда я веду съ ними рѣшительную борьбу.

Предъ лицомъ этихъ печальныхъ обстоятельствъ призываю къ твердости и спокойствію духа ввѣренное мнѣ духовенство и паству, — въ сознаніи правильности избраннаго нами направленія церковной жизни, въ полномъ согласіи со священными канонами и съ волею въ Бозѣ почившаго Святѣйшаго Патріарха Тихона.

Исходящія же отъ заграничнаго Архіерейскаго Синода запрещенія и другія мѣры по отношенію ко мнѣ, къ моему духовенству и паствѣ не имѣютъ никакой канонической силы, ибо Соборъ и Заграничный Архіерейскій Синодъ въ нынѣшнемъ ихъ составѣ не являются моею каноническою властью, и посему не могутъ вмѣшиваться въ дѣла моей епархіи и не могутъ вязать и рѣшать духовную совѣсть ввѣренной мнѣ паствы.

Отнынѣ наша Западно-Европейская Митрополія становится на путь самостоятельнаго, независимаго отъ заграничнаго Архіерейскаго Синода существованія, — такъ же, какъ независимо отъ него живутъ Американская Русская Православная Церковь съ митрополитомъ Платономъ во главѣ и со всѣми его епископами, Латвійская Церковь съ Архіепископомъ Іоанномъ, Литовская съ Архіепископомъ Елевѳеріемъ и другія....»

Мое «Обращеніе» встрѣтило живой откликъ. Приходскіе Совѣты стали созывать экстренныя приходскія собранія для его обсужденія и выносили постановленія, одобряющія мою безкомпромиссную вѣрность патріаршему волеизъявленію.

Теплое сочувствіе проявили и моральную поддержку оказали

мнѣ нѣкоторые видные представители Православнаго Востока. Карловацкіе іерархи свои постановленія относительно меня усердно распространяли не только по всѣмъ православнымъ церквамъ, но и среди всѣхъ правительствъ міра, и я былъ вынужденъ примѣнительно къ 17-му правилу 4-го Вселенскаго Собора обратиться къ Вселенскому Патріарху съ изложеніемъ нашего спора. Въ отвѣтномъ посланіи Вселенскій Патріархъ Василій III высказываетъ свое неодобреніе дѣйствій Карловацкаго Синода:

...«Мы отнюдь не затрудняемся рѣшительно объявить, пишетъ мнѣ Патріархъ, что, какъ всякая другая дѣятельность, такъ и вынесенное противъ Васъ запрещеніе со стороны, такъ называемаго, Архіерейскаго Синода за-границей, — являются дѣяніями канонически беззаконными, и никакой посему церковной силы не имѣющими, ибо и самое существо этого самозваннаго собранія въ качествѣ органа управленія канонически несообразно, и о необходимости роспуска его и прекращенія суетливой и вредной дѣятельности его не разъ уже были даны отъ законной власти указанія и распоряженія...»

Къ голосу Вселенскаго Патріарха присоединились Патріархъ Александрійскій, Глава Элладской Церкви, Архіепископы Литовскій, Латвійскій и Финляндскій.

Лѣтомъ 1927 г. я созвалъ первый за всю эмиграцію Епархіальный Съѣздъ. Значеніе онъ имѣлъ огромное. Я выступилъ съ пространнымъ докладомъ о церковныхъ событіяхъ, представилъ мотивировку моего поведенія, разъяснилъ и то новое направленіе нашей епархіальной жизни, которому отнынѣ намъ предстояло слѣдовать, пребывая внѣ сношеній съ Карловацкимъ Синодомъ. Съѣздъ единодушно поддержалъ меня. Эта солидарность со мною благотворно повліяла на всю мою паству: она успокоилась, церковное сознаніе прояснилось, укрѣпилась увѣренность, что направленіе, по которому я веду церковь, правильно, канонически законно, а потому и морально оправдано.

Въ дни Съѣзда прибылъ въ Парижъ, яко-бы, случайно, архіепископъ Анастасій и осторожно повелъ агитацію среди моего духовенства, повидимому, съ цѣлью вернуть мои взаимоотношенія съ Архіерейскимъ Синодомъ на старыя позиціи. По окончаніи Съѣзда у старосты храма при Сергіевскомъ Подворьѣ П. А. Вахрушева былъ завтракъ, на который, помимо епископовъ пріѣхавшихъ на Съѣздъ, былъ приглашенъ и архіепископъ Анастасій (встрѣча наша была, очевидно, подстроена). Въ бесѣдѣ за завтракомъ, въ отвѣтъ на высказанное мною удовлетвореніе по поводу единодушія проявленнаго на Епархіальномъ Съѣздѣ, архіепископъ Анастасій замѣтилъ, что, по его мнѣнію, единодушію радоваться трудно: оно вырыло ровъ

между мною и «карловчанами» еще глубже... Я возразилъ собесѣднику, что ровъ вырытъ не мною: не я оттолкнулъ Синодъ, а Синодъ — меня.

Послѣ Съѣзда наша церковная буря утихла и 1928-1929 г. г. мы прожили сравнительно спокойно. Хотя въ нѣдрахъ церковно-бытовой жизни, въ приходахъ и эмигрантской общественности, процессъ дифференціаціи на «евлогіанъ» и «карловчанъ» продолжался, при чемъ мои противники широко пользовались въ своей наступательной тактикѣ страницами листовокъ и брошюръ типа «Двуглаваго Орла», «Царскаго Вѣстника» и друг... Но это была такая ничтожная литература, на которую не стоило обращать вниманія: кромѣ мелкой злобы тамъ не было ничего.

Въ январѣ (12-25) 1928-го года паства трогательно-единодушно чествовала 25-лѣтіе моего архипастырскаго служенія. Мой юбилей изъ скромнаго личнаго праздника, который мнѣ хотѣлось отмѣтить только молитвой, неожиданно превратился въ церковно-общественное событіе, въ которомъ приняли участіе организаціи и частныя лица самыхъ разнообразныхъ направленій. Храмъ былъ переполненъ молящимися. Рѣчи, адреса, подношенія, привѣтствія... Всѣ эти выраженія единодушія и горячей преданности по отношеніи ко мнѣ, «запрещенному въ священнослуженіи» епископу, озадачили, кажется, моихъ противниковъ, а для меня они были огромной моральной поддержкой, подтверждающей правильность аполитичной линіи моей архипастырской дѣятельности и оправдывающей мою борьбу за врученную мнѣ Патріархомъ власть. Юбилейное торжество глубоко утѣшило меня...

Параллельно съ Карловацкой распрей возникъ въ 1927 г. еще одинъ тягостный конфликтъ — съ Московской Патріархіей.

Вскорѣ послѣ закрытія Епархіальнаго Съѣзда, я отправился на Вселенскую Конференцію въ Лозанну*). Тамъ я и получилъ указъ № 93 отъ 1-14 іюля (1927 г.) зам. мѣстоблюстителя патріаршаго престола митрополита Сергія, и опять всколыхнулись и забушевали въ моей паствѣ успокоившіяся было политическія страсти. Новое тяжкое испытаніе...

Указъ обвинялъ эмигрантское духовенство за открытыя выступленія противъ совѣтской власти и предлагалъ мнѣ, какъ управляющему русскими церквами въ Западной Европѣ и черезъ меня всѣмъ заграничнымъ русскимъ архипастырямъ и священнослужите-

*) См. стр. 587-589.

лямъ — дать письменное обязательство (за собственноручной подписью) «лойяльности» по отношенію къ совѣтскому правительству и предписывалъ немедленно, — не дожидаясь этихъ подписей, — доложить замѣстителю патріаршаго мѣстоблюстителя, согласенъ ли я исполнить это обязательство.

Связь съ Матерью Русской Церковью была мнѣ очень дорога. Непримиримой позиціи «карловчанъ», которые послѣ грознаго Патріаршаго указа (отъ 22-IV—5-V 1922 г. № 349) скрѣпя сердце признавали Московскую Патріархію, — я не раздѣлялъ. Мнѣ хотѣлось, не подчиняясь совѣтской власти и оставаясь самостоятельнымъ, найти какую нибудь линію поведенія, дабы съ Москвою не рвать. Съ цѣлью выясненія настроеній въ своей паствѣ, я устроилъ совѣщаніе, въ которомъ приняли участіе о. Сергій Булгаковъ, А. В. Карташевъ, кн. Г. Н. Трубецкой, М. Н. Гирсъ, И. П. Демидовъ и др. Мнѣнія раздѣлились. М. Н. Гирсъ высказался весьма рѣзко противъ соглашенія съ м. Сергіемъ; о. Булгаковъ, Карташевъ, Демидовъ... стояли за соглашеніе. Эти два противоположныхъ мнѣнія отражали настроеніе моей паствы. Объединенная вокругъ меня и мнѣ преданная, она была Указомъ митрополита Сергія озадачена, встревожена и смущена...

Я рѣшилъ исполнить требованіе митрополита Сергія не безусловно, а при условіи, что терминъ «лойяльность» означаетъ для насъ аполитичность эмигрантской Церкви, т. е. мы обязуемся не дѣлать амвона ареной политики, если это обязательство облегчитъ трудное положеніе родной нашей Матери-Церкви; быть же «лойяльными» по отношенію къ совѣтской власти мы не можемъ: мы не граждане СССР, и таковыми насъ СССР и не признаетъ, а потому политическое требованіе съ канонической точки зрѣнія для насъ необязательно.

Въ моемъ «словѣ» на Литургіи (4 сент. 1927 г.) я разъяснилъ мой отвѣтъ митрополиту Сергію, и многихъ это успокоило. Но не всѣхъ... Многіе требовали рѣшительнаго разрыва съ Москвой. Бывшій Главнокомандующій добровольческой арміей бар. Врангель писалъ мнѣ, что считаетъ мой отвѣтъ двусмысленнымъ и неопредѣленнымъ. Другой генералъ негодующе ставилъ вопросъ: не ставленникъ ли я большевиковъ?.. Вообще писемъ съ протестомъ я получилъ нѣсколько.

Въ отвѣтъ на мое разъясненіе о «лойяльности», митрополитъ Сергій написалъ мнѣ, что считаетъ его удовлетворительнымъ, но требуетъ немедленно препроводить ему подписи всѣхъ зарубежныхъ епископовъ и приходскаго духовенства. Я отправилъ предписаніе митрополита Сергія въ Карловцы, — но никакого отвѣта оттуда не послѣдовало. А въ моей епархіи духовенство подписи дало, за исключеніемъ нѣсколькихъ настоятелей приходовъ, которые изъ-за

«лойяльности» отпали и перешли въ юрисдикцію Карловацкаго Синода: прот. Орловъ (Женева), о. Молчановъ (Медонъ), прот. Тимоѳеевъ (Лондонъ)...

Связь съ Московской Патріархіей сохранилась, но не прочная, слабая, вотъ-вотъ готовая порваться. Каждое мое неосторожное слово, подвергалось въ Москвѣ критикѣ и осужденію. Въ теченіе трехъ лѣтъ между митрополитомъ Сергіемъ и мною поддерживалась тягостная, безрезультатная полемика. Митрополитъ укорялъ меня за нарушеніе даннаго ему слова о невмѣшательствѣ въ политику, а я обвиненія опровергалъ, разъясняя, почему то или иное мое выступленіе нельзя назвать «политическимъ», — надо назвать молитвенно-церковнымъ и религіозно-нравственнымъ пастырскимъ воздѣйствіемъ на паству, отъ котораго ни я ни мое духовенство никогда не отказывались и отказаться не можемъ. Свою позицію я разъяснялъ и моей паствѣ. Такъ, на общемъ собраніи приходовъ моей юрисдикціи (въ Лондонѣ) 21-го марта 1930 г., я далъ всестороннее разъясненіе моей линіи поведенія и завѣрилъ, что «самъ не пойду и мою паству не поведу по путямъ, имѣющимъ хоть какое-либо соприкосновеніе съ совѣтской властью».

Когда митрополитъ Сергій въ 1930 году заявилъ иностраннымъ журналистамъ, что въ Совѣтской Россіи гоненій на Церковь нѣтъ, въ эмиграціи поднялось сильнѣйшее возмущеніе столь явной неправдой. Мое положеніе стало весьма тягостнымъ. Нѣкоторыя лица моей паствы снова требовали немедленнаго разрыва съ Москвой. Могъ ли я митрополита Сергія оправдать, — сказать, что черное — бѣлое? Конечно, можно было сказать, что митрополитъ Сергій былъ вынужденъ на ложь какими-нибудь высокими мотивами, которые намъ неясны, неизвѣстны, — но ложь оставалась ложью... Я старался его защищать, говорилъ, что его слова не ересь, не грѣхъ церковнаго порядка, не отпаденіе отъ вѣры, а поступокъ политическій, и что намъ все же лучше отъ Москвы не отрываться... Но, конечно, торжественное объявленіе неправды назвать «политикой» можно лишь условно, и съ этой натяжкой паства никакъ примириться не могла. Поддерживать связь съ Москвою стало трудно и успокоить негодующую паству, взывая къ ея состраданію, невозможно.

Въ тѣ дни я получилъ письмо изъ Россіи отъ одного священника, котораго очень хорошо зналъ въ бытность мою архіепископомъ Волынскимъ. Въ письмѣ его описаны подробности трагическихъ условій, при которыхъ митрополитъ Сергій далъ интервью иностраннымъ журналистамъ. Текстъ заявленія, прочитанный митрополитомъ Сергіемъ, былъ выработанъ большевиками. Кое-какія редакціонныя поправки сдѣланы митрополитомъ собственноручно, подпись — тоже. Въ этомъ видѣ весь текстъ былъ сфотографированъ и потомъ

напечатанъ во французскомъ иллюстрированномъ журналѣ «Vue». Сомнѣнія не было: митрополитъ Сергій и весь составъ его Синода бумагу читали и подписали. Это вызвало возмущеніе не только у насъ, за рубежомъ, но и въ совѣтской Россіи. Народъ негодовалъ: какъ... — Церковь лжетъ?!.. іерархи тоже лгуны?!.. «Въ день нашего храмового праздника митрополитъ Сергій долженъ былъ служить, разсказываетъ въ письмѣ священникъ, народу собралось великое множество, и вся толпа бурлитъ-кипитъ негодованіемъ.. Атмосфера накаленная, грозовая... Страшно стало за митрополита: не кончилось бы расправой... Я телефонировалъ митрополиту, чтобы онъ не пріѣзжалъ, а самъ я, закутанный въ шубу, незамѣтно пробрался сквозь толпу въ храмъ — предосторожность не напрасная: враждебное настроеніе толпы по отношенію къ митрополиту Сергію смѣшалось съ негодованіемъ на насъ, «поповъ»: «всѣ попы — предатели!.. всѣ они — заодно!..» Началъ служить... Какъ намъ духовенству не реагировать на то, чѣмъ глубоко взволнована паства? Какъ при такомъ настроеніи молящихся поминать митрополита Сергія? Могутъ подняться крики, брань... люди могутъ забыться и въ эксцессѣ оскорбятъ святыни... Я рѣшилъ митрополита не поминать. Народъ оцѣнилъ это. Послышались возгласы: «вѣрно!.. вѣрно!.. не надо поминать лгуна!...» Такъ я и вышелъ изъ тягостнаго положенія... На другой день утромъ я поѣхалъ къ митрополиту Сергію. «Что вы дѣлаете!» — упрекалъ онъ меня. — «А что дѣлаете вы?» — «Чего не знаешь, — не говори...» отвѣтилъ митрополитъ». — Оказывается, что текстъ большевики дали митрополиту Сергію за недѣлю до интервью, а потомъ держали его въ изоляціи. Передъ нимъ стала дилемма: сказать журналистамъ, что гоненіе на Церковь есть, — это значитъ, что **всѣ** тихоновскіе епископы будутъ арестованы, т. е. вся церковная организація погибнетъ; сказать «гоненія нѣтъ», — себя обречь на позоръ лжеца... Митрополитъ Сергій избралъ второе. Его упрекали въ недостаткѣ вѣры въ несокрушимость Церкви. Ложью Церковь все равно не спасти. Но что было бы, если-бы Русская Церковь осталась безъ епископовъ, священства, безъ таинствъ, — этого и не представить... Во всякомъ случаѣ, не намъ, сидящимъ въ безопасности, за предѣлами досягаемости, судить митрополита Сергія....

И вотъ, произошло то, что уже подготовлялось въ теченіе трехъ лѣтъ постепеннымъ ослабленіемъ моихъ связей съ Московскою Патріархіей — лѣтомъ 1930 года между мною и митрополитомъ Сергіемъ произошелъ разрывъ. Случилось это такъ.

Въ началѣ поста 1930 г. архіепископъ Кентерберійскій пригласилъ меня въ Лондонъ на однодневное моленіе о страждущей Рус-

ской Церкви. Я рѣшилъ ѣхать. За насъ будетъ молиться вся Англія, а я останусь въ Парижѣ безучастнымъ свидѣтелемъ единодушнаго сочувствія всѣхъ Церквей къ страждущей нашей Церкви? Невозможно! Моя совѣсть повелительно требовала моего участія въ этихъ молитвахъ; такъ же, несомнѣнно, была настроена и моя паства.

Я провелъ въ Англіи съ недѣлю. Давно я не испытывалъ такого свѣтлаго чувства братской христіанской любви между Церквами, какое испыталъ въ эти незабвенные дни, когда вся церковная, вѣрующая Англія колѣнопреклоненно молилась о прекращеніи тяжкихъ страданій нашей Русской Православной Церкви*)... Политическихъ цѣлей я никакихъ въ Англіи не преслѣдовалъ и съ политическими рѣчами нигдѣ не выступалъ. Всюду, гдѣ мнѣ приходилось говорить рѣчи, я лишь благодарилъ за сочувствіе, просилъ и впредь поддерживать нашу страдалицу Мать-Церковь своими молитвами. И вотъ, эти выступленія и послужили поводомъ къ строгому запросу изъ Москвы отъ митрополита Сергія: на какомъ основаніи вы позволили себѣ разъѣзжать по Англіи, призывая къ протесту противъ СССР? Тутъ же было высказано требованіе свою поѣздку осудить и дать обязательство такого рода выступленія болѣе не повторять... Горько мнѣ было читать эти несправедливые упреки, продиктованные внушеніями совѣтской власти, и я рѣзко отвѣтилъ митрополиту Сергію, что моленіе въ Англіи имѣло не политическій, а религіозный характеръ: это былъ протестъ религіозной и вообще человѣческой совѣсти противъ страшныхъ гоненій на Церковь въ совѣтской Россіи; доказательствомъ тому — договоръ англійскаго правительства съ СССР, заключенный какъ разъ во время моего пребыванія въ Англіи. Митрополитъ Сергій на это письмо обидѣлся и потребовалъ отъ меня точнаго опредѣленія моей церковной линіи. Я отвѣтилъ. Очевидно, мое объясненіе было признано неудовлетворительнымъ, потому что вскорѣ же я получилъ отъ митрополита Сергія Указъ отъ 11-го іюля того же 1930 г., № 1518, объ увольненіи меня отъ управленія Русской Церковью въ Западной Европѣ съ предписаніемъ передать всѣ епархіальныя дѣла архіепископу Владиміру.

Владыка Владиміръ принять должность отказался и послалъ въ Москву соотвѣтствующее заявленіе, и потому я не могъ сдать ему епархіи. Продолжались мои пререканія съ митрополитомъ Сергіемъ, который прислалъ мнѣ ультимативныя требованія: а) осудить мою поѣздку въ Англію; б) дать подписку никогда не повторять такихъ выступленій на будущее время и в) подтвердить строгое исполненіе даннаго обѣщанія о невмѣшательствѣ въ политику. Отвѣтъ на этотъ ультиматумъ мнѣ очень облегчило очередное второе Епархіальное

*) См. стр. 598-599.

Собраніе, состоявшееся тѣмъ лѣтомъ. Предъ нимъ я со всей искренностью и во всѣхъ подробностяхъ разъяснилъ исторію моего конфликта съ митрополитомъ Сергіемъ и на его окончательный судъ отдавалъ вопросъ о моемъ увольненіи. Собраніе встрѣтило вѣсть о моемъ увольненіи съ возмущеніемъ. Оно окружило меня любовью, горячо выражало мнѣ свою преданность. Трогательно и единодушно прозвучалъ этотъ соборный голосъ духовенства и мірянъ. Члены Съѣзда обратились ко мнѣ съ горячей просьбой не покидать епархіи, не обрекать ее на новыя гибельныя потрясенія, а продолжать управлять тѣмъ кораблемъ, который мнѣ порученъ волею почившаго Патріарха Тихона. Никогда не забуду я этого любящаго голоса моей паствы! Я почувствовалъ, что оставлять овецъ на расхищеніе я не могу, что мой пастырскій долгъ оставаться на своемъ посту ради блага паствы, несмотря на грозныя, несправедливыя прещенія изъ Москвы. Въ этомъ смыслѣ, опираясь на голоса Епархіальнаго Собранія, я сдѣлалъ подробный и обстоятельный докладъ митрополиту Сергію. Я доказывалъ ему всю несправедливость его рѣшенія вытекающаго изъ того, что ему не видно изъ Москвы особеннаго положенія нашихъ заграничныхъ церквей, и просилъ ради блага Церкви отмѣнить его несправедливый Указъ объ увольненіи меня безъ суда. Если же наше ходатайство — и мое лично, и моихъ епископовъ, и всего Епархіальнаго Собранія, — не будетъ удовлетворено, то, во избѣжаніе на будущее время подобныхъ недоразумѣній, я просилъ предоставить намъ право организовать, временно до установленія нормальныхъ сношеній съ центральной властью, самостоятельное управленіе заграничными церквами, на основаніи Указа мѣстоблюстителя патріаршаго престола митрополита Агафангела отъ 1920 г. 20-го ноября, хотя этотъ указъ былъ изданъ для русскихъ епархій оторванныхъ отъ центра фронтами гражданской войны. Митрополитъ Сергій не внялъ моимъ доводамъ и подтвердилъ увольненіе меня отъ управленія епархіей, съ запрещеніемъ въ священнослуженіи; а управленіе было поручено митрополиту Литовскому Елевѳерію. Такое же запрещеніе налагалось и на сослужащихъ мнѣ епископовъ и на все духовенство, если оно не подчинится митрополиту Елевѳерію. Въ юрисдикцію митрополита Елевѳерія отошли очень немногіе: епископъ Веніаминъ, іеромонахи Стефанъ и Ѳеодоръ, имѣвшіе его своимъ «старцемъ», и протоіерей Гр. Прозоровъ (Берлинъ). Согласно церковнымъ канонамъ и церковной практикѣ, и древней и новой, каждая церковь и каждый епископъ имѣютъ право апеллировать ко Вселенскому (Константинопольскому) Патріарху въ тѣхъ случаяхъ, когда они не находятъ справедливости у своей церковной власти. Случаевъ такихъ апелляцій великое множество. Я посовѣщался съ моими епископами, и мы единодушно пришли къ рѣшенію — обратиться въ Константинополь, о чемъ я и предупре-

дилъ митрополита Елевѳерія. Епископъ Веніаминъ и митрополитъ Елевѳерій уговаривали меня въ Константинополь не ѣздить, но я въ своемъ рѣшеніи былъ твердъ.

Въ Константинополь я выѣхалъ въ сопровожденіи секретаря Епархіальнаго Управленія Т. А. Аметистова.

Святѣйшимъ Патріархомъ тогда былъ Фотій II, прекрасный, чуткій и высокообразованный человѣкъ. Ему ставили въ вину его отношеніе къ «живоцерковникамъ»; отъ общенія съ ними онъ не уклонялся, полагая, что заблужденіе «живой церкви» временное, что оно пройдетъ, и ея разрывъ съ патріаршей Церковью не окончательный.

Патріархія въ Константинополѣ находится на Фанарѣ — въ той части города, гдѣ преимущественно живутъ евреи, и которую, пожалуй, надо назвать задворками турецкой столицы.

Насъ ввели въ патріархію не черезъ главныя ворота, а черезъ другой входъ. Послѣ того, какъ турецкій султанъ приказалъ повѣсить на воротахъ патріарха Григорія, главныя ворота всегда на запорѣ. Зданіе патріархіи—старый, просторный домъ съ громадной библіотекой. Во дворѣ патріаршая «великая» церковь. Патріархъ Фотій принялъ насъ въ своемъ кабинетѣ. Пріемъ былъ ласковый, радушный. Намъ гостепріимно отвели комнаты, и тѣ нѣсколько дней, которые мы въ Константинополѣ прожили, мы были гостями патріарха. Насъ приглашали къ трапезамъ, мы катались на патріаршемъ автомобилѣ, осматривая мѣстныя греческія церкви и окрестности Константинополя. Въ праздничные дни мы присутствовали на богослуженіяхъ въ «великой» патріаршей церкви. Въ будни Патріархъ посѣщаетъ церковныя службы утромъ и вечеромъ въ своей «малой» церкви и принимаетъ участіе въ богослуженіи, совершая положенное для него по уставу чтеніе. Бывало рано утромъ слышишь шаги по коридору и стукъ посоха: это Патріархъ въ церковь пробирается.

За патріаршими трапезами я встрѣчался со всѣми греческими митрополитами — членами Синода (ихъ было 12). Патріархъ Фотій, повидимому, ихъ приглашалъ, дабы они могли со мною ближе познакомиться. Къ 1930 году Кемаль уже позакрывалъ всѣ малоазіатскія митрополіи, и лишенныя своихъ епархій митрополиты проживали теперь, въ качествѣ титулярныхъ іерарховъ, на хлѣбахъ у патріарха. Чувствовалось, что экономически это положеніе создало для патріархіи затрудненія. Постепенно я перезнакомился со всѣмъ клиромъ. Греки необычайно радушно отнеслись ко мнѣ. А какой вздоръ о греческомъ корыстолюбіи наговорили мнѣ противники моей поѣздки въ Константинополь!

Послѣ вечерняго богослуженія и трапезы, патріархъ вмѣстѣ со своими гостями направлялся иногда въ залъ для пріемовъ, гдѣ стоитъ его патріаршій тронъ. Здѣсь онъ ласково попросту бесѣдовалъ съ на-

ми, при чемъ говорилъ со мною по-болгарски, а я отвѣчалъ по-русски. Мой докладъ, который я по пріѣздѣ вручилъ Патріарху, греческіе митрополиты, повидимому, уже прочитали, потому что темы бесѣдъ касались его основныхъ проблемъ.

Засѣданій по поводу меня было два. Опредѣленіе судьбы состоялось на второмъ. Хотя кое-кто былъ противъ меня, резолюція была принята согласная съ желаніемъ Патріарха, а именно: Западно-Европейскія русскія церкви и приходы принимались въ юрисдикцію Вселенскаго Патріарха, съ сохраненіемъ всѣхъ привилегій русской Православной Церкви, и я назначался его экзархомъ на ряду съ существующимъ въ Европѣ (въ Лондонѣ) экзархомъ Греческихъ Церквей и приходовъ — митрополитомъ Германосомъ.

Патріаршій Указъ былъ мнѣ врученъ въ торжественной обстановкѣ. Меня пригласили въ залъ засѣданій. Патріархъ сидѣлъ на тронѣ. По сторонамъ въ креслахъ возсѣдали митрополиты. Папа-Іоаннъ (воспитанникъ Петербургской Академіи), юрисконсультъ Патріарха, передалъ Указъ («томосъ») съ печатями, написанный особымъ каллиграфическимъ шрифтомъ, одному изъ митрополитовъ — генеральному секретарю патріархіи, который его прочиталъ, — и вручилъ мнѣ. Вотъ его текстъ:

ГРАМАТА
ВСЕЛЕНСКАГО ПАТРІАРХА

Фотій, милостію Божіею, Архіепископъ Константинополя — Новаго Рима и Вселенскій Патріархъ.

Преосвященнѣйшій Митрополитъ Киръ Евлогій, Управляющій Русскими Православными церквами въ Западной Европѣ, во Святомъ Духѣ возлюбленный братъ и сослужитель Нашея мѣрности, благодать Вашему Преосвященству и миръ отъ Бога.

Принявъ во вниманіе и тщательно изслѣдовавъ все представленное Вашимъ Преосвященствомъ и сущими съ Вами Преосвященными Архіереями нашей Великой Христовой Церкви на основаніи Ея каноническихъ правъ и какъ Матери — Вашей Матери — Церкви Россійской, и разсмотрѣвъ постановленія Общаго Епархіальнаго Собранія и Епархіальнаго Совѣта о ненормальномъ и угрожающемъ положеніи, оказаться въ которомъ есть опасность для Русскихъ Православныхъ приходовъ въ Западной Европѣ въ области удовлетворенія ихъ духовныхъ и вообще церковныхъ нуждъ и въ дѣлѣ огражденія и добраго управленія имѣніями и имуществами ихъ, — по синодальному сужденію, нашли Мы соотвѣтственнымъ и постановили:

По долгу и праву попеченія Святѣйшаго Патріаршаго Вселенскаго Престола, дѣйственно выступить въ настоящихъ Вашихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и оказавшіеся въ такомъ трудномъ и опасномъ положеніи приходы — принять подъ непосредственную юрисдикцію Святѣйшаго Вселенскаго Патріаршаго Престола для укрѣпленія и огражденія ихъ.

Съ этой цѣлью Мы синодальнымъ опредѣленіемъ постановили, чтобы всѣ Русскіе Православные приходы въ Европѣ, сохраняя неизмѣнною и неумаленною доселѣ существующую свою самостоятельность, какъ особой Русской Православной церковной организаціи, и свободно управляя своими дѣлами, разсматривались бы впредь, какъ составляющіе временно единую особую экзархію Святѣйшаго Патріаршаго Вселенскаго Престола на территоріи Европы, непосредственно отъ него зависящую, подъ его покровительствомъ находящуюся и въ церковномъ отношеніи, гдѣ нужно, имъ руководимую.

Равнымъ образомъ, рѣшили и постановили, чтобы эта, такимъ образомъ устроенная, временная Патріаршая Наша Россійская Православная въ Европѣ экзархія продолжала и впредь быть порученною центральному и высшему пастырскому попеченію и управленію Вашего Преосвященства исполняющаго свои обязанности съ титуломъ Патріаршаго Нашего Экзарха, возносящаго Наше имя на богослуженіяхъ и къ Намъ имѣющаго свое непосредственное отношеніе, согласно церковному порядку.

Поэтому, съ радостью извѣщая о немъ въ отвѣтъ на обращеніе Вашего Преосвященства, преподаемъ Вамъ Наше благословеніе и даемъ повелѣніе, чтобы Вы, вмѣстѣ съ сущими съ Вами во Христѣ братіями, подъ Нашимъ верховнымъ церковнымъ руководствомъ и покровительствомъ, и въ качествѣ Патріаршаго Нашего Экзарха, согласно вышеизложенному, продолжали дѣло духовнаго попеченія и управленія Русскими Православными приходами въ Европѣ.

При этомъ Мы призываемъ Ваше Преосвященство и прочихъ Преосвященныхъ Архіереевъ и благоговѣйныхъ іереевъ, коимъ подъ Вашимъ водительствомъ довѣрено руководство приходами, чтобы Вы заботились, какъ подобаетъ, о твердомъ стояніи въ вѣрѣ, благочестіи, о сохраненіи православныхъ преданій благочестиваго русскаго народа въ приходахъ, о добромъ веденіи приходскихъ дѣлъ и объ управленіи имѣніями и имуществами приходовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы Вы обращали особое вниманіе на то, дабы тщательно избѣгалось вмѣшательство Святой Церкви въ политическія распри и раздоры, и святой амвонъ никогда бы не превращался въ трибуну для политическихъ цѣлей, какъ впрочемъ и Ваше Преосвященство правильно рѣшили и заявили.

Наконецъ, заявляя, что, послѣ осуществленнаго Нами такимъ

образомъ каноническаго временнаго урегулированія церковнаго положенія Русскихъ Православныхъ приходовъ въ Европѣ, естественно не могутъ уже имѣть никакой силы и дѣйствія для приходовъ, ихъ духовенства и паствы, исходящія откуда бы то ни было, кромѣ Святѣйшаго Патріаршаго Вселенскаго Престола, какія-бы то ни было постановленія, или распоряженія, или запрещенія — Мы молимся, да принесетъ скоро Господь, призрѣвъ милостиво, миръ и единство сверхъ мѣры пострадавшей Святѣйшей Сестрѣ — Церкви Россійской и да обрадуетъ тѣмъ весь благочестивый Русскій народъ Православный и всѣхъ Сестеръ — Церкви Православныя.

Преподавая чрезъ Ваше Преосвященство молитвы и благословенія Наши всей совокупности благочестивыхъ приходовъ, испрашиваемъ всякихъ благъ отъ Господа, благодать и безконечная милость котораго, да будетъ съ Вашимъ Преосвященствомъ.

1931 года, февраля 17-го.

Константинопольскій, во Христѣ любящій братъ
Патріархъ ФОТІЙ.

Такъ благополучно разрѣшился сложный вопросъ о каноническомъ неопредѣленномъ моемъ положеніи, создавшемся послѣ разрыва съ Москвой: вмѣсто зыбкости каноническаго положенія, — каноническая устойчивость; вмѣсто увольненія, — я назначенъ экзархомъ Вселенскаго Патріарха; я и моя паства не оторвались отъ Вселенской Церкви, сохранили съ ней каноническую связь при соблюденіи внутренней русской автономіи. Изъ граматы видно теперь, что этотъ новый порядокъ управленія нашими церквами имѣетъ временный характеръ, и, когда возстановится общепризнанная центральная церковная власть и нормальныя условія жизни Русской Православной Церкви, мы вновь вернемся къ прежнему положенію.

Какъ на крыльяхъ, летѣли мы домой въ Парижъ... Къ сожалѣнію, на пути насъ нѣсколько задержало препятствіе: въ Адріанополѣ снесло мостъ, и намъ пришлось пуститься въ объѣздъ. На границѣ грубый, грязный турокъ-часовой не хотѣлъ насъ пускать черезъ границу, насилу мы его уломали.

Въ Парижѣ насъ ожидали съ великимъ нетерпѣніемъ. Сейчасъ же было созвано Приходское Собраніе Александро-Невской церкви, на которомъ о. настоятель протопресвитеръ Іаковъ Смирновъ отъ имени собравшихся горячо привѣтствовалъ меня. Паства одобрила избранный мною путь подчиненія Вселенскому Престолу.

Бурную реакцію возмущенія, недовольства новымъ нашимъ каноническимъ положеніемъ проявили «карловчане», посыпались инсинуаціи: я продался грекамъ, я передалъ имъ церковное имущество, за свое положеніе экзарха заплативъ большія деньги... и прочія небылицы. Постарались они воздѣйствовать и на сербскаго патріар-

ха Варнаву, который моей поѣздкой въ Константинополь былъ недоволенъ. Онъ предлагалъ быть самъ нашимъ суперъ-арбитромъ; но его рѣшенія были обязательны только для сербской Церкви, а не для всего Православія.

Постепенно новое каноническое положеніе было моей паствой принято и усвоено. Все уладилось, успокоилось, хотя многіе и по сей день не понимаютъ цѣнности нашего единенія со Вселенскимъ Престоломъ. А между тѣмъ, цѣнность этого единенія великая.

И прежде всего, мы связаны съ Греческой Церковью — со Вселенскимъ Престоломъ исторически. Русская Церковь, дочь Греческой Церкви, управлялась іерархами-греками почти 500 лѣтъ (отъ Крещенія Руси до перваго русскаго митрополита Іоны). Связаны мы съ Греческой Церковью и идейно. Національныя автокефаліи не отдѣльныя Церкви, а независимыя церковно-административныя объединенія. Мистически всѣ онѣ — одно и должны пребывать въ органическомъ общеніи во всѣмъ Вселенскимъ Христіанствомъ. Когда «Церкви» забываютъ о вселенской своей природѣ, когда обособляются, замыкаясь въ своихъ національныхъ интересахъ — эта утрата основного, главнаго предназначенія національныхъ Церквей есть болѣзнь и грѣхъ, именуемый «филетизмомъ». Принято обвинять Греческую Церковь въ этомъ «филетизмѣ»; но не свободна была отъ него и Русская Церковь. Богатая, славная, многомилліонная, ни въ чемъ не ощущавшая нужды и недостатка, она какъ-то обособилась въ своей самоувѣренности; смиренное самосознаніе младшей сестры единой вселенской Христовой семьи, какъ части единаго Тѣла Христова, затемнилось и заглушилось нѣкоторымъ самомнѣніемъ, выраженнымъ въ извѣстномъ изреченіи: «Москва — Третій Римъ, а четвертому не бывать». Самомнѣніе это укоренилось не только въ національно-политическомъ, но и въ церковномъ сознаніи. Бюрократическая церковная реформа Петра Великаго, задуманная по протестантскимъ образцамъ, еще болѣе ослабила вселенскую идею въ Русской Церкви. Многіе были склонны смотрѣть на другія православныя Церкви, какъ на бѣдныхъ родственниковъ. Революція отдѣлила Церковь отъ государства и лишила ее всякой государственной поддержки; сдѣлавшись самостоятельной, Церковь обратилась къ каноническимъ началамъ своей жизни: былъ созванъ Помѣстный Соборъ и избранъ Патріархъ Всероссійскій, вступившій въ живое общеніе со всей Вселенской Церковью. Большевицкое гоненіе, разразившееся въ Церкви, остановило дальнѣйшее развитіе ея жизни по каноническимъ нормамъ и укрѣпленіе связей со Вселенской Церковью. Задача поддержанія общенія съ Вселенской Церковью выпала на мою долю, когда митрополитъ Сергій несправедливо оттолкнулъ ме-

Митрополитъ Евлогій въ своемъ рабочемъ кабинетѣ на рю Дарю въ Парижѣ.

ня и моихъ епископовъ, духовество и паству. И это несчастье послужило причиной тому, что мнѣ пришлось осуществить тотъ законъ церковный, по которому Церкви православныя, оторванныя отъ своей родной Церкви, подлежатъ въ православныхъ странахъ юрисдикціи мѣстныхъ Церквей, а въ инославныхъ — Вселенскому Патріарху. Вотъ почему наши церкви обрѣли такое спокойствіе и устойчивость своего каноническаго положенія, когда были приняты подъ покровительство Вселенскаго Патріарха.

Послѣдній періодъ церковной смуты можно назвать «примиренческимъ».

До меня стали доходить вѣсти, что митрополитъ Антоній серьезно занемогъ, очень ослабѣлъ, одряхлѣлъ. Связанный съ нимъ долголѣтней дружбой и чувствами сыновней преданности и любви, я скорбѣлъ о разрывѣ насъ разъединившемъ и давно уже хотѣлъ примириться съ нимъ, но практическаго рѣшенія все еще не принималъ.

Въ Прощеное воскресенье (1934 г.) на Сергіевскомъ Подворьѣ, одинъ изъ студентовъ, Родзянко, горячій почитатель митрополита Антонія, прощаясь со мною, сказалъ мнѣ, что у него есть письмо отъ владыки Антонія, которое онъ проситъ меня прочитать. Вскорѣ же письмо мнѣ было доставлено. Написанное безъ обращенія, оно заключало пожеланія м. Антонія помириться, «даже при существующемъ положеніи», т. е. несмотря на мое подчиненіе Вселенскому Престолу. Мягкое и примирительное по духу письмо это требовало отъ меня какого-то рѣшенія. Передо мною всталъ вопросъ: ѣхать мнѣ въ Сербію — или не ѣхать? Въ паствѣ моей кое-кто про письмо узналъ, и одни совѣтовали мнѣ ѣхать, а другіе предрекали, что моя поѣздка ни къ чему доброму не приведетъ — никакого примиренія съ «карловчанами» все равно быть не можетъ.

Въ эти дни моихъ колебаній (май 1934 г.) вдругъ телеграмма изъ Сербіи съ приглашеніемъ отъ архимандрита Виталія: «очень буду радъ видѣть васъ на моей хиротоніи». Одновременно пригласительная телеграмма отъ митрополита Антонія, какъ предсѣдателя Синода. Странное противорѣчіе.... «Карловчане» запретили меня въ священнослуженіи и сами же зовутъ на свое церковное торжество...

Я выслушивалъ доброжелательные, хоть и взаимно исключающіе другъ друга, совѣты окружавшихъ меня лицъ и никакого рѣшенія не принималъ въ ожиданіи болѣе ясныхъ указаній неизбѣжности принять именно то, а не иное рѣшеніе.

По дѣламъ мнѣ надо было побывать въ Берлинѣ. Тамъ меня настигла еще одна пригласительная телеграма изъ Бѣлграда. Я увидалъ въ ней призывъ Божій, и, по размышленіи, въ той полной свободѣ,

когда нѣтъ со стороны ни совѣтовъ ни уговоровъ, уже безъ колебаній взялъ билетъ въ Бѣлградъ... Объ этомъ не зналъ никто. Лишь въ день отъѣзда я далъ знать въ Парижъ, что ѣду въ Сербію для личнаго свиданія съ митрополитомъ Антоніемъ. И это, дѣйствительно, такъ и было. Мнѣ горячо хотѣлось одного, — чтобы мы, два престарѣлыхъ епископа, передъ смертью облегчили свою совѣсть, примирились. Я не думалъ, что моя поѣздка можетъ имѣть церковное значеніе, и что въ Сербіи мой пріѣздъ будетъ истолкованъ иначе... А между тѣмъ, именно такъ и случилось.

На остановкѣ въ Карловцахъ, не доѣзжая Бѣлграда, въ вагонъ вошли секретарь Карловацкаго Синода гр. Граббе и архимандритъ Виталій. «Разрѣшите васъ сопровождать, Владыка, ...по предписанію митрополита Антонія...» сказалъ Граббе, представляясь мнѣ. На бѣлградскомъ вокзалѣ меня встрѣтили тоже какія-то офиціальныя лица, и повезли въ Русскую школу, гдѣ меня ожидалъ Штрандтманъ. Оттуда я проѣхалъ къ митрополиту Антонію.

Когда я вошелъ, митрополитъ Антоній, въ окруженіи нѣсколькихъ духовныхъ лицъ, доканчивалъ утреннее правило. Больной, дряхлый, онъ сидѣлъ въ креслѣ и заплетающимся языкомъ произносилъ возгласы. Я подошелъ къ нему. Онъ заплакалъ... Первыя минуты нашей встрѣчи прошли на-людяхъ. Пили чай. Говорить было трудно. Митрополитъ Антоній грустно глядѣлъ на меня. «Все такой же... и улыбка все та же....» сказалъ онъ. Слушать бѣднаго больного моего друга и учителя было мнѣ горько. «Пойдемъ, прочтемъ молитву», предложилъ онъ. Мы перешли въ его маленькую спальню. Митрополитъ Антоній надѣлъ епитрахиль и прочелъ надо мною разрѣшительную молитву. Потомъ я — надъ нимъ. На душѣ стало ясно и легко... «Ты съ дороги усталъ, — отдохни... Потомъ поговоримъ».

Вечеромъ неожиданно для меня появилось нѣсколько епископовъ — и ясное небо вновь стали заволакивать тучи... Митрополитъ Антоній и я начали было обсуждать, какъ намъ вмѣстѣ служить, а епископы запротестовали: нельзя, надо предоставить дѣло на рѣшеніе Синода...

На Вознесенье за Литургіей митрополитъ Антоній и я стояли вмѣстѣ на клиросѣ. Митрополитъ Антоній отъ слабости едва обѣдню достоялъ. Пытался сказать проповѣдь, но мысли у него путались, онъ началъ говорить о Вознесеньи, потомъ забылъ и перешелъ на Воскресеніе, посреди «слова» вдругъ разволновался, раскричался, зачѣмъ забыли форточку закрыть... Очень онъ былъ жалкій въ своей старческой безпомощности...

Я хотѣлъ увидаться съ патріархомъ сербскимъ Варнавой. Патріархъ прислалъ за мною протоіерея съ извѣщеніемъ, что я буду принятъ въ Карловцахъ.

Патріархъ Варнава встрѣтилъ меня очень ласково, говорилъ о разрывѣ между мною и «карловчанами» и выразилъ желаніе, чтобы миръ какъ можно скорѣй былъ возстановленъ и завершился нашимъ общимъ съ митрополитомъ Антоніемъ служеніемъ. Я указалъ на незаконность наложеннаго на меня запрещенія. «Протягивать руку, просить о примиреніи я не буду, сказалъ я; а молитвенное общеніе было бы мнѣ утѣшеніемъ, но епископы считаютъ, что безъ новаго постановленія Синода это невозможно...» Патріархъ высказалъ желаніе теперь же устроить сослуженіе мое съ карловацкими епископами; объ этомъ же усердно хлопотали и приходы, однако, безъ успѣха. Желая, повидимому, всенародно показать всю ничтожность наложенныхъ на меня прещеній, патріархъ пригласилъ меня отслужить въ Хоповскомъ монастырѣ: высшая церковная власть въ Сербіи, подъ покровительствомъ которой находился Карловацкій Синодъ, какъ бы подчеркивала, что не признаетъ этого постановленія Синода.

Въ Хоповѣ меня встрѣтили съ любовью. Къ сожалѣнію, настроеніе въ монастырѣ было печальное, подавленное. Со скорбью разсказали мнѣ, что въ монастырѣ нѣтъ уже больше чудотворной иконы Лѣснинской Божіей Матери, вмѣсто нея — копія*).

Въ Бѣлградъ я вернулся 8-го мая — въ день св. Іоанна Богослова и въ университетскій праздникъ мѣстнаго богословскаго факультета. Иду по улицѣ, — ко мнѣ подходятъ знакомые студенты: «Очень просимъ васъ, владыка, на нашъ праздникъ. У насъ митрополитъ Антоній, но онъ по болѣзни уже уѣзжаетъ...» Я приглашеніе принялъ.

Собраніе было очень оживленное. За стаканомъ добраго вина произносились горячія рѣчи, велась оживленная общая бесѣда. Такъ закончилось мое пребываніе въ Сербіи. Общецерковныя наши дѣла съ мѣста не сдвинулись.

Вѣсть о «примиреніи» съ митрополитомъ Антоніемъ разнеслась по эмиграціи, но встрѣтила ее моя паства не единодушно. Одни ликовали: «миръ!.. миръ!.. наконецъ-то!» Другіе (гр. Коковцевъ и еще нѣкоторыя лица) предрекали, что моя поѣздка въ Бѣлградъ будетъ имѣть недобрыя послѣдствія. Это скептическое настроеніе усилилось послѣ появленія въ «Царскомъ Вѣстникѣ», № 399, офиціальной статьи за подписью управляющаго канцеляріей Архіерейскаго Синода гр. Граббе, въ которой говорилось, что осенью Архіерейскій Соборъ будетъ «снимать съ меня запрещеніе». Эта статья была въ полномъ противорѣчіи съ моими заявленіями о томъ, что происходило между мною и митрополитомъ Антоніемъ въ дѣлѣ возстановленія нашего взаимнаго молитвеннаго общенія.

Въ августѣ того же (1934) года въ Карловцахъ открылся оче-

*) Теперь св. икона снова въ монастырѣ.

редной Архіерейскій Съѣздъ. Мнѣ было послано приглашеніе. Я отвѣтилъ, что не могу пріѣхать въ качествѣ просителя о снятіи съ меня незаконно наложеннаго запрещенія и о возстановленіи молитвеннаго общенія. Это долженъ сдѣлать Соборъ по собственной иниціативѣ. Патріархъ Варнава также прислалъ мнѣ пригласительную телеграмму, но она, по какой-то странной, невѣдомой мнѣ причинѣ, была мнѣ доставлена черезъ Сербское посольство въ Парижѣ спустя... недѣлю послѣ ея полученія (!). Не знаю, уступилъ бы я просьбѣ Патріарха, но сами обстоятельства сдѣлали невозможнымъ ея исполненіе, ибо я уже никакъ не успѣлъ бы попасть на Соборъ.

На Соборѣ состоялось постановленіе о снятіи съ меня запрещенія и о возстановленіи молитвеннаго общенія, но этотъ актъ былъ составленъ въ унизительныхъ для меня формахъ, а именно, что «я самъ осудилъ свой поступокъ», «самъ просилъ простить меня», и что лишь «по снисхожденію къ моимъ просьбамъ и ради пользы Церкви» Соборъ постановилъ вернуть мнѣ право священнослуженія, т. е. канонически правонарушителемъ являюсь я, а вовсе не Соборъ, незаконно меня осудившій.

Это побудило меня обратиться къ паствѣ съ посланіемъ, въ которомъ я постарался еще разъ разъснить правду и освободить ее отъ кривотолковъ. Я свидѣтельствовалъ о незаконности наложеннаго на меня запрещенія; если я стремился къ тому, чтобы оно было снято, то лишь желая успокоить взволнованные церковной смутой умы нашей паствы и дать Синоду случай загладить вину неосмотрительности и отсутствія братолюбія, которыя довели его до неканоничнаго постановленія относительно меня. Чисто моральный актъ нашего съ митрополитомъ Антоніемъ примиренія, когда мы взаимно испрашивали другъ у друга прощеніе, и когда дыханіе благодатнаго Божьяго мира повѣяло надъ нами — этотъ трогательный моментъ Карловацкій Соборъ использовалъ, какъ формально-юридическое обоснованіе, якобы подтверждающее мою вину...

Несмотря на мое примиреніе съ митрополитомъ Антоніемъ, несмотря на постановленіе Собора, о которомъ я только что разсказалъ, — духомъ мира въ нашихъ отношеніяхъ съ «карловчанами» попрежнему не вѣяло. Усилилась противъ меня агитація въ Германіи Тихона Берлинскаго; карловацкіе архіереи стали предъявлять мнѣ настойчивыя требованія покинуть юрисдикцію Вселенскаго Патріарха. Въ своемъ посланіи отъ 8-го октября (1934 г.) архіепископъ Серафимъ безъ обиняковъ, демагогически, заявилъ, что я «отошелъ отъ Русской Церкви, отторгъ паству отъ Матери-Церкви, что я больше не русскій, а греческій епископъ», тогда какъ греки, яко-бы, враги нашей Русской Церкви... И это посланіе послѣдовало въ отвѣтъ на просьбу одного изъ нашихъ прихожанъ (кн. Козловскаго) о допуще-

ніи къ совмѣстному служенію нашего и карловацкаго духовенства при вѣнчаніи его дочери. Архіепископъ Анастасій — послѣ перемирія! — объѣзжалъ города ввѣренной мнѣ епархіи, служилъ только въ своихъ церквахъ, нарочито подчеркивая наше церковное раздѣленіе, т. е. его закрѣплялъ, а не сглаживалъ.

Особенно тяжелое впечатлѣніе произвелъ образъ дѣйствій этого іерарха въ Брюсселѣ, при закладкѣ тамъ Карловацкаго храма. Закладка эта была обставлена торжественно. Кромѣ архіепископа Анастасія, на торжество прибыли митрополитъ Загребскій Досиѳей и архіепископъ Серафимъ изъ Парижа, а также были приглашены посланники — представители православныхъ державъ; но не былъ приглашенъ нашъ Бельгійскій архіепископъ Александръ. Такое грубое пренебрежительное отношеніе къ нашему святителю вызвало всеобщее возмущеніе, тѣмъ болѣе, что самъ архіепископъ Александръ отвѣтилъ на это съ удивительнымъ и, по-моему, даже съ чрезмѣрнымъ благородствомъ. Пріѣхавшіе архіереи не хотѣли проявить самаго элементарнаго акта вѣжливости — не сдѣлали визита архіепископу Александру и только по настоянію митрополита Досиѳея поѣхали къ нему, но, не желая встрѣчи, выбрали преднамѣренно такое время, когда онъ служилъ Литургію. Владыка, увидѣвъ архіереевъ въ храмѣ, прервалъ богослуженіе и провозгласилъ имъ многолѣтіе, а послѣ обѣдни поѣхалъ ихъ провожать на вокзалъ. Когда изъ Брюсселя архіепископъ Анастасій прибылъ въ Парижъ и заѣхалъ ко мнѣ, я съ горечью повѣдалъ ему, какое тяжелое впечатлѣніе произвелъ на меня Брюссельскій инцидентъ. Онъ не безъ смущенія оправдывался тѣмъ, что уступилъ настойчивой волѣ непримиримыхъ прихожанъ... Я отвѣтилъ ему, что изъ-за этого инцидента я лишенъ возможности пригласить его на сослуженіе со мною въ нашемъ каѳедральномъ храмѣ. Такъ «карловчане» отвѣчали на мои попытки къ примиренію!

Одновремено съ этимъ велась у меня тягостная переписка съ Синодомъ по поводу сочиненій о. Сергія Булгакова. Митрополитъ Антоній выражалъ неудовольствіе Синода, зачѣмъ я назначилъ свою комиссію для разбора ученія о Софіи, которое уже осуждено Карловацкимъ Соборомъ и признано еретическимъ; въ этомъ смыслѣ нужно сдѣлать пр. С. Булгакову публичное увѣщаніе.

Такое настроеніе, или лучше сказать нестроеніе, вносило смущеніе въ паству. Миръ, который поначалу многіе искренно привѣтствовали, оказывался пустымъ словомъ, лишь прикрывавшимъ прежній раздоръ... Моя паства искренно, горячо желала умиротворенной церковной жизни. Необходимо было продолжать попытки къ возстановленію дѣйствительнаго, не фиктивнаго, мира.

Я обратился съ письмомъ къ митрополиту Антонію (отъ 18-го іюня 1935 г., № 1288), въ которомъ пожаловался на поведеніе кар-

ловацкихъ іерарховъ въ Брюсселѣ и изложилъ соображенія о принятіи практическихъ мѣръ, дабы разруха не шла дальше. Я предлагалъ проектъ организаціи Управленія Зарубежной Церковью, оговариваясь однако, что онъ можетъ войти въ жизнь лишь съ каноническаго благословенія Вселенскаго Патріарха и всей Православной Церкви, т. е. новоорганизованное Управленіе должно быть признано всѣми автокефальными Церквами. «Только послѣ такого благословенія можно съ чистой совѣстью строить корабль церковный, и онъ будетъ тогда крѣпкимъ и спасающимъ; тогда отпадетъ нужда въ моемъ экзархатѣ, который мнѣ нуженъ для общенія со Вселенской Церковью», писалъ я.

Въ основныхъ линіяхъ мой проектъ повторялъ мою прежнюю схему управленія Русской Церковью за-границей: автономные округа (4) и періодически созывъ Соборовъ.

Лѣтомъ 1935 года я получилъ приглашеніе отъ патріарха Варнавы прибыть въ Карловцы на особое совѣщаніе іерарховъ, представителей четырехъ главныхъ частей зарубежной Русской Церкви, для окончательнаго разрѣшенія всѣхъ нашихъ церковныхъ нестроеній. Совѣщаніе предполагалось подъ его предсѣдательствомъ. Я запросилъ Патріарха Фотія, могу ли поѣхать въ Карловцы для означенной цѣли. Въ отвѣтъ получилъ грамату съ благословеніемъ на поѣздку. Вотъ текстъ граматы:

Фотій, Божіей Милостью, Архіепископъ Константинопольскій — Новаго Рима и Вселенскій Патріархъ

№ 1489.

Преосвященнѣйшій Киръ Евлогій, нашъ Патріаршій Экзархъ православныхъ русскихъ приходовъ въ Европѣ, во Святомъ Духѣ возлюбленный братъ и сослужитель нашей мѣрности, да будетъ съ Вашимъ Преосвященствомъ благодать и миръ отъ Бога.

Мы получили письмо Вашего возлюбленнаго Преосвященства отъ 3 числа истекающаго мѣсяца, съ приложеніями, въ которыхъ сообщается намъ о бывшемъ Вамъ отъ Блаженнѣйшаго Патріарха Сербскаго Киръ Варнавы приглашеніи прибыть къ нему для особаго, подъ его предсѣдательствомъ, совѣщанія по вопросу о соглашеніи между собою и объединеніи находящихся за-границей преосвященныхъ русскихъ архіереевъ и русскихъ церквей и приходовъ въ разсѣяніи, съ изложеніемъ Вашего мнѣнія о необходимости сдѣлать, послѣдуя этому приглашенію, еще одну послѣднюю попытку для умиротворенія и объединенія всѣхъ, на основаніи строгихъ каноническихъ началъ, на которыхъ утверждается временная Патріаршая Экзархія подъ водительствомъ Вашего Преосвященства, и испрашивается благословеніе на путешествіе Ваше въ Югославію для означенной цѣли.

Всегда глубоко удрученный, какъ знаетъ Ваше Преосвященство

и всѣ, скорбью о несчастьи Святѣйшей Сестры Церкви Россійской и чувствуя, что эта скорбь еще возрасла отъ печальнаго зрѣлища, которое къ умаленію силы и славы Святѣйшей Россійской Церкви, являютъ предъ лицомъ, какъ православнаго, такъ и всего христіанскаго міра, взаимныя ссоры и раздѣленія ея іерарховъ, наносящія ущербъ и присущему Святой Православной Церкви обаянію, мы не можемъ не благословить отъ души всякое стремленіе направляемое къ возстановленію мира и единства и не присоединить нашей молитвы ко Господу, оказывая и наше къ тому содѣйствіе.

Вслѣдствіе этого, съ радостью обильно преподаемъ Вашему возлюбленному Преосвященству, по синодальному опредѣленію, наше благословеніе на путешествіе въ Югославію для указанной святой цѣли.

И не только это, но одновременно поручаемъ Вашему Преосвященству, чтобы Вы при этомъ столь удобномъ случаѣ, передавая по пріѣздѣ Вашемъ туда, прежде всего наше братское о Господѣ цѣлованіе съ любовью почитаемому нами брату во Христѣ Блаженнѣйшему Патріарху Киръ Варнавѣ, равно какъ и всѣмъ возлюбленнымъ во Христѣ братіямъ преосвященнѣйшимъ русскимъ архіереямъ, имѣющимъ присутствовать и принимать участіе въ предстоящемъ подъ предсѣдательствомъ Его Блаженства совѣщаніи въ цѣляхъ достиженія мира и любви, принесли этимъ послѣднимъ, съ нашей стороны и со стороны Матери Великой Церкви Христовой, особое теплѣйшее настояніе и увѣщаніе, чтобы всѣ во имя ихъ любви къ Спасителю Христу и ради заботъ и попеченія о своей Матери, а также въ сознаніи отвѣтственности, которую они несутъ передъ нею и передъ всей нашей Святой Православной Церковью, показали и проявили на дѣлѣ всяческое доброе расположеніе и стремленіе къ тому, чтобы былъ положенъ конецъ неумѣстнымъ взаимнымъ спорамъ и раздѣленіямъ, не имѣющимъ реальнаго основанія и смысла.

И поелику, несомнѣнно, въ разсужденіи этого объединенія, будетъ рѣчь и о существѣ и природѣ временнаго воспріятія подъ каноническое покровительство Матери нашей Великой Церкви Христовой заграничныхъ православныхъ приходовъ, о чемъ было высказано и написано не мало неосновательнаго и неправильнаго, къ соблазну многихъ, то Ваше возлюбленное Преосвященство, уже давшее по этому вопросу приличествующій отвѣтъ въ письмѣ своемъ къ преосвященнѣйшему Митрополиту Антонію отъ 17-го іюля 1935 года, не преминетъ, конечно, дать и по предмету вышеуказаннаго объединенія всяческое необходимое разъясненіе къ освѣщенію истины.

Мы же относительно всѣхъ проявленій нашего дѣйствія, ссылаясь на то, что ясно, съ точностью недопускающей перетолкованія для имѣющихъ добрую совѣсть, опредѣлили въ патріаршей нашей

граматѣ Вашему Преосвященству отъ 17-го февраля 1931 года, по синодальному постановленію объ учрежденіи временной экзархіи, посылаемъ по данному поводу именно о каноничности нашего дѣйствія, прилагаемыя при семъ копіи двухъ писемъ къ нашему Святѣйшему Патріаршему Престолу Всечестнѣйшаго Митрополита Антонія и Преосвященнѣйшаго Архіепископа Анастасія, писавшаго по повелѣнію его и пребывающаго съ нимъ Архіерейскаго Собранія, въ которыхъ испрашивалось попеченіе Святѣйшаго Патріаршаго Престола о находящихся въ нуждѣ и требующихъ покровительства русскихъ церквахъ на Дальнемъ Востокѣ, чтобы изъ нихъ Ваше Преосвященство и всѣ могли знать, каково еще недавно было мнѣніе этихъ же самыхъ находящихся въ Югославіи преосвященныхъ архіереевъ-бѣженцевъ и каково было убѣжденіе ихъ о каноничности и долгѣ попеченія нашего Святѣйшаго Вселенскаго Патріаршаго Престола, согласно священнымъ канонамъ, преданію и практикѣ Православной Церкви о находящихся повсемѣстно въ обстояніяхъ и нуждахъ православныхъ церквахъ и, конечно, о должномъ отношеніи къ возлюбленной сестрѣ и дочери Россійской Церкви, которую Вселенскій Престолъ во Христѣ родилъ и по заслугамъ возвысилъ и прославилъ, какъ церковь автокефальную.

Что же, въ особенности, касается до сужденій о наличіи въ нашей дѣятельности, хотя бы малѣйшихъ захватныхъ цѣлей и видовъ на наслѣдство впавшей въ бѣдствія Святѣйшей Россійской Церкви и имущество приходовъ, — сужденій безъ страха Божія выдумываемыхъ и распространяемыхъ, то мы, отвращая отъ нихъ свое лицо, въ отвѣтъ на эти нечестивыя мысли, скажемъ только одно, что наша Великая Церковь часто, какъ любвеобильная мать, въ теченіе временъ открывала и дарила своимъ дѣтямъ сокровища свои и даже была лишаема ими таковыхъ, но никогда не касалась и не желала своекорыстно касаться ихъ сокровищъ.

Съ любовію сообщая объ этомъ въ отвѣтъ Вашему любезному Преосвященству, молимся, да будетъ дано Вамъ въ дѣлѣ пастырскаго попеченія Вашего и въ стремленіи къ миру и единству всяческое укрѣпленіе отъ Господа, коего благодать и безконечная милость да будетъ съ Вашимъ Преосвященствомъ и со всѣми.

1935 г. Сентября 30-го.

ФОТІЙ, искренній во Христѣ братъ.

Моя поѣздка въ Сербію была рѣшена. Къ открытію Собора я не спѣшилъ, ибо ѣхалъ не на Соборъ, а на независимое отъ него совѣщаніе; я дождался пріѣзда митрополита Ѳеофила Американскаго, съ которымъ вмѣстѣ мы въ Бѣлградъ и отбыли. Я взялъ съ собою еще

протоіерея Г. Ломако и секретаря Епархіальнаго Управленія Т. А. Аметистова.

Пріѣзжаемъ... На вокзалѣ въ Карловцахъ намъ устроена официальная торжественная встрѣча. Духовенство, семинаристы... «Ис полла эти деспота»... Митрополитъ Ѳеофилъ, въ американскомъ пальтишкѣ, въ дорожной шапочкѣ, болѣе похожій на коммивояжера, чѣмъ на православнаго іерарха, своимъ внѣшнимъ обликомъ, кажется, нѣсколько озадачилъ встрѣчавшихъ. Насъ привезли въ зданіе патріархіи, гдѣ мнѣ были отведены королевскіе апартаменты. Патріархъ пригласилъ насъ къ вечернему чаю. Пріемъ былъ исключительно радушный и ласковый. Разговоръ не выходилъ за предѣлы дорожныхъ впечатлѣній и вообще посторонних Собору темъ.

На другой день я навѣстилъ митрополита Антонія. Тяжелое, грустное впечатлѣніе... Больной, дряхлый, слабый, онъ и умственно за годъ замѣтно ослабѣлъ, многое забывалъ и путалъ. Никакого вліянія на Соборѣ онъ, конечно, уже имѣть не могъ, да и рѣдко бывалъ тамъ.

Я пріѣхалъ въ Карловцы, когда Соборъ подходилъ къ концу; кажется, его не кончали въ ожиданіи прибытія меня и митрополита Ѳеофила. Первыя впечатлѣнія дали мнѣ возможность немного разобраться въ его настроеніяхъ. Чувствовалось, что всѣ насторожѣ, отношеніе ко мнѣ недовѣрчивое, обстановка образовалась психологически для меня сложная и неблагопріятная... Архіепископъ Серафимъ Болгарскій привезъ на Соборъ свой трудъ — толстую книгу-обличеніе «ереси» о. Сергія Булгакова, повидимому, какъ поводъ повести атаку на нашъ Богословскій Институтъ и оправдать притязанія «карловчанъ» на контроль надъ нимъ. Словомъ, что-то духомъ миролюбія и одушевленія общимъ дѣломъ на пользу Церкви не вѣяло....

Патріархъ Варнава пригласилъ къ себѣ на засѣданіе насъ, четырехъ архіереевъ, главъ четырехъ округовъ: меня (Западная Европа), архіепископа Анастасія (Балканы), митрополита Ѳеофила (Америка) и епископа Хайларскаго Димитрія (Дальній Востокъ). Мы представили наши ввѣрительныя граматы.

— Я прибылъ по полномочіямъ моего первоіерарха — Вселенскаго Патріарха, — сказалъ я, и прочиталъ грамату Патріарха Фотія. Она произвела на присутствующихъ сильное, но не благопріятное впечатлѣніе... — Главное наше горе не въ той или иной организаціи церковнаго управленія, — продолжалъ я, — а въ томъ, что потеряно довѣріе другъ къ другу; вмѣсто взаимной братской любви, царитъ подозрительность, полное отчужденіе... Если бы удалось возстановить нравственныя начала нашего общенія, тогда легко было бы найти и формы церковнаго управленія. Я согласенъ на совмѣстную работу, но при условіи соблюсти вѣрность Вселенской Патріархіи, т. е. при условіи, что я сохраню званіе экзарха Вселенскаго Престола,

на подобіе митрополита Антонія, когда онъ, будучи архіепископомъ Волынскимъ, носилъ титулъ экзарха Вселенскаго Патріарха для Галиціи и Карпатской Руси, что не мѣшало ему оставаться въ Русской Церкви и быть членомъ Святѣйшаго Синода. Могу и я участвовать въ общемъ управленіи Русской Церкви за рубежомъ, оставаясь экзархомъ.

Архіепископъ Анастасій уклончиво заявилъ, что онъ во всемъ будетъ руководствоваться тѣмъ, что скажутъ Соборъ и Синодъ... Другіе архіереи — митр. Ѳеофилъ и еп. Димитрій сказали, что для достиженія единства зарубежной русской Церкви они готовы на большія уступки... Патріархъ Варнава заявилъ, что на Совѣщаніи онъ будетъ предсѣдательствовать самъ. Поднялся вопросъ о привлеченіи къ нашей работѣ епископа Виталія и архіепископа Тихона Берлинскаго, но я запротестовалъ и было рѣшено, что въ нашей комиссіи, кромѣ насъ четырехъ, другихъ архіереевъ не будетъ*).

Какъ только работа нашего Совѣщанія началась, сразу же выяснилось сложное и трудное мое положеніе. Я прибылъ въ Карловцы неподготовленный, безъ разработаннаго статута управленія зарубежной Церкви, и долженъ былъ разбираться во всемъ, что предлагалось, совсѣмъ одинъ противъ сплоченной, сильной, по духу непримиримой группы, которая энергично преслѣдовала поставленную себѣ цѣль, опираясь на Соборъ. Мои надежды на митрополита Ѳеофила Американскаго, какъ на моего единомышленника и соратника, не оправдались. Владыка Ѳеофилъ, типъ провинціальнаго соборнаго «батюшки», не разбирался (и не очень старался разобраться) въ сложномъ конфликтѣ породившемъ нашъ расколъ и попросту перешелъ въ лагерь большинства. Экспертъ сербскаго Синода, профессоръ канонического права Троицкій, который могъ бы мнѣ оказать поддержку, тоже зачастую защищалъ точку зрѣнія «карловацкихъ» іерарховъ. Протоіерей Ломако и Аметистовъ оказались также помощниками слабыми; вся тяжесть борьбы легла на мои плечи.

Архіепископъ Анастасій занялъ непримиримую позицію. Очень скоро я увидалъ, что у «карловчанъ» все уже рѣшено, и наше Совѣщаніе ничего сообща не вырабатываетъ, а мнѣ навязываютъ готовый и детально разработанный проектъ, никакой переработкѣ въ своихъ основныхъ линіяхъ, по мысли его составителей, не подлежащій. Въ первые же три дня создалось такое положеніе, что казалось неизбѣжнымъ Совѣщаніе прервать. Логически такъ, вѣроятно, поступить и нужно было, но морально рѣшиться на это мнѣ представлялось невозможнымъ. Здѣсь, въ Сербіи, я почувствовалъ съ особой силой

*) Секретаремъ былъ выбранъ еп. Димитрій Хайларскій; потомъ, дополнительно, привлекли къ секретарской работѣ гр. Граббе и о. Ломаку.

прибой народнаго чувства, трепетное молитвенное ожиданіе церковнаго мира. Первое, послѣ 1926 года, совмѣстное служеніе 4 русскихъ іерарховъ (я, митрополитъ Ѳеофилъ, архіепископъ Анастасій и епископъ Димитрій) въ русской церкви собрало великое множество народу. Когда я вышелъ съ проповѣдью о единствѣ Русской Церкви и сказалъ, что мы его запечатлѣли нашими общими молитвами въ русскомъ храмѣ, то на глазахъ многихъ заблестѣли слезы... Русскій народъ церковный напряженно ожидалъ примиренія, а патріархъ Варнава трогательно болѣлъ душой за насъ. Его вниманіе, ласка, заботы, миролюбіе обезоруживали и подкупали... По доводамъ логики, повторяю, надо было Совѣщаніе покинуть, но я, способный дать отпоръ грубости и наглости, а на доброту, на ласку безоружный, — работы въ Совѣщаніи не прервалъ... А между тѣмъ, я видѣлъ, что осилить въ двѣ недѣли статутъ со множествомъ параграфовъ, анализировать наспѣхъ матеріалъ, который требовалъ долгой и тщательной разработки, — технически непосильно, а морально мучительно въ силу большой отвѣтственности, которая съ проектомъ была связана. Протоколы представлялись неточные и черезъ недѣлю, а то и двѣ, когда уже все забывалось. Надо было провѣрять каждое слово по памяти. Я чувствовалъ, что одинъ противъ всѣхъ подчасъ безсиленъ противостать напору большинства, въ то же время чуя, что всѣ его усилія направлены къ ущербленію моей власти..

Двухъ положеній съ твердостью я не выдержалъ. Я не отстоялъ полной автономіи Западно-Европейской митрополіи, которая мнѣ вручена волею Патріарха Тихона и допустилъ сбить себя съ позиціи, далъ ограничить полноту автономныхъ правъ сверху и снизу: сверху — центральнымъ органомъ управленія зарубежной Русской Церковью: Синодъ присваивалъ себѣ исключительное право назначать епископовъ, направлять и контролировать религіозную и просвѣтительную работу; снизу — самостоятельность автономнаго управленія ограничивали епископы отдѣльныхъ епархій: безъ ихъ приглашеній или разрѣшеній митрополитъ не могъ даже навѣщать приходы своей митрополіи. За образецъ устройства митрополичьяго округа была взята церковно-административная схема патріаршаго управленія въ Русской Церкви, но съ проведеніемъ еще большей централизаціи. Отъ Указа святѣйшаго Патріарха Тихона, давшаго мнѣ всю полноту власти въ церквахъ и приходахъ Западной Европы не оставалось ничего... Только моей нравственной подавленностью, доходившей до болѣзненной нервной депрессіи, можно объяснить мою непонятную уступчивость. Чувство жалости къ бѣдному митрополиту Антонію заставило меня допустить и назначеніе его пожизненнымъ и безсмѣннымъ предсѣдателемъ Синода, хоть я сначала и возражалъ, защищая выборное начало при назначеніи предсѣдателя, понимая, что при без-

помощности митрополита Антонія руководство Синодомъ останется въ рукахъ синодальныхъ чиновниковъ.

Одного я «карловчанамъ» не уступилъ — юрисдикціи Вселенскаго Престола. Я заявилъ, что безъ благословенія Вселенскаго Патріарха я ничего не предприму въ дѣлѣ новой организаціи Управленія зарубежной Русской Церковью, и хотя подписалъ (скрѣпя сердце) выработанный «Проектъ временнаго Управленія Русской Церковью заграницей», но я принялъ его условно, т. е. если оно будетъ одобрено совѣщаніемъ моихъ епископовъ и нашимъ Епархіальнымъ Собраніемъ изъ епископовъ, клириковъ и мірянъ...

Работы Совѣщанія тянулись около трехъ недѣль. Признаюсь, болѣе тяжелаго періода, чѣмъ эти три недѣли, я за все время моего архіерейства не переживалъ, такъ сложна и мучительна была обстановка различныхъ на меня воздѣйствій. Я чувствовалъ, что я слабо выполнилъ свою миссію, которая заключалась въ томъ, чтобы отстоять канонически правильную и жизненно справедливую и цѣлесообразную форму управленія зарубежной Русской Церкви; съ болью воспринималъ я сознаніе разлада между тѣмъ, что я думалъ, и тѣмъ, что я подписалъ...

Однако, нѣсколько полезныхъ практическихъ мѣръ для достиженія церковнаго объединенія, по моему предложеніе, было принято: 1) возстановленіе богослужебнаго общенія; 2) осужденіе всякой враждебной церковной полемики въ проповѣдяхъ, печати и общественныхъ выступленіяхъ; 3) запрещеніе открывать параллельные приходы и 4) запрещеніе принимать клириковъ, переходящихъ изъ одной епархіи въ другую безъ отпускной граматы. Первая и наиболѣе существенная изъ этихъ мѣръ была закрѣплена, какъ я уже упоминалъ, Божественной Литургіей, совершенной членами архіерескаго Совѣщанія и нѣкоторыми другими іерархами въ русской церкви, и второю, еще болѣе торжественною Литургіею, которую совершилъ патріархъ Варнава въ сослуженіи съ 15 русскими и сербскими архіереями въ Бѣлградскомъ каѳедральномъ соборѣ. Велика была радость множества народа... Однако, подлиннаго, искренняго мира между нами попрежнему не чувствовалось, было какъ-то смутно, тоскливо на душѣ и не вѣрилось, чтобы наскоро составленное нами и съ большими трудностями принятое «Временное Положеніе» могло всѣхъ насъ объединить...

По окончаніи нашихъ работъ и закрытіи Собора, всѣ его члены собрались въ квартирѣ митрополита Антонія, дабы узнать и обсудить, что же нами въ комиссіи сдѣлано. «Вы же все уже знаете....» сказалъ я вопрошавшимъ меня членамъ Собора, намекая на то, что они давно и хорошо обо всемъ освѣдомлены и ихъ информаціонные вопросы излишни.

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ въ этотъ вечеръ архіепископъ Серафимъ Болгарскій поднялъ вопросъ объ архіепископѣ Александрѣ Бельгійскомъ б. Американскомъ — о необходимости суда надъ нимъ на основаніи донесенія епископа Антонія Дашкевича, посланнаго болѣе 10 лѣтъ тому назадъ изъ Карловцевъ въ Америку и вернувшагося съ данными фантастическими, яко-бы порочащими моральную личность владыки Александра.

— Въ самые дни примиренія вы поднимаете вопросъ о судѣ, то надъ о. С. Булгаковымъ, то надъ архіепископомъ Александромъ... сказалъ я, указавъ на все несоотвѣтствіе этихъ вопросовъ данному моменту.

Съ невеселымъ чувствомъ покинулъ я Бѣлградъ. Передъ отъѣздомъ нашъ представитель В. Н. Штрандтманъ устроилъ большой епископальный пріемъ. При прощаніи патріархъ Варнава вновь обворожилъ меня искреннимъ доброжелательствомъ, сердечностью и лаской. Меня отвезли на патріаршемъ автомобилѣ. На перронѣ вокзала были торжественные проводы: патріаршіе викаріи, протоіереи... много всякихъ почестей. Спасибо доброму владыкѣ Варнавѣ, но ему не удалось настроить миролюбиво души нашихъ епископовъ...

На пути въ Парижъ я заѣхалъ въ Загребъ къ моему другу митрополиту Досиѳею и случайно попалъ на его семейный праздникъ — на «славу». Сербы не празднуютъ именинъ въ память тезоименитаго небеснаго покровителя, но за то празднуютъ память небеснаго покровителя дома, семьи или рода. Такъ фамилія митрополита Досиѳея (Васичи) празднуютъ память Михаила Архангела. Торжественную Литургію въ этотъ день я служилъ въ соборѣ вмѣстѣ съ митрополитомъ Досиѳеемъ. Послѣ Литургіи, въ теченіе всего дня, митрополита поздравляли представители городскихъ и военныхъ властей, высшее духовенство разныхъ исповѣданій, представители разныхъ профессій и классовъ, всевозможныхъ благотворительныхъ и культурно-просвѣтительныхъ учрежденій, дамы, студенты, простые люди... Думаю, что всего перебывало до 1.000 человѣкъ.

Достойна всякаго удивленія та широкая популярность, какою пользуется владыка Досиѳей въ своемъ епархіальномъ городѣ, несмотря на то, что онъ еще такъ недавно сюда пріѣхалъ, ибо Загребская митрополія была открыта лишь два года тому назадъ.

Вечеромъ былъ устроенъ ужинъ для клира. Эта трапеза носила домашній, интимный характеръ и длилась до глубокой ночи.

Изъ Загреба я заѣхалъ въ Прагу, гдѣ былъ утѣшенъ свиданіемъ съ милымъ владыкой Сергіемъ, съ которымъ отвелъ душу въ откровенныхъ бесѣдахъ. Здѣсь мы отпраздновали 10-лѣтній юбилей освященія мною Успенскаго храма на русскомъ кладбищѣ. Владыка Сер-

гій значительно успокоилъ мое смятенное и подавленнео душевное настроеніе, ибо меня все время волновала мысль о томъ, что я подписалъ документъ (Временное Положеніе), съ которымъ во многомъ былъ не согласенъ.

По пріѣздѣ въ Парижъ, я созвалъ Епархіальный Совѣтъ и познакомилъ его съ работами архіерейскаго Совѣщанія въ Карловцахъ, не скрывая отрицательныхъ сторонъ проекта «Временнаго Положенія», принятаго на Соборѣ. Основнымъ дефектомъ я считалъ послѣдовательно проведенный принципъ централизаціи, усиливающій власть Синода и Собора за счетъ окружного Управленія митрополіей. Излишняя централизація управленія церковными областями, раздѣленными огромными разстояніями, съ различнымъ характеромъ и укладомъ церковной жизни, я считалъ по существу идеей неудачной и стоялъ за болѣе широкія полномочія власти на мѣстахъ. Были недочеты и экономическаго характера, — напримѣръ, сложный вопросъ, какъ обезпечить существованіе нѣсколькихъ епархіальныхъ Управленій въ одной митрополіи, вмѣсто существующаго одного Управленія. Но наиболѣе труднымъ и непріемлемымъ пунктомъ этого «Положенія» явилось обращенное ко мнѣ требованіе выйти изъ юрисдикціи Вселенскаго Патріарха. Въ заключеніе доклада я заявилъ, что всегда дѣйствовалъ въ согласіи съ церковнымъ народомъ и такъ же намѣренъ поступить и теперь. Предполагаемая реорганизація Церковнаго Управленія дѣло настолько важное, что совершенно необходимо выслушать мнѣніе Епархіальнаго Собранія, Совѣщанія епископовъ и затѣмъ уже, если бы «Временное Положеніе» было ими принято, испросить признанія его и благословенія Вселенскимъ Патріархомъ и главами всѣхъ автокефальныхъ православныхъ Церквей. Лишь одобренный всею Вселенскою Церковью, нашъ проектъ могъ бы войти въ жизнь, какъ канонически обоснованная церковно-административная реформа.

Послѣ краткаго обмѣна мнѣніями мы постановили образовать комиссію въ составѣ: гр. В. Н. Коковцева, Е. П. Ковалевскаго, В. Н. Сенютовича и секретаря Т. А. Аметистова для детальнаго разсмотрѣнія «Положенія» и для представленія его, съ заключеніемъ Епархіальнаго Совѣта, Епархіальному Собранію, которое должно было состояться ближайшимъ лѣтомъ.

Одновременно съ этой комиссіей возникла въ тѣ дни другая — для разбора ученія прот. С. Булгакова, подъ предсѣдательствомъ протопресвитера І. Смирнова, въ составѣ прот. І. Ктитарева и профессоровъ: архим. Кассіана, прот. Г. Флоровскаго, А. В. Карташева, В. В. Зѣньковскаго и Б. И. Сове.

Приближалось Рождество. Я послалъ Вселенскому Патріарху, вмѣстѣ съ рождественскимъ поздравленіемъ, подробное донесеніе о

Карловацкомъ нашемъ Совѣщаніи. «Наши епископы почему-то хотятъ отторгнуть меня отъ юрисдикціи Вашего Святѣйшества, но я и моя паства не согласимся на это, ибо въ отеческомъ покровительствѣ видимъ единственную крѣпкую опору своего каноническаго существованія...» писалъ я Патріарху. Подчеркивая нашу вѣрность Вселенскому Престолу, я лишь выражалъ то настроеніе, которое стало распространяться въ моей паствѣ подъ вліяніемъ ознакомленія съ притязаніями Карловацкихъ іерарховъ.

Отношенія мои съ «карловчанами» оставались неопредѣленными. Хотя острота враждебности ко мнѣ, какъ будто, нѣсколько смягчилась, но искренняго желанія братскаго общенія карловацкіе іерархи не проявляли. Не налаживалось и наше взаимное молитвенное общеніе.

Открытіе Епархіальнаго Собранія (въ іюнѣ 1936 г.) совпало съ кончиною настоятеля Александро-Невскаго Собора протопресвитера о. Іакова Смирнова, маститаго, глубокочтимаго пастыря, около 40 лѣтъ состоявшаго его настоятелемъ. Все епархіальное духовенство, прибывшее на Собраніе (около 109 лицъ), участвовало въ отпѣваніи, которое состоялось при огромномъ стеченіи народа (были даже представители другихъ юрисдикцій). Похороны превратились въ грандіозное и торжественное объединеніе — духовенства и паствы — у гроба любимаго пастыря. Трогательно и тепло провожали мы нашего дорогого о. Іакова въ жизнь вѣчную...

На первомъ же засѣданіи я ознакомилъ Епархіальное Собраніе со всѣми перипетіями моихъ взаимоотношеній съ «карловчанами» за послѣдній годъ и со всѣми обстоятельствами моей поѣздки въ Бѣлградъ, которая привела къ уродливому проекту «Временнаго Положенія», сводившему на-нѣтъ автономію Западно-Европейской епархіи и требовавшему моего отрыва отъ Вселенскаго Престола; дабы отвести атаку, я обусловилъ свое согласіе на церковно-административную реформу одобреніемъ ея церковнымъ народомъ представленнымъ на Епархіальномъ Собраніи, совѣщаніемъ моихъ епископовъ, благословеніемъ Вселенскаго Патріарха и признаніемъ всѣми автокефальными православными Церквами.

Послѣ меня большой и весьма обстоятельный докладъ сдѣлалъ гр. Коковцевъ. Онъ читалъ его два засѣданія и совершенно раскритиковалъ «Временное Положеніе», разъяснивъ Собранію, что этотъ проектъ своей централизаціей предусматривалъ лишеніе насъ всякой самостоятельности и сосредотачивалъ всю власть въ Карловацкомъ Синодѣ.

Атмосфера на Съѣздѣ создалась довольно напряженная. Одни его члены носились съ лозунгомъ «миръ!.. миръ!..», другіе относи-

лись къ этому лозунгу болѣе вдумчиво, сдержанно. Въ окруженіи Съѣзда сталъ дѣйствовать какой-то «Комитетъ Примиренія» съ участіемъ гр. Шуваловой; появились агитаціонныя брошюрки съ требованіями мира во что бы то ни стало. Но мы во-время остановили эту пропаганду на Съѣздѣ постороннихъ лицъ, чѣмъ парализовали энергичный натискъ «карловацкихъ» приверженцевъ и вызвали въ ихъ лагерѣ крайнее неудовольствіе.

Послѣ всесторонняго обсужденія и оживленныхъ дебатовъ «Временное Положеніе» было Съѣздомъ отвергнуто.

Что-же касается трудовъ о. С. Булгакова, то епископы, съѣхавшіеся на Собраніе, имѣли совѣщаніе и постановили отложить сужденіе о нихъ до окончанія работъ комиссіи богослововъ, которой я поручилъ разсмотрѣніе ученія о. Сергія о Софіи.

Подробное донесеніе объ Епархіальномъ Собраніи и его резолюціяхъ мы сейчасъ же отослали Вселенскому Патріарху.

Итакъ, моя поѣздка въ Бѣлградъ и всѣ усилія канонически оформить миръ церковный не привели ни къ чему. Съ прискорбіемъ вынужденъ былъ я признать фактъ непреодолѣннаго нами разрыва. Сбылось мое предсказаніе, или скорѣе предчувствіе, которое я высказалъ на первомъ совѣщаніи у патріарха Варнавы, что прежде нужно возстановить моральное единеніе, а потомъ уже думать объ административномъ. Письмомъ отъ 11-го августа я оповѣстилъ архіепископа Анастасія, какъ участника нашего Карловацкаго Совѣщанія (1935 г.), о постановленіи Епархіальнаго Собранія.

Осенью того же 1936 г. состоялся очередной Соборъ въ Карловцахъ. Хоть меня на Соборъ и звали, но я не поѣхалъ. Соборъ призналъ, что новый порядокъ управленія Русской Церковью за рубежомъ проведенъ въ жизнь быть не можетъ, потому что онъ мною отвергнутъ. Соборное опредѣленіе отклоняло мою ссылку на «волю церковнаго народа», яко-бы не признавшаго «Временнаго Положенія». «Голосъ паствы здѣсь вообще не можетъ имѣть рѣшающаго значенія», потому что такое постановленіе Епархіальнаго Собранія «несомнѣнно подготовлено и частично внушено докладомъ Епархіальнаго Совѣта и предварительно рѣчью самого митрополита Евлогія...» гласило соборное опредѣленіе. Далѣе оно привѣтствовало стремленіе мое и Епархіальнаго Съѣзда продолжать поиски путей сближенія, но энергично подчеркивало свою точку зрѣнія на мой экзархатъ: единство русской церковной юрисдикціи за рубежомъ можетъ осуществиться только, если я выйду изъ канонической орбиты Вселенскаго Престола... Касаясь моего имени, Соборное опредѣленіе пренебрежительно упоминало «митрополитъ Евлогій, именующій себя экзархомъ

Вселенскаго Патріарха». Совершенно непонятно, почему только «именующій себя», а не дѣйствительный, фактическій.

Архіепископъ Анастасій препроводилъ мнѣ текстъ этого опредѣленія.

Карловацкіе іерархи объяснили неудачу нашего объединенія моею неуступчивостью и рѣшили провести свое «Временное Положеніе» съ американскими епископами; а изъ неудачи они на первыхъ порахъ сдѣлали соотвѣтствующій практическій выводъ — отмѣнили соборное постановленіе 1935 г., въ силу котораго открывать параллельныхъ приходовъ было нельзя. Теперь они вскорѣ же поставили протоіерея Григорія Остроумова епископомъ Каннскимъ на Ривьерѣ, несмотря на то, что тамъ, въ Ниццѣ, уже находится архіепископъ Владиміръ. Впослѣдствіи судьба имъ за это отомстила... Когда Архіерейскій Синодъ хотѣлъ смѣнить своего священника въ Цюрихскомъ приходѣ (Швейцарія), прихожане разставаться съ любимымъ «батюшкой» о. Гусевымъ не захотѣли, а такъ какъ ихъ настоянію не вняли, они постановили обратиться ко мнѣ съ просьбой принять ихъ въ мою юрисдикцію. Такъ какъ на Карловацкомъ Соборѣ было отмѣнено упомянутое постановленіе Собора 1935 г. и это повело къ тому, что на основаніи этой отмѣны они поставили Каннскимъ епископомъ о. Григорія Остроумова, я счелъ возможнымъ поставить въ Цюрихѣ своего священника (о. Гусева). Карловчане подняли крикъ: «какъ это можно!.. какъ митрополитъ Евлогій могъ это сдѣлать!..» Архіепископъ Серафимъ и священникъ Д. Чубовъ написали мнѣ рѣзкія письма; прибѣгли и къ обычному, испытанному средству — оклеветали священника В. Гусева, стремились дискредитировать его и испортить отношеніе къ нему Швейцарскаго правительства, но это имъ не помогло.

Еще рѣшительнѣй было постановленіе Карловацкаго Собора 1936 г. относительно о. С. Булгакова. Была принята такая резолюція: оповѣстить главы всѣхъ автокефальныхъ Церквей о признаніи ученія о. Булгакова о Софіи ересью и одновременно организовать комитетъ, подъ предсѣдательствомъ гр. Граббе, для охраны православной вѣры отъ лжеученій. Главнымъ охранителемъ православной вѣры явился не священникъ, не епископъ, а титулованный мірянинъ...

Послѣ упомянутаго Собора всю энергію «карловчане» направили на Германію съ цѣлью отторгнуть отъ меня оставшіеся мнѣ вѣрными приходы и завладѣть нашимъ имуществомъ. Борьба велась епископомъ Тихономъ уже давно. Еще въ 1935 году онъ пытался устроить въ Висбаденѣ параллельный приходъ, съ протоіереемъ Вл. Востоковымъ во главѣ, и повелъ тяжбу изъ-за храма съ нашимъ настоятелемъ протоіереемъ П. Адамантовымъ. Въ результатѣ этихъ до-

могательствъ, запугавшихъ о. Адамантова, германское правительство наложило на наше имущество секвестръ, разсматривая его, какъ безхозяйное, и назначило для управленія имъ своего комиссара. Прот. Адамантовъ былъ такъ запуганъ, что не выдержалъ испытанія и перешелъ въ Карловацкую юрисдикцію. Теперь надо было ожидать, что и съ другими нашими храмами могутъ поступить такъ же. Еще до Собора 1935 года епископъ Тихонъ ходатайствовалъ передъ германскимъ правительствомъ о признаніи и легализаціи его, какъ главы православной Русской Церкви въ Германіи. Для этого, заявлялъ онъ, ему будетъ дано отъ Архіерейскаго Синода въ Карловцахъ особое удостовѣреніе, его полномочія подтверждающее. Несмотря на то, что я, будучи на Соборѣ (въ 1935 г.) подалъ меморандумъ патріарху Варнавѣ о церковной борьбѣ въ Германіи, создающей условія противныя всякой работѣ по объединенію, — борьба продолжалась. Тогда же епископъ Тихонъ предлагалъ мнѣ добровольно передать мои приходы, указывая на то, что они скоро получатъ государственныя права. Я отказался. Государственное признаніе, и вытекающія отсюда права, епархія Тихона, дѣйствительно, получила въ 1937 году; нѣмцы даже выстроили на государственный счетъ соборъ для признанной ими церковной организаціи.

Бороться намъ за свои права было трудно, особенно послѣ того, какъ германское правительство нашло возможнымъ дать легализацію только Карловацкой организаціи, а насъ лишило всякихъ правъ, въ томъ числѣ и имущественныхъ, въ отношеніи русскихъ церквей въ Германіи. Декретомъ Гитлера отъ 25-го февраля 1938 года всѣ церковныя имущества въ Германіи отдаются въ полное распоряженіе министра культовъ безъ права обжаловать его рѣшеніе по суду... Отнятое отъ насъ имущество передавалось «карловчанамъ». Такъ отняты были отъ насъ храмы: въ Висбаденѣ, Дармштадтѣ, Эмсѣ, Баденъ-Баденѣ, Штутгартѣ, Лейпцигѣ... Особенно тяжела была утрата храма въ Лейпцигѣ, на поддержаніе котораго нами потрачено было столько силъ и собрано съ огромными усиліями столько денегъ... Но что же дѣлать... — сила солому ломитъ!

Въ августѣ 1938 года состоялся Карловацкій Соборъ епископовъ, клириковъ и мірянъ. Соборъ этотъ былъ съ большими каноническими деффектами. Прежде всего: кто его созывалъ и въ какомъ церковномъ званіи былъ этотъ созывающій? Съ одной стороны, архіепископъ Анастасій продолжалъ себя именовать архіепископомъ Кишиневскимъ и Хотинскимъ; а съ другой, — митрополитомъ (чьимъ?) и возглавителемъ зарубежной Русской Церкви. Послѣдніе два титула очень сомнительны, ибо я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ бѣлый клобукъ возложилъ на него за чаепитіемъ покойный сербскій патріархъ Варнава... Еще болѣе было странно видѣть, что проживающіе

въ Сербіи клирики и міряне на Соборѣ участвовали, какъ представители епархіи въ Китаѣ, на Дальнемъ Востокѣ! Нѣчто совершенно непонятное.... Несмотря на эти дефекты, Соборъ явилъ великія притязанія — быть всезаграничнымъ, совершенно пренебрегая моей организаціей, имѣющей несомнѣнно болѣе канонический характеръ. Мало этого: онъ явно клонилъ къ тому, чтобы быть выразителемъ голоса всей Русской Церкви. По отношенію ко мнѣ онъ, конечно, проявилъ крайнюю агрессивную непримиримость: онъ составилъ особое постановленіе, въ которомъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ не только указывалъ на неканоничность моего обращенія къ Вселенскому Патріарху, но и грубо критиковалъ отношеніе ко мнѣ Вселенскаго Патріарха. Это было такъ несправедливо, что я, ревнуя о чести Вселенскаго Престола, долженъ былъ выступить съ опроверженіемъ. Дѣянія Собора отразились на нашихъ церковныхъ дѣлахъ въ Германіи. Былъ уволенъ еп. Тихонъ и отправленъ въ одинъ изъ сербскихъ монастырей. На его мѣсто былъ назначенъ епископъ Серафимъ (Ляде), изъ нѣмцевъ перешедшихъ въ православіе; онъ сталъ именоваться епископомъ Потсдамскимъ. Съ уходомъ еп. Тихона немного расчистилась атмосфера церковной жизни въ Германіи: ужъ очень она была удушливая, насыщенная всякой неправдой, интригами и страстями... Епископъ Серафимъ въ общемъ былъ человѣкъ порядочный, но безвольный. Большую энергію въ борьбѣ за Карловацкую юрисдикцію проявлялъ стоявшій тогда во главѣ русской эмиграціи генералъ Бискупскій: онъ старался склонить оставшіеся въ моемъ вѣдѣніи приходы къ переходу къ «карловчанамъ». Нѣмцамъ хотѣлось показать, что этотъ переходъ будетъ совершенъ добровольно, а не подъ ихъ насильственнымъ давленіемъ. И вотъ, тутъ-то и началась игра-борьба, тяжесть которой особенно сильно легла на плечи моего духовенства. Священниковъ призываютъ въ Министерство Культовъ и тамъ всячески уговариваютъ, даже съ угрозами, чтобы они вмѣстѣ съ прихожанами переходили въ Карловацкую юрисдикцію. Тоже дѣлаетъ и митрополитъ Анастасій по пріѣздѣ въ Берлинъ. Мои священники, къ чести ихъ сказать, остаются твердыми и непоколебимыми, — отвѣчаютъ, что они и прихожане уже опредѣлили свое каноническое положеніе и мѣнять его не согласны; что рѣшеніе этого вопроса превышаетъ ихъ компетенцію и по поводу него надлежитъ обратиться къ митрополиту Евлогію... Тогда начинается атака на меня. Ко мнѣ обращаются германскія власти съ предложеніемъ для блага Церкви отпустить мои германскіе приходы въ Карловацкую юрисдикцію. Митрополитъ Анастасій пишетъ мнѣ письмо («словеса лукавствія...»), что въ моихъ приходахъ причты готовы меня покинуть, и слово теперь только за мною, чтобы переходъ закрѣпить формально. Я отвѣчаю, что въ вопросахъ вѣры и Церкви я больше всего цѣню свободу совѣсти; мои прихожа-

не уже опредѣлили себя въ церковномъ отношеніи, ихъ позиція мною одобрена, и я не считаю себя обязаннымъ ломать ихъ церковныя убѣжденія... Тогда начинаются личныя нападки и утѣсненія моего духовенства со стороны германскаго правительства. Нашихъ священниковъ начинаютъ вызывать въ Гестапо, изводятъ допросами... Не добившись отъ нашихъ приходовъ заявленія о добровольномъ переходѣ въ Карловацкую юрисдикцію, видные ея сторонники пытаются овладѣть ими другимъ методомъ. Они разыскиваютъ среди прихожанъ элементы робкіе, неустойчивые, и всячески стараются ихъ распропагандировать и такимъ образомъ разлагаютъ приходъ. Такъ было съ Тегелевскимъ приходомъ при кладбищѣ въ Берлинѣ. До послѣдняго времени приходъ стоялъ твердо и единодушно подъ руководствомъ своего умнаго и энергичнаго настоятеля о. С. Положенскаго; потомъ вдругъ въ Приходскомъ Совѣтѣ явился одинъ голосъ за переходъ въ Карловцы; черезъ нѣкоторое время уже 4 голоса, очевидно, обработанныхъ кѣмъ-то. Постепенно отъ насъ откололи 1/3 прихожанъ... Окончательно добилъ приходъ неожиданный декретъ правительства о насильственномъ расторженіи съ нашимъ Братствомъ контракта на аренду кладбища (законный срокъ контракта истекалъ чередъ два года, т. е. въ 1940 г.). Актъ этотъ былъ явно незаконный. Безъ кладбища приходъ существовать не могъ, и мы вынуждены были его закрыть и присоединить къ нашему приходу св. равноапостольнаго кн. Владиміра. Новый ударъ, новая потеря... — но что же дѣлать? Мы предлагали создать центральный комитетъ для управленія русскими церквами въ Германіи изъ представителей той и другой юрисдикціи и такимъ образомъ согласовать нашу церковную работу, но Карловцы не согласились: очевидно, имъ нужно не объединеніе церковное, а подчиненіе насъ ихъ власти. На это мы не пойдемъ — будемъ бороться до конца, насъ могутъ взять (какъ уже и берутъ) только насиліемъ, и пусть на совѣсти тѣхъ, кто прибѣгаетъ къ такого рода средству, останется это недоброе, нехристіанское, нецерковное «душеводство»...

У меня въ Германіи осталось только три прихода: 1) Въ Берлинѣ, 2) въ Дрезденѣ и 3) въ Восточной Пруссіи. Надъ ними также занесенъ Дамокловъ мечъ...

Заключеніе

Въ заключеніе повѣствованія о пройденномъ пути моей жизни, я бы хотѣлъ высказать нѣсколько общихъ замѣчаній о моей пастырской дѣятельности, указать на ея внутренніе главнѣйшіе мотивы, а также подѣлиться своими думами о Церкви, которыя на протяженіи полувѣка какъ-то закрѣпились въ моей душѣ, стали ея достояніемъ, ея содержаніемъ.

Вся моя жизнь съ молодыхъ лѣтъ и по сей день обусловлена любовью къ св. Церкви. Органическая, глубокая любовь, унаслѣдованная отъ родителей, впитанная, такъ сказать, съ молокомъ матери. Церковь отпечатлѣлась въ душѣ моей, какъ цѣнность единственная, вѣчная, самодавлѣющая, превыше всякихъ другихъ цѣнностей жизни... Церковь въ насъ и внѣ насъ. Она откровеніе Царства Божія на землѣ, небо низведенное Христомъ на землю, Тѣло Христово. Чуждая прираженіямъ міра, она опора жизни и морали. Не сливаясь, не отождествляясь съ жизнью, вливаясь въ нее, она является обожествляющимъ, благодатнымъ ея началомъ, евангельской «закваской», благодаря которой жизнь бродитъ, преображается, пріуготовляясь къ божественному плану бытія. Чѣмъ жизнь грѣховнѣе, чѣмъ тяжелѣе ея бремя, тѣмъ участіе Церкви нужнѣе, и нужда въ ней настоятельнѣй. Церковь должна занять въ жизни центральное мѣсто. Всѣ сферы человѣческаго существованія и дѣятельности должны найти въ ней свое освященіе. Таково назначеніе Церкви, начиная съ первохристіанской эпохи. «Идите, проповѣдуйте всей твари...» сказалъ Господь, а ниспосланный Духъ Святой далъ первохристіанской Церкви такую благодатную силу вселенскаго воздѣйствія, что она перевернула весь міръ. Каноническая структура Церкви лишь форма организаціи ея земного существованія. Въ періодъ катакомбъ, какъ бы продолжавшемъ св. Пятидесятницу, можно было обойтись и безъ строгой внѣшней организаціи. Но когда выяснилось, что во мрежи христіанской проповѣди попали рыбы разныя, явилась необходимость создать крѣпкое постоянное ея устроеніе. Организація Церкви прочно сложилась въ эпоху Вселенскихъ Соборовъ, этого «Золотого вѣка», раскрывшаго все неисчерпаемое богатство, всю полноту даровъ живущаго въ ней св. Духа, хотя вмѣстѣ съ широтой ея распространенія и крѣпостью внутренняго устройства замѣчается нѣкоторое пониженіе

духовнаго настроенія. Того пламенѣнія, которымъ была преисполнена церковная жизнь въ первый періодъ своего существованія, въ періодъ мученичества, — такъ называемыхъ, чрезвычайныхъ дарованій — уже не повторялось.

Наша русская православная Церковь на протяженіи вѣковъ достигла пышнаго расцвѣта внѣшней организаціи. Можно сказать безъ преувеличенія, что по внѣшнимъ формамъ благолѣпія она могла соперничать съ древней Византіей, а можетъ быть, отчасти даже превосходила ее. Матеріально она была богата, мощна, не оскудѣвала и духовными дарованіями, являя изъ своей среды многочисленный сонмъ св. угодниковъ; только въ послѣдній, петербургскій, или синодальный, періодъ стало возбуждать тревогу у многихъ ея ревнителей несоотвѣтствіе внѣшняго величія, могущества и красоты съ ея внутреннимъ состояніемъ. Въ сферу церковнаго управленія и церковной жизни проникли бюрократическія начала, они-то и угашали горѣніе духа, замораживали живыя ея силы. Становится на очередь и обостряется старый, трудный, болѣзненный вопросъ объ отношеніи между Церковью и государствомъ — Градомъ Божіимъ и Градомъ земнымъ... Независимая отъ какихъ бы то ни было земныхъ вліяній, св. Церковь Христова, по самой своей природѣ, міру неподклонна, — слѣдовательно, и государству. Она голосъ самого Бога въ человѣческомъ, — личномъ и общественномъ, — сознаніи, въ совѣсти. И вотъ этотъ чудный даръ свободы и независимости наша русская Церковь не сберегла, и подпала подъ вліяніе государства. Политика вошла въ Церковь и значительно угасила горѣніе духа, связала, сковала свободу ея жизни, и Церковь, подчиненная государству, стала терять въ народѣ авторитетъ. Давно уже всѣ, кто горячо любилъ нашу православную русскую Церковь, тосковали о свободѣ Церкви, чуя опасность ея плѣненія государствомъ. Оно оказывало мощную матеріальную поддержку, но Церкви за нее приходилось дорого, слишкомъ дорого расплачиваться; оно брало отъ Церкви больше, чѣмъ само давало ей, давало блага тлѣнныя, матеріальныя, и заставляло поступаться тѣмъ, чѣмъ поступаться нельзя... И когда грянула революція, революціонный шквалъ глубоко потрясъ и синодальную русскую Церковь. Скованная нерасторжимо съ формами старой государственности, она больно почувствовала на себѣ удары революціи. Но по великому милосердію Божію, въ самые жуткіе дни большевицкаго переворота, — въ забастовку, пожары, уличныя сраженія на московскихъ улицахъ, подъ уханье пушекъ, пулеметную стрѣльбу... открылся Всероссійскій Церковный Соборъ. Ему суждено было положить основаніе новой церковной организаціи, построенной на иныхъ началахъ въ отношеніи Церкви къ государству. Хотя этимъ началамъ не суждено было войти въ жизнь, но для Церкви было спасеньемъ

самое провозглашеніе этихъ началъ. Жутко подумать, что бы было, если бы созвать Соборъ не удалось... Несмотря на всѣ ужасы гоненій, которые Русской Церкви потомъ пришлось пережить, въ ней затравленной, ограбленной большевицкой властью, вѣялъ новый духъ свободы, который укрѣпилъ ее духовно; она дала намъ много новыхъ мучениковъ, многихъ героевъ духа. Правда, привыкнувъ за вѣка къ государственной поддержкѣ, наша Церковь съ трудомъ справлялась съ благодатнымъ даромъ свободы: новая церковная организація стала раскалываться — въ Россіи, а впослѣдствіи и за рубежомъ — на новыя церковныя учрежденія, проявлялся духъ мірской демагогіи вмѣсто духа соборности, но это не умаляло громаднаго значенія того, что произошло: наша освобожденная Церковь возвращалась къ подлиннымъ нормамъ церковной жизни, и, при всемъ нашемъ внѣшнемъ неустройствѣ, было бы кощунственно сказать, что послѣ Всероссійскаго Собора 1918 г. съ православной Церковью въ Россіи все кончено...

Еще два слова о свободѣ Церкви. Въ рамкахъ церковныхъ догматовъ и каноновъ свобода Церкви есть основная стихія, голосъ Божій, звучащій въ ней: можно ли его связывать, заглушать? Внѣшняя связанность и подавленіе этого голоса ведетъ къ духовному рабству. Въ церковной жизни появляется боязнь свободы слова, мысли, духовнаго творчества, наблюдается уклонъ къ фарисейскому законничеству, къ культу формы и буквы, — все это признаки увядшей церковной свободы, рабства, а Церковь Христова существо полное жизни, вѣчно юное, цвѣтущее, плодоносящее... Съ глубокимъ благоговѣніемъ преклоняюсь предъ величайшимъ духоноснымъ апостоломъ христіанской свободы — св. апостоломъ Павломъ и радуюсь, что наше святое православіе соблюло въ неповрежденномъ видѣ этотъ даръ.

Что ожидаетъ русскую православную Церковь въ будущемъ? За послѣдніе 20 лѣтъ сатана сѣялъ безбожниковъ, сектантовъ, какъ пшеницу, или лучше сказать, какъ плевелы. Цѣлое поколѣніе выросло безъ вѣры, безъ Церкви, безъ какихъ бы то ни было церковныхъ идей. Надо будетъ вновь собирать русское стадо подъ кровлю Церкви. На что намъ надѣяться? Кто поможетъ нашей нищей, ограбленной Церкви? Католики организуютъ миссіи, матеріально прекрасно обставленныя, у нихъ уже наготовѣ штаты и кредиты на больницы, пріюты; готовы и «словеса лукавствія» въ видѣ проекта отождествленія православія съ «восточнымъ обрядомъ»... Что мы можемъ противопоставить этому могучему натиску Рима на нашу беззащитную нищету? Трудно гадать, что представляетъ теперь душа русскаго народа, какими ключами можно открыть ее? Соблазнятъ ее католики? сектанты? Матеріализмъ изживается не сразу. Думаю, намъ, недостойнымъ служителямъ православной Церкви, надо въ этой путани-

цѣ религіозныхъ, атеистическихъ и псевдоцерковныхъ теченій идти своимъ путемъ, безъ лукавства, безъ хитрости, строго блюдя чистоту ризъ православной Церкви. Сама чистота и правда православія, несомнѣнно, окажутъ неотразимое вліяніе на душу русскую, хотя и соблазненную и развращенную, но все же гдѣ-то, въ глубинѣ, не лишенную религіозныхъ корней православной мистики. Надо вѣрить, что наше историческое православіе, очищенное страдальческимъ подвигомъ, найдетъ путь къ сердцамъ.... На будущее нашей Церкви я смотрю оптимистически — иначе смотрѣть не могу. Побѣдитъ въ концѣ концовъ правда Церкви Христовой, — Истина и Свобода. «Познайте Истину и она сдѣлаетъ васъ свободными...» Но все же вопросъ о томъ, кто овладѣетъ душою русскаго народа, вопросъ грозный, и я понимаю страшную отвѣтственность, которая ложится на насъ, служителей православной Церкви, и какой повелительный призывъ обращенъ къ намъ, русскимъ православнымъ пастырямъ. «Сила Божія въ немощи совершается», малые сіи, безправные рабы, побѣдили въ катакомбахъ гордый Римъ. Поднимемся ли мы на такую высоту? Въ эмиграціи такого подъема нѣтъ, но тамъ, въ Россіи, въ глубокихъ нѣдрахъ русской народной жизни текутъ чистые могучіе родники, которые напояютъ жаждущія души. Священники-странники... Идетъ въ полѣ мужикъ, — оказывается не просто мужикъ, а «попъ-передвижка»: иконостасикъ на плечахъ, св. Дары за пазухой, богослужебныя книги въ котомкѣ; и ходитъ «передвижка» по русскимъ деревнямъ — вѣрный священнослужитель русской православной Церкви, обрѣтшей новыя катакомбы...

Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ я изложилъ мои церковныя думы, а теперь мнѣ бы хотѣлось разъяснить то недоразумѣніе, которое заставляетъ нѣкоторыхъ лицъ, не сомнѣвающихся въ искренности моей любви и преданности православной Церкви, спрашивать меня не безъ укоризны, почему я, сторонникъ государственно-національнической политической линіи въ Россіи, въ Западной Европѣ, въ эмиграціи, уклонился къ либерализму? Почему въ то время, какъ либералы послѣ революціонной катастрофы превратились въ консерваторовъ, я какъ бы «полѣвѣлъ»? Когда же я былъ наиболѣе искрененъ, — теперь или тогда?

Я допрашивалъ свою совѣсть и долженъ искренно сказать, что въ разные періоды исторической жизни я дѣйствовалъ и боролся на разныхъ позиціяхъ и въ разныхъ направленіяхъ, но неизмѣнно за единый нерушимый идеалъ—за Церковь. Церковь—центральная идея моей жизни. Слава, величіе, достоинство Церкви, любовь къ ней — вотъ та нить, которая связываетъ воедино всю мою біографію и обусловливаетъ всѣ мои «позиціи», всѣ изгибы и повороты на моемъ пу-

ти. Я всегда горячо вѣрилъ въ спасительную силу религіозно-церковнаго воздѣйствія на нашъ народъ, и борьба за Церковь являлась главнымъ мотивомъ, обусловившимъ направленіе всей моей дѣятельности. Съ этой цѣлью я принялъ монашество. Не идеалъ личнаго аскетизма привлекалъ меня (можетъ быть, это мой грѣхъ, каюсь въ немъ), а убѣжденіе, что монашество есть благодатное средство для сохраненія огня любви къ Церкви. Я хотѣлъ найти путь безпрепятственнаго, внѣ семейныхъ заботъ, безраздѣльнаго служенія Церкви, не размѣниваясь на мелочи житейскихъ попеченій. Впослѣдствіи мое служебное положеніе сложилось такъ, что всегда поддерживало во мнѣ напряженіе воли къ защитѣ св. Церкви отъ разнообраныхъ нападеній на нее, къ борьбѣ за ея достоинство и свободу. Мнѣ пришлось служить тамъ, гдѣ шла самая острая борьба за православіе. Въ Холмщинѣ я впервые позналъ, что такое систематическое униженіе нашей Церкви и нашего православнаго народа со стороны поляковъ-католиковъ. Я видѣлъ тамъ великолѣпные костелы и рядомъ наши ветхія покосившіяся бѣдныя церковки. Съ горячностью молодости я ринулся въ борьбу. Поднять забитый холмскій народъ, помочь ему, пробудить его религіозное и національное самосознаніе — какая высокая задача! Высокая, но и чрезвычайно трудная... Для борьбы была нужна поддержка. Я надѣялся найти ее въ государственной власти. Имѣлъ основаніе надѣяться, потому что сильная, свободная Церковь была государству нужна. Конечно, для защиты Церкви приходилось ладить съ государственнымъ чиновничествомъ и съ Государственной Думой. Ахъ, какъ трудно было нашимъ государственнымъ людямъ разъяснить значеніе православной Церкви и зажечь ихъ огнемъ сочувствія къ ней! Роковая антиномія... Чтобы защищать православіе отъ враговъ, надо было пользоваться поддержкой государства, а пользуясь поддержкой государства, приходилось жертвовать церковной свободой, самымъ главнымъ ея сокровищемъ. Съ помощью Божіей мнѣ какъ-то удавалось проходить между Сциллой и Харибдой, но какъ мучительна была эта борьба на разныхъ фронтахъ, тѣмъ болѣе, что я по природѣ не борецъ; я люблю миръ, покой, тихое, благодушное общеніе съ друзьями, даже со склонностью полѣниться.

Самая упорная борьба всей моей жизни была за свободу Церкви. Свѣтлая, дорогая душѣ моей идея... Я боролся за нее со всѣми, кто хотѣлъ наложить на нее руку, не отступая передъ тѣмъ, откуда угроза надвигалась, справа или слѣва, отъ чужихъ или отъ своихъ; и такъ же независимо, справа или слѣва, готовъ былъ принимать сторонниковъ и соратниковъ въ станъ борцовъ за Церковь. Приходилось отстаивать свободную церковную мысль, творчество, конечно, при условіи, чтобы оно было утверждено на незыблемыхъ началахъ Слова Божія и Церковнаго Преданія. Церковное творчество есть высшій

показатель церковной жизни, ея развитія, расцвѣта. Истину Христову я привыкъ воспринимать широко, во всемъ ея многообразіи, многогранности. Узкій фанатизмъ мнѣ непонятенъ и непріятенъ, и полемика, утверждающая «кто не съ нами, тотъ противъ насъ...», мнѣ кажется противорѣчитъ духу св. Евангелія. Я ищу искру добра вездѣ въ этомъ безконечномъ, необъятномъ Божіемъ мірѣ. Такъ, напримѣръ, будучи убѣжденнымъ монахомъ, я понимаю и чту христіанскую семью, и рѣзко-отрицательныя сужденія митрополита Антонія о семейной жизни я всегда выслушивалъ со скорбью. Все доброе, истинно-человѣческое хранитъ въ себѣ искру Божію и не должно быть намъ чуждо. Можетъ быть, этой обращенностью души моей къ міру, желаньемъ понять душу каждаго человѣка, найти Бога — и объясняется моя любовь къ природѣ, искусству, литературѣ и вообще ко всякой красотѣ въ жизни. Нерѣдко меня спрашиваютъ: «какъ вы до сихъ поръ читаете романы?» Я смущенно отвѣчаю: «да, читаю...» И вѣрно, — люблю слѣдить за литературой, стараюсь не пропустить очередного тома «Современныхъ Записокъ». Можетъ быть, въ этомъ погрѣшаю, ибо мнѣ подобаетъ отдавать свои досуги церковнымъ писаніямъ духовной литературы. Я считаю свѣтскую литературу однимъ изъ великихъ средствъ для воспитанія человѣческой души, почти столь же дѣйственнымъ, какъ природа, а вѣдь религіозно-воспитательное значеніе природы огромно. Какъ жаль, что современный человѣкъ все дальше и дальше отходитъ отъ природы! И какъ грубѣетъ, черствѣетъ душою, когда онъ лишается этого свѣтлаго, возвышеннаго и облагораживающаго вліянія въ большихъ городахъ съ фабриками и заводами, со всѣми ихъ техническими усовершенствованіями, со всѣмъ прославленнымъ комфортомъ! Я такъ всегда цѣнилъ патріархальную простоту провинціальной жизни! Быть можетъ, я даже склоненъ ее идеализировать, но я предпочелъ бы тихій русскій провинціальный городокъ, село или деревню — стоящимъ на вершинѣ современной культуры и цивилизаціи Парижу или Лондону; тамъ, въ тишинѣ и простотѣ житейскаго уклада, лучше познается и раскрывается таинственная глубина человѣческой души. А тутъ?.. Выйдешь на авеню Ваграмъ: свѣтящіяся рекламы, разноцвѣтные грубые огни, звонки кинематографовъ, и эта вѣчно куда то спѣшащая, суетящаяся, ко всему равнодушная, кромѣ своихъ личныхъ эгоистическихъ интересовъ, толпа... Въ такой суетѣ трудно мыслямъ сосредоточиться, и впечатлѣнія скользятъ по поверхности жизни, а душою овладѣваетъ какая-то безотчетная грусть, тоска... Люблю я и русскую народную старину и нашъ народный православный бытъ. Меня когда-то называли «мужицкій архіерей». Это прозвище я любилъ, оно отвѣчало моему тяготѣнію къ народу: церковнымъ «народничествомъ» я всегда немного болѣлъ. Люблю благолѣпіе нашего несравненнаго русскаго

православнаго культа, чудесныя пѣснопѣнія, красивыя облаченія, торжественныя архіерейскія службы... Я готовъ носить заплатанную рясу и жить въ самой скромной обстановкѣ, но въ Церкви люблю благолѣпіе, ревниво отношусь я и ко внутреннему убранству храмовъ, люблю, когда на всемъ лежитъ печать художественнаго вкуса.

Мой интересъ къ людямъ и ко всему, что въ мірѣ есть значительнаго и прекраснаго, связанъ въ своихъ корняхъ, какъ я уже сказалъ, съ чувствомъ свободы, которая для меня настолько живая дѣйствительность, что я не представляю себѣ ни христіанскаго отношенія къ міру, ни пастырства внѣ блюденія этой драгоцѣннѣйшей традиціи православія. Внѣшнее право, законъ... — значеніе этихъ основъ жизни я преувеличивать не склоненъ. Государство строится на юридической основѣ — на правѣ, а Церковь отводитъ юридическимъ отношеніямъ ограниченное мѣсто; область Церкви не право, а Правда, праведность. «По нужди и закону премѣненіе бываетъ», говоритъ великій ап. Павелъ (къ Евр. 7, 12). Не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка; если нужно, можно въ субботу и колосьями попользоваться. Какія чудныя страницы отведены наставленіямъ о свободѣ въ Евангеліи: о превосходствѣ благодати надъ ветхозавѣтнымъ закономъ, животворящаго духа — надъ мертвящей буквой! Случается мнѣ иногда не останавливаться передъ строгимъ блюденіемъ церковно-юридическихъ требованій. Вотъ, напримѣръ, больной вопросъ о расторженіи брака. Иногда разводу жизнь ставитъ неодолимыя препятствія. Нѣтъ нужныхъ документовъ и достать ихъ нельзя изъ совѣтской Россіи (изъ «Закса»), нѣтъ и денегъ, чтобы заплатить за издержки, а супруги, оказывается, уже лѣтъ 15-20 тому назадъ разстались, и теперь обзавелись новыми семьями. Въ этихъ случаяхъ, для избѣжанія беззаконнаго сожительства, я даю разводъ, даже съ нарушеніемъ строгой буквы закона. Не обвиню я и священника, если онъ когда-нибудь по нуждѣ кого-нибудь повѣнчаетъ безъ соблюденія нѣкоторыхъ формальностей (въ запечатанномъ конвертѣ храня до времени свидѣтельство о бракѣ). Я не врагъ закона, не анархистъ, но я и не рабъ закона. Одно рабство допустимо, говоритъ ап. Павелъ, — рабство Господу, но это рабство есть высшая свобода, ибо рабъ Божій есть его сынъ во Христѣ. И тутъ иногда я получаю укоризненныя письма: что вы смотрите! что дѣлаете! Оберъ-прокуроръ по васъ плачетъ!.. Обратите вниманіе — профессоръ вашего Богословскаго Института Федотовъ намѣревается читать лекцію «Евреи и христіанство», и т. д. А нападки на о. Сергія Булгакова? У «карловчанъ» не нашлось для него ни одного добраго слова, — только осужденіе: гордецъ! еретикъ! осудить! запретить!.. и проч. Развѣ такое безпощадное, жестокое, фарисейское отношеніе есть подлинное христіанство, церковный подходъ къ человѣку? Не изъ страсти противо-

рѣчія, не изъ желанія снискать популярность защищаю я о. Сергія Булгакова, а потому что знаю драгоцѣннѣйшія качества этого одареннаго, высоко-духовнаго пастыря.

Надо беречь внутреннюю, духовную свободу Христову и отъ политическихъ посягательствъ на нее и отъ узъ формальнаго воспріятія Правды Божіей. Однако, «свобода», «терпимость» не значатъ попустительство грѣху. Какъ прекрасно говоритъ объ этомъ св. апостолъ Павелъ (Гал. 5, 13)! Надо помнить, что въ этомъ отношеніи существуетъ грань непереходимая. Уступая въ несущественномъ, формальномъ, надо быть непреклоннымъ въ вопросахъ принципіальныхъ; когда затронута сердцевина Истины, совѣсть, тогда уступокъ быть не можетъ. Въ области церковно-административной это сказывается на моихъ отношеніяхъ къ епархіальному духовенству снисходительностью къ слабостямъ и отдѣльнымъ паденіямъ, т. е. ко грѣхамъ не принципіальнымъ, не затрагивающимъ христіанскихъ принциповъ пастырской совѣсти. Но если я вижу, что повреждены самые корни, тутъ я строгъ и непреклоненъ. Властью я пользуюсь осторожно, считая лучшимъ способомъ воздѣйствія не внѣшнія репрессіи, а внутреннія, — когда стремишься вызвать къ жизни то доброе, что таится въ душѣ человѣка. Но для этого надо умѣть терпѣть, ждать, когда сѣмена прорастутъ. Епархіальное духовенство и я — мы одна семья, со своими дѣлами и интересами (тутъ я допускаю нѣкоторый оттѣнокъ клерикализма), и, какъ всякая семья, мы стараемся «не выносить сора изъ избы».

Любовь ко Христовой Свободѣ опредѣляетъ и мое отношеніе къ монашеству. Любимое мое дѣтище! Въ его суровыхъ трехъ обѣтахъ я вижу многовѣковымъ опытомъ добытыя средства освобождающія человѣческую душу отъ всего, что ее опутываетъ, мѣшая ей свободно и беззавѣтно любить Бога и ближняго. Видѣть въ обѣтахъ самоцѣль — какое непониманіе самой сути монашества! «Богъ не Молохъ...» любила говорить покойная игуменья Лѣснинскаго монастыря матушка Екатерина. Нестяжаніе, цѣломудріе и послушаніе только пути къ достиженію высшей свободы. Человѣкъ, освободившійся отъ самости (самолюбія во всѣхъ его проявленіяхъ), неуязвимъ для обидъ, онъ являетъ великую моральную духовную силу, неотразимо дѣйствующую на другихъ. Вотъ почему соціальная работа миссіонерскаго монашества плодотворна лишь на фундаментѣ аскетизма: безъ аскетической основы она легко попадаетъ въ тенета страстей: самолюбія, гордости, взаимнаго соперничества, что не только мѣшаетъ успѣхамъ дѣла, но и просто его разрушаетъ. Какъ часто хорошо задуманное общественное начинаніе оказывается недолговѣчнымъ, умираетъ разъѣденное мелкими человѣческими страстями!

Въ заключеніе скажу, что въ своей церковно-административной

дѣятельности я мало руководствовался заранѣе установленной программой, а отвѣчалъ религіознымъ насущнымъ потребностямъ даннаго дня; «довлѣетъ дневи злоба (забота) его...» говоритъ Христосъ. Считаю терпѣніе огромной творческой силой: надо умѣть ждать, когда изъ посѣяннаго въ землю сѣмени покажутся ростки, и тогда, благословивъ эти прозябенія, надо всемѣрно помогать имъ расти, согрѣвая ихъ теплотою любви и молитвы; но и тутъ нужно терпѣніе: процессъ роста таинственъ, искусственно понуждать къ быстрому произрастанію безполезно, только помѣшаешь; можно лишь стараться создавать благопріятныя для развитія условія. Все живое въ Церкви такъ рождается, такъ растетъ, цвѣтетъ и плодъ приноситъ. Это великая тайна Церкви... Она ограничиваетъ область личнаго творчества и иниціативы пастыря, но и углубляетъ возлагаемую на него отвѣтственность за все, что стремится пробиться къ жизни и ожидаетъ, — какъ ждетъ брошенное въ землю сѣмя теплаго дождя и яснаго солнца, — благословенія и поддержки. Внѣ церковной свободы нѣтъ ни живой церковной жизни, ни добраго пастырства. Я хотѣлъ бы, чтобы мои слова о Христовой Свободѣ запали въ сердца моихъ духовныхъ дѣтей, и чтобы они блюли и защищали ее отъ посягательствъ, съ какой-бы стороны угроза ни надвигалась, памятуя крѣпко, что духовная Свобода — великая святыня св. Церкви.

Митрополитъ Евлогій въ день тридцатипятилѣтняго юбилея епископскаго служенія.

ПАМЯТИ МИТРОПОЛИТА ЕВЛОГІЯ

Восемь лѣтъ отдѣляютъ страницы «Заключенія» отъ кончины Митрополита. Годы катастрофъ, перемѣнъ и переживаній неизгладимыхъ... Къ сожалѣнію, именно объ этомъ періодѣ никакихъ послѣдовательныхъ записей Владыка не оставилъ. Я бы хотѣла, хоть въ самой малой мѣрѣ, заполнить этотъ пробѣлъ и подѣлиться своими воспоминаніями о встрѣчахъ и бесѣдахъ съ Владыкой за эти послѣдніе годы. Быть можетъ, они помогутъ запечатлѣть его образъ, какимъ онъ былъ въ заключительный періодъ его жизни.

Но прежде всего я хочу напомнить о праздникѣ въ «Татьянинъ день» 1938 года — о юбилеѣ тридцатипятилѣтняго служенія Митрополита въ епископскомъ санѣ. Въ своихъ мемуарахъ Владыка нигдѣ о немъ не упоминаетъ (и это понятно), а между тѣмъ, въ его жизни день этотъ былъ важнымъ событіемъ. «До смерти не забуду этого знаменательнаго и радостнаго для меня дня....» вспоминалъ онъ впослѣдствіи.

Торжественная Литургія... Митрополитъ и сонмъ духовенства: три архіерея, 22 священника, 7 діаконовъ. Три хора. Ослѣпительное блистаніе люстръ... Переполненный народомъ Александро-Невскій храмъ...

Послѣ богослуженія — рѣчи, подношенія, общеепархіальный адресъ съ безчисленными подписями, депутаціи отъ приходовъ... Вся епархія, до послѣдней церковной общинки въ какомънибудь глухомъ углу Франціи или за-границей, — всѣ единодушно отозвались на юбилей своего митрополита.

Вселенскій Патріархъ почтилъ торжество поздравительною граматою и большой наградой — правомъ носить во время богослуженій двѣ панагіи — привилегія, которой пользовались въ Россіи только патріархъ и митрополитъ Кіевскій.

Днемъ въ соборѣ былъ пріемъ депутацій (57). Это уже не церковно-приходскіе делегаты, а представители «мірскихъ» общественныхъ организацій, — благотворительныхъ, просвѣтительныхъ и проч. Владыка, сіяющій, торжественный, нарядный, въ

лиловой шелковой рясѣ, въ лентѣ св. Саввы, при звѣздахъ св. Анны и св. Владиміра... Поздравленія и адреса, адреса и поздравленія въ теченіе двухъ часовъ... И не только юбилейныя привѣтствія съ изліяніемъ чувствъ благодарности, преданности, почитанія юбиляра, но и оцѣнка культурной и общественной работы въ епархіи за долгіе годы эмиграціи.

Подъ сѣнью Церкви русскіе люди на чужбинѣ усердно трудились, охраняя и организуя, — матеріально и духовно, — свое существованіе. Кромѣ неутомимаго созиданія церквей и устроенія приходскихъ объединеній, они посвящали свою инициативу и энергію заботамъ о всестороннемъ просвѣщеніи, о матеріальныхъ и культурныхъ потребностяхъ, объ охранѣ русской науки, искусства, родной рѣчи и быта... Богословскій Институтъ, Политехникумъ, Консерваторія, средне-учебныя заведенія, профессіональныя и культурныя объединенія, дѣтскіе пріюты и лѣтнія колоніи, убѣжища для престарѣлыхъ, санаторія и амбулаторіи, благотворительные женскіе кружки и просвѣтительныя содружества молодежи... — всего не перечислить. Церковь, въ лицѣ своего главы, Митрополита, будучи центромъ эмигрантской жизни, одобряла и благословляла это общее дѣло.

Юбилей Владыки, столь торжественно и столь осмысленно отпразднованный, показалъ, что у эмиграціи есть сознаніе своего единства, своего пути и предназначеннаго ей долга. И тридцатипятилѣтіе архипастырскаго служенія Митрополита превратилось, для всѣхъ неожиданно, въ свѣтлое празднованіе творческаго соборнаго труда преодолѣвающаго зыбкость эмигрантскаго существованія...

Послѣ многолюднаго, многорѣчиваго дневного торжества наступилъ тихій вечеръ. И вечеръ необыкновенный: его ознаменовало великолѣпное сѣверное сіяніе... Надъ Франціей оно было такой силы свѣта, какого не запомнятъ послѣ подобнаго же небеснаго явленія въ началѣ столѣтія. Въ другихъ странахъ Европы оно наблюдалось тоже. Но въ Австріи и на Балканахъ его величественная красота казалась зловѣщимъ предзнаменованіемъ: небеса пылали кровавымъ огненнымъ заревомъ... Населеніе въ городахъ въ паникѣ высыпало на площади, на улицы, и колѣнопреклоненно молилось о предотвращеніи гнѣва Божія... (такъ это событіе описывали потомъ газеты).

На другой день кто-то изъ друзей сказалъ Владыкѣ:

— Вы встали на защиту свободы богословскихъ исканій въ полемикѣ по поводу ученія о Софіи, а вчера природа сѣвернымъ сіяніемъ произнесла свое таинственное «слово»...

Владыка отнесся къ напоминанію съ мягкой иронией:

— Спаси Господи, спаси Господи, но только и не понять, что это «слово» означаетъ...

1939 годъ проходитъ для Владыки подъ знакомъ болѣзни. «Приболѣзновалъ» онъ уже давно, но съ этого года онъ начинаетъ болѣть часто и разными серьезными недугами. Среди нихъ для него самый мучительный и морально-тяжкій — глухота. Она затрудняетъ общеніе съ людьми, лишаетъ оживленныхъ бесѣдъ, терзаетъ нервы той особой разъединенностью съ міромъ, которую знаютъ всѣ глухіе. Особенно сказывается эта утрата нормальнаго слуха во время богослуженій. Владыка плохо слышитъ возгласы сослужащаго ему духовенства, не различаетъ тона пѣснопѣній, не отдаетъ себѣ отчета въ силѣ звука собственнаго голоса, и его когда-то прекрасное, благозвучное служеніе становится все болѣе и болѣе тягостно-дисгармоничнымъ.

Владыка не только плохо слышитъ, но въ теченіе этого года ему случилось, въ дни обостренія своего недуга, буквально ничего не слышать.

— Когда однажды, войдя въ храмъ, я съ изумленіемъ спросилъ, почему въ переполненной народомъ церкви гробовая тишина, и мнѣ объяснили, что служба идетъ своимъ чередомъ, для меня это былъ такой нервный шокъ, что я едва устоялъ на ногахъ и до сихъ поръ, черезъ полгода, я чувствую послѣдствія этого нервнаго потрясенія... — откровенно повѣдалъ Владыка.

Съ этого года онъ начинаетъ ощущать свою инвалидность, свою слабость, безпомощность старости — и приближеніе конца... «Senectus ipsa morbus est», — со вздохомъ повторяетъ онъ.

Тяжкіе его недуги и общее болѣзненное состояніе заставляютъ съ этими печальными явленіями считаться: посѣтители Владыки боятся его волновать, утомлять, стараются его не раздражать, не прекословить..., а если это по неосмотрительности и случается, то потомъ оказывается, что они были виновниками тягостной ночи или тревожныхъ сердечныхъ явленій.

Нѣкоторыя его духовныя чада постепенно перестаютъ у него исповѣдываться: одни — чтобы его собою не утомлять, другіе — чтобы избѣжать смущающей на исповѣди глухоты... Утрату пастырскаго общенія съ нѣкоторыми любимыми духовными дѣтьми Владыка воспринимаетъ со скорбью.

Взаимоотношенія его съ людьми незамѣтно, но постепенно начинаютъ терять свою живую, легкую и чуткую проникновенность. Еще три-четыре года и общее болѣзненное состояніе начнетъ его уводить (тоже постепенно) въ тихую замкнутость «санаторскаго» уклада жизни съ неизбѣжными послѣдствіями такого

вынужденного уединенія — преобладаніемъ личныхъ переживаній и субъективизмомъ сужденій надъ полнотою объективнаго воспріятія дѣйствительности.

Этотъ постепенный уходъ изъ жизни длился почти шесть лѣтъ и имѣлъ свои лучшіе и худшіе дни, но въ общемъ это былъ періодъ непрестанныхъ физическихъ недомоганій, морально гнетущихъ переживаній, неизбѣжно сопутствующихъ тяжкимъ хроническимъ недугамъ.

И все же, несмотря на свои немощи, Владыка еще долго силенъ духомъ и руль церковнаго корабля, хоть и слабѣющей рукой, а держитъ онъ крѣпко.

Послѣ тревожной зимы 1939-1940, перваго полугодія войны, наступаетъ грозный май, за нимъ, — трагедія іюня... Въ нѣсколько дней Парижъ опустѣлъ и сталъ неузнаваемъ. Запертый, нѣмой, мертвый... Брошенная на произволъ судьбы красота и богатство... Всюду пустыня. Лишь кое-гдѣ встрѣчаешь послѣднихъ, запоздалыхъ бѣглецовъ нагруженныхъ поклажей, въ паникѣ бѣгущихъ къ заставамъ... Надъ городомъ сѣрое, низкое небо, на горизонтѣ клубятся черныя, какъ сажа, тучи: говорятъ, оставляя городъ, власти подожгли мазутъ... Въ отдаленіи ухаютъ пушки.. Съ утра ползутъ противорѣчивые слухи: не то сдадутъ столицу безъ бою, не то предстоятъ сраженія на улицахъ....

Въ этотъ темный, жуткій день я навѣстила Владыку.

Застала я его въ «гостиной», на диванѣ, среди смятыхъ подушекъ, въ будничной потертой рясѣ. Озабоченный, но спокойный.

— И самъ остался и распоряженіе священникамъ далъ — приходовъ не покидать. Нельзя храмовъ бросать и прихожанъ, которымъ дѣваться некуда. Добрый пастырь, — не наемникъ, — отъ овецъ «не бѣгаетъ»... За мной пріѣзжалъ гр. Коковцевъ, увезти меня хотѣлъ, но какъ паству покидать? Какъ всѣхъ васъ оставить?

Отъ словъ слабаго, больного Владыки вѣетъ силой духа и свѣтлымъ покоемъ надежды на Бога. Черезъ 30 лѣтъ, какъ когда-то въ великолѣпной Почаевской Лаврѣ, въ дни приближенія австрійскихъ войскъ, вновь зазвучалъ, но теперь уже въ Парижѣ, въ скромномъ церковномъ домикѣ на рю Дарю, архипастырскій призывъ къ мужеству, долгу, къ церковной дисциплинѣ... Призывъ этотъ и тогда и теперь воодушевляла надежда на заступленіе Богоматери. Эту надежду укрѣпило неожиданно-радостное событіе. Неизвѣстная дама-француженка г-жа М., какъ всѣ спѣшно покидавшая Парижъ, заѣхала на рю Дарю и передала о. настоятелю

икону Ѳеодоровской Божіей Матери: икона эта была вывезена г-жею М. изъ Россіи и бережно у нея хранилась. Прекрасная большая икона въ драгоцѣнномъ окладѣ. Не на храненіе въ храмъ привезла ее г-жа М., а принесла ее храму въ даръ*). Глубоко тронутъ былъ Владыка этимъ неожиданнымъ приношеніемъ, какъ и тѣ, кто о немъ узнали... Всѣмъ хотѣлось вѣрить, что чудный даръ — знакъ благоволенія Богоматери и милостиваго Ея обѣщанія заступничества въ тяжкіе дни предстоящихъ испытаній...

Утѣшенная надеждой вышла я отъ Владыки... Застала въ соборномъ скверѣ весь причтъ Стояли и прислушивались къ отдаленному гулу пушекъ...

Стало темнѣть... накрапывалъ дождикъ...

Германская оккупація... Зеленые мундиры всюду: на улицахъ, въ метро, въ магазинахъ... Солдаты облѣпили Парижъ, какъ саранча. И всюду красные флаги съ черной свастикой на бѣломъ полѣ. Въ праздники въ Тюильери, въ Люксембургскомъ саду или въ аллеяхъ Champs-Elysées, близъ Grand Palais, уныло-бравурные марши германскихъ военныхъ оркестровъ... На стѣнахъ домовъ очередныя распоряженія германскаго коменданта Парижа. Ходятъ слухи о предстоящихъ облавахъ на евресвъ, о массовомъ истребленіи ихъ въ Германіи... И опять музыка. И крикливыя походныя пѣсни проходящихъ войсковыхъ частей А по ночамъ топотъ патрулей въ темнотѣ гулкихъ и пустыхъ парижскихъ улицъ...

Въ эти дни Владыка сумраченъ, озабоченъ и печаленъ. Когда говоримъ о томъ, что кругомъ творится, онъ морщится и начинаетъ волноваться: «Насильники, насильники... и что они съ евреями дѣлаютъ!..»

Вначалѣ Владыку германскія власти не трогали, но потомъ онъ сталъ жаловаться, что его осаждаютъ какіе-то нѣмцы: они именуютъ себя «докторами» разныхъ наукъ, приходятъ съ переводчиками, пристаютъ съ разспросами о гоненіяхъ на Церковь въ Россіи, хотятъ узнать статистическія данныя, имена, подробности... «Мы васъ безпокоимъ, но это намъ нужно для научныхъ работъ...» Записываютъ что-то въ своихъ карманныхъ книжечкахъ и уходятъ, обѣщая вскорѣ возвратиться... Создается впечатлѣніе, что за Владыкой слѣдитъ Гестапо.

Въ это опасное время Владыка осторожно ведетъ церковный корабль. Началось отсиживаніе во вражьемъ станѣ, которому

*) Эта икона находится въ Александро-Невской церкви; надъ ней устроена художественная рѣзная дубовая «сѣнь».

официальное названіе — «лойяльность», а скрытая сила котораго — терпѣніе... Въ своихъ проповѣдяхъ Владыка говоритъ на общія темы вѣры и благочестія. Въ мѣру силъ служитъ въ соборѣ или ѣздитъ на храмовые праздники въ церкви Парижа и въ его окрестностяхъ.

Іюнь 1941 года... День Всѣхъ Святыхъ въ Россіи просіявшихъ... Война!.. Война съ Россіей — небывалая въ исторіи по количеству армій и вооруженія. Апокалиптическіе дни...

Военныя катастрофы у русскихъ на всѣхъ фронтахъ. Отступленіе до Москвы, Тихвина, Ростова... Рѣки крови... Горятъ деревни, лѣса, стираются съ лица земли древніе прекрасные города, умыкается населеніе... Впереди гибель неминуемая, не только существующаго государственнаго строя, но и самого народа вмѣстѣ съ нимъ: истребленіе, порабощеніе, до потери національнаго лица, до превращенія народа въ безкачественную массу «остовъ», которымъ одно опредѣленіе — цифры.

Владыка слѣдитъ за военными дѣйствіями въ страшной тревогѣ. Онъ подавленъ, онъ «самъ не свой»... — «Не сплю ночей... Не нахожу себѣ мѣста... Варвары!.. Какіе варвары!..» съ негодованіемъ восклицаетъ онъ. Его мучительно волнуетъ все: и военныя вѣсти, и слухи о массовой гибели отъ голода русскихъ военноплѣнныхъ въ Германіи, о страданіяхъ депортированнаго русскаго населенія на принудительныхъ работахъ... Когда нѣмцы перебросили русскихъ на работы во Францію, слухи превратились въ точныя свѣдѣнія: Епархіальному Управленію удалось послать кое-куда въ эти «каторги» священниковъ, и многое узналось, о чемъ догадывались. Бесѣды съ Владыкой оставляютъ впечатлѣніе глубокое: чувствуешь его состраданіе русскому горю, горячее, пламенное, и съ новой силой пробудившуюся въ его душѣ любовь къ своему народу. Жила она въ сердцѣ всегда (автобіографія свидѣтельствуетъ объ этомъ), и эмигрантскіе годы ее не угасили, но за двадцать-пять лѣтъ ни разу не было повода ее во всей полнотѣ и силѣ вновь восчувствовать. Нужна была война, призракъ трагедіи, гибели русскаго народа, чтобы она овладѣла всѣмъ его существомъ безраздѣльно...

Владыка говоритъ всегда теперь о Россіи, не можетъ не говорить о ней и, повидимому, его чувства и переживанія глубже и сильнѣе, чѣмъ можно ихъ выразить словами...

Я помню проповѣдь его въ маленькой церкви въ Медонѣ, лѣтомъ 1942 года. Владыка стоялъ на амвонѣ, устало опираясь на жезлъ, — сколь всѣмъ намъ знакомый обликъ нашего архипастыря! — но словно не митрополитъ въ день храмового праздн-

ника произносилъ свое традиціонное «слово», а престарѣлый отецъ повѣрялъ своимъ взрослымъ дѣтямъ завѣтныя и волнующія его думы...

— Потоками, рѣками льется сейчасъ русская кровь, омываются тяжкіе грѣхи революціонныхъ лѣтъ... Очистительныя, искупительныя страданія — проявленіе гнѣва Божія. Безъ крови нѣтъ и не бываетъ искупленія всенароднаго грѣха... Можетъ быть потомъ, по очищеніи, Богъ проститъ, Богъ спасетъ русскій народъ...

Въ эти страшные дни сраженій, лѣтомъ 1942 года, Владыка, казалось, былъ душою не столько «здѣсь», сколько «тамъ», въ Россіи. Могло ли быть иначе, когда вся его жизнь, церковно-общественная дѣятельность, самое монашество были только проявленіями его пламенной, самоотверженной, «народнической» любви? Въ своей біографіи онъ не скрылъ, что не для спасенія души онъ принялъ постригъ, а для служенія своему народу. Не нашло ли русское религіозное народничество свое краткое и точное, похожее на формулу, опредѣленіе и въ откровенномъ признаніи м. Екатерины, игумены Лѣснинскаго монастыря, по духу столь близкой Владыкѣ монахини: «Я стала монахиней скорѣй изъ любви къ народу, чѣмъ къ Богу?» Такая «народническая» любовь объемлетъ народъ, какъ «святыню», и во всей полнотѣ его бытія: исторія, вѣра и бытъ, родная земля и природа, которая эту землю украшаетъ, отпущенные ему дары — свойства и способности, которыя его отличаютъ отъ другихъ народовъ, — все дорого, незамѣнимо-единственно, почти... священно; въ реальности такая любовь не объединяетъ свой народъ со вселенской семьей, а разъединяетъ, выдѣляетъ, возноситъ и превозноситъ, даетъ ей неограниченную власть надъ своимъ сердцемъ...

Какія трепетно-живыя слова находитъ Владыка, чтобы изобразить возлюбленную русскую народную душу, чтобы дать почувствовать ея красоту!

...«Она такая мягкая и такая широкая, многогранная, таинственная, непонятная, загадочная, неудовлетворяющаяся земнымъ сытымъ житейскимъ благополучіемъ, а тоскующая о Богѣ, по небу, по граду Китежу — та душа, о которой сказалъ поэтъ, что «звуковъ небесъ замѣнить не могли ей скучныя пѣсни земли...» пишетъ Владыка въ своей маленькой печатной работѣ: «О нашей русской православной церковности» (1922 г. стр. 13). Не объ этой ли душѣ — погибшей?.. погибающей?.. — не о ней ли горькія думы безсонными ночами, на которыя онъ жалуется?.. Градъ Китежъ... — и страшное, страстное, подобное наваждѣнію, прельщеніе грубыми матеріальными благами, которымъ прежде русскій

народъ, такъ искренно, такъ праведно своей души безрадѣльно не отдавалъ... — какъ это противорѣчіе могло возникнуть, какъ его разрѣшить, какъ его теперь изжить?..

Зима 1942—1943 г.г. рѣшила судьбу Россіи. Нѣмцы докатились до Волги и наткнулись на твердыню Сталинграда; защита его вызвала въ странѣ бурю патріотическаго восторга. Героическій подъемъ съ новой силой охватилъ всю Россію. Началась борьба, на-смерть, двухъ народовъ: удачи и неудачи, временное продвиженіе, времснное отступленіе, смѣна надеждъ и тревоги (особенно лѣтомъ 1943 г.). Но далѣе все яснѣе, все отчетливѣе и съ каждымъ мѣсяцемъ все несомнѣннѣй, что Германіей война проиграна, и что германское отступленіе теперь уже окончательное...

Владыка внимательно слѣдитъ за военными событіями. При встрѣчахъ радостно говоритъ о продвиженіяхъ русскихъ армій, разсматриваетъ карту. Теперь добрыя вѣсти о войнѣ — его утѣшеніе, его отрада. На столѣ «Война и миръ». Онъ перечитываетъ Толстого съ живѣйшимъ интересомъ. «Сейчасъ мы вновь переживаемъ вторую Отечественную войну, тотъ же всенародный подвигъ спасенія родины...» говоритъ онъ.

Дальнѣйшія событія патріотическую его радость только усиливаютъ. Не о спасеніи русскаго народа отъ германскаго нашествія уже теперь рѣчь, а объ ошеломляющихъ военныхъ успѣхахъ «побѣдоноснаго русскаго воинства», за ними съ восхищеніемъ слѣдитъ весь міръ... Еще немного, полгода, и вскорѣ послѣ высадки союзниковъ во Франціи начало финала — разгромъ Германіи. Русскіе уже всюду: въ Пруссіи, Чехословакіи, въ Венгріи, на Балканахъ... Остается штурмъ Берлина... Сказочный отвагѣ осаждающихъ соотвѣтствуетъ баснословная мощь вооруженій — и Берлинъ взятъ!

Въ одинъ изъ этихъ побѣдно-финальныхъ дней я застала Владыку счастливымъ, сіяющимъ, вокругъ него лежали газеты, въ рукахъ былъ иллюстрированный журналъ: онъ любовался портретами совѣтскихъ маршаловъ...

— Смотрите, смотрите, подлинные орлы... Вотъ этотъ на Кутузова похожъ, а вотъ — Багратіонъ, а вотъ этотъ — Барклай... Какіе молодцы! Какія лица! Благообразныя, волевыя, умныя... — съ веселой улыбкой говорилъ онъ.

Когда разговоръ заходитъ о существующемъ въ Россіи государственномъ строѣ, Владыка на мгновеніе задумывается....

— Да... да... но національныя задачи могутъ, по произволенію Божію, выполняться путями намъ невѣдомыми... — убѣжден-

нымъ тономъ говоритъ онъ. — Россіи сейчасъ возвращается все, что мы утратили во время революціи. Пожалуй, и основной славянскій вопросъ разрѣшится — вѣковая задача.... вѣковая задача, завѣщанная предками.... Политика ведется національная, отвѣчающая интересамъ Россіи. Это ново. Это явленіе надо учесть... съ нимъ надо считаться... — И онъ вспоминаетъ дѣятельность русскихъ націоналистовъ въ прошлую войну...

Радость о побѣдахъ незамѣтно сливается съ воздыханіями о русской великодержавности, о новыхъ границахъ... Не тѣ ли самыя патріотическія чувства нашли свое патетическое выраженіе въ привѣтственной рѣчи, сказанной Владыкой въ день встрѣчи Государя во Львовѣ? — «...Ваши доблестные боевые орлы, сокрушивъ въ своемъ неудержимомъ стремленіи вражескія твердыни, взлетѣли на неприступныя снѣжныя Карпаты и тамъ, на самой вершинѣ, теперь вьетъ свое гнѣздо могучій двуглавый орелъ...»

Огромная непобѣдимая Россія, отъ Ледовитаго океана до Индійскаго (мечта!), гроза пограничныхъ сильныхъ державъ, покровительница малыхъ, сестра родная всѣхъ славянъ... и Москва — кто знаетъ! — быть можетъ, всемірный центръ Православія — грандіозная программа націоналистическихъ чаяній, казалось, теперь можетъ развернуться со всей убѣдительностью исторической реальности... И было такъ же убѣдительно, что Россія вознесена на вершину военной славы и справилась съ врагомъ, благодаря чьей-то желѣзной волѣ, жестокость которой многимъ бы хотѣлось оправдать пользой...

Въ тѣ дни побѣдъ впервые въ Зарубежьѣ стали раздаваться такія рѣчи среди русскихъ патріотовъ... Что-то незамѣтно сдвинулось, измѣнилось въ старыхъ привычныхъ оцѣнкахъ, начала меркнуть самая о нихъ память... Постепенно стало забываться незабываемое, — о чемъ говорили такъ часто съ амвона, въ печати, въ лекціонныхъ залахъ, въ семейномъ быту: о Соловкахъ, объ епископахъ-мученикахъ, объ осквернѣніи святынь, о тайной церковной жизни... Исторія перевернула страницу, и содержаніе слѣдующей поглотило вниманіе, такъ оно оказалось ново.

Это новое — прекращеніе въ Россіи гоненій на Церковь. Больше этого — согласіе во взаимоотношеніяхъ государства и Церкви. Государство уступило, допустило существованіе «своей» Церкви: непримиримое отыскало путь къ подобію примиренія...

Извѣстіе о прекращеніи гоненій, а потомъ о Соборѣ и избраніи патріарха Владыка воспринялъ, какъ великую радость духовной побѣды, связанную съ побѣдой на поляхъ сраженій, какъ

знакъ «прощенности» русскаго народа. Нахлынувшія новыя впечатлѣнія эту радость могли только укрѣплять.

Послѣ освобожденія Франціи, въ Парижъ изъ трудовыхъ и военныхъ лагерей наѣхало много совѣтскихъ людей. Новые, не похожіе на эмигрантовъ посѣтители нашихъ храмовъ. Не боясь ни огласки, ни преслѣдованій за вѣру, они во множествѣ притекали на церковныя службы. «Намъ теперь это позволено. И дѣтей крестить и въ церковь ходить...» бойко заявила мнѣ одна молодая дѣвушка.

Что-то было простодушное въ ихъ отношеніи къ религіозному культу. Неувѣренно разбираясь въ догматической сторонѣ своей вѣры, подчасъ недоумѣвая, что въ церкви говорятъ, читаютъ и поютъ, путаясь въ простѣйшемъ, — они тѣмъ не менѣе съ воодушевленіемъ посѣщали наши церкви, несомнѣнно ожидая для себя отъ этихъ посѣщеній чего-то хорошаго, отраднаго и утѣшительнаго.

Съ какою радостью глядѣлъ Владыка на новыхъ гостей!

...«Къ намъ въ церковь теперь приходитъ много нашихъ соотечественниковъ — мужчинъ и женщинъ, писалъ мнѣ Владыка (23-XI—44 г.). — Какіе они хорошіе, трогательные, особенно женщины, и какія благочестивыя! Когда было холодно, и онѣ пришли слишкомъ рано, и ихъ хотѣли напоить чаемъ, то старшая изъ нихъ сказала: нѣтъ, мы пришли сюда не для ѣды, а для души, до обѣдни чаю пить не будемъ! И вѣдь это говоритъ совѣтская женщина, о которыхъ мы думали, что онѣ совсѣмъ погрязли въ коммунизмѣ!.. Когда смотрю на эти родныя, открытыя русскія лица, у меня сердце кровью обливается. Вотъ овцы безъ пастыря. А лучше сказать, — съ ложными пастырями, съ волками въ овечьихъ шкурахъ, ибо, пока мы тутъ пререкаемся, не дремлютъ уніаты, сектанты и проч. Вотъ почему такъ хочется засыпать ровъ, отдѣляющій насъ отъ Россіи, чтобы скорѣе идти туда работать для русскаго бѣднаго (но великаго) народа...»

Эту новую толпу Владыка почувствовалъ сразу: ея волевую крѣпость, душевную молодость (стариковъ между ними почти не было), выносливость, религіозную непосредственность, а черезъ нихъ — и дубовую несокрушимость того ствола, котораго они вѣтки... Это «они» побѣдили лютаго врага, это «они» носители русской мощи! Эмиграція, по сравненію съ совѣтскими гостями, несмотря на всю свою «интеллигентскую» старую русскую культуру, казалась ему слабенькимъ, пересаженнымъ на чужую землю, растеніемъ... Не напоминали ли мы ему бѣдныхъ «холмичей», которыхъ вотъ-вотъ поглотятъ безъ слѣда чужая культура, чужая «вѣра»?..

Не значило ли насъ спасти, если насъ связать съ державнымъ русскимъ центромъ?

«...Вотъ русская молодежь, талантливая, образованная... Доколѣ она будетъ лить воду на чужія мельницы, крыть чужіе дома? Не пора ли идти на строительство своихъ родныхъ домовъ? Всѣ эти мысли такъ остро волнуютъ меня. Конечно, я не увижу этого новаго строительства. Мое здоровье плохо, и я уже потерялъ надежду на выздоровленіе и, вѣроятно, скоро умру. Но передъ смертью, такъ хотѣлось бы что-нибудь сдѣлать для родного народа...» пишетъ Владыка (23-XI — 44 г.). И далѣе въ томъ же письмѣ: «Разскажу вамъ о своихъ скитаніяхъ въ совѣтскомъ мірѣ, разыскивая путь русскаго народа...»

Владыка говоритъ здѣсь о своихъ первыхъ попыткахъ войти въ общеніе съ Московской Патріархіей при содѣйствіи совѣтскихъ дипломатическихъ инстанцій, съ цѣлью возсоединенія съ «Матерью Церковью». Мы знаемъ, что попытки эти безплодными не были, и зимою 1944—1945 г.г. у него завязались сношенія съ митрополитомъ Алексіемъ (вскорѣ патріархомъ Московскимъ), которыя впослѣдствіи развились и углубились.

Этой же зимою 1944—1945 г.г. на путь церковнаго національзма Владыка старается увлечь за собою и паству. Въ своемъ «словѣ» въ день пятидесятилѣтняго юбилея своего священства, 18 февраля 1945 года, онъ обращается къ ней съ открытымъ церковно-патріотическимъ призывомъ:

«Мать св. Церковь Русская зоветъ насъ къ возвращенію въ лоно свое. Уклонимся ли мы отъ этого материнскаго призыва? Довольно настрадалась душа наша въ изгнаніи на чужбинѣ. Пора домой. Высшая власть церковная обѣщаетъ намъ спокойное развитіе церковной жизни. Хочется облобызать родную русскую землю. Хочется успокоенія въ лонѣ родной Матери Церкви и намъ, старикамъ, чтобы найти послѣднее упокоеніе, а молодымъ и зрѣлымъ, чтобы поработать надъ возрожденіемъ Родины, залѣчить ея зіяющія раны. Безъ страха и сомнѣнія, безъ смущенія пойдемъ въ родную землю: она такъ хороша, такъ прекрасна...»

Это «домой», обдуманное и прочувствованное зимою 1944—45 г.г. подготовляетъ всѣ послѣдующія рѣшенія и дѣйствія Владыки до его кончины. Въ письмахъ той зимы, о которыхъ я упомяну, Владыка кратко излагаетъ свое «исповѣданіе», объясняя смыслъ своего православнаго національзма. Въ нихъ противопоставленъ идеалъ вселенскаго православія (а также вселенскаго христіанства) — національному русскому православію. Я приведу изъ этихъ писемъ нѣкоторыя строки.

«...Вчера мы съ вами говорили о національзмѣ. Конечно.

христіанство выше и шире національнаго и на вершинахъ его передъ Престоломъ Господнимъ нѣтъ ни эллина, ни іудея, равно какъ ни православнаго, ни католика, а есть только праведные и грѣшные и надъ ними единый Христосъ Богъ нашъ. Но пока мы живемъ на этой грѣшной землѣ, неизбѣжны, необходимы раздѣленія національныя и конфессіональныя. И противъ этого ничего не подѣлаешь. Національность (точнѣе народность), это голосъ крови, зараженный первороднымъ грѣхомъ, а пока мы на землѣ, мы несемъ слѣды этого грѣха и не можемъ стать выше его. (То же я думаю о конфессіональныхъ разностяхъ). Но будучи убѣжденнымъ національнымъ, т. е. вѣрнымъ и преданнымъ сыномъ своего народа, я, конечно, совершенно отвергаю тотъ звѣриный національнымъ, который проявляютъ теперь нѣмцы по отношенію къ евреямъ, равно, какъ будучи православнымъ, я чуждъ религіознаго фанатизма... Выше всего чту свободу во Христѣ. Вотъ въ самыхъ общихъ краткихъ словахъ мое исповѣданіе...» (Письмо отъ 26 октября 1944 года).

Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 23 ноября 1944 года):

«...Конечно... нужно подходить къ этому дѣлу объединенія русскаго народа съ большой осторожностью, но думаю, что основная линія взята мною правильно. Прекрасна идея вселенскаго православія, но путь къ ней черезъ національное православіе. Недаромъ Господь, устроя Единую Вселенскую Церковь, допустилъ созданіе національныхъ автокефальныхъ церквей. Вселенская идея слишкомъ высока, малодоступна пониманію широкихъ массъ народа. Дай Богъ утвердить его въ національномъ православіи...»

Вселенская идея для Владыки попрежнему высока и прекрасна, но теперь она уже не въ центрѣ его вниманія, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ объяснялъ и защищалъ единеніе Зарубежной Русской Церкви со Вселенскимъ Престоломъ, укрѣпляющее связь Русскаго Православія со Вселенскимъ Христіанствомъ. Въ «Воспоминаніяхъ» въ главѣ «Церковная Смута»*) мы находимъ слѣдующія строки:

«...Многіе и по сей день не понимаютъ цѣнности нашего единенія съ Вселенскимъ Престоломъ. А между тѣмъ, цѣнность этого единенія великая... Когда Церкви забываютъ о вселенской своей природѣ, когда обособляются, замыкаясь въ своихъ національныхъ интересахъ — эта утрата основного, главнаго предназначенія національныхъ Церквей есть болѣзнь и грѣхъ... Задача поддержанія общенія со Вселенской Церковью выпала на мою долю...»

*) См. стр. 628.

Митрополитъ Евлогій направляется въ Каѳедральную Александро-Невскую церковь 2 сентября 1945 года.

Теперь Владыка въ эту сторону не стремится и туда свою паству не зоветъ, а беретъ обратное направленіе — церковно-патріотическое, дабы вернуть Зарубежную Церковь національной стихіи.

Слабый, больной, съ головокруженіями, жалуясь на глухоту, на одышку, на безсонницу, окруженный бдительнымъ уходомъ, какъ тяжко больной-хроникъ, Владыка торопится осуществить задуманный имъ планъ возвращенія въ юрисдикцію Московской Патріархіи; онъ хотѣлъ бы какъ можно скорѣе это воссоединеніе канонически оформить, но ему приходится медлить... Въ письмѣ къ Патріарху Алексію (отъ 3 апрѣля 1945 г.) Владыка пишетъ: «Къ глубокому моему огорченію, въ значительной части моей паствы я неожиданно встрѣтилъ упорное отрицательное отношеніе къ этому дѣлу... И я опасаюсь, что мой поспѣшный шагъ по пути сліянія (съ Матерью Церковью) вызоветъ новый расколъ въ церковной жизни эмиграціи....» Далѣе въ томъ же письмѣ: «Предварительно обращенія къ Вашему Святѣйшеству намъ нужно еще испросить благословеніе на свое воссоединеніе съ Матерью Церковью отъ Вселенскаго Патріарха...»

Отношенія съ Москвою остаются неопредѣленными до сентября 1945 г. — до пріѣзда въ Парижъ полномочнаго представителя Московской Патріархіи. Этотъ пріѣздъ имѣлъ серьезныя послѣдствія.

Вопросъ о запрещеніи, наложенномъ на Владыку (и его духовенство) 15 лѣтъ тому назадъ, не обсуждался, былъ какъ бы преданъ забвенію, и пріѣхавшій Митрополитъ служилъ соборнѣ съ Митрополитомъ Евлогіемъ и его духовенствомъ въ Александро-Невскомъ храмѣ. Во время пребыванія въ Парижѣ московскій делегатъ вступилъ въ переговоры съ Митрополитомъ Евлогіемъ о возвращеніи его въ Московскую юрисдикцію — и въ результатѣ было подписано офиціальное ходатайство о воссоединеніи съ Москвою. Предварительно патріаршій представитель «увѣрилъ присутствующихъ (Митрополита Евлогія и его викаріевъ)..., что переговоры съ Константинополемъ по этому вопросу (о воссоединеніи) взяла на себя Москва, что согласіе Вселенскаго Патріарха, несомнѣнно, будетъ, а можетъ быть, уже и поступило. Митрополитъ Евлогій собственноручно записалъ объ этомъ въ протоколѣ и затѣмъ сообщилъ Патріарху (Вселенскому) Веніамину (въ докладѣ 1 октября 1945 г.).... Согласіе епископовъ на воссоединеніе было, очевидно, только условное.... Съ своей стороны, Патріархъ Алексій телеграммой отъ 4 ноября 1945 г. проситъ Патріарха Веніамина дать благословеніе Митрополиту Евлогію, его духовенству

и паствѣ на воссоединеніе съ Матерью-Церковью Россійской (такимъ образомъ увѣреніе (пріѣхавшаго) Митрополита.... было не точно)...» (Церковный Вѣстникъ Западно-Европейской Епархіи № 2, 1946 г., стр. 10; о томъ же стр. 2).

Въ отвѣтъ на ходатайство появляется Указъ Московскаго Патріарха отъ 11 сентября, № 1171, это ходатайство о воссоединеніи удовлетворяющее, — съ постановленіемъ Экзархатъ западно-европейскихъ церквей сохранить, а Митрополита Евлогія, его возглавляющаго, считать Экзархомъ Патріарха Московскаго.

Въ виду того, что на двукратное обращеніе Владыки въ Константинополь съ просьбой о разрѣшеніи вернуться въ юрисдикцію Московскаго Патріарха отвѣта не послѣдовало, Владыка до конца жизни оставался въ зависимости отъ Вселенскаго Престола и именовался Экзархомъ Патріарха Вселенскаго; одновременно Московскій Патріархатъ тоже считалъ его своимъ Экзархомъ.

Стремленіе Владыки вернуться въ лоно Русской Матери-Церкви и дѣйствія, предпринятыя для его осуществленія, не исчерпали его патріотическихъ пожеланій. Владыкѣ этого недостаточно, его планы простираются дальше — вернуться на родину, тамъ найти мѣсто послѣдняго упокоенія. И вернуться не одному, а со всей эмигрантской паствой — возглавить своего рода переселенческій таборъ, на подобіе того грандіознаго каравана съ чадами, домочадцами, скотомъ и скарбомъ, который онъ велъ изъ Галиціи въ Россію во время Великой войны (и привелъ въ Шубково)...

Но вмѣсто осуществленія этой патріотическо-иммигрантской мечты, въ отвѣтъ на его единоличное разрѣшеніе вопроса объ эмигрантской церковной судьбѣ, не считаясь съ голосомъ церковнаго народа и его не выслушавъ, въ епархіи нарастаетъ недоумѣніе, ропотъ и протестъ... Владыка въ ту зиму болѣетъ почти непрестанно, въ подлинномъ положеніи вещей онъ уже не можетъ дать себѣ яснаго отчета. Освѣдомлять его о глубокихъ разногласіяхъ, которыя назрѣваютъ въ паствѣ, даже его близкимъ кажется неосторожнымъ, такъ явно догораетъ его жизнь, такъ несомнѣнно всякая тревога ему не по силамъ...

Помню, я застала его въ креслѣ, въ подушкахъ. Длинные волосы перехвачены лсточкой. На плечахъ лиловый вязаный платокъ. На столѣ передъ нимъ длинная трубка-телефонъ, которой долженъ пользоваться посѣтитель, если хочетъ быть услышанъ. Рѣчь Владыки затрудненная, слегка лепечущая... Все его волнуетъ, утомляетъ, онъ легко плачетъ... Но доброта и ласка его къ людямъ все тѣ же...

Мы говоримъ на какія-то общія неволнующія темы, но само

собой бесѣда заканчивается его любимой и теперь единственно ему интересной темой — о Россіи.

— Вотъ тамъ, въ Россіи, подлинное могучее русское дерево, мы здѣсь всѣ лишь тончайшія его вѣточки... сорветъ насъ первая буря... Да... жить родиной, работать для нея, вернуться! Наша Русская Церковь — національная Церковь была и есть, и я плоти и крови преодолѣть не могу. Высшимъ христіанскимъ идеаломъ я жить не могу... каюсь, не могу... — съ глубокой искренностью говоритъ Владыка.

— А что же дѣлать тѣмъ, кто къ нему стремится? — спросила я.

Владыка задумался, помолчалъ, а потомъ сказалъ:

— Пусть остаются во Вселенской Патріархіи...

Въ послѣдній разъ я видѣла Владыку въ концѣ іюня (1946 года), за полтора мѣсяца до его смерти. Я пріѣхала передъ отъѣздомъ на каникулы съ нимъ проститься. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и равнодушно перелистывалъ старый томъ «Историческаго Вѣстника». Былъ онъ, какъ будто, физически бодрѣе, чѣмъ раньше, но жаловался на мучительно-безпокойныя ночи и на «короткое дыханіе». Мы ни о чемъ постороннемъ не говорили. Я боялась чѣмъ-либо его встревожить.

Въ его прощальномъ благословеніи слабой рукой, въ его доброй улыбкѣ, въ ласковомъ прозвищѣ, съ которымъ онъ ко мнѣ на прощаніе обращался (онъ иногда шутя называлъ меня именемъ писца пророка Іереміи) — во всемъ едва уловимо, но несомнѣнно чувствовалось, что это послѣдняя встрѣча...

Когда я вернулась въ Парижъ, мнѣ сообщили, что Владыка при смерти...

Я пріѣхала на рю Дарю. На улицѣ передъ храмомъ и въ церковномъ садикѣ въ этотъ предвечерній часъ все было тихо и пусто, какъ всегда. Но на крыльцѣ церковнаго дома мнѣ повстрѣчались заплаканныя старушки, мимо насъ быстро прошли въ садъ какіе-то люди, озабоченно о чемъ-то совѣщаясь. Протяжно гудѣлъ колоколъ.... Слышался громкій голосъ, кого-то оповѣщающій по телефону о предстоящей первой панихидѣ...

Владыка только что скончался... 8-го августа, въ 4 часа 55 минутъ.

Черезъ три дня были похороны при большомъ стеченіи народа. Изъ Москвы прибыли два архіерея. Богослуженіе длилось около 6 часовъ. Въ храмѣ было тѣсно: ко гробу до конца службы и не приблизиться... Несмотря на обще-русскую толпу, въ кото-

рой смѣшались «свои» и «не свои»; несмотря на то, что соборное служеніе духовенства всѣхъ зарубежныхъ расколовъ и взаимныхъ «непризнаній» должно было являть трогательную картину умиротвореннаго единства всей Русской Церкви, — благодатной гармоніи единодушія и единомыслія у гроба Владыки не чувствовалось... У многихъ было смятеніе въ мысляхъ и смущеніе въ сердцѣ, и только нѣкоторые (ихъ было не мало), ничѣмъ не соблазняясь, ни о чемъ до времени не разсуждая, въ простотѣ сердечной оплакивали дорогого усопшаго Владыку...

По окончаніи отпѣванія, гробъ на рукахъ духовенства былъ обнесенъ вокругъ собора при погребальномъ звонѣ, — и процессія направилась къ похоронным автокарамъ...

Владыку похоронили на русскомъ кладбищѣ въ S-te Geneviève des Bois, въ криптѣ прекраснаго храма во имя Успенія Божіей Матери, который онъ освящалъ въ 1939 году, съ такимъ благоговѣйнымъ восторгомъ, съ такою горячею благодарностью Богу...

На его могилѣ, согласно его волѣ и распоряженію, положена плита съ надписью: «Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному».

Послѣдній періодъ жизни Владыки и его уклонъ къ Москвѣ вызвалъ въ русскомъ разсѣяніи много споровъ. Послѣ его смерти разногласія приняли болѣе четкія очертанія и привели къ расколу. Оппозиціонныя настроенія нашли исходъ въ рѣшительныхъ «вселенскихъ» резолюціяхъ Чрезвычайнаго Епархіальнаго Съѣзда (16-20 октября 1946 г.), а слухъ, еще при жизни Владыки струившійся въ церковныхъ кругахъ о его тяжелыхъ душевныхъ переживаніяхъ, вызванныхъ перемѣщеніемъ Московской Патріархіей одного изъ его викаріевъ безъ предварительныхъ переговоровъ; назначеніе въ Парижъ, въ помощь по управленію, архіерея, командированнаго Москвою, не предоставивъ Владыкѣ возможности предложить своего кандидата, не оповѣстивъ о назначеніи.... — слухъ этотъ теперь пріобрѣлъ опредѣленность утвержденія. Нѣкоторыя близкія Владыкѣ духовныя лица и его друзья свидѣтельствуютъ, что въ упомянутыхъ церковно-административныхъ пріемахъ Владыка видѣлъ проявленіе пренебреженія къ нему, Экзарху — и это его огорчало. Встревоженный, удрученный, онъ жаловался, что его ввели въ заблужденіе. «Тяжко мнѣ...», «я поторопился...», «я его не звалъ (викарія изъ Москвы), я его не приму, меня никто не спрашивалъ... что это такое творится?...» — въ этихъ взволнованныхъ словахъ отражается растерянное недо-

умѣніе передъ реальностью возсоединенія, столь не соотвѣтствующей, въ пониманіи Владыки, правамъ іерарха, возглавляющаго Экзархатъ....

Не углубляясь въ подробности личныхъ переживаній покойнаго Архипастыря, надо, однако, сказать, что на направленіи его церковной политики они не отразились, а потому положеніе Зарубежной Русской Церкви ко дню его кончины оставалось попрежнему затруднительнымъ и сложнымъ.

Послѣ его смерти смута въ приходахъ и церквахъ стала стихать. Русская Церковь въ разсѣяніи, еще при жизни Владыки (въ 1931 г.) связавшая свою судьбу со Вселенскимъ Престоломъ, въ большинствѣ своихъ приходовъ осталась сму вѣрной; тѣмъ самымъ она вернула свою каноническую устойчивость и выпла вновь на путь мира и духовной свободы. Остальные приходы отошли къ Москвѣ. Мотивы и доводы согласныхъ и несогласныхъ съ «вѣрностью» были разнообразны, но если вдуматься въ смыслъ ихъ, то они сводились къ противоположенію двухъ теченій въ Русской Церкви: національнаго русскаго православія и православія, независимаго отъ опеки, давленія, союза, соглашенія или просто воздѣйствія исключительной заинтересованности дѣлами и задачами русскаго государства.

Это противоположеніе двухъ теченій, двухъ религіозныхъ идеологій не ново, оно проявлялось съ особой силой и въ наиболѣе отчетливыхъ формахъ въ эпохи усиленія государственнаго начала, всегда склоннаго использовать вѣру и Церковь для своихъ нуждъ и задачъ. Отразила его мистическая оппозиція «заволжскихъ старцевъ» на рубежѣ XV—XVI вѣковъ, въ періодъ образованія сильнаго Московскаго государства и вѣрной его союзницы — національной Русской Церкви; явилъ и протестъ пламенной, исповѣднической народной вѣры «старовѣровъ» въ XVII — XVIII вѣкахъ во время государственнаго насилія надъ народной совѣстью; нашло оно выраженіе и въ «старчествѣ» при Екатеринѣ II, возникшемъ въ отвѣтъ на безпощадное утѣсненіе монастырей (и монашества) въ интересахъ государственно-экономическихъ; знаетъ кое-что о коллизіи вѣры и власти — Церкви и государства и наша современность...

Святая Русь государственнымъ могуществомъ (военнымъ и политическимъ) или экономическимъ процвѣтаніемъ отечества, какъ смысломъ Христова дѣланія на землѣ. — не обольщалась, видѣла въ нихъ скрытый соблазнъ ухода и увода отъ Христа и хранила, какъ евангельскую жемчужину, какъ драгоцѣннѣйшее сокровище, безкорыстную, чистую, пламенную вѣру и любовь ко

Христу, которыя тончайшимъ чутьсмъ различаютъ, что отъ «міра сего» и что «не отъ міра сего»; и никогда не низводятъ христіанства съ его высоты для практическаго использованія.

Именно здѣсь, гдѣ-то на скрещиваніи двухъ теченій, и проявилось несогласіе во взаимоотношеніяхъ покойнаго Владыки со «вселенской» частью его паствы въ послѣдніе два года его жизни.

Среди бурнаго разлива національныхъ и патріотическихъ страстей, отъ котораго вся земля обнищала, а жизнь стала безобразна, превратна и жутко-безпощадна, нѣкоторые вѣрующіе люди въ разсѣяніи остались вѣрны, быть можетъ, даже ими ясно не осознанному предназначенію: въ мірѣ съ его культомъ матеріальныхъ достиженій — грандіознаго Вавилонскаго строительства — и политическихъ домогательствъ; со страстной и исключительной озабоченностью земными благами (хотя бы въ нихъ и входили, такъ называемыя, «культурныя цѣнности»), — свидѣтельствовать самымъ своимъ существованіемъ, что христіане всегда, а въ нашу эпоху въ особенности, странники и пришельцы на землѣ, «ибо не имѣемъ здѣсь постояннаго града, но ищемъ будущаго...» (Посл. къ Евреямъ 13, 14).

Т. Манухина.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНІЙ 5

Глава 1 — ДѢТСТВО 9
Глава 2 — ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ 18
Глава 3 — СЕМИНАРІЯ 23
Глава 4 — АКАДЕМІЯ 31
Глава 5 — ВЪ МІРУ 49
Глава 6 — ПОСТРИГЪ 57
Глава 7 — ПРЕПОДАВАТЕЛЬ СЕМИНАРІИ 66
Глава 8 — ИНСПЕКТОРЪ СЕМИНАРІИ 72
Глава 9 — РЕКТОРЪ СЕМИНАРІИ 90
Глава 10 — ВИКАРНЫЙ ЕПИСКОПЪ 125
Глава 11 — САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ЕПИСКОПЪ 161
Глава 12 — ЧЛЕНЪ 2-ой ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ 171
Глава 13 — ЧЛЕНЪ 3-ей ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ 189
Глава 14 — АРХІЕПИСКОПЪ ХОЛМСКІЙ..... 230
Глава 15 — АРХІЕПИСКОПЪ ВОЛЫНСКІЙ. — Война 242
Глава 16 — АРХІЕПИСКОПЪ ВОЛЫНСКІЙ. — Революція. Соборъ 284
Глава 17 — АРХІЕПИСКОПЪ ВОЛЫНСКІЙ. — Въ плѣну 316
Глава 18 — АРХІЕПИСКОПЪ ВОЛЫНСКІЙ. — Опять на родинѣ 346
Глава 19 — АРХІЕПИСКОПЪ ВОЛЫНСКІЙ. — Въ эмиграціи. Сербія 358
Глава 20 — АРХІЕПИСКОПЪ — МИТРОПОЛИТЪ ПРАВОСЛАВНОЙ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ. — Берлинъ 378
Глава 21 — МИТРОПОЛИТЪ ПРАВОСЛАВНОЙ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ:
1. Приходъ каѳедральной Александро-Невской церкви 409
2. Устроеніе старыхъ храмовъ и приходовъ 417
3. Новые храмы и приходы. — Сергіевское Подворье. Богословскій Институтъ 439

Стр.

4. Новые храмы и приходы. — Германія. Чехословакія. Бельгія. Италія. Норвегія. Голландія. Швейцарія 453

5. Новые храмы и приходы. — Франція. — Храмы въ Парижѣ и въ его окрестностяхъ..... 471

Кламаръ 471. — Галлиполійская церковь 472. — Бійанкуръ 473. — Медонъ 477. — Шавиль 479. — Аньеръ 482. — Пти-Кламаръ 485. — Церковь Преподобнаго Серафима Саровскаго (Парижъ) 487. — Озуаръ ля Феррьеръ 489. — Клиши 490. — Монружъ 492. — Сенъ-Морисъ 493. — Исси-ле-Мулино 495. — Севръ 495. — Сентъ-Женевьевъ-де-Буа 495. — Церковь Скорбящей Божіей Матери (Парижъ) 500.

— Храмы въ департаментахъ Франціи..... 500

Лиль 500. —Ліонъ 502. — Марсель 504. — Кнютанжъ 505. — Монтаржи 507. — Бельфоръ 508. — Крезо 510. — Южинъ 512. — Гренобль 515. — Виши 518. — Ромба 520. — Коломбель 522. — Каннъ-ля-Бокка 524. — Тулонъ 525. — Туръ (и Анжеръ) 527. — Бордо 528. — Сансъ 529. — Тулуза 532. — Безансонъ 533.

6. Новые храмы и приходы. — Миссіонерство и монашество 535

Церковь «Христіанскаго Движенія» 535. — «Православное Дѣло» и церковь Покрова Пресвятой Богородицы 540. —Французскій приходъ (Парижъ) 542.—Нантъ (Бретань) 544. — Финляндія (Выборгъ. Гельсингфорсъ) 545. — Марокко 548. — Миссіонерское монашество 554. — Индія 556. — Обитель «Нечаянная Радость» 563. — Монашеская община во имя Казанской иконы Божіей Матери 566. — Скитъ «Всѣхъ Святыхъ въ землѣ Россійской просіявшихъ» и храмъ на русскомъ военномъ кладбищѣ въ Сенъ-Илэръ-ле-Гранъ (близъ Мурмелона) 568-570.

Глава 22 — ЭКУМЕНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ 572
Глава 23 — ЦЕРКОВНАЯ СМУТА 603
ЗАКЛЮЧЕНІЕ 649

ПАМЯТИ МИТРОПОЛИТА ЕВЛОГІЯ 659

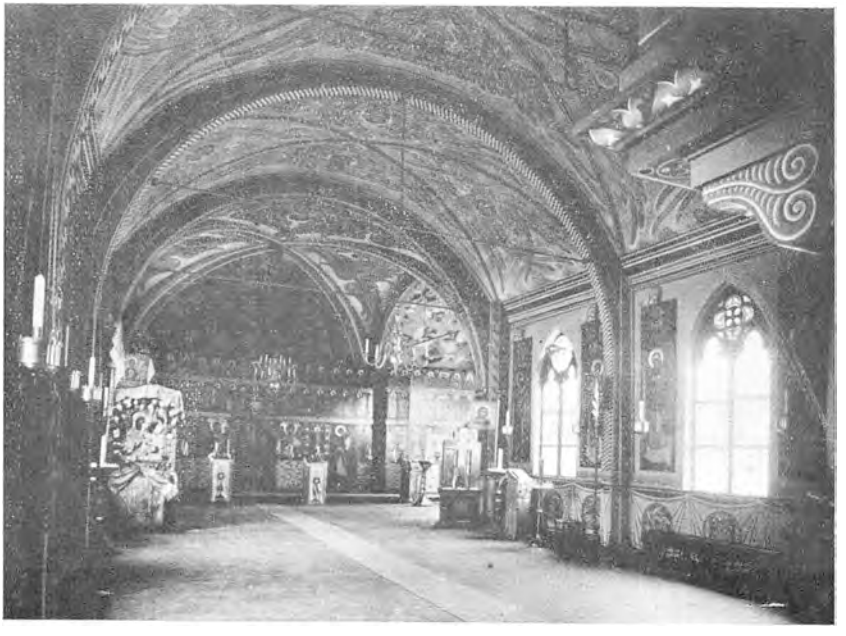
Impr. de Navarre. 11. rue des Cordelières, Paris.

1. Каѳедральная Александро-Невская церковь въ Парижѣ.

2. Сергіевское Подворье въ Парижѣ.

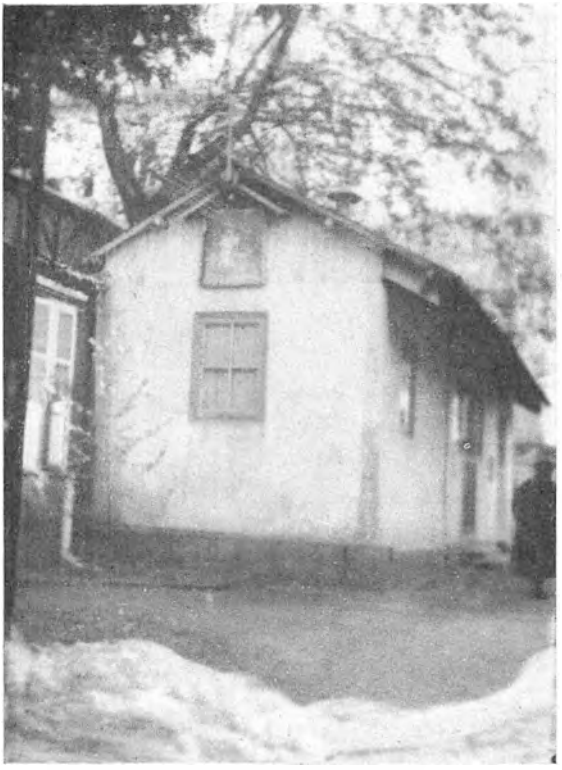

3. Храмъ Воскресенія Христова на военномъ русскомъ кладбищѣ въ Сенъ-Илэръ-лэ-Гранъ (Марна).

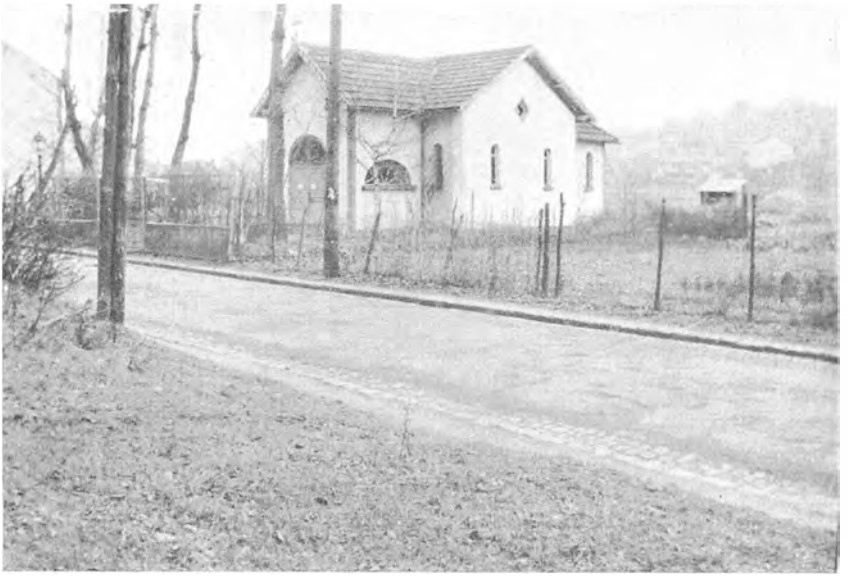

4. Церковь Успенія Божіей Матери на русскомъ кладбищѣ въ Сентъ-Женевьевъ-де-Буа.

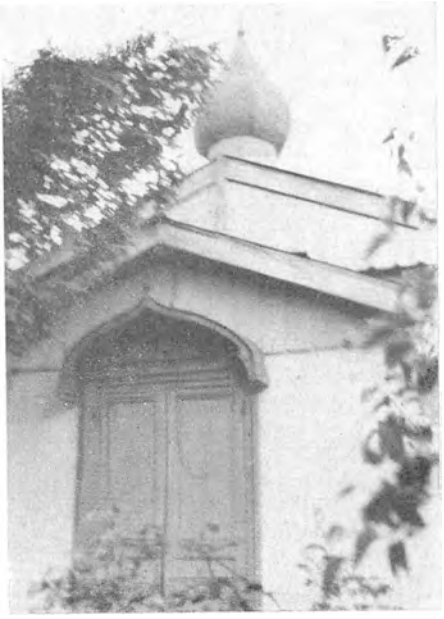
5. Церковь преп. Серафима Саровскаго въ Парижѣ.

6. Церковь во имя иконы Державной Божіей Матери въ Шавилѣ.

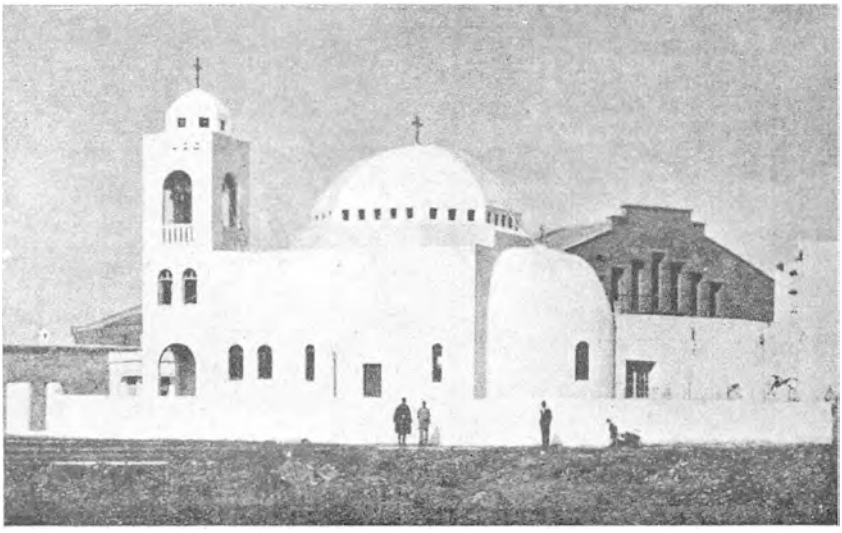
7. Церковь преп. Сергія Радонежскаго въ Коломбелѣ (Кальвадосъ).

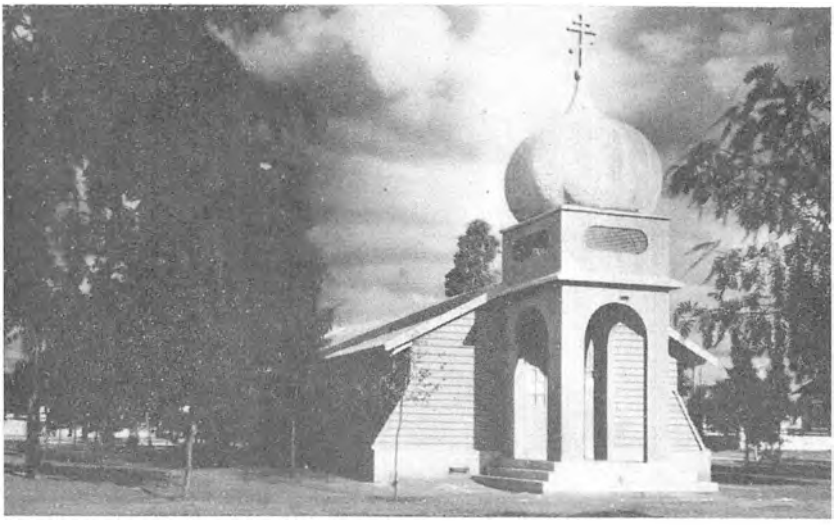
8. Церковь св. Іоанна Воина въ Медонѣ.

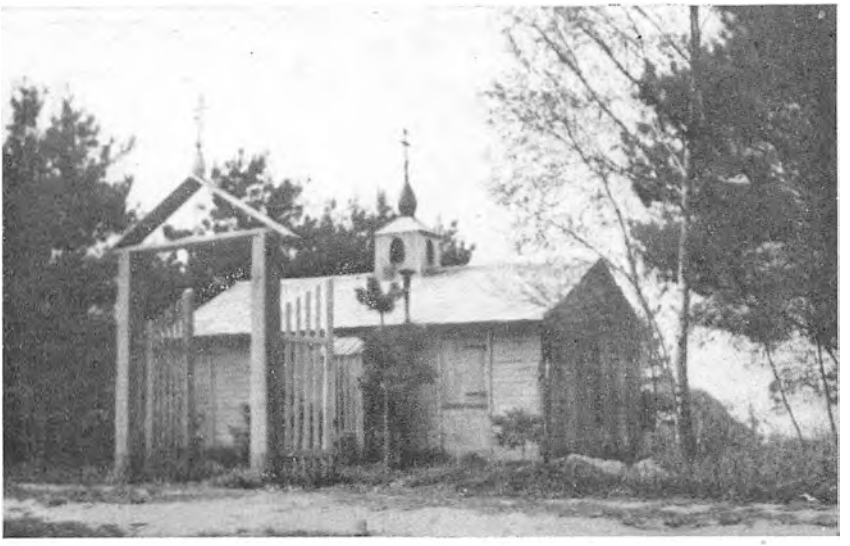
9. Церковь свв. Константина и Елены въ Кламарѣ.

10. Церковь Воскресенія Христова въ Рабатѣ.
(Марокко)

11. Церковь Святой Троицы въ Куригѣ (Марокко).

12. Скитъ Всѣхъ Святыхъ въ землѣ Россійской просіявшихъ въ Мурмелонъ-ле-Гранъ (Марна).

13. Церковь Преображенія Господня въ Индіи.
(Патали, Траванкоръ)

ГЛАВНЫЯ ОПЕЧАТКИ

СТР.	СТРОКА	НАПЕЧАТАНО	НАДО ЧИТАТЬ
34	4 сверху	способствовала	способствовали
36	15 сверху	Кушки	Кукши
38	9 снизу	эгвегетикѣ	экзегетикѣ
41	17 сверху	(Тимофѣева)	(Тимофеева)
42	15 сверху	не долюбливали	недолюбливали
50	14 снизу	заутреви	заутренѣ
52	1 снизу	ни	не
59	27 сверху	исповѣдовались	исповѣдывались
80	7 сверху	не при чемъ	ни при чемъ
94	1 снизу	бомбаньерка	бомбоньерка
103	18 сверху	такъ же	также
109	13 сверху	неуравновѣшеный	неуравновѣшенный
113	10 снизу	пострижницъ	постриженницъ
120	10 сверху	дышешь	дышишь
121	12 снизу	пасторской	пастырской
155	12 сверху	гнустнымъ	гнуснымъ
161	6 сверху	наростать	нарастать
185	11 сверху	комлектованіи	комплектованіи
191	11 снизу	стравнительно	сравнительно
197	8 снизу	нездержанностью	несдержанностью
210	13 сверху	колыхалось	колыхался
214	8 снизу	преосуществленіе	пресуществленіе
240	5 снизу	сердце	сердцѣ
266	7 сверху	случась	случалось
302	11 сверху	востановили	возстановили
341	19 снизу	явствъ	ястъ
401	7 сверху	Священнаго Синода	Священный Синодъ
427	3 снизу	свяществу	священству
568	19 сверху	они	нѣкоторые
569	2 сверху	Коротая	Каракая
643	4 снизу	сосредотачивалъ	сосредоточивалъ